ИСТОРИЯ США 3

ИСТОРИЯ США

ТОМ ТРЕТИЙ

1918–1945

Издательство «НАУКА» Москва 1985

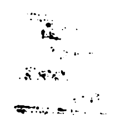
АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ

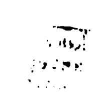

ИСТОРИЯ США

В ЧЕТЫРЕХ ТОМАХ

Т. 3 1918-1945

Издательство «НАУКА» Москва 1985

ВВЕДЕНИЕ

Третий том «Истории США» охватывает сравнительно небольшой период — от окончания первой до завершения второй мировой войны. Эти годы насыщены крупными историческими событиями, происходившими в значительной степени под воздействием Великого Октября. Победоносная пролетарская революция в России ознаменовала наступление новой эры в истории человечества; она положила начало революционному преобразованию и обновлению мира, его переходу от капитализма к социализму. Противоборство двух общественных систем определяло изменения в расстановке сил в мире и характер борьбы между ними. Все эти факторы оказывали влияние на Соединенные Штаты Америки, их экономику, политику, идеологию.

Рассматриваемая эпоха отличалась сложностью, напряженностью и противоречивостью, была исполнена тревог и социальных конфликтов. Неравномерно развивалась экономика США, испытывавшая подъемы и спады, переживавшая экономические кризисы. Наиболее глубоким, затяжным и разрушительным из них был мировой экономический кризис 1929—1933 гг., обнаживший все пороки капитализма и принесший неисчислимые лишения и страдания народным массам. Миллионы людей потеряли работу, оказались выброшенными на улицу, ненужными обществу. Голодные походы безработных, принявшие национальные масштабы, взбудоражили и взволновали страну. Массовая безработица породила глубокий пессимизм, разочарование, безысходность, острое чувство страха, безнадежности, утраты веры в социальные институты и доверия к правительству и одновременно — гнев и озлобление против существующего строя.

Разительные социальные контрасты между богатством и бедностью, изобилие, с одной стороны, и рост нищеты — с другой, неуверенность большинства американских тружеников в завтрашнем дне, лишение многих из них права на труд и нормальных человеческих условий жизни побудили Т. Драйзера написать полную гнева и возмущения книгу, которую он метко назвал «Трагическая Америка».

Пытаясь оздоровить экономику и ослабить остроту социальных противоречий, правительство Ф. Д. Рузвельта провозгласило «новый курс» и встало на путь проведения широких реформ. Тем не менее многие проблемы оказались неразрешимы. Государство бессильно было устранить главное — антагонизм между трудом и капиталом. Недовольство широких народных масс вызвало бурный подъем рабочего, профсоюзного и общедемократического движения, привело к серьезным изменениям и сдвигам в настроениях простых американцев. Поэтому эти годы нередко называют «бурными», «грозовыми», «красными тридцатыми». Некоторые историки определяют это время как «критическое десятилетие».

Крупные события происходили и в области внешней политики. После первой мировой войны США стали более активно действовать на международной арене, возросла экспансия американского капитала в различных частях света — в Латинской Америке, Азии и Европе. Борьба за рынки сбыта товаров, источники сырья и сферы приложения капитала

приобрела более напряженный характер. Столкновение империалистических интересов и стремление определенной группы стран к территориальному переделу мира привели в начале 30-х годов к образованию двух очагов войны — в Европе и на Дальнем Востоке.

Во время подготовки и развязывания второй мировой войны реакционным империалистическим блоком (Германия, Италия, Япония) правящие круги Соединенных Штатов проводили политику нейтралитета, которая объективно способствовала осуществлению этими государствами агрессивных экспансионистских планов. Отказ Вашингтона от поддержки последовательно проводимой Советским Союзом политики коллективной безопасности и курс на «умиротворение» агрессоров закончились для Соединенных Штатов трагедией в Пёрл-Харборе. Развитие международных событий побудило США вступить в войну на стороне антигитлеровской коалиции и быть одним из ее активных участников.

Годы второй мировой войны были отмечены в США бумом в области экономики, серьезными изменениями в ее структуре и усилением тенденций государственно-монополистического капитализма. «Большой бизнес» неслыханно наживался на войне. Корпорации получали огромные прибыли. Возросла интенсификация труда. Рабочий класс внес значительный вклад в развитие военного производства страны. Хотя и в годы войны рабочим приходилось, отстаивая свои права, прибегать к стачкам, в промышленности наступил относительно мирный период в отношениях между трудом и капиталом.

В целом американская история этих лет богата событиями социально-экономического, политического, а также военного характера. Они оказали определенное воздействие на духовную жизнь общества, на развитие науки, культуры, искусства, на настроения масс.

Советские историки-американисты внесли серьезный вклад в разработку всех аспектов истории США рассматриваемого периода. Историками-марксистами США также проведена значительная исследовательская работа, особенно в области раскрытия основных тенденций развития американского капитализма, истории рабочего класса, его освободительной борьбы, выступлений против господства монополий, за улучшение материальных условий жизни и политические права трудящихся. Обширна литература американских буржуазных историков; в ней содержится немалый документальный и фактический материал. Однако взгляды и концепции большинства этих авторов односторонни и тенденциозны. На них лежит печать классовой ограниченности.

Опираясь на достижения советской и прогрессивной американской историографии, на изучение архивных материалов, официальные публикации документов и другие источники, авторский коллектив стремился воссоздать общую картину развития страны, в едином комплексе исследовать экономические, социальные и политические проблемы, духовную жизнь американского общества, выявить наиболее характерные тенденции и черты в развитии государственно-монополистического капитализма США, вскрыть классовую сущность буржуазного государства, показать место и роль двухпартийной системы в политическом механизме страны и политике властвующей элиты, проследить возрастающее влияние монополий на внешнюю и внутреннюю политику США.

Анализируя эти проблемы, авторы выясняли причины нестабильного состояния экономики в межвоенные годы, характер и особенности кри-

зисов, имевших место в этот период. Значительное место отведено рассмотрению экономического бума 20-х годов, наступившего затем невиданного финансового краха, за которым последовал глубочайший промышленный кризис, сочетавшийся с хроническим аграрным. Он оставил неизгладимый след в национальной истории. Авторы исследовали методы, пути и средства, к которым буржуазия во главе с президентом Ф. Д. Рузвельтом прибегала для оздоровления экономики и выхода из кризиса, парализовавшего деловую жизнь страны. Отсюда интерес к вопросам происхождения, целям и задачам «нового курса», его экономическим и социальным последствиям.

Большое внимание уделено раскрытию классовой структуры американского общества, выявлению положения и роли общественных классов — буржуазии, рабочего класса и фермеров, изменениям в их структуре. Одна из центральных проблем — изучение положения и освободительной борьбы рабочего класса, организации им отпора наступлению крупного капитала. Раскрытие этих аспектов тесно связано с освещением вопросов, касающихся создания антимонополистического фронта во главе с рабочим классом, складывания демократической коалиции в годы «нового курса». Важно было показать размах и своеобразие антифашистского и антивоенного движений в США.

Усилия ученых были направлены на исследование причин, которые привели после «великой депрессии» к серьезным качественным изменениям в профсоюзном движении, что нашло отражение не только в росте тред-юнионов и повышении их активности, но и в обострении внутрипрофсоюзной борьбы, которая привела к кризису цехового юнионизма, гомперсизма, развитию широкого движения рабочих за создание профсоюзов по производственному принципу. Свидетельством тому явилось образование Конгресса производственных профсоюзов.

Большое место в томе — и это вполне понятно — отведено вопросам внешней политики и дипломатии США. Так, отражено их участие в создании Версальско-Вашингтонской системы, раскрыта классовая сущность и эволюция американского изоляционизма как политического течения во внутриполитической борьбе США в межвоенные годы, освещены цели политики нейтралитета, проанализированы советско-американские отношения на фоне развития международных событий, особенно в годы подготовки и развязывания второй мировой войны.

Важным аспектом явился анализ участия США во второй мировой войне, в частности проблем перестройки американской экономики на военные рельсы, организации государственного регулирования трудовых отношений, развития государственно-монополистического капитализма, отношения народа к войне. Прослеживается история открытия второго фронта в Европе и позиция США по этому вопросу, показана роль американских вооруженных сил на различных театрах военных действий: Тихоокеанском, Североафриканском, Европейском, а также разработка Вашингтоном планов стратегии войны, определение политических ее целей, рассмотрены роль США в союзнических отношениях и их позиция на конференциях глав правительств в Тегеране, Ялте и Потсдаме. Естественно, что особое внимание было сосредоточено на развитии советско-американских отношений в рамках антигитлеровской коалиции: прослежена эволюция во взаимоотношениях между союзниками, в первую очередь между СССР, США и Великобританией.

Перед авторским коллективом стояли сложные задачи: определить и выделить основные тенденции социально-экономического, политического и культурного развития страны, раскрыть их место в калейдоскопе событий, фактов и явлений, показать, какие социальные силы стояли за этими тенденциями и как складывалась объективная логика исторического процесса и его закономерностей.

Рукопись тома обсуждалась на заседании сектора истории США и Канады Института всеобщей истории АН СССР с привлечением широкого круга специалистов. В нем приняли участие Р. Ш. Ганелин (Ленинградское отделение Института истории СССР), Э. И. Иванян (Институт США и Канады АН СССР), преподаватели Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова А. С. Маныкин, Ю. Н. Рогулев, сотрудники Института всеобщей истории АН СССР Г. А. Агафонова, С. М. Аскольдова, И. А. Белявская, А. Е. Большакова, Н. Н. Болховитинов, Г. П. Куропятник, О. А. Ржешевский, О. Э. Туганова. Редколлегия и авторский коллектив благодарны всем высказавшим замечания, рекомендации и советы.

I

ЭКОНОМИКА И ПОЛИТИКА США В 20-е ГОДЫ

Глава первая

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ (1918—1923)

1. ИТОГИ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ. ПОЛИТИКА ПРАВИТЕЛЬСТВА ВИЛЬСОНА

Первая мировая война дала сильный толчок экономическому развитию Соединенных Штатов Америки. Они оказались в эти годы в необычайно благоприятном положении. Военные действия охватили почти все европейские страны, но совершенно не затронули Американский континент. Соединенные Штаты совсем не знали того массового разрушения производительных сил, которое на протяжении четырех лет изо дня в день совершалось в Европе. Американская армия приняла участие в военных действиях только с лета 1918 г., на завершающем этапе войны. Поэтому людские потери вооруженных сил США по сравнению с многомиллионными потерями других воюющих держав были невелики: примерно 50 тыс. человек убитыми и около 230 тыс. ранеными [1].

Соединенные Штаты с успехом использовали сложившуюся обстановку для своего дальнейшего обогащения. Они выступили в роли главного поставщика военных материалов, продовольствия и сырья воюющим странам Европы. Стоимость американского экспорта увеличилась за годы войны более чем втрое (с 2,4 млрд. долл. в 1914 г. до 7,9 млрд. в 1919 г.), а доля экспорта в валовом национальном продукте страны возросла за этот период с 6,2 до 9,4% [2]. Монополистическая буржуазия США извлекала громадные прибыли от доходных военных поставок. Один только моргановский «Стальной трест» получил за годы первой мировой войны более 700 млн. долл. прибылей, общая же чистая прибыль всех американских монополий в течение 1914—1919 гг. составила 33,6 млрд. долл. [3]

Гигантские средства, оказавшиеся в распоряжении корпораций, обеспечили новые крупные капиталовложения в американскую экономику. Начавшийся на этой базе промышленный подъем еще более увеличил

---

[1] Encyclopedia of American History / Ed. by R. Morris, J. Morris. N. Y., 1982, p. 372.
[2] Historical Statistics of the United States. Colonial Times to 1970. Wash., 1975, p. 224, 884.
[3] *Клод А.* Куда идет американский империализм. М., 1951, с. 41.

удельный вес Соединенных Штатов в мировом промышленном производстве, в то время как доля европейских империалистических конкурентов Америки значительно снизилась. К началу 20-х годов США давали почти половину мировой добычи каменного угля, около $^3/_5$ мирового производства чугуна и стали, $^2/_3$ добытой во всем мире нефти, 85% мирового выпуска автомобилей [4].

Следовательно, важным итогом развития США в 1914—1918 гг. было дальнейшее увеличение их экономической мощи, новое усиление их позиций в мировой экономике, закрепление за ними положения наиболее могущественной в экономическом отношении страны мира.

Еще большее значение имело то обстоятельство, что в результате первой мировой войны коренным образом изменился международный финансовый статус Соединенных Штатов. До войны они сильно отставали от других империалистических государств по размерам экспорта капитала. По данным на 1913 г., американские инвестиции за границей составили 2,6 млрд. долл. [5], или были примерно в 10 раз меньше заграничных инвестиций Англии, в 6 раз — иностранных капиталовложений Франции и в 4,5 раза меньше германских зарубежных капиталовложений. В то же время инвестиции европейских стран в США достигли к 1914 г. 7,2 млрд. долл., значительно превышая сумму американских иностранных капиталовложений.

Оплата громадных военных заказов, размещенных в Соединенных Штатах странами Антанты, привела к резкому сокращению европейских инвестиций в этой стране. К 1919 г. они уменьшились до 3,3 млрд. долл. В то же время потребности, созданные войной, послужили стимулом для огромного увеличения экспорта американского капитала. Главной его формой стали займы на военные нужды европейским странам. Общий их размер достиг к началу 20-х годов 11,1 млрд. долл. Кроме того, за время войны сильно возросли и частные инвестиции американских капиталистов за границей: в начале 20-х годов они составили около 7 млрд. долл. [6] Таким образом, вторым важным итогом войны стало превращение Соединенных Штатов в основного кредитора. Именно тогда Нью-Йорк стал международным финансовым центром.

В результате бурного экономического развития военных лет Соединенные Штаты вступили в новую фазу своей индустриальной эволюции. К началу 20-х годов они превратились в высокоразвитую индустриальную страну. При общей численности населения США в 105,7 млн., по данным переписи 1920 г., впервые в истории страны численность городского населения (54,2 млн.) превысила число сельских жителей (51,5 млн.). Из 42 млн. самодеятельного населения США примерно 25 млн. (около 60%) составляли рабочие, занятые в промышленности, на транспорте, в сельском хозяйстве и в сфере обслуживания [7].

Господствующее положение в экономике США в эпоху империализма прочно занимали крупнейшие монополистические объединения. Экономический подъем, вызванный потребностями войны, еще более ускорил про-

---

[4] Production Trends in the United States since 1870. N. Y., 1934, p. 147.
[5] *Фиск Г.* Финансовое положение Европы и Америки после войны. М., 1926, с. 352.
[6] *Громыко А. А.* Внешняя экспансия капитала: История и современность. М., 1982, с. 60, 84, 88, 89.
[7] Historical Statistics of the United States, p. 8, 11, 139—140.

цесс концентрации производства и капитала в Соединенных Штатах. Если в 1914 г. на долю нескольких тысяч наиболее крупных предприятий с годовой продукцией стоимостью свыше 1 млн. долл. приходилось 35% всех рабочих, занятых в обрабатывающей промышленности, то в 1919 г. они сосредоточили уже 57% рабочих. Удельный вес этих гигантских производственных объединений в продукции обрабатывающей промышленности увеличился за годы первой мировой войны с 48,5 до 68% [8]. Иными словами, к началу 20-х годов более половины индустриальных рабочих и свыше $^{2}/_{3}$ промышленного производства США были сконцентрированы в руках крупнейших монополий.

В период первой мировой войны, в условиях промышленного подъема, сокращения безработицы и повсеместного распространения сверхурочных работ уровень номинальной заработной платы в важнейших отраслях промышленности и транспорта США заметно повысился. Рост номинальной заработной платы в течение некоторого времени продолжался и после окончания войны. По официальным данным, среднегодовой заработок американского рабочего составил в 1920 г. 1407 долл., увеличившись по сравнению с довоенным уровнем более чем вдвое. Однако размеры повышения реальной заработной платы были несравненно меньшими, так как и в годы первой мировой войны и после ее окончания отмечался непрерывный рост стоимости жизни. По данным правительственной статистики, стоимость жизни в США в 1914—1920 гг. увеличилась вдвое [9], сводя на нет бóльшую часть прироста номинальной заработной платы. Что же касается ее абсолютных размеров, то у подавляющего большинства промышленных и транспортных рабочих, не говоря уже о занятых в сельском хозяйстве, она оставалась совершенно недостаточной, чтобы обеспечить нормальные условия жизни. По данным министерства труда, прожиточный минимум семьи из пяти человек в 10 крупнейших городах Соединенных Штатов колебался к началу 20-х годов от 2 тыс. до 2,5 тыс. долл. в год. Доходы более чем 90% американских рабочих семей не достигали этих размеров [10].

Немалые экономические трудности переживали и широкие массы городской и сельской мелкой буржуазии. После войны удельный вес этих групп в населении США оставался весьма значительным. Согласно переписи 1920 г., мелкие предприниматели, торговцы, фермеры, лица свободных профессий и другие мелкобуржуазные прослойки насчитывали примерно 14—15 млн. человек, т. е. не менее трети всего самодеятельного населения страны [11]. Доходы большинства представителей этих промежуточных групп населения были совершенно недостаточными. Так, по сведениям одного из обследований, проведенного в начале 20-х годов, более половины фермерских хозяйств получали менее 1500 долл. годового дохода [12], т. е. значительно меньше необходимого прожиточного минимума. Не лучше было и положение средних слоев городского населения, разорявшихся в острой конкурентной борьбе с трестами и концернами. Даже в годы первой мировой войны, в условиях относительно благо-

[8] Abstract of the Fourteenth Census of the United States. Wash., 1923, p. 1020.
[9] Historical Statistics of the United States, p. 168, 212.
[10] *Faulkner H.* American Political and Social History. N. Y., 1938, p. 650.
[11] Historical Statistics of the United States, p. 139—140.
[12] *Kirkpatrick E. L.* The Farmer's Standard of Living. Wash., 1926, p. 56.

приятной экономической конъюнктуры, в Соединенных Штатах было зарегистрировано около 83 тыс. случаев коммерческих банкротств [13].

Все эти экономические процессы еще более увеличили характерное для капиталистического общества неравенство в распределении национального дохода. Даже по официальным данным, на долю лиц, занятых наемным трудом, т. е. на бо́льшую часть населения США, приходилось к началу 20-х годов 53,2% национального дохода, остальные же 46,8%, или почти половина национального дохода страны, в основной своей части присваивались буржуазными слоями населения [14].

Экономическое господство монополистического капитала было подкреплено всей мощью буржуазного государства. В годы первой мировой войны оно в невиданной ранее степени усилило непосредственное вмешательство в процесс капиталистического воспроизводства. В целях быстрейшей мобилизации экономических ресурсов страны на военные нужды в Соединенных Штатах в 1917—1918 гг. были созданы Управление военной промышленности во главе с миллионером Б. Барухом и несколько отраслевых военно-хозяйственных управлений. В их функции входило распределение военных заказов, обеспечение промышленных предприятий сырьем, топливом, транспортными средствами и рабочей силой. В декабре 1917 г. правительство Вильсона приняло решение о передаче всех железных дорог под временное управление государства. Наконец, значительно возросла роль Федеральной резервной системы. Централизация банков дала в руки финансовой олигархии и тесно связанного с ней государственного аппарата важное орудие контроля над экономической жизнью американского общества.

Расширение военно-экономических функций буржуазного государства в годы войны повлекло за собой многократное увеличение расходов федерального правительства. В 1916 г., до вступления Соединенных Штатов в войну, они составляли 713 млн. долл., а в 1918 г.— 12,7 млрд., т. е. выросли всего лишь за два года почти в 18 раз [15].

Усилилось и вмешательство государства в социальные отношения, в первую очередь в отношения между трудом и капиталом. Основные задачи социальной политики руководимой им администрации президент Вильсон видел в обеспечении непрерывности процесса производства, предотвращении стачек и установлении «сотрудничества» между трудом и капиталом в целях достижения «промышленного мира» в стране. Немалую роль в осуществлении этих целей, по мнению президента, должны были сыграть профсоюзы. Не случайно в ноябре 1917 г. Вильсон выступил с большой речью на очередном съезде Американской федерации труда (АФТ). Глава Белого дома призвал рабочих отказаться от стачечной борьбы и сосредоточить свои усилия на переговорах о сотрудничестве с предпринимателями при посредничестве органов федерального правительства [16].

Для реализации этого политического курса в начале 1918 г. было создано Военное управление труда из представителей предпринимателей

---

[13] Historical Statistics of the United States, p. 912.
[14] Ibid., p. 236.
[15] Ibid., p. 1104.
[16] The Public Papers of Woodrow Wilson. War and Peace. Presidential Messages, Addresses and Public Papers (1917—1924): Vol. 1, 2 / Ed. by R. Baker, W. Dodd. N. Y.; L., 1927, vol. 1, p. 121—124.

и профсоюзов. Разработанные этим агентством «принципы управления отношениями между рабочими и предпринимателями военной промышленности» включали декларативное признание за рабочими права на организацию в профсоюзы и на заключение коллективного договора. Однако вслед за провозглашением этих прав Военное управление труда тут же существенно затруднило их фактическое использование организованными рабочими, наложив на них обязательство не прибегать к стачкам и другим активным действиям, «имеющим целью заставить других рабочих вступать в их организации или принудить заключить с ними договоры»[17]. Что же касается предпринимателей, то они никак не откликнулись на многократные призывы президента Вильсона проявлять сдержанность в повышении цен и не допускать дальнейшего роста стоимости жизни. Тем не менее общий либерально-реформистский курс социальной политики правительства Вильсона в годы первой мировой войны, в условиях особой заинтересованности предпринимателей и буржуазного государства в обеспечении непрерывности процесса производства, создал относительно благоприятную обстановку для борьбы американских рабочих за улучшение условий жизни и труда.

Переход к прямому государственному регулированию экономики и социальных отношений, происшедший в период первой мировой войны, свидетельствовал о том, что монополистический капитализм ускоренными темпами перерастал в государственно-монополистический капитализм.

Развитие государственно-монополистического капитализма в Соединенных Штатах продолжалось и после окончания первой мировой войны. Несмотря на то что с окончанием военных действий правительство Вильсона приступило к постепенному свертыванию федеральных органов военного регулирования, государственный контроль в ряде важных отраслей промышленности и транспорта США продолжал сохраняться, а размеры расходов федерального правительства не только не уменьшились, но даже увеличились. В 1919 г. они составили 18,5 млрд. долл., увеличившись по сравнению с максимальным уровнем военных лет еще на 45%. И только в 1920 г., после демобилизации огромной армии и свертывания военного производства, в Соединенных Штатах началось существенное сокращение государственных расходов, но и тогда по своим размерам они почти в 10 раз превышали максимальный уровень расходов федерального правительства, достигнутый в довоенный период[18].

Становление государственно-монополистического капитализма в США сопровождалось дальнейшим развитием соответствующих ему форм буржуазной идеологии. В первые послевоенные годы правительство Вильсона по-прежнему пыталось руководствоваться в своей социально-экономической политике постулатами идеологии неолиберализма, которая возникла еще в начале XX в., в период «прогрессивной эры», и которая предусматривала активное вмешательство государства в экономику и осуществление частичных либеральных реформ в социальной области.

В условиях обострения классовой борьбы, вызванного наступлением общего кризиса капитализма и глубоким идейным влиянием Великой Октябрьской социалистической революции, эта политика буржуазного реформизма была особенно необходимой для укрепления господства

[17] Цит. по: *Перельман З.* История тред-юнионистского движения в Соединенных Штатах. М.; Л., 1927, с. 161.
[18] Historical Statistics of the United States, p. 1104, 1114.

крупного капитала. Президент Вильсон, как дальновидный и реалистически мыслящий идеолог монополистической буржуазии США, хорошо понимал важность искусного социального маневрирования. «Крупные потрясения в мире, которые требуют немедленного рассмотрения трудностей во взаимоотношениях между трудом и капиталом,— заявил он 2 декабря 1919 г. в ежегодном послании конгрессу о положении страны,— заставляют нас навести порядок в собственном доме. Откровенно говоря, не может быть никакого постоянного и устойчивого урегулирования отношений между трудом и капиталом, пока не признаны фундаментальные права, за которые давно уже борются рабочие» [19].

В соответствии с этим глава демократической администрации не раз обращался к конгрессу с предложениями закрепить за рабочими право на организацию и на заключение коллективного договора, не допускать такого толкования антитрестовского законодательства, которое ущемляло бы интересы профсоюзов, признать «нерушимым» право рабочих на стачку. Только тогда, по словам Вильсона, можно надеяться на установление тесного «классового сотрудничества» между рабочими и предпринимателями и добиться того, чтобы «труд и капитал были не антагонистами, а равноправными партнерами» [20].

Вместе с тем в выступлениях президента Вильсона была с предельной четкостью выражена истинная классовая сущность неолиберального этатизма, направленного прежде всего на укрепление капиталистического строя. Глава Белого дома недвусмысленно заявил, что любые социально-экономические преобразования в условиях «демократического общества» должны осуществляться лишь «посредством упорядоченного процесса функционирования представительного правительства» и те, кто попытается выйти за эти рамки и выдвинуть революционные методы борьбы, должны рассматриваться как враги Америки, подавление которых представляет собой первейшую обязанность правительства [21]. Лейтмотивом почти всех публичных выступлений Вильсона в 1919 г. были предупреждения об опасности «русского примера» и призывы к беспощадной борьбе против «апостолов Ленина среди американцев» [22].

Руководствуясь подобной социально-политической философией, правительство Вильсона еще в годы войны и в особенности после победы Октябрьской революции в России вступило на путь репрессий против всех «опасных радикалов» в рядах участников рабочего и социалистического движения. На основании чрезвычайных законов военного времени, принятых конгрессом и законодательными собраниями многих штатов, уже в 1917—1918 гг. были арестованы и приговорены к длительным срокам тюремного заключения Юджин Дебс и некоторые другие видные деятели Социалистической партии Америки (СПА), а также все руководство левого профсоюзного объединения «Индустриальные рабочие мира» (ИРМ) во главе с Уильямом Хейвудом.

После окончания войны масштабы этой «охоты на красных» стали еще больше. И органы федерального правительства и власти штатов, охваченные «великим красным страхом», преследовали всех известных

[19] The State of the Union Messages of the Presidents, 1790—1966: Vol. 1—3 / Ed. by F. Israel. N. Y., 1966—1967, vol. 3, p. 2605.
[20] The Public Papers of Woodrow Wilson. War and Peace, vol. 1, p. 487.
[21] The State of the Union Messages of the Presidents, vol. 3, p. 2608.
[22] The Public Papers of Woodrow Wilson. War and Peace, vol. 2, p. 108.

своими радикальными убеждениями, в особенности тех, кто подозревался в сочувствии революционной России и в намерении перенести ненавистные буржуазии принципы «большевизма» в Соединенные Штаты. Более того, преследованию подверглись даже реформистские деятели СПА. Так, в ноябре 1919 г. был лишен мандата конгрессмена лидер правого крыла Социалистической партии Виктор Бергер. В январе 1920 г. законодательное собрание штата Нью-Йорк исключило из своего состава пять социалистов, незадолго до этого избранных в ассамблею штата жителями Нью-Йорка. На рубеже 1919—1920 гг. истерия по поводу пресловутой «красной угрозы» достигла апогея. По распоряжению министра юстиции США М. Пальмера по всей территории страны были проведены массовые полицейские облавы на «радикалов». Около 10 тыс. рабочих и представителей прогрессивной интеллигенции, схваченных во время позорных «пальмеровских рейдов», были брошены в тюрьмы или подверглись высылке за пределы страны.

В обстановке «охоты на красных» развернули свою погромную деятельность всякого рода шовинистические, расистские группы и объединения. Особую роль среди них играл «Американский легион» — общество ветеранов войны, основанное в 1919 г. по инициативе реакционного офицерства. Отделения легиона, распространившиеся по всей стране, не раз использовались для кровавых расправ над членами радикальных рабочих организаций. Так, в ноябре 1919 г. большая группа легионеров напала на помещение местной организации «Индустриальных рабочих мира» в небольшом городке Сентрейлия (штат Вашингтон), захватила группу находившихся там рабочих и учинила суд Линча над одним из активных членов местного отделения ИРМ У. Эверестом, осмелившимся оказать сопротивление бесчинствам легионеров. Убийство Эвереста послужило сигналом для разгрома организаций ИРМ по всему штату. «Подвиги» легионеров Сентрейлии стали образцом для многих других организаций «Американского легиона», который являлся в те годы важным орудием реакционных групп крупного капитала в борьбе против левых сил рабочего движения.

Курс монополистической реакции на подавление любых проявлений радикализма создал благоприятную обстановку и для возрождения террористических отрядов Ку-клукс-клана. Новый этап в деятельности этой организации начался как раз в 1919—1920 гг., в самый разгар борьбы против пресловутой «красной угрозы». Именно тогда куклуксклановцы, не ограничиваясь одними лишь южными штатами, распространили свои погромные рейды на некоторые штаты Севера, неся с собой волну кровавого террора не только против негров, но и вообще против всех «иностранцев» и «радикалов». К концу 1920 г. в рядах Ку-клукс-клана насчитывалось уже несколько сот тысяч членов [23]. В некоторых штатах Юга и Севера он стал превращаться в заметную политическую силу.

Наступление ультрареакционных групп на позиции демократических сил страны проходило под ура-патриотическими лозунгами «защиты американизма». С трибун конгресса и законодательных собраний штатов, с церковных кафедр и со страниц газет и журналов изо дня в день звучали истерические призывы к «спасению» Америки от большевизма и других «разрушительных иностранных влияний». Малейшие отклонения

---

[23] *Иванов Р. Ф., Лисневский Э. В.* Ку-клукс-клан. М., 1981, с. 48.

от официальных догм или отказ от традиционных славословий в честь «американского образа жизни» относились в разряд «антипатриотических» действий, для борьбы с которыми, по словам одного из ревностных проповедников «американизма», хороши были любые средства, вплоть до тех, которые можно было «приобрести в ближайшей оружейной лавке» [24]. Выступая в конгрессе в феврале 1919 г., член палаты представителей социалист Мейер Лондон говорил: «Хуже всего то, что на всякое новое движение, на любую оригинальную идею, свежую мысль, необычное предложение немедленно наклеивается ярлык большевизма. С человеком, выдвигающим новую идею, теперь уже не надо спорить. Чтобы отвергнуть ее, достаточно сказать: „Это большевизм“» [25].

Поход монополистической реакции против всех сил прогресса активно поддержали и консервативные круги протестантской церкви. В 1919 г. на съезде в Филадельфии они объединили свои усилия, образовав Всемирную христианскую ассоциацию фундаменталистов [26]. Последователи этого религиозного учения, особенно многочисленные в отсталых сельских районах Юга и Запада, были сторонниками ортодоксального толкования всех библейских догм. В противовес учению социального христианства, энергично выступавшего тогда как своеобразный религиозный вариант либерально-буржуазного реформизма, фундаментализм защищал идею неизменности существующего социально-экономического строя Соединенных Штатов и предавал проклятию все либеральные, радикальные и тем более социалистические доктрины.

Одним из важнейших лозунгов ревностных защитников «американизма» было требование принятия «сухого» закона. Наиболее энергично в этой пропагандистской кампании действовали многочисленные религиозные и общественные антиалкогольные организации, которые с давних пор существовали в стране, проповедуя протестантскую догму о необходимости и желательности повышения морального уровня жизни широких масс населения путем общественных действий в целях запрещения или по крайней мере ограничения потребления алкоголя. В условиях войны, когда значительно увеличился экспорт зерна, когда крупный капитал был особенно заинтересован в бесперебойном ходе производства и в резком повышении производительности труда рабочих, агитация за запрещение производства и употребления спиртных напитков была поддержана значительной частью деловых кругов, которые придали ей характер «патриотического» движения. В декабре 1917 г. конгресс утвердил «сухой» закон в качестве XVIII поправки к конституции США. И в период ратификации этой поправки штатами и после вступления ее в силу в январе 1920 г. сторонники «сухого» закона намеренно выдвигали его в центр политической борьбы в стране, а наиболее воинственные из них неустанно обличали противников этого законодательного акта как «большевиков» и «разрушителей цивилизации».

Обозначившееся после окончания первой мировой войны усиление репрессивных тенденций во внутренней политике, активизация сил монополистической реакции, общая обстановка разгула шовинизма и нетерпи-

---

[24] *Allen F.* Only Yesterday. N. Y., 1959, p. 41.
[25] Congressional Record, vol. 57, p. 3230.
[26] *Никитин В. А.* Борьба внутри протестантских церквей США и развитие ультраправого фундаменталистского движения.— В кн.: Американский ежегодник, 1979. М., 1979, с. 42.

мости ко всем проявлениям радикализма — все это крайне неблагоприятно отразилось на перспективах социального законодательства и на состоянии трудовых отношений. Курс правительства Вильсона на некоторое расширение прав рабочих, на признание за ними элементарных прав на организацию профсоюзов, заключение коллективных договоров и проведение стачек был категорически отвергнут предпринимателями. Основные группы монополистической буржуазии США, еще более окрепшей и усилившейся за годы войны, полной уверенности в своих силах, были настроены непримиримо. Они готовились к решительному наступлению на рабочий класс, чтобы отнять у него все его недавние завоевания. Неудивительно, что в этих условиях либеральные декларации президента Вильсона об осуждении «любых форм насилия», о достижении «равноправного партнерства» между трудом и капиталом и о признании элементарных прав рабочих были встречены важнейшими группировками американской буржуазии с нескрываемым раздражением.

Сопротивление крупного капитала было главной причиной провала национальной индустриальной конференции, которая была созвана президентом Вильсоном в октябре 1919 г. с расчетом добиться ослабления социальной напряженности в стране и установления «мира и гармонии в промышленности». Сплоченная группа представителей предпринимательских объединений сделала все, для того чтобы не допустить принятия предложений делегатов профсоюзов о признании прав рабочих на организацию и на коллективный договор, и после двухнедельных бесплодных дискуссий конференция прекратила свою работу, не приняв никаких решений. Неблагоприятными для рабочих были и итоги второй индустриальной конференции, состоявшейся в декабре 1919 г.— январе 1920 г. Она полностью обошла наиболее важный вопрос о признании профсоюзов, выдвинув в качестве единственной позитивной идеи расширение так называемого «рабочего представительства», т. е. программу создания полностью зависимых от предпринимателей компанейских союзов [27].

Декларации президента Вильсона в пользу либерального социального законодательства были враждебно встречены и в конгрессе, где после промежуточных выборов 1918 г. прочное большинство завоевали республиканцы. Отражая точку зрения ведущих групп монополистической буржуазии США, республиканская фракция в конгрессе потребовала ограничения полномочий президента, скорейшей ликвидации правительственного контроля во всех отраслях экономики и недопущения в дальнейшем каких-либо «экспериментов в духе новой свободы» [28].

Перед лицом этого открытого вызова со стороны республиканцев Вильсон занял крайне непоследовательную позицию, ограничившись лишь рядом либеральных жестов и не противопоставив реакционному курсу республиканской партии какой-либо конкретной программы социальных реформ. К тому же серьезная болезнь, постигшая президента осенью 1919 г., на несколько месяцев лишила его возможности оперативного руководства и еще более усилила консервативные тенденции во внутренней политике кабинета. Поэтому чуть ли не единственной мерой либе-

---

[27] *Сивачев Н. В.* США: государство и рабочий класс (от образования Соединенных Штатов Америки до окончания второй мировой войны). М., 1982, с. 95—99, 108—110.

[28] *Murray R.* The Politics of Normalcy. N. Y., 1973, p. 39.

рального законодательства администрации Вильсона после окончания первой мировой войны было проведение через конгресс XIX поправки к конституции США о предоставлении избирательных прав женщинам, вступившей в силу в августе 1920 г. после ратификации ее $^3/_4$ штатов.

В целом же в 1919—1920 гг. в социально-экономической политике правительства Вильсона произошел явный сдвиг вправо. Особенно четко это проявилось в новом железнодорожном законе 1920 г., который ликвидировал государственное управление железными дорогами, возвратил их в частную собственность прежним владельцам и гарантировал железнодорожным компаниям высокий уровень прибылей [29]. Правда, в тексте нового закона в принципе признавалось право рабочих железнодорожного транспорта на заключение коллективного договора, однако это признание было чисто декларативным, а органы правительственного арбитража, созданные по условиям закона 1920 г., в ходе трудовых конфликтов все чаще поддерживали владельцев железных дорог в их борьбе против рабочих. Не случайно демократическая общественность США расценила принятие нового железнодорожного закона как проявление сильных реакционных тенденций в политической жизни страны [30].

Поворот основных групп монополистической буржуазии к реакционному политическому курсу, отказ республиканского большинства конгресса от проведения каких бы то ни было либеральных реформ, постепенное отступление администрации демократов от политики буржуазного реформизма — все это внесло существенные изменения в политическую обстановку в стране, со всей определенностью проявившиеся в ходе избирательной кампании 1920 г.

2. ЭКОНОМИЧЕСКИЙ КРИЗИС 1920—1921 ГГ. РЕСПУБЛИКАНЦЫ У ВЛАСТИ

Летом 1920 г. экономический подъем военных и первых послевоенных лет сменился экономическим кризисом. В этом первом послевоенном кризисе перепроизводства, развернувшемся на базе общего кризиса капитализма, с особой остротой проявилось противоречие между разбухшим на военных заказах производственным аппаратом американской промышленности и относительно узким рынком сбыта, ограниченным в конечном счете низкой покупательной способностью основной массы населения.

Экономический кризис 1920—1921 гг. вызвал весьма значительные разрушения во всех сферах хозяйственной жизни страны. Объем промышленного производства США к апрелю 1921 г. сократился по сравнению с июнем 1920 г. в среднем на 32% [31]. В важнейших отраслях тяжелой промышленности свертывание производства было еще больше. Так, более чем вдвое по сравнению с докризисным уровнем (с 46,2 млн. до 21,7 млн. т) упала в 1921 г. годовая выплавка стали, почти в 2 раза уменьшилась продукция машиностроения, резко снизилась добыча каменного угля. С весны 1921 г. американская промышленность начала по-

[29] Documents of American History: Vol. 1, 2 / Ed. by H. Commager. Englewood Cliffs (N. J.), 1973, vol. 2, p. 165—167.
[30] Nation, 1920, Mar. 6, p. 284.
[31] Мировые экономические кризисы, 1848—1935: Т. 1—3. М., 1937—1939, т. 1, с. 353.

степенно выходить из состояния кризиса, но максимальный докризисный уровень промышленного производства был достигнут только к концу 1922 г.

В условиях экономического кризиса произошло резкое ухудшение положения рабочих. Число безработных в Соединенных Штатах увеличилось с 2,1 млн. до 4,9 млн., т. е. более чем вдвое, а доля безработных в общей численности гражданской рабочей силы США возросла за тот же период с 5,2 до 11,7%. Существенное сокращение среднегодового заработка американских рабочих (даже по официальным данным, он уменьшился с 1407 до 1233 долл.) повлекло за собой заметное снижение уровня жизни рабочего класса. Промышленный кризис крайне затруднил и условия существования мелкой и средней буржуазии города. Процесс разорения городских средних слоев значительно ускорился: только за три года, с 1920 по 1922 г. включительно, в Соединенных Штатах произошло около 52 тыс. коммерческих банкротств [32].

Кризис перепроизводства в промышленности переплелся с глубоким и разрушительным аграрным кризисом. К весне 1921 г. цены основных сельскохозяйственных товаров снизились по сравнению с летом 1920 г. в 2—3 раза [33]. Бурное падение цен резко сократило доходы фермеров: в 1919 г., до наступления аграрного кризиса, валовой фермерский доход в США составлял 17,9 млрд. долл., а в 1921 г. он упал до 10,6 млрд., т. е. более чем на 40%. Кризис перепроизводства в сельском хозяйстве принял затяжной характер. Он продолжался с неослабевающей силой и после того, как промышленность Соединенных Штатов вступила в фазу циклического подъема. Это объяснялось исторической отсталостью сельского хозяйства, дальнейшим усилением эксплуатации фермеров монополиями, что отвлекало от производительного использования крупные финансовые средства и на длительный период затянуло процесс преодоления аграрного кризиса. Валовой доход американского фермерства в 1922—1923 гг. повысился всего лишь до 11—12 млрд. долл., оставаясь значительно ниже докризисного уровня [34].

Сильнейшее сокращение сельскохозяйственных цен и падение доходности фермерского хозяйства привели к тому, что для многих фермеров оказалось чрезвычайно трудным, а то и вовсе невозможным возмещение самых элементарных производственных издержек, не говоря уже о регулярной уплате долгов и налогов. Растущая убыточность многих мелких и средних фермерских хозяйств стала причиной новой волны банкротств и принудительной распродажи фермерской собственности. Процесс разорения мелкого производства в земледелии приобрел массовый характер: в начале 20-х годов, в период наибольшего обострения аграрного кризиса, разорились и потеряли право собственности на свои фермы около 450 тыс. американских фермеров. Это еще более усилило отлив сельского населения в города: только за 1921—1923 гг. чистая убыль фермерского населения в Соединенных Штатах превысила 2 млн. человек [35].

Таким образом, экономический кризис 1920—1921 гг. значительно ухудшил положение широких масс трудящихся. Жизненный уровень

[32] Historical Statistics of the United States, p. 135, 168, 589, 693, 701, 912.
[33] Agriculture Yearbook, 1925. Wash., 1926, p. 764, 962.
[34] Historical Statistics of the United States, p. 483.
[35] *Hicks J. D.* Republican Ascendancy, 1921—1933. N. Y., 1963, p. 19; Historical Statistics of the United States, p. 96.

миллионов рабочих и фермеров резко снизился. Все, что завоевали они в ходе упорной долголетней борьбы, было теперь поставлено под угрозу. Результатом этих крайне неблагоприятных изменений в экономической конъюнктуре и в положении основной массы населения Соединенных Штатов было дальнейшее обострение политической обстановки в стране.

Недовольство широких слоев населения США проявилось уже в ходе очередной избирательной кампании 1920 г. Однако большинство рабочих и фермеров и на сей раз не вышли в своих политических действиях за рамки традиционной двухпартийной системы. Возмущение масс обратилось против партии, находившейся у власти. Правда, в 1920 г. избирательная платформа демократической партии все еще содержала фразеологию «прогрессивной эры». Она подчеркивала роль государственного регулирования в эффективной мобилизации военных усилий страны и восхваляла социально-экономическую политику демократов, в особенности создание и деятельность Федеральной резервной системы как важного орудия, якобы гарантирующего экономическую и финансовую стабильность [36]. Тем не менее явный сдвиг вправо в политическом курсе правительства Вильсона после окончания войны повлек за собой падение престижа президента и руководимой им партии в глазах избирателей. Когда же летом 1920 г. разразился экономический кризис, принесший трудящимся новые бедствия, положение демократов стало совершенно безнадежным. Республиканцы умело воспользовались этим.

Немалую роль в исходе избирательной кампании 1920 г. сыграло и то обстоятельство, что в Соединенных Штатах еще очень сильными оставались традиции индивидуализма. К началу 20-х годов значительно участились выступления в пользу ограничения вмешательства государства в экономическую и социальную жизнь общества. Отражая эти настроения, бывший президент США У. Тафт, занимавший видное место среди деятелей консервативного крыла республиканской партии, выступил с резким осуждением «болезни чрезмерной законодательной деятельности» [37]. Государственное регулирование, к которому в чрезвычайных условиях войны прибегло правительство Вильсона, чаще всего рассматривалось как временное отклонение от естественного хода развития. Вот почему республиканский лозунг «Назад, к нормальным порядкам» нашел в 1920 г. широкий отклик среди избирателей, которые в большинстве своем с одобрением встречали декларации кандидата республиканской партии на пост президента США Уоррена Гардинга о необходимости скорейшего возвращения к «обычному, устойчивому порядку вещей», исключающему всякие «эксцессы» в деятельности федерального правительства, столь характерные, по мнению республиканцев, для периода вильсоновской администрации.

В этой обстановке на выборах 1920 г. республиканская партия одержала решительную победу. У. Гардинг собрал 16 143 тыс. голосов и обеспечил себе 404 выборщика, тогда как кандидат демократов Дж. Кокс получил только 9130 тыс. голосов и лишь 127 выборщиков [38]. Республиканцы завоевали прочное большинство и в обеих палатах конгресса.

[36] National Party Platforms, 1840—1972 / Compl. by D. Johnson, K. Porter. Urbana (Ill.), 1973, p. 215.
[37] *Taft W.* Liberty Under Law. An Interpretation of the Principles of Our Constitutional Government. New Haven (Conn.), 1921, p. 40.
[38] Historical Statistics of the United States, p. 1073.

После восьмилетнего перерыва республиканская партия вновь оказалась у власти.

В состав правительства, сформированного У. Гардингом, вошли в основном представители консервативных групп республиканской партии. Наиболее важную роль среди них играли министр финансов Э. Меллон, глава одной из самых могущественных монополистических групп США, и министр торговли Г. Гувер, известный делец и политик, тесно связанный с влиятельными кругами крупного капитала. Неудивительно, что политический курс новой администрации оказался столь консервативным. С приходом к власти республиканцев федеральное правительство особенно охотно брало на себя роль послушного орудия в руках верхушки финансовой олигархии. По справедливому замечанию видного американского историка У. Лейхтенберга, в тот период «специфические интересы бизнеса откровенно отождествлялись с общенациональными интересами» [39].

Правительство Гардинга с самого начала решительно высказалось против политики государственного регулирования. В первых же своих официальных выступлениях новый президент призвал к существенному сокращению государственных расходов. Еще более энергично он провозгласил этот курс в декабре 1921 г. в ежегодном послании конгрессу о положении страны. Гардинг со всей определенностью заявил об абсолютной недопустимости «сосредоточения чрезмерных полномочий и экстраординарной концентрации власти в руках федерального правительства» [40]. Под лозунгом возвращения к «нормальным порядкам» и сам президент и другие деятели республиканской администрации требовали скорейшего восстановления таких «истинно американских» принципов, как принципы «твердого индивидуализма» и невмешательства государства в экономическую и социальную жизнь общества. С предельной четкостью выразил эти идеи один из видных лидеров республиканской партии — сенатор Генри Кэбот Лодж. Выступая в июле 1921 г. в конгрессе, он заявил: «Чем меньше правительство Соединенных Штатов будет впредь вмешиваться в дела бизнеса, тем лучше» [41].

Основы теории и практики буржуазного индивидуализма были изложены министром торговли Г. Гувером в брошюре «Американский индивидуализм», вышедшей в свет в 1922 г. В ней утверждалось, что осуществление индивидуалистических принципов означает установление «равенства возможностей» для каждого гражданина играть роль, «соответствующую его образованию, характеру, способностям и устремлениям» [42]. Функции государства Гувер сводил лишь к охране этого буржуазного «равенства возможностей», категорически отрицая право федерального правительства на непосредственное вмешательство в экономическую и социальную жизнь общества. «Пресекать все те силы, которые ведут к нарушению равенства возможностей,— продолжал он,— и поддерживать инициативу и творческие возможности американцев — вот та двуединая цель, к которой должно стремиться правительство» [43].

Большую роль в переориентации социально-экономической политики

[39] *Leuchtenburg W.* The Perils of Prosperity, 1914—1932. Chicago, 1958, p. 245.
[40] The State of the Union Messages of the Presidents, vol. 3, p. 2617.
[41] Congressional Record, vol. 61, p. 4156.
[42] *Hoover H.* American Individualism. N. Y., 1922, p. 48.
[43] Ibid., p. 54.

федерального правительства в начале 20-х годов сыграл Верховный суд США, в состав которого администрации Гардинга за короткий период ее деятельности удалось назначить четырех новых членов, оказавшихся, как и следовало ожидать, убежденными реакционерами. Среди них был и новый глава Верховного суда экс-президент У. Тафт. Большинство членов этой высшей судебной инстанции Соединенных Штатов упорно противились всяким сколько-нибудь либеральным веяниям, превратившись в «консервативную и закостенелую фалангу» [44]. В своих решениях Верховный суд неизменно руководствовался в те годы старыми правовыми доктринами «свободы контракта» и «надлежащей правовой процедуры», отвергая любые посягательства на «священные» принципы частной собственности. Опираясь на эти правовые доктрины, большинство Верховного суда давало узколегалистскую интерпретацию конституции США, отстаивало принцип максимального ограничения полномочий федерального правительства и блокировало любые попытки позитивной социальной деятельности буржуазного государства.

В соответствии с общими установками идеологии «твердого индивидуализма» правительство Гардинга в короткий срок завершило начатую еще администрацией Вильсона ликвидацию органов военно-государственного регулирования. Большинство федеральных агентств, которые в годы войны и вскоре после ее окончания осуществляли правительственный контроль над рядом важных отраслей экономики США, было упразднено. Затем началась ускоренная распродажа за бесценок судов торгового флота, построенного в период войны за счет прямых федеральных ассигнований. Уже в августе 1921 г. более 200 судов были проданы за 430 тыс. долл., т. е. за сумму, меньшую чем стоило сооружение каждого из них [45]. Эти акции республиканской администрации сопровождались интенсивной пропагандистской кампанией в пользу «свободного предпринимательства».

Приход республиканцев к власти сопровождался дальнейшим усилением реакционных тенденций в правительственной политике в отношении рабочего класса. Органы федерального правительства активно поддерживали антипрофсоюзный поход предпринимателей. Администрация Гардинга не приняла каких-либо реальных мер к решению проблемы безработицы, значительно обострившейся в условиях экономического кризиса 1920—1921 гг. Созванная в сентябре 1921 г. специальная конференция по безработице категорически отвергла принцип федеральных ассигнований на цели помощи безработным, ограничившись призывами к ее организации силами предпринимателей и местных властей [46].

Разумеется, ни о каком полном демонтаже государственно-монополистического капитализма в начале 20-х годов не могло уже быть и речи, ибо, по образному выражению крупного американского историка Дж. Хикса, «нельзя было перевести назад стрелки часов истории» [47]. Не случайно республиканская администрация полностью демонтировала толь-

[44] *Murray R.* Harding Era. Warren G. Harding and His Administration. Minneapolis, 1969, p. 390.
[45] *Trani E., Wilson D.* The Presidency of Warren G. Harding. Lawrence (Kan.), 1977, p. 75.
[46] *Сивачев Н. В.* США: государство и рабочий класс, с. 142—143.
[47] *Hicks J. D.* The American Nation. A History of the United States from 1865 to the Present. Cambridge (Mass.), 1955, p. 466.

ко органы чрезвычайного военного регулирования. Но она оставила в неприкосновенности такие важные государственно-монополистические рычаги, как Федеральная резервная система, осуществлявшая эффективный контроль над банками, или Федеральная торговая комиссия, созданная в 1914 г. в целях регулирования корпораций, занятых в междуштатной торговле.

Более того, потребности развития усложняющегося финансового хозяйства страны заставили правительство Гардинга пойти на создание некоторых новых механизмов государственно-монополистического регулирования. Так, в июне 1921 г. конгресс по представлению правительства принял специальный бюджетный акт, согласно которому для «совершенствования национальной бюджетной системы» предусматривалось учреждение должностей генерального контролера финансов и директора бюджетного бюро. Все это служило наглядным показателем необратимости государственно-монополистического развития.

Однако с приходом к власти республиканской администрации во всех сферах общественной жизни страны стали все же явно преобладать не государственно-монополистические, а частномонополистические принципы. Хотя объективный процесс огосударствления социально-экономических отношений продолжался, неолиберализм, возникший в период «прогрессивной эры» как государственно-монополистическая форма буржуазной идеологии, в начале 20-х годов не получил своего дальнейшего развития и был оттеснен традиционным консервативным индивидуализмом.

Отказ правительства Гардинга от непосредственного государственного регулирования экономики и социальных отношений привел к резкому сокращению государственных расходов. Уже в 1922 г., через год после прихода к власти республиканской администрации, расходы федерального правительства составили 3,3 млрд. долл., т. е. снизились по сравнению с 1920 г. почти вдвое[48]. Правда, по своим размерам они и теперь примерно в 4—5 раз превышали максимальный довоенный уровень, что, несомненно, отражало более высокую степень государственного вмешательства в экономику, чем это было характерно для предвоенных лет. Но все же отход республиканцев от политики прямого государственного регулирования и связанное с этим сильное сокращение расходов федерального правительства свидетельствовали о том, что по сравнению с периодом первой мировой войны в Соединенных Штатах в начале 20-х годов произошло существенное ослабление государственно-монополистических тенденций.

Этот курс внутренней политики имел крайне неблагоприятные последствия для рабочих и фермеров, так как лишал их всякой надежды на правительственную помощь. Что же касается крупных монополистов, то, несмотря на значительное сужение социально-экономических функций капиталистического государства, они сохранили неограниченные возможности для получения разнообразных правительственных субсидий.

Одним из таких щедрых подарков правительства Гардинга монополиям стал налоговый закон, принятый в ноябре 1921 г. Новый закон отменил введенный в период войны налог на сверхприбыли корпораций и снизил максимальную ставку добавочного налогового обложения лиц с

[48] Historical Statistics of the United States, p. 1104.

высокими доходами с 65 до 50%. Обосновывая эту меру, министр финансов Э. Меллон утверждал, что сохранение «чрезмерного» налогообложения крупных капиталистов якобы невыгодно для страны, ибо оно «заставляет налогоплательщиков изымать свои капиталы из производственной сферы» и «поощряет непроизводительные формы капиталовложений»[49]. Исходя из этих общих принципов, республиканская администрация взяла курс на еще большее снижение федеральных налогов на миллионеров.

В интересах монополий был проведен и тарифный закон Фордни—Маккамбера, который вступил в силу в сентябре 1922 г. Основываясь на принципах строжайшего протекционизма, новый тарифный акт предусматривал резкое повышение пошлин на ввоз в США важнейших промышленных товаров. Введение более высоких тарифных ставок немедленно повлекло за собой сильный рост цен на внутреннем рынке. Прибыли монополий сразу же подскочили вверх, а увеличение ресурсов крупных фирм значительно укрепило их позиции в конкурентной борьбе. Вытеснение мелкого производства трестами и концернами шло в те годы настолько быстро, что это стало своеобразным рекордом даже в условиях США. Руководителям монополистических объединений нечего было опасаться: антитрестовские законы, которые никогда не были особенно эффективными, в начале 20-х годов, по сути дела, вообще перестали применяться, а «регулирующие агентства, созданные предшествующей администрацией, были одно за другим заполнены друзьями того же самого бизнеса, который, как предполагалось, они должны были регулировать»[50].

Борьба различных монополистических групп за приумножение богатств не ограничивалась использованием одних лишь легальных средств. Через своих ставленников в государственном аппарате они добивались всевозможных привилегий, не останавливаясь перед прямым нарушением закона.

Администрация Гардинга, полностью подчиненная монополиям и пораженная коррупцией, предоставила руководителям крупных фирм неограниченные возможности наживаться за счет расхищения государственных ресурсов. В конце 1921 — начале 1922 г. крупные нефтепромышленники Э. Догени и Г. Синклер, подкупив министра внутренних дел А. Фолла, незаконно получили в аренду обширные нефтеносные районы в Калифорнии и Вайоминге, входившие в состав государственного резерва. Пример «нефтяной панамы» оказался заразительным. На путь мошеннических сделок с монополиями вступили генеральный прокурор Г. Догерти, глава федерального бюро помощи ветеранам войны Ч. Форбс и другие высокопоставленные деятели республиканской администрации. Давно уже Вашингтон не был ареной столь разнузданной оргии взяточничества и казнокрадства.

Очень удобным орудием монополистов оказался и сам президент, ограниченный политический деятель, не отличавшийся ни особыми интеллектуальными достоинствами, ни самостоятельностью суждений, ни силой характера. Крупному капиталу не надо было теперь больше бояться каких-либо независимых акций федерального правительства, как это было

[49] *Mellon A.* Fundamental Principles of Taxation.— The Annals of America, Chicago, 1968, vol. 14, p. 446—447.
[50] *Hicks J. D.* The American Nation, p. 494.

иногда в период деятельности Т. Рузвельта или В. Вильсона. Главой Белого дома стал человек, который, напротив, сам ждал совета и помощи со стороны могущественных боссов республиканской партии. Неудивительно, что Гардинг с самого начала превратился в пешку в руках влиятельных монополистических кругов, которые использовали его, как им заблагорассудится. Отсутствие твердого руководства со стороны президента создало еще более благоприятные условия для расцвета коррупции. Действия некоторых членов республиканской администрации, известных своей близостью к Гардингу, приобрели настолько скандальный характер, что стали компрометировать самого президента. И только скоропостижная смерть Гардинга, последовавшая 2 августа 1923 г., избавила его от позора дальнейших разоблачений.

Президентский пост занял вице-президент Кальвин Кулидж. Новый хозяин Белого дома был таким же бесцветным и заурядным политическим деятелем, но в отличие от своего предшественника не имел сомнительных связей с лицами, замешанными в преступных махинациях, и его репутация осталась незапятнанной. Поэтому неожиданное выдвижение К. Кулиджа на высшую государственную должность оказалось более чем кстати для лидеров республиканцев, так как помогло им до известной степени восстановить пошатнувшийся престиж правящей партии в глазах избирателей.

Общее направление внутренней политики республиканской администрации осталось прежним. Новый глава Белого дома не менее категорически, чем его предшественник, отверг концепцию непосредственного государственного регулирования социально-экономических отношений. В первом же ежегодном послании конгрессу о положении страны, с которым президент выступил в декабре 1923 г., Кулидж решительно высказался в защиту принципа «индивидуальной ответственности» каждого американца за результаты своих действий. Задача правительства, проводящего «истинно американскую политику», продолжал он, состоит лишь в том, чтобы «поддерживать условия, при которых лучше всего могут проявиться и получить вознаграждение способности каждого индивидуума» [51].

Проведение этого реакционно-индивидуалистического курса социально-экономической политики правительства Кулиджа сочеталось с безудержной апологией монополий. «Дело Америки — бизнес», так выразил новый президент свой основной руководящий принцип. «Правильность и мудрость налоговой и вообще всей экономической политики,— заявил он в одном из выступлений,— состоит не в том, чтобы мешать тем, кто уже добился процветания и успеха, а в том, чтобы создавать условия, при которых каждый имел бы равные шансы достичь этой цели» [52]. В служении интересам бизнеса, в беспрекословном выполнении всех его пожеланий правительство Кулиджа видело основной смысл своей деятельности.

Таким образом, вся внутренняя политика республиканской администрации в начале 20-х годов была продиктована исключительно интересами монополистического капитала. Она ни в коей мере не учитывала нужд и чаяний рабочего класса, трудящегося фермерства, городской мелкой буржуазии. «Партия, которая находится сейчас у власти,— говорилось в

[51] The State of the Union Messages of the Presidents, vol. 3, p. 2650.
[52] A History of the United States from 1865 to the Present. Meridian Documents of American History / Ed. by F. Clingberg. Cleveland; New York, 1962, p. 355.

одной из статей журнала „Нейшн“,— душой и телом предана идее защиты интересов бизнеса. И в то же время для рядовых избирателей, для тех миллионов, которые, как нам часто говорят, составляют Америку, новая администрация, что бы она ни заявляла по этому поводу, не сделала ровным счетом ничего» [53].

Массы простых американцев с возмущением встретили реакционный курс республиканского правительства. Уже летом 1921 г. один из жителей Чикаго писал президенту Гардингу: «Пусть Меллон и Гувер клянутся на Библии в том, что они служат благу народа. Я не верю этому. Знайте, что Ваш кабинет теряет доверие избирателей. Не считайте это пустой угрозой. Если крупный бизнес не перестанет вершить делами правительства, Вам придется испытать большие неприятности от народа Америки» [54]. Подобные настроения получили тогда широкое распространение. Вот почему массовое народное движение, охватившее Соединенные Штаты после окончания первой мировой войны, продолжалось и в начале 20-х годов.

---

[53] Nation, 1921, Sept. 21, p. 315.

[54] N. Crosby to Warren Harding, July 6, 1921.— National Archives, Washington (D. C.), Records of the Office of the Secretary of Agriculture, Record Group N 16.

Глава вторая

ПОДЪЕМ РАБОЧЕГО И ДЕМОКРАТИЧЕСКОГО ДВИЖЕНИЯ

1. ПРОФСОЮЗЫ И СТАЧЕЧНАЯ БОРЬБА. ВЫСТУПЛЕНИЯ В ЗАЩИТУ СОВЕТСКОЙ РОССИИ

После первой мировой войны рабочее и демократическое движение в Соединенных Штатах вступило в период подъема. Объективной основой этого нового этапа в развитии массового народного движения было дальнейшее обострение классовых противоречий в стране в условиях роста государственно-монополистических тенденций и наступления эпохи общего кризиса капитализма. Немалую роль сыграли также изменения в политической жизни страны: усиление реакции, отказ крупного капитала от проведения каких бы то ни было либеральных реформ, постепенное отступление администрации Вильсона от политики буржуазного реформизма, резкий поворот вправо, к реакционно-индивидуалистическому курсу во внутренней политике федерального правительства после прихода к власти республиканцев.

К воздействию этих внутренних факторов присоединилось сильное идейно-политическое влияние Великой Октябрьской социалистической революции. Несмотря на то что буржуазные круги вели активную клеветническую кампанию против молодой Советской Республики, правда о событиях в России постепенно становилась достоянием рабочего класса и демократической общественности. Трудящиеся Америки инстинктивно чувствовали, что «великая победа в России была также и их победой» [1]. Большую роль в ознакомлении трудящихся США с подлинной историей российской революции сыграли книги, брошюры и статьи очевидцев событий, прогрессивных американских журналистов и политических деятелей — Джона Рида, Альберта Р. Вильямса, Луизы Брайант, а также левосоциалистическая пресса, на страницах которой в 1918 г. были опубликованы первые декреты Советской власти и несколько статей В. И. Ленина, в том числе его «Письмо к американским рабочим».

Крупные сдвиги в социально-экономической и политической жизни американского общества и влияние идей Великого Октября способствовали возрастанию политической сознательности рабочего класса, других демократических сил США. Это не могло не отразиться на внутренней политической обстановке в стране, создав благоприятные условия для подъема широкого народного движения. Главной его формой была стачечная борьба рабочего класса. По сравнению с предшествующим периодом она поднялась на новую, более высокую ступень. Если в 1917 г. по всей стране бастовали 1227 тыс., а в 1918 г.— 1240 тыс. рабочих,

---

[1] *Foster W. Z.* History of the Communist Party of the United States. N. Y., 1952, p. 147.

ДЖОН РИД

то в 1919 г. число стачечников достигло рекордного уровня — 4160 тыс.[2] Никогда прежде масштабы стачечной борьбы американских рабочих не были так велики.

Значительные изменения произошли и в самом характере забастовочного движения. В ходе массовых стачечных выступлений 1918—1919 гг. рабочие выдвигали не только экономические и политические требования, которые стали уже традиционными для пролетариата развитых капиталистических стран (установление 8-часового рабочего дня, повышение заработной платы, признание за рабочими права на организацию в профсоюзы и на заключение коллективного договора), но и радикальные лозунги национализации ряда отраслей промышленности и транспорта.

Наибольшее распространение среди рабочих получил план национализации железных дорог, разработанный юрисконсультом железнодорожных братств Г. Пламбом. В кругах профсоюзных активистов живо обсуждались также предложения о национализации угольных шахт, предприятий гидроэнергетики, телеграфных и телефонных линий и других отраслей общественного пользования. Даже Американская федерация труда (АФТ) не могла остаться в стороне от этой боевой программы действий. В 1919 г. очередной конгресс АФТ одобрил план Пламба. Большинством голосов была принята резолюция с требованием установления «государственной собственности на железные дороги или государственного контроля над ними» [3].

Рост политической сознательности и классовой солидарности американского пролетариата проявился в первых же крупных стачечных выступлениях послевоенного периода. Одним из таких важных событий в истории классовой борьбы тех лет стала всеобщая забастовка в Сиэтле в феврале 1919 г. Около 60 тыс. рабочих этого крупного портового города Тихоокеанского побережья США вступили в борьбу в знак солидарности с судостроителями, добивавшимися повышения заработной платы и сокращения рабочего дня. Среди участников всеобщей забастовки были и члены АФТ, и представители радикальных союзов ИРМ, и неорганизованные рабочие. Стачечный комитет из делегатов от различных профсоюзов призвал рабочих Сиэтла не только к поддержке экономических требований судостроителей, но и к борьбе за «социализацию» ряда

---

[2] Strikes in the United States, 1880—1936. U. S. Department of Labor, Bureau of Labor Statistics, Bulletin N 651. Wash., 1938, p. 39.

[3] *Листиков С. В.* Профсоюзы и идейно-политическая борьба вокруг плана Пламба.— В кн.: Американский ежегодник, 1980. М., 1981, с. 108.

предприятий. Четыре дня жизнь города находилась фактически под контролем стачечного комитета.

События в Сиэтле привели в смятение местные власти. Мэр города О. Хэнсон в официальном заявлении назвал участников всеобщей стачки большевиками и революционерами. Поэтому против бастующих рабочих были мобилизованы все силы «закона и порядка», готовые по первому сигналу обрушиться на забастовщиков. Под предлогом борьбы против «красной опасности» было объявлено о намерении ввести в город федеральные войска. Руководители всеобщей стачки стали объектом клеветы и грубого нажима. В эту антирабочую кампанию активно включились и консервативные лидеры Американской федерации труда. Исполком АФТ пригрозил членам стачечного комитета снятием с руководящих профсоюзных постов или даже исключением из профсоюзов. Все это существенно ослабило забастовку, и рабочие вынуждены были вернуться на предприятия, так и не добившись удовлетворения своих требований [4].

Всеобщая стачка в Сиэтле была лишь началом мощной послевоенной волны забастовочного движения американских рабочих. Кульминационным ее пунктом явились события, развернувшиеся осенью 1919 г. В авангарде стачечной борьбы шли рабочие сталелитейной промышленности. Забастовка сталелитейщиков началась 22 сентября 1919 г. Она охватила территорию 10 штатов, а число ее участников достигло 365 тыс. Стачечники требовали установления 8-часового рабочего дня, введения твердой шкалы заработной платы, признания профсоюзов и заключения коллективного договора. Многие из них, не ограничиваясь этим, ставили вопрос о необходимости радикальных преобразований в социально-экономическом строе общества. «Рабочие ведут борьбу за демократию не только в политической жизни, но и в промышленности»,— заявил один из профсоюзных активистов [5].

Во главе забастовки стал Национальный комитет по организации рабочих сталелитейной промышленности, основанный в 1918 г. по инициативе Уильяма З. Фостера, Джона Фитцпатрика и других активных деятелей левого крыла профсоюзного движения. В ходе стачечной борьбы комитет добился создания производственного профсоюза сталелитейщиков. К началу 1920 г. в него было вовлечено более 250 тыс. человек, т. е. около 60% рабочих, занятых в сталелитейной промышленности [6].

Руководители «Стального треста» и других компаний, предприятия которых были охвачены стачкой, наотрез отказались от переговоров с бастующими рабочими. Председатель совета директоров «Стального треста» Э. Гэри заявил, что руководители стачки якобы «не представляют настроений большинства рабочих» и что волнения среди сталелитейщиков — дело рук «импортированных профессиональных агитаторов» [7]. Под прикрытием кампании запугивания «красной угрозой» предприниматели начали массовую вербовку штрейкбрехеров, доставляя в стачечные районы десятки тысяч отсталых, неквалифицированных рабочих, главным об-

---

[4] История рабочего движения в США в новейшее время: В 2-х т. М., 1970—1971, т. 1, с. 29—30.
[5] *Brody D.* Steelworkers in America. The Nonunion Era. N. Y., 1960, p. 234.
[6] *Foster W. Z.* The Great Steel Strike and Its Lessons. N. Y., 1920, p. 65.
[7] Цит. по: *Brody D.* Op. cit., p. 240.

разом негров, находившихся вне рядов профсоюзного движения. На подавление забастовки были направлены войска и полиция.

В этих трудных условиях стачечники стойко держались более трех месяцев. Только в январе 1920 г., истощив свои силы и не получив достаточной поддержки со стороны рабочих других отраслей промышленности, они вынуждены были прекратить сопротивление. Профсоюз сталелитейщиков, созданный в ходе забастовки, быстро распался. Тем не менее борьба рабочих не прошла бесследно: в 1920 г. на предприятиях «Стального треста» была примерно на 10% повышена заработная плата, а вскоре после этого предпринимателям пришлось согласиться и на некоторое сокращение рабочей недели.

Почти одновременно со сталелитейщиками на путь активной стачечной борьбы вступили рабочие угольной промышленности. В сентябре 1919 г. конференция Объединенного союза горняков (ОСГ) потребовала увеличения на 60% заработной платы, введения в шахтах 30-часовой рабочей недели, повышенных ставок оплаты за сверхурочную работу, запрещения штрафов. С огромным воодушевлением была принята резолюция, требовавшая национализации угольных шахт [8].

1 ноября 1919 г., после того как предприниматели отвергли требования профсоюза горняков, более 400 тыс. шахтеров прекратили работу. Им пришлось вести борьбу не только против объединенных сил шахтовладельцев, но и против всего буржуазного государственного аппарата. Еще за неделю до начала стачки, 25 октября 1919 г., появилось официальное заявление президента Вильсона, в котором говорилось, что забастовка в угольной промышленности аморальна и противозаконна, ибо она «ухудшит положение не только богатых, но и бедных» и «лишит работы большое число рабочих». Вот почему, объявил президент, правительство намерено взять в свои руки дело «поддержания закона» и «найти средства для защиты интересов нации» [9]. В соответствии с этим по настоянию генерального прокурора М. Пальмера было издано судебное предписание о запрещении стачки. Руководители союза горняков призвали шахтеров подчиниться распоряжению властей, но многие стачечники отказались возобновить работу. В течение нескольких месяцев они продолжали бастовать, пока наконец в марте 1920 г. не было достигнуто компромиссное соглашение об увеличении заработной платы рабочим битуминозных угольных копей в среднем на 27%.

Таким образом, в ходе крупных стачечных боев 1919—1920 гг. американские рабочие добились некоторых успехов. Несмотря на упорное сопротивление предпринимателей, которым, как правило, активно помогали местные власти, а иногда и органы федерального правительства, значительная часть забастовочных выступлений в США в первые послевоенные годы окончилась полной или частичной победой стачечников. Это помогло рабочим несколько улучшить условия жизни и труда. В какой-то мере им удалось помешать обозначившемуся после войны росту консервативных тенденций во внутренней жизни страны.

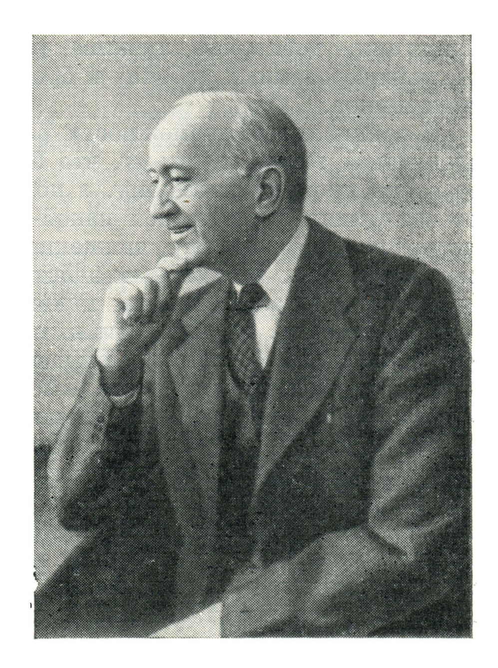
Значительно окрепло в первые послевоенные годы и профсоюзное движение Соединенных Штатов. Если в 1918 г. во всех профсоюзах, вхо-

---

[8] *Курков Н. В.* Борьба американских шахтеров, 1929—1939 гг. М., 1971, с. 39.

[9] The Public Papers of Woodrow Wilson. War and Peace. Presidential Messages, Addresses and Public Papers (1917—1924): Vol. 1, 2 / Ed. by R. Baker, W. Dodd. N. Y.; L., 1927, vol. 2, p. 421—422.

дивших в Американскую федерацию труда, насчитывалось 2726 тыс. членов, то к 1920 г. их число достигло 4079 тыс., т. е. увеличилось всего лишь за два года на 50%. Кроме того, в различных профсоюзах, независимых от АФТ, состояло еще 955 тыс. членов, так что к началу 20-х годов профсоюзным движением было охвачено в общей сложности 5034 тыс. рабочих [10].

УИЛЬЯМ З. ФОСТЕР

Вместе с тем в ходе массовых рабочих выступлений со всей отчетливостью обнаружилась идейная и организационная слабость американского пролетариата. В большинстве своем рабочие оставались под сильным влиянием реформистской идеологии. Руководящую роль в профсоюзном движении продолжали играть лидеры АФТ, которые выражали интересы рабочей аристократии и бюрократии, относительно небольшого слоя высокооплачиваемых рабочих, находившихся в привилегированном положении по сравнению с основной массой пролетариата. В годы первой мировой войны экономические позиции рабочей аристократии значительно упрочились за счет подачек от монополистической буржуазии США, получавшей громадные сверхприбыли.

Охраняя привилегированные позиции рабочей аристократии, реформистские лидеры профсоюзного движения США во главе с президентом АФТ С. Гомперсом были решительными защитниками капитализма и непримиримыми противниками социализма. Они неизменно выступали против классовой борьбы, проповедуя необходимость «классового сотрудничества» пролетариата и буржуазии как «равноправных партнеров» в капиталистическом производстве. Насаждаемая гомперсистами идеология «делового юнионизма» сводила действия профсоюзов к борьбе за улучшение условий найма рабочей силы, осуждала участие рабочих в политической борьбе и категорически отвергала идею создания самостоятельной рабочей партии.

Господство реформизма в рабочем движении США существенно ограничивало его возможности даже в период послевоенного массового подъема. Во всех забастовочных выступлениях тех лет руководство АФТ неизменно стремилось удержать рабочих в рамках чисто экономической борьбы. Реформистские профсоюзные лидеры выступали против использования забастовочных пикетов и других активных средств борьбы, обрекая стачечников на пассивность перед лицом объединенного фронта предпринимателей. Более того, они не раз шли на прямые сделки с капи-

[10] Historical Statistics of the United States. Colonial Times to 1970. Wash., 1975, p. 177.

талистами, добиваясь лучших условий труда только для верхушки квалифицированных рабочих и бросая на произвол судьбы массу рядовых стачечников.

Потенциальные возможности рабочего движения не могли полностью проявиться также и потому, что большинство профсоюзов было построено не по производственному, а по цеховому принципу. Каждый профсоюз объединял лишь людей какой-либо одной узкой профессии. Цеховая структура профсоюзного движения дробила силы организованных рабочих, мешала их солидарным действиям и до крайности затрудняла борьбу пролетариата. Миллионы неквалифицированных и малоквалифицированных рабочих, не прошедших специальной профессиональной выучки, оказывались за бортом профсоюзного движения. Даже в послевоенные годы, в период бурного роста АФТ и других профсоюзных организаций, более 80% рабочих не были членами профсоюзов.

Эта идейная и организационная слабость американского пролетариата, проявившаяся в ходе крупных стачечных боев первых послевоенных лет, имела еще более неблагоприятные последствия в изменившейся экономической и политической ситуации начала 20-х годов. В этот период рабочим пришлось вести борьбу в гораздо более трудных условиях, чем в годы войны и непосредственно после ее окончания. С началом экономического кризиса 1920—1921 гг. монополистическая буржуазия США перешла в решительное наступление на рабочий класс, стремясь не только отнять у него все недавние завоевания, но и добиться повсеместного сокращения заработной платы, увеличения рабочего дня, повышения интенсивности труда. Для осуществления этих целей Национальная ассоциация промышленников и другие предпринимательские объединения развернули активную антирабочую и антипрофсоюзную кампанию. На съезде Торговой палаты США в 1921 г. было со всей определенностью заявлено об осуждении стачек и других действий рабочих, «которые без необходимости ограничивают выпуск продукции или мешают ее распределению» [11]. С наибольшей последовательностью позиция представителей монополистических кругов была выражена в апреле 1921 г. в выступлении председателя совета директоров «Стального треста» Э. Гэри, заявившего, что, по его мнению, в Америке «нет больше никакой надобности в профсоюзах», дальнейшее существование которых, «по крайней мере в нашей стране, вредно и для рабочих, и для предпринимателей, и для всего общества» [12].

Разумеется, уже сама обстановка экономического кризиса лишала пролетариат возможности с прежней эффективностью отстаивать свои права и отбивать усилившиеся атаки предпринимателей. Но его положение ухудшилось еще больше, когда с приходом к власти республиканцев все органы федерального правительства заняли открыто враждебную позицию по отношению к рабочему движению. В первом же послании к конгрессу о положении страны президент Гардинг заявил: «В индустриальном обществе, каким является наша страна, стачки, локауты и бойкоты нетерпимы. Они приносят такие же разрушительные результаты,

---

[11] Summary of the Ninth Annual Meeting of the Chamber of Commerce of the United States. Atlantic City, April 26 to 29, 1921, p. 3.— U. S. Chamber of Commerce Library.

[12] Цит. по: *Bimba A.* The History of the American Working Class. Moscow; Leningrad, 1933, p. 296.

как война или вооруженная революция» [13]. Верховный суд США рядом решений свел на нет либеральные реформы в области трудового законодательства, которые были осуществлены в период «прогрессивной эры». Вновь началось преследование профсоюзов, участились случаи прямого вмешательства судебных органов в трудовые конфликты. В этих условиях проведение любой стачки требовало от рабочих поистине героических усилий.

И все же крупные классовые конфликты в важнейших индустриальных районах продолжали вспыхивать один за другим. Общее число участников стачек в США по-прежнему было довольно велико: в 1920 г. оно составило 1463 тыс., в кризисном 1921 г. снизилось до 1099 тыс., а в 1922 г., с наступлением промышленного подъема, вновь возросло до 1613 тыс. человек [14].

Наибольшей силы эта новая волна забастовочного движения достигла летом 1922 г., когда почти одновременно развернулись крупные классовые бои в текстильных районах Новой Англии, в угольной промышленности и на железнодорожном транспорте. Рабочие проявили стойкость и упорство в борьбе за достижение поставленных ими целей.

Особенно характерной в этом отношении оказалась общенациональная забастовка рабочих угольной промышленности. Поводом для нового выступления шахтеров послужил отказ владельцев угольных копей продлить коллективный договор с Объединенным союзом горняков. Прежний единый договор шахтовладельцы намеревались заменить системой сепаратных соглашений с рабочими различных угольных районов, причем во всех этих соглашениях предусматривалось сокращение заработной платы шахтеров в среднем на 25—35%. Наступление предпринимателей вызвало ответные действия рабочих. 1 апреля 1922 г. по призыву ОСГ в угольной промышленности США началась всеобщая забастовка. Ее участники требовали восстановления и распространения на всех шахтеров прежнего коллективного договора, в котором были зафиксированы условия труда, завоеванные в результате стачки 1919 г. В течение нескольких недель забастовка распространилась на все угольные районы. Она охватила не только членов союза горняков, но и десятки тысяч неорганизованных рабочих. Общее число бастующих шахтеров превысило 600 тыс. Никогда еще угольная промышленность не знала такой крупной забастовки.

С самого начала рабочие столкнулись с упорным сопротивлением. Угольные компании пытались использовать для работы на шахтах штрейкбрехеров. Когда усилия хозяев оказались тщетными, на выручку им пришли местные власти. В ряде районов (Огайо, Пенсильвания) было объявлено военное положение, и части национальной гвардии приступили к патрулированию угольных копей. В июле 1922 г. в конфликт вмешался президент Гардинг, который потребовал немедленно открыть шахты и заявил, что федеральное правительство окажет содействие местным властям в деле прекращения стачки [15].

Усилий одних лишь рабочих угольной промышленности оказалось недостаточно, чтобы добиться победы. Ресурсы стачечников стали

[13] The State of the Union Messages of the Presidents, 1790—1966: Vol. 1—3 / Ed. by F. Israel. N. Y., 1966—1967, vol. 3, p. 2625.
[14] Strikes in the United States, 1880—1936, p. 39.
[15] *Hicks J. D.* Republican Ascendancy, 1921—1933. N. Y., 1963, p. 70—71.

истощаться. Между тем существенной помощи со стороны других отрядов рабочего класса шахтеры не получили. В этих условиях руководство Объединенного союза горняков пошло на свертывание забастовки. В ходе переговоров с представителями шахтовладельцев президент профсоюза Дж. Льюис проявил чрезмерную уступчивость, отказавшись от требования единого коллективного договора для всех отраслей угольной промышленности. По условиям соглашения, заключенного в августе 1922 г. между руководством ОСГ и шахтовладельцами, угольные компании восстановили прежние ставки заработной платы для рабочих битуминозной промышленности. Но это соглашение не распространялось на углекопов антрацитных шахт, которым пришлось добиваться отдельного договора с предпринимателями. Еще хуже оказалось положение неорганизованных рабочих: реформистские лидеры профсоюза горняков просто-напросто бросили их на произвол судьбы и тем самым обрекли их борьбу на поражение.

Еще более неблагоприятным был исход другого крупного трудового конфликта начала 20-х годов — забастовки рабочих железнодорожного транспорта, окончившейся тяжелым поражением железнодорожников. Здесь, пожалуй, в наибольшей степени сказались гибельные последствия цеховой раздробленности американского рабочего движения.

Забастовка железнодорожников началась в июле 1922 г. Около 400 тыс. стачечников свыше двух месяцев вели упорную борьбу против очередного сокращения заработной платы. Однако силы рабочих были раздроблены: бастовали не все железнодорожники, а лишь рабочие мастерских, объединенные в шесть профсоюзов так называемой железнодорожной секции АФТ. Остальные шесть союзов этой секции, которые охватывали главным образом рабочих службы пути, а также четыре независимых железнодорожных братства, включавшие в свой состав рабочих службы движения, остались в стороне от конфликта и не оказали стачечникам ни моральной, ни материальной поддержки. Такая разобщенность железнодорожников была на руку только врагам забастовки. «Неспособность рабочих стоять плечом к плечу во время стачки,— говорилось в октябре 1922 г. в одной из статей газеты «Уолл-стрит джорнэл»,— была самым благоприятным из тех обстоятельств, которые помогли государству и владельцам железных дорог» [16].

Отсутствие единства железнодорожников и недостаточная эффективность их забастовки позволили руководителям железнодорожных фирм занять абсолютно непримиримую позицию по отношению к стачечникам. На подавление забастовки компании потратили около 10 млн. долл. Почти во всех крупных железнодорожных центрах было введено военное положение. Полиция и части национальной гвардии сами обеспечивали бесперебойную работу железнодорожного транспорта. Наконец, владельцев железных дорог активно поддержали органы федерального правительства. Президент Гардинг решительно осудил бастующих рабочих, заявив, что, по его мнению, у них нет никаких оснований для продолжения борьбы [17]. В сентябре 1922 г. по требованию генерального прокурора Г. Догерти было издано судебное предписание о немедленном прекращении стачки.

[16] Цит. по: *Bimba A.* Op. cit., p. 306.
[17] The State of the Union Messages of the Presidents, vol. 3, p. 2629.

Против таких массированных атак рабочие железнодорожных мастерских без помощи извне устоять не смогли. Большинству стачечников пришлось вернуться на работу со снижением заработной платы. Около 200 тыс. продолжали бастовать, но через несколько месяцев и они вынуждены были капитулировать.

Таким образом, по сравнению с 1918—1919 гг. забастовочное движение американского пролетариата в начале 20-х годов было гораздо менее успешным. Правда, ценой огромных усилий отдельным группам организованных рабочих в какой-то мере удалось противостоять наступлению предпринимателей на позиции профсоюзного движения. Но все же в целом исход борьбы оказался не в пользу рабочего класса. Поражение ряда крупных стачек повлекло за собой утрату многих важных завоеваний первых послевоенных лет, в результате чего условия жизни и труда промышленного пролетариата США стали значительно хуже. Серьезный урон понесло и профсоюзное движение: к 1923 г. в АФТ насчитывалось 2926 тыс. членов. Вместе с членами независимых профсоюзов общая численность организованного пролетариата США составила в 1923 г. 3629 тыс. человек. Всего лишь за три года она уменьшилась на 28%[18].

Главной причиной всех этих тяжелых потерь американского пролетариата в начале 20-х годов было то, что монополистическая буржуазия США, значительно увеличившая свое экономическое и политическое могущество за годы первой мировой войны, перешла в решительное наступление на позиции рабочего класса. Во внутренней политике правительства после прихода к власти республиканцев возобладали открыто реакционные тенденции. Но немалую роль в поражениях рабочих играло и господство реформизма. Даже в неблагоприятных условиях начала 20-х годов правые лидеры АФТ не отказались от своей излюбленной идеи «сотрудничества» между трудом и капиталом. Эффективным действиям рабочего класса мешали раздробленность и цеховая структура профсоюзного движения. При таком положении успешная борьба американских рабочих против наступления объединенного фронта монополий была практически невозможной. Дальнейшее развитие рабочего движения настоятельно требовало преодоления его идейной и организационной слабости.

Важным направлением борьбы трудящихся масс после войны стало движение солидарности с Советской Россией. Передовые рабочие, фермеры, представители прогрессивной интеллигенции с горячим сочувствием следили за героической борьбой народов революционной России, демонстрируя тем самым растущую международную солидарность трудящихся. Правда, многие из них, в том числе и большинство рабочих, были еще очень далеки от осознания действительной сущности тех великих событий, которые произошли в России. Тем не менее инстинктивное классовое чутье все же, как правило, приводило их в лагерь искренних сторонников молодой Советской Республики. «Хотя американские рабочие,— писал в 1920 г. Джон Рид,— в действительности имели очень слабое представление о том, чем в сущности была эта революция, и фактически не понимали ни большевизма, ни организации Советов, но они инстинк-

---

[8] Historical Statistics of the United States, p. 177.

тивно чувствовали, что Советская Россия является Рабочей Республикой»[19].

Именно поэтому уже в первые месяцы после провозглашения Советской власти в России, особенно после того, как империалисты стран Антанты начали открытую вооруженную интервенцию против молодой Советской Республики, в Соединенных Штатах развернулось широкое движение под лозунгом «Руки прочь от Советской России». В ходе массовых митингов и демонстраций, проведенных в 1918—1919 гг. в самых различных районах страны, передовые представители американского народа требовали немедленного вывода из России всех иностранных войск, признания Советского правительства и установления дружественных отношений между США и Страной Советов[20].

Еще большее значение имели случаи отказа рабочих грузить военные материалы для белогвардейских армий и войск Антанты, действовавших на территории Советской России. Осенью 1919 г. на этот путь вступили портовые рабочие Сиэтла, которым удалось задержать ряд важных военных грузов, подготовленных к отправке в Россию. Затем движение охватило докеров Портленда, Балтимора и Филадельфии. Большую роль в развитии движения солидарности с Советской Республикой сыграла Лига друзей Советской России, созданная в США в июне 1919 г.

В дни празднования 2-й годовщины Октябрьской революции представитель Советского правительства в Нью-Йорке Л. К. Мартенс выразил горячую признательность передовым рабочим Соединенных Штатов за проявленную ими солидарность с молодой Советской Республикой, за их мужественную борьбу против антисоветской интервенции. «От имени Советов,— заявил он,— я хочу поблагодарить американских рабочих, мужчин и женщин, за симпатии и помощь, которые они проявили в своих протестах против атак на Советскую Россию. Я уверен, что, чем больше американских рабочих узнают правду о республике русских рабочих, тем сильнее будут узы симпатии и солидарности»[21].

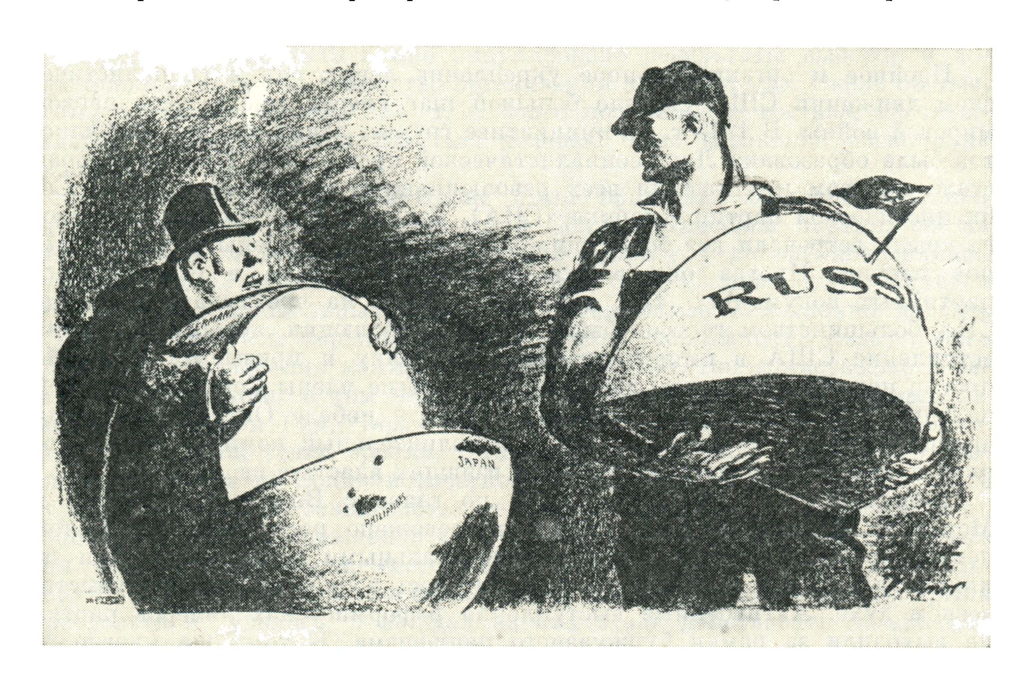
Активные выступления трудящихся против вооруженной антисоветской интервенции стали одним из важных факторов, заставивших правительство США принять решение о выводе американских войск из России. Но движение солидарности с Советской Россией продолжалось с неослабевающей силой и после того, как вооруженный натиск международного империализма на молодую республику Советов был отбит. В начале 20-х годов прогрессивные силы США вели упорную борьбу против политики экономической блокады и дипломатической изоляции Советской России, за немедленное дипломатическое признание Страны Советов. Летом 1921 г. началась кампания по сбору средств в фонд помощи голодающим рабочим и крестьянам России. Уже к середине 1922 г. рабочие организации собрали в фонд помощи около 4,5 млн. долл.[22]

Важной формой солидарности с рабочими и крестьянами революционной России стало движение по оказанию помощи молодой Советской

---

[19] Коммунистический Интернационал, 1920, № 9, с. 1282.
[20] *Мальков В. Л.* Великий Октябрь и рабочее движение в США (1917—1922).— В кн.: Американский ежегодник, 1978. М., 1978, с. 32—35.
[21] Цит. по: *Фонер Ф.* Влияние Великой Октябрьской социалистической революции на американское рабочее движение.— Новая и новейшая история, 1967, № 3, с. 12.
[22] *Сташевский Д. Н.* Прогрессивные силы США в борьбе за признание Советского государства, 1917—1933. Киев, 1969, с. 110.

Республике в восстановлении разрушенного войной народного хозяйства. С этой целью было создано Общество технической помощи Советской России, которое направило в Советскую Республику большое количество промышленного оборудования, машин и сельскохозяйственного инвентаря. В Советскую Россию прибыло также несколько групп квалифицированных рабочих, которые приняли активное участие в восстановлении промышленных предприятий. Особенно большую роль сыграла так

1/6 ЧАСТЬ ЗЕМНОГО ШАРА
(Литография. 1924 г. Р. Майнор)

называемая «Автономная индустриальная колония Кузбасс», организованная ветераном рабочего движения США У. Хейвудом и инженером-коммунистом С. Рутгерсом. Кроме того, на территории Советской России в первой половине 20-х годов успешно действовали 14 сельскохозяйственных коммун, созданных передовыми рабочими и фермерами Соединенных Штатов [23]. Общие размеры материально-технической помощи, оказанной в тот период Стране Советов трудящимися Америки, достигли 2 млн. долл.

Таким образом, после первой мировой войны Соединенные Штаты вступили в период подъема массового движения трудящихся. Ведущую роль в этом движении играли передовые рабочие, примыкавшие к левому крылу АФТ. В ходе крупных классовых боев росла политическая сознательность левых групп, хотя влияние реформизма в рабочем движении США было еще весьма сильным. Тем не менее на основе практического опыта классовой борьбы, а также под сильным идейным воздей-

[23] *Фураев В. К.* Советско-американские отношения, 1917—1939. М., 1964, с. 114.

ствием Великой Октябрьской социалистической революции передовые представители рабочего класса США постепенно преодолевали свои реформистские иллюзии и переходили на позиции марксизма. Это обусловило глубокие сдвиги, которые произошли в стране в развитии социалистического движения.

2. ОБРАЗОВАНИЕ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ США

Идейное и организационное укрепление левых сил в социалистическом движении США сделало большой шаг вперед еще в годы первой мировой войны. В 1915 г. по инициативе группы левых интернационалистов была образована Лига социалистической пропаганды (ЛСП), которая стала центром притяжения всех революционных элементов в рядах Социалистической партии Америки (СПА). Взгляды формирующегося левого крыла встречали все более широкий отклик со стороны рядовых членов партии. Иногда они находили отражение даже в официальных партийных документах. Так, в апреле 1917 г. на чрезвычайном съезде СПА большинством голосов была принята резолюция, которая осуждала вступление США в империалистическую войну и призывала к борьбе против нее. Под влиянием левого крыла многие члены Социалистической партии с воодушевлением встретили весть о победе Октябрьской революции в России. В феврале 1918 г. исполнительный комитет партии горячо приветствовал русских рабочих, взявших власть в свои руки.

Реформистское руководство СПА во главе с Виктором Бергером и Моррисом Хилквитом было крайне встревожено растущим авторитетом левого крыла. Решения, принятые центральными органами партии по инициативе левых социалистов, оно пыталось толковать в оппортунистическом духе. Антивоенные выступления реформистских лидеров партии не выходили за рамки буржуазного пацифизма. К тому же многие из них, проголосовав за антивоенную резолюцию чрезвычайного съезда партии, на практике выступили в поддержку империалистической войны [24]. Что же касается неоднократных заявлений правых социалистов и центристов о солидарности с революционными рабочими России, то каждый раз они сопровождались оговорками о якобы «специфически русском» характере Октябрьской революции и о неприменимости в Соединенных Штатах теории и практики ленинизма.

Однако маневры реформистов не увенчались успехом. Под влиянием Октябрьской революции процесс идейного роста революционных элементов в социалистическом движении США развернулся с новой силой. В феврале 1919 г. нью-йоркская организация социалистов-интернационалистов опубликовала манифест и программу левого крыла Социалистической партии. Манифест призвал американских рабочих пойти по пути, указанному в 1917 г. российским пролетариатом. В качестве главной стратегической задачи была выдвинута программа борьбы за установление диктатуры пролетариата и социалистическое переустройство общества. Для обсуждения этой программы представители левого крыла считали необходимым немедленный созыв чрезвычайного съезда СПА. Они требо-

---

[24] Вехи боевой истории: 60 лет Коммунистической партии США. М., 1983, с. 27.

вали, чтобы съезд принял решение о выходе партии из II Интернационала и о присоединении ее к Коминтерну [25].

Широкая популярность программы левых социалистов проявилась на очередных выборах руководящих органов партии весной 1919 г. За кандидатов левого крыла было подано около 80% общего числа голосов. В составе вновь избранного национального исполкома Социалистической партии левые заняли 12 мест из 15. Чтобы помешать им возглавить партию, старое руководство пошло на прямое нарушение внутрипартийной демократии. В мае 1919 г. оно аннулировало результаты выборов и исключило из партии большинство организаций левого крыла. Около 55 тыс. самых активных членов СПА, т. е. более половины ее состава, насчитывавшего к тому времени 105 тыс. человек, было незаконно изгнано из ее рядов [26].

В июне 1919 г. в Нью-Йорке была проведена общенациональная конференция всех левых организаций Социалистической партии. Но на ней возникли серьезные разногласия по вопросу о дальнейших планах действий. Часть делегатов, представлявших организацию штата Мичиган и несколько национальных федераций, предложила немедленно порвать с Социалистической партией и созвать общеамериканский съезд левого крыла для образования коммунистической партии. Большинство же делегатов конференции, в том числе самые влиятельные лидеры левых социалистов — Джон Рид, Чарлз Рутенберг и Элфред Вагенкнехт, придерживались другой точки зрения. Они считали, что было бы неверно спешить с выходом из Социалистической партии, что, напротив, надо взять курс на завоевание большинства ее членов на сторону революционного социализма и на превращение ее в боевую партию пролетариата. Подобная точка зрения была, «несомненно, более гибкой и более правильной» [27]. Тем не менее разногласия между двумя группами левого крыла преодолеть не удалось, и каждая из них стала действовать независимо друг от друга.

30 августа 1919 г. в Чикаго собралась чрезвычайная конференция Социалистической партии. Часть представителей левого крыла во главе с Дж. Ридом и Э. Вагенкнехтом в соответствии с разработанным ими планом явилась на конференцию и попыталась оказать воздействие на ход обсуждения. Однако мандатная комиссия не признала полномочий делегатов левого крыла, и им было предложено удалиться. Они отказались подчиниться этому незаконному распоряжению. Тогда правосоциалистические лидеры с помощью полиции изгнали их с конференции.

Убедившись в том, что попытка завоевания Социалистической партии на сторону революционного марксизма не увенчалась успехом, группа Рида—Вагенкнехта, которая 31 августа объявила себя «полноправным съездом Социалистической партии» [28], решила объединиться с другой группой левого крыла с целью совместно образовать коммунистическую партию. Однако в тот период это оказалось невозможным. Когда 1 сентября 1919 г. в Чикаго открылся учредительный съезд коммунистической партии, в его работе участвовали только представители мичиганской ор-

[25] *Петров П. С.* Возникновение Коммунистической партии США и ее борьба за легализацию. М., 1971, с. 172—173.
[26] *Foster W. Z.* History of the Communist Party of the United States, p. 162—163.
[27] Ibid., p. 164.
[28] *Петров П. С.* Указ. соч., с. 189.

ЧАРЛЗ РУТЕНБЕРГ

ганизации, делегаты нескольких национальных федераций и те, кто за это время перешел на их позиции (среди них был и Ч. Рутенберг). Большинством голосов делегаты съезда отказались поддержать предложение группы Рида — Вагенкнехта о слиянии двух левых течений и рекомендовали членам этой группы вступать в партию в индивидуальном порядке. В тот же день съезд принял решение о создании Коммунистической партии Америки (КПА). Ответственным секретарем КПА был избран Ч. Рутенберг.

Группа Рида — Вагенкнехта отвергла условия, выставленные учредительным съездом Компартии. На следующий день, 2 сентября 1919 г., она собрала собственный съезд, который объявил об образовании параллельной коммунистической организации, получившей название Коммунистической рабочей партии Америки (КРПА). Пост ее ответственного секретаря занял Э. Вагенкнехт.

Таким образом, в 1919 г. на базе левого крыла Социалистической партии в Соединенных Штатах одновременно возникли две самостоятельные коммунистические организации, в каждой из которых насчитывалось примерно 30 тыс. членов [29]. Между ними не было каких-либо принципиальных программных расхождений. Однако они отличались друг от друга по национальному составу, а это обусловило некоторые особенности их характера и организационной структуры. В рядах КПА объединились главным образом социалисты-иммигранты. Как и ранее, они входили в различные национальные федерации, которые сохраняли известную степень автономии. Напротив, КРПА состояла преимущественно из коренных американцев и основывалась на принципах строгой централизации. Члены КПА отличались, как правило, большей теоретической зрелостью, в то время как в составе КРПА было больше практических работников, тесно связанных с профсоюзами. Следовательно, две коммунистические партии, возникшие в 1919 г. в США, представляли как бы две разные стороны коммунистического движения страны, которые для успеха дела необходимо было объединить.

Однако процесс консолидации коммунистического движения Соединенных Штатов оказался весьма трудным и длительным. Острые споры между руководством КПА и КРПА по ряду политических и организационных вопросов, и прежде всего по вопросу о статусе национальных федераций, мешали объединению двух партий. Только через несколько месяцев между национальным комитетом КРПА и частью членов нацио-

[29] Там же, с. 192.

нального комитета КПА во главе с Ч. Рутенбергом было достигнуто соглашение, на основе которого в мае 1920 г. была образована Объединенная коммунистическая партия Америки (ОКПА). Тем не менее раскол в коммунистическом движении США не был преодолен, поскольку сторонники автономии национальных федераций отказались участвовать в переговорах об объединении и продолжали действовать в качестве самостоятельной Коммунистической партии Америки.

Возникновение коммунистических организаций и начавшийся процесс консолидации всех групп, перешедших на позиции марксизма, были большим шагом вперед в развитии рабочего и социалистического движения США. Теперь на очередь дня стала другая, не менее важная задача — связать этот революционный авангард с массами рабочих и фермеров, дать им конкретную, научно обоснованную программу борьбы.

На пути к достижению этой цели американские коммунисты встретились с огромными трудностями. Еще в конце 1919 — начале 1920 г. в ходе массовых полицейских облав на радикалов обе коммунистические партии, не успев окрепнуть, подверглись суровым репрессиям и вынуждены были перейти на нелегальное положение. В тяжелых условиях подполья еще более ослабли и без того пока непрочные связи коммунистов с массами, а численность партий резко сократилась: в начале 1921 г. из 60 тыс. членов, которые они насчитывали в момент создания, осталось всего лишь около 12 тыс.

К этим объективным трудностям добавились крайне неблагоприятные последствия догматизма и сектантства, которые были свойственны молодому коммунистическому движению США. Коммунисты допускали серьезные ошибки, когда пытались применить основные принципы марксизма-ленинизма к анализу реальной американской действительности. Не учитывая своеобразия конкретно-исторической обстановки и переоценивая революционные возможности американского пролетариата, обе компартии ошибочно ставили своей ближайшей задачей установление диктатуры пролетариата и отрицали необходимость борьбы за частичные реформы. В соответствии с этим они отказывались от поддержки демократических движений, не носивших антикапиталистического характера. «Ни в избирательных кампаниях, ни в любых других сферах своей деятельности,— говорилось, например, в программе КПА,— компартия ни в коем случае не должна сотрудничать с такими группами и партиями, которые не признают революционной классовой борьбы» [30].

Неизбежным результатом такой позиции была изоляция авангарда пролетариата от основной массы рабочих и фермеров, что очень неблагоприятно отражалось на развитии рабочего и демократического движения. Вот почему задача преодоления сектантства и установления тесных связей коммунистов с массами выдвинулась к началу 20-х годов на первый план.

Но для этого необходимо было добиться идейной и организационной консолидации авангарда американского пролетариата. В мае 1921 г. при посредничестве Коммунистического Интернационала удалось наконец прийти к соглашению о создании единой Коммунистической партии Америки. На пост ее ответственного секретаря был избран Ч. Рутенберг.

Сплочение сил коммунистического движения создало благоприятные

[30] The American Labor Year Book, 1919—1920. N. Y., 1920, p. 418.

условия для перехода в ряды компартии всех наиболее сознательных и преданных интересам рабочего класса деятелей социалистического и профсоюзного движения. Летом 1921 г. в состав Коммунистической партии вступили У. З. Фостер и руководимая им группа опытных и авторитетных профсоюзных работников, которые вели активную борьбу за укрепление левого крыла в союзах АФТ. Тогда же членами партии стали многие передовые деятели «Индустриальных рабочих мира» во главе с У. Хейвудом.

Организационное укрепление коммунистического движения подготовило базу и для его идейного роста. В начале 20-х годов американские коммунисты вступили на путь постепенного преодоления догматизма и сектантства. Это нашло выражение в новой программе, принятой в мае 1921 г. на объединительном съезде КПА и ОКПА. Отказываясь от прежних ультралевых взглядов, Коммунистическая партия Америки заявила о том, что в дальнейшем она не ограничится одной лишь пропагандой конечных целей рабочего движения, а «примет активное, руководящее участие в борьбе рабочих за удовлетворение их повседневных нужд» [31].

Условия подполья, в которых в начале 20-х годов пришлось действовать американским коммунистам, крайне затрудняли их связи с массами. Нужно было найти возможности для развертывания легальной работы партии. С этой целью в июле 1921 г. по инициативе компартии была создана параллельная, легальная коммунистическая организация — Американский рабочий союз. Вместе с так называемым Рабочим советом, группой левых социалистов, отколовшихся в 1921 г. от Социалистической партии, новая коммунистическая организация начала энергичную кампанию за объединение передовых рабочих США в общенациональную революционную партию, которая разделяла бы важнейшие принципы КПА, но в отличие от нее могла бы действовать легально. Эта задача и была выполнена в декабре 1921 г., когда конференция левых групп в Нью-Йорке объявила о создании легальной Рабочей партии Америки (РПА).

В программе РПА впервые в истории коммунистического движения в США была сделана попытка выдвинуть не только программу-максимум, но и программу-минимум рабочего движения, направить коммунистов на путь сочетания социалистической пропаганды с борьбой за удовлетворение повседневных нужд народа. В соответствии с этим Рабочая партия Америки взяла курс на установление тесных связей с массовыми организациями трудящихся. Значение и смысл этого важного поворота в деятельности коммунистов были полностью оценены лишь много лет спустя. В 1969 г. в одной из статей марксистского теоретического журнала «Политикал афферс», посвященной 50-летию Коммунистической партии США, говорилось, что в начале 20-х годов американские коммунисты сделали первые попытки «приступить к построению того, что впоследствии было названо антимонополистической коалицией» [32].

Преодолевая ультралевые тенденции недооценки работы в реформистских профсоюзах, РПА вступила в тесный контакт с Лигой профсоюзной пропаганды (ЛПП), объединением революционных элементов тред-юнионов АФТ, которое было основано в ноябре 1920 г. группой передовых

[31] *Bimba A.* Op. cit., p. 290.
[32] *Foley T.* The La Follette Campaign of 1924.— Political Affairs, 1969, Sept.-Oct., p. 39.

деятелей профсоюзного движения во главе с У. З. Фостером. Весной 1922 г. коммунисты вместе с ЛПП развернули агитацию за превращение раздробленных цеховых тред-юнионов АФТ в мощные производственные профсоюзы и за вовлечение в них масс неквалифицированных рабочих. Эта кампания за перестройку организационной структуры профсоюзного движения нашла широкий отклик в организациях АФТ. Она была поддержана тысячами местных союзов и федерациями труда 17 штатов. Важную роль Компартия сыграла и в развитии движения солидарности с Советской Россией.

Еще более энергично стали действовать коммунисты после того, как Компартия получила возможность выйти из подполья. В апреле 1923 г. на ее очередном съезде было принято решение упразднить нелегальные организации партии и консолидировать все силы коммунистического движения в рядах единой Рабочей партии Америки. К концу 1923 г. в ней насчитывалось уже около 25 тыс. членов.

Процесс идейного роста и организационного укрепления Коммунистической партии создал более благоприятные условия для борьбы за установление тесных связей левого крыла рабочего движения с участниками демократических антимонополистических движений, развернувшихся в тот период в США.

3. ОБЩЕДЕМОКРАТИЧЕСКОЕ ДВИЖЕНИЕ

Мировая война и ее социально-экономические последствия способствовали развитию антимонополистической борьбы американского народа. Это был ответ на происшедшее в результате войны новое усиление экономического и политического могущества крупнейших монополий, подкрепленного к тому же всей силой буржуазного государства. Чем сильнее проявлялось своекорыстие крупного капитала, чем теснее становился союз буржуазного государства и монополистических объединений, тем острее народные массы выражали свое возмущение, тем шире развертывалась их борьба против всевластия монополий.

Одним из важных направлений этой борьбы стало негритянское движение. Материальной основой нового этапа в его развитии, наступившего после окончания первой мировой войны, были серьезные сдвиги в социальной структуре и экономическом положении негритянского населения США. Быстрое развитие промышленности вызвало резкое увеличение спроса на рабочую силу. Важным источником дешевой рабочей силы для крупнейших индустриальных центров Севера явились негры южных штатов. К началу 20-х годов сотни тысяч черных американцев переехали на Север. Начался стремительный рост численности негритянского пролетариата.

Экономический кризис 1920—1921 гг. особенно тяжело отразился на неграх. Многие неквалифицированные рабочие-негры, не входившие в профсоюзы, стали первыми жертвами кризиса и безработицы. Жизненный уровень негритянского пролетариата снизился до крайних пределов. В еще более бедственном положении оказались миллионы мелких негритянских арендаторов-издольщиков в штатах Юга. Наступление предпринимателей сопровождалось новым усилением антинегритянского террора. Вооруженные банды Ку-клукс-клана бесчинствовали по всем южным штатам, творя кровавые расправы. Только за 1919—1922 гг. в стране

линчевали 239 негров. Ку-клукс-клан стал крупной политической силой и в ряде индустриальных штатов Севера. Во многих северных городах были намеренно спровоцированы «расовые беспорядки», в ходе которых погибли сотни негров.

Тяжелое экономическое положение, усиление монополистической эксплуатации, жестокая расовая дискриминация, террор куклуксклановцев — все это привело к росту сопротивления негритянского населения. На арену политической жизни США выступил «новый негр», который, по словам одной из радикальных газет того периода, требовал «полного социального равенства, права на образование, права на самозащиту вплоть до применения физической силы, свободы слова, печати и собраний» [33]. Укрепились и негритянские организации. В 1920 г. в рядах крупнейшей из них — Национальной ассоциации содействия прогрессу цветного населения (НАСПЦН) — насчитывалось не менее 100 тыс. членов. Одним из ее руководителей был выдающийся негритянский ученый писатель и общественный деятель У. Дюбуа. Большую работу по организации экономической помощи неграм проводила другая организация — Национальная городская лига, основанная в 1911 г.

Важным направлением борьбы негров после войны стало буржуазно-националистическое движение, во главе которого стоял идеолог негритянской мелкой буржуазии Маркус Гарви. На первых порах оно было поддержано широкими слоями американских негров. Это объяснялось тем, что программа гарвеизма выразила устремления негритянских масс. М. Гарви призывал негров не стыдиться своей черной кожи, а гордиться ею. Он учил их гордиться славной историей героической борьбы негров за свободу. Он звал их к продолжению и успешному завершению этой борьбы: «Народы мира знают теперь, что вчерашний негр сошел со сцены человеческой деятельности, что его место занял новый негр, который прочно стоит на ногах, который сознает свои человеческие права и полон решимости добиться и сохранить их любой ценой» [34].

В августе 1920 г. по инициативе Гарви в Нью-Йорке был проведен негритянский съезд, на который прибыли представители черного населения США, Центральной и Южной Америки и даже Африки. Съезд принял Декларацию прав негритянских народов мира, которая требовала ликвидации всех форм расового угнетения и провозглашала право негров на полное равноправие и на то, чтобы самим определять свою судьбу. После съезда в Нью-Йорке популярность гарвеизма быстро возросла. В начале 20-х годов в орбиту его влияния были вовлечены миллионы негров.

Однако практическая деятельность М. Гарви и руководимой им организации вступила в противоречие с провозглашенными ими целями. Гарвеисты отказались от какого-либо участия в политической борьбе. Они выступили против установления связей с рабочим движением. В первый период своей деятельности М. Гарви и его последователи, продолжая линию, начатую в конце XIX в. Букером Т. Вашингтоном, организовали несколько коммерческих негритянских предприятий, в том числе негритянскую пароходную компанию. Затем на первый план в программе и практической деятельности гарвеистов выступил лозунг пе-

[33] Цит. по: *Фостер У. З.* Негритянский народ в истории Америки. М., 1955, с. 582.
[34] Цит. по: *Cronon E. D.* Black Moses. The Story of Marcus Garvey and the Universal Negro Improvement Association. Madison (Wis.), 1969, p. 71.

реселения негров в Африку. Пароходная компания осуществила несколько рейсов в Африку, но очень быстро обанкротилась. Постепенно начался отход широких масс черного населения от гарвеизма. Многие стали понимать, что путь к решению негритянского вопроса не в попытках осуществления реакционно-утопического лозунга «Назад в Африку», а в борьбе за улучшение положения негров в самих США, в активном участии в общей борьбе народных масс против монополистического гнета. «Самое лучшее, что вы можете сделать,— заявил, обращаясь в сентябре 1922 г. к неграм, один из радикальных негритянских журналов,— это оставаться в Америке и *здесь* сражаться за свое освобождение» [35].

Активное участие в демократическом антимонополистическом движении в США после первой мировой войны приняло фермерство. В условиях аграрного кризиса, вызвавшего сильное падение доходности сельского хозяйства, в борьбу вступили не только массы мелких и средних фермеров, но и сельскохозяйственная буржуазия. Интересы различных слоев фермерского населения защищали крупнейшие фермерские организации — Американская федерация фермерских бюро, орден грейнджеров и Национальный фермерский союз. Если первые две организации были консервативными, то в деятельности Национального фермерского союза нередко ощущалось определенное влияние радикальных фермерских групп, в какой-то мере отражавших и настроения мелкого и среднего фермерства.

Важной формой послевоенного фермерского движения стала борьба за создание централизованной системы сбытовых сельскохозяйственных кооперативов в целях подрыва или по крайней мере ограничения позиций монополистических торгово-посреднических фирм. Осенью 1920 г. в ряде штатов Среднего Запада и Юга произошло несколько фермерских забастовок, участники которых отказывались от продажи сельскохозяйственной продукции и бойкотировали зерновые элеваторы, скотобойни, табачные заводы и другие предприятия посреднических компаний. Однако сельскохозяйственная кооперация по-прежнему охватывала лишь незначительное меньшинство фермерских хозяйств (в среднем около 15%) [36], и общий объем сбыта ею важнейших продуктов земледелия и животноводства оставался сравнительно небольшим.

Неудовлетворенность фермеров результатами кооперативного движения заставила их обратиться к идее государственной помощи сельскому хозяйству. В мае 1921 г. группа сенаторов и членов палаты представителей федерального конгресса от сельскохозяйственных штатов Запада и Юга объединилась в так называемый Фермерский блок. Во главе нового объединения стал сенатор-республиканец от штата Айова Уильям Кеньон, а в его состав вошли видные политические деятели США: сенаторы Роберт Лафоллетт, Джордж Норрис, Чарлз Макнери, Артур Кэппер и др. Организовавшись как регулярно действующая парламентская фракция, Фермерский блок в течение 1921—1923 гг. добился некоторых успехов в сфере аграрного законодательства, главным образом в деле улучшения системы сельскохозяйственного кредита, в борьбе за полную легализацию статуса сельскохозяйственной кооперации и в организации государственной помощи фермерским кооперативам.

---

[35] Ibid., p. 186.
[36] U. S. Census of Agriculture, 1925. Wash., 1927, vol. 1, p. 74.

Еще одной важной формой послевоенного демократического движения в Соединенных Штатах явилась борьба за независимые политические действия трудящихся, которая имела четко выраженную антимонополистическую направленность. Это было результатом растущего возмущения народных масс засильем монополий. В то же время она отразила глубокое разочарование трудящихся в политике буржуазных партий, а иногда и их стремление выйти за рамки традиционной двухпартийной системы.

Наибольшую активность в борьбе демократических сил за независимые политические действия проявили левые профсоюзные круги, которые группировались вокруг Чикагской федерации труда, ставшей тогда своеобразным центром прогрессивного рабочего движения. В ноябре 1918 г. президент этой федерации Дж. Фитцпатрик обратился к американским рабочим с призывом к созданию массовой рабочей партии. Руководство федерации разработало и основу ее будущей платформы, которая предусматривала проведение ряда важных социально-экономических преобразований в целях ограничения господства монополий. Главное место в ней заняли требования национализации железных дорог, пароходных компаний, предприятий гидроэнергетики, телеграфных и телефонных линий, зерновых элеваторов и неиспользуемой земли. В платформе были выдвинуты также требования введения 8-часового рабочего дня и 44-часовой рабочей недели, принятия закона о минимальной заработной плате, признания за рабочими права на объединение в профсоюзы и заключение коллективного договора, установления государственной системы социального обеспечения, усиления налогового обложения крупного капитала, демократизации политического строя США, отмены любых ограничений свободы слова, печати и собраний. Наконец, в противовес вильсоновскому лозунгу Лиги наций программа Чикагской федерации труда выдвигала предложение создать Лигу рабочих всех наций, чтобы «добиться уничтожения автократии и милитаризма» и «осуществить всеобщее разоружение» [37].

На основе этой демократической антимонополистической программы в США развернулось движение за организацию рабочих партий сначала в отдельных штатах, а затем и в общенациональном масштабе. В ноябре 1919 г. на съезде в Чикаго была создана Национальная рабочая партия. Платформа новой партии — Декларация принципов — представляла собой дальнейшее развитие программы Чикагской федерации труда. Так, в Декларации принципов говорилось о необходимости национализации основных отраслей промышленности, транспорта и банковской системы и введения демократического управления ими. Были расширены и политические требования, в частности включены пункты о прекращении интервенции против Советской России и предоставлении равных прав негритянскому населению США [38].

Чикагская федерация труда и рабочие партии, сформированные в 1918—1919 гг. под ее влиянием, составили левое крыло демократического движения. Но наряду с этим крылом, отражавшим позицию передовых профсоюзных активистов, существовало и более умеренное течение. Его идеологи тоже выступали против засилья монополий, выдвигали программу прогрессивных реформ, стремились к независимым политическим дей-

[37] The American Labor Year Book, 1919—1920, p. 200—201.
[38] Ibid., p. 438—439.

ствиям, однако предпочитали проводить их в рамках существующих буржуазных партий. Они направляли свои усилия на то, чтобы, используя систему первичных выборов, добиться выдвижения собственных, независимых кандидатов по спискам республиканской или демократической партии и обеспечить их избрание в конгресс и в местные органы власти. «У нас в Америке есть то, чего нет ни в одной другой стране мира,— говорил один из лидеров железнодорожных профсоюзов, Э. Китинг.— Это система первичных выборов... Имея такую систему, мы не нуждаемся в третьей партии, ибо, если только народ захочет, он в любой момент может обновить ту или иную из старых партий, просто-напросто действуя соответствующим образом на первичных выборах» [39].

Ведущую роль в умеренном крыле демократического движения играли профсоюзы рабочих железнодорожного транспорта. За ними шла часть фермерства, городской мелкой и средней буржуазии, а также прогрессивная интеллигенция. Конечно, взятая ими тактическая линия была лишь простейшей формой независимого политического действия. Но по сравнению с пассивным следованием за официальными кандидатами двух буржуазных партий, характерным для большинства профсоюзов АФТ, это был существенный шаг вперед.

Практическое подтверждение определенной эффективности подобных методов борьбы дала деятельность Беспартийной лиги, радикальной фермерской организации, созданной в 1915 г. в Северной Дакоте местным фермером Артуром Таунли. На выборах 1918 г. лига одержала крупную победу. Добившись выдвижения своих собственных кандидатов по избирательным спискам республиканской партии, она завоевала все основные административные посты в Северной Дакоте, включая пост губернатора, и обеспечила себе абсолютное большинство в обеих палатах местного законодательного собрания.

В 1919—1920 гг. под руководством Беспартийной лиги в Северной Дакоте было проведено много важных демократических реформ. На средства специально созданного банка штата Северной Дакоты местные власти начали строительство общественных элеваторов и мукомольных фабрик, которые должны были вытеснить предприятия монополистических посреднических фирм. На территории штата был введен прогрессивно-подоходный налог, снижены железнодорожные тарифы и процентные ставки по долгам, установлена система компенсации рабочим в случае потери трудоспособности. Наконец, в штате была основана ассоциация по строительству жилых домов, которая приступила к выдаче льготных ссуд рабочим и фермерам с целью облегчить им покупку или сооружение новых, более благоустроенных жилищ [40].

Энергичные действия Беспартийной лиги встретили ожесточенное сопротивление монополистического капитала. Банкиры отказывались размещать облигации, выпущенные властями штата, крупные фирмы тормозили сооружение общественных элеваторов, не выполняли подряды на жилищное строительство. Реакционная печать запугивала фермеров «красной опасностью», называя руководителей лиги «радикальными со-

---

[39] Цит. по: *Fine N.* Labor and Farmer Parties in the United States, 1828—1928. N. Y., 1961, p. 371.

[40] The New Day in North Dakota. Some of the Principal Laws Enacted by the Sixteenth Legislative Assembly, 1919. Bismarck (N. D.), 1919.

циалистическими последователями Ленина»[41]. Тем не менее борьба за практическую реализацию реформ продолжалась. Даже частичные успехи, завоеванные организациями Беспартийной лиги, имели большое значение не только для Северной Дакоты, но и для всей страны. Они показывали рабочим и фермерам, что при условии их объединения можно добиться известного ограничения господства монополий. Не случайно популярность Беспартийной лиги распространилась далеко за пределами Северной Дакоты. К началу 1920 г. ее отделения существовали в 15 штатах Запада. В них насчитывалось около 250 тыс. регулярных членов; общее же число фермеров, находившихся под идейным влиянием Беспартийной лиги, достигло 1 млн.[42]

К умеренному крылу демократического движения примыкали также различные мелкобуржуазные группы, известные под общим названием прогрессистов. Наиболее активную роль среди них играли «Комитет 48-ми» — небольшая группа представителей мелкобуржуазной интеллигенции, бывших членов распавшейся к тому времени Прогрессивной партии, созданной в 1912 г., радикальные журналы «Нейшн» и «Нью рипаблик», а также группа левых республиканцев во главе с сенатором Р. Лафоллеттом. Эти мелкобуржуазные прогрессистские течения с большей или меньшей последовательностью пропагандировали программу демократических антимонополистических реформ, теоретической основой которой были взгляды известного американского экономиста Т. Веблена. Прогрессисты выступали также с осуждением политики американского правительства по отношению к Советской России. Они приняли активное участие в борьбе за прекращение антисоветской интервенции и вывод из России всех иностранных войск.

Радикальные фермерские группы и мелкобуржуазные прогрессистские течения выражали интересы средних слоев капиталистического общества, удельный вес которых в тогдашнем населении США был, как мы уже видели, довольно велик. Положение мелкобуржуазных социальных групп, разорявшихся в конкурентной борьбе с трестами и концернами, неизбежно ставило их в оппозицию монополиям. Конечно, будучи представителями промежуточных слоев общества, эти группы вносили в демократическое движение немало иллюзий и предрассудков. Но при всех разногласиях с передовыми рабочими мелкобуржуазные прогрессистские группировки были солидарны с ними в главном — в стремлении обуздать монополии. А это означало, что в Соединенных Штатах постепенно создавались предпосылки для объединения всех антимонополистических сил.

Главными застрельщиками в борьбе за единство демократических сил выступали передовые элементы профсоюзного движения. В июле 1920 г. на втором съезде Национальной рабочей партии было принято решение о ее преобразовании в Фермерско-рабочую партию США (ФРП). В ее состав вошли Чикагская федерация труда и другие левые профсоюзы, а также ряд местных радикальных фермерских групп и большинство рядовых членов «Комитета 48-ми». Съезд принял политическую платформу, которая была составлена на основе Декларации принципов Национальной рабочей партии.

Значительное усиление радикальных настроений в среде рабочих и

---

[41] *Fite G.* Peter Norbeck: Prairie Statesman. Columbia (Mo), 1948, p. 66.
[42] Nonpartisan Leader, 1919, Sept. 22, p. 3.

фермеров нашло отражение и в итогах президентских выборов 1920 г. Кандидат Социалистической партии Америки Ю. Дебс, выступавший на этих выборах с антикапиталистической платформой, получил 920 тыс. голосов, а за кандидата Фермерско-рабочей партии США П. Кристенсена, пропагандировавшего широкую программу антимонополистических требований, голосовало 265 тыс. человек[43]. Таким образом, более 1 млн. избирателей не только выразили недовольство господством крупного капитала, но и пошли на прямой разрыв с традиционной двухпартийной системой. Практический опыт борьбы показывал передовым рабочим и фермерам необходимость перехода к более радикальным формам независимого политического действия и к созданию общенациональной третьей партии.

На основе дальнейшего расширения социальной базы демократического движения и усиления тенденции к независимым политическим действиям трудящихся в начале 20-х годов была предпринята попытка объединения в масштабах страны всех антимонополистических сил. На съезде представителей различных прогрессивных организаций, состоявшемся в феврале 1922 г. в Чикаго, была основана общенациональная федерация важнейших течений демократического движения, названная Конференцией прогрессивного политического действия (КППД). Во главе нового объединения оказались лидеры железнодорожных профсоюзов, стремившиеся ограничить его действия поддержкой отдельных прогрессивных кандидатов по спискам республиканской и демократической партий. Однако наряду с представителями умеренного крыла демократического движения в состав КППД вошли и радикальные группы, связанные с левыми кругами профсоюзов. Выразителями их взглядов стали Фермерско-рабочая партия США и ее отделения в различных штатах, которые продолжали борьбу за создание самостоятельной массовой партии трудящихся.

Программа КППД предусматривала ряд реформ, направленных на ограничение власти монополий и демократизацию политического строя страны. Среди предложенных ею мер были: национализация железных дорог, установление общественного контроля над угольными копями и предприятиями гидроэнергетики, повышение налогов на крупные доходы, введение прямых выборов президента, ограничение полномочий Верховного суда и т. д. Несомненно, программа могла стать первоначальной основой для сплочения всех демократических сил. Именно из этого исходило руководство Рабочей партии Америки, когда в мае 1922 г. приняло решение установить тесный контакт с Фермерско-рабочей партией, чтобы вместе с ней вести в рамках КППД энергичную агитацию за создание общенациональной массовой партии трудящихся.

На второй сессии КППД, собравшейся в декабре 1922 г. в Кливленде, представители Фермерско-рабочей партии, а также делегаты Чикагской федерации труда, Объединенного союза швейников и других левых профсоюзов выступили за немедленное образование общенациональной третьей партии. Они внесли резолюцию, призывавшую КППД высказаться за то, чтобы «независимые политические действия рабочих и фермеров осуществлялись впредь через их собственную партию». Однако большинством голосов съезд отверг предложение делегатов левого крыла и оставил

[43] Historical Statistics of the United States, p. 1073.

в силе тактическую линию лидеров железнодорожных братств, отдававшую предпочтение действиям в рамках двухпартийной системы [44].

Передовые профсоюзные активисты, примыкавшие к Чикагской федерации труда и Фермерско-рабочей партии, выражали недовольство подобным исходом, который, по их мнению, был «по сути дела одобрением гомперсистской политики поощрения друзей и наказания врагов рабочего движения в буржуазных партиях» [45]. Поэтому деятели левого крыла порвали с КППД, вышли из ее состава и попытались действовать самостоятельно. В июле 1923 г. в Чикаго был проведен общенациональный съезд левых групп демократического движения. В его работе активно участвовали коммунисты. Съезд принял решение организовать новую политическую партию трудящихся — Федеративную фермерско-рабочую партию (ФФРП).

Однако и на самом съезде и особенно после него обнаружилось, что многие из организаций рабочих и фермеров, примыкавших к левому крылу, начали отходить от только что созданной партии. Завоевать массы рабочих и фермеров ФФРП не удалось. Важнейшей причиной поражения левых сил было то, что основная масса участников демократического движения не была готова к полному разрыву с двухпартийной системой. Большинство их шло за деятелями умеренного крыла и руководимой ими КППД. На предстоявших выборах 1924 г. они намеревались проводить своих кандидатов по спискам двух основных политических партий. Даже в рядах левого крыла были сильны тенденции в пользу поддержки прогрессивных деятелей типа сенатора Р. Лафоллетта.

4. ИЗБИРАТЕЛЬНАЯ КАМПАНИЯ 1924 Г.

В этой обстановке развернулась избирательная кампания 1924 г. Она характеризовалась острой политической борьбой. Две основные силы противостояли друг другу: силы реакции, в одинаковой степени контролировавшие обе буржуазные партии, и демократические силы страны, которые были возмущены промонополистическим курсом политики правящих кругов США и стремились к глубоким социально-политическим преобразованиям.

На предвыборных съездах и республиканцы и демократы полностью игнорировали развернувшееся в стране демократическое движение. Особенно непримиримо были настроены деятели правящей республиканской партии. Съезд этой партии, состоявшийся в июне 1924 г. в Кливленде, прошел при безраздельной гегемонии реакционной «старой гвардии» республиканцев. Платформа, утвержденная съездом, открыто защищала промонополистический, реакционно индивидуалистический политический курс. Республиканская партия твердо высказалась за «решительную экономию путем сокращения государственных расходов». В платформе партии говорилось: «Процветание американской нации держится на силе частной инициативы, которая воспитала дух независимости и уверенности в своих силах. Республиканская партия, как всегда, выступает против любых попыток вмешательства правительства в дела бизне-

---

[44] The American Labor Year Book, 1923—1924. N. Y., 1924, p. 50.
[45] *Pepper J.* For a Labor Party. Recent Revolutionary Changes in American Politics. Chicago, 1923, p. 68.

са»[46]. Одновременно в платформе говорилось о необходимости дальнейшего повышения таможенных пошлин, сокращения налогов на доходы крупных компаний и т. д. Кандидатом на пост президента США от республиканской партии, как и предполагалось, был выдвинут К. Кулидж.

Демократы пытались нажить себе политический капитал шумными обличениями правительственной коррупции периода республиканской администрации Гардинга. Однако никаких новых идей демократическая партия не выдвигала, и ее избирательная платформа была похожа на республиканскую. Кроме того, демократы не имели признанного общенационального лидера. После ухода В. Вильсона с политической арены «демократы рассеялись на мелкие фракции», а в идеологии партии «местничество заменило широкие вильсоновские лозунги»[47]. Лидеры этих фракций стремились не к выработке конструктивной альтернативы курсу республиканцев, а к достижению беспринципных компромиссов для победы во внутрипартийной борьбе. Поэтому предвыборный съезд демократической партии, открывшийся в июне 1924 г. в Нью-Йорке, продолжался необычайно долго. В течение двух недель на нем шла борьба различных фракций, в ходе которой делегаты промышленных штатов Северо-Востока отстаивали кандидатуру губернатора штата Нью-Йорк А. Смита, а представители аграрных районов Юга и Запада — кандидатуру видного деятеля вильсоновской администрации У. Макаду. Ни тот, ни другой так и не получили большинства. В конце концов партийные боссы остановили свой выбор на кандидатуре Дж. Дэвиса, консервативного политического деятеля, бывшего американского посла в Англии, юрисконсульта банкирского «дома Морганов». На 103-м туре голосования Дж. Дэвис был утвержден кандидатом демократической партии на пост президента.

Предвыборные съезды республиканцев и демократов не оправдали надежд лидеров КППД. И избирательные платформы обеих партий и их кандидаты оказались реакционными. Однако даже в этих условиях руководство КППД выступило против создания третьей партии. Предвыборный съезд КППД, состоявшийся в июле 1924 г. в Кливленде, принял решение о выдвижении кандидатом в президенты сенатора Р. Лафоллетта, который намеревался вести избирательную кампанию как независимый кандидат, баллотирующийся на основе собственной платформы.

Программа сенатора Р. Лафоллетта на выборах 1924 г. была прогрессивным документом. Она провозглашала главной целью ограничение экономического и политического могущества монополий, ликвидацию контроля монополий над правительством и экономикой страны. Для достижения этих целей предусматривалось проведение таких мероприятий, как национализация железных дорог и предприятий гидроэнергетики, введение общественного контроля над естественными ресурсами, повышение налогового обложения крупного капитала. Большое внимание в программе Р. Лафоллетта уделялось требованиям рабочих и фермеров. В ней говорилось о необходимости признать за рабочими право на организацию и заключение коллективного договора, запретить вмешательство судов в трудовые конфликты, организовать общественные работы для безработ-

---

[46] National Party Platforms, 1840—1972 / Compl. by D. Johnson, K. Porter. Urbana (Ill.), 1973, p. 258, 263.

[47] *Burner D.* The Politics of Provincialism. The Democratic Party in Transition, 1918—1932. N. Y., 1968, p. 50, 168.

ных, предоставить фермерам дешевый кредит. Наконец, платформа требовала широкой демократизации политического строя США [48].

Программа сенатора Р. Лафоллетта как политического представителя мелкой буржуазии включала в себя не только радикальные, но и консервативные идеи. В ней было много реформистских иллюзий. Она не настаивала на создании третьей партии. Но при всей своей мелкобуржуазной ограниченности программа Р. Лафоллетта играла все же прогрессивную роль, поскольку направляла смутное брожение миллионов трудящихся в русло общедемократической антимонополистической борьбы.

Кандидатура Р. Лафоллетта встретила широкую поддержку среди избирателей. Это нашло отражение в многочисленных письмах в штаб избирательной кампании Р. Лафоллетта представителей различных социальных групп, возмущенных засильем монополий и недовольных реакционным курсом политики буржуазных партий [49]. В поддержку Р. Лафоллетта высказались многие рабочие и фермерские организации, в частности съезд Социалистической партии и ряд крупных профсоюзов. Впервые за все время своего существования АФТ официально высказалась за независимого кандидата на пост президента США и поддержала кандидатуру Р. Лафоллетта, хотя и сделала специальную оговорку, что это не означает ни отказа от политики «беспартийности», ни согласия с движением за независимые политические действия или третью партию [50].

Таким образом, в ходе избирательной кампании 1924 г. возникла широкая, хотя и слабо оформленная в организационном отношении, коалиция демократических сил, которая вошла в историю как «движение Лафоллетта». По оценке У. З. Фостера, это был «единый фронт рабочих, мелкой буржуазии и фермеров в борьбе против монополистического капитала, находившийся под руководством мелкой буржуазии и профсоюзных лидеров» [51]. Анализируя впоследствии позицию коммунистов в кампании 1924 г., руководители Коммунистической партии США говорили, что наиболее правильно было бы действовать в тот период как левое крыло «движения Лафоллетта», оказывать ему необходимую поддержку, но одновременно подвергать критике слабости его избирательной платформы.

Однако в 1924 г. в коммунистическом движении США обнаружились признаки той самой болезни «левизны», на которую еще в 1920 г. указывал В. И. Ленин. Одним из конкретных ее проявлений и были сектантские ошибки, допущенные Рабочей партией Америки, когда она, отвергнув мысль о какой бы то ни было поддержке Р. Лафоллетта как политического деятеля, «не выступающего против капиталистической системы» [52], выставила собственного кандидата на пост президента. В своей избирательной платформе РПА выдвигала на первый план не назревшие задачи демократической борьбы, которые постепенно могли подвести рабочий класс к пониманию его исторической миссии, а явно преждевременные в тогдашних условиях лозунги «уничтожения капитализма и установления рабоче-фермерского правительства как органа дик-

---

[48] National Party Platforms, p. 252—253.

[49] C. A. Brothers to W. Johnston, July 20, 1924; L. F. Post to R. La Follette, August 3, 1924; M. Parsons to M. Rawleigh, August 27, 1924.— Library of Congress, Washington (D. C.), Division of Manuscripts, Robert M. La Follette, Sr., Papers.

[50] The American Federationist, 1924, Sept., p. 708.

[51] *Foster W. Z.* History of the Communist Party of the United States, p. 220.

[52] Labor Herald, 1924, July, p. 150.

татуры пролетариата»[53]. Подобная тактическая линия была ошибочной, как это и отмечали впоследствии деятели коммунистического движения США[54].

Избирательная кампания Р. Лафоллетта встревожила представителей крупного капитала. Республиканцы и демократы обрушились на общего политического противника. Они извращали взгляды Лафоллетта, называли его «опасным радикалом», «красным», «разрушителем американских институтов». Не обошлось, разумеется, и без криков о пресловутой «руке Москвы», о том, что Р. Лафоллетт проводит свою избирательную кампанию будто бы на средства, полученные из Советского Союза[55]. Не ограничиваясь методами идеологического воздействия, реакционные круги США прибегали к грубому нажиму и давлению на избирателей, грозя всевозможными карами, вплоть до увольнения с работы или конфискации имущества за долги, тем, кто намеревался поддерживать кандидата прогрессистов.

Несмотря на ожесточенную антилафоллеттовскую кампанию, организационные слабости самого движения и недостаток финансовых средств у независимого кандидата прогрессивных сил, Р. Лафоллетт получил в 1924 г. 4831 тыс. голосов, т. е. 16,5% общего числа голосов избирателей, принявших участие в выборах. Однако одержать победу ему удалось только в одном штате — Висконсине, что дало всего лишь 13 выборщиков. Немалую роль в поражении Р. Лафоллетта сыграло улучшение экономической конъюнктуры, вступление США в период относительной капиталистической стабилизации, все более громкие славословия республиканцев и демократов по поводу американского «просперити».

В этой обстановке победу на выборах одержала республиканская партия. Президентом был избран К. Кулидж, получивший 15 718 тыс. голосов и обеспечивший себе 382 выборщика. Кандидат демократов Дж. Дэвис получил 8385 тыс. голосов и 136 выборщиков[56]. Республиканцы заняли большинство в обеих палатах конгресса. Поражение демократических сил на выборах 1924 г. и начавшийся экономический подъем свидетельствовали о том, что Соединенные Штаты вступили в новый этап своего развития.

---

[53] National Party Platforms, p. 268.

[54] *Foster W. Z.* History of the Communist Party of the United States, p. 220; *Foley T.* The La Follette Campaign of 1924, p. 31, 38—39.

[55] New York Times, 1924, Oct. 16.

[56] Historical Statistics of the United States, p. 1073.

Глава третья

США И ВЕРСАЛЬСКАЯ СИСТЕМА

1. «14 ПУНКТОВ» ВИЛЬСОНА

Передел мира на Парижской конференции 27 государств, продолжавшейся с 18 января 1919 г. по 21 января 1920 г., происходил при активном участии США. Оказавшись в лагере победителей, опираясь на свою возросшую экономическую и финансовую мощь, США вошли в пятерку держав, признанных конференцией «великими» (США, Англия, Франция, Италия, Япония), и выступили с программой американского мирового лидерства. Это был новый этап по сравнению с довоенной политикой, хотя уже давно империалистической, но все же ограничивавшейся экспансией в Латинской Америке и на Дальнем Востоке.

Заявка на глобализм была сделана заокеанской республикой в момент, когда мир раскололся на две системы. Победа Октябрьской революции в России создала притягательный центр для народов, переживших войну и стремившихся освободиться от империалистического гнета. Ленинские идеи о немедленном окончании войны и свержении капиталистических правительств, идеи социализма распространялись на всех континентах. Октябрь и его международное влияние стали главным препятствием гегемонизму США. В этих условиях мировое лидерство требовало идейного обоснования, что и попытался сделать президент Вудро Вильсон.

Роли В. Вильсона в истории США вообще и в создании Версальской системы в частности посвящена огромная по объему американская литература, в которой большое внимание уделяется личным качествам президента. Противники Вильсона объявляли его надменным, не желающим считаться с мнениями других, неспособным политиком, чисто кабинетным ученым, сторонники — идеалистом, движимым высокими идеалами демократии и мира, проповедником, мессией. Усиленное внимание к характеру Вильсона направлено на то, чтобы объяснить поворот к мировому лидерству во внешней политике США и особенно поражение этой политики в 1918—1920 гг. именно личностью президента: в первой неудачной попытке мирового лидерства оказывался виновным Вильсон, но не правящие круги в целом. Такое объяснение стремятся утвердить и работы модного психоаналитического направления [1].

Несомненно, личные качества президента — его почти религиозная нетерпимость, негибкость, склонность к диктату — сыграли определенную роль. В своей политике он исходил скорее из догм, чем из свойственного американцам прагматизма. Но главное состояло в том, что волею обстоятельств он оказался президентом в критический, поворотный период истории, когда мир раскололся на две системы, а США, усилившись в итоге

---

[1] *George A., George J.* Woodrow Wilson and Colonel House. N. Y., 1956; *Tucker R. C.* The George's Wilson Reexamined. An Essay on Psychobiography.— The American Political Science Review, 1977, June; *Weinstein E., Anderson J., Link O.* Woodrow Wilson's Political Personality.— Political Science Quarterly, 1978—1979, Winter.

первой мировой войны, стали претендовать на роль ведущей страны капитализма.

Анализ внешней политики США в первые послевоенные годы представляется более убедительным, если вести речь не столько о якобы одинокой фигуре Вудро Вильсона, «мессии, явившегося слишком рано», «непонятого пророка» и т. п., сколько о более весомом и реальном факторе — вильсонизме. Вильсонизм — американский вариант широко известного явления буржуазного национал-либерализма, сущность которого — сочетание агрессии и реформ,— имел к концу первой мировой войны значительную поддержку в правящих кругах США. В новейшее время буржуазный национал-либерализм включил в свою идеологию борьбу против Октября, против его международного влияния. Антисоветизм стал важнейшим направлением политики Вильсона, долговременной тенденцией и постоянной составляющей истории США.

Главным документом, воплотившим послевоенную программу США, явились «14 пунктов», сформулированных в виде послания президента к конгрессу от 8 января 1918 г. В октябре 1918 г. Вильсон одобрил подготовленный госдепартаментом комментарий к «14 пунктам», который в отличие от основного документа, провозглашавшего в туманных выражениях высокие принципы, был сух, конкретен и служил практическим руководством для американских дипломатов в Версале. Сопоставление обоих документов показывает, что США собирались руководить миром, обеспечивая себе господствующие позиции по всем направлениям международной политики и противопоставляя буржуазную демократию революционным требованиям народов.

Провозглашение «открытых договоров о мире, достигнутых открытым путем» и запрещение тайной дипломатии (п. 1), свобода морей (п. 2), равенство условий для торговли со всеми государствами, т. е., по сути дела, реализация американской доктрины «открытых дверей» (п. 3), сокращение вооружений (п. 4), «беспристрастное решение всех колониальных споров» (п. 5) были направлены против тайных договоров Англии, Франции, Японии (в которых США, вступившие в войну лишь в 1917 г., не участвовали), против их преобладания на морях, в сферах влияния в колониях, в военной области. В то же время, особенно без разъяснявшего их комментария, который появился позже и не был известен непосвященным, эти принципы выглядели как справедливые и демократические, они были своеобразным ответом на приобретавшие широкую популярность советские действия — Декрет о мире, опубликование тайных договоров, требования мира без аннексий и контрибуций, освобождения колоний.

В п. 6, посвященном России, говорилось о «разумной и бескорыстной симпатии» к ней, о «радушном приеме» ее в сообщество наций «при том образе правления, который она сама для себя изберет» [2]. Однако в комментарии п. 6 разъяснялся таким образом, что от «радушного приема» не оставалось и следа: провозглашалась «необходимость» отделения не только Польши и Финляндии, но и Эстонии, Литвы, Украины. «Кавказ придется, вероятно, рассматривать как часть проблемы Турецкой империи», а на Среднюю Азию «придется предоставить какой-нибудь державе огра-

---

[2] Архив полковника Хауза: Т. 1—4. М., 1937—1944, т. 4, с. 151.

ниченный мандат на основе протектората»[3]. Это был, таким образом, план расчленения России на ряд мелких, зависимых образований и даже в Великороссии и Сибири предусматривалось создание «достаточно представительного» правительства, что означало непризнание Советской власти, многократно объявлявшейся «непредставительной».

В отдельных пунктах документа выдвигались требования защиты Германии от претензий Франции (репарации, Саар); сдерживания притязаний Италии при одновременном ограничении позиций Королевства сербов, хорватов и словенцев (будущей Югославии) на Балканах (предложение о «вольных городах» Триесте, Фиуме) и возможном протекторате Италии над Албанией; создания «конфедерации Юго-Восточной Европы» на месте развалившейся Австро-Венгрии и присоединения Австрии к Германии. В них проектировался также международный контроль над турецкими проливами, протекторат «какой-нибудь державы» над Арменией, раздел между Францией и Англией Сирии, Палестины, Месопотамии, Аравии, однако с соблюдением там «открытых дверей» и интернационализацией железных дорог. Здесь ясно просматривался курс США на возрождение германского империализма и противопоставление его Франции; фактическое согласие на установление зависимого положения для народов Балкан и распавшейся Османской империи при создании условий для экспансии американского капитала в этих регионах.

Любимый пункт Вильсона — 14-й — венчал все здание американского лидерства, провозглашая образование Лиги наций с официальной задачей поддержания мира и неофициальным стремлением дать в руки США инструмент вмешательства в международные дела.

Американская пропаганда, стремясь отвлечь массы от революции, посеять иллюзии о возможности демократического решения всех послевоенных проблем с помощью «гуманной Америки», создала широчайшую рекламу «14 пунктам». «Новая Библия», «новая хартия для всего человечества», «победоносная альтернатива большевизму» — таковы были эпитеты, сопровождавшие распространение американской программы по всему миру. Либералы всех стран, писал полковник Хауз, найдут в «14 пунктах» «бесценную поддержку против своих внутренних смут»[4]. Пацифистские буржуазные течения, социал-демократы, либералы подхватили эту пропаганду, прославляя Вильсона как «апостола нового политического порядка» и устраивая ему, когда он появился в Европе в 1919 г., триумфальные встречи с колокольным звоном, пушечными салютами, рядами девушек, одетых в цвета американского флага, бросавших цветы к ногам президента[5].

Истинное значение «14 пунктов» как программы американского гегемонизма и борьбы с революцией было вскрыто В. И. Лениным: «Вильсон был идолом мещан и пацифистов вроде Кейнса и ряда героев II Интернационала... которые молились на „14 пунктов“ ... надеясь, что Вильсон спасет „социальный мир“, помирит эксплуататоров с эксплуатируемыми...»[6]. На деле же «выступление Вильсона явная ложь и лицемерие»[7].

---

[3] Там же, с. 152—153.
[4] Там же, с. 225.
[5] *Лан В. И.* США: от первой до второй мировой войны. М., 1976, с. 56—58.
[6] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 41, с. 224.
[7] Там же, т. 30, с. 255.

В. И. Ленин писал: «Идеализированная демократическая республика Вильсона *оказалась* на деле формой самого бешеного империализма, самого бесстыдного угнетения и удушения слабых и малых народов» [8].

Соглашаясь начать переговоры о мире на основе «14 пунктов», Советское правительство в ноте Чичерина от 24 октября 1918 г. отмечало, что следует довести заявленные принципы последовательно до конца, например предоставить независимость не только Бельгии, Польше и др., но и Ирландии, Египту, Индии, Филиппинам; для восстановления экономики Европы объявить об отказе США от востребования военных долгов и т. п.[9]

Подбор делегации США на конференцию в Версале и развернутая еще до конференции деятельность американской дипломатии подтвердили экспансионистский и антидемократический характер тех внешнеполитических задач, которые собирался решить Вашингтон в связи с переделом мира. Первоначальный список американской делегации, предложенный Хаузом, включал представителей армии, флота, авиации, торговли, судостроения, топливной промышленности, связи, профсоюзов, прессы и т. п.

Однако в целях большей оперативности и после переговоров с другими странами было решено ограничить представительство пяти великих держав пятью делегатами от каждой. Полномочными делегатами США стали: президент Вильсон, государственный секретарь Лансинг, полковник Хауз, генерал Блисс и бывший посол во Франции и Италии Г. Уайт — единственный представитель республиканской партии. Делегацию сопровождал огромный штат в 1300 человек. Вошедшие в начальный список лица были назначены экспертами, советниками, членами различных комиссий конференции. Таким образом, было сохранено широкое представительство монополий и обеспечен охват всех аспектов послевоенного устройства. Одновременно во все концы рассылались миссии США (за первые три-четыре месяца работы в Париже американская делегация отправила 14 миссий — в Германию, Австрию, Чехословакию, Венгрию, Польшу, Прибалтику, Армению, Сирию и др.), которые не только собирали сведения о революционном движении, политических группировках, экономическом состоянии соответствующих стран, но и завязывали отношения с промышленными кругами, давали советы по подавлению революционных организаций, обещая американскую помощь контрреволюционным элементам [10].

Вильсон и Лансинг представляли США в руководящем органе Парижской конференции — Совете десяти, куда входили также делегаты (по 2 человека) Великобритании, Франции, Италии и Японии; вместе с Д. Ллойд Джорджем и Ж. Клемансо Вильсон вошел в «большую тройку» — «сверхправительство» в Версале. «14 пунктов» стали основой, на которой капитулировала Германия 11 ноября 1918 г., на них постоянно

---

[8] Там же, т. 37, с. 192—193.
[9] Внешняя политика СССР: Сб. документов / Сост. А. С. Тисминец. М., 1944, с. 147.
[10] Подробнее о миссиях см.: *Кунина А. Е.* Провал американских планов завоевания мирового господства в 1917—1920 гг. 2-е изд. М., 1954; *Гвишиани Л. А.* Советская Россия и США (1917—1920). М., 1970; *Ганелин Р. Ш.* Советско-американские отношения в конце 1917 — начале 1918 г. Л., 1975; *Индукаева Н. С.* От войны к миру: Политика США в германском вопросе в 1918—1921 гг. Томск, 1977.

ссылались в ходе конференции. Казалось, все обещало успех американским планам. Однако в первые же месяцы работы конференции американская программа-максимум потерпела крушение на большинстве своих направлений. Как и почему это произошло?

Одним из важнейших элементов поражения США стал провал вооруженной интервенции в Советскую Россию.

2. ПОРАЖЕНИЕ ВООРУЖЕННОЙ ИНТЕРВЕНЦИИ ПРОТИВ СОВЕТСКОЙ РОССИИ

Цели и мотивы американского вмешательства в дела Советской России выявила уже предыстория вооруженной интервенции.

Администрация Вильсона очень быстро признала Временное правительство и начала устанавливать с ним тесные контакты через своего посла Д. Фрэнсиса, российского посла в Вашингтоне Б. А. Бахметьева, специальные миссии (политическая миссия во главе с видным деятелем республиканской партии, бывшим государственным секретарем Э. Рутом, железнодорожная — во главе с инженером Дж. Стивенсом, миссия Красного Креста и др.), предоставив ряд займов[11], ведя пропаганду в его пользу, т. е. делая все, чтобы укрепить буржуазный режим в стране, не допустить перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую.

Официальный Вашингтон объяснял внезапную активизацию американцев в России стремлением удержать русского союзника в войне[12]. Однако, по мере того как определялось поражение Германии, становилось все яснее, что эта цель стояла на втором плане: активность США не только не уменьшалась, но становилась жестче и целеустремленнее (требование посла Фрэнсиса о суде над В. И. Лениным, обсуждение перспектив создания диктатуры «железного человека» — Керенского, Савинкова, Корнилова и т. п.).

Когда грянул Октябрь, «идеологический», чисто классовый курс борьбы с революцией приобрел наиболее отчетливые очертания. С первых же дней социалистической революции Соединенные Штаты начали, по выражению Г. В. Чичерина, «подземную войну» против молодого Советского государства, поощряя мятежи Керенского, Духонина, Каледина, распространяя клеветническую пропаганду («документы Сиссона» о большевиках как «немецких агентах»), поддержав оппозицию Брестскому миру в критический момент борьбы большевиков за его ратификацию (телеграмма президента Вильсона IV Всероссийскому съезду Советов от 11 марта 1918 г.). «Заговором молчания» встречались все предложения Советского правительства об установлении дипломатических и торговых отношений, пресекались любые призывы тех американцев, которые, как, например, представитель Красного Креста Р. Роббинс, призывали реали-

---

[11] О займах США Временному правительству см.: *Громыко А. А.* Внешняя экспансия капитала: История и современность. М., 1982.

[12] См. критику этого тезиса в ст.: *Трофименко Г. А.* Уроки мирного сосуществования.— Вопр. истории, 1983, № 11.

стически оценить происходящую в России революцию, расстаться с иллюзиями о непрочности Советской власти, нормализовать советско-американские отношения. Слепая враждебность к большевизму помешала правящим кругам США понять величие и неодолимость революционных событий.

Потерпев поражение в «подземной войне», Англия, Франция, а вместе с ними Япония и США перешли к открытой интервенции.

В борьбе против Советской власти правительство Вильсона взяло курс, с одной стороны, на прямое вооруженное вторжение, а с другой — на навязывание народам России буржуазной демократии политическими, дипломатическими и экономическими методами. Оба направления этого двойственного курса были тесно взаимосвязаны [13].

10 июня 1918 г. США высадили свои войска в Мурманске, где уже с 9 марта началось англо-французское вторжение. Во Владивостоке с 5 апреля хозяйничали японцы; американские вооруженные силы появились там 16 августа 1918 г. Американская интервенция продолжалась около двух лет: на Севере до июня 1919 г., на Дальнем Востоке и в Сибири до апреля-мая 1920 г. (на о-ве Русском с его радиостанцией небольшой американский контингент оставался до ноября 1922 г.).

Вашингтон отправил для целей интервенции около 16 тыс. солдат: свыше 9 тыс. на Дальний Восток и 5 тыс. с небольшим в район Мурманска и Архангельска [14]. Дело, однако, не сводилось к численности войск. Наряду с Англией, Францией и Японией США играли активную и ответственную роль в организации борьбы с Советской властью. Документы свидетельствуют, что интервенция вообще стала возможной лишь в результате участия США. Так, конференция Антанты в марте 1918 г., признавшая интервенцию «единственным средством», в своем решении заявляла: «Никакие шаги по выполнению этой программы не могут быть предприняты без активной поддержки Соединенных Штатов.

---

[13] Участие США в прямой вооруженной интервенции широко освещено в советской литературе, в многочисленных исследованиях академика И. И. Минца, в таких коллективных трудах, как «Международные отношения на Дальнем Востоке», «История дипломатии», «История внешней политики СССР». Исследования более частного характера столь многочисленны, что появились специальные историографические обзоры. См., например: *Наумов В. П.* Летопись героической борьбы: Советская историография гражданской войны и империалистической интервенции в СССР, 1918—1922. М., 1972; *Фураев В. К.* Советская историография отношений между СССР и США.— В кн.: Американский ежегодник, 1972. М., 1972, с. 156—178; *Поликарпов В. Д.* Начальный этап гражданской войны: История изучения. М., 1980. Новые материалы и новые стороны вопроса представлены в изданиях последних лет: См.: *Гвишиани Л. А.* Указ. соч.; *Гусев К. В.* Партия эсеров: от мелкобуржуазного революционаризма к контрреволюции. М., 1975; *Спирин Л. М.* Крушение помещичьих и буржуазных партий в России. М., 1977; *Думова Н. Г.* Кадетская контрреволюция и ее разгром. М., 1982; *Иоффе Г. З.* Колчаковская авантюра и ее крах. М., 1983; *Светочев М. И.* Империалистическая интервенция в Сибири и на Дальнем Востоке. Новосибирск, 1983; и др.

[14] Эта ограниченная численность объяснялась удаленностью, критической нехваткой тоннажа, отвлеченностью действиями в Европе, куда США после своего вступления в войну в апреле 1917 г. перебросили 2 млн. солдат. Имел значение и тот факт, что в отличие от безоговорочных сторонников интервенции — Клемансо, Фоша, Черчилля — Вильсон, как и Ллойд Джордж, «оставаясь ярыми противниками Советской России, выражали сомнения в возможности свержения Советской власти с помощью штыка» (Гражданская война в СССР / Под ред. Н. Н. Азовцева. М., 1980, с. 281).

Без этой поддержки было бы бесполезно обращаться к японскому правительству»[15].

Вооруженные силы США вместе с контингентом союзных держав оккупировали Сибирскую железную дорогу и КВЖД, обеспечивая поставки Колчаку оружия и снаряжения, охраняя его тылы от партизан. Вашингтон содействовал чехословацкому мятежу, в частности предоставив для этой цели заем в 12 млн. долл.[16] Американцы участвовали в решающем наступлении на Севере — в захвате Шенкурска (соответственно плану соединения сил контрреволюции Севера и Сибири), где, впрочем, были разбиты уже в январе 1919 г.

Вмешательство США не ограничивалось районами высадки войск. Американские миссии были посланы к Деникину, Врангелю, американские военные корабли крейсировали в Черном море, у Владивостока, а позже «Питтсбург» был послан в Данциг на помощь белополякам. Выражением открытой борьбы с Советской властью было установление по инициативе и во главе с США международного контроля над железнодорожными путями Сибири и Дальнего Востока — создание Межсоюзного железнодорожного комитета, который осуществлял свою практическую деятельность через Технический совет во главе с американским инженером Дж. Стивенсом, переместившимся на эту должность с поста главы американской железнодорожной миссии.

Не ограничиваясь действиями вооруженных сил, США стремились использовать свои экономические и финансовые преимущества. «Временный план экономической помощи России», утвержденный Вильсоном в октябре 1918 г., предусматривал контроль над финансами страны. В переговорах американского дипломата (посла в Токио) Р. Морриса с колчаковцами в июле-августе 1918 г. разрабатывался «всеобъемлющий план реконструкции Сибири, в дальнейшем же и Европейской России» с помощью и под контролем американских капиталов[17]. Американские займы Колчаку достигли 187 млн. долл. Летом 1920 г. велись переговоры о займе Врангелю на сумму 10 млн., обеспеченном всеми ресурсами Крыма[18]. Если в отношении советской территории проводилась блокада[19], то в занятые контрреволюцией районы Прибалтики, Закавказья Американская администрация помощи (АРА) поставляла продукты и другие товары, во Владивостоке и Благовещенске открылись филиалы банков и фирм США («Нью-Йорк сити бэнк», «Интернэшнл харве-

---

[15] Из истории гражданской войны в СССР. Сб. документов и материалов, 1918—1922: В 3-х т. М., 1960—1961, т. 1, с. 11.

[16] Гражданская война в СССР, с. 155.

[17] Созданное для этой цели Русское бюро при Военно-торговом управлении США дважды получало по 5 млн. долл. из особого президентского фонда. Однако реальное осуществление плана оказалось невозможным, деньги были истрачены на помощь белочехам, а также на интервенцию на Севере РСФСР. См.: *Thompson G. M.* Russia, Bolshevism and the Versaille Peace. Princeton, 1966.

[18] Papers Relating to the Foreign Relations of the United States (с 1931 г.— Foreign Relations of the United States, Diplomatic Papers), 1920: Vol. 1—3. Wash., 1935—1936, vol. 3, p. 164. (Далее: FRUS).

[19] Не присоединившись к официальному объявлению блокады 10 октября 1919 г., заявляя, что о блокаде без состояния войны «не может быть и речи», Вильсон, как и руководители других держав, фактически санкционировал ее уже в ноябре 1917 г. в виде запрета на выдачу лицензий, паспортов, кредитов, закрытия средств связи, запрещения банкам принимать русское золото и т. п. мер. См.: FRUS, 1918, Russia: Vol. 1—3. Wash., 1931—1932, vol. 3, p. 103—118, 170—182.

стер» — компания жатвенных машин, возглавляемая Маккормиком, и др.).

Вашингтон надолго стал главным поборником непризнания Советского государства. Несмотря на обращенные как к союзным державам в целом, так и специально к США многочисленные предложения Советского правительства о мире, развитии торговых отношений, назначении консулов, отправке миссий для переговоров и т. п.[20], правительство Вильсона неизменно соблюдало «заговор молчания»: на советские обращения Вашингтон не отвечал, во всех инструкциях американским дипломатам повторялся приказ «никаких контактов!» — ничего, что могло бы быть истолковано как шаг к признанию Советов. Ближайшим советником госдепартамента оставался «посол» Б. А. Бахметьев, который был назначен еще Временным правительством и продолжал признаваться Вашингтоном до 30 июня 1922 г.

Курс на непризнание был закреплен в получившей громкую известность циркулярной ноте государственного секретаря Колби от 10 августа 1920 г., содержавшей весь набор аргументов, пущенных в ход белогвардейской эмиграцией (проект ноты составил Бахметьев) и интервентами: «экспорт революции», «непредставительность» Советского правительства, ликвидация частной собственности, якобы делающая торговлю невозможной. Нота Колби стала источником и основой не только для всей антисоветской пропаганды, но и на долгие годы определила концепции реакционной историографии США, посвященной рассматриваемому периоду.

Показательным для позиции вильсоновской администрации было ее отношение к деятельности в США Л. К. Мартенса, которому Советское правительство поручило в январе 1919 г. добиваться признания РСФСР и развития торговых отношений. В течение двух лет, с января 1919 г. до января 1921 г., Л. К. Мартенсу удалось создать Русское бюро в Нью-Йорке, издавать журнал «Совьет Раша», завязать связи с многочисленными общественными организациями и бизнесом. Американские компании подписали контракты на поставку в РСФСР сельскохозяйственных машин, типографских станков, железнодорожного оборудования и других товаров. Переговоры велись с 941 фирмой из 32 штатов. Однако эта деятельность была встречена кампанией клеветы, запретов, организацией полицейских налетов на Русское бюро, расследованием «дела Мартенса» в сенате и закончилась высылкой его из страны.

Предшественник маккартизма «пальмеризм», бушевавший в США в 1919—1920 гг., наглядно продемонстрировал связь внешней и внутренней политики: под лозунгом борьбы с «красной опасностью» министр юстиции Пальмер обрушил на прогрессивные силы страны репрессии. В противовес этому наиболее демократические группы населения США развернули движение против интервенции, за признание Советского государства[21]. Это внутреннее размежевание сил подтвердило, что участие США в интервенции не было случайным эпизодом, кратковременной и

---

[20] Документы внешней политики СССР: Т. 1—. М., 1957—, т. 1. (Далее: ДВП СССР).

[21] *Попова Е. И.* В. И. Ленин и американцы.— США — экономика, политика, идеология, 1970, № 11; *Наджафов Д. Г.* Истоки исторического советоведения в США: американская литература о В. И. Ленине и советской внешней политике (1917—1920).— В кн.: Американский ежегодник, 1971. М., 1971; *Краснов И. М.* Советский Союз глазами американцев, 1917—1977. М., 1979; *Мальков В. Л.* США: от интер-

незначительной экспедицией, предпринятой, по утверждению американской буржуазной историографии, «для борьбы с немцами» (военнопленными в Сибири!), «для помощи чехословакам», «уступая просьбам союзников», и т. д. Вместе со странами Антанты и Японией США способствовали тому, что гражданская война в Советской России приняла затяжной характер, а белогвардейцам временно удалось захватить $^{3}/_{4}$ страны — ее важнейшие промышленные и сырьевые районы. Результатом были голод и разруха, террор и расправы, неисчислимые жертвы народа, выступившего на защиту революции.

Разоблачению вильсоновского либерализма содействовал в конечном итоге и второй метод политики США — навязывание буржуазного строя политическими средствами.

К моменту открытия Парижской конференции Красная Армия отбила первый натиск белогвардейцев и интервентов. Ценой огромного напряжения сил были одержаны победы на Волге (оборона Царицына), на Севере (срыв наступления контрреволюционных сил на Котлас и Вологду), на Юге (изгнание с Дона). Советская власть установилась в Белоруссии и на большей части Украины. В Германии, Австрии, Венгрии вспыхнули революции, в других странах Европы ширилось освободительное движение, возникали коммунистические партии. Все это породило серьезные сомнения в успехе интервенции и заставило лидеров Версаля поставить «русский вопрос» на обсуждение, хотя Россия не была представлена на конференции.

Признав, что войска интервентов становятся все более ненадежными, что в собственном тылу Антанты растет популярность большевизма, Ллойд Джордж и Вильсон выдвинули предложение о созыве конференции на Принцевых островах; соответствующее обращение, адресованное «всем организованным группам» в России, написанное Вильсоном, было утверждено Советом десяти 22 января 1919 г. Адресатам предлагалось послать по три делегата на конференцию представителей союзных держав, созываемую 15 февраля 1919 г. Апелляция «ко всем группам» отражала надежду на генеральские «правительства» и буржуазно-националистические движения окраин, которые при наличии сил Антанты могли бы укрепить свои позиции в условиях мирной передышки. Хотя в обращении и заявлялось, что державы «признают революцию», там ничего не говорилось о выводе иностранных вооруженных сил; в качестве предпосылки конференции было обозначено лишь перемирие на всех фронтах.

В ноте от 4 февраля Советское правительство ответило согласием немедленно начать переговоры и добиться соглашения о мире «даже ценою серьезных уступок» в области выплаты долгов, предоставления концессий и т. п.[22] Но при этом оно исходило из того, что переговоры будут вестись на условиях вывода иностранных сил и прекращения всякой помощи белогвардейцам. Советское правительство имело все основания считать, что без иностранной помощи никакие генеральские и буржуазно-националистические силы не удержали бы власть на занятых ими территориях.

Предложение о конференции на Принцевых островах было сорвано отказом белогвардейских «правительств» Сибири, Архангельска, Юга

венции к признанию Советского Союза.— Новая и новейшая история, 1984, № 1, с. 125—126.

[22] ДВП СССР, т. 2, с. 54—55, 57—60.

России, Петлюры, балтийских групп и т. п. Отказ инспирировался сторонниками лобовой атаки во Франции и других державах. Характерно, что ни Вильсон, ни Ллойд Джордж не настаивали на данном предложении: перспектива лишения белогвардейцев иностранной помощи и предоставления народам России самим решать свою судьбу их явно не устраивала.

В середине февраля 1919 г. президент Вильсон санкционировал отправку в Москву миссии Буллита. Миссия готовилась в узком кругу, в основном ближайшим помощником президента Эдвардом М. Хаузом при участии английского дипломата У. М. Керра и в тайне от других держав. 28-летний дипломат Уильям Буллит числился тогда в активных либералах[23], а сопровождавший его журналист Л. Стеффенс, в прошлом макрейкер, был известен как радикал, подходящий для установления контактов с Советским правительством.

Добравшись до Петрограда, Буллит беседовал с М. М. Литвиновым и Г. В. Чичериным, а затем был принят в Москве В. И. Лениным. 14 марта 1919 г. согласованный проект договора, одобренный Совнаркомом, был вручен Буллиту. Подчеркивая, что не Советское правительство чинило препятствия, В. И. Ленин говорил: «...мы в несколько часов заключили предварительный договор о мире»[24]. Проектом предусматривалось: перемирие на всех фронтах и созыв в течение недели-двух после этого конференции по мирному урегулированию на основе признания всех существующих де-факто правительств; вывод всех иностранных войск с советской территории и прекращение всех видов военной иностранной помощи; снятие блокады союзными державами и восстановление торговли, договоренность о выплате долгов при условии распределения их между всеми «русскими правительствами». В. И. Ленин указывал, что проект договора был «необыкновенно выгодный для них и необыкновенно невыгодный для нас», но Советское правительство рассчитывало на то, что в условиях мира, т. е. без военной помощи Антанты и США, «белогвардейскому правительству никогда не удержаться»[25].

Миссия Буллита имела неожиданный и весьма показательный для политики США финал. Буллит вернулся в Париж 25 марта 1919 г., окрыленный успехом, и сумел заразить своим энтузиазмом полковника Хауза. Однако Вильсон, ознакомившись с письменным докладом Буллита, отказался принять своего посланца. Ллойд Джордж за завтраком с Буллитом откровенно заявил, что надо было отправлять для переговоров более консервативного человека. 16 апреля в парламенте под градом нападок тори он фактически отрицал свое участие в отправке миссии, заявив, что «некий молодой американец приехал из России с сообщением», но президент Вильсон не придал этому значения и не ставил вопрос на обсуждение в Версале. Возмущенный Буллит вскоре подал в отставку.

Причиной «загадочного поведения» Вильсона и Ллойд Джорджа были, конечно, те справедливые поправки и дополнения, которые Советское правительство выдвинуло к привезенным Буллитом односторонним требованиям. Прежде всего принципиально меняло дело дополнение о выводе иностранных войск и прекращении военной помощи со стороны

[23] Впоследствии Буллит — посол в СССР (1933—1936) и во Франции (1936—1940) — зарекомендовал себя как воинствующий сторонник антисоветской политики.
[24] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 39, с. 402—403.
[25] Там же, т. 41, с. 140, 141.

держав-интервентов. Не желая принять это требование элементарной объективности, союзные державы умалчивали о нем и выдвигали взамен ложное объяснение о том, что большевики не хотят прекращать военные действия.

Другой причиной было, по-видимому, возрождение надежд на победу белогвардейцев. Как известно, весной 1919 г. Деникин, Колчак и Юденич предприняли наступление. К началу апреля армия Колчака овладела Уралом и продвигалась к Средней Волге. В этих условиях курс на постепенный подрыв Советской власти с помощью соглашательских партий и экономического давления должен был казаться все менее перспективным, тем более что оценка Буллитом внутреннего состояния Советской России ставила под сомнение расчеты на ее слабость.

Буллит писал: «Донесения о какой-то ужасной внутренней обстановке здесь преувеличены до нелепости... Я никогда не слышал более искреннего, веселого смеха, чем в тот момент, когда я сказал Ленину, Чичерину и Литвинову, что значительная часть мира уверена в национализации женщин (в России)». В Петрограде и Москве так же безопасно ходить по улицам, как в Париже или Нью-Йорке, продолжал он; работают театры и школы, красноармейские части хорошо дисциплинированы и необычайно воодушевлены; рабочие полны энтузиазма; никакого террора нет, люди держатся с достоинством. Отмечая очень тяжелое экономическое положение страны, Буллит подчеркивал, что это результат не советского строя, а блокады и интервенции. Он делал вывод: «Советское правительство прочно, Коммунистическая партия сильна... Все, с кем я разговаривал, убеждены, и я сам убежден, что Советское правительство является в настоящее время единственной созидательной силой в России». Свергнуть Советское правительство можно, только окончательно разрушив страну и шагая «через трупы простых русских людей», но даже и после этого любое иное правительство сможет держаться в стране лишь на иностранных штыках [26].

Не увенчалась успехом и еще одна инициатива, зародившаяся в недрах Парижской конференции,— переговоры с Советским правительством о продовольственной помощи голодающим, организованные по указанию Вильсона (27 марта 1919 г.) Хаузом и Г. Гувером через знаменитого норвежца — исследователя Арктики Ф. Нансена и рассчитанные на то, что «полные желудки означают исчезновение большевизма» (Лансинг), что «большевизм нельзя остановить силой, но можно продовольствием» (Вильсон) [27]. Переговоры были прекращены в мае 1919 г., как только Советское правительство, отделив позицию Нансена, одушевленного подлинно гуманными целями, от позиции версальских «миротворцев», выразило согласие принять помощь лишь неполитического характера при условии прекращения войны обеими сторонами, в том числе интервентами [28].

Таким образом, трижды Вильсон и Ллойд Джордж вступали в переговоры с Советским правительством и трижды, получив положительный ответ Москвы, США и Англия отказывались от собственных предложений. Неудача этих начинаний определялась не столько противодействием

---

[26] FRUS, 1919, Russia. Wash., 1937, p. 76, 81—82, 85—88, 91—99.

[27] *Thompson G. M.* Op. cit., p. 222—224, 261. (Автор ссылается на архив Вильсона и другие источники.)

[28] ДВП СССР, т. 2, с. 154—160; FRUS, 1919, Russia, p. 100—102.

Франции, английских тори и белогвардейской эмиграции, как утверждается в западной литературе, сколько нереальностью самого замысла, лежавшего в их основе. Белогвардейские элементы, которым хотел помочь Вильсон, видя в них базу для восстановления в России капиталистического строя, не имели сколько-нибудь массовой опоры в стране, а Советское правительство нельзя было принудить к капитуляции, так как оно опиралось на всенародную поддержку, которую не могли подорвать ни голод, ни разруха.

Другой стороной той же деятельности США, имевшей целью заменить советский строй буржуазным, были попытки содействовать созданию «парламентских», «представительных» правительств в России в целом или хотя бы в Сибири.

Первоначально ставка была сделана на «либерализацию» генеральско-адмиральских «правительств», особенно Колчака. Соответствующие требования содержались в ноте Парижской конференции к Колчаку от 26 мая 1919 г., обещавшей признание адмирала в качестве «всероссийского правителя». Требования прекратить расправы, казни без суда и следствия, обуздать коррупцию, придать Омскому правительству более «приличный» характер путем привлечения в него представителей земств, кооперативов и других «умеренных группировок» были предъявлены Колчаку прибывшим в Омск в июле 1919 г. посланцем Вашингтона Р. Моррисом (посол в Японии) [29]. Надежды на демократизацию режима Колчака были, конечно, иллюзорны, а окончательный разгром его разложившейся армии (Омск был сдан 14 ноября 1919 г.) нанес сокрушительный удар по расчетам на установление с его помощью буржуазного строя в России.

Однако и после этого попытки создания «представительного» правительства не были оставлены Вашингтоном. Основной ставкой, объектом забот и надежд американского правительства все больше становятся правые эсеры и меньшевики, причем расчет строился на том, что под их контролем находилась разветвленная экономическая структура в лице земства и кооперации, охватывавшая в Сибири и на Дальнем Востоке значительную часть населения (сотни тысяч членов в Закупсбыте, Союзе маслоделов и др.). Эсеровские верхи этих организаций были связаны с «русскими консулами» в Нью-Йорке, Сан-Франциско и других городах. В июле 1919 г. военным министерством США было подписано соглашение с буржуазным руководством Центросоюза о продаже товаров в долгосрочный кредит в размере 25 млн. долл. с обязательством сбывать эти товары только на колчаковской территории и под наблюдением американского уполномоченного во Владивостоке А. Хейда. После падения Омска в американских дипломатических кругах получил поддержку план создания сепаратного государства в Сибири, способного «перенять власть Колчака с наименьшими потрясениями и беспорядками», осуществить введение «парламентаризма» под присмотром США.

Впервые эта идея была опробована в ходе поднятого во Владивостоке чехословаками под командованием генерала Г. Р. Гайды выступления 17—18 ноября 1919 г. против прояпонского правителя колчаковца С. Н. Розанова, в котором участвовала и местная эсеровская организация. Американская миссия во Владивостоке поддерживала Гайду. Когда

[29] FRUS, 1919, Russia, p. 19—25, 38.

выступление было подавлено, Гайда и его помощники бежали на предоставленных им американских автомобилях в чехословацкий штаб, а позже уехали в США.

Вторая попытка с ведома и при скрытой поддержке американцев была предпринята в Иркутске, где в результате антиколчаковского восстания 24 декабря 1919 г.— 5 января 1920 г. была установлена власть «Политцентра» — органа эсеров и меньшевиков, избранного Всесибирским совещанием земств и городов. Правление «Политцентра» длилось недолго: очень скоро выяснилось, что население поддерживает не эсеро-меньшевистскую, а Советскую власть, к тому же к городу приближалась победоносная Красная Армия. В итоге 22 января 1920 г. «Политцентр» сдал власть военно-революционному комитету, возглавленному большевиками.

Содействие «Политцентру» (связь с ним поддерживал американский консул Э. Л. Харрис, в своих донесениях развивавший план создания буферного эсеровского правительства) привело к дальнейшему серьезному обострению американо-японских отношений в Сибири: Япония попыталась двинуть для поддержки колчаковской администрации в Иркутске свои войска, а также силы атамана Семенова, однако путь им преградили чехи и солдаты американского полка, которые разоружили 4500 семеновцев, причем дело дошло до вооруженных стычек.

В январе—апреле 1920 г. США попытались использовать последний шанс — поддержать земско-эсеровское выступление во Владивостоке, в результате которого Розанов бежал к японцам и было создано «Временное правительство — Приморская земская управа» во главе с эсером А. Медведевым. Генерал У. С. Гревс стянул к Владивостоку американские войска. Но и здесь расчеты на преобладание эсеро-меньшевистских элементов не оправдались. Истинным хозяином в Приморье, как и в Сибири, были большевики, поддерживавшие тесные связи с массами, руководившие партизанскими отрядами. Лозунг Учредительного собрания проваливался на массовых митингах, где большевики, напротив, выступали с неизменным успехом. Правительство Медведева, жаловался консул Харрис, «готово слиться с большевиками», американцам трудно удержать его от полевения[30]. Поражение «последних идейных защитников капитализма», как называл В. И. Ленин эсеров и меньшевиков, означало полное крушение курса на противопоставление большевизму вильсоновской «демократии». За 10 тыс. км от Москвы, вдали от байкальского рубежа, где остановилась Красная Армия, рецепты, предлагаемые буржуазным либерализмом, были отвергнуты огромным большинством народа.

Весной 1920 г. в тесной связи с общим поражением интервенции Антанты Соединенные Штаты были вынуждены эвакуировать свои войска из Сибири и с Дальнего Востока. Главными факторами поражения интервенции были всенародная поддержка большевиков, определившая успех военных действий Красной Армии и партизан, революционный подъем в странах Запада и Востока, обострение противоречий между империалистическими державами. Большую роль сыграл американо-японский антагонизм, который развивался на почве борьбы за захват экономических позиций и влияния на русской территории, соперничест-

[30] FRUS, Diplomatic Papers, 1920, vol. 3, p. 545—546. 556—557.

ва в вопросе о методах интервенции. Воспользовавшись эвакуацией американских войск, Япония организовала 4—5 апреля 1920 г. реакционный переворот во Владивостоке, положивший начало новому этапу интервенции — односторонне японскому.

Все это оказало существенное влияние на позиции США, связанные с Версальским миром и дальнейшим процессом его ратификации.

3. ПЕРЕДЕЛ МИРА

Если провал политики Вильсона в отношении России явился бесспорным и общепризнанным фактом, то вопрос о поражении ее в Версале вызывает в американской историографии различные и нередко противоположные мнения. Большинство историков считают, что Вильсону не удалось даже частично выполнить свою программу на Парижской мирной конференции. Однако за прошедшие десятилетия не раз появлялись работы, в которых позиция Вильсона оправдывается, его достижения в Париже оцениваются как существенные, а поражением объявляется лишь отклонение Версальского договора в сенате США небольшой группой «злонамеренных людей».

Сопоставление требований американской делегации по всем основным вопросам послевоенного устройства с решениями конференции показывает, что в отношении «руководства миром» претензии США действительно не были реализованы. Но некоторые позиции Вильсону удалось отстоять, и ряд Версальских постановлений носил явный отпечаток американских требований.

При решении главного вопроса — германского — американская делегация взяла курс на смягчение условий мира, на быстрое возрождение Германии, имея в виду установление «баланса сил» в Европе (создание противовеса Франции и Англии), а также использование германского рынка американскими монополиями. Этот подход определялся и стремлением США приостановить революционный процесс, быстро развивавшийся в Германии с осени 1918 г., а в плане политики дальнего прицела — использовать германский милитаризм против революционной России. США требовали поэтому сохранения за Германией всей ее территории в Европе (за исключением части Верхней Силезии, которую соглашались передать Польше, и области Эльзас-Лотарингия — бесспорного владения Франции); присоединения к ней Австрии и Судетской области Чехословакии со значительным немецким населением; разрешения Германии иметь значительные вооруженные силы (называлась цифра в 200 тыс. человек с мотивировкой, что необходимо считаться с «внешней опасностью со стороны большевиков»[31]), военную промышленность; общую сумму репараций предлагалось определить на уровне 25 млрд. долл. (американские эксперты предлагали даже удовольствоваться 3—5 млрд.) при одновременном предоставлении Германии кредитов для восстановления ее экономики.

Однако эта программа не устраивала Францию, дважды испытавшую вторжение Германии. Франция требовала не только возвращения Эльзаса и Лотарингии, но и контроля над Сааром, а также отделения Рейнской области, присоединения к Польше Силезии, установления репараций в

[31] Архив полковника Хауза, т. 4, с. 89.

астрономической сумме — 200 млрд. долл. На этой основе вспыхивали острые стычки между Вильсоном и запальчивым Клемансо[32]. Свои возражения выдвинула и Англия, предлагавшая не называть точной суммы репараций, пока в Германии не улягутся народные волнения. «Определять ее сейчас,— говорил Ллойд Джордж,— все равно что справляться у человека, упавшего в Ниагарский водопад, за сколько бы он продал свою лошадь»[33].

В итоге подписанный 28 июня 1919 г. Версальский договор с Германией, хотя и воплотил стремление держав, в том числе США, поддержать германскую буржуазию и милитаризм (слабость гарантий разоружения, отказ от наказания военных преступников, признание независимой Польши без точного определения ее восточной границы, что открывало возможность захвата белополяками русских территорий), в то же время не обеспечил полного выполнения программы США. Франции отдавались на 15 лет угольные копи Саарского бассейна, предусматривалась оккупация Рейнской области (она осуществлялась в основном французскими войсками), аншлюс Австрии запрещался, Польша получила часть Верхней Силезии, Судетская область была включена в состав Чехословакии. Германские вооруженные силы ограничивались численностью в 100 тыс. человек, им запрещалось иметь авиацию, значительный флот, тяжелую артиллерию. Сумма репараций не была установлена, вопрос предлагалось решить до 1 мая 1921 г. в международной репарационной комиссии, где преобладало влияние Франции и Англии.

Лишь в минимальных размерах были удовлетворены требования США и при разделе наследства Австро-Венгрии. Свержение Габсбургов и распад империи сопровождались ростом национализма и приходом к власти либерально-буржуазных группировок на фоне громадного подъема массовых движений. Забастовки, митинги, солдатские восстания проходили под влиянием Октябрьской революции, выдвигались лозунги справедливого, демократического мира и социального переустройства. Перерастание революций буржуазно-демократических в революции социалистические становилось не только возможностью, но кое-где и практической реальностью (провозглашение власти Советов в Венгрии в марте 1919 г., в Словакии в июне-июле 1919 г.), подкрепляемой возникновением компартий, созданием рабочих и солдатских советов, движениями в защиту Советской России.

Правительство Вильсона энергично включилось в борьбу против этих грозных тенденций. Американские миссии, направленные в буржуазные государства, образовавшиеся на руинах Австро-Венгрии, не ограничивались сбором информации, что было официальной целью их деятельности, но выступали в качестве советников новых правительств, подталкивая их на расправу с пролетарским движением. США поддерживали блокаду Советской Венгрии, заявляя устами Г. Гувера, что страна получит продовольственную помощь, как только падет коммунистическое правительство в Будапеште. Хотя Вашингтон и возражал против оккупации венгерской территории войсками Антанты[34], он санкционировал интервен-

---

[32] *Тардье А.* Мир. М., 1943, с. 100; FRUS, 1919, Paris Peace Conference: Vol. 1—13. Wash., 1942—, vol. 2, p. 582—600; vol. 6, p. 15—156, 240, 262—264. (Далее: FRUS, PPC).

[33] FRUS, PPC, vol. 6, p. 262.

[34] *Язькова А. А.* Малая Антанта в европейской политике. М., 1974, с. 79.

ВИЛЬСОН, ЛЛОЙД ДЖОРДЖ И КЛЕМАНСО ПОСЛЕ ПОДПИСАНИЯ ВЕРСАЛЬСКОГО ДОГОВОРА
(28 июня 1919 г.)

цию Румынии. Американская делегация в Париже выступала против переговоров с Бела Куном и с помощью миссии генерала Бэндхольца, а также поставленного во главе полиции Будапешта американского полковника Иетса содействовала установлению диктатуры Хорти на волне контрреволюционного террора[35]. Американские войска высадились в ноябре 1918 г. в портах Далмации (Шибеник, Сплит, Дубровник, Котор), а затем в Фиуме, что содействовало упрочению реакционных правительств в странах Центральной и Юго-Восточной Европы.

---

[35] FRUS, PPC, vol. 4, p. 694, 807—810; *Bandholz H. H.* An Undiplomatic Diary. N. Y., 1933; *Марескотти А.* Дипломатическая война. М., 1944. с. 303.

Продовольственная администрация, возглавленная Г. Гувером, использовала поставки для помощи реакционным кругам Венгрии, Румынии, Болгарии и др., для организации голодной блокады революционных районов. Гувер и другие представители АРА, члены американской делегации Г. Уайт, Р. Лансинг в своих заявлениях и переписке не раз подчеркивали, что поставки продовольствия должны быть направлены на «предотвращение анархии» и являются «единственной надеждой в попытках остановить прилив большевизма» [36].

В конце концов вмешательство США и в еще большей степени вмешательство Англии, Франции, Италии, Румынии достигло цели: Венгерская Советская Республика была подавлена, радикальные движения масс сломлены, в новых государствах, возникших на развалинах Австро-Венгрии, утвердились буржуазные правительства. США поддерживали контакты со многими деятелями буржуазно-националистических движений — с И. Падеревским, Э. Бенешем, Т. Масариком и др., видя в них опору вильсоновского курса на буржуазную демократию против социалистических тенденций.

Если в борьбе с революционными движениями страны-победительницы были едины, то в решении территориальных вопросов выявились острые империалистические противоречия.

Первоначально ни Вильсон, ни Ллойд Джордж, ни Клемансо не планировали уничтожения Австро-Венгерской империи — речь шла лишь об автономии ее отдельных национальных частей. По мере развития освободительных движений славянских народов, а также австрийских, венгерских, румынских трудящихся возникла идея сколачивания региональных федераций, в которых можно было бы опереться на католические круги и правых социал-демократов. На Парижской конференции американская делегация выдвигала проекты создания Дунайской федерации, Австро-баваро-хорватского государства, Конфедерации Юго-Восточной Европы. Шли переговоры о выдаче Лигой наций мандата Соединенным Штатам на управление отдельными балканскими территориями. Однако против этих планов выступили Англия и Франция. Италия, ссылаясь на Лондонский договор 1915 г., обещавший ей Далмацию и Истрию, выдвинула дополнительное требование: Истрия, включая Фиуме. Эти претензии вызвали серию острых столкновений и несколько кризисов на конференции.

Особого накала достигли отношения Вильсона с итальянской делегацией. Центром спора стал порт Фиуме, игравший важную роль на Балканах. Вильсон, выступая как примиритель в столкновении Королевства сербов, хорватов и словенцев и Франции, с одной стороны, и Италии — с другой, а также под предлогом «самоопределения народов» предложил интернационализацию Фиуме. Представлявший Италию премьер В. Э. Орландо объявил, что без Фиуме он не подпишет договор. Тогда Вильсон обратился к итальянцам через голову Орландо, требуя отказа от Фиуме. Однако реакция была совсем не та, какой он ожидал. Возмущенный Орландо покинул конференцию, а в Италии поднялась бурная антивильсоновская кампания.

Достигнутый в конечном счете компромисс был далек от воплощения широкой американской программы. Фиуме объявлялся «вольным горо-

---

[36] FRUS, PPC, vol. 2, p. 693, 703—713.

дом». Мандатная система не была распространена на Балканы. На развалинах Австро-Венгрии возникли не федерации, а национальные государства, ориентировавшиеся на Англию и Францию, которые в отличие от США имели в районах Центральной Европы и на Балканах давние политические, экономические, финансовые связи. Вследствие сопротивления Англии и Франции вопрос о репарациях остался несогласованным и был передан в специально созданную репарационную комиссию. Лозунг «открытых дверей» не нашел воплощения в договорах. Требования и проекты АРА, сочетавшие лозунги спасения голодающих и восстановления разрушенного хозяйства Европы с проникновением американского капитала в экономику ряда стран, натолкнулись на аналогичные притязания Англии, Франции, Италии. Сплоченный отпор этих стран привел к тому, что во главе органов контроля над добычей и распределением угля в отдельных странах были поставлены англичанин и итальянец. Созданная державами Межсоюзная железнодорожная комиссия, хотя и возглавлялась американцем, состояла в большинстве из европейских представителей, в межсоюзной Дунайской комиссии председательствовал англичанин. Американский эксперт Дж. Ф. Даллес констатировал: «французы и англичане захватили лидерство» [37]. Итогом энергичного выступления европейских конкурентов США было свертывание деятельности АРА в Европе [38].

Программа-максимум не была выполнена и в вопросе о любимом детище Вильсона — Лиге наций, призванной «охранять новый мировой порядок» и быть основным инструментом американского «руководства миром», а также в связанном с Лигой вопросе о судьбе германских колоний и владений бывшей Османской империи.

Идея создания международной организации государств зародилась в США еще в 1915 г., когда под председательством экс-президента Тафта, влиятельного члена республиканской партии, была создана Лига реализации мира (ЛРМ), развернувшая в последние годы широкую кампанию за объединение наций под американским руководством. Характерно, что ее поддерживали фактически все группировки и течения американской буржуазии — от церковных, пацифистских, либерально-профессорских до Торговой палаты США, магнатов капитала вроде Э. Карнеги и О. Страуса, таких проповедников экспансии из республиканской партии, как Г. К. Лодж.

В ходе кампании говорилось о необходимости написать устав лиги по образцу «Статей Конфедерации», создать для нее опору в виде мощных американских армий и флота, придать ей характер трибунала, обладающего правом применения финансовых и торговых репрессий против неподчиняющихся стран, а также «использования силы» [39]. Это была гегемонистская программа, в которой цели господства США столь усердно маскировались пацифистскими и гуманными лозунгами о «братстве народов», «ковчеге мира» и «ответственности» США за судьбы человечества, что многие ее вдохновители сами поверили в свой идеализм.

Согласившись в принципе на создание Лиги наций и принятие за основу выработанного В. Вильсоном устава организации, Великобрита-

[37] Ibid., vol. 12, p. 524—525.
[38] Ibid., vol. 2, p. 627, 642—643, 703—707, 718 a. o.
[39] *Bartlett R. J.* The League to Enforce Peace. Chapel Hill, 1944, p. 26—28, 192—193. См. также: *Lodge H. C.* The Senate and the League of Nations. N. Y.; L., 1925.

ния, Франция и Япония постарались так конкретизировать проект, чтобы американское руководство было заменено по крайней мере коллективным и даже скорее европейским. После напряженной борьбы в устав были внесены поправки, значительно изменившие замысел США. По исправленному проекту США имели в Лиге наций один голос, а Британская империя — шесть (отдельное представительство доминионов); как в Совете, так и в Ассамблее лиги действовал принцип единогласия, в результате чего малые государства, в большинстве находившиеся под влиянием Англии и Франции, могли быть использованы против США; статья о «свободе торговли» была исключена по настоянию Франции. Уставом предусматривались не только экономические санкции, но и вооруженное вмешательство лиги на основе предоставления государствами-членами воинских частей, что при военном превосходстве союзных держав не оставляло надежды на командную роль США.

Разочаровывающим для США был передел колоний, осуществленный через Лигу наций. В условиях широкого национально-освободительного движения в странах Востока, поднявшегося в 1919 г., а также стремясь разрушить монополию старых колониальных держав — Англии, Франции, Японии, В. Вильсон предложил ввести мандатную систему, т. е. передать владения побежденных стран Лиге наций, которая выдавала бы мандаты на временное управление ими (пока они не «созреют до самоуправления») той или иной державе. Новая система призвана была успокоить народы, требовавшие независимости, и ликвидировать секретные соглашения Антанты, открыв доступ к обширным колониальным территориям для американского капитала.

Мандатная система была принята. 13—14 мая 1919 г. заявлением Вильсона в Совете четырех США соглашались принять мандат на «Армению и Константинополь» — территорию, предположительно включавшую всю зону проливов, и «объединение турецкой, персидской, русской Армении» от Черного до Средиземного моря[40].

Однако план создания под эгидой США Константинопольского государства и «Великой Армении» очень скоро потерпел крах, поскольку кемалистская революция в Турции и борьба за Советскую власть в Армении сделали его совершенно бесперспективным. Другие же претензии США, касавшиеся вытеснения Японии с захваченных ею у Германии трех архипелагов в Тихом океане — Маршалловых, Марианских и Каролинских островов, а также из оккупированной ею германской арендованной территории в Китае (Цзяочжоу с портом Циндао в провинции Шаньдун), натолкнулись на сплоченное сопротивление Японии, Англии, Франции. Оккупированные японскими войсками территории остались за Японией. Американо-японские отношения вступили в фазу резкого обострения, а крах иллюзий относительно Вильсона как гаранта демократических решений послужил толчком к подъему освободительной борьбы китайского народа.

Итак, потерпели ли США поражение в Версале? Кое-что было выиграно Вашингтоном на этом начальном этапе его гегемонистской политики. Вместе с Англией США ограничили претензии Франции на гер-

---

[40] Архив полковника Хауза, т. 4, с. 220; FRUS, PPC, vol. 3, p. 864—869, 873, 1018; vol. 5, p. 765—766; vol. 12, p. 745—813; *Миллер А. Ф.* Американский план захвата Константинополя и проливов.— Вопр. истории, 1951, № 3.

манские территории, оказали помощь германской буржуазии, оставив ей возможности военного и экономического возрождения. Были завоеваны некоторые плацдармы для проведения политики «открытых дверей»: международный режим рек Эльбы, Дуная, Влтавы и др.; «вольные города» Фиуме и Данциг. Факт образования Лиги наций, несмотря на все англо-франко-японские коррективы к ее уставу, создавал определенные возможности для дальнейшего участия в европейских и мировых делах.

Однако программа-максимум — мировое лидерство США, не была реализована. Борьба в Версале и вокруг него показала, что решающим фактором в схватке между империалистическими державами было соотношение сил. В столкновениях США с Англией (Лига наций, колонии, АРА), Францией (гегемония в Европе, германский вопрос, Сирия), Италией (Фиуме), Японией (островные владения на Тихом океане, железные дороги в Маньчжурии и Шаньдун, интервенция в Сибири) выяснилось, что американское экономическое превосходство еще не решало всех проблем. США были слабее соперников в военном отношении и, участвуя в войне лишь в самом ее конце, не успели оккупировать те или иные территории, как это сделали Япония, Англия, Франция, скрепившие к тому же свои захваты секретными соглашениями. Уже свершившаяся оккупация (например, в Шаньдуне) и ссылки на «святость договоров», а также совместная заинтересованность старых колониальных держав и их единство в этом вопросе были весомыми аргументами на конференции, нередко оставляя США в изоляции. США не могли опереться на поддержку доминионов, как Англия, или ряда малых полувассальных стран, как Франция, не располагали колониальными владениями и базами по всему миру, как эти две державы, не имели старых, налаженных связей с определенными группировками буржуазии в других странах.

Подорваны были позиции Вильсона как морального и политического лидера капиталистического мира. Разрушение иллюзий, с помощью которых Вильсону удалось вначале увлечь за собой значительные слои населения в ряде стран, также сыграло свою роль в поражении экспансионистской программы США. В январе 1919 г. В. И. Ленин писал: «Лицемерные фразы Вильсона и „вильсонистов“ о „демократии“ и „союзе народов“ разоблачаются удивительно быстро, когда мы видим захват левого берега Рейна французской буржуазией, захват Турции (Сирия, Месопотамия) и части России (Сибирь, Архангельск, Баку, Красноводск, Ашхабад и т. д.) французскими, английскими и американскими капиталистами...» [41]. В декабре 1921 г. В. И. Ленин указывал: «События последних лет разоблачили всю ложь, весь обман идеологии пацифистской и вильсоновской» [42].

Таким образом, основные факторы, характеризовавшие международную обстановку в момент выдвижения Соединенными Штатами претензий на мировое лидерство,— прежде всего противоречия между двумя системами, а затем и противоречия между капиталистическими государствами — сложились не в пользу обширного американского плана. Именно на эти причины — на «засилье Европы» в Версальской системе и на повсеместное разочарование в вильсонизме, обещавшем либеральное, де-

---

[41] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 37, с. 455—456.
[42] Там же, т. 44, с. 276.

мократическое решение мировых проблем,— ссылалась та оппозиция в стране, которая расценила Версальский мирный договор как поражение и потребовала отказа от его ратификации.

4. ОТКАЗ ОТ РАТИФИКАЦИИ ВЕРСАЛЬСКОГО ДОГОВОРА

Борьба в стране по вопросу о том, следует ли США принимать Версальский мир, началась еще весной 1919 г., когда поступили первые сведения об основах договора. Интенсивные дискуссии вскоре захватили обе партии, профсоюзы и другие общественные организации, университеты и колледжи, но прежде всего конгресс США. Основной ареной борьбы стал американский сенат, поскольку именно ему предстояло согласно конституции утверждать договор. Аргументы, звучавшие в сенате, дают отчетливый ответ на вопрос о том, каковы были цели вильсонистов и в чем состояло отличие того внешнеполитического курса, который отстаивала оппозиция.

На стороне Вильсона, т. е. за принятие Версальского договора и вытекающее из этого вступление в Лигу наций с целью продолжать прямое вмешательство в европейские дела, выступала значительная часть как правящих кругов, так и «общественности». В этом лагере были министры Р. Лансинг и Дж. Дэниелс, генералы Т. Х. Блисс и Дж. Дж. Першинг, полковник Э. М. Хауз, руководящая верхушка демократической партии во главе с боссом Мэрфи, большая группа сенаторов (не только демократов, но и некоторых республиканцев) во главе с Дж. Хитчкоком, многие представители прессы (председатель Союза издателей США А. Уайт, У. Липпман), главная профсоюзная организация США — АФТ с ее влиятельным лидером С. Гомперсом. Позицию Вильсона поддерживали такие видные лидеры делового мира, как Б. Барух, О. Страус, У. Макаду, Д. Дэйвис, за нее стоял и Дж. П. Морган, т. е. компании «Юнайтед Стейтс стил», «Телефон энд телеграф», «Дженерал электрик» (банк Моргана был главным поставщиком займов для Антанты в годы войны и тесно сотрудничал с европейскими государствами, прежде всего с Англией).

Защита Версальского договора была сосредоточена на доказательстве выгодности для США создания Лиги наций. С помощью лиги и Версальского договора, говорили сенаторы Хитчкок, Келлог, Оуэн и другие, США смогут заняться восстановлением Европы, широко сбывать свои товары, что улучшит экономические перспективы для страны на много лет вперед. Система мандатов откроет доступ к колониям, к турецким проливам, к нефти Ближнего Востока и другому сырью (Дж. Хитчкок, У. Кинг, Т. Гоур) [43].

Но центральным аргументом сторонников Версальской системы оставался аргумент о том, что через Лигу наций США смогут завоевать положение господствующей державы мира. Сенатор Оуэн доказывал в ходе дискуссий, что Лига наций располагает целым арсеналом средств — дипломатическое давление, арбитраж и Международный Суд, бойкот, блокада, применение коллективных вооруженных сил — и с их помощью

[43] Congressional Record, vol. 59, pt 2, p. 1606—1612; pt 3, p. 2292; pt 4, p. 3739, 3794—3796, 3803—3804, 3850—3852.

можно решить судьбу любого международного спора. Присоединение США к лиге, утверждали сторонники Вильсона, поможет «преодолеть социальные волнения в Европе», остановить рост сил социализма. Лансинг, Блисс, американская пресса не раз подчеркивали, что в задачу Лиги наций входит борьба с мировым революционным движением. Сам президент во время поездки по стране в сентябре 1919 г., агитируя за лигу, заявил, что она будет оружием борьбы против большевизма, а на Парижской конференции призывал с помощью лиги «лечить мир, охваченный духом восстания против крупного капитала» [44].

Оппозиция вильсонистам получила название изоляционистской, хотя сама она не признавала этого наименования. Термин «изоляционизм», несмотря на всю его условность (на деле он не означал призыва к изоляции Америки), тем не менее имел постоянное содержание: отказ от политических и особенно военных союзов с Европой, завещанный еще Дж. Вашингтоном в 1796 г. [45] Под лозунгом изоляционизма выступали различные классовые группировки, в целом составившие два течения: так называемый «честный» изоляционизм масс (представлявший часть рабочих, фермеров, средние слои), которые стояли за невмешательство в «европейские дрязги» из стремления избежать войны и получить больше средств и ресурсов на внутренние нужды, и изоляционизм значительной части правящих кругов, монополий, которые хотели сохранить во внешней политике «свободу рук», не связывать себя обязательствами совместных с Европой действий, так как не могли еще уверенно рассчитывать на ведущую роль США.

В сенате первое течение представлял блок так называемых «непримиримых» (с колеблющейся численностью от 12 до 36 человек из 96 сенаторов), возглавленный Уильямом Бора, одним из наиболее критически настроенных лидеров оппозиции. Бора, Лафоллетт, Норрис и другие сенаторы этой группировки атаковали Лигу наций как инструмент втягивания США в чуждые им войны, в защиту посторонних интересов, протестовали против антисоветской интервенции. «Я не знаю,— говорил Бора,— кого-либо, заинтересованного в том, чтобы держать нашу армию в России, кроме международных банкиров, которые имеют там миллионные капиталовложения и которые требуют через лигу, чтобы американские юноши могли быть отправлены для восстановления порядка в любые места, где эти капиталовложения находятся под угрозой» [46].

«Непримиримые» выдвигали также идею разоружения, внося такие поправки и оговорки к Версальскому договору, как уничтожение всеобщей воинской повинности во всех государствах, сокращение армий и флотов крупных держав, а также военных бюджетов, подписание обязательства не прибегать к войне без предварительного референдума и т. п. Они язвительно (обвиняя, однако, не США, а Европу) критиковали раздел германских колоний, турецких и китайских территорий, говоря об «оргии империалистического грабежа и захватов», обращении с людьми, «как со скотом» и т. п. [47]

---

[44] FRUS, PPC, vol. 3, p. 583—584.
[45] Подробнее об изоляционизме 20-х годов см.: *Попова Е. И.* США: борьба по вопросам внешней политики, 1919—1922. М., 1966.
[46] Congressional Record, vol. 59, pt 8, p. 7942—7948.
[47] Ibid., vol. 58, pt 8, p. 7545—7547, 7947, 8192—8193, 8271—8272; pt 9, p. 8720—8729; vol. 59, pt 4, p. 3004, 3564—3578, 3796—3802.

По иным мотивам заняли антивильсоновскую позицию те изоляционисты, которые представляли руководящую верхушку республиканской партии во главе с сенатором Г. К. Лоджем, крайне реакционную прессу Херста и Маккормиков—Патерсонов, новые монополии Дальнего и Среднего Запада, конкурировавшие с моргановской империей и составившие против нее нечто вроде единого фронта под руководством Рокфеллеров (эти монополии не столько вывозили в Европу капиталы, как Морган, сколько соперничали с европейскими корпорациями в захвате рынков, сырья и т. п.). Антианглийская направленность в выступлениях этих изоляционистов характеризовалась выпадами против захвата Англией нефтяных регионов мира от Ближнего Востока до Мексики. В качестве сферы американских интересов они выдвигали на первый план не Европу, а Латинскую Америку и Азию.

В противовес вильсонистам лоджисты требовали прежде всего неподчинения США Лиге наций и нападали на ст. 10 Устава лиги о коллективных мерах в случае агрессии, называя ее «связывающим обязательством», покушением на независимость решений Америки, диктатом Англии и Франции, угрозой доктрине Монро (поскольку лига «может вмешиваться» в дела и Западного полушария). Это требование «свободы рук» они прикрывали демагогией о невовлечении в чуждые войны, отказе посылать американских юношей «умирать из-за какого-то Фиуме или Хиджаза, самые имена которых звучат странно для американского уха».

Отражая убеждение, что США еще недостаточно сильны, чтобы навязывать свою волю европейским державам, они шумели об угрозе «европеизации Америки», подчинения приказам «семи иностранных джентльменов» (т. е. Совета лиги) и возбуждали шовинизм, рисуя будущее, когда «старый дядя Сэм» будет вынужден по первому же приказу покорно являться «в нашу новую столицу» — Женеву или Лондон со шляпой в руке [48]. Лоджисты предлагали создание неоспоримого военного превосходства США. По существу они не отвергали идеи мирового лидерства, но считали возможной новую заявку на него лишь после достижения «позиции силы».

В изоляционистской программе Лоджа большое место занимали требования «овладеть континентом», т. е. установить полное господство США в Латинской Америке, а также требование лишить Японию переданных ей в Версале территорий Китая (Шаньдун) и тихоокеанских островов, пересмотреть всю мандатную систему. При этом империалистические претензии подавались как «антиколониализм» США, противостоящий захватнической политике Англии, Франции, Японии.

Несмотря на различия между двумя течениями в изоляционизме, в 1919 г. сложился блок лоджистов и «непримиримых». Противоречия между ними сохранялись. В ходе оформившей этот блок встречи Лоджа и Бора в конце апреля 1919 г. отмечалось, что конечные цели двух группировок не совпадают: Лодж не исключал принятия Версальского договора при условии изменения его в пользу США; Бора же заявил, что при всех условиях будет голосовать против договора и Лиги наций. Однако, несмотря на это несовпадение целей, блок держался солидарно в течение всей длительной борьбы вокруг Версаля и помог лоджистам в конечном счете одержать победу.

[48] Ibid., vol. 59, pt 3, p. 2184, 2352—2360; pt 4, p. 3620, 3950—3954, 4124—4125, 4262—4288 a. o.

10 июля 1919 г. Вильсон официально представил Версальский договор на утверждение сенату. Напряженная дискуссия продолжалась более восьми месяцев. 48 поправок и 4 оговорки сенатского комитета по иностранным делам означали одностороннее изменение договора в пользу США, что было, конечно, нереально. После отклонения их сенатом появились 15 оговорок, имевших ту же цель,— так называемые «оговорки Лоджа». Трактат с этими оговорками дважды голосовался в сенате (19 ноября 1919 г.) и был провален, не собрав нужных $^2/_3$ голосов («за» — 39 сенаторов, «против» — 56[49]). Тогда по инициативе Лоджа была создана двухпартийная комиссия, пересмотревшая поправки в целях найти компромисс, и 9 февраля 1920 г. новая сессия сената проголосовала за повторную — уже третью — постановку договора на голосование. После длительного нового обсуждения в течение месяца, в ходе которого шли беспрерывные споры по каждой оговорке и каждой формулировке, состоялось окончательное голосование 19 марта 1920 г. Резолюция о ратификации со всеми оговорками была отвергнута.

«Конституционный конфликт» 1919—1920 гг. был одним из нечастых в американской истории примеров победы конгресса над президентом, т. е. отступления в процессе усиления президентской власти. В то же время он подтвердил характерную закономерность: серьезные повороты в политике, в частности внешней, сопровождаются в США конфликтом «конгресс — президент».

Внешнеполитический курс США окончательно определился в ходе президентских выборов в ноябре 1920 г., на которых не «народ отверг Версаль» путем «торжественного референдума», как это утверждали лидеры изоляционизма, а бóльшая часть правящих кругов и монополий, усвоившая урок поражения вильсонизма на международной арене, сплотилась вокруг новой внешнеполитической программы и с помощью широкой пропагандистской кампании сумела повести за собой общественное мнение страны.

Вильсонисты еще возлагали надежды на выборы. В сентябре 1919 г. президент предпринял поездку по штатам в надежде, что прямая апелляция к избирателям обеспечит ему победу. Однако перенапряжение сил оказалось для него чрезмерным: он был разбит параличом, означавшим конец его политической карьеры (физическая его смерть наступила через четыре года).

Пропаганда изоляционистов, апеллировавшая к националистическим чувствам, оказалась действеннее. Щедрой рукой финансировали кампанию республиканского (и тем самым лоджистского) кандидата У. Гардинга, сенатора из штата Огайо — царства «Стандард ойл», нефтяные монополии и другие промышленные корпорации. В итоге республиканцы одержали победу.

Поражение Вильсона и его партии не означало кардинальной перемены: у власти оставались по-прежнему империалистические круги с принципиально не изменившимися стратегическими задачами, хотя их тактический курс и ближайшие цели, отразив уроки Версаля, стали несколько иными. Эти изменения выявились при создании Вашингтонской системы, тесно связанной с Версальской.

---

[49] Congressional Record, vol. 58, pt 9, p. 8767—8804; *Lodge H. C.* Op. cit., p. 191.

Глава четвертая

ВАШИНГТОНСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

1. ОГРАНИЧЕНИЕ ВООРУЖЕНИЙ

Вашингтонская конференция, созванная по инициативе США, была продолжением Версальской конференции в смысле дальнейшего передела мира и решения вопросов его послевоенного устройства. В советской историографии не случайно закрепился термин «Версальско-Вашингтонская система», характеризующий не только серию договоров, достигнутых на этих двух конференциях, но и определившийся на их основе международный порядок, который существовал до тех пор, пока гитлеровская Германия и милитаристская Япония не начали ломать его в середине 30-х годов.

Вашингтонская конференция была в определенном смысле продолжением курса 1918—1920 гг. и во внешней политике США. Созывая ее, США ставили перед собой задачу взять реванш за поражение в Версале, возобновить попытку руководства миром. Но свои гегемонистские цели США выдвигали на конференции уже гораздо осторожнее, довольствуясь частичными успехами и идя на компромиссы.

Конференция отразила переходный характер периода 1921—1922 гг. Она воплотила попытку США возродить идею американского мирового лидерства, в то же время подтвердив невозможность такого лидерства в результате империалистических противоречий и укрепления революционных сил в мире. Она стала исходным пунктом формирования изоляционистского курса последующих лет, который характеризовался непризнанием Советского государства вплоть до 1933 г., особым вниманием к методам экономической экспансии, политике во внеевропейских регионах, укреплению и росту военно-морской мощи США.

Возрождение идеи мирового лидерства выявилось уже 16 октября 1920 г. в заявлении виднейших республиканцев (31 человек), в котором они утверждали, что партия обеспечит создание «подлинной Ассоциации наций». Первое же совещание президента Гардинга с лидерами партии и сенаторами пришло к выводу, что эта цель должна лежать в основе внешней политики новой администрации. В интервью для прессы в январе 1921 г., а также во вступительной президентской речи 4 марта и в послании конгрессу от 12 апреля глава государства, отвергая «мировое сверхправительство» в лице Лиги наций, объявлял объединение наций «настоятельным обязательством», «высокой привилегией» и «первостепенным долгом» США [1]. На этой основе и возникла идея созыва в Вашингтоне международной конференции [2].

Первоначально правительство Гардинга предложило обсудить на кон-

---

[1] Papers Relating to the Foreign Relations of the United States (с 1931 г.— Foreign Relations of the United States, Diplomatic Papers), 1921: Vol. 1, 2. Wash., 1936, vol. 1, p. XVII—XIX. (Далее: FRUS).

[2] FRUS, Diplomatic Papers, 1921, vol. 1, p. 18—82; *Vinson Ch.* The Parchment Peace. Atlanta, 1955.

ференции широкий круг вопросов: ограничение вооружений, пересмотр распределения мандатов, проведение политики «открытых дверей» в Китае, обсуждение «русского вопроса», выработка принципов международных отношений. Однако Англия настойчиво добивалась ограничения конференции только дальневосточными вопросами, причем в составе лишь трех держав — США, Англии, Японии. Франция пыталась включить в повестку дня вопрос о долгах. Французская пресса с возмущением писала, что нельзя же допустить, чтобы каждый новый президент США создавал свою международную организацию. Япония категорически требовала исключить всякий пересмотр «свершившихся фактов», т. е. захватов в дальневосточном регионе.

В ходе обсуждения предстоящий форум получил название «Конференции по ограничению вооружений, тихоокеанским и дальневосточным вопросам». Относительно широкий состав участников (14 стран — США, Великобритания с отдельным представительством четырех доминионов и Индии, Китай, Япония, Франция, Италия, Бельгия, Голландия и Португалия) предотвращал создание единого антиамериканского блока.

Советское государство не было приглашено на конференцию. Госдепартамент заявил 17 сентября 1921 г., что «в России нет единого правительства» и что к ее интересам будет проявлено «справедливое отношение». В ответной советской ноте указывалось: интересы России «берутся блюсти те же правительства, которые заливали ее кровью, посылая против нее царских генералов, и душили ее смертельным кольцом блокады» [3].

За три неполных месяца своей работы Вашингтонская конференция, состоявшаяся 12 ноября 1921 г.— 6 февраля 1922 г., выработала 28 соглашений, резолюций, деклараций и заявлений, которые группировались вокруг следующих основных вопросов: ограничение вооружений; создание «дальневосточной Антанты»; борьба за влияние в Китае. Соответственно центральное место заняли договоры пяти, четырех и девяти держав.

Открытие конференции, приуроченное к 3-й годовщине Компьенского перемирия, сопровождалось шумной пацифистской рекламой. Американская историография продолжает утверждать, что это была единственная за всю историю международных отношений конференция, которая по инициативе США добилась разоружения, хотя бы частичного. Под шум кампании о разоружении США стремились выйти на первое место в военной области и путем регулярного созыва «разоружительных» конференций контролировать военные силы соперников. Таков был намечавшийся в 1921 г. более осторожный, чем вильсоновский, путь к мировой гегемонии и частичному воплощению идеи об «Ассоциации наций».

План разоружения, предложенный главой американской делегации государственным секретарем Ч. Хьюзом в первый же день работы конференции, представлялся американской прессой как «небывалая жертва идеализму», «оглушительное самопожертвование Америки» и т. п. [4] В нем предлагалось ограничение вооружений на суше, в воздухе и на море. Однако тут же выяснилось, что это предложение, по существу,

---

[3] Документы внешней политики СССР: Т. 1—. М., 1957—, т. 4, с. 472. (Далее: ДВП СССР).

[4] *Weale P.* An Indiscreet Chronicle from the Pacific. N. Y., 1922, p. 160.

носило показной характер. В ходе краткого обсуждения Франция, имевшая самую большую сухопутную армию, сослалась на свою роль «стража порядка» в Европе, а Япония — на «особую дальневосточную ситуацию». В результате участники пришли к выводу, что разоружение ни на суше, ни в воздухе пока невозможно. Это вполне устраивало Хьюза, поскольку потенциально война США с наиболее вероятными тогда противниками — Англией и Японией — неизбежно должна была бы разыграться на море. Что же касалось авиации — важного нового оружия, то американцы сами выдвинули аргументы о «нерациональности» ее ограничения, поскольку это означало бы «приостановку технического прогресса»[5].

Единственным конкретным последствием обсуждения было создание подкомитета пяти держав (США, Великобритании, Японии, Франции и Италии) для рассмотрения вопроса о химических средствах ведения войны. Подкомитет не пришел к единому мнению, и конференция смогла включить в дополнительный договор пяти лишь общее осуждение химических средств войны. Таким образом, вопрос свелся к «разоружению» только на море.

Ограничению морских вооружений правительство Гардинга придавало серьезное значение. В докладе Хьюза предлагалось установление постоянного соотношения линейных флотов США, Англии и Японии в пропорции 5 : 5 : 3 (по 500 тыс. т водоизмещения для первых двух стран и 300 тыс.— Японии).

Восторги американской пропаганды по поводу того, что «за несколько минут Хьюз потопил больше кораблей, чем все адмиралы в течение столетий», не имели ничего общего с действительностью. Пропорция — главное в американской программе — уравнивала американский флот с ранее абсолютно господствовавшим на морях британским, позволяя США догнать Англию и в то же время удержать Японию на втором месте. Хьюз предложил также ограничение отдельного линейного корабля водоизмещением 35 тыс. т под предлогом особой опасности крупных судов, а на деле в связи с тем, что корабли большего водоизмещения не проходили через уже устаревший Панамский канал и тем самым затруднялась переброска флота из Тихого океана в Атлантический и обратно.

В ходе столкновений, порой принимавших драматический характер — с угрозами отставки, яростными кампаниями в прессе и т. п., «разоружение» все больше превращалось в планирование дальнейшей гонки вооружений к выгоде главных морских держав. Так, в пропорцию по линкорам, принятия которой Хьюз добился с громадным трудом, были внесены поправки США, Англии и Японии о праве замены старых судов, повышавшие общий тоннаж линейного флота этих держав (до 525 тыс. т для США и Англии, 315 тыс. т для Японии; Франция и Италия повышения своей нормы в 175 тыс. т не добились). В целом пропорция означала перспективу усиленного строительства Соединенными Штатами наиболее крупных кораблей, поскольку фактически американский линейный флот далеко еще не достигал установленной нормы. В связи с острой дискуссией между Англией и Францией было сорвано ограничение крейсеров и подводных лодок. Конференция не смогла установить и какие-

[5] Conference on the Limitation of Armament. Washington, November 12, 1921 — February 6, 1922. Wash., 1923, p. 774. (Далее: Conference).

либо лимиты для авианосцев, отказавшись от первоначальных разрекламированных проектов и в этом отношении.

Характерно, что американская делегация с легкостью шла на эти отказы, особенно когда речь шла о передовом и перспективном орудии, каковым признавались авианосцы и подводный флот, в то же время перекладывая всю вину за срыв ограничений на «милитаристскую Францию» и «неуступчивую Англию».

Успех США не был полным, на некоторые уступки им пришлось пойти. Это было обязательство не создавать военных баз на ближайших подступах к Японии, в результате чего границей подобных баз стали Пёрл-Харбор и Сингапур. Это был также вынужденный отказ США от плана превращения конференции в регулярный орган, своего рода антипод Лиги наций, сфера деятельности которого охватила бы экономические и финансовые вопросы.

Обсуждение договора пяти показало, что европейские державы и Япония по-прежнему не принимали американской претензии на руководство, пусть даже на отдельных направлениях. Хьюзу удалось включить в решения Вашингтонской конференции лишь две резолюции («охвостье» этой провалившейся претензии) — о необходимости дальнейшего обсуждения проблем «разоружения» и об обязательстве участников через восемь лет вновь созвать конференцию с целью подтвердить соотношение предельного тоннажа линейного флота (5 : 5 : 3 : 1; 75 : 1; 75). Эти условия должны были помочь США сохранить под своим контролем морские вооружения держав и удержать в руках инициативу созыва последующих конференций по разоружению.

Итоги обсуждения в Вашингтоне вопроса об ограничении вооружений были подведены в ходе дискуссии в сенате США.

Критики справа обвиняли правительство в чрезмерных уступках, в том, что оно «поддалось пацифистской истерии» (сенатор Франс), и даже в совершении им «национального самоубийства» (сенатор Поиндекстер). Договоры, утверждал сенатор Дж. Рид, «выдают нас на милость англичанам». В унисон Риду выступал сенатор Дж. К. Шилдс, критиковавший уступки, сделанные в пользу Японии: «... не Соединенные Штаты, а Япония господствует на Тихом океане — в тех дальневосточных водах, где мы должны господствовать, если мы собираемся эффективно проводить доктрину открытых дверей»; отказ от строительства баз вблизи Японии — результат «невежества и безответственности» [6]. Дебаты были использованы критиками справа для выдвижения требований о расширении ассигнований на военную подготовку, для ходатайств о военных заказах в интересах стальных, судостроительных и других корпораций [7].

Критики слева — сенаторы Бора, Уильямс, Кинг и другие отмечали фиктивность разоружения, обошедшего сухопутные силы, не затронувшего такое «варварское, нечеловеческое, смертоносное оружие», как ядовитые газы. Отказ от укрепления баз в Тихом океане Бора квалифицировал как раздел сфер влияния на море: США, отказавшись укреплять Филиппины и Гуам, получили пространство до Гавайских островов, а Англия и Япония — западную часть Тихого океана. Флоты всех держав не уменьшатся, а станут более мощными, расходы лишь вырастут, гонка в

[6] Congressional Record, vol. 57, p. 3619, 4076, 4706.
[7] Ibid., p. 2426—2427, 2431—2433.

строительстве крейсеров, подводных лодок, самолетов пойдет быстрее.

При голосовании основного договора пяти против него был подан лишь один голос, при голосовании дополнительного договора — ни одного (воздержались 24 сенатора, прежде всего те, которые были связаны с химическими компаниями,— Дюпон, Уодсворт, Ренсдел и др.) [8].

В целом итоги Вашингтонской конференции в вопросе об ограничении вооружений были признаны выгодными для США, что соответствовало действительности. Эти итоги означали, что перед США открывалась возможность дальнейшего наращивания своей военной мощи. Не был остановлен и процесс милитаризации других держав. Показательно, что фиктивному ограничению вооружений, характеризовавшему Вашингтонскую конференцию, Советское государство противопоставило широкую программу всестороннего разоружения — на Генуэзской конференции в апреле 1922 г. и на Московской конференции в декабре 1922 г. [9]

2. ДОГОВОР ЧЕТЫРЕХ ДЕРЖАВ. СОВЕТСКО-АМЕРИКАНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ

Договор четырех держав — США, Англии, Франции и Японии, подписанный 13 декабря 1921 г., содержал всего четыре статьи: взаимно уважать права «на свои островные владения и островные территории» в Тихоокеанском регионе; совместно принимать «действенные меры» в случае угрозы этим территориям со стороны какой-либо державы, стоящей вне круга договаривающихся четырех государств; установить 10-летний срок договора с возможностью автоматического продления; считать расторгнутым англо-японский союз, основанный в 1902 г., поскольку договор четырех его заменяет.

Американская администрация, а вслед за ней и историки объявили договор второстепенным, признавая значение лишь четвертой статьи. Однако на деле за его краткими и общими формулировками скрывалась попытка США сколотить блок четырех держав, своего рода «дальневосточную Антанту». В этом смысле договор частично отразил замысел «Ассоциации наций» и имел поэтому принципиальное значение — не случайно он был подписан первым на конференции.

Ст. 4 о ликвидации англо-японского военного союза явилась существенным достижением Вашингтона, поскольку разъединяла основных соперников США на Дальнем Востоке, лишала Японию поддержки, на базе которой она совершила ряд захватов [10], обозначила поворот Англии к «особым отношениям» с США. Однако не менее важными были ст. 1, означавшая примирение США с состоявшимся в Лиге наций распределением мандатов в Тихом океане и с правами Японии на захваченные ею Пэнхуледао, Тайвань и Южный Сахалин, а также ст. 2, где совместные «эффективные меры» могли означать все, что угодно, вплоть до

---

[8] Ibid., p. 4725—4730.

[9] ДВП СССР, т. 5, с. 193—194; *Хайцман В. М.* СССР и проблема разоружения. М., 1959, с. 35—108; *Майский И. М.* Первая конференция по разоружению: Из воспоминаний.— Новая и новейшая история, 1963, № 3.

[10] Русско-японская война 1904—1905 гг., присоединение Кореи в 1910 г., вступление в мировую войну в 1914 г. и захват германской арендованной территории в Китае (фактически всей провинции Шаньдун), а также Маршалловых, Марианских и Каролинских островов.

военных мер. Это были статьи, открывавшие возможность военного выступления четырех держав против Китая и против Советской России в случае попытки освобождения от оккупантов указанных островов.

Значение ст. 1 и 2 подтвердили длительные и бурные прения в сенате. На протяжении 15 заседаний сенатор Лодж и другие представители правительственной группировки доказывали, что речь идет лишь об отдаленных коралловых рифах, рассыпанных на просторах океана «подобно ожерелью из лилий» и «едва возвышающихся над водой» [11]. С другой стороны, непримиримые изоляционисты подчеркивали, что договор четырех оформляет военный союз, располагающий флотом огромной мощи для того, чтобы господствовать на Тихом океане с помощью силы.

Оценку договора как первой попытки США создать военный блок четырех держав разделяли значительная часть прессы, в частности европейской, ряд политических деятелей. Эту оценку подтвердили и опубликованные госдепартаментом в 1938 г. документы.

Наряду с антисоветской тенденцией, проявившейся в договоре четырех, в политике США отразилась в этот период борьба вокруг вопроса о признании Советского государства [12]. Она охватила довольно широкие круги американской общественности, нашла отражение в решениях съездов Коммунистической и Социалистической партий, резолюциях ряда местных профсоюзов, в движении за техническую помощь Советской России. Требования сближения с Россией все чаще выдвигались фермерскими и другими организациями.

В деловых кругах страны интерес к торговле и концессиям подогревался надеждами на «эволюцию строя» в связи с введением нэпа. Ряд американских компаний начали переговоры с советскими представителями о концессиях крупного масштаба. В октябре 1920 г. был подписан проект договора с В. Вандерлипом, предпринимателем из Калифорнии, на нефтеносные земли, угольные копи и рыбные промыслы Камчатки. Не будучи реализован, он тем не менее дал двоякий политический выигрыш, мешая сговору Японии с США и стимулируя интерес к экономическим связям с СССР.

В октябре 1921 г. был заключен договор с «Американской объединенной компанией медикаментов и химических препаратов» о поставках в Россию; в декабре 1921 г.— концессионный договор с Армандом Хаммером о разработке асбестовых месторождений на Урале; в январе 1922 г. Дальневосточная Республика подписала договор с крупной нефтяной компанией «Синклер ойл» о разработке нефтяных богатств Северного Сахалина, причем здесь, как и в соглашении с Вандерлипом, содержалось условие дипломатического признания — в этом случае — Дальневосточной Республики. В течение 1922 г. «Синклер ойл корпорейшн», «Синклер эксплорейшн К°», «Стандард ойл К° оф Калифорния» настойчиво требовали от госдепартамента оказать нажим на Японию с тем, чтобы она не ставила препятствий посылке на Сахалин разведывательных экспедиций [13].

---

[11] Congressional Record, vol. 57, p. 3550—3557.

[12] Подробнее см.: *Фураев В. К.* Советско-американские отношения, 1917—1939. М., 1964; *Цветков Г. Н.* Шестнадцать лет непризнания: Политика США в отношении Советского государства в 1917—1933 гг. Киев, 1971.

[13] ДВП СССР, т. 2, с. 552; т. 4, с. 432—433, 442—445, 465—471; т. 5, с. 722—723; FRUS, Diplomatic Papers, 1923: Vol. 1, 2. Wash., 1938, vol. 2, p. 798—815.

Находившийся в Лондоне Л. Б. Красин вел переговоры с агентами «Стандард ойл» о закупке этой компанией нефтепродуктов в Баку и с «Фаундейшн К°» о строительстве нефтепровода Грозный — Черное море. В октябре 1921 г. Красин телеграфировал в Москву о важности этих переговоров как «первой серьезной деловой связи с крайне авторитетными американскими кругами» [14].

Многие из этих соглашений не были реализованы. Тенденция к налаживанию торговых и экономических связей между двумя государствами не возобладала в политике США. Официальные круги страны продолжали держаться курса на непризнание. Повторяя аргументы белогвардейского «посла» Бахметьева, госдепартамент заявлял, что России нечем торговать, она обладает нулевой покупательной способностью, разорена, является «гигантским экономическим вакуумом» и никакое восстановление не предвидится, пока существует советский строй [15]. Определенные политические круги США считали, что нэп открывает возможность содействовать свержению Советской власти. Отсюда возникли попытки помощи кронштадтскому мятежу, оживление идеи созыва Учредительного собрания. В. И. Ленин писал тогда: «В Америке думают, что большевики являются маленькой группой злонамеренных людей, тиранически господствующих над большим количеством образованных людей, которые могли бы образовать прекрасное правительство, при отмене советского режима. Это мнение совершенно ложно. Большевиков никто не в состоянии заменить...» [16].

Особенность ситуации состояла в том, что после поражения интервенции западных держав продолжалась оккупация Японией и зависимыми от нее белогвардейскими силами территории Забайкалья и Приморья. Стремясь как можно скорее прекратить военные действия и перейти к восстановлению страны, Советское правительство одобрило создание в этом регионе «буфера» — Дальневосточной Республики (ДВР). Она была провозглашена съездом трудящихся и партизан в Верхнеудинске (Улан-Удэ) 6 апреля 1920 г. РСФСР 14 мая официально признала ДВР [17].

Вопрос о Дальневосточной Республике занимал значительное место на Вашингтонской конференции, он относился, по существу, к проблеме советско-американских отношений в целом.

Незадолго до открытия конференции начались переговоры между Японией и Дальневосточной Республикой в Дайрене, где японцы заявили о грабительских претензиях на значительную территорию русского Дальнего Востока, в частности на юридическое закрепление оккупированного Северного Сахалина. Усиление позиции Японии не отвечало интересам Вашингтона. Американская дипломатия предприняла активные шаги.

После предварительных контактов между главой советской миссии в Китае И. Л. Юриным и посланником США в Китае Ч. К. Крейном в Читу были направлены сотрудники посольства США в Токио У. Дэйвис и Дж. Эббот. В результате переговоров с представителями Дальневосточной Республики они сделали вывод о прочности позиций правительства ДВР и «хороших возможностях для развития инвестиций». 9 января

[14] ДВП СССР, т. 4, с. 433.
[15] FRUS, Diplomatic Papers, 1921, vol. 2, p. 760—762, 769—773.
[16] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 43, с. 129.
[17] История внешней политики СССР, 1917—1975: В 2-х т. М., 1976—1977, т. 1, с. 154—156.

1921 г. Хьюз направил в Читу консула Дж К. Колдуэлла, предписав ему «неофициальные контакты с местной властью», имеющие целью не допустить «любых территориальных или административных изменений в статусе Восточной Сибири» [18], т. е. ни реализация японских притязаний, ни советизации ДВР.

В ходе начавшихся таким образом контактов в Вашингтоне возник вопрос о возможности приглашения Дальневосточной Республики на Вашингтонскую конференцию. 3 декабря 1921 г. делегация ДВР в составе А. А. Языкова, П. Н. Караваева и Б. Е. Сквирского прибыла в Вашингтон. Она была принята в русском отделе госдепартамента. При встречах происходило обсуждение не столько торговых, сколько политических проблем — о нормализации отношений между США и ДВР, содействии выводу японских войск и т. п. Неоднократные попытки делегации добиться непосредственного участия в Вашингтонской конференции успеха не имели, однако состоялись встречи делегатов ДВР с экспертами—участниками конференции, в частности беседы Языкова со Стивенсом о статусе КВЖД, а также обсуждение вопроса о концессиях на Сахалине и др. Представителям Дальневосточной Республики удалось установить контакты и с деловыми кругами США. Большое значение имела публикация делегатами документов, разоблачавших непомерные притязания Японии, ее план закрепления на Сахалине. Документы эти произвели настоящую сенсацию. Их цитировали в сенате, они оказали определенное влияние на усиление протестов против продолжавшейся японской интервенции.

В результате в дальневосточном комитете Вашингтонской конференции состоялось обсуждение «сибирского вопроса». Оно свелось к принятию 23 января 1922 г. двух заявлений. В первом барон Сидехара оправдывал интервенцию, но обещал вывод японских войск (впрочем, без указания срока). Второе заявление сделал Хьюз, выдвинувший принцип «равных возможностей» и отказа от односторонних выгод на русском Дальнем Востоке, подчеркнувший необходимость прекращения односторонней японской интервенции [19].

Подлинное освобождение принесли Приморью «штурмовые ночи Спасска, волочаевские дни». В итоге начавшегося в феврале 1922 г. наступления Народно-революционная армия Дальневосточной Республики и партизаны разгромили японских интервентов и 25 октября 1922 г. торжественно вступили во Владивосток. Победа революционных сил была единодушно поддержана всем населением, ее приветствовали тысячи людей.

Эта победа разом решила те связанные с интервенцией вопросы, которые не могла урегулировать Вашингтонская конференция, претендовавшая на миротворческую роль на Дальнем Востоке; был ликвидирован Межсоюзный железнодорожный комитет, очищен от последнего отряда оккупантов о-в Русский, прекращено признание белогвардейского «посла» Бахметьева в Вашингтоне (с 30 июня 1922 г.). 15 ноября было официально утверждено слияние Дальневосточной Республики с РСФСР, воплотившее стремление всего народа к советскому строю и к единству

---

[18] FRUS, Diplomatic Papers, 1921, vol. 2, p. 245, 745—746.

[19] Вашингтонская конференция по ограничению вооружений и тихоокеанским и дальневосточным вопросам, 1921—1922 / Полн. перевод актов и документов А. В. Сабанина. М., 1924.

страны. Курс США на создание буржуазного «буферного» государства сначала в Западной, а затем в Восточной Сибири с завершением борьбы в Приморье в ноябре 1922 г. потерпел окончательное поражение.

3. ИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКАЯ БОРЬБА ЗА КИТАЙ

На фоне некоторого сдвига в советско-американских отношениях, под влиянием общих успехов советской мирной политики обсуждались на Вашингтонской конференции соглашения о Китае.

К моменту открытия конференции основным фактором в этом регионе стало обострение американо-японских противоречий. Еще в годы мировой войны Япония предприняла широкое военное, экономическое и политическое наступление на Китай. Она захватила территорию Цзяочжоу, порт Циндао и фактически всю провинцию Шаньдун, навязала пекинскому правительству «21 требование» (1915 г.), означавшее установление господства Японии в Маньчжурии и ряд особых привилегий для Японии в Китае в целом, военный и морской договоры (май 1918 г.), на основе которых японские войска были введены на китайскую территорию, кабальные «займы Нисихары» (1918 г.). Япония содействовала распаду Китая на милитаристские вотчины, при помощи милитаристов-дуцзюней (военных губернаторов) Чжан Цзолиня, Дуань Цижуя и других контролировала северо-восточные районы страны, в том числе железные дороги Маньчжурии.

США также активизировали проникновение в Китай, действуя, однако, не столько военным нажимом, сколько более гибкими методами сообразно своим ресурсам и возможностям. В Китае имели филиалы такие монополии, как «Стандард ойл», концерн Дюпона, «Бетлехэм стил», «Вестерн электрик», «Эйша девелопмент», «Нэшнл сити бэнк» и др. После длительных переговоров, начатых по инициативе США, в октябре 1920 г. был создан международный банковский консорциум, имевший задачей сосредоточить в своих руках все займы, предоставляемые Китаю на железнодорожное строительство, создание промышленных предприятий и административные реформы, т. е. превратиться в своего рода «сверхправительство» страны. С марта 1919 г. действовало железнодорожное соглашение (заключенное по инициативе США), предусматривавшее контроль шести иностранных держав над дорогами Маньчжурии и русского сибирско-дальневосточного района. США обратили особое внимание на идеологические методы влияния: обучение китайских студентов в американских университетах, содержание учебных заведений в самом Китае (в 1920 г. из 16 университетов 8, кроме того, 3 — совместно с Англией и Канадой), широкое развертывание миссионерской деятельности и филантропических начинаний фонда Рокфеллера, распространение американской прессы и пропагандистских изданий.

Опираясь на прослойку либеральной буржуазно-помещичьей интеллигенции, одновременно не отвергая и ставки на тех или иных военных губернаторов-дуцзюней, беспрерывно воевавших друг с другом и содействовавших распаду страны на милитаристские вотчины, США выдвигали свое основное требование в Китае: реальное осуществление принципа «открытых дверей», дававшее преимущества американскому капиталу. Эта политика была направлена на уничтожение японских, а также анг-

лийских и французских сфер влияния. Логическим следствием этого требования была и ставка на «объединение Китая» под властью проамериканского центрального правительства с установлением минимальной законности и прекращением войн, всей «системы дуцзюната», делавшей невозможным ни создание промышленных предприятий, ни предоставление займов, ни железнодорожное сообщение.

Ограничение японской экспансии являлось одной из целей США на Вашингтонской конференции. Другой было всемерное ослабление революционного движения в Китае, которое бурно развивалось под непосредственным влиянием идей Октября. В стране происходили крупные выступления рабочего класса, возникла Коммунистическая партия. В Кантоне образовалось демократическое правительство во главе с Сунь Ятсеном, приветствовавшим в телеграмме В. И. Ленину деятельность Советской власти.

Исходным рубежом массового подъема в Китае стало «движение 4 мая» (1919 г.), вызванное решением Парижской конференции о закреплении Шаньдуна за Японией. Протесты рабочих, студентов, интеллигенции, буржуазии заставили пекинское правительство отказаться от подписания Версальского договора. В этих условиях США оказались заинтересованными в поддержке Японии как единственной страны, имевшей под рукой достаточно войск, чтобы выполнять жандармские функции в Китае. Англия и Франция также руководствовались этим соображением.

Позиция США в отношении Китая на Вашингтонской конференции определялась далеко идущими планами представителей крупного капитала, и прежде всего политическими событиями, происходившими в этой стране. Выступая против позиции старых колониальных держав, США опасались подъема революционного, демократического и антиимпериалистического движения. Они рассчитывали усилить влияние и установить доминирующее положение в Китае.

Делегация Китая на Вашингтонской конференции включала трех проамерикански настроенных буржуазных деятелей, причем ее советниками и ближайшими помощниками были американцы. Демократическому Кантонскому правительству в представительстве на конференции было отказано. Главным пунктом среди китайских требований был вопрос о Шаньдуне. На нем сконцентрировались патриотические чувства молодежи, интеллигенции, рабочего класса, национальной буржуазии, вылившиеся в массовый антияпонский бойкот и другие движения протеста. Понимая, что в сложившихся условиях удержать Шаньдун все равно не удастся, Япония настояла на том, чтобы переговоры с Китаем по этому вопросу происходили не на конференции, а в двустороннем порядке. Не доверяя ей, США и Англия направили на эти переговоры по два своих наблюдателя.

Шаньдунский вопрос занял 36 заседаний и обсуждался в напряженной борьбе с японскими дипломатами, с невероятным упорством выторговывавшими различные уступки и привилегии. США и Англия, выступая в качестве «примирителей», выдвинули план передачи консорциуму железных дорог Шаньдуна и превращения Циндао в открытый порт. Это был, таким образом, план выкупа у агрессора незаконно захваченного им достояния и установления в провинции Шаньдун контроля англо-американского капитала.

В конечном итоге после угроз и давления на договаривающиеся стороны (прежде всего на Китай) был достигнут компромисс, воплощенный в подписанном 4 февраля 1922 г. японо-китайским договоре. Шаньдун возвращался Китаю, но Япония выговорила себе длительные сроки эвакуации войск, выкуп главной железнодорожной артерии провинции Циндао — Цзинань, передачу угольных копей смешанной японо-китайской компании, назначение японских чиновников в таможню Циндао. Негласно было достигнуто важнейшее для Японии условие о том, что договоры 1915 г. («21 требование», означавшие господство японцев в Маньчжурии и Внутренней Монголии) не будут затрагиваться на конференции. Для консорциума предусматривались концессии на две ветви основной железной дороги. Одновременно Англия сделала заявление о возвращении Китаю арендованной территории Вэйхайвэй (также в Шаньдуне), а Франция — территории Гуаньчжоувань (провинция Гуандун) при сохранении там «особых прав».

«Миролюбивое посредничество» США привело к компромиссу, достигнутому за счет Китая, а все положительное для этой страны, что содержал договор,— прежде всего официальное восстановление китайского суверенитета в провинции Шаньдун — явилось следствием массового народного протеста.

Центральным документом конференции по «китайскому вопросу» объявлялся трактат девяти держав — США, Великобритании, Франции, Японии, Италии, Бельгии, Голландии, Португалии и Китая (подписан 6 февраля 1922 г.). В нем были зафиксированы основные принципы американской политики в Китае, за демагогическими формулировками которых скрывалось стремление США укрепить группировку, господствовавшую в Пекине, в ее борьбе с революцией и добиться вытеснения держав-соперниц: «целостность» страны, «объединение Китая» под властью «жизнеспособного и прочного правительства», равенство возможностей «для торговли и промышленности всех наций», воздержание от получения какой-либо нацией специальных прав и преимуществ. Однако формулировки трактата носили расплывчатый характер, в них преобладали пожелания, общие фразы. Это было результатом давления Англии и Японии, заинтересованных в сохранении своих позиций в Китае.

К договору девяти держав примыкали четыре документа конференции по правовым отношениям с Китаем, означавших попытку некоторого пересмотра его полуколониального статуса, старых форм зависимости от Англии, Франции, отчасти Японии. Договором о таможенном тарифе Китаю разрешалось повысить пошлины с ввозимых в страну товаров до «действительных 5%», т. е. привести их в соответствие с ценами, значительно возросшими за прошедший с 1843 г. период (через 4 года — до 7,5%). При этом, однако, Китай не только не получил права самостоятельно распоряжаться своими пошлинами, но и не смог поднять их до 12,5%, как требовала китайская делегация. Вашингтонская конференция приняла также резолюцию девяти держав об их намерении в неопределенном будущем вывести из Китая те вооруженные силы, которые находятся там «не на основании какого-либо трактата или соглашения». Это касалось главным образом наиболее многочисленных японских гарнизонов. Наконец, было принято решение о создании комиссии восьми государств для изучения вопроса об отмене права экстерриториальности, т. е. неподсудности иностранцев китайскому суду — типично колониаль-

ного института, введенного еще в XIX в. (договорами 1844 и 1858 гг.). Требования китайцев об отмене экстерриториальности натолкнулись на упорное сопротивление не только Японии, но и Англии, и США.

США сделали попытку создать международный контрольный орган, который должен был бы управлять Китайской Восточной железной дорогой по принципу решающего голоса тех держав, которые предоставляют больше средств. Однако в этом вопросе китайская делегация оказала довольно твердое сопротивление, которое объяснялось открывшейся в переговорах с советской миссией перспективой справедливого, антиколониального урегулирования вопроса о КВЖД. В ноте 8 декабря 1921 г., направленной государственному секретарю США, Г. В. Чичерин протестовал против обсуждения на Вашингтонской конференции вопроса о КВЖД, касающегося только Китая и России [20].

В сенате США Вашингтонские соглашения о Китае вызвали значительную критику. Сенаторы Бора, Спенсер, Уолш, Кинг и другие указывали, что «порабощение Китая Японией и Англией» осталось, не получено достаточно конкретных оснований для вмешательства США в случае нарушения провозглашенных конференцией принципов «открытых дверей» и «стабильного правительства», возвращение Шаньдуна Китаю имеет формальный характер и на деле является «моральной санкцией грабежа». За договор девяти голосовали 66 человек, против — ни одного, 30 — воздержались. Также с трудом были набраны необходимые 43 голоса при утверждении договора о таможенном тарифе [21].

Таким образом, Вашингтонская конференция не решила проблем Дальнего Востока. Китайский народ остался объектом сделок и соперничества.

В целом для США конференция была более успешной, чем Парижская. Ряд ее решений, и прежде всего договор пяти держав, давал определенное удовлетворение амбициям Вашингтона. Был разорван англо-японский союз, соглашение о Шаньдуне способствовало усилению американских позиций в Китае.

Однако от выдвигавшихся вначале планов создания «Ассоциации наций» США вынуждены были отказаться. Как и в Версале, на Вашингтонской конференции проявилась ограниченность возможностей США, острота империалистических противоречий, прежде всего американо-японских, а также американо-английских. Потерпели поражение планы США и в отношении Советской России. Вашингтон вынужден был перейти к так называемой изоляционистской политике.

---

[20] ДВП СССР, т. 4, с. 567—568.

[21] Congressional Record, vol. 62, p. 3551—3552, 3712, 4076, 4162—4167, 4766, 4781—4784.

Глава пятая

АМЕРИКАНСКОЕ «ПРОЦВЕТАНИЕ»

1. ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ

В 1924 г. Соединенные Штаты Америки, как и другие страны капиталистического мира, вступили в период временной частичной стабилизации капитализма. Важнейшими признаками этого периода были экономический подъем, рост промышленного производства и торговли, техническое переоборудование предприятий, укрепление власти буржуазии, ослабление рабочего и демократического движения. В США все основные проявления частичной капиталистической стабилизации сказались с гораздо большей силой и четкостью, чем в странах Западной Европы.

Прежде всего Соединенным Штатам значительно быстрее удалось преодолеть экономические потрясения, вызванные последствиями первой мировой войны и кризисом 1920—1921 гг. Уже в конце 1922 г., достигнув предкризисного уровня промышленного производства, они вступили в полосу промышленного подъема, тогда как Англия, Франция и Германия добились относительной стабилизации экономики только в 1924 г.

Экономический подъем в США продолжался почти семь лет, до середины 1929 г., и был весьма значительным: общий объем промышленного производства в США в 1929 г. превысил уровень предкризисного 1920 г. на 32% [1]. Правда, поступательное развитие американской экономики в период капиталистической стабилизации 20-х годов не носило постоянного характера. Дважды, в 1924 и в 1927 гг. оно прерывалось частичными спадами. Но оба они были кратковременными и сравнительно неглубокими, и каждый раз экономический подъем в США возобновлялся с новой силой.

Интенсивный промышленный подъем в США в 20-е годы объяснялся громадным усилением американского империализма в период мировой войны, выдвижением этой страны в число сильнейших капиталистических держав. Превращение США в центр финансовой эксплуатации мира позволило монополистической буржуазии извлекать гигантские прибыли. С 1923 по 1929 г. включительно чистые прибыли американских монополий составили в общей сложности 50,4 млрд. долл.[2], т. е. в 1,5 раза больше, чем в годы первой мировой войны.

Располагая огромными средствами, американские монополии проводили массовое обновление основного капитала, оснащали предприятия новейшей техникой, строили новые заводы и фабрики. На этой основе был сделан крупный шаг в развитии важнейших отраслей тяжелой промышленности. За 1923—1929 гг. выплавка стали в США возросла с 49 млн. до 61,7 млн. т, добыча нефти — с 732 млн. до 1007 млн. баррелей, а производство электроэнергии — с 71,4 млрд. до 116,7 млрд. кВт·ч [3]. В целом

---

[1] Мировые экономические кризисы, 1848—1935: Т. 1—3. М., 1937—1939, т. 3, с. 383.

[2] Очерки новой и новейшей истории США: В 2-х т. М., 1960, т. 2, с. 78.

[3] Historical Statistics of the United States. Colonial Times to 1970. Wash., 1975, p. 593, 693, 821.

же по сравнению с довоенным уровнем промышленное производство США увеличилось к концу 20-х годов на 72%.

Быстрые темпы экономического развития страны в годы относительной капиталистической стабилизации дали монополистической буржуазии США огромные преимущества перед буржуазией других стран. Известно, что экономика Великобритании переживала в 20-е годы явный застой, Франция по темпам экономического роста значительно отставала от Соединенных Штатов, а Германия только еще вступала на путь ускоренного восстановления своего экономического потенциала, резко ослабленного ее поражением в первой мировой войне. Особо благоприятное положение, создавшееся тогда для США, привело к резкому увеличению их удельного веса в мировой экономике. К концу 20-х годов Соединенные Штаты давали 48% промышленного производства капиталистического мира. Они производили промышленной продукции на 10% больше, чем Великобритания, Франция, Германия, Италия и Япония, вместе взятые [4].

Особенно быстро развивались новые отрасли промышленности, которые оборудовались по последнему слову науки и техники. Наиболее ярким примером явился бурный рост автомобильной промышленности. Крупные автомобильные заводы были построены в США еще в начале XX в. Но лишь в 20-е годы американская автомобильная промышленность по-настоящему стала на рельсы массового производства. В 1929 г. производство автомобилей в стране увеличилось до 5337 тыс., что примерно в 11 раз превысило довоенный уровень [5]. Производственные мощности автомобильной промышленности в конце 20-х годов давали возможность еще большего увеличения выпуска продукции: весной 1929 г. в отдельные дни с конвейеров американских автомобильных заводов сходило до 25 тыс. машин.

Результатом таких необычайно высоких темпов развития автомобильной промышленности было быстрое проникновение автомобиля в жизнь Америки. К концу 20-х годов в Соединенных Штатах эксплуатировалось в общей сложности 26,7 млн. автомашин, в том числе 23,1 млн. легковых. Это было намного больше, чем во всех остальных странах мира. Массовое производство и постепенное удешевление автомобиля способствовали его распространению среди довольно широких слоев населения: в 1929 г. на тысячу жителей США приходилось 189 легковых автомашин. Автомобиль стал в 20-е годы поистине символом американского «процветания».

Развитие автомобильной промышленности в США было связано в первую очередь с именем Генри Форда, крупного конструктора и организатора, ставшего в XX в. владельцем одной из гигантских автомобильных «империй». В 1908 г. на фордовских заводах началось изготовление знаменитой «модели Т», получившей затем широкую известность во всем мире под названием «форд». За 20 лет, с 1908 по 1927 г., было выпущено около 15 млн. автомашин этой марки, после чего фордовские заводы были переведены на производство другой, более комфортабельной модели. В 20-е годы массовый выпуск автомобилей, кроме компании Форда, начали еще две крупные фирмы — «Дженерал моторз» и «Крайслер».

---

[4] Новейшие изменения в экономике США. М.; Л., 1930, т. 1, с. 132.
[5] Historical Statistics of the United States, p. 716.

В 1929 г. на долю этой «большой тройки» приходилось 83% всего производства автомобилей в Соединенных Штатах [6].

Стремительное увеличение выпуска продукции на заводах Форда, а затем и других фирм было достигнуто за счет усиленной рационализации производства. Она включала, с одной стороны, техническое переоборудование предприятий, увеличение их энерговооруженности, широкую механизацию производственных процессов, а с другой — внедрение стандартизации, массовое изготовление типовых деталей и последующую их скоростную сборку на конвейерных линиях. Повышение производительности, а еще более интенсивности труда обеспечивало значительное увеличение выработки на каждого рабочего. В 1923—1929 гг. она выросла в среднем на 43% [7]. Это позволяло капиталистам уменьшать число рабочих, оставлять на конвейерных линиях только самых сильных и выносливых, платить им за более производительную и, главное, гораздо более интенсивную работу несколько повышенную заработную плату и все равно иметь экономию за счет резкого сокращения общего числа занятых. Таким образом, капиталистическая рационализация производства усиливала эксплуатацию одних рабочих и выбрасывала на улицу других. И в том и в другом случае она так или иначе оборачивалась против пролетариата.

Столь же быстро развивались и другие новые отрасли американской промышленности: электротехническая, химическая, производство синтетических материалов, радиопромышленность. Рост энерговооруженности и внедрение новой техники создавали основу для значительного увеличения производства и в некоторых других отраслях экономики. В конце 20-х годов в США было электрифицировано около 70% фабричных станков. Как и в автомобилестроении, высокие темпы роста производства в ряде отраслей тяжелой промышленности в годы капиталистической стабилизации в немалой степени обеспечивались усиленной интенсификацией труда рабочих.

В годы частичной капиталистической стабилизации еще более ускорился процесс урбанизации и индустриализации США. Общая численность населения страны за 1920—1930 гг., по официальным данным 14-го и 15-го цензов, возросла с 105,7 млн. до 122,8 млн., т. е. на 16%. При этом городское население увеличилось за 10 лет с 54,2 млн. до 69 млн. (на 27%), тогда как прирост сельского населения шел неизмеримо медленнее: число сельских жителей увеличилось с 51,5 млн. до 53,8 млн., т. е. всего лишь на 4,5%. В результате такого резкого несоответствия в темпах прироста удельный вес городского населения за 1920—1930 гг. повысился с 51,3 до 56,2%, в то время как доля сельского населения снизилась с 48,7 до 43,8% [8].

С особой быстротой росло население важнейших индустриальных районов. С каждым годом увеличивалось количество крупных городских агломераций, включавших большие города, окружавшие их пригороды и практически сливавшиеся с ними города-сателлиты. Уже в 1920 г. в Соединенных Штатах было 58 таких обширных урбанизированных районов, в которых жило около 36 млн. человек, т. е. треть населения стра-

[6] *Link A.* American Epoch. A History of the United States since 1890's: Vol. 1—4. N. Y., 1967, vol. 2, p. 262.
[7] Historical Statistics of the United States, p. 951.
[8] Ibid., p. 8, 11.

ны. К 1930 г. число этих крупных городских агломераций достигло 97, а их суммарное население увеличилось до 55 млн., составив уже около 45% населения США [9].

Все более растущий уровень урбанизации и индустриализации Соединенных Штатов на протяжении 20-х годов нашел отражение и в изменении структуры самодеятельного населения страны. Общая его численность увеличилась за 1920—1930 гг. с 42,2 млн. до 48,7 млн. человек. Этот рост шел прежде всего за счет быстрого увеличения числа рабочих, занятых в промышленности, строительстве и на транспорте (с 17 млн. до 19,3 млн.), а также числа лиц, занятых в торговле, финансовых учреждениях и сфере обслуживания (с 8,8 млн. до 14 млн.), в то время как численность самодеятельного сельскохозяйственного населения сократилась (с 11,1 млн. до 10,5 млн.) [10].

Манипулируя данными об экономическом подъеме в США, буржуазная пропаганда, вдохновляемая официальным Вашингтоном, усиленно распространяла тезис о прочности и незыблемости стабилизации. В ежегодном послании президента Кулиджа конгрессу о положении страны в декабре 1925 г. провозглашалось, что Америка вступила «в эру длительного всеобщего процветания» [11]. Славословия в честь «просперити» достигли апогея в конце 20-х годов. Виднейшие деятели обеих партий, особенно лидеры правящей республиканской партии, на все лады твердили о наступлении «вечного процветания», о «ликвидации кризисов», об успехах в деле «искоренения бедности». В августе 1928 г. в одной из предвыборных речей Г. Гувер торжественно возвестил: «Америка сейчас ближе к полной победе над бедностью, чем когда-либо в истории любой страны мира... Мы еще не достигли этой цели, но если у нас будет возможность и дальше продолжать ту же политику, которая проводилась в течение последних восьми лет, мы с божьей помощью скоро приблизим тот день, когда бедность навсегда будет изгнана из нашей страны» [12].

На взгляд поверхностного наблюдателя картина экономической ситуации в США к концу 20-х годов была очень оптимистичной. Результатом промышленного подъема было новое увеличение национального дохода США. За 1923—1929 гг. он возрос с 74,3 млрд. до 86,8 млрд. долл., т. е. на 17% [13]. Но его распределение было чрезвычайно неравномерным. Львиная его доля присваивалась небольшой горсткой монополистов. В 1929 г. на долю крупной буржуазии, составлявшей всего лишь около 1% самодеятельного населения США, приходилось 14,5% национального дохода страны [14]. 513 миллионеров получали доход, равный суммарной годовой заработной плате 1 млн. рабочих. Но все же кое-что перепадало и на долю мелкой буржуазии и верхушечных слоев рабочего класса. Увеличение доходов и широкое распространение системы продажи в рассрочку создавали для этих групп населения довольно значительные

---

[9] Change and Continuity in Twentieth Century America: The 1920's / Ed. by J. Braeman, R. Bremner, D. Brody. N. Y., 1969, p. 403.
[10] Historical Statistics of the United States, p. 138—139.
[11] The State of the Union Messages of the Presidents, 1790—1966: Vol. 1—3 / Ed. by F. Israel. N. Y., 1966—1967, vol. 3, p. 2689.
[12] A History of the United States from 1865 to the Present. Meridian Documents of American History / Ed. by F. Clingberg. Cleveland; New York, 1962, p. 371.
[13] Historical Statistics of the United States, p. 224.
[14] Ibid., p. 302.

возможности для приобретения иногда за наличный расчет, а чаще в кредит автомобилей, радиоприемников, холодильников, пылесосов, стиральных машин и другой бытовой техники.

Двадцатые годы были отмечены также колоссальным ростом стоимости акций. За пять лет, с декабря 1924 г. по октябрь 1929 г., акции, котировавшиеся на нью-йоркской бирже, увеличились в цене с 27 млрд. до 87 млрд. долл., т. е. более чем втрое. Неудивительно, что к концу 20-х годов в стране началась настоящая биржевая вакханалия. В нее были втянуты миллионы американцев, которые обращали свои сбережения на покупку ценных бумаг, надеясь, что безостановочный рост стоимости акций в условиях «вечного процветания» сделает их богачами.

Лидеры делового мира США своим авторитетом стремились подкрепить эти призрачные надежды. Так, председатель финансового комитета фирмы «Дженерал моторз» Дж. Рэскоб в 1929 г. вполне серьезно утверждал, что если каждый рабочий и служащий будет экономить по 15 долл. в неделю и регулярно приобретать на эти средства наиболее солидные акции, то через 20 лет он будет располагать капиталом в 80 тыс. долл. «По моему убеждению,— заключал Дж. Рэскоб,— у нас в стране каждый не только может, но и обязан стать богатым» [15]. Многие рядовые американцы, загипнотизированные подобной перспективой легкого обогащения, склонны были верить всему, что говорилось в эти годы о «блестящем будущем» американского капитализма.

Но обстановка в стране отнюдь не подтверждала эти оптимистические прогнозы. Стабилизация капитализма в США, так же как и в других капиталистических странах, проходила в условиях общего кризиса капитализма и поэтому была временной, частичной и непрочной. Об этом свидетельствовала прежде всего чрезвычайная неравномерность развития различных отраслей промышленности. При быстром росте ряда новых отраслей тяжелой индустрии наблюдался застой, а иногда даже и падение производства в таких традиционных сферах экономики, как добыча угля, судостроение и большинство отраслей легкой промышленности. Прирост промышленного производства в отраслях, изготовлявших предметы первой необходимости (текстильная, обувная, пищевая и т. д.), даже в самые лучшие годы «просперити» был лишь чуть выше прироста населения. Во второй половине 20-х годов обозначилось значительное сокращение жилищного строительства. Еще более неблагоприятным было положение в угледобывающей промышленности. В 1923—1929 гг. добыча угля в США сократилась с 658 млн. до 609 млн. т, т. е. на 8%, а число рабочих, занятых в угольных шахтах, упало с 864 тыс. до 654 тыс., или на 23% [16].

Но наиболее тревожным симптомом, обнаружившимся к концу 20-х годов, было сокращение масштабов обновления основного капитала. Если в 1924 г. расходы на новое капитальное строительство составляли 76% всех частных капиталовложений, то к 1929 г. их доля сократилась до 35% [17]. Все это означало, что во многих традиционных отраслях промышленности США, особенно в тех, которые непосредственно были связаны с потребительским спросом, признаки перепроизводства сказались

---

[15] *Shannon D.* Twentieth Century America: Vol. 1—3. N. Y., 1974, vol. 2, p. 72.
[16] Historical Statistics of the United States, p. 589, 591, 592.
[17] *Shannon D.* Op. cit., vol. 2, p. 71.

значительно раньше и интенсивнее, чем в быстро прогрессирующих новых сферах экономики.

Важными показателями непрочности капиталистической стабилизации 20-х годов были также постоянная недогрузка производственного аппарата и хроническая массовая безработица. Даже в конце 20-х годов, в наиболее благоприятный период «просперити», производственные мощности промышленности были загружены в целом примерно на 80%, а в ряде отраслей недогрузка производственного аппарата достигала 25—30% [18]. Число безработных в США, по самым скромным оценкам, колебалось на протяжении 1924—1929 гг. от 1,5 до 2 млн.[19]

Наконец, признаком непрочности капиталистической стабилизации в Соединенных Штатах было неблагоприятное положение сельского хозяйства. После первой мировой войны оно вступило в новый этап своей капиталистической эволюции, подготовленный быстрым ростом сельскохозяйственного производства в конце XIX — начале XX в. в результате победы фермерского пути развития капитализма в сельском хозяйстве США. Окончательное завершение длительного периода раздачи гомстедов за счет земель государственного фонда, полное истощение ресурсов «свободных» земель Запада, пригодных для заселения и обработки — все это способствовало тому, что от экстенсивных форм капиталистического земледелия американское фермерство стало переходить к интенсивным методам ведения хозяйства, к применению машин, искусственных удобрений, новейших агротехнических приемов. Уже в 1920 г. в сельском хозяйстве США использовалось 246 тыс. тракторов и 4 тыс. комбайнов [20]. Развитие капитализма вширь, долгое время бывшее характерной особенностью эволюции американского сельского хозяйства, сменилось развитием капитализма вглубь.

Однако аграрный кризис, начавшийся в 1920 г. и не преодоленный в течение всего периода 20-х годов, надолго нарушил нормальные условия воспроизводства в сельском хозяйстве. Правда, наиболее острая фаза аграрного кризиса, характерная для 1920—1923 гг., сменилась в 1924—1928 гг. его несколько смягченной фазой. Но и тогда ни сельскохозяйственные цены, ни фермерские доходы так и не достигли докризисного уровня. На протяжении второй половины 20-х годов валовой доход американского фермерства держался на уровне 13—14 млрд. долл., тогда как в 1919 г., до начала длительного аграрного кризиса, он составлял 17,9 млрд. долл.[21]

Падение цен тяжелее всего отразилось на положении мелких и средних фермеров, хозяйство которых стало хронически убыточным. Поэтому разорение и вытеснение мелкого производства в земледелии шли в период частичной капиталистической стабилизации с невиданной ранее быстротой. Только за 1925—1929 гг. было принудительно продано с молотка за неуплату долгов и налогов 547 тыс. ферм (8,7% общего числа) [22]. Огромные размеры приобрело в 20-х годах бегство фермеров в города. Поскольку американская промышленность переживала в то время значительный подъем, части переселенцев удалось получить рабо-

---

[18] *Nourse E.* America's Capacity to Produce. Wash., 1934, p. 303, 415—416.
[19] Historical Statistics of the United States, p. 135.
[20] Ibid., p. 469.
[21] Ibid., p. 483.
[22] The Farm Real Estate Situation, 1930—31. Wash., 1931, p. 45.

ту. Однако большинство их так и не смогли найти себе занятия. Поэтому многие, истощив свои скудные средства, вынуждены были возвратиться обратно.

Тем не менее бегство фермеров в города проходило более высокими темпами, чем их возвращение в сельские районы, в результате чего чистая убыль фермерского населения США составила за 1920—1930 гг. 6,3 млн. человек. Разорение мелкого и среднего фермерства шло тогда настолько быстро, что к концу 20-х годов очередная перепись впервые в истории США зафиксировала абсолютное сокращение общей численности фермерского населения (с 32 млн. в 1920 г. до 30,5 млн. в 1930 г.) и числа фермерских хозяйств в стране (соответственно с 6448 тыс. до 6289 тыс.) [23].

Аграрный кризис значительно ухудшил и положение капиталистических слоев фермерства. Сильное падение цен уменьшило прибыльность их хозяйства. Необходимость приспособления к неблагоприятным условиям сельскохозяйственного рынка требовала резкого снижения себестоимости производства путем коренного технического переоборудования сельского хозяйства. Но это было доступно только сравнительно немногочисленным группам фермерской буржуазии. К концу 20-х годов в сельском хозяйстве США применялось уже 920 тыс. тракторов и 61 тыс. комбайнов [24], что свидетельствовало о значительном росте его технической вооруженности, однако, по данным сельскохозяйственной статистики, только 13,5% фермерских хозяйств были оснащены в то время тракторами и всего лишь около 1% — комбайнами [25].

Начавшийся в 20-е годы процесс индустриализации сельского хозяйства США, его перехода из мануфактурной стадии в стадию машинного производства происходил в гораздо менее благоприятных условиях, нежели в промышленности. Общая историческая отсталость сельского хозяйства, которая еще более обострилась с вступлением страны в эпоху империализма, новое усиление эксплуатации фермерства монополиями — все это обусловило необычайно глубокий и затяжной характер кризиса перепроизводства в сельском хозяйстве. Гнет финансового капитала в условиях аграрного кризиса особенно тяжелым бременем лег на плечи мелких и средних фермеров. Но господство монополий ощутимо сказывалось и на положении сельскохозяйственной буржуазии. Громадная дань, взимаемая ими со всего фермерства, в том числе и с его капиталистической верхушки, ограничивала возможности капиталистического накопления, отвлекала от производительного использования крупные финансовые средства и на долгие годы затянула процесс преодоления аграрного кризиса.

Таким образом, в ряде важных отраслей американской экономики во второй половине 20-х годов все более отчетливо сказывались явления перепроизводства. Это постепенно расшатывало устои американского «процветания». По сравнению со странами Западной Европы признаки непрочности стабилизации капитализма в США были выражены значительно слабее. Но все же и для этой крупнейшей и наиболее богатой капиталистической страны было характерно вопиющее противоречие между растущими производственными возможностями экономики и отно-

[23] Abstract of the 15th Census of the United States. Wash., 1933, p. 19, 501.
[24] Historical Statistics of the United States, p. 469.
[25] Abstract of the 15th Census of the United States, p. 526, 598, 708.

сительно низкой покупательной способностью широких масс населения.

В годы частичной капиталистической стабилизации в США произошло некоторое повышение заработной платы рабочих, но оно было сравнительно небольшим. По данным правительственной статистики, среднегодовая номинальная заработная плата рабочих, занятых в обрабатывающей промышленности, строительстве и на транспорте, увеличилась за 1924—1929 гг. с 1519 до 1620 долл., т. е. всего на 6,5%, а заработная плата рабочих горнодобывающей промышленности даже сократилась (с 1703 до 1526 долл.) [26]. Между тем, по исчислениям американских экономистов, для удовлетворения лишь основных потребностей семьи из четырех человек при тогдашнем уровне цен необходимо было располагать доходом не менее 2 тыс. долл. в год. Недаром президент Кулидж в одном из своих посланий конгрессу в 1926 г. вынужден был признать, что «большинство рабочих не разделяют плодов просперити» [27]. Но их не разделяли и многие другие группы трудящегося населения городов и ферм. По весьма умеренным оценкам, даже в 1929 г., в самый разгар «процветания», доходы 60% американских семей были ниже прожиточного минимума [28]. Это убедительно свидетельствует о непрочности капиталистической стабилизации 20-х годов.

2. ВНУТРИПОЛИТИЧЕСКАЯ ОБСТАНОВКА

Промышленный подъем и общая экономическая стабилизация в Соединенных Штатах к середине 20-х годов значительно укрепили положение крупного капитала. Полная уверенности в своих силах, воодушевленная тем, что ее дела идут хорошо, монополистическая буржуазия США, существенно увеличившая экономическое могущество, особенно энергично пропагандировала частнособственнические добродетели традиционной идеологии «твердого индивидуализма», решительно выступая против вмешательства государства в дела бизнеса.

Индивидуалистическая идеология была положена и в основу внутренней политики республиканского правительства. Продолжая курс, взятый в 1921 г. администрацией Гардинга, правительство Кулиджа стремилось свести к минимуму все экономические и социальные функции буржуазного государства. В очередном послании к конгрессу о положении страны (декабрь 1924 г.) президент недвусмысленно заявил, что руководимая им администрация собирается идти к достижению «экономической и социальной справедливости», полагаясь исключительно на «методы естественной эволюции», и что важнейшим принципом ее деятельности будет «строжайшая экономия государственных расходов» [29]. Через два года, в декабре 1926 г., он высказался на этот счет еще более определенно: «Сущность нашей системы правления состоит в том, что она базируется на принципах свободы и независимости индивидуумов. В своих действиях каждый из них зависит только от самого себя. Поэтому они не могут быть лишены плодов своей предприимчивости... То, что накоп-

[26] Historical Statistics of the United States, p. 166.
[27] The State of the Union Messages of the Presidents, vol. 3, p. 2700.
[28] *Leven M., Moulton H., Warburton C.* America's Capacity to Consume. Wash., 1934, p. 55—56.
[29] The State of the Union Messages of the Presidents, vol. 3, p. 2656, 2664.

лено их личными усилиями, не должно стать источником государственной расточительности» [30].

В соответствии с этими установками президент Кулидж, министр финансов Меллон и разделявшие их взгляды лидеры реакционной «старой гвардии» республиканцев стремились ограничить функции федерального правительства созданием максимально благоприятных условий для бесконтрольного хозяйничанья бизнеса, категорически отвергая всякие попытки государственного регулирования его действий. В проведении подобного курса они были «более последовательными, чем чуть ли не самые академические социал-дарвинисты» [31]. Так, глава Белого дома, выдвигая основополагающий принцип своего президентства, утверждал, что «если бы федеральное правительство исчезло, то простые люди в течение очень длительного времени не заметили бы решительно никаких изменений в своих повседневных делах» [32]. А один из наиболее твердолобых представителей республиканской «старой гвардии», сенатор Д. Рид, уточняя и конкретизируя мысль, высказанную Кулиджем, с присущей ему прямолинейностью заявил: «Если бы я был диктатором, то упразднил бы федеральную торговую комиссию сегодня утром, управление торгового флота — вечером и междуштатную торговую комиссию — завтра... Наше правительство стало чересчур назойливым. У нас слишком много регулирующих комиссий» [33].

В конце 20-х годов эта индивидуалистическая риторика превратилась в обязательную принадлежность каждого республиканского политика. В своей предвыборной речи 22 октября 1928 г. Г. Гувер как кандидат республиканцев на пост президента всячески рекламировал курс «твердого индивидуализма» и заявил, что считает важнейшей заслугой правящей республиканской партии то, что она «возвратила правительство на его законное место посредника, а не участника экономической игры». Гувер назвал «фальшивым либерализмом» идею государственного вмешательства в коммерческую деятельность бизнеса. В противовес он выдвинул принцип «истинного либерализма», который, по его мнению, предусматривал ограничение государственной активности рамками защиты буржуазного «равенства возможностей» [34].

Реакционно-индивидуалистическими принципами по-прежнему руководствовался в своей деятельности и Верховный суд США, возглавляемый У. Тафтом. Опираясь на строго легалистские правовые концепции, реакционное большинство Верховного суда неизменно блокировало любые попытки расширения социальной деятельности буржуазного государства. Как заметил в 1929 г. видный американский юрист либерального направления Ф. Франкфуртер, У. Тафт и его сторонники «возродили взгляды, которые были устаревшими уже 25 лет назад» [35].

---

[30] Ibid., p. 2691.

[31] History of the U. S. Political Parties: Vol. 1—4 / Ed. by A. Schlesinger, Jr. N. Y., 1973, vol. 3, p. 2112.

[32] *Schlesinger A., Jr.* The Age of Roosevelt: Vol. 1—3. Boston, 1957—1960, vol. 1. The Crisis of the Old Order, 1919—1933, p. 57.

[33] Цит. по: *Кертман Г. Л.* Борьба течений в республиканской партии (1924—1928).— В кн.: Политические партии США в новейшее время. М., 1982, с. 49.

[34] Documents of American History: Vol. 1, 2 / Ed. by H. Commager. Englewood Cliffs (N. J.), 1973, vol. 2, p. 223—224.

[35] Цит. по: *Bates J. L.* The United States, 1898—1928. Progressivism and a Society in Transition. N. Y., 1976, p. 278.

Финансово-экономическая политика правительства Кулиджа показала истинную классовую сущность идеологии «твердого индивидуализма». Лидеры республиканской администрации добивались прежде всего дальнейшего снижения налогов на крупный капитал. В послании президента Кулиджа конгрессу в декабре 1924 г. утверждалось, что непременным условием вступления страны в «эру беспрецедентного процветания» является «освобождение бизнеса от чрезмерного налогообложения его прибылей» [36]. В том же духе высказывался министр финансов Э. Меллон, который лицемерно сокрушался по поводу «разрушительного эффекта чрезмерного налогового обложения, подавляющего предпринимательскую инициативу» [37]. Уже в 1924 г. правительство Кулиджа провело через конгресс новый закон, согласно которому максимальная ставка добавочного налогообложения лиц с высокими доходами была сокращена с 50 до 40%. Закон 1926 г. снизил этот максимум до 20%, уменьшил до того же уровня ставку налога на наследство и вообще отменил налог на дарственные акты [38]. В 1928 г. по инициативе республиканской администрации было осуществлено некоторое сокращение (до 12%) налоговых ставок на прибыли корпораций. Таким образом, безграничное увеличение финансовых ресурсов монополий стало в 20-е годы первостепенной заботой республиканского правительства.

Тем не менее правительство Кулиджа, проводя эту политику, стремилось воздерживаться от крупных государственных расходов и добивалось поддержания сбалансированного бюджета. Осуществив уже в 1924 г. дальнейшее сокращение расходов федерального правительства до 2,9 млрд. долл., республиканская администрация вплоть до 1928 г. неизменно удерживала их на этом сравнительно низком уровне. Активное сальдо федерального бюджета дало ей возможность значительно сократить государственный долг (с 22,3 млрд. долл. в 1923 г. до 16,9 млрд. в 1929 г. [39]).

И все же даже в условиях безраздельного господства буржуазно-индивидуалистических принципов в политике республиканской администрации в годы стабилизации в США не произошло, да и не могло произойти, демонтажа структуры государственно-монополистического капитализма. Процесс огосударствления социально-экономических отношений, характерный в той или иной степени для всей эпохи общего кризиса капитализма, медленно, подспудно, но неуклонно продолжался.

Прежде всего в 20-е годы значительно возросла степень концентрации и централизации капитала как основы государственно-монополистического развития. Суммарные активы 200 крупнейших корпораций, оценивавшиеся в 1919 г. в 43,7 млрд. долл., увеличились к 1929 г. до 81,1 млрд. долл., т. е. почти вдвое. На долю этих 200 гигантов монополистического бизнеса, составлявших лишь 0,05% общего числа корпораций, приходилось в конце 20-х годов около половины (49%) всего богатства, сосредоточенного в их распоряжении, и 43% получаемых ими до-

---

[36] The State of the Union Messages of the Presidents, vol. 3, p. 2657.
[37] Selected Readings in American History: Vol. 1, 2 / Ed. by J. De Novo. N. Y., 1969, vol. 2, p. 306.
[38] *Кертман Г. Л.* Борьба в республиканской партии США по вопросам налоговой политики (1925—1928).— Вестн. МГУ. Сер. 8, История, 1980, № 5, с. 43—45, 51—52.
[39] Historical Statistics of the United States, p. 1104.

ходов [40]. Если же взять 5% самых крупных монополистических фирм, то их доля в общей сумме прибылей американских корпораций возросла за эти годы с 76,7 до 84,3% [41]. Одной из характерных для того периода форм концентрации и централизации капитала было создание многочисленных держательских компаний, т. е. фирм, организуемых преимущественно для операций на рынке ценных бумаг в целях захвата контрольных пакетов акций конкурирующих монополий. Наибольшую известность среди них получила разветвленная система крупных держательских компаний, созданная миллионером С. Инсуллом. По этому образцу были построены многие другие многоэтажные пирамиды держательских фирм. Как указывалось в одном из сенатских отчетов, они стали «механизмом, с помощью которого группа людей, используя общественные деньги, в состоянии концентрировать контроль над промышленностью, предприятиями общественных услуг и важнейшими богатствами народа» [42].

На базе резко возросшего уровня концентрации и централизации усилилась организованность крупного капитала. При активном содействии Национальной ассоциации промышленников (НАП) и Торговой палаты США быстрыми темпами проходило создание отраслевых ассоциаций бизнеса, объединявших представителей монополистических фирм в промышленности, торговле, финансах и банковском деле. В целях ослабления конкуренции и обеспечения более благоприятных для монополий условий производства и сбыта эти ассоциации централизованным путем собирали и распространяли информацию о наличном уровне цен, о методах снижения издержек производства, об эффективных способах транспортировки и сбыта произведенной продукции, о возможностях получения дешевого кредита и многом другом. Кроме того, ассоциации бизнеса осуществляли активную лоббистскую деятельность, добиваясь необходимого крупному капиталу законодательства и внимательно следя, чтобы не было принято каких-либо мер, идущих вразрез с его интересами.

Деятельность отраслевых ассоциаций нередко прямо противоречила антитрестовскому законодательству. По меткому замечанию А. Шлезингера-младшего, они были как бы «фасадом, за которым бизнесмены по-братски составляли заговор, чтобы обойти антитрестовские законы» [43]. Однако Верховный суд США, неизменно стоявший на страже интересов крупного капитала, в июне 1925 г. признал операции отраслевых ассоциаций вполне законными. В решении суда говорилось, что, собирая и распространяя информацию о наличных условиях производства и сбыта, ассоциации бизнеса «не могут быть обвинены в незаконном сговоре в целях ограничения торговли только на том основании, что конечным результатом их усилий в этом направлении может быть стабилизация цен или ограничение производства за счет лучшего понимания экономических законов и умения приспособиться к их действиям. Закон Шермана не отменяет действия этих законов и не запрещает сбор и распространение экономической информации» [44].

Рост организованности крупного капитала и первые попытки создания

---

[40] *Link A.* Op. cit., vol. 2, p. 266.
[41] Historical Statistics of the United States, p. 915.
[42] Цит. по: *Лан В. И.* США: от первой до второй мировой войны. М., 1976, с. 203.
[43] *Schlesinger A., Jr.* Op. cit., p. 65.
[44] Selected Readings in American History, vol. 2, p. 310—311.

системы своеобразного саморегулирования монополий сопровождались распространением идеи «социальной ответственности бизнеса». Проповедуя эту доктрину, выдвигая планы построения «капитализма всеобщего благосостояния» и «индустриальной демократии», некоторые представители монополистической буржуазии США уже в тот период приступили к активному проведению политики социального патернализма.

Эта политика, к которой в 20-е годы все чаще стали обращаться «просвещенные» монополисты, нашла конкретное воплощение в распространении акций среди рабочих, создании частных пенсионных фондов, организации системы благотворительного вспомоществования в пределах той или иной компании и т. д.[45] Все эти меры имели целью доказать, что «корпорации прониклись чувством ответственности и верности общественному долгу»[46], что якобы найден путь к установлению «социальной справедливости» и что, следовательно, нет больше никакой необходимости в классовой борьбе и в прямом государственном регулировании.

Создание системы отраслевых ассоциаций бизнеса и политика социального патернализма мыслились частью идеологов крупного капитала как наиболее приемлемая в условиях капиталистической стабилизации 20-х годов альтернатива государственно-монополистическим методам регулирования. В тот период эти методы казались большинству представителей монополистической буржуазии США совершенно неприемлемыми, чуждыми капитализму, несущими на себе отпечаток влияния социалистических идей. Но, с другой стороны, растущая популярность доктрины «социальной ответственности бизнеса» свидетельствовала о том, что полный возврат к господствовавшим в конце XIX в. теориям социал-дарвинизма был уже невозможен, что традиционная трактовка индивидуалистических воззрений в духе идеологии laissez faire, в духе характерного для нее принципа «каждый заботится о себе, и к черту неудачника» уже в 20-е годы рассматривалась определенной частью монополистической буржуазии как безнадежно устаревшая и требовавшая существенной модификации.

Движение за создание системы саморегулирования крупного бизнеса и за принятие им принципа «социальной ответственности» было поддержано некоторыми видными деятелями республиканской администрации. Особенно ревностным пропагандистом этих идей стал министр торговли Г. Гувер. Уже в брошюре об «американском индивидуализме», опубликованной в 1922 г., Гувер, решительно возражая против непосредственного государственного регулирования экономики и социальных отношений, в то же время заявил о необходимости «использовать новые средства социального, экономического и интеллектуального прогресса» для устранения «огромных потерь, которые порождаются сверхбезрассудной конкуренцией в сфере производства и распределения»[47]. На устранение этих пороков и была направлена рекламируемая Гувером «американская система», предусматривавшая совместные, кооперативные действия различных экономических групп. В отличие от Кулиджа и Меллона с их приверженностью догматам традиционного индивидуализма и крайнего волюнтаризма, преклонением перед стихийностью экономического

[45] Change and Continuity in Twentieth Century America, p. 154—155.
[46] *Селигмен Б.* Сильные мира сего: бизнес и бизнесмены в американской истории. М., 1976, с. 337.
[47] *Hoover H.* American Individualism. N. Y., 1922, p. 44, 46.

развития Гувер не раз подчеркивал, что идеология laissez faire уже давно устарела и что Соединенные Штаты переживают «решительную экономическую трансформацию», сущностью которой является «переход от периода крайнего индивидуализма к периоду ассоциативных действий»[48].

Этими принципами Г. Гувер руководствовался и в своей практической деятельности на посту министра торговли. Возглавляемое им агентство разрабатывало «кодексы этики и практики бизнеса» для различных отраслей промышленности, поставляло руководителям фирм экономическую информацию, помогало им в осуществлении стандартизации производства, содействовало сбыту американских товаров за границей. Словом, министерство торговли превратилось в 20-е годы в «отличного маклера по делам американского бизнеса»[49]. Гувер культивировал создание отраслевых ассоциаций промышленников, организаций банкиров, торговых палат, кооперативных объединений фермеров, которые под общим надзором государства как некоего беспристрастного «верховного арбитра» должны были, по его мнению, насаждать ставший таким необходимым в новых условиях «дух коллективной ответственности бизнеса».

Распространение в 20-е годы идей буржуазного коллективизма создавало объективную основу для дальнейшего усиления государственно-монополистических тенденций. Однако в то время эти коллективистские доктрины не выходили еще, как правило, за рамки пожеланий в пользу координации совместных действий бизнесменов и других экономических групп. Они выдвигались в противовес как традиционным принципам laissez faire, так и системе разветвленного государственного регулирования периода первой мировой войны. Поэтому для 20-х годов, по мнению советских экономистов, было характерно «значительное ослабление степени государственного вмешательства в экономику по сравнению с периодом войны, но более высокий его уровень, чем до войны»[50].

О назревшей объективной потребности перехода к более высокой ступени буржуазного коллективизма — государственно-монополистическим методам решения социально-экономических проблем — свидетельствовала развернувшаяся в 20-е годы борьба по вопросу о государственной поддержке хронически депрессивных отраслей американской экономики — железнодорожного транспорта, угольной промышленности и особенно сельского хозяйства.

Наибольшей остротой и ожесточенностью отличалась борьба по вопросу о методах решения фермерской проблемы. Затяжной аграрный кризис породил в 20-е годы сильное движение за правительственную помощь сельскому хозяйству. Во главе движения выступила фермерская буржуазия, позиции которой были существенно ослаблены кризисом. Капитал, вкладываемый ею в сельское хозяйство, приносил значительно меньшую прибыль, чем в других отраслях экономики. Поэтому еще в начале 20-х годов идеологи фермерской буржуазии выдвинули лозунг «равноправия сельского хозяйства». Они требовали, чтобы федеральное

---

[48] *Hoover H.* Moral Standards in an Industrial Era.— The Annals of America, Chicago, 1968, vol. 14, p. 430.

[49] *Селигмен Б.* Указ. соч., с. 337.

[50] Государственно-монополистический капитализм: Общие черты и особенности. М., 1975, с. 21.

правительство помогло фермерам добиться повышения цен на их продукцию.

С этой целью в 1924 г. был разработан и внесен в конгресс билль Макнери—Хоугена, который предусматривал создание центральной правительственной организации для систематической скупки по повышенным ценам «излишков» сельскохозяйственной продукции внутри страны. Эти запасы предполагалось на определенный срок удерживать вне рынка, а затем возможно выгоднее сбывать их. Ту часть «излишков», которую нельзя было реализовать на внутреннем рынке, правительственная корпорация должна была продавать за границей по более низким ценам мирового рынка. Поскольку на этих операциях она неизбежно терпела бы убытки, то для их возмещения предусматривался небольшой «уравнительный налог», которым предполагалось облагать сельскохозяйственные товары, поступавшие на внутренний рынок. Защитники билля считали, что активные операции правительственного агентства побудят и частные фирмы, занимающиеся скупкой и переработкой продукции земледелия и животноводства, платить фермерам более высокие цены, в результате чего общий уровень сельскохозяйственных цен в стране существенно повысится [51].

План Макнери — Хоугена был поддержан большинством фермеров. Но правительство Кулиджа, стоявшее на страже интересов промышленно-финансовых монополий, упорно возражало против его принятия, отвергая претензии фермерской буржуазии на «равноправие сельского хозяйства». Охраняя систему монополистической эксплуатации фермерства, правящие круги США демагогически утверждали, что фермерам надо надеяться не на действия федеральных правительственных учреждений, а на естественный процесс улучшения конъюнктуры сельскохозяйственного рынка [52].

В течение 1924—1928 гг. различные варианты билля 5 раз вносились на обсуждение конгресса. Дважды, в феврале 1927 г. и в мае 1928 г., он был одобрен обеими палатами конгресса, но всякий раз президент Кулидж накладывал на него вето как на меру, нарушающую принцип невмешательства государства в экономику и направленную на «введение правительственной фиксации цен, чуждой американским традициям, философии нашей системы правления и духу наших институтов» [53]. Предпринятая в мае 1928 г. попытка сторонников билля Макнери—Хоугена в конгрессе добиться его принятия вопреки президентскому вето оказалась безуспешной: необходимого в таких случаях квалифицированного большинства голосов собрать не удалось [54].

В противовес планам государственного регулирования сельскохозяйственных цен деятели республиканской администрации, в особенности министр торговли Г. Гувер и министр земледелия У. Джардайн, выдвигали идею государственного поощрения сбытовой кооперации. Они утверждали, что фермеры должны стремиться не к замене существующего рыночного механизма государственными органами, а к его совершенствованию, к улучшению системы сбыта с помощью координированных действий кооперативов.

---

[51] *Язьков Е. Ф.* Фермерское движение в США (1918—1929 гг.). М., 1974, с. 272—273.
[52] The State of the Union Messages of the Presidents, vol. 3, p. 2658.
[53] Documents of American History, vol. 2, p. 214.
[54] Congressional Record, vol. 69, p. 9879—9880.

Принцип государственного поощрения фермерской кооперации и общего правительственного надзора за ее действиями в противовес идее государственного регулирования сельскохозяйственного рынка вплоть до конца 20-х годов оставался стержнем аграрной политики республиканской администрации.

Гораздо дальше по пути внедрения принципов буржуазного коллективизма правительству республиканцев пришлось пойти в сфере железнодорожного транспорта. Это был вынужденный шаг. От эффективной и бесперебойной работы железных дорог во многом зависело нормальное функционирование капиталистической экономики, а крупные забастовки рабочих-железнодорожников наглядно продемонстрировали явную недостаточность традиционных методов частномонополистического управления, к которым после ликвидации в 1920 г. государственного контроля вновь вернулся железнодорожный транспорт. Поэтому в мае 1926 г. конгресс принял новый железнодорожный закон, который подтвердил право рабочих-железнодорожников на организацию и на заключение коллективного договора и ввел в этой отрасли экономики систему государственного арбитража трудовых конфликтов [55].

Несмотря на господство индивидуалистической идеологии, республиканская администрация уделяла все большее внимание не только хронически депрессивным отраслям экономики, но и некоторым новым, быстро развивающимся сферам бизнеса. Так, государство приняло активное участие в финансировании строительства шоссейных дорог, способствуя бурным темпам развития автомобильного транспорта. По инициативе Гувера министерство торговли в 1926—1927 гг. взяло курс на поощрение операций коммерческой авиации.

Упорная и ожесточенная борьба развернулась в 20-е годы вокруг идеи государственного владения гидроэнергетическими ресурсами. По предложению группы прогрессивных республиканцев во главе с сенатором Дж. Норрисом в конгресс несколько раз вносились законопроекты о государственном гидроэнергетическом строительстве в долине реки Теннесси. Эти планы были категорически отвергнуты правительством Кулиджа, которое помешало принятию билля Норриса под тем предлогом, что прямое вмешательство федерального правительства в производство и распределение электроэнергии абсолютно недопустимо. В свою очередь, лидеры республиканской администрации пытались добиться от конгресса согласия на передачу строительства гидроэнергетических сооружений в долине реки Теннесси в руки частных монополий, прежде всего в руки автомобильного концерна Г. Форда, и только сопротивление прогрессивной общественности и активная кампания сенатора Норриса и его сторонников помешали реализации этих планов.

Таким образом, объективные потребности капиталистического производства время от времени заставляли администрацию Кулиджа вопреки пропагандируемым ею индивидуалистическим принципам идти на некоторое расширение государственного вмешательства в отдельных отраслях экономики. Тем не менее в целом период капиталистической стабилизации 20-х годов характеризовался «явным преобладанием не государственно-, а частномонополистических принципов во всех сферах общественной

---

[55] *Сивачев Н. В.* США: государство и рабочий класс (от образования Соединенных Штатов Америки до окончания второй мировой войны). М., 1982, с. 158—160.

жизни» [56]. По мнению большинства тогдашних идеологов крупного капитала США, свободное предпринимательство и частная инициатива, охраняемые государством, способны были решать все социальные проблемы. Хотя объективный процесс огосударствления продолжался, идеология неолиберализма как государственно-монополистическая форма буржуазной идеологии, возникшая в период «прогрессивной эры», в 20-е годы отошла на второй план под натиском традиционных консервативно-индивидуалистических взглядов.

Реакционно-индивидуалистический курс социально-экономической политики республиканской администрации сопровождался крайне неблагоприятными изменениями в идейно-политической обстановке в стране. Продолжалось активное наступление крупного капитала на позиции трудящихся, на те права, которые были завоеваны ими ранее. Попирая элементарные демократические свободы, реакция США жестоко расправлялась с радикальными деятелями рабочего движения. Вопиющим примером такого рода стало дело Н. Сакко и Б. Ванцетти, двух рабочих-иммигрантов, итальянцев по национальности, которые были арестованы еще в 1920 г. за активное участие в революционном движении и приговорены к смертной казни по ложному обвинению в ограблении и убийстве кассира обувной фабрики. Невиновность обвиняемых была документально доказана. В Соединенных Штатах и за их пределами развернулась широкая кампания в защиту Сакко и Ванцетти. Даже АФТ выступила с энергичным протестом против несправедливого приговора, назвав обвиняемых «жертвами расовых и национальных предрассудков и классовой ненависти» [57]. Но американская реакция, бросая вызов мировому общественному мнению, решила расправиться с ненавистными ей радикалами. В ночь на 23 августа 1927 г. Сакко и Ванцетти были казнены на электрическом стуле.

В годы стабилизации значительно усилилось наступление на профсоюзное движение. В 1925 г. президент Национальной ассоциации промышленников Дж. Эджертон призвал членов руководимой им организации к развертыванию широкой кампании против профсоюзов, так как их деятельность якобы мешала нормальному функционированию общества, основанного на принципах частной инициативы и свободной конкуренции.

Эта антипрофсоюзная кампания была значительно облегчена рядом решений Верховного суда США, в которых утверждалось, что принятие в 1914 г. закона Клейтона не означает изъятия профсоюзов из сферы действия антитрестовского законодательства и прекращения судебного вмешательства в трудовые конфликты. Судебные преследования профсоюзов и стачек приобрели в 20-е годы наибольший размах. С прямым осуждением забастовок не раз выступали и руководители республиканской администрации. Правда, в отличие от Кулиджа или Меллона, занимавших, как правило, открыто антирабочую позицию, Г. Гувер и разделявший его взгляды министр труда Дж. Дэвис в соответствии с принципом коллективных действий основных экономических групп общества признавали за рабочими право объединяться в профсоюзы и заключать коллективные договоры. Однако тут же добавлялось, что «не должно быть

---

[56] *Сивачев Н. В.* Государственно-монополистический капитализм США.— Вопр. истории, 1977, № 7, с. 83.

[57] *Джаугин Г., Морган Э.* Наследие Сакко и Ванцетти. М., 1959, с. 276.

НИКОЛО САККО И БАРТОЛОМЕО ВАНЦЕТТИ

никакого принуждения к вступлению в эти организации» и что «принцип индивидуальной свободы требует открытых цехов» [58].

Такая интерпретация открывала широкий простор для антипрофсоюзных действий предпринимателей. В противовес профессиональным союзам они создавали «компанейские союзы», которые находились в полной зависимости от хозяев и стремились внушить рабочим ложную идею единства интересов труда и капитала. К концу 20-х годов в этих лжепрофсоюзах насчитывалось более 1,5 млн. членов. В ряде случаев рабочих заставляли подписывать обязательство не вступать в профсоюзы и не участвовать в стачечной борьбе. Такие соглашения, известные под названием «контрактов желтой собаки», получили очень широкое распространение: к 1929 г. ими было охвачено около 1 млн. рабочих [59].

Важным орудием монополистической реакции в борьбе против рабочего и демократического движения оставались многочисленные шовинистические и расистские группы и объединения. Первенствующую роль среди них продолжал играть Ку-клукс-клан. С еще большим размахом и ожесточенностью, чем в первые послевоенные годы, деятели Ку-клукс-клана вели шумную кампанию в защиту «американизма», против всевозможных «разрушительных» иностранных влияний. Как заявил в 1926 г. «имперский маг» этой организации Х. Эванс, они претендовали на «руководящее положение в движении за воплощение идеалов амери-

---

[58] Цит. по: США: политическая мысль и история. М., 1976, с. 446.
[59] *Сивачев Н. В.* Правовое регулирование трудовых отношений в США. М., 1972, с. 23—24.

канизма»[60]. Своей главной целью лидеры Ку-клукс-клана провозгласили борьбу за сохранение устоев традиционной белой, сельской, протестантской, англосаксонской Америки. Они вели разнузданную погромную агитацию против негров, евреев, католиков, иммигрантов и всех других сил, которые, по их мнению, подрывали устои «патриархальной» Америки.

К середине 20-х годов Ку-клукс-клан достиг апогея своей силы и влияния. В 1925 г. в его рядах насчитывалось, по различным оценкам, 4—5 млн. членов. Кроме штатов «глубокого» Юга, крупные организации ордена возникли на Юго-Западе (штаты Техас, Оклахома), Среднем Западе (штаты Индиана, Огайо, Иллинойс), в штатах Тихоокеанского побережья (Орегон, Калифорния). В этих районах Ку-клукс-клан стал влиятельной политической силой, контролировавшей партийный аппарат и местные органы власти. Так, в Индиане в 1924—1925 гг. под контролем ордена находились губернатор, местное законодательное собрание, оба сенатора и большинство членов палаты представителей федерального конгресса от этого штата. Когда в конце 1923 г. губернатор Оклахомы Дж. Уолтон при поддержке профсоюзов и радикальных фермерских организаций попытался было выступить против беззаконий Ку-клукс-клана, местное законодательное собрание предъявило ему обвинение в «диктаторских устремлениях» и, использовав процедуру импичмента, сместило его с поста[61].

Одним из основных требований Ку-клукс-клана и других ревностных пропагандистов «американизма» был лозунг ограничения иммиграции. В 20-е годы им удалось добиться принятия новых иммиграционных законов, которые ввели жесткие квоты на допуск в США переселенцев из других стран и тем самым сильно сократили размеры иммиграции. Еще в 1921 г. конгресс принял чрезвычайный иммиграционный акт, который установил ежегодную квоту иммиграции из европейских стран в 350 тыс. человек. Ежегодное число переселенцев из каждой из этих стран не должно было превышать 3% общего числа иммигрантов данной национальности, проживавших в США в 1910 г.

Однако закон 1921 г. не удовлетворил наиболее ревностных сторонников ограничения иммиграции, так как, по их мнению, не создавал достаточно прочных барьеров против наплыва «нежелательных иностранцев» из стран Центральной, Южной и Юго-Восточной Европы, которые могли принести с собой опасные для капитализма идеи революционного переустройства общества. Предложения о дальнейшем ужесточении системы квот были поддержаны Белым домом. В послании конгрессу (декабрь 1923 г.) президент Кулидж заявил: «Америка должна остаться страной для американцев. Поэтому необходимо продолжать политику ограничения иммиграции»[62]. Через несколько месяцев, в мае 1924 г., был принят новый иммиграционный закон, который снизил годичную квоту иммиграции из стран Европы до 164 тыс. человек и ограничил ежегодную норму переселенцев из этих стран до 2% общего числа иммигрантов той или иной национальности, проживавших в США в 1890 г., т. е. до начала массовой иммиграции из стран Южной и Восточной Европы.

---

[60] *Evans H.* The Klan's Fight for Americanism.— The Annals of America, Chicago, 1968, vol. 14, p. 506.

[61] *Burbank G.* Agrarian Radicals and Their Opponents: Political Conflict in Southern Oklahoma.— Journal of American History, 1971, June, p. 15—16.

[62] The State of the Union Messages of the Presidents, vol. 3, p. 2651.

Иммиграционные законы 1921 и 1924 гг. резко сократили размеры европейской иммиграции в США и существенно изменили ее национальный состав. Если в 1907—1914 гг., в период наиболее интенсивной довоенной иммиграции, из всех стран Европы переселилось в США 7,1 млн. человек, то в 1922—1929 гг. общая численность европейской иммиграции составила 1,7 млн. Следовательно, ее размеры уменьшились более чем вчетверо. Но особенно сильно сократилось число иммигрантов из стран Центральной, Южной и Восточной Европы: в 1907—1914 гг. их было 5,6 млн., а в 1922—1929 гг.— всего лишь 630 тыс., т. е. в 9 раз меньше[63]. Цель, поставленная ревнителями «американизма», была достигнута: до первой мировой войны переселенцы из тех стран Европы, представители которых зачислялись американскими шовинистами в категорию «нежелательных иностранцев», составляли около 80% европейской иммиграции в Соединенные Штаты, а в 20-е годы их доля упала до 38%.

Большое место в агитации ревностных защитников «американизма» занимал также вопрос о соблюдении «сухого» закона. Надежды активных его сторонников на благотворное действие XVIII поправки к конституции США, запретившей производство, перевозку и продажу алкогольных напитков, очень скоро оказались несостоятельными. Значительная часть населения США, особенно жители крупных городов, давно уже отошедшие от традиционных идеалов пуританской фермерской Америки, с самого начала выступали против «сухого» закона.

Дело осложнилось тем, что в первые же годы действия акта Волстеда, принятого в 1919 г. в целях практического осуществления XVIII поправки к конституции, широчайшее распространение в стране получили нелегальные производство, контрабанда и транспортировка спиртных напитков. Этим были заняты многочисленные подпольные организации бутлеггеров, прибыли которых исчислялись миллионами долларов. Результатом их операций стал невиданный разгул коррупции, взяточничества и гангстеризма. Неудивительно, что число сторонников «сухого» закона, особенно среди городского населения, уменьшалось с каждым годом. По данным одного из обследований, проведенного в 1926 г., треть опрошенных высказалась за полную отмену акта Волстеда, половина — за его модификацию в целях разрешения легких вин и пива и только пятая часть — за сохранение «сухого» закона в прежнем виде[64].

Тем не менее даже в этих условиях сторонники запрета алкогольных напитков с фанатичным упорством продолжали кампанию за строжайшее соблюдение «сухого» закона. Вопрос об отношении к XVIII поправке к конституции, так же как проблема Ку-клукс-клана и планы дальнейшего ограничения иммиграции, стали в 20-е годы предметом ожесточенных политических баталий. Агитация ретивых защитников всех этих проявлений «истинного американизма» находила живейший отклик у жителей маленьких провинциальных городков и сельских районов Запада и Юга, в наибольшей степени сохранявших традиционные моральные ценности старой, аграрной, богобоязненной Америки и с нескрываемой враждебностью следивших за неуклонной поступью большого капиталистического города.

---

[63] Historical Statistics of the United States, p. 105.
[64] *Shannon D.* Op. cit., vol. 2, p. 135.

Бурный процесс индустриализации и урбанизации, переживаемый Соединенными Штатами, с неизбежностью влек за собой дальнейшее усиление гнета крупного капитала, обнищание и разорение миллионов мелких собственников. Однако в массовой психологии мелкобуржуазных слоев этот социальный конфликт приобретал своеобразную морально-этическую окраску. Он воспринимался как столкновение двух противостоящих систем ценностей, олицетворением которых были патриархальная сельская Америка, с одной стороны, и капиталистический город — с другой. Предрассудками жителей американской провинции умело пользовались реакционные политики, которые направляли протест мелкобуржуазных масс не против их настоящего врага — монополистического капитала, а против Нью-Йорка, Чикаго и вообще против крупного города с его кричащими контрастами богатства и нищеты, с населяющими его «чужаками»-иммигрантами, с коррупцией, гангстерами и пьянством, с нарушающими пуританскую благопристойность новыми модами женского платья и нормами морали и нравственности. Это неизбежно вело к отчуждению различных групп трудящегося населения страны и к ослаблению их антимонополистической борьбы.

Важную роль в морализирующем походе идеологов «американизма» против язв городской цивилизации играл и религиозный фундаментализм. Последователи этого религиозного учения были сторонниками ортодоксального толкования Библии. Они боролись за возрождение воинствующего протестантизма и за неуклонное соблюдение «сухого» закона, предавали проклятию социальное христианство, выступали в пользу догматического толкования конституции, отстаивали идею неизменности существующего социально-экономического строя США. В фундаменталистских проповедях находили точное отражение настроения широких масс обывателей, завороженных обещаниями «вечного процветания», невежественных, нетерпимых к малейшим отклонениям от стандартов «стопроцентного американизма». «Сухой закон, Ку-клукс-клан, фундаментализм и ксенофобия,— писал в 1927 г. публицист У. Липпман,— это крайнее, но истинное выражение политических, социальных и религиозных взглядов старой американской деревенской цивилизации, сопротивляющейся всему тому, что кажется ей чуждым и что на самом деле представляет собой новую Америку, вырастающую из старой» [65].

Усилия фундаменталистов в 20-е годы были направлены на борьбу против эволюционной теории Дарвина, подрывавшей самые основы христианского вероучения о божественном сотворении мира и человека. По инициативе фундаменталистов в штатах Юга развернулось движение за принятие законов, которые запрещали бы преподавание теории эволюции в школах и высших учебных заведениях. В первых рядах этой кампании выступил У. Дж. Брайан. И это не было простой случайностью: в его взглядах все время причудливо переплетались мотивы борьбы против монополий и консервативные религиозно-политические предубеждения жителя американской «сельской глубинки». По оценке автора одного из крупных исследований по истории американского протестантизма Р. Миллера, Брайан представлял собой «не просто символ сельской протестантской Америки, а сам был этой Америкой. В течение 30 лет

---

[65] Цит. по: *Кислова А. А.* Социальное христианство в США: Из истории общественной мысли, 90-е годы XIX в.— 30-е годы XX в. М., 1974, с. 95—96.

Брайан воплощал все, что было лучшим, и все, что было порочным в южных и среднезападных аграрных штатах»[66].

Под давлением фундаменталистов законодательное собрание Теннесси в 1925 г. одобрило первый антиэволюционный закон, который запретил во всех учебных заведениях штата преподавание «любой теории, отрицающей библейскую историю божественного сотворения человека»[67]. Вскоре аналогичные законы были приняты в Миссисипи и Арканзасе, а в некоторых других южных штатах преподавание теории эволюции было запрещено административными распоряжениями местных властей. В июле 1925 г. в небольшом теннессийском городке Дейтоне был организован нашумевший на весь мир позорный «обезьяний» процесс против молодого школьного учителя Джона Скопса, осмелившегося выразить сомнение в конституционности антиэволюционного закона штата. В роли обвинителя на процессе выступил сам Брайан. Защиту Дж. Скопса возглавил видный прогрессивный юрист К. Дарроу, показавший в своих речах, в какую трясину невежества и религиозного обскурантизма толкают страну фундаменталисты. Но ничто не могло поколебать косности и самодовольного тупоумия судей. Несмотря на явную нелепость обвинения, они признали Скопса виновным. По словам Б. Шоу, дейтонский «обезьяний» процесс сделал Америку посмешищем в глазах всего мира.

«Просперити» наложило отпечаток и на характер партийно-политической борьбы второй половины 20-х годов. Обе основные буржуазные партии США прочно стояли тогда на позициях защиты статус-кво, соревнуясь между собой главным образом в восхвалении благ американского «процветания». Особенно уверенно чувствовала себя правящая республиканская партия, находившаяся в тот период под безраздельным контролем реакционной «старой гвардии» и других деятелей промонополистического крыла партии. К очередным президентским выборам 1928 г. она шла под развернутыми знаменами индивидуализма, который, как с гордостью утверждали республиканские политики, обеспечил Америке «бесконечное процветание». «Наши слова — в наших делах,— торжественно заявляли республиканцы в предвыборной платформе.— Мы предлагаем не обещания, а свершения». Прежний курс социально-экономической политики лидеры республиканской партии предполагали проводить и в дальнейшем. Они выступали за «строгую экономию правительственных расходов» и за проведение «прогрессивной налоговой реформы, которая в конечном счете позволила бы увеличить частные фонды для капиталовложений». Республиканцы ратовали, кроме того, за дальнейшее ограничение иммиграции, якобы необходимое для поддержания «американского уровня жизни», и за строгое соблюдение «сухого» закона[68].

Откровенно промонополистический курс руководства партии и политики правительства Кулиджа по-прежнему встречал сопротивление со стороны группы прогрессивных республиканцев. Как и ранее, они направляли свои основные усилия на ограничение господства монополий и на установление эффективного общественного контроля за их операциями. После смерти Р. Лафоллетта (июнь 1925 г.) их действия чаще всего

[66] Цит. по *Никитин В. А.* Борьба внутри протестантских церквей США и развитие ультраправого фундаменталистского движения.— В кн.: Американский ежегодник, 1979. М., 1979, с. 44.
[67] A History of the United States from 1865 to the Present, p. 361.
[68] National Party Platforms, 1840—1972 / Compl. by D. Johnson, K. Porter. Urbana (Ill.), 1973, p. 280—281, 284, 288.

возглавлял сенатор Дж. Норрис. Другое оппозиционное течение в партии — фракция аграрных консерваторов, представлявших интересы фермерской буржуазии Запада,— расходилось с лидерами республиканцев главным образом по проблемам сельскохозяйственной политики, ведя активную борьбу за принятие билля Макнери—Хоугена. Однако в период капиталистической стабилизации 20-х годов позиции обеих этих групп и в особенности фракции левых республиканцев и в партии и в стране значительно ослабли.

Кандидатом республиканской партии на пост президента в избирательной кампании 1928 г. был выдвинут Герберт Гувер, один из ведущих представителей промонополистического крыла партии, активный защитник концепции «коллективных действий» и «социальной ответственности бизнеса». Лидеры делового мира США с воодушевлением одобрили этот выбор. «Руководители промышленных и финансовых кругов,— писал историк Дж. Хикс,— больше уже не довольствовались тем, что во главе Белого дома был политик, который делал все, что им было нужно. Они хотели иметь президентом самого бизнесмена, который инстинктивно понимал бы каждый их каприз. Гувер представлял для них идеального кандидата, и они щедро финансировали его кампанию» [69].

Не выдвигала какой-либо реальной альтернативы курсу республиканцев и демократическая партия. Она по-прежнему раздиралась острейшей фракционной борьбой между двумя основными региональными группировками. Одну из них составляло влиятельное аграрное крыло партии, во главе которого стояли крупные землевладельцы Юга и сельскохозяйственная буржуазия Запада, опиравшиеся на широкие фермерские массы этих районов страны. Наиболее влиятельными лидерами аграрной фракции продолжали оставаться У. Макаду и У. Дж. Брайан. Другая группировка, имевшая своей базой партийные организации северо-восточных штатов, действовала под руководством монополистических промышленно-финансовых кругов Нью-Йорка, Бостона, Чикаго и других индустриальных центров. Ее массовую основу составляли мелкобуржуазные слои населения крупных городов Севера и Северо-Востока и часть рабочего класса, прежде всего из среды иммигрантов. На роль лидера этой урбанистской фракции партии в 20-е годы выдвинулся губернатор штата Нью-Йорк А. Смит.

Организационная раздробленность демократической партии, отсутствие единства взглядов у ее лидеров, постоянные склоки между сторонниками Макаду и приверженцами Смита в составе национального комитета партии — все это к середине 20-х годов почти полностью парализовало ее практическую деятельность. А. Смит был недалек от истины, когда заметил, что для демократической партии «стало правилом функционировать только по шесть месяцев каждые четыре года» [70]. Такая ситуация вызывала немалое беспокойство у многих демократов. Однако предпринятые в 1924—1925 гг. попытки Ф. Рузвельта, К. Хэлла и некоторых других более дальновидных деятелей партии добиться ее организационного укрепления натолкнулись на упорное сопротивление местных партийных боссов, больше всего заботившихся о личных выгодах.

На протяжении 20-х годов в составе демократической партии про-

---

[69] *Hicks J. D.* Republican Ascendancy, 1921—1933. N. Y., 1963, p. 202.

[70] Цит. по: *Burner D.* The Politics of Provincialism. The Democratic Party in Transition, 1918—1932. N. Y., 1968, p. 144.

изошли определенные изменения. Демократы значительно укрепили свои позиции в индустриальных штатах, их социальная база существенно расширилась за счет масс иммигрантов, переселившихся в Америку еще в довоенные годы и осевших главным образом в крупных городах Северо-Востока. Это повлекло за собой постепенную урбанизацию демократической партии, усиление ее северо-восточной фракции во главе с А. Смитом. По справедливому замечанию Д. Бэрнера, автора интересной книги по истории демократической партии того периода, «массовая иммиграция 1900—1914 гг. явно приносила дивиденды ко времени выборов 1928 г.» [71]. Однако эта тенденция к изменению электората демократической партии не нашла еще тогда адекватного отражения в ее идеологии и политике. Вплоть до конца 20-х годов лидеры демократов так и не вышли за пределы традиционных индивидуалистических лозунгов и не предприняли каких-либо попыток модернизации идейных основ партии, приведения их в соответствие с назревшими потребностями общественного развития.

В данной ситуации выработка конструктивной альтернативы политическому курсу республиканского правительства была невозможной. Не случайно во второй половине 20-х годов борьба между демократами и республиканцами развертывалась прежде всего не по вопросам социально-экономической политики, а по этнокультурным и религиозно-этическим проблемам. Но это было крайне невыгодно для демократов, ибо и вопросы иммиграционного законодательства, и «сухой» закон, и проблема воинствующего религиозного фундаментализма были предметами острейших разногласий и споров между аграрной и урбанистской фракциями партии. Следовательно, они способствовали не сплочению, а еще большей фрагментации партийных рядов.

Идейный кризис и организационная раздробленность демократической партии существенно ослабляли ее позиции в ходе избирательной кампании 1928 г. Растущее преобладание урбанистской фракции и ослабление аграрного крыла партии привели к тому, что кандидатом демократов на пост президента был выдвинут А. Смит, несмотря на то что он был выходцем из иммигрантской среды, католиком и противником «сухого» закона. В своих речах Смит в ряде случаев довольно резко критиковал реакционный политический курс республиканцев.

В предвыборной платформе демократической партии с полным основанием указывалось на то, что финансово-экономическая политика администрации Кулиджа направлена на «укрепление позиций мультимиллионеров за счет рядовых налогоплательщиков» [72]. Однако по единодушной оценке американской прессы, платформа, принятая в 1928 г. демократической партией, была крайне уклончивой и расплывчатой и мало чем отличалась от предвыборной платформы республиканцев. Как метко заметила одна из балтиморских газет, выбор, который предлагали тогда народу две главные партии,— это «выбор между консерватизмом, провозглашающим, что абсолютно все в порядке, и консерватизмом, утверждающим, что все хорошо, но нужны некоторые небольшие перемены» [73].

В течение всей избирательной кампании А. Смит и другие деятели демократической партии стремились доказать, что они не хуже, чем

[71] Ibid., p. 229.
[72] National Party Platforms, p. 272.
[73] The Literary Digest, 1928, July 12, p. 6.

республиканцы, могут служить интересам деловых кругов. Не случайно председателем национального комитета партии в 1928 г. стал один из руководителей компании «Дженерал моторз», Дж. Рэскоб. В первых же выступлениях он заверил бизнесменов в благонамеренности кандидата демократов. «Бизнесу независимо от того, крупный он или мелкий, не надо бояться демократического правительства»,— заявил он[74]. Ясно, что подобные утверждения отнюдь не способствовали увеличению популярности А. Смита у большинства рядовых американцев.

Таким образом, избирательная кампания 1928 г. со всей отчетливостью продемонстрировала назревавший кризис двухпартийной системы США, поскольку налицо было отсутствие альтернативности в платформах и конкретных действиях республиканцев и демократов, их согласие по наиболее важным вопросам экономики и политики. И Г. Гувер и А. Смит, как правило, избегали обсуждения «больных» социально-экономических проблем, в которых проявлялись относительность и непрочность капиталистической стабилизации. Межпартийная борьба свелась в 1928 г. к острой дискуссии о «сухом» законе и о религиозной принадлежности кандидата демократов. Республиканцы нередко сознательно направляли предвыборную дискуссию в русло обсуждения религиозно-этических проблем, так как это раскалывало ряды сторонников демократической партии и еще более ослабляло ее позиции на выборах.

В условиях «просперити» шансы республиканцев были, разумеется, гораздо более предпочтительными. На выборах 1928 г. Гувер одержал крупную победу. Он получил 21 392 тыс. голосов и обеспечил себе 444 выборщика. За Смита голосовали 15 016 тыс. избирателей, давших ему всего лишь 87 выборщиков. Республиканцы укрепили свои позиции и в обеих палатах конгресса: они располагали теперь 56 местами в сенате и 267 в палате представителей, тогда как у демократов осталось соответственно 39 и 167 мест[75]. Правда, в ряде крупных городов с их многочисленным иммигрантским населением демократы на выборах 1928 г. впервые добились победы, но этого было недостаточно, чтобы изменить общее преобладание республиканцев.

Победив на выборах, лидеры республиканской партии были полны оптимизма и уверенности. В декабре 1928 г. в последнем послании конгрессу о положении страны президент Кулидж, готовившийся передать бразды правления своему преемнику, торжественно декларировал: «Страна может смотреть на настоящее с удовлетворением, на будущее — с оптимизмом»[76].

Не прошло и года, как на Америку со всей силой обрушился экономический кризис, безжалостно развеявший все иллюзии по поводу «нескончаемого просперити».

3. ОСЛАБЛЕНИЕ РАБОЧЕГО И ДЕМОКРАТИЧЕСКОГО ДВИЖЕНИЯ

В условиях стабилизации экономического положения страны американской буржуазии к середине 20-х годов удалось добиться существенного ослабления рабочего и демократического движения. Это нашло вы-

[74] *Sundquist J.* Dynamics of the Party System. Wash., 1973, p. 181.
[75] Historical Statistics of the United States, p. 1073, 1083.
[76] The State of the Union Messages of the Presidents, vol. 3, p. 2727.

ражение прежде всего в длительном упадке стачечной борьбы рабочего класса. После бурного подъема 1918—1922 гг., когда в стране бастовали миллионы рабочих, число стачечников год от года стало резко сокращаться: в 1924 г. оно снизилось до 655 тыс., в 1926 г.— до 330 тыс., а в 1929 г. составило всего лишь 289 тыс. В целом же за 1924—1929 гг. в Соединенных Штатах бастовали 2,3 млн. рабочих, т. е. в 4,5 раза меньше, чем за соответствующий по продолжительности период массовых рабочих выступлений 1918—1923 гг.[77] Изменился и характер стачечного движения: в большинстве случаев борьба ограничивалась чисто экономическими требованиями, радикальные политические лозунги, свойственные для первых послевоенных лет, теперь почти не выдвигались.

Разумеется, это не означало, что в Соединенных Штатах не было тогда крупных классовых конфликтов. Напротив, в ряде старых, традиционных отраслей американской промышленности, которые не только не переживали какого-либо подъема, но находились в состоянии длительного застоя, а то и упадка и где положение рабочих было значительно хуже, чем в быстро растущих новых отраслях производства, в годы капиталистической стабилизации было проведено несколько массовых забастовок.

Подобная ситуация возникла, например, в угледобывающей промышленности. В 1924 г. в г. Джексонвилле (штат Флорида) между угольными компаниями и Объединенным союзом горняков (ОСГ) было заключено соглашение, по условиям которого в течение трех лет шахтовладельцы обязывались поддерживать существующий уровень заработной платы, а профсоюз горняков — воздерживаться от забастовок. Но уже в 1925 г. многие угольные компании, нарушив Джексонвиллское соглашение, пошли на значительное снижение заработной платы шахтеров. По решению ОСГ рабочие антрацитных угольных копей в сентябре 1925 г. начали забастовку, которая охватила около 150 тыс. человек. Сил рабочих оказалось, однако, недостаточно, чтобы добиться победы. Сопротивление предпринимателей и непоследовательная позиция руководства союза горняков во главе с Дж. Льюисом привели к тому, что через несколько месяцев, в феврале 1926 г., рабочие вынуждены были прекратить борьбу, не добившись каких-либо уступок от шахтовладельцев.

В еще более неблагоприятных условиях проходил другой крупный классовый конфликт в угледобывающей промышленности — забастовка рабочих битуминозных угольных копей, объявленная 1 апреля 1927 г. в ответ на резкое снижение заработной платы. Забастовка охватила 175 тыс. шахтеров, которые стойко держались более 15 месяцев. Однако террор предпринимателей, истощение средств стачечников, а также то обстоятельство, что забастовку не удалось распространить на все районы битуминозных угольных шахт, и на этот раз принудили рабочих к отступлению. В июле 1928 г. руководство союза горняков отказалось от дальнейшей борьбы за возобновление Джексонвиллского соглашения и предложило местным отделениям профсоюза в различных районах страны самим договариваться с шахтовладельцами.

Напряженные классовые бои развернулись в тот период и в текстильной промышленности. Наиболее успешно действовали рабочие-текстиль-

[77] Strikes in the United States, 1880—1936. U. S. Department of Labor, Bureau of Labor Statistics, Bulletin N 651. Wash., 1938, p. 39.

щики Пассейика (штат Нью-Джерси). В январе 1926 г. они начали забастовку, потребовав от предпринимателей повышения заработной платы, признания профсоюза и заключения коллективного договора. Активную роль в забастовке рабочих Пассейика играла Лига профсоюзной пропаганды (ЛПП), руководимая коммунистами, что в немалой степени обусловило успех стачки. После 13 месяцев упорной и организованной борьбы рабочие добились победы.

ЛПП сыграла важную роль и в вовлечении в борьбу текстильщиков Юга, которые до тех пор были почти совсем не охвачены профсоюзным членством. Особенно широкую известность среди выступлений южных рабочих получила стачка текстильщиков Гастонии (штат Северная Каролина), проведенная весной 1929 г. На подавление забастовки были брошены отряды национальной гвардии и «Американского легиона». Полиция спровоцировала вооруженное столкновение со стачечниками, что было использовано для судебной расправы с руководителями забастовки и для ее разгрома. Тем не менее события в Гастонии имели огромное значение как одна из первых попыток профсоюзного движения проникнуть на Юг, в эту твердыню «открытого цеха».

Крупные стачечные выступления шахтеров и рабочих текстильной промышленности, происшедшие в самый разгар «просперити», были еще одним доказательством ограниченности и непрочности капиталистической стабилизации. Они показали, что классовая борьба в США, как бы ни отрицали ее апологеты американского «процветания», не прекратилась и во второй половине 20-х годов. Об этом же свидетельствовали и такие проявления международной пролетарской солидарности, как движение в защиту Сакко и Ванцетти и посылка профсоюзных делегаций в Советский Союз для ознакомления с жизнью первого в мире социалистического государства. Инициаторами этого важного начинания выступили коммунисты, но в составе американских рабочих делегаций, посетивших СССР в 1927 г. и активно выступивших затем за немедленное дипломатическое признание Советского Союза, были и члены АФТ.

Большой заслугой Коммунистической партии явилось то, что она выступила в защиту прав негритянских трудящихся. Преодолевая старые сектантские ошибки левых сил рабочего движения, коммунисты выдвинули негритянский вопрос как самостоятельный вопрос программы, как одну из важнейших проблем американской действительности. В ноябре 1925 г. в Чикаго по инициативе Компартии был организован Американский негритянский рабочий конгресс (АНРК), который поставил своей задачей активное участие в борьбе негритянских трудящихся против террора и линчеваний, против всех форм расовой сегрегации, за равную оплату негров и белых, за вовлечение негритянских рабочих в профсоюзное движение. Правда, в деятельности АНРК было немало сектантских ошибок, его лозунги не всегда соответствовали конкретной исторической ситуации, в силу чего он был оторван от основных масс негритянского населения. Но все же коммунисты, руководившие деятельностью АНРК, сделали первые шаги в выработке верной линии в негритянском вопросе.

Однако в целом размах рабочего движения в США по сравнению с предшествующим периодом значительно уменьшился. Даже те забастовки, которыми руководили профсоюзы, примыкавшие к ЛПП, чаще всего не выходили за рамки экономической борьбы. Что же касается большинства союзов АФТ, то они вообще старались воздерживаться от стачек.

Крайне неблагоприятное влияние на развитие рабочего движения оказывала и общая политическая обстановка в стране. Реакционный внутриполитический курс правительства Кулиджа, энергичная антипрофсоюзная кампания предпринимателей, насаждение «открытого цеха», массовое создание компанейских союзов — все это уменьшало эффективность профсоюзных действий, вело к резкому падению авторитета профсоюзов и мешало росту их численности. В течение всего периода капиталистической стабилизации 20-х годов число членов американских профессиональных союзов оставалось тем же: в 1923 г. оно составляло 3629 тыс. (из них в составе АФТ — 2926 тыс.), а в 1929 г.— 3625 тыс. (из них в АФТ — 2934 тыс.). В условиях быстрого роста самодеятельного населения это влекло за собой неуклонное сокращение доли членов профсоюзов в общей численности гражданской рабочей силы: в 1920 г. она равнялась 12%, в 1923 г. упала до 8,3, а в 1929 г. снизилась до 7,5% [78].

Уровень профессиональной организованности наемной рабочей силы в США к концу 20-х годов оставался крайне низким почти во всех отраслях экономики. Только в горнодобывающей промышленности и на железнодорожном транспорте он превышал 20%, во всех же остальных отраслях был значительно ниже, составляя 12,2% в обрабатывающей промышленности, 5,4% — в конторском деле, 3% — в сфере услуг и всего лишь 0,3% в торговле [79].

Особенно тревожным явлением было то, что совсем или почти совсем отсутствовали профессиональные организации в таких быстро растущих и технически наиболее передовых отраслях материального производства, как сталелитейная, автомобильная, электротехническая, приборостроительная, химическая и другие ведущие отрасли обрабатывающей промышленности. Именно здесь в период капиталистической стабилизации 20-х годов наиболее интенсивно шел процесс механизации и стандартизации производства, широко внедрялись поточно-конвейерные линии. Развитие массового производства в передовых отраслях тяжелой индустрии вносило существенные изменения в структуру рабочего класса, значительно увеличивая численность и удельный вес неквалифицированных и особенно полуквалифицированных рабочих, обслуживавших поточно-конвейерные линии на крупных заводах и фабриках.

Все эти новые, быстро растущие категории современного индустриального пролетариата оставались вне профсоюзного движения. Они практически игнорировались большинством союзов АФТ, которые были построены по профессионально-цеховому принципу и объединяли в своих рядах главным образом высококвалифицированных рабочих, занятых на относительно мелких предприятиях со значительно более слабой технической оснащенностью. В технически передовых отраслях промышленности создавались новые категории высококвалифицированных рабочих (механики, наладчики поточно-конвейерных линий). Изоляция профсоюзов от основной массы фабричного крупнопромышленного пролетариата, становившегося ведущей силой современного капиталистического производства, имела крайне неблагоприятные последствия, способствуя еще большему ослаблению рабочего движения США.

---

[78] Historical Statistics of the United States, p. 126, 177.

[79] *Курков Н. В.* АФТ в годы «просперити»: идеология, политика, тактика.— В кн.: Американский ежегодник, 1973. М., 1973, с. 80.

В середине 20-х годов сошло на нет и движение за независимые политические действия. Поражение сенатора Р. Лафоллетта на выборах 1924 г. было использовано лидерами АФТ для усиления кампании в пользу гомперсистской идеи «беспартийности» рабочих. Очередной съезд АФТ в ноябре 1924 г. решительно осудил все формы независимого политического действия, а тем более попытки создания третьей партии. «Движение за третью партию,— говорилось в решениях съезда,— оказалось бесполезной тратой сил. Оно мешало избранию кандидатов, благожелательно настроенных по отношению к рабочим... Опыт, следовательно, показал, что, если рабочие хотят добиться успеха в политической области, они должны и в будущем проводить ту же беспартийную политику, которой придерживались в прошлом» [80].

К той же линии склонялись и руководители железнодорожных братств, стоявшие во главе Конференции прогрессивного политического действия (КППД). Когда в феврале 1925 г. состоялась очередная сессия КППД, лидеры железнодорожных братств предложили принять решение о том, чтобы «проводить впредь беспартийную политику» [81]. Представители Социалистической партии и радикальные группы фермерства и мелкобуржуазной интеллигенции, присутствовавшие на сессии КППД, пытались отстаивать идею третьей партии. Но их призывы не повлияли на лидеров железнодорожных братств. Не помогло и выступление ветерана социалистического движения США Юджина Дебса, который убеждал собравшихся в необходимости формирования третьей партии.

Все это повлияло на принятие сессией решения о приостановке на неопределенный срок деятельности КППД. Это нанесло смертельный удар движению за независимые политические действия. Правда, социалисты и представители радикальных прогрессистских групп пытались продолжать борьбу за создание третьей партии. Однако их планы остались лишь благими пожеланиями. Без профсоюзов нечего было и думать об основании общенациональной третьей партии. Что же касается фермерско-рабочих партий различных штатов, созданных в годы послевоенного массового подъема, то они одна за другой стали слабеть и вскоре прекратили существование. Единственным исключением осталась Фермерско-рабочая партия (ФРП) Миннесоты, которая продолжала действовать и во второй половине 20-х годов. Это во многом объяснялось тем, что в 1925 г. ФРП Миннесоты превратилась в постоянную организацию с индивидуальным членством и территориальными местными ячейками — партийными клубами. Она по-прежнему активно участвовала в избирательных кампаниях. Но и эта партия стала чисто местной организацией, не игравшей сколько-нибудь заметной роли в масштабе страны.

Таким образом, в середине 20-х годов основная масса рабочих и фермеров отошла от демократического движения. Какое-то время продолжала функционировать лишь небольшая группа прогрессистов из среды интеллигенции. Но и их активность из месяца в месяц ослабевала, особенно после смерти сенатора Р. Лафоллетта, пока не замерла совсем. К 1926 г. движение за независимые политические действия сошло с политической арены.

Спад демократического движения в Соединенных Штатах в период

---

80 American Federationist, 1925, Jan., p. 55.

81 New York Times, 1925, Febr. 21.

капиталистической стабилизации 20-х годов отражал глубокие изменения в идейно-политической и социально-психологической атмосфере американского общества. Впервые за несколько десятилетий произошло существенное ослабление антимонополистических настроений широких слоев населения. Более того, пожалуй, впервые в истории страны можно было наблюдать столь откровенную апологию монополий, ничем не прикрытый культ бизнеса, воспевание крупных капиталистов как «капитанов индустрии» и «творцов просперити». По выражению известного экономиста С. Чейза, бизнесмен стал тогда «высшим авторитетом американцев в вопросах этики поведения» [82].

Большую роль в создании этого до крайности идеализированного образа крупного капитала играла буржуазная пресса, реклама, кино и радио. В дело восславления бизнеса активно включилась и протестантская церковь. Она выступала с проповедью «евангелия бизнеса», провозгласившего лозунг «Продажа религии — главный бизнес церкви» [83]. Огромную популярность в стране получила опубликованная в 1925 г. книга деятеля одного из ведущих рекламных агентств того периода Б. Бартона «Человек, которого никто не знает: биография Иисуса», где Христос объявлялся «основоположником современного бизнеса» [84].

Разумеется, развитие либеральной и радикально-демократической идейно-политической мысли в США продолжалось и в неблагоприятной атмосфере второй половины 20-х годов. Виднейшими представителями этих течений общественной мысли оставались философ Джон Дьюи и экономист Торстейн Веблен, сыгравшие немалую роль в подготовке идейной базы либерально-буржуазного реформизма 30-х годов. Ведущее место в американской исторической науке по-прежнему занимало экономическое направление с его обостренным интересом к проблемам экономики и социальных отношений и к борьбе различных экономических групп в истории США. Крупнейшие его представители — Ч. Бирд, А. Шлезингер-старший, Дж. Джеймсон — во второй половине 20-х годов выступили с рядом новых важных работ.

Сохранялась и традиция антимонополистической социальной критики. С особой силой ее выразил крупный историк В. Л. Паррингтон, выпустивший в конце 20-х годов свой фундаментальный труд «Основные течения американской мысли». Известный литератор и критик Генри Л. Менкен на страницах издаваемого им с 1924 г. журнала «Американ меркури» регулярно публиковал язвительные статьи, бичующие тупость, ханжество и мещанское самодовольство американского буржуа. Эти статьи, написанные с позиций своеобразного просвещенного индивидуалиста-циника, пользовались большим успехом в кругах либеральной интеллигенции. Наконец, именно в 20-е годы появились такие шедевры американской литературы критического реализма, как «Главная улица» и «Бэббит» С. Льюиса, «Американская трагедия» Т. Драйзера, новеллы Ш. Андерсона, поэмы и стихотворения К. Сэндберга, пьесы Ю. О'Нила. В число этих беспощадных обличителей язв буржуазной цивилизации вошла тогда и группа талантливых молодых писателей так называемого «потерянного поколения» — Э. Хемингуэй, У. Фолкнер, Дж. Дос Пассос, Ф. Скотт Фицджеральд.

---

[82] Цит. по: *Allen F.* Only Yesterday. N. Y., 1959, p. 113.
[83] *Гаджиев К. С.* США: эволюция буржуазного сознания. М., 1981, с. 103—104.
[84] *Barton B.* The Man Nobody Knows: A Biography of Jesus. N. Y., 1925, p. 138.

Тем не менее для периода «просперити» был характерен огромный разрыв между продолжавшимся развитием либеральной и радикальной идейно-политической мысли в интеллектуальных кругах и усилением консерватизма и аполитичности в массовом сознании большинства американцев. По меткому замечанию историка Д. Шэннона, «на каждого человека, для которого героями были Синклер Льюис и Т. С. Элиот, приходилась дюжина таких, кто почитал Бартона с его религией бизнеса»[85]. Это во многом было результатом воздействия средств массовой информации и «массовой культуры». Конечно, в какой-то мере они способствовали повышению культурного уровня трудящихся. Однако именно в это время они стали в руках буржуазии эффективным орудием манипулирования умами, средством одурманивания сознания народа, укрепления в нем стереотипов индивидуализма, конформизма, культа успеха и почтения к «сильным мира сего».

Причины упадка рабочего и демократического движения в США в период капиталистической стабилизации 20-х годов были сложными и многообразными. В известной мере это объяснялось политической обстановкой в стране, наступлением предпринимателей, отказом правящих кругов США от тех уступок, которые были завоеваны американским народом в период «прогрессивной эры».

Но главная причина упадка массового движения коренилась глубже. Она была связана с особенностями экономического развития страны после первой мировой войны. Превращение Соединенных Штатов в центр финансовой эксплуатации мира обеспечило монополистической буржуазии громадные сверхприбыли. Это дало ей возможность в особенно широких размерах осуществлять подкуп верхушки рабочего класса. Усилившийся слой рабочей аристократии стал основным каналом распространения буржуазной идеологии в массах американского пролетариата. Удельный вес этой аристократической прослойки рабочего класса США был выше, чем в капиталистических странах Западной Европы. К концу 20-х годов высококвалифицированных рабочих, уровень заработной платы которых превышал 2 тыс. долл. в год, насчитывалось около 3 млн., т. е. примерно 10% всех рабочих, занятых в то время в промышленности, на транспорте и в сельском хозяйстве страны[86].

В период «просперити» идеологическое воздействие буржуазии на рабочих оказалось весьма эффективным. Это объяснялось тем, что в обстановке длительного промышленного подъема 20-х годов произошло некоторое улучшение положения рабочего класса США, определенное, хотя и сравнительно небольшое, повышение его средней реальной заработной платы. Но оно коснулось далеко не всех категорий рабочих. Многие из них (негры, иммигранты, сельскохозяйственные рабочие) по-прежнему влачили нищенское существование. Да и части коренных белых американцев отнюдь не всегда удавалось сводить концы с концами. По оценке историка И. Бернстейна, даже в лучшие годы «просперити» «жизненный уровень рабочих оставался довольно низким»[87]. Тем не менее некоторое

---

[85] *Shannon D.* Op. cit., vol. 2, p. 110.
[86] История рабочего движения в США в новейшее время: В 2-х т. М., 1970—1971, т. 1, с. 136.
[87] *Bernstein I.* The Lean Years: A History of the American Worker. 1920—1933. N. Y., 1960, p. 65.

улучшение положения трудящихся способствовало широкому распространению в массах различного рода буржуазных теорий.

Особенно активно пропагандировалась в 20-е годы апологетическая теория «американской исключительности». Абсолютизируя некоторые особенности экономического развития США, сторонники этой теории утверждали, что страна вступила в новую фазу своей эволюции, что на нее не распространяется теперь действие законов, управляющих ходом капиталистического производства в других странах мира. На этом основании делался вывод, что циклическое движение экономики стало для США делом прошлого, что там никогда больше не будет экономических кризисов, так как сам рост промышленного производства якобы автоматически порождает расширение рынка. А раз перед страной открывается перспектива «вечного процветания», то классовая борьба должна уступить место «классовому сотрудничеству», ибо, чем успешнее будет развиваться экономика и чем прибыльнее станут капиталистические предприятия, тем значительнее будут доходы капиталистов и заработная плата рабочих.

Проповедь необходимости «классовой гармонии» была энергично подхвачена реформистскими лидерами АФТ. Очередной ее съезд в 1925 г. провозгласил, что профсоюзное движение США должно выдвинуть на первый план не стачечную борьбу, а «высшую стратегию труда», лозунг «индустриальной демократии», т. е. политику «классового сотрудничества» между рабочими и капиталистами. Новый президент АФТ У. Грин, занявший этот пост в декабре 1924 г. после смерти С. Гомперса, в одном из первых же официальных выступлений объявил, что современный тред-юнионизм стремится к «индустриальной кооперации» и что трудовые конфликты возникают «из-за игнорирования или отрицания элементарных прав как предпринимателей, так и рабочих» [88]. С еще большей определенностью выразил суть новой, «высшей стратегии труда», этого нового этапа в развитии гомперсизма, член исполнительного совета АФТ М. Уолл. Он заявил: «В ранний период борьбы тред-юнионы старались затормозить, ограничить производство, чинить всяческие помехи его развитию, чтобы таким путем добиться удовлетворения своих желаний. Ныне же они добиваются признания, что именно они являются носителями и защитниками того экономического, индустриального и общественного порядка, при котором будут благоденствовать и рабочие, и предприниматели, и все общество» [89].

В период капиталистической стабилизации 20-х годов лидеры АФТ направляли главные усилия на всестороннее сотрудничество с предпринимателями в деле рационализации производства и увеличения количества и качества выпускаемой продукции. Практическим воплощением этого политического курса руководства тред-юнионов был «план Балтимор—Огайо», принятый еще в 1923 г. в результате соглашения, заключенного между профсоюзами железнодорожников и владельцами линии Балтимор—Огайо. Согласно этому плану, официально одобренному съездом АФТ в 1925 г., за рабочими признавалось право на заключение коллективного договора, но в ответ они обязывались всемерно помогать предпринимателям во внедрении технических усовершенствований и в увеличении ин-

[88] История рабочего движения в США в новейшее время, т. 1, с. 159.
[89] Цит. по: *Курков Н. В.* АФТ в годы «просперити», с. 103.

тенсивности труда, т. е. в капиталистической рационализации производства, в расчете на то, что рост промышленной продукции автоматически повлечет за собой повышение заработной платы. «План Балтимор—Огайо» во второй половине 20-х годов послужил образцом для некоторых других соглашений, главным образом на железнодорожном транспорте и в ряде отраслей легкой промышленности.

Исповедуя философию волюнтаризма, лидеры АФТ категорически отвергали в тот период идею государственного вмешательства в экономику и социальные отношения. Они считали, что посредством добровольных соглашений между рабочими и капиталистами можно добиться не только улучшения условий труда, но и решения всех социальных проблем общества. Поэтому реформистские профсоюзные лидеры, как правило, с одобрением встречали разнообразные меры социального патернализма, к которым в 20-е годы стали обращаться некоторые крупные компании.

Профсоюзные боссы рассматривали планы участия рабочих в прибылях промышленных предприятий, попытки создания особых «рабочих банков», учреждения частных пенсионных фондов и другие подобные меры как важный шаг на пути создания некоего «капитализма всеобщего благоденствия», при котором все классы и социальные группы будут якобы действовать в целях «общего блага». На самом же деле, как верно отметил американский историк У. Миллер, проповедь такого рода идей была направлена не столько на увеличение благосостояния рабочих, сколько на ослабление их борьбы [90]. И эти усилия представителей крупного капитала и реформистских профсоюзных вождей во многом увенчались успехом. Оценивая обстановку, сложившуюся в профсоюзном движении США в период капиталистической стабилизации 20-х годов, У. З. Фостер писал, что оно почти полностью погрязло в «болоте классового сотрудничества» и «боевой дух его был подорван» [91].

Широкое распространение в годы «просперити» получила и теория «демократизации капитала». Одним из ее наиболее активных пропагандистов стал профессор Гарвардского университета Т. Карвер, выпустивший в 1926 г. книгу «Современная экономическая революция в США». В ней и других подобных изданиях утверждалось, что развитие корпоративной формы капитала и быстрый рост числа акционеров, в том числе среди рабочих, ведут якобы к подлинной «экономической революции», к тому, что рабочие становятся совладельцами предприятий и, следовательно, разница между ними и капиталистами стирается, а капитализм меняет свой характер [92]. Рассуждения Карвера и его последователей об «экономической революции» и «демократизации капитала» были с воодушевлением подхвачены всей буржуазной пропагандой США и лидерами АФТ.

Вся эта рекламная кампания не имела, разумеется, ничего общего с действительностью. Приобретение нескольких акций не могло внести сколько-нибудь существенных изменений в положение рабочих и уж во всяком случае никак не делало их совладельцами промышленных предприятий. Об абсурдности измышлений буржуазной пропаганды по поводу «мирного перераспределения богатств», якобы происходившего тогда в Америке, лучше всего свидетельствовал тот факт, что к концу 20-х годов

[90] *Miller W.* A New History of the United States. N. Y., 1975, p. 359.
[91] *Фостер У. З.* Очерк политической истории Америки. М., 1953, с. 508.
[92] *Carver T.* The Present Economic Revolution in the United States. Boston, 1926, p. 9.

в руках рабочего класса США находилось лишь около 1% стоимости акций.

Тем не менее в политическом плане теория «демократизации капитала» оказалась важным орудием идеологического воздействия буржуазии на рабочий класс. Приобретая акции того или иного промышленного предприятия и рассчитывая на получение дивиденда, рабочий волей-неволей становился заинтересованным в бесперебойном ритме производства, а следовательно, и в отсутствии забастовок. По справедливому замечанию известного американского историка Г. Фолкнера, «психологический эффект владения акциями в деле подрыва классового сознания рабочих был, несомненно, огромным» [93].

Популярность различных буржуазно-апологетических теорий в массах американского пролетариата свидетельствовала о его серьезной идейно-политической отсталости. Именно в этом и состояла главная причина упадка рабочего движения в Соединенных Штатах в период капиталистической стабилизации 20-х годов.

Идейно-политическая отсталость американского пролетариата обусловила и слабость левых групп в рабочем движении. Социалистическая партия Америки, находившаяся под руководством реформистов, с начала 20-х годов вступила в период упадка. Правда, вплоть до 1924 г. она играла довольно активную роль в движении за независимые политические действия. Но после того как это движение сошло на нет, Социалистическая партия превратилась в малочисленную секту, оторванную от рабочего класса и пропагандировавшую некий суррогат социализма, который представлял собой смешение идей фабианства, социального христианства и либерально-буржуазного реформизма. К концу 20-х годов в партии осталось всего лишь 7 тыс. членов. Резкое уменьшение влияния социалистов в массах сказалось и в ходе избирательных кампаний. Если в 1920 г. за кандидата Социалистической партии на пост президента США Юджина Дебса было подано 920 тыс. бюллетеней, то в 1928 г. за кандидата той же партии Нормана Томаса — лишь 268 тыс., т. е. менее 1% общего числа избирателей [94].

Весьма малочисленной оставалась в те годы и Коммунистическая партия США: в 1925 г. в ней насчитывалось 16,3 тыс. членов, а в 1929 г.— 9,6 тыс. [95] В практической деятельности Компартии по-прежнему чувствовалось сильное влияние догматизма и сектантства. Серьезными недостатками страдала работа коммунистов в профсоюзах. Когда в конце 20-х годов реформистское руководство АФТ стало на путь преследования и исключения левых сил, деятели Лиги профсоюзной пропаганды помогли создать независимые прогрессивные производственные союзы в ряде важных отраслей промышленности (угольная, текстильная, швейная) и усилить работу по вовлечению в них неорганизованных рабочих.

Новая обстановка потребовала от коммунистов перестройки их профсоюзной деятельности. Поэтому в сентябре 1929 г. было принято решение о преобразовании ЛПП в Лигу профсоюзного единства, которая должна была стать координационным центром независимых прогрессивных профсоюзов и групп левого меньшинства в реформистских союзах АФТ. Однако на практике Компартия нередко делала неоправданный упор на

[93] *Faulkner H.* American Political and Social History. N. Y., 1938, p. 674.
[94] Historical Statistics of the United States, p. 1073.
[95] История рабочего движения в США в новейшее время, т. 1, с. 180.

создание особых, революционных профсоюзов, а работа внутри союзов АФТ, где были сосредоточены основные кадры организованного пролетариата, отодвигалась на задний план[96]. Все это мешало установлению тесных связей коммунистов с массами.

Ошибочные тенденции проявились и в работе КП США среди негров. Коммунисты подвергли сомнению выдвинутый ими ранее тезис о негритянском населении как неотъемлемой составной части американской нации. Они все более стали склоняться к тому, чтобы рассматривать американских негров как особую нацию, полностью игнорируя усилившийся в XX в. процесс прогрессивного распада плантационной системы Юга. На этом основании был выдвинут лозунг права негров США на самоопределение и на создание в районах так называемого «черного пояса» Юга самостоятельного негритянского государства. В 1928 г. с одобрения VI конгресса Коминтерна этот лозунг надолго вошел в программные документы Коммунистической партии. Такой подход к решению негритянской проблемы был неверным, ибо затруднял объединение усилий черных и белых трудящихся в борьбе против общего врага.

Положение КП США осложнялось еще и тем, что в ее рядах развернулась острая фракционная борьба, которая не раз приобретала чрезвычайно ожесточенный характер. Особенно тяжелая обстановка сложилась в американской Компартии в конце 20-х годов. Под влиянием буржуазной идеологии в рядах партии возникла сильная правооппортунистическая группа во главе с Дж. Ловстоном, который в марте 1927 г., после смерти Ч. Рутенберга, занял пост генерального секретаря Компартии США. Преувеличивая силу американского капитализма и не видя факторов непрочности капиталистической стабилизации, Ловстон и его последователи выступили активными проповедниками апологетической теории «американской исключительности». Вслед за реформистским руководством АФТ они утверждали, что США достигли подлинной стабилизации, что им больше не грозит экономический кризис и, следовательно, нет никаких перспектив усиления классовой борьбы в стране. Согласно «теории» Ловстона американский капитализм и в XX в. продолжал развиваться по восходящей линии, что, по мнению оппортунистов, вело к неуклонному улучшению положения трудящихся и смягчению классовых противоречий[97].

Оппортунизм Ловстона и его последователей встретил отпор со стороны марксистско-ленинского ядра Компартии США, сплотившегося вокруг У. З. Фостера. Тем не менее вплоть до 1929 г. ревизионистская группа Ловстона составляла большинство в руководящих органах партии. Серьезный кризис, который переживала тогда Коммунистическая партия США, был преодолен только с помощью Коммунистического Интернационала. При поддержке ИККИ американские коммунисты осуществили идейный разгром правых оппортунистов и в июле 1929 г. изгнали Ловстона и его сторонников из своих рядов. Эти события совпали с началом глубокого экономического кризиса, который развеял в прах и теорию «американской исключительности» и другие «научные» построения ловстонизма.

---

[96] *Foster W. Z.* History of the Communist Party of the United States. N. Y., 1952, p. 257—258.

[97] *Гречухин А. А.* Борьба Коммунистической партии США за единство своих рядов (1927—1972 гг.). М., 1975, с. 36—38.

Глава шестая

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА (1924—1929)

1. ПЛАНЫ ДАУЭСА И ЮНГА. ПАКТ БРИАНА — КЕЛЛОГА

В годы относительной стабилизации капитализма США еще больше укрепили свои позиции международного кредитора, шире и глубже вовлеклись в систему международных экономических отношений. За 1924—1930 гг. американские корпорации невероятно обогатились. Их прибыли превысили 53 млрд. долл. (до вычета налогов), они росли и в послевоенные годы от поставок товаров и кредитов в опустошенную войной Европу. К 1923 г. сумма займов США иностранным государствам составила 10,6 млрд. долл., а с учетом процентов по займам — 11,8 млрд. Главными должниками США оказались Англия — 4600 млн. долл., Франция — 3999 млн., Италия — 2015 млн.[1]

Правительство США, выражая волю финансово-монополистических кругов, стремилось не связывать себя какими бы то ни было экономическими или политическими союзами с Лигой наций и отдельными государствами. Финансово-монополистический капитал США, обретя небывалую долларовую силу, при покровительстве своего правительства устремился во все концы мира, на все континенты, особенно в разоренную войной Европу. Интересам монополий была подчинена внешнеполитическая деятельность министерств финансов, торговли, военного министерства и государственного департамента.

Воспользовавшись ослаблением позиций своих конкурентов, США повсеместно теснили их на мировых рынках. Английская газета «Дейли ньюс» жаловалась: «Всюду наши интересы приносятся в жертву Соединенным Штатам...»[2]. Если в 1914 г. Англия и США имели одинаковый вес в японском импорте (16,8%), то в 1927 г. доля Англии снизилась до 7%, а доля США увеличилась до 30%. В 1913 г. доля Англии в китайском импорте составляла 16,3%, а США — 6,0%, в 1926 г. соответственно — 10,2 и 16,4%. В Латинской Америке успехи США были еще значительнее. С 1913 по 1927 г. доля США в импорте 20 республик Центральной и Южной Америки увеличилась с 24 до 38%, а доля Англии снизилась с 25 до 16%[3]. Следует подчеркнуть, что европейский рынок для США продолжал оставаться главным. В 1924 г. страны Европы поглощали примерно 51% общего американского экспорта, тогда как импорт США из Европы по отношению к общему импорту США составил лишь 30%.

Одновременно росли инвестиции американского капитала в зарубежные страны. «Избыточный» капитал шел туда в виде правительственных внешних займов, кредитов корпораций и вложений частных лиц.

---

[1] *Fisk H. E.* The Inter-Ally Debts; An Analysis of War and Post-War Public Finance, 1914—1923. N. Y.; P., 1924, p. 307.

[2] Daily News, 1924, Apr. 3.

[3] *Клод А.* Куда идет американский империализм. М., 1951, с. 60—61.

В 1926 г. американские инвестиции за границей, не считая 12 млрд. долл. по военным займам, составили сумму 9522 млн. долл.[4] Особое место отводилось прямым вложениям: скупке контрольных пакетов зарубежных предприятий, открытию филиалов или дочерних предприятий американских монополий. Нередко филиалам банков и промышленных компаний США удавалось поглотить отдельные европейские компании. Во Франции ими были таким образом захвачены позиции в производстве электрического и телефонного оборудования, а также и кинематографии. Под контролем США оказалось производство железа, стали, электроэнергии, добыча угля в Польше.

Монополии США предпочитали давать европейским странам не портфельные, а прямые инвестиции — на создание филиалов американских предприятий. Особый интерес проявлялся к обрабатывающей промышленности (машиностроение, химия). По официальным данным министерства торговли, в 1929 г. имелось американских предприятий: в Германии — 186 с капиталом 216 млн. долл., во Франции — 203 с капиталом 145 млн. долл., в Англии — 169 предприятий с долей американского капитала более 25%[5]. Создание предприятий в странах Европы и других континентов американские корпорации рассматривали как важное средство преодоления тарифных барьеров, получения сверхприбылей, борьбы за рынки сбыта, за контроль в области экономики и политики.

Американский капитал проявлял заинтересованность и к источникам сырья. Правительство Кулиджа оказывало активную помощь корпорациям в борьбе за доступ к зарубежному сырью, прежде всего нефти и каучуку, столь необходимым для развивавшейся автомобильной промышленности. Госдепартамент помогал американским предпринимателям внедряться в районы добычи нефти. «Стандард ойл», «Галф» и другие нефтяные компании США при поддержке правительства скупали акции у английских, французских, голландских компаний на производство и контроль нефтяных источников в Иране, Колумбии, Венесуэле, Мексике. Аналогичная политика проводилась также в отношении каучука, меди и другого важного сырья. Американские медные фирмы в 20-е годы добились контроля над 95% мирового капиталистического производства меди и ценами на мировом капиталистическом рынке. Гардинг, Кулидж и Гувер поощряли создание крупных межнациональных картелей. Министерство торговли выступало как коммивояжер американских товаров[6].

В своих декларациях правительство Кулиджа заявляло, будто оно, как и крупнейшие частные банки, предоставляет пострадавшей от войны Европе займы в целях ускорения восстановления ее экономики. На самом же деле они стремились нажиться на европейских долгах и процентах по ним. Особенно американская администрация была заинтересована в том, чтобы восстановленная Германия могла выплачивать военные репарации. В этой связи США взяли на себя инициативу по выработке плана репарационной проблемы, которая, по мнению американцев, стала серьезным препятствием на пути оздоровления европейского и мирового капитализма.

---

[4] Congressional Record, vol. 68, pt 2, p. 1879.

[5] *Захматова М. Р.* Экспансия частного капитала США в Западной Европе. М., 1966, с. 34—38.

[6] *Rosenberg E. S.* Spreading the American Dream: American Economic and Cultural Expansion, 1890—1945. N. Y., 1982, p. 134—135, 140.

Для решения вопроса о репарациях был создан Международный комитет экспертов, в который вошли представители пяти государств — победителей в войне: США, Великобритании, Франции, Италии и Бельгии. В 1924 г. этот комитет под руководством американского банкира Чарлза Дауэса разработал план, предусматривавший получение репараций с Германии. В литературе он стал известен как «план Дауэса». Его авторы полагали, что восстановленная Германия будет добросовестно выплачивать военные репарации Франции и Англии, а эти последние, в свою очередь, станут выплачивать государственные долги Соединенным Штатам.

По «плану Дауэса» банкиры США и Великобритании предоставили Германии заем на сумму 800 млн. марок (200 млн. долл.), из которых половина приходилась на банкирский «дом Морганов». Германия обязывалась, в свою очередь, выплатить в первый год 1 млрд. репарационных марок (250 млн. долл.) и увеличить затем платежи до 2,4 млрд. марок в год. К 1928—1929 гг. общая сумма репараций с Германии окончательно еще не была установлена.

С принятием в августе 1924 г. на Лондонской конференции «плана Дауэса» для капитала США открывались новые возможности проникновения в экономику Германии. В период между 1924 и 1929 гг. американцы обеспечили себе 80% капитала, шедшего на заем кредитным учреждениям Германии, 75% займов местным правительствам, т. е. германским землям, и 50% — крупным германским корпорациям [7]. «План Дауэса», принятый под давлением американских банкиров и правительства Кулиджа, отвечал интересам в первую очередь США и Германии. Бывший канцлер Германии Вирт в одной из речей в Чикаго подчеркнул: «...ваша помощь во многом помогла моей стране избежать социальной катастрофы» [8]. Оказание помощи в стабилизации германской промышленности на определенном этапе укрепляло в целом экономическую и социальную систему капитализма и в Европе. Вместе с тем эта помощь в возрождении германского империализма таила в себе и огромную опасность не только для немецкого народа, но и народов других стран.

США удалось подписать соглашения с правительствами Великобритании, Бельгии и Чехословакии о выплате ими некоторой части военных долгов, что временно смягчало межкапиталистические противоречия.

Американские буржуазные историки и публицисты представили «план Дауэса» как свидетельство «политики мира». На деле же правительство Кулиджа и Уолл-стрит стремились превратить Германию в «надежного партнера» и использовать ее в качестве противовеса Англии и Франции в Европе, помешать налаживанию нормальных отношений между Германией и Советским Союзом, не допустить роста революционного движения в Европе.

На очередь встал вопрос об урегулировании политических отношений Германии со странами Антанты, о присоединении ее к Лиге наций.

После принятия «плана Дауэса» дипломатия США поддержала Англию, которая под прикрытием разговоров о «гарантиях европейской безопасности» приступила к организации политического союза западноевропейских стран (с участием Германии), направленного своим острием

---

[7] Ibid., p. 151.
[8] Workers Monthly, Chicago, 1925, Nov., p. 7.

против СССР. Для осуществления этого плана была созвана в 1925 г. в швейцарском курортном городке Локарно конференция представителей Великобритании, Германии, Франции, Италии, Бельгии, а также Польши и Чехословакии. В итоге конференции, длившейся с 5 по 16 октября, было подписано восемь соглашений. Но важнейшим из них был Рейнский гарантийный пакт, который предусматривал прежде всего нерушимость установленных Версальским мирным договором границ Германии на западе — с Францией и Бельгией. Роль «гарантов» взяли на себя Великобритания и Италия. Гарантийный пакт вступил в силу после принятия Германии в Лигу наций — 14 сентября 1926 г.[9], а наряду с этим для Германии кончилась дипломатическая изоляция со стороны стран Запада.

Хотя США формально и не участвовали в переговорах и выработке локарнских соглашений, тем не менее они оказали сильное влияние на ход переговоров и их результаты. «... Американский финансовый капитал, рассматривавший Европу как большую колонию, из которой он может извлекать огромные барыши,— отметил в речи 25 ноября 1925 г. в рейхстаге Эрнст Тельман,— весьма рьяно трудился над заключением Локарнского договора»[10].

Правительство США усматривало в этом договоре гарантии для своих капиталов в Европе, а также возможность сколотить антисоветский блок в Европе. 8 декабря 1925 г. президент Кулидж в ежегодном послании конгрессу США признал факт воздействия США в деле выработки и принятия локарнских соглашений, которые рассматривались как известная гарантия для американских капиталовложений и займов в Европе, а также как средство достижения таких политических союзов государств в Европе, которые бы позволили Вашингтону занять роль лидера и арбитра. Государственный секретарь США Келлог изображал локарнский сговор империалистов как «выдающееся достижение»[11].

При содействии американских капиталов экономика Германии стала быстро развиваться. В 1927 г. Германия не только достигла довоенного уровня экономического развития, но в ряде отраслей и превзошла его, восстанавливался промышленный потенциал страны. Уже в 1928 г. Германия ставила вопрос об эвакуации союзных войск с территории Рейнской области, находившихся там в роли гаранта выполнения Германией Версальского мирного договора.

В конце 1928 г. и первой половине 1929 г. на повестку дня вновь ставился репарационный вопрос. США принимали участие в созданном Францией, Великобританией, Италией, Японией, Бельгией и Германией комитете финансовых экспертов по репарационному вопросу, возглавленном американским неофициальным экспертом О. Юнгом, одним из авторов «плана Дауэса», и банкиром Дж. П. Морганом. 12 февраля 1929 г. германский представитель заявил в комитете экспертов, что его страна не в состоянии платить 2,5 млрд. марок ежегодно. В комитете шли долгие дебаты о ежегодной выплате репараций Германией. Юнг предложил свой

---

[9] Подробнее см.: Локарнская конференция, 1925 г.: Документы. М., 1959; *Никонова С. В.* Очерк европейской политики Германии в 1924—1929 гг. (от плана Дауэса к плану Юнга). М., 1977, с. 140—190.

[10] *Тельман Э.* Избранные статьи и речи. К истории германского рабочего движения: Т. 1, 2. М., 1957—1958, т. 1, с. 196—197.

[11] Congressional Record, vol. 67, p. 906—907.

проект платежей со стороны Германии, и этот план 7 июня 1929 г. был одобрен. Затем «план Юнга» был поставлен на обсуждение международной конференции 12 государств, открывшейся 6 августа 1929 г. в Гааге, на которой США присутствовали как «страна-арбитр». В соответствии с «планом Юнга» был установлен общий размер репараций в сумме 113,9 млрд. марок, подлежащих уплате Германией в предстоящие несколько десятилетий. Отменялся контроль союзников над экономикой и финансами Германии [12].

США не удалось установить в Германии прочной финансовой гегемонии. Вместе с тем «план Юнга» открывал новые возможности возрождения экономического и военного потенциала Германии. Политика «дауэсизации» Германии ускорила тем самым приближение второй мировой войны. С 1924 по 1930 г. Германия получила частные американские займы примерно на сумму 2,5 млрд. долл., сама выплатила репараций по «плану Дауэса» около 2 млрд. долл., а бывшие союзники выплатили США военные долги в сумме 2606 млн. долл., т. е. больше займа, предоставленного американскими банками Германии [13].

В 1929 г. Германия на 13% превысила довоенный объем промышленной продукции и заняла в капиталистическом мире второе место после США по производству и вывозу машин, первое место — по производству синтетического горючего и синтетического каучука. Доля Германии в мировом экспорте возросла с 5,7% в 1924 г. до 10,9% в 1929 г. (доля США в 1929 г. составляла 17,5%, Англии — 12,1% [14]). «План Дауэса» укреплял позиции монополий Германии, но не улучшал положение трудящихся.

Администрация Кулиджа и финансовые круги США проводили жесткую политику в отношении европейских стран-должников. Они не допускали и мысли о том, чтобы аннулировать военные долги, настойчиво добиваясь возврата займов с процентами. В конце 1925 г. французское правительство предприняло ряд дипломатических демаршей, пытаясь добиться 10-летнего моратория по задолженности, но встретило со стороны США отрицательную реакцию. Правительство США навязало правительству Франции унизительное предварительное соглашение (Меллона — Берендже), по которому Франция обязывалась выплатить США из общей военной задолженности, составлявшей 4211 млн. долл., немногим менее 50%, а именно 2008 млн. долл. Устанавливался срок выплаты долга — 62 года при среднем проценте 1,5, что в конечном итоге выражалось в сумме 6848 млн. долл. Соглашение не было ратифицировано Францией. Оно вызвало во Франции бурную антиамериканскую реакцию.

Франция сопротивлялась «дяде Шейлоку» (так именовали США-кредитора европейские страны-должники) более решительно, чем Англия, которая первой согласилась еще в 1923 г. выплачивать долги в сумме 4100 млн. долл. в течение 62 лет, что вместе с процентами равнялось 11,1 млрд. долл. Лондонская «Дейли мейл» писала в 1926 г.: «Британия

---

[12] Подробнее см.: История дипломатии: Т. 1—5. М., 1959—1979, т. 3, с. 366—377; *Постников В. В.* США и дауэсизация Германии, 1924—1929. М., 1957; *Иванов Л.* Международные конференции и договора. Харьков, 1933.

[13] *Welles S.* The Time for Decision. N. Y., 1944, p. 321.

[14] Капиталистические страны в 1913 г., 1920—1936 гг. Статистический сб.: Т. 1, 2. М., 1937, т. 2, с. 308—309; *Иноземцев Н.* Американский империализм и германский вопрос (1945—1954). М., 1954, с. 25.

превратилась в сборщика долгов для уплаты Соединенным Штатам, но в отличие от большинства сборщиков долгов мы получаем только ненависть и никаких выгод» [15].

К фашистской Италии США были более снисходительны. С нее взыскивалось за долги лишь 0,4%. Долги Италии были сокращены более чем на 80% [16]. Государственный секретарь Ф. Келлог в марте и апреле 1925 г. направил румынскому правительству ноты, в которых потребовал, чтобы были приняты неотложные меры для решения вопроса о долгах. Аналогичные ноты были направлены правительствам Бельгии и Чехословакии. Всего стран-должников оказалось 17 [17].

Особый интерес США стали проявлять к Польше, когда там в 1926 г. произошел переворот и к власти пришло правительство Пилсудского. Государственный департамент, финансово-монополистические круги США поспешили направить своих финансовых и других советников для оказания «помощи» Польше, а также в целях сбора информации о возможностях расширения американских инвестиций.

Внешнеполитический курс правительства США в отношении образованной в 1918 г. Венгрии был направлен на удушение социалистической революции. Правительства США и стран Антанты, опираясь на реакционные силы в самой Венгрии, организовали вторжение войск Франции, Румынии и Чехословакии на территорию революционной Венгрии. США объявили «голодную блокаду» революционной Венгрии. В неравной борьбе Венгерская Советская республика пала, просуществовав всего лишь 133 дня. В стране была установлена фашистская диктатура крупной буржуазии и помещиков во главе с Хорти. Наступил террор, в ходе которого было убито до 20 тыс. передовых рабочих, революционеров. США поспешили на помощь этому режиму, предоставив ему в изобилии продовольствие и кредиты.

Стабилизации контрреволюционного режима в Венгрии не менее активно помогали администрации президентов США Гардинга и Кулиджа. Американские банкиры охотно вкладывали капиталы в экономику Венгрии, взяв режим Хорти на свое попечение. Большую роль в этом сыграл нью-йоркский банкирский «дом Шпейера». В 1925 г. Венгрия получила по американскому займу около 9 млн. долл. Этот заем накладывал тяжелые экономические и политические обязательства, которые существенно затрагивали суверенитет государства. 24 июня 1925 г. правительство США подписало договор с хортистской Венгрией о дружбе, торговле, а также соглашение по консульским вопросам [18].

Не менее дружественные отношения правительство США поддерживало с военно-фашистской диктатурой генерала Примо де Ривера в Испании. И после того, когда в 1931 г. в результате буржуазно-демократической революции в Испании была свергнута монархия и провозглашена республика, США стремились не упустить возможности влиять на Испанию. Торгово-экономические связи между США и Испанией развивались негладко и не без конфликтов. Закон о запрещении торговли

---

[15] Цит. по: Workers Monthly, Chicago, 1926, Oct., p. 531.
[16] *Яковлев Н. Н.* Новейшая история США, 1917—1960. М., 1961, с. 104.
[17] Военные должники вернули США до 1936 г., когда была окончательно прекращена выплата долгов, 2,7 млрд. долл. См.: Там же.
[18] Подробнее см.: Венгерско-американские отношения, 1918—1960. Будапешт, 1961, с. 16—26.

спиртным (XVIII поправка к конституции США) наносил ущерб Испании, которая раньше в большом количестве поставляла вино в США, подрывал стоимость песеты на международном денежном рынке. Одновременно американский капитал стремился как можно глубже проникнуть в слабо развитую экономику Испании. Экспорт из США в Испанию превышал импорт из Испании более чем в 2 раза [19].

Таким образом, американское правительство поддерживало экономические связи со странами, в которых утвердились фашистские либо военно-монархические диктатуры.

В 20-е годы американские монополии сумели весьма широко внедриться в экономику ряда европейских капиталистических стран. Прикрываясь изоляционистскими лозунгами, правящие круги США активно проводили экономическую экспансию. Сенатор X. Джонсон, характеризуя внешнюю политику правительства Кулиджа, подчеркнул: «Вообще ни в деловых связях, ни в финансовом, ни в социальном, ни в коммерческом отношениях мы не являемся изолированными от Европы» [20].

В эти же годы большое значение в Вашингтоне придавалось строительству военно-морского флота, призванного обеспечить США господство на море. В конце 1924 г. конгресс США принял решение построить до 1 июля 1927 г. восемь крейсеров, вооруженных 8-дюймовыми орудиями (водоизмещением по 10 тыс. т) [21]. Стремительно рос и торговый флот. В ежегодном послании конгрессу в декабре 1926 г. Кулидж сообщил, что США держат в стране, на море и за рубежом постоянную и резервную армию примерно в 610 тыс. человек, на содержание и вооружение которых в 1926 г. ассигновано 680 млн. долл. Для того времени эти цифры были значительны. «Мы,— заявил президент,— достаточно сильны, так что никто не может обвинить нас в том, что мы слабы, если мы не сразу разгневаемся» [22].

В конце декабря 1926 г. США подготовили билль о строительстве 10 крейсеров. В упомянутом послании конгрессу Кулидж выразил готовность распространить вашингтонскую формулу 5 : 5 : 3 (Великобритания, США и Япония) на строительство других типов кораблей. В августе 1927 г. в Женеве состоялась конференция представителей США, Великобритании и Японии по военно-морским вопросам. В конгрессе США и на страницах прессы обсуждался вопрос об усилении флота. «Я за военную готовность,— говорил президент Кулидж в 1927 г.— Это тот самый вопрос, которому я всегда уделял особое внимание в своих посланиях по вопросу бюджетных ассигнований» [23].

На конференции в Женеве британская концепция «абсолютных потребностей» во флоте натолкнулась на американское требование «полной свободы вооружения кораблей» [24]. К соглашению прийти не удалось, и конференция провалилась [25].

---

[19] *Cortada J. W.* Two Nations over Time Spain and the United States, 1776—1977. Westport (Conn.); London, 1978, p. 175.

[20] Congressional Record, vol. 65, pt 4, p. 3147.

[21] *Ellis L. E.* Republican Foreign Policy, 1921—1933. New Brunswick (N. J.), 1968, p. 140.

[22] Congressional Record, vol. 68, pt 1, p. 34.

[23] Ibid., pt 3, p. 3056.

[24] *Ellis L. E.* Republican Foreign Policy, p. 144—149.

[25] Подробнее см.: *Солонцов З. М.* Дипломатическая борьба США за господство на море и противоречия империалистических держав (1918—1945 гг.). М., 1962,

В январе 1928 г. морской министр К. Уилбур, выступая в защиту внесенного в конгресс очередного законопроекта об ассигновании 725 млн. долл. на постройку в течение пяти лет 25 крупных крейсеров, пяти авианосцев, девяти миноносцев и 32 подводных лодок, заявил, что его министерство не намерено считаться с морскими программами других держав. В качестве аргумента он сослался на необходимость «защиты торговли»: «Наши купцы и фабриканты должны иметь возможность удерживать иностранные рынки, на которых мы утвердились, а по мере того как в Европе восстанавливается нормальное положение, мы должны искать и новые рынки для нашей продукции. Демонстрация флага значительно стимулирует борьбу наших предпринимателей за новые рынки сбыта, а успех этой борьбы во многом зависит от престижа, который создают государству крейсера» [26].

Характерно, что военный министр Д. Дэвис запросил президента Кулиджа предоставить дополнительно свыше полумиллиарда долларов на улучшение снабжения амуницией армии [27]. Аналогичные приготовления шли по линии ВВС и химического оружия.

Конгресс США отказался ратифицировать принятый 17 июня 1925 г. в Женеве протокол, подписанный представителями США и многими другими странами о запрещении применения отравляющих веществ и бактериологического оружия в ходе войны. Некоторые сенаторы заявляли, что «неразумно отказываться» от применения этого оружия в войнах [28].

Стремясь к установлению господства на море, администрация Кулиджа уверяла общественность, что ее внешняя политика была направлена на обеспечение всеобщего мира. Утверждалось, что США будто бы не ищут для себя особых привилегий, а лишь настаивают на «равных возможностях» для всех стран. Отказ вступить в члены Лиги наций объяснялся тем, что США не желали якобы быть вовлеченными в европейские распри, стремясь сохранить свободу рук и возможность влиять на развитие событий в мире.

Для этого американская дипломатия удачно использовала демарш Франции. В ответ на обращение, сделанное 6 апреля 1927 г. министром иностранных дел Франции А. Брианом, оформить между Францией и США двустороннее соглашение о запрещении войны Келлог предложил заключить многосторонний договор, пригласить все крупные государства подписать декларацию. Келлог решил использовать инициативу Франции в интересах США — обеспечить за США роль международного арбитра и нанести удар по Лиге наций, по политике ее ведущих государств, ослабить впечатление от советских предложений о всеобщем разоружении. Не случайно поэтому в марте 1927 г. на Женевской конференции советский проект о разоружении был отвергнут делегациями США, Великобритании, Франции и других стран.

23 июня 1928 г. правительство США разослало текст договора об отказе от войны Германии, Англии, Италии, Польше, Франции, Чехословакии, Бельгии, Японии и другим государствам. В течение ряда месяцев

с. 54—127; *Иванов Л., Смирнов П.* Англо-американское морское соперничество. М., 1933.

[26] Цит. по: Правда, 1928, 13 янв.

[27] Там же.

[28] Eighth Annual National Convention of American Legion. Philadelphia, 1926, p. 25.

в парламентах и прессе многих стран шли дебаты по данному вопросу. Очевидным было стремление отстранить СССР от переговоров по этому вопросу, что вскрывало истинные планы правящих кругов США, стремившихся изолировать СССР на международной арене. Народный комиссариат иностранных дел СССР своевременно реагировал на эти замыслы, вынудив правительства США, Франции и Великобритании заявить, что СССР будет приглашен подписать этот пакт.

27 августа 1928 г. в Париже представители 15 государств подписали договор об отказе от войны как средства национальной политики, получивший название пакта Бриана — Келлога. Другие страны, включая СССР, присоединились к пакту позже. Советский Союз провозгласил свою Декларацию о присоединении к Парижскому пакту 6 сентября 1928 г.[29] Пакт содержал важные международно-правовые нормы, направленные против агрессивной войны, хотя не предусматривал гарантий для претворения их в жизнь.

2. ЭКСПАНСИЯ В ЛАТИНСКУЮ АМЕРИКУ И КАНАДУ

Экспансионистская политика США была глобальной, простираясь на все континенты. Наряду с военными средствами она развивалась и по линии торговли, экономики, финансов. Политику экспансии в Западном полушарии американский капитал проводил под лозунгами доктрины Монро и панамериканизма. Под ширмой «партнерства» скрывалось настойчивое стремление монополистического капитала США, располагавшего экономической, финансовой и военной мощью, диктовать свою волю суверенным государствам Латинской Америки.

Американский капитал при содействии и поддержке правительства стремился обеспечить себе в Латинской Америке и Канаде доминирующее положение, вытеснить конкурентов и соперников. Так, в 1913 г. в Центральной и Южной Америке капиталовложения США составили 1242 млн. долл., Великобритании — 4984 млн. долл., а к 1929 г. это соотношение изменилось: 5587 млн. долл. и 5891 млн.[30]

До первой мировой войны американский капитал шел главным образом в Мексику и на Кубу в форме прямых вложений в отрасли, которые принадлежали или контролировались американцами. В 20-е годы капитал США стал активно проникать и в другие страны Центральной и Южной Америки. Прямые капиталовложения и вложения в виде ценных бумаг в Латинскую Америку составляли треть всех американских вложений за границей, примерно 5—5,5 млрд. долл. Проценты со стран Латинской Америки американские банкиры брали более высокие (7—8), чем со стран Европы и Канады (5), мотивируя это политической нестабильностью в этом районе[31], а на самом деле — пользовались его отсталостью и зависимостью.

Основные американские инвестиции направлялись в добывающую промышленность и сельское хозяйство, работающие на экспорт. Наиболее

---

[29] Документы внешней политики СССР: Т. 1—. М., 1957—, т. 11, с. 503—506. (Далее: ДВП СССР).

[30] *Слёзкин Л. Ю.* Политика США в Южной Америке (1929—1933). М., 1956, с. 22.

[31] *Wilson J. H.* American Business and Foreign Policy, 1920—1933. Lexington, 1971, p. 167—168.

значительные капиталы вкладывались в нефтяную промышленность.

В 1929 г. прямые инвестиции США в Латинской Америке распределялись следующим образом: сельское хозяйство — 817 млн. долл., нефтяная промышленность — 617 млн., горнорудное производство — 732 млн., а всего в отрасли, производившие сырье, было вложено около 2,2 млрд. долл. В предприятия коммунального пользования и транспорт капитала было вложено в 2,5 раза меньше [32]. США были заинтересованы в получении высоких прибылей, а отнюдь не в создании благоприятных условий для гармоничного развития экономики слабых, развивающихся стран. Из общей суммы зарубежных капиталовложений США в 1926 г., составлявшей 9,5 млрд. долл., на долю Латинской Америки приходилось 44%, на Канаду — 27, а всего на Западное полушарие — 71%, что в 2 раза превышало капиталовложения в страны Европы и в 5,5 раза — в Азию и Океанию [33].

Наибольшие суммы прямых инвестиций приходились на Аргентину, Чили, Бразилию, Мексику, Кубу. К 1929 г. в Чили они составили 423 млн. долл., из них в горнорудную промышленность — 332 млн. долл., главным образом в производство меди. В Аргентине к тому же году они достигли 332 млн. долл., из них в мясную промышленность было вложено 82 млн. В Бразилии прямые инвестиции из США шли прежде всего в нефтедобычу и ее переработку — 194 млн. долл., в коммунальное хозяйство и транспорт — 97 млн. долл. Но самые крупные прямые капиталовложения приходились на Кубу и Мексику. К 1929 г. общая сумма этих инвестиций США в экономику Кубы составила 919 млн. долл., из которой на сельское хозяйство, главным образом производство сахара, приходилось 575 млн. долл., на коммунальное хозяйство и транспорт — 215 млн. В Мексике американские прямые инвестиции достигли 683 млн. долл., из них 230 млн. было вложено в горное дело, 206 млн.— в нефтедобычу, 164 млн. долл.— в коммунальное хозяйство [34].

Страны, получавшие американские займы и кредиты, отнюдь не становились экономически богаче. Средства шли большей частью в непроизводственную сферу, на покупку американских промышленных товаров, а главное — по займам нужно было выплачивать значительные проценты — нередко от 10 до 30. Кредитор старался держать своего должника на положении экономического вассала, вмешиваясь в его внутренние дела. Ставленники США в странах Латинской Америки, как правило, были не слишком чисты на руку и подкупались кредитором.

США отводили внешней торговле видное место в своей экспансионистской политике в странах Латинской Америки. Торговля эта велась на неравноправной основе. США, располагая огромной экономической мощью и развитой промышленностью, навязывали слаборазвитым странам кабальные договоры. США экспортировали в Латинскую Америку по высоким ценам автомобили, самолеты, транспортное и нефтяное оборудование, радиоприемники, телефонное оборудование и другие промышленные изделия, как правило, в счет предоставляемых займов и кредитов, а также в обмен на импортируемые сырьевые продукты (нефть, медь, свинец, сахар, кофе, хлопок, кожевенное сырье, фрукты и т. п., которые приобретались по низким ценам). Тарифная система США в полной мере от-

[32] *Янчук И. И.* Политика США в Латинской Америке, 1918—1928. М., 1982, с. 16.
[33] Congressional Record, vol. 68, pt 2, p. 1878, 2204.
[34] *Янчук И. И.* Указ. соч., с. 17—18.

вечала корыстным интересам американского капитала, закрепляя кабальное положение латиноамериканских партнеров.

Немалую роль в расширении внешнеторговой экспансии в период «просперити» играло министерство торговли США во главе с Г. Гувером, а также Торговая палата и Национальная ассоциация промышленников. «Развитие экспансии,— говорил Г. Гувер,— является важнейшей составной частью нашего внутреннего прогресса как в социальной, так и в экономической области» [35]. Президент Кулидж, который также очень много говорил о «справедливости», на деле выступал как активный экспансионист-империалист — верный слуга Уолл-стрит. Основная цель — помощь реакционным режимам в деле подавления революционного движения, направленного против внутренних и внешних эксплуататоров, утверждение в этих странах контроля над экономикой и политикой, обеспечение высоких прибылей для американского крупного капитала.

В информационной записке государственного секретаря Ф. Келлога от 5 марта 1929 г., адресованной новому президенту США Г. Гуверу, говорилось, что США уже в 1923 г. избрали своим генеральным курсом во всех странах Центральной и Южной Америки отказ от признания революционных правительств, фактическое противоборство с освободительным движением [36].

США прилагали все усилия к тому, чтобы удушить революцию в Никарагуа и других странах Западного полушария. Позиция правительства Кулиджа в отношении Никарагуа весьма показательна с точки зрения американской политики в странах Латинской Америки.

Американские войска высадились в Манагуа еще в 1912 г. Затем заняли ряд других городов, подавляя очаги народного сопротивления, и оставались в Никарагуа в течение 12 лет. США замышляли проложить новый межокеанский канал через территорию Никарагуа, создать здесь ряд военно-морских баз, превратить Никарагуа в важный стратегический пункт своей агрессивной политики.

Пребывание морской пехоты США в Никарагуа вызывало бурный рост антиамериканских настроений. В 1924 г. к власти в Никарагуа пришел ставленник США и была создана «национальная гвардия» — полицейские силы, угодные Вашингтону. Президентом Никарагуа стал Манагуа Карлос Солорсано. Однако на пост вице-президента был избран лидер либералов Хуан Сакаса, чья кандидатура не устраивала ни американцев, ни никарагуанскую реакцию. Созданное после выборов коалиционное правительство просуществовало недолго. Либералы были изгнаны из правительства. Тогда-то — 1 августа 1925 г.— Вашингтон и решил вывести свои войска из Никарагуа.

Народ Никарагуа в своей подавляющей массе был против навязанного ему правителя. После ухода американской пехоты борьба против правительства Солорсано и американских грабителей активизировалась. В начале 1926 г. Солорсано вынужден был уйти в «бессрочный отпуск по болезни». Не смог «навести порядок в стране» и исполняющий обязанности главы государства Э. Чаморро. В поисках «сильной личности» никарагуанская реакция и Вашингтон сделали ставку на Адольфо Диаса,

---

35 *Hoover H.* The Future of our Foreign Trade. Wash., 1926, p. 3.

36 Frank B. Kellogg, The Secretary of State, March 5, 1929 to Mr. President H. Hoover.— Herbert Hoover Presidential Library, Presidential Papers — State Dept.— Latin Am. Affairs, Box E/37.

бывшего служащего местной американской компании, который 11 ноября 1926 г. был «избран» президентом Никарагуа и сразу же признан правительством Кулиджа. Никарагуанский народ под руководством либералов ответил на эти махинации восстанием.

1 декабря 1926 г. бывший вице-президент Хуан Сакаса высадился с вооруженным отрядом в Пуэрто-Кабесасе (на северо-востоке страны) и провозгласил себя президентом Никарагуа. Этот отряд успешно вел бои с колоннами армии Диаса, нанес им серьезный урон. В боях против войск Диаса отличился вооруженный отряд Аугусто Сесара Сандино, сформированный в основном из рабочих-шахтеров. Президент Диас обратился к США с просьбой взять под свое «военное покровительство» его правительство.

23 декабря 1926 г. по приказу президента США Кулиджа американская морская пехота высадилась на территории Никарагуа в Рио-Гранде и Пуэрто-Кабесасе в целях разоружения армии Сакасы. Под угрозой американских пушек Сакаса дал команду своим отрядам сложить оружие. Против восставших в Никарагуа США мобилизовали шесть крейсеров, девять эсминцев, минный тральщик, переоборудованное транспортное судно, 565 солдат морской пехоты, 215 морских офицеров и 3900 матросов военно-морского флота. Оба побережья Никарагуа были блокированы, и в Манагуа направлен контингент морской пехоты, чтобы поддержать Диаса [37].

Для оправдания своих агрессивных действий правительство Кулиджа прибегло к опубликованию фальшивки «Большевистские дела и политика в Мексике и Латинской Америке», стремясь убедить американскую и мировую общественность, что в районе между США и Панамским каналом «возник призрак большевистской гегемонии, взращиваемой Мексикой» [38]. Генеральный секретарь Рабочей (коммунистической) партии США Ч. Рутенберг разоблачил интервенционистскую линию Кулиджа как политику уолл-стритовского империализма, направленную на защиту инвестиций и прибылей американских капиталистов [39]. Фальшивка, сфабрикованная госдепартаментом, была настолько несостоятельна, что даже в конгрессе США ее расценили как низкопробную пропаганду [40].

Американская интервенция в Никарагуа вызвала волну возмущения во всем мире. Газета «Бостон дейли глоб» писала: «В прессе всего мира поднялась волна осуждения, вызванная нашими действиями в Никарагуа. Другая волна критики вздымается в нашем конгрессе. За короткий пятинедельный период шаги госдепартамента в никарагуанском деле серьезно подорвали результаты усилий последних 20 лет, направленных на улучшение отношений с нашими южными соседями. Печать Бразилии, Аргентины, Чили, Перу, Сальвадора, Уругвая, Коста-Рики, Боливии и Эквадора наполнена комментариями, выражающими горечь, сарказм и подозрительность... В то время, когда имеют место эти отклики, наша страна пригвождается в Европе к позорному столбу от Балтики до Гибралтара...» [41].

В конгрессе США было немало сенаторов и конгрессменов, которые

---

[37] Congressional Record, vol. 68, pt 2, p. 1471.
[38] Ibid., pt 1, p. 1160.
[39] Daily Worker, 1927, Jan. 12.
[40] Congressional Record, vol. 68, pt 2, p. 1651.
[41] Ibid., p. 1470—1471.

выступали против вооруженной интервенции США. Член палаты представителей США от штата Миссури Лозье 18 января 1927 г. заявил в конгрессе, что президент открыто встал «на защиту американских нефтяных компаний в Мексике, а также горнорудных и земельных компаний в Никарагуа» [42].

Для успокоения общественности Кулидж направил в Никарагуа полковника Г. Стимсона, который должен был убедить сторонников Сакасы отказаться от борьбы против правительства Диаса. В обмен были обещаны «справедливые» президентские выборы под надзором американских морских пехотинцев. Стимсон предложил Диасу включить представителей оппозиции в свой кабинет. Посланцу Кулиджа удалось склонить командующего повстанческой армией Хосе Монкаду — одного из руководителей оппозиции — на соглашение с Диасом и разоружиться. Однако убедить руководителя народного движения Аугусто Сесаро Сандино отказаться от борьбы с правительством Диаса ему не удалось. Сандино не пожелал быть в составе правительства вместе с тираном Диасом. Он ушел со своим отрядом на север, в горы, где основал партизанскую базу для борьбы против американских интервентов.

Несмотря на капитуляцию войск либералов под командованием Монкады, национально-освободительное движение в Никарагуа продолжалось. Теперь эту борьбу возглавил генерал из народа — Сандино, и она длилась семь лет под девизом «Родина и свобода». Вашингтон делал все возможное, чтобы подавить антиамериканское движение. За эти годы Пентагон высадил в Никарагуа более 50 тыс. своих солдат. Одновременно на никарагуанской земле находилось и до 7 тыс. оккупантов [43]. В 1928 г. в Никарагуа проходили новые «выборы». И на этот раз они прошли под давлением американских оккупантов. Пост президента страны занял Монкада.

Поднятая правительством Кулиджа пропагандистская истерия, высадка войск США в Никарагуа, концентрация американских войск на границе с Мексикой обеспокоили общественность США. Кулидж не посмел начать вооруженную войну против Мексики, но США продолжали оказывать на нее давление, пока правительство Мексики не согласилось удовлетворить домогательства американских корпораций.

Правительство Кулиджа все время выискивало поводы, чтобы начать вооруженную интервенцию против Мексики. 12 января Вашингтон сообщил, что на границе США с Мексикой сконцентрированы американские войска в 15 тыс. человек [44]. В августе и сентябре 1927 г. Келлог дважды совещался с представителями нефтяных компаний, обсуждая ситуацию, сложившуюся в связи с отказом Мексики разрешить монополиям США бурить нефтяные скважины. Компании пытались представить этот отказ как «национализацию» их собственности и требовали от правительства решительных действий. Из Мексики был отозван посол США Дж. Шефилд. На его место в октябре 1927 г. был назначен бизнесмен Д. Морроу, которому было предложено придерживаться более умеренной политики по отношению к Мексике. Президент Мексики П. Кальес, не решившийся опереться на поддержку народных масс в обстановке внешней угрозы со стороны США, пошел на уступку американцам.

[42] Ibid., p. 1883.
[43] Идейное наследие Сандино: (Сб. документов и материалов). М., 1982, с. 18.
[44] Daily Worker, 1927, Jan. 14.

Спор о нефтяных землях был решен на компромиссной основе, но с большей выгодой для США.

В закон 1925 г. о нефти, некоторые статьи которого затрагивали интересы американских монополий, были внесены поправки, принятые мексиканским конгрессом 27 декабря 1927 г. и скрепленные подписью президента Мексики Кальесом 3 января 1928 г. За монополиями США практически сохранялись все права на эксплуатацию нефтяных районов, которыми они пользовались до 1 мая 1917 г., т. е. до победы революции в Мексике. Правительство Мексики приняло более реакционный курс во внутренних делах, началось преследование профсоюзов, Коммунистической партии, замедлилось проведение в жизнь конституции 1917 г., аграрной реформы. Из США в Мексику пошли новые инвестиции, вооружение. Американские нефтяные компании и банкиры были удовлетворены решением конфликта. Политика «большой дубинки» сработала.

Интервенционистскую политику Вашингтон проводил в 20-е годы и в отношении стран Карибского бассейна. Под предлогом выполнения договора пяти стран «о мире и дружбе» (1923 г.) американская морская пехота в 1924 г. наводила «порядок» в Гондурасе. Под ее контролем были проведены президентские выборы. И в Доминиканской республике оккупационные войска США выполняли полицейские функции во время выборов в государственные органы власти в 1924 г. С 1915 г. продолжалась оккупация Гаити. США взяли под свое управление страну. Войска безжалостно подавляли партизанское движение на Гаити под предлогом наведения «порядка». В 1922 г. с помощью госдепартамента США и американских монополий на пост президента Гаити был поставлен Л. Борно. После этого США предоставили Гаити заем в 23,65 млн. долл. Взамен американским монополистам и банкирам было разрешено скупать земли, предоставлялись концессии на возделывание сельскохозяйственных культур на огромных площадях и на очень большие сроки. Экономика и политическая власть на Гаити находились под контролем Вашингтона.

Весьма примечательное заявление сделал 25 января 1927 г. в конгрессе США сенатор С. Кинг о политике США в отношении Гаити: «Наша морская пехота находится сейчас на земле Гаити, а американский генерал Рассел фактически является диктатором Гаити и ее народа. Он — истинная власть. У него за спиной маячит тень Борно — подставного президента Гаити... Соединенные Штаты управляют Гаити с помощью штыка, а гаитянский народ подчинен нашему военному правлению. Мы навязали ему конституцию, которая позволяет иностранцам приобретать землю, и уже тысячи акров гаитянской земли перешли под контроль американских корпораций» [45].

Войска США не покидали и зону Панамского канала. В соответствии с договорами между США и Панамской республикой от 18 ноября 1903 г., 12 сентября 1914 г., 18 ноября 1923 г. и 28 июля 1926 г. США подтвердили свои «права» в зоне Панамского канала, нередко грубо вмешиваясь во внутренние дела республики, вплоть до применения вооруженных сил.

Правительство Кулиджа держало Пуэрто-Рико под военным сапогом.

---

[45] Congressional Record, vol. 68, pt 2, p. 2230—2231.

своего губернатора, попирая права пуэрториканцев на независимость и самостоятельность.

Непримирима и жестока была политика США в отношении Кубы. «Классическим примером сочетания интервенционистских методов с „превентивной" дипломатией в целях содействия экономическим интересам монополий США стала Куба. Отсюда американские войска были выведены в 1922 г., после того как наместник Вашингтона генерал Э. Краудер взял бразды правления в свои руки и обеспечил „оздоровление" экономики в интересах американского бизнеса. Кубинизация всего Карибского района являлась целью политики США в рассматриваемый период» [46].

В отношении Колумбии госдепартамент США проводил «нефтяную дипломатию», помогая корпорации «Стандард ойл» и другим компаниям выкачивать из недр страны десятки миллионов баррелей нефти и получать колоссальные прибыли. Повышенный интерес американский империализм проявлял и к Аргентине, одному из объектов инвестиций США. Здесь из-за рынка сбыта сталкивались интересы американского и английского капитала. Госдепартамент неоднократно вмешивался во внутренние дела Аргентины.

Таким образом, на протяжении всех семи лет, с 1923 по 1929 г. включительно, американская политика в Латинской Америке была во всех ее аспектах экспансионистской, нередко с использованием вооруженных интервенционистских сил США.

Правительство Кулиджа пыталось быть опекуном не только американского монополистического капитала в странах Карибского бассейна, всех стран Латинской Америки, но и вооруженным стражем реакционных режимов, жестоко подавляя оружием, блокадой, голодом выступления народных масс.

Более сдержанную, чем в странах Латинской Америки, экспансионистскую политику проводил американский империализм в отношении Канады. Обмен дипломатическими миссиями между США и Канадой произошел в 1927 г. Основная стратегическая цель правителей США в отношении Канады в рассматриваемые годы состояла в том, чтобы как можно сильнее привязать экономику Канады к экономике США. Премьер-министр Канады М. Кинг на имперской конференции 1926 г. вынужден был признать факт усиления американского влияния в Канаде [47]. Экспорт США в Канаду в 1929 г. составил 868 млн. долл., или 68,6% общего канадского импорта, а импорт США из Канады доходил до 500 млн. долл., что составляло 36% всего канадского экспорта. Таким образом, эта торговля для США была выгодной, с активным балансом. Общая сумма американских капиталовложений в Канаду на 1 января 1928 г. превысила 3069 млн. долл. Канадские же капиталовложения в экономику США на 1 января 1930 г. составляли более 1 млрд. долл.[48]

Американский капитал оказывал сильное влияние на установление в Канаде не только экономического, но и других видов контроля. Между США и Англией были серьезные противоречия из-за Канады — британского доминиона. Американцы теснили английский капитал. В 1928 г.

[46] *Янчук И. И.* Указ. соч., с. 323.
[47] Канада, 1918—1945: Исторический очерк. М., 1976, с. 182.
[48] Herbert Hoover Presidential Library, Presidential Papers — State Dept.— Visa Division, Box E/38, Canada, p. 1, 2.

доля Великобритании в общем канадском импорте уменьшилась до 15% [49]. Через Канаду американские товары проникали в другие страны Британской империи. К 1928 г. в Канаде открыто функционировали свыше 700 отделений крупных американских промышленных концернов. Кроме того, многие канадские предприятия контролировались США, которые к тому времени уже овладели третью фабричной и горной промышленности Канады [50].

3. ПРОБЛЕМЫ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

Правительство США и деловые круги активизировали свою дипломатическую, финансово-торговую деятельность на Дальнем Востоке, особенно в Китае. В этом районе, где сталкивались интересы США, Великобритании и Японии, американские экономические позиции начали заметно укрепляться, хотя еще уступали давно укоренившемуся там влиянию Англии и Японии. Вашингтонская конференция (ноябрь 1921 г. — февраль 1922 г.) и договор девяти держав создали благоприятные возможности для более интенсивного проникновения американского капитала в Китай и расширения торговли с ним. По отношению к Китаю США применяли принцип «открытых дверей», рассчитывая при этом основательно потеснить на китайском рынке и в экономических связях с Китаем и Англию, и Японию.

Американская дипломатия пыталась направить накопившийся гнев китайского народа против Англии и Японии. По мере расширения революционных событий в Китае верхи США начинали понимать, что если великие державы не удовлетворят требований Китая об отмене неравноправных договоров, то последний сам сделает это односторонним актом. Дипломатия США выступала за объединение Китая, но при условии, что раздробленный Китай будет сплачиваться вокруг определенного центра — приемлемого для Вашингтона правительства.

Несмотря на англо-американскую военную помощь, оказанную чжилийской милитаристской группировке, та потерпела поражение на севере провинции Гуандун от войск Южного правительства, возглавляемого Сунь Ятсеном. Кулидж не замедлил отдать указание о вводе в р. Янцзы 17 военных кораблей и 6 торпедных катеров под предлогом «защиты американских граждан и их интересов» [51]. Позже, в октябре 1924 г., с американских военных судов были высажены отряды моряков как демонстрация против правительства Сунь Ятсена. Так США открыто вмешивались во внутренние дела Китая.

Нарастали народное недовольство и антифеодальная, антиимпериалистическая борьба. 30 мая 1925 г. японские, английские и американские солдаты и полицейские, руководимые американцем Фессенденом, расстреляли на улицах международного сеттльмента в Шанхае мирных китайских демонстрантов, выступивших с протестом против убийства рабочих японскими интервентами в Циндао. Этот расстрел вызвал взрыв негодования китайского народа, поднимавшегося на борьбу против внутренней реакции и иностранных интервентов. 1 июня шанхайцы снова вышли на улицы и опять подверглись массовому обстрелу. Американец

[49] Канада, 1918—1945, с. 113.
[50] *Лан В. И.* США: от первой до второй мировой войны. М., 1976, с. 270.
[51] Известия, 1924, 5 июня.

Лорри, принимавший участие в расправе с демонстрантами, в письме другу рассказывал, что во время расстрела шанхайских рабочих и студентов мостовые были залиты кровью[52]. Государственный секретарь Келлог в телеграмме от 4 июня 1925 г. на имя генерального консула США, одобряя расправу с шанхайцами, требовал принять «все необходимые меры для предотвращения дальнейшего распространения беспорядков»[53].

В ответ на растущее революционно-освободительное движение империалистические державы сформировали и вооружили войска разных китайских милитаристов, так называемую объединенную «Армию умиротворения государства» («Аньгоцзюнь») под командованием Чжан Цзолиня. Во второй половине 1926 г. в китайских водах насчитывалось 97 американских, японских, английских и французских военных судов. В Шанхае и на Филиппинах сосредоточивались американские войска.

В феврале 1927 г. войска китайской Национально-революционной армии (НРА), опираясь на забастовочное движение, повели широкое наступление против войск милитариста Сунь Чуаньфана, прямого англо-американского ставленника, чтобы освободить Шанхай и Нанкин, важнейшие экономические центры Китая. Чан Кайши, тогдашний командующий войсками НРА, испугался размаха революции и круто повернул вправо, пошел на измену, затормозив наступление на Шанхай, и тем самым дал возможность Сунь Чуаньфану вместе с американскими и английскими солдатами подавить выступление нескольких тысяч шанхайских рабочих и революционных моряков.

21 марта 1927 г. шанхайские рабочие в третий раз восстали. Их выступление слилось со всеобщей забастовкой, охватившей около 600 тыс. человек. Город оказался в руках рабочих. На следующий день в Шанхай вступили части Национально-революционной армии под командованием генерала Чан Кайши. 23 марта они заняли Нанкин.

Это был крупный успех китайской революции. Но представители западных государств не замедлили перейти в контрнаступление, объявив международный сеттльмент в Шанхае на чрезвычайном положении. 24 марта морская пехота США, Великобритании и других держав учинила вооруженную расправу над рабочими и населением Нанкина. В результате массированного артиллерийского обстрела с кораблей (поводом послужило убийство нескольких иностранцев в ходе занятия Нанкина частями НРА) были убиты и ранены 7 тыс. человек[54]. Этим актом империалисты хотели помочь китайской реакции подавить революцию, а вместе с тем и продемонстрировать готовность силой оружия защищать свои «интересы». 26 марта Чан Кайши, давно помышлявший об отходе от революции, о сдерживании ее, прибыл в Шанхай и вступил в прямые переговоры с американскими и английскими властями. Он обещал им защиту международного сеттльмента и подавление рабочего движения, реорганизацию местных военных отрядов, которые поддерживались коммунистами. В свою очередь, представители США и Англии обещали помочь ему в подавлении рабочих дружин[55].

Исполком Коминтерна в обращении от 27 марта 1927 г., разоблачая

---

[52] *Dolsen J.* The Awakening of China. Chicago, 1926, p. 241—243.
[53] United States of American Department of State, Papers, 1925, vol. 1, p. 651.
[54] Правда, 1927, 27 марта.
[55] *Сладковский М. И.* Китай и Англия. М., 1980, с. 165.

американо-английскую политику в Китае, писал: «Соединенные Штаты, заигрывавшие с национальным движением, кокетничавшие с китайской революцией, сняли в один миг розовое покрывало и обнаружили свое военное лидерство в деле массового убийства, разгрома и грабежа китайских городов» [56].

Чан Кайши, в сговоре с империалистами и милитаристами и опираясь на их военную поддержку, пошел на контрреволюционный переворот в Шанхае. В первой декаде апреля 1927 г. к Шанхаю был стянут 171 военный корабль (не считая 30 вспомогательных судов), а численность иностранных войск возросла до 20 тыс.

11 апреля 1927 г. революционным властям в Ухане и Шанхае был предъявлен ультиматум Великобритании, США, Японии, Франции и Италии с требованием наказать «виновных» за инцидент в Нанкине, прекратить антииностранные выступления, принести извинения и заплатить компенсацию. Это был сигнал к контрреволюционному перевороту Чан Кайши.

В Шанхае властями держав было арестовано свыше тысячи коммунистов и революционно настроенных рабочих. Все они были переданы в руки чанкайшистов. В городе начался разгром рабочих и революционных организаций. 12 апреля во главе с Чан Кайши был совершен переворот. Одновременно реакционная военщина произвела переворот в провинциях Гуандун, Фуцзянь, Чжэцзян, Аньхой. 18 апреля 1927 г. в Нанкине Чан Кайши сформировал из правых гоминьдановцев (в противовес Национальному революционному правительству во главе с Ван Цзинвэем в Ухане) «национальное правительство». Новое правительство получило незамедлительно солидную поддержку от шанхайских банкиров — заем в 30 млн. долл.[57] Правительство США приветствовало приход к власти Чан Кайши. Уже в июне 1927 г. госдепартамент обсуждал вопрос о возможности установить отношения с правительством Чан Кайши на основе де-факто [58].

Правительство США попыталось переложить всю ответственность за свои кровавые преступления в Китае на китайских коммунистов, которые якобы спровоцировали американцев и англичан прибегнуть к оружию [59]. Подобные доводы не выдерживают критики. Конгрессмен Рэнкин, выступая в палате представителей, не без иронии заметил: «Нашим последним вкладом в нынешние беспорядки в Китае явилось принятие этим или прошлым конгрессом акта о торговле с Китаем, в соответствии с которым мы установили флаг Соединенных Штатов в центре Китая с тем, чтобы определенные компании Соединенных Штатов могли отправиться туда и беспрепятственно эксплуатировать народ...» [60].

Революционно-демократический центр в Ухане не располагал достаточными вооруженными силами, кроме того, в нем самом не было единства. Войска США, Англии и китайской реакции блокировали Ухань. В июле 1927 г. уханьские гоминьдановцы пошли на разрыв с Коммуни-

[56] Правда, 1927, 27 марта; Международные отношения на Дальнем Востоке, 1849—1949. М., 1956, с. 405.

[57] *Young A. N.* China's Nation-Building Effort, 1927—1937. The Financial and Economic Record. Stanford, 1971, p. 11.

[58] *Ellis L. E.* Frank B. Kellogg and American Foreign Relations, 1925—1929. New Brunswick (N. J.), 1961, p. 146.

[59] *Young A. N.* Op. cit., p. 10.

[60] Congressional Record, vol. 68, pt 2, p. 2325.

стической партией Китая и стали на сторону Чан Кайши. Китайская революция 1925—1927 гг., таким образом, потерпела поражение. В этом акте немалую роль сыграл американо-английский империализм [61].

Администрация США со второй половины 1927 г. повела активную деятельность в целях сближения с правительством Чан Кайши. Американцы признали его и в 1928 г. заключили договор о тарифе. Для американского капитала открывалась возможность расширить свою экспансию в Китай.

Под флагом доктрины «открытых дверей» США, полагаясь на свою экономическую мощь, стремились вытеснить Англию и Японию из Китая и привязать Китай в качестве сырьевого придатка и крупного рынка сбыта к экономике США. Американо-английские представители в Китае побуждали китайскую реакцию на антисоветские провокации: полицейский налет гоминьдановцев в конце 1927 г. на советское консульство в Шанхае, запрет китайским коммерсантам поддерживать контакты с торговым представительством СССР, нападение в мае 1929 г. на советское консульство в Харбине, захват в июле 1929 г. КВЖД и организация столкновений на советско-китайской границе.

Американо-японские отношения после Вашингтонской конференции были довольно сложными. Япония не смирилась с решениями Вашингтонской конференции, которые лишали ее ряда преимуществ в Китае и на море. Принятие 16 апреля 1924 г. конгрессом США закона о запрещении иммиграции из Японии и возобновление в США кампании о «желтой опасности» вызвали в Японии бурю протеста. Японцы были возмущены тем, что этот закон определял их как лиц, «не подходящих для гражданства» США. Антияпонская кампания в США ухудшала отношения с Токио.

Однако Япония, пострадавшая в результате землетрясения 1923 г. и ослабленная экономическим кризисом 1927 г., крайне нуждалась в американских займах и поэтому старалась воздерживаться от серьезного обострения отношений с США. Японская экспансия на Азиатском континенте, естественно, затрагивала интересы американского империализма. Монополии же США в погоне за сверхприбылями активно осуществляли свою экспансию в Японию. «Бетлехэм стил», «Гугенгейм бразерс», «Джон П. Морган», «Стандард ойл», «Дженерал моторз», «Бел телефон» и другие корпорации ввозили в Японию и крупные капиталы, и большое количество товаров. Под видом филантропии фонды Рокфеллера, Карнеги и другие насаждали в Японии «американский стиль». Эта филантропия магнатов капитала была «тесно связана с правительственными целями: сбытом сельскохозяйственных излишков, цементированием экономических и политических связей и проведением реформ за границей по американскому образцу» [62]. Правительство США поощряло частные займы. Морганы вместе с «Нэшнл сити бэнк» в 1927 г. предоставили Японии крупный заем, который способствовал укреплению занятых позиций Японии в Маньчжурии. Пекинское правительство вынуждено было протестовать против этого недружелюбного акта со стороны США [63].

---

[61] Подробнее см.: *Сладковский М. И.* Указ. соч.; *Тихвинский С. Л.* История Китая и современность. М., 1976, с. 242—243.
[62] *Rosenberg E. S.* Op. cit., p. 118, 120, 147.
[63] *Feis H.* The Diplomacy of the Dollar: First Era, 1919—1932. Baltimore, 1950, p. 37.

На Филиппинах и Гавайских (Сандвичевых) островах США укрепляли свои военно-стратегические базы. Возросла мощь военно-морского флота США на Тихом океане.

Таким образом, империализму США удалось в 20-е годы значительно потеснить конкурентов на Дальнем Востоке — Великобританию и Японию, укрепить и расширить свое влияние, особенно в Китае. Политика «открытых дверей», «дипломатия доллара» и «политика канонерок» — все это было применено и испытано в ходе экспансии США на Дальнем Востоке.

4. ОТНОШЕНИЯ С СССР

На протяжении 20-х годов правительство США проводило политику, препятствующую установлению дипломатических отношений с СССР. Госсекретарь Хьюз в 1923 г. мотивировал подобную позицию ссылками на то, что Советское правительство аннулировало внешние займы и долговые обязательства, экспроприировало иностранную частную собственность и будто бы ведет пропаганду и подрывную деятельность ради «свержения существующих правительств во всем мире»[64]. В ежегодном послании конгрессу президента США Кулиджа от 6 декабря 1923 г. содержались те же доводы в пользу отказа от признания и говорилось, что только пересмотр Советским правительством своей позиции по этим пунктам может создать условия для изменения политики США[65]. 16 декабря 1923 г. Г. В. Чичерин направил телеграмму Кулиджу. В ней выражалась готовность Советского правительства начать переговоры с тем, чтобы на обоюдной равноправной основе разрешить все спорные вопросы, включая и вопрос о денежных претензиях. Однако 18 декабря 1923 г. Хьюз сделал заявление в сенате США. На следующий день оно было передано американским консулом в Таллине советскому полпреду в Эстонии.

По существу это был ультиматум, отвергавший всякие переговоры и требовавший от СССР в одностороннем порядке отказаться от основных принципов своей внутренней и внешней политики[66]. Следовательно, в вопросе о юридическом признании СССР правительство США заняло совершенно непримиримую позицию, существенно отличную даже от линии ряда крупнейших капиталистических государств, вставших в 1924—1925 гг. на путь установления дипломатических отношений с ним. Некоторые надежды на перемену политики правительства США в вопросе о признании СССР возникли после отставки Хьюза с поста государственного секретаря в марте 1925 г. Однако позиция правительства осталась прежней. Вскоре это подтвердили и государственный департамент, и его новый руководитель — госсекретарь Ф. Келлог.

Советское правительство неоднократно заявляло о готовности немедленно приступить к переговорам с представителями США об урегулировании спорных вопросов, зондировало различными способами отношение правящих кругов США к проблеме нормализации связей между двумя

---

[64] Foreign Relations of the United States, Diplomatic Papers, 1923: Vol. 1, 2. Wash., 1938, vol. 2, p. 758—764.
[65] ДВП СССР, т. 6, с. 628—629.
[66] Там же, с. 547—548.

странами и ее условиям[67]. Но США отвергали все советские инициативы в этом направлении.

В декабре 1926 г. Г. В. Чичерин констатировал в телеграмме из Берлина, посланной в НКИД: «Вопрос о возобновлении дипломатических отношений с Америкой стоит безнадежно, не сделано ни шагу вперед»[68]. Через год в беседе с неофициальным представителем СССР в США Б. Е. Сквирским руководитель восточноевропейского отдела госдепартамента Р. Ф. Келли заявил, что «департамент против советско-американской конференции по той причине, что по этому вопросу никакого компромисса быть не может. Американское правительство ждет развития событий в СССР в „благоприятном“ направлении...»[69]. 14 апреля 1928 г. в заявлении госсекретаря Келлога, выдержанном в откровенно антисоветском духе, по существу были повторены те же самые ультимативные требования к СССР в качестве платы за признание, что и в рассмотренном заявлении Хьюза 18 декабря 1923 г. Кроме того, полностью отвергался всякий положительный опыт ряда европейских стран в области развития политических и экономических отношений с Советским государством и проводилась мысль о бесперспективности любых переговоров и даже дискуссий с ним для урегулирования спорных вопросов[70].

Некоторая эволюция политики правительства США отмечалась в сфере экономических отношений с СССР. Поначалу правительство США явно недооценило возможностей Советской власти в деле восстановления и роста народного хозяйства страны, а стало быть, и не видело особых выгод в развитии торгово-промышленных связей с нею. По словам Г. В. Чичерина (январь 1925 г.), главным аргументом Хьюза «в течение долгого времени служило утверждение, что будто бы Советская республика представляет в экономическом отношении пустое место, не может ни ввозить, ни вывозить»[71]. Довольно долго не мог освободиться от своих представлений о хозяйственных возможностях Советской России, сформировавшихся в начале 20-х годов, и Г. Гувер, также повторявший тезис об «экономической пустоте»[72].

«Основой политики госдепартамента в области торговли,— отмечал американский историк Э. Саттон,— было то, что правительство США не должно ни поддерживать частные отношения и деловые связи в области торговли с Советским Союзом, ни вмешиваться в них»[73]. Однако политика «невмешательства» правительства в область торговых отношений американских подданных с Советским государством никогда в чистом виде не проводилась.

Примерно к осени 1925 г., когда восстановление народного хозяйства СССР достигло весьма внушительных успехов, стабилизировалась его финансовая система, возрос внешнеторговый оборот, правящие круги США начали пересмотр своих прежних негативных оценок экономических возможностей Советского государства как партнера в области ком-

---

[67] ДВП СССР, т. 9, с. 120—121, 508, 527—528; Известия, 1926, 27 апр.
[68] ДВП СССР, т. 9, с. 564.
[69] Там же, т. 11, с. 19—20.
[70] Советско-американские отношения, 1919—1933: Сб. документов по международной политике и международному праву. М., 1934, с. 62—64.
[71] ДВП СССР. т. 8. с. 82.
[72] Там же, т. 9, с. 26.
[73] *Sutton A. C.* Western Technology and Soviet Economic Development 1917 to 1930: Stanford (Cal.), 1968, p. 296.

мерческих связей. Этому способствовал и весьма ощутимый реальный сдвиг в торговых отношениях двух государств: в 1924/25 хозяйственном году по сравнению с предыдущим 1923/24 г. торговый оборот между двумя странами, а также импорт СССР из США выросли примерно в 4 раза[74]. США в этом году вышли на первое место во всем импорте Советского Союза[75].

Примечательной с точки зрения свидетельства о переоценке старых взглядов об «экономической пустоте» СССР является запись беседы главы представительства Всероссийского текстильного синдиката (ВТС) в США А. С. Гомбарга с министром торговли Г. Гувером. В письме об этой беседе председателю ВТС от 22 сентября 1925 г. Гомбарг сообщал: «С Гувером у меня старое знакомство. Мы уже не раз беседовали относительно СССР. Первый вопрос, который он мне задал, был: „Ну, как Вы нашли Россию?“. У него, безусловно, нет ни малейшего сомнения относительно экономического возрождения, и хотя он все еще ворчит по поводу коммунистических методов, он признает, что СССР сделал крупный экономический шаг вперед и что СССР является теперь серьезным фактором в мировой экономической конъюнктуре. Об „экономическом вакууме“ он уже больше не говорит... Я ему показывал цифры современной статистики экономического развития. Он ничего не оспаривал, только все ворчал, что „это у них помимо их самих“»[76].

Правительство США стало в общем более благосклонно относиться к инициативе различных американских фирм и обществ, заключавших многочисленные сделки с советскими экономическими ведомствами. Однако политика непризнания по-прежнему отрицательно сказывалась на развитии хозяйственных связей двух государств. Это проявлялось, в частности, в линии госдепартамента по вопросу о кредитовании советских закупок в США.

Официальная позиция непризнания находила уродливое проявление в подходе к предоставлению кредитов советским внешнеторговым организациям, которое реально увеличило бы закупки СССР в США и, следовательно, принесло бы дополнительную прибыль американским бизнесменам. В докладе руководителя восточноевропейского отдела госдепартамента У. Кэстла в июле 1925 г. о позиции США в отношении СССР после обычных доводов в пользу политики непризнания говорилось: «Если бы какие-либо из американских банкирских домов запросили госдепартамент по вопросу о кредите Советскому правительству, ответ был бы, безусловно, отрицательным. Кредит Советскому правительству в действительности противоречил бы общей линии нашей политики»[77]. Свою руку к этому приложило министерство торговли. В письме Б. Е. Сквирского в НКИД от 13 января 1926 г. отмечалось: «Обращаю Ваше внимание на записку... „Иностранные кредиты, предоставленные СССР“. Тенденция этой официальной записки департамента торговли совершенно ясна: предостеречь американские деловые круги против пре-

---

[74] Внешняя торговля СССР: Статистический сб., 1918—1966. М., 1967, с. 8.

[75] СССР за 15 лет: Статистические материалы по народному хозяйству. М., 1932, с. 291.

[76] Центральный государственный архив народного хозяйства СССР, ф. 7770, оп. 3, д. 38, л. 111—112.

[77] Archiv Federalnígo Ministersva zahaničních Veci. Praha, PZ Washington, 1925, N 10, 7.II; N 11, 10.II.

доставления СССР как долгосрочных кредитов, так и больших краткосрочных» [78].

Политика США в области экономических связей с СССР формировалась не только под воздействием тех установок, которыми руководствовались правительственные ведомства, и прежде всего госдепартамент и министерство торговли. Важной была позиция финансовых и торгово-промышленных кругов в этом вопросе. Хотя деловой мир США и не обнаруживал сколько-нибудь заметного единства в своей оценке возможностей советско-американского экономического сотрудничества, несомненно, что по мере восстановления и роста народного хозяйства Советского государства, развития коммерческих связей с его внешнеторговыми организациями он все с большим вниманием и интересом относился к такому сотрудничеству.

В 1925 г. расширились торговые отношения между двумя странами. Американская печать с удовлетворением писала о широких закупках промышленного оборудования, произведенных «Амторгом», организованным в мае 1924 г., о заключении концессионного соглашения с А. Гарриманом на разработку марганцевого месторождения в Советской Грузии, которое рассматривалось как «новое доказательство готовности Советов делать бизнес с капитализмом на строго капиталистических принципах» и как «одна из самых интересных страниц в истории усилий Советского правительства установить связи с иностранным капиталом» [79]. Определенное впечатление на деловой мир произвели и все возрастающие закупки хлопка отделением ВТС. За два года деятельности отделения ВТС в Нью-Йорке оно осуществило импорт хлопка, красителей, текстильных машин и оборудования на 92 млн. долл.[80]

Важным фактором развития торговых отношений этого периода стало увеличение краткосрочного кредита главным образом в целях расширения советского импорта. Этому немало способствовала деятельность таких банковских учреждений, как «Чейз нэшнл бэнк», «Экуитэбл траст компани», и ряда других. Они открыли для «Амторга» и других советских организаций, правда, краткосрочные и под высокие проценты, но довольно значительные по размерам кредиты по импорту. В 1924/25 г. уже около 70% советского импорта из США обеспечивалось краткосрочными банковскими и фирменными кредитами, что свидетельствовало о возросшем доверии деловых кругов страны к Советскому государству [81].

1925 год можно считать переломным с точки зрения изменения позиции деловых кругов США по отношению к Советскому Союзу. «Впечатление определенного поворота в сторону сближения с нами» под влиянием укрепления экономических отношений двух стран — так охарактеризовал свои наблюдения нарком внешней торговли СССР Л. Б. Красин в июле 1925 г. «Отныне у нас есть связи с американцами»,— говорил Г. В. Чичерин в декабре 1925 г., анализируя факты развития хозяйственных связей с представителями торговли и промышленности США. О «перемене фронта части делового мира в отношении СССР»

---

[78] ДВП СССР, т. 9, с. 26—27.
[79] New York Times, 1925, Apr. 18; Financial News, 1925, June 15; World, 1925, July 16.
[80] Известия, 1925, 16 дек.
[81] Известия, 1925, 8 авг.; Statist, 1925, Sept. 5.

в сторону развития дружественных и взаимовыгодных коммерческих контактов с ним докладывал в НКИД Б. Е. Сквирский[82].

В последующее время по мере роста экономических связей между двумя странами наблюдалось заметное стремление делового мира США к нормализации хозяйственных и политических отношений с Советским Союзом, постепенно возрастало его давление на правительство. В этом отношении показательна, например, деятельность влиятельного издания деловых кругов «Джорнал оф коммерс» и его редактора П. Уиллиса, которые высказались за признание СССР для обеспечения этим путем интересов США в области экономических отношений с СССР[83].

В деловые отношения и переговоры с советскими организациями вступали все новые и новые американские фирмы, в том числе такие крупные, как монополистические объединения Рокфеллера, Форда, фирмы «Бетлехэм стил», «Болдуин локомотив», «Дженерал электрик», финансовые учреждения. Поставщиками промышленного оборудования в СССР к концу 20-х годов выступали около 800 американских фирм, а общее число фирм и предприятий, с которыми «Амторг» имел контакты по запросам советских организаций, достигло 2 тыс.[84]

Однако нельзя сказать, что деловой мир США имел единую позицию по вопросу о характере политических и экономических отношений с СССР. Наряду со сторонниками их нормализации значительные и влиятельные круги выступали в поддержку политики правительства или вели двойственную линию. 8 января 1926 г. нью-йоркская Торговая палата единогласно приняла резолюцию против признания Советского правительства «до тех пор, пока Коммунистическая партия сохраняет верховную власть в России»[85]. Реакционные взгляды характеризовали и позицию Торговой палаты США, объединявшей крупных финансистов и промышленников.

Двойственность и колебания политики по отношению к СССР некоторых крупнейших представителей промышленного и финансового капитала США проявлялись даже чисто организационно. Так, будучи убежденным противником советского строя, гигантский нефтяной трест Рокфеллеров тем не менее выступал в «русском вопросе» одновременно как бы в двух лицах. Одна из его компаний — «Стандард ойл К° оф Нью-Джерси» во главе с У. Тиглом, уже в 1920 г. купившая акции фирмы Нобеля, проявляла крайнюю нетерпимость и враждебность во всем, что касалось Советской власти и равноправных деловых отношений с ее представителями. Зато две другие рокфеллеровские компании — «Стандард ойл К° оф Нью-Йорк» и «Вакуум ойл К°» — из чисто коммерческих соображений вступили в постоянные контакты с советскими организациями и стали производить в СССР крупные закупки нефтепродуктов. Глава же треста отнюдь не стремился привести к общему знаменателю действия своих компаний[86].

Центром, вокруг которого группировались представители делового

---

[82] ДВП СССР, т. 8, с. 460, 723; т. 9, с. 26.
[83] Journal of Commerce, 1926, Jan. 6, Mar. 25, Apr. 12, 13.
[84] *Фураев В. К.* О торговых и экономических отношениях между СССР и США в 1924—1929 гг.— В кн.: Проблемы истории международных отношений. Л., 1972, с. 101.
[85] Известия, 1926, 10 янв.
[86] *Фурсенко А. А.* Династия Рокфеллеров. Л., 1970, с. 130—154.

мира США, все более осознававшие реальную выгоду для себя от нормализации экономических и политических отношений с Советским Союзом, была реорганизованная летом 1926 г. Американо-русская торговая палата. Президентом палаты в 1926 г. стал Р. Шлей, вице-президент «Чейз нэшнл бэнк», вице-президентом — А. Уордуелл, совладелец крупной адвокатской фирмы и в прошлом сотрудник американской миссии Красного Креста в России, секретарем — Ч. Г. Смит, который в 1919 г. был членом железнодорожной комиссии союзников в Сибири. 17 директоров палаты представляли финансовые и страховые учреждения, крупнейшие промышленные фирмы США. Членами палаты с советской стороны стали «Амторг» и отделение ВТС.

В конце 1926 г. Американо-русская торговая палата приняла решение направить своего собственного представителя, «чтобы открыть контору в Москве и получать информацию, которая была бы полезна для членов палаты» [87]. В январе 1927 г. с этой целью в Москву приехал секретарь, а затем вице-президент Американо-русской торговой палаты Ч. Г. Смит. Он был принят зам. наркоминдела М. М. Литвиновым, зам. наркомфина М. И. Фрумкиным, ознакомился с работой Госбанка, Главконцесскома, других экономических ведомств и создал постоянное представительство палаты в СССР. Деятельность Американо-русской торговой палаты имела существенное значение и для координации усилий наиболее дальновидной и трезвомыслящей части делового мира США в пользу нормализации политических и экономических отношений с СССР и для расширения торгово-экономических связей между американскими банками, фирмами и советскими хозяйственными организациями. Показательно, что самые крупные финансовые и торговые контракты 1927—1928 гг. с экономическими органами СССР заключили именно члены Американо-русской торговой палаты.

По мере развития связей двух государств в области торговли, концессионного дела, науки и техники, активизации выступлений значительной части деловых кругов за экономическое сближение с СССР правительству США было все труднее доказывать целесообразность и правомерность политики непризнания. Поэтому постепенно менялась аргументация госдепартамента относительно политики правительства США в области экономических отношений с СССР. С 1925 г. была выдвинута концепция «торговля без признания». Суть ее состояла в том, что политика непризнания СССР якобы никоим образом не влияет на развитие хозяйственных связей двух стран.

В официальных заявлениях представители правительства утверждали, что линия США в области экономических отношений двух государств на основе указанной концепции гораздо более «практична» и с деловой точки зрения, чем политика европейских держав. Примером в этом плане может служить заявление госсекретаря Келлога 14 апреля 1928 г. о политике США в отношении Советской России [88].

На самом же деле политика непризнания объективно приводила к искусственному снижению товарооборота между двумя странами, и в том числе американского экспорта в СССР. В различные периоды советско-американских хозяйственных связей 20-х годов эта политика

[87] Известия, 1926, 9 нояб.; *Sutton A. C.* Op. cit., p. 289.
[88] Советско-американские отношения, 1919—1933, с. 63—64.

разбрасывала свои, всякий раз новые «камни преткновения» на их пути. Так, статистика зафиксировала довольно резкое падение американского экспорта в СССР в 1925/26 г. по сравнению с 1924/25 г. (94 млн. руб. против 158 млн. руб.) [89].

Это объяснялось тем, что дальнейшее развитие деятельности советских торговых организаций в США во многом зависело от финансирования банками и фирмами их закупок, от перехода к краткосрочному и долгосрочному кредитованию по импорту. Представители «Амторга» неоднократно отмечали, что краткосрочные кредиты не позволяли увеличить объем советских закупок в США. В 1925—1927 гг. некоторые лицензии, выданные для размещения на американском рынке, приходилось переносить в Германию, где были получены более долгосрочные кредиты.

Со второй половины 1927 г., когда госдепартамент и министерство торговли сняли некоторые ограничения в области кредитования советских закупок и товарооборот возрос, политика непризнания тем не менее продолжала отрицательно сказываться на развитии экономических связей двух государств.

К 1927—1928 гг. рост американо-советских хозяйственных связей, давление деловых кругов на администрацию в пользу создания условий для их расширения побудили правительство США отказаться от ряда ограничений на торгово-экономические отношения с СССР. Прежде всего это проявилось в вопросе о кредитовании американского экспорта в СССР. В октябре 1928 г. «Амторг» заключил договор с фирмой «Дженерал электрик» о предоставлении долгосрочного кредита на пять лет для закупок в США и вывоза в СССР электрооборудования на сумму до 26 млн. долл.

Заключение договора с «Дженерал электрик» способствовало активизации переговоров с другими крупнейшими фирмами — «Форд мотор К°» и «Дженерал моторз». Переговоры с Фордом привели 31 мая 1929 г. к заключению крупного контракта на поставку в СССР автомобилей и запасных частей и оказание фирмой технической помощи в строительстве Горьковского автозавода. В 1927—1928 гг. возрос американский экспорт в Советский Союз. Советский Союз стал крупным импортером некоторых важных изделий машиностроительной промышленности США. В 1928—1929 гг. он ввозил от 10,1 до 23,7% всех экспортируемых США тракторов, от 4,6 до 7,3% — металлообрабатывающих станков, от 7,1 до 9,2% — горнорудного оборудования, от 6,9 до 10,5% — нефтяного оборудования, от 8,9 до 10,1% — экскаваторов, от 1,6 до 2,3% — электрооборудования [90].

Значительного развития достигли и связи двух государств на основе концессионных соглашений и специальных договоров о техническом содействии, заключаемых советскими организациями с американскими фирмами. На 1 октября 1928 г. в СССР действовали девять американских концессий и шесть договоров, которые предусматривали оказание технической помощи фирмами США [91].

---

[89] Подсчитано по: Внешняя торговля СССР: Статистический сб., 1918—1966, с. 8—9.
[90] Советско-американские отношения, 1919—1933, с. 98—99; ДВП СССР, т. 10, с. 333—335; т. 11, с. 556, 745; Внешняя торговля СССР: Статистический сб., 1918—1966, с. 8—9.
[91] *Фураев В. К.* Советско-американские отношения, 1917—1939. М., 1964, с. 152—153.

Таким образом, к исходу 20-х годов показатели развития советско-американских экономических связей по основным формам хозяйственного сотрудничества либо стояли вровень, либо превосходили аналогичные показатели взаимоотношений СССР с Англией и Германией.

Вместе с тем было бы неверно оценивать достигнутый уровень отношений между странами в экономической области как более или менее стабильное состояние, а политику правительства США как устойчивый и поступательный, прокладываемый в одном направлении курс. В письме представителя СССР в США Б. Е. Сквирского в НКИД от 26 октября 1928 г. говорилось, что, несмотря на некоторое улучшение экономических и торговых отношений между СССР и США, все же влиятельные силы в США создают препятствия их нормальному развитию. Это было обусловлено в значительной степени отсутствием дипломатических отношений между двумя государствами.

II

КРИЗИС. «НОВЫЙ КУРС»

Глава седьмая

«ВЕЛИКАЯ ДЕПРЕССИЯ» И ОБОСТРЕНИЕ СОЦИАЛЬНЫХ ПРОТИВОРЕЧИЙ

1. КРИЗИС И ПОЛОЖЕНИЕ ТРУДЯЩИХСЯ

Экономический кризис 1929—1933 гг. был самым глубоким кризисом перепроизводства за всю историю капитализма. Почти четыре года экономика капиталистических стран находилась в состоянии полнейшей дезорганизации. Но особенно сильно кризис поразил главную страну капиталистического мира — Соединенные Штаты Америки.

Первые удары кризиса разразились 24 октября 1929 г., когда в США началась беспримерная биржевая паника. В этот день на нью-йоркской бирже было продано 12,8 млн. акций, т. е. в 1,5 раза больше, чем когда-либо ранее. Через несколько дней, 29 октября, был достигнут новый пик спекулятивного ажиотажа, когда из рук в руки перешли 16,4 млн. акций [1]. Курс ценных бумаг на нью-йоркской бирже стремительно покатился вниз. Если на 1 октября 1929 г. стоимость акций, котировавшихся на Уолл-стрит, достигала 87 млрд. долл., то всего лишь через месяц, к 1 ноября, она упала до 55 млрд., или на 37%. Но это было только началом. Падение курса акций продолжалось почти безостановочно более трех лет. К марту 1933 г. их общая стоимость составила лишь 19 млрд. долл., т. е. сократилась по сравнению с 1929 г. примерно в 4,5 раза [2].

Биржевой крах 1929 г. был лишь одним из первых внешних проявлений глубочайших кризисных процессов, происходивших в экономике капиталистического мира. Уже с лета 1929 г. в США стали сказываться признаки кризиса перепроизводства, который быстро охватил промышленность, сельское хозяйство, финансовую систему и другие отрасли экономики. Он вызвал огромные потрясения во всей хозяйственной жизни страны.

Гигантская разрушительная сила экономического кризиса проявилась прежде всего в резком падении промышленного производства. По

---

[1] *Лан В. И.* США: от первой до второй мировой войны. М., 1976, с. 298—299.
[2] *Hicks J. D.* The American Nation. A History of the United States from 1865 to the Present. Cambridge (Mass.), 1955, p. 519.

сравнению с докризисным уровнем 1929 г. общий объем продукции американской промышленности составил: в 1930 г.—80,7%, в 1931 г.—68,1, а в 1932 г.—всего лишь 53,8% [3]. Период с лета 1932 г. до весны 1933 г. стал временем наибольшего углубления кризиса. И только с весны 1933 г. уровень промышленного производства США стал медленно повышаться, знаменуя собой начало перехода экономики из кризиса в длительную депрессию.

Самое сильное падение выпуска продукции в годы экономического кризиса имело место в отраслях тяжелой промышленности. Это объяснялось тем, что позиции монополий были там особенно прочными и сокращение производства явилось в их руках основным средством, с помощью которого они пытались не допустить чрезмерного падения цен и поддержать на высоком уровне свои прибыли. В результате добыча угля, например, снизилась в США за 1929—1932 гг. с 535 млн. до 310 млн. т, или на 42%, а выплавка стали упала за эти годы с 61,7 млн. до 15,1 млн. т, т. е. более чем в 4 раза [4]. Летом 1932 г. сталелитейная промышленность была отброшена к уровню 1901 г., а выплавка чугуна снизилась даже до отметки 1896 г.[5] Из 285 доменных печей, числившихся тогда в стране, действовали всего 46.

Недогрузка производственного аппарата, принявшая в условиях общего кризиса капитализма хронический характер, достигла в начале 30-х годов огромных размеров. По данным специального обследования, проведенного группой американских экономистов, промышленность США в случае полного использования наличного оборудования и рабочей силы за период кризиса могла дополнительно дать продукции на 287 млрд. долл.[6] Эта сумма почти в 3 раза превышала размеры валового национального продукта США в 1929 г.

Широчайшие размеры приобрели в годы кризиса разорение и банкротства промышленных, торговых и финансовых предприятий и фирм. По официальным данным, в 1929—1933 гг. произошло около 130 тыс. коммерческих банкротств [7]. Кризис с огромной силой ударил и по банковской системе страны. За четыре года, с 1929 по 1932 г., прекратили существование 5760 банков, т. е. пятая часть всех банков США, с общей суммой депозитов более чем в 3,5 млрд. долл.[8]

Невероятно тяжелы были социальные последствия кризиса. Национальный доход страны, составлявший в 1929 г. 86,8 млрд. долл., упал в 1933 г. до 40,3 млрд., т. е. более чем вдвое. Удары кризиса в той или иной степени ощутили даже монополистические объединения. Уже в 1931 г. американские корпорации подвели свой баланс с потерей в 487 млн. долл. В 1932 г. эти потери увеличились до 3511 млн. долл.[9] Это была подлинная катастрофа для бизнеса. Кризис не пощадил даже некоторых крупнейших монополистов. Самым ярким примером финансового банкротства тех лет стал происшедший весной 1932 г. крах муль-

---

[3] *Лященко Е.* История народного хозяйства: Т. 1—3. М., 1952—1956, т. 3, с. 263.
[4] Historical Statistics of the United States. Colonial Times to 1970. Wash., 1975, p. 589, 693.
[5] Мировые экономические кризисы, 1848—1935: В 3-х т. М., 1937—1939, т. 1, с. 90.
[6] «Плановые» маневры в капиталистических странах: Сб. материалов. М., 1936, с. 17.
[7] Historical Statistics of the United States, p. 912.
[8] Ibid., p. 1019, 1038.
[9] Ibid., p. 235, 926.

тимиллионера Сэмюэля Инсулла. Крушение разветвленной системы держательских компаний, созданной Инсуллом в период «просперити», отчетливо показало рыхлость структуры многих корпораций.

Но как ни чувствительны были удары кризиса для буржуазных групп населения, они не шли ни в какое сравнение с теми бедствиями, которые принес экономический кризис рабочему классу и другим слоям трудящегося населения страны. Именно на них капиталисты переложили главную тяжесть катастрофического потрясения.

Сильнейшее падение промышленного производства, закрытие десятков тысяч заводов, фабрик, шахт, огромная недогрузка производственного аппарата — все это привело к колоссальному росту безработицы. Армия безработных, весьма значительная и в период капиталистической стабилизации 20-х годов, возросла теперь во много раз. По данным правительственной статистики, в 1933 г. в Соединенных Штатах насчитывалось 12 830 тыс. полностью безработных, а доля безработных в общей численности рабочей силы страны достигла 24,9% [10].

Однако прогрессивная общественность США справедливо расценивала эти официальные данные как значительно заниженные. Так, по оценке прогрессивной организации американских экономистов — Ассоциации по исследованию проблем труда, число безработных в США к началу 1933 г. составило 16,9 млн.[11] Это означало, что в период наибольшего обострения экономического кризиса каждый третий рабочий был лишен занятости. Очень широкое распространение получила частичная безработица. По данным АФТ, в 1932 г. полностью занятыми остались только 10% рабочих [12]. По выражению одного из современников, в начале 30-х годов «безработица стала постоянной чертой американской жизни» [13].

Массы безработных и членов их семей лишились в годы кризиса всяких средств к жизни. Отсутствие системы социального страхования в США не оставляло никаких надежд на помощь со стороны государства. После долгих месяцев бесплодных поисков работы и истощения всех сбережений, после лишения имущества и выселения за невзнос квартирной платы сотни тысяч трудящихся превращались в нищих и бездомных бродяг, скитавшихся по стране в поисках пропитания. Многие оказывались перед реальной угрозой голодной смерти. Только в Нью-Йорке в 1931 г. было зарегистрировано около 2 тыс. случаев голодной смерти.

Резко ухудшилось и положение тех, кому посчастливилось сохранить работу. Они постоянно испытывали гнетущее чувство неуверенности в завтрашнем дне. С самого начала кризиса, особенно со второй половины 1931 г., во всех отраслях промышленности проходило стремительное падение заработной платы. Даже по данным официальной статистики, среднегодовой заработок рабочего обрабатывающей промышленности сократился в 1933 г. по сравнению с 1929 г. на 30% (с 1543 до 1086 долл.) [14]. За счет систематического снижения ставок и неполной занятости общий фонд заработной платы американских рабочих сокра-

---

[10] Ibid., p. 135.
[11] Labor Fact Book. N. Y., 1934, vol. 2, p. 73.
[12] *Мальков В. Л.* Рабочее движение в США в период мирового экономического кризиса 1929—1933 гг. М., 1961, с. 54.
[13] Nation, 1930, Dec. 10, p. 641.
[14] Historical Statistics of the United States, p. 166.

тился за годы кризиса примерно на 60% [15]. Это означало, что процесс абсолютного обнищания пролетариата, который приостановился было в период относительной капиталистической стабилизации, с наступлением экономического кризиса вновь возобновился и приобрел невиданные ранее размеры. По подсчетам АФТ, реальная заработная плата рабочих снизилась за 1929—1932 гг. в среднем на 35%.

Не лучшим был и удел фермеров. Даже в наиболее благоприятные годы стабилизации широкие массы трудящегося фермерства оставались за бортом «просперити». Теперь же, с наступлением промышленного кризиса и новым, еще более сильным обострением кризиса перепроизводства в сельском хозяйстве, большинство из них оказалось на грани полного разорения. Цены на важнейшие продукты земледелия и животноводства упали в 1932 г. в 2—3 раза по сравнению с 1929 г. Соответственно денежные доходы фермеров сократились за эти годы с 11 312 млн. до 4748 млн. долл., или на 58% [16].

Положение фермеров осложнялось еще и тем, что цены на товары монополизированной промышленности снизились в годы кризиса значительно меньше, чем на продукцию раздробленного сельского хозяйства. Неблагоприятное и ранее соотношение цен на товары, продаваемые и приобретаемые фермерами, достигло неслыханно низкого уровня — с 92% в 1929 г. до 58% в 1932 г. Поэтому покупательный индекс сельскохозяйственных товаров снизился гораздо значительнее, нежели абсолютный уровень сельскохозяйственных цен: летом 1932 г., в период наибольшего углубления аграрного кризиса, она была в 8—10 раз меньше, чем в 1929 г.

В этих условиях для большинства фермеров стала крайне затруднительной регулярная уплата так называемых фиксированных издержек производства: земельной ренты, процентов по задолженности и налогов (в 1932 г. они поглощали до 40% валового фермерского дохода) [17]. Все это привело к повальному разорению фермеров. За четыре года, с марта 1929 г. по март 1933 г., были принудительно распроданы за неуплату долгов и налогов 897 тыс. фермерских хозяйств, т. е. 14,3% их общего числа в стране [18]. Разорившиеся фермеры либо оставались на прежнем месте в качестве арендаторов и переходили к полунатуральному потребительскому хозяйству, либо, бросая хозяйство, вливались вместе с членами семей в огромную армию бродяг, скитавшихся в напрасных поисках работы.

Углубление промышленного и аграрного кризиса с осени 1931 г. привело к наступлению нового этапа финансового кризиса. Наибольшей остроты он достиг в феврале-марте 1933 г., когда вся банковская система США пришла в полное расстройство. По стране прокатилась новая, еще более сильная волна банковских крахов. Миллионы мелких вкладчиков — рабочие, фермеры, представители средних слоев города, положение которых резко ухудшилось с первыми ударами кризиса, теряли свои последние сбережения и превращались в нищих.

Но самые тяжелые удары кризиса обрушились на негров. Негритян-

[15] Labor Fact Book, vol. 2, p. 80.
[16] Historical Statistics of the United States, p. 483, 511, 517.
[17] Labor Fact Book, vol. 2, p. 151.
[18] The Farm Real Estate Situation, 1930—31. Wash., 1931, p. 45; 1931—32. Wash., 1932, p. 37; 1932—33. Wash., 1933, p. 42; 1935—36. Wash., 1936, p. 26.

ские гетто, которые к тому времени уже успели сформироваться в ряде крупных городов, превратились в скопища безработных, в очаги сплошной нищеты. В сельских районах Юга в начале 30-х годов массами сгонялись с земли негритянские кропперы-издольщики. Сотни тысяч негров пополнили многомиллионную армию безработных и бездомных. В стране резко усилился расизм, прошла новая волна физических расправ над черными. Только по официальным данным, за 1929—1933 гг. было подвергнуто линчеванию 69 негров [19], однако многие случаи суда Линча так и остались незафиксированными.

Трагизм положения, в котором оказались десятки миллионов трудящихся, с потрясающей силой передан в таких шедеврах американской литературы 30-х годов, как «Трагическая Америка» Т. Драйзера и «Гроздья гнева» Дж. Стейнбека. Характеризуя впоследствии обстановку в стране в начале 30-х годов, У. З. Фостер писал: «Соединенные Штаты, в прошлом страна хваленого капиталистического процветания, стали страной, где властвовал кошмар голода, болезней, нищеты и пауперизма» [20]. Кризис 1929—1933 гг. потряс до основания не только социально-экономические основы американского капитализма. Он оказал громадное психологическое воздействие на миллионы американцев, вызвав кардинальные изменения в массовом сознании. Он решительно пошатнул культ бизнеса, который был создан за несколько десятилетий господства монополий и который стал чуть ли не символом веры рядового американца в период капиталистического «процветания» 20-х годов. Теперь массовая психология стала возлагать вину за разрушительное экономическое потрясение на тех самых «капитанов индустрии», которых еще недавно принято было обожествлять. Кризис воочию показал полнейшую несостоятельность идей всемогущества частнопредпринимательского индивидуализма и созидательной роли крупного бизнеса.

В период самого сильного обострения экономического кризиса в сознание значительной части американцев стали все чаще закрадываться сомнения в справедливости и разумности самой капиталистической системы. «Капитализм подвергся сейчас испытанию, и он его не выдержал,— говорилось, например, на одном из собраний местных церковных общин в штате Огайо в сентябре 1932 г.— ... Экономическая система, при которой погоня за прибылью ведет к разрушению благосостояния народа, должна быть либо полностью отброшена, либо фундаментально изменена» [21]. Конечно, лишь в немногих случаях разочарованные американцы выражали недовольство существующим строем в столь четкой и ясной форме. Гораздо чаще их антикапиталистические настроения были весьма смутными и неопределенными. Однако то, что характерная для периода «просперити» почти всеобщая убежденность в превосходстве «американского образа жизни» стала сменяться сомнениями, неуверенностью, а иногда и осознанием несправедливости капиталистической системы, показало всю чрезвычайность политической ситуации, сложившейся в стране в начале 30-х годов.

---

[19] Historical Statistics of the United States, p. 422.

[20] *Foster W. Z.* History of the Communist Party of the United States. N. Y., 1952, p. 279.

[21] Charles T. Philip to Philip La Follette, September 22, 1932.— Wisconsin State Historical Society, Manuscript Library, Madison (Wis.), Philip F. La Follette Papers, Box 22, fold. 3.

2. ПОЛИТИКА АДМИНИСТРАЦИИ ГУВЕРА

Кризис 1929—1933 гг. поставил правящие круги США перед острейшими социально-экономическими, политическими и идеологическими проблемами. Полнейшее расстройство экономического механизма страны, колоссальная безработица, массовое разорение фермеров, нищета и страдания миллионов американцев, тревожные для буржуазии симптомы радикальных изменений в их массовом сознании — все это настоятельно требовало мобилизации всех ресурсов капиталистического государства для борьбы с кризисом и его последствиями. Однако чем глубже увязали Соединенные Штаты в трясине экономического кризиса, тем с большей силой сказывалось противоречие между необходимостью проведения срочных мер по огосударствлению во всех сферах жизни общества и цепкостью старой идеологии «твердого индивидуализма», выступающей против вмешательства государства в экономику и социальные отношения.

Острота этого противоречия была связана с тем, что слишком многого монополистическая буржуазия США добилась в предшествующие десятилетия под знаменами индивидуализма, слишком многое дала ей укоренившаяся в стране практика бесконтрольной наживы, чтобы с легкостью отказаться от привычной индивидуалистической философии. Поэтому большинство представителей крупного капитала прочно стояли на прежних позициях, другие же находились в растерянности, были охвачены паникой и вообще не знали, что делать дальше.

Приверженность принципам «твердого индивидуализма» полностью разделяли и ведущие деятели республиканской администрации. Президент Г. Гувер и члены его кабинета в течение всего периода кризиса решительно возражали против использования государства для непосредственного регулирования социально-экономических процессов. Они упорно держались той точки зрения, что экономический механизм США здоров, что магическая сила деловой предприимчивости американского бизнеса сама, без всякого вмешательства извне, возвратит стране былое «процветание», и тогда поспешно введенные «социалистические», т. е. фактически государственно-монополистические, этатистские меры окажутся слишком большой и ненужной платой за страх.

Долгое время Гувер и другие деятели республиканского правительства вообще отрицали даже само наличие сколько-нибудь серьезного экономического кризиса. В официальных заявлениях они месяц за месяцем уверяли американцев, что Соединенные Штаты переживают не кризис, а временную заминку, что испытываемые страной затруднения порождены не внутренними причинами, а влиянием Европы и что «малейшая неуверенность в будущем экономики США и в силе американского бизнеса является неразумной» [22]. В октябре 1930 г., когда уже мало кто сомневался в том, что капиталистический мир вступил в полосу глубочайшего экономического кризиса, Гувер в речи на съезде Американской ассоциации банкиров продолжал упорно повторять, что все происходящее с 1929 г. в Соединенных Штатах — не более чем временный перерыв в процветании великой нации.

---

[22] The State Papers and Other Public Writings of Herbert Hoover: Vol. 1, 2 / Ed. by W. Myers. N. Y., 1934, vol. 1, p. 133.

Но даже тогда, когда суровая действительность заставляла президента и его коллег признавать серьезность экономической ситуации в США, Г. Гувер и другие члены республиканской администрации в соответствии с канонами индивидуалистической идеологии постоянно утверждали, что кризисные явления в экономике могут и должны быть преодолены не активностью федерального правительства, а усилиями бизнеса и других экономических групп. «Экономическая депрессия не может быть ликвидирована действиями законодательных органов или распоряжениями административных учреждений,— говорилось, например, в ежегодном послании президента конгрессу о положении страны в декабре 1930 г.— Экономические раны залечиваются действием клеток экономического организма — самими производителями и потребителями. Для восстановления экономики необходимы их кооперативные усилия». «Наилучшим вкладом правительства» в решение стоявших на повестке дня проблем, утверждал президент, является «поощрение этого добровольного сотрудничества на местах» [23].

Этой индивидуалистической философии Г. Гувер придерживался до конца пребывания на посту президента США. Вот как он определил свое кредо в последнем послании конгрессу о положении страны в декабре 1932 г.: «Мы создали особую систему индивидуализма, которая не должна быть подменена действиями государства, ибо она принесла нашей стране больше свершений, чем когда-либо было достигнуто в истории любой другой страны. Принципы американской системы и пружины ее прогресса таковы, что мы должны позволить свободную игру социальных и экономических сил и в то же время стимулировать инициативу и предприимчивость граждан. Поддерживая такой баланс, федеральное правительство не дает привилегий ни одному лицу и ни одной социальной группе. Оно должно действовать как координатор их усилий, а не как участник социальной и экономической жизни общества» [24].

Как же выглядели эти индивидуалистические декларации в конкретной политической практике республиканской администрации?

В соответствии с курсом на поощрение «добровольной кооперации экономических групп» Гувер в ноябре 1929 г. при первых же признаках значительного ухудшения экономической конъюнктуры провел серию консультаций с лидерами делового мира, призывая их к добровольному сотрудничеству и взаимной поддержке и обещая им всяческое содействие федерального правительства. Президент убеждал представителей крупного бизнеса не прибегать к узкокорыстным мерам, не свертывать производство, не увольнять рабочих и сохранять прежний уровень заработной платы [25]. Со своей стороны Гувер добился от лидеров АФТ официального отказа от стачек на период кризиса во имя достижения «национального единства». В целях стимулирования частных капиталовложений и оживления деловой активности республиканская администрация приняла срочные меры к активизации деятельности Федеральной

---

[23] The State of the Union Messages of the Presidents, 1790—1966: Vol. 1—3 / Ed. by F. Israel. N. Y., 1966—1967, vol. 3, p. 2773—2774.
[24] Ibid., p. 2803.
[25] The State Papers and Other Public Writings of Herbert Hoover, vol. 1, p. 134—136.

резервной системы и к существенному удешевлению кредита, а в декабре 1929 г. провела через конгресс очередное снижение налогов на доходы корпораций. В июне 1930 г. вступил в силу новый тарифный закон Хоули—Смута, ставший поистине апогеем протекционизма.

Таким образом, экономическая политика правительства Гувера в первые же месяцы после наступления кризиса была весьма далека от постулатов laissez faire и канонов социал-дарвинизма. Напротив, Гувер оказался гораздо более активным президентом кризисного периода, чем любой из его предшественников на этом посту. Однако экономический кризис 1929—1933 гг. не знал аналогий в истории США, и даже весьма энергичные действия республиканской администрации, направленные на поощрение кооперативных усилий бизнеса и других социальных групп, очень скоро оказались совершенно не соответствующими реальным потребностям момента. Что же касается самих представителей крупного капитала, то, по справедливому замечанию журнала «Нейшн», «у капитанов индустрии не было ни достаточного кругозора, ни плана, ни программы вывода страны из кризиса» [26].

Извлекая все возможные выгоды из мер гуверовской администрации по стимулированию деловой активности, лидеры монополистической буржуазии США не проявили большого воодушевления по отношению к призывам президента поддерживать прежний уровень занятости и оплаты труда. Это и понятно: ведь в своих действиях они по-прежнему руководствовались интересами извлечения прибыли. Поэтому, несмотря на формальное согласие с предложениями Г. Гувера, которое было дано представителями деловых кругов в ходе ноябрьских совещаний 1929 г., сокращение производства, увольнения и снижение заработной платы рабочих осуществлялись периодически то в одной, то в другой отраслях промышленности. Когда же осенью 1931 г. началось новое углубление экономического кризиса, «Стальной трест» и другие гиганты монополистического бизнеса официально заявили о намерении значительно снизить ставки заработной платы, а их примеру не замедлили последовать и остальные капиталисты. Подводя итоги курса на «добровольную кооперацию» бизнеса, орган деловых кругов в сентябре 1931 г. недвусмысленно заявил, что этот «эксперимент окончился полным крахом» [27].

В условиях кризиса с еще большей силой проявилась антинародная, промонополистическая сущность идеологии «твердого индивидуализма», проповедовавшейся лидерами республиканской партии. И президент Гувер, и такие видные члены его кабинета, непосредственные представители монополистической элиты, как министр финансов Э. Меллон и министр торговли Р. Ламонт, предпринимали энергичные попытки стимулировать частнопредпринимательскую инициативу и координировать действия бизнеса с тем, чтобы помочь ему с наименьшими потерями перенести трудные времена. В то же время они категорически отвергали любые предложения о государственной помощи безработным и особенно о введении федеральной системы социального страхования. В лучшем случае деятели республиканской администрации соглашались с тем, что в экстраординарных условиях кризиса для помощи безработным могут быть частично использованы средства муниципалитетов и штатов.

[26] Nation, 1932, May 25, p. 586.
[27] The Commercial and Financial Chronicle, 1931, Sept. 26, p. 1963.

Обычно же они возлагали эти функции исключительно на частную благотворительность. «Основой успешных действий по облегчению последствий национального бедствия,— говорилось, например, в заявлении Гувера в феврале 1931 г.,— является мобилизация усилий многочисленных агентств самопомощи на местном уровне. Таков американский путь борьбы с лишениями среди народа, и страна успешно решает сейчас стоящие перед ней проблемы именно этим, американским путем» [28].

«ГУВЕРОВСКИЕ ТРУЩОБЫ»
(Середина 30-х годов, г. Сиэтл, штат Вашингтон)

Прямым издевательством над страданиями народа звучали рассуждения президента о «нецелесообразности» непосредственной помощи безработным со стороны федерального правительства, поскольку, мол, она «подорвет веру населения в собственные силы» и «ослабит стойкость индивидуального характера американцев» [29].

Исходя из общего принципа ограничения функций федерального правительства координацией действий различных социальных групп, президент Гувер в 1930—1931 гг. создал один за другим два консультативных комитета по вопросам занятости. Но перед этими органами не ставилось каких-либо конкретных задач по реальной борьбе с безработицей. Они могли лишь обращаться к предпринимателям, благотворительным организациям и местным властям с призывами активизировать меры помощи безработным. Никаких позитивных результатов эти призывы, разумеется, не дали.

---

[28] The State Papers and Other Public Writings of Herbert Hoover, vol. 1, p. 497.
[29] Ibid., p. 504, 579.

Не выдвигали какой-либо альтернативы курсу республиканцев и лидеры демократической партии, которая в результате промежуточных выборов 1930 г. значительно упрочила свои позиции в обеих палатах конгресса. Напротив, группа ведущих деятелей демократической партии поспешила еще раз заверить президента Гувера в лояльности и в том, что они полностью поддерживают политический курс республиканского правительства [30].

Вся практическая деятельность правительства Гувера в сфере помощи безработным свелась к организации в небольших размерах общественных работ, а также к поощрению стихийно возникшего плана «разделения работы», т. е. к распространению системы частичной занятости на всех рабочих, числившихся до наступления кризиса в той или иной отрасли промышленности. Более смелые планы государственной помощи безработным, которые не раз выдвигались в конгрессе группой прогрессивных республиканцев и некоторыми левыми демократами, систематически отвергались. Даже в феврале 1932 г., в период сильнейшего обострения кризиса, конгресс отверг законопроект сенаторов Р. Лафоллетта-младшего и Э. Костигана об ассигновании федеральным правительством 375 млн. долл. и о выдаче за счет этих средств прямых денежных пособий безработным [31]. Только в июле 1932 г., в обстановке избирательной кампании, был наконец принят закон, который предусматривал выделение 300 млн. долл. федеральных средств властям штатов для оказания непосредственной денежной помощи безработным. Конгресс дал также санкцию израсходовать 322 млн. долл. на займы штатам в целях организации общественных работ [32].

Подписав этот акт, президент Гувер в какой-то степени признал крах своего курса на частнопредпринимательские и муниципально-благотворительные методы решения проблемы безработицы. Однако размеры ассигнований, предусмотренных июльским законом 1932 г. на помощь безработным, были совершенно недостаточны для сколько-нибудь серьезных попыток преодоления страшного социального бедствия. К тому же республиканская администрация не спешила реализовать даже эти скромные средства, выделив на указанные цели до конца 1932 г. всего лишь около 30 млн. долл.[33] Это была буквально капля в море.

Не отвечала требованиям момента и аграрная политика правительства Гувера. Правда, под давлением фермерства специальная сессия конгресса еще в июне 1929 г. приняла закон о сбыте сельскохозяйственных товаров. На основании этого закона было создано специальное правительственное агентство — Федеральное фермерское управление, которое поставило своей задачей помочь фермерам добиться стабилизации сельскохозяйственного рынка. На осуществление этих целей было ассигновано 500 млн. долл.[34] В соответствии с официальным курсом республиканской администрации на координацию усилий заинтересованных социальных групп фермерское управление в первые месяцы своей деятельности пыталось ограничиться лишь поощрением сельскохозяйствен-

---

[30] New York Times, 1930, Dec. 10.
[31] Congressional Record, vol. 75, p. 4052.
[32] Ibid., p. 13128.
[33] *Chandler L.* America's Greatest Depression, 1929—1941. N. Y., 1970, p. 51.
[34] Farm Relief and Agricultural Adjustment Acts / Compl. by E. A. Lewis. Wash., 1950, p. 1—10.

ной кооперации: помощью фермерам в создании отраслевых кооперативных центров и выдачей займов тем фермерским кооперативам, которые соглашались временно не выбрасывать имеющиеся у них запасы продукции на рынок, чтобы не допустить слишком сильного сезонного падения цен[35].

Новое углубление аграрного кризиса, связанное с начавшимся спадом промышленного производства, заставило фермерское управление перейти к более решительным действиям и начать непосредственную скупку сельскохозяйственных товаров. Для этой цели в феврале 1930 г. была учреждена Зерновая стабилизационная корпорация, а в июне того же года — Стабилизационная корпорация по хлопку. Активные операции управления и созданных при нем стабилизационных корпораций продолжались более года — до середины 1931 г. К этому времени на правительственных складах скопились огромные запасы: 257 млн. бушелей пшеницы и 1,3 млн. кип хлопка[36]. Израсходовав в короткий срок почти все отпущенные ему средства, Федеральное фермерское управление принесло немалые выгоды верхушке крупного фермерства и монополистическим посредническим фирмам, в руках которых была сосредоточена бóльшая часть товарной продукции сельского хозяйства. Но выполнить главную задачу — добиться повышения цен — ему так и не удалось. Напротив, сосредоточение крупных товарных запасов на складах управления все время оказывало сильное деморализующее влияние на сельскохозяйственный рынок. Когда же во второй половине 1931 г. фермерское управление прекратило закупки и, неся колоссальные убытки, начало массовую распродажу накопленных им товаров, это привело к полнейшей дезорганизации аграрного рынка, а следовательно, к еще большему ухудшению положения основной массы фермеров.

Правительство Гувера долгое время не предпринимало каких-либо мер государственного регулирования и в таких высокомонополизированных отраслях американской экономики, как промышленность и банковско-финансовая система. Оно продолжало взятый осенью 1929 г. курс на поощрение частнопредпринимательской инициативы, не считая возможным проведение реформ, выходящих за рамки индивидуалистической философии. Однако там, где речь шла об интересах крупного капитала, Г. Гувер и другие руководители республиканской партии давали гораздо более расширительное толкование догматов «твердого индивидуализма», чем, например, в политике по отношению к рабочему классу, где любые требования государственной помощи безработным отвергались с порога.

Сразу же после ноябрьских совещаний 1929 г. правительство в тесном сотрудничестве с бизнесом предприняло ряд энергичных мер по стимулированию деловой активности, и в частности по реализации программы капитального строительства. В 1930—1931 гг. общая сумма контрактов на строительство составила около 7,5 млрд. долл., из которых более 3 млрд. приходилось на долю различных правительственных агентств на местах или на федеральном уровне[37].

---

[35] The First Annual Report of the Federal Farm Board. Wash., 1930, p. 27.
[36] *Haskell E.* Stabilization Operations of the Federal Farm Board. N. Y., 1933, p. 15, 25.
[37] *Romasco A.* The Poverty of Abundance. Hoover, the Nation, the Depression. N. Y., 1965, p. 58.

Осенью 1931 г. наступил новый этап финансово-экономической политики республиканской администрации. Резкое ухудшение хозяйственной конъюнктуры, новое углубление кредитно-финансового кризиса, участившиеся крахи крупных банков — все это заставило правительство Гувера отступить от канонов «твердого индивидуализма» и перейти к прямому субсидированию монополий. В октябре 1931 г. Г. Гувер выступил с инициативой создания Национальной кредитной корпорации с капиталом в 500 млн. долл., который предполагалось собрать за счет добровольных взносов банковских групп. Однако владельцы крупнейших банков вовсе не намерены были расходовать средства на помощь своим коллегам, попавшим в затруднительное положение. Тогда на спасение монополистических финансовых учреждений, оказавшихся перед угрозой краха, были брошены крупные государственные фонды.

В январе 1932 г. конгресс принял закон об основании Реконструктивной финансовой корпорации (РФК) с первоначальным капиталом в 2 млрд. долл., который затем несколько раз увеличивался за счет новых бюджетных ассигнований. До марта 1933 г., т. е. до истечения срока полномочий гуверовской администрации, РФК распределила субсидий и займов на 2,1 млрд. долл. Более $^2/_3$ этой суммы попало в руки банков, страховых и ипотечных компаний, железнодорожных фирм и других монополистических кредитно-финансовых учреждений. На долю же миллионов рабочих и фермеров достались лишь жалкие крохи. По справедливому замечанию американского историка С. Морисона, «РФК мало что дала тем, кто больше всего нуждался в помощи» [38].

Отдельные меры социально-экономической политики правительства Гувера и особенно деятельность РФК были наглядным свидетельством того, что в период экономического кризиса 1929—1933 гг. в США вновь начали усиливаться государственно-монополистические тенденции. Кризис оказался важнейшим катализатором ускорения процесса перерастания монополистического капитализма в государственно-монополистический. Однако пока у власти находилась республиканская администрация с характерной для нее философией индивидуализма, эти тенденции обнаруживались лишь эпизодически, а главное, проявлялись прежде всего в форме государственного субсидирования монополий, а не в форме непосредственного экономического регулирования. К тому же они почти совершенно не распространялись на сферу социальных отношений.

Правительство Гувера не сумело, следовательно, подняться до осознания необходимости полного разрыва с индивидуалистической идеологией и перехода к новым, государственно-монополистическим принципам решения экономических и социальных проблем. Но именно этого настоятельно требовали и объективный ход социально-экономического развития Соединенных Штатов в эпоху общего кризиса капитализма, и конкретная обстановка в стране в начале 30-х годов, поставившая перед правящими кругами США насущную задачу спасения и укрепления капиталистических устоев, потрясенных до основания ударами «великого кризиса».

---

[38] *Morison S.* The Oxford History of the American People. N. Y., 1965, p. 946.

3. СОЦИАЛЬНЫЕ ДВИЖЕНИЯ

Тяжелейшие удары экономического кризиса, которые обрушивались на страну на протяжении нескольких лет, неслыханное обострение нужды и бедствий миллионов трудящихся, антинародный, промонополистический курс политики буржуазного правительства — такова была объективная основа, на которой в Соединенных Штатах в начале 30-х годов возникла новая волна массового рабочего и демократического движения.

Правда, на какое-то время рабочий класс США оказался застигнутым врасплох. Это было вполне закономерно: ведь степень его профессиональной организованности была чрезвычайно низкой. К концу 20-х годов лишь около 10% рабочих были членами профсоюзов[39]. В основных отраслях промышленности по-прежнему безраздельно господствовала система «открытого цеха». Да и сами тред-юнионы как органы защиты материальных интересов трудящихся переживали в 20-е годы серьезные затруднения, и их численность все более сокращалась. Если в 1920 г. в профсоюзах страны насчитывалось 5034 тыс. членов, то к 1929 г. их число сократилось до 3625 тыс. За время кризиса численность профессионально организованных рабочих в США упала еще больше: в 1933 г. она составила лишь 2857 тыс.[40].

Возможности организованного рабочего движения Соединенных Штатов существенно уменьшались и в результате того, что профсоюзное руководство, находясь в тенетах гомперсистской идеологии «делового» юнионизма, оказалось не в состоянии выдвинуть отвечавшую потребностям времени программу борьбы за социальные интересы рабочего класса. Лидеры АФТ ничего не сумели предложить для того, чтобы противостоять наступлению монополий и воспрепятствовать перекладыванию всех тягот кризиса на плечи трудящихся. Они не поддержали даже многие элементарные требования, выдвинутые рядовыми рабочими. Так, вплоть до 1932 г. руководство АФТ систематически отвергало государственное страхование по безработице. Неудивительно, что профсоюзы, входившие в состав АФТ, теряли все новые десятки и сотни тысяч членов. В то время как численность независимых союзов оставалась более или менее стабильной, колеблясь в годы кризиса примерно на уровне 700 тыс., число членов АФТ за 1929—1933 гг. сильно сократилось: с 2934 тыс. до 2127 тыс., или на 28%.

В условиях низкой профессиональной организованности американского пролетариата, апатии и растерянности в профдвижении, а также прямой сделки лидеров АФТ с правительством, в результате которой профсоюзам было навязано обязательство воздерживаться от забастовок, стачечное движение, не отличавшееся большим размахом и до наступления кризиса, после первых же его ударов ослабло еще больше. По данным официальной статистики, в 1930 г. в стране бастовали всего лишь 183 тыс. рабочих. По сравнению с 1929 г. число стачечников в США уменьшилось более чем на 100 тыс., т. е. на 37%[41]. Давно уже стачеч-

---

[39] История рабочего движения в США в новейшее время: В 2-х т. М., 1970—1971, т. 1, с. 210.
[40] Historical Statistics of the United States, p. 177.
[41] Ibid., p. 179.

ное движение американских рабочих не опускалось до столь низкого уровня.

Однако даже в чрезвычайно неблагоприятной обстановке экономического кризиса, когда проведение стачек было до крайности затруднено, когда каждая забастовка требовала от ее участников величайшей стойкости, мужества и самоотверженности, сотни тысяч рабочих все равно продолжали борьбу. После нескольких месяцев шока и растерянности, вызванных внезапными ударами кризиса, они стали оказывать все более активное сопротивление наступлению предпринимателей. Уже в 1931 г. число стачечников в США увеличилось до 342 тыс. Примерно на этом же уровне (324 тыс.) оно оставалось и в 1932 г.

Наиболее крупные и боевые выступления тех лет произошли летом 1931 г. в угольных районах Пенсильвании, Огайо и Западной Виргинии. Более 40 тыс. горняков этих районов в течение 2,5 месяца вели упорную борьбу против сокращения заработной платы, массовых увольнений и антипрофсоюзного террора, развязанного шахтовладельцами. Действия рабочих возглавлялись прогрессивным Национальным союзом горняков, входившим в состав руководимой коммунистами Лиги профсоюзного единства (ЛПЕ) [42]. Но и многие рядовые члены АФТ, не считаясь с призывами реформистских лидеров воздерживаться от забастовок, все чаще вступали на дорогу активной стачечной борьбы. Крупные выступления провели в 1931—1932 гг. шахтеры Кентукки и Иллинойса, текстильщики Массачусетса, швейники Нью-Йорка. Таким образом, после длительного периода спада забастовочной борьбы, начавшегося в годы капиталистической стабилизации и еще более углубившегося в первые месяцы экономического кризиса, стали обозначаться первые признаки оживления стачечного движения. Это постепенно создавало основу для нового подъема забастовочной борьбы, которая началась со второй половины 1933 г.

Гораздо более интенсивно развивалось движение безработных. В период кризиса оно стало главной формой борьбы рабочего класса, большая часть которого была в той или иной степени затронута безработицей. Оказавшись в особенно бедственном положении, миллионы безработных раньше и энергичнее, нежели другие группы трудящегося населения, вступили на путь борьбы за удовлетворение неотложных нужд народа.

Движение безработных, развернувшееся в начале 30-х годов, было первым массовым выступлением американского пролетариата, в котором руководящую роль играли коммунисты. Уже в декабре 1929 г., т. е. сразу же после наступления экономического кризиса, Коммунистическая партия разработала конкретную программу действий безработных. Коммунисты призывали их бороться за введение государственной системы социального обеспечения, в том числе страхования по безработице, за оказание немедленной помощи безработным со стороны федерального правительства, властей штатов и городских муниципалитетов, за организацию широкой сети общественных работ со справедливой оплатой труда. Под руководством Компартии 6 марта 1930 г. были проведены массовые демонстрации протеста против безработицы. Сотни тысяч рабочих вышли на улицы Нью-Йорка, Чикаго, Детройта, Питтсбурга, Филадельфии и других индустриальных центров. Всего в этот день демон-

[42] *Курков Н. В.* Борьба американских шахтеров, 1929—1939 гг. М., 1971, с. 60—66.

стрировало около 1250 тыс. рабочих. Это было самое крупное выступление безработных в истории США.

По инициативе и под руководством коммунистов в первые же месяцы кризиса в различных районах страны началось создание широкой сети местных советов безработных, которые активно участвовали во всех выступлениях в рабочих кварталах городов, вели борьбу против выселений безработных и членов их семей из жилищ за невзнос квартирной платы, требовали от местных властей срочных мер помощи гражданам, потерявшим работу. В июле 1930 г. в Чикаго состоялся первый общенациональный съезд безработных. Делегаты съезда, прибывшие из самых различных частей страны, единодушно одобрили выдвинутую коммунистами программу борьбы за оказание немедленной помощи рабочим, лишившимся работы, и за введение федеральной системы социального страхования. Съезд создал Национальный совет безработных, ставший авторитетным органом всего движения.

Летом 1930 г., вскоре после чикагского съезда безработных, Коммунистическая партия разработала законопроект о социальном страховании, получивший впоследствии название «рабочего билля». Законопроект предусматривал выплату пособий по безработице, старости и болезни в размере средней заработной платы промышленного рабочего, причем какая бы то ни было дискриминация по признакам пола, расы, религиозных или политических убеждений должна была быть запрещена. Фонд социального страхования предполагалось создать путем дополнительного налогового обложения крупного капитала, а также за счет сокращения ассигнований на военные цели. Деятельность федеральных учреждений социального обеспечения должна была проходить под постоянным контролем представителей рабочих организаций [43].

Предложение коммунистов о скорейшем введении федеральной системы социального страхования нашло широкий отклик среди трудящихся. Во многих письмах, адресованных конгрессменам и другим политическим деятелям, нередко предлагалось усилить налоговое обложение крупного капитала для создания достаточно прочной финансовой базы социального обеспечения. «Почему бы не заставить владельцев крупных доходов нести справедливую долю налогового бремени?— говорилось, например, в письме одного из жителей Милуоки Ф. Лафоллетту, датированном сентябрем 1930 г.— Увеличение налогообложения высоких доходов могло бы стать средством создания фонда, из которого выплачивались бы столь необходимые пенсии престарелым и пособия безработным. Для этого надо обеспечить принятие соответствующего законодательства» [44].

Программа, изложенная в «рабочем билле», находила поддержку многочисленных демонстраций и голодных походов безработных в различных районах страны. Один из первых крупных голодных походов состоялся в октябре 1930 г. в Нью-Йорке, за ним последовали походы безработных в Чикаго, Детройте, Сакраменто и многих других городах. С февраля-марта 1931 г. при активном участии Компартии началось проведение мас-

---

[43] *Шкундин М. З.* К истории государственно-монополистической социальной политики США (1929—1939). М., 1980, с. 42.

[44] J. L. Bitker to Philip La Follette, September 30, 1930.— Wisconsin State Historical Society, Manuscript Library, Madison (Wis.), Philip F. La Follette Papers, Box 1, fold. 6.

совых голодных походов к столицам штатов. До конца года такие марши были организованы в 11 штатах.

На волне этого подъема рабочего движения в ноябре-декабре 1931 г. по инициативе и под руководством Коммунистической партии был проведен первый национальный голодный поход безработных на Вашингтон. 7 декабря 1931 г., в день открытия очередной сессии конгресса, большая группа участников похода прошла по улицам американской столицы, требуя от конгресса и президента немедленных мер помощи безработным, и в частности принятия закона о введении федеральной системы социального страхования. Власти не пустили делегацию безработных ни в здание конгресса, ни в Белый дом. Тем не менее стойкость и организованность участников национального голодного похода произвели большое впечатление на всю страну.

Другим важным событием классовой борьбы в США, вписавшим одну из наиболее ярких страниц в летопись социальных бурь кризисного периода, стал поход ветеранов первой мировой войны на Вашингтон летом 1932 г. Состав участников похода был очень пестрым. Наряду с рабочими было много разорившихся фермеров, мелких торговцев и предпринимателей, служащих, другого разночинного люда. Руководящую роль в этом движении ветеранов войны, в рядах которых было немало членов Американского легиона, заняла группа мелкобуржуазных лидеров во главе с бывшим управляющим консервной фабрикой в Портленде (штат Орегон) У. Уотерсом. Бывшие солдаты, белые и негры, вместе со своими семьями направились в Вашингтон, к самому президенту, чтобы потребовать у правительства выплаты так называемого бонуса, т. е. компенсации за службу в армии в период первой мировой войны. Эта компенсация была узаконена конгрессом еще в 1924 г., однако по условиям закона выплата ее должна была начаться только в 1945 г. В условиях кризиса, принесшего миллионам американцев безработицу, нищету и голод, ветераны потребовали немедленной выплаты компенсационных сумм.

Первые отряды участников похода начали прибывать в Вашингтон в конце мая 1932 г., а уже к середине июня в столице США собралось около 24 тыс. человек [45], разместившихся во временном лагере на берегу реки Потомак. Присутствие столь большой армии голодных и озлобленных людей не могли не учитывать многие конгрессмены. Поэтому палата представителей большинством голосов решила удовлетворить требование ветеранов. Однако сенат по настоянию президента Гувера отверг билль о немедленной выплате бонуса, принятый палатой. Это вызвало всеобщее возмущение ветеранов войны, которые решили продолжать борьбу. Даже консервативный по своим политическим убеждениям руководитель похода У. Уотерс заявил на одном из митингов: «Отказ конгресса от немедленной уплаты бонуса не внесет расстройства в наши ряды. Мы останемся здесь до тех пор, пока не добьемся своего» [46].

Под влиянием всех этих событий движение ветеранов войны поднялось на более высокую ступень: участники похода начали требовать не только выплаты бонуса, но и введения системы социального страхования. Более действенными стали формы движения. Круглосуточное пикетирование Капитолия, массовые демонстрации, самочинные вселения в пу-

[45] New York Times, 1932, July 21.
[46] Ibid., July 15.

ствующие правительственные здания, замена консервативного руководства выборными комитетами ветеранов — все это свидетельствовало о росте радикальных настроений, о повышении сознательности и организованности участников похода.

Тогда правительство решило действовать. 28 июля 1932 г. по приказу Гувера и под руководством начальника штаба американской армии генерала Д. Макартура против ветеранов войны были брошены регулярные войска. Расправа была короткой, но жестокой: участников похода разогнали, а временный лагерь, где они жили вместе со своими семьями, сожгли. Все ветераны были силой выдворены из Вашингтона. Таков был ответ республиканской администрации на мирное движение народных масс, стремившихся добиться хотя бы небольшого улучшения своего положения. Но расправа над ветеранами войны не напугала трудящихся. Движение безработных развернулось с новой силой. В декабре 1932 г. жители Вашингтона встречали на улицах города участников второго национального голодного похода, которые от имени миллионов безработных потребовали от конгресса принятия чрезвычайных мер помощи рабочим и фермерам.

Наряду с коммунистами в движение безработных все более активно стали включаться Социалистическая партия и связанная с ней левая оппозиционная группа в рядах АФТ, которая еще в 1929 г. оформилась в организацию под названием Конференции за прогрессивное рабочее действие. В начале 30-х годов социалисты и новая оппозиционная группа профсоюзных деятелей приступили к созданию рабочих альянсов, лиг безработных граждан и других ассоциаций безработных на местах. В большинстве случаев эти организации направляли свои усилия в русло движения самопомощи, т. е. объединения различных профессиональных групп безработных в целях совместного производства предметов первой необходимости и взаимного натурального обмена ими. К концу 1932 г. организации самопомощи охватывали по всей стране по крайней мере до полумиллиона безработных. Однако по мере обострения кризиса рабочие альянсы и лиги безработных граждан все чаще выходили за эти узкие рамки и нередко становились важными орудиями борьбы рабочего класса. В ряде случаев они вступали в непосредственный контакт с руководимыми коммунистами советами безработных.

Активное участие Коммунистической партии во всех важнейших выступлениях американского пролетариата и особенно проявленная ею инициатива в организации массового движения безработных значительно увеличили ее влияние среди трудящихся. Быстро возрастал и реальный политический вес левых сил профсоюзного движения. Лига профсоюзного единства, действовавшая под руководством коммунистов, в 1933 г. насчитывала уже около 100 тыс. членов. Прогрессивные союзы ЛПЕ и радикальная оппозиция внутри АФТ завоевывали на свою сторону сотни тысяч рядовых членов реформистских профсоюзов, которые не хотели больше оставаться пассивными жертвами кризиса и проявляли недовольство капитулянтской политикой своих руководителей.

В деятельности Коммунистической партии США и в эти годы все еще продолжали сказываться ошибки сектантского характера. В своей агитации среди рабочих коммунисты нередко выдвигали на первый план конечные цели борьбы, программу «революционного выхода из кризиса», не всегда уделяя достаточное внимание конкретным повседневным нуж-

дам рабочих. В ЛПЕ давал себя знать крен в сторону «параллельного» юнионизма, делался упор на создание независимых прогрессивных профсоюзов даже тогда, когда жизнь требовала проведения активного курса на укрепление левой оппозиции в реформистских союзах АФТ [47]. Успехи коммунистов в организации широкого движения безработных со всей убедительностью показывали острую необходимость и важность скорейшего избавления от любых проявлений догматизма и сектантства.

Массовые движения социального протеста охватили не только миллионы рабочих. Активными участниками демократических антимонополистических движений выступали и широкие слои фермеров, чье недовольство своим положением ощущалось еще в годы стабилизации. Когда в 1929 г. началось новое обострение аграрного кризиса, когда цены на важнейшие продукты земледелия и животноводства неудержимо покатились вниз, а попытки Федерального фермерского управления добиться стабилизации рынка окончились полным провалом, возмущение фермеров достигло крайних пределов. Даже организации крупнокапиталистического фермерства — Американская федерация фермерских бюро и орден грейнджеров — в начале 30-х годов перешли в оппозицию политике республиканской администрации. Но главным средоточием недовольства в сельских районах страны стал Фермерский союз, отличавшийся от других фермерских организаций тем, что защищал не только интересы аграрной буржуазии, но в известной мере и интересы мелкого фермерства. В ноябре 1930 г. президентом Фермерского союза был избран один из лидеров радикального крыла фермерского движения — Джон Симпсон [48].

Первые крупные выступления фермеров начались весной 1931 г. в Айове, где в районах молочного животноводства развернулась широкая кампания протеста против принудительного обследования молочного скота на предмет обнаружения коров, больных туберкулезом. В ходе этой своеобразной «коровьей войны», продолжавшейся с перерывами несколько месяцев до сентября 1931 г., произошли вооруженные столкновения фермеров с полицией и национальной гвардией. Участники движения были особенно возмущены тем, что мясо забитых животных продавалось по пониженным ценам крупным мясопромышленным фирмам и после переработки пускалось в розничную продажу [49]. «Коровья война» в Айове была лишь одним из стихийных проявлений назревавшего фермерского возмущения, своеобразной формой борьбы фермерства против монополистических посреднических компаний.

Летом 1932 г., в период наибольшего углубления экономического кризиса, начался новый этап фермерского движения. От отдельных стихийных и разрозненных выступлений фермеры перешли к массовой организованной борьбе против различных форм монополистической эксплуатации, стремясь добиться улучшения своего бедственного положения. Важнейшим средством этой борьбы стало движение фермерского бойкота. В мае 1932 г. в Де-Мойне (штат Айова) по предложению группы радикальных деятелей Фермерского союза была проведена конференция, которая обратилась ко всем фермерам страны с призывом прекратить про-

---

[47] *Foster W. Z.* History of the Communist Party of the United States, p. 285, 292.
[48] *Saloutos T., Hicks J. D.* Agricultural Discontent in the Middle West, 1900—1939. Madison (Wis.), 1951, p. 430—431, 443.
[49] *Kramer D.* The Wild Jackasses. The American Farmer in Revolt. N. Y., 1956, p. 209—210.

дажу сельскохозяйственной продукции до тех пор, пока не будет достигнут более высокий уровень цен. Для руководства движением бойкота была создана специальная организация — Стачечная ассоциация фермеров — во главе с видным деятелем Фермерского союза Мило Рено.

По плану, разработанному ассоциацией, в августе 1932 г. начали забастовку фермеры-молочники Айовы. Затем движение бойкота быстро распространилось на Миннесоту, Северную и Южную Дакоту, Небраску, Висконсин и некоторые другие штаты Среднего Запада — этого основного сельскохозяйственного района страны. Один из местных политических деятелей с тревогой говорил в те дни, что фермерская забастовка «грозит охватить весь Средний Запад подобно огню в прериях» [50]. В борьбе приняли активное участие не только массы трудящегося фермерства, но и значительная часть фермерской буржуазии. На дорогах, ведущих в города, появились забастовочные пикеты. Фермеры заваливали шоссе бревнами, камнями, старыми повозками, задерживая фургоны, цистерны и грузовики, которые подвозили сельскохозяйственную продукцию на скупочные пункты, принадлежавшие посредническим фирмам.

Власти мобилизовали против забастовщиков крупные полицейские силы. Но это только подлило масла в огонь, и движение бойкота перехлестнуло рамки мирной кампании отказа от продажи сельскохозяйственных товаров. На подступах к некоторым городам Айовы и Небраски происходили вооруженные столкновения фермеров с полицией и охранными отрядами, созданными руководством посреднических компаний. Борьба длилась более двух месяцев. Путем насилия, угроз и посулов властям удалось постепенно ослабить фермерскую забастовку и к концу октября 1932 г. добиться ее прекращения [51].

Однако развитие фермерского движения в США не приостановилось. В конце 1932 — начале 1933 г. в различных районах страны участились случаи сопротивления принудительной распродаже фермерской собственности за неуплату долгов и налогов. Большие группы фермеров являлись на торги и под угрозой насилия не разрешали никому принимать участие в аукционе. Другой формой сопротивления стали так называемые «грошовые распродажи». Для этой цели выделялось обычно несколько человек, которые участвовали в аукционе, предлагая предельно низкие цены за распродаваемое имущество. Больше никто к торгам не допускался. Фермеры заставляли кредиторов принимать в погашение долга несколько долларов, вырученных на аукционе, а «купленное» таким путем имущество возвращали его первоначальному владельцу.

Подобные формы борьбы стали вскоре повседневным явлением. По подсчетам американского историка Дж. Шоувера, в январе-феврале 1933 г. в различных районах страны произошло по меньшей мере 76 случаев «грошовых распродаж» [52]. Общее же число выступлений против принудительной распродажи фермерской собственности было гораздо большим. По свидетельству журнала «Нейшн», в отдельные дни первой половины января 1933 г. было по 10—20 случаев срыва фермерами торгов [53].

---

[50] *Shover J.* Cornbelt Rebellion. The Farmer's Holiday Association. Urbana (Ill.), 1965, p. 45.
[51] *Золотухин В. П.* Фермеры и Вашингтон. М., 1968, с. 48—53.
[52] *Shover J.* Op. cit., p. 77.
[53] Nation, 1933, Mar. 8, p. 255.

Во многих фермерских выступлениях 1932—1933 гг., особенно в сопротивлении принудительной распродаже ферм, энергично участвовала Лига объединенных фермеров, руководимая коммунистами, которые неустанно пропагандировали в массах идею единства рабочих и фермеров в борьбе против монополий. Этот лозунг находился в центре внимания делегатов национальной фермерской конференции, которая была проведена в Вашингтоне в декабре 1932 г. по инициативе и под руководством коммунистов. Конференция потребовала немедленного создания государственного фонда помощи нуждающимся фермерам в размере 500 млн. долл., отсрочки уплаты долгов и налогов, законодательного запрещения принудительных продаж ферм [54]. Для помощи фермерам в борьбе за осуществление этой программы был учрежден Национальный фермерский комитет действия, который стал координационным центром левых сил фермерского движения.

К весне 1933 г. борьба американского фермерства достигла наибольшего размаха. В рядах активных участников движения приобретала все большую популярность идея проведения общенациональной фермерской забастовки с целью заставить правительство оказать фермерам необходимую помощь. После того как в марте 1933 г. съезд стачечной ассоциации официально одобрил эту идею, подготовка к национальной фермерской забастовке вступила в стадию практического действия.

Постепенно в движения социального протеста стали втягиваться и черные американцы. Многие жители разрастающихся черных гетто крупных городов Севера вместе с белыми рабочими шли в колоннах демонстраций и голодных походов, создавали разветвленную сеть местных советов безработных, поднимались по их призыву на борьбу против выселений рабочих семей за невзнос квартирной платы. Но и на Юге, где положение негров в условиях кризиса было особенно ужасным, где нищета и голод достигли невиданных размеров, в начале 30-х годов были отмечены первые случаи активных негритянских выступлений, которые охватили не только городских рабочих, но и часть арендаторов-издольщиков.

Первостепенную роль в пробуждении этих самых обездоленных групп черного населения Юга к активным действиям сыграла Коммунистическая партия. Весной 1931 г. в нескольких графствах Алабамы по инициативе коммунистов был создан Союз кропперов-издольщиков. Под его руководством в районах «глубокого Юга», безраздельной вотчины крупных плантаторов, началась борьба за прекращение сгона кропперов с земли, за аннулирование их долгов и предоставление им права самим продавать выращенный хлопок.

Крупные землевладельцы неоднократно пытались разгромить боевую организацию издольщиков. В декабре 1932 г. близ Кемпхилла (штат Алабама) было преднамеренно спровоцировано вооруженное столкновение негритянских кропперов с полицией и местными куклуксклановцами, в результате которого несколько негров были убиты или тяжело ранены [55]. Эта жестокая расправа вызвала новую волну возмущения черного населения Юга и еще более усилила сопротивление негритянских издольщиков. В Бирмингеме и некоторых других районах Алабамы были прове-

---

[54] Daily Worker, 1932, Dec. 12.
[55] Ibid., 1932, Dec. 21.

дены массовые митинги солидарности с боевым Союзом кропперов [56]. В его рядах к весне 1933 г. насчитывалось уже около 3 тыс. членов [57].

Крупной заслугой Коммунистической партии была и организация массовой кампании в защиту девяти негритянских юношей, которые в марте 1931 г. в г. Скотсборо (штат Алабама) были приговорены к смертной казни по ложному обвинению в изнасиловании белых женщин. По призыву коммунистов по всей стране в 1931—1932 гг. прошла волна митингов протеста против расправы над невинными жертвами расистского террора. Требование немедленного освобождения узников Скотсборо стало одним из центральных лозунгов демонстраций и голодных походов безработных. Решительное сопротивление демократической общественности остановило руку палачей из Алабамы и спасло жизнь негритянских юношей. Авангардную роль в этом широком демократическом движении сыграла КП США, что способствовало росту ее авторитета в негритянских массах.

Бурное развитие массовых социальных движений создало в стране весьма напряженную политическую обстановку. «Демонстрации безработных, забастовки, походы ветеранов войны стали тогда повседневным явлением,— писал впоследствии об этом времени У. З. Фостер.— Перед страной была перспектива дальнейшего обострения классовой борьбы. Никогда еще американские капиталисты не находились в таком замешательстве и страхе, как в те годы» [58].

Опасения монополистической буржуазии США за судьбу своего классового господства имели под собой весьма серьезные основания. Миллионы рабочих, фермеров, представителей средних слоев городского населения воочию увидели главного врага — монополии. Крупный капитал вновь стал объектом острой критики. Более того, разрушительный кризис, всей своей тяжестью обрушившийся на трудящихся, породил у многих из них сомнения в справедливости самой капиталистической системы. Антикапиталистические настроения нашли выражение в популярности идеалов коллективизма, в росте интереса к Советскому Союзу, в поддержке идеи национального планирования экономики. В среде радикальной интеллигенции, в левых группах движения социального христианства, а затем и в массах рабочих и фермеров стало распространяться убеждение в необходимости замены общества, основанного на извлечении прибыли, новым, так называемым «кооперативным обществом», рассчитанным на достижение «всеобщего блага». Так в массовом демократическом движении начала 30-х годов своеобразно переплетались традиционные антимонополистические идеи с пока еще очень смутными социалистическими устремлениями.

Важным фактором, обусловившим новый этап демократического движения, явилось также глубокое разочарование народа в деятельности двух основных буржуазных партий. Реакционная социально-экономическая политика правительства Гувера полностью дискредитировала республиканцев в глазах трудящихся. Но и демократы в начале 30-х годов не предложили какой-либо конструктивной альтернативы этому обанкротившемуся политическому курсу. Поэтому в радикальных кругах амери-

---

[56] Ibid., 1933, Jan. 9.
[57] *Jamieson S.* Labor Unionism in American Agriculture. Wash., 1945, p. 296.
[58] *Foster W. Z.* History of the Communist Party of the United States, p. 293.

канского общества вновь стали популярными идеи независимого политического действия и даже создания самостоятельной третьей партии.

Наиболее активным пропагандистом идеи образования прогрессивной третьей партии в США в начале 30-х годов была Лига за независимые политические действия (ЛНПД). Она была основана в сентябре 1929 г. представителями радикальной мелкобуржуазной интеллигенции, находившимися под идейным влиянием Социалистической партии. В руководство новой организации вошли видный философ Джон Дьюи, профессор экономики Чикагского университета Поль Дуглас, редактор журнала «Нейшн» Освальд Гаррисон Виллард, один из деятелей движения социального христианства — Говард Уильямс и др.

Главную причину бедственного положения народа руководители лиги видели в господстве финансовой олигархии, в руках которой находились важнейшие средства производства и политическая власть. Основной вопрос, который стоял перед страной в условиях глубочайшего кризиса, заключался, по словам Дж. Дьюи, в том, «должен ли народ контролировать правительство, используя его ради поддержания мира и благосостояния общества, или этот контроль будет по-прежнему находиться в руках небольшой, но могущественной группы, которая пользуется средствами административной и законодательной властей в интересах личной выгоды» [59]. Конечной целью деятели лиги провозглашали создание кооперативного общества, в котором процесс производства и распределения материальных благ был бы направлен на удовлетворение потребностей всех американцев.

Обязательным условием осуществления этой обширной программы переустройства капиталистического общества должно было стать завоевание народом политической власти. Но лидеры новой организации отвергали революционные методы борьбы. Переход власти в руки народа они предлагали провести мирным, ненасильственным путем, посредством постепенного завоевания новой, третьей партией, отражающей интересы народных масс, большинства в конгрессе.

Агитация ЛНПД и других радикальных групп уже в 1931—1932 гг. встречала весьма благожелательный отклик среди рядовых американцев. Многие письма с мест свидетельствовали, что идея создания прогрессивной третьей партии постепенно приобретала все большую популярность. «Очень жаль, что еще не сделано серьезной попытки формирования новой партии,— говорилось, например, в одном из писем Ф. Лафоллетту из Висконсина.— По моему мнению, время для этого пришло, и народ с энтузиазмом готов поддержать такую партию» [60]. Лозунг самостоятельного политического действия нашел немало сторонников в рядах профсоюзного движения. В 1931—1932 гг. многие местные отделения АФТ выступали за создание независимой рабочей партии.

Не ограничиваясь одной лишь агитацией, радикальные круги американского общества в начале 30-х годов вступили на путь практического

[59] *Pells R.* Radical Visions and American Dreams. Culture and Social Thought in the Depression Years. N. Y., 1973, p. 51.

[60] Sara S. Bornemann to Philip La Follette, May 13, 1931.— Wisconsin State Historical Society, Manuscript Library, Philip F. La Follette Papers, Box 9, fold. 2. См. также: William A. Devine to Philip La Follette, March 12, 1931.— Ibid., Box 6, fold. 6; Daniel Carrick to Philip La Follette, December 15, 1931.— Ibid., Box 14, fold. 1; Remington Rogers to George W. Norris, January 12, 1932.— Library of Congress, Wash. (D. C.), Division of Manuscripts, George W. Norris Papers.

осуществления независимого политического действия трудящихся. Важную роль в этом отношении играла деятельность Фермерско-рабочей партии (ФРП) Миннесоты. Эта организация пользовалась значительным влиянием в штате еще с начала 20-х годов. Она неустанно пропагандировала в массах свою радикальную антимонополистическую программу. «Цель Фермерско-рабочей партии,— говорилось в преамбуле устава ФРП Миннесоты,— вырвать правительство из-под контроля небольшой кучки имущих и использовать его для удовлетворения нужд народа. Для этого надо уничтожить все виды монополий, установить общественную собственность и обеспечить для каждого человека возможность трудиться и пользоваться плодами своего труда» [61].

В 1929—1933 гг. начался новый этап в деятельности ФРП Миннесоты. Недовольство трудящихся политикой буржуазных партий выдвинуло ее на авансцену политической жизни штата. На выборах 1930 г. она одержала крупную победу. Лидер партии Ф. Олсон был избран губернатором штата. За него голосовали 493 тыс. человек, или более 60% общего числа избирателей, принявших участие в выборах [62]. Новая администрация заявила о намерении энергично бороться за осуществление радикальной программы, предложенной ФРП.

Преодолевая сопротивление республиканцев, сохранивших за собой большинство мест в законодательном собрании штата, она провела ряд существенных мер в пользу трудящихся. Так, еще в 1931 г. ей удалось добиться установления минимума заработной платы для некоторых категорий рабочих, начать осуществление программы общественных работ, провести уравнение тарифных ставок на перевозку сельскохозяйственной продукции. В начале 1933 г. в Миннесоте были приняты законы об увеличении налогообложения крупных доходов и о моратории на уплату фермерской задолженности. Действия губернатора Ф. Олсона и возглавляемой им администрации штата составляли резкий контраст курсу республиканского правительства Г. Гувера. ФРП Миннесоты быстро выдвинулась на общенациональную арену политической борьбы. По примеру Миннесоты в ряде штатов (Орегон, Огайо, Массачусетс, Нью-Джерси) в начале 30-х годов были созданы рабочие или рабоче-фермерские партии.

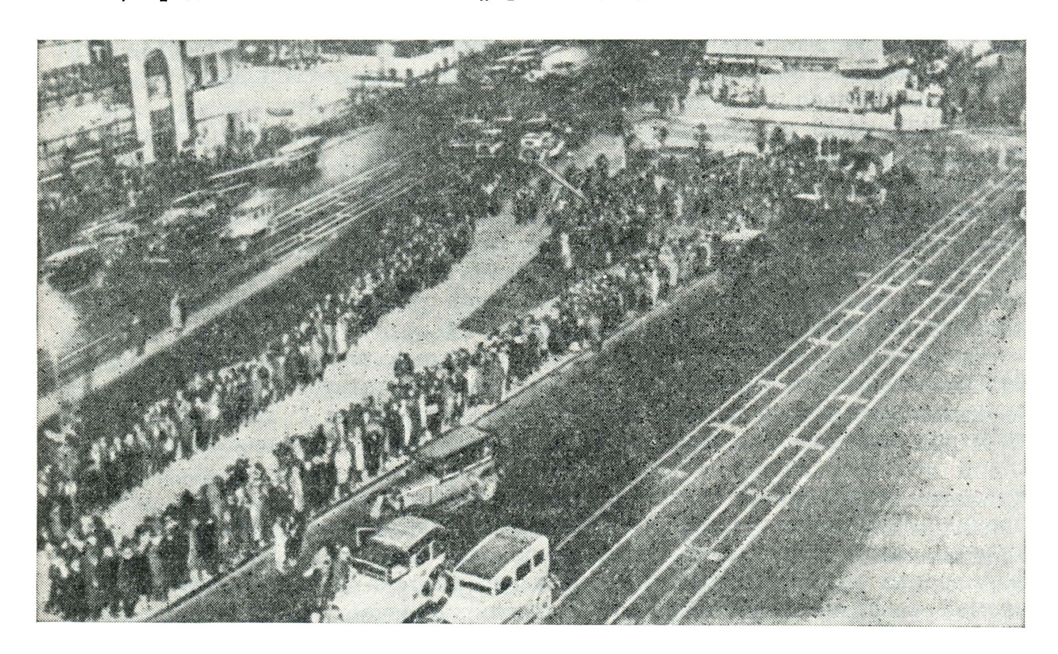
Важную роль в демократическом движении начала 30-х годов, так же как и на предыдущих этапах его развития, продолжала играть группа прогрессивных республиканцев. После смерти Р. Лафоллетта наиболее влиятельным деятелем этой группы стал сенатор Дж. Норрис. Его с большей или меньшей последовательностью поддерживали такие видные фигуры левого крыла республиканской партии, как сенаторы У. Бора, Р. Лафоллетт-младший, Дж. Най, Б. Каттинг, член палаты представителей Ф. Лагардиа и др. Подвергая критике реакционный курс социально-экономической политики правительства Гувера, прогрессивные республиканцы пытались выработать конструктивную радикальную альтернативу политике обеих буржуазных партий.

С этой целью в марте 1931 г. в Вашингтоне была созвана конференция прогрессистов. В ее работе приняли участие группа левых республиканцев, представители левого крыла демократической партии (Э. Костиган, Б. Уилер), лидеры АФТ (У. Грин, С. Хиллмэн), ряд видных

---

[61] Farmer-Labor Leader, 1930, Jan. 15.
[62] *Mayer G.* The Political Career of Floyd B. Olson. Minneapolis, 1951, p. 56.

ученых радикального или леволиберального направлений (Дж. Дьюи, С. Чейз, Дж. Соул, Ч. Бирд) и др. Участники конференции говорили о необходимости централизованного экономического планирования, крупных ассигнований на помощь безработным, расширения прав профсоюзов и осуществления других важных мер социально-экономической политики. Однако из-за серьезных разногласий между различными группами, представленными на конференции, принятие согласованной соци-

ОЧЕРЕДЬ ЗА БЕСПЛАТНЫМ БЛАГОТВОРИТЕЛЬНЫМ ОБЕДОМ
(г. Нью-Йорк, 1932 г.)

ально-экономической программы оказалось в тот период невозможным, и конференция ограничилась лишь созданием нескольких комитетов для дальнейшей разработки планов законодательной деятельности прогрессистов [63].

Тем не менее уже в 1931—1932 гг. по инициативе группы прогрессивных республиканцев было разработано и внесено в конгресс несколько законопроектов, которые представляли собой первые наметки радикальной альтернативы курсу республиканской администрации. Одним из них был билль об ограничении судебного вмешательства в трудовые конфликты, внесенный Дж. Норрисом и Ф. Лагардиа и в марте 1932 г. под давлением организованного рабочего движения одобренный конгрессом [64]. В напряженной политической обстановке приближавшейся избирательной кампании Г. Гувер, все время выступавший против принятия билля Норриса—Лагардиа, вынужден был пойти на его подписание.

[63] *Romasco A.* Op. cit., p. 218—219.
[64] Documents of American History: Vol. 1, 2 / Ed. by H. Commager. Englewood Cliffs (N. J.), 1973, vol. 2, p. 235—237.

Другим важным направлением деятельности левых республиканцев в конгрессе была борьба за осуществление планов государственного гидроэнергетического строительства в долине реки Теннесси, выдвинутых сенатором Норрисом еще в 20-е годы. В 1931 г. эти планы были одобрены конгрессом, но президент Гувер немедленно наложил на них вето. Наконец, прогрессивные республиканцы выступали со все более решительными предложениями по оказанию срочной помощи безработным. В начале 1932 г. сенатор Р. Лафоллетт внес в конгресс законопроект о выделении 5,5 млрд. долл. на проведение широкой программы общественных работ. Конгресс отверг этот билль, но он был поддержан массами безработных. В данной ситуации даже многие консервативные члены конгресса не могли уже больше возражать против самой идеи помощи федерального правительства в организации общественных работ. Они выступали лишь против слишком большой, по их мнению, суммы федеральных ассигнований на эти цели.

Развитие массового движения безработных создавало более благоприятные условия и для агитации в пользу введения системы страхования по безработице. В феврале 1932 г. прогрессивные республиканцы Висконсина во главе с Филиппом Лафоллеттом, избранным в 1930 г. губернатором штата, добились принятия местной легислатурой первого в истории США закона о страховании по безработице [65].

Активные выступления группы левых республиканцев за расширение социального законодательства вносили серьезные изменения в их мировоззрение. В одном из выступлений сенатор Р. Лафоллетт заявил: «Право на жизнь, свободу и счастье не может быть гарантировано в современном мире без права на работу. Долг правительства — гарантировать каждой семье экономическую безопасность и право пользоваться плодами своего труда» [66].

Но выдвижение этого принципиально нового взгляда на функции государства неизбежно ставило перед прогрессивными республиканцами еще одну важную проблему. Наиболее четко ее выразил губернатор Висконсина Ф. Лафоллетт. Выступая в апреле 1932 г. перед избирателями, он заявил, что на очередь дня все более выдвигается задача ликвидации вопиющего социального неравенства и решительного повышения благосостояния народа и что для решения этой задачи необходимо руководствоваться не принципом laissez faire, а принципом активного вмешательства правительства в жизнь общества. Однако, продолжал Ф. Лафоллетт, «вопрос заключается в том, какое правительство будет осуществлять такое вмешательство» [67].

Разрешение этой проблемы оказалось для левых республиканцев самой трудной задачей. Понимая, что столь кардинальное изменение политического курса федерального правительства невозможно до тех пор, пока у власти стоят консервативные лидеры республиканской или демократической партий, большинство прогрессивных республиканцев в начале 30-х годов все же не было готово к разрыву с двухпартийной системой. Как правило, они по-прежнему придерживались курса на независимые политические действия в рамках двухпартийной системы,

---

[65] *Miller J.* Governor Philip F. La Follette, the Wisconsin Progressives and the New Deal, 1930—1939: Ph. D. Univ. of Wisconsin, 1973, p. 40.
[66] *Маныкин А. С.* История двухпартийной системы США. М., 1981, с. 146.
[67] Цит. по: *Miller J.* Op. cit., p. 29.

пытаясь использовать институт первичных выборов и проводить прогрессивных кандидатов в центральные и местные органы власти по спискам республиканской или демократической партии. Тем не менее по мере обострения политической ситуации в стране многие участники демократического движения, в том числе и часть левых республиканцев, стали постепенно осознавать недостаточность подобного курса и необходимость перехода к более радикальным формам независимого политического действия — к борьбе за создание прогрессивной третьей партии.

4. ПРИХОД ДЕМОКРАТОВ К ВЛАСТИ

В чрезвычайно напряженной обстановке, отмеченной крайним обострением экономического кризиса, бурным взлетом движения социального протеста и необычайным усилением антимонополистических настроений в массах рядовых американцев, началась избирательная кампания 1932 г. Американская буржуазия и ее политические представители были охвачены глубокой тревогой. Они видели, что в стране нарастает массовое недовольство существующим положением, что народ жаждет перемен и требует от правительства самых решительных мер по борьбе с кризисом и его последствиями. В этих условиях составление предвыборных платформ буржуазных партий было связано с особыми трудностями.

В наиболее затруднительном положении оказалась в 1932 г. республиканская партия. Именно на нее широкие круги избирателей возлагали ответственность за все бедствия, обрушившиеся на страну с наступлением кризиса. Но больше всего оттолкнул массы от республиканцев отказ правительства Гувера от реальной помощи безработным. Гуверовские рассуждения о необходимости строгого соблюдения «истинно американских» принципов «твердого индивидуализма» звучали настоящим кощунством, тем более, что индивидуалистические догматы не помешали республиканцам систематически субсидировать крупные монополии через РФК. Как справедливо отметил в одном из предвыборных выступлений лидер ФРП Миннесоты Ф. Олсон, гуверовский «твердый индивидуализм» стал на практике «политикой индивидуализма для бедных и курсом на охрану специальных привилегий для богатых» [68]. Все это вызывало огромное возмущение в стране.

Избирательная платформа республиканской партии, принятая в июне 1932 г. на съезде в Чикаго, показала, что лидеры республиканцев не намерены вносить какие-либо существенные изменения в свою политику. В платформе не было ничего, что хоть в какой-то степени могло бы облегчить бедственное положение рабочих и фермеров. Решение острейшей проблемы безработицы по-прежнему ставилось исключительно под «ответственность штатов и муниципалитетов» [69]. Ни слова не говорилось ни о введении социального страхования, ни об облегчении непосильного бремени фермерских долгов. Напротив, своими призывами к экономии государственных средств и к поддержанию бездефицитного бюджета республиканцы еще раз подтвердили отрицательное отношение ко всем

[68] Third Party Footprints. An Anthology from Writings and Speeches of Midwest Radicals / Ed. by J. Youngdale. Minneapolis, 1966, p. 246.

[69] National Party Platforms, 1840—1972 / Compl. by D. Johnson, K. Porter. Urbana (Ill.), 1973, p. 341.

требованиям об увеличении социальных расходов федерального правительства.

По сути дела, они ограничили избирательную кампанию восхвалением «заслуг» президента Гувера и агитацией за его переизбрание. Неудивительно, что это создало еще более неблагоприятный для правящей партии психологический климат. Когда же в июле 1932 г. всю страну облетело известие о расправе над ветеранами войны, произведенной по личному приказу президента, позиции республиканцев в предвыборной борьбе стали безнадежно слабыми.

От Гувера начали отворачиваться и влиятельные деловые круги, убедившиеся в неспособности президента найти пути к преодолению экономических затруднений и стабилизации политической обстановки в стране. Некоторые руководители делового мира уже в тот период пришли к выводу о необходимости и целесообразности государственного регулирования экономики. Еще в сентябре 1931 г. один из крупнейших магнатов финансового капитала — президент корпорации «Дженерал электрик» Дж. Своуп выдвинул план реорганизации американской индустрии.

«План Своупа» предусматривал отказ от антитрестовского законодательства и введение монополиями регулирования цен и всего процесса производства и сбыта промышленной продукции в рамках специальных общегосударственных установлений. В декабре 1931 г. эти предложения были одобрены в ходе референдума, проведенного Торговой палатой США среди своих членов [70]. В кругах крупного капитала росло понимание принципиальной важности реформ, предусмотренных в «плане Своупа». «Мы оставляем позади период крайнего индивидуализма»,— гласило заявление одного из комитетов Торговой палаты [71]. Возникновение подобных настроений в деловых кругах говорило о том, что во время экономического кризиса 1929—1933 гг. резко усилились не только материальные, но и идейно-психологические предпосылки перехода Соединенных Штатов на путь государственно-монополистического развития.

Президент Гувер выступил против этих идей «экономического планирования», заявив, что они ведут к «созданию монополий», к «фашизму» и «социализму» [72]. Такая аргументация отнюдь не свидетельствовала о глубине понимания лидером республиканцев истинной сути социально-экономических процессов, происходивших в капиталистическом мире. Она показывала лишь прочность индивидуалистических воззрений президента. Однако часть видных лидеров крупного капитала все более настойчиво говорила о необходимости государственного регулирования экономики. В сентябре 1932 г., в самый разгар избирательной кампании, президент Торговой палаты США Г. Гарриман прямо заявил Гуверу, что в случае его отказа от поддержки «плана Своупа» влиятельные круги бизнеса отвернутся от республиканцев и не поддержат их на выборах. И эта угроза была вполне реальной. Хотя значительная часть монополистической буржуазии и в 1932 г. поддерживала республиканцев, их по-

---

[70] *Кредер А. А.* Американская монополистическая буржуазия и экономический кризис (1929 — март 1933 г.).— В кн.: Из истории внутриполитической борьбы и общественной жизни США. Куйбышев, 1981, с. 123.

[71] *Hofstadter R.* The American Political Tradition and the Men Who Made It. N. Y., 1948, p. 331.

[72] The Memoirs of Herbert Hoover: Vol. 1—3. N. Y., 1952, vol. 3. The Great Depression, 1929—1941, p. 335.

литический курс по мере углубления кризиса вызывал у нее все меньше энтузиазма.

Положение демократической партии в ходе избирательной кампании 1932 г. было гораздо более благоприятным. Находясь в оппозиции, лидеры демократов могли возлагать всю ответственность за разрушительный кризис и вызванные им бедствия народа на правящую республиканскую партию. И они не без успеха пользовались этим средством. Но все же одной лишь критики бездеятельности республиканской администрации Гувера было мало для привлечения на свою сторону широких масс избирателей, тем более что после промежуточных выборов 1930 г. демократическая партия значительно усилила свои позиции в конгрессе, завоевала большинство в палате представителей и, следовательно, тоже в известной мере несла ответственность за положение в стране.

Для того чтобы закрепить отход большинства избирателей от республиканцев и расширить свою социальную базу, демократам необходимо было выработать конструктивную альтернативу политическому курсу республиканской партии. А это требовало отказа от индивидуалистических принципов и признания необходимости активного государственного регулирования. Только на базе этой серьезной партийной перегруппировки, на базе идейной переориентации буржуазных партий в этатистском направлении можно было преодолеть тот глубокий кризис, который переживала в начале 30-х годов двухпартийная система США.

Однако индивидуалистическая идеология настолько прочно укоренилась в сознании американской буржуазии, что ее преодоление даже в условиях беспрецедентной экономической катастрофы 1929—1933 гг. было связано с огромными трудностями. Консервативное руководство демократической партии не уступало лидерам республиканцев в приверженности привычным канонам индивидуализма и проявляло предельную сдержанность в восприятии идей государственного регулирования. Поэтому избирательная платформа, принятая демократами на съезде в Чикаго в конце июня 1932 г., пошла лишь немногим дальше того, о чем говорили в предвыборной программе республиканцы. К тому же все обещания демократы сопровождали массой оговорок. Так, демократическая партия высказалась в 1932 г. за «решительные изменения в государственной экономической политике», «своевременное планирование общественных работ» и оказание помощи нуждающимся рабочим и фермерам. Однако вслед за этим в платформе демократов говорилось о необходимости поддержания сбалансированного бюджета и «решительного сокращения государственных расходов». Одобрив в принципе идею страхования по безработице, демократы тут же заявили, что ее практическая реализация должна проводиться только «по законодательству штатов», но не в национальном масштабе. А один из главных тезисов их избирательной платформы звучал совсем в духе гуверовского индивидуализма: «Прекратить вмешательство правительства во все сферы частного предпринимательства, кроме тех отраслей, где необходимо осуществлять общественные работы или эксплуатировать в общих интересах национальные ресурсы» [73].

Таким образом, официальная платформа демократической партии на выборах 1932 г. была весьма расплывчатой, а иногда и поразительно

[73] National Party Platforms, p. 331—332.

созвучной с предвыборными декларациями республиканцев. Отказ демократов от выдвижения конструктивной альтернативы политике гуверовской администрации не мог не ослаблять их позиции в предвыборной борьбе. Наиболее дальновидные деятели демократической партии, в первую очередь ее кандидат на пост президента губернатор штата Нью-Йорк Франклин Делано Рузвельт, понимали необходимость выработки более гибкого политического курса, для того чтобы завоевать симпатии широких масс избирателей и обеспечить победу на выборах. Этой цели и служил выдвинутый Ф. Д. Рузвельтом лозунг «нового курса».

В своих предвыборных выступлениях кандидат демократов обещал проведение либеральных реформ в пользу миллионов «забытых американцев». Иногда он шел еще дальше. Так, в речи в Сан-Франциско 23 сентября 1932 г. Ф. Рузвельт заявил о необходимости «экономического планирования» в целях «более справедливого распределения богатств и товаров и приспособления существующей экономической организации к нуждам народа» [74].

Правда, необходимость следовать официальным рекомендациям платформы партии нередко ставила кандидата демократов в затруднительное положение, придавала его речам черты непоследовательности и противоречивости. К тому же и у самого Ф. Д. Рузвельта в 1932 г. не было еще четко разработанной программы «нового курса». Однако в отличие от Г. Гувера, упорно твердившего о незыблемости индивидуалистических канонов, кандидат демократов призывал к отказу от изживших себя традиций и к решительным «социальным экспериментам». «Страна нуждается в переменах и, если я правильно понимаю ее настроение, настойчиво требует смелых экспериментов,— говорил он.— Здравый смысл подсказывает необходимость выбрать какой-либо метод и испытать его. Если он окажется неудачным, надо честно признать это и попробовать другой способ. Но главное — надо действовать. Миллионы нуждающихся не будут вечно терпеть, когда все необходимое для удовлетворения их нужд налицо» [75].

Энергичная избирательная кампания Ф. Д. Рузвельта во многом способствовала тому, что широкие массы избирателей уже в ходе предвыборной борьбы сумели провести определенный водораздел между индивидуалистическим традиционализмом республиканцев и курсом демократов на усиление этатизма, несмотря на то что официальные платформы обеих партий в 1932 г. сравнительно мало отличались друг от друга. Линии различия между республиканцами и демократами неоднократно подчеркивал в своих выступлениях и Г. Гувер. В речи 31 октября 1932 г., на завершающем этапе избирательной кампании, кандидат республиканцев довольно четко сформулировал глубинный смысл назревавшего противоборства. «Эта кампания,— заявил Г. Гувер,— не просто спор между двумя лицами, не просто разногласия между двумя партиями. Это столкновение двух философий правления» [76].

В избирательной кампании 1932 г. активно участвовали не только буржуазные, но и рабочие партии — социалисты и коммунисты. Антикапиталистическая программа левых партий нашла немало сторонников

[74] The Public Papers and Addresses of Franklin D. Roosevelt: 1933 vol.— 1945 vol. / Ed. by S. I, Rosenman. N. Y., 1938—1950, vol. 1, p. 752.
[75] Ibid., p. 646.
[76] Annals of America. Chicago, 1968, vol. 15, p. 188.

среди избирателей. Кандидат социалистов на пост президента Норман Томас, баллотировавшийся на основе традиционной реформистской платформы Социалистической партии, получил в 1932 г. 882 тыс. голосов, т. е. в 3 раза больше, чем в 1928 г. Значительного успеха добилась на выборах 1932 г. Коммунистическая партия, выступавшая с программой революционного переустройства капиталистического общества. За кандидата коммунистов Уильяма З. Фостера голосовали 103 тыс. человек.

Но все же основная борьба развернулась в 1932 г. между кандидатами двух буржуазных партий. Гибкая тактика кандидата демократов, меньшая его обремененность индивидуалистическими путами, обещания либеральных реформ, а также несравненно более благоприятное положение демократической партии как партии оппозиции — все это обеспечило Ф. Рузвельту решительную победу на выборах. За него голосовали в 1932 г. 22 810 тыс. избирателей, что дало ему 472 выборщика, тогда как Г. Гуверу удалось получить только 15 759 тыс. голосов и всего 59 выборщиков [77]. Кроме того, демократы завоевали абсолютное большинство в обеих палатах конгресса.

До вступления нового президента в должность оставалось еще около четырех месяцев. Экономический кризис бушевал с неослабевающей силой, и конца ему не было видно. Политическая обстановка в стране оставалась крайне напряженной. Миллионы американцев с нетерпением ждали смены администрации, надеясь, что Ф. Д. Рузвельт предпримет энергичные действия по борьбе с кризисом и осуществит обещанный им «новый курс».

---

[77] Historical Statistics of the United States, p. 1073.

Глава восьмая

ВЛИЯНИЕ КРИЗИСА НА МЕЖДУНАРОДНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ США

1. ПРАВИТЕЛЬСТВО ГУВЕРА И ЛАТИНСКАЯ АМЕРИКА

Кризис оказал сильное воздействие на внешнюю политику США. Последствиями его явились резкий упадок мировой торговли, усиление борьбы за рынки сбыта товаров, обострение противоречий между империалистическими государствами. В мире капитала развернулась настоящая торговая и таможенная война. Следствиями кризиса явились также обесценение валюты, нарушение международных финансовых связей, банкротства банков, создание стерлингового блока под эгидой Великобритании. Борьба между буржуазными государствами достигла крайнего напряжения. В этой сложной обстановке правительство Гувера старалось проводить внешнюю политику в интересах монополий США, добиваясь усиления американского влияния в мире.

Латинская Америка занимала важное место во внешней политике США в годы кризиса. Американские монополии стремились переложить часть бремени кризиса на народы этого региона, где США завоевали к 1929 г. прочные позиции. Их капиталовложения в Латинской Америке оценивались в общем в 5587 млн. долл. Инвестиции США в странах Карибского бассейна составляли 3715 млн. долл.— в два раза больше, чем инвестиции Великобритании. К 1930 г. в руках США было более $^{2}/_{3}$ торговли со странами бассейна, а также контроль над основными экономическими ресурсами [1].

Американские компании добились господствующего положения и в ряде стран Южной Америки. В Колумбии им принадлежала ведущая роль как в области торговли, так и по инвестициям. Половина нефти, добываемой в Венесуэле, и 80% — в Перу, 80% добычи олова в Боливии, 97% добычи меди и 50% продукции селитры в Чили приходились на долю американских компаний [2].

Окрыленный успехами на президентских выборах, Гувер 19 ноября 1928 г. отправился из Калифорнии на пароходе «Мэриленд» по странам Южной Америки с миссией «доброй воли». Ее целью было лично ознакомиться с положением в государствах региона и попытаться ослабить противоречия между Вашингтоном и ними. Он посетил 10 стран. В ряде из них (например, в Чили и Сальвадоре) население встретило его демонстрациями протеста. Никарагуанцы требовали прекращения интервенции США [3]. В Аргентине на него было совершено покушение.

---

[1] *Зубок Л. И.* Империалистическая политика США в странах Караибского бассейна, 1900—1939. М.; Л., 1948, с. 35.

[2] *Olson R., Hickman C.* Pan-American Economics. N. Y., 1943, p. 420—421; *Слёзкин Л. Ю.* Политика США в Южной Америке (1929—1933). М., 1956, с. 20—29.

[3] *Honde A. de.* Herbert's Latin American Policy. Stanford, 1951, p. 16.

Миссия «доброй воли» не достигла желаемых результатов. Кризис привел к еще большему обострению и углублению противоречий между США и латиноамериканскими странами. Под впечатлением своей поездки и широких выступлений латиноамериканцев против политики США Гувер попытался предпринять некоторые «миротворческие» шаги. В ежегодном послании конгрессу 3 декабря 1929 г. он заявил о намерении воздерживаться от вмешательства в дела латиноамериканских государств. Последующие события показали истинную цену этим обещаниям.

Экономический кризис тяжело отразился на положении в странах Латинской Америки. Росли безработица и инфляция, падали цены на сельскохозяйственные товары и сырье, более чем в 3 раза сократилась внешняя торговля. Обострились и социальные противоречия. Политическое положение правительств становилось все более непрочным в результате борьбы за власть между группировками господствующих классов. В ряде государств произошли перевороты, в которых немалую роль сыграло и англо-американское соперничество.

Особенно напряженно развивались события в Центральной Америке. В условиях кризиса резко сократилось производство сахара на Кубе. Почти в 2,5 раза уменьшился экспорт сахара в США. Углубление экономических трудностей сопровождалось ростом недовольства народа, которое выливалось в многочисленные демонстрации и стачки. Деловые круги в США были обеспокоены судьбой своих капиталовложений, которые составляли более 1 млрд. долл.[4] В октябре 1930 г. сенатор У. Кинг, посетивший Кубу, в меморандуме президенту Гуверу и государственному секретарю Г. Стимсону писал: «Революция на Кубе была бы несчастьем» [5]. Посол США на Кубе миллионер Г. Гугенгейм настаивал, чтобы Белый дом принял «решительные меры» для пресечения «коммунистических беспорядков» [6].

Режим Мачадо разъедала коррупция. Оказывая ему финансовую и иную поддержку, США стремились спасти правительство от народного гнева. Опасаясь углубления революции, США направили на Кубу военные суда. Однако активное сопротивление кубинского народа, опиравшегося на поддержку международной общественности, сорвало попытку новой интервенции США. В августе 1933 г. правительство Мачадо было свергнуто, а сам диктатор со своими приближенными бежал в Майами.

В Никарагуа под руководством Аугусто С. Сандино развивалось освободительное движение, начавшееся в 1927 г. в связи с вооруженной интервенцией США. Летом 1930 г. борьба патриотов вступила в новый этап. Они совершили несколько рейдов против правительственных войск и отрядов американской морской пехоты; в г. Кабо-Грасьяс-а-Дьос разгромили конторы иностранных компаний. Вашингтон ответил усилением репрессий. Американская морская пехота и местная национальная гвардия провели в 1931 г. несколько карательных экспедиций [7].

---

[4] *Нитобург Э. Л.* Политика американского империализма на Кубе, 1918—1939. М., 1965, с. 97—98, 102.

[5] Congressional Record, vol. 77, pt 2, p. 2139—2140.

[6] Foreign Relations of the United States, Diplomatic Papers, 1931: Vol. 1—3. Wash., 1946, vol. 2, p. 42, 45, 52. (Далее: FRUS).

[7] *Слёзкин Л. Ю.* Политика США в Южной Америке, с. 196.

17 апреля того же года Гувер и Стимсон, обсуждая политическое положение в Никарагуа, высказались за подавление освободительного движения [8]. В ноябре 1932 г. президентом страны был избран лидер «конституционного» правительства Хуан Б. Сакаса, тесно связанный с США, где он на протяжении нескольких лет был посланником. Сакаса вступил в переговоры с Сандино, который согласился на них при условии, что все американские войска будут выведены с территории страны, а правительство откажется от заключения с иностранными государствами соглашений, ущемляющих суверенитет Никарагуа. Но переговоры оказались безуспешными. Освободительное движение продолжало расширяться. 2 января 1933 г. американские войска вынуждены были покинуть Никарагуа, однако в стране осталась созданная американцами гвардия, которой командовал генерал А. Сомоса. 21 февраля 1934 г. Сомоса в сговоре с посольством США организовал вероломное убийство Сандино и расправился с его сторонниками.

Народ Гаити активно вел освободительную борьбу против американской оккупации [9]. В 1929 г. восстали крестьяне, объявили забастовку государственные служащие и студенты. 7 февраля 1930 г. Гувером была создана комиссия во главе с бывшим губернатором Филиппин К. Форбсом для изучения ситуации в Гаити. В Порт-о-Пренсе эту комиссию встретили требованием: «Прекратите оккупацию». Форбс пришел к заключению, что положение в Гаити «критическое», народ крайне недоволен режимом Борно, и предлагал побыстрее провести выборы президента и Национального собрания. В Вашингтоне согласились с этим. Но выборы не смягчили накала политической борьбы. Народ требовал вывода войск США. Правительство Гаити добивалось отмены американского контроля над государственными доходами. Администрация Гувера решительным образом отвергла эти требования. Стимсон дал указание миссии в Порт-о-Пренсе не ослаблять финансового контроля над Гаити [10].

Основным конкурентом США в Южной Америке была Англия, которая имела прочные позиции в Аргентине, Бразилии, Парагвае и Уругвае. В годы кризиса между США и Англией развернулась ожесточенная борьба за доминирующее положение в регионе. В 1929 г. экономическая миссия Великобритании достигла договоренности с Аргентиной о предоставлении последней британского кредита в 100 млн. песо и взаимных таможенных льготах. Аргентинское правительство обязывалось снизить на 50% тарифы на ввозимые из Англии изделия из искусственного шелка и вскоре сделало заказ на оборудование железных дорог в размере 1,25 млн. долл. Торговля Аргентины с Англией стала расти, а с США сокращаться.

Обострение экономического положения и рост недовольства трудящихся масс использовала правая оппозиция, поддержанная американским империализмом. 6 сентября 1930 г. произошел переворот. Президент И. Иригойен вынужден был уйти в отставку. К власти пришел Хосе Урибуру, который сразу же получил поддержку и официальное признание

---

[8] *Леонов Н. С.* Очерки новой и новейшей истории стран Центральной Америки. М., 1975, с. 216—217.

[9] Подробнее см.: *Луцков Н. Д.* Оккупация Гаити Соединенными Штатами, 1915—1934. М., 1981, с. 151—158.

[10] FRUS, Diplomatic Papers, 1931, vol. 2, p. 427.

США. Уже в своем первом интервью Урибуру заявил о готовности идти на сближение с США. Он отказался подтвердить англо-аргентинский торговый договор.

В новом правительстве министром внутренних дел стал Сорондо, юрисконсульт «Стандард ойл», министром земледелия — Варела, юрисконсульт аргентинского отделения моргановского «Нэшнл сити бэнк», министром общественных работ — Пико, директор «Андской нефтяной компании» (дочерняя компания «Стандард ойл»). Директор аргентинских государственных нефтяных промыслов Москони, выступавший против американских нефтяных трестов, был арестован. Уолл-стрит предоставил правительству Урибуру краткосрочный заем в 50 млн. долл. «Нью-Йорк таймс» с удовлетворением писала: «Мы выигрываем в Аргентине» [11].

В 1930 г. в Бразилии произошла буржуазная («либеральная») революция. Ее наступление ускорил экономический кризис, в результате которого резко сократилось промышленное производство, упали экспорт кофе и цены на него, росла инфляция. Безработица достигла 2 млн. человек, т. е. больше, чем в Аргентине, Мексике, Чили, Кубе и Уругвае, вместе взятых [12]. 1 марта 1930 г. в стране состоялись президентские выборы. Правительственные круги выдвинули кандидатом на пост президента губернатора штата Сан-Паулу Жулиу Престеса. Силы оппозиции выставили Жетулиу Варгаса, лидера «Либерального альянса», представлявшего политический блок крупной и средней буржуазии с антипаулистски настроенными помещиками.

Одержав победу, Жулиу Престес немедленно отправился в Лондон. Но его правительство оказалось бессильным разрешить экономические проблемы. Возмущение народных масс росло. В августе вспыхнула стачка текстильщиков в Сан-Паулу. Правительство прибегло к насильственному ее подавлению, что стимулировало выступления различных слоев общества. Оппозиция во главе с Варгасом использовала нарастание политического кризиса в стране и перешла 3 октября к решительным действиям. Произошли военные столкновения между правительственными войсками и повстанцами. 24 октября в Рио-де-Жанейро к власти пришла военная хунта, которая через 10 дней передала власть Варгасу, объявив его временным президентом.

Во время этих бурных событий англичане поддерживали правительство Жулиу Престеса, а американцы — «Либеральный альянс», рассчитывая, что Варгас создаст более благоприятные условия для проникновения капитала США в бразильскую экономику. Англия пришла на помощь правительству Престеса, выслав ему два крейсера. США, в свою очередь, направили в Рио-де-Жанейро крейсер и начали поставлять оружие сторонникам Варгаса. 30 октября администрация Гувера пообещала Варгасу заем, а 8 ноября американский посол в Бразилии получил инструкции поддерживать с новым правительством дружественные отношения.

События в Аргентине и Бразилии побудили Англию перейти в контрнаступление в целях восстановления утраченных позиций. Осенью 1930 г. в Аргентину прибыла комиссия промышленников из Шеффилда. Затем она посетила Бразилию, Чили, Уругвай и Перу. По поручению

[11] New York Times, 1930, Sept. 12.
[12] *Калмыков Н. П.* Диктатура Варгаса и бразильский рабочий класс: Рабочая политика бразильского правительства в 1930—1945 гг. М., 1981, с. 42.

Ротшильда в Бразилию после переворота Варгаса прибыл британский финансовый эксперт О. Ниемейер. Британскому капиталу временно удалось потеснить американского соперника. Доля Великобритании в торговле стран Южной Америки несколько возросла, а США — уменьшилась [13]. Соотношение инвестиций этих государств оставалось почти без изменений.

В Чили американские монополии захватили при содействии военного диктатора Ибаньеса почти все производство селитры. Правительство заключило с США кабальную сделку: в марте 1931 г. было образовано смешанное — чилийско-американское — акционерное общество «КОСАЧ», 49% акций которого принадлежали США. В июле 1931 г. диктатура Ибаньеса пала. 24 августа была объявлена всеобщая стачка транспортников, а через неделю восстали моряки военного флота. К восставшим присоединились моряки порта Талькауано, солдаты воинских частей в Вальпараисо, авиабазы Кинтеро. Однако восстание было быстро подавлено правительством. Политическое положение продолжало оставаться напряженным. Активность масс и их выступления против американских компаний вызывали в Вашингтоне растущее беспокойство.

Летом 1932 г. в Чили вновь вспыхнули волнения. Ими воспользовался К. Давила Эспиноса, тесно связанный с монополистическими кругами США, и М. Грове, отражавший интересы различных слоев населения, недовольных политикой правительства. Им удалось совершить переворот. Придя к власти, Давила Эспиноса сказал американскому послу: «Заверьте моих американских друзей, что им нечего опасаться». А Граве публично заявил: «Мы железной рукой подавили коммунистическую деятельность» [14]. Но внутри пришедшей к власти хунты разгорелась междоусобица. 16 июня Давила Эспиноса пришел к власти. Было введено осадное положение, коммунисты объявлены вне закона, по стране прокатилась волна террора. Давила Эспиноса заверил, что интересы иностранцев будут обеспечены. Вскоре в чилийские воды, помимо находившегося там британского крейсера, прибыли военные корабли и морская пехота США. В сентябре 1932 г. Давила Эспиноса, который не сумел подавить рабочее движение, был свергнут. В октябре к власти пришел ставленник Великобритании сторонник конституционного режима Артуро Алессандри.

В 1929—1932 гг. в Перу создалась ситуация, напоминавшая положение в Чили. В мае 1932 г. восстал флот, вспыхнула всеобщая стачка железнодорожников. В июле в Трухильо, на севере страны, началось восстание. Это движение было подавлено с участием американских летчиков. Правительство С. Серро искало пути выхода из создавшейся напряженной ситуации. Некоторые видели выход в развязывании войны. Между Перу и Колумбией вспыхнула война из-за пограничной территории Летисии. Американцы поддерживали Колумбию. Госдепартамент требовал от Перу прекратить сопротивление. Но вооруженное столкновение расширялось. США, Англия и Япония наживались на конфликте, поставляя воюющим государствам вооружение. В колумбийско-перуанской войне 1932—1934 гг. большую роль играла дипломатия Вашингтона.

Летом 1932 г. разразилась инспирированная нефтяными монополиями Великобритании и США война между Боливией и Парагваем из-за спорной области Чако, богатой нефтью. В области Чако особенно были

---

[13] *Слёзкин Л. Ю.* Политика США в Южной Америке, с. 173.
[14] New York Times, 1932, June 12.

заинтересованы американские нефтяные компании, в частности «Стандард ойл». Парагвай отклонил притязания Боливии. Возник вооруженный конфликт между этими государствами. США участвовали в строительстве дороги к Чако, снабжали боливийскую армию всем необходимым. Парагвай поддержали Англия и Аргентина.

Война продолжалась до середины 1935 г. и закончилась разделом Чако и победой Парагвая, плодами которой воспользовались монополии США, сумевшие вытеснить английские монополии и получить концессии на большей части перешедшей к Парагваю территории.

Таким образом, годы кризиса были отмечены обострением англо-американского соперничества, углублением противоречий между США и странами Латинской Америки. США вмешивались (нередко посредством вооруженной интервенции) во внутренние дела этих государств, участвовали в свержении неугодных правительств, подавляли освободительные и антиимпериалистические выступления. Последствием этого явились падение американского влияния, обострение напряженности и рост недовольства в странах Латинской Америки политикой США. В Вашингтоне стали все чаще задумываться о том, что надо изменить формы и тактику взаимоотношений с латиноамериканскими странами.

2. США И ВОЗНИКНОВЕНИЕ ОЧАГА ВОЙНЫ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ

Повышенный интерес проявляла американская дипломатия в годы кризиса и к событиям на Дальнем Востоке. Азиатский континент являлся важным рынком сбыта, источником сырья и сферой приложения капитала. В 1930 г. иностранные инвестиции в страны Азии составляли 1 млрд. долл., причем на долю Японии приходилось 445 млн.— почти 50% [15], а инвестиции США в Китае исчислялись примерно в 250 млн. долл. Они были сравнительно незначительны, особенно если сопоставить их с британскими, которые достигали 1250 млн. долл. Азиатские инвестиции США были в 6 раз меньше, чем инвестиции в страны Латинской Америки, в 5 раз — Европы и в 4,5 раза — Канады. Импорт США из стран Азии и Океании составлял в среднем 25—27%, а экспорт — от 15 до 19% всего объема торговли [16].

С наступлением экономического кризиса борьба за рынки сбыта и источники сырья в Азии между империалистическими державами обострилась. Особенно напряженным было столкновение интересов в Китае. Наибольшую активность проявила Япония. 4 августа 1931 г. на совещании командиров дивизий военный министр Минами призвал захватить богатую природными ресурсами Маньчжурию [17]. Подготовка к оккупации сопровождалась усилением антисоветской пропаганды. 7 июля 1931 г. генерал Койсо, один из руководителей военного министерства, выступая на заседании кабинета министров, заявил, что «монгольско-маньчжурская проблема требует быстрого и действенного разрешения» [18]. К воинствен-

[15] *Лан В. И.* США: от первой до второй мировой войны. М., 1976, с. 270; Foreign Investments in China. N. Y., 1933, p. 308.

[16] *Терентьев Н.* (*Канторович А. Я.*). Экономические позиции США в Китае.— Мировое хозяйство и мировая политика, 1933, № 11/12, с. 88.

[17] История войны на Тихом океане: В 5-ти т. М., 1957—1958, т. 1, с. 185.

[18] История дипломатии: Т. 1—5. М., 1959—1979, т. 3, с. 540.

ным призывам японских милитаристов благосклонно отнеслись в Вашингтоне, Лондоне, Париже, Берлине. Многие западные политики с большими надеждами ожидали осложнения японо-советских отношений, включая и возможный военный конфликт.

В первой половине 1931 г. японский генерал Харада посетил ряд европейских стран. На обратном пути он имел в Москве беседу с послом Хиротой и военным атташе Касахарой. Посол заявил, что Японии следует проводить решительную политику в отношении Советского Союза в целях захвата Восточной Сибири [19]. Касахара 29 марта 1931 г. писал в генеральный штаб, что Япония должна продвинуться по крайней мере до оз. Байкал. В марте полковник Судзуки совершил поездку по Северо-Восточному Китаю, побывал в Корее. Он изучал возможности использования этого района для нападения на Советский Союз [20].

18 сентября, в 22 часа, в Лютяогоу японская агентура совершила диверсию на Южно-Маньчжурской железной дороге. Спустя час после взрыва японские части совершили нападение на казармы китайских войск в Шэньяне (Мукден), а затем, в ту же ночь, в других городах Маньчжурии. Три дня спустя в Маньчжурию вступила японская бригада из Кореи. Общая численность вооруженных сил Японии достигла 14 тыс. человек. Армия китайского правителя Маньчжурии Чжан Сюэляна составляла 100 тыс. человек. Она могла оказать сопротивление, но гоминьдановское правительство этого не сделало. Получив известие о японском нападении, Чан Кайши телеграфировал Чжан Сюэляну: «Избегать расширения инцидента, решительно не допускать сопротивления» [21]. Чжан Сюэлян отдал приказ не применять оружия. Гоминьдановское правительство обратилось к Лиге наций с просьбой принять меры для прекращения военных действий.

В Вашингтоне внимательно следили за развитием событий в Маньчжурии. Американская разведка уже в марте 1931 г. располагала сведениями о подготовке Японии к вторжению в Северо-Восточный Китай [22]. Тревожные сообщения поступали в госдепартамент от американского посланника Н. Джонсона из Нанкина [23], консулов (из Мукдена, Харбина и Даляня), от военных и морских атташе, наблюдавших за ходом военных действий и развитием политических событий на Дальнем Востоке. 9 сентября государственный секретарь Г. Стимсон писал одному из своих друзей, что Маньчжурия является «жизненно опасной точкой в Азии» [24]. Между тем 17 сентября посол США в Японии Форбс во время беседы с министром иностранных дел Сидехара коснулся положения в Маньчжурии. Министр заверил посла, что нет оснований для беспокойства. В тот же день посол Дебуци нанес визит Стимсону по случаю его отъезда в отпуск. Собеседники единодушно констатировали развитие дружественных отношений между Японией и США. Однако жизнь решительно опровергла подобное мнение.

Начальник дальневосточного отдела госдепартамента С. Хорнбэк

[19] История второй мировой войны, 1939—1945: В 12-ти т. М., 1973—1982, т. 1, с. 90.
[20] *Севостьянов Г. Н.* Активная роль США в образовании очага войны на Дальнем Востоке (1931—1933). М., 1953, с. 73.
[21] *Лю Да-нянь.* История американской агрессии в Китае. М., 1951, с. 107.
[22] История дипломатии, т. 3, с. 541.
[23] Papers Relating to the Foreign Relations of the United States, Japan, 1931—1941: Vol. 1, 2. Wash., 1943, vol. 1, p. 5—6.
[24] American Civil-Military Decisions / Ed. by H. Stein. Birmingham (Ala), 1963, p. 29.

предупредил главу внешнеполитического ведомства США, что события в Маньчжурии гораздо серьезнее, чем это пытается представить японская дипломатия. Посланник Джонсон телеграфировал из Пекина в госдепартамент: насильственная оккупация Маньчжурии представляет собой акт агрессии, который, очевидно, длительное время планировался [25]. Стимсон попытался привлечь внимание членов кабинета к событиям в Маньчжурии. Но Гувер не пожелал их обсуждать, сославшись на необходимость принятия срочных мер для преодоления финансового кризиса [26].

На следующий день поступила телеграмма из Женевы. Консул США П. Джилберт сообщил, что Лига наций возлагает большие надежды на участие США в урегулировании дальневосточного конфликта. Совет Лиги обратился с письмом к правительству США. Позиция Соединенных Штатов имела решающее значение для членов Лиги, как впоследствии писал в мемуарах X. Вильсон, бывший в то время американским посланником в Женеве [27]. Стимсон информировал американских дипломатов, что США не намерены участвовать в обсуждении японо-китайского конфликта в Лиге наций; пусть Япония и Китай сами договорятся между собой [28]. Позиция Вашингтона, по признанию государственного секретаря Стимсона, состояла в том, чтобы соблюдать осторожность, не прибегать «ни к чему такому, что хоть отдаленно напоминало бы угрозу или открытую критику (действий Японии.— *Авт.*) со стороны Америки» [29].

Японская дипломатия стремилась создать впечатление, что военные действия в Маньчжурии носят локальный характер и инцидент вызван действиями крайних экстремистов. Подобная телеграмма была получена 22 сентября госдепартаментом от американского поверенного в делах в Токио Л. Невила [30]. На заседании Совета Лиги наций японский представитель Иосидзава также горячо убеждал членов Совета, что события в Маньчжурии носят местный характер и конфликт можно урегулировать путем переговоров между Японией и Китаем. Совет не принял никакого решения. Секретарь Совета Друммонд направил телеграммы в Токио и Нанкин с предложением не допускать расширения конфликта и отозвать войска на ранее занимавшиеся позиции.

30 сентября 1931 г. Совет Лиги наций принял резолюцию, призывавшую обе стороны постараться добиться примирения. Эта резолюция была согласована с американским представителем — консулом США в Женеве Джилбертом, который не участвовал в работе Совета Лиги. Официальный Вашингтон был согласен с решением Лиги наций и одобрил его. Такая позиция вполне устраивала Токио. Японская военщина стала действовать более смело и решительно. 8 октября японская авиация подвергла бомбардировке г. Цзиньчжоу. Зона оккупации расширялась. Японцы начали двигаться на север, в направлении советских границ.

9 октября 1931 г. на заседании кабинета Стимсон еще раз предложил обсудить вопрос о дальневосточной ситуации. Однако президент вновь

---

[25] Ibid., p. 30.
[26] *Ferrel R.* American Diplomacy in the Great Depression. Hoover — Stimson Foreign Policy, 1929—1933. New Haven, 1957, p. 132.
[27] *Wilson H.* Diplomat between Wars. N. Y., 1941, p. 260.
[28] FRUS, Diplomatic Papers, 1931, vol. 3, p. 49.
[29] *Стимсон Г.* Дальневосточный кризис. М., 1936, с. 21—22.
[30] Papers Relating to the Foreign Relations of the United States, Japan, 1931—1941, vol. 1, p. 4.

заметил, что внимание должно быть сосредоточено на решении внутренних проблем. Ни при каких условиях нельзя допускать, чтобы кто-либо, отметил он, втянул США в дальневосточный конфликт [31]. Четыре дня спустя Стимсон и его заместитель У. Кэстл встретились с начальником отдела военно-морских операций адмиралом У. Праттом и посоветовали ему направить часть подводных лодок в Шанхай. 15 октября адмирал М. Бристол, руководитель общего отдела министерства военно-морского флота, посетил госдепартамент для того, чтобы обсудить со Стимсоном военные и политические проблемы Дальнего Востока. Однако госдепартамент отклонил предложение адмирала о совместных и согласованных действиях двух министерств [32]. Пратт и начальник штаба армии генерал Дж. Макартур считали, что США могут выиграть войну против Японии, но для этого потребуется пять лет подготовки и от четырех до шести лет борьбы. Если британский флот примет участие в войне на стороне США, срок военных действий может быть сокращен до двух лет [33].

Стимсон поставил перед президентом вопрос о применении к Японии экономических санкций. Гувер поручил узнать, какова позиция Великобритании. Из Лондона поступил отрицательный ответ, что вполне удовлетворило президента, который располагал теперь предлогом для того, чтобы отклонить предложения об экономических санкциях в отношении к Японии [34]. Во второй половине октября на заседании кабинета министров Гувер более подробно изложил свою позицию. Он признал правомерность японской аргументации, состоявшей в ссылках на «анархию» в Китае, «коммунистическую угрозу» со стороны России. США трудно возражать против доводов японцев, поэтому Вашингтон, отметил глава администрации США, не станет предпринимать ни военных, ни экономических санкций против Японии [35]. Эта позиция была затем изложена в меморандуме президента.

В такой обстановке 15 ноября Совет Лиги наций приступил в Париже к обсуждению японо-китайского конфликта. Китайское правительство предложило применить к Японии экономические санкции. Лига наций обратилась к США с просьбой принять участие в работе Совета. На долю США приходилось около трети японской внешней торговли. США поставляли Японии дефицитные материалы, стратегическое сырье, военное снаряжение. 7 ноября 1931 г. Гувер и Стимсон обсуждали дальневосточную проблему, но ни к какому решению не пришли. Государственный секретарь предупреждал президента, что эмбарго может привести к войне. 13 ноября 1931 г. военный министр П. Хэрли заметил, что только сила может остановить Японию и если США к ней не прибегнут, они совершат ошибку, ибо японская оккупация Маньчжурии приведет к утрате США престижа в Азии [36].

Но президент и другие члены кабинета не намерены были предпринимать какие-либо шаги против японской агрессии. В конце концов администрация Гувера назначила своего представителя на сессию Совета

---

[31] American Civil-Military Decisions, p. 30—31.
[32] Ibid., p. 30, 32.
[33] The Memoirs of Herbert Hoover: Vol. 1—3. N. Y., 1952, vol. 2, p. 367—368.
[34] American Civil-Military Decisions, p. 31.
[35] The Memoirs of Herbert Hoover, vol. 1, p. 369, 370.
[36] American Civil-Military Decisions, p. 32.

Лиги наций — посла в Великобритании Ч. Дауэса. Одновременно тому было указано не принимать участия в заседаниях Совета. Посол вступил в переговоры с японским послом в Лондоне Мацудайрой и британским министром иностранных дел Дж. Саймоном. Между ними еще до открытия сессии Совета была достигнута договоренность не настаивать на определении срока эвакуации японских войск из Маньчжурии и желательности достигнуть прекращения военных действий путем перемирия. К этой договоренности присоединился и Бриан [37].

Китайским представителям Дауэс рекомендовал не настаивать на санкциях. Более трех недель на заседаниях Совета Лиги продолжалась дискуссия, но Дауэс на заседаниях не появлялся. Он строго придерживался инструкций, суть которых состояла в отказе от применения каких-либо санкций в отношении агрессора [38].

Тем временем масштабы японской агрессии расширялись. 19 ноября было предпринято наступление на стратегический центр Северной Маньчжурии — г. Цицикар. В западной печати появились пророчества о неизбежности японо-советского вооруженного конфликта. Стремясь выиграть время, японская делегация предложила Совету создать комиссию для изучения обстановки на месте. Получение телеграммы о принятии Советом японского предложения вызвало в Вашингтоне чувство облегчения. Комиссию возглавил англичанин лорд Литтон. От США в нее вошел генерал Маккой, от Франции — генерал Клодель, от Италии — Альдрованди-Марескотти, от Германии — д-р Шнее.

К работе комиссия приступила только весной 1932 г. Сначала она отправилась в США, затем в Японию и только после этого в Китай. Много времени заняло составление доклада. Он был опубликован лишь в октябре 1932 г. За это время японцы заняли Цзиньчжоу и стали продвигаться в южном направлении, что затрагивало интересы западных государств и в том числе США. В Китае действовали семь американских банков, авиационная компания США, которая эксплуатировала авиалинии Шанхай—Ханькоу, Нанкин—Бэйпин (Пекин) и Шанхай—Гуанчжоу (Кантон). В Маньчжурии «Нэшнл сити бэнк» еще в 1929 г. начал создавать сеть своих филиалов.

7 января 1932 г. Стимсон направил идентичные ноты правительствам Японии и Китая. В нотах указывалось, что США не признают захвата Маньчжурии и соответствующих договоров или возникших в результате этого положений, «которые могут нанести ущерб договорам и правам США». США выступили за сохранение политики «открытых дверей» в отношении Китая [39]. Впоследствии это заявление стало известно как доктрина Стимсона [40]. Этот дипломатический шаг отнюдь не преследовал цель воспрепятствовать японской экспансии. Американская администрация только предупреждала Японию, что США не намерены отказываться от занятых ими позиций в Китае, и в том числе в Маньчжурии. Стремясь приостановить продвижение японских войск в южном направлении,

---

[37] *Dawes Ch.* Journal as Ambassador to Great Britain. N. Y., 1939, p. 412, 416.

[38] *Myers W. S.* The Foreign Policies of Herbert Hoover (1929—1933). N. Y., 1979, p. 168; *Current R.* Secretary Stimson. A Study in Statecraft. New Brunswick, 1954, p. 83.

[39] Papers Relating to the Foreign Relations of the United States, Japan, 1931—1941, vol. 1, p. 76.

[40] *Current R.* Op. cit., p. 92—106.

в Вашингтоне рассчитывали на развитие агрессии в северном направлении, что должно было привести к обострению японо-советских отношений, возможно и к вооруженному столкновению. Однако эти надежды не оправдались.

Советское правительство приняло все меры к тому, чтобы не дать империалистам втянуть нашу страну в войну. Оно осудило агрессивные действия Японии, выразило готовность поддержать все акции, направленные на установление справедливого мира на Дальнем Востоке, предложило Японии и Китаю заключить с СССР пакты о ненападении. Из Токио последовал отказ[41]. Правительство СССР вынуждено было провести ряд мероприятий по укреплению обороноспособности дальневосточных границ. Это оказало определенное воздействие на правительственные круги Японии.

Англия и Франция не поддержали ноту Стимсона. Используя разногласия между западными державами, их экономические трудности, и главное — проводимую ими политику попустительства агрессии, японцы расширили масштабы военных действий в Китае. 28 января они атаковали район Шанхая — Чжабэй, что не только серьезно осложнило обстановку в Китае, но и создало реальную угрозу интересам западных держав. В этих условиях американцы попытались выступить в роли арбитра. 2 февраля госдепартамент США предложил проект «урегулирования» конфликта в Шанхае. Предлагалось прекратить военные действия, создать «нейтральную зону» и начать переговоры о перемирии с участием «нейтральных наблюдателей». Но японское правительство 6 февраля отклонило американское предложение о посредничестве.

У Стимсона появились опасения, что Япония может блокировать все китайские порты. Еще до нападения японцев на Шанхай, 25 января он предложил Гуверу заявить Японии решительный протест и направить часть американского флота из Манилы в Шанхай. Одновременно Стимсон предложил, чтобы Великобритания предприняла подобные шаги[42]. 26 января состоялось заседание кабинета министров. На нем обсуждалось положение в Шанхае. Военный министр Хэрли вновь подчеркнул, что Японию нельзя остановить малыми силами, что никакие дипломатические меры не дадут результатов и усилия Стимсона напрасны. Государственный секретарь в основном согласился с мнением Хэрли, заметив, однако, что американский флот находится далеко. Гувер выразил «понимание» японских акций в Китае и заявил, что Соединенным Штатам нет необходимости втягиваться в войну с Японией из-за Китая.

Военные действия в Шанхае принимали все больший размах. Государственный секретарь обсуждал с представителями военного и военно-морского министерств возможность посылки дополнительно в Шанхай военных кораблей.

Вопреки надеждам Токио китайские солдаты и население Шанхая оказали организованное сопротивление японским агрессорам. Американское правительство направило в Шанхай крейсер «Хьюстон» и шесть эсминцев, а также 31-й полк — 1000 солдат и 400 моряков[43]. Численность американских войск в международном сеттльменте достигла 2800 че-

[41] Документы внешней политики СССР: Т. 1—. М., 1957—, т. 15, с. 683. (Далее: ДВП СССР).
[42] American Civil-Military Decisions, p. 33.
[43] Ibid., p. 34.

ловек. 23 февраля Стимсон направил сенатору У. Бора открытое письмо, в котором выразил беспокойство по поводу событий в Шанхае и призвал к защите политики «открытых дверей» в Китае[44]. Это обращение привлекло внимание общественности страны. Некоторые представители военных кругов настаивали на применении решительных действий против Японии, но это не входило в планы администрации Гувера. Президент США заявил, что занят внутренними проблемами и не намерен заниматься делами Дальнего Востока.

Активная борьба китайской 19-й армии сорвала планы японского командования. 3 марта 1932 г., в день открытия сессии Ассамблеи Лиги наций, военные действия в Шанхае прекратились.

Японская дипломатия использовала время для так называемого «юридического оформления» захваченной в Северо-Восточном Китае территории. 18 февраля была провозглашена «независимость» Маньчжурии, 9 марта создано марионеточное государство Маньчжоу-Го.

Комиссия Литтона приступила к изучению ситуации в Северо-Восточном Китае только в апреле. В докладе комиссии (в составлении которого активное участие принимал генерал Маккой) Маньчжурия признавалась составной частью Китая, но отмечалось наличие «особых интересов» Японии на ее территории. Одновременно указывалось на нарушение японскими войсками Устава Лиги наций, пакта Бриана—Келлога, договора девяти держав и выражалось беспокойство в связи с ростом национально-освободительного движения в Китае.

Выводы и предложения комиссии были направлены на обеспечение интересов США, Великобритании и Франции. В докладе говорилось о необходимости развития сотрудничества западных держав и Японии в деле национальной реконструкции Китая, предлагалось создать специальный корпус жандармерии с участием иностранных инструкторов, назначить «советников» для контроля над финансовой, экономической и политической жизнью Китая, придерживаться договора девяти держав и провозглашенных ранее принципов политики «открытых дверей» в торговле и промышленности[45].

При обсуждении доклада комиссии Литтона в Лиге наций представитель Японии Мацуока, отвергнув все предложения доклада, заявил, что маньчжурская проблема — «дело жизни и смерти» для его страны. Британский министр иностранных дел Дж. Саймон выступил, к огромному удовлетворению Мацуоки[46], по существу, в защиту Японии.

9 декабря 1932 г. доклад комиссии Литтона был передан на рассмотрение созданной Ассамблеей Лиги «комиссии 19-ти», которой предстояло подготовить предложения по урегулированию конфликта. Закулисные переговоры вокруг маньчжурской проблемы вызвали определенную обеспокоенность в Вашингтоне, где опасались, что Англия и Франция, занимавшие ведущие позиции в Лиге наций, будут игнорировать интересы США в Китае. Поэтому 14 января 1933 г. американские послы в Лондоне и Париже заявили, что США настаивают на принятии выводов комиссии Литтона, чем поставили Лигу наций в затруднительное положение, поскольку невозможно было не учитывать как дипломатический

---

[44] *Стимсон Г.* Указ. соч., с. 119.

[45] Report of the Commission of Inquiry (Litton Commission), League of Nations. Geneva, 1932, p. 125.

[46] Survey of International Affairs for 1932. L., 1933, p. 493.

демарш Вашингтона, так и расширение японской агрессии и захват Японией Шаньхайгуаня — ворот в Центральный Китай.

В резолюции, принятой Ассамблеей, подтверждался суверенитет Китая над Маньчжурией, объявлялся незаконным ее захват Японией. Последней предлагалось эвакуировать свои войска с территории Маньчжурии, а членам Лиги наций рекомендовалось не признавать Маньчжоу-Го. В то же время резолюция отмечала наличие «особых прав и интересов» Японии в северо-восточных провинциях Китая. В знак протеста японская делегация во главе с Мацуокой покинула заседания Ассамблеи. 27 марта Япония заявила о своем выходе из Лиги наций.

Продолжая расширять сферу военных действий в Китае, японские войска вторглись в провинцию Жэхэ, затем устремились в провинцию Хэбэй. 29-я гоминьдановская армия потерпела поражение. К концу мая 1933 г. японские части подошли к Пекину и Тяньцзиню. Правительство Чан Кайши вступило в переговоры с Японией. 31 мая в местечке Тангу, близ Тяньцзиня, было подписано соглашение о перемирии. Китайские власти фактически признали контроль японцев над северо-восточными провинциями и частью Северного Китая. Так закончился первый этап японской экспансии на Азиатском материке. Встав на путь передела мира, Япония захватила огромную территорию, создала плацдарм для дальнейшего расширения своей агрессии. Попустительство со стороны Лиги наций и США привело к тому, что на Дальнем Востоке возник очаг мировой войны, пламя которого достигло Пёрл-Харбора.

3. ВАШИНГТОН И ЕВРОПА

Важное место во внешней политике администрации Гувера занимала Европа. Здесь были инвестированы крупные американские капиталы. Страны Европы являлись должниками США. После первой мировой войны общая сумма долгов, как известно, составляла 10 млрд. долл. Большие американские займы ряду европейских государств были предоставлены в послевоенные годы. Значительны были и торговые интересы, так как европейские страны являлись одним из основных потребителей американских товаров. К тому же между США и странами Западной Европы повсеместно шла борьба за рынки сбыта товаров и сферы приложения капиталов. США учитывали и то известное влияние, которое Европа оказывала на развитие международных отношений во всем мире.

В годы экономического кризиса особенную остроту приобрела проблема долгов и репараций. Вашингтон требовал от переживавших глубокий финансовый кризис государств уплаты долгов и процентов. Однако добиться этого не удалось. Германия оказалась не в состоянии платить по репарациям, а Великобритания и Франция заявили, что по этой причине они не будут платить США военные долги.

Белый дом настаивал на том, что военные долги и репарации не связаны между собой. Американские банкиры отказали Германии в новых кредитах. Вскоре ее финансовая система оказалась на грани банкротства. Об этом открыто заявил глава германского правительства Г. Брюнинг. Он подчеркивал, что финансовый кризис чреват нарастанием недовольства трудящихся масс и усилением социальных беспорядков.

20 июня 1931 г. Гувер объявил о предоставлении Германии моратория по репарациям и международным долгам на один год. На позицию

Вашингтона в определенной степени влияли связи между американскими и германскими монополиями. На долю США приходилось более 40% всего иностранного капитала в Германии[47]. В 20-е годы американские банкиры предоставили германским финансовым и промышленным монополиям займы на общую сумму более 2200 млн. долл. Посредниками при выпуске германских займов являлись банки Моргана, Гарримана, Диллона, Кун-Леба и др. Химический концерн Дюпона поддерживал тесные связи с германским трестом «ИГ Фарбениндустри». Прямые капиталовложения США в германскую промышленность в 1930 г. составляли 216,5 млн. долл.[48] В Германии функционировало до 60 филиалов американских концернов.

С новым углублением кризиса росло беспокойство американских монополий за судьбу своих инвестиций в Германии, за устойчивость власти буржуазии. В ежегодном послании конгрессу 8 декабря 1931 г. президент США, касаясь причин, побудивших объявить мораторий, отмечал, что «в течение двух лет революции либо острые социальные беспорядки произошли в 19 странах»[49]. В западноевропейских государствах приветствовали объявление моратория. Муссолини заявил: «Последние события неотложно требовали такого мероприятия, так как мы, несомненно, стояли перед катастрофой»[50].

Для поддержания фунта стерлингов США предоставили в августе 1931 г. заем Великобритании на сумму 650 млн. долл., что, однако, не остановило отлива золота из этой страны. 21 сентября был отменен золотой стандарт фунта стерлингов. Вслед за Англией 19 стран отказались от золотого стандарта. Напряженность в Западной Европе нарастала.

Опасность краха финансовой системы осенью 1931 г. заставила правительственные и деловые круги США действовать более решительно и быстро. Состоялось несколько совещаний промышленников и банкиров США. На одной из встреч Гувер заявил: «Дело идет о спасении не Германии или Британии, а о спасении нас самих»[51].

В центре европейских событий находилась Германия, где острота борьбы между партиями и классами достигла высокого накала. Во время выборов в рейхстаг избиратели отдали 6 млн. голосов за Компартию. Это вызвало глубокое беспокойство в германских правящих кругах. Именно в эти тревожные дни ноября 1932 г., когда нацистская партия начала терять влияние в массах и голоса избирателей, посол США в Берлине информировал госдепартамент: «... число коммунистов в Германии столь сильно возросло, что стало совершенно очевидным, как важно в настоящий момент иметь сильное централизованное правительство более или менее военного характера»[52].

Приближался срок окончания моратория. Международный банк по расчетам признал Германию неплатежеспособной.

В июне 1932 г. в Лозанне по инициативе Англии была созвана репарационная конференция, в которой США не участвовали. Конференция

---

[47] Очерки новой и новейшей истории США: В 2-х т. М., 1960, т. 2, с. 136.
[48] История второй мировой войны, 1939—1945, т. 1, с. 183.
[49] New York Times, 1931, Dec. 9.
[50] Цит. по: План Юнга и Гаагская конференция 1929—1930 гг.: Документы и материалы. М.; Л., 1931, с. XVIII.
[51] *Яковлев Н. Н.* Новейшая история США, 1917—1960. М., 1961, с. 188—189.
[52] FRUS, Diplomatic Papers, 1932: Vol. 1—5. Wash., 1948, vol. 2, p. 318.

решила снизить репарации с Германии. Ей было предложено внести последний взнос в 4,2 млрд. марок. Одновременно европейские должники потребовали от администрации США аннулировать военные долги. Но администрация Гувера вновь твердо заявила: долги нужно непременно платить; между репарациями и долгами нет никакой связи. 15 декабря 1932 г., когда истек срок моратория, шесть европейских государств отказались платить военные долги. Вскоре еще 14 европейских стран последовали этому примеру. В Вашингтоне неистовствовали. Но протесты Гувера не возымели действия; отношения между США и западноевропейскими государствами очень обострились.

Экономический кризис тяжело отразился на торговле США с Европой. Западноевропейские государства отказывались закупать многие американские товары. Только в первые шесть месяцев 1930 г. Англия уменьшила ввоз товаров из США на 15,8%, Германия — на 26,2, Франция — на 9,6% [53].

Таким образом, отношения между США и странами Западной Европы носили напряженный характер. Это нашло отражение и при решении ряда вопросов мировой политики, обсуждавшихся на международных конференциях.

4. УЧАСТИЕ В КОНФЕРЕНЦИЯХ: МОРСКОЙ И ПО РАЗОРУЖЕНИЮ

21 января 1930 г. в Лондоне открылась созванная по инициативе США конференция пяти морских держав: США, Великобритании, Франции, Италии и Японии. Как известно, Женевская конференция 1927 г. потерпела провал из-за серьезных разногласий между ее участниками. Гувер предпринял новую попытку договориться с другими государствами о соотношении военно-морских сил.

В ходе подготовки конференции США намеревались договориться с Великобританией о паритете военно-морских сил. Но Англия выступила против равенства военно-морской мощи двух держав. Тогда Стимсон заявил, что США твердо намерены добиваться военно-морского паритета. В октябре 1929 г., во время переговоров британского премьер-министра Макдональда с Гувером, была достигнута договоренность об установлении равенства в соотношении военно-морских флотов. Принятие этого условия означало, что США могли развернуть широкую программу строительства новых кораблей. Англия же намеревалась перевести устаревшие корабли в резерв, а вместо них построить более современные. Таким образом, речь шла, по существу, не о сокращении морских вооружений, а об их увеличении как в США, так и в Англии.

Президент США настойчиво добивался от Макдональда согласия на сохранение принципа «свободы морей» в случае войны. Это означало, что Великобритания должна была «открыть» все морские пути для американских судов в целях развития торговли США. Но это никак не отвечало интересам Британской империи. Макдональд отклонил притязания США и высказался за прекращение переговоров по столь сложной проблеме. Затем Гувер предложил, чтобы Великобритания воздерживалась от строительства новых военных баз и укреплений в Западном полуша-

[53] Soviet Union Review, 1930, Nov., p. 156.

рии. Получив согласие, президент США пошел еще дальше, высказав мысль о желательности раздела мира на сферы влияния: Западное полушарие предназначалось для США, а Восточное — для Англии[54]. Во время англо-американской встречи была достигнута договоренность о проведении конференции по морским делам и немедленно направлены приглашения Франции, Италии и Японии.

На конференцию в Лондон Вашингтон направил многочисленную делегацию во главе с государственным секретарем. Руководителями британской, французской и японской делегаций являлись премьер-министры Макдональд, Тардье и Вакацуки. Еще до открытия конференции делегация США могла убедиться в глубине разногласий между морскими державами.

Во время открытия конференции главы делегаций убеждали общественность в своем миролюбии, в стремлении «к миру и сокращению вооружений», «разоружению и устранению опасности войны»[55]. Острые дебаты и дискуссии, развернувшиеся на конференции, показали, что эта пацифистская фразеология не имеет ничего общего с действительными устремлениями великих держав. Одновременно вскрылись серьезные разногласия между участниками конференции. Макдональд заявил о «праве» Великобритании быть самой сильной морской державой. Стимсон призвал к установлению «математического равенства» флотов. Тардье отклонил формулу Стимсона и настаивал на необходимости учитывать «абсолютные потребности» каждой страны, и в частности наличие у нее колоний. Итальянская и японская делегации прямо говорили о своей неудовлетворенности тем соотношением флотов, которое установила Вашингтонская конференция.

В вопросе о крейсерах англичане заручились поддержкой Франции, Италии и Японии. Американцы вынуждены были пойти на уступку и согласиться с требованиями англичан. После этого британская делегация предложила обсудить вопрос о сокращении числа линейных кораблей как устаревших. Стимсон категорически отклонил это предложение. Используя разногласия между США и Англией, Япония стала требовать, чтобы ее флот по своей мощи составлял 70% от американского (до этого было 60%). Франция также потребовала увеличения своего флота, который, по мнению ее руководителей, не должен быть слабее английского. Паритета с Францией потребовала Италия. 11 февраля на пленарном заседании обнаружились разногласия держав и по вопросу о подводных лодках. Дебаты показали стремление каждого участника конференции усилить свою морскую мощь. Стимсон заявил представителям прессы, что, по его мнению, конференция может завершиться увеличением, а не сокращением морского флота держав[56]. Конференция, по существу, зашла в тупик.

В это время во Франции наступил очередной политический кризис. Правительство Тардье ушло в отставку. Французская делегация была отозвана. В работе конференции наступил перерыв. Американская деле-

---

[54] Documents on British Foreign Policy, 1919—1939, Second Series: Vol. 1—19. L., 1946—1982, vol. 1, p. 121.

[55] Подробнее о конференции см.: *Солонцов З. М.* Дипломатическая борьба США за господство на море и противоречия империалистических держав (1918—1945). М., 1962.

[56] Times, 1930, Mar. 6.

гация решила использовать его в своих интересах и попытаться договориться с англичанами и японцами без участия французов. Однако эти попытки успеха не имели.

После возобновления работы конференции Бриан как глава французской делегации по-прежнему продолжал отстаивать обширную программу строительства крейсерского флота (60% английского), требовал превосходства в области подводных лодок. Настойчиво подчеркивалось, что Франция готова принять англо-американские предложения, если державы подпишут «политический пакт», гарантирующий ее безопасность. Гувер направил в Лондон телеграмму, что администрация США никогда и ни за что не пойдет на такой шаг. По мнению Вашингтона, пакт Келлога обеспечивал подобного рода гарантии. Тогда французская дипломатия представила проект средиземноморского пакта, предусматривавший гарантию безопасности Франции. Но США и Великобритания отвергли предложения Бриана, не желая связывать себя военным союзом с Францией. Это вызвало большое недовольство в Париже.

Стремясь смягчить англо-французские противоречия, британская дипломатия выдвинула идею подписания «консультативного пакта». Франция и США отвергли этот проект. Тогда англичане попытались с помощью Италии оказать давление на Францию, что привело к новому обострению франко-итальянских разногласий. Глава французской делегации покинул Лондон. Конференция вновь зашла в тупик. Создалась критическая ситуация.

Опасаясь провала конференции, глава американской делегации заявил, что США готовы будут принять участие в поисках «приемлемой» формы «консультативного пакта». Было очевидно, что Вашингтон не намерен брать на себя обязательства по оказанию военной помощи другим странам. США стремились сначала урегулировать спорные вопросы по морским вооружениям, а затем уже обсуждать проблемы политического соглашения пяти держав, надеясь в основу их положить принцип пакта Келлога. Но этот дипломатический маневр был разгадан и в Париже и в Лондоне. Бриан продолжал добиваться гарантий безопасности Франции, а Макдональд — участия США в «консультативном пакте». Однако Вашингтон был непреклонен. Попытки британских и французских дипломатов найти без США приемлемые условия «консультативного пакта» потерпели неудачу, хотя было составлено 22 различных варианта [57].

Американская делегация снова обратилась к поискам соглашения трех держав — США, Великобритании и Японии [58]. Представители Токио упорно отвергали различные американские варианты соотношения крейсеров и подводных лодок. Посол США в Токио У. Кэстл заявил, что если правительство Сидехары будет и дальше упорствовать и не соглашаться с американскими предложениями, то США возобновят в более широких масштабах строительство морских вооружений и приступят к возведению фортификационных сооружений на морских базах в Тихом океане. Это заявление произвело впечатление на правительственные и военные круги Японии. Они стали более сговорчивыми. 3 апреля состоялось совместное заседание американской, британской и японской делега-

[57] *Солонцов З. М.* Указ. соч., с. 267.
[58] FRUS, Diplomatic Papers, 1930: Vol. 1—3. Wash., 1945, vol. 1, p. 58.

ций, на котором в принципе был одобрен проект трехстороннего морского соглашения. «Спорные вопросы почти урегулированы»,— с удовлетворением доносил Стимсон в Вашингтон.

22 апреля конференция закончила свою работу. Первая часть договора устанавливала число линкоров и авианосцев и их соотношение для трех держав, вторая — категории кораблей, не подлежащие ограничению, и калибр пушек для подводных лодок, третья предусматривала строительство новых типов кораблей: крейсеров, эсминцев, подводных лодок, их количественное соотношение между тремя державами: США, Великобританией и Японией. Две первые части договора были подписаны всеми участниками конференции, а третья — только США, Великобританией и Японией. Италия и Франция отказались подписать; они не хотели брать на себя обязательства по этой части договора. Позже они вообще отказались от его ратификации.

Основным итогом конференции явилось признание равенства флотов США и Англии. Превосходству Великобритании на море был нанесен серьезный удар. Соотношение сил США и Японии на море тоже изменилось в пользу Вашингтона. Американцам удалось несколько ограничить морские вооружения своих соперников. «Договор принес США,— писала „Нью-Йорк таймс",— большое удовлетворение... он поставил флот других держав в определенные рамки» [59]. Был зафиксирован принцип паритета линейных флотов Англии и США. Соотношение флотов США и Японии устанавливалось: для линейных кораблей, авианосцев и тяжелых крейсеров — 10 : 6; для легких крейсеров, вспомогательных и более мелких судов — 10 : 7, а для подводных лодок — равенство. Лондонское соглашение обсуждалось в конгрессе три месяца. 23 адмирала и многие сенаторы выразили недовольство тем, что Стимсон вместо 23 тяжелых крейсеров, предусмотренных первоначально, согласился на 18. Лишь 21 июля сенат ратифицировал Лондонское соглашение.

Работа конференции и ее итоги свидетельствовали о борьбе империалистических держав за господство на море, об остроте и глубине противоречий между ними. В этом соперничестве Англия как могучая морская держава вынуждена была постепенно уступать свои позиции США. Происходило перераспределение военно-морской мощи держав соответственно их экономическому потенциалу. Лондонская морская конференция не разрешила противоречий между ее участниками. Напротив, после нее усилилась гонка военно-морских вооружений, а противоречия между империалистическими державами еще более обострились, что нашло отражение и на Международной конференции по разоружению в Женеве, которая открылась 2 февраля 1932 г. В ней приняли участие 59 государств, в том числе и США. Подготовка к конференции велась с 1926 г. Подготовительной комиссией было проведено шесть сессий, обнаруживших глубину и остроту разногласий между участниками. За это время военный бюджет ведущих держав возрос на 27% [60]. Конференция начала работу в условиях напряженной международной обстановки, расширения японской агрессии в Китае.

Американская делегация прибыла в составе Г. Стимсона, Н. Дэвиса,

[59] New York Times, 1930, Apr. 18.
[60] История дипломатии, т. 3, с. 557.

К. Свэнсона, Х. Вильсона, Х. Гибсона, А. Даллеса и др. В Лиге наций в то время, по словам Стимсона, «царила унылая атмосфера»[61].

На конференции было произнесено много пацифистских речей. Все главы делегаций говорили о важности разоружения. Однако в их речах обнаружились серьезные противоречия. Глава французской делегации премьер-министр Тардье выступил за создание международной армии под эгидой Лиги наций. Целью этого плана являлось усиление влияния Франции на европейские дела с помощью Лиги наций. Германия потребовала «равенства» в вооружении. Английская делегация, опасаясь усиления Франции, поддержала германские требования и предложила придерживаться при обсуждении выработанного подготовительной комиссией проекта конвенции. Делегация США присоединилась в значительной степени к предложениям Англии. Она выступила с предложением «качественного разоружения», ограничения действий танков и артиллерии. Стремясь в первую очередь к сохранению своих морских вооружений, США призвали Францию и Италию присоединиться к Лондонскому соглашению 1930 г. Мацудайра предложил сократить тоннаж линкоров, упразднить часть авианосцев, что противоречило интересам Англии и США.

Глава советской делегации М. М. Литвинов изложил действенную программу укрепления всеобщего мира. Было предложено положить принцип незамедлительного всеобщего и полного разоружения в основу работы конференции. Выражалась также готовность обсудить любые предложения, действительно направленные к сокращению вооружений и созданию одинаковой безопасности для всех государств[62]. Однако большинство делегаций выступили против советских предложений. В ходе развернувшихся дебатов американская делегация 22 июня предложила сократить на треть сухопутные армии, уничтожить танки, тяжелую артиллерию, бомбардировщики, на треть — число и тоннаж линкоров, на четверть — тоннаж авианосцев, крейсеров, эсминцев, установленный согласно Вашингтонскому и Лондонскому соглашениям, а также на треть тоннаж подводных лодок[63].

На первый взгляд предложения США носили радикальный характер. Между тем на деле они были направлены на ослабление позиций Франции, Великобритании, Японии и ряда европейских государств и усиление военной мощи США, которые располагали незначительными сухопутными силами. Поэтому при голосовании большинство государств (30) высказалось против американских предложений и 18 воздержалось. В Вашингтоне это не вызвало большого сожаления, поскольку выдвижение Гувером такого широковещательного проекта представляло собой всего лишь предвыборный маневр[64].

23 июля, после шести месяцев, конференция закончила первый этап своей работы. Она выявила позиции главных ее участников, степень и характер разногласий, стремление ряда государств занять более благоприятные условия за счет других. Была одобрена резолюция Э. Бенеша,

[61] *Стимсон Г.* Указ. соч., с. 137.
[62] *Литвинов М. М.* Внешняя политика СССР: Речи и заявления, 1927—1937. М., 1937, с. 289—308.
[63] Подробнее см.: *Хайцман В. М.* СССР и проблема разоружения (между первой и второй мировыми войнами). М., 1959, с. 314.
[64] Там же, с. 316.

в которой, по существу, не содержалось конкретных предложений по сокращению вооружений, а больше говорилось о гуманизации войны. В подготовке ее принял активное участие А. Даллес. Х. Гибсон назвал принятую резолюцию «великим достижением». В действительности это было, конечно, не так.

На конференции наглядно проявилась агрессивная позиция Германии, которая настойчиво требовала «равноправия» в вооружениях. 26 июля германский военный министр Шлейхер в речи по радио подверг резкой критике политику Франции, заявил о решимости Германии добиваться признания равноправия в вооружении. На следующий день это требование было подтверждено канцлером фон Папеном. 28 августа министр иностранных дел О. фон Нейрат предложил французскому послу в Берлине Ф. Понсе начать конфиденциальные переговоры «о равноправии в вооружениях»[65]. Французское правительство отклонило это предложение. Англия поддержала позицию Франции. Между тем несколько дней спустя, 23 сентября, британский министр Дж. Саймон в неофициальной беседе с американским делегатом Х. Вильсоном высказал мысль, что в будущем вполне возможно «равенство прав» Германии в области вооружений[66].

Стремясь оказать давление на участников конференции, Германия отказалась участвовать в заседаниях ее бюро, открывшихся 21 сентября. Госдепартамент предложил делегации США не делать никаких заявлений по этому поводу[67]. На протяжении всей осени Германия настойчиво продолжала требовать равноправия в области вооружений. Италия поддержала требования Германии. 2 декабря 1932 г. глава делегации США во время встречи с премьер-министром Макдональдом и Саймоном высказался за предоставление Германии права на такую же военную систему, как и у других континентальных стран[68]. Опасаясь изоляции, Франция также пошла на уступки. 11 декабря 1932 г. на совещании представителей США, Великобритании, Франции и Германии последней было предоставлено равное право на вооружения. Это не устраивало Францию. Она выдвинула новый план организации мира, в основу которого была положена идея сохранения военного статус-кво в Европе с обеспечением гегемонии Франции.

В апреле 1933 г. глава делегации США Н. Дэвис и А. Даллес посетили Германию, где были приняты Гитлером. Обсуждался вопрос о принятии «плана Макдональда», устанавливавшего некоторые ограничения сухопутных вооруженных сил. Дэвис посоветовал Гитлеру не слишком подчеркивать решимость Германии перевооружаться[69]. 16 мая президент Рузвельт обратился к 53 главам правительств с призывом содействовать принятию предложений Макдональда. На следующий день Гитлер выступил с заявлением о согласии Германии в течение пяти лет соблюдать военные ограничения Версаля, а германский представитель взял обратно поправки по «плану Макдональда», который, как он заметил, приемлем в своей основе для будущей конвенции. 8 июня «план Макдональда» был

---

[65] Сборник документов по международной политике и международному праву: Вып. 1—7. М., 1932—1934, вып. 4, с. 104.
[66] FRUS, Diplomatic Papers, 1932, vol. 1, p. 444—445.
[67] Ibid., p. 439.
[68] Documents on British Foreign Policy, 1919—1939, Second Series, vol. 4, p. 309.
[69] Ibid., vol. 1, p. 88; vol. 5, p. 150.

принят генеральной комиссией конференции. 29 июня конференция объявила перерыв в работе для урегулирования разногласий между правительствами.

Осенью Германия приступила к созданию вермахта и потребовала увеличения армии до 300 тыс. человек. В октябре она покинула конференцию и вышла из Лиги наций. На конференции возник кризис. 24 ноября М. М. Литвинов заявил: «Конференция по разоружению агонизирует. Женева — мертвец, и если не составлен акт смерти, то лишь потому, что врачи боятся выслушать сердце, переставшее биться»[70]. В последующие месяцы между Германией, Великобританией и Францией начались сепаратные переговоры о довооружении Германии. В конце мая 1934 г. состоялось открытие сессии генеральной комиссии конференции по разоружению, на которой Дж. Саймон предложил удовлетворить германские требования о вооружении. После краткой дискуссии конференция прекратила работу, не решив ни одного вопроса. Участники ее были заняты милитаризацией и подготовкой к войне, угроза которой возрастала. На Дальнем Востоке и в Европе образовались очаги войны — тучи быстро сгущались над миром. В этих условиях возрастала роль СССР в международных делах.

5. УСТАНОВЛЕНИЕ ДИПЛОМАТИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ МЕЖДУ СССР И США

Признание СССР Соединенными Штатами было обусловлено целым комплексом факторов политического, экономического, торгового, дипломатического и международного характера.

Важное значение в нормализации отношений с Советским Союзом имели экономические причины — заинтересованность деловых кругов США в торговле с Советским государством. Экономический кризис 1929—1933 гг. объективно усилил эту тенденцию, особенно в связи с резким падением американской внешней торговли. Как свидетельствует статистика, в то время товарооборот США с западными государствами упал, а закупки СССР американских товаров возросли. В частности, в 1931 г. Советский Союз закупил 77,3% экспортируемых американских тракторов, 57,3% металлорежущих станков, являлся крупным импортером горнорудного и нефтяного оборудования[71]. В 1929—1930 гг. советские заказы выполнялись на предприятиях, расположенных в 36 штатах[72].

Наивысшей точки товарооборот между СССР и США достиг в 1931 г. Он мог бы расти и в последующие годы. Однако администрация Гувера препятствовала развитию взаимовыгодной торговли, применяя таможенные и валютные ограничения, повышенные пошлины, ставя советские закупочные организации в неблагоприятные условия. Кредиты выдавались под высокие проценты и на краткие сроки. Советские организации не имели юридического статуса в США. Реакционные круги США развернули широкую антисоветскую кампанию.

Политика бойкота торговли с СССР, проводившаяся администрацией

[70] *Литвинов М. М.* Указ. соч., с. 357.
[71] Советско-американские отношения, 1919—1933: Сб. документов по международной политике и международному праву. М., 1934, с. 98—99.
[72] *Фураев В. К.* Советско-американские отношения, 1917—1939. М., 1964, с. 205.

Гувера, заставила Советское правительство свести заказы до минимума. Торговля между двумя странами резко сократилась. В то же время советские заказы заметно возросли в Германии, Англии и Италии. Эти изменения немедленно были замечены американскими компаниями. Они расценили их как упущенные возможности. В деловых кругах усилилось движение за признание СССР.

24 июня 1932 г. Торговая палата США опубликовала меморандум, в котором предлагалось изменить политику в отношении торговли с СССР. Представитель деловых кругов Т. Морган выразил неудовлетворенность отсутствием американского посла и торгового атташе в Москве, что отрицательно сказывалось на информации о возможностях советского рынка. В том же месяце на заседании 200 промышленников и банкиров Американо-русской торговой палаты было высказано пожелание быстрее рассмотреть вопрос об установлении нормальных отношений с СССР и использовании русского рынка для американских товаров[73]. Многие промышленники Нью-Йорка, Кливленда, Бостона, Сан-Франциско и других городов выступали за расширение торговли с Советским Союзом. Из 50 опрошенных фирм 45 заявили, что Советский Союз — надежный торговый партнер, который добросовестно выполняет свои обязательства. 22 фирмы высказались за немедленное признание СССР[74].

В связи с приходом в Белый дом Франклина Делано Рузвельта деловые круги США стали более настойчиво выступать за нормализацию отношений с Советским Союзом. 21 марта 1933 г. Американо-русская торговая палата призвала нового государственного секретаря К. Хэлла пересмотреть политику в отношении Советской страны и создать более благоприятные возможности для развития с ней торговли[75]. Огромное впечатление на американских экспортеров произвело заявление М. М. Литвинова на Международной экономической конференции в Лондоне 14 июня 1933 г. о готовности Советского правительства разместить за границей заказы на 1 млрд. долл. на основе получения долгосрочных кредитов. Американо-русская торговая палата, членами которой являлись такие крупнейшие фирмы, как «Дженерал электрик», «Дженерал моторз», «Америкэн локомотив», «Томас Эдисон», «Крайслер», реагировала на это изданием 12 июля специального бюллетеня, в котором отмечалось: «Лондонская конференция вновь показала невыгодность политики непризнания». Соединенным Штатам надо «действовать быстро и благоразумно с целью развития дипломатических и торговых отношений»[76].

Заявление М. М. Литвинова на экономической конференции побудило главу американской делегации К. Хэлла предпринять дипломатическую акцию. Конфиденциально он и члены делегации США Г. Моргентау, У. Буллит и Р. Моли встретились с М. М. Литвиновым. Эта беседа, по словам государственного секретаря, заложила фундамент для обсуждения вопроса о признании[77].

---

[73] Economic Review of the Soviet Union, 1932, Apr. 1, p. 158—159; 1932, Apr. 15, p. 175.

[74] *Фураев В. К.* Указ. соч., с. 211.

[75] *Williams W. A.* American-Russian Relations, 1781—1947. N. Y., 1952, p. 236.

[76] Известия, 1933, 14 июля.

[77] The Memoirs of Cordell Hull: Vol. 1, 2. N. Y., 1948, vol. 1, p. 293—294; Franklin D. Roosevelt and Foreign Affairs: Vol. 1—3 / Ed. by E. Nixon. Cambridge (Mass.), 1969, vol. 1, p. 293—294.

Вопрос о признании СССР вызывал дебаты в конгрессе еще в начале 30-х годов. Особенно активно выступал сенатор У. Бора. Он неоднократно заявлял о важности нормализации советско-американских отношений и развития торговли между двумя государствами. Сенатор-демократ Б. Уилер, посетив СССР, выступил с серией статей о жизни советских людей и значении для США русского рынка.

К нормализации советско-американских отношений призывали сенаторы Беркли и Каттинг, посетившие Советский Союз в 1930 г. Член палаты представителей демократ А. Сэббэт внес 22 апреля 1932 г. в комиссию по иностранным делам резолюцию с требованием установления дипломатических отношений с Советским правительством. За признание высказались лидеры демократов в сенате и палате представителей Д. Робинсон (штат Арканзас) и Г. Рейни (штат Иллинойс), видные деятели демократической партии сенаторы К. Свэнсон и Р. Вагнер. Г. Рейни писал: «Почти все страны мира признали Советскую Республику. Они все действуют, чтобы добиться торговли с Россией. Мы же сидим сложа руки, в то время как наши заводы останавливаются, а наш народ остается без работы. Это глупо»[78]. Бывший губернатор штата Нью-Йорк А. Смит заметил, что США могут не одобрять советский строй, но не имеют «никакого права указывать другой нации относительно формы правления». Смит предложил послать в Москву комиссию для переговоров в целях установления дипломатических отношений «на условиях, благоприятных для обеих стран»[79].

В декабре 1932 г. девять членов сенатской комиссии по иностранным делам высказались за признание, пять — против, а семь воздержались занять определенную позицию. 8 января 1933 г. из 52 опрошенных сенаторов 23 были за нормализацию советско-американских отношений, 9 — против, а 20 воздержались. 10 марта сенатор Бреттон (штат Нью-Мексико) представил одобренную сенатом штата петицию. В ней предлагалось признать Советский Союз. В тот же день сенатор У. Бора в седьмой раз предложил сенату высказаться в пользу признания СССР[80]. Губернатор штата Пенсильвания Дж. Пинчот заявил в январе 1933 г.: «В высшей степени неразумно разрешать европейским странам занимать место США на русских рынках только потому, что закрыты дипломатические каналы»[81].

Не следует, однако, преувеличивать значение и силу сторонников политики признания СССР в американском конгрессе, да и не только в нем. Гораздо больше было противников, стоявших на непримиримых позициях. Наиболее активно выступали против нормализации советско-американских отношений сенаторы А. Робинсон, А. Ванденберг, У. Кинг, члены палаты представителей Г. Фиш, М. Дайс и др. Они стремились опорочить политику Советского правительства, дискредитировать деятельность «Амторга», клеветали на Коммунистическую партию США. Специально созданная палатой представителей комиссия во главе с Г. Фишем для «расследования деятельности СССР» представила доклад, который изобиловал антисоветскими клеветническими измышлениями. В нем говорилось о «советском демпинге», о «принудительном труде»,

[78] Nation, 1932, May 18, p. 567.
[79] Congressional Record, vol. 77, pt 2, p. 1545—1546.
[80] Ibid., pt 1, p. 113, 125.
[81] Известия, 1983, 25 янв.

якобы применяемом в Советском Союзе. Предлагалось закрыть «Амторг» и выслать из США советских сотрудников, установить эмбарго на импорт марганца из СССР, ввести новые иммиграционные законы, не допускать въезд в страну иностранных коммунистов. Даже некоторые американские газеты вынуждены были признать доклад Фиша необъективным, тенденциозным и «истеричным». Журнал «Аутлук» нашел его «глупым и опасным» [82].

Реакционная пресса США воспользовалась материалами комиссии Фиша для усиления антисоветской истерии в стране. Стремясь настроить общественность против Советского Союза, она развернула клеветническую кампанию по поводу вымышленных религиозных «преследований» в СССР. В палату представителей тем же Фишем была внесена по этому вопросу специальная резолюция.

Во время президентской предвыборной кампании в 1932 г. ни демократическая, ни республиканская партия не уделили места и внимания в своих платформах вопросу об отношении к СССР. Внешнеполитические вопросы вообще мало затрагивались. Основное внимание было сосредоточено на проблемах, связанных с экономическим кризисом и его последствиями. Однако позиции по отношению к Советскому Союзу у обеих партий были различными. Позиция республиканской администрации Гувера была однозначной и отчетливо выраженной — не признавать. Об этом она неоднократно заявляла. 16 апреля 1929 г. государственный секретарь Г. Стимсон уведомил Американскую федерацию труда, что в политике правительства относительно признания Советской России никаких изменений не предвидится [83], 25 августа 1930 г. заместитель госсекретаря У. Кэстл доверительно сообщил банкиру Бертрану о том, что американское правительство не намерено признавать Советское государство и не будет подписывать с ним торгового соглашения [84]. В декабре Стимсон сделал официальное заявление для печати, гласившее: признание Советского правительства исключено, если оно не согласится с «предварительными условиями» госдепартамента [85].

9 июня 1932 г. государственный секретарь конфиденциально информировал дипломатические представительства за рубежом, что правительство Гувера твердо придерживается позиции непризнания Советской России [86]. Во время предвыборной кампании Стимсон 8 сентября 1932 г. направил письмо сенатору Бора с уведомлением: госдепартамент не намерен вносить какие-либо изменения в политику непризнания СССР [87].

Ф. Рузвельт, как дальновидный государственный деятель, понимал ненормальность отсутствия дипломатических и торговых отношений между двумя крупнейшими державами, какими являлись США и СССР, но не проявлял поспешности; он воздерживался от преждевременных публичных заявлений, не желая связывать себя какими-либо обязательствами во время предвыборной кампании, присматривался к расстановке политических сил, изучал различные мнения. Однако можно с уверенно-

---

[82] Outlook, 1931, N 157, p. 127.
[83] New York Times, 1929, Apr. 30.
[84] *Browder R. P.* The Origins of the Soviet-American Diplomacy. Princeton, 1953, p. 40.
[85] New York Times. 1930, Dec. 7.
[86] *Цветков Г. Н.* Шестнадцать лет непризнания: Политика США в отношении Советского государства в 1917—1933 гг. Киев, 1971, с. 138.
[87] FRUS, Diplomatic Papers, 1933: Vol. 1—5. Wash., 1949—1952, vol. 2, p. 778—779.

стью сказать, что отношения США и СССР уже в то время вызывали у него определенный интерес.

27 июля 1932 г. Рузвельт беседовал с московским корреспондентом «Нью-Йорк таймс» У. Дюранти и, по словам последнего, проявил «разносторонний интерес и глубокое знание советских дел»[88]. В разгар предвыборной кампании, 9 сентября 1932 г., Рузвельт встретился с инженером А. Хэршем, в то время работавшим главным консультантом по химической промышленности в ВСНХ СССР. Он подробно расспрашивал его о развитии советской экономики, перспективах советско-американской торговли, о советско-японских отношениях. Рузвельт «откровенно сказал, что его очень интересует Россия»; по его мнению, в будущем эта страна может стать огромным рынком для американских товаров и желательно заключить с ней торговый договор. В случае избрания его президентом «он начал бы вести с Советами переговоры, чтобы договориться об установлении связей, о признании и т. д.»[89].

Вступив в Белый дом, Рузвельт энергично занялся прежде всего решением внутренних проблем, провозгласив «новый курс». Вопрос о признании СССР не значился в числе первоочередных. Однако он занимал многих членов кабинета, да и самого Рузвельта, который больше чем кто-либо понимал ненормальность сложившейся ситуации. Весной 1933 г. полковник Р. Робинс, бывший руководитель американской миссии Красного Креста в России, видный общественный деятель США, совершил поездку в Москву. Он имел встречу с наркомом иностранных дел М. М. Литвиновым и зам. наркома Л. И. Караханом. Его принял И. В. Сталин. Из бесед с ними у Робинса сложилось впечатление, что американская инициатива в признании СССР будет благоприятно воспринята советской стороной. По возвращении в США Робинс убеждал членов администрации Рузвельта, его сотрудников в желательности нормализации отношений с СССР[90].

16 мая 1933 г. президент обратился к главам 53 государств с посланием по вопросу о разоружении и о созыве Международной экономической конференции. Это обращение было направлено и правительству Советского Союза. Из Москвы немедленно последовал ответ. Глава Советского государства М. И. Калинин поддержал инициативу президента. Американская печать и общественность расценили этот шаг как первый симптом сближения двух государств.

Негативную деятельность в это время развернул госдепартамент. Многие его сотрудники выступали против нормализации отношений с СССР. 27 июля 1933 г. заместитель госсекретаря У. Филлипс представил Рузвельту памятную записку, подготовленную руководителем восточноевропейского отдела Р. Келли. В ней излагались предварительные условия признания СССР. К ним относились: отказ Советского правительства от «мировых революционных целей», признание им долгов царского и Временного правительств, выплата стоимости национализированной собственности, принадлежавшей американцам, а также... «преодоление различий между экономической и социальной структурой Со-

---

[88] *Duranty W.* I Write as I Please. L., 1935, p. 298.

[89] Об установлении связей между СССР и США: (Публикация документов).— Ист. архив, 1960, № 2, с. 104—105.

[90] *Мальков В. Л.* США: от интервенции к признанию Советского Союза (1917—1933 гг.).— Новая и новейшая история, 1984, № 1, с. 144.

единенных Штатов и России». В записке подчеркивалось, что нормализации отношений препятствовали будто бы «монополия внешней торговли СССР», «классовый характер» Советского государства, советское законодательство и «система правосудия в отношении к иностранным гражданам»[91]. Целью этого документа, по существу, являлось стремление убедить Рузвельта в невозможности нормализации советско-американских отношений.

Между тем события неумолимо развивались в пользу признания. По поручению Рузвельта председатель комитета по кредитованию сельского хозяйства Г. Моргентау установил личные связи с представителями «Амторга», проявил заинтересованность в советских заказах. Ему было сообщено о готовности Советского Союза закупить в США сырье на 75 млн. долл. при условии получения долгосрочного кредита[92].

В июле 1933 г. Реконструктивная финансовая корпорация (РФК) приняла решение о предоставлении кредита американским экспортерам для финансирования продажи 60—80 тыс. кип хлопка Советскому Союзу. Обращение «Амторга» к РФК с предложением о финансировании советских закупок получило поддержку советника президента Р. Моли и Г. Моргентау. В госдепартаменте отнеслись к этим предложениям довольно сдержанно. 21 сентября Хэлл направил меморандум Рузвельту, в котором вновь напоминал о больших трудностях на путях признания Советского Союза, в частности о проблеме долгов и национализированной собственности американских фирм[93]. Через три дня восточноевропейский отдел госдепартамента рекомендовал заместителю госсекретаря У. Филлипсу всеми средствами оказать давление на Советское правительство с тем, чтобы оно приняло «предварительные условия» до переговоров о признании. 5 октября Хэлл представил Рузвельту памятные записки своих помощников — У. Мура и У. Буллита, настаивая на достижении соглашения с Советским правительством о долгах до начала переговоров о признании[94].

Президент Рузвельт, однако, иначе подходил к оценке обстановки и решению вопроса о признании СССР, с более широких позиций рассматривал развитие событий как внутри США, так и на международной арене. Возросшая экономическая и политическая роль Советского Союза в мировой политике, рост его международного авторитета побудили правительство США к пересмотру политики непризнания. Нельзя было не считаться с реальностью. В то же время президент как более дальновидный, чем многие из его окружения, политик понимал, что за годы кризиса престиж США в мире значительно упал, противоречия между капиталистическими государствами крайне обострились. Япония захватила значительную часть территории Китая, нарушила ряд международных договоров и соглашений, нанесла серьезный удар по политике «открытых дверей» в Китае. Это ослабило позиции США на Дальнем Востоке, привело к обострению японо-американских отношений.

Некоторые сотрудники госдепартамента полагали, что признание Советского Союза явилось бы определенным сдерживающим фактором на

---

[91] FRUS, Diplomatic Papers, 1933, vol. 2, p. 782—788.
[92] *Blum J. M.* From «The Morgenthau Diaries»: Vol. 1—3. Boston, 1959—1967, vol. 1, p. 55.
[93] The Memoirs of Cordell Hull, vol. 1, p. 294.
[94] FRUS, Diplomatic Papers, 1933, vol. 2, p. 791—794.

пути японской агрессии. Такого мнения, в частности, придерживался руководитель дальневосточного отдела госдепартамента С. Хорнбэк, который в меморандуме от 14 марта 1933 г. отмечал, что в случае признания Советского Союза Япония будет более сдержанна в своих действиях на Дальнем Востоке [95].

В печати США стали появляться статьи о необходимости признания СССР с целью укрепить пошатнувшееся положение США на Дальнем Востоке. Особенно активно в этом направлении выступали журналы «Нейшн» и «Нью рипаблик». Многие конгрессмены признавали, что позиция Гувера по отношению к Советской России ухудшила положение США на Дальнем Востоке, и предлагали оценить роль дальневосточного фактора в вопросе о признании СССР. Значение его стало еще более очевидным в связи с заявлением Японии 27 марта 1933 г. о выходе ее из Лиги наций.

В то же время в Вашингтоне не могли не учитывать развития событий и в Европе, где Советский Союз последовательно и активно выступал за разоружение, за обеспечение мира, защищал на международных форумах принципы всеобщей безопасности. СССР принадлежала инициатива в разработке проекта конвенции об определении агрессии. В интересах мира Советское правительство присоединилось к пакту Келлога; в 1932 г. оно заключило двусторонние пакты о ненападении и нейтралитете с рядом европейских стран: Финляндией, Прибалтийскими государствами, Польшей, Францией и Италией.

Советское правительство призывало к объединению усилий стран, выступавших против экспансии Японии на Дальнем Востоке и вооружения вермахта. С приходом к власти Гитлера подготовка Берлина к перекраиванию политической карты Европы и угроза мировой войны возросли. 14 октября Германия покинула конференцию по разоружению, а через пять дней — Лигу наций. В этой обстановке американская печать и общественность более активно стали выступать за признание СССР. Все громче раздавались голоса о значении борьбы Советского Союза как великой державы за мир и безопасность на Дальнем Востоке и в Европе.

В сложившихся условиях Рузвельт, оценивая роль Советского Союза в развитии международных событий, в расстановке сил в мире, приходил к выводу о том, что далее невозможно не считаться с такой державой, как СССР. Эти соображения побудили Рузвельта еще раз обсудить с Хэллом вопрос о признании СССР. Да и государственный секретарь изменил взгляды. Поэтому, когда президент высказал мысль о желательности нормализации отношений между США и Советским Союзом, глава внешнеполитического ведомства поддержал Рузвельта, многозначительно заметив: «В целом Россия — миролюбивая страна. Мир вступает в опасный период как в Европе, так и в Азии. Россия со временем может оказать значительную помощь в стабилизации обстановки, по мере того как мир все больше будет под угрозой». Полностью согласившись с этой оценкой, президент добавил: «Два великих государства — Америка и Россия — должны поддерживать нормальные отношения. Восстановление дипломатических отношений выгодно для обеих стран» [96].

---

[95] *Farnsworth B.* William C. Bullit and the Soviet Union. Bloomington; London, 1967, p. 208.

[96] The Memoirs of Cordell Hull, vol. 1, p. 297.

Определенное влияние на президента оказывало и настроение американской общественности, к которой он, как ответственный руководитель страны, не мог не прислушаться. В политических и общественных кругах росли настроения в пользу признания СССР. Активное участие в организации кампании за признание СССР приняло Общество друзей Советского Союза во главе с известным публицистом К. Ламонтом. Члены общества распространяли книги и брошюры о жизни советского народа, о социалистическом строительстве, успешном выполнении первой пятилетки. С февраля 1932 г. общество начало издавать журнал «Совьет Раша тудей» («Советская Россия сегодня»). Его читатели узнавали, что в СССР ликвидирована безработица, на стройках испытывается острая нехватка квалифицированных рабочих.

Многие американские трудящиеся обращались в «Амторг» и общество с просьбой предоставить им возможность поехать в СССР и принять непосредственное участие в строительстве фабрик и заводов. В 1931 г. около 2500 рабочих США были заняты на советских промышленных стройках. В июле 1932 г. по инициативе Общества друзей Советского Союза в Нью-Йорке было организовано техническое бюро; членами его стали 350 инженеров и техников. Отделения этого бюро имелись в ряде крупных городов США, они оказывали помощь советским организациям в решении технических проблем, направляли специальную литературу в СССР [97].

Общество проводило собрания и митинги с требованием признания СССР. Оно распространило 100 тыс. экземпляров листовок, 20 тыс. брошюр, посвященных Стране Советов. К концу 1933 г. отделения общества существовали в 20 штатах. В феврале 1933 г. по их инициативе развернулась кампания по сбору 1 млн. подписей под петицией с требованием признания Советского Союза [98].

В январе 1933 г. 800 профессоров и преподавателей 268 колледжей и университетов в 45 штатах обратились к Рузвельту с петицией, в которой настаивали на признании Советского Союза [99]. В том же месяце был создан Независимый комитет движения за признание Советской России. Возглавил его нью-йоркский юрист Л. Лендес. 5 марта в специально принятой резолюции комитет предложил президенту предпринять конкретные шаги — вступить в переговоры с Советским правительством об условиях его признания [100]. В марте 1933 г. признания СССР потребовала Конференция прогрессивного рабочего действия, объединявшая ряд профсоюзов, а в мае под давлением прогрессивных сил за признание выступил Континентальный конгресс, в работе которого приняли участие представители Социалистической партии, Лиги социалистической молодежи, профсоюзов и фермеров. Был создан Женский комитет в пользу признания Советской России. За признание СССР выступили Лига профсоюзного единства, Конференция прогрессивного рабочего действия, федерации труда различных штатов, многие отраслевые профсоюзы, женские и студенческие организации, Американо-русский институт культурных отношений с Советским Союзом.

---

[97] Soviet Russia Today, 1933, Mar., p. 18; 1933, Aug., p. 12; *Фураев В. К.* Указ. соч., с. 228.
[98] *Цветков Г. Н.* Указ. соч., с. 203.
[99] Правда, 1933, 1 янв.
[100] Там же, 2 февр., 8 марта.

Учитывая в комплексе факторы экономического, политического и международного характера, а также настроение общественности страны, 10 октября 1933 г. президент Рузвельт направил послание Председателю ЦИК СССР М. И. Калинину. В нем подчеркивалась готовность покончить с ненормальным положением, когда две великие державы в течение столь длительного времени находились без прямых официальных отношений. Президент предложил направить в Вашингтон для переговоров лично с ним представителя Советского правительства [101]. Инициатива президента США была с удовлетворением встречена руководителями Советского государства. В ответе М. И. Калинина обращалось внимание на то, что отсутствие нормальных отношений между двумя странами неблагоприятно отражалось на международном положении, усложняло дело обеспечения мира, поощряло силы, стремившиеся к его нарушению [102].

Обмен посланиями между Ф. Д. Рузвельтом и М. И. Калининым вызвал оживленные отклики. Демократические силы США с чувством глубокого удовлетворения встретили весть о предстоящем признании СССР. Сенаторы Бора, Норрис, Рейнолдс, Адамс горячо приветствовали действия президента. Печать США выступила с одобрением президентской акции. Газета «Нью-Йорк уорлд телеграм» 21 октября опубликовала передовую статью под названием «Америка и Россия — друзья». Тогда же близкая к республиканской партии «Геральд трибюн» поместила статью под заглавием: «Банкиры Уолл-стрит за скорое признание СССР как стимул для торговли с США» [103]. Многие газеты, учитывая развитие международных событий, подчеркивали значение акции Вашингтона.

7 ноября 1933 г. нарком иностранных дел СССР М. М. Литвинов прибыл в Вашингтон для переговоров. В своем интервью он обратил внимание представителей американской печати на наличие прочной базы для экономического, научного и культурного сотрудничества в интересах обоих государств, которые «объединяет общее стремление к миру» [104]. 8 ноября начались переговоры, продолжавшиеся 10 дней.

К встрече с советским представителем в госдепартаменте тщательно готовились. Сотрудники восточноевропейского отдела составили до 20 проектов соглашений. Каждый проект обсуждался на совещаниях с участием Ф. Рузвельта, К. Хэлла, У. Филлипса, Г. Моргентау, У. Буллита. Немало было выдвинуто положений, обусловливавших признание СССР рядом оговорок [105].

Сначала с американской стороны переговоры возглавил Хэлл. 8 ноября 1933 г. при встрече с М. М. Литвиновым К. Хэлл завел разговор об отношении к верующим. Литвинов ответил, что сведения о религии, которыми располагает правительство США,— плод дезинформации и односторонней пропаганды. Литвинов отметил, что законодательство о религии — внутреннее дело каждого государства. Когда же Хэлл потребовал гарантию религиозной свободы в СССР для американцев, заявив, что в противном случае невозможно установление дипломатических отношений, Литвинов ясно дал понять, что никакого привилегиро-

[101] ДВП СССР, т. 16, с. 564—565.
[102] Там же, с. 565.
[103] Herald Tribune, 1933, Oct. 21.
[104] ДВП СССР, т. 16, с. 605.
[105] The Memoirs of Cordell Hull, vol. 1, p. 299—301.

ванного положения для американцев в религиозных вопросах Советское правительство не намерено предоставлять[106]. Требования Хэлла об особом правовом положении американцев также были отклонены. Затем глава внешнеполитического ведомства США поставил вопрос о денежных претензиях. Советский представитель выдвинул контрпретензии за нанесенный американцами ущерб во время интервенции США против Советской России. Развернувшаяся длительная дискуссия о долгах закончилась безрезультатно. Заявления государственного секретаря о «пропаганде Коминтерна» также были отвергнуты как несостоятельные.

Переговоры были продолжены в Белом доме. В них принял участие президент. Они касались преимущественно вопросов международной политики. Участники беседы признали наличие двух источников военной опасности. Япония и Германия стремятся, констатировали обе стороны, «к захвату чужих земель». После этого Рузвельт перешел к теме о долгах. Литвинов заметил, что этот вопрос незначителен по сравнению с установлением дипломатических отношений между двумя такими крупными странами, как СССР и США. Говоря о начале переговоров, Литвинов в телеграмме в Москву отмечал «расхождение сторон по всем вопросам»[107]. Второй день также не дал никаких результатов. Американская сторона придерживалась жесткой позиции, выдвинув тезис: сначала — урегулирование проблем, затем — признание.

В связи с отъездом Хэлла на межамериканскую конференцию в Монтевидео 11 ноября переговоры возглавил сам Рузвельт, что имело большое значение. Его беседы с М. М. Литвиновым показали готовность президента к выработке взаимоприемлемых решений. В ходе переговоров была достигнута договоренность о нормализации дипломатических отношений, подписаны важные документы в форме обмена нотами и письмами, а также совместный меморандум. Наиболее важным среди них являлся обмен нотами, в которых СССР и США обязывались уважать суверенитет обоих государств, «воздерживаться от вмешательства каким-либо образом во внутренние дела» друг друга, не поощрять вооруженную интервенцию друг против друга, а также агитацию и пропаганду в целях нарушения территориальной целостности государства или изменения силой его политического и социального строя.

Эти документы имели принципиально важное значение во взаимоотношениях между двумя государствами. При обмене нотами между президентом США и народным комиссаром иностранных дел СССР была высказана уверенность в том, что обоим государствам «удастся сотрудничать для своей взаимной пользы и для ограждения всеобщего мира».

По настоянию президента советская сторона согласилась на предварительный обмен мнениями о взаимных материальных претензиях. США настаивали на уплате всех долгов по займам, которые они предоставляли в свое время царскому и Временному правительствам, а также на компенсации за национализированную собственность, принадлежавшую американским владельцам. Советское правительство заявило, что оно не несет никакой ответственности за долги антинародных правительств. Тем не менее оно готово удовлетворить некоторые американские материальные претензии при условии предоставления Советскому Союзу де-

[106] ДВП СССР, т. 16, с. 608.
[107] Там же, с. 610.

нежного займа и признания советских претензий. Кроме того, Советское правительство отказалось от требования к американской стороне возместить ущерб, нанесенный войсками США во время интервенции в Сибири [108]. В совместном коммюнике, парафированном М. М. Литвиновым и Ф. Д. Рузвельтом, была зафиксирована готовность Советского правительства уплатить США 75 млн. долл. в виде дополнительных процентов по займу, который предоставят США. Президент обещал убедить конгресс определить сумму американских претензий в 150 млн. долл. Серьезные разногласия существовали по ряду других вопросов, но большинство из них было успешно разрешено. Это оказалось возможным благодаря тому, что обе стороны проявили заинтересованность в установлении дипломатических отношений.

Важное значение имело то обстоятельство, что участники советско-американских переговоров проявили реализм и гибкость в решении вопросов, широту взглядов, глубокое понимание основных тенденций в развитии международных отношений. Напряженность обстановки повелительно требовала сближения двух великих государств — СССР и США. Это и побудило президента США покончить с неразумной политикой непризнания Советского Союза.

Американская общественность с большим удовлетворением встретила нормализацию советско-американских отношений. В ряде городов — Нью-Йорке, Чикаго, Сан-Франциско, Бостоне, Кливленде — состоялись митинги и собрания. Много приветственных телеграмм и писем получил Рузвельт. В телеграмме на имя президента сенатор Бора писал: «Поздравляю. Это было по-государственному мудро и мужественно». Сенатор Томас заявил: «Это, безусловно, шаг вперед» [109]. Когда президент прибыл в Уорм-Спрингс на юбилейное празднество штата Джорджия, он нашел там свыше 300 телеграмм и писем, в которых одобрялся акт признания Соединенными Штатами Страны Советов [110].

По случаю успешного завершения переговоров и признания Советского Союза Соединенными Штатами по инициативе Американо-русской торговой палаты 24 ноября в Нью-Йорке был организован большой прием, на котором присутствовало около 2 тыс. человек. Зал был украшен советскими и американскими флагами. Торжественно прозвучала мелодия «Интернационала».

Весть о дипломатическом признании Соединенными Штатами Советского Союза была по-разному воспринята в столицах мира. В Берлине открыто выразили недовольство наметившимся сближением СССР и США. В Токио были обеспокоены: многие японские руководители не ожидали такого шага со стороны США, и весть о нем застала их врасплох.

Признание Соединенными Штатами Страны Советов отвечало назревшим потребностям, интересам и желаниям обоих государств и народов. Оно создало основу для развития нормальных отношений между двумя великими державами современности — СССР и США, сыграло важную роль в международной жизни 30-х годов, способствовало созданию антигитлеровской коалиции в годы второй мировой войны.

Таким образом, дипломатии США в годы кризиса приходилось действовать в сложной и напряженной обстановке. Гувер, придя к власти,

[108] Там же, с. 641, 642—644, 654.
[109] New York Times, 1933, Nov. 18.
[110] Известия, 1933, 22, 26 нояб.

глубоко ошибочно оценивал не только внутреннее, но и международное положение Соединенных Штатов. Но суровая действительность опровергла его оценки и прогнозы. Когда разразился кризис, президент стал возлагать неоправданно большие надежды на экономическую экспансию, на финансовое и промышленное превосходство США. Администрация США стремилась облегчить экономический кризис за счет трудящихся своей страны и экспансии американского доллара. Она вела активную борьбу за рынки сбыта и сферы приложения капитала в Латинской Америке, Азии, Европе.

Ведущим направлением внешнеполитического курса США являлось предотвращение социальных последствий кризиса, укрепление позиций капитализма. Определенные круги Вашингтона рассчитывали разрешить межимпериалистические противоречия за счет Советского Союза и народов колониальных и зависимых стран. Проводимая правительством Гувера политика способствовала возникновению очага войны на Дальнем Востоке и нарастанию угрозы военной опасности в Европе, ставшей особенно реальной в связи с приходом к власти фашизма в Германии. Прикрываясь широкой кампанией буржуазного пацифизма и ограничения вооружений, США добивались ослабления своих соперников и усиления собственной мощи, в первую очередь установления своего превосходства на море.

Однако внешнеполитический актив США был незначителен. Более того позиции США на международной арене за годы кризиса заметно ослабли. Это касалось, в частности, американских инвестиций, внешней торговли. Ни на одной конференции правительству США так и не удалось добиться серьезных успехов. Противоречия в капиталистическом мире, и в первую очередь англо-американские, обострялись. Борьба между США и Англией приняла глобальный характер, охватив валютно-финансовую, политическую и дипломатическую сферы. Борьба за рынки сбыта, сферы приложения капитала, по вопросу о межсоюзнических долгах и репарациях, по проблеме вооружений привела к обострению противоречий между США и европейскими государствами. В результате наметились тенденции к перегруппировке сил в мире. Это нашло проявление в последующие годы.

Глава девятая

РЕФОРМЫ АДМИНИСТРАЦИИ РУЗВЕЛЬТА

1. ФОРМИРОВАНИЕ ПРОГРАММЫ РЕФОРМ

На выборах, состоявшихся 8 ноября 1932 г., демократы во главе с Франклином Д. Рузвельтом завоевали Белый дом и обеспечили себе большинство в обеих палатах конгресса. Однако президентом до 4 марта 1933 г. оставался обанкротившийся и побежденный Г. Гувер. А новый состав законодательного корпуса мог собраться на первую регулярную сессию и того позже — лишь в декабре 1933 г. Эта процедура была изменена XX поправкой к конституции, ратифицированной 23 января 1933 г., согласно которой вновь избранный конгресс начинал работу через два месяца — 3 января, а дата вступления нового президента в исполнение своих обязанностей переносилась на 20 января. Срок «междуцарствия» тем самым почти вдвое сокращался. Пока же, в 1932—1933 гг., действовало старое конституционное правило, что осложняло и без того критическую социально-политическую обстановку в стране.

Победу Ф. Рузвельта американская печать расценила как приход к власти сторонников «сильного», или «активного», президентского правления. Ведущие газеты при этом выражали надежду на то, что Г. Гувер окажет всяческое содействие новому президенту в выработке рецептов борьбы с кризисом, а губернатор Ф. Рузвельт еще до переезда в Белый дом включится в одну упряжку с «великим инженером», и они вместе наконец-то сформулируют действенную программу вывода страны из невероятно затянувшихся бедствий. Но разговоры о «едином фронте» очень скоро выявили свою беспочвенность.

В чем конкретно расходились гуверовская и рузвельтовская концепции подхода к решению кризисных проблем? Во-первых, творцы «нового курса» отвергли гуверовскую версию объяснения социально-экономических потрясений, свалившихся на американцев, «международными» причинами. Ф. Рузвельт руководствовался не какими-то теоретическими соображениями, а элементарным политическим прагматизмом. Его окружение делало акцент на необходимости некоторых реформ в структуре социально-экономических институтов США. Во-вторых, Ф. Рузвельт по мере приближения дня принятия государственной ответственности на свои плечи все более смело отходил от догм традиционного индивидуализма и склонялся к неизбежному расширению функций федерального правительства. Что же касается Г. Гувера, то он, напротив, на завершающем отрезке своего президентства в этом отношении даже несколько отступил назад. В-третьих, если республиканский президент так и остался глухим к голосу массового протеста и советам тех представителей буржуазии, которые склонялись к социальному реформаторству, то Ф. Рузвельт внимал и тому, что говорили более скептически настроенные по отношению к ценностям «старого порядка» бизнесмены, и тому, что раздавалось на улицах индустриальных центров и в пылающих гневом прериях Америки.

Сессия конгресса, состав которого уже не отражал выявившегося в ноябре 1932 г. соотношения сил, не приняла ни одного сколько-нибудь значимого закона. Республиканцы не имели политико-моральных сил для проведения требовавшихся нововведений, а демократы, располагая большинством лишь в палате представителей, не знали, на кого ориентироваться — на номинальных лидеров фракций или на еще не вступившего в президентские права реального лидера. Действовало и обычное политиканское правило — топить те меры, которые исходили от другой партии. Ф. Д. Рузвельт вел себя очень осторожно по отношению к консервативному крылу своей партии. По мнению его наиболее авторитетного биографа, он даже переиграл в этом, ибо своим демонстративным доверием к ним «глушил их страхи, но и рисковал потерять доверие страны» [1].

Кризис тем временем достиг апогея. Крупному капиталу в это время, как никогда, нужно было энергичное правительство, способное остановить дальнейший спад, вдохнуть силы в капиталистическую систему, не допустить развития массовых движений протеста по революционному пути. Сами лидеры делового мира без помощи государства уже не надеялись на выдвижение таких планов, которые бы нашли общественную поддержку.

Наступивший в последние недели и дни республиканского правления банковский крах был прямым результатом потрясений в производственной сфере, приведших к исчерпанию средств вкладчиков. Он был усугублен спекулятивным характером деятельности банков, выбрасывавших на рынок огромные массы не обеспеченных ценностями «ценных» бумаг. Краху банковской системы способствовали общее недоверие к этому институту и опасения, что новое правительство девальвирует доллар. Изымая золото и доллары, вкладчики предпочитали держать их у себя дома. Они начали «набеги» на банки. Банкиры стали требовать от властей штатов издания декретов о временном приостановлении функционирования банков. Губернатор Мичигана объявил 14 февраля 1933 г. 8-дневный перерыв в их деятельности, сделав это «с одобрения детройтских банкиров» [2].

Началось повальное закрытие банков. Моргановский партнер Т. Ламонт сообщил 27 февраля Ф. Рузвельту оценку банковской ситуации самим Дж. П. Морганом: «Положение — хуже не придумаешь» [3]. Выражая точку зрения банкиров, «Нью-Йорк таймс» назвала принятие федерального банковского законодательства «кричащей необходимостью» [4]. За два дня — 2—3 марта 1933 г.— из банков было изъято 500 млн. долл.[5] За несколько часов до смены караула в Белом доме закрыли банки губернаторы Нью-Йорка и Иллинойса — штатов, в которых находятся центры финансовой мощи США. Стало очевидно, что в числе первостепенных мер, которые предложит 32-й президент, окажутся шаги по реформированию банковской системы.

Во всех других сферах социально-экономической жизни — индустрии,

---

[1] *Freidel F.* Franklin D. Roosevelt. Launching the New Deal. Boston, 1973, p. 50.
[2] New York Times, 1933, Febr. 16.
[3] Цит. по: *Schlesinger A. M., Jr.* The Age of Roosevelt: Vol. 1—3. Boston, 1957—1960. vol. 2, p. 478.
[4] New York Times, 1933, Febr. 28.
[5] *Warren H.* Herbert Hoover and the Great Depression. N. Y., 1967, p. 291.

сельском хозяйстве, трудовых отношениях и т. д.— линия нового правительства была гораздо менее ясна. Оно стояло перед проблемой, каким образом восстановить функционирование промышленных предприятий и решить проблему безработицы. Уже тогда рузвельтовское окружение пришло к выводу, что следует в какой-то форме осуществить предложения, высказывавшиеся президентом Торговой палаты Г. Гарриманом, а также монополистами Дж. Своупом и О. Янгом, которые выдвигали проекты принудительного картелирования и упорядочения практики конкуренции[6]. Либералы (Р. Тагвелл, Р. Вагнер, а также эксперты по социальным вопросам Г. Гопкинс и Ф. Перкинс, занимавшиеся проблемой безработицы в администрации губернатора Ф. Рузвельта в штате Нью-Йорк) мыслили себе «новый курс» с обязательным включением в него признания прав рабочих на коллективные договоры, мер по улучшению условий труда и немедленной помощи многомиллионной армии безработных.

Было бы, однако, неправильным считать, что 32-й президент явился в Белый дом, совсем не зная, что ему надлежит делать. Ф. Рузвельт к 4 марта 1933 г. уже рассматривался американцами как человек действия, готовый к вторжению государственной власти в те сферы, которые издавна считались заповедным полем частной инициативы и частного предпринимательства. Его ждали в столице как мессию, призванного избавить страну от царивших в течение долгих лет невзгод. Народ хотел видеть нового президента человеком уверенным, оптимистичным и энергичным.

Таким он и прибыл 4 марта 1933 г. на церемонию вступления в должность. Его фраза: «единственно, перед чем мы должны испытывать страх,— это сам страх» [7] сразу вошла в классику американской риторики. Он призвал сограждан к «национальному единству». Это было средством морально-политической мобилизации масс на борьбу с кризисом под руководством правительства крупной буржуазии, призывом не внимать каким-то иным рецептам решения насущных проблем. Речь содержала и конкретные политические предложения. Одно из них заключалось в созыве чрезвычайной сессии нового конгресса, другое — в намерении «просить у конгресса предоставления последнего оставшегося средства борьбы с кризисом — широких полномочий для исполнительной власти в целях ведения войны против бедствия, таких же больших, какими я был бы наделен в случае действительного вторжения внешнего врага в нашу страну» [8].

2. ГОСУДАРСТВЕННОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ЭКОНОМИКИ

Экономическая политика «нового курса» развивалась двумя главными путями: глубокие институциональные реформы и дефицитное финансирование. Обе эти магистральные линии тесно переплетались, преобра-

[6] FDR. His Personal Letters, 1928—1945: Vol. 1, 2 / Ed. by E. Roosevelt, J. P. Lash. N. Y., 1950, vol. 1, p. 324—325; *Tugwell R.* Roosevelt's Revolution. The First Year. A Personal Perspective N. Y., 1977, p. 80.

[7] The Public Papers and Addresses of Franklin D. Roosevelt: 1933 vol.— 1945 vol. / Ed. by S. I. Rosenman. N. Y., 1938—1950, 1934 vol., p. 11. (Далее: FDR. Public Papers).

[8] Ibid., p. 15.

зуя в исторически короткий срок частномонополистические устои в государственно-монополистическом направлении.

Новой администрации и конгрессу 73-го созыва прежде всего пришлось заняться банковско-финансовыми проблемами, ибо в начале марта 1933 г. банки как институт перестали функционировать. Уже 6 марта, не дожидаясь открытия чрезвычайной сессии конгресса, назначенной им на 9 марта, президент провозгласил чрезвычайное положение и закрыл все банки. В первые же часы своей деятельности конгресс утвердил чрезвычайный банковский закон, который санкционировал меры, принятые после 4 марта, а также предоставил главе исполнительной власти широкие полномочия по контролю международных финансовых сделок.

На другой день, 10 марта, Ф. Рузвельт издал исполнительный приказ, ставший первым шагом к установлению полного государственного контроля над золотом, находившимся ранее в обращении как на внутреннем, так и на международном рынке. Это предотвращало утечку золота за границу и его накопление в частных руках с целью спекулятивной деятельности. Правительство получило материальную возможность декретировать золотое содержание доллара, чем вскоре и воспользовалось. Радикально расширив государственное вмешательство в банковскую сферу, эти акты установили порядок возобновления деятельности банков после вынужденных «каникул». Чтобы не пугать публику, правительство решило начать процесс возрождения уже с 13 марта. В этот день были открыты банки в 12 городах, в которых находились центры 12 округов Федеральной резервной системы (ФРС). На утро «здоровыми» были признаны банки еще в 250 городах, а 15 марта приступили к работе и остальные банковские учреждения, признанные «здоровыми».

В 1932 г. в США насчитывалось 6145 национальных банков с совокупным объемом вкладов 22,3 млрд. долл. Через год их стало значительно меньше — 4897 (20,8 млрд. долл.). Уже успели сказаться меры по их «очищению». По данным на 1939 г., в США действовали 5203 национальных банка с капиталом в 33,1 млрд. долл.[9] При сокращении числа банков в 1933—1939 гг. на 15% объем их активов вырос на 37%. В реорганизации банков большую роль сыграла РФК, ссудившая с 4 марта 1933 г. по 23 октября 1937 г. 7,3 млрд. долл., значительная часть которых прямо пошла на укрепление банковского института[10].

Черту под банковским законодательством 1933 г. подвел закон Гласса—Стигалла, принятый 16 июня, в день закрытия чрезвычайной сессии. Этим статусом депозитные и инвестиционные функции банков разделялись. Тем самым ставился известный барьер спекулятивным операциям. Важным новшеством было введение страхования банковских депозитов в пределах 2500 долл. По закону 1934 г. сумма подлежащих страхованию взносов поднималась до 5 тыс. долл. Этими страховыми мерами во второй половине 1935 г. были охвачены 14 219 национальных и штатных банков, располагавших 45 млрд. долл. вкладов.

Законодательство 1933—1935 гг. реформировало Федеральную резервную систему[11]. По банковскому закону 1935 г. совет управляющих, назначаемый президентом США, получил полномочия по определению

[9] Historical Statistics of the United States. Colonial Times to 1957. Wash., 1961, p. 626.
[10] FDR. Public Papers, 1934 vol., p. 403—404.
[11] *Бобраков Ю. И.* США: Федеральная резервная система и экономическое регулирование. М., 1971.

суммы резерва, который должен оставаться в банках — членах ФРС. На практике это означало, что совет управляющих понижением или повышением уровня обязательного резерва мог облегчать или затруднять доступ к кредиту и с помощью этой манипуляции влиять на деловую активность. Не менее важно и то, что такой насущный вопрос в деятельности банков был поставлен под государственный контроль.

Закон о помощи сельскому хозяйству, принятый 12 мая 1933 г., давал президенту право (не обязывая его) выпустить большую сумму необеспеченных бумажных денег, прибегнуть к чеканке серебряной монеты или уменьшить золотое содержание доллара. Белый дом предпочел последнее. Взяв в собственность государства (путем выкупа по предписанной президентом цене) все золото и опираясь на закон о золотом резерве, принятый в январе 1934 г., Ф. Рузвельт издал 31 января 1934 г. прокламацию, которая сокращала золотое содержание доллара с $25^4/_5$ до $15^5/_{21}$ грана и устанавливала официальную цену золота на уровне 35 долл. за унцию. Иными словами, доллар был девальвирован на 14%[12]. Случилось то, чего так боялись Г. Гувер и все сторонники монетарной ортодоксии. Ньюдилеры превратили «валютную манипуляцию в открытый и санкционированный инструмент государственной политики»[13]. Девальвация и облегчение доступа к кредиту способствовали повышению цен, в чем правительство видело важнейшее средство выхода из кризиса.

Это создавало благоприятные возможности для получения правительством займов у банкиров. Процент, который оно платило по облигациям, упал с 3,76 в 1932 г. до 2,39 в 1940 г. Банкирам пришлось понизить норму процента и в частных операциях. Корпорации в среднем стали платить за кредиты не 4,25%, а 2,9%[14]. Девальвация доллара, изъятие монетарного золота из частных рук и запрещение свободного обмена бумажных денег на золото, облегчение под нажимом государства доступа к кредиту создавали механизм инфляционного развития американской экономики, действие которого в полной мере стало ощущаться лишь после второй мировой войны.

В тесной связи с банковско-денежными мероприятиями проводилось законодательство об упорядочении операций на фондовых биржах. Слишком драматический характер носили последствия биржевых спекуляций, чтобы Уолл-стрит смог сдержать поток предложений по наведению хотя бы элементарного порядка в торговле акциями. В 1933—1934 гг. были приняты два закона по регулированию деятельности бирж. Этим занималась Комиссия по торговле акциями. Первым ее председателем был мультимиллионер Джозеф Кеннеди. До октября 1937 г. в комиссию обратились 3500 компаний с просьбой зарегистрировать их акции общей стоимостью в 13 млрд. долл. Изредка комиссия находила нужным обращаться в суды, чтобы запретить тем или иным учреждениям или лицам выпуск акций. По закону 1935 г. вводились довольно жесткие меры регулирования держательских (холдинг) компаний. Инициатором трех указанных статусов был конгрессмен-демократ из Техаса С. Рэйбэрн.

---

[12] Documents of American History: Vol. 1, 2 / Ed. by H. Commager. Engleewood Cliffs (N. J.), 1973, vol. 2, p. 425—426.
[13] FDR. Public Papers, 1935 vol., p. 64—76.
[14] *Blum J. M.* From «The Morgenthau Diaries»: Vol. 1—3. Boston, 1959—1967, vol. 1. Years of Crisis, 1928—1938, p. 353.

В государственно-монополистическом направлении шли и попытки восстановления индустриального механизма. Они в основном связаны с принятым 16 июня 1933 г. законом о восстановлении промышленности (National Industrial Recovery Act — НИРА). Бизнес требовал от правительства демократов принятия незамедлительных мер. Орган деловых кругов «Бизнес уик» опубликовал 10 мая 1933 г. редакционную статью, в которой говорилось: «Американский бизнесмен уже совершенно измучен изнуряющей конкурентной борьбой. С него хватит... Он... готов поплатиться частью своей свободы во имя достижения хотя бы какой-нибудь стабильности». Журнал фиксировал «общее согласие ведущих бизнесменов» на введение регулирующих мер в сферу производства, сбыта и трудовых отношений. «Пусть индустрия сформулирует собственные кодексы деятельности»,— призывал журнал, предлагая правительству взять «надзор» за этими кодексами. «Ограничьте это, если хотите, периодом чрезвычайного положения»,— заключил рупор монополий.

Так и было сделано. НИРА разрешал ассоциациям предпринимателей формулировать, а президенту — санкционировать «кодексы честной конкуренции», превращая их в правовую норму, нарушение которой подлежало пресечению со стороны Федеральной торговой комиссии. Кодексы устанавливали объемы производства, цены и другие правила сбыта, а также предписывали условия труда. На время действия закона, ограниченное двумя годами, приостанавливалось применение к кодифицированным отраслям положений антитрестовского законодательства. Официальное снятие антитрестовских мер было призвано подчеркнуть заинтересованность государства в усилении концентрации производства и капитала. Это был акт форсированного картелирования промышленности. Закон поставил в выигрышное положение верхи корпораций, создавшие кодексы в угоду своим интересам и проводившие их в жизнь под общим руководством Национальной администрации восстановления, которую возглавил ставленник крупного капитала генерал Хью Джонсон. За короткий срок было составлено 557 основных и 189 дополнительных кодексов в отраслях, которые охватывали 95% всех промышленных рабочих. На волне кодификации возникло около 500 новых предпринимательских ассоциаций.

НИРА поначалу нашел всеобщую поддержку. Мотивы, по которым эту меру приветствовал бизнес, очевидны, и эмблема с изображением голубого орла как свидетельство участия в этой государственно-монополистической программе легко завоевала американскую индустрию. Трудящиеся одобряли закон, рассчитывая, что он вдохнет силы в пораженную кризисом промышленность и поможет ликвидировать безработицу, а также улучшит условия труда и обеспечит признание профсоюзов.

Аграрная политика «нового курса» прошла в своем развитии несколько этапов. Министр сельского хозяйства Генри Уоллес уже 10 марта 1933 г. провел конференцию с лидерами крупного фермерства, на которой были подтверждены ранее выдвигавшиеся требования фермеров и единодушно одобрен билль о помощи сельскому хозяйству.

Подписанный Ф. Рузвельтом 12 мая 1933 г. билль о помощи фермерам был сложным законодательным актом. Его основной раздел, известный как закон о регулировании сельского хозяйства (Agricultural Adjustment Act — AAA), ставил главной целью поднять уровень цен настолько, чтобы восстановить такое их соотношение (паритет) на про-

дававшуюся и покупавшуюся фермерами продукцию, которое существовало в базовый период. В качестве такового считался период с августа 1909 г. по июль 1914 г.

Статут предоставлял министру сельского хозяйства две категории полномочий. Во-первых, он мог прибегать к премиальным платежам тем фермерам, которые в добровольном порядке соглашались ограничивать объемы производства. Деньги для этих выплат черпались из фонда, создававшегося налогом на первичную обработку сельскохозяйственной продукции, который вводился данным законом. Эту часть программы осуществляла Администрация по регулированию сельского хозяйства, первым председателем которой был Дж. Пик, являвшийся, как и Х. Джонсон, ставленником финансиста Б. Баруха. Во-вторых, министр имел право вступать в рыночные или сбытовые соглашения с занятыми обработкой сельскохозяйственной продукции предпринимателями и с фермерскими ассоциациями для того, чтобы добиться более благоприятного уровня цен для фермеров.

Сокращение посевных площадей и уничтожение уже произведенной продукции мыслились как ключевые рычаги осуществления программы по регулированию сельского хозяйства. В связи с этим было перепахано 10,5 млн. акров хлопчатника, уничтожено около 6,5 млн. свиней, а также ликвидировано немало иной продукции[15]. И это делалось в то время, когда десятки миллионов людей голодали, были разуты и раздеты.

Закон о помощи фермерам создавал механизм рефинансирования фермерских долгов, сократив процент по ипотечной задолженности и удлинив срок погашения долга. С мая 1933 г. по октябрь 1937 г. федеральные земельные банки выдали 540 тыс. фермеров займы на сумму 2200 млн. долл. Эти банки приняли на себя 37% всего долгового обязательства фермеров. Но около 90% занятой фермерами суммы пришлось бросить на выплату долгов, а не на производственные нужды, что ясно показывает огромную заинтересованность банкиров в этой операции. Конечно, она содействовала и облегчению положения фермеров, ибо тормозила процесс их разорения, уменьшив примерно на 70 млн. долл. в год объем их долговых выплат[16]. Одновременно с премиальными платежами за сокращение посевных платежей (в 1933—1935 гг. аграрии получили по этому каналу 966 млн. долл.[17]) это улучшало положение фермерства, но следует иметь в виду, что государственными дотациями могли воспользоваться в гораздо большей степени собственники крупных хозяйств, чем владельцы мелких и средних ферм, которые не в состоянии были прибегнуть к хозяйственному маневрированию.

С подписанием 1 марта 1936 г. закона о сохранении плодородия почв и о квотах для внутреннего рынка открылся второй этап в аграрной политике «нового курса». Цель правительства осталась прежней — поднять цены на продукцию, поставлявшуюся на рынок крупным фермерством, однако способ ее достижения значительно видоизменился. Новый статут создавал условия для получения премиальных платежей собственникам, соглашавшимся изымать землю из-под культур, которые ее истощают, и предпринимать меры по улучшению почв. Средства для выплат аккумулировались уже не за счет особого налога, а выделялись

[15] *Золотухин В. П.* Фермеры и Вашингтон. М., 1968, с. 89.
[16] FDR. Public Papers, 1934 vol., p. 182—183.
[17] *Золотухин В. П.* Указ. соч., с. 130.

из общего бюджета. Для этого отводилась сумма в 500 млн. долл. Начиная с 1935 г. демократический элемент в аграрной политике, присутствовавший уже в законодательстве 1933 г., несколько усилился, что нашло отражение в ряде мероприятий по оказанию помощи низшим слоям фермерства. Но основная линия —поддержка крупных хозяйств и активное вторжение государства в аграрные отношения— продолжала развиваться и во второй половине десятилетия.

Это было закреплено в законе о регулировании сельского хозяйства, подписанном 16 февраля 1938 г., который открыл завершающую фазу аграрной политики «нового курса». Сохранив идею улучшения плодородия земли, статут 1938 г. сделал крупный шаг в сторону усиления регулирующих предписаний государства относительно поступления на рынок основных сельскохозяйственных продуктов. Закон 1938 г. вводил концепцию «всегда нормальной житницы» (Ever-normal granary), согласно которой поддержание цен в отличие от принципов 1933 г. достигалось не путем уничтожения «излишней» продукции, а с помощью ее хранения, сопровождавшегося выплатами фермерам в счет еще не проданных ими товаров.

Ослабление долгового бремени и меры по поддержанию цен помогли затормозить процесс разорения ферм. Темп банкротства в 1939 г. по сравнению с 1932 г. упал на 71%, ипотечная задолженность уменьшилась на 2 млрд. долл.; денежные доходы фермеров, включая государственные премиальные платежи, выросли с 4,7 млрд. в 1932 г. до 8,5 млрд. долл. в 1939 г. Но паритет цен далеко отставал от уровня 1909—1914 гг. В 1936—1937 гг. он поднялся до 92—93%, а в 1938—1939 гг. вновь упал до 78 и 77%. Аграрный кризис не был преодолен. Таким образом, главные итоги мероприятий «нового курса» были направлены на укрепление позиций крупных аграриев, дальнейшее проникновение финансового капитала в сельскохозяйственную экономику, формирование государственно-монополистических принципов функционирования этой важной отрасли хозяйства.

Получив бразды правления в свои руки, демократы убедились, насколько трудно выполнить предвыборное обещание о сокращении государственных расходов и сбалансировании федерального бюджета. Они провели в марте 1933 г. закон по поддержанию кредита правительства США, более известный как закон об экономии. Однако эта символическая акция резко диссонировала с фундаментальными основами экономической политики «нового курса», ориентированной на «заправку насоса», т. е. на расширение государственных расходов во имя достижения определенных экономических и социальных целей. Правительство и поддерживавшие его экономисты нашли для себя утешительную формулу, согласно которой «нормальный», «регулярный» федеральный бюджет будет находиться в сбалансированном состоянии, если не возникнет экстраординарной, кризисной ситуации, требовавшей повышенных расходов.

Экономической политике «нового курса» было свойственно противоречие между реальной практикой дефицита и приверженностью ньюдилеров канонам сбалансированного бюджета. На первом этапе «нового курса» — в 1933—1934 гг. вообще было мало сторонников дефицитного бюджетирования. Р. Моли, А. Берли, Х. Джонсон, Г. Уоллес, Г. Моргентау, Р. Тагвелл, Г. Минз отрицательно смотрели на дефицит, да к

тому же их политические взгляды очень сильно различались между собой. Но кризис повлиял на их отношение к этой проблеме. На втором этапе «нового курса», начавшемся в 1935 г., поднялся вес сторонников дефицита в рузвельтовском окружении. Таковыми были прежде всего председатель совета управляющих ФРС М. Экклес, советники президента Б. Коген, Л. Кэрри и Л. Гендерсон. Они находили весомую поддержку со стороны известного английского экономиста Джона М. Кейнса, авторитет которого все более возрастал в глазах мировой буржуазии.

Кейнсианская политэкономия, отразившая усиление государственно-монополистических тенденций в развитии капитализма новейшего времени, выдвигала на первое место активное вмешательство государства в экономику, а бюджетный дефицит рассматривался как стимул роста. Этим курсом в значительной степени и следовали правящие круги США с 1933 г., хотя их действия совсем не обязательно связывать с изучением кейнсианства, тем более что основной труд Кейнса вышел лишь в 1936 г.[18] Ньюдилеры прежде всего руководствовались политическими интересами дня. Что касается идеи усиления роли государства в экономике, то она и без влияния Дж. Кейнса получила в США под ударами кризиса широкое распространение.

Но если принципы государственного регулирования экономики Соединенные Штаты усваивали и без Кейнса, то теория дефицитного финансирования завоевывала, хотя и с трудом, умы американских экономистов и политических деятелей под его прямым влиянием. Несмотря на распространение кейнсианских взглядов в США в 30-е годы[19], эта школа экономической мысли завоевала прочные позиции в стране лишь после второй мировой войны. Виднейшая роль во внедрении кейнсианства в экономическую теорию в США принадлежала Э. Хансену, прозванному «американским Кейнсом». Кейнс и капиталистическая Америка тесно связали свои судьбы. В мае 1934 г. после получения почетного ученого звания в Колумбийском университете английский экономист посетил Ф. Рузвельта. «Нью-Йорк таймс» опубликовала статью Кейнса о «новом курсе». Суть ее сводилась к призыву смело расширять государственные расходы, освобождаясь от хронической боязни дефицита, ибо «старый порядок ушел в прошлое»[20].

Когда в 1937 г. в США наступил новый кризис, Кейнс направил 1 февраля 1938 г. Ф. Рузвельту послание, в котором предлагал в качестве наиболее реальной антикризисной меры широкие государственные расходы. Не стесняясь в выражениях, Дж. М. Кейнс подверг резкой критике «порочную» политику администрации, проявлявшей колебания в этих вопросах. Рузвельт приказал ответить ему сухо, что министр финансов Г. Моргентау сделал с превеликим удовольствием[21].

Однако вскоре выяснилось, что США испытывали не просто заминку в производстве, а самый настоящий экономический кризис. Индекс промышленного производства упал в 1938 г. на 14 пунктов от уровня предыдущего года. При этом кризис 1937—1938 гг. поразил экономику, не испытавшую подъема после глубочайшего потрясения 1929—1933 гг.

[18] *Кейнс Дж. М.* Общая теория занятости, процента и денег. М., 1978.
[19] *Кредер А. А.* Кейнс и американская буржуазная экономическая мысль в 30-е годы XX в.— В кн.: Новая и новейшая история. Саратов, 1977, вып. 3.
[20] New York Times, 1934, June 10.
[21] *Blum J.* Op. cit., vol. 1, p. 402—405.

и пребывавшую в состоянии затяжной депрессии, к тому же он наступил неожиданно, поскольку правящие круги США уже успели уверовать в чудодейственную силу регулируемой, «бескризисной» экономики.

Когда биржа в очередной раз подала громкий сигнал бедствия, президент пошел на принятие таких мер, которые поразительно соответствовали кейнсианской рецептуре дефицитного финансирования. В важных рекомендациях конгрессу, сделанных 14 апреля 1938 г., Белый дом предлагал увеличить ассигнования на помощь безработным, облегчить доступ к кредиту и осуществить общее расширение государственных расходов. А в последовавшей за этим «беседе у камина» Ф. Рузвельт даже заявил, что опрометчивое сокращение государственных ассигнований на борьбу с последствиями кризиса, проведенное в 1936—1937 гг., явилось одной из основных причин экономического спада в 1937—1938 гг.

3. СОЦИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА

Формирование государственно-монополистических тенденций в экономике было лишь одной стороной «нового курса». Его другая черта состояла в огосударствленном подходе к решению социальных проблем. Здесь в более выраженной форме, чем в экономике, этатизм носил либеральный характер, предусматривая широкое и глубокое социальное маневрирование с учетом ряда насущных требований народных масс.

Больше всего правительство беспокоила проблема безработицы. По официальным данным, в 1933 г. не имели работы 13 млн. человек. Снизившись в 1937 г. до 7,7 млн., число безработных снова подскочило в 1938 г., когда вне занятости оказались 10,4 млн. На самом деле число безработных во все эти годы было значительно выше[22]. Правительство Рузвельта, таким образом, не решило этой проблемы, но сделало немало для создания постоянно действующих государственных институтов, функционально и социально нацеленных на нее. Калейдоскоп хаотических мер в этой области включал программу регулирования экономики как основного средства преодоления безработицы; непосредственную помощь безработным в виде денежных субсидий и организации финансируемых государством общественных работ; введение системы страхования по безработице и пенсионного обеспечения.

12 мая 1933 г. администрация Рузвельта одобрила закон об ассигновании 500 млн. долл. на оказание помощи безработным. Руководителем Федеральной администрации по оказанию чрезвычайной помощи (ФЕРА) назначили Г. Гопкинса. Ему было суждено сыграть важнейшую роль в реализации социальных программ «нового курса». В общей сложности правительство израсходовало на помощь безработным свыше 4 млрд. долл.[23]

Однако безработные отдавали предпочтение не денежным подачкам, а общественным работам. Первым объектом оказания такой помощи правительство избрало молодежь, не без оснований полагая, что именно в этом слое населения находились наиболее взрывоопасные силы. С апреля

---

[22] Министр труда Ф. Перкинс считала, что в 1933 г., например, число безработных варьировалось в пределах 13,3 млн.— 17,9 млн. См.: *Perkins F.* The Roosevelt I Knew. N. Y., 1946, p. 182.

[23] *Мальков В. Л.* Гарри Гопкинс: страницы политической биографии.— Новая и новейшая история, 1979, № 2—4.

1933 г. стала создаваться система лесных лагерей для безработной молодежи, где они содержались в течение шести месяцев на полном обеспечении и с выплатой им 30 долл. в месяц, 25 долл. из которых каждый был обязан направить своей семье. За 1933—1939 гг. через эти лагеря прошли 2 млн. человек в возрасте до 25 лет[24].

Организация общественных работ приняла широкий размах после подписания НИРА, в соответствии с которым на эти цели ассигновывалось 3300 млн. долл.[25] и создавалась специальная администрация (Public Works Administration — ПВА), руководившая строительными работами. Ее возглавил министр внутренних дел Г. Икес. ПВА не была обязана рекрутировать рабочую силу только из числа безработных. Тем самым подчеркивалось, что она предназначена и для реализации курса на «заправку насоса». Она занималась довольно крупными строительными проектами, и это делало ее неповоротливой в плане оказания экстренной помощи безработным. Реагируя на нападки справа, Г. Икес стремился доказать, что вложенные в его руки деньги не тратятся впустую. Но обстановка кризиса, сохранение высокого уровня безработицы диктовали обращение и к более «расточительным» мерам.

Зимой 1933/34 г. под влиянием чрезвычайных обстоятельств правительству пришлось взяться за проведение общественных работ, не требовавших весомых капитальных затрат и могущих быть организованными в любом месте. Их цель заключалась в том, чтобы чем-нибудь занять безработных и ослабить социальную напряженность. Ф. Рузвельт создал Администрацию гражданских работ (Civil Works Administration — СВА), возложив руководство ею на Г. Гопкинса. За 4,5 месяца существования СВА истратила 933 млн. долл. В середине января 1934 г. на ее объектах трудились 4,3 млн. человек[26]. В 1935 г. в стране создается организация (Works Progress Administration — ВПА), которой было ассигновано 4,9 млрд. долл.

В 1936—1937 гг. Белый дом и Капитолий, уверовав в наступление благоприятной конъюнктуры, сократили социальные расходы. Однако под ударами экономического кризиса 1937—1938 гг. им пришлось вновь пойти на их увеличение. В целом за годы функционирования ВПА на ее объектах трудились 8,5 млн. человек. Высшей точки занятость в ВПА достигла в ноябре 1938 г., когда под ее эгидой работали 3335 тыс. рабочих. За время своего существования ВПА израсходовала 10,8 млрд. долл.[27]

Одним из важнейших актов внутренней политики «нового курса» было создание системы социального обеспечения, которая затем получила дальнейшее развитие. Принятый в августе 1935 г. закон[28] предусматривал страхование двух типов — по старости и безработице. Общими чертами обоих видов страхования были изъятие из сферы действия статута больших групп трудящихся (сельскохозяйственные рабочие, домашняя прислуга, государственные служащие и др.), низкий уровень страховых выплат, множество оговорок права получения пособия. Но имелись и важные различия. Пенсионное обеспечение было полностью федерали-

---

[24] *Grossman J.* The Department of Labor. N. Y., 1973, p. 33.
[25] FDR. Public Papers, 1934 vol., p. 250.
[26] Ibid., p. 456—459.
[27] F. Holmes to D. Delman, September 2, 1944.— R. Wagner Papers, Box 326. New Deal Agencies, p. 1.
[28] Documents of American History, vol. 2, p. 505—514.

зированной программой. Фонды создавались за счет налога как на предпринимателей, так и на рабочих и служащих в размере 1% суммы заработной платы начиная с 1937 г. с доведением до 3% к началу 1949 г.[29] В 1937—1950 гг. этим налогом облагалась часть заработной платы каждого рабочего (первые 3 тыс. долл. в год) и соответственно такая же доля общего фонда заработной платы, взимавшаяся с нанимателя рабочей силы. Из этих средств и создавался автономный пенсионный фонд.

ЛАГЕРЬ СЕЗОННЫХ РАБОЧИХ
(середина 30-х годов, г. Мэрисвилл, штат Калифорния)

ный фонд. Закон устанавливал пенсионный лимит — не свыше 85 долл. в месяц. Получателями этих пособий ставились лишь те подлежавшие страхованию граждане, которые достигали 65-летнего возраста, но не ранее 1 января 1942 г.

Страхование по безработице строилось на федерально-штатной основе. Закон предусматривал общее налогообложение, которое распространялось на предпринимателей, нанимавших восемь и более рабочих. Налог устанавливался на уровне 1% в 1936 г. с увеличением до 3% с января 1938 г. Его платили только предприниматели — с первых 3 тыс. долл. ежегодной заработной платы каждого рабочего. Эти средства поступали в специальный фонд, хранящийся в министерстве финансов. На том федеральная часть механизма страхования по безработице

[29] Фактически же налог до 1950 г. оставался на уровне 1%, так как высокая занятость в 40-е годы позволила его не повышать.

и заканчивалась. Круг получателей, суммы и сроки выплат определялись законодательством штатов. К 30 июня 1937 г. все штаты приняли соответствующие статуты[30], и на следующий год законы о страховании безработных повсеместно вступили в силу. В среднем пособия выплачивались 9,4 недели по 11 долл., что составляло 36,6% заработной платы.

Под ударами кризиса 1937—1938 гг. были приняты поправки к закону 1935 г. Они передвигали дату начала пенсионных выплат на 1 января 1940 г. и распространили право на их получение и на иждивенцев в случае смерти пенсионера. В 1940 г. Управление социального обеспечения выписало первые чеки 13 тыс. пенсионеров. Средний размер пособий равнялся 22,1 долл. в месяц.

Реформы «нового курса» заложили фундамент современного государственного регулирования условий труда и взаимоотношений организованных рабочих с предпринимателями. Первоначально это было предписано статьей 7а НИРА, а затем нашло более четкую и детальную разработку в ряде специальных статутов. Статья 7а НИРА провозглашала в общей форме право рабочих на создание профсоюзов и обязывала предпринимателей «соблюдать максимальную продолжительность рабочего времени, минимальную оплату и другие условия труда, одобренные или предписанные президентом». Все это фиксировалось в «кодексах честной конкуренции». До их составления условия труда регулировались типовым «президентским соглашением о восстановлении занятости», опубликованным 27 июля 1933 г. В нем предусматривалось, что рабочая неделя не должна превышать 35 часов, но делались и исключения: предлагалось платить 40 ц. в час при условии, что заработная плата данного рабочего на 15 июля 1929 г. была не ниже этого уровня. В качестве почасового минимума фигурировали 30 ц. Это соглашение подписали предприниматели, нанимавшие 16,3 млн. рабочих.

Первый постоянный кодекс Рузвельт одобрил 9 июля 1933 г. Он нормировал труд в текстильной промышленности, разрешая устанавливать на Юге более низкие ставки заработной платы. В последующих кодексах предприниматели взяли в качестве ориентира не «президентское соглашение», а менее выгодные для рабочих стандарты, закрепленные в первом — текстильном — кодексе. Всего кодексами было охвачено 22,5 млн. рабочих. Лишь в 13 кодексах рабочая неделя не превышала рекомендованных президентом 35 часов. Кодексы санкционировали низкие ставки заработной платы в штатах Юга. Как правило, рабочие не имели голоса при составлении кодексов. Те же их положения, которые оказывались удовлетворительными для трудящихся, часто не реализовывались, ибо не было никакого действенного средства проведения их в жизнь.

Ликвидация НИРА в мае 1935 г. остановила процесс непосредственного регулирования условий труда федеральным правительством. Но в 1936 г. был принят закон Уолша—Хили об установлении максимальной продолжительности рабочей недели и минимума заработной платы для рабочих, занятых на предприятиях, которые выполняют заказы федерального правительства. Отныне во все контракты на сумму свыше 10 тыс. долл. вносились пункты о согласии подрядчика придерживаться уровня заработной платы, определяемого министром труда, платить в полутор-

[30] U. S. Department of Labor. Growth of Labor Law in the United States. Wash., 1967, p. 276.

ном размере за каждый час сверх 40 часов в неделю, не нанимать подростков моложе 16 лет и женщин моложе 18 лет и не применять труда заключенных.

В 1937 г. усилилась агитация за принятие аналогичного статута, распространяющегося на все частные предприятия, связанные с междуштатной коммерцией. В июне 1938 г. Ф. Рузвельт подписал закон о справедливых условиях труда (ФСЛА). Устанавливался минимум оплаты труда: 25 ц. в час с доведением его до 40 ц. в 1945 г. Закон, строго говоря, не предписывал максимальной продолжительности рабочей недели. Он лишь вводил полуторную оплату часов, которые находились за пределами сначала 44 часов, затем — 42, а с октября 1940 г. — 40 часов в неделю. Ограничивалось применение детского труда. Как указывалось в официальном «Разъяснении закона 1938 г. о справедливых условиях труда», под действие его положений не попадали сельскохозяйственные рабочие, моряки, транспортники, часть печатников, рабочие и служащие розничной торговли, консервной промышленности, рыбаки и ряд других категорий трудящихся. В докладе, представленном в декабре 1938 г. первым администратором ФСЛА, отмечалось, что положения статута распространялись только на 11 млн. рабочих и служащих.

Статья 7а НИРА провозглашала некоторые профсоюзные права, но эта декларация не поддерживалась никакими административными мерами. Наоборот, генерал Х. Джонсон уже 19 июня 1933 г. заявил, что условия труда, предписывавшиеся кодексами, отнюдь не обязательно должны были вырабатываться коллективнодоговорным путем. Даже указывалось, что статья 7а НИРА не запрещает деятельности компанейских союзов, если рабочие вступили в них «без принуждения» со стороны нанимателей, и что последние могли заключать с рабочими «индивидуальные соглашения» [31].

Принятие НИРА оказало известное содействие юнионизации, но одновременно усилило и создание компанейских союзов. Во время действия НИРА членство в компанейских союзах доходило до 2600 тыс. человек. Рабочие требовали строгих мер в защиту права на организацию и коллективный договор, отказа от отождествления профсоюзов с компанейскими союзами. Профсоюзы добивались также, чтобы было узаконено «правило большинства», согласно которому организация, признанная большинством рабочих данной договорной единицы, имела бы право выступать от имени всех, кто трудится в ее пределах.

Это и было закреплено в статуте о трудовых отношениях, известном как закон Вагнера, который Ф. Рузвельт подписал 5 июля 1935 г.[32] Впервые в истории США профсоюзные права официально провозглашались и защищались государственным органом, имеющим реальную власть.

Стержневой идеей этого статута было стремление лидеров «нового курса» сузить основу для классовых конфликтов, признав принцип регулируемых государством коллективных переговоров за лучшую модель трудовых отношений и подчеркнув нежелательность забастовок, хотя статья 13 и гласила, что закон никак не урезает право на стачку. Профсоюзные права были специально поименованы в статье 7. В статье 8

[31] *Gross J.* The Making of the National Labor Relations Board (1933—1937). Albany, 1974, p. 13—14.

[32] Текст статута см.: Cases and Materials on Labor Law / Ed. by M. Handler, P. Hays. St. Paul, 1944, p. 719—729.

перечислялись пять видов «несправедливой трудовой практики» предпринимателей. Предпринимателям воспрещалось вмешиваться в осуществление рабочими прав, перечисленных в статье 7; каким-либо образом, в том числе финансированием, участвовать в создании рабочих организаций и доминировать в них (запрещение компанейских союзов); осуществлять дискриминационные меры против членов профсоюза (при этом санкционировалась практика «закрытого цеха», когда наниматель обязывался брать на работу лишь членов профсоюза), увольнять или притеснять рабочего за то, что тот подал жалобу или дал показания в соответствии с этим статутом; отказываться от ведения коллективных переговоров с должным образом избранными представителями рабочих.

Для расследования жалоб профсоюзов и рабочих на «несправедливую трудовую практику» предпринимателей и пресечения ее было создано Национальное управление по трудовым отношениям (НУТО), получившее право издавать подлежащие исполнению распоряжения, не считаться с которыми можно было, лишь добившись в окружном апелляционном суде негативного для НУТО решения, подтвержденного Верховным судом США. НУТО являлся, таким образом, квазисудебным органом, неподчинение постановлениям которого могло вызвать наказание. Второй основной функцией НУТО стало проведение выборов представителей рабочих для коллективных переговоров. Оно официально удостоверяло избранного большинством представителя, т. е. профсоюз, в качестве «исключительного представителя всех рабочих», введя тем самым в практику трудовых отношений мажоритарный принцип, за который боролись профсоюзы.

Принятие закона Вагнера явилось следствием подъема рабочего движения в середине 30-х годов. Он существенно менял правовой аспект трудовых отношений в сторону демократизации. Радикальное расширение ассигнований на общественные работы и введение социального обеспечения свидетельствовали, что в 1935 г. в социальной политике «нового курса» произошел заметный сдвиг влево.

Социальная политика «нового курса» охватывала своим воздействием не только рабочих и фермеров. Она выходила и на городские средние слои, и на интеллигенцию, имея целью удержать эти группы населения в рамках несколько подновленных традиционных ценностей, не давая им увлечься революционными идеями.

«Новый курс» не привел к заметным позитивным сдвигам в положении негров. Как справедливо заметил историк Б. Бернстайн, «новый курс оставил в неприкосновенности расовые отношения в Америке»[33]. Если в октябре 1933 г. 2117 тыс. негров числилось в списках получавших помощь (17,8% негритянского населения), то в начале 1935 г.— уже 3500 тыс. (29%)[34]. Эти цифры говорят и о большей степени поражения негров нищетой, и о том, что правительство Рузвельта путем социальной благотворительности стремилось привлечь их на сторону демократической партии.

Слабость «нового курса» в расовом вопросе наглядно проявилась в вопросе о законах против линчевания. Число случаев «суда Линча» в годы «нового курса» увеличилось. В конце 1933 г. Национальная ассо-

[33] Towards a New Past. Dissenting Essays in American History/Ed. by B. Bernstein. N. Y., 1969, p. 279.
[34] A Documentary History of the Negro People in the United States: Vol. 1—3 / Ed. by H. Aptheker. N. Y., 1951—1974, vol. 3, p. 168.

циация содействия прогрессу цветного населения (НАСПЦН) разработала законопроект о наказании должностных лиц, не принявших надлежащих мер по пресечению линчеваний и привлечению линчевателей к ответственности. Билль был внесен в сенат Р. Вагнером и Э. Костиганом. Эпопея с биллем против линчевания продолжалась до 1940 г. 10 января он был одобрен палатой представителей, однако сенат его отклонил.

За все это время Ф. Рузвельт так и не высказался в его поддержку, ссылаясь в неофициальных беседах сначала на необходимость удержания южного фланга партии в общем фронте «нового курса», а затем — на упрочение «национального единства» в интересах борьбы с мировым фашизмом. Рузвельтовские либералы удивительно легко находили аргументы для морально-политического оправдания своего бездействия в расовом вопросе. Им всегда что-то мешало выступить против дискриминации. Этим «что-то» были их классово-буржуазная сущность, боязнь замахнуться на глубоко укоренившийся расизм.

На Севере правительство Ф. Рузвельта вообще не видело негритянской проблемы. На Юге оно уповало на автоматическое улучшение положения негров в результате экономических преобразований в этом регионе, а также государственное гидростроительство после создания в 1933 г. Администрации по строительству в долине р. Теннесси (ТВА). В июле 1938 г. была проведена конференция, в обращении к которой он назвал Юг «экономической проблемой № 1». Комиссия по изучению Юга высказалась за комплексный подход к ее решению с участием федерального правительства. Никаких непосредственных мер по докладу о положении Юга не последовало.

4. ПАРТИЙНО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ БОРЬБА

Реформы «нового курса» вызвали изменения в функционировании институтов государственной власти и двухпартийной системы. Перемены осуществлялись в процессе острой классовой и политической борьбы. Поэтому «новый курс» стал одним из бурных периодов в истории США.

В критические «сто дней» работы чрезвычайной сессии 73-го конгресса (9 марта — 16 июня 1933 г.) законы принимались быстро, нередко без обсуждения. Между тем вскоре выяснилась противоречивость и неэффективность, по мнению некоторых представителей деловых кругов, социально-экономического реформаторства администрации Рузвельта. Поэтому начало возрастать сопротивление традиционалистов, ранее вынужденно мирившихся с лихорадочными акциями «ста дней». Подъем рабочего и демократического движений, ставший важнейшим фактором сдвига «нового курса» влево, оказался особенно важным и действенным ускорителем обострения идейно-политической борьбы внутри господствующего класса, в котором росло убеждение, что ньюдилеры «потворствуют черни». Это углубляло негативное отношение значительной части бизнеса и к регулирующим мерам в области экономики. Деловые круги громче заявляли, что им в тягость ущемление предпринимательских прерогатив.

Однако выборы 1934 г. показали, что программу «нового курса» признала значительная часть американского общества. Избиратели поддержали реформы администрации Рузвельта. В сенате число демократов возросло с 60 до 69, в палате представителей — с 309 до 322. Улучшившаяся

для демократов расстановка сил в высшем законодательном органе подрывала надежды противников «нового курса» на возможность остановить поступь реформ с помощью избирателей.

На президентских выборах 1936 г. кандидат республиканцев губернатор Канзаса А. Лэндон собрал 16,8 млн. голосов, а Ф. Д. Рузвельт — 27,7 млн. Республиканская фракция в палате представителей и в сенате уменьшилась. Соотношение сил между партиями в конгрессе изменилось.

С самого начала «нового курса» в системе органов государственной власти на первое место выдвинулись исполнительная и законодательная ветви, оттеснив судебный корпус, в котором (в частности и благодаря несменяемости судей) господствовали реакционно-индивидуалистические воззрения на проблему соотношения государственного и частнособственнического принципов во всем устройстве американского общества. В Верховном суде тон задавала четверка реакционеров — У. Ван Девантер, Д. Макрейнолдс, П. Батлер и Д. Робертс, с которыми часто смыкались О. Робертс и председатель суда Ч. Хьюз. Либералы Л. Брандейс и Х. Стоун неизменно оставались в меньшинстве, если они и пытались иногда дать более расширительное толкование конституции. В истории отношения Верховного суда к законодательству «нового курса» можно выделить три этапа: 1933—1934 гг.— выжидание, 1935—1936 гг.— лихорадочная активность по ликвидации ряда важнейших статутов, с 1937 г.— вынужденное санкционирование основного социального законодательства.

До конца 1934 г. позиция Верховного суда оставалась загадкой. Его пассивность объяснялась и неопределенностью отношения девяти судей к реформам «нового курса». Первое решение Верховного суда с известным осуждением «нового курса» было вынесено 7 января 1935 г. В нем объявлялось неконституционным положение статьи 7а НИРА, которое запрещало межштатную транспортировку нефти, добытой сверх установленных квот. Мелкое с экономической точки зрения решение было важно как юридический прецедент. Белый дом это понял. В 1935—1936 гг. Верховный суд аннулировал 12 законов «нового курса». Важнейшими в этой серии были постановления о ликвидации двух ключевых статутов периода «ста дней» — НИРА и ААА. Данные судебные постановления были направлены на пресечение активного государственного вмешательства в социально-экономические отношения и на недопущение уступок трудящимся.

Тем не менее это не привело к ликвидации реформ «нового курса». В середине 30-х годов позиции ньюдилеров оказались довольно прочными благодаря широкой массовой поддержке и, кроме того, осознания определенными кругами буржуазии рациональности, полезности для их интересов тех шагов, которые администрация предприняла, идя навстречу требованиям низов. Ф. Рузвельт не боялся оказаться «немного левее центра» [35], ибо понимал, что в конечном счете это служит укреплению позиций «сильных мира сего», которые или по недопониманию, или по соображениям политической тактики так дружно обрушились в своем большинстве против него.

5 февраля 1937 г. Ф. Д. Рузвельт выступил с планом судебной реформы. Формально его предложение сводилось к тому, чтобы президент имел право расширить состав федерального судебного корпуса за счет

[35] *Perkins F.* Op. cit., p. 333.

назначения новых судей в тех случаях, когда судьи, достигшие 70-летнего возраста и проработавшие на своих постах не менее 10 лет, не желают уходить на пенсию. При этом Верховный суд ни при каких условиях не должен иметь в своем составе свыше 15 человек. Президент аргументировал необходимость судебной реформы преклонным возрастом ряда судей и перегруженностью их делами. Он тщательно скрывал реальную причину — стремление изменить состав судебных органов, особенно Верховного суда, назначением в них приверженцев более расширительного толкования конституции, соответствовавшего линии «нового курса». Позже Ф. Рузвельт указал, что истинный смысл реформы состоял в необходимости изменить политику Верховного суда.

Ф. Рузвельт не сумел добиться принятия закона о судебной реформе. Немалое значение имело и изменение линии самого Верховного суда, ослабившее силу направленного против него заряда. Важную роль в этом сыграли движения масс за социальное законодательство, готовность трудящихся к самым решительным мерам борьбы за социальный прогресс. Во время массовой кампании за судебную реформу Верховный суд санкционировал закон Вагнера и закон о социальном обеспечении и признал конституционность штатных статутов о регулировании условий труда рабочих. Борьба вокруг судебной реформы была одной из наиболее острых и шумных политических кампаний в годы «нового курса».

В рассматриваемый период изменилось положение в обеих главных буржуазных партиях. Произошла партийная перегруппировка. Изменения в социальной базе сделали демократическую партию более приспособленной к восприятию идеологии неолиберализма.

С середины 30-х годов демократическая партия преодолела статус меньшинства, в котором находилась со времен гражданской войны, прочно заняв положение партии большинства. На ее сторону перешли подавляющее большинство рабочих, особенно объединенных в профсоюзы, фермеров, избирателей из средних слоев и интеллигенции. От республиканской партии отошли важные отряды электората, в том числе негритянская община. Республиканцы медленнее отходили от идеи «твердого индивидуализма», становясь на позиции неоконсерватизма как одной из форм государственно-монополистической идеологии.

5. ПРАВАЯ ОППОЗИЦИЯ

Буржуазия по-разному относилась к «новому курсу». Определенная часть одобряла реформы президента Рузвельта, но по мере выхода страны из кризиса наиболее консервативно настроенные деловые круги, оказавшие вначале доверие правительству, стали противодействовать политике «нового курса». Против реформ выступали представители Национальной ассоциации промышленников, Торговой палаты США, другие региональные и отраслевые объединения предпринимателей и торговцев, руководство республиканской партии, реакционные члены конгресса, Верховный суд США и влиятельная часть американской прессы. К середине 30-х годов эта тенденция стала преобладать в деловом мире.

Конечно, внутри групп правящего класса было немало тех, кто готов был сохранить лояльное отношение к политике Рузвельта. С более или менее значительными оговорками общую линию правительства в 1935 г. продолжали поддерживать некоторые весьма влиятельные лидеры дело-

вого мира, входившие в консультативный совет бизнесменов при министерстве торговли. Среди них — бывший президент Торговой палаты Г. Гарриман, глава «Американ телефон энд телеграф К°» У. Джиффорд, президент «Дженерал электрик» Дж. Своуп, некоторые другие лица.

На базе недовольства политикой «нового курса», охватившего консервативные круги, в стране образовались организации антиреформистского толка, финансируемые крупным капиталом. Наиболее известная из них — Американская лига свободы — возникла 15 августа 1934 г. по инициативе Дюпона и руководства «Дженерал моторз». Лига контролировала активы в 37 млрд. долл. и к 1936 г. располагала отделениями в 20 штатах и несколькими региональными отделами[36]. Ни одна более или менее значительная реформа «нового курса», идущая навстречу требованиям трудящихся или как-то ограничивавшая деятельность корпораций, не избежала нападок лиги.

Серьезную оппозицию «новому курсу» составляли промышленники — расисты Юга, создавшие в 1934 г. для борьбы с «новым курсом» Совет промышленников южных штатов (штаб-квартира в г. Нашвилл, штат Теннесси). Другим центром оппозиции правительству Рузвельта стал Южный комитет в поддержку конституции, возглавлявшийся его основателем нефте- и лесопромышленником из Техаса Д. Кирби. Сюда же примыкали губернатор Джорджии Ю. Толмедж и крупные землевладельцы. В начале 1936 г. во имя «спасения» страны оппозиционные силы внутри правящей партии, называвшие себя «джефферсоновскими демократами», собрались под руководством Толмеджа и Кирби в Маконе (штат Джорджия) и выступили против реформ Рузвельта[37].

Еще раньше, в 1935 г., такую же встречу организовали в Спрингфилде (штат Иллинойс) республиканцы. Здесь присутствовали свыше 8 тыс. человек, представлявших 10 среднезападных штатов. Участники критиковали вторжение правительства в дела промышленных корпораций, «федеральное расточительство», под которыми подразумевались расходы на социальные нужды. «Новому курсу», демагогически отождествлявшемуся с социализмом, республиканские лидеры противопоставляли частное предпринимательство, которое они относили к категории «вечных принципов человеческих прав и свобод»[38].

В начале мая 1935 г. на ежегодном съезде Торговой палаты США ее президент X. Сибли утверждал, что тяжелые времена, переживаемые страной, миновали, и поэтому необходимо пересмотреть все чрезвычайные меры, принятые администрацией. «Правительство,— провозглашала палата,— должно отказаться от всех действий, которые вступают в противоречие с интересами частного бизнеса»[39].

Объектами первоочередных нападок правых стали налоговое законодательство и закон о держательских компаниях. Рузвельт 12 марта 1935 г. в послании конгрессу предложил принять специальное законодательство с целью ограничить злоупотребления в коммунальной сфере индустрии и защитить интересы мелких инвесторов. В сенате Б. Уилер, в палате

[36] Congressional Record, vol. 79, pt 1, p. 478; *Wolfskill G.* The Revolt of the Conservatives. Boston, 1962, p. 61.
[37] Congressional Record, vol. 80, pt 1, p. 1171; pt 6, p. 5984.
[38] Ibid., vol. 79, pt 8, p. 9239, 9240; pt 9, p. 9538, 9539, 9894.
[39] Ibid., pt 6, p. 6898.

представителей Рэйбэрн внесли соответствующие билли. Законопроект о держательских компаниях вызвал бурю негодования в деловом мире. В конгресс поступило много писем и телеграмм с выражением протеста. Атака справа была настолько сильной, что сенат образовал комиссию во главе с Блэком для расследования деятельности лоббистов держательских компаний, которая установила, что эти компании через своих служащих и подставных лиц инспирировали посылку в конгресс 250 тыс. телеграмм и 5 млн. писем с выражением протеста против предлагаемых мер, истратив в общей сложности на эту кампанию не менее 5 млн. долл. Тем самым они хотели создать впечатление о спонтанном взрыве массового негодования американцев в связи с внесением в конгресс билля Уилера—Рэйбэрна [40].

Обсуждение и принятие этого билля явились первым серьезным испытанием прочности демократической коалиции в конгрессе, представлявшей собой опору «нового курса». Во время голосования по биллю о держательских компаниях 166 демократов в конгрессе, до того поддерживавших Рузвельта, проголосовали против предложенных его правительством мер [41]. В июне 1935 г. в ходе дебатов в конгрессе, связанных с налоговой реформой, оппозицию правительству составили не только республиканцы и «джефферсоновские демократы», но и многие из тех, кто до того считался его твердым сторонником.

Консервативные настроения в деловых кругах возрастали по мере усиления реформистских тенденций в политике «нового курса». Дальнейший рост сил правой оппозиции был непосредственно связан с принятием закона Вагнера и деятельностью созданного в соответствии с ним Национального управления по трудовым отношениям. Проведение закона в жизнь встретило активное сопротивление Американской лиги свободы, НАП, Торговой палаты, других предпринимательских организаций. В 1934—1935 гг. они старались не допустить принятия этого закона. После же провала этих попыток они пытались обосновать неконституционность закона и призывали предпринимателей игнорировать его.

С 1937 г., когда Верховный суд США признал закон Вагнера, промышленные ассоциации были вынуждены изменить тактику и стали добиваться внесения в него поправок. В резолюции Торговой палаты США от 29 апреля предлагалось установить правительственный контроль над деятельностью профсоюзов. В мае с предложениями об «исправлении» закона Вагнера выступила и Национальная ассоциация промышленников, призывавшая в отношениях между предпринимателями и рабочими исходить из принципа индивидуальных соглашений и настаивавшая на том, чтобы рабочий «был свободен от принуждения» вступать в профсоюз [42]. Эти и другие предложения организаций крупного бизнеса представляли собой почти незамаскированную попытку лишить рабочих права на организацию и заключение коллективных договоров.

Сопротивление промышленников профсоюзам велось такими средствами, что сенат вынужден был создать специальную подкомиссию во главе с Р. Лафоллеттом для расследования противоречащих закону действий хозяев предприятий. Слушания в подкомиссии выявили злоупотребления

[40] Ibid., pt 3, p. 3464; pt 5, p. 4905; pt 11, p. 11823; pt 12, p. 12770—12771.
[41] *Patterson J. T.* Congressional Conservatism and the New Deal. L., 1967, p. 17, 39, 71.
[42] *Millis H. A., Brown E. C.* From the Wagner Act to Taft — Hartley. Chicago, 1950, p. 282—283.

предпринимателей: травлю и избиение профсоюзных активистов, запугивание рядовых членов; создавались послушные администрации группы из мастеров и надзирателей, державшие рабочих под своим неустанным контролем. В Балтиморе с помощью комитета «Лояльные служащие Дженерал моторз» администрация выявляла всех недовольных условиями труда и немедленно их увольняла. «Лояльные служащие» распространяли среди рабочих петицию, в которой утверждалось, будто рабочие «удовлетворены всеми условиями труда и не намерены ради сохранения работы вступать в какую-либо организацию». Все, кто отказался подписать петицию, были уволены. Комитет также составил текст письма сенаторам от штата Мэриленд, в котором в интересах компании предлагалось внести билль о запрещении «сидячих забастовок», квалифицируемых как «незаконный захват собственности»[43].

Отношение к профсоюзам на других предприятиях «Дженерал моторз» было таким же. В Толидо, например, действовал компанейский профсоюз, под эгидой которого возник местный комитет «лояльных служащих». Агенты компаний проникали в руководство профсоюзов, разлагая их изнутри, дискредитируя наиболее преданных делу рабочих руководителей. Подрывная деятельность компании против Федерального рабочего союза (АФТ) во Флинте привела к тому, что из 26 тыс. членов в его рядах в 1936 г. осталось всего 122 человека[44].

Аналогичным было положение и на заводах Форда. Глава фирмы был принципиальным противником профсоюзов. Он осуждал «новый курс», и в частности статью 7а закона о восстановлении промышленности. Для борьбы с профсоюзами и выступлениями рабочих Форд создал частные полицейские силы, насчитывавшие 3,5 тыс. человек. Все лица, вызывавшие подозрение у администрации Форда, изгонялись с предприятий.

Ожесточенное сопротивление организованной борьбе сельскохозяйственных рабочих оказали хозяйства крупных капиталистических ферм и предприятий по переработке сельскохозяйственной продукции Калифорнии. Главным орудием борьбы с забастовками сельских рабочих и профсоюзами в штате была воинственная организация крупных фермеров-капиталистов — «Объединенные фермеры Калифорнии»,— созданная по инициативе местных финансовых, промышленных и торговых кругов. Организация имела на местах ячейки, члены которых были вооружены и применяли против бастовавших рабочих тактику «прямых действий». Весной 1934 г. во время забастовки в округе Контра-Коста местная группа «Объединенных фермеров» разогнала рабочие пикеты и арестовала их лидеров. Весной 1936 г. эта же организация подавила забастовку мексиканцев — сборщиков апельсинов. В округе Лос-Анджелеса она взяла под охрану штрейкбрехеров. В апреле 1937 г. отряд «Объединенных фермеров» из 1200 человек, вооруженных винтовками, револьверами и дубинками, помог сломить забастовку на консервных заводах в Стоктоне. Организация создала специальное агентство для регистрации рабочей силы и установила единый уровень заработной платы на сельскохозяйственных работах[45].

---

[43] US Congress, Senate, Hearings before a Subcommittee of the Committee on Education and Labor. Wash., 1937, pt 7, p. 2243—2285, 2516—2517.
[44] Ibid., p. 2305—2307, 2318—2320, 2524.
[45] *Chambers C. A.* California Farm Organizations. Berkeley; Los Angeles, 1952, p. 46, 70—72.

По мере того как «новый курс» приобретал все большую популярность в массах простых людей, все большую неприязнь к нему испытывали в реакционных монополистических кругах. Здесь, на деловом Олимпе, считали, что правительство в своих социально-экономических экспериментах уже давно перешагнуло черту дозволенного.

В своей политике администрация исходила из трезвой оценки складывавшейся ситуации и в отличие от большинства ведущих представителей делового мира, интересы которого она защищала, осознавала, что узкокорыстная позиция консервативных лидеров американской индустрии ведет к радикализации масс. Для характеристики этой эгоистичной и весьма опасной для самой же буржуазии линии поведения Рузвельт не пожалел использовать самые сильные выражения.

Новый этап борьбы консервативной оппозиции против «нового курса» был связан с попыткой правительства реформировать Верховный суд США. Предложения президента всколыхнули всю страну. Противниками реформы Верховного суда оказались не только консервативные круги. В сенате против Рузвельта выступили некоторые республиканцы-прогрессисты. В демократической партии в лагерь противников правительства перешли многие видные либералы. Наиболее активную роль среди них играл Б. Уилер, в недавнем прошлом критик монополий. Сопротивление Рузвельту в конгрессе оказалось настолько сильным, что реформа Верховного суда была блокирована.

Кризис 1937 г. явился дополнительным импульсом для активизации противников «нового курса». Консервативным кругам в обеих партиях представилась возможность объявить виновником кризиса правительство Рузвельта, заявить о несостоятельности «нового курса» и усилить кампанию за его отмену. Глухое недовольство рабочей политикой и многими социально-экономическими мероприятиями правительства среди консерваторов нашло выражение в походе против «сидячих забастовок». Промышленники требовали быстрого и решительного вмешательства правительства и обуздания профсоюзов.

Острая борьба в конгрессе развернулась в 1937 г. по таким вопросам, как дальнейшее стимулирование общественных работ, билль Блэка—Коннери о справедливых условиях труда, законодательство против судов Линча. Администрация вопреки сопротивлению консервативной оппозиции сумела отстоять намеченную на 1937 г. программу общественных работ, однако вынуждена была уступить давлению расистов и не настаивать на принятии закона против судов Линча. Оппозиция также сорвала обсуждение билля Блэка—Коннери. В ноябре 1937 г. консерваторы сорвали специальную сессию конгресса, созванную для решения неотложных дел. «Деловая община ликовала» [46]. Только в 1938 г. администрации удалось сломить противодействие и провести закон о справедливых условиях труда.

Выборы 1938 г. позволили республиканцам увеличить число членов в сенате и в палате представителей. Это усилило их позиции и при активной поддержке ведущих предпринимательских организаций обеспечило проведение резолюции в сенате о расследовании деятельности Национального управления по трудовым отношениям. Была создана под-

---

[46] *Кредер А. А.* Американская монополистическая буржуазия и «новый курс» Ф. Д. Рузвельта.— В кн.: Американский ежегодник, 1979. М., 1979, с. 140.

комиссия. Ее члены обвинили управление в нарушении «воли конгресса», «свободы слова и прессы», «неуважении закона и порядка», в усилении напряжения в отношениях между промышленниками и рабочими и, наконец, в «дискредитации закона о трудовых отношениях»[47].

Несколько позднее аналогичные меры были предприняты и палатой представителей. Созданная комиссия по расследованию деятельности НУТО во главе с непримиримым противником профсоюзов Г. Смитом обрушила на управление поток клеветнических обвинений и потребовала подвергнуть закон Вагнера радикальному пересмотру.

Заметным центром оппозиции «новому курсу» в конгрессе в конце 30-х годов стала специальная комиссия палаты представителей по расследованию антиамериканской деятельности во главе с демократом от штата Техас М. Дайсом. Она возникла в разгар антифашистской борьбы в США. Предложенную Дайсом резолюцию о расследовании враждебной пропаганды поддержали либеральные и демократические организации и отдельные лица, полагавшие, что комиссия направит свои усилия на пресечение подрывной деятельности фашистской агентуры в США[48]. Следует отметить, что эта комиссия вынуждена была время от времени заниматься и этим вопросом. Однако в целом она превратилась в рупор крайне консервативных элементов и заняла жесткую антиреформистскую и антирузвельтовскую позицию. Объектом ее атак были профсоюзы, фермерские объединения, антифашистские, демократические, либеральные и пацифистские группы, молодежные и спортивные общества. Многие названные в комиссии лица попали в черные списки и были изгнаны с работы[49].

Нападкам комиссии подверглось множество правительственных ведомств. В октябре 1938 г. она передала министерству юстиции список, в который был включен 1121 служащий. Они были обвинены в подрывных действиях[50]. В обращении по радио 14 октября 1938 г. член комиссии Томас связывал «новый курс» с программой Компартии. Слушания в связи с «сидячими» забастовками в Иллинойсе послужили поводом для того, чтобы обвинить в изменнических действиях близкого к Рузвельту губернатора этого штата Ф. Мэрфи[51]. Дайс утверждал, что коммунисты из КПП нашли верных помощников в НУТО. Комиссия Дайса требовала в 1938 г. отставки министра внутренних дел Г. Икеса, министра труда Ф. Перкинс и личного советника президента Г. Гопкинса[52].

Политические противники Рузвельта и «нового курса» опирались на многочисленные «патриотические» организации и группы, в частности на отделения «Американского легиона». В штате Калифорния местная группа легиона в 1934 г. создала комиссию по изучению радикализма и в течение ряда лет осуществляла слежку за коммунистами, лидерами боевых профсоюзов, движением Э. Синклера и некоторыми другими организациями[53]. Рост влияния старых реакционных организаций и возник-

---

[47] Investigation of the National Labor Relations Board. Hearings... Wash., 1938, p. 3.
[48] *Goodman W.* The Committee. The Extraordinary Career of the House Committee on Un-American Activities. N. Y., 1968, p. 19.
[49] *Dorman M.* Witch Hunt. N. Y., 1976, p. 21.
[50] *Ogden A. R.* The Dies Committee. Wash., 1945, p. 22—23, 30, 35—39.
[51] The Public Papers and Addresses of Franklin D. Roosevelt, 1938 vol., p. 559.
[52] *Ogden A. R.* Op. cit., p. 77, 78, 93, 107.
[53] US Congress, House, Hearings before a Special Committee on Un-American Activities, vol. 3, p. 1719, 1747—1751, 2030—2034.

новение других правых групп в эти годы свидетельствовали о стремлении крупного капитала подвести массовую базу под консервативное антиреформистское движение.

Во второй половине 30-х годов, и особенно в связи с экономическим кризисом 1937 г., была предпринята попытка объединить все антирузвельтовские силы в единую консервативную коалицию с целью положить конец дальнейшему социальному экспериментированию. В декабре 1937 г. от лица инициативной группы с «Заявлением о принципах и целях» выступил южанин-демократ сенатор от Северной Каролины Д. У. Бейли.

Под видом борьбы с кризисом консерваторы предлагали резко сократить расходы на социальные нужды, сбалансировать бюджет, снизить налоги на прибыли и стимулировать частные вложения с помощью финансовых рычагов. В вопросах социальной политики оппозиция исходила из приоритета прав штатов и органов местного самоуправления. Вмешательство государства в социальные и экономические отношения признавалось уместным в условиях 1933—1934 гг. и непригодным для текущего момента. «Мы призываем граждан,— говорилось в документе,— независимо от партийной принадлежности присоединиться к нам и поддержать изложенные принципы как единственную надежду на длительное оздоровление и дальнейший прогресс». Заканчивая выступление в сенате, Бейли патетически воскликнул: «Дайте предпринимательству шанс, и я гарантирую Америке счастье и процветание» [54].

Однако организационное оформление консервативной коалиции не было достигнуто. Сочувствуя идеям документа, многие демократы тем не менее считали полный разрыв с администрацией несвоевременным. В свою очередь, среди республиканцев, в том числе и тех, кто выступал за коалицию с консервативными демократами, в конце концов возобладало мнение: позиции Рузвельта настолько подорваны, что они сами в состоянии успешно противостоять политике правительства. Отсутствие формального соглашения о единстве не мешало, однако, консервативным республиканцам и демократам всякий раз выступать единым фронтом против либеральных правительственных мер.

Особое место в политической борьбе занимают различные радикальные мелкобуржуазные движения, лидеры которых пытались использовать их против «нового курса» Рузвельта. Вследствие значительной пестроты в социальном положении многочисленных слоев мелкой буржуазии США и двойственной природы ее идеологии мелкобуржуазный радикализм не поддается какой-либо однозначной оценке. В 30-е годы в нем соседствовали и демократические, и прогрессивные устремления с разного рода утопическими представлениями, с требованиями нередко реакционного толка. В ходе политической борьбы происходило постепенное размежевание сил внутри мелкобуржуазного лагеря. Часть пошла за «новым курсом», другие эволюционировали вправо.

В условиях массовой безработицы и нарастания недовольства трудящихся масс, когда либерально-реформистский курс правительства Рузвельта не давал немедленных и ощутимых результатов, массы людей были восприимчивы к разного рода программам быстрого и радикального оздоровления общества, подкрепленным изрядной долей антимонополистической риторики. Мелкобуржуазные демагоги, выступавшие с подоб-

[54] Congressional Record, vol. 82, pt 2, p. 1936—1940.

ными рецептами, пользовались влиянием в массах и становились реальной политической силой.

Особую активность в эти годы развернул губернатор Луизианы Хью Лонг. В 1928 г. он одержал победу на губернаторских выборах, выступая как противник монополий и защитник простых людей. Ряд мер, проведенных Лонгом в области образования, здравоохранения, дорожного и гражданского строительства, так же как и его борьба с некоторыми крупными корпорациями, снискали губернатору популярность среди простых людей, но мало в чем изменили их положение к лучшему. Программа Лонга, как справедливо заметил один из его биографов, несомненно, испортила кровь не одному миллионеру, но она оказалась совершенно непригодной, чтобы излечить систему и искоренить зло[55].

В 1930 г. Лонг был избран в сенат США. В 1932 г. он поддержал Рузвельта, но вскоре объявил его реформы недостаточными и противопоставил им программу борьбы за «раздел богатств», ставшую позднее в его борьбе за кресло президента страны средством мобилизации масс на свою сторону. Весной 1934 г. он внес в сенат резолюцию о конфискации доходов свыше 1 млн. долл. и наследства свыше 5 млн. долл. Другие требования Лонга предусматривали: обеспечение каждой семье прожиточного минимума в 5 тыс. долл. в год, предоставление ей необходимых жизненных благ, включая жилище, автомобиль, радио; закупку федеральным правительством сельскохозяйственных излишков; ограничение рабочего времени; введение пенсий для престарелых и расширение пособий ветеранам войны; всеобщее образование в объеме колледжа; развертывание дорожного строительства; расширение сети учебных и оздоровительных учреждений[56]. В реальность и осуществимость этих предложений вряд ли верил он сам. Но политический выигрыш был значительный. Его популярность перешагнула границы штата, и движение Лонга вскоре охватило Юг, Средний Запад и докатилось до Тихоокеанского побережья. В стране возникали клубы сторонников Лонга. По некоторым данным, их число достигало 100 тыс. с членством 6—7 млн. человек[57].

Доверие простых людей Лонг использовал для устранения политических конкурентов и утверждения в штате Луизиана своей неограниченной диктаторской власти. Не пренебрегая никакими средствами и ловко манипулируя поддержкой масс, Лонг создал политический механизм, целиком зависимый от его воли. Он контролировал правительство Луизианы, местную легислатуру и ее комиссии, административный аппарат штата и муниципалитеты, университет и систему школьного образования. По указанию Лонга похищали людей, вели тайное расследование деятельности его противников. Друзьям он создавал благоприятные возможности для процветания бизнеса и мог довести до банкротства тех, кто стоял на его пути. «Конституция Луизианы — это я!» — не смущаясь, повторял он.

Почти все, кто изучал деятельность Лонга, сходятся во мнении, что его правление являлось одним из наиболее вероятных вариантов фашизма, который мог утвердиться на американской земле. При нем Луизиана представляла собой штат с деспотическим правлением. Представительные

[55] *Beals C.* The Story of Huey P. Long. Philadelphia; London, 1935, p. 20, 25.
[56] Congressional Record, vol. 78, pt 4, p. 3889.
[57] *Kane H. T.* Louisiana Hayride. The American Rehearsal for Dictatorship, 1928—1940. N. Y., 1941, p. 6.

демократические органы были низведены до положения послушных исполнителей воли одного человека — диктатора.

На 30-е годы приходится период наибольшей политической активности католического священника отца Кофлина. В 1926 г. он получил назначение в приход Ройал-Окс в бедном пригороде Детройта, населенном рабочими-католиками. Местная организация Ку-клукс-клана вела активную борьбу против католического населения. Этой кампании Кофлин задумал противопоставить свои проповеди по местному радио. 17 октября 1926 г. состоялось первое выступление Кофлина. В его адрес начали приходить письма с предложениями и денежными пожертвованиями. К 1929 г. проповеди Кофлина транслировались рядом радиостанций Чикаго и Цинциннати. В годы мирового экономического кризиса все большее значение в его выступлениях приобретала социально-экономическая тематика.

Кофлин заявлял, что капитализм с его стихией свободного рынка исчерпал возможности и поэтому частная собственность должна быть дополнена общественной собственностью и общественным контролем [58]. Острие его критических выпадов было направлено против «концентрированного богатства», что придавало его выступлениям антимонополистический характер. «Евангелие алчности постепенно вытесняет Евангелие Христа,— утверждал он.— Золото и серебро стали нашими богами» [59]. Концентрация богатств в руках немногих, внушал слушателям Кофлин, не может быть терпимой. Система, порождающая хроническую безработицу, должна быть исправлена, а политика, не обеспечивающая необходимый прожиточный минимум и возможность каждому желающему трудиться,— упразднена. Корень зла, заявлял Кофлин, в засилье крупных банкиров Уолл-стрит, который он называл «американским Монте-Карло». Государство должно защищать прежде всего человеческие, а не финансовые права [60].

Вначале Кофлин поддерживал некоторые важные мероприятия первого периода «нового курса», такие, как закон о восстановлении промышленности, программа общественных работ. «Рузвельт или крах»,— прокламировал Кофлин. Однако в 1934 г. произошел разрыв Кофлина с Рузвельтом, когда президент отказался претворить в жизнь требования Кофлина в сфере финансов. Кофлин создал «Национальный союз за социальную справедливость» и начал борьбу против правительства и его мероприятий. «Я ошибся,— говорил он.— Несмотря на обещания, денежные менялы не были изгнаны из храма... Лозунг „Рузвельт или крах“ теперь следует заменить на „Рузвельт и крах“» [61].

Кофлин понимал, что в борьбе против Рузвельта он может привлечь внимание масс только в случае, если предложит более радикальную программу. В системе, которую конструировал Кофлин, материальные ценности должны были создаваться «союзом капитала и труда». И каждый рабочий, принимавший участие в их создании, должен с помощью правительства получить свою «справедливую долю». Это и приведет, по его словам, к утверждению системы «социальной справедливости» [62].

[58] *Betten N.* Catholic Activism and the Industrial Worker. Gainesville, 1976, p. 93.
[59] Father Coughlin's Radio Discourses, 1931—1932. Royal Oak (Mich), 1932, p. 7.
[60] Ibid., p. 22, 83, 182, 206.
[61] *Bennett D. H.* Demagogues in the Depression. New Brunswick, 1969, p. 77.
[62] *Coughlin Ch. E.* How Long Can Democracy and Capitalism Last.— Antidemocratic Trends in Twentieth Century America/Ed. by R. L. Delorme, R. G. Mcinnis. Reding, 1969, p. 153—154.

Кофлин в эти годы выступал за более короткий рабочий день без сокращения недельной заработной платы, осуждал АФТ за ее узость и выступал за объединение как квалифицированных, так и неквалифицированных рабочих. Однако главная цель АФТ, по мнению Кофлина, должна состоять в том, чтобы добиваться социального партнерства с хозяевами предприятий при распределении прибылей. Он весьма настороженно относился к стачкам за повышение заработной платы и возлагал на правительство ответственность за регулирование уровня оплаты труда[63].

Уже на этом этапе в программе Кофлина видны элементы корпоративизма, которые стали ведущими в его последующей деятельности. Главным звеном, с помощью которого Кофлин намеревался реорганизовать капитализм, была сфера денежного обращения. Кофлин требовал создания единого государственного банка, который заменит Федеральную резервную систему и будет иметь исключительное право на выпуск денег. Это позволит, по его словам, освободить фермеров от тирании Уолл-стрит, обеспечить ветеранам войны причитающееся им вознаграждение, повысить заработную плату и сократить рабочий день на производстве[64].

Программа «Национального союза за социальную справедливость» провозглашала также право каждого человека на работу, право рабочих на создание профсоюзов и защиту их от произвола предпринимателей; национализацию наиболее важных средств производства; снижение налогового бремени трудящихся и увеличение налогов на богатство при сохранении права частной собственности. Призывы Кофлина нашли отклик в массах. В январе 1936 г. клубы «Национального союза» функционировали в 26 штатах и 302 избирательных округах (из 435). В августе 1936 г. Кофлин утверждал, что в его организацию входили 1,6 млн. активных членов и 6 млн. сочувствующих[65]. В первой половине 30-х годов Кофлин воспринимался как «прогрессист и сторонник профсоюзов»[66]. Публичные выступления Кофлина во многом совпадали с требованиями ряда социальных реформаторов. В частности, Э. Синклер в борьбе за пост губернатора в Калифорнии пытался опереться на его поддержку.

В преддверии президентских выборов 1936 г. стали намечаться тенденции к слиянию движений Кофлина и Лонга. В феврале 1935 г. между ними состоялось несколько встреч. В поисках других союзников Лонг и Кофлин пошли на сближение с У. Лемке, одним из радикальных лидеров Беспартийной лиги. Для того чтобы фермер мог свободно пользоваться услугами свободного рынка, Лемке, как и Кофлин, настаивал на строгом государственном контроле над денежным обращением, банковской системой и национальными ресурсами. Сенатор Лемке был автором нескольких биллей о создании государственного банка и улучшении положения фермеров. Однако большинство из них были похоронены в комиссиях конгресса при участии правительства Рузвельта[67]. Лонг, со своей стороны, поддерживал многие предложения Лемке и настаивал на их принятии[68].

---

[63] *Betten N.* Op. cit., p. 91—93.
[64] *Bennett D. H.* Op. cit., p. 50—52.
[65] Ibid., p. 69—71.
[66] American Thought. N. Y., 1947, p. 366—367.
[67] The Roosevelt Letters, 1928—1945. L. etc., 1952, p. 124—125.
[68] Congressional Record, vol. 79, pt 1, p. 411.

Другим членом наметившегося блока стал лидер движения престарелых за обеспечение пособием Ф. Таунсенд. Врач по образованию, он предложил выплачивать пособие (200 долл. в месяц) всем лицам, достигшим 60 лет. Источником финансирования этой программы должен был послужить 2%-ный налог на все совершаемые в стране сделки. 20 млрд. долл., выплаченные престарелым в течение года, по мысли Таунсенда, могли стимулировать рост производства, обеспечить занятость, повысить потребление товаров и услуг и создать условия для быстрого выхода из кризиса. К 1936 г. движение престарелых на Среднем Западе и Западе охватило свыше 3,5 млн. человек [69]. В соответствии с планом Таунсенда в конгресс был внесен билль, поддержанный легислатурами ряда западных штатов. В его поддержку сторонники престарелого доктора собрали свыше 20 млн. подписей. Однако конгресс при участии правительства провалил это предложение.

Активным противником рузвельтовских мероприятий был проповедник Дж. Л. К. Смит — связующее звено между американскими фашистами и некоторыми представителями мелкобуржуазной оппозиции «новому курсу». В Индиане он был тесно связан с Ку-клукс-кланом. В 1933 г. примкнул к фашистской организации «Серебряные рубашки»; несколько позже перешел на службу к Х. Лонгу. Смит составлял для него тексты выступлений, был главным распорядителем общенациональной кампании за «раздел богатств». После убийства Лонга Смит сблизился с Таунсендом, Кофлином и Лемке.

В 1936 г. Кофлин, Лемке, Таунсенд и Смит создали антирузвельтовскую коалицию в рамках Союзной партии, рассчитывая с ее помощью объединить не менее 20 млн. избирателей и добиться победы на выборах 1936 г. Для привлечения избирателей лидеры Союзной партии выдвинули ряд популярных лозунгов: стабилизация положения фермеров, улучшение условий жизни неквалифицированных рабочих, пенсии для престарелых, защита мелкого частного производства, учреждение государственного контроля за деятельностью монополий и децентрализация последних [70].

Однако в коалиции не было внутреннего единства. Сторонники Таунсенда, консервативно настроенные престарелые люди англосаксонского происхождения, с предубеждением относились к беднейшим представителям католического населения городов Среднего Запада и Востока, составлявших опору Кофлина. Протестанты Юга, в свою очередь, не доверяли католикам. К тому же и между лидерами имелись серьезные расхождения. Кофлин и Лемке не поддерживали целиком планы Таунсенда. Каждый претендовал на роль единоличного лидера и преследовал собственные цели. Еще до выборов произошел раскол в движении Таунсенда, в результате которого возникла самостоятельная группа, выступившая независимо от Союзной партии.

Наибольший же удар по престижу Союзной партии нанес открытый переход отдельных ее лидеров на позиции фашизма. В одном из интервью в октябре 1936 г. Кофлин говорил, что США стоят на перепутье между коммунизмом и фашизмом. «Я выбираю фашизм»,— заявил Кофлин [71]. В конце октября 1936 г. Смит объявил о создании профашистского «На-

[69] *Bennett D. H.* Op. cit., p. 170—173.
[70] Congressional Record, vol. 80, pt 10, p. 10370.
[71] *Bennett D. H.* Op. cit., p. 230—231.

ционалистического фронта против коммунизма». В ходе избирательной кампании антирузвельтовская риторика Кофлина и Смита стала смыкаться с правыми и фашистскими критиками администрации.

Атаки лидеров Союзной партии на правительство, заигрывание некоторых ее представителей с фашизмом отпугивали многих потенциальных союзников. От Кофлина стали отходить либеральные сторонники. Таунсенд отмежевался от Смита. К моменту выборов кандидат в президенты от Союзной партии Лемке оказался изолированным от фермерско-рабочих партий различных штатов и от основной массы фермерского населения. Все это обусловило сокрушительное поражение Союзной партии на выборах. Она собрала только 892 тыс. голосов против 27,8 млн., проголосовавших за Рузвельта, и фактически прекратила существование.

После поражения на выборах 1936 г. политическая эволюция Кофлина в сторону фашизма окончательно завершилась. Издаваемая им газета регулярно перепечатывала выступления нацистских лидеров и другие пропагандистские материалы германского рейха. Кофлин безоговорочно одобрял фашистскую агрессию в Европе и экспансию японских милитаристов в Азии, за что снискал расположение фашистских пропагандистских агентств.

В августе 1938 г. Кофлин создал типично фашистскую организацию — «Христианский фронт против коммунизма», копировавшую германских нацистов. Еще в марте 1938 г. Кофлин призвал к созданию в США корпоративного государства. Он заявлял, что все 16 пунктов его программы «социальной справедливости» успешно претворяются в жизнь в Германии и Италии [72].

Проповедь антисемитизма и открытое блокирование с нацизмом окончательно раскрыли глаза многим сторонникам Кофлина из числа либералов. В выступлениях Кофлина все более усиливались антирабочие настроения. В 1937 г. он осудил бастующих рабочих заводов «Дженерал моторз», в 1938 г. выступил против закона о социальном страховании. Он атаковал подкомиссию Лафоллетта, разоблачившую шпионаж и террор крупных компаний против рабочих [73].

Таким образом, под флагом борьбы с «новым курсом» довольно отчетливо проявилась тенденция к сближению позиций наиболее реакционных монополистических кругов с мелкобуржуазными движениями Кофлина и Лонга. Широкое общедемократическое движение в США, являвшееся определяющим фактором внутриполитической жизни страны, оказалось главным препятствием на пути организационного слияния двух потоков американской реакции.

Угроза справа в США усугублялась развитием профашистских тенденций. Расистские, антисемитские предубеждения, националистические идеи превосходства англосаксонской расы, на которых зиждились воззрения «стопроцентного американизма», представляли собой благодатную почву для распространения идеологии фашизма.

Своеобразие политического поведения отдельных представителей консервативных кругов США в рассматриваемый период заключалось в том, что они, отстаивая традиционные доктрины laissez faire, находили возможным для себя примирять их с теорией и практикой фашизма, кото-

---

[72] Father Coughlin. Fascist Demagogue. N. Y., s. d., p. 10, 17, 18.
[73] Ibid., p. 11, 22, 23.

рые расходились с индивидуалистическими взглядами правых на роль государства в сфере социально-экономических отношений. В 30-е годы в США было много правых организаций, которые, выступая против «диктаторских» методов руководства Рузвельта, восторгались порядками в фашистской Германии. Президент «Дженерал моторз» У. Надсен, посетивший Германию в октябре 1933 г., с восхищением заявил репортеру «Нью-Йорк таймс», что рейх — это «чудо XX века» [74]. Сенатор Рейнолдс по возвращении из Германии, куда он ездил с официальным визитом, утверждал, что был свидетелем громадного роста и прогресса, достигнутого там после 1933 г.[75]

Такое совмещение и примирение индивидуалистических взглядов о роли государства с практикой фашизма представляло собой реакцию части правящего класса на политику социальных реформ, которые консервативные противники Рузвельта упрямо отождествляли с социализмом. Быстрое развитие государственно-монополистического капитализма создавало принципиально новые отношения между правительством и частным сектором. Государство превратилось в 30-е годы в активный фактор социально-экономической политики. И эту возросшую мощь буржуазного государства некоторые финансовые и промышленные лидеры страны стремились использовать для обеспечения дальнейшего роста прибылей и против набиравшего силу рабочего и демократического движения.

Самые реакционные круги монополистического капитала США в наиболее острый момент политической борьбы вокруг «нового курса» были готовы сделать выбор в пользу фашизма, который находился в США на стадии начального развития. Уже в тот период устанавливались связи между отдельными представителями крупного капитала и фашистскими группами. Л. Дюпон и А. П. Слоун, согласно данным расследований конгресса, субсидировали фашистские организации. Президент «Сан ойл К°» Г. Пью и семья миллионера Питкейрна также внесли значительные средства в фонд этих организаций [76]. Дюпон и Рокфеллер имели тайные соглашения с нацистским химическим концерном «ИГ Фарбениндустри», на основе которых они обменивались патентами на производство синтетического каучука. Даже после объявления Германией войны США «Стандард ойл» отказывалась передать немецкие патенты правительству США. Руководители нефтяного треста и других корпораций во время одного из сенатских слушаний по этому вопросу были заклеймены как изменники. Газеты Р. Говарда и У. Р. Херста сделали все от них зависящее, чтобы реабилитировать в глазах общественного мнения монополии США, скомпрометировавшие себя связями с фашистским рейхом [77].

Характерным для 30-х годов было сближение позиций консервативных организаций и групп чисто фашистского толка. Постоянные контакты в 20—30-е годы установились между руководством «Американского легиона» и итальянскими фашистами. На съездах легиона в качестве почетных гостей неоднократно выступали личные представители Муссолини. Некоторые лидеры даже заявляли, что легион готов защищать «американские институты и идеалы» такими же методами, какими это сделали фашисты

---

[74] *Seldes G.* Facts and Fascism. N. Y., 1943, p. 77, 96.
[75] Congressional Record, vol. 84, pt 1, p. 746—747.
[76] *Seldes G.* Op. cit., p. 75, 76, 80, 86, 95—97.
[77] Ibid., p. 76, 95.

в Италии[78]. Фашистские симпатии ряда руководителей легиона нельзя, конечно, распространять на всех его рядовых членов, однако сторонники фашизма внутри легиона стремились превратить его рядовых членов в послушных исполнителей своих замыслов.

В 30-е годы в стране появились откровенно фашистские группировки, важнейшими из которых были «Серебряные рубашки», «Стражи республики», «Американские националисты», «Американская национал-социалистская партия», «Мобилизованные христиане», «Рыцари белой камелии» и т. д. Эти и многие другие неназванные здесь группы вели пропаганду идей фашизма через свои периодические издания. Нацистская Всемирная служба новостей регулярно поставляла им нужную информацию и призывала американцев поддержать эти издания, если они хотят спасти Америку от коммунизма[79]. Фашистские группы маскировали свою подрывную работу лозунгами «стопроцентного американизма» и «Америка для американцев». Так называемые «патриотические» митинги этих «стопроцентных американцев» разжигали самые низменные националистические инстинкты, сеяли недоверие к демократическим институтам. На них раздавались призывы по примеру Гитлера уничтожить демократию и «железной рукой навести порядок»[80].

Фашистские группы были тесно связаны с агентурой Германии и Италии. Наиболее влиятельными организациями, созданными агентами Муссолини, были «Фашистская лига Северной Америки» и «Американо-итальянский легион черных рубашек». Посты легиона располагались во многих крупных городах страны и объединяли 10—15 тыс. членов. Общее число фашистских организаций, связанных с Италией, достигло почти 200[81]. Без каких-либо помех со стороны правительства фашистскую пропаганду в США распространяли 7 ежедневных итальянских газет, около 100 других периодических изданий и 4 крупные радиостанции. В стране выходили книги, прославлявшие дуче[82].

К началу 20-х годов относится и возникновение в США первых нацистских групп. В 1923 г. после провала «пивного путча» в Мюнхене из Германии приехали нацистские агенты с целью создать фашистскую организацию «Тевтония». Летом 1933 г. образовалась ассоциация «Друзья новой Германии». Особый интерес для этой организации представляли 5—6 млн. немцев, сохранивших связи с «фатерландом». Деятельность официальных лиц фашистского рейха в США и «Друзей новой Германии» по вовлечению в орбиту своего влияния американцев немецкого происхождения была настолько грубой, что вызвала всеобщее возмущение в стране.

В 1934 г. комиссия Маккормака изобличила посольство и консульства рейха, а также Германское железнодорожное бюро, Германское бюро по туризму, пароходную компанию «Норс Герман Ллойд» и другие агентства в распространении в США нацистской пропаганды. Гитлеровское правительство, не желая в тот период обострять отношения с США,

[78] *Duffield M.* King Legion. N. Y., 1931, p. 168.
[79] *Carlson J. R.* Under Cover. My Four Years in Underworld of America. N. Y., 1943, p. 132, 133.
[80] Ibid., p. 38, 39, 77.
[81] US Congress, House, Hearing before a Special Committee on Un-American Activities. Wash., 1939, vol. 2. p. 1182, 1193.
[82] Ibid., p. 1193—1195, 1197—1198.

запретило германским гражданам состоять в ассоциации «Друзья новой Германии». «Открытые действия в США от имени новой Германии,— писал глава иностранной организации нацистской партии Г. Э. Боле 16 ноября 1934 г. Р. Гессу,— в настоящее время лишены смысла» [83]. В 1936 г. по распоряжению из Берлина ассоциация «Друзья новой Германии» была распущена и на ее базе создан «Германо-американский бунд».

Этой организации в середине 30-х годов принадлежала ведущая роль среди множества групп, лиг, обществ, маскировавшихся под патриотические американские организации, а в действительности проводивших линию нацистской Германии. Свою задачу руководство бунда видело в том, чтобы сплотить всех немцев в США в расистский блок, способный в будущем сыграть роль «пятой колонны», возглавить местные фашистские группы и насадить в США нацистские порядки. В составе бунда были созданы специальные молодежные формирования — «югендшафт» и «медхеншафт». Их члены подвергались интенсивной идеологической обработке. Наиболее преданные делу рейха молодые люди составляли вооруженные штурмовые отряды.

В 1934 г. влиятельные круги американского бизнеса, представлявшие Американскую лигу свободы, банкирский «дом Морганов», «Бетлехэм стил», «Анаконда коппер» и другие, поддержанные руководством «Американского легиона», составили заговор в целях осуществления фашистского переворота. Генералу Батлеру было предложено возглавить марш легионеров на Вашингтон. Батлер отказался от предложения и выступил в комиссии Маккормака, расследовавшей деятельность фашистских групп в США, с разоблачением намерений заговорщиков.

В 1937—1938 гг., когда в США разразился новый экономический кризис, была предпринята еще одна попытка консолидировать разрозненные фашистские силы. По данным представителя комиссии по расследованию антиамериканской деятельности Д. Меткалфа, к такому слиянию были готовы несколько сот организаций и групп. «Америке нужны люди, подобные Гитлеру,— говорил один из лидеров движения,— с тем чтобы пробудить ее от летаргического сна» [84]. В августе 1937 г. в Канзас-Сити на съезде фашистских и связанных с ними групп была образована «Американская националистическая конфедерация». Ее эмблемой была свастика [85]. Возглавил движение генерал В. Х. Мосли. Он был связан с ведущими фашистскими организациями в США и выступал с антисемитскими и антиправительственными речами.

Генерал выступал под лозунгом «спасения республики», требовал ввести военное положение и, опираясь на армию и национальную гвардию, «очистить страну от всех красных» и их сторонников и обеспечить Америке «закон и порядок» [86]. Выступления Мосли пропагандировались среди членов «Американского легиона», «Ветеранов иностранных войн» и «Национальной ассоциации офицеров-резервистов».

Сторонники Мосли планировали объединить разрозненные усилия

---

[83] Documents on German Foreign Policy, 1918—1945, Series C. Wash., 1959, vol. 3, p. 1118—1120.

[84] US Congress, House, Hearings before a Special Committee on Un-American Activities, vol. 2, p. 1117, 1208, 1209.

[85] Ibid., vol. 3, p. 2386—2388.

[86] Ibid., vol. 5, p. 3622—3624, 3628—3633.

многочисленных фашистских групп и, опираясь на военную силу, установить контроль над страной [87]. Важным подготовительным этапом на пути к фашистскому перевороту явилась конспиративная встреча генконсулов рейха в США с доверенными лицами американского «большого бизнеса» — представителями семейства Дюпонов и корпорации «Дженерал моторз», которая, согласно данным газеты «Ин фэкт», состоялась в ноябре 1937 г. в Бостоне. Здесь обсуждался вопрос о готовности рейха сотрудничать со «всеми силами американского национализма и традиционализма», о поддержке и субсидировании американских патриотических организаций для обеспечения их слияния и осуществления общих целей. Предполагалось приурочить переворот к моменту, когда правительственный курс потерпит катастрофический провал [88].

Приведенные факты подтверждают справедливость слов Г. Димитрова, сказанных им на VII конгрессе Коминтерна в 1935 г.: «Нужна значительная доля схематизма, чтобы не видеть, что самые реакционные круги американского финансового капитала, атакующие Рузвельта, как раз представляют собой прежде всего ту силу, которая стимулирует и организует фашистское движение в Соединенных Штатах. Не видеть за лицемерными фразами таких кругов о „защите демократических прав американских граждан" зарождающегося в Соединенных Штатах действительного фашизма — это значит дезориентировать рабочий класс в борьбе против его злейшего врага» [89].

Важным фактором, помешавшим фашистским заговорщикам осуществить свои планы, было широкое демократическое движение в стране. Характеризуя положение в США тех лет, У. З. Фостер писал: «Главным препятствием на пути фашизма было активное сопротивление рабочего класса и всех демократических сил фашистским тенденциям. 1933—1941 годы были периодом активной и успешной борьбы демократических масс» [90].

6. ИТОГИ «НОВОГО КУРСА»

Осуществляя экономические реформы, ньюдилеры руководствовались прежде всего прагматическими соображениями. Однако в их действиях вырисовывалась определенная объективная историческая закономерность: они подталкивали и форсировали государственно-монополистические тенденции в развитии американского капитализма.

Степень эффективности финансово-экономических мер «нового курса» как средства выведения экономики из кризиса и как барьера против спадов была далекой от того, на что рассчитывали их инициаторы. Неожиданное для ньюдилеров наступление нового экономического кризиса в 1937 г.— лучшее тому доказательство. Вместе с тем реформы «нового курса» оказались орудием усиления государственно-монополистического характера американского капитализма. Индекс промышленного производства поднялся в 1939 г. от уровня 1932 г. на 90%. Что касается расходов федерального правительства, то в 1932—1940 гг. они выросли с 4266 млн. до 10 061 млн. Государственные расходы — один из важнейших институтов государственно-монополистического капитализма. Их резкое

[87] Ibid., p. 3277—3279, 3299. 3300, 3302, 3303, 3349.
[88] *Seldes G.* Op. cit., p. 72—74.
[89] *Димитров Г.* Избр. произведения. М., 1957, т. 1, с. 458.
[90] *Фостер У. З.* Очерк политической истории Америки. М., 1953, с. 590—591.

и устойчивое возрастание за относительно короткий срок и есть одно из доказательств перерастания американского монополистического капитализма в государственно-монополистический.

Тот же самый объективный результат долгосрочного действия дали и социальные мероприятия ньюдилеров. Наряду с функцией экономического регулирования сформировалась обособившаяся функция социальной деятельности государства. Заметно видоизменились в годы «нового курса» идейно-политические устои двухпартийной системы. Демократическая партия стала прибежищем неолиберализма. Первые шаги наметились в переориентации республиканцев в неоконсервативном направлении.

Кризис 1929—1933 гг. и «новый курс» стали тем временем, когда были сделаны шаги в дальнейшем развитии государственно-монополистического капитализма. Если «новый курс» рассматривать как единство двух линий: с одной стороны, развитие государственно-монополистического регулирования и, с другой — проведение социальных реформ с учетом требований масс, то можно считать, что в 1939 г. эта страница закрывается. В социальном реформаторстве «новый курс» после победы ньюдилеров на выборах 1936 г. продвинулся сравнительно незначительно. В их актив можно записать лишь принятие закона о регулировании условий труда в 1938 г. и расширение ассигнований на помощь безработным.

Позиции ньюдилеров были основательно подорваны кризисом 1937—1938 гг. Если демократы называли крах 1929—1933 гг. «гуверовской депрессией», то республиканцы, следуя сложившимся принципам политиканства, окрестили очередной кризис «рузвельтовской рецессией». Новый кризис подорвал веру в эффективность реформ. Ньюдилеры все более теряли инициативу.

После выборов 1938 г. рузвельтовское окружение оказалось в «замешательстве относительно следующей фазы нового курса». Президент был «склонен двигаться с осторожностью» в своих взаимоотношениях с конгрессом и демонстрировал «умеренность». Спикер палаты представителей алабамский демократ У. Бэнкхэд заявил, что главные цели «нового курса» «практически достигнуты» и необходимость в дальнейших реформах отпала [91]. В ежегодном послании о положении страны, с которым Ф. Рузвельт выступил в январе 1939 г., не выдвигалось никаких реформ. Президент официально провозгласил окончание «периода внутренних конфликтов, связанных с программой реформ» [92]. Пригласив 6 марта 1939 г. в Белый дом вице-президента Д. Гарнера, лидера демократов в сенате О. Баркли, спикера У. Бэнкхэда и лидера демократического большинства в палате представителей С. Рэйбэрна, Ф. Рузвельт заверил капитолийскую верхушку, что никаких планов дальнейших реформ у него нет [93].

Итак, закончилась полоса социальных реформ, но государственное регулирование экономики продолжалось и после 1938 г. Государственно-монополистическая сущность «нового курса» оказалась явлением необратимым. Важнейшим итогом «нового курса» было также и то, что он ознаменовал серьезный сдвиг в социальном развитии страны.

---

[91] New York Herald Tribune, 1939, Jan. 8.
[92] The State of the Union Messages of the Presidents, 1790—1966: Vol. 1—3 / Ed. by F. Israel. N. Y., 1966—1967, vol. 3, p. 2846.
[93] New York Times, 1939, Mar. 7.

Глава десятая
СОЦИАЛЬНЫЕ ДВИЖЕНИЯ

1. ПОЛОЖЕНИЕ ТРУДЯЩИХСЯ В ГОДЫ «НОВОГО КУРСА»

Если в области социального законодательства и условий труда реформы «нового курса» привели к определенным положительным изменениям, то в плане решения острейшей проблемы кризисного десятилетия — проблемы занятости — достижения администрации были весьма скромными. Многие исследователи говорят даже о провале программы борьбы с безработицей, осуществляемой под эгидой различных правительственных ведомств начиная с 1933 г.

И в самом деле, главная цель всей социальной стратегии администрации демократов — обеспечение полной занятости или хотя бы приведение безработицы к докризисному уровню — оказалась недостижимой. В 1939 г. уровень безработицы составил 17,2%, т. е. примерно в 6 раз превышал 1929 г.[1] Иными словами, в 1939 г. в стране безработных было больше, чем в 1931 г., т. е. в период мирового экономического кризиса, в момент чрезвычайно низкой деловой активности и массовых увольнений. Фактически только война спасла капиталистическую экономику США от очередного, может быть еще более глубокого, кризиса и нового увеличения массовой безработицы. С. Ленс писал: «Когда Рузвельт начинал свою одиссею, британский экономист Джон Мейнард Кейнс сказал ему, что он имеет редкую возможность применить „в интересах мира и процветания" тот „метод (расходование больших государственных средств.— *Авт.*), который до сих пор использовался лишь в целях войны и разрушения". И тем не менее именно „война и разрушения" в конечном итоге помогли рассасыванию безработицы и вывели нацию на тридцатилетнюю спираль процветания, благодаря чему „новый курс" все еще ретроспективно купается в блеске своей славы» [2].

Непосредственные результаты политики Рузвельта в деле оказания помощи безработным и решения проблемы занятости свидетельствовали о том, что процесс обнищания и пауперизации больших масс населения так и не удалось приостановить. Зимой 1934 г. число тех, кто получал прямую материальную помощь по безработице, составляло свыше 20 млн. Но ее размеры не превышали 16 долл. в месяц на семью из четырех человек. К 1937 г. это пособие в связи с ростом стоимости жизни было несколько повышено (до 20 долл.), но и эта сумма не покрывала даже самые минимальные расходы на питание, не говоря о прочих статьях семейного бюджета [3].

Надежды части ньюдилеров на то, что система общественных работ со временем станет универсальным средством решения проблемы занятости, также не оправдались. Уступив реакции, правительство свернуло

---

[1] Historical Statistics of the United States. Colonial Times to 1970. Wash., 1975, p. 135.
[2] *Ленс С.* Бедность: неискоренимый парадокс Америки. М., 1976, с. 339.
[3] *Piven F. F., Cloward R. A.* Poor People's Movement. N. Y., 1977, p. 67, 68.

в 1934 г. программу СВА[4]. Создание ВПА во главе с Г. Гопкинсом носило на себе уже печать компромисса, достигнутого в политическом торге между либералами и консерваторами в правящих кругах США: принципы ее функционирования с самого начала мешали ей стать достаточно эффективным инструментом воздействия на ситуацию в области занятости. В лучшие времена на объектах ВПА было занято не более 3,3 млн. безработных, что составляло примерно четвертую часть их общего числа. Заработки были мизерными, не более 50 долл. в месяц[5], а содержание и условия труда — изнуряюще бессмысленными и тяжелыми.

Отмечая в целом положительное значение создания системы федеральных общественных работ, коммунисты и другие прогрессивные деятели критиковали администрацию Рузвельта прежде всего за непоследовательность, уступчивость реакции, склонность к полумерам, подчеркивали временный характер всей деятельности по оказанию помощи безработным. Журнал «Нью рипаблик» писал: «Левые выражают недовольство, и с нашей точки зрения законное, тем, что многие безработные живут впроголодь, тем, что многочисленные объекты в рамках общественных работ функционируют плохо из-за непродуманной организации, а общественное значение других ничтожно мало, и что некоторые виды деятельности, особенно важные — такие, как жилищное строительство,— игнорируются из-за преувеличенных страхов составить конкуренцию частному бизнесу... Со всех сторон поступают зловещие сведения о фаворитизме, использовании общественных работ в узкопартийных интересах, о взяточничестве в административных органах управления ВПА...»[6]

Признаки нарастания кризиса в системе организации помощи безработным, созданной администрацией «нового курса» и продублированной на местах, значительнее всего проявились с середины 1937 г. Ухудшение положения с наибольшей силой ощущалось в крупнейших промышленных штатах — Огайо, Пенсильвании, Иллинойсе и др. В Нью-Джерси власти отказали всем нуждающимся в помощи, предоставив взамен лицензии на право сбора подаяния. Губернатор Огайо вынужден был отдать распоряжение организовать одноразовое питание тысяч и тысяч голодающих с помощью походных кухонь частей национальной гвардии. В Джорджии и ряде других штатов размеры пособия безработным были снижены до чисто символической суммы — 5 долл. в месяц, что едва хватало семье один раз пообедать.

Проведенные обследования подтвердили, что позорное явление коллективного нищенства и существования за счет городских свалок, с которым демократы торжественно обещали покончить еще в 1932 г., продолжало оставаться печальной реальностью. Миллионы американцев и общество в целом продолжали уплачивать тяжкую дань массовой безработице ослаблением семейных уз, искалеченными судьбами молодежи, упадком морали, ростом преступности, недугами, голодом и нищенским существованием. Ограниченные пределы буржуазного реформизма проявили себя в этих фактах столь отчетливо, что даже среди многих его политических сторонников воцарились пессимизм и убеждение в тщетности попыток изменить положение к лучшему.

---

[4] Подробнее см.: *Мальков В. Л.* Гарри Гопкинс: страницы политической биографии.— Новая и новейшая история, 1979, № 2.
[5] Peoples Press, 1937, Apr. 24.
[6] New Republic, 1936, Apr. 29, p. 330.

После поражения на частичных выборах в конгресс в 1938 г. Рузвельт ради воссоздания прочного проправительственного блока пошел навстречу реакции и согласился с требованиями о свертывании общественных работ [7]. Уступчивость президента привела к тому, что летом 1939 г. конгресс сильно урезал ассигнования на ВПА, в результате чего число рабочих мест на строительных объектах резко упало. К концу 1939 г. правительство обеспечивало работой уже не более 2 млн. человек, к тому же зачисление было обставлено различного рода условиями и унизительными проверками. По новым правилам, например, установленным конгрессом, лица, проработавшие на общественных работах свыше 18 месяцев, изгонялись как «злоупотребившие системой помощи», многие программы прекращали свое существование, а сама возможность получения работы распространялась только на граждан — уроженцев США, прошедших проверку на политическую благонадежность [8].

Оживление экономики, трудовое законодательство «нового курса» в сочетании с главным фактором — решительной борьбой рабочего класса — вызвали более заметные перемены к лучшему в положении занятой части трудящегося населения. Была сокращена (и в ряде случаев существенно) продолжительность рабочей недели, повышены минимальные ставки заработной платы низкооплачиваемых категорий работников, запрещен детский труд, улучшены условия труда рабочих. Однако если иметь в виду заработки рабочих, то их увеличение было незначительным (сказывалось сохранение огромной безработицы); вследствие же начавшегося во второй половине 30-х годов роста стоимости жизни оно во многих случаях низводилось на нет.

Известный американский историк Р. Поленберг писал: «В 1939 г., не принимая во внимание 2,5 млн. людей, занятых на общественных работах, 58,5% работающих мужчин и 78,3% работающих женщин получали заработную плату ниже 1000 долл. в год. Для того чтобы понять, что кроется за статистическими данными, достаточно взглянуть на положение семьи издольщика в штате Миссисипи, чей среднегодовой доход не превышал 26 долл. В трехкомнатной жалкой лачуге обитали 16 человек, укрываясь ночью сшитыми из мешковины одеялами и приготовляя пищу на плите, которая годна была только на металлолом. Детишек в таких семьях матери долго не отнимали от груди, потому что это был самый лучший способ накормить их» [9]. Если учесть, что прожиточный минимум семьи из четырех человек в США к концу 30-х годов составлял, согласно официальным данным, примерно 2500 долл., то становится ясно, что реальные доходы большинства трудящихся оставались на крайне низком уровне, с трудом позволяя им сводить концы с концами. Процесс абсолютного обнищания и пауперизации значительной массы населения продолжался, контраст между бедностью и богатством стал еще заметнее.

Аграрное законодательство «нового курса» оказало противоречивое влияние на положение сельскохозяйственного населения США. В то время как крупные и некоторая часть средних фермеров, получившие правительственные премии за изъятие доли земель из производства и обратившие эти средства на интенсификацию хозяйства, смогли извлечь

[7] Ibid., 1939, Apr. 26, p. 334.
[8] Ibid., June 28, p. 199, 200.
[9] *Polenberg R.* One Nation Divisible. Class, Race, and Ethnicity in the United States Since 1938. N. Y., 1980, p. 18, 19.

из них немалые выгоды, положение мелких фермеров, особенно арендаторов, кропперов-издольщиков и сельскохозяйственных рабочих, по-прежнему оставалось тяжелым, а во многих случаях даже ухудшилось в связи с тем, что программа сокращения производства означала для них либо разорение и принудительный сгон с земли, либо безработицу.

Обострение классовой борьбы в «хлопковом поясе» заставило правительство заняться проблемой «забытых фермеров». В апреле 1935 г. президент США объявил о создании Администрации по переселению, на смену которой в 1937 г. пришла Администрация по охране фермерских хозяйств. Одновременно было принято законодательство об ассигновании 80 млн. долл. для предоставления фермерам-арендаторам займов для покупки собственных ферм.

В теории эта программа должна была содействовать улучшению материального положения низкодоходных групп сельского населения, на практике же из-за произвола местных властей, подчинявшихся крупным лендлордам, предоставленными льготами могло воспользоваться незначительное меньшинство арендаторов. Согласно данным Бюро цензов, в 1935 г. в США насчитывалось почти 3 млн. арендаторов, что составило 42,1% общего числа фермеров. К концу 1941 г. Администрация по охране фермерских хозяйств выдала займы только 20 748 арендаторам для покупки ферм. В Арканзасе, где в 1935 г. насчитывалось почти 152 тыс. арендаторов, за тот же период займы были выданы лишь 1400 счастливцам.

Таким образом, правительственная программа помощи практически не вышла за рамки «эксперимента» [10]. Лишь война и сдвиги в экономическом развитии Юга в связи с военно-промышленной конъюнктурой на некоторое время приостановили дальнейший упадок хозяйств мелкотоварных фермеров-арендаторов на Юге и их собратьев в других районах страны.

Видный американский исследователь Р. Киркендолл писал: «Нищета фермеров в конце 30-х годов оставалась такой же доминирующей проблемой американской жизни, как это было в самом начале десятилетия. Если новому курсу и удалось спасти от банкротства фермеров, разоренных кризисом, то он не смог существенно улучшить положение тех сельских жителей, чей жизненный уровень был нищенским, и до того, как разразился кризис» [11]. Сохранение подобной ситуации во многом объясняется тем, что накануне второй мировой войны аграрный кризис не только не был преодолен, но и вновь обострился. Переходящие запасы сельскохозяйственной продукции утроились, и как следствие этого вновь упали цены на сельскохозяйственные товары, а затем и покупательная способность фермеров. Разорение фермерства продолжалось ускоренными темпами. С 1935 по 1940 г. в США исчезло 716 тыс. ферм (10,5% общего числа). Задолженность фермерства в 1940 г. достигла огромной цифры — 10 млрд. долл.[12] Плачевный итог непрерывных семилетних усилий в попытке излечить сельское хозяйство страны от одолевавших его недугов!

---

[10] *Колодий А. Ф.* «Новый курс» и мелкие фермеры.— В кн.: Американский ежегодник, 1971. М., 1971, с. 255.

[11] *Kirkendall R. S.* The New Deal and Agriculture.— In: The New Deal. The National Level / Ed. by J. Braeman, R. H. Bremner, D. Brody. Columbus, 1975, p. 105.

[12] *Золотухин В. П.* Фермеры и Вашингтон. М., 1968, с. 145, 147.

В экономическом отношении не было другого такого слоя трудящегося населения США, на положении которого результаты «нового курса» сказались бы столь ничтожным образом, как это случилось с 12 млн. афро-американцев. Во время избирательной кампании 1932 г. Рузвельт обещал отнестись с полным пониманием и беспристрастием к вопросу о включении американцев с черной кожей в сферу воздействия чрезвычайных мер помощи «забытому человеку» [13]. И в самом деле администрации «нового курса», казалось, предоставлялся великолепный случай продемонстрировать свои бескорыстие, гуманизм и верность слову. Однако на практике все выглядело иначе. Реальные сдвиги в положении черного населения Америки были мизерными. Никак в сущности не улучшилось положение черных рабочих на Юге, где они составляли большинство в промышленном секторе. Двойное рабство южных рабочих сохранялось с благословения правительства, поскольку оно само санкционировало сохранение различий в оплате труда на Юге и на Севере. «„Новый курс" Рузвельта,— говорится в книге по истории Компартии США, изданной ее руководством,— был не столь уж нов. Он сохранил старый Юг с его расовой дискриминацией и практиковавшейся там разницей в заработной плате и условиях труда, которая затрагивала всех рабочих» [14].

Более половины негритянского населения США в 30-е годы жили в сельской местности, главным образом в хлопкосеющих штатах Юга, но только 20% черных фермеров были собственниками земли, которую они обрабатывали. Остальные трудились у крупных землевладельцев в качестве арендаторов и батраков. Система кропперства и издольной аренды, невзгоды аграрного кризиса 20-х годов плюс экономическая катастрофа 1929—1933 гг. сделали положение этой беднейшей части сельскохозяйственного населения США просто безысходным. Однако первые же итоги претворения в жизнь закона о восстановлении сельского хозяйства показали, что мероприятия по сокращению сельскохозяйственного производства и изъятию из обработки части пахотной земли делали страдающей стороной прежде всего именно этот самый нуждающийся слой сельскохозяйственного населения страны. Это и неудивительно, ибо они не могли принести никаких выгод тем, кто и без того владел ничтожной площадью земли или же не владел вообще ничем, всецело завися от алчной прихоти крупных землевладельцев, как правило, преисполненных ненависти к черным и желанием не допустить улучшения их материального статуса.

Для черных фермеров, издольщиков и батраков, не было фактически никаких возможностей добиться исправления положения, используя механизм арбитражных комиссий. Осуществлявшие все контрольные и распорядительные функции на местах представители крупных белых землевладельцев игнорировали жалобы черных арендаторов и кропперов. Об их решимость не допустить ослабления зависимости арендаторов от хозяев плантаций разбивались любые попытки толкования аграрного законодательства «нового курса» на беспристрастной основе. В свою очередь, федеральные чиновники стремились держаться «нейтрально» ради обеспечения сотрудничества лендлордов в реализации общей программы. Воспользовавшись этим, плантаторы не допускали к процедуре

---

[13] *Wolters R.* The New Deal and the Negro.— In: The New Deal. The National Level, p. 170.

[14] Вехи боевой истории: 60 лет Коммунистической партии США. М., 1983, с. 85.

выработки рекомендаций и наблюдению за распределением правительственной помощи представителей черных арендаторов, обеспечив за собой все преимущества и льготы, вытекающие из ААА. Результаты не замедлили сказаться. Данные ценза показали, что в 1940 г. в США насчитывалось почти на 200 тыс. меньше черных арендаторов, чем в 1930 г.[15] Бросая землю, черные американцы целыми общинами переселялись с Юга на Север, в промышленные центры, оседая в трущобах гетто и пополняя армию безработных.

Реформы «нового курса», начиная с НИРА, внесли известные перемены к лучшему в положение городского черного населения. К 1935 г. 3,5 млн. черных числились в списках получавших материальную помощь, 200 тыс. были заняты на объектах ВПА. Однако пособия во многих местах (особенно на Юге) не покрывали и сотой доли расходов негритянской семьи на питание, другие предметы первой необходимости и кров, а на общественных работах черные сплошь и рядом подвергались унизительному обращению, дискриминации и разного рода ущемлениям.

Шагом вперед был также формальный отказ Национальной администрации восстановления (НРА) включать в «кодексы честной конкуренции» положения, не признающие равенства прав белых и черных рабочих в вопросах заработной платы. Правительственная регламентация условий найма налагала известные моральные ограничители на дискриминационную практику предпринимателей на крупных промышленных предприятиях, на транспорте и в горнодобывающих отраслях. Тем не менее предприниматели нашли тысячи лазеек, чтобы уклониться от распространения пункта о минимуме заработной платы на черных. Кроме того, большое число черных рабочих было занято на мелких предприятиях с устаревшим оборудованием, конкурентоспособность которых всецело зависела от затрат на переменный капитал. Удорожание рабочей силы в связи с введением новых правил нормирования и оплаты труда заставляло предпринимателей либо модернизировать свои предприятия, либо свертывать производство. В обоих случаях первой жертвой хозяйского произвола становились черные рабочие, пополнявшие ряды безработных. Таким образом, последствия правительственного регулирования трудовых отношений для многих категорий рабочих, как белых, так и черных, оказались очень тяжелыми.

Положительные изменения в связи с принятием законодательства «нового курса» не коснулись большинства черных тружеников еще и потому, что в своем большинстве они были заняты в сельском хозяйстве, в сфере обслуживания и в некоторых других отраслях экономики, на которые не распространилось его действие. Закон о социальном страховании, предусматривавший создание системы пенсионного обеспечения по старости и страхование по безработице, мог быть применен только к 10% общего числа черных в составе рабочей силы. Сельскохозяйственные рабочие, прислуга, рабочие сезонных профессий и т. п. вообще не были приняты в расчет при определении тех категорий трудящихся, которые могли претендовать на пособия и пенсии в случаях, специально оговоренных законом. Сохранить лояльность демократов-южан и не дать расистам повода для резких нападок на «новый курс» представлялись

---

[15] *Wolters R.* Op. cit., p. 174; *Conrad D. F.* The Forgotten Farmers: The Story of Sharecroppers in the New Deal. Urbana, 1965.

Рузвельту более важными, чем твердость в принципиальных вопросах социальной политики.

Конечно, на фоне трагического положения американцев с черной кожей в период правления республиканской администрации Гувера самые незначительные уступки, добытые в годы «нового курса», могли рассматриваться черными как слабый луч надежды в конце длинного темного туннеля. Этим, в частности, объясняется и сдвиг негритянского населения США в сторону поддержки демократов, партии, которая долгое время была оплотом расизма.

На положении городских средних слоев реформы «нового курса» сказались куда более конструктивным образом, вызвав, однако, двоякое отношение. С одной стороны, различные слои интеллигенции, учащаяся молодежь, служащие, лица свободных профессий и т. д. после нескольких лет пребывания на краю пропасти смогли себя почувствовать наконец в относительно большей безопасности благодаря реализации специальных правительственных программ помощи. С другой — часть средних слоев, связанная с мелким бизнесом, поначалу поверившая обещанию Вашингтона восстановить права «независимого предпринимательства» и «честную конкуренцию» путем ограничения произвола крупного капитала, вскоре убедилась, что правительство не только бессильно приостановить процесс концентрации экономической мощи, но и вообще не склонно это делать. Недовольство и метания этой части городских средних слоев, экономически и идеологически связанных с мелким бизнесом, свидетельствовали, что процесс ухудшения их экономического статуса продолжается, а сфера социальных конфликтов в стране имеет тенденцию к расширению. Это, в свою очередь, предполагало новую перегруппировку политических сил, появление новых глубоких трещин во взаимоотношениях низов и верхов, образованию которых и был призван помешать «новый курс».

Признание давящей тяжести нерешенных проблем и несоразмерности принятых мер с масштабами бедствия сквозило в каждой фразе знаменитой речи Рузвельта, произнесенной 20 января 1937 г. в связи со вторичным вступлением на пост президента. Он говорил: «Я вижу в этой стране десятки миллионов ее граждан — значительную часть ее населения, которые в этот самый момент лишены большей части того, что, даже исходя из самого низкого на сегодняшний день уровня жизни, считается совершенно необходимым. Я вижу миллионы семей, пытающихся прожить на столь скудные доходы, что ежедневно им грозит семейное бедствие. Я вижу миллионы людей, чья будничная жизнь в городах и на фермах протекает в условиях, признанных недостойными цивилизованным обществом полстолетия назад. Я вижу миллионы людей, лишенных образования, отдыха и возможности изменить к лучшему свою участь и участь своих детей. Я вижу миллионы людей, лишенных средств, чтобы покупать продукцию ферм и заводов, и своей нищетой лишающих многие миллионы других людей возможности производительно трудиться. Я вижу, что треть нации живет в плохих домах, плохо одета и плохо питается» [16].

Статистика и специальные исследования показывали, что дело обстояло хуже, чем представлял себе это президент. Экономический кризис

[16] The Public Papers and Addresses of Franklin D. Roosevelt: 1933 vol.— 1945 vol / Ed. by S. I. Rosenman. N. Y., 1938—1950, 1937 vol., p. 4—5.

1937—1938 гг. вновь продемонстрировал, сколь скромными были практические достижения «нового курса», сколь велик был разрыв между неолиберальной утопией и истинным положением вещей, прежде всего в сфере материального положения трудящихся масс. В конце кризисного десятилетия сами ньюдилеры не скрывали своего пессимизма в отношении возможности предотвратить новое наступление нищеты на жизненный уровень простых американцев и тем самым положить конец губительным последствиям неусмиренной анархии капиталистического производства.

2. РАБОЧИЙ КЛАСС ЗА УГЛУБЛЕНИЕ СОЦИАЛЬНЫХ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ

Важнейшим фактором, вынудившим рузвельтовскую администрацию с первых же месяцев пребывания у власти прибегать к социальному маневрированию, был подъем массовой борьбы трудящихся, по своему размаху и значению выдающийся в истории классовой борьбы в США. Все планы правительства были нацелены на то, чтобы избежать стихийного взрыва всеобщего возмущения, которое могло принять форму революционного действия против самих устоев существующего строя. Правящий класс — американская буржуазия — санкционировал курс на реформы. Программа «нового курса», первоначально расплывчатая и умеренная, так же как и либеральная риторика ньюдилеров, являлась отражением набиравшего силу и мощь широкого народного движения за социальное обновление, в центре которого находился рабочий класс Америки.

Правительство Рузвельта рассчитывало, что законодательство «первых ста дней» в сочетании с обещаниями продолжить эксперимент в будущем приведет к притуплению классовых антагонизмов, снизит накал борьбы между трудом и капиталом, верхами и низами, открыв перспективу гармоничных отношений между ними. И хотя Рузвельту не удалось полностью достичь поставленной цели, увеличение расходов на помощь безработным, создание системы общественных работ, меры помощи фермерам привели к некоторому спаду массового движения безработных во многих промышленных центрах, приостановке фермерских выступлений общенационального характера и стихийных бунтов молодежи.

Однако желанной общей «передышки» не получилось. Напротив, рабочее движение в целом продолжало развиваться по восходящей линии, причем центр активности сместился на территории действующих предприятий, в ведущие отрасли американской промышленности. Стачки, выступления рабочих в защиту права на организацию профсоюзов становились главной формой движения. Эта не прекращающаяся все десятилетие 30-х годов бескомпромиссная борьба, отмеченная драматизмом, мужественной решимостью и высоким идейным накалом, стала важнейшим фактором социальных перемен.

Свыше миллиона американских рабочих бастовали уже в 1933 г., отстаивая сносные условия существования и право организации в профсоюзы. Но это было только начало. Кривая стачечного движения неуклонно и круто шла вверх. В 1934 г. число участников забастовочного движения перевалило за 1,5 млн. В борьбу включились десятки тысяч рабочих автомобильной промышленности, текстильщики, шахтеры, портовики Западного побережья, строители, рабочие алюминиевых предприятий,

водители такси Филадельфии, швейники Нью-Йорка, Чикаго, Бостона, Сент-Луиса, Кливленда, шахтеры, обувщики Линна (штат Массачусетс) и т. д. Летом 1934 г. страна оказалась охваченной серией следовавших одна за другой всеобщих стачек — в Толидо, Миннеаполисе, Сан-Франциско, рабочих текстильной промышленности. На фоне всеобщего брожения в рабочих низах, кризиса доверия к политике «классового мира», проводимой лидерами АФТ, усиления влияния левых сил эти выступления трудовой Америки выглядели внушительно и грозно как предзнаменование важных перемен в соотношении классовых сил в стране.

Самой примечательной особенностью этого подъема было то, что рабочие не ограничивались чисто экономическими требованиями, а повсеместно добивались осуществления и законодательного закрепления тех основных прав на коллективную защиту от крайностей капиталистической эксплуатации, которые формально были гарантированы НИРА. Используя недомолвки и разного рода туманности в рабочих статьях НИРА, а также увертки правительства, предприниматели стремились увековечить систему «открытого цеха», воспрепятствовать созданию массовых профсоюзов в старых и новых отраслях. Целый арсенал средств, включая широкое применение специальных частных полувоенизированных формирований, был пущен в ход для террористического подавления рабочей инициативы, запугивания и физической ликвидации активистов. Но уроки, которые рабочие США вынесли из опыта борьбы в годы кризиса, не прошли даром. И главный из них состоял в осознании великой жизненной силы рабочей солидарности, необходимости действовать сообща, организованно.

Движение безработных закрепило этот урок. Там, где существовали организации безработных, удавалось кое-что сделать для нуждающихся семей, а это «кое-что» в условиях кризиса часто являлось последним и единственным шансом не умереть с голоду, не оказаться под открытым небом без крова, в положении бездомных скитальцев. Тяготы, которые пришлось вынести рабочим в их борьбе со своекорыстной буржуазией, заинтересованной лишь в собственном благополучии, и с выполняющим ее волю правительством, могли быть значительно меньшими, если бы не разобщенность и дезорганизация в их рядах. Три тяжелых года сделали этот вывод самоочевидным и оказали большое воздействие на умонастроения рабочего класса. Именно этот новый настрой пролетариата и послужил мощным ускорителем того подъема движения за организацию рабочих в профсоюзы, который начался с 1933 г.

За короткий промежуток времени был остановлен процесс сокращения численности тред-юнионов, неуклонно развивавшийся с начала 20-х годов, причем численность некоторых профсоюзов выросла в десятки и даже сотни раз. Если в 1933 г., согласно данным рабочей статистики, общее число членов тред-юнионов составляло менее 3 млн., то в 1940 г.— уже свыше 7 млн. По существу, впервые были пробиты глубокие бреши в антипрофсоюзных заграждениях, которыми крупная буржуазия окружила многие ведущие отрасли промышленности с сотнями тысяч занятых в них трудящихся,— электротехническую, металлургию, автомобилестроение, химическую, автомобильный транспорт, нефтяную, авиационную, станкостроительную, горнодобывающую и т. д.

Этот стремительный процесс высвобождения скрытой энергии рабочего движения имел своим источником рабочие низы и носил спонтанный,

вулканический характер. Он застал буквально врасплох не только предпринимателей, буржуазных дельцов и политиков, но и воспитанных на догмах гомперсизма старых профсоюзных лидеров — как тех из них, кто занимал верхние этажи в иерархии руководителей АФТ, так и большинство функционеров среднего звена.

Другая важная особенность состояла в том, что наиболее широкое распространение движение за обновление и расширение профдвижения («новый тред-юнионизм») получило среди рабочих основных отраслей промышленности (металлургической, химической, машиностроения и т. д.), т. е. там, где степень обобществления труда, рационализации производственных процессов, централизации капитала и концентрации рабочей силы достигла наивысшего для своего времени уровня. Уже сам характер поточного производства на основе конвейерной системы сделал очевидным в глазах занятых в нем рабочих многие преимущества отказа от цеховой, элитарной структуры профдвижения и создания в этих отраслях массовых производственных профсоюзов, вовлекающих в свои ряды рабочих различных специальностей и разной квалификации — от разнорабочих до высококвалифицированного инженерно-технического персонала. И, наконец: перспектива ломки сложившейся десятилетиями структуры профессионального движения, его демократизации и приобщения широких масс активно настроенных рабочих к решению социально-политических задач становилась все яснее, что не устраивало реакционную верхушку АФТ.

Опасение, что разрыв с гомперсизмом приведет к политической радикализации рабочего класса, толкало ее к открытому противодействию движению за создание производственных профсоюзов. А это означало, что существо конфликта вокруг вопроса об организационной структуре тред-юнионизма заключалось в борьбе двух тенденций в профдвижении — капитулянтской, соглашательской и классово-пролетарской, последовательно демократической, нацеленной на ориентиры более высокого порядка, чем обеспечение одних лишь материальных нужд [17].

С каждым месяцем линия водораздела обозначалась все резче, все определеннее. «Новый тред-юнионизм», привлекая под свои знамена большие массы неорганизованных рабочих, оказавшихся в наихудших, прямо-таки бедственных условиях, решительно отверг план мелких, разрозненных действий, предложенный руководством АФТ, не скрывавшим свои намерения «утрясти» конфликты с капиталом путем кулуарных сделок с предпринимателями, в рамках старых формул гомперсизма о социальном партнерстве и единстве интересов верхушки рабочего класса и буржуазии. В полном согласии с этой капитулянтской стратегией руководство АФТ не желало, например, что-либо менять в статусе черных рабочих, отклонив предложения начать кампанию за их вовлечение в профсоюзы [18]. И напротив, в отличие от национальных и межнациональных союзов АФТ, стремившихся не допускать в свои ряды черных, «новый тред-юнионизм» сделал важный шаг к разрушению расистских барьеров, распахнув двери для цветных трудящихся, подвергавшихся наиболее жестокому угнетению и дискриминации.

[17] История рабочего движения в США в новейшее время: В 2-х т. М., 1970—1971, т. 1, с. 272—280.

[18] The Negro and the American Labor Movement / Ed. by J. Jacobson. Garden City (N. Y.), 1968, p. 162—170.

Господствующая в новых союзах атмосфера резко контрастировала с рутиной, апатией, застоем и пораженчеством, разъедавшими большинство цеховых тред-юнионов АФТ. Бойер и Морейс писали: «Новые профсоюзы усвоили боевые методы Индустриальных рабочих мира и Лиги профсоюзного единства: грандиозные массовые митинги пикетчиков, пение песен, открытые диспуты, собрания и митинги, объединение женщин во вспомогательные женские организации и их активное участие в стачках Они практиковали ,,сидячие'' забастовки, замедление темпов работы, демонстрации. Они создавали летучие отряды, которые во время стачек перебрасывались на автомобилях с места на место, когда создавалась тревожная обстановка» [19]. Сами формы борьбы, избранные «новым тред-юнионизмом», способствовали вовлечению в движение рядовой массы рабочих, развязывали их инициативу, выдвигали вперед активистов, преданных своему классу. Среди них было много людей, прошедших тяжелые испытания.

Реальный успех массовой борьбы в промышленности в защиту экономических требований и за право на профсоюз в первые годы «нового курса» был в целом относительно невелик. Победы перемежались поражениями. «Новый тред-юнионизм» в лице молодых, только что возникших производственных союзов еще не смог обрести необходимой устойчивости. И тем не менее забастовочное движение 1933—1934 гг. послужило хорошей школой борьбы. Ход событий способствовал росту классового самосознания рабочих, самодеятельности низов, обогащению всего движения наступательным духом, выдвижению плеяды молодых рабочих вожаков, тесно связанных с рабочей средой. Их идейный и политический кругозор не был скован рамками узколобого профсоюзного практицизма. Особое место и роль среди них принадлежали коммунистам.

Современные американские исследователи пишут: «...в ряде отраслей промышленности лидеры движения рядовых по своим идейно-политическим взглядам были радикалами, социалистами той или иной разновидности... Общепризнано вместе с тем, что из всех радикальных групп коммунисты пользовались наибольшим влиянием; в таких же отраслях, как автомобильная промышленность и морской транспорт, они, бесспорно, сыграли роль главной инициативной силы. В этих отраслях ячейки коммунистической партии превратились в ключевые центры агитации и мобилизации рабочих» [20].

Конечно, перечень отраслей, где коммунисты, действуя фактически поначалу в одиночку, заложили основы массовых профсоюзов, можно продолжить: в таких из них, как сталелитейная, электротехническая, химическая, резиновая и др., коммунисты проявили себя не только мужественными организаторами и политическими вожаками масс, но и творцами новой тактики «промышленной войны», принесшей в конечном итоге серьезные успехи рабочим [21]. Нельзя не учитывать вместе с тем, что коммунисты и другие левые группы руководили «обучением» рабочего класса США новым формам борьбы в условиях особой сложности —

[19] *Бойер Р. О., Морейс Г. М.* Нерассказанная история рабочего движения в США. М., 1957, с. 443.

[20] *Piven F. F., Cloward R. A.* Op. cit., p. 151. См. также: *DeCaux L.* Labor Radical: From the Wobblies to the CIO, a Personal History. Boston, 1970; *Mortimer W.* Organize! My Life as a Union Man. Boston, 1971.

[21] Вехи боевой истории, с. 105—125.

после длительного периода «отвыкания» от активных массовых действий и при сохранении коварной антистачечной активности верхушки АФТ [22], помогавшей монополиям в их стратегии, направленной на сохранение режима «открытого цеха» в большинстве отраслей промышленности. Уже в годы кризиса коммунисты заложили фундамент многих массовых профсоюзов, и среди них — профсоюза рабочих автомобильной промышленности [23].

В результате тщательного исследования многие современные американские историки приходят к выводу, что деятельность коммунистов имела решающее значение на самых трудных этапах становления профсоюза авторабочих: от первых шагов к высвобождению созданных на предприятиях рядовыми рабочими профсоюзов из-под гибельной для инициативы низов опеки соглашательской верхушки АФТ до оформления в 1936 г. независимого профсоюза автомобилестроителей. Неудивительно, что в политическом отношении он сразу же занял свое место на левом фланге профдвижения.

Роспуск в 1935 г. по решению руководства Компартии Лиги профсоюзного единства и подключение опытных кадров профсоюзных активистов левого направления к организационной кампании за создание массовых производственных союзов естественным путем выдвинули их на руководящие посты, позволили успешнее вести политическую агитацию в гуще масс. Так было, например, в ходе становления профсоюзов в электротехнической и сталелитейной промышленности [24], где вхождение левых в руководящее ядро благотворно сказалось на деятельности этих союзов, быстро привело к повышению их роли в рабочем движении.

Конец 1934 — начало 1935 г. на фронте борьбы труда и капитала, демократии и реакции были ознаменованы рядом событий, которые показали, в каком генеральном направлении развивается рабочее и демократическое движение. Радикализация широких масс и прямые действия с их стороны (крупные стачки, выступления безработных, фермерские волнения и т. д.) сочетались с качественно новыми явлениями — повышением уровня организованности многочисленных движений социального протеста и усилением тенденции к их идейному сплочению. Борьба рабочего класса получала определенную поддержку со стороны мелкобуржуазной демократии, городских средних слоев, интеллигенции. Укрепились связи между фермерскими объединениями и профсоюзами, организации безработных в своем большинстве стремились координировать действия с забастовщиками. Возникшие во многих отраслях ячейки производственных профсоюзов, так называемые федеральные производственные союзы, признававшие руководство АФТ, настойчиво добивались конституирования в отраслевые массовые тред-юнионы с единым руководством. Осенью 1934 г. и весной 1935 г. были сделаны первые важные шаги к объединению движения безработных.

Как политический фактор рабочее движение США за всю свою историю никогда еще не приобретало такой высокой степени самостоятельности. Его давление на институты власти заметно возросло. Рузвельт и его сторонники в обеих буржуазных партиях, первоначально считавшие

[22] W. Green to M. D. Clark, February 5, 1934.— Wisconsin State Historical Society Library. AFL Papers. Strike and Agreement File. Box 11. (Далее: WSHS Library).
[23] *Keeran R.* The Communist Party and the Auto Workers Unions. Bloomington, 1980.
[24] Labor History, 1976, Summer, vol. 17, N 3, p. 351—371.

возможным ограничиться минимумом нововведений в трудовом законодательстве, вскоре должны были признать, что тактика проволочек с реализацией назревших реформ уже не может иметь успеха, если ставится задача сохранить ускользающий контроль двухпартийной системы над массами. Осенние выборы 1934 г. в конгресс показали, что поддержка рабочего и демократического движений имеет для «нового курса» и рузвельтовских либералов решающее значение. Из этого факта следовал и другой вывод: пассивность правительства в деле модернизации системы трудовых отношений и социального обеспечения грозила обернуться на президентских выборах 1936 г. сокрушительным поражением демократов и возникновением мощной политической оппозиции двухпартийной системе под прогрессивным руководством.

Принимая во внимание успехи движения Народного фронта во Франции, Испании и ряде других стран, можно было ожидать, что примерно в том же направлении будут развиваться события и в США. Рузвельт пристально следил за тем, что происходило в Европе, и это еще больше убеждало его в необходимости отклонить домогательства консервативных сил, требовавших от Белого дома занять жесткую позицию в отношении бурно развивающегося рабочего и общедемократического движения и, если потребуется, силой добиться его «умиротворения».

Возникшее в 1934 г. обострение отношений между рабочим движением и правительством, рост напряженности были вызваны проволочками в деле решения проблемы социального страхования, отсутствие которого особенно отрицательно сказывалось на положении трудящихся в США. Недовольство рабочих затягиванием введения федеральной системы социального обеспечения проявилось еще и в связи со свертыванием под давлением капитала объектов СВА весной 1934 г. Отмена НИРА решением Верховного суда от 27 мая 1935 г., признавшим его неконституционным, вызвала уже настоящий взрыв возмущения, заставив даже консервативно настроенную часть рабочих лидеров добиваться принятия конгрессом внесенного еще весной 1934 г. билля сенатора Вагнера о реформе трудового права [25].

Вынужденный считаться с нарастающей волной протеста в рядах рабочего движения, президент АФТ У. Грин пригрозил конгрессу всеобщими забастовками в случае неблагоприятной для билля Вагнера баллотировки. Стремясь избежать прямой конфронтации, конгресс вотировал в начале апреля 1935 г. правительственный законопроект об ассигновании почти 5 млрд. долл. на общественные работы под эгидой ВПА, а сенат США 16 мая 1935 г. проголосовал за билль Вагнера, побудив тем самым Белый дом едва ли не впервые публично заявить о своем одобрении «самого радикального закона». Наконец, крупнейшей победой трудящихся явился принятый конгрессом и одобренный в августе 1935 г. законопроект о социальном обеспечении.

Все эти либеральные реформы, как признавали неоднократно Рузвельт и его ближайшие сотрудники, явились запоздалой реакцией на потребности общественного развития. Однако факты неопровержимо свидетельствуют, что судьба этих мер могла бы быть и вовсе плачевной, если бы

[25] Подробнее см.: *Сивачев Н. В.* Борьба рабочего класса США за социальное законодательство (1933—1935 гг.).— Новая и новейшая история, 1962, № 2, с. 29—42; *Мальков В. Л., Наджафов Д. Г.* Америка на перепутье, 1929—1938. М., 1967, с. 111—117.

рабочий класс не заставил правящие круги посчитаться с собой и не вынудил бы правительство и конгресс пойти на уступки, пусть половинчатые, обставленные множеством прикрытых ловушек и т. д., но все-таки давшие трудящимся известное облегчение.

Ситуация, возникшая в связи с резкой поляризацией классовых сил в стране к середине 30-х годов и усилением сопротивления капитала и реакции, требовала от рабочего движения расширить борьбу за создание массовых профсоюзов. Однако на этом пути оказалось много препятствий, несмотря на то что права рабочих были гарантированы на бумаге законом Вагнера. Причина крылась не только в жесточайшем противодействии со стороны предпринимателей, но и в трудностях, связанных с расколом рабочего движения, издавна тормозившим его развитие. Многонациональный состав, расовая рознь, отсутствие серьезного опыта самостоятельной политической деятельности, традиционная идеологическая отсталость американского профдвижения (подчинение двухпартийной системе, влияние гомперсизма и т. д.) — все это сильно затрудняло сплочение рабочего движения под знаменем борьбы за классовые интересы пролетариата. Вот почему, когда перед профдвижением США встал важный вопрос о расширении его массовой базы, оно натолкнулось на внутренние сложности, будучи вовлеченным в острейший конфликт, затронувший многие стороны рабочего движения, последствия которого ощущались длительное время.

Как известно, истоки этого конфликта восходят к идейным разногласиям между революционным, леворадикальным и оппортунистическим течениями в организованном рабочем движении США, проявившимся еще в начале XX в. Но непосредственная причина заключалась в отказе большинства руководства АФТ оперативно реагировать на жгучие проблемы профдвижения, признать движение рядовых и результаты, достигнутые им к 1935 г. в деле рекрутирования новых членов. Тем не менее соотношение сил в профдвижении с каждым месяцем менялось не в пользу цеховых, кастово замкнутых союзов. Даже увеличение рядов самой федерации шло главным образом за счет производственных союзов, входивших в нее. Если в 1929 г. производственные союзы охватывали лишь 17% организованных в тред-юнионы рабочих, то в 1933 г. — 27, а в 1934 г. — уже 33% [26]. Стихийно возникшие так называемые федеральные производственные союзы в отраслях массового производства настойчиво выступали за конституирование их в руководимые из единого центра национальные производственные союзы под эгидой АФТ, угрожая в противном случае выходом из федерации. Движение за равноправие производственных и цеховых союзов, за пересмотр организационных принципов АФТ, нараставшее буквально с каждым днем, обещало вот-вот прорвать ту плотину, которую упорно воздвигали на его пути лидеры АФТ, ревниво оберегавшие привилегии рабочей аристократии и предпочитавшие сохранять движение раздробленным.

Со временем резче и определеннее выявились интересы сторон, вовлеченных в эту тяжелую войну в «рабочем доме». В то время как рабочие массы в ведущих отраслях промышленности выступали за перестройку профдвижения на началах создания массовых производственных

[26] *Millis H. A., Montgomery R. E.* The Economics of Labor. N. Y.; L., 1945, vol. 3. Organized Labor, p. 97, 98, 198.

союзов, способных противостоять капиталу в масштабах отрасли, реакционеры в АФТ настаивали на увековечении принципов цеховщины, децентрализации профдвижения. Лозунгом масс становилась последовательная борьба за улучшение своего материального положения и за социальные права с использованием широкого арсенала средств и методов борьбы (всеобщие и «сидячие» забастовки, голодные походы и т. п.). Напротив, для основной части лидеров АФТ эти методы были неприемлемы, ибо граничили в их понимании с бунтом и даже революцией. Большинство рабочего класса интуитивно, а иногда и сознательно настаивало на более решительном вмешательстве организованного рабочего движения в политику. Но с этим и подавно никак не могли примириться консервативные лидеры АФТ, которые усматривали в любой попытке создать специальный политический механизм, способный защищать интересы трудящихся, происки «красных», дьявольский умысел сбить их с дороги политического «нейтрализма», проложенной Гомперсом.

Лидеры АФТ делали все, что от них зависело, чтобы отдалить неизбежное. В 1934 г. в Сан-Франциско собрался очередной съезд АФТ. Уже здесь борьба между сторонниками организации рабочих в профсоюзы по производственному принципу и защитниками цеховщины приняла острый характер, хотя и не дала еще определенных результатов. Было очевидно, однако, что рано или поздно это должно произойти. Резко отрицательное отношение большинства лидеров АФТ к движению за производственные союзы привело к тому, что последнее грозило выйти из-под контроля «умеренных» и обрести формы движения за коренную ломку и обновление профдвижения в США, за разрыв с буржуазной идеологией «делового тред-юнионизма», за победу принципов профсоюзной демократии над бюрократической системой руководства, за активное вмешательство организованного рабочего движения в политическую борьбу.

Те профсоюзные руководители, которые выступали за создание производственных тред-юнионов (Дж. Льюис, С. Хиллмэн, Ч. Говард и др.), все сильнее сознавали, что безнадежные попытки чинить искусственные препоны почину масс ведут только к углублению кризиса гомперсизма и росту политического радикализма. Стремясь не отстать от движения, эта группа лидеров во главе с президентом союза шахтеров Дж. Льюисом решила форсировать разрыв с утратившим моральный кредит в глазах миллионов рабочих консервативным большинством в исполнительном совете АФТ. На 55-м съезде АФТ в г. Атлантик-Сити (1935 г.) произошло открытое столкновение между консервативным большинством и сторонниками производственных союзов. Последние в ноябре 1935 г. создали в рамках АФТ Комитет производственных профсоюзов (КПП), главной целью которого объявлялось содействие объединению неорганизованных рабочих в производственные союзы. Учредителями КПП были несколько крупных профсоюзов. Президентом избрали Джона Льюиса. Раскол АФТ стал реальностью.

Исполнительный совет АФТ сразу же расценил случившееся как возрождение двойственного тред-юнионизма. Однако надуманное обвинение нимало не обескуражило тысячи молодых энтузиастов, по всей стране приступивших к организации в производственные союзы рабочих в основных отраслях промышленности. Движение поднялось на новую ступень, вызвав замешательство даже у тех лидеров, которых многие американские буржуазные историки выдают за «отцов-основателей» КПП.

Приход левых сил к руководству ряда вновь созданных профсоюзов подлил масла в огонь. Борьба двух течений в американском профдвижении вступила в фазу острейшего конфликта. Исполнительный совет АФТ направил серию ультиматумов КПП с требованием о самороспуске. Получив отказ, съезд АФТ в г. Тампа (ноябрь 1936 г.) утвердил предложение реакционного руководства федерации о «временном» исключении союзов, входивших в КПП.

Сопротивление гомперсистов было не единственным, что пришлось преодолеть прогрессивным силам в борьбе за вовлечение миллионов рабочих под знамена массовых профсоюзов. Сражения на предприятиях оказались еще более ожесточенными. Гигантские корпорации также не желали допустить вторжения профсоюзов на территории промышленных империй. Накал классовых битв в 1936—1938 гг. достиг высшей точки.

Опираясь на формальное подтверждение конгрессом прав, зафиксированных в законе Вагнера, рабочие повели атаку против монополий в основных отраслях. Невиданная до того волна стихийно возникавших по инициативе снизу забастовок буквально захлестнула крупнейшие промышленные центры США. Главным лозунгом стачечников стало требование признания их профсоюзов, а отличительной особенностью всего забастовочного движения — широкое распространение так называемых «сидячих» забастовок. Около полумиллиона рабочих приняло участие в таких забастовках с сентября 1936 г. по май 1937 г. В 1936 г. число таких стачек достигло 50, в 1937 г.— 170. Объявив стачку, рабочие не покидали территорию предприятия до тех пор, пока их требования не получали удовлетворения. Жестоким репрессиям полиции и частных охранных отрядов рабочие противопоставили стойкость, волю, высокий дух классовой солидарности.

В автомобильной промышленности серия длительных и необычайно упорных «сидячих» забастовок в защиту права на организацию завершилась победой рабочих. В феврале 1937 г. «Дженерал моторз» подписала свой первый коллективный договор с Объединенным союзом рабочих автомобильной промышленности. Сразу же вслед за тем 3 марта 1937 г. «Юнайтед Стейтс стил» «добровольно» признала профсоюз. В декабре того же года был проведен первый съезд союза сталелитейщиков. Уступка, сделанная этими двумя промышленными гигантами организованному рабочему движению, оказала сильнейшее влияние на другие монополии. Одна за другой крупнейшие электротехнические, текстильные и химические монополии вступали в переговоры с производственными профсоюзами, вошедшими в КПП. В конце 1937 г. число членов, входивших в союзы КПП, составило около 4 млн.

Успехи рабочего движения могли быть еще большими, если бы оно сумело найти пути к преодолению раскола в своих рядах. Руководство АФТ не примирилось с фактом организации независимого центра, координирующего деятельность производственных союзов. Несколько изменив собственную позицию в отношении вовлечения неорганизованных рабочих в профсоюзы, сделав ее более гибкой, лидеры АФТ не отказались от мысли добиться ликвидации КПП. Все компромиссы были отвергнуты. Пропагандистский аппарат АФТ обрушивал на КПП угрозы и проклятия в надежде восстановить против него общественное мнение страны. В своих речах лидеры АФТ не стеснялись называть КПП «подрывной» организацией, находившейся будто бы в руках красных революционеров

и анархистов. Съезд АФТ в г. Денвере (1937 г.) санкционировал все действия исполнительного совета, направленные на исключение союзов, сплотившихся вокруг КПП. Этой акцией реакционное руководство АФТ формально отвергло все усилия прогрессивных сил в профдвижении сохранить его единым.

Практически вопрос о конституировании КПП в самостоятельный центр профдвижения был решен на конференции Комитета в г. Атлантик-Сити (осень 1937 г.), которая приняла программу новой организации. Ее первый съезд, собравшийся в Питтсбурге в ноябре 1938 г., принял устав и официальное наименование нового профцентра — Конгресс производственных профсоюзов (КПП). Президентом КПП был избран Джон Льюис. Раскол между течением чисто профессионалистским и течением, ориентирующимся на более широкие социальные цели, стихийно тяготеющим к антибуржуазности и политической самостоятельности, стал фактом.

В годы становления и развития КПП был боевой организацией, воплотившей в себе многие прогрессивные черты и традиции американского рабочего движения. Демократическим духом и решимостью вести бескомпромиссную борьбу за экономические и социальные права рабочих КПП обязан тому, что он создавался в ходе жестоких классовых боев в промышленности и опирался на рабочие низы, выдвинувшие из своей среды сотни способных и преданных руководителей левой ориентации.

Самым же существенным было то, что КПП возник и некоторое время развивался как определенная идейная, политическая и организационная общность, одним фактом своего существования бросившая вызов гомперсизму, живому воплощению всех крайностей буржуазной рабочей политики, которая, как писал В. И. Ленин, всегда была направлена на то, чтобы заставить рабочий класс забыть «о своих освободительных целях» и ограничиться «заботами о союзах то с одной, то с другой буржуазной партией ради мнимых „улучшений" своего рабского положения» [27]. «Новый тред-юнионизм» отверг тактику превозносимого вождями АФТ жалкого угодничества перед буржуазией, долгие годы подтачивавшего силы рабочего класса. Своей борьбой и достижениями в области социальной политики КПП утверждал обратное, причем и сила и слабости «нового тред-юнионизма» отражали степень критического преодоления им наследия гомперсизма как в сфере идей, так и в сфере практического действия.

В качественно новый этап развития вступило в 1935—1936 гг. и движение безработных. В нем усилились объединительные тенденции, в связи с этим в значительной степени расширился диапазон его политического влияния. Весной 1935 г. на базе руководимых социалистами организаций безработных был создан Рабочий альянс Америки, который в январе 1936 г. принял решение о слиянии с самым крупным и влиятельным течением в движении безработных — советами безработных, во главе которых стояли коммунисты. Уроки борьбы европейского рабочего движения против фашизма и реакции, опыт политики Народного фронта положительно сказались на процессе развития этих объединительных тенденций. В марте 1936 г. было выработано соглашение о воссоединении всего движения безработных под эгидой единой организации, принявшей название Рабочего альянса.

[27] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 22, с. 232.

Коммунистам и социалистам в ее руководстве принадлежало решающее слово. В принятой съездом этой организации (апрель 1936 г.) «Декларации принципов» говорилось о необходимости борьбы за полную свободу рабочих и фермеров, используя всю имевшуюся в их распоряжении политическую и экономическую мощь. В документе высказывалась решимость добиваться установления «нового социального строя, при котором плановое производство в соответствии с нуждами людей заменит сегодняшний хаос в производстве, подчиненном принципу наживы» [28].

Под эгидой Рабочего альянса борьба безработных приобрела более организованный и планомерный характер. Проводились демонстрации, походы, конференции безработных. Особый размах получила деятельность альянса по организации безработных, занятых на общественных работах. Фактически для этой категории трудящихся Рабочий альянс явился своеобразным профессиональным центром, представлявшим их интересы и выступавшим от их имени. Существенно были уточнены и конкретизированы экономические и политические требования, реализация которых должна была способствовать коренному улучшению ситуации с занятостью и уменьшению нищеты. В ряде аспектов альянс предвосхищал многое из того, что в будущем стало важнейшим элементом программы действий прогрессивных сил всего рабочего движения (требования всемерного расширения общественных работ, радикального улучшения дела социального обеспечения, сокращения продолжительности рабочей недели до 30 часов, создания государственной системы здравоохранения, принятия специальной поправки о правах рабочих и фермеров к конституции США и т. д.).

Рабочий альянс приобрел значительное влияние и вес в общественно-политической жизни страны. АФТ и особенно КПП поддерживали с ним тесные отношения. Правительство официально признало Рабочий альянс в качестве законного представителя рабочих, занятых на объектах ВПА. Используя в полной мере оружие непарламентских массовых действий, он превратился в одну из важных групп политического давления. В этом факте проявилась одна из главных закономерностей общественного развития США в «бурное десятилетие» 30-х годов, выразившаяся в неуклонном возрастании роли трудящихся масс в борьбе за социальный прогресс.

Многократно вырос объем массы, активно участвующей в историческом действии. Стачки и выступления рабочих охватывали каждый раз уже не сотни и тысячи, а десятки и даже сотни тысяч участников. Самое же главное состояло в том, что американское рабочее движение в целом поднялось, говоря словами В. И. Ленина, на более высокий уровень «сознательной классовой политики» [29]. Этот сдвиг выразился и в поддержке большинством трудящихся идеи расширения социальной функции государственной власти, правительственного контроля над экономикой и в переходе все большего числа рабочих к тому, что В. И. Ленин назвал планомерной и самостоятельно-пролетарской политической борьбой [30]. Согласно опросам, проведенным в 1939 г. по просьбе журнала «Форчун», 82% опрошенных рабочих высказались в пользу возложения на правительство всей полноты ответственности за благосостояние граж-

[28] Worker Alliance, 1936, Apr., vol. 1, N 13.
[29] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 17, с. 237.
[30] См.: Там же, с. 181.

дан США (среди безработных эта цифра была еще выше), свыше 50% выступали за огосударствление (частичное или полное) коммунальных предприятий, железных дорог, телефона и телеграфа, а 20% — за ликвидацию всей системы частного предпринимательства (среди безработных — 32%).

Политическая индифферентность стала синонимом бездеятельности. Это означало, что рабочий класс в своем подавляющем большинстве под-

СОЛДАТЫ НАЦИОНАЛЬНОЙ ГВАРДИИ СОПРОВОЖДАЮТ ШТРЕЙКБРЕХЕРОВ ЧЕРЕЗ ПИКЕТЫ БАСТУЮЩИХ ШАХТЕРОВ
(весна 1939 г., г. Харлан, штат Кентукки)

держивал Рузвельта и «новый курс», но вместе с тем в его рядах крепло убеждение в необходимости прибегнуть к независимому политическому действию. Уже своим активным участием в избирательных кампаниях 1932 и 1934 гг. рабочий класс показал, что не собирается оставаться сторонним наблюдателем за дуэлью двух буржуазных партий, а, напротив, намерен вмешаться в нее и оказать поддержку лишь тем общественным деятелям, кто *на деле* доказал приверженность курсу на социальные перемены. Показательно вместе с тем, что с каждым годом все сильнее ощущалась поддержка профсоюзами выдвинутой во многих случаях мелкобуржуазными прогрессистами идеи создания третьих, независимых от двухпартийной системы рабоче-фермерских партий. Исследование партийной принадлежности ведущей группы профлидеров, проведенное руководством АФТ и КПП при участии правительства в начале 40-х годов, свидетельствовало, что 30% всех пожелавших сообщить сведения такого рода считали себя приверженцами третьих, рабоче-фермерских прогрессивных партий.

Оживленные дебаты вокруг вопроса о третьей массовой прогрессивной партии шли внутри рабочего движения уже начиная с 1932 г. Приверженцев этой идеи, как показали многие события, и в том числе съезды АФТ 1933, 1934 и 1935 гг., становилось все больше. В ряде штатов (Висконсин, Миннесота, Монтана, Северная и Южная Дакоты, Орегон, Массачусетс и др.) такие партии были созданы и сразу же заявили о себе на политической арене весьма активным образом. Наметилась тенденция, а кое-где предпринимались и практические усилия к объединению этого движения на общей платформе. В порядке политического зондажа многие видные деятели КПП давали понять, что и они не исключают возможности создания в скором будущем в национальном масштабе независимой рабочей партии. Об этом вскользь упомянул С. Хиллмэн в 1934 г. В декабре 1935 г. Дж. Льюис в интервью заявил уже более определенно: «Насколько мне известно, рабочие в годы администрации Рузвельта получили больше, чем при любом другом президенте. Совершенно очевидно, что долгом рабочих является предложить Рузвельту стопроцентную поддержку на следующих выборах (т. е. на президентских выборах 1936 г.— *Авт.*). Но это вовсе не означает, что не наступит время, когда рабочие найдут абсолютно необходимым выставить собственный избирательный список» [31].

Приток в организованное рабочее движение новых членов сузил влияние «нейтралистских» концепций «чистого» и «простого» тред-юнионизма. Американские исследователи писали: «Решительное требование пересмотра прежней политической линии и философии рабочего движения исходило от существовавших в 30-е годы производственных союзов и новых тред-юнионов, только что организованных в это десятилетие, со стороны сотен тысяч представителей средних слоев, сочувствовавших рабочим и выдвинувших лозунг создания новой либеральной партии на базе профсоюзов. Не искушенные в гомперсизме, не прошедшие обучения доктрине „экономизма", эти новые члены профсоюзов никак не могли согласиться с концепцией невмешательства в государственную деятельность, взятой на вооружение предшествующим профдвижением...» [32].

Многие крупные профсоюзы АФТ (Объединенный союз текстильщиков, Союз дамских портных и т. п.). т. е. именно те, в ряды которых влилось множество неквалифицированных и полуквалифицированных рабочих, открыто выступили за создание независимой рабочей партии на базе профсоюзного движения в США; в других профсоюзах появилось сильное левое крыло, деятельно пропагандировавшее идею создания такой партии. В конце 1935 г., например, на съезде Объединенного союза горняков было предложено 27 резолюций в поддержку требования организации рабоче-фермерской партии и 44 резолюции, призывавшие к поддержке демократической партии Ф. Рузвельта. По словам выступавшего на съезде АФТ в г. Атлантик-Сити делегата союза дамских портных, со стороны все увеличивавшейся части профсоюзов, входивших в АФТ, в то время выявился «растущий интерес» к идее создания рабочей партии. На этом съезде федерации делегатами профсоюзов, насчитывавших около 500 тыс. членов, было внесено свыше десятка резолюций с предложением о создании самостоятельной рабочей партии.

---

[31] WSHS Library, AFL Papers, Historical File, Box 1. W. Green Papers, 1934—1936.
[32] *Millis H. A., Montgomery R. E.* Op. cit., vol. 3, p. 232, 234.

В ноябре 1936 г. на съезде АФТ среди делегатов уже не было представителей производственных союзов, но, несмотря на это, на обсуждение было внесено 10 резолюций в пользу самостоятельной рабочей партии [33].

Социальные реформы 1935 г. и успех Рузвельта на выборах 1936 г. были использованы противниками создания самостоятельной рабочей партии в качестве довода в подтверждение «мудрости» беспартийной политики. Однако для очень многих рядовых членов профсоюзов он звучал не слишком убедительно. Попыткой компромисса между сторонниками и противниками независимого политического действия в профдвижении явилось создание по инициативе Дж. Льюиса и С. Хиллмэна Беспартийной рабочей лиги, специального политического механизма, призванного оказывать поддержку сторонникам Рузвельта в обеих партиях [34]. Та же тенденция нашла выражение и в образовании секции Беспартийной рабочей лиги в штате Нью-Йорк — так называемой Американской рабочей партии, энергично поддержанной всеми нью-йоркскими профсоюзами и оказавшей большое влияние на политическую борьбу в этом штате. Хотя лидеры партии всячески подчеркивали свою приверженность Рузвельту как национальному лидеру, в самом факте активного участия профсоюзов в деятельности партии сквозил явный намек на возможность осуществления этой идеи и в более широком масштабе [35]. Признаки отхода рабочих масс и профсоюзов от либеральной буржуазии и возможность образования массовой партии трудящихся, опирающейся на профдвижение, фермерские организации и средние слои города, доставили много тревог ньюдилерам и самому Рузвельту.

Неотъемлемой частью подъема рабочего движения во второй половине 30-х годов явилась борьба за демократию, гражданские права, против войны и фашизма. Серьезный успех был одержан в деле подрыва позиций расизма в стране. Увеличившийся приток черных рабочих в промышленность поставил много новых вопросов перед рабочим движением, требовавших скорого решения. В ходе общей борьбы против мощи монополий расовые предубеждения и предрассудки постепенно уступали место растущему пониманию общности судьбы белых и черных рабочих. Уроки солидарности были усвоены в пикетах, в колоннах голодных походов, в совместных акциях против выселений, в бараках лагерей безработных, в политических кампаниях в защиту жертв антинегритянского террора на Юге и антифашистских демонстрациях.

Ни одна политическая группа не сделала столько для мобилизации рабочего движения и всей общественности страны на решение негритянской проблемы и защиту гражданских прав афро-американцев, как коммунисты. Их борьба против суда Линча, за солидарность белых и черных рабочих, за сохранение жизни жертв антинегритянского террора подняли на новую ступень все негритянское движение, придав ему динамизм и массовость, обеспечив признание широких слоев американской демократической общественности.

Результаты деятельности Компартии и других прогрессивных сил не

[33] Communist, 1936, Febr., p. 217, 759; AFL, Proceedings, 1936, p. 226.

[34] *Сивачев Н. В.* Политическая борьба в США в середине 30-х годов XX в. М., 1966, с. 211.

[35] *Мальков В. Л.* «Новый курс» в США: Социальные движения и социальная политика. М., 1973, с. 91, 92, 212.

замедлили сказаться. Между 1932 и 1936 гг. союзы шахтеров, дамских портных, учителей совместно с единственным негритянским союзом проводников спальных вагонов во главе с Ф. Рэндолфом потребовали от АФТ осудить дискриминационную антинегритянскую практику большинства союзов АФТ, не допускавших черных в свои ряды. Уступая этому нажиму, съезд АФТ в Сан-Франциско уполномочил специальную комиссию изучить вопрос о положении черных в организованном рабочем движении и доложить результаты очередному съезду федерации в Атлантик-Сити. И хотя исполнительный совет АФТ отклонил выводы большинства комиссии, призывавшего исключить из уставов тред-юнионов позорные статьи, обусловливающие недопущение черных в число их членов, тем не менее демарш сторонников десегрегации профдвижения не прошел бесследно.

До 1935 г. только левые союзы Лиги профсоюзного единства на основе полного равноправия принимали в свои ряды негритянских рабочих. Из их среды выдвинулось впоследствии немало активных борцов за дело пролетарской солидарности, смелых и мужественных руководителей Компартии США. Однако общий сдвиг наметился лишь с созданием Комитета производственных профсоюзов. Отношение «нового тред-юнионизма» к проблеме гражданских свобод и ликвидации расовых барьеров было сформулировано в программе КПП, принятой им на конференции в г. Атлантик-Сити в 1937 г. В твердых выражениях было заявлено, что КПП борется против ущемления гражданских прав черных американцев, видя в этом свой высокий долг и призвание[36]. Впоследствии руководство КПП создало специальный Комитет борьбы с расовой дискриминацией, переименованный позднее в Комитет по гражданским правам[37].

Со своей стороны, афро-американские рабочие внесли значительный вклад в создание КПП, особенно заметный в таких крупных отраслях, как сталелитейная, где было занято большое число черных[38]. Приток черных рабочих в производственные профсоюзы был ускорен тем, что во главе многих из них стояли представители левых сил, коммунисты, всячески содействовавшие этому процессу. Около 500 тыс. черных рабочих вступили в предвоенные годы в КПП, что заставило и руководство АФТ пойти на смягчение условий приема черных в профсоюзы федерации[39].

Рабочий класс США не оказался в стороне также и от важных проблем, связанных с развитием событий на мировой арене. С начала 30-х годов в США, как и в других странах, развернулось широкое антивоенное движение, роль рабочих организаций в котором была весьма заметна. Инициатором многих массовых антивоенных выступлений стали Компартия США и примыкавшие к ней организации. Антифашистские и антивоенные демонстрации уже в 1933 г. происходили во многих городах США. По инициативе коммунистов был созван Первый антивоенный конгресс в США (29 сентября 1933 г.). Среди более чем 2600 его делегатов присутствовали представители ряда крупных профсоюзов и

---

[36] Committee for Industrial Organization. The Program of the CIO, p. 50, 56.
[37] The Negro and the American Labor Movement, p. 189.
[38] *Сивачев Н. В.* Негритянский вопрос в рабочем движении США (1919—1939 гг.).— Вопр. истории, 1966, № 8, с. 60, 61.
[39] Там же, с. 61.

организаций безработных. На конгрессе было положено начало деятельности Американской лиги борьбы против войны и фашизма, в работе которой приняли участие многие профсоюзы США.

В 1934 г. происходил дальнейший рост антифашистского движения в США. На массовом митинге в Нью-Йорке в марте 1934 г. была принята резолюция в форме «Вердикта Цивилизации против гитлеризма». В ней, в частности, говорилось: «Мы заявляем, что гитлеровское правительство вынуждает германский народ отрешиться от цивилизации и прибегнуть к деспотизму варваров, который угрожает прогрессивному развитию человечества в направлении мира и свободы и представляет реальную опасность для цивилизации во всем мире» [40].

Передовая часть американского рабочего класса осознавала необходимость активной борьбы организованного пролетариата против фашистской угрозы и подготовки новой мировой войны. Для этой части рабочего класса все яснее становились причины прихода к власти германского и итальянского фашизма, истинный характер политики «умиротворения», роль и значение миролюбивой внешней политики Советского Союза и задачи международного рабочего движения, вытекающие из сложившейся к тому времени обстановки. Об этом свидетельствуют рабочая печать, резолюции съездов федераций труда штатов и многих крупных профсоюзов [41]. Журнал профсоюза швейников весной 1935 г. в передовой статье писал, например: «За исключением Советского Союза, в Европе нет другого государства, которое с готовностью сделало бы все для поддержания мира. Как же в таких условиях может быть обеспечен прочный мир?.. Как было бы лестно для нас, если бы мы могли сказать, что США держатся в стороне от этой бешеной гонки военных приготовлений... Но мы не можем претендовать на что-либо подобное... И отнюдь не явится чем-то новым и неожиданным, если сказать, что только рабочие могут предотвратить войну... Именно нашу кровь и наши трудовые усилия пожирает война прежде всего» [42].

В рабочей среде все более широкую известность получала деятельность Лиги борьбы против войны и фашизма, хотя ее недостаточная практическая связь с основной массой рабочего класса серьезно ослабляла антивоенное и антифашистское движение в США [43]. Тем не менее уже второй и последующие конгрессы лиги свидетельствовали, что это движение становилось все более реальной и влиятельной силой во внутриполитической жизни страны. Лига и ее печатный орган — журнал «Файт» осуждали политику «нейтралитета», проводимую правительством Ф. Рузвельта. Многие профсоюзы АФТ, а затем и КПП, поддерживавшие лигу, выступали в защиту Испанской республики, народа Эфиопии, подвергшегося агрессии итальянского фашизма, в защиту суверенитета Австрии. Напротив, руководство АФТ, на словах осудив фашизм, безоговорочно поддержало политику «нейтралитета».

Подавляющее большинство американского рабочего класса было настроено антифашистски и против войны. Но это еще не означало, что бо́льшая часть американского пролетариата уже в то время преодоле-

---

[40] Advance, 1934, Mar., p. 3.

[41] Advance, 1933, Nov., p. 25; 1934, Jan., p. 18; 1935, Nov., p. 19; United Automobile Workers of America, Proceedings, 1939, p. 164 a. o.

[42] Advance, 1935, Apr., p. 3.

[43] Daily Worker, 1934, Oct. 1.

ла изоляционистские настроения, хотя стихийный изоляционизм и нейтрализм народных масс, искренне сочувствовавших жертвам агрессии и фашизма, не имел ничего общего с политикой «умиротворения» агрессора, прикрываясь которой американские империалисты стремились реализовать свои планы экономической и политической экспансии и обеспечить для себя наиболее выгодные позиции на международной арене. В 30-е годы изоляционизм народных масс питался их недоверием и ненавистью к крупному финансово-промышленному капиталу США, втайне участвовавшему в подготовке новой мировой войны.

Усилившаяся со стороны некоторых профлидеров к концу десятилетия критика внешнеполитического курса администрации (который все более отходил от изоляционизма) объяснялась отчасти опасениями, что военные приготовления отвлекут внимание и средства правительства от выполнения социальных программ. Расхождение по вопросам внутренней и внешней политики, наметившееся между Дж. Льюисом и Рузвельтом накануне выборов 1940 г., а затем переросшее в серьезный конфликт, объяснялось не одними лишь честолюбивыми планами самого Льюиса, они отражали и нежелание рабочих жертвовать своими интересами ради своекорыстных замыслов империалистических монополий, мечтающих погреть руки на новой мировой бойне[44]. Однако, объявив себя изоляционистами, Льюис и его единомышленники фактически оказали поддержку псевдосторонникам мира, на деле симпатизировавшим германскому фашизму и его планам. Тем самым, помимо желания их самих, пропаганда изоляционизма в рабочем движении объективно обернулась ослаблением антивоенного движения США, расширением зоны конфликтов в рядах рабочего класса. Этим объясняется, в частности, то, что прогрессивным силам не удалось, наращивая инициативу, добиться от правительства США отказа от проведения политики «умиротворения» агрессора и создания системы коллективной безопасности с участием всех миролюбивых держав, включая прежде всего Советский Союз.

Не переоценивая масштабов радикализации рабочего движения США в 1933—1939 гг., следует отметить, что достигнутый им в считанные годы уровень осознания противоположности своих классовых интересов интересам буржуазии, так же как и объем вовлеченной в борьбу массы трудящихся, выглядел очень внушительно. Напомним, что подъем рабочего движения США, обретение им вновь уверенности в своих силах, чувства сплоченности и перспективы проходили на фоне успехов движения антифашистского Народного фронта во многих странах Европы и Америки, роста притягательного примера рабочего класса Советской страны, преодолевшего трудности разрухи, экономической блокады, заговоры контрреволюционных сил и добившегося огромных достижений на пути строительства социализма. В этих условиях каждому было ясно, что рабочее движение США в общем балансе социально-классовых сил страны представляет собой наиболее динамичный и быстро развивающийся фактор. Вот почему требование решительного изменения положения, при котором рабочий класс и рабочее движение США оставались не представленными на всех уровнях государственной

[44] Labor History, 1976, Spring, vol. 17, N 2, p. 160—189. См. также: *Мальков В. Л.* Из архива Тома Муни.— В кн.: Американский ежегодник, 1981. М., 1981, с. 259—273.

власти, все определеннее звучавшее в речах многих видных руководителей профдвижения 30-х годов и в документах профсоюзов, рассматривалось по праву как вызов господствующей двухпартийной системе и даже как призыв к разрыву с ней.

3. АНТИМОНОПОЛИСТИЧЕСКОЕ ДВИЖЕНИЕ

Антимонополизм стал наиболее существенным элементом политического сознания широких демократических слоев американского народа в 30-е годы. Крупный финансово-промышленный капитал в результате провалов в экономике утратил привлекательные черты «великой созидательной силы» в глазах миллионов простых тружеников. Мифы рушились, гении предприимчивости и наживы обретали первозданный вид «баронов-грабителей», цинично и хладнокровно наживающихся на страданиях соотечественников, к бедствиям и горю которых они относились с презрением и равнодушием. Обнаженность основного социального конфликта и восприятие его через критику эгоистических интересов монополистической буржуазии делали распознание главного врага доступным и понятным большинству рабочих.

Антимонополистическая риторика таких профсоюзных лидеров, как С. Хиллмэн и Дж. Льюис, отчасти отражала возмущение рабочих бесконтрольным хозяйничаньем крупного капитала, в результате которого национальная экономика оказалась опрокинутой в бездну «великой депрессии». Льюис говорил (январь 1935 г.), например, о промышленной и финансовой тирании, которая вершит всеми делами в США на протяжении десятилетий и которая непременно «должна быть уничтожена», если планам организованного рабочего движения суждено будет сбыться[45]. Темой другого своего выступления (январь 1936 г.) Дж. Льюис избрал бесправное положение рабочего в системе капиталистического производства, его отчуждение от средств производства, материальных благ, производимых трудом и присваиваемых монополистами. «Нам говорят,— заявил он,— что труд и капитал — партнеры и что рабочие должны быть терпеливыми и деликатными, что они должны воздерживаться от выражения своего мнения... Какое же это партнерство. Не лучше ли сказать: мы партнеры в теории, но враги в реальной жизни...»[46].

Антимонополизм многих профсоюзных лидеров был настроен по камертону динамично развивающегося рабочего движения, которое к осени 1936 г. достигло высшей точки своего пика. В самом деле, сосредоточив свой наступательный порыв против оплота крупного капитала — ведущих корпораций, рабочий класс, «новый тред-юнионизм» выступили главной силой широкого антимонополистического движения, отражавшего новые элементы в массовом сознании американских трудящихся. Именно в гуще промышленных рабочих быстрее всего росло убеждение, что национальные ресурсы, присвоенные монополиями, служат не благополучию народа, а чуждым его интересам целям — обогащению верхушки общества, международной экспансии, военным приготовлениям и распространению политической коррупции в государственных учреждениях, которыми манипулируют буржуазные клики.

[45] WSHS Library, AFL Papers, Historical File, Box 1. W. Green Papers, 1934—1936.
[46] Library of Congress, John Ph. Frey Papers, Speech of J. Lewis (Akron, Ohio, January 19, 1936).

Сопоставление трагического исхода событий в Италии и Германии, вскрывших связи монополистического капитала с фашизмом, с аналогичными явлениями в США содействовало формированию у рабочих правильного представления о монополиях как носителях крайне опасного начала для демократических свобод и институтов. Однако труднее приходило понимание, какими средствами и методами может быть ограничена и ликвидирована власть монополий. В полной мере сказывались особенности и своеобразие рабочего движения США, приводившие к тому, что процесс идейного и политического просвещения рабочих не мог не отличаться замедленностью и колебаниями. Тем не менее рабочий класс в целом с каждым годом бурного десятилетия 30-х годов все теснее связывал себя с преобразовательными стремлениями, во многих случаях весьма расплывчатыми, но содержащими общую идею о разумно организованном обществе, в котором труженик перестал бы быть рабом бесконтрольного хозяйничанья кучки финансово-промышленных магнатов, живущих в роскоши и ничего не желающих знать о судьбе эксплуатируемых ими миллионов[47]. Через восприятие антимонополистических идей эти побуждения зачастую развивались в направлении к антикапитализму, к социалистическому идеалу.

Антимонополистические настроения получили широкое распространение и в фермерской среде. Меры, принятые правительством Рузвельта в целях оказания помощи фермерству, носили крайне противоречивый характер и в конечном счете способствовали процессам, ведущим к вытеснению мелкого и среднего фермерства крупным капиталистическим хозяйством. Росла зависимость фермерства от банковского капитала. На этой почве сложились устойчивые стремления фермерства избавиться от гнета монополий, опутавших мелкое и среднее фермерство цепями экономической зависимости, обкрадывающих его с помощью политики цен, кредита, жесткого контроля за рынком сбыта сельскохозяйственных продуктов и т. п. На совещании представителей фермерских организаций в 1936 г. один из участников заявил: «Нашей общей платформой является вера в то, что монополистический капитализм есть зло и саморазрушающая сила, а также в то, что есть возможность, сохранив частную собственность, построить подлинную демократию...» [48].

Именно в этом контексте возрождения популистских настроений в фермерских массах следует рассматривать появление в требованиях ряда фермерских организаций лозунгов передачи в собственность государства гидростанций, национализации природных ресурсов, банков и монополий, строительства, находящихся под контролем властей штатов линий электропередач и т. д.[49] Укрепление контактов фермерских и рабочих организаций на местах на почве их общей заинтересованности в создании третьей партии (в штатах и в общенациональном масштабе) указывало на рост взаимопонимания рабочих и фермеров. Признание общности их интересов в борьбе с засильем монополий и контролируемым ими механизмом политической власти становилось знамением времени.

---

[47] См., например: Labor Law Journal, 1967, May, vol. 18, N 5, p. 301.

[48] *Hawley E. W.* The New Deal and the Problem of Monopoly: A Study in Economic Ambivalence. Princeton, 1966, p. 291.

[49] *Shover J. L.* Cornbelt Rebellion. The Farmers' Holiday Association. Urbana, 1965, p. 96.

Аграрный радикализм второй половины 30-х годов оставался активным фактором антимонополистического движения, хотя типичное для мелкобуржуазной демократии свойство метаться из стороны в сторону подчас увлекало фермерство на ложные и даже реакционные политические позиции. Позитивные тенденции в борьбе фермеров нашли выражение в деятельности ряда фермерских организаций. К их числу следует отнести Лигу объединенных фермеров, возглавляемую коммунистами, и Союз южных фермеров-арендаторов, возникший в 1934 г. в штатах Арканзас, Теннесси, Оклахома и Техас. Они вели борьбу за улучшение аграрного законодательства «нового курса» в сторону максимального приближения его к интересам наиболее обездоленной части фермерства, за оказание эффективной помощи беднейшему населению сельскохозяйственного пояса. В этой борьбе приняли участие и многие рядовые члены Национальной фермерской стачечной ассоциации и Национального фермерского союза. В то же время значительная часть руководства этих фермерских организаций отказала в доверии «новому курсу» и поддержала консервативную оппозицию, рассчитывая использовать свой политический вес для получения уступок после ее победы на очередных выборах.

Экономический кризис 1929—1933 гг. и последовавшая за ним депрессия поколебали доверие к капиталистическим институтам, к морали и этике буржуазного мира в самых широких слоях демократической интеллигенции, в городских средних слоях, среди престарелых и учащейся молодежи. Их новое мировосприятие хорошо передавали следующие слова Т. Вульфа, выдающегося бытописателя США эпохи 20—30-х годов. «Повсюду вокруг... я видел бесконечное разорение и страдания... Я видел отвратительное насилие и жестокость, видел, как опасно торжество грубой силы, видел, как жестокая и продажная власть безжалостно топчет бедняков, слабых, несчастных и беззащитных. Меня ошеломила и потрясла эта мрачная картина — бесчеловечность человека по отношению к ближнему своему, бесконечные страдания, насилие, гнет, голод, холод, грязь и нищета, которых никто не замечает в мире, где богатство по-прежнему растлевает души богачей,—все это оставило неизгладимый рубец на моей жизни, а в душе сознание вины, которое уже никогда меня не покинет» [50].

Миллионы людей воспринимали прошлое как самообман, настоящее — как скольжение по наклонной плоскости в пучину неразрешимых противоречий, будущее — либо как всеобщий хаос, либо искупление кровавой революцией низов. Вечен ли капитализм, что́ идет ему на смену, как избежать насильственных потрясений и одновременно найти альтернативу общественному порядку, породившему кошмары и ужасы «великой депрессии»,— вот вопросы, которые волновали тогда радикальное крыло мелкобуржуазной демократии. Постепенно приходило убеждение, что без крутой ломки старого нечего ждать серьезных улучшений. Тот же Вульф в конце жизненного пути твердо заявил: «...если демократии (речь шла о буржуазной демократии.— *Авт.*) вообще суждено выжить, она не сможет этого добиться без радикального изменения капиталистического общества, как оно существует ныне...» [51].

---

[50] Цит. по: *Гайсмар М.* Американские современники. М., 1976, с. 250.
[51] Цит. по: *Ландор М.* Открытый эпилог 30-х годов.— Иностр. лит., 1979, № 9, с. 198.

Протест мелкобуржуазных радикалов носил беспорядочный и несогласованный характер, способ изменить положение они видели в верхушечных, чисто парламентских акциях. Переход к социализму исключительно мирным путем через серию реформ сверху пропагандировала Лига за независимые политические действия (ЛНПД), к которой примыкали видные представители американской интеллигенции — философ Дж. Дьюи, экономисты П. Дуглас, С. Чейз, Г. Лейдлер и др. ЛНПД осенью 1933 г. выступила с инициативой создания фермерско-рабочей политической федерации. Ее платформа провозглашала необходимость устранения старого порядка, основывающегося на безраздельном господстве частной собственности, и перевода общества на рельсы всестороннего обновления, планового ведения хозяйства. Вместе с тем она умалчивала о путях и средствах достижения этой цели.

Критика «нового курса» мелкобуржуазными радикалами слева толкала их к размежеванию с неолибералами, которые в глазах у разночинной демократии не оправдали надежд на быстрый поворот к более эффективному управлению экономикой и повышению жизненного уровня народа[52]. На этой почве возникли многочисленные попытки возрождения движения за создание общенациональной третьей рабоче-фермерской партии на базе местных рабоче-фермерских партий, которые в ряде штатов (Миннесота, Вашингтон, Висконсин, Мичиган, Южная Дакота и др.) не только пустили основательные корни, но и добились серьезных успехов на выборах. «В тот же период,— говорится в работе, подготовленной руководством КП США,— в разных районах страны при отсутствии общенациональной структуры возникла левоцентристская коалиция»[53].

В Миннесоте Фермерско-рабочая партия, действовавшая при поддержке профсоюзов, сумела с 1930 по 1938 г. удерживать положение ведущей политической силы в штате, оттеснив обе буржуазные партии. Она выступала за национализацию банковской системы и ключевых отраслей промышленности. Складывались предпосылки для победы коалиции левых и демократических сил и в штате Висконсин, где весной 1934 г. при широкой поддержке рабочих и фермерских организаций братья Филипп и Роберт Лафоллетты, использовав давние традиции штата, основали Прогрессивную партию, которая, опираясь на широкую массовую базу, в ряде избирательных кампаний сумела нанести поражение демократам и республиканцам, сохранив за собой большинство в законодательном собрании и пост губернатора штата.

Прогрессисты первоначально открыто отмежевались от ведущих буржуазных партий как представлявших одни и те же «реакционные интересы», обличали «жестокосердие и идиотизм» существующей в США экономической системы, в которой контроль всецело принадлежит «организованному богатству», и обещали отдать все силы строительству «нового порядка, в котором американцы будут чувствовать себя в безопасности и жить в условиях изобилия»[54]. Столкнувшись в 1938 г. с необходимостью более четко определить свое отношение к перспективам социального развития, к развивавшейся в стране классовой борьбе,

[52] *McCoy D. R.* Angry Voices: Left-of-Center Politics in the New Deal Era. Lawrence (Kan.), 1958, p. 61—85.
[53] Вехи боевой истории, с. 108.
[54] *McCoy D. R.* Op. cit., p. 47—48, 51.

прогрессисты Висконсина сделали выбор в пользу традиционных принципов «среднезападного прогрессизма», т. е. отказались от выполнения программы серьезных преобразований. Последовавший вслед за этим распад левоцентристского блока в Висконсине предопределил неудачу попыток сохранить в этом штате за оппозицией двухпартийной системе устойчивую массовую базу.

Децентрализованное и ослабленное внутренними трениями, не имевшее четкой программы движение за создание третьей партии не смогло закрепиться в политической жизни США. Сказались колебания его мелкобуржуазного ядра и гибкие контрмеры администрации Рузвельта. Наталкиваясь на них, мелкобуржуазное демократическое движение в ряде случаев пыталось достичь поставленных целей, не порывая с традиционной партийной системой, а только стремясь преобразовать ее методом «сверления» изнутри, подчинения себе избирательного механизма либо одной, либо другой из двух главных буржуазных партий. Эта разновидность социального протеста мелкобуржуазных масс воплотилась в так называемые «движения панацей», каждое из которых делало ставку на осуществление сверху какого-нибудь спасительного, чаще всего совершенно утопического, проекта реформ.

Политически наиболее значительным из них было движение «Покончить с нищетой в Калифорнии» (ЭПИК), основанное известным писателем Э. Синклером, ставшим кандидатом демократической партии Калифорнии на выборах губернатора штата в 1934 г. Программа, предложенная Синклером для реализации плана ликвидации всех общественных язв, вобрала в себя многие черты прудонизма и утопического проекта Э. Беллами, и в частности предусматривала создание на добровольных началах обособленного кооперативного сектора экономики путем преобразования бездействующих фабрик и заводов в самоуправляющиеся предприятия, вовлечение пустующих земельных угодий под обработку в целях снабжения всех нуждающихся продуктами питания.

Иллюзии о возможности создать автономную систему справедливого обмена продуктами труда между группами производителей в обществе, где основная часть экономики находится в частных руках, могли увенчаться только провалом, но на первых порах они овладели сознанием сотен тысяч людей, измученных безработицей, голодом и позволявших легко увлечь себя мечтой о «революции по соглашению» и красивой фразой. В 1934 г. Синклер был близок к победе, однако руководство демократической партии и лично Рузвельт, опасаясь роста популярности лидера ЭПИК и его социалистического проекта, в решающий момент отказали ему в поддержке, отдав предпочтение консервативному республиканцу Мэрриаму[55]. Тем не менее в общественно-политической жизни Калифорнии и других западных штатов влияние ЭПИК сказывалось еще долго, содействуя, в частности, оформлению и развитию прогрессивного крыла в демократической партии в штатах тихоокеанского региона.

В период «нового курса» продолжало нарастать и шириться движение черных американцев против расизма, дискриминации и террора Ку-клукс-клана, ухудшения экономического положения бедствующих масс черного населения страны. Движение тормозилось растерянностью не-

---

[55] *Schlesinger A. M., Jr.* The Coming of the New Deal. London; Toronto, 1960, p. 297, 298.

многочисленных негритянских организаций, и в первую очередь Национальной ассоциации содействия прогрессу цветного населения (НАСПЦН), но постепенно борьба приобретала все более организованный и массовый характер. Огромное значение в этом смысле имела инициатива Компартии, организовавшей в цитадели расизма — «черном поясе» союзы издольщиков и южных фермеров-арендаторов, ставших своеобразными центрами притяжения для угнетенного двойным гнетом негритянского населения Юга.

Коммунисты активно вовлекали черных в движение безработных, в создаваемые производственные профсоюзы, в организации самопомощи. Провозвестником будущих общенациональных походов в защиту гражданских прав черных стал поход на Вашингтон в мае 1933 г., организованный Компартией совместно с руководимой ею Лигой борьбы за права негров, в котором приняли участие около 4 тыс. человек.

Движение в защиту узников Скотсборо привлекло к себе внимание всей демократической общественности страны. Жизнь невинно осужденных юношей была спасена. Важно также было то, что идущие от этого движения импульсы всколыхнули широкие пласты негритянского населения, вызвали к жизни новые инициативы, способствовали выдвижению энергичных руководителей [56]. Видная роль в этом процессе стимулирования роста самосознания афро-американцев принадлежала общественным деятелям, стоявшим на позициях марксизма.

Радикализация негритянской общины вызвала оживление в работе НАСПЦН, Национальной городской лиги (НГЛ), а также других, более мелких организаций черных. Стремление к объединению усилий в борьбе за равноправие имело своим результатом формирование в 1936 г. Национального негритянского конгресса (ННК) во главе с видным профсоюзным деятелем Ф. Рэндолфом. Программа ННК предусматривала развертывание общенациональной кампании за гражданские права черных, вовлечение их в профсоюзы, создание массового фронта против фашизма и войны.

Подъем движения черных против расизма и гражданские права в 30-е годы получил мощную опору в движении рабочего класса за производственные профсоюзы, антивоенно-антифашистском движении, борьбе американской молодежи. С другой стороны, афро-американцы, выдвинувшие из своей среды выдающихся представителей демократической мысли и культуры (У. Дюбуа, П. Робсон, Л. Хьюз, М. Андерсон и др.), внесли значительный вклад в движение за социальный прогресс страны.

4. КОММУНИСТЫ В БОРЬБЕ ЗА ЕДИНСТВО АНТИМОНОПОЛИСТИЧЕСКИХ СИЛ

В истории Коммунистической партии США эпоха «нового курса» занимает совершенно особое место. В этот период значительным было прямое позитивное воздействие партии на самые различные стороны общественной жизни страны, внутренней и внешней политики США. Все наиболее крупные успехи и достижения трудящихся в борьбе за социальные преобразования в эти годы несут на себе печать неустанной работы коммунистов, во многих случаях имевшей даже решающее значение.

[56] *Ford J. W.* The Negro and the Democratic Front. N. Y., 1938.

Компартия сыграла ведущую роль в организации движения безработных, выступила пионером создания массовых производственных профсоюзов, смело возглавила борьбу за гражданские права черных, настойчиво и энергично боролась за развертывание антивоенного и молодежного движений. Быстро выросло влияние Компартии среди творческой интеллигенции США, среди фермеров, особенно среди обездоленных издольщиков и кропперов на Юге. Все это было неотделимо от творчески активного уяснения партией главных и наиболее характерных тенденций в динамике социально-экономического развития страны. Компартия США вела серьезную творческую разработку своей стратегии и тактики в условиях «нового курса». Этот опыт и по сей день остается исключительно поучительным и важным.

Компартия в целом верно вскрывала классово ограниченный характер «нового курса», хотя первоначально ею был сделан чрезмерный акцент на негативных его сторонах. Ожидалось, например, что реформы Рузвельта, затемняя основное классовое противоречие, помешают дальнейшей мобилизации сил рабочего класса, подъему всего его движения на новый, более высокий уровень и т. п.[57] Вследствие несколько упрощенного понимания взаимосвязи и взаимодействия борьбы за реформы с борьбой за социализм, недооценки борьбы за частичные требования возникла опасность искаженного представления о ближайшей исторической перспективе, узкого толкования тактики классовых союзов, отрыва от масс, чья сознательность еще отставала от хода событий.

Г. Холл, говоря впоследствии об ошибках партии, не позволивших ей на завершающем этапе экономического кризиса полностью использовать потенциал творческого действия всех демократических сил, указывал на переоценку темпов и масштабов радикализации низов, что выразилось в умалении значения конкретных общедемократических требований и антимонополистических акций. Выдвинутый Компартией в качестве прямого призыва лозунг «революционного выхода из кризиса» не находил отклика в массах, поскольку социально-психологические и политические условия для такого рода действий еще не созрели[58].

Промахи Компартии отчасти объяснялись опасениями в связи с распространением в рабочих массах иллюзий в отношении возможностей программы буржуазного реформаторства, выдвинутой Рузвельтом. Такие иллюзии усердно сеяли лидеры АФТ и сохранявшая еще заметное влияние в средних слоях, в отдельных крупных профсоюзах и организациях безработных Социалистическая партия. Социалисты первоначально были склонны рассматривать «новый курс» как решающий исторический поворот, как подлинный революционный сдвиг в сторону «социализации» экономики США. Углубление государственно-монополистических тенденций, усиление регулирующей роли государства в экономике они чисто по-каутскиански восприняли как начало процесса самоликвидации капитализма, как автоматическое решение вопроса о его противоречиях и проблемах. В такой трактовке и закон о восстановлении промышленности, и обещания Рузвельта добиваться осуществления принципов «организованного капитализма» выдавались чуть ли не за врастание в социа-

[57] См. материалы Чрезвычайной конференции (7—10 июля 1933 г.) и материалы пленума ЦК Компартии США (14—15 октября 1933 г.).— Communist, 1933, Nov., p. 1088—1095; 1934, May, p. 432—433.

[58] Political Affairs, 1970, Apr., p. 11.

лизм, социализм надклассовый, угодный всем, богатым и бедным, трудящимся и хозяевам [59].

Коммунисты, критикуя социалистов, убедительно показывали, что доверять буржуазным политикам осуществление социалистических идеалов есть худший вид оппортунизма и беспринципности. В заявлениях социалистических лидеров они видели прямой отголосок буржуазно-либеральных теорий, наделявших «новый курс» мессианскими чертами и объявлявших его неким синтезом реализма, государственной мудрости и гражданского мужества, подлинным продуктом национального политического гения. После прихода к власти фашизма в Германии и тех последствий, которые эти события вызвали в других странах капитализма, в США в том числе, стала очевидной необходимость перестановки акцентов в этой критике с тем, чтобы не закрывать путей к поиску взаимопонимания со всеми фракциями социалистического движения в интересах организации отпора внутренней реакции и достижения единства демократических сил.

Ход событий, в полной мере выявивший классовый характер «нового курса» как политики спасения капитализма, вынудил центристское руководство Социалистической партии во главе с Н. Томасом несколько видоизменить позицию. Вызывавшие резкие возражения левого крыла партии рассуждения о «рузвельтовской революции», которая якобы порывает со старой хозяйственной системой, уступили место запоздалым предупреждениям против «опасных иллюзий» видеть в НИРА и других реформах ступень в постепенном восхождении к социализму [60]. Резкое обострение классовых конфликтов в стране в 1933—1935 гг. и рост угрозы со стороны крайней реакции привели к пересмотру позиций в отношении проблемы единства всех демократических, левых сил и со стороны многих других реформистских организаций. Поляризация классовых и политических сил вызывала укрепление пролетарской солидарности в рабочем классе. Все это обеспечило лучшие возможности для организации единого рабочего фронта и сплочения вокруг него антимонополистических, демократических сил.

Действия Компартии США, направленные на преодоление левосектантских ошибок, создавали необходимые предпосылки для конструктивного диалога между всеми общественными силами, противостоящими реакции. Весной 1933 г. Компартия обратилась к Социалистической партии США, другим рабочим организациям (в первую очередь к АФТ) с предложением достигнуть соглашения о единстве действий в борьбе против крайней реакции и угрозы войны, а также в защиту наиболее общих экономических требований, которые были одинаково приемлемы для всех [61]. Вопрос о рабочем единстве обсуждался на VIII съезде Компартии (апрель 1934 г.). Делегаты предупреждали против рецидивов сектантских ошибок и призвали расширить борьбу «за единый фронт с реформистски настроенными рабочими» [62]. Съезд призвал к консолидации и «унификации» организаций безработных и усилению систематической работы в профсоюзах АФТ. После VIII съезда был ликвидирован ряд левых профсоюзов (главным образом в тех отраслях, где это дикто-

[59] New York Times, 1933, June 18; New Leader, 1933, Aug. 19, p. 12.
[60] National Constitution. Declaration of Principles and Congressional Platform as Adopted in Convention at Detroit 1934. Chicago, 1934.
[61] Daily Worker, 1933, Mar. 18, 30; Communist, 1933, May, p. 426, 433.
[62] Communist, 1934, May, p. 445.

валось объединительными тенденциями с существующими крупными профсоюзами, вставшими на путь активной борьбы за интересы рабочих). В начале 1935 г. было принято решение о полном роспуске Лиги профсоюзного единства и вхождении ее членов в АФТ[63].

Огромное значение для теоретической и практической деятельности Компартии США, так же как и всего международного коммунистического движения, имел VII конгресс Коминтерна (август 1935 г.). Компар-

ПЕРВОМАЙСКАЯ ДЕМОНСТРАЦИЯ АМЕРИКАНСКИХ ТРУДЯЩИХСЯ, ОРГАНИЗОВАННАЯ КОМПАРТИЕЙ США
(г. Нью-Йорк, 1936 г.)

тия США сделала важные выводы из того анализа борьбы за единство демократических сил США, который был дан в дискуссиях на конгрессе. В преддверии имевшей принципиальное значение избирательной кампании 1936 г. и в условиях роста реакционности монополистической буржуазии, стремившейся торпедировать «новый курс», Компартия повела линию на сплочение рабочего класса, фермерства, негритянских масс, средних слоев вокруг программы частично уже завоеванных социальных реформ в целях их углубления и расширения на путях классовой борьбы. Задача Компартии усложнилась не только в связи с контрдействиями буржуазной реакции и гомперсистов из АФТ, но и из-за колебаний руководства Социалистической партии, не желавшего действовать в духе искреннего сотрудничества и рабочей солидарности. К 1935 г. социалисты, оказавшиеся под влиянием левацко-троцкистских группировок, вновь ударились в крайность, всячески умаляя значение борьбы за частичные

[63] *Foster W. Z.* American Trade Unionism. N. Y., 1947, p. 199, 204.

преобразования и противопоставляя ей сектантскую тактику объединения только с такими общественными группами, которые безоговорочно разделяют социалистическую программу-максимум [64].

Компартия была поставлена перед необходимостью определить отношение к этой пагубной линии, толкавшей сознательные элементы на самоизоляцию от массового движения. Резолюция IX съезда партии, собравшегося в июне 1936 г., отмечала, что коммунисты стремятся к «всемерному объединению и концентрации всех сил рабочего класса и его союзников в борьбе против политической комбинации, представляющей республиканскую партию, Лигу свободы и прессу Херста» (т. е. консервативные и реакционные круги главным образом средней и крупной буржуазии). В порядке полемики с основным лозунгом Социалистической партии («социализм против капитализма») Компартия открыто заявила: «Сейчас вопрос не стоит так — капитализм или социализм. Он формулируется иначе, а именно: прогресс или реакция, фашизм или демократия... Рузвельт ищет средний путь. Американское рабочее движение и все прогрессивные силы жизненно заинтересованы в том, чтобы использовать все возможности этого среднего пути для разгрома реакции и для развития своей независимой политической силы» [65].

Время доказало правильность этой линии. Привлекая сторонников из непролетарских слоев и осуществляя руководящую роль в широких общедемократических движениях (антивоенном, негритянском, студенческом, безработных и т. д.), Компартия активнейшим образом содействовала кристаллизации организационно не оформленной прогрессивной коалиции «нового курса» [66]. Поддержка общедемократического движения содействовала укреплению связи партии с массами, росту ее в количественном и качественном отношениях, превращению ее в важный фактор всей политической жизни страны. При этом Компартия не растворилась в широком движении за социальные реформы, хотя ревизионистские элементы во главе с Э. Браудером с конца 30-х годов пытались вести линию на слияние с буржуазной демократией, идеализируя «новый курс» и извращая тактику антифашистского, антимилитаристского блока, зафиксированную в соответствующих партийных решениях [67]. И в идейной борьбе, и в повседневной политической практике Компартия не затушевывала разнородность целей и задач различных классовых и политических сил, составляющих демократическую коалицию «нового курса». Сохраняя политическую инициативу и идейную самостоятельность, Компартия защищала прогрессивные аспекты «нового курса» от нападок справа, одновременно развивая критику рузвельтовской политики, ее непоследовательность и зависимость от интересов крупного капитала.

Исторический опыт подсказал, что в условиях США середины 30-х годов весьма эффективным средством сплочения демократических сил и одновременно инструментом давления на администрацию «нового курса»

---

[64] Socialist Call, 1936, May 2, p. 6.
[65] Цит. по: Political Affairs, 1971, Dec., p. 45.
[66] См. материалы пленума ЦК КП США (февраль 1938 г.).— Communist, 1938, Mar., p. 214—219.
[67] *Ширина К. К.* Стратегия и тактика Коминтерна в борьбе против фашизма и войны (1934—1939 гг.). М., 1979, с. 226. Подробнее см.: *Мальков В. Л.* Коммунисты США и проблема единства антимонополистических сил в годы «нового курса».— В кн.: Коммунисты в авангарде борьбы за единый народный фронт (1934—1939). М., 1985.

могло стать движение за создание рабоче-фермерской партии, которое в своей основе несло реальный вызов двухпартийной системе. Спонтанный процесс рождения и развития рабоче-фермерских партий, идейно-политическая платформа которых представляла порой переплетение антикапиталистических и общедемократических устремлений и лозунгов, уже сам по себе был обнадеживающим явлением. На IX съезде КП США говорилось о необходимости активно содействовать развитию этого движения [68]. В его рамках коммунисты трудились над осуществлением идеи антимонополистической демократической коалиции, в которой рабочий класс призван был играть ведущую роль. Трезвый учет реальной обстановки и уроков предшествующего опыта позволил Компартии выработать политическую линию, в целом отвечавшую зрелости объективных и субъективных предпосылок борьбы за социалистическую альтернативу [69].

Особое значение в разработке Компартией концепции народной коалиции демократических сил принадлежит X съезду партии, проходившему в Нью-Йорке в мае 1938 г. Съезд обсудил вопрос о создании такой коалиции в целях организации отпора реакции и расширения борьбы за мир и коллективную безопасность. Кроме того, съезд разработал избирательную платформу к предстоящим в ноябре 1938 г. промежуточным выборам в конгресс и принял новую Программу партии. К авторитетному слову коммунистов прислушивалась вся прогрессивная Америка.

Сознавая ответственность перед народом, стоявшим перед лицом надвигавшихся новых испытаний, коммунисты в качестве основной задачи выдвинули задачу сплочения всех элементов американского общества, способных защищать демократические свободы, противостоять крайней реакции и оказать поддержку политике коллективных действий против фашистской агрессии на мировой арене в рамках сотрудничества всех миролюбивых стран. Важная роль придавалась процессу укрепления советско-американского сотрудничества. «Бороться за демократию, социальную обеспеченность, занятость и мир» — так формулировала Компартия основной лозунг политического момента. В осуществлении принятого тактического плана Компартия придавала решающее значение борьбе пролетариата, росту его классового самосознания и развитию политической инициативы масс в форме создания независимых от двухпартийной системы местных рабоче-фермерских партий, федераций, коалиций левоцентристских сил и т. п. [70]

Стратегическая цель — борьба против системы капиталистической эксплуатации, за углубление курса демократических преобразований в интересах подавляющего большинства народа — оставалась неизменной, но конкретно-историческая обстановка кануна второй мировой войны, фашистская угроза миру и безопасности, существованию целых народов и национальных государств, наконец, трезвый учет сложившейся расстановки классовых сил внутри страны делали политику национального, патриотического, демократического фронта определяющей, главной линией Компартии США, так же как и всего международного коммунистического движения [71].

---

[68] Resolution of the Ninth Convention of the Communist Party of the USA. N. Y., 1936, p. 35.

[69] *Foster W. Z.* History of the Communist Party of the United States, p. 381.

[70] Resolutions of the 10th Convention of the Communist Party, the U.S.A. N. Y., 1938.

[71] *Ширина К. К.* Указ. соч., с. 365.

Диалектика внутреннего социально-политического развития США, интересы сохранения мира и устранения угрозы порабощения народов фашизмом диктовали концентрацию усилий на выполнение ближайших задач — защиту и углубление позитивных сдвигов в области демократических прав и гражданских свобод, поддержку либеральных патриотических элементов буржуазии (не сливаясь с ними), борьбу за такое изменение внешнеполитического курса США, которое бы реально содействовало успеху политики обуздания агрессоров прежде всего на базе коренного улучшения советско-американских отношений. Значимость достигнутого на сложном пути создания блока демократических, антифашистских сил в стране во многом определялась последовательностью и творческим подходом Компартии в осуществлении выработанной ею на основе опыта всего международного рабочего движения генеральной политической линии [72]. О признании заслуг и реального вклада Компартии США в дело борьбы за демократию, социальный прогресс, против агрессии фашизма свидетельствует та широкая поддержка, которую различные слои народа, и прежде всего трудящиеся США, оказывали ее начинаниям.

[72] См.: *Foster W. Z.* History of the Communist Party of the United States, p. 381.

Глава одиннадцатая

ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИЙ КУРС

1. ПОЛИТИКА «ДОБРОГО СОСЕДА»

Внешняя политика США в 30-е годы осуществлялась под воздействием, с одной стороны, самого глубокого за время существования капитализма мирового экономического кризиса 1929—1933 гг., а с другой — постоянного возрастания опасности новой мировой войны, исходившей главным образом от фашистской Германии и милитаристской Японии. Если кризис, расстроивший мировые торгово-экономические связи, толкал США к изоляционизму, то опасность войны, наоборот, подчеркивала потребность в международном сотрудничестве для поддержания всеобщего мира. Однако альтернативы эти — изоляционизм или интернационализм — в политике США не были четко выражены. Решающее значение для определения как целей, так и методов американской внешней политики имели внутренние факторы: экономический, социально-политический, идеологический, действие которых в годы «великой депрессии» сказывалось с особой силой. Внешняя политика должна была не отвлекать внимание от борьбы с кризисом, а, напротив, способствовать выходу из полосы невиданного экономического спада. Такой подход доминировал в правительственных расчетах длительное время.

Администрация Ф. Рузвельта унаследовала внешнюю политику с ее традиционными основными направлениями и соответствующими им доктринами: Монро в Латинской Америке, «открытых дверей» в Азии и изоляционизма в отношении Европы. Особенно велико было значение изоляционизма, который, возникнув преимущественно как политико-дипломатический принцип, со временем перерос в специфически американский подход к остальному, «неамериканскому» миру. Практический смысл этой политики Соединенные Штаты усматривали в том, чтобы с выгодой для себя использовать противоречия и войны между европейскими странами, провозглашая нейтралитет, от которого они, однако, отступали в крупнейших конфликтах, развертывавшихся на Европейском континенте. В этом качестве изоляционизм сохранял свое значение для американской дипломатии вплоть до второй мировой войны.

Живучесть и даже определенный взлет изоляционизма в предвоенные годы объяснялись также расширением его социальной базы, тем демократическим содержанием, которое привнесли в него народные массы, рассматривавшие изоляционизм как принцип невмешательства в дела других стран и отказа от участия в захватнических войнах. Поэтому в американском изоляционизме новейшего времени следует различать политико-дипломатический и антивоенно-антимонополистический аспекты. Преобладающим же началом была идея «невовлечения» США, во-первых, в политические союзы и, во-вторых, в войны между другими странами.

Кризис усилил проявления так называемого «экономического национализма», который в первые годы президентства Рузвельта стал официальной политикой. Его объективной основой были емкий внутренний

американский рынок, охраняемый высокими импортными тарифами, и низкие экспортные квоты. Активным проводником идей «экономического национализма» был профессор Р. Моли, возглавлявший до своего разрыва с Рузвельтом его «мозговой трест». Летом 1933 г. Рузвельт «торпедировал» Мировую экономическую конференцию в Лондоне, созванную с целью найти для стран капитализма совместный согласованный выход из кризиса. На ней было зачитано послание американского президента с предложением участникам конференции прекратить бесполезную работу и заняться созданием «здоровой внутренней экономической системы стран» [1]. Так США высказали недовольство тем, что их европейские должники, ссылаясь на кризис, отказывались выплачивать свои долги. К этому конгресс добавил закон Джонсона 1934 г., запретивший займы и кредиты странам-должникам.

Одновременно давала знать и противоположная тенденция — к расширению внешнеэкономической экспансии американских монополий, стремившихся таким путем смягчить последствия кризиса. Уже в 1934 г. по настоянию государственного секретаря К. Хэлла, сторонника «либерализации» международной торговли, был принят специальный закон, который предусматривал снижение на взаимной договорной основе импортных пошлин в размере до 50%. Однако США не удалось значительно увеличить свой экспорт, который в 30-е годы оставался намного ниже уровня докризисного 1929 г.

Чем дальше, тем больше правительство Рузвельта сталкивалось с потребностью увязать внутреннюю либеральную политику с внешней. «Новый курс» в политическом плане, отмечал У. З. Фостер, «имел непосредственное отношение к антифашистской борьбе предвоенных лет», движение за реформы в США было связано с движением антифашистского фронта в Европе и Латинской Америке [2]. Взаимодействие борьбы рабочего класса и всех демократических сил США с интернациональной борьбой против наступления фашизма, которую возглавили коммунисты, было проявлением возраставшего переплетения внутренних процессов в отдельных странах с основными тенденциями в общем мировом развитии.

Вступая в должность президента, Рузвельт провозгласил приверженность «политике доброго соседа» [3], которая предусматривала более гибкие методы экспансии США в Западном полушарии. По его собственному свидетельству, обращение к принципу добрососедства во внешней политике США было навеяно их отношениями со странами Латинской Америки, а именно желанием продемонстрировать разрыв с практикой откровенного империалистического диктата, обычными средствами которого были «большая дубинка» и «дипломатия доллара» [4]. Это была, в сущности, вынужденная мера в условиях роста национально-освободительного движения против североамериканского империализма, когда, по признанию Рузвельта, «латиноамериканское общественное мне-

---

[1] Foreign Relations of the United States: Diplomatic Papers, 1933: Vol. 1—5. Wash., 1949—1952, vol. 1, p. 673. (Далее: FRUS).
[2] *Фостер У. З.* Очерк политической истории Америки. М., 1953, с. 584, 592—593.
[3] The Public Papers and Addresses of Franklin D. Roosevelt: 1933 vol.— 1945 vol. / Ed. by S. I. Rosenman. N. Y., 1938—1950, 1933 vol., p. 14.
[4] Franklin D. Roosevelt and Foreign Affairs: Vol. 1—3/Ed. by E. Nixon. Cambridge (Mass.), 1969, vol. 1, p. 20—21.

ние было едва ли не неистово настроено против нас»[5]. В то же время новая политика отразила либерально-реформистский подход правительства, провозгласившего «новый курс» и пытавшегося учесть требования растущего общедемократического движения в собственной стране.

Политика «доброго соседа» должна была строиться на следующих принципах: невмешательство во внутренние дела стран Латинской Америки, заключение торговых договоров на основе взаимности, осуществление равенства наций и предоставление технической помощи. Но это не означало отказа американского империализма от стремления к достижению господства над этим обширным регионом. Используя политику «доброго соседа», США добивались упрочения под своей эгидой «межамериканской системы». Одной из их целей было противодействие активным усилиям гитлеровской Германии и в меньшей степени Японии и Италии внедриться в Латинскую Америку. За 1929—1936 гг. латиноамериканский импорт из этих стран возрос с 17 до 28%. Тревогу внушали и попытки нацистов опереться на более чем миллионную группу этнических немцев в регионе, равно как темпы и масштабы проникновения туда нацистской пропаганды. Так как экспансия Германии преследовала далеко идущие политические и военно-стратегические цели, США и Англия, до этого главные торгово-экономические конкуренты в Латинской Америке, во многих случаях стали действовать сообща.

Новая политика призвана была защищать также экономические интересы США, чья торговля с Латинской Америкой за 1929—1932 гг. упала на 70% и где их капиталовложениям угрожал рост антиамериканских настроений.

В инструкции госдепартамента делегации США на VII Панамериканской конференции в Монтевидео (Уругвай) в декабре 1933 г., начиная с которой политика «доброго соседа» стала принимать конкретные очертания, особо оговаривалось значение латиноамериканского аспекта их политики[6]. Делегацию США на межамериканских конференциях неизменно возглавлял государственный секретарь К. Хэлл. Самое активное участие в проведении латиноамериканской политики принимали президент Рузвельт и помощник, затем заместитель государственного секретаря С. Уэллес. После острой борьбы конференция в Монтевидео приняла декларацию, заявлявшую, что никакая страна не имеет права на вмешательство во внутренние и внешние дела другой страны (ст. 8)[7]. Принятие этой декларации, по которой США вынуждены были пойти на уступку, отказавшись от «права» на интервенцию, как и решений, осуждавших агрессивные войны («пакт Ламаса», антивоенный пакт), свидетельствовало об изменении тактики США в отношении Латинской Америки.

Вслед за этим по договору с Кубой, заключенному в 1934 г., США отказались от колониалистской «поправки Платта», сохранив, однако, на неопределенный срок военную базу в Гуантанамо. Американская морская пехота после 19-летней оккупации покинула Гаити. По договору 1936 г. между США и Панамой был частично пересмотрен кабальный договор 1903 г., но зона Панамского канала осталась под американской юрисдикцией. США начали практиковать торговые договоры на началах

[5] Franklin D. Roosevelt. His Personal Letters, 1928—1945: Vol. 1, 2 / Ed. by E. Roosevelt, J. P. Lash. N. Y., 1950, vol. 1, p. 638. (Далее: FDR. His Personal Letters).
[6] FRUS, Diplomatic Papers, 1933, vol. 4, p. 44.
[7] Peace and War: United States Foreign Policy, 1931—1941, Wash., 1943, p. 201.

взаимности: большинство соглашений, заключенных на основе закона о взаимном снижении тарифов, приходилось на латиноамериканские страны. С 1934 по 1945 г. Экспортно-импортный банк США предоставил займы 18 латиноамериканским странам на сумму 500 млн. долл.[8]

Особое место в политике «доброго соседа» заняла Межамериканская конференция по сохранению мира, созванная по инициативе Рузвельта в Буэнос-Айресе (Аргентина) 1—23 декабря 1936 г. США ставили целью закрепить принцип добрососедства в межамериканских отношениях и выработать механизм проведения общей политики странами Западного полушария на случай возникновения войны в Европе. Рузвельт лично прибыл на конференцию, что явилось беспрецедентным актом для президента США. Конференция приняла Протокол о невмешательстве, который подтвердил и даже усилил декларацию 1933 г. Утвержденный затем сенатом США, он запретил их интервенцию «в прямой и косвенной форме и по каким бы то ни было соображениям»[9].

Другим важным решением конференции было одобрение конвенции, одна из статей которой гласила: «В случае международной войны вне Америки, которая может угрожать миру американских республик, будут проведены консультации для определения срока и формы сотрудничества подписавшихся стран, если они этого пожелают, в деле сохранения мира на Американском континенте»[10]. Этим было положено начало складыванию в Западном полушарии под главенством США политического блока, направленного против экспансии государств фашистско-милитаристского блока.

Серьезным испытанием для политики «доброго соседа» стала осуществленная в 1938 г. правительством Мексики экспроприация крупных земельных площадей, принадлежавших гражданам США, для проведения аграрной реформы. В том же году Мексика одной из первых капиталистических стран национализировала нефтяную промышленность. Правительство США прибегло к усиленному дипломатическому нажиму, требуя выплаты компенсации. В качестве ответной меры оно аннулировало соглашение о покупке мексиканского серебра, что привело к падению цен на этот металл. Все же правительство Рузвельта в резком контрасте с прежней политикой воздержалось от применения против Мексики насильственных методов «защиты» американских интересов. В свою очередь, Мексика выплатила нефтяным компаниям США значительную сумму.

Такая политика США дала свои плоды на VIII Панамериканской конференции в Лиме (Перу) 9—27 декабря 1938 г., принявшей Декларацию принципов американской солидарности (Лимскую декларацию). В ней правительства американских государств заявляли о континентальной солидарности, о решимости защищаться от иностранного вмешательства и о координации с этой целью национальных усилий посредством системы консультаций и используя меры, диктуемые обстоятельствами[11].

Всего на конференции было принято свыше 100 резолюций. Германский посланник в Перу сообщал в Берлин, что «большинство резолюций

---

[8] История дипломатии: Т. 1—5. М., 1959—1979, т. 3, с. 648.
[9] *Bemis S. F.* The Latin American Policy of the United States: An Historical Interpretation. N. Y., 1967, p. 289.
[10] Ibid., p. 288—289.
[11] Peace and War, p. 440—441.

конференции направлено против нас...»[12]. Лимская конференция продемонстрировала дальнейший сдвиг политики латиноамериканских стран в сторону США. Доктрина Монро оказалась приспособленной к новым историческим условиям, приобретая более широкий смысл. Панамериканизм, воплотивший идею «единства» Западного полушария, получил в этот период наибольшее распространение[13].

2. СОВЕТСКО-АМЕРИКАНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ

Важнейшим внешнеполитическим актом правительства стало дипломатическое признание Советского Союза. С нормализацией советско-американских отношений правительство Рузвельта надеялось усилить позиции США на Дальнем Востоке, где они столкнулись с самой серьезной для себя дипломатической проблемой. Американо-японские противоречия, на неизбежность нарастания которых указывал В. И. Ленин[14], обострились в результате захвата Маньчжурии. Японская агрессия, подрывавшая отстаиваемый США в Азии с конца XIX в. принцип «открытых дверей» и созданную с их участием Вашингтонскую систему, оказала существенное воздействие на последующую политику правительства Соединенных Штатов[15].

Положение на Дальнем Востоке явилось предметом обсуждения уже на втором заседании кабинета, причем Рузвельт говорил о возможности войны с Японией[16]. Все же решено было не идти дальше «доктрины непризнания» (1932 г.), которая ограничивалась юридическим непризнанием насильственного изменения статус-кво в этом районе.

В политико-дипломатическом соперничестве на Дальнем Востоке США использовали соглашения, подписанные на Вашингтонской конференции 1921—1922 г., и Пакт против войны 1928 г., в нарушении которых они обвиняли Японию. Неоднократные их протесты вызывали японские действия в Китае, территориальная целостность которого декларировалась Договором девяти держав 1922 г. Они давали знать Японии, что несоблюдение вашингтонских соглашений может привести к американскому решению отказаться от ограничений, которые налагались этими соглашениями на военно-морское строительство. Цель политики США в отношении Японии заключалась в стремлении как можно дольше оттянуть открытый конфликт с ней. Когда 24 марта 1934 г. США приняли закон о предоставлении через 10 лет независимости Филиппинам, то Япония интерпретировала в свою пользу предстоящий уход американцев. Объявив в декларации Амо (апрель 1934 г.) себя единственным арбитром в китайском вопросе, Япония даже не реагировала на американский протест[17].

По мере осложнения ситуации в Европе США лишь укреплялись в своем стремлении к достижению компромисса с Японией. Отсюда фак-

---

[12] Documents on German Foreign Policy, 1918—1945, Ser. D (1937—1945): Vol. 1—13. L.; Wash., 1949—1964, vol. 1, p. 583. (Далее: DGFP, Ser. D).

[13] *Антясов М. В.* Панамериканизм: идеология и политика. М., 1981, с. 62—64.

[14] См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 36, с. 330.

[15] *Borg D.* The United States and the Far Eastern Crisis of 1933—1938: From the Manchurian Incident Through the Initial Stage of Undeclared Sino-Japanese War. Cambridge (Mass.), 1964.

[16] The Secret Diary of Harold L. Ickes: Vol. 1—3. N. Y., 1953—1954, vol. 1, p. 5.

[17] Peace and War, p. 216—217.

тическое поощрение Соединенными Штатами японской агрессии, получившее выражение в американо-японской торговле, которая обеспечивала Японии более половины необходимых ей военно-стратегических материалов. В самих США этот правительственный курс оказался под огнем критики общественности, склонявшейся к решительным антияпонским мерам. Общественные организации, включая профсоюзы, а также представители деловых кругов принимали резолюции с осуждением Японии и требовали бойкота японских товаров. Кампания протеста против японской агрессии быстро приняла широкий размах.

Установление дипломатических отношений между СССР и США совпало с новыми усилиями Советского Союза по обеспечению всеобщего мира. В декабре 1933 г. ЦК ВКП(б) принял постановление о развертывании борьбы за коллективную безопасность [18], определившее стратегию советской внешней политики почти на весь предвоенный период. Советский Союз последовательно отстаивал идею неделимости мира, настойчиво добиваясь объединения усилий государств против агрессии в любой части света. С этой целью в сентябре 1934 г. СССР принял приглашение вступить в Лигу наций, которую до этого демонстративно покинули фашистская Германия и милитаристская Япония. Как писал американский исследователь истории проблемы коллективной безопасности Р. Стромберг, в то время «никто не был более предан коллективной безопасности, чем Советы» [19].

Что касается отношений с США, то Советский Союз готов был идти по пути все более тесного сотрудничества, полагая, что этому не должно препятствовать различие в социально-политическом строе двух стран [20]. Советское правительство, подчеркивая значение советско-американских отношений, назначило первым послом в Вашингтон видного дипломата А. А. Трояновского, до этого посла СССР в Японии. Одновременно оно стремилось к конструктивным переговорам с американским послом в Москве У. Буллитом, которому было заявлено о желании Советского правительства «определить конкретные формы сотрудничества между нашими странами в деле укрепления мира», имея в виду продолжить линию переговоров М. М. Литвинова с Ф. Рузвельтом в Вашингтоне, где «был намечен вполне правильный подход к этому вопросу», скоординировав усилия СССР и США, чтобы парализовать действия, направленные против мира [21].

Возможность такого сотрудничества вытекала из заинтересованности в противодействии экспансии Японии на Дальнем Востоке, на что указывалось с обеих сторон, особенно в первые месяцы после признания. Уже в конце 1933 г. была выдвинута идея Тихоокеанского пакта о ненападении для обеспечения безопасности [22], учитывая, что экспансионизм Японии угрожал не только Китаю и СССР, но был направлен и против США, Великобритании, Франции. Не случайно проект такого пакта не сходил с повестки дня в течение ряда лет. Тем не менее неоднократные

---

[18] История Коммунистической партии Советского Союза: В 6-ти т. М., 1964—1980, т. 4, кн. 2, с. 28—29.

[19] *Stromberg R. N.* Collective Security and American Foreign Policy: From the League of Nations to NATO. N. Y., 1963, p. 243—244.

[20] Документы внешней политики СССР: Т. 1—. М., 1957—, т. 16. с. 656. (Далее: ДВП СССР).

[21] Там же, т. 16, с. 750; т. 17, с. 478.

[22] FRUS, Diplomatic Papers, The Soviet Union, 1933—1939. Wash. 1952, p. 61.

заявления США о серьезной опасности, которую представляет японская военщина, ничем и никак не подкреплялись. При этом США не прочь были столкнуть СССР с Японией, предпочитая самим оставаться в стороне. Посол Буллит говорил, что «Соединенные Штаты не могут ввязаться в войну» на Дальнем Востоке, обещая Советскому Союзу лишь «моральную поддержку» [23]. Хотя президент Ф. Рузвельт в принципе не возражал против регионального пакта, США заняли уклончивую позицию, отказываясь брать на себя какие-либо обязательства, и в конце концов уже летом 1937 г. окончательно отклонили советское предложение.

В середине 1934 г. Советское правительство подняло вопрос о желательности американской поддержки Восточного регионального пакта [24] — одной из попыток организации системы коллективной безопасности в Европе. В конце того же года М. М. Литвинов довел до сведения правительства США проект преобразования Генеральной комиссии конференции по разоружению в Постоянную конференцию мира — международный орган, где можно было бы обсуждать вопросы безопасности, проводить консультации в случае нарушения мира и с помощью которого удалось бы обеспечить сотрудничество США, остававшихся вне Лиги наций. Как писал Литвинов, «сотрудничество Америки является одной из основных целей, преследуемых нами» [25]. Однако ни США, ни другие крупнейшие страны Запада не желали сотрудничества с СССР, и проект Литвинова оказался неосуществленным.

Во всех этих случаях, поскольку речь шла о судьбах всеобщего мира, негативная позиция США не могла не содействовать распространению агрессии как на Дальнем Востоке, так и в Европе. Эту позицию закрепило принятие в августе 1935 г. закона о нейтралитете США. С течением времени все отчетливее проступала и антисоветская подоплека этой позиции, которая отражала общий курс западных стран, направленный на международную изоляцию СССР перед лицом постоянно возраставшей военной опасности.

В качестве предлога для отказа от политического сотрудничества США использовали проблему долгов русских дореволюционных правительств, с решением которой они искусственно связывали весь комплекс советско-американских отношений [26]. При любых переговорах они выдвигали на первый план вопрос об оплате советской стороной военных долгов России, в частности долга Временного правительства Керенского, получившего заем от США. Это вынуждало Советский Союз предъявить контрпретензии, связанные с участием США в иностранной интервенции против Советской России и с лихвой покрывавшие американские запросы. Вместе с тем советская дипломатия демонстрировала желание урегулировать спорные вопросы, идя на уступки и компромиссы, поскольку исходила из того, что перед СССР и США «стоят более серьезные общие цели», заключавшиеся в обеспечении мира [27]. Такого же подхода придерживались некоторые дальновидные американские деятели, например известный дипломат Н. Дэвис. Будучи главой делегации США на Лондонской морской конференции 1935—1936 гг., он говорил советскому

---

[23] ДВП СССР, т. 16, с. 750.
[24] Там же, т. 17, с. 478.
[25] Там же, с. 719.
[26] Там же, с. 632—634.
[27] Там же, т. 17, с. 571; т. 18, с. 61.

делегату о необходимости срочно ликвидировать все финансовые и экономические споры, ибо тесное сотрудничество США и СССР крайне необходимо для урегулирования больших политических проблем [28].

Трудности в урегулировании спорных финансово-экономических вопросов объяснялись отходом американской стороны от принципиальной договоренности, достигнутой между М. М. Литвиновым и Ф. Рузвельтом в ноябре 1933 г. Тогда было достигнуто «джентльменское соглашение» о том, что при условии предоставления американского займа Советский Союз согласен платить некоторый добавочный процент по нему и не возражает против того, чтобы этот добавочный процент был зачислен правительством США на частичное удовлетворение старых долгов. Сумму долга предстояло согласовать в пределах от 75 млн. до 150 млн. долл. [29]

В ходе дальнейших переговоров в Москве и Вашингтоне советская сторона согласилась на долгосрочный кредит вместо займа, а в августе 1934 г. и на то, чтобы разделить такой кредит на финансовый (100 млн. долл. на 20 лет) и товарный (100 млн. на 5 и более лет из расчета 7% в год) [30]. Позиция американской стороны, наоборот, оставалась жесткой. США прибегли к закону Джонсона, хотя Советский Союз никаких обязательств на себя по старым долгам не брал. В результате учрежденный в феврале 1934 г. президентским указом Экспортно-импортный банк США для финансирования торговли с СССР так и не смог развернуть деятельность в этом направлении. Кроме того, американская сторона настаивала на такой форме товарного кредита, которым СССР пользовался в Европе без каких бы то ни было платежей по старым долгам. Естественно, Советский Союз не мог согласиться на нежелательный прецедент.

В конце января 1935 г. госдепартамент официально объявил о прекращении советско-американских переговоров по финансово-экономическим вопросам. Вслед за этим последовало решение о закрытии генерального консульства США в Москве, об отозвании военно-воздушного и военно-морского атташе и о сокращении штата посольства в СССР [31]. Советскому правительству ничего не оставалось другого, как констатировать ухудшение двусторонних отношений. В марте 1935 г. в письме НКИД СССР послу А. А. Трояновскому говорилось, что в создавшихся условиях европейская политика «сейчас стоит для нас, несомненно, на первом плане» [32]. Именно в это время усилия СССР по укреплению европейского мира дали положительные результаты в виде подписанных в мае 1935 г. договоров о взаимной помощи между СССР и Францией, СССР и Чехословакией.

Не оправдало американских ожиданий и применение закона Джонсона. Послу Буллиту, считавшему, что СССР пойдет на дальнейшие уступки из-за заинтересованности в торговле с США, советские представители твердо заявили, что «давлению не поддадимся и что мы можем обойтись без американской торговли» [33]. Руководствуясь собственными

[28] Там же, т. 17, с. 755.
[29] Там же, т. 16, с. 640.
[30] Там же, т. 17, с. 226, 571.
[31] FRUS, Diplomatic Papers, The Soviet Union, 1933—1939, p. 172—173, 177.
[32] ДВП СССР, т. 18, с. 168—169.
[33] Там же, т. 17, с. 275.

соображениями, Советский Союз ограничил импорт из США, а имевшиеся заказы без труда разместил вне США. Сняла советская сторона и свое предложение об учреждении в США торгпредства СССР.

Советско-американские отношения еще более осложнились, когда Буллит в связи с решениями VII конгресса Коммунистического Интернационала (июль—август 1935 г.) обвинил Советское правительство во вмешательстве во внутренние дела США. Отклоняя американскую ноту как безосновательную, НКИД СССР подтвердил линию на дружественное сотрудничество, «отвечающее интересам народов Советского Союза и Соединенных Штатов Америки и имеющее столь важное значение для всеобщего мира» [34]. Однако отныне американцы стали требовать в качестве предварительного условия двустороннего политического сотрудничества «прекращения» коммунистической пропаганды в США и урегулирования проблемы долгов [35].

Некоторых результатов удалось достигнуть в области торговых взаимоотношений. В ходе переговоров, начавшихся в апреле 1935 г., советская сторона заявила о готовности увеличить закупки в США в случае предоставления СССР права наиболее благоприятствуемой нации. Американская сторона, однако, отказалась сделать это, сославшись на таможенный акт 1932 г., по которому ввозимый в США советский антрацит облагался обременительным импортным налогом. Готовность СССР заключить соглашение, основанное на применении к советским импортным товарам (исключая антрацит) американских льготных импортных пошлин, предоставленных другим государствам, способствовала заключению 13 июля 1935 г. торгового соглашения [36], действовавшего два года. В результате тарифные льготы, установленные соглашениями США с некоторыми государствами в соответствии с законом 1934 г. о взаимном снижении тарифов, были распространены на аналогичные советские товары.

В августе 1937 г. по советской инициативе было заключено торговое соглашение, заменившее предыдущее [37]. Оно основывалось на взаимном предоставлении сторонами друг другу режима наиболее благоприятствуемой нации. Соглашение, служившее правовой базой для двусторонней торговли, ежегодно продлевалось, пока в 1951 г. США односторонним актом не денонсировали его. В период действия этого соглашения США обязывались не подвергать советские товары каким-либо иным или более обременительным правилам, или формальностям, чем те, которым подвергались или могли быть подвергнуты подобные же товары любой третьей страны. Освобождение каменного угля, импортируемого из СССР, от акцизного налога позволило увеличить советский импорт из США.

Благодаря торговым соглашениям 1935 и 1937 гг. в предвоенный период удельный вес США в советском экспорте превысил 7%. Рост советского импорта из США позволил им в 1937—1938 гг. вновь занять первое место среди государств — экспортеров в СССР. Основными статьями советского экспорта в США были, помимо антрацита, марганцевая руда, пушнина и меховое сырье, пиломатериалы, асбест, консервы, икра,

---

[34] Там же, т. 18, с. 476—477.
[35] *Williams W. A.* American-Russian Relations, 1781—1947. N. Y., 1952, p. 234.
[36] ДВП СССР, т. 18, с. 450—452.
[37] Там же, т. 20, с. 443—448.

табак, ткани. Импорт из США включал различного рода машины и оборудование для промышленности, составившие в 1938 г. примерно 67% этого импорта[38]. Большему развитию двусторонней торговли мешал американский отказ от ее правительственного финансирования.

Настороженное и сдержанное отношение к Советскому Союзу государственного департамента во главе с Хэллом, проявившееся еще на переговорах о взаимном признании, сохранялось. Наиболее непримиримую позицию занимал У. Буллит, остававшийся послом США в СССР до августа 1936 г. Получив затем назначение послом во Францию, Буллит, используя близость к Рузвельту, стал активным проводником «мюнхенской» политики. Он примыкал к той антисоветской группировке в госдепартаменте, в которую входил А. Берл, ставший в 1938 г. помощником государственного секретаря. Как и реакционные деятели в Великобритании и Франции, они продолжали старую антикоммунистическую и антисоветскую линию, призывая не доверять Советскому Союзу.

В отличие от них Дж. Мессерсмит, еще один помощник государственного секретаря, Дж. Дэвис, посол США в СССР в 1936—1938 гг., признавали заинтересованность СССР в сохранении мира и поэтому считали желательным для США налаживание политического сотрудничества с ним[39]. Из пребывания в Москве Дэвис вынес убеждение «в искренности и дружественности СССР в отношении правительства США в большей степени, чем правительства какой-либо другой страны»[40]. Ответив взаимностью, Дэвис своей деятельностью способствовал укреплению дружественных отношений и росту взаимного понимания и доверия между народами обеих стран, за что в 1945 г. был награжден орденом Ленина[41].

Так применительно к советско-американским отношениям пробивала себе дорогу долговременная тенденция в международных отношениях к мирному сосуществованию различных систем, основанная на заинтересованности народов во всеобщем мире.

Вплоть до начала второй мировой войны преобладающей тенденцией в общественном мнении США было формирование дружественных чувств по отношению к СССР. И хотя эта тенденция развивалась по восходящей, она неоднократно прерывалась под влиянием внутренних и международных событий. Уже сам факт американского признания СССР расценивался в стране как большой позитивный вклад в международные отношения. Последовательная миролюбивая политика Советского Союза, его борьба за противодействие агрессии укрепляли доверие к нему. В 1934 г. Американский молодежный конгресс — крупнейшая молодежная организация США — назвал советские внешнеполитические инициативы «единственно конструктивными предложениями, направленными к миру»[42]. Летом 1935 г. в Чикагском университете с участием советского посла А. А. Трояновского был организован пятидневный цикл лекций на тему «Советский Союз и мировые проблемы». В своем выступлении Трояновский подчеркнул, что «стержнем советской внешней политики являет-

[38] Внешняя торговля СССР за 1918—1940 гг.: Стат. обзор. М., 1960, с. 1078.
[39] *Langer W. L., Gleason S. E.* The Challenge to Isolation, 1937—1940. N. Y., 1952, p. 126.
[40] *Davies J. E.* Mission to Moscow. N. Y., 1941, p. 425.
[41] Дипломатический словарь: В 3-х т. М., 1984—, т. 1, с. 345.
[42] *Schlesinger A. M., Jr.* The Age of Roosevelt: Vol. 1—3. Boston, 1957—1960, vol. 3, p. 199.

ся мир и сотрудничество со всеми странами независимо от политического и социального устройства»[43].

Реакционные элементы всячески старались помешать развитию советско-американских отношений. Сигналом для их активизации стало официальное заявление госдепартамента в начале 1935 г. о разрыве переговоров по спорным финансово-экономическим вопросам. Вслед за этим поднялась реакционная волна, которая, как сообщало советское посольство в НКИД СССР, «оказывает непосредственное влияние на наши отношения с США. Вражда к коммунизму и социализму неизбежно выливается во вражду к нам...»[44]. В палату представителей и сенат конгресса США были внесены резолюции о разрыве отношений с СССР[45]. Антисоветская кампания усилилась в связи с выпадом У. Буллита против решений Коммунистического Интернационала, причем делались попытки придать ей международный масштаб. По поводу одного из антисоветских материалов, появившегося в печати реакционного издателя Херста, советское посольство в Вашингтоне вынуждено было заявить госдепартаменту устный протест[46].

Однако постепенно эта кампания пошла на убыль. В мае 1936 г. советское посольство в сообщении для НКИД СССР, содержавшем анализ американской прессы, указывало на обстановку «*несомненного роста интереса к СССР* в очень широких кругах американского населения». Эта оценка была подтверждена в связи с откликами на публикацию новой Конституции СССР[47]. Показательно, что, несмотря на усилия консервативного руководства АФТ, «Американского легиона» и таких конгрессменов, как Г. Фиш, провалились попытки поставить на съезде республиканской партии в Кливленде в июне 1936 г. «советский вопрос» и включить в предвыборную платформу республиканцев обязательство разорвать отношения с СССР. После президентских выборов в ноябре 1936 г., прошедших под знаком полевения масс и политизации рабочего движения, посольство сообщало в Москву: «Пока что обстановка для нас благоприятная. Фашистские государства здесь не популярны, и если явных симпатий к нам нет, то можно все-таки ожидать, что выбор будет сделан в нашу пользу»[48]. Но как раз такая перспектива и пугала правые элементы. Католический профессор М. Хилленбранд в статье «Будет ли Москва нашим союзником в случае войны?», появившейся в журнале «Америка» в июле 1937 г., с порога отвергал саму мысль об американской помощи Советскому Союзу, как представляющему «наибольшую угрозу для цивилизации и католицизма в современном мире»[49].

Формирование верных представлений о Советском Союзе наталкивалось на многие трудности, среди которых было отсутствие достаточной информации[50]. Определенному восполнению этого пробела способствовало издание в США журнала «Совьет Раша тудей» («Советская Россия сегодня») ежемесячным тиражом в 50 тыс. экземпляров. Этой же цели содействовали двусторонние культурные и научно-технические свя-

[43] The Soviet Union and World Problems / Ed. by S. N. Harper. Chicago, 1935, p. 19—20.
[44] ДВП СССР, т. 18, с. 68.
[45] Congressional Record, vol. 79, pt 1, p. 58, 790.
[46] ДВП СССР, т. 18, с. 400, 404.
[47] Там же, т. 19, с. 274—275, 327.
[48] Там же, с. 625.
[49] Цит. по: *Jonas M.* Isolationism in America, 1935—1941. Ithaca, 1966, p. 113.
[50] *Lovenstein M.* American Opinion of Soviet Russia. Wash., 1941, p. 164.

зи. В США демонстрировались советские фильмы, устраивались советские выставки, концерты, велись музыкальные передачи из Москвы. В 1937 г. с участием таких представителей науки и культуры, как А. Эйнштейн, Т. Драйзер, П. Робсон, в крупнейших американских городах прошли мероприятия в связи со 100-летием со дня смерти А. С. Пушкина.

Добрые чувства к СССР проявились во время работ в 1934 г. по спасению челюскинцев со стороны Американского материка, встреч экипажей В. П. Чкалова и М. М. Громова, совершивших первыми беспосадочные перелеты из СССР в США через Северный полюс летом 1937 г. Руководители экспедиции челюскинцев О. Ю. Шмидт и Г. А. Ушаков, экипаж В. П. Чкалова были приняты президентом Ф. Рузвельтом и другими официальными лицами.

3. ЗАКОН О НЕЙТРАЛИТЕТЕ

Принятию законодательства о нейтралитете США, действовавшего в 1935—1941 гг., предшествовала длительная идейная борьба. Этому немало способствовала историко-публицистическая литература, получившая распространение на почве всеобщего разочарования итогами первой мировой империалистической войны [51]. В так называемой ревизионистской литературе опровергались официозные версии причин вступления США в мировую войну, причем больше всего сторонников нашел тезис авторов-ревизионистов (историки С. Фей и Б. Шмит, социолог Г. Барнс, журналист У. Миллис и др.) об ответственности за вовлечение страны в войну торгово-финансовых кругов, преследовавших корыстные цели.

В борьбе мнений принял участие Ч. Бирд — наиболее известный американский историк первой половины XX в., который в двух работах, опубликованных в 1934 г., изложил свою концепцию национального интереса США [52]. Итогом исследования явилась его рекомендация о том, как уберечься от войны. Считая причинами вовлечения США в первую мировую войну то, что они настаивали на правах нейтрала и на праве продажи сырья и вооружения воюющим странам, Бирд предлагал «установить позитивные ограничения на эти права посредством законодательства» [53]. Заранее и определенным образом ограничив частные интересы, страна, по Бирду, получила бы возможность решать вопрос о войне и мире исходя из общественных интересов. Книги Бирда получили широкий отклик, а президент Рузвельт, по сведениям, ставшим достоянием гласности, решил руководствоваться рекомендациями автора [54].

Принятие законодательства о нейтралитете, как первоначально полагали многие демократические и либеральные элементы, должно было уменьшить вероятность вовлечения в войну, не затрагивающую интересы нации в целом. В этом смысле упор на приоритет национальных интере-

---

[51] *Cohen W. J.* American Revisionists: The Lessons of Intervention in World War I. Chicago; London, 1967.

[52] *Beard Ch. A.* The Idea of National Interest: Analytical Study in American Foreign Policy. N. Y., 1934; *Idem.* The Open Door at Home: a Trial Philosophy of National Interest. N. Y., 1934.

[53] *Beard Ch. A.* The Open Door at Home, p. 286.

[54] См. рецензию С. Бимиса на книгу Ч. Бирда «Открытые двери дома» в критико-библиографическом разделе журнала: American Historical Review, 1935, Apr., p. 543.

сов имел, конечно, положительное значение. Однако в условиях, когда в Европе и на Дальнем Востоке уже существовали очаги новой мировой войны и началось наступление фашизма, становилось все очевиднее, что именно национальные интересы США требовали их участия в создании системы коллективной безопасности, как это и предлагал Советский Союз. Уберечься от войны можно было только в том случае, если бы удалось помешать ее возникновению где-либо в мире. Нейтралитет же вел к обособлению США, тогда как для предотвращения войны как раз требовались общие, коллективные усилия.

В 30-е годы кризис и обострившаяся классовая борьба привели к усилению антимонополистических настроений масс, что нашло выражение в общенациональной кампании за «изъятие прибылей от войны». Под давлением общественности в апреле 1934 г. была создана комиссия сената под председательством Дж. Ная для расследования деятельности американских производителей и торговцев оружием [55]. Как вспоминал с нескрываемым раздражением Хэлл, «комиссия нашла страну жаждущей разоблачений, направленных против крупных банкиров и фабрикантов оружия» [56]. В ходе публичных слушаний в комиссии, опросившей до 200 свидетелей, было документально подтверждено, что банкирский «дом Морганов» и другие финансисты, которые предоставляли Англии и Франции крупные займы и кредиты, оказались более чем заинтересованными в участии США в первой мировой войне на стороне Антанты.

Члены комиссии внесли свою лепту в принятие законодательства о нейтралитете, подготовив несколько резолюций: о запрете предоставлять частные американские займы государствам — участникам войны, о запрете американским гражданам права плавать в зоне военных действий (что должно было предотвратить такие дипломатические осложнения, какие последовали за гибелью «Лузитании» в 1915 г.) и, наконец, об эмбарго (запрете) на экспорт оружия в воюющие страны с тем, чтобы не допустить перевозку оружия на американских судах, а тем самым и нападения на них. Госдепартамент отнесся к этим предложениям отрицательно, но, уступая требованию общественности о введении контроля над торговлей оружием, поддержал резолюцию, предусматривавшую «регулирование» такой торговли путем регистрации и выдачи лицензий.

Указанные резолюции продолжили предпринимавшиеся в конгрессе по окончании первой мировой войны попытки учесть опыт американского нейтралитета в этой войне. Так, в развитие Пакта против войны 1928 г., запрещавшего войну в качестве орудия национальной политики, вносились резолюции, предусматривавшие эмбарго на экспорт американского оружия странам — нарушителям пакта [57]. Их обсуждение положило начало непосредственной политической борьбе вокруг вопроса об эмбарго на экспорт оружия — главного пункта в законодательстве о нейтралитете 30-х годов.

В условиях нарастания международной напряженности широкая общественность проявляла усиливающийся интерес к вопросам нейтралитета. Формула нейтралитета казалась американцам отвечающей традициям изоляционизма: «Мы не вмешиваемся в дела Европы, а европей-

---

[55] Подробнее см.: *Наджафов Д. Г.* Народ США — против войны и фашизма (1933—1939). М., 1969, с. 53—67.
[56] The Memoirs of Cordell Hull: Vol. 1, 2. N. Y., 1948, vol. 1, p. 399.
[57] *Atwater E.* American Regulation of Arms Exports. Wash., 1941, p. 176—192.

цы — в наши». Многие полагали, что своим нейтралитетом США будут содействовать локализации назревавших конфликтов. Были и такие, кто надеялся просто отгородиться от внешнего мира. Большинство сходилось на том, что американский нейтралитет явится позитивным фактором в международных отношениях. К лету 1935 г., после введения в гитлеровской Германии в нарушение Версальского договора всеобщей воинской повинности и открытой подготовки фашистской Италии к нападению на Эфиопию, дискуссия вокруг нейтралитета усилилась. В конгресс было внесено до двух десятков законопроектов о нейтралитете, которые предусматривали то или иное ограничение экспорта американского оружия в воюющие страны. Среди них были и упомянутые резолюции, внесенные в мае-апреле в сенат членами комиссии Ная (аналогичные предложения вносились в палату представителей).

Как при принятии закона о нейтралитете в 1935 г., так и в последующем конгрессмены — члены палаты представителей и особенно сенаторы были склонны противодействовать правительству в рамках традиционного для американской политической системы соперничества между исполнительной и законодательной органами власти за контроль над внешней политикой. В годы президентства Рузвельта это соперничество получило выражение в борьбе между интернационалистским правительством и изоляционистским конгрессом, прежде всего сенатом, в котором для одобрения международных договоров требуется большинство в $^2/_3$ голосов. Следует подчеркнуть, что борьба в правящих кругах не затрагивала стратегических, долгосрочных целей внешней политики США, заключавшихся в стремлении обеспечить собственное возвышение в мире. В этом плане и следует рассматривать различные проявления «двухпартийной» внешней политики, т. е. практики сотрудничества преимущественно изоляционистской республиканской партии с преимущественно интернационалистской демократической партией.

Еще одной причиной, побуждавшей правительство и конгресс действовать сообща, были серьезнейшие внутренние социально-экономические потрясения. Их сотрудничество, четко прослеживаемое в 1933—1934 гг., ослабело с некоторым полевением «нового курса» с 1935 г., но стало укрепляться по мере роста угрозы интересам США со стороны Германии и Японии, соединившихся в агрессивном фашистско-милитаристском блоке.

Первая сессия 74-го конгресса, принявшая к концу своей работы законопроект о нейтралитете, была весьма напряженной. Именно этот состав конгресса одобрил такие важнейшие законы «нового курса», как закон Вагнера, закон о социальном обеспечении и другие, принятые под давлением снизу. Нерешенность все еще острых внутренних проблем страны укрепляла президента во мнении, что поиски путей их решения должны оставаться на первом месте. Сторонники принятия законодательства о нейтралитете в конгрессе стали проявлять активность начиная с весны 1935 г. Госдепартамент готовил свой законопроект о нейтралитете, основанный на идеях бывшего помощника министра юстиции США Ч. Уоррена, в обязанности которого в годы первой мировой войны входило наблюдение за выполнением американских законов о нейтралитете [58]. Ссылаясь на неотвратимость нарушений нейтральных прав США

---

[58] *Warren Ch. B.* Troubles of a Neutral.— Foreign Affairs, 1934, Apr., p. 377—394.

в случае войны между другими странами, Уоррен, подобно изоляционистам, предлагал свести до минимума внешнеэкономические связи.

До летних каникул конгресса оставалось всего несколько дней, когда Най и члены его комиссии, используя тревожные сообщения о близости итало-эфиопской войны, потребовали срочного принятия законодательства о нейтралитете. В случае отказа они угрожали, что своим флибустьерством (обструкцией) затянут сессию конгресса. Демократы, располагавшие большинством в обеих палатах, и не думали сопротивляться. Их уступчивость объяснялась тем, что правительство, в котором не было единства в подходе к законодательству о нейтралитете, добровольно отдало инициативу изоляционистам. Президент Рузвельт и государственный секретарь Хэлл, предпочитавшие дискреционное законодательство, т. е. такое, которое можно было применить против одной из воюющих сторон, не проявили никакой активности, чтобы добиться этого. В частности, они отвергли предложение специально прибывших в Вашингтон представителей антивоенного движения открыто заявить о готовности применить эмбарго против агрессора [59].

Доводы изоляционистов находили отклик в стране. Требование устранить причины, по которым монополии оказались заинтересованными в торговле с воюющими странами в первой мировой войне, пользовалось широкой популярностью. В итоге изоляционисты не встретили сильной оппозиции, как они того опасались.

20 августа сенатор Дж. Най, а также сенаторы-республиканцы Дж. Норрис и Р. Лафоллетт выступили в конгрессе с длинными речами о близости войны в Европе и необходимости американского нейтралитета. Изоляционисты добивались, чтобы резолюция сената о нейтралитете предусматривала применение в случае войны мандатного (обязательного) эмбарго на экспорт оружия из США, а также запрещения плавания американцев на судах воюющих стран.

На следующий день резолюция была принята сенатом почти без дебатов и без всяких возражений [60]. К упомянутым двум положениям было добавлено третье — об учреждении особого органа для надзора над экспортом оружия из США. Основным в принятой сенатом резолюции было отстаиваемое изоляционистами положение о «мандатном» эмбарго, которое не проводило различия между воюющими сторонами, что могло привести к ситуации, когда его применение оказалось бы в противоречии с интересами самих США. Поэтому правительство Ф. Рузвельта не хотело бы ограничивать себя специальным законодательством, но не было готово бороться за дискреционное эмбарго. И Рузвельт, и Хэлл склонялись к отсрочке принятия какого-либо решения до начала следующей сессии конгресса в январе 1936 г.

Неожиданное для правительства принятие сенатом изоляционистской резолюции о нейтралитете изменило положение. Интернационалисты в правительстве и конгрессе оказались перед выбором: либо выступить открыто за дискреционное эмбарго, чего они избегали до этого, либо искать компромисса с изоляционистами. Они избрали второе. Рузвельт согласился с сенатской резолюцией при условии ограничения действия положения об эмбарго шестью месяцами. С этой поправкой резолюция была

---

[59] *Divine R. A.* Illusion of Neutrality. Chicago, 1962, p. 107—111.

[60] Congressional Record, vol. 79, pt 13, p. 13956.

принята палатой представителей 23 августа при полном единодушии конгрессменов. На следующий день измененную резолюцию одобрил и сенат (при двух против). Хотя интернационалисты и добились ограничения срока действия положения об эмбарго, его принятием был установлен прецедент, что имело гораздо большее значение.

Пороки законодательства о нейтралитете, ставящего в неравное положение жертву агрессии, были очевидны даже для принимавших его законодателей. Член палаты представителей республиканец Дж. Уодсворт охарактеризовал принятие законопроекта как «явное приглашение великой и могущественной державы напасть на слабую...». Сенатор-республиканец Х. Джонсон признал, что нейтралитет не является гарантией неучастия США в войне, назвав его принятие конгрессом «триумфом для так называемых изоляционистов» и «ниспровержением интернационалистов». Сенатор-демократ Т. Коннэлли заявил, что отныне «провозглашается, что Соединенные Штаты будут на стороне сильного и могущественного против слабого, неподготовленного и беззащитного» [61].

Тем более понятна тревога, охватившая передовую часть общественности. 27 августа лидеры основных антивоенных организаций направили Рузвельту телеграмму, призывая того заявить, что законодательство о нейтралитете не отразится на американской решимости защитить Пакт против войны 1928 г. Это обращение отражало понимание, что подлинный путь к миру лежит через его активную защиту, через участие США в системе коллективной безопасности.

31 августа 1935 г. Рузвельт подписал закон о нейтралитете, признав, что его «негибкие положения могут вовлечь нас в войну, вместо того чтобы удержать от нее» [62]. Однако сомнения президента не означали, что он не одобрял «общую цель» нового законодательства [63]. По крайней мере до середины 1937 г. Рузвельт считал его вполне приемлемым.

Главной в законе была статья 1. Она предусматривала, что «с началом войны между двумя или более государствами или в ходе ее президент объявляет об этом факте, после чего запрещается экспорт оружия, боеприпасов или военного снаряжения из любого пункта в Соединенных Штатах или их владений в любой порт воюющих государств или в любой нейтральный порт для транспортировки в воюющее государство или для его использования» [64]. За нарушение эмбарго на экспорт американского вооружения в воюющие страны предусматривался штраф до 10 тыс. долл. или тюремное заключение до пяти лет, или и то и другое одновременно.

Другие статьи закона запрещали перевозку оружия для воюющих стран на американских судах, предусматривали учреждение Национального совета по контролю над производством и торговлей оружием (с системой регистрации и лицензирования). Американские граждане могли плавать на судах воюющих стран только на собственный страх и риск. За президентом было оставлено право вводить в силу закон о нейтралитете. Кроме того, ограничение действия статьи об эмбарго на экспорт оружия шестью месяцами придавало всему законодательству временный характер, оставляя правительству возможности для маневрирования.

[61] Ibid., p. 14358, 14430, 14433.
[62] Peace and War, p. 272.
[63] *Langer W. L., Gleason S. E.* The Challenge to Isolation, p. 16.
[64] Neutrality Laws / Compl. E. A. Lewis. Wash., 1951, p. 1.

Однако в последующем закон о нейтралитете был продлен, затем расширен, а еще позже превращен в постоянный. Это говорит о том, что предвоенный американский нейтралитет вполне отвечал двум давним взаимосвязанным целям империалистической внешней политики США: сохранить за собой «свободу рук» при принятии окончательных решений и способствовать созданию таких условий, при которых им был бы обеспечен решающий голос при любом «урегулировании».

Нейтралитет, публично провозглашенный в момент, когда существовала реальная возможность общими усилиями государств остановить начавшееся широкое наступление агрессоров, означал отказ правящих кругов США от международного сотрудничества во имя мира. Более того, законы о нейтралитете, признается в американской историографии, «способствовали тому, чтобы сделать войну еще более неизбежной. Руководители стран «оси», люди, не отличавшиеся осторожностью и благоразумием, без труда убедили себя, что Соединенные Штаты останутся в стороне в то время, как они будут перекраивать карты Европы и Азии» [65]. Таким образом, американский нейтралитет прямо содействовал развязыванию мировой войны фашизмом.

Империалистическая сущность политики нейтралитета США со всей очевидностью проявилась во время итало-эфиопской войны. Итальянский агрессор, напавший 3 октября 1935 г. на беззащитную африканскую страну, войны не объявлял. Но уже через два дня США ввели в действие закон о нейтралитете [66]. Два года спустя, во время японо-китайской войны, которая тоже не была официально объявлена, США, используя этот формально-юридический момент, отказались от применения этого закона. Отсюда видно, что законодательство о нейтралитете применялось как средство для достижения собственных, корыстных целей США.

Из великих держав только Советский Союз занимал позицию непримиримого отношения к итальянской агрессии. Еще до ее начала представитель СССР в Лиге наций настаивал на том, чтобы «не останавливаться ни перед какими усилиями и средствами» для предотвращения агрессии [67]. Когда же война стала свершившимся фактом, Советский Союз последовательно выступал за самые строгие и полные всеобщие санкции против агрессора. Советское правительство исходило из того, что эффективное противодействие итальянскому агрессору не только спасло бы его жертву, но и послужило бы серьезным предостережением для других потенциальных агрессоров [68].

Однако Англия и Франция, которых, казалось бы, итальянская экспансия в Африке особенно задевала, предпочли прибегнуть к «умиротворению» Италии (соглашение Хора—Лаваля от 8 декабря 1935 г.), чем надеялись не только отвести от себя угрозу войны, удовлетворив притязания агрессора за счет Эфиопии, но и спасти режим Муссолини, который мог пасть в случае итальянского поражения. Подрыв неустойчивого европейского равновесия повышал вес и значение позиции США, чье

---

[65] *Adler S.* The Isolationist Impulse. It's Twentieth Century Reaction. N. Y., 1957, p. 265.
[66] Peace and War, p. 283.
[67] ДВП СССР, т. 18, с. 496.
[68] *Сиполс В. Я.* Внешняя политика Советского Союза, 1933—1935. М., 1980, с. 367—376.

влияние могло побудить к действиям французских и английских руководителей.

Но провозглашением нейтралитета США «умыли руки» в самый ответственный момент, и это было к очевидной выгоде агрессора [69]. Американский нейтралитет укрепил позицию Италии и ослабил ее противников, а также Лигу наций. Еще одним следствием политики США было то, что они на весь предвоенный период связали свой «нейтралитет» с англо-французским «невмешательством». Этот общий курс трех крупнейших западных держав, вошедший в историю как «мюнхенский», во многом предопределил провал попыток остановить агрессоров.

После итальянского нападения на Эфиопию члены Лиги наций постановили ввести против Италии экономические санкции в соответствии со статьей XVI Устава этой организации. Однако перечень товаров, запрещенных для продажи Италии, не включал нефти — основного стратегического материала, в котором больше всего нуждался агрессор. Судьба санкций во многом зависела от позиции США — в то время главного в мире поставщика нефти. Между тем продажа Италии американской нефти и других стратегических материалов (меди, железного лома, грузовиков, тракторов) не только не уменьшилась, но даже возросла. Только за 11 месяцев 1935 г. экспорт американской нефти в африканские колонии Италии увеличился в стоимостном выражении с 4,5 тыс. до 672 тыс. долл.[70] Поставки продолжались, несмотря на «моральное эмбарго» правительства, призвавшего предпринимателей не расширять торговлю с воюющими сторонами.

Позиция западных держав во главе с Великобританией и Францией предопределила конечную неудачу санкций Лиги наций. Как и во время захвата Японией Маньчжурии, была упущена возможность коллективных действий против агрессора. Крайне отрицательную роль в этом сыграла и политика нейтралитета США, означавшая фактическое содействие итальянской агрессии. Все это свидетельствовало о том, что в середине 30-х годов идея коллективной безопасности не имела необходимой поддержки со стороны правящих кругов США.

Продолжавшаяся в правящих кругах борьба между интернационалистами и изоляционистами за определение внешнеполитического курса, главной ареной которой был конгресс, свидетельствовала, что и те и другие преследовали общую цель — обеспечение наилучших условий для расширения американских позиций в мире. Расходились же они в способах и методах достижения этой цели. Интернационалистами, помимо Рузвельта, были члены его кабинета Г. Моргентау и Г. Икес, чиновники госдепартамента Дж. Мессерсмит, Н. Дэвис, Г. Фейс, послы Дж. Дэвис, У. Додд, К. Бауэрс, бывший госсекретарь республиканец Г. Стимсон и др. Государственный секретарь Хэлл, также считавшийся интернационалистом, проявлял частые колебания. Среди конгрессменов-интернационалистов не было ярких фигур. В сенате их номинально возглавлял председатель комиссии сената по внешним сношениям в 1933—1940 гг. К. Питтмэн (демократ, штат Невада), политик, «предпочитавший маневрирование и манипуляции фронтальным атакам» [71]. Интернационалиста-

[69] *Вобликов Д. Р.* Эфиопия в борьбе за сохранение независимости, 1860—1960. М., 1961, с. 72—73.
[70] Nation, 1936, Febr. 19, p. 206.
[71] Mississippi Valley Historical Review, 1960, Mar., p. 646.

ми были члены комитета по внешним сношениям сенаторы-демократы Дж. Робинсон, Т. Коннэлли, Р. Вагнер. В палате представителей роль лидера интернационалистов принадлежала председателю комитета по иностранным делам демократу С. Макрейнолдсу.

Изоляционисты, занимавшие сильные позиции в госдепартаменте (Р. Мур, Дж. Моффат и др.), наибольшую активность проявляли в конгрессе. Из двух изоляционистских группировок в сенате одну возглавляли У. Бора и Х. Джонсон, старейшие и влиятельные сенаторы, принадлежавшие к левому крылу республиканской партии. Группа Бора—Джонсона, считавшая Европу неизлечимо больной, призывала сконцентрировать внимание на внутренних американских проблемах. Она не отказывалась от защиты международных позиций США, но считала необходимым использовать для этого статус нейтрального государства, чтобы избежать вовлечения в войну. Другую группу возглавляли сенаторы-республиканцы Дж. Най, А. Ванденберг и сенатор-демократ Б. Кларк, которые разделяли мнение о нецелесообразности активного участия в европейских делах и о невовлечении в войну. Но если первая группа настаивала на сохранении за США всех прав нейтрала в случае войны между другими странами, в особенности в вопросе внешней торговли, то вторая готова была отказаться от этих прав. В палате представителей изоляционистами были демократ М. Маверик, республиканец Г. Фиш и некоторые другие.

В лагери изоляционистов и их противников — интернационалистов вне стен конгресса входили разнородные силы. К изоляционистам относились «экономические националисты» (Р. Моли), «континенталисты» (историк Ч. Бирд, публицист Х. Грэттен, экономист С. Чейз), антиимпериалисты (писатель Т. Драйзер, социалист Н. Томас), пацифисты (А. Дж. Маст, Ф. Либби), нейтралисты (юрист Дж. Мур, часть профсоюзных деятелей, редакторы либерального журнала «Нью рипаблик»), консерваторы (бывший президент США Г. Гувер, полковник Ч. Линдберг, газетный магнат У. Р. Херст). Понятно, что столь разные социальные элементы не могли быть едины ни в организационном, ни в идейно-политическом плане. Даже в общие для них исходные изоляционистские постулаты — «невовлечение» в дела Европы и неучастие в «иностранных» войнах — они вкладывали неодинаковое содержание. Для искренних изоляционистов, таких, как писатель Т. Драйзер, это были принципы, которые следовало положить в основу американской внешней политики. Для реакционеров (Г. Гувер, У. Херст) изоляционизм был средством поощрения агрессии фашизма и подготовки наилучших условий для американского вмешательства в «решающий момент».

Лагерь интернационалистов был не менее пестрым. Действительно, что могло быть общего между коммунистами, интернационалистами в прямом смысле этого слова, которые призывали к участию США в коллективном отпоре фашизму, и «интернационалистами» типа издателя-миллионера Г. Люса, считавшего активное участие США в международных делах, включая европейские, залогом успешной защиты интересов монополий? В лучшем случае — одобрение тех антияпонских или антигерманских акций правительства Рузвельта, которые были неизбежны в условиях нарастания противоречий США с державами «оси». Такими акциями можно считать дипломатическое признание СССР, публичное осуждение фашизма Рузвельтом и либеральными членами его кабинета,

линию на ограничение торговли с гитлеровской Германией и т. п. Помимо большей части антивоенного движения, за противодействие агрессорам стояли многие представители профсоюзов, интеллигенции, часть деловых кругов.

Однако правительство и не стремилось к проведению подлинно интернационалистской политики. Согласно программному заявлению Хэлла, относящемуся к более позднему периоду, правительство желало «избежать крайностей как интернационализма, так и изоляционизма... чтобы служить нашим национальным интересам» [72]. США так и не смогли удовлетворительно разрешить дилемму 30-х годов: отстаивать свои интересы посредством международного сотрудничества или придерживаться изоляции. Американский нейтралитет можно охарактеризовать как стратегию выжидания, способствовавшую развязыванию второй мировой войны и не отвечавшую подлинным национальным интересам США.

4. «УМИРОТВОРЕНИЕ» АГРЕССОРОВ

В феврале 1936 г., когда итальянская агрессия против Эфиопии еще продолжалась, конгресс вновь рассматривал вопрос о нейтралитете. Это было вызвано истечением 6-месячного срока действия эмбарго на экспорт оружия. Правительство не проявило никакого стремления к отмене или принципиальному изменению закона о нейтралитете, как того требовала значительная часть общественности. Председатели комитетов по иностранным делам палат конгресса К. Питтмэн и С. Макрейнолдс, через которых оно действовало, внесли соответственно в сенат и палату представителей идентичные резолюции с проектом нового закона. Такой билль, писал К. Хэлл в мемуарах, «был основан на варианте, подготовленном в государственном департаменте. В нем не делалось никакой попытки расширить дискреционную власть президента в применении эмбарго на оружие» [73]. Единственное, что предлагало правительство,— это сохранение поставок стратегического сырья в воюющие страны на уровне, достигнутом перед войной. Такая позиция была на руку изоляционистам.

После непродолжительной борьбы в конгрессе было решено продлить действие статьи об эмбарго до 1 мая 1937 г. и внести в закон три поправки: о запрещении займов и кредитов воюющим странам; об обязательном распространении эмбарго на страны, оказавшиеся вовлеченными в уже ведущуюся войну; об изъятии из-под действия закона латиноамериканских стран в случае нападения на них неамериканского государства [74].

Закон о нейтралитете был таким образом продлен, несмотря на то, что его применение в итало-эфиопской войне способствовало развенчанию нейтралитета как пути к миру. Плодами нейтралитета США воспользовалась не только фашистская Италия. Нацистская Германия и милитаристская Япония, планируя свою агрессию, могли не опасаться активного противодействия с их стороны. Вопреки надеждам демокра-

---

[72] Press Releases, 1938, Apr. 9, p. 451. Это заявление было сделано с ведома и одобрения Рузвельта. См.: *Pratt J. W.* Cordell Hull, 1933—44: Vol. 1, 2. N. Y., 1964, vol. 1, p. 287.

[73] The Memoirs of Cordell Hull, vol. 1, p. 463.

[74] Neutrality Laws, p. 6—7.

тически настроенной общественности нейтралитет не препятствовал, а способствовал войнам за пределами Америки.

Однако американская внешняя политика продолжалась в уже очерченных рамках. Тем более что с вступлением США летом того же года в период президентской избирательной кампании внутренние проблемы отодвинули назад международные вопросы. Внешнеполитический раздел предвыборной платформы демократической партии, повторно выдвинувшей кандидатуру Рузвельта, апеллировал к антивоенным и антиимпериалистическим настроениям масс. В нем содержалось обещание расширить политику «доброго соседа», подтверждалась приверженность Пакту против войны 1928 г. И далее: «Мы будем продолжать соблюдать подлинный нейтралитет в конфликтах между другими странами; решительно противодействовать агрессии против нас самих; работать для дела мира и изъять прибыли от войны; остерегаться вовлечения через политические обстоятельства, международное банковское дело или частную торговлю в любую войну, где бы она ни происходила» [75].

Намерение расширить внешнюю торговлю путем снижения торговых барьеров сопровождалось обязательством защитить внутренний рынок от «нечестной конкуренции» и демпинга иностранных товаров. По признанию Хэлла, ссылка на нейтралитет была в «прямом противоречии» с интересами содействия сохранению международного мира [76].

Избирательная платформа республиканской партии делала больший упор на «традиционную внешнюю политику Америки», выступая против членства в Лиге наций и вообще против любых союзов, могущих вовлечь в «иностранные дела». Еще более изоляционистской позиции придерживалась «Союзная партия», которая вообще была против «вовлечения в иностранные дела» в любой форме.

Рузвельт следовал гибкой линии. Он заверял американцев, что сделает все, чтобы уберечь страну от войны, и одновременно осуждал тех, кто, попирая «простые принципы чести», нарушает не только дух, но и букву международных соглашений, подписанных Соединенными Штатами: «Мы не являемся изоляционистами, исключая того, что мы стремимся полностью изолировать себя от войны». Он также обещал, что «ни одна акция Соединенных Штатов не будет содействовать возникновению или продолжению войны» [77]. Но именно этому обещанию, как показала итало-эфиопская война, не отвечал американский нейтралитет. Тем не менее провозглашение стремления к миру наряду с осуждением агрессии фашизма способствовало убедительной победе Рузвельта 3 ноября 1936 г. Итоги выборов встретили положительный отклик в Англии и Франции, тогда как руководители нацистской Германии и фашистской Италии, опасавшиеся того, что «президент может сплотить все американские государства и противопоставить их фашистской Европе», были разочарованы [78].

Еще до переизбрания Рузвельта в Испании против правительства Народного фронта вспыхнул военно-фашистский мятеж, тут же поддержанный фашистскими диктаторами в Берлине и Риме. Официальная линия

---

75 Documents of American History / Ed. by H. S. Commager. N. Y., 1945, p. 541.
76 The Memoirs of Cordell Hull, vol. 1, p. 486.
77 The Public Papers and Addresses of Franklin D. Roosevelt, 1936 vol., p. 288—289.
78 Дневник посла Додда, 1933—1938. М., 1961, с. 453—454.

США в испанских событиях 1936—1939 гг. вырабатывалась с учетом позиции Великобритании и Франции, по инициативе которых 27 европейских стран заключили Соглашение о невмешательстве. 11 августа 1936 г. госдепартамент опубликовал циркуляр, в котором со ссылкой на закон о нейтралитете заявлялось о решении правительства «строго воздерживаться от вмешательства в злополучную испанскую ситуацию» и содержался призыв к американским гражданам «соблюдать» эту политику [79]. Провозглашенное без санкции распущенного на каникулы конгресса фактическое эмбарго на экспорт оружия в Испанию подтвердило поддержку правительством основных принципов законодательства о нейтралитете.

Американские экспортеры оружия охотно последовали этому призыву правительства. Однако воспользовавшись обращением одной из компаний за лицензиями на экспорт авиационных товаров в Испанию, отказать которой у госдепартамента не было юридических оснований, правительство решило формально распространить закон о нейтралитете на испанскую войну. Такое предложение содержалось в традиционном президентском послании о положении страны, зачитанном Рузвельтом на совместном заседании палат конгресса 6 января 1937 г.

Принятие резолюции, объявившей «незаконным экспорт оружия, боеприпасов и средств войны из любого места Соединенных Штатов и их владений в Испанию» [80], стало первым законодательным актом 75-го конгресса. В сенате за резолюцию голосовали все присутствовавшие его члены, в палате представителей против голосовал лишь член Фермерско-рабочей партии Миннесоты Дж. Бернард. 8 января с подписанием резолюции президентом она приобрела силу закона.

Своим эмбарго на экспорт оружия в Испанию США пошли на прямое нарушение международного права, лишив законное правительство оружия для самозащиты. Вот почему эмбарго было встречено с нескрываемым удовлетворением как испанскими мятежниками, так и их фашистскими покровителями. Эту политику тогдашний американский посол в республиканской Испании К. Бауэрс назвал «сотрудничеством с державами „оси" в войне за уничтожение демократии в Испании» [81].

Пример Советского Союза показывал, что проведение иной политики было вполне возможным. СССР, желая помешать итало-германской интервенции против Испанской республики, сперва присоединился к Соглашению о невмешательстве в испанские дела. Но когда обнаружилось, что Италия и Германия, заявившие о поддержке соглашения, продолжают снабжать мятежников оружием и даже переправляют на контролируемую Франко территорию свои войска, Советский Союз вышел из лондонского Комитета по невмешательству и стал оказывать республиканской Испании разнообразную помощь, включая оружием. США же так и не отошли от своего «нейтралитета» в испанских делах, который сыграл такую же неприглядную роль, как и англо-французское «невмешательство».

Однако многие американцы с самого начала гражданской войны в Испании сделали выбор, встав на сторону испанской демократии. Писатель Л. Стеффенс, один из «разгребателей грязи», в предсмертной ста-

---

[79] FRUS, Diplomatic Papers, 1936: Vol. 1—5. Wash., 1953—1954, vol. 2, p. 471.
[80] Congressional Record, vol. 81, pt 1, p. 75.
[81] *Bowers C. G.* My Mission to Spain: Watching the Rehearsal for World War II. N. Y., 1954, p. 326.

тье завещал: «...мы, американцы, должны помнить, что нам придется вести такой же бой с фашистами» [82].

Вопреки официальному нейтралитету в стране развернулось и быстро набрало силу массовое движение солидарности с испанской демократией. Был создан ряд организаций помощи испанским республиканцам, крупнейшей из которых являлся Североамериканский комитет помощи испанской демократии. Только через этот комитет с сентября 1936 г. по январь 1937 г. было собрано различных пожертвований на сумму 1305 тыс. долл.[83]

Наиболее ярким выражением антифашистской солидарности явилось вступление американских граждан-добровольцев в республиканскую армию. Инициатором и организатором отправки добровольцев была Коммунистическая партия США. Всего в Испании было до 3800 американских добровольцев, представлявших различные социальные слои; половина из них отдали свою жизнь за дело свободы и демократии. С распространением действия закона о нейтралитете на Испанию власти усилили меры против отправки добровольцев. Уже 11 января 1937 г. госдепартамент объявил все паспорта «недействительными для Испании». Делами добровольцев занялось ФБР. Американцы, находившиеся в Испании, были лишены гражданства США. Однако попытки властей парализовать движение помощи испанскому народу не увенчались успехом. Под давлением общественности в марте 1937 г. госдепартамент вынужден был разрешить выдачу паспортов лицам, направлявшимся в Испанию для оказания медицинской помощи [84]. Изменена была также внесенная в конгресс резолюция Макрейнолдса с тем, чтобы разрешить сбор средств для оказания гуманитарной помощи Испании.

Война в Испании и вызванные ею международные осложнения способствовали раскрытию негативных последствий американского нейтралитета для всеобщего мира. Хотя и выяснилось, что США не в состоянии относиться безучастно к событиям за рубежом и что нейтралитет может лишь увеличить опасность вовлечения в войну, они так и не отказались от своей политики фактического поощрения итало-германской интервенции. В конечном счете правящие круги США руководствовались классовыми мотивами, опасаясь более всего сохранения и упрочения строя Народного фронта в Испании.

Весной 1937 г. истекал срок действия закона о нейтралитете, впервые принятого в августе 1935 г. и продленного в феврале 1936 г. В конгресс были внесены новые законопроекты о нейтралитете, в том числе одобренные госдепартаментом резолюции Питтмэна (в сенат) и Макрейнолдса (в палату представителей). Они мало отличались от действовавшего закона. Но поскольку сама проблема нейтралитета обострилась, вокруг них развернулись, особенно вне правительства и конгресса, споры и полемика. Резче звучала критика политики нейтралитета, о чем свидетельствовали публичные слушания в комитете по иностранным делам палаты представителей во второй половине февраля 1937 г.

Несмотря на растущее в стране недовольство, ни правительство, ни конгресс не проявляли стремления к пересмотру внешнеполитического курса. В начале марта сенат 63 голосами против 6 (У. Бора, Х. Джонсон

---

[82] *Стеффенс Л.* Разгребатели грязи. М., 1949, с. 15.
[83] Daily Worker, 1937, Febr. 6.
[84] Press Releases, 1937, Mar. 20, p. 154.

и др.), а через две недели палата представителей 376 голосами против 13 (Дж. Бернард, Л. Ладлоу и др.) [85] приняли законопроект о нейтралитете. Это была очередная демонстрация двухпартийного характера политики нейтралитета.

Новый закон о нейтралитете, на этот раз бессрочный, вступил в силу 1 мая 1937 г. Он содержал уже имевшиеся в раннем законодательстве положения о запрещении экспорта оружия и предоставления кредитов воюющим странам. Отныне запрещалось также плавание американских граждан на судах воюющих стран даже на их собственный риск. Расширение запретов и придание им постоянного характера дали основание некоторым историкам считать этот закон «наиболее абсолютной формой нейтралитета и наиболее полной программой изоляционизма» [86]. Однако сенаторы-изоляционисты У. Бора и X. Джонсон голосовали против нового закона, как представлявшего отход США от признанных норм нейтралитета.

Основным нововведением был пункт о торговле с воюющими странами другими товарами, кроме вооружения, по принципу «кэш энд кэрри», т. е. оплаты закупаемых в США товаров наличными и вывоза их на своих судах. Идея «кэш энд кэрри», выгодная Англии и Франции в случае войны в Европе, приписывается известному финансисту Б. Баруху. Сопротивление противников экспорта стратегических материалов в воюющие страны привело к тому, что действие данного пункта было ограничено двумя годами. Его введение лучше всего демонстрировало тщетность законодательного ограничения внешнеэкономических связей США.

Как и раньше, президент определял «состояние войны» между другими странами, необходимое для введения в силу закона. Он же решал такие вопросы, как распространение действия закона на другие страны, применение закона в случае гражданской войны, расширение списка запрещенных для экспорта товаров, закрытие американских портов для судов воюющих стран. Сохранение за Рузвельтом права введения в силу закона о нейтралитете наряду с пунктом о «кэш энд кэрри» оценивается официозным историком Б. Раухом как «частичная победа» правительства [87].

Общая направленность нейтралитета США сохранилась. По меткому замечанию прогрессивного американского экономиста и публициста В. Перло, закон о нейтралитете 1 мая 1937 г. послужил «дипломатическим сигналом агрессивным странам» [88]. После его принятия Германия и Италия расширили интервенцию против Испанской республики, а спустя два с половиной месяца Япония напала на Китай.

Вторжение Японии в Центральный Китай усилило американо-японские противоречия, которые вступили в новую, конфликтную фазу. Изменившаяся ситуация на Дальнем Востоке поставила перед США ряд серьезных проблем, для решения которых законодательство о нейтралитете, рассчитанное на применение прежде всего к войнам в Европе, оказалось неприемлемым. Против применения этого закона, обрекавшего

---

[85] Congressional Record, vol. 81, pt 2, p. 1807; pt 3, p. 2401.
[86] *Drummond D. F.* The Passing of American Neutrality, 1937—1941. Ann Arbor, 1955, p. 46.
[87] *Rauch B.* Roosevelt: From Munich to Pearl Harbor. A Study in the Creation of a Foreign Policy. N. Y., 1967, p. 42.
[88] *Перло В.* Американский империализм. М., 1948, с. 150.

США на пассивность, выступали все сторонники активной защиты американских «интересов» в Китае.

Предлогом для отказа от применения закона о нейтралитете в японо-китайской войне послужило то, что японский агрессор войны формально не объявлял. Подобной позицией США добивались одновременно нескольких целей. Хотя они и осуждали действия Японии, тем не менее старались не очень обострять отношения. Встав на путь «умиротворения» Японии, США надеялись этим ограничить ее экспансию и отсрочить вооруженный американо-японский конфликт до прояснения европейской ситуации. Неприменение нейтралитета позволило продолжать японо-американскую торговлю, в которой были заинтересованы некоторые монополии. Благодаря этому Япония еще долго импортировала из США столь нужное ей стратегическое сырье (нефть, металлолом). Американскую политику «умиротворения» Японии питали также антисоветские замыслы реакционных кругов [89].

Противоречивая позиция правительства в отношении японо-китайской войны углубила уже наметившийся разрыв между официальной политикой и настроениями широких народных масс. Большинство американского народа поддерживало Китай и выступало против японской агрессии [90]. В стране развернулось движение за эмбарго на экспорт в Японию и за бойкот японских товаров на внутреннем рынке, а одновременно началась кампания по сбору средств в фонд помощи Китаю.

В этих условиях широкий резонанс внутри и за пределами США получила «карантинная» речь Рузвельта в Чикаго 5 октября 1937 г. Президент в резких выражениях говорил о «существующих режимах террора», которые грубо попирают международное право и создают угрозу основам цивилизации. Подчеркнув, что агрессия приобрела глобальный характер и угрожает всем странам без исключения, он призывал «положить конец международной агрессии». Сравнивая последнюю с эпидемией заразной болезни, он предложил сделать то, что обычно предпринимают в таких случаях,— «установить карантин» [91]. Речь Рузвельта отразила тревогу правящих кругов США перед лицом растущей угрозы их позициям со стороны Германии и Японии. Усилилась и антияпонская кампания в печати.

США послали своего представителя на Брюссельскую конференцию, созванную в ноябре 1937 г. в целях обсуждения заинтересованными государствами вопроса о восстановлении мира на Дальнем Востоке. В ней приняли участие 18 государств, в том числе СССР, который последовательно выступал в защиту независимости и территориальной целостности Китая, за создание системы коллективной безопасности против японского агрессора. Япония и Германия отклонили приглашения участвовать в конференции. Однако выяснилось, что американское правительство еще не готово отойти от позиции нейтралитета. По настоянию США, которые еще до начала конференции договорились с Великобританией, что не выступят с какой-либо инициативой, могущей «повредить» их от-

---

[89] *Севостьянов Г. Н.* Политика великих держав на Дальнем Востоке накануне второй мировой войны. М., 1961, с. 529—530.

[90] См., например: *Langer W. L., Gleason S. E.* The Challenge to Isolation, p. 12.

[91] The Public Papers and Addresses of Franklin D. Roosevelt, 1937 vol., p. 406—411. Предложение о «карантине» было внесено в текст речи, подготовленной в госдепартаменте, самим Рузвельтом. См.: The Memoirs of Cordell Hull, vol. 1, p. 545.

ношениям с Японией, она ограничилась призывом к Японии найти «способ для мирного урегулирования» с Китаем [92]. Более того, втайне рассматривались проекты «международного урегулирования» с участием агрессоров (так называемый «план Уэллеса») [93]. Чикагская речь президента, по всей видимости, должна была подкрепить закулисные дипломатические действия.

Отсутствие подлинной готовности к противодействию агрессии сказалось в декабре 1937 г., когда японцы потопили на р. Янцзы (Китай) американскую канонерку «Пэней», что вызвало кризис в американо-японских отношениях. Хотя в правительственных кругах много говорили о том, что вооруженная схватка с Японией неизбежна [94], инцидент удалось разрешить благодаря все тому же американскому курсу на «умиротворение» Японии. Японо-китайская война, означавшая прямой вызов американскому нейтралитету, вынудила правительство вплотную заняться вопросом о приоритетах в своей внешней политике. Потопление «Пэнея» не было случайностью: антиамериканские акты закономерно вытекали из стратегии Японии, для которой США были главным соперником на Тихом океане. В свою очередь, и в Вашингтоне, по свидетельству близкого президенту министра финансов Г. Моргентау, были убеждены в «несовместимости японской и американской глобальных стратегий» [95].

Хотя японская экспансия несла с собой непосредственную угрозу обширным империалистическим интересам США в Азии, они считали гитлеровскую Германию более опасным противником, а Европу — главной ареной постоянно обострявшейся межимпериалистической борьбы. Уже принятием в 1935 г. законодательства о нейтралитете, определившем международно-правовые рамки американской внешней политики на весь предвоенный период, США показали, что объектом их внимания является прежде всего Европа. Применение закона о нейтралитете в итало-эфиопской и испанской войнах лишь подчеркнуло это. При обсуждении постоянного закона о нейтралитете весной 1937 г. дискуссии в правительстве и конгрессе вновь были сосредоточены на вопросах европейской политики. Внесенное в закон основное изменение — пункт о «кэш энд кэрри» — имело в виду вероятность войны в Европе. Оно было выгодно таким европейским странам, как Великобритания и Франция, которые располагали средствами (финансами и флотом) для закупки в США стратегических материалов и их перевозки. Это было одним из многих проявлений тенденции США к сближению с Великобританией и Францией — американскими союзниками в первой мировой войне и их потенциальными союзниками в случае новой мировой войны. Однако правительство Рузвельта действовало в этом направлении осторожно из-за противодействия изоляционистов.

Именно из Европы и именно от гитлеровской Германии, занимавшей

---

[92] The Conference of Brussels, November 3—24, 1937. Wash., 1938, p. 76. Подробнее см.: *Севостьянов Г. Н.* Политика великих держав на Дальнем Востоке..., гл. 3.

[93] FRUS, Diplomatic Papers, 1937: Vol. 1—5. Wash., 1954, vol. 1, p. 665—670; The Memoirs of Cordell Hull, vol. 1, p. 546—549; *Offner A. A.* American Appeasement: United States Foreign Policy and Germany, 1933—1938. Cambridge (Mass.), 1969, p. 214—244.

[94] The Secret Diary of Harold L. Ickes, vol. 2, p. 274.

[95] *Blum J. M.* From «The Morgenthau Diaries»: Vol. 1—3. Boston, 1959—1967, vol. 2, p. 373.

второе место в мире по объему промышленного производства, исходила угроза для США как главной страны капитализма [96]. При этом как Германия, так и Япония все активнее добивались перераспределения мировых ресурсов и рынков. Еще в ноябре 1936 г. между Германией и Японией был заключен «Антикоминтерновский пакт», знаменовавший начало складывания военно-политического союза на базе насильственного передела мира. Этот фашистско-милитаристский блок, к которому в 1937 г. примкнула Италия, был направлен не только против СССР, но и против Великобритании, Франции, США и других государств. Образование агрессивного блока означало прямой вызов США, стремившимся играть глобальную роль, создавая — впервые в новейшей истории — угрозу их национальной безопасности. Одна из целей Германии как раз и состояла в том, чтобы, поощряя японскую экспансию, отвлечь их внимание от Европы. США, разгадавшие этот замысел, старались оттянуть прямое столкновение с Японией и в развитие этой своей стратегии приняли в начале 1941 г. (совместно с Великобританией) план АВС-1, предусматривавший сосредоточение американских усилий против Германии.

В ответ на нападки фашистов на буржуазную демократию американская пропаганда развернула контркампанию. В конце 1937 г. Рузвельт характеризовал Германию, Италию и Японию как «бандитские» страны [97], а либеральный член кабинета, министр внутренних дел Г. Икес считал, что в мире происходит размежевание сил: «на одной стороне фашизм, на другой демократия», вооруженная схватка которых становится неизбежной [98].

Трудности, с которыми столкнулась американская политика нейтралитета со второй половины 1937 г., привели к обострению борьбы между интернационалистами и изоляционистами. Последние воспользовались идеей проведения национального референдума по вопросу войны и мира, заимствованной у популистов и У. Дж. Брайана. По законопроекту члена палаты представителей демократа Л. Ладлоу, впервые внесенного им в конгресс в 1935 г. в виде поправки к конституции США, предусматривалось проведение до объявления войны конгрессом всенародного опроса. Исключение делалось только для случая прямого нападения на территорию США. Однако в условиях второй половины 30-х годов, когда Германия и Италия в Европе, а Япония в Азии расширяли агрессию и, следовательно, требовались меры по противодействию им, принятие такого законопроекта послужило бы лишь поощрению агрессоров. Такой позиции придерживалась, в частности, Коммунистическая партия США [99]. С другой стороны, президент и государственный секретарь заявили, что принятие законопроекта нанесет вред проводимой президентом внешней политике страны [100]. 10 января 1938 г. палата представителей 209 голосами против 188 отвергла законопроект Ладлоу.

Но правительство не собиралось отказываться от своей внешнеполитической стратегии выжидания перед лицом агрессии. Подтверждени-

---

[96] *Иноземцев Н.* Внешняя политика США в эпоху империализма. М., 1960, с. 350—353.
[97] The Secret Diary of Harold L. Ickes, vol. 2, p. 275.
[98] Ibid., p. 276.
[99] Communist, 1938, Jan., p. 25—26.
[100] The Public Papers and Addresses of Franklin D. Roosevelt. 1938 vol., p. 37; The Memoirs of Cordell Hull, vol. 1, p. 564.

ем тому явилась официальная американская реакция на развитие событий в Европе.

Захват Австрии гитлеровской Германией, осуществленный в марте 1938 г., не явился неожиданностью для американской дипломатии, которая была в курсе подготовки аншлюса. Когда германский посол Г. Дикгоф информировал Хэлла о случившемся, то не увидел даже признаков неодобрения. «По тем нескольким вопросам, которые тот задал,— доносил посол в Берлин,— было очевидно, что он вполне понимает нашу акцию» [101]. Эта позиция была тождественна курсу Англии и Франции, шедших по пути «умиротворения» агрессоров. Не случайно британский премьер-министр Н. Чемберлен отверг советское предложение о созыве конференции СССР, США, Англии и Франции для принятия мер против агрессии.

Все же правительство США, либеральные члены которого выступали с критикой фашизма, под давлением возмущенной общественности приняло ряд антигерманских решений. По распоряжению Рузвельта было отменено действие законов о пошлинах 1934 и 1937 гг. в отношении импорта из Германии. С заявлением о том, что «австрийский инцидент» является предметом «серьезной заботы для правительства», выступил Хэлл [102]. Вскоре госдепартамент предложил создать специальный международный комитет для содействия эмиграции беженцев-антифашистов из Австрии и Германии. А. Эйнштейн оценивал эту «благотворительную помощь» как «совершенно недостаточную» [103]. Несколько месяцев между США и Германией шел обмен нотами по поводу австрийского долга Соединенным Штатам (64 млн. долл.), на возвращении которого они настаивали. Наконец, по рекомендации министра внутренних дел Икеса решено было отказать в продаже Германии гелия, который мог быть использован в военных целях.

Если дипломатия США, по существу, санкционировала аншлюс, то американская общественность, по определению газеты «Нью-Йорк таймс», «была единодушна в своем решительном осуждении захвата Австрии» [104]. По стране прокатились массовые демонстрации и митинги протеста. С осуждением гитлеровской агрессии и критикой американской дипломатии выступили конгрессмены Дж. О'Коннелл и Дж. Бернард (постоянно голосовавший против законопроектов о нейтралитете). Германский посол Дикгоф жаловался в госдепартаменте, что «общественное мнение... настолько недоброжелательно (по отношению к Германии.— *Авт.*), что хуже быть не может» [105].

Состоявшийся в конце марта в Вашингтоне съезд Национальной конференции за мир — крупнейшей антивоенной организации — одобрил рекомендацию о сотрудничестве США с другими странами для противодействия агрессии. К этому времени относится образование Комитета за мир посредством международного сотрудничества, ставшего координирующим органом ряда антивоенных и религиозных организаций (Американской лиги за мир и демократию, Католической ассоциации за международный мир, Ассоциации содействия Лиге наций и др.). Программа ко-

---

[101] DGFP, Ser. D, vol. 1, p. 583.
[102] Press Releases, 1938, Mar. 19, p. 375.
[103] Einstein on Peace/Ed. by O. Nathan, H. Norden. N. Y., 1960, p. 277.
[104] New York Times, 1938, June 15.
[105] DGFP, Ser. D, vol. 1, p. 605.

митета требовала изменения закона о нейтралитете в целях проведения различия между агрессором и его жертвой.

Активизировалась борьба за мир молодежных организаций. Наблюдалась эволюция в этом направлении и некоторых изоляционистских организаций. Она затронула и пацифистов, все более осознававших важность сопротивления наступлению фашизма. Известный деятель республиканской партии У. Уайт, в 1935 г. одобривший закон о нейтралитете, пересмотрел свою позицию, выступив за его изменение.

Захват германским фашизмом Австрии, усиливший антифашистские настроения в США, обострил борьбу вокруг вопроса об эмбарго на экспорт оружия в Испанскую республику. К тому же аншлюс совпал с варварской бомбардировкой фашистскими самолетами Барселоны, взволновавшей американскую общественность так же сильно, как и разрушение Герники за год до этого. В начале мая 1938 г. сенатор-республиканец Най, один из инициаторов законодательства о нейтралитете, внес в конгресс резолюцию, которая разрешала экспорт оружия в республиканскую Испанию на основе «кэш энд кэрри». К середине июня за принятие законопроекта о мире О'Коннелла, предусматривавшего отмену эмбарго против Испанской республики и его введение против Германии и Италии, высказалась почти тысяча местных профсоюзных организаций из 46 штатов[106]. Среди них были отделения 39 национальных профсоюзных объединений: Объединенного союза горняков, Объединенных рабочих электро-, радио- и машиностроительной промышленности, Национального союза моряков, Межнационального союза транспортных рабочих и др.

В правительственных кругах за принятие резолюции Ная стояли министр внутренних дел Икес, министр финансов Моргентау, посол в Испании Бауэрс. Оппозицию отмене испанского эмбарго возглавил государственный департамент. В результате председатель комиссии сената по внешним сношениям Питтмэн, в январе 1937 г. активно способствовавший принятию эмбарго, сумел «протолкнуть» в комиссии решение об отклонении резолюции[107].

Показательным было выступление газеты «Нью-Йорк таймс» с осуждением действий Японии и Германии. В передовой статье от 15 июня 1938 г. она предупреждала: «Американский народ в настоящее время не является нейтральным в любой ситуации, заключающей в себе риск войны; не будет он оставаться нейтральным и при любой другой ситуации в будущем, которая грозит нарушить международное равновесие». Заявляя, что США не признают японских притязаний, газета добавляла: «Еще больше мы заинтересованы в Европе, ибо там также идет борьба между фашизмом и демократией (буржуазной.— *Авт.*)».

Даже консервативно настроенный государственный секретарь Хэлл в очередном публичном заявлении (3 июля 1938 г.) признал, что «никогда в истории нации» не было большей необходимости в «поддержании международного права», чем в условиях, когда решается будущее человечества. Хэлл отверг «национальную изоляцию», высказавшись за сотрудничество с «одинаково мыслящими нациями», но «в ограниченных пределах нашей традиционной политики и без вовлечения в опасные союзы и отношения»[108]. Тем не менее были предприняты некоторые шаги для

[106] Congressional Record, vol. 83, pt 11, p. 2828—2831.
[107] *Taylor F. G.* United States and Spanish Civil War, 1936—1939. N. Y., 1956, p. 192.
[108] Press Releases, 1938, June 4, p. 646—647.

сближения с Англией. Были ускорены переговоры о торговом соглашении, подписанном в ноябре 1938 г. Президент Рузвельт предупредил, что США «не останутся безразличными», если Канада, в то время английский доминион, подвергнется «угрозе завоевания».

В целом же США оставались на позиции нейтралитета, объективно содействуя развертыванию агрессии. Новые тому доказательства дал Мюнхен, резко усиливший угрозу мировой войны. Формально США не участвовали в Мюнхенской конференции Великобритании, Франции, Германии и Италии, состоявшейся 29—30 сентября 1938 г. и удовлетворившей захватнические требования Гитлера за счет Чехословакии. Но правящие круги США несут свою долю ответственности за Мюнхен, и прежде всего потому, что их нейтралитет развязывал руки агрессорам.

Американская дипломатия участвовала в переговорах, приведших к заключению мюнхенского соглашения. 26 и 27 сентября Рузвельт направил главам правительств Великобритании, Франции, Германии, Италии и Чехословакии послания, в которых содержался призыв к «заинтересованным» сторонам вступить в переговоры для «мирного урегулирования» [109]. Еще до этого правительство США обязалось «идти вместе с Чемберленом, какой бы курс он ни избрал», а затем одобрило решение британского премьер-министра прибыть в Мюнхен [110]. В момент, когда Германия требовала отторжения части территории Чехословакии, а Англия и Франция склонялись к принятию этого требования, характер предполагаемой конференции, за созыв которой выступили США, был фактически предопределен.

В противоположность этому Советский Союз, считавший необходимым защитить Чехословакию, решительно осудил политику «умиротворения» фашистских агрессоров, кульминацией чего стал мюнхенский сговор. Как известно, цель «мюнхенцев» заключалась в том, чтобы отвести от себя угрозу агрессии и направить ее на Восток — против Советского Союза. В критические дни сентября 1938 г. Советский Союз неоднократно подтверждал готовность выполнить свои союзнические обязательства по советско-чехословацкому договору, действие которого было обусловлено вступлением в силу советско-французского договора 1935 г. Более того, Советский Союз был готов оказать Чехословакии военную помощь и без участия Франции при условии, что сама Чехословакия будет защищаться и попросит о советской помощи [111]. Когда мюнхенское соглашение было подписано, Советское правительство осудило эту позорную сделку как незаконную с самого начала.

Учитывая сущность изоляционистской политики США, нельзя не прийти к выводу, что Мюнхен отвечал стратегическим установкам американского империализма, поощрявшего агрессию против СССР. Он также еще более обнажил объективный смысл предвоенного нейтралитета США как политики выжидания результатов столкновения их империалистических соперников. В итоге, писал, несколько преувеличивая, американский современник событий, в послемюнхенском мире США ста-

---

[109] Peace and War, p. 425—429.

[110] Documents on British Foreign Policy, 1918—1939. 3rd Ser.: Vol. 1—9. L., 1949—1955, vol. 2, p. 213; FRUS, Diplomatic Papers, 1938: Vol. 1—5. Wash., 1954—1956, vol. 1, p. 688.

[111] История внешней политики СССР, 1917—1980: В 2-х т. М., 1980—1981, т. 1, с. 339—340.

ли арбитром, держащим в руках ключ к международному равновесию [112]. В то же время нейтралитет, так или иначе способствовавший усилению позиций фашистской Германии и милитаристской Японии, тем самым создавал растущую угрозу подлинным национальным интересам США.

В народных массах росло понимание глобальной опасности, исходившей от фашистско-милитаристского блока. По данным Американского института общественного мнения, 1938 год «показал громадный рост интереса к европейским делам... О событиях в Европе имели мнение больше опрошенных лиц, чем о многих внутренних дискуссионных вопросах...» [113]. Усилилась враждебность американцев к гитлеровскому режиму. Накануне мюнхенской конференции Рузвельт писал, что «сегодня девяносто процентов нашего народа определенно настроено антигермански и антиитальянски...» [114]. Тем самым правительство, санкционируя сговор в Мюнхене, действовало вразрез с усиливавшимися антифашистскими настроениями масс.

Мюнхенскую политику поддержали консервативные лидеры АФТ, которые протащили на очередном съезде в Хьюстоне (3—13 октября 1938 г.) резолюцию против коллективной безопасности [115]. Однако уже съезд КПП в Питтсбурге (14—19 ноября) показал подлинное отношение рабочего движения к фашизму и его агрессии. Исходя из того, что борьба американских рабочих за свои права «не может быть отделена от усилий в деле достижения и сохранения демократии во всем мире», съезд призвал правительство «сотрудничать с другими демократическими странами в защите и укреплении демократии и демократических институтов» [116]. В этой поддержке съездом КПП принципов коллективной безопасности сказалось влияние коммунистов [117].

Решение съезда КПП отразило перемену в общественном мнении США в послемюнхенский период. Уже в ноябре 1938 г. большинство американцев считали, что угроза войны возросла и что Гитлер будет искать новых территориальных завоеваний. Эти данные привели Дж. Гэллапа к выводу, что «американский народ никогда не разделял веры премьер-министра Н. Чемберлена в „безопасность“, которая была куплена в Мюнхене» [118].

В начале 1939 г. президент Рузвельт обратился к конгрессу с посланием, лейтмотивом которого был рост угрозы безопасности США. «Мы убедились,— говорилось в послании,— что... наши законы о нейтралитете могут действовать не совсем правильно и несправедливо — они могут оказать фактическое содействие агрессору и лишить помощи жертву агрессии. Инстинкт самосохранения должен подсказать нам, что мы не можем допустить повторения этого в будущем» [119]. Перед правитель-

---

[112] *Howe Q.* Blood is Cheaper than Water. The Prudent American's Guide to Peace and War. N. Y., 1939, p. 43.
[113] *Gallup G., Rae S. F.* The Pulse of Democracy: The Public Opinion and How It Works. N. Y., 1940, p. 202—203.
[114] FDR. His Personal Letters, vol. 2, p. 840—841.
[115] American Federation of Labor. Annual Convention, Report of Proceedings, 1938. Wash., 1938, p. 503—504.
[116] CIO News, 1938, Nov. 21.
[117] *Foster W. Z.* History of the Communist Party of the United States. N. Y., 1952, p. 377.
[118] New York Times Magazine, 1939, Apr. 30. p. 2.
[119] The Public Papers and Addresses of Franklin D. Roosevelt, 1939 vol., p. 3—4.

ством встала задача приспособления своей политики к изменившимся международным условиям.

Президентское послание содержало лишь паллиативное предложение о применении во внешней политике «методов, которые исключали войну», но действие которых должно быть «сильнее, чем слова»[120]. Не случайно газета «Нью-Йорк геральд трибюн», отдававшая предпочтение изоляционизму, отнеслась к посланию благожелательно[121]. «Умеренный язык» послания не вызвал беспокойства и в гитлеровской Германии. Следуя такому курсу, правительство по-прежнему отказывалось отменить эмбарго на экспорт оружия в Испанию, как это вновь предложил бывший государственный секретарь Г. Стимсон. Когда же в конце марта Испанская республика пала, правительство США поспешило официально признать режим Франко.

Новое в американской внешней политике послемюнхенского периода состояло в том, чтобы ускорить военную подготовку страны, а также сближение с Англией и Францией. Эта тенденция сопровождалась дальнейшим ухудшением отношений США с Германией, Японией и Италией. Особенно обострились американо-германские отношения. Антисемитские погромы в Германии в конце 1938 г. осудили 94%, а преследование немецких католиков — 97% американцев[122]. «Общественное мнение страны настолько возбуждено, что, если ничего не будет предпринято, последует взрыв»,— записал в дневнике глава европейского отдела госдепартамента Дж. Моффат[123]. Именно тогда США отозвали своего посла в Германии Х. Вильсона, который туда больше так и не возвращался.

Весной 1939 г. европейская ситуация стала критической: пала Испанская республика, агрессоры захватили Чехословакию и Албанию, отторгли у Литвы территорию Клайпеды. Администрация Ф. Рузвельта в очередной раз выступила с осуждением Германии и Италии, но усилившиеся и обнаглевшие фашистские диктаторы обращали все меньше внимания на такие словесные протесты. В условиях крайнего обострения межимпериалистических противоречий, в том числе американо-германских, правительство США запретило бартерные (товарообменные) сделки с германскими торговцами и повысило на 25% тарифы на немецкие товары, чем «фактически объявило Германии открытую экономическую войну»[124]. Множились требования изменить закон о нейтралитете таким образом, чтобы оказать помощь Англии и Франции военными поставками в случае их войны с Германией.

Росла тревога за позиции США и в Азии. Председатель комиссии сената по внешним сношениям Питтмэн предложил «до тех пор, пока Япония не изменит своей политики», прекратить закупки у нее шелка, являвшегося главной статьей японского импорта в США, и не продавать ей военных материалов. Группой деятелей во главе со Стимсоном был создан Американский комитет против участия в японской агрессии, который выступил за эмбарго на экспорт стратегических материалов в

[120] Ibid., p. 3.
[121] New York Herald Tribune, 1939, Jan. 5.
[122] *Gallup G., Rae S. F.* Op. cit., p. 315.
[123] The Moffat Papers. Selections from the Diplomatic Journals of Jay Pierrepont Moffat, 1919—1943 / Ed. by N. H. Hooker. Cambridge (Mass.), 1956, p. 222.
[124] *Мельников Ю. М.* США и гитлеровская Германия, 1933—1939. М., 1959, с. 326.

Японию. Захват японцами о-ва Хайнань в феврале 1939 г., означавший их проникновение в Юго-Восточную Азию, окончательно разоблачил империалистические устремления Японии, утверждавшей, будто она занята всего лишь урегулированием «китайского инцидента». В феврале — апреле 1939 г. в правительстве обсуждались несколько вариантов применения экономических санкций против Японии. Госдепартамент доказывал эффективность таких санкций. Но по этой же причине посол США в Токио Дж. Грю был против них, заявляя, что экономический бойкот обострит обстановку в Японии и создаст угрозу для существующих там капиталистических порядков.

Правительство США так и не решилось на применение санкций. Долго отказывалось оно и от аннулирования торгового договора с Японией (от 1911 г.), что явилось бы, по словам историков официозного направления У. Лангера и Э. Глисона, «логическим и оправданным шагом» [125]. Лишь в конце июля 1939 г. госдепартамент известил Токио о денонсации договора, которая вступила в силу через шесть месяцев.

Когда гитлеровская Германия в нарушение взятых на себя в Мюнхене обязательств в марте 1939 г. оккупировала оставшуюся часть Чехословакии, крах мюнхенской политики Запада стал очевиден. Практически определились контуры расстановки сил в приближавшейся войне в Европе, важным показателем чего явились англо-франко-советские переговоры об организации противодействия агрессии, продолжавшиеся в Москве до августа. Однако партнеры СССР по переговорам, в первую очередь Англия, не отказались полностью от мысли как-то договориться с Гитлером. Последний же, стремясь к нейтрализации западных государств перед нападением на Польшу, всячески подогревал их промюнхенские настроения. Столкнувшись с тактикой проволочек и оттяжек на переговорах, Советский Союз вынужден был проявить крайнюю осторожность.

В этот переломный для судеб Европы момент позиция США приобрела особое значение. Возможностей для американского вмешательства было несколько: отмена или существенное изменение закона о нейтралитете, оказание соответствующего влияния на англо-французских участников московских переговоров, улучшение американо-советских отношений. Оправданным был бы отказ от переживавшей кризис политики нейтралитета в условиях, когда противоречия со странами фашистско-милитаристского блока нарастали. Большинство американцев высказывались за продажу оружия Англии и Франции в случае их войны с фашистскими диктаторами [126]. Даже изменение закона о нейтралитете, с тем чтобы разрешить продажу американского оружия на основе «кэш энд кэрри», оказало бы, по признанию Хэлла, сдерживающий эффект на Гитлера [127].

Но правительство США сперва своим отказом от поддержки поправки сенатора Э. Томаса к закону о нейтралитете, которая предусматривала отмену с согласия конгресса эмбарго в отношении жертвы агрессии и принятия которой оно вполне могло добиться, упустило драгоценное время, а затем, уже в мае — июле, перед завершением сессии конгресса, безуспешно пыталось наверстать упущенное. Американские дипломаты в

---

[125] *Langer W. L., Gleason S. E.* The Challenge to Isolation, p. 52.
[126] *Gallup G., Rae S. F.* Op. cit., p. 204.
[127] The Memoirs of Cordell Hull, vol. 1, p. 641—642.

европейских столицах сообщали, что сохранение законодательства о нейтралитете повсеместно расценивается как свидетельство ненадежности расчетов на помощь со стороны США и как поощрение нацистов на продолжение агрессии [128].

Другая возможность была связана с ходом англо-франко-советских переговоров. Именно в этой связи У. Лангер и Э. Глисон, указывая на заинтересованность Англии и Франции в поддержке США, подчеркивают «важность» американской позиции. Эта позиция вырабатывалась при непосредственном участии антисоветски настроенных послов Дж. Кеннеди в Лондоне и У. Буллита в Париже, которые поддерживали постоянную телефонную связь с Белым домом и госдепартаментом. Ряд сотрудников последнего, включая помощника государственного секретаря А. Берла, полностью разделяли враждебные Советскому Союзу настроения [129]. Неудивительно, что правительство отклонило предложение посла США в СССР в 1936—1938 гг. Дж. Дэвиса направить его с миссией в Москву для содействия переговорам. Говоря о возможностях США, важно иметь в виду, что практически проблема сводилась к их воздействию на английскую дипломатию, проявлявшую явную неуступчивость.

Отрицательную роль сыграло в целом и неудовлетворительное состояние взаимоотношений между США и СССР. С весны 1938 г. в Москве не было даже американского посла. В этот критически важный период двусторонние политические контакты были сведены к минимуму. Лишь в начале августа 1939 г. Рузвельт решился на «героическое усилие» [130], направив послу Буллиту в Париж телеграмму с изложением своих взглядов на сложившееся в мире угрожающее положение. Оттуда текст был послан курьером (в целях обеспечения тайны) в Москву, где Советское правительство получило его только 16 августа, когда переговоры уже зашли в тупик [131]. Советский же ответ достиг Вашингтона 29 августа. Иначе говоря, американское «усилие» никак не могло дать практического эффекта.

Между тем в рузвельтовском послании [132] признавалось совпадение интересов США и СССР. В нем говорилось, что в случае успеха держав «оси» в войне в Европе и на Дальнем Востоке «позиции как Соединенных Штатов, так и Советского Союза неизбежно будут немедленно и существенно затронуты». Однако пожелание достигнуть «удовлетворительного соглашения против агрессии» на англо-франко-советских переговорах было и запоздалым, и послано не по адресу, учитывая американскую поддержку Великобритании, ответственной за срыв переговоров.

Для оценки американской позиции в приближавшемся мировом конфликте решающее значение имело то, что США отказались от радикального изменения или отмены закона о нейтралитете. Остается фактом и несоответствие настроениям народных масс, склонных сделать выбор в пользу противников фашизма, позиции конгресса, также не желавшего покончить с нейтралитетом. Так великодержавная политика США способствовала возникновению войны в Европе в сентябре 1939 г.

---

128 Ibid., p. 646.
129 *Langer W. L., Gleason S. E.* The Challenge to Isolation, p. 122, 126.
130 Ibid., p. 160.
131 История внешней политики СССР, т. 1. с. 374.
132 FRUS, Diplomatic Papers, 1939: Vol. 1—5. Wash., 1955—1957, vol. 1, p. 293—294.

III

ВОЙНА

Глава двенадцатая

НАКАНУНЕ ВСТУПЛЕНИЯ В ВОЙНУ

1. ПЕРЕСМОТР ЗАКОНА О НЕЙТРАЛИТЕТЕ

1 сентября 1939 г. началась вторая мировая война. США не могли оставаться лишь свидетелями невыгодных для себя изменений в мире в результате агрессии держав «оси», из которых по-прежнему наибольшие опасения вызывала гитлеровская Германия. С первых же дней войны США фактически встали на сторону Англии и Франции. «Симпатии подавляющего большинства американского народа,— сообщал в Берлин 18 сентября 1939 г. германский поверенный в делах в Вашингтоне Г. Томсон,— находятся на стороне наших противников». Быстрый разгром Польши лишь усилил тревогу американцев: в конце сентября 63% опрошенных опасались нацистского нападения на США в случае полной победы Гитлера[1].

3 сентября Рузвельт в обращении к народу[2] обещал сохранить США вне войны, предупредив, однако, что, «когда мир где-либо нарушен, все остальные страны подвергаются опасности». Специальной прокламацией 5 сентября был введен в действие закон о нейтралитете 1937 г., предусматривавший эмбарго на экспорт оружия в воюющие европейские страны. Вместе с тем правительство не скрывало намерения пересмотреть закон, что отвечало англо-французским желаниям. В стране было объявлено «ограниченное чрезвычайное положение», которое наделило президента дополнительными полномочиями.

Для противодействия отмене эмбарго изоляционисты в сенате образовали «Блок за мир». У. Бора, самый влиятельный из сенаторов-изоляционистов, обвинил правительство в том, что оно в своем стремлении оказать помощь Англии и Франции делает первый шаг на пути к вступлению в европейскую войну. Изоляционисты организовали массовые митинги протеста. По предложению Рузвельта[3] для противодействия

---

[1] *Drummond D. F.* The Passing of American Neutrality, 1937—1941. Ann Arbor, 1955, p. 97.

[2] The Public Papers and Addresses of Franklin D. Roosevelt: 1933 vol.— 1945 vol./Ed. by S. I. Rosenman. N. Y., 1938—1950, 1939 vol., p. 460—464.

[3] *Divine R. A.* The Reluctant Belligerent: American Entry into World War II. N. Y., 1965, p. 68.

изоляционистам был создан «Внепартийный комитет за мир посредством пересмотра закона о нейтралитете», председателем которого стал известный газетный издатель республиканец У. Уайт. Очень скоро стало очевидным, что предложению о пересмотре обеспечена общественная поддержка [4].

Тем временем в Панаме 23 сентября — 3 октября прошла конференция министров иностранных дел стран Американского континента. Ее участники, представлявшие 21 государство, приняли выработанную по инициативе Рузвельта декларацию об установлении 300-мильной нейтральной полосы по обеим сторонам Северной и Южной Америки (за исключением Канады). Она запрещала военные действия в нейтральной зоне и предусматривала возможность ее патрулирования. Используя Панамскую декларацию, США с конца 1939 г. ввели патрулирование в стратегически важном Карибском бассейне и в дальнейшем сотрудничали с британским флотом в борьбе с нацистскими подводными лодками в Северной Атлантике. В решениях Панамской конференции отразились стремления США усилить собственные военно-стратегические и экономические позиции в Западном полушарии за счет европейских конкурентов, продвинуть дальше планы обеспечения межамериканской «солидарности» под своей эгидой. Одновременно они свидетельствовали о проанглийской и антигерманской ориентации стратегии США.

Такую направленность их внешней политики закрепил пересмотр закона о нейтралитете. На созванной для этого внеочередной сессии конгресса Рузвельт заявил, что закон «ошибочно именуется» законом о нейтралитете, ибо «каждый раз ставит нас на сторону нападающей стороны». Президент предложил изменить закон, подчеркнув, что «наша политика должна прежде всего учитывать подлинные американские интересы» [5]. Правительственное предложение, воплотившееся в резолюции К. Питтмэна, предусматривало отмену эмбарго на экспорт оружия, продажа которого воюющим сторонам отныне разрешалась на основе «кэш энд кэрри».

В дискуссии в сенате, проходившей между 2 и 27 октября, сторонники резолюции, включая Т. Коннэлли, Р. Вагнера, Дж. Бирнса, заявили, что ее целью является предотвращение вовлечения в войну, поскольку американские суда и граждане не будут затронуты военными действиями на море. Их оппоненты У. Бора, Дж. Най, Р. Лафоллетт, Х. Джонсон, А. Ванденберг и другие обвиняли правительство в намерении вовлечь США в войну в интересах Британской империи. Сенатор Бора считал начавшуюся войну «не чем иным, как очередной главой в кровавой летописи европейской великодержавной политики», никак не затрагивающей интересы США [6]. Несмотря на то что тон дискуссии задавали изоляционисты, большинство сенаторов выступили за отмену эмбарго: 63 голоса «за» и 30 — «против». Перед обсуждением резолюции в палате представителей У. Уайт обратился к лидеру республиканского меньшинства в палате с призывом «не играть на руку Гитлеру в вопросе эмбарго» [7]. Всего через три дня после начала обсуждения палата

[4] *Field H.* American Public Opinion and Foreign Policy. N. Y., 1945, p. 4.
[5] The Public Papers and Addresses of Franklin D. Roosevelt, 1939 vol., p. 518.
[6] Congressional Record, vol. 85, pt 1, p. 69.
[7] Selected Letters of William Allen White / Ed. by W. Johnson. N. Y., 1947, p. 399.

представителей 243 голосами против 181 также одобрила отмену эмбарго[8].

4 ноября Рузвельт подписал новый, четвертый после августа 1935 г. закон о нейтралитете. Одновременно президентской прокламацией он объявил Северную Атлантику зоной боевых действий, в которой запрещалось плавание американских судов. По-прежнему исключалась возможность предоставления займов воюющим странам и передвижение американцев на их судах. Но впервые разрешалась продажа американского вооружения воюющим в Европе сторонам, если оно будет заранее оплачено и вывезено на иностранных судах[9]. Конечно, продажа оружия на основе «кэш энд кэрри» была выгодным бизнесом, однако большее значение имело стремление поддержать Англию и Францию, победа которых отвечала американским интересам[10].

Пересмотр прежнего закона не устранил противоречий американской внешней политики. По-прежнему действие закона о нейтралитете не распространялось на японо-китайскую войну, и Япония продолжала закупать в США нефть и другое стратегическое сырье. Американская же помощь Китаю, чем США отчасти оправдывали эту свою позицию, носила крайне ограниченный характер. С другой стороны, запретив своим судам пользоваться морскими путями в Северной Атлантике, они косвенно содействовали германской блокаде Англии и тем питали надежды Гитлера на длительность нейтралитета США.

Изменение закона о нейтралитете не решило и проблем, связанных с созданием англо-американского союза, вокруг чего шли нескончаемые споры. Правительство определенно продвигалось по пути сотрудничества с Англией, с которой США имели давние тесные финансово-торговые связи, но делало это очень медленно, ибо соперничество между двумя странами не затухало, хотя и несколько притупилось. В Латинской Америке, например, американские монополии теснили не только немецких, но и британских конкурентов, претендуя на их долю в торговле и судоходстве в регионе. В то же время правительству США приходилось считаться с критикой в свой адрес со стороны изоляционистов, с их нападками на Британскую империю.

Подталкивали США к сближению с Англией и события на Дальнем Востоке, хотя американцы отказывались брать на себя твердые обязательства о помощи Англии в случае нападения Японии на ее азиатские колонии. США продолжали политику «умиротворения» Японии, желая выиграть время для подготовки к войне за установление безраздельного господства в районе Тихого океана. Не теряли американские правящие круги и надежды на то, что японский агрессор повернет на север, против СССР.

Американская политика в отношении Советского государства существенно не изменилась. В связи с советско-финляндской войной правительство США встало на сторону реакционных правителей Финлян-

---

[8] Заключительное голосование по согласованному между палатами конгресса тексту резолюции состоялось 3 ноября.

[9] Требование об оплате американских товаров наличными было следствием того, что закон о нейтралитете запрещал предоставление частных займов воюющим странам, а займы правительственные запрещались законом Джонсона 1934 г.

[10] *Поздеева Л. В.* Англо-американские отношения в годы второй мировой войны 1939—1941 гг. М., 1964, с. 46, 61.

дии[11]. Непримиримость последних на советско-финляндских переговорах в октябре 1939 г., когда сохранялась возможность достижения сторонами взаимоприемлемого соглашения, во многом объяснялась той поддержкой, которую финны получали в Лондоне, Париже и Вашингтоне[12]. После начала войны «тщательно изучался» вопрос о разрыве дипломатических отношений с Советским Союзом, однако Рузвельт и Хэлл предпочли воздержаться от этого[13]. Не был введен в действие и закон о нейтралитете, поскольку учитывалась возможность изменения в будущем к лучшему во взаимоотношениях между СССР и западными государствами[14].

Зато во многих других вопросах США открыто демонстрировали свою враждебность Советскому Союзу. Особенно показательным явилось провозглашение Вашингтоном 2 декабря 1939 г. «морального эмбарго» на продажу американских самолетов и авиационного снаряжения, которое сохраняло силу в отношении СССР более года. К весне 1940 г. советско-американские отношения оказались замороженными как в политико-дипломатической, так и в торгово-экономической областях.

Оправдывая антисоветские акции, власти ссылались на симпатии американского народа к Финляндии. Изоляционисты и интернационалисты, забыв свои разногласия, объединились в поддержке Финляндии, которую объявили защитницей «всей западной цивилизации». Размах антисоветской кампании вынудил Советское правительство досрочно закрыть павильон СССР на Всемирной выставке 1939 г. в Нью-Йорке. Эта кампания пошла на убыль лишь с заключением мира между СССР и Финляндией 12 марта 1940 г.

Большие усилия США приложили в период «странной войны», чтобы поддержать «мирные усилия» западных стран, примером чему явилась посылка в феврале-марте 1940 г. в Европу с дипломатической миссией заместителя государственного секретаря С. Уэллеса. Эта миссия с самого начала имела ничтожные шансы на успех — «один к тысяче»[15]. Тем не менее она вполне соответствовала «нейтралистской» линии США, которые лишь на словах провозглашали своей целью отстаивание мира, но использовали для этого малоэффективные средства. Вместе с тем Рузвельт опасался ожидавшегося наступления вермахта на Западном фронте, считая, что «победа Гитлера немедленно создаст угрозу жизненным интересам Соединенных Штатов»[16]. Кроме того, правительство старалось опровергнуть изоляционистские обвинения в том, что оно способствует втягиванию США в войну. Чем бы ни кончилась миссия, правительство могло в год президентских выборов заявить, что в критической ситуации оно не бездействовало.

С. Уэллес отплыл в Европу вместе с М. Тэйлором, бывшим главой «Юнайтед Стейтс стил компани», которого Рузвельт назначил своим представителем в ранге посла в Ватикане. Так как дипломатические отношения с Ватиканом США не поддерживали с 1867 г., это усилило впечатление серьезности американских мирных усилий. Одновременно с

[11] *Sobel R.* The Origins of Intervention: The United States and the Russia-Finnish War. N. Y., 1960; *Schwartz A.* America and the Russia-Finnish War. N. Y., 1975.
[12] История внешней политики СССР, 1917—1980: В 2-х т. М., 1980—1981, т. 1, с. 400.
[13] *Langer W. L., Gleason S. E.* The Challenge to Isolation, 1937—1940. N. Y., 1952, p. 332.
[14] The Memoirs of Cordell Hull: Vol. 1, 2. N. Y., 1948, vol. 1, p. 707.
[15] *Welles S.* The Time for Decision. N. Y., 1944, p. 73.
[16] Ibid.

неофициальной миссией в Германию отправился Дж. Муни, один из руководителей компании «Дженерал моторз», который получил инструкции от самого Рузвельта и встречался с высшим руководством рейха, включая Гитлера. На этих закулисных американо-германских переговорах речь шла главным образом об условиях прекращения военных действий, но договоренности достичь не удалось [17].

Если бы в американские намерения действительно входили поиски путей к «справедливому и постоянному миру», то следовало вступить в переговоры также и с СССР. Но Москва не входила в маршрут Уэллеса. Учитывая, что в это время шла советско-финляндская война, в которую собирались вмешаться на стороне Финляндии правительства Великобритании и Франции, пользовавшиеся в общем поддержкой США, нельзя исключить того, что целью миссии было прекращение войны в Западной Европе путем антисоветского сговора [18].

В Риме Уэллес вел переговоры с Муссолини и Чиано, в Берлине встречался с Гитлером и Риббентропом, в Лондоне с Чемберленом и Черчиллем, а в Париже с Даладье и Рейно. Как и следовало ожидать, позиции воюющих сторон оказались непримиримыми. В Берлине не скрывали желания вести войну до тех пор, пока вся Европа не подпадет под контроль Германии. Для Лондона и Парижа мир на таких условиях был неприемлем. Зондаж, произведенный Уэллесом, позволил сделать вывод, что амбиции Гитлера не имеют границ. Веское подтверждение этому было получено, когда на смену «странной войне» пришло массированное наступление вермахта на Западе.

Капитуляция Франции и установление контроля гитлеровской Германии над Западной Европой, исключая Англию, подтвердили самые мрачные прогнозы. По мнению Г. Стимсона, ставшего в июле 1940 г. военным министром, Соединенные Штаты оказались перед лицом самого большого кризиса в своей истории [19]. В случае полного поражения Англии Гитлер, как опасались в Вашингтоне, повернул бы вермахт на Американский континент, тем более что при этом мог опереться на Японию.

Еще раз была доказана пагубность политики «нейтралитета», даже в измененном виде, ибо США запаздывали с помощью западным союзникам. Германия уверилась в том, что ей удастся достигнуть решающего преимущества в Европе до американского вмешательства; Италия, отвергнув советы США, включилась в войну на стороне нацистов, а Япония торопилась воспользоваться резким ослаблением позиций Англии и Франции в Азии. Стало совершенно очевидным, что внешнеполитические проблемы, включая главную из них — обеспечение безопасности страны, нельзя решить в рамках нейтралитета. Понимание этого и отразилось в настроениях общественности: с 20 до 80% увеличилось число сторонников оказания помощи союзникам помимо «кэш энд кэрри» [20]. Возросшая опасность заставила и изоляционистов и интернационалистов потребовать вооружения нации [21]. С июня по сентябрь 1940 г. конгресс спешно при-

---

[17] *Drummond D. F.* Op. cit., p. 123.
[18] История дипломатии: Т. 1—5. М., 1959—1979, т. 4, с. 15. В «Истории внешней политики СССР (1917—1980)» говорится, что «цель миссии состояла в зондировании возможностей заключения Англией и Францией мира с гитлеровской Германией» (т. 1, с. 406).
[19] *Stimson H., Bundy M.* On Active Service in Peace and War. N. Y., 1948, p. 318.
[20] *Drummond D. F.* Op. cit., p. 150.
[21] *Lippman W.* U. S. War Aims. Boston, 1944, p. 45.

нял несколько финансовых законопроектов, доведя военный бюджет до 10,5 млрд. долл., т. е. увеличив его в 5 раз.

Решительно активизировались противники нейтралитета. 17 мая Уайт направил телеграмму нескольким сотням известных деятелей, в которой говорилось, что «пришло время, когда Соединенным Штатам следует выступить со своей материальной и моральной мощью на стороне больших и малых наций Западной Европы, сражающихся за цивилизованный путь жизни»[22]. Вскоре было объявлено о создании «Комитета защиты Америки путем оказания помощи союзникам», превратившегося во влиятельную общенациональную организацию. За 1,5 месяца в 47 штатах появилось более 300 отделений комитета. Денежные взносы в его фонд поступали отовсюду, крупные взносы шли от бизнесменов. Поддержка комитета основной частью деловых кругов отражала непримиримость противоречий между США и гитлеровской Германией.

Углубились расхождения в лагере изоляционистов. Их левое крыло (историк Ч. Бирд, экономист С. Чейз, писатель Т. Драйзер, социалист Н. Томас и др.), проводя параллель между обеими мировыми войнами, делало упор на империалистические тенденции, преуменьшая значение антифашистского фактора в происходившей борьбе. Ч. Бирд, например, так и не сумел понять неизбежность активной борьбы против агрессии государств фашистско-милитаристского блока.

Правое крыло (бывший президент Г. Гувер, сенатор Р. Тафт, конгрессмен Г. Фиш, издатель-миллионер У. Херст-старший и др.) выступало с откровенно экспансионистских позиций. Изоляционисты консервативного толка полагали, что, оставаясь вне войны в Европе, США получат лучшие шансы благодаря взаимному ослаблению их империалистических соперников. Не исключали правые изоляционисты и американского участия в войне, в частности против Японии, считая, как сенатор Р. Тафт, что «вовлечение в войну на Тихом океане не столь опасно, как в европейскую войну»[23]. Ведущей организацией правых изоляционистов стал «Комитет Америка прежде всего», к которому тяготели многие реакционные и профашистские группы[24]. Пропаганда правых сводилась к тому, что неограниченная помощь Англии сделает неизбежным вступление США в войну в Европе при отсутствии для них внешней угрозы. Созданная в начале сентября 1940 г. в противовес комитету Уайта, эта организация использовала избирательную кампанию 1940 г., чтобы заручиться поддержкой общественности. Показательно, что многие левые изоляционисты избегали сотрудничества с «Комитетом Америка прежде всего».

В изменившейся мировой стратегической обстановке неотложная американская помощь стала жизненно необходимой для Великобритании, где новое правительство возглавил премьер-министр У. Черчилль. Уже в первом его обращении к США за помощью, последовавшем 15 мая, содержалась отчаянная просьба предоставить взаймы 40—50 американских эсминцев для усиления конвоя английских судов. «Комитет защиты Америки путем оказания помощи союзникам» выступил за передачу эсминцев, выкинув лозунг: «Нас и Гитлера разделяет английский флот». От него же исходило предложение передать эсминцы в обмен на базы в

[22] *Johnson W.* The Battle Against Isolation. Chicago, 1944, p. 69.
[23] *Jonas M.* Isolationism in America. 1935—1941. Ithaca, 1966, p. 23.
[24] *Cole W.* America First. The Battle Against Intervention, 1940—1941. Madison, 1953.

британских владениях в Западном полушарии и обещание не допустить сдачи английского флота Германии.

Черчилль предпочел бы не облекать соглашение в форму обмена баз на эсминцы, но Рузвельт, ссылаясь на существующее законодательство и оппозицию изоляционистов, настоял на своем. По соглашению от 2 сентября 1940 г. 50 старых американских эсминцев были обменены на территории под 8 авиационных и морских баз в британских владениях от Ньюфаундленда до Британской Гвианы, сданных в аренду на 99 лет (передача территорий на Ньюфаундленде и на Бермудских островах была оформлена в виде «дара»). Англия подтвердила, что ни в коем случае не допустит, чтобы ее флот попал в руки гитлеровцев.

Выгоды для США были неоспоримы. Сообщая конгрессу о достигнутом соглашении, Рузвельт заявил, что оно представляет «наиболее важный шаг в усилении нашей национальной обороны со времени покупки Луизианы» [25].

2. ПРОБЛЕМЫ ЭКОНОМИКИ И ВНУТРЕННЕЙ ПОЛИТИКИ

Воздействие второй мировой войны на экономику США, сохранявших нейтралитет вплоть до конца 1941 г., сказалось не сразу. Военно-производственная конъюнктура периода «странной войны» не стала достаточно сильным импульсом для такого масштабного механизма, каким была американская экономика, на долю которой приходилась половина промышленной продукции всего капиталистического мира, треть сбора зерновых и свыше половины сбора хлопка.

Положение изменилось со вступлением мировой войны летом 1940 г. в новый этап. С этого времени все значительные проблемы политического и социально-экономического развития оказались так или иначе связанными с войной. Спустя два года после начала войны американское промышленное производство превысило уровень 1935—1939 гг. более чем в 1,5 раза. Валовой национальной продукт страны увеличился с 90,5 млрд. в 1939 г. до 99,7 млрд. в 1940 г. и 124,5 млрд. долл. в 1941 г. (когда он наконец превзошел показатель предкризисного 1929 г.) [26].

Для ускорения темпов экономического развития важнейшее значение имело огромное расширение «регулирующих» мероприятий государства. Федеральные закупки товаров и услуг возросли с 6,2 млрд. в 1940 г. до 16 млрд. долл. в 1941 г., или с 6,2 до 13,4% валового национального продукта США [27]. Мероприятия, отражавшие усиление государственно-монополистических тенденций, осуществлялись по нескольким каналам. Государство взяло на себя значительные расходы по наращиванию производственных мощностей. Серьезное внимание уделялось расширению производства сталелитейной, алюминиевой и некоторых других отраслей промышленности, а также производству дефицитных материалов (синтетического каучука и др.).

Существенным стимулом для развития производства явилось принятие в октябре 1940 г. закона об ускоренной амортизации капитала (пя-

[25] The Public Papers and Addresses of Franklin D. Roosevelt, 1940 vol., p. 391.
[26] Survey of Current Business, 1965, N 8, p. 24.
[27] *Далин С. А.* Военно-государственный монополистический капитализм в США. М., 1961, с. 50.

тилетний срок вместо обычных 20—30 лет), что понижало размеры налогов на корпорации. Неуклонно увеличивался удельный вес крупных фирм, и снижалось значение мелких. Этому же способствовала правительственная практика заключения «громадной массы» военных контрактов с немногими, наиболее крупными фирмами [28]. По данным на середину 1941 г., почти $^3/_4$ контрактов армии и флота приходилось на 56 компаний, а 6 из них заполучили контрактов более чем на 3 млрд. долл. (из 9,8 млрд. всех контрактов) [29].

Вопросы, связанные с национальной безопасностью, приобретали все большее значение. Передовая часть американского общества, включая коммунистов, задолго до войны подчеркивала приоритет дела борьбы против фашизма и его агрессии, отстаивая идею единения демократических сил на широкой антифашистской платформе. Реформистский «новый курс», благодаря которому в 1933—1938 гг. удалось смягчить наиболее острые внутренние конфликты, вызванные социально-экономическими и политическими причинами, также способствовал консолидации левых и либеральных сил. Демократическая коалиция «нового курса», зародившаяся в предвоенный период [30], укреплялась перед лицом перманентно возраставшей внешней угрозы национальным интересам и безопасности США.

Известное сближение различных слоев американского общества не устранило, конечно, классовых противоречий между ними. Особенно это верно для первого этапа войны (сентябрь 1939 г.— май 1940 г.), которому не только в США, но и в других странах давались различные, нередко противоположные оценки. Буржуазный лагерь, используя сложную обстановку, попытался, правда без особого успеха, отбросить назад рабочее движение. Пересмотра рабочей политики государства в декабре 1939 г. потребовал съезд Национальной ассоциации промышленников. В конгрессе и буржуазной печати велась антирабочая кампания, предпринимались шаги для подрыва социальных завоеваний 30-х годов [31].

Рабочий класс вовсе не собирался уступать завоеванное. Продолжалось забастовочное движение, которое шло под лозунгами признания профсоюзов и улучшения условий труда. В 1939 г. были зарегистрированы 2639 забастовок и 1180 тыс. участвовавших в них рабочих, в 1940 г. соответственно — 2493 и 573 тыс., в 1941 г.— 4314 и 2360 тыс. участников [32]. Многие забастовки властям удалось предотвратить путем вмешательства различных посреднических органов.

В июне 1940 г. вступил в силу закон Смита, являвшийся частью более пространного закона о регистрации иностранцев, который обсуждался в комиссиях конгресса с 1935 г. Закон Смита, послуживший прототипом последующего антидемократического законодательства, объявлял «преступным заговором», караемым заключением в тюрьму до 10 лет и штрафом до 10 тыс. долл. (ст. 5), деятельность лиц, агитирующих за

[28] *Блэр Дж.* и др. Экономическая концентрация и вторая мировая война. М., 1948, с. 32, 34.
[29] Industrial Mobilization for War. History of the War Production Board and Predecessor Agencies, 1940—1945. Wash., 1947, vol. 1, p. 147.
[30] Подробнее см.: *Мальков В. Л.* «Новый курс» в США: Социальные движения и социальная политика. М., 1973, гл. 5.
[31] *Сивачев Н. В.* Рабочая политика правительства США в годы второй мировой войны. М., 1974, с. 57—69.
[32] Historical Statistics of the United States. Colonial Times to 1970. Wash., 1975, p. 179.

«обязательность, необходимость, желательность или правомерность свержения или уничтожения любого правительства Соединенных Штатов путем применения силы или насилия...» (ст. 2) [33]. Широкий простор для преследования властями неугодных лиц открывала статья 3, которая объявляла противозаконными любые запрещенные законом действия, вплоть до «тайных». В соответствии с новым законом с августа по декабрь 1940 г. проводилась регистрация иностранцев, выявившая около 5 млн. человек, не имевших американского гражданства. Принятый под флагом борьбы с нацистской агентурой закон был использован в послевоенный период маккартистами для наступления на гражданские права американцев.

Для американских коммунистов период между началом войны и гитлеровским нападением на СССР в июне 1941 г. был временем тяжелых испытаний. В этот период Компартия подвергалась многочисленным нападкам и преследованиям. Партия усугубила трудности тем, что публично одобрила лозунги изоляционистов, ослабив этим собственные антифашистские позиции [34]. На схожих с коммунистами позициях стояло в период «странной войны» влиятельное левое меньшинство в КПП [35]. Его председатель Дж. Льюис отвергал оборонные мероприятия правительства и помощь Англии и Франции. Однако против такого нейтрализма выступила группа Ф. Мэррея — С. Хиллмэна в руководстве КПП, правильнее оценивавшая настроение профсоюзных масс. Лишь после смены руководства КПП на его третьем конгрессе в ноябре 1940 г. это крупнейшее профсоюзное объединение заявило о солидарности с правительственной внешней политикой и внесло предложение об ускорении развертывания оборонного производства.

АФТ, наоборот, с самого начала поддержала провозглашенную летом 1940 г. правительственную программу «национальной обороны». Очередной съезд АФТ, состоявшийся в ноябре того же года, обязался оказывать правительству всяческую помощь. Более того, съезд принял решение о добровольном отказе от стачек на время чрезвычайного положения, вызванного войной в Европе. Члены федерации на местах принимали решения не прибегать к забастовкам на оборонных предприятиях, не исчерпав возможностей государственных посреднических органов. Что касается рядовых членов профсоюзов, то готовность содействовать росту военного производства объяснялась их антифашистскими настроениями, желанием оказать помощь странам, которые воевали с государствами фашистско-милитаристского блока.

В условиях и под прикрытием «чрезвычайного положения» конгресс принял ряд законов, имевших антикоммунистическую направленность. Помимо закона Смита, это был закон Хэтча (1939 г.), который запрещал государственным служащим состоять в Компартии, закон Вурхиса (октябрь 1940 г.), требовавший регистрации «подрывных» организаций, находящихся «под иностранным контролем», и несколько других.

Значительную роль в этой кампании сыграла созданная в мае 1938 г. комиссия палаты представителей по расследованию антиамериканской деятельности во главе с М. Дайсом. Комиссия, резко активизировавшаяся летом 1939 г., писал американский историк, все более пре-

[33] Соединенные Штаты Америки: Словарь-справочник. М., 1960, с. 176—177.
[34] *Грин Г.* Забытый враг. М., 1958, с. 170.
[35] *Сивачев Н. В.* Рабочая политика правительства США..., с. 51—55.

вращалась в «политическое оружие определенных консервативных элементов» [36]. Не случайно она пользовалась поддержкой таких органов печати, как правая «Чикаго трибюн» и кофлиновская «Сошиал джастис». Комиссия Дайса вела травлю коммунистов, прогрессивных профсоюзов, демократических массовых организаций. Члены комиссии выступали с нападками на либеральных общественных и политических деятелей, служителей культа, даже на министров, в частности на Ф. Перкинс, Г. Гопкинса, Г. Икеса. В одном из подготовленных для комиссии списков лиц, связанных с «подрывными» организациями, значились имена членов кабинета Г. Стимсона, Ф. Нокса и матери президента Рузвельта [37]. Очень скоро деятельность комиссии обернулась атакой на демократические права и свободы американских граждан.

Поворот в ходе мировой войны летом 1940 г. совпал с началом очередной избирательной кампании. Съезд демократической партии в Чикаго вопреки традиции, ограничивавшей пребывание на посту президента одного лица двумя сроками, в третий раз подряд выдвинул кандидатуру Рузвельта [38]. Оправданием этому стали соображения, продиктованные обстановкой мировой войны. Р. Шервуд писал: «Гитлер и Муссолини, а также Черчилль приняли решение за Рузвельта» [39]. Избирательная кампания прошла на фоне окончательного оформления «оси» Берлин—Рим—Токио, воздушной битвы за Англию, усиления подводной войны в Атлантике, нового наступления Японии на Дальнем Востоке.

Впервые после президентских выборов 1916 г. вопросы войны и мира приобрели доминирующее значение. К этому времени выявилась значительная степень единодушия по таким кардинальным вопросам, как всесторонняя поддержка Великобритании в ее войне с гитлеровской Германией и оказание политико-дипломатического противодействия экспансии Японии. Тенденция к заметному сближению в подходе к важнейшим внешнеполитическим проблемам нашла отражение в избирательных платформах обеих партий. Они предусматривали оказание материальной помощи странам, воюющим с фашистско-милитаристским блоком, и активную защиту доктрины Монро. Правда, обе партии обещали не участвовать в «иностранных войнах». Однако накануне выборов, как показали опросы общественного мнения, $^{2}/_{3}$ американцев считали, что в конце концов США вступят в европейскую войну [40].

Характерно, что съезд республиканцев в Филадельфии предпочел известным изоляционистам сенаторам Р. Тафту и А. Ванденбергу кандидатуру У. Уилки, в прошлом демократа, противника изоляционизма и сторонника Лиги наций, открыто выступавшего за помощь Англии. Уилки заявил о поддержке внешней политики своего соперника и только старался доказать, что сможет проводить эту политику лучше Рузвельта. Почти до самого конца избирательной кампании внешнеполитические вопросы не вызывали особых дискуссий между претендентами в Белый дом. Республиканцы вынуждены были признать, хотя и с оговорками,

[36] *Ogden A. R.* The Dies Committee: A Study of the Special House Committee for the Investigation of Un-American Activities, 1938—1944. Wash., 1945, p. 295.
[37] *Roosevelt A. E.* This I Remember. N. Y., 1949, p. 202—203.
[38] *Parmet H., Hecht M.* Never Again. A President Runs for a Third Term. N. Y., 1968.
[39] *Шервуд Р.* Рузвельт и Гопкинс: Глазами очевидца. В 2-х т. М., 1958, т. 1, с. 309.
[40] Public Opinion, 1935—1946. Princeton, 1951, p. 199.

оправданность реформ «нового курса». В то же время они призывали повернуться наконец лицом к крупному капиталу.

Изоляционистская критика шла преимущественно со стороны «Комитета Америка прежде всего», мишенью которого была американская помощь Англии. Однако изоляционистская пропаганда имела мало шансов на успех. Отвечая изоляционистам, обвинявшим правительство в тайных связях с другими государствами, что, по их мнению, было чревато опасностью вовлечения в войну, Рузвельт говорил о возможности и даже необходимости удержать США вне войны [41]. Американские авторы полагали, что президент был неискренен, скрывая свое убеждение в неотвратимости вооруженного столкновения с агрессорами [42]. Они объясняли эту двойственность интересами предвыборной кампании, проявлением свойственной Рузвельту политической расчетливости, нежеланием рисковать. Однако эта двойственность скорее была следствием предвоенной политики «свободы рук». Остроту в избирательную кампанию внес председатель КПП Дж. Льюис, поддержавший Уилки и призвавший рабочих следовать его примеру. Он громогласно объявил, что в случае переизбрания Рузвельта оставит свой пост в КПП.

Выборы принесли победу Рузвельту и Г. Уоллесу, баллотировавшемуся в вице-президенты, которые получили 55% голосов. Большинство рабочих голосовали за Рузвельта. Льюис был вынужден выполнить свое обещание и выйти из КПП. Демократы победили и на выборах в конгресс, получив 66 мест в сенате и 268 в палате представителей (против 28 и 162 соответственно у республиканцев). Итоги президентских выборов означали одобрение широкими массами мер правительства Рузвельта, отвечавших интересам безопасности страны и целям борьбы прогрессивных сил против фашизма [43]. То, что на выборах стоял вопрос о войне и мире, действовало в пользу Рузвельта [44]. В международном плане они оценивались «как ясное указание на то, что Соединенные Штаты будут по-прежнему выступать против Германии и Японии, не останавливаясь даже перед риском войны» [45].

Драматическое завершение «странной войны» побудило правительство выдвинуть программу «национальной обороны», изложенную в речах Рузвельта 17 мая и 10 июня 1940 г. Затем она была дополнена законопроектом об ассигновании 4 млрд. долл. на строительство «флота двух океанов». Общие ассигнования на военные цели в 1940 г. достигли 17,7 млрд. долл. Конгресс принял также билль об увеличении армии с 280 тыс. до 1200 тыс. человек [46]. Наконец, приняв закон об «ускоренной амортизации» капитала, правительство стремилось заинтересовать предпринимателей в военной конъюнктуре.

Летом 1940 г. было принято решение, ставшее вехой в овладении секретом атома. На другой день после падения Парижа Рузвельт санкционировал начало работ по созданию атомной бомбы, которые велись в

---

[41] The Public Papers and Addresses of Franklin D. Roosevelt, 1940 vol., p. 415.
[42] *Шервуд Р.* Указ. соч., т. 1, с. 350—351; *Drummond D. F.* Op. cit., p. 178—181; *Divine R. A.* Op. cit., p. 99—101.
[43] *Иноземцев Н.* Внешняя политика США в эпоху империализма. М., 1960, с. 364.
[44] *Dallek R.* Franklin D. Roosevelt and American Foreign Policy, 1932—1945. N. Y., 1979, p. 250.
[45] *Divine R. A.* Op. cit., p. 101.
[46] *Кузнец Ю.* Вступление США во вторую мировую войну. М., 1962, с. 122.

строжайшей тайне[47]. Они осуществлялись с участием эмигрировавших из Европы физиков А. Эйнштейна, Э. Ферми и др.

В сентябре 1940 г. вступил в силу закон о выборочной воинской повинности. Это был первый закон о всеобщей воинской повинности в мирное время. Принятый в разгар президентской избирательной кампании, он позволял безошибочно определить меру популярности этого закона среди избирателей, обычно крайне болезненно реагирующих на обязательный набор в армию. Но на этот раз все обстояло иначе: в стране было сильно убеждение в необходимости укрепления национальной обороны. Таков был смысл речи президента на церемонии жеребьевки в Вашингтоне, призванной определить фамилии первых 800 тыс. новобранцев.

Однако программа «национальной обороны» осуществлялась медленно и неполно. В это время из 184 тыс. американских промышленных фирм военным производством были заняты не более 150[48]. Уже первая попытка суммировать оборонные потребности, предпринятая в марте 1941 г. Управлением производства военных материалов, показала, что необходимо существенное приращение производственных мощностей. К таким же выводам пришла сенатская комиссия под председательством Г. Трумэна. Летом 1941 г. «ощущалась потрясающая нехватка большинства видов оружия и материалов»[49].

С целью ускорения перестройки экономики 30 июля 1941 г. было образовано Управление экономической обороны во главе с вице-президентом Г. Уоллесом. 28 августа под его же председательством возникло Управление по очередности снабжения и размещения заказов, в которое наряду с главами правительственных ведомств вошли представители крупного капитала — Д. Нельсон, У. Надсен, Н. Рокфеллер. В результате очередного анализа причин отставания американских оборонных мероприятий от все более разраставшихся задач появился меморандум руководства вооруженных сил от 11 сентября 1941 г., подписанный генералом Дж. Маршаллом и адмиралом Г. Старком. На базе данного документа разрабатывалась так называемая Программа победы, принятая после вступления США в войну.

Организационные меры, отразившие общую тенденцию расширения государственного регулирования экономики, несколько ускорили перестройку промышленности. Однако темпы перестройки снижались тем, что предприниматели, ссылаясь на недостаточный уровень военных заказов, все еще воздерживались от новых капиталовложений[50]. Тогда правительство решило приостановить действие законов против трестов. Путем щедрых государственных субсидий, займов и налоговых льгот в пользу промышленников оно поощряло строительство частных предприятий. Заводы военного назначения, строившиеся самим государством, затем передавались корпорациям, которые и эксплуатировали их в годы войны.

Доходило дело и до саботажа оборонных усилий. Рокфеллеровская «Стандард ойл компани оф Нью-Джерси», соблюдая условия картельного соглашения с германским концерном «ИГ Фарбениндустри», надолго за-

---

[47] *Smith H. D.* Atomic Energy for Military Purposes. Princeton, 1945.
[48] *Nelson D.* Arsenal of Democracy: The Story of American War Production. N. Y., 1946, p. 276.
[49] *Шервуд Р.* Указ. соч., т. 1, с. 638.
[50] История второй мировой войны, 1939—1945: В 12-ти т. М., 1973—1982, т. 4, с. 440.

держала производство в США синтетического каучука. Из-за соглашения между «Дженерал электрик» и концерном Круппа не был налажен выпуск карбида вольфрама — твердого сплава, необходимого для изготовления режущих инструментов и штампов.

Иной была позиция широких трудящихся масс, особенно после нападения фашистской Германии на Советский Союз. Рабочие при авангардной роли Компартии и профсоюзов развернули «битву за производство», чтобы способствовать увеличению американского вклада в войну против гитлеровской Германии. Они добровольно отказывались от забастовок, соглашались на увеличение продолжительности рабочей недели, старались повысить производительность труда. Ускорению военно-промышленного производства страна во многом была обязана патриотическому движению рабочего класса.

И все же накануне Пёрл-Харбора, несмотря на принятые меры, военная готовность США явно не соответствовала их возможностям. Американская экономика оставалась по преимуществу гражданской: на производство вооружения переключилось только 15% промышленности; доля военного производства в общем промышленном производстве составляла лишь 22%, а в валовом национальном продукте — 6,3% [51]. В то время на США приходилось не более 12% мирового производства вооружения [52].

Между тем идеологи и пропагандисты монополистического капитала США по-своему и гораздо активнее готовились к насильственному переделу мира, разрабатывая планы его «американизации». В начале 1941 г. под броским заголовком «Американский век» появилась статья издателя крупнейших журналов «Тайм», «Лайф» и «Форчун» миллионера Г. Люса. Название статьи (вышедшей затем отдельной книжкой) выражало смысл далеко идущих планов империалистических кругов США, направленных на то, чтобы использовать вторую мировую войну в гегемонистских целях.

Излагая экспансионистскую программу, Люс призывал «взять на себя целиком и полностью обязанности самой мощной и главнейшей страны мира и в полной мере распространить наше влияние на мир для достижения тех целей, которые мы считаем подходящими... XX век должен стать в значительной мере американским веком» [53]. Империалистическая идея «американского века» прямо продолжала старую доктрину «предопределения судьбы», отводившей США роль страны, призванной вести за собой остальные народы. Она была прямо противоположна тому, за что сражались народы против фашизма, с оружием в руках отстаивая свое священное право строить жизнь по собственному усмотрению. Поборники «американского века» стремились повлиять на другие страны, опираясь на военно-экономический потенциал США.

Идея мирового господства, все время присутствовавшая во внешнеполитической идеологии США, обрела большую силу еще до второй мировой войны. В 1936 г. в книге «Могущественная Америка: наше место

---

[51] *Розенфельд Я. С.* Промышленность Соединенных Штатов Америки и война. М., 1946, с. 43; *Далин С. А.* Указ. соч., с. 280; *Kuznets S.* National Production since 1869. N. Y., 1946, p. 52.

[52] War Production in 1944. Wash., 1945, p. 22.

[53] *Luce H.* American Century. N. Y., 1941, p. 23, 31.

в перевооружающемся мире» редактор иностранного отдела газеты «Нью-Йорк таймс» Ю. Янг утверждал, что у США есть все возможности «взять на себя руководство миром» и тем самым «содействовать обеспечению лучшего мирового порядка». Средство же достижения этой цели — создание «самого большого флота и самой большой авиации». Автор предлагал воспользоваться выгодами стратегического положения США и проводить политику «баланса сил», т. е. «восстанавливать соперников друг против друга и пожинать плоды, когда они будут ослаблены, как это делала Англия» [54]. Именно такое содержание вкладывали в изоляционизм его реакционные приверженцы. Аналогичные призывы содержались и в книге «Боится ли Америка? Внешняя политика для Америки» бывшего сотрудника госдепартамента и автора внешнеполитических статей в столичной газете «Вашингтон пост» Л. Хартли. Он также полагал, что США способны «направить мировую эволюцию к американизированному всемирному государству, основанному на американских долларах, линкорах и бомбардировщиках» [55].

Один из путей к созданию «всемирного государства» по американскому рецепту подсказывала книга К. Стрейта [56], предвосхитившая практику послевоенного североатлантического «сообщества». Опорой и базой грядущего «сообщества» наций по обе стороны Атлантического океана, по мысли авторов послевоенной политической реконструкции мира, должен был стать англо-американский союз. Верховенство США и Англии как внутри «сообщества», так и в мире в целом могло быть установлено только благодаря превосходящей военной мощи. Отсюда делался вывод о неотложности вооружения Соединенных Штатов и поддержки ими британского союзника.

С началом войны в Европе призывы к экспансионизму умножились. Настало время, считал один из экспансионистов, заменить «негативный, недальновидный, страусоподобный» изоляционизм «героическими и конструктивными действиями», отвечавшими велениям времени, которое, по его словам, вновь, как и в годы первой мировой войны, поставило перед США вопрос о «мировом лидерстве» [57]. Военный обозреватель «Нью-Йорк таймс» Х. Болдуин призывал США «избавиться» от оборонительной концепции, заменив ее понятием «агрессивная оборона»: «Мы сильны в своем праве. Мы должны помнить это и заявить миру на манер наших самоуверенных предков-янки, что способны поколотить весь мир» [58].

Проповедники «американского века» рассчитывали, что в ходе войны другие державы взаимно ослабят друг друга. Особые надежды возлагались на ослабление Советского Союза. Заместитель государственного секретаря С. Уэллес признавал наличие в предвоенные годы крупных финансовых и коммерческих групп в Великобритании, Франции и США, исходивших из убеждения, что война между Советским Союзом и гитлеровской Германией может только благоприятствовать интересам этих

---

[54] *Young E.* Powerful America. Our Place in Rearming World. N. Y., 1936, p. 2, 345.
[55] *Hartley L.* Is America Afraid? A Foreign Policy for America. N. Y., 1937, p. 64.
[56] *Streit C.* Union Now. A Proposal for a Federal Union of the Democracies of the North Atlantic. N. Y., 1939.
[57] *Carr A.* America's Last Chance. N. Y., 1940, p. 10—11.
[58] *Baldwin H.* United We Stand! Defense of the Western Hemisphere. N. Y., 1941, p. 284, 288.

групп. Расчет был на то, что СССР ослабнет в результате поражения в войне с Германией, а коммунизм будет уничтожен [59].

Сторонники такого подхода, как отмечал популярный публицист того времени У. Липпман, спокойно следили за развитием гитлеровской агрессии, полагая, что она «направлена на восток, в сторону от района Атлантики» [60]. Даже когда уже не оставалось и места сомнениям относительно подлинных намерений гитлеровской Германии, «умиротворители» типа Джозефа Кеннеди (отозванного в конце 1940 г. с поста посла в Лондоне), вице-президента компании «Дженерал моторз» Дж. Муни, правых деятелей из «Комитета Америка прежде всего» и им подобных продолжали поиски соглашения с фашистскими агрессорами.

Американские экспансионисты желали бы распространить на весь мир то влияние, которым они пользовались в Западном полушарии, где они обладали монопольными позициями и где были сосредоточены до 3/4 заграничных инвестиций США [61]. Примером целеустремленности и настойчивости в развернувшейся межимпериалистической борьбе являлась американская позиция в борьбе с Японией за господство в Китае. Сторонники идеи «американского века» были сравнительно немногочисленной, но влиятельной силой, и они наложили отпечаток на формирование политики и определение целей США во второй мировой войне. Однако в силу освободительного, антифашистского характера этой войны многим из их империалистических планов так и не суждено было сбыться.

3. «НЕОБЪЯВЛЕННАЯ ВОЙНА»

Со вступлением США осенью 1940 г. в период «необъявленной войны» происходит фактический разрыв с нейтралитетом, с внешнеполитическим курсом, принятым в 1935 г. и пришедшим в полное противоречие с их интересами. По-прежнему сказывалось стремление как можно дольше оставаться вне войны, но подавляющее большинство американцев считали самым важным устранение угрозы, исходившей от фашистско-милитаристского блока [62].

Дело шло к углублению конфликта между буржуазной демократией и фашизмом, о чем говорилось еще на VII конгрессе Коминтерна, который «первым в полную силу высказался против того, чтобы игнорировать качественную разницу между фашизмом и буржуазной демократией» [63]. Чем дольше длилась война, тем становилось яснее, что «победа Гитлера создает смертельную угрозу американским интересам и американскому образу жизни и что Соединенные Штаты жизненно заинтересованы в поддержке стран, воюющих с Гитлером» [64]. Вот почему позиция США накануне и в первый период войны определялась не столько

---

[59] *Welles S.* Op. cit., p. 321.
[60] *Lippman W.* Op. cit., p. 43.
[61] *Faulkner H.* American Economic History. N. Y.; L., 1943, p. 681.
[62] *Osgood R.* Ideas and Self-Interest in America's Foreign Relations: The Great Transformation of the Twentieth Century. Chicago, 1953, p. 407.
[63] *Пономарев Б.* О 60-й годовщине образования Коммунистического Интернационала.— Коммунист, 1972, № 5, с. 22. См. также: *Лейбзон Б., Ширина К.* Поворот в политике Коминтерна. 2-е изд. М., 1975.
[64] *Lash J.* Roosevelt and Churchill, 1939—1941: The Partnership that Saved the West. N. Y., 1976, p. 417.

непосредственными экономическими факторами и вытекающими отсюда мотивами, сколько политическими и военно-стратегическими соображениями.

Эволюция внешней политики США, происходившая под влиянием экспансии государств фашистско-милитаристского блока, тесно связана с именем Рузвельта. По его инициативе принимались решения об обмене эсминцев на базы, о ленд-лизе, о выработке Атлантической хартии. Задолго до начала войны Рузвельт осознал опасность, исходящую от гитлеровской Германии и милитаристской Японии, говорил о важности международного сотрудничества для противодействия их агрессии. Контроль враждебной Соединенным Штатам силы над Европой и Азией, считал Рузвельт, будет иметь разрушительные последствия для обороны Западного полушария. Он был убежден, что мероприятия по самообороне не могут ограничиваться территорией Американского континента, а должны распространяться за Атлантический и Тихий океаны [65].

Однако между провозглашаемыми правительством Рузвельта позитивными целями и средствами их достижения существовал большой разрыв. После установления дипломатических отношений между СССР и США в 1933 г. они так и не получили должного развития. Этот разрыв увеличился в годы «нейтралитета», способствовавшего антисоветскому сговору в Мюнхене. Мало что изменилось в этом плане и с наступлением мировой войны. Медлительность правительства, например в деле обмена эсминцев на базы, вызвала критику даже со стороны его сторонников [66]. Оно установило дипломатические отношения с режимом Виши и упорно противилось признанию движения Свободная Франция во главе с генералом Ш. де Голлем [67].

Подписание в Берлине 27 сентября 1940 г. Германией, Италией и Японией Тройственного пакта наглядно продемонстрировало глобальный характер притязаний государств фашистско-милитаристского блока. Агрессоры обязывались поддерживать друг друга всеми средствами, включая военные, в случае нападения на одну из них «какой-либо державы, которая в настоящее время не участвует в европейской войне и в японо-китайском конфликте» [68], т. е. против СССР и США — великих держав, остававшихся пока вне войны. По оценке Хэлла, этот пакт непосредственно угрожал американским интересам [69]. Цель Тройственного пакта Гитлер видел в том, чтобы «как можно быстрее побудить Японию к активным действиям на Дальнем Востоке», полагая, что таким образом «будут скованы крупные английские силы, а основное внимание Соединенных Штатов Америки привлечено к Тихому океану» [70].

США ответили принятием стратегического решения, закрепившего главную тенденцию их предвоенной политики: рассматривать районы Атлантики и Тихого океана как взаимосвязанные, но приоритет предо-

---

[65] *Greer Th.* What Roosevelt Thought. The Social and Political Ideas of Franklin D. Roosevelt. East Lansing (Mich), 1958, p. 188.

[66] *Burns J. M.* Roosevelt: The Soldier of Freedom. N. Y., 1970, p. 65—66, 84—92, 98—101; *Dallek R.* Op. cit., p. 266—268.

[67] *Севостьянов Г. Н., Уткин А. И.* США и Франция в годы войны 1939—1945: Из истории взаимоотношений. М., 1974.

[68] История внешней политики СССР, т. 1, с. 408—409.

[69] The Memoirs of Cordell Hull, vol. 1, p. 925—926.

[70] «Совершенно секретно! Только для командования!» Стратегия фашистской Германии в войне против СССР: Документы и материалы. М., 1967, с. 32.

ставить европейскому театру. В январе—марте 1941 г. в Вашингтоне на секретных англо-американских штабных переговорах был согласован план ABC-1, ставший основой общей стратегии: войне с Германией отдавалось предпочтение перед войной с Японией, против которой до поры до времени следовало ограничиваться обороной.

Чтобы обеспечить поддержку своей внутренней и внешней политике, Рузвельт стремился опереться на народные массы, выступавшие как за «новый курс», так и за вхождение США в антифашистскую коалицию. Именно на это были рассчитаны публичные выступления Рузвельта на рубеже 1940/41 г., сказавшиеся на формулировании официальных целей страны в войне. Значительный резонанс внутри и вне страны получило его радиовыступление 29 декабря 1940 г.[71], в котором Рузвельт призвал превратить США в «арсенал демократии» для оказания помощи странам, боровшимся против держав «оси», «за свою свободу и нашу безопасность». Широкий отклик получило и послание конгрессу от 6 января 1941 г.[72], в котором Рузвельт отстаивал важность «защиты и сохранения свободного мира», основанного на «четырех свободах»: «свободе слова и самовыражения», «свободе каждого исповедовать веру в бога своим путем», «свободе от нужды» и «свободе от страха».

О том, что американским массам был далеко не безразличен исход мировой войны, говорит их реакция на ленд-лиз — идею передачи американского оружия другим странам взаймы или в аренду. Внесенный в конгресс 10 января 1941 г. законопроект, в обсуждении которого приняли участие широкие общественные круги, получил в публике наименование «Остановить Гитлера!».

Для изоляционистов, все еще стоявших за нейтралитет США, вопрос об отклонении билля о ленд-лизе стал очередной крупной ставкой. Их точку зрения изложил Бирд на слушании в комиссии сената по внешним сношениям. Один из интеллектуальных лидеров изоляционистского движения, предпочитавший называть себя «националистом», он настаивал на проведении внешнеполитического курса, который игнорировал бы перемены в мире. Бирд назвал законопроект о ленд-лизе «биллем о ведении необъявленной войны»[73]. Однако конгресс одобрил законопроект внушительным большинством: в палате представителей 260 голосами против 161, в сенате — 60 голосами против 31. Новый закон[74] разрешил передачу взаймы или в аренду американского вооружения и других материалов «любой стране, оборона которой, по мнению президента, жизненно важна для обороны Соединенных Штатов». 11 марта 1941 г., в день принятия закона, его действие было распространено на Англию и Грецию.

Руководителем программы ленд-лиза Рузвельт назначил близкого ему Г. Гопкинса. Вначале американская помощь по ленд-лизу была очень ограниченной: за девять месяцев 1941 г. из выделенных на ленд-лиз 7 млрд. удалось реализовать лишь 780 млн. долл.[75] Не была она и бескорыстной. С самого начала Великобритании давали понять, что помощь

[71] The Public Papers and Addresses of Franklin D. Roosevelt, 1940 vol., p. 633—644.
[72] Ibid., p. 663—672.
[73] New York Times, 1941, Febr. 5.
[74] Peace and War: United States Foreign Policy, 1931—1941. Wash., 1943, p. 627—630.
[75] *Mikesell R.* United States Economic Policy and International Relations. N. Y., 1952, p. 88.

будет предоставляться «в обмен на желательные политические и экономические выгоды» [76]. В порядке «обратного» ленд-лиза США получали от Англии различного рода товары и услуги, в частности ценную научную информацию (о радарах, атомных исследованиях и проч.). Принятием ленд-лиза США «сделали серьезный шаг в сторону поддержки всех тех сил, которые вели борьбу против фашистских агрессоров» [77]. Этот шаг означал больший разрыв с нейтралитетом, чем какой-либо иной акт.

Ленд-лиз знаменовал наступление во взаимоотношениях США и Англии периода «неузаконенного брака». Согласование военно-стратегических планов, широкое дипломатическое сотрудничество, готовность оказать англичанам всевозможную помощь — все это свидетельствовало об установлении союзнических отношений, хотя и без формального объявления об этом.

В рамках укрепления этого сотрудничества США рассматривали вопрос о защите морских коммуникаций между двумя странами, который к весне 1941 г. приобрел особую остроту. В начале апреля Рузвельт разрешил американскому флоту преследовать нацистские подводные лодки в 300-мильной зоне Западной Атлантики, а чуть позже расширил зону патрулирования ВМФ до середины Атлантического океана. Но открывать огонь флот не имел права. 22 мая, впервые с начала войны, немецко-фашистской подводной лодкой был торпедирован американский фрегат «Робин Мур», шедший из Нью-Йорка в Кейптаун.

В такой напряженной обстановке 27 мая Рузвельт в речи по радио [78], избрав темой «битву за Атлантику», объявил о серии мер, которые предусматривали: противодействие любой попытке гитлеровской Германии установить контроль над Западным полушарием; предотвращение нацистского контроля над морями; сопротивление установлению власти гитлеровцев над пунктами, которые могут быть использованы для нападения на США; оказание всевозможной помощи Англии и другим странам, борющимся с фашизмом; использование всех средств для обеспечения американских поставок в такие страны. В заключение Рузвельт провозгласил в стране «неограниченное чрезвычайное положение».

4. ПОЗИЦИЯ США В СВЯЗИ С НАПАДЕНИЕМ ФАШИСТСКОЙ ГЕРМАНИИ НА СССР

22 июня 1941 г. армия гитлеровской Германии без объявления войны и в нарушение советско-германского пакта о ненападении вторглась на территорию Советского Союза. Началась Великая Отечественная война советского народа, знаменовавшая вступление второй мировой войны в новый этап. Борьба против гитлеризма и его союзников приобрела ярко выраженный антифашистский, освободительный характер [79].

На известие о гитлеровском нападении Вашингтон откликнулся правительственным заявлением от 23 июня. В заявлении, объявлявшем «принципы и доктрины коммунистической диктатуры» чуждыми для США, говорилось: «Однако непосредственный вопрос, стоящий перед

[76] *Alsop J., Kintner R.* American White Paper. N. Y., 1940, p. 81.
[77] *Поздеева Л. В.* Указ. соч., с. 235.
[78] The Public Papers and Addresses of Franklin D. Roosevelt, 1941 vol., p. 181—194.
[79] История второй мировой войны, 1939—1945, т. 4, с. 30.

американским народом,— это можно ли успешно противостоять и расстроить план завоевания мира, безжалостного и грубого порабощения всех народов ... план, который теперь Гитлер отчаянно пытается осуществить. Таков реальный вопрос, стоящий в настоящее время перед Америкой... По мнению нашего правительства, всякая защита от гитлеризма, всякое объединение противостоящих гитлеризму сил, каково бы ни было их происхождение, приблизят конечное свержение нынешних германских лидеров и тем самым будут служить на пользу нашей собственной обороне и безопасности». Заявление кончалось фразой, собственноручно вписанной Рузвельтом: «Гитлеровские армии представляют сегодня главную опасность для Америки» [80].

24 июня Рузвельт подтвердил готовность «предоставить России всю ту помощь, какую мы сможем», а 26 июня исполнявший обязанности государственного секретаря С. Уэллес заверил советского посла К. А. Уманского в том, что «любая просьба о материальной помощи, с которой Советское правительство обратится к Соединенным Штатам, будет немедленно принята во внимание...» [81]. Эти официальные американские заявления вместе с заявлением Черчилля от 22 июня 1941 г. положили начало англо-советско-американскому сотрудничеству в войне против гитлеровской Германии.

В то же время реакция официальных кругов в США была «гораздо менее определенной» [82], чем в Великобритании. Причина заключалась, в частности, в противодействии правительственной политике справа, со стороны антисоветских группировок [83]. Сказывались и последствия негативных наслоений в советско-американских отношениях периода 1939—1940 гг.

Реакционная часть правящих кругов хотела бы занять позицию «третьего радующегося» — взирать на схватку со стороны и пожинать плоды взаимного истощения противников. С таких позиций выступали деятели, известные своими антисоветскими и антикоммунистическими взглядами: бывший посол в СССР У. Буллит, сенаторы А. Ванденберг, Б. Кларк, Б. Уилер, члены палаты представителей М. Дайс, Г. Фиш, глава «Комитета Америка прежде всего» Р. Вуд и др. Сенатор-республиканец Р. Тафт заявил даже, что «победа коммунизма в мире будет для США гораздо более опасной, чем победа фашизма» [84]. Полковник Ч. Линдберг предпочитал видеть США «в союзе с Англией или даже с Германией со всеми ее пороками», чем с Советским Союзом [85]. Широко известно заявление сенатора-демократа Г. Трумэна: «Если мы увидим, что выигрывает Германия, нам следует помогать России, а если будет выигрывать Россия, мы должны помочь Германии, и, таким образом, пусть они убивают как можно больше, хотя я и не хочу победы Гитлера ни при каких обстоятельствах» [86].

---

[80] Foreign Relations of the United States, Diplomatic Papers, 1941: Vol. 1—7. Wash., 1955—1962, vol. 1, p. 767—768. (Далее: FRUS).
[81] New York Times, 1941, June 25; FRUS, 1941, vol. 1, p. 769—770.
[82] *Divine R. A.* Op. cit., p. 122.
[83] *Борисов А. Ю.* СССР и США: союзники в годы войны, 1941—1945. М., 1983, с. 47.
[84] Congressional Record, vol. 87, pt 12, p. 3077.
[85] Ibid., p. 3283.
[86] New York Times, 1941, June 24. И после войны, уже будучи президентом США, Трумэн утверждал, что не видит разницы между коммунизмом и фашизмом. См.: American Historical Review, 1970, Apr., p. 1046, 1054.

Против попыток поставить знак равенства между СССР и гитлеровской Германией выступили американцы, опасавшиеся ослабления усилий складывавшейся антифашистской коалиции. В том же номере «Нью-Йорк таймс», в котором цитировалось приведенное заявление Трумэна, была названа «глупой» ставка на взаимное ослабление СССР и Германии. «Нью-Йорк геральд трибюн» напоминала о расчете Гитлера на то, что ему удастся парализовать своих врагов на Западе, объявив «крестовый поход» против большевизма [87].

Решение об оказании помощи Советскому Союзу, несомненно, отвечало настроениям в американском народе. Характерны в этом отношении результаты опроса, проведенного Американским институтом общественного мнения спустя два дня после начала войны: «Какую из сторон вы бы хотели видеть победителем — Германию или Россию?». 72% ответили Россию, 4% — Германию [88].

Несмотря на заявление о готовности оказать помощь Советскому Союзу, конкретные результаты были невелики. Это являлось отчасти следствием неверия в способность СССР выстоять перед напором нацистской военной машины. Основной целью миссии главы администрации по осуществлению ленд-лиза Г. Гопкинса в Москву в конце июля как раз и было выявление возможностей СССР. Гопкинс возвратился в США, убежденный, что гитлеровские орды будут остановлены. Была достигнута договоренность о созыве конференции СССР, США и Великобритании для рассмотрения вопроса о помощи со стороны западных стран.

Такая трехсторонняя конференция состоялась в Москве 28 сентября — 1 октября 1941 г. В письме главе Советского правительства, переданном через возглавившего делегацию США на конференции А. Гарримана, президент вновь заверял в «твердой решимости оказывать всю возможную помощь» [89]. После Московской конференции Рузвельт распорядился предоставить Советскому Союзу из средств, ассигнованных по ленд-лизу, беспроцентный заем на сумму в 1 млрд. долл. Советское правительство оценило это «как исключительно серьезную поддержку Советского Союза в его громадной и трудной борьбе...» [90].

По Московскому протоколу, урезанному в США с 340 млн. до 270 млн. долл., поставки в СССР должны были осуществляться на уровне 30 млн. долл. в месяц. Однако в октябре—декабре 1941 г., по признанию официального американского издания, они «упали значительно ниже того количества, которое Соединенные Штаты согласились поставить...» [91]. Битву под Москвой, одну из решающих битв второй мировой войны, Советские Вооруженные Силы вели без какой-либо существенной поддержки со стороны союзников.

В период между московскими миссиями Гопкинса и Гарримана в бухте Ардженшия (о-в Ньюфаундленд) состоялось первое за время войны совещание Рузвельта с Черчиллем. На нем была принята Атлантическая хартия — официальное заявление США и Англии о своих целях в войне,

[87] New York Herald Tribune, 1941, July 10.
[88] Public Opinion, 1935—1946, p. 1187.
[89] Переписка Председателя Совета Министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941—1945 гг.: В 2-х т. М., 1976, т. 2, с. 11.
[90] Там же, с. 13.
[91] Industrial Mobilization for War, vol. 1, p. 133.

обнародованное 14 августа. Хартия декларировала отказ от территориальных приобретений и непризнание насильственного захвата чужих территорий, уважение прав народов на самоопределение, равенство в торговле и доступе к мировым сырьевым источникам (ослабленное, однако, оговоркой о соблюдении существующих англо-американских обязательств), построение послевоенного мира на основе отказа от применения силы, на базе экономического сотрудничества, всеобщей безопасности, свободы морей, разоружения [92].

Атлантическая хартия, требовавшая «окончательного уничтожения нацистской тирании», теперь уже не только фактически, но и формально поставила США на сторону противников фашистско-милитаристского блока. Со стороны США это было актом, который «в обычных условиях равняется акту войны» [93]. В особой декларации от 24 сентября 1941 г.[94] Советское правительство выразило «свое согласие с основными принципами» хартии. Но в отличие от хартии, в которой отсутствовали практические рекомендации, советская декларация подчеркивала, что основная задача дня — это концентрация усилий свободолюбивых народов для скорейшего разгрома врага.

США не использовали возможности, которыми располагали для реализации принципов Атлантической хартии, в частности в деле активизации помощи СССР. Между тем требования об оказании такой помощи росли под влиянием героической борьбы советских людей. По мере того как благодаря этой борьбе рушился миф о непобедимости нацистской армии, вспоминал позднее С. Уэллес, «энтузиазм общественности возрастал. Требование, чтобы Советскому Союзу была оказана любая помощь, какая только возможна в области военного производства нашей страны, стало всеобщим» [95].

В кампании за оказание помощи СССР большую активность проявляли передовые представители американского общества, прежде всего коммунисты, а также профсоюзы. О массовости движения солидарности с борьбой советского народа можно судить по решениям национальных съездов АФТ и КПП, насчитывавших вместе более 10 млн. членов. Съезд АФТ в Сиэтле 6—16 октября принял резолюцию об оказании английскому народу и его союзникам «полной поддержки: материальной, финансовой и моральной, чтобы уничтожить Гитлера и гитлеризм и стереть их с лица земли» [96]. Вместе с тем «комментарии» к резолюции свидетельствовали о том, что лидеры АФТ, скрепя сердце, соглашались на оказание помощи Советскому Союзу. Съезд КПП, состоявшийся в Детройте 17—22 ноября, назвал «чрезвычайно важным для безопасности страны, чтобы мы немедленно оказали всю возможную помощь Англии, Советскому Союзу и Китаю и целиком сотрудничали с ними» [97].

Изменение настроений в пользу СССР подтверждали опросы населе-

---

[92] Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны: Т. 1—3. М., 1944—1947, т. 1, с. 147—148.

[93] *Churchill W.* The Second World War: Vol. 1—6. L., 1949—1954, vol. 2, p. 444.

[94] Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны, т. 1, с. 144—147.

[95] *Welles S.* Op. cit., p. 172.

[96] American Federation of Labor. Annual Convention. Report of Proceedings, 1941. Wash., 1941, p. 664—665, 667.

[97] Daily Proceedings of the Fourth Constitutional Convention of the Congress of Industrial Organizations, Detroit, November 17—22, 1941. Wash., 1941, p. 134.

ния. Если на второй день после нападения на СССР за продажу Советскому Союзу военных материалов выступила треть опрошенных, то через два месяца — 7 из 10 американцев[98]. На решение Рузвельта, принятое 7 ноября, о том, что «оборона Союза Советских Социалистических Республик жизненно важна для обороны Соединенных Штатов», т. е. о распространении ленд-лиза на СССР, повлияло изменение в общественном мнении США.

Это решение правительства Рузвельта явилось еще одним проявлением вовлечения США в борьбу против государств фашистско-милитаристского блока, которая была характерна для периода между 22 июня 1941 г. и нападением Японии на американскую военно-морскую базу Пёрл-Харбор 7 декабря того же года. В том, что США вошли в антифашистскую коалицию, окончательно оформившуюся после Пёрл-Харбора и разгрома вермахта под Москвой, первостепенная роль принадлежала народным массам, которые были движущей силой антифашистской борьбы. По мнению Дж. Гэллапа, указывавшего на «здравое коллективное суждение» американцев, народ понимал опасность Гитлера задолго до того, как ее почувствовали в правительстве[99].

Вопрос о вступлении в антифашистскую коалицию встал перед США в связи с заключением советско-английского соглашения о совместных действиях в войне против Германии (от 12 июля 1941 г.). Через несколько дней в Сан-Франциско председатель Коммунистической партии США У. З. Фостер говорил о том, что «на американском народе лежит исторический долг — всемерно поддержать советско-английский альянс»[100]. В необходимости сближения с СССР отдавала себе отчет и основная часть представителей господствующего класса. Отсюда обязательство США, зафиксированное в обмене нотами между К. А. Уманским и С. Уэллесом от 2 августа, оказывать СССР экономическое содействие в войне против гитлеровской Германии. Советско-английское соглашение и советско-американский обмен нотами поставили на практическую основу союз США, СССР и Великобритании.

Под влиянием поддержанной всем прогрессивным человечеством борьбы Советского Союза против гитлеровской агрессии росло и стремление американского народа принять более решительное участие в борьбе с силами фашизма. Убежденность А. Эйнштейна в том, что устранить опасность мирового господства «самых ужасных врагов человечества» можно, только противопоставив их организованной силе организованную силу противников фашизма[101], разделялось все большим числом американцев. Как писали У. Лангер и Э. Глиссон, «к осени 1941 г. американская общественность в гораздо большей степени, чем раньше, отождествляла себя с оппозицией нацизму и странам „оси“. Она была единой в своем стремлении и решимости видеть нацизм поверженным...»[102].

Новая расстановка сил в мире, наступившая после 22 июня 1941 г., формирование антифашистской коалиции сказывались на политике США как на Дальнем Востоке, так и особенно в Европе. Правда, в своих отношениях с Японией США так и не отказались полностью от попыток

---

[98] Public Opinion, 1935—1946, p. 1102.
[99] Неделя, 1973, № 23, с. 5.
[100] Коммунистический Интернационал, 1941, № 8, с. 72.
[101] Einstein on Peace / Ed. by O. Nathan, H. Norden. N. Y., 1960, p. 319.
[102] *Langer W. L., Gleason S. E.* Undeclared War, 1940—1941. N. Y., 1953, p. 792.

«умиротворить» японского агрессора. Вплоть до Пёрл-Харбора в Вашингтоне продолжались секретные переговоры между Хэллом и японским послом Номурой. Переговоры, начавшиеся весной 1941 г., Япония использовала как маскировку для подготовки своего нападения на США и Великобританию. Продолжение же прежнего американского курса на Дальнем Востоке во многом объяснялось влиянием государственного секретаря К. Хэлла, который противился своевременным экономическим санкциям против Японии и стремился заключить с ней сделку[103]. Однако дальневосточная политика США варьировалась от продолжения курса на «умиротворение» Японии до попыток как-то ограничить ее экспансию.

Перепады в политике США в отношении Японии давали себя знать на ходе американо-японских переговоров. 21 июня 1941 г., накануне гитлеровского нападения на Советский Союз, Хэлл вручил японскому послу ноту, в которой впервые за время переговоров Соединенные Штаты подробно изложили свою позицию по спорным вопросам: пребывание японских войск в Китае; обязательства Японии по Тройственному пакту, соблюдение принципа «открытых дверей», безопасность стран Юго-Восточной Азии и др.[104] Американская нота свидетельствовала, что США, настаивая на принятии своих основных требований, сами рассчитывали отделаться сравнительно незначительными уступками. Но и Япония не хотела принять требование о выводе своих войск из Китая.

Нота Хэлла, отразившая обострение американо-японских противоречий, не была подкреплена эффективными действиями. Когда министр внутренних дел Г. Икес, сторонник активного противодействия Японии, предложил наложить эмбарго на поставки ей американской нефти, президент Рузвельт ответил отказом, сославшись на то, что «для контроля над Атлантикой огромное значение для нас имеют усилия по сохранению мира на Тихом океане»[105]. США упорно отклоняли неоднократные предложения Англии, которая добивалась углубления англо-американского сотрудничества, перейти к совместным действиям против Японии.

Возможности маневрирования американских сторонников «умиротворения» Японии тем не менее постоянно уменьшались. В этом плане показательны последствия распоряжения Рузвельта от 26 июля 1941 г. о замораживании японских фондов в США, отданного в ответ на оккупацию Японией Южного Индокитая.

Это был шаг, который, по словам Г. Фейса (советника госдепартамента в 30-е годы и автора наиболее детального исследования американо-японских отношений того времени), «должен был вынудить Японию сделать выбор между соглашением или войной с нами»[106]. Однако правительство США не собиралось полностью отказываться от экспорта в Японию, включая экспорт нефти. Рекомендации, утвержденные Рузвельтом 1 августа, предусматривали выдачу лицензий на экспорт в Японию на уровне 1935—1936 гг. некоторых сортов бензина, сырой нефти и смазочных масел. Их вступление в силу ставилось в зависимость от готов-

---

[103] *Pratt J. W.* Cordell Hull, 1933—44: Vol. 1, 2. N. Y., 1964, vol. 2, p. 452.
[104] FRUS, Japan, 1931—1941: Vol. 1, 2. Wash., 1943, vol. 2, p. 485—492.
[105] The Secret Diary of Harold L. Ickes: Vol. 1—3. N. Y., 1953—1954, vol. 3, p. 557—558; Franklin D. Roosevelt. His Personal Letters, 1928—1945: Vol. 1, 2 / Ed. by E. Roosevelt, J. P. Lash. N. Y., 1950, vol. 2, p. 1173—1174.
[106] *Feis H.* The Road to Pearl Harbor. The Coming of the War Between the United States and Japan. Princeton, 1950, p. 239.

ности Японии к уступкам. Но после 26 июля Япония более не получала нефти из США.

Тот же Г. Фейс следующим образом объясняет такой поворот дел: «По мере того как проходили дни, американская и английская общественность решила, что запрет (на торговлю с Японией.— *Авт.*) является полным, и она явно желала именно этого. Данное впечатление имело свои последствия: выдача лицензий стала бы пересмотром политики, возвратом к умиротворению»[107]. Антифашизм народных масс вынуждал правящие круги идти гораздо дальше, чем они этого хотели, по пути противодействия агрессии.

Еще более напряженными были отношения с гитлеровской Германией. После того как американский эсминец «Грир» был атакован юго-восточнее Гренландии немецко-фашистской подводной лодкой[108], Рузвельт заявил 11 сентября, что это нападение — «не локальная военная операция», а «отражает определенную линию, направленную на создание постоянной мировой системы, основанной на насилии, терроре и убийстве». Президент распорядился, чтобы отныне патрульные суда и самолеты охраняли не только американские, но и идущие под любым другим флагом корабли, «занятые коммерцией в морской полосе, важной для нашей обороны». Флоту был отдан приказ «открывать огонь без предупреждения»[109]. Военно-морской флот США начал необъявленную морскую войну с Германией в Атлантическом океане.

В связи с решением об охране торговых судов от нападения немецко-фашистских подводных лодок правительство предприняло кампанию за отмену положений закона о нейтралитете, запрещавших вооружение американских торговых судов в целях самозащиты и их плавание в зонах военных действий. (Только за вторую половину сентября и октябрь нацистские подводные лодки потопили и повредили еще пять американских торговых судов.)

Общественность шла дальше, требуя не пересмотра, а отмены всего закона. Конгресс был менее активен. Показательно, что в буржуазной историографии результаты голосования в конгрессе, высказавшемся в первой половине ноября за изменение закона сравнительно небольшим большинством голосов[110], оцениваются как не отражавшие подлинного отношения американского народа[111].

Таким образом, к декабрю 1941 г. США отказались от всех основных положений законодательства о нейтралитете, принятого в 1935 г. Решения, принятые Соединенными Штатами о поддержке СССР в его войне против нацистов, о вхождении в формировавшуюся антифашистскую коалицию, с одной стороны, и о разрыве американо-японских торговых связей и борьбе с нацистским подводным флотом в Атлантике — с другой, означали, что они стоят накануне вступления в войну на стороне сил, противостоящих фашистско-милитаристскому блоку.

---

107 Ibid., p. 248.

108 До этого, в июне — августе 1941 г., германские подводные лодки потопили в Атлантике четыре американских судна.

109 Peace and War, p. 737—743.

110 Голосование дало преимущество сторонникам пересмотра закона: в сенате 50 голосами против 37, в палате представителей — 212 голосами против 194. См.: Congressional Record, vol. 87, pt 8, p. 8680, 8891.

111 *Divine R. A.* Op. cit., p. 147.

Глава тринадцатая

ОТ ПЁРЛ-ХАРБОРА ДО ВЫСАДКИ АМЕРИКАНО-АНГЛИЙСКИХ ВОЙСК В СЕВЕРНОЙ АФРИКЕ

1. ВСТУПЛЕНИЕ ВО ВТОРУЮ МИРОВУЮ ВОЙНУ. РЕШЕНИЯ ВАШИНГТОНСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ (1941—1942)

7 декабря 1941 г. в раннее воскресное утро над Гавайями царил полный покой. Острова медленно пробуждались под лучами восходящего солнца. Было безоблачно, на море стоял штиль. День обещал быть хорошим, да и война была за тысячи миль отсюда. В бухте Пёрл-Харбор скопилось более 90 кораблей. Тихо и безлюдно было на аэродромах, где, будто на параде, выстроились десятки самолетов.

Ровно в 7 часов, как обычно, на кораблях раздалась команда: «К подъему!». Более трети офицеров и матросов отсутствовали, получив увольнение на берег. Расчеты у зенитных орудий, томясь, ожидали смены. Офицеры беззаботно собирались в столовой на завтрак, обсуждали, как лучше провести день. Радиометристы выключили радарные установки и собирались уезжать в город, но грузовик почему-то опаздывал. Используя свободное время, сержант Эллиот решил потренироваться на радарной установке. Вскоре он увидел на экране силуэты летящих в направлении гавани самолетов. Сержант немедленно доложил лейтенанту, а тот — в информационный центр. Оттуда последовал ответ: для беспокойства нет оснований.

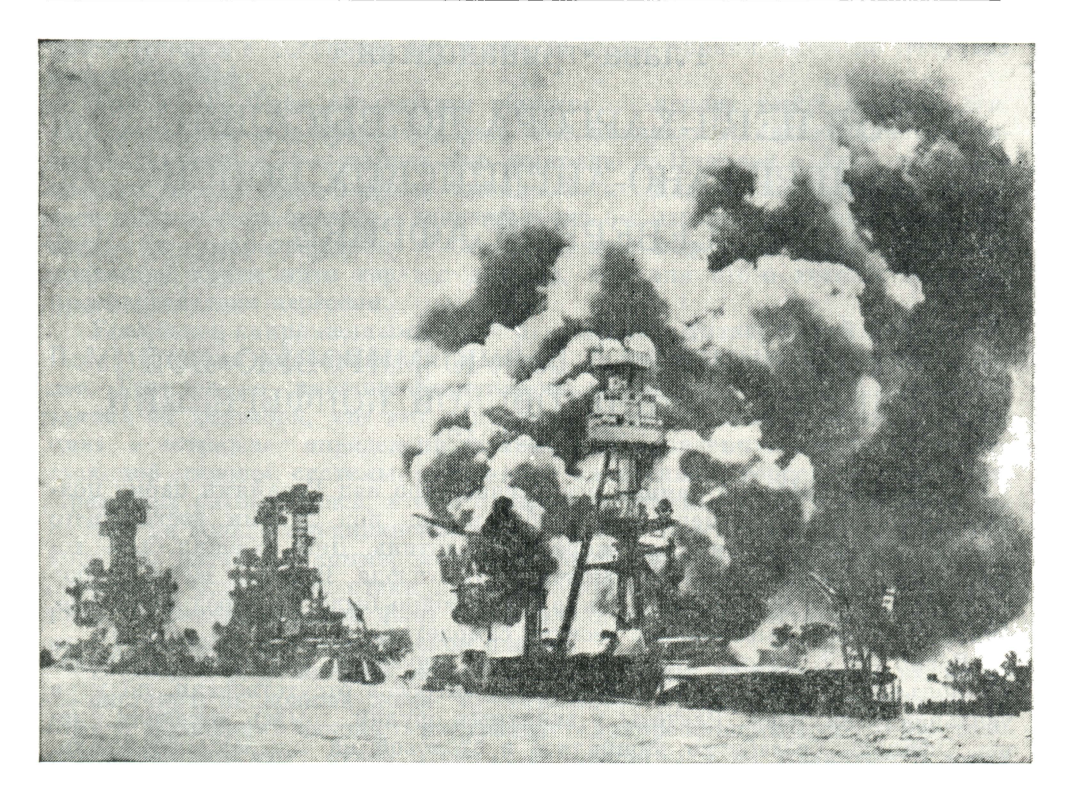
Неожиданно в небе послышался нарастающий гул моторов. В 7 час. 55 мин. над гаванью и аэродромами появилось множество самолетов — их было 183. Головной бомбардировщик, пикируя, устремился в атаку, за ним последовали остальные. Град бомб и торпед обрушился на отлично видимые цели — неподвижные громады линкоров, на крейсеры, эсминцы, самолеты.

Пронзительный свист бомб дополнился оглушительными взрывами. На кораблях возникли пожары, взрывались боеприпасы, огромные столбы воды поднимались ввысь. Гавань напоминала огнедышащий кратер. Охваченный пламенем корабль «Аризона», став объектом нескольких прямых попаданий торпед и бомб, постепенно погрузился в воду и затонул, унося с собой более тысячи человек экипажа[1]. Три торпеды пробили другой крупный линейный корабль — «Оклахома»; он сразу дал крен и перевернулся. Холодные и мутные волны поглотили его... А самолеты продолжали массированную воздушную бомбардировку, сбрасывая бомбы и направляя торпеды в намеченные цели.

Командование флота и военно-воздушных сил США на Гавайях было

---

[1] *Нимиц Ч., Поттер Э.* Война на море, 1939—1945. М., 1965, с. 249.

ГОРЯЩИЕ КОРАБЛИ АМЕРИКАНСКОГО ФЛОТА ПОСЛЕ АТАКИ ЯПОНСКИХ БОМБАРДИРОВЩИКОВ
(Пёрл-Харбор, 7 декабря 1941 г.)

застигнуто врасплох, что породило растерянность. Несколько зениток пытались открыть огонь, но тщетно. Поднявшиеся в воздух американские истребители в большинстве своем были сбиты.

Первая атака японцев закончилась в 8 час. 30 мин. Затем, после короткого перерыва, над гаванью появилась вторая волна самолетов — 170 бомбардировщиков и истребителей. Они методично бомбардировали гавань и аэродромы, не затронув, к удивлению, склады с горючим, а они были огромны — 400 тыс. т мазута[2]. Воздушный налет длился всего 1 час 35 минут. В 9 час. 30 мин. все было закончено, и японская авиация стала поспешно удаляться от Гавайев.

В результате внезапного нападения японцев и беспечности командования США американский флот понес крупные потери. Из восьми линейных кораблей, стоявших в гавани, пять пошли ко дну, три были серьезно повреждены; уничтожено 272 самолета. Потери в людях составили 3400, в том числе 2402 убитыми[3]. Потери японцев были невелики: 55 летчиков, 28 сбитых и 74 поврежденных самолета[4].

---

[2] Там же, с. 250.
[3] История второй мировой войны, 1939—1945: В 12-ти т. М., 1973—1982, т. 4, с. 388.
[4] *Хаттори Т.* Япония в войне, 1941—1945. М., 1973, с. 110; *Смирнов Л. Н.. Зайцев Е. Б.* Суд в Токио. М., 1978, с. 281.

Одновременно вооруженные силы Японии атаковали о-ва Гуам, Уэйк, Мидуэй и предприняли широкое наступление в Юго-Восточной Азии. 8 декабря японская авиация подвергла бомбардировке американские аэродромы и военно-морскую базу Кавите на о-ве Лусон, уничтожив там половину тяжелых бомбардировщиков и более трети истребителей. 10 декабря передовые части 14-й армии высадились на Лусоне. Американо-филиппинские сухопутные войска, понеся потери, начали отступление.

Кроме того, в ночь на 8 декабря японские десантные части под прикрытием авиации высадились в Британской Малайе. С территории Индокитая японцы вторглись также в Таиланд. 10 декабря японские самолеты атаковали и потопили британские линкор и крейсер. Сухопутные силы англичан остались без прикрытия и поддержки с моря [5].

Страшная и неожиданная весть из Пёрл-Харбора нарушила мирную жизнь Вашингтона. В полдень, когда президент Рузвельт и ближайший его советник Гопкинс беседовали за завтраком, в Белом доме раздался длинный, тревожный телефонный звонок. Президент взял трубку и услышал необычно взволнованный голос военно-морского министра Нокса, который сообщил: Япония атакует Гавайи. Гарри Гопкинс, не поверив, заметил: «Это, вероятно, ошибка» [6]. Однако жестокая действительность рассеяла все сомнения.

В Вашингтоне не предвидели подобного развития событий. Долгие годы руководители США строили свои расчеты на военном столкновении Японии с СССР, полагали возможным и японское нападение на британские владения, даже ожидали этого. Представители высшего командования армии и флота были убеждены, что тихоокеанская война неминуемо разразится и это может произойти в декабре. Но они не допускали и мысли, что Япония осмелится первый удар нанести именно по Пёрл-Харбору. Рузвельт не раз доверительно говорил Гопкинсу, что японцы постараются избежать вооруженного конфликта с США, воздержатся от прямого нападения на Филиппины и тем более на Гавайи. Их целью явятся британские, французские и голландские колониальные владения в Юго-Восточной Азии. В благоприятный момент они предпочтут нападение на Россию [7].

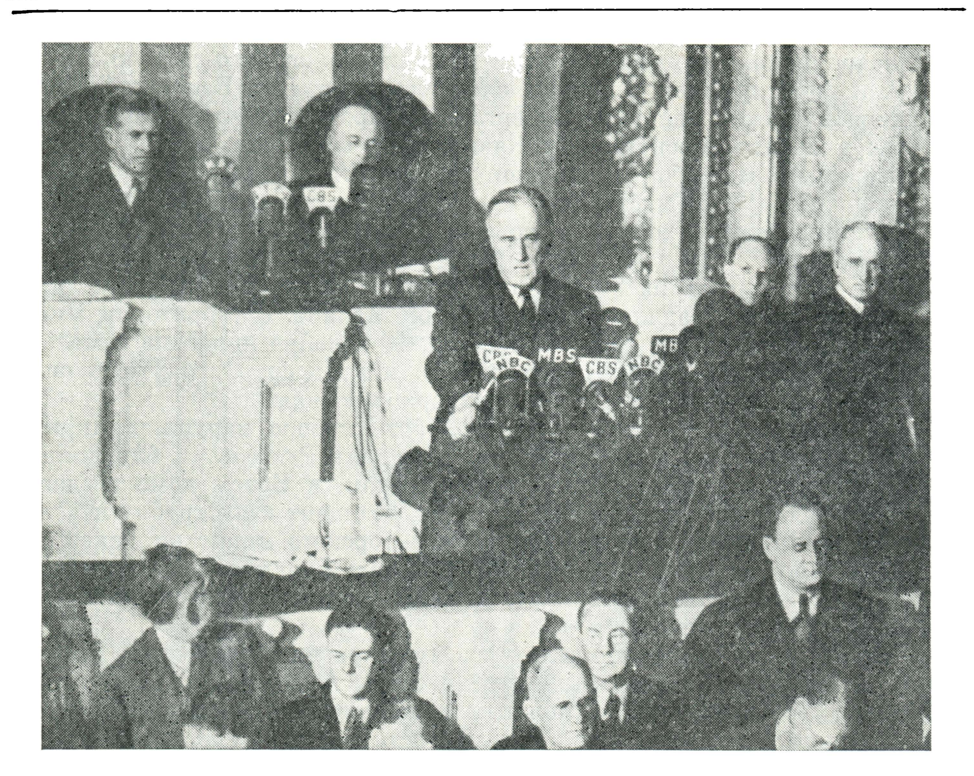
Между тем, как уже отмечалось, острота американо-японского антагонизма достигла предела. Длительные дипломатические переговоры между Вашингтоном и Токио не давали результатов. Под их прикрытием велась форсированная подготовка обеих сторон к войне. Но США хотели вступить в нее как можно позже, причем там и тогда, где и когда наступит наиболее благоприятный для них стратегический момент. Они стремились выиграть время для создания более сильной армии, флота и авиации.

В Токио решили взять инициативу в свои руки и нанести внезапный сокрушительный удар по Тихоокеанскому флоту США, вывести его из строя. Япония торопилась изменить соотношение сил в свою пользу и обеспечить выгодные условия для ведения войны в целях установления

[5] История второй мировой войны, 1939—1945, т. 4, с. 389—392; *Хаттори Т.* Указ. соч., с. 113—139.

[6] *Adams H. H.* Harry Hopkins. A Biography. N. Y., 1977, p. 258.

[7] *Шервуд Р.* Рузвельт и Гопкинс. Глазами очевидца: В 2-х т. М., 1958, т. 1, с. 633; *Смирнов Л. Н., Зайцев Е. Б.* Указ. соч., с. 322.

ВЫСТУПЛЕНИЕ ПРЕЗИДЕНТА Ф. Д. РУЗВЕЛЬТА ПЕРЕД КОНГРЕССОМ
(8 декабря 1941 г.)

контроля и господства над Тихим океаном и странами Юго-Восточной Азии. Столкновение экономических, торговых и политических интересов между Японией и США привело к вооруженному конфликту. Японская атака на Пёрл-Харбор показала ошибочность расчетов американского руководства и положила конец нейтралитету США.

8 декабря в 12 час. 30 мин. Рузвельт выступил на заседании обеих палат конгресса. В глубоком молчании сенаторы и члены палаты представителей заслушали речь президента. Сообщив о трагедии, постигшей американский флот в Пёрл-Харборе, и крупных американских потерях, он назвал день нападения японцев на Гавайи датой, «которая войдет в историю как символ позора» [8]. Президент потребовал объявить Японии войну. Конгресс единодушно его поддержал. Политика «умиротворения» агрессора дорого обошлась Соединенным Штатам. По образному выражению сенатора У. Брукса, «изоляционизм затонул в Пёрл-Харборе» [9].

С нападением Японии на Гавайи и страны Юго-Восточной Азии пожар войны охватил новые огромные водные пространства и еще более значительную часть суши. В орбиту военных действий были дополнительно втянуты десятки государств. Вслед за США войну Японии объявили Великобритания и ее доминионы, Китай, большинство стран Ла-

---

[8] *Шервуд Р.* Указ. соч., т. 1, с. 676.
[9] Congressional Record, vol. 88, pt 3, p. 3637.

тинской Америки. Германия и Италия 11 декабря декларировали состояние войны с США, которые в тот же день вступили в войну с этими странами «оси».

Конфликт принял поистине глобальный характер. Фронт антифашистской борьбы расширился. Возросли его силы, наметилось более четкое их размежевание.

Вступление США в войну поставило перед администрацией ряд неотложных задач в области внешней политики, которые определялись быстро изменившейся международной и военно-политической обстановкой. Усилия американской внешней политики были направлены на создание благоприятных условий для ведения войны с фашистским блоком, приобретение союзников и переложение по возможности на их плечи тягот борьбы.

Особое внимание в Вашингтоне уделяли позиции Советского Союза в связи с тихоокеанской войной. Государственный секретарь К. Хэлл 11 декабря при встрече с послом СССР в США М. М. Литвиновым, который только что прибыл в Вашингтон, поставил вопрос о желательности использования советских аэродромов на Дальнем Востоке [10]. Хэлл высказывал не только свое мнение: эту идею отстаивали и некоторые представители военного министерства. Командующий вооруженными силами США на Дальнем Востоке генерал Макартур 10 декабря направил по этому вопросу специальную телеграмму в Вашингтон [11]. Советское правительство отклонило подобное предложение, сознавая, к каким опасным последствиям оно могло привести, а именно к обострению советско-японских отношений и втягиванию СССР в войну на два фронта.

США предприняли также шаги для выяснения позиций других государств. Совещания представителей ряда стран, проведенные в Чунцине и Сингапуре, мало что дали. Тем большее значение приобретали отношения с Англией, проявлявшей заинтересованность в упрочении отношений с Вашингтоном. Как только эфир принес весть о нападении Японии на Пёрл-Харбор, Черчилль немедленно позвонил Рузвельту и услышал приятные для себя слова: «...теперь мы все находимся в одной лодке» [12]. Была достигнута договоренность о встрече. 12 декабря Черчилль в сопровождении большого числа советников и помощников поспешно отправился на конференцию в Вашингтон для выработки совместного англо-американского стратегического плана ведения войны. Продолжалась она три недели — с 22 декабря 1941 г. по 14 января 1942 г.

Английская делегация провела большую подготовку, разработала подробный вариант британской стратегии затяжной, «периферийной» войны. Составленные Черчиллем планы не предусматривали активных боевых действий союзников против Германии в 1942 г. Основную борьбу на Европейском континенте, по мысли премьер-министра Великобритании, должна была вести Советская Армия, которая развернула под Москвой крупное контрнаступление, имевшее большое международное, военное и политическое значение.

Московская битва продолжалась с 30 сентября 1941 г. по 20 апреля 1942 г. Враг потерял 11 танковых, 4 моторизованные и 23 пехотные дивизии. То было первое крупное поражение фашистской Германии во вто-

[10] The Memoirs of Cordell Hull: Vol. 1, 2. N. Y., 1964, vol. 2, p. 1111—1112.
[11] *MacArthur D.* Reminiscences. N. Y., 1964, p. 122.
[12] *Шервуд Р.* Указ. соч., т. 1, с. 669.

рой мировой войне. Это сражение похоронило гитлеровский план «молниеносной войны», развеяло миф о «непобедимости» германской армии. Вермахту, отметил Черчилль в меморандуме, предстояло выдержать кровопролитные зимние бои. Великобритания и США, с удовлетворением заметил он, не будут принимать в этом участия, кроме отправки Советскому Союзу обещанных материалов [13]. Этим, по существу, была определена стратегическая линия обоих западных союзников в отношении СССР, стремившихся переложить основную тяжесть ведения войны с Германией на плечи советского народа.

Идея ослабления Советского государства в процессе его единоборства с рейхом, а также мирового господства США и Англии, которую развивал Черчилль [14], находила сторонников в реакционных кругах США. Говоря о целях участия США в войне, специальный советник корпорации «Дженерал моторз» заявил 21 сентября 1941 г.: «Англосаксы должны управлять миром» [15]. Гегемонистские замыслы оказывали, как свидетельствовали события, растущее влияние на военную стратегию и политику Вашингтона.

В конце 1941 г. в Лондоне были всерьез озабочены тем, как бы США не сосредоточили главные вооруженные силы на Тихоокеанском театре военных действий. Поэтому британская дипломатия в вашингтонских переговорах ставила задачу не допустить пересмотра заранее согласованных с США стратегических планов, предусматривающих разгром сначала Германии, а потом Японии. Черчилль, выступая на первом пленарном заседании с изложением британской концепции ведения войны, подчеркнул, что Германия является главным противником и ее разгром — ключ к победе. «Не тратьте слов,— сказал президент Черчиллю,— нам все это известно не хуже, чем вам. Дело в том, что мы можем разбить Японию и все же проиграть войну, однако невероятно, чтобы, разгромив Германию, мы не смогли затем добить Японию» [16]. Следовательно, опасения англичан были необоснованными. На конференции был подтвержден принцип: сначала Европа, затем Тихий океан. Уместно при этом заметить, что в действительности западные союзники поступили вопреки этому принципу.

Встретив взаимопонимание в этом вопросе, Черчилль и его начальники штабов изложили британскую стратегию войны против нацистского рейха. Они говорили о важности окружения Германии, создания вокруг нее кольца, завоевания господства на море и в воздухе. Замыкание, стягивание кольца вокруг Германии намечались по линии Архангельск — Черное море, северное побережье Средиземного моря и западное побережье Европы. В этом гигантском периметре наиболее слабым звеном, по мнению англичан, являлось североафриканское побережье, где они и предлагали предпринять в 1942 г. наступательную операцию [17]. Американцы не оспаривали идею окружения Германии, но считали стратегически целесообразным сосредоточить силы на Британских островах и развернуть наступление в Западной Европе. Таких взглядов во время кон-

---

[13] *Churchill W.* The Second World War: Vol. 1—6. L., 1949—1954, vol. 3, p. 574.
[14] Ibid., p. 574.
[15] Current History, 1942, July, p. 328—331.
[16] *Hatch A.* Franklin D. Roosevelt. An Informal Biography. N. Y., 1947, p. 298.
[17] *Мэтлофф М., Снелл Э.* Стратегическое планирование в коалиционной войне, 1941—1942. М., 1955, с. 118—119, 209.

ференции придерживались, в частности, военный министр Г. Стимсон, начальник штаба армии генерал Дж. Маршалл, генералы Г. Арнольд и Д. Эйзенхауэр.

Военное министерство США еще накануне конференции изучило вопрос о высадке десанта в Северной Африке. Штаб армии не без оснований обращал внимание на крайне невыгодные условия для операции в Северной Африке (небольшое число портов, слабо развитая сеть коммуникаций — железных и шоссейных дорог). И главное — операция в Северной Африке отдалена от Германии, «дорога́ и бесполезна» и лишь «косвенно содействовала бы делу разгрома нацистов»[18]. Развивая эти взгляды, старший советник Маршалла генерал Эмбик выступил на конференции с возражением против английских планов военных действий в Северной Африке и Средиземноморье. Предложение англичан, говорил он, основано скорее на политических, а не на военных соображениях, и принятие его окажется «ошибкой первостепенной важности»[19].

Между тем президент Рузвельт высказал пожелание, чтобы американские войска приняли участие «в активных боевых операциях где-либо по ту сторону Атлантического океана»[20]. Начальникам штабов и оперативному управлению было дано указание: изучить возможности проведения операции в Северной Африке. В ходе обсуждения было решено продолжить изучение и подготовку к этой операции, отложив проведение ее до выхода из критического положения на Тихом океане[21].

Рассмотрению тяжелой для союзников военной ситуации в Азии и на Тихом океане, обсуждению стратегического курса войны против Японии на конференции было уделено значительное внимание. Японские агрессоры развивали активное наступление. 25 декабря они захватили Гонконг, а 2 января — столицу Филиппин Манилу; высадили десанты на о-вах Борнео и Целебесе; начали массированные воздушные налеты на Рангун и Рабаул. Американо-английские войска оказались не подготовленными к ведению военных действий, и в частности к обороне: они были малочисленны, распылены, недостаточно вооружены; у союзников не было плана согласованных действий. Неся серьезные потери, они отступали. В Вашингтон и Лондон поступали отчаянные телеграммы, взывавшие о помощи: присылать в первую очередь самолеты. Особенно настойчив в требованиях был генерал Макартур.

Участники вашингтонских переговоров обещали направить ему подкрепление и рекомендовали продержаться на Филиппинах как можно дольше. Было решено сосредоточить усилия на том, чтобы сдержать натиск японцев, обеспечить безопасность Австралии, Новой Зеландии и Индии, оказать помощь Китаю. Тем временем США предполагали восстановить боевые силы флота, построить корабли, сохранив передовые базы и морские коммуникации в Тихом океане. По предложению американской стороны было создано объединенное командование вооруженными силами союзников в юго-западной части Тихого океана и на юго-востоке Азии, возглавленное английским адмиралом Уэйвеллом.

Для разработки планов ведения войны, координации и согласования операций был создан Объединенный комитет начальников штабов США

[18] Там же, с. 123.
[19] Там же, с. 124.
[20] Там же.
[21] Там же, с. 140, 203.

и Англии с местонахождением в Вашингтоне. Выработанные комитетом рекомендации должны были представляться на утверждение президента и премьер-министра. Был образован Совет по распределению вооружения и ряд других объединенных советов.

Конференция глав правительств США и Великобритании явилась важным этапом на пути развития американо-английских союзнических связей. На ней были одобрены основы совместной стратегии войны. Вместе с тем союзники не торопились использовать возможности, которые появились в связи с разгромом немецко-фашистских войск под Москвой, для нанесения решительного удара противнику в Западной Европе.

На конференции обсуждались и политические вопросы. При активном участии президента США был подготовлен документ, получивший название Декларации Объединенных Наций. 1 января 1942 г. ее подписали 26 государств. Правительства СССР, США, Великобритании и других стран, поставивших свою подпись, обязывались употребить все ресурсы, военные и экономические, против членов Тройственного пакта и присоединившихся к нему государств. Страны — участницы Декларации торжественно провозгласили свое намерение сотрудничать друг с другом и не заключать перемирия или мира с общими врагами [22]. Декларация имела большое значение в укреплении союза государств и народов.

Сразу после завершения Вашингтонской конференции по инициативе США в Рио-де-Жанейро было созвано консультативное совещание министров иностранных дел латиноамериканских государств. На совещании (15—28 января 1942 г.) обсуждались вопросы, связанные со вступлением латиноамериканских государств в войну. США ставили целью добиться принятия совместного с этими странами заявления о разрыве дипломатических отношений с державами «оси», рассмотреть вопросы о повышении роли Западного полушария в международных отношениях, размещении войск США на базах стран Латинской Америки, а также проблемы военного и экономического сотрудничества [23].

Бразилия активно выступила в поддержку США. К ней присоединились другие государства. Аргентина заявила, что не порвет отношений с державами «оси». Конференция приняла ряд резолюций, в том числе в пользу разрыва латиноамериканскими странами дипломатических отношений с державами «оси», прекращения прямых и косвенных торговых и финансовых отношений между странами Западного полушария и участниками Тройственного пакта. США приложили энергичные усилия для того, чтобы была одобрена резолюция «О производстве и обмене стратегическими материалами», которая предусматривала поставки странами Латинской Америки стратегического сырья и материалов для США. Таким путем определенному контролю Соединенных Штатов подчинялось промышленное развитие этих стран, они превращались в поставщиков сырья для военной промышленности США.

Участники совещания приняли резолюции о создании Чрезвычайного консультативного комитета по политической обороне и Межамериканского совета обороны. Этим создавались благоприятные условия для оказания Вашингтоном политического и военного влияния на страны Ла-

[22] Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. Документы и материалы: Т. 1—3. М., 1946—1947, т. 1, с. 170—171.

[23] Подробнее см.: *Янчук И. И.* Политика США в Латинской Америке (1939—1945). М., 1975, с. 160—174.

тинской Америки. Решающую роль в учреждении Межамериканского совета обороны сыграли США. Не случайно военный министр Стимсон многозначительно заявил: «Создание Совета — это не просто начало совместной обороны полушария, это начало новой политики» [24].

Внешнеполитическая деятельность США в Латинской Америке заметно возросла. Усилились их экономические позиции в этом регионе. Латинская Америка стала важным источником снабжения США стратегическими материалами. Всего за годы войны они ввозили оттуда 83% меди, 56,4% олова, 49,4% вольфрама, 70,7% ванадия, 67,4% ртути, 48,8% слюды. Бразилия поставляла Соединенным Штатам железную руду, Венесуэла — нефть. Американские компании получали из Латинской Америки каучук, бокситы, висмут, сурьму, хинин, мышьяк и т. д.[25]

С помощью Экспортно-импортного банка правительство США контролировало всю кредитную политику латиноамериканских стран. Под предлогом обороны оно развернуло строительство своих военных и военно-морских баз в ряде этих стран, установило контроль над стратегически важными коммуникациями [26]. Во многих странах появились военные миссии США. Латиноамериканцы снабжались вооружением из США. Все большее их число направлялось для обучения в военные училища и академии США. В целом политика США была направлена на подчинение экономики Латинской Америки и создание в будущем под их эгидой военно-политического блока стран Западного полушария.

Наряду с обсуждением внешнеполитических проблем внимание администрации было сосредоточено на решении неотложных важных социальных и политических проблем. Первостепенное значение, разумеется, имела реорганизация экономики и подчинение ее военным целям.

2. ПЕРЕСТРОЙКА ЭКОНОМИКИ

Весть о разгроме Тихоокеанского флота США в Пёрл-Харборе потрясла страну. В умонастроении американцев произошел резкий перелом, исчезли нейтралистские иллюзии, многие стали записываться добровольцами в армию и флот. В первых рядах были рабочие. В штаб-квартиры АФТ и КПП поступали многочисленные письма от рабочих, резолюции профсоюзных собраний. В них выражались желание и готовность вести борьбу с агрессорами, всемерно содействовать укреплению военной мощи страны и мобилизации ее ресурсов на войну [27].

15 декабря исполнительный комитет АФТ принял резолюцию об отказе от забастовок. Два дня спустя состоялась конференция представителей федерации, обсудившая вопрос о задачах тред-юнионов в связи со вступлением США в войну. Так поступили и руководители Конгресса производственных профсоюзов. Тогда же по инициативе президента Рузвельта в Вашингтоне встретились представители промышленности, профсоюзов и администрации, чтобы договориться на время войны о «мире

[24] Цит. по: История дипломатии: Т. 1—5. М., 1959—1979, т. 4, с. 601.
[25] *Янчук И. И.* Указ. соч., с. 177—178.
[26] *Beals C.* Pan America. Boston, 1940, p. 432, 439, 446. См. также: *Пономарева Н. Б.*, *Смирнова Н. А.* Система баз США в годы второй мировой войны.— Вопр. истории, 1984, № 6.
[27] История рабочего движения в США в новейшее время: В 2-х т. М., 1970—1971, т. 2, с. 71; *Сивачев Н. В.* Рабочая политика правительства США в годы второй мировой войны. М., 1974, с. 87—88.

в промышленности», о формах и методах урегулирования трудовых отношений.

Конференция продолжалась с 17 по 23 декабря. Представители делового мира стремились оговорить наиболее выгодные условия для предпринимателей, требовали отказа рабочих от забастовок. Руководители тред-юнионов согласились зафиксировать этот отказ, но предложили создать военное управление по урегулированию трудовых отношений в составе представителей администрации и равного числа представителей от профсоюзов и предпринимателей. Между участниками конференции было достигнуто соглашение, в котором говорилось, что рабочие не станут прибегать к забастовкам, а возникающие конфликты будут разрешаться мирным путем. Для этого президент должен сформировать военное управление труда [28]. Предприниматели были довольны исходом конференции, предусматривавшей сохранение «мира в промышленности». Перед ними вырисовывалась радужная перспектива бума в экономике, находившейся в течение длительного периода в состоянии кризисов и депрессии.

Фермерские организации, занимавшие долгое время изоляционистские позиции, также заявили о поддержке правительства в вопросе о войне. 9 декабря на ежегодном съезде Американской федерации фермерских бюро президент Эдвард О'Нил отметил, что фермеры понимают свою ответственность и сознают, что продовольствие является оружием войны [29]. На следующий день председатель исполкома «Нэшнл грейндж» Фрэд Фристоун сказал: «Грэйндж и все фермерство выполнят свой долг» [30]. Национальный фермерский союз занял такую же позицию.

Компартия призвала народ объединить все силы на борьбу против держав «оси». Многие коммунисты вступили в армию и флот для того, чтобы с оружием в руках сражаться против агрессоров. Между демократической и республиканской партиями была достигнута договоренность о прекращении межпартийных разногласий на время войны. Представителями делового мира и общественными организациями были разработаны мероприятия по мобилизации рабочих и всех членов профсоюзов на повышение производства вооружения и обеспечения фронта всем необходимым.

Таким образом, в стране создались более благоприятные условия для ведения войны. Американский народ выразил готовность активно участвовать в борьбе против агрессоров, что усиливало антифашистский характер войны.

Со вступлением США в войну был взят курс на форсированное создание военной экономики, увеличение армии, флота и авиации. В стране была объявлена всеобщая мобилизация. В течение года военное министерство предусматривало довести численность армии до 5,4 млн.[31] Ее надлежало вооружить и обучить. 6 января 1942 г. в послании конгрессу президент провозгласил «Программу победы», рассчитанную на значительный рост военного производства. В 1942 г. промышленность страны должна была произвести 60 тыс. самолетов, 45 тыс. танков, 20 тыс. зенитных орудий, 500 тыс. пулеметов, 720 тыс. авиационных бомб, постро-

---

[28] Подробнее см.: *Сивачев Н. В.* Рабочая политика правительства США..., с. 90—93.
[29] New York Times, 1941, Dec. 10.
[30] Ibid., Dec. 11.
[31] *Мэтлофф М., Снелл Э.* Указ. соч., с. 447.

ить торговых судов общим тоннажем 8 млн.[32] Хотя намеченные цифры не были достигнуты, уровень военного производства США в 1942 г. заметно превысил показатели 1941 г.[33]

Провозгласив обширную программу по переводу экономики на военное производство, правительство Рузвельта встало на путь военно-государственного регулирования и контроля. И в прошлом США прибегали к государственному регулированию. Известно, что в 1917 г. президент В. Вильсон создал специальное Управление военной промышленности, которое было наделено полномочиями контроля над распределением военных материалов и промышленных изделий, установления квот в области найма рабочей силы и цен производства[34].

В 30-е годы США, столкнувшись с глубоким экономическим кризисом, также встали на путь государственного регулирования. Около 100 различных министерств и агентств, комиссий и комитетов, а также управлений осуществляли комплекс экономических и антикризисных мероприятий[35].

После вступления США в войну государственное регулирование, к которому правящий класс, как отмечено, прибегал еще во время войны 1914—1918 гг. и в 30-е годы, приняло невиданно широкий размах. Оно преследовало совершенно определенные классовые цели: в максимальной степени сосредоточить в руках государства экономический, научный и технический потенциалы, использовав его в интересах крупного капитала; обеспечить гарантированные прибыли и сверхприбыли монополиям, предельно ускорить на выгодных для них условиях создание военно-хозяйственной машины для удовлетворения нужд войны. Война ускорила процесс слияния монополий с государственным аппаратом.

Было создано более 20 управлений по различным вопросам регулирования экономики и социальных отношений. Британский посол в Вашингтоне Э. Галифакс в конфиденциальном обзоре за 1942 г. отмечал, что руководители этих управлений, наделенные огромными полномочиями, действуют независимо от кабинета министров и не подчиняются конгрессу, что они установили полный контроль над промышленностью[36].

Ведущее место в системе государственно-монополистического регулирования заняло Управление военного производства (УВП). Возглавил его вице-президент крупнейшей торговой компании Дональд Нелсон. В совет УВП были включены военный министр, министры военно-морского флота и сельского хозяйства, глава Реконструктивной финансовой корпорации, президент «Дженерал моторз», руководитель комиссии по рабочей силе, глава по установлению цен Л. Гендерсон, представитель КПП С. Хиллмэн и др. Это управление представляло собой как бы сверхминистерство, которое состояло из 30 отраслевых отделов, имело свои филиалы сначала в 13 крупных промышленных центрах, а позже во всех штатах. Через год численность его сотрудников достигла 22 400, оно заняло 14 зданий в столице.

---

32 *Шервуд Р.* Указ. соч., т. 2, с. 53.
33 История второй мировой войны, 1939—1945, т. 4, с. 441.
34 США: государство и экономика. М., 1976, с. 32—33.
35 *Федорович В. А.* Американский капитализм и государственное хозяйствование. М., 1979, с. 34.
36 Confidential Dispatches. Analyses of America by the British Ambassador, 1939—1945/Ed. by Th. E. Hachey. Evanston, 1974, p. 54.

В компетенцию УВП входило размещение военных контрактов и организация военного производства, вопросы взаимоотношений труда и капитала, обеспечение предприятий рабочей силой, контроль за выполнением правительственных заказов. Оно ведало строительством новых заводов, переводом гражданских предприятий на военное производство, распределением ресурсов для нужд промышленности. Под жесткий централизованный контроль УВП была поставлена, по существу, вся хозяйственная деятельность государства, связанная с военными заказами.

Между монополиями развернулась ожесточенная конкурентная борьба за выгодные контракты. В первую очередь военные заказы предоставлялись крупным корпорациям, представители которых заняли ведущие посты в УВП. Они нередко получали от государства символическую оплату — всего в 1 долл., основное же жалованье наряду с дивидендами им выплачивали компании; в середине 1942 г. таких «однодолларовых» сотрудников насчитывалось в УВП 575 [37]. Получая выгодные военные заказы, монополии привлекали для их исполнения большое количество средних и мелких предприятий в качестве субпоставщиков, подчиняя их своим интересам.

В рамках процесса концентрации производства и капитала применялась кооперация предприятий. Вот характерный пример. Автомобильная компания «Крайслер», производившая танки, получила в 1942 г. военных заказов на сумму 2 млрд. долл. Для их выполнения она привлекла 8079 субпоставщиков, которые были разбросаны в 859 городах и расположены в 39 штатах. Для производства бомбардировщиков «летающая крепость» фирма «Боинг» организовала кооперацию 195 заводов. Авиакомпания «Дуглас» имела 22 собственных завода и 300 субпоставщиков, находящихся в 11 штатах [38].

К середине 1942 г. Управление военного производства издало 250 различных предписаний, направленных на сокращение производства основных потребительских товаров и увеличение продукции для нужд войны. Важные отрасли промышленности — автомобильная, самолето- и судостроительная, металлургическая, энергетическая и химическая — переключались на удовлетворение потребностей вооруженных сил. В 1942 г. развернулось широкое строительство предприятий прямого военного назначения. Финансирование взяло на себя в значительной степени государство, которое заключало контракты с корпорациями на чрезвычайно льготных для них условиях. На эти цели было выделено 17,2 млрд. долл.

Рабочий класс США, заинтересованный в борьбе против фашизма, поддерживал мероприятия правительства; он выступал за наращивание темпов и объема военной продукции. Усилия трудящихся были направлены на расширение военного производства, мобилизацию военных ресурсов государства. Рабочие и профсоюзы развернули кампанию за 7-дневную рабочую неделю. Профсоюзы КПП на съезде решили создать комитеты борьбы за обеспечение победы на предприятиях. К концу 1942 г. их насчитывалось 1900; они представляли 3750 человек, или почти 25% рабочих промышленности [39]. Тред-юнионы воздерживались от проведения забастовок. Предприниматели и правительство, которые все-

[37] *Розенфельд Я. С.* Промышленность Соединенных Штатов Америки и война. М., 1946, с. 147.
[38] Там же, с. 70—71, 193.
[39] Labor Fact Book. N. Y., 1943, vol. 6, p. 88.

ми средствами добивались установления и поддержания «классового мира» в промышленности, повышения производительности труда, увеличения выпуска продукции и роста прибылей, старались использовать готовность рабочих пойти на определенные жертвы во имя победы над врагом человечества — фашизмом.

Для урегулирования трудовых конфликтов президентом Рузвельтом было сформировано военное Управление труда (УТ) во главе с У. Дэвисом, куда вошли по четыре представителя от профсоюзов и промышленности. Одновременно были созданы рабоче-предпринимательские комитеты, численность которых к концу войны возросла до 5 тыс.[40] Министерство труда активно содействовало пресечению стачек. В общем в той или иной степени трудовыми отношениями занимались 13 постоянных и чрезвычайных административных органов[41]. Сам президент проявлял к этому вопросу повышенный интерес. Он часто встречался с лидерами ведущих профсоюзов, лично принимал участие в урегулировании трудовых конфликтов. Осенью 1942 г. число рабочих в военной промышленности достигло 15 млн. Резко сократилась безработица, к концу года составив 1,7 млн. человек.

Администрация установила контроль над ценами и заработной платой. 27 апреля президент обратился с посланием к конгрессу, предложив стабилизировать заработную плату, установить «потолок» цен на товары и повысить налоги. На следующий день глава Управления по контролю над ценами Л. Гендерсон издал распоряжение о «потолке» розничных цен. 7 сентября президент обратился к конгрессу и потребовал в решительной форме принятия закона о стабилизации стоимости жизни. 2 октября 1942 г. конгресс одобрил закон об экономической стабилизации. Рузвельт его подписал, и акт немедленно вступил в силу. Для его проведения было создано во главе с Дж. Бирнсом Управление экономической стабилизации. Ему поручалось установить контроль над ценами и заработной платой якобы для того, чтобы не допускать роста стоимости жизни.

На практике закон об экономической стабилизации, предусматривавший замораживание заработной платы на уровне, достигнутом к 15 сентября 1942 г., и стабилизацию цен, тяжелым бременем лег на трудовое население, ибо рост цен на товары продолжался и увеличивалась, следовательно, стоимость жизни. Рабочие оказались в трудных условиях, так как предприниматели отказывались, ссылаясь на закон, удовлетворять их справедливые требования о повышении заработной платы.

Экономические трудности трудящихся усугублялись еще и тем, что в октябре конгресс одобрил законопроект, повышавший подоходный и другие налоги. Проходившие в ноябре съезды АФТ, КПП и ряда других отраслевых союзов отразили растущее недовольство рабочих экономической политикой правительства. Участники съездов подвергли острой критике работу государственных органов по регулированию заработной платы.

Таким образом, в США наступил новый этап в развитии государственно-монополистического капитализма. Крупные корпорации непосредственно овладели рычагами исполнительной власти государства. Представителями «большого бизнеса» укомплектовывался государственный аппарат, все его важные ключевые звенья. Военно-промышленный бум принес

[40] *Rayback J.* A History of American Labor. N. Y., 1966, p. 374.
[41] *Сивачев Н. В.* Рабочая политика правительства США..., с. 116.

огромные доходы корпорациям. Прибыли составили после вычета налогов 9,4 млрд. долл.[42]

Рабочий класс США стремился внести свой вклад в общую борьбу против фашизма. За 1942 г. в США было произведено около 25 тыс. военных и 23 тыс. гражданских самолетов, 24 тыс. танков, 14,4 тыс. зенитных орудий, 597 торговых судов типа «Либерти» и 62 танкера. К концу 1942 г. США располагали громадным торговым флотом грузоподъемностью 16,8 млн. т. Значительны были достижения и в области строительства военно-морского флота. В строй вступило 128 боевых кораблей, 6902 десантных и более тысячи небольших судов[43].

Серьезные изменения произошли и в сельском хозяйстве, которое долгие годы находилось в состоянии застоя и кризиса. С войной возрос спрос на сельскохозяйственные продукты. Наступило оживление, а затем подъем сельского хозяйства, который сопровождался быстрой его механизацией.

Рост деловой активности, связанный с переводом экономики страны на военные рельсы, сопровождался развертыванием вооруженных сил и решением вопросов ведения войны, ее стратегии.

3. ПРОБЛЕМА ВТОРОГО ФРОНТА

Целью США в начальный период их участия в войне было обеспечение благоприятных условий как внутри страны, так и вне ее для наращивания военно-экономической мощи. Для этого, по мнению официального Вашингтона, нужно было, во-первых, постараться удерживать в состоянии войны в Европе Советский Союз, а в Азии — Китай и, во-вторых, отражать на Тихом океане натиск Японии, защищать основные морские коммуникации и ключевые позиции в этом регионе, воспрепятствовать продвижению японцев в направлении Австралии и Новой Зеландии. В начале марта 1942 г. Рузвельт дал указание усилить оборону этих стран.

Командующим юго-западного района Тихоокеанского театра военных действий был назначен генерал Д. Макартур, а главнокомандующим Тихоокеанским флотом стал адмирал Ч. Нимиц. В Китай прибыл в феврале генерал Дж. Стилуэлл, заняв должность начальника штаба гоминьдановских войск. На него была возложена задача усилить китайское сопротивление японской агрессии.

Быстрое продвижение японских вооруженных сил в Юго-Восточной Азии и на Тихом океане вновь поставило на повестку дня вопрос, какой театр военных действий следует считать главным: Европу или Тихий океан. Выявились две точки зрения. Представители военно-морского флота отдавали предпочтение Тихоокеанскому театру военных действий, а командование сухопутных сил подчеркивало первостепенное значение Европейского театра. «Мы должны,— писал генерал Эйзенхауэр,— вместе с англичанами немедленно разработать план военных действий в северо-западной Европе». Он считал необходимым сосредоточение войск на Британских островах, рассматривая их как «единственный плацдарм, откуда

[42] Labor Fact Book. N. Y., 1949, vol. 9, p. 18.

[43] История второй мировой войны, 1939—1945, т. 5, с. 56; Industrial Mobilization for War. History of the War Production Board and Predecessor Agencies, 1940—1945. Wash., 1947, vol. 1, p. 541.

возможны эффективные наземные и воздушные операции против Германии» [44].

16 марта Объединенный комитет начальников штабов также пришел к заключению, что для США целесообразнее приступить к накоплению американских войск на Британских островах [45]. Подобных же взглядов придерживалась и объединенная комиссия стратегического планирования, которая считала, что Западная Европа — единственное место, где можно организовать наступление, одновременно использовать основную массу вооруженных сил Англии и США против Германии.

25 марта Эйзенхауэр представил генералу Маршаллу меморандум, в котором говорилось, что главной целью наступления должна быть Германия и нужно ее атаковать на западе Европы [46]. В тот же день президент дал указание разработать план вторжения в Европу. 1 апреля документ, известный в литературе как «меморандум Маршалла», лежал на столе Рузвельта. В нем определялось направление главного удара союзников.

Для вторжения на побережье Западной Европы к 1 апреля 1943 г. намечалось сосредоточить на Британских островах 48 дивизий и 5800 самолетов. Проведение операции предполагалось весной 1943 г. [47] В сентябре или октябре 1942 г. планировалось осуществить ограниченное вторжение союзников силами 6—8 дивизий в Западную Европу, если внезапно создастся критическая ситуация на советско-германском фронте и оборона Германии в Западной Европе окажется сильно подорванной [48]. Президент Рузвельт одобрил этот меморандум и направил Гопкинса и Маршалла в Лондон для согласования с британским правительством.

8 апреля представители США прибыли в Англию. В течение недели они вели переговоры с британскими начальниками штабов, неоднократно встречались с Черчиллем, членами его кабинета. Переговоры происходили в напряженной для западных союзников международной обстановке в Европе. Американский и английский народы ожидали и требовали от своих правительств активизации военных действий. Отнюдь не случайно Рузвельт при отправке своих представителей в Англию 3 апреля доверительно телеграфировал Черчиллю, что народы настаивают на открытии фронта в Европе. «Ваш и мой народы,— говорилось в телеграмме,— требуют создания второго фронта, чтобы снять бремя с русских. Наши народы не могут не видеть, что русские убивают немцев, а также уничтожают вражеского снаряжения больше, чем США и Великобритания, вместе взятые» [49].

Мрачные вести продолжали поступать и с Дальнего Востока. Японцы неудержимо наступали. Они заняли Филиппины, а также Малайю, Бирму, Гонконг и Голландскую Ост-Индию. О-ва Гуам и Уэйк попали под их контроль. Пала британская военно-морская крепость Сингапур, где капитулировали 70 тыс. англичан. В первых числах апреля эскадра адмирала Нагумо появилась в Индийском океане. Японские самолеты подвергли бомбардировке британскую военно-морскую базу в Коломбо, затем по-

[44] *Мэтлофф М., Снелл Э.* Указ. соч., с. 186.
[45] Там же, с. 189.
[46] Там же, с. 211—212.
[47] Там же, с. 215.
[48] Там же, с. 216.
[49] *Feis H.* Churchill, Roosevelt, Stalin. The War They Waged and the Peace They Sought. Princeton, 1970, p. 40, 58.

топили два тяжелых крейсера — «Дорчестер» и «Корнуол». Вскоре авиация адмирала Нагумо атаковала военно-морскую базу Тринкомали на Цейлоне, одновременно были уничтожены авианосец «Гермес» и сопровождавший его эсминец.

Практически Япония установила безраздельное господство над всей Юго-Восточной Азией, овладев богатейшими месторождениями нефти, олова и почти всеми мировыми ресурсами естественного каучука. Она оккупировала огромную территорию с населением в 120 млн.

На первом заседании в Лондоне Маршалл изложил американский план военных действий в Европе. Черчилль же сосредоточил внимание не на Европе, а на Юго-Восточной Азии; он говорил о капитуляции Сингапура, о нарастании напряженности в Индии и важности защиты Среднего Востока. Первоочередной задачей, утверждал премьер, являлось принятие срочных мер для обороны Среднего Востока. Такие же взгляды развивали и его начальники штабов.

Английское правительство ожидало нового наступления вермахта на советско-германском фронте. 7 марта Черчилль писал Рузвельту: «Все предвещает возобновление весной в громадных масштабах германского наступления в России...» [50]. В переговорах с американцами англичане охотно поддержали их предложение о подготовке к высадке англо-американских войск в Западной Европе весной 1943 г., но выдвигали множество оговорок по поводу проведения ограниченной операции вторжения в Северную Францию в 1942 г.

Между тем весной 1942 г. США и Великобритания располагали значительными вооруженными силами. Сухопутная британская армия насчитывала 54 пехотные дивизии и 19 отдельных пехотных бригад, 12 бронетанковых дивизий и 9 отдельных бронетанковых бригад. Военно-воздушные силы имели 4857 самолетов. Большая часть сухопутных и военно-воздушных сил располагалась на Британских островах: 27 пехотных дивизий, 16 пехотных бригад, 6 бронетанковых дивизий и 9 отдельных бронетанковых бригад, 303 авиационные эскадрильи. Британский флот состоял из 13 линейных кораблей, 20 авианосцев, 60 крейсеров, свыше 200 эскадренных и эскортных миноносцев и 70 подводных лодок. Сухопутные силы США насчитывали 2661 тыс. человек (42 дивизии). Основная их часть находилась на территории США. За океаном было 476 тыс. человек (17,9% общей численности армии) [51]. Американский военно-морской флот был самым сильным в мире: 17 линейных кораблей, 8 авианосцев, 40 крейсеров, 178 эскадренных миноносцев и 114 подводных лодок [52].

Располагая необходимыми силами, руководители США и Великобритании воздерживались от их использования. Это находилось в соответствии со «стратегией выжидания», занятой в отношении войны на советско-германском фронте. Англичане не намеревались подвергаться опасности высадкой войск на западном побережье Европы в 1942 г. По их мнению, это было преждевременно. Американское командование рассчитывало выдвинуть англичан на первый план и возложить на них ответственность за проведение операции. В личном меморандуме президенту

[50] *Churchill W.* The Second World War, vol. 4, p. 293.
[51] История второй мировой войны, 1939—1945, т. 5, с. 23, 24.
[52] *Silvestone P.* United States Warships of World War II. L., 1965, p. 518—592, 625; Final Official Report by Fleet Admiral Ernest King. Wash., 1946, p. 56—60, 97.

Маршалл писал, что «проведение операции в 1942 г. зависит прежде всего от английских войск, а не от наших» [53].

В Лондоне разгадали намерения американцев и не собирались предпринимать каких-либо военных акций. Разногласия были налицо. В то же время, опасаясь усиления в США позиции сторонников активизации Тихоокеанского театра военных действий, Черчилль предпочел на словах согласиться с предлагаемым американцами планом. На заключительном заседании он подчеркнул важность применения стратегической аксиомы — концентрации основных сил на решающем направлении против главного противника. В итоге были одобрены предложения США, но с рядом оговорок касательно вторжения войск союзников на европейское побережье в 1942 г.

Маршалл и Гопкинс были удовлетворены и немедленно телеграфировали об этом решении в Вашингтон. Между тем президент Рузвельт придерживался иного мнения. 21 апреля 1942 г. он сказал послу СССР М. М. Литвинову, что миссия Маршалла и Гопкинса в Лондон «была неудачной» [54]. Англичане намерены отложить открытие второго фронта в Западной Европе до 1943 г. 29 апреля британский военный кабинет, заслушав доклад Черчилля о военном положении, принял решение: Англия не может быть связана твердым обязательством провести операции по захвату плацдарма на Европейском континенте в 1942 г. [55]

Рузвельт в беседе с Маршаллом 3 мая высказался в принципе за подготовку к операции «Болеро» и сосредоточение войск на Британских островах. «Нужно все время помнить, что русские армии,— отметил президент,— уничтожают больше живой силы и техники армий государств оси, чем все 25 союзных стран, вместе взятые» [56].

Обстановка на советско-германском фронте в то время настоятельно требовала активных мер со стороны США и Англии. Советские войска оставили Керченский полуостров и потерпели поражение под Харьковом. Германское командование вело последние приготовления к широкому наступлению на Кавказ. 20 мая в Лондон прибыл нарком иностранных дел СССР В. М. Молотов.

Наряду с заключением договора между Советским Союзом и Англией о союзе в войне против гитлеровской Германии состоялся обмен мнениями по вопросу открытия второго фронта в Западной Европе в 1942 г. Глава советской делегации заявил, что это вопрос не только военный, но и политический и его должны решать государственные деятели. Известно, что Гитлер готовит наступление, летом предстоят огромные по масштабам и важности бои, следовало бы отвлечь силы вермахта путем вторжения войск союзников на западное побережье. Английское правительство уклонилось от конкретных обязательств относительно сроков вторжения войск союзников на Европейский континент. Черчилль и Иден пытались доказывать, насколько это рискованно и трудно, ссылаясь на отсутствие транспортных средств.

После этого Молотов вылетел в Вашингтон [57]. В ходе переговоров

[53] *Мэтлофф М., Снелл Э.* Указ. соч., с. 255.
[54] Советско-американские отношения во время Великой Отечественной войны 1941—1945. Документы и материалы: В 2-х т. М., 1984, т. 1, 1941—1943, с. 164, 166.
[55] *Батлер Дж., Гуайер Дж.* Большая стратегия. Июнь 1941 — август 1942. М., 1967, с. 443.
[56] *Мэтлофф М., Снелл Э.* Указ. соч., с. 256, 258.
[57] История дипломатии, т. 4, с. 264.

Рузвельт заявил, что «американское правительство стремится и надеется на создание второго фронта в 1942 году»[58]. Генерал Маршалл признал готовность армии к участию в выполнении такой задачи. Это нашло отражение и в тексте совместного американо-советского коммюнике о переговорах, в котором сказано, что «была достигнута полная договоренность в отношении неотложных задач по созданию второго фронта в Европе в 1942 году»[59]. Было заключено также соглашение о принципах, применимых к взаимной помощи и ведению войны против агрессии[60].

Решение об открытии второго фронта в 1942 г. было встречено с одобрением многими общественными организациями США. Руководители ряда тред-юнионов сообщали, что рабочие приветствуют опубликованное коммюнике о переговорах представителей СССР и США и сделают все необходимое для претворения его в жизнь[61].

9 июня Молотов возвратился в Лондон, встретился с Черчиллем и вновь поставил вопрос об открытии второго фронта. Британское правительство вынуждено было согласиться на включение в коммюнике, как это уже сделала американская администрация, формулировки, что «между обеими странами была достигнута полная договоренность в отношении неотложных задач создания второго фронта в Европе в 1942 г.»[62]. Но премьер-министр Великобритании поспешил при этом вручить памятную записку наркому иностранных дел СССР о том, что осуществление этой операции зависит от многих обстоятельств, поэтому англичане не дают твердого обещания. Ознакомившись с содержанием этой записки, посол И. М. Майский, как отмечено в его воспоминаниях, пришел к выводу: «Ну, значит, никакого второго фронта в 1942 г. Черчилль открывать не будет»[63].

Тем временем война вступала в один из решающих моментов. Гитлеровское командование, сконцентрировав 90 дивизий на южном участке советско-германского фронта, предприняло наступление в направлении Кавказа и Сталинграда. Развернулось крупное сражение. Немецко-фашистским дивизиям удалось прорвать оборону и устремиться в южном направлении. В Вашингтоне и Лондоне внимательно следили за ходом единоборства. В беседе с министром финансов Г. Моргентау президент в июне сказал: «В целом ответ на вопрос — выиграем мы войну или проиграем — зависит от русских. Если русские смогут продержаться это лето и будут сковывать в боях три с половиной миллиона немцев, то мы определенно сможем одержать победу»[64].

Американские и английские начальники штабов при встрече в Вашингтоне в июне поставили разработку военных действий в зависимость от исхода летней кампании на Восточном фронте. В военных кругах США и Англии шли дискуссии о стратегии войны и главных ее направлениях.

Именно тогда советская дипломатия предприняла важный шаг. 19 июня В. М. Молотов заявил американскому послу У. Стэндли о заин-

[58] Советско-американские отношения..., т. 1, с. 192.
[59] Там же, с. 203.
[60] Подробнее см.: *Борисов А. Ю.* СССР и США: союзники в годы войны, 1941—1945. М., 1983, с. 94—99.
[61] Правда, 1942, 17 июня.
[62] Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны, т. 1, с. 247.
[63] *Майский И. М.* Воспоминания советского посла: Война, 1939—1943. М., 1965, с. 260.
[64] *Blum J. M.* From «The Morgenthau Diaries»: Vol. 1—3. Boston, 1959—1967, vol. 3, p. 84—85; *Мэтлофф М., Снелл Э.* Указ. соч., с. 276.

тересованности Советского правительства в выполнении союзниками договоренности об открытии второго фронта в Европе в 1942 г. Находясь под впечатлением этой беседы, посол США телеграфировал Рузвельту и Хэллу, что, если союзниками не будет предпринято вторжение на Европейский континент, советские люди «будут не только обмануты в своей вере в искренность наших намерений и желаний предпринять согласованные действия — делу Объединенных Наций будет нанесен ущерб, не поддающийся оценке» [65].

Понимая серьезность сражений на русских южных равнинах и их возможные опасные последствия, в Вашингтоне было решено направить в Лондон делегацию для консультации с английскими представителями по вопросам ведения войны. Такая миссия была возложена на генерала Маршалла, адмирала Кинга и Гопкинса. Президент вручил им инструкцию, где выражалось беспокойство за исход битвы на советско-германском фронте и предлагалось изучить совместно с английскими начальниками штабов возможность проведения операции «Следжхэмер» — вторжения войск союзников на континент через Ла-Манш в 1942 г. Осуществление ее необходимо и важно, отмечалось в инструкции, именно «в этом году, когда силы Германии скованы в России и обстановка наиболее благоприятна...» [66]. По прибытии в Лондон представители США в соответствии с инструкцией изложили начальникам штабов свои взгляды. Они выступили за проведение плана «Следжхэмер» в 1942 г. Основные силы должна была поставить Англия. Представители Великобритании решительно высказались против. Переговоры зашли в тупик.

23 июля И. В. Сталин направил послание Черчиллю, отметив, что вопрос о втором фронте принимает несерьезный характер и «Советское правительство не может примириться с откладыванием организации второго фронта в Европе на 1943 г.» [67]. Глава английского правительства был недоволен и раздражен посланием. В эти же дни посол М. М. Литвинов беседовал с Рузвельтом. Президент, к удивлению посла, больше вел разговор об операции в Северной Африке, а не в Европе. Советский посол поэтому информировал Москву о том, что Рузвельт полон сомнений о высадке американо-английских войск во Францию, ссылаясь на мнение морских и военных специалистов. Он больше обеспокоен судьбой Египта и Среднего Востока. Из беседы с президентом у посла сложилось впечатление: «вопрос о втором фронте не может быть сдвинут с места» [68]. Раскрывая подлинные цели политики США и Англии, Литвинов писал в Москву: «Советский Союз должен быть, по их расчетам, ослаблен настолько, чтобы он не мог говорить слишком громко при заключении мира» [69].

Учитывая отрицательную позицию англичан в отношении открытия второго фронта в Европе в 1942 г., Гопкинс обратился к Рузвельту с просьбой дать указание, как действовать дальше. Из Вашингтона последовала телеграмма: найти какие-либо другие наземные операции.

---

[65] Foreign Relations of the United States, Diplomatic Papers, 1942: Vol. 1—7. Wash., 1960—1963, vol. 3, p. 598. (Далее: FRUS).
[66] *Мэтлофф М., Снелл Э.* Указ. соч., с. 446.
[67] Переписка Председателя Совета Министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941—1945 гг.: В 2-х т. М., 1976, т. 1, с. 69.
[68] Советско-американские отношения..., т. 1, с. 221.
[69] *Земсков И. Н.* Проблемы открытия второго фронта. М., 1980, с. 204.

На следующий день президент уточнил свою позицию: он стоит «за операцию в Северной Африке в 1942 г.»[70]. После этого была быстро достигнута договоренность. Белый дом получил от Гопкинса лаконичную телеграмму: «Африка»[71]. США не случайно проявляли значительный интерес к Северной Африке. В Вашингтоне учитывали, что этот континент богат природными ресурсами. По мнению руководителей США, наступило благоприятное время для проникновения американского капитала в этот регион. В одном из документов госдепартамента говорилось: «Военная оккупация Северной Африки является исключительно важным мероприятием США с точки зрения стратегии войны и послевоенного мира»[72].

Летом 1942 г. комитет по делам Африки опубликовал доклад, авторы которого предлагали создать в госдепартаменте специальный отдел стран Африки для изучения их экономического и политического положения и разработки внешней политики США в отношении этих государств[73]. Американский журнал «Форчун» незадолго до этого писал, что после Азии самым богатым континентом является Африка, которую можно считать «важнейшей экономической мишенью мира»[74]. И в высших политических кругах США эти факторы принимались во внимание при разработке общих проблем стратегии войны, в том числе при обсуждении и планировании операции вторжения американских войск в Северную Африку.

День отказа от открытия второго фронта в Европе в 1942 г. Д. Эйзенхауэр назвал «черным днем в истории»[75]. Военный министр Стимсон отметил, что операция в Северной Африке «сведет на нет возможность предпринять большое вторжение через Ла-Манш в 1943 г.»[76]. Стратегия периферийных действий, проведения которой активно добивался Черчилль, одержала верх. Последствия ее понимали в Вашингтоне. На деле это означало истощение СССР в единоборстве с фашистской Германией. Г. Стимсон в этой связи в воспоминаниях заметил: «Не открыть вовремя сильный западный фронт во Франции означало переложить всю тяжесть войны на Россию»[77].

Решение о вторжении войск западных союзников в Северную Африку было принято в то время, когда в США движение за открытие второго фронта в Европе приобрело массовый характер. В мае в Нью-Йорке состоялся многотысячный митинг Национального союза моряков. В начале июня и особенно после опубликования соглашения об открытии второго фронта в 1942 г. профсоюзы развернули широкую кампанию за сбор подписей под петицией о незамедлительном открытии второго фронта. 22 июня в Нью-Йорке в Мэдисон-сквер состоялся митинг рабочих и служащих. На нем выступил Г. Гопкинс, советский посол в США М. М. Литвинов, мэр города Нью-Йорка Ф. Лагардиа, член Верховного

---

[70] *Шервуд Р.* Указ. соч., т. 2, с. 243.
[71] *Higgins T.* Winston Churchill and the Second Front, 1940—1943. N. Y., 1957, p. 147; История дипломатии, т. 4, с. 269.
[72] Documents on American Foreign Relations: Vol. 1—28. Boston; New York, 1939—1967, vol. 4, p. 279.
[73] Подробнее см.: *Поздеева Л. В.* Англо-американские отношения в годы второй мировой войны, 1941—1945. М., 1969, с. 218—231.
[74] Fortune, 1941, Nov., p. 89.
[75] *Butcher H. C.* My Three Years with Eisenhower. N. Y., 1946, p. 29.
[76] *Eisenhower D.* Crusade in Europe. N. Y., 1977, p. 70.
[77] *Stimson H., Bundy M.* On Active Service in Peace and War. N. Y., 1948, p. 527.

суда США С. Рид и др.[78] Участники единодушно требовали немедленного вторжения американо-английских войск в Западную Европу.

Редакции газет получили множество резолюций от участников митингов и писем читателей с требованием открытия второго фронта. Активное участие в этом принимали Компартия и профсоюзы, прежде всего КПП. Одна лишь нью-йоркская организация КПП направила президенту более 500 тыс. писем с требованием открытия второго фронта[79]. Это придало движению организованный характер.

25 июля 1942 г. в Нью-Йорке состоялся митинг, на котором выступили руководители ряда тред-юнионов. Участники митинга обратились с письмом к Рузвельту, настаивая на немедленном открытии второго фронта. Делегация доставила письмо президенту в Белый дом. Митинги состоялись в Чикаго, Лос-Анджелесе, Сан-Франциско, Нью-Хейвене, Буффало, Детройте, Ньюарке, Питтсбурге, Новом Орлеане[80]. «Требование открытия второго фронта,— отмечал в июле один из американских комментаторов,— слышится сотни раз даже в обыденных беседах людей...»[81]

По мере продвижения немецко-фашистских войск в направлении Сталинграда кампания в США за открытие второго фронта принимала более широкий размах. В нее включались различные слои населения, но первостепенную роль играли рабочие — члены профсоюзов[82]. 2 августа профсоюзное руководство КПП в Чикаго организовало митинг, на котором присутствовали 30 тыс. человек. В единодушно принятой резолюции выражалось требование немедленного вторжения в Европу. Участники митинга в Вашингтоне также поддержали это требование. Представители 70 профсоюзных организаций КПП, выступавшие от имени 70 тыс. рабочих, обратились к Рузвельту с телеграммой, настаивая на вторжении в Европу до окончания 1942 г. 50 руководителей тред-юнионов Бостона, входивших в КПП и АФТ, послали такого же содержания телеграмму Рузвельту. Делегаты конференции КПП — рабочие автомобильной и авиационной промышленности в Чикаго организовали шествие по городу, требуя вторжения войск союзников в Западную Европу. Профсоюзный центр АФТ в Буффало (штат Нью-Йорк) единогласно вынес аналогичную резолюцию. Члены профсоюза рабочих автомобильной промышленности, высказавшись за открытие второго фронта, приняли обязательство способствовать максимальному увеличению производства вооружения.

Рабочий класс США, отмечалось в письме советника посольства СССР в США А. А. Громыко 14 августа 1942 г., выражает свое мнение через профсоюзные организации. Руководство обеих основных организаций: Американской федерации труда и Конгресса производственных профсоюзов — стоит за скорейшее открытие второго фронта[83].

Одновременно же советское посольство сообщало из Вашингтона, что вопрос о втором фронте в Европе «не сходит со страниц американской печати. Рабочие крупных городов США собираются на митинги, выносят резолюции, призывающие правительство Рузвельта ускорить открытие

[78] Daily Worker, 1942, June 23.
[79] Ibid., July 5.
[80] CIO News, 1942, July 27.
[81] Коммунистический Интернационал, 1942, № 7, с. 7.
[82] Правда, 1942, 2, 6, 7, 8, 11, 21 авг.
[83] Советско-американские отношения..., т. 1, с. 224.

второго фронта. Широкие массы населения видят и не могут не видеть, что открытие второго наземного фронта в Западной Европе означало бы ускорение разгрома гитлеровских армий и ускорение победы союзных государств»[84].

Массовое движение солидарности с советским народом, нараставшее в США и других странах антигитлеровской коалиции, не могли не учитывать правительственные круги в Вашингтоне и Лондоне. Принимая это во внимание, Рузвельт и Черчилль решили предпринять дипломатический шаг, направленный в известной мере на успокоение общественности. 12 августа Черчилль вместе с личным представителем президента А. Гарриманом прибыли в Москву. Им предстояло выполнить нелегкую миссию — информировать Советское правительство об отсрочке второго фронта. Переговоры, продолжавшиеся три дня, носили напряженный характер. Черчилль пытался оправдать решение союзников; он говорил о трудностях открытия второго фронта в Европе и доказывал выгодность проведения операции в Северной Африке. Глава Советского правительства показал несостоятельность доводов союзников, обратив внимание на нарушение с их стороны принятых обязательств.

В этой связи достоин внимания цитированный документ, проливающий свет на позицию США. В этом же письме советское посольство из Вашингтона сообщило в Москву, что в США производятся в огромном количестве самолеты, танки, пушки: в июне произведено 4 тыс. самолетов, полевых орудий и противотанковых пушек — более 2 тыс. в месяц, пулеметов — более 50 тыс., ручных пулеметов — около 60 тыс. В мае произведено 1500 танков. За первое полугодие 1942 г. построено 228 торговых судов общим тоннажем 2544 тыс. т. Срок производства судна доведен до 45 дней. Численность американской армии составляет 4 млн. человек. Около 70 дивизий сформировано и хорошо оснащено, в том числе 10 танковых дивизий[85].

Одним словом, за короткий срок в экономическом и военном отношении США стали неузнаваемы. Касаясь военной стратегии и использования вооруженных сил, в письме отмечалось, что основная масса самолетов и военных материалов направляется против Японии, в район Тихого океана — на Гавайи, в Австралию, но не против Германии. Отношение к открытию второго фронта в Западной Европе в значительной степени определяется военными кругами. Большое влияние на позицию Рузвельта оказывал генералитет армии. Все еще сильны антисоветские настроения, особенно в аппарате военного департамента. Многие питают надежду на истощение гитлеровской Германии и Советского Союза. «Они,— говорилось в сообщении,— не хотят победы Гитлера. Но еще больше они не хотят победы Советского Союза»[86].

И эти люди стояли во главе американской армии, определяли ее стратегию. В частности, начальник отдела стратегических планов объединенного штаба армии и флота США генерал Ведемейер в августе во время беседы с советским дипломатом А. А. Громыко открыто заявил, что главным врагом Гитлер считает Советский Союз, а не Англию и США. Американские вооруженные силы могли бы принять участие в открытии второго фронта в Западной Европе, но нет общего главнокомандующего.

[84] Там же.
[85] Там же, с. 227—228.
[86] Там же, с. 225.

Другие представители американского генералитета в качестве основного аргумента невозможности вторжения на Европейский континент выдвигали недостаточное количество транспорта для переброски войск через Атлантический океан.

Правительство Рузвельта, отмечалось в донесении, выражает желание и готовность к вторжению в Западную Европу. Одновременно в стране предпринимаются меры к ослаблению пропаганды за открытие второго фронта. Управление военной информации и другие агентства оказывают давление на общественное мнение и печать, ограничиваются выступлениями в газетах в пользу открытия второго фронта [87]. В сообщении посольства констатировалось: нет признаков того, что правительство США серьезно готовится к открытию второго фронта в Западной Европе в 1942 г.

Изложенные наблюдения, оценки и выводы советника посольства СССР в США А. А. Громыко соответствовали действительности, они отличались глубиной анализа политики США и полностью подтверждались миссией премьер-министра Великобритании, который прибыл в Москву для того, чтобы официально сказать Советскому правительству: открытие второго фронта в Западной Европе в 1942 г. не состоится; подписанное об этом соглашение не будет выполнено. В дополнение к этому следует отметить, что с 1 октября 1941 г. по 30 июня 1942 г. по ленд-лизу Советский Союз получил всего 267 бомбардировщиков, 278 истребителей, 368 средних танков, 420 легких танков, 16 502 грузовика, что составляло примерно треть американских обязательств [88]. Одной из причин такого положения явилось нежелание американских промышленников принимать советские заказы [89].

23 сентября 1942 г. глава Советского правительства обратил внимание лидера республиканской партии У. Уилки на тот факт, что США не выполняют взятых обязательств по поставке вооружения СССР. Через Персидский залив эта программа выполнена за последние два месяца на 40—50%, а по северу — на 15—20% [90].

Во время переговоров и пребывания в Москве Черчилль и Гарриман проявили повышенный интерес к положению на советско-германском фронте, они хотели в первую очередь и главным образом знать: выдержит ли Советский Союз натиск германского вермахта и насколько обеспечена оборона Кавказа. Британский премьер телеграфировал Рузвельту, что русские будут сражаться и они победят. По возвращении в Лондон он доложил об этом военному кабинету. В беседе с советским послом И. М. Майским он сказал, что «не видел и не слышал ни одного слова, ни одного жеста, ни одного даже самого отдаленного намека на то, что Россия может не выдержать и выйти из войны» [91]. Во всем чувствовалась «железная воля и полная непримиримость к Германии». А это было важно с точки зрения стратегии выжидания, проводимой США и Англией. В Вашингтоне и Лондоне приступали к подготовке операции в Северной Африке.

---

[87] Там же, с. 228—229.
[88] История внешней политики СССР, 1917—1980: В 2-х т. М., 1980—1981, т. 1, с. 430.
[89] Советско-американские отношения..., т. 1, с. 169.
[90] Там же, с. 233.
[91] *Земсков И. Н.* Дипломатическая история второго фронта в Европе. М., 1982, с. 281.

4. СРАЖЕНИЕ У ОСТРОВА МИДУЭЙ. ОПЕРАЦИЯ «ТОРЧ»

На Тихом океане начало лета 1942 г. ознаменовалось важным событием — морским сражением у о-ва Мидуэй[92]. 3 июня японское авианосное ударное соединение атаковало Алеутские острова. Не встретив серьезного сопротивления, японцы высадились на о-вах Адак, Атту и Кыска. Эта операция рассматривалась как отвлекающая и спланирована была на сутки раньше основной — против о-ва Мидуэй. 4 июня адмирал Ямамото, сосредоточив главные силы Объединенного флота, атаковал атолл Мидуэй. Цель состояла не только в захвате этого острова и установлении контроля над центральной частью Тихого океана. Он рассчитывал разгромить американский флот, который, по его мнению, должен был бы спешно отбыть из Пёрл-Харбора на оборону Мидуэя[93]. Японское командование возлагало надежды на свое значительное превосходство в самолетах и в надводных кораблях.

Однако события развернулись далеко не так, как планировало японское военно-морское командование. Американская разведка, своевременно раскрыв японский шифр, оказалась в курсе планов противника. Штаб адмирала Нимица получил сведения о целях и намерениях японцев, об их силах, направлении главного удара и времени начала операции. Это имело большое значение для исхода сражения у атолла Мидуэй, продолжавшегося с 4 по 7 июня 1942 г.

Японское командование было уверено в победе, когда авианосцы адмирала Нагумо 4 июня, перед восходом солнца, под прикрытием облачности и тумана приблизились с северо-запада к Мидуэю и 108 самолетов, поднявшиеся с авианосцев, атаковали этот небольшой остров. За полчаса все, что находилось на земле, было разрушено: электростанция, топливные цистерны, самолетный ангар[94]. Американские же самолеты, предприняв неоднократные атаки на японские корабли, не причинили тем существенных повреждений. Тогда командование военно-морских сил США решило ввести в сражение свои авианосцы, находившиеся на северо-востоке от Мидуэя.

В 10 час. на следующий день американские летчики атаковали одновременно два японских авианосца — «Акаги» и «Кага» и потопили их. Вскоре загорелся авианосец «Сорю». Это привело японцев в смятение. Адмирал Ямамото не смог правильно оценить обстановку, полагая, что у американцев только один авианосец, и все еще надеялся захватить Мидуэй. К концу дня 4 июня пришло донесение о гибели четвертого японского авианосца «Хирю». Нагумо в панике начал отступать.

Ямамото, однако, не терял надежды восстановить положение. Но все было тщетно. Адмирал Ямамото не мог координировать действия флота, силы оказались крайне рассредоточены, авианосные соединения и десантные войска не имели достаточного прикрытия. Потеряв основное ядро эскадры, он вынужден был отдать приказ об отходе на запад, отказавшись от высадки десанта на атолл Мидуэй. 5 июня утром американцы, узнав об отступлении японцев, начали их преследование. В результате

---

[92] Подробнее см.: *Фугида М., Окумина М.* Сражение у атолла Мидуэй. М. 1958.
[93] *Нимиц Ч., Поттер Э.* Указ. соч., с. 274.
[94] Там же, с. 284.

были повреждены дополнительно два крейсера и несколько эсминцев. Японский флот в сражении у Мидуэя потерпел первое серьезное поражение. Были потоплены 4 авианосца, 1 тяжелый крейсер, сбиты 332 самолета и погибли 3500 человек. Потери США оказались невелики: 1 авианосец и 1 эсминец, 150 самолетов и 307 американцев [95].

Морскую операцию у о-ва Мидуэй некоторые американские историки расценивают «как одно из действительно решающих событий войны» [96]; относят ее к «поворотным пунктам» на Тихоокеанском театре военных действий. Это явное преувеличение [97], ибо операция не ликвидировала превосходства японских сил на Тихом океане, которые и после нее продолжали проводить наступательные боевые действия. 21 июля 1942 г. они высадились на северо-восточном берегу Новой Гвинеи, в августе — предприняли продвижение к Порт-Морсби, стремясь укрепить предмостный плацдарм, угрожавший Австралии. По оценке президента Рузвельта, операция у Мидуэя являлась оборонительной и представляла собой «часть стратегии сдерживания, которая характеризовала эту фазу войны» [98].

После поражения японцев у атолла Мидуэй императорская ставка отказалась от планов вторжения в Новую Каледонию и захвата в июне 1942 г. о-вов Фиджи и Самоа. Американское командование сосредоточило усилия на укреплении позиций в юго-западной части Тихого океана, что имело для США важное стратегическое значение.

7 августа 1942 г. утром дивизия морской пехоты США высадилась на о-ве Гуадалканал. Численность десанта была небольшая — всего 10 тыс. солдат. Они фактически не встретили сопротивления. Операция на о-ве Гуадалканал преследовала цель обеспечить безопасность морских коммуникаций по линии Сан-Франциско — Гавайи — Австралия, не допустить дальнейшего усиления японской военной угрозы Австралии. Шесть месяцев морские бои в этом районе продолжались с переменным успехом. Каждая сторона несла потери. В ночь с 8 на 9 августа японцы нанесли внезапный удар по американо-австралийским военно-морским силам. Союзники потеряли четыре тяжелых крейсера из семи. Американское командование направило сюда подкрепления и, создав значительное превосходство сил, в декабре изгнало японцев с острова.

Операции у о-ва Гуадалканал, продолжавшиеся полгода, носили упорный и напряженный характер. Флоты обеих сторон понесли серьезные потери — 49 боевых кораблей (2 линкора, 3 авианосца, 13 крейсеров, 27 эсминцев, 4 подводные лодки) [99]. Американские историки рассматривают эти бои также как «поворотный пункт» и начало контрнаступления в войне на Тихом океане [100]. Между тем по масштабам и последствиям эта операция в стратегическом смысле имела оборонительное

---

[95] Там же, с. 298.
[96] American Military History / General ed. M. Matloff. Wash., 1969, p. 439.
[97] Подробнее см.: *Ржешевский О. А.* Война и история: (Буржуазная историография США о второй мировой войне). М., 1984, с. 126—129.
[98] The Public Papers and Addresses of Franklin D. Roosevelt: 1933 vol.— 1945 vol. / Ed. by S. I. Rosenman. N. Y., 1938—1950, 1944 vol., p. 22.
[99] История второй мировой войны, 1939—1945, т. 6, с. 478.
[100] *Miller J.* Guadalcanal. The First Offensive. Wash., 1949; *Leckie K.* Challenge for the Pacific: Guadalkanal, Turning Point of the War. N. Y., 1965; American Military History, p. 502—503.

значение и лишь в тактическом плане — наступательное. Таково было мнение самого президента Рузвельта [101].

Американское командование одновременно предприняло наступательные действия против Соломоновых островов. США высадили десант на о-ве Тулаги. В течение августа — ноября 1942 г. между силами японского и американского флотов произошло шесть боев.

В решении задачи обеспечить оборону морских коммуникаций по линии Сан-Франциско — Гонолулу (Гавайи) — Самоа — Фиджи — Австралия, по которой шли интенсивные перевозки войск и техники на театр военных действий, широко использовались подводные лодки.

Наряду с проведением военно-морских операций на Тихом океане в августе командование США приступило к разработке операции по высадке американо-английских войск на побережье Северной Африки. Подготовка шла по всем направлениям: военному, политическому, дипломатическому. В это время германо-итальянские войска стояли у Эль-Аламейна. Роммелю не удалось прорвать британскую оборону; он ждал подкреплений. Англичане поспешно отправляли в Египет войска, танки, самолеты, артиллерию. К концу августа ими было достигнуто превосходство над противником. Одновременно были проведены изменения в военном руководстве. Главнокомандующим британскими войсками на Среднем Востоке стал генерал Г. Александер, а командующим 8-й армией — генерал Б. Монтгомери. Английское командование активно вело подготовку к наступлению.

Союзники выделили для операции в Северной Африке армию в 107 тыс. человек, а для их перевозки — 450 десантных судов. Высадка войск союзников планировалась в районе Касабланки (35 тыс. американцев), в Оране (39 тыс. американцев) и Алжире (33 тыс. англичан и американцев). Три дивизии, ранее предназначенные для форсирования Ла-Манша, союзное командование решило использовать на этом театре военных действий. В сентябре значительная часть американских войск была отправлена с Британских островов для участия в операции «Торч». В Англии осталась только американская 29-я пехотная дивизия. Главнокомандующим экспедиционных сил союзников был назначен генерал Д. Эйзенхауэр. Рузвельт предложил начать операцию 30 октября — в канун промежуточных выборов в конгресс. Однако командование в силу ограниченности времени на подготовку попросило перенести ее начало на 8 ноября. Президент согласился.

Подготовка к операции проходила в то время, когда на подступах к Сталинграду развернулось ожесточенное сражение; советские воины оказывали героическое сопротивление наступавшим гитлеровским ордам. Мужественная и самоотверженная борьба советского народа вызвала у американского народа чувство восторга и восхищения. В стране ширилось движение за быстрейшее открытие второго фронта [102]. Под этим лозунгом в Ньюарке состоялась массовая демонстрация с участием 75 тыс. человек. В Детройте профсоюзным центром КПП был организован митинг, где присутствовали 20 тыс. человек. Его участники направили телеграмму Рузвельту с требованием организации второго фронта и обещанием бороться за повышение выпуска военной продукции.

---

[101] *Ржешевский О. А.* Указ. соч., с. 127—128.
[102] Правда, 1942, 19, 29 авг.

В Филадельфии митинг прошел также под лозунгом немедленного перехода к наступательным действиям на Западе.

В сентябре движение в поддержку СССР развернулось в США в еще больших масштабах. Повсюду раздавались решительные призывы к открытию второго фронта. В Кливленде на съезде профсоюза рабочих электромашиностроительной промышленности была принята резолюция с требованием немедленно открыть второй фронт. 6 сентября в Нью-Йорке в митинге, посвященном «Дню труда», приняли участие 100 тыс. человек. Всякое упоминание об СССР встречалось бурными аплодисментами. Через четыре дня по инициативе 40 представителей профсоюзов состоялся еще один массовый митинг в Нью-Йорке. Его участники приняли резолюцию, настаивая на безотлагательном открытии второго фронта. В тот же день, 10 сентября, в Балтиморе состоялся митинг; участвовали 5 тыс. человек. Выступавшие подчеркивали необходимость перехода к наступательным действиям на Западе.

В телеграмме на имя президента Рузвельта рабочие Сиэтла писали, что готовы идти на любые жертвы и выполнять любую работу, какую потребует открытие второго фронта. Резолюции митингов и собраний, телеграммы и письма поступали в Белый дом и конгресс. В них выражалось стремление народа активизировать борьбу против общего врага, в первую очередь нанесением удара по Германии с Запада. В ноябре 1942 г. в Бостоне состоялся съезд производственных профсоюзов, принявший резолюцию о немедленном наступлении на Западе. В ряде городов страны была проведена Неделя Сталинграда. Мэры Нью-Йорка и других городов объявили 8 ноября 1942 г. Днем Сталинграда [103].

Подъем массового движения поставил правительственные круги в трудное положение. В беседах с советским послом М. М. Литвиновым президент США неохотно касался темы второго фронта. Он говорил, что форсирование Ла-Манша пока невозможно, даже исключено [104]. Конгресс воздерживался от обсуждения этих вопросов. Некоторые газеты пытались доказывать, будто США и Англия пока не готовы предпринять такую наступательную операцию, поскольку-де не располагают для этого ни войсками, ни тем более транспортными судами. Когда же в сентябре 1942 г. развернулась кампания «Второй фронт — немедленно», Рузвельт выступил 12 октября с речью по радио. Он выразил недовольство тем, что вопросы открытия второго фронта являются предметом столь широкого обсуждения в прессе [105].

Антисоветские и изоляционистские элементы выступали против открытия второго фронта. «Движение за второй фронт в печати и на собраниях,— писал М. М. Литвинов 13 октября 1942 г.,— приняло такие размеры, что открытые антисоветские и изоляционистские элементы не выдержали и разоткровенничались» [106]. Но требования американского народа, острые политические дебаты, восхищение стойкостью и мужеством советских людей не могли не повлиять на характер переписки Рузвельта со Сталиным. «Доблестная оборона Сталинграда,— писал прези-

---

[103] Правда, 1942, 19, 29 авг.; 7, 14, 16 сент.; 16 нояб.
[104] Советско-американские отношения..., т. 1, с. 251; *Борисов А. Ю.* Указ. соч., с. 107—108.
[105] Daily Worker, 1942, Oct. 13.
[106] Советско-американские отношения..., т. 1, с. 252.

дент в начале октября,— глубоко взволновала в Америке всех, и мы уверены в ее успехе» [107].

Положение администрации демократов осложнялось и нападками республиканцев на ее военную политику и стратегию за неудачи на Тихом океане и пассивность в Европе. Росло недовольство трудящихся инфляцией, ростом цен, повышением налогов, жестким контролем над заработной платой. В создавшейся ситуации президент США придавал большое значение высадке американских войск в Северной Африке.

23 октября британские войска начали наступление. Итало-немецкие войска находились недалеко от Суэца и Александрии. Они занимали выгодный оборонительный рубеж к юго-западу от Эль-Аламейна протяженностью около 60 км. Северный фланг упирался в Средиземное море, а южный — в труднопроходимую впадину Каттара. Армия противника насчитывала 12 дивизий (4 немецкие, 8 итальянских): 80 тыс. человек, 540 танков, 1219 орудий, 350 самолетов [108].

Англичане располагали количественным и качественным превосходством, сосредоточив крупные силы. Армия (230 тыс. человек) включала 3 корпуса, 10 дивизий. Кроме того, были австралийские, индийские, 1 новозеландская и 1 южноафриканская, греческая и французская дивизии и бригады. Англичане имели более 2310 орудий, 1440 танков. Армию поддерживали 1500 самолетов [109].

В первые три дня британским войскам не удалось прорвать оборону. Генерал Монтгомери приказал ввести в сражение часть подвижных соединений второго эшелона. Но и это не принесло желаемых результатов. Тогда командование предприняло танковый контрудар. Сражение продолжалось два дня — 3 и 4 ноября. Армия Роммеля понесла значительные потери. В немецких танковых дивизиях оставалось всего по 35 — 40 танков. 4 ноября оборона была прорвана, британские войска начали быстро продвигаться. Создалась реальная угроза окружения приморской группировки. Роммель стал спешно отводить войска на запад.

Победа англичан под Эль-Аламейном была значительным событием для союзников. Впервые им удалось нанести ощутимый удар по противнику. Роммель потерял 55 тыс. убитыми, ранеными и пленными, 320 танков и около 1 тыс. орудий [110]. Это существенно изменило обстановку в Северной Африке.

На Западе операция под Эль-Аламейном изображается как «поворот судьбы» в войне и «одно из решающих сухопутных сражений» [111]. Иногда даже ее сравнивают с битвой под Сталинградом, хотя общеизвестно, что по масштабам, напряженности, значению и последствиям эти два события никак не сравнимы. Достаточно напомнить, что на Сталинградском направлении численность немецко-фашистских войск составляла более 1 млн. человек, а под Эль-Аламейном было лишь 80 тыс. солдат и офицеров.

Выборы в конгресс США проходили в обстановке ликования по по-

---

[107] Переписка Председателя Совета Министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны, т. 2, с. 35.

[108] История второй мировой войны, 1939—1945, т. 6, с. 213.

[109] Там же.

[110] Там же, с. 217.

[111] *Фуллер Дж.* Вторая мировая война, 1939—1945. М., 1956, с. 313.

воду победы под Эль-Аламейном. Республиканцы единодушно выступили на них под лозунгом «Энергичнее воевать». У. Уилки критиковал правительство за пассивность в войне. В лагере демократов не было единства. Выявились разногласия между Рузвельтом и Дж. Фарли — бывшим председателем национального комитета демократической партии [112].

Многие избиратели отдали голоса республиканцам, которые и добились внушительного успеха, получив 9 дополнительных мест в сенате и 47 — в палате представителей. Соотношение сил в конгрессе изменилось. Теперь ни один законопроект не мог быть одобрен в конгрессе без поддержки республиканцев, располагавших 40% всех голосов в сенате и 48% — в палате представителей. Кроме того, в самых крупных штатах страны — Нью-Йорке и Калифорнии — губернаторами были избраны республиканцы Т. Дьюи и Э. Уоррен.

Поражение демократов на промежуточных выборах в конгресс вызвало беспокойство у президента Рузвельта. Он ожидал и опасался такого исхода выборов. Пассивность союзников в военных действиях разочаровала сторонников демократической партии. В ней обострились разногласия, усилилась критика по адресу президента, который переложил ответственность за неудачи на выборах на председателя национального комитета демократической партии Э. Флинна. Возмущенный Флинн ушел в отставку; его место занял Ф. Уолкер.

Четыре дня спустя поступили приятные новости. Утром 8 ноября американо-английские экспедиционные войска на 450 кораблях, достигнув благополучно берегов Северной Африки, стали высаживаться в районах Касабланки, Орана и Алжира. Для командования стран «оси» это было неожиданностью. В Берлине предполагали, что местом высадки станут Триполи, Бенгази либо о-ва Сицилия, Сардиния. Войска правительства Виши (до 200 тыс. человек и около 500 самолетов) не оказали сколько-нибудь серьезного сопротивления [113].

Задолго до планируемой операции в Алжир был направлен американский дипломат Р. Мэрфи, развернувший там совместно с разведслужбами США бурную деятельность. Ему удалось установить контакты с французской колониальной администрацией. В конце октября американский генерал М. Кларк с группой офицеров, прибывших на подводной лодке в Алжир, вступили в переговоры с коллаборационистом адмиралом Ж. Л. Дарланом, главнокомандующим вооруженными силами правительства Виши. Переговоры завершились 13 ноября подписанием соглашения. Дарлан отдал приказ вишистским войскам прекратить сопротивление. Благодаря этому экспедиционные силы союзников без особых трудностей высадились на побережье Северной Африки.

13 ноября генерал Эйзенхауэр объявил верховным комиссаром и «главой государства Северной Африки» адмирала Дарлана. Вишистские губернаторы африканских колоний Франции Ш. Ногес, И. Шатель, Ж. Бержере, П. Буассон перешли на сторону Дарлана. Адмирал Жиро был назначен командующим вишистской армией в Африке. 15 ноября Дарлан заявил об установлении новой власти. Развитие событий приобретало зловещий характер — фактически США вступили в сговор с предателями Франции.

---

[112] Советско-американские отношения..., т. 1, с. 253.
[113] История второй мировой войны, 1939—1945, т. 6, с. 219.

Против сотрудничества США с вишистами поднялась волна протеста американской демократической общественности. В печати появились статьи с резкой критикой политики администрации Рузвельта. Участники движения Сопротивления, возглавляемого де Голлем, также решительно выразили протест официальному Вашингтону. В ответ Рузвельт сердито заявил: «Конечно, я договорился с Дарланом, раз Дарлан дал мне Алжир! Завтра я вступлю в переговоры с Лавалем, если Лаваль даст мне Париж!» [114].

Военно-дипломатические действия США, направленные на то, чтобы установить контроль над французскими колониальными территориями, вызвали беспокойство в Лондоне. Экспансионистские устремления США в этом регионе, как и в Индии, стали очевидны. 10 ноября Черчилль и сделал свое многозначительное заявление: «Я стал премьер-министром короля не для того, чтобы председательствовать при ликвидации Британской империи» [115].

8 ноября союзники заняли Алжир. 10 ноября капитулировал гарнизон в Оране. За шесть дней высадки союзники потеряли 1083 человека убитыми и 1068 ранеными [116].

Высадка американо-английских войск на северо-западном побережье Африки явилась крупной десантной операцией, которая, между прочим, свидетельствовала о возможности форсировать Ла-Манш. Союзникам удалось скрытно организовать доставку морем войск на большое расстояние, обеспечить внезапность и одновременность высадки десантов в различных районах. Затем американо-английские войска стали продвигаться на восток и к середине ноября заняли территорию Марокко и Алжира, вступили в Тунис.

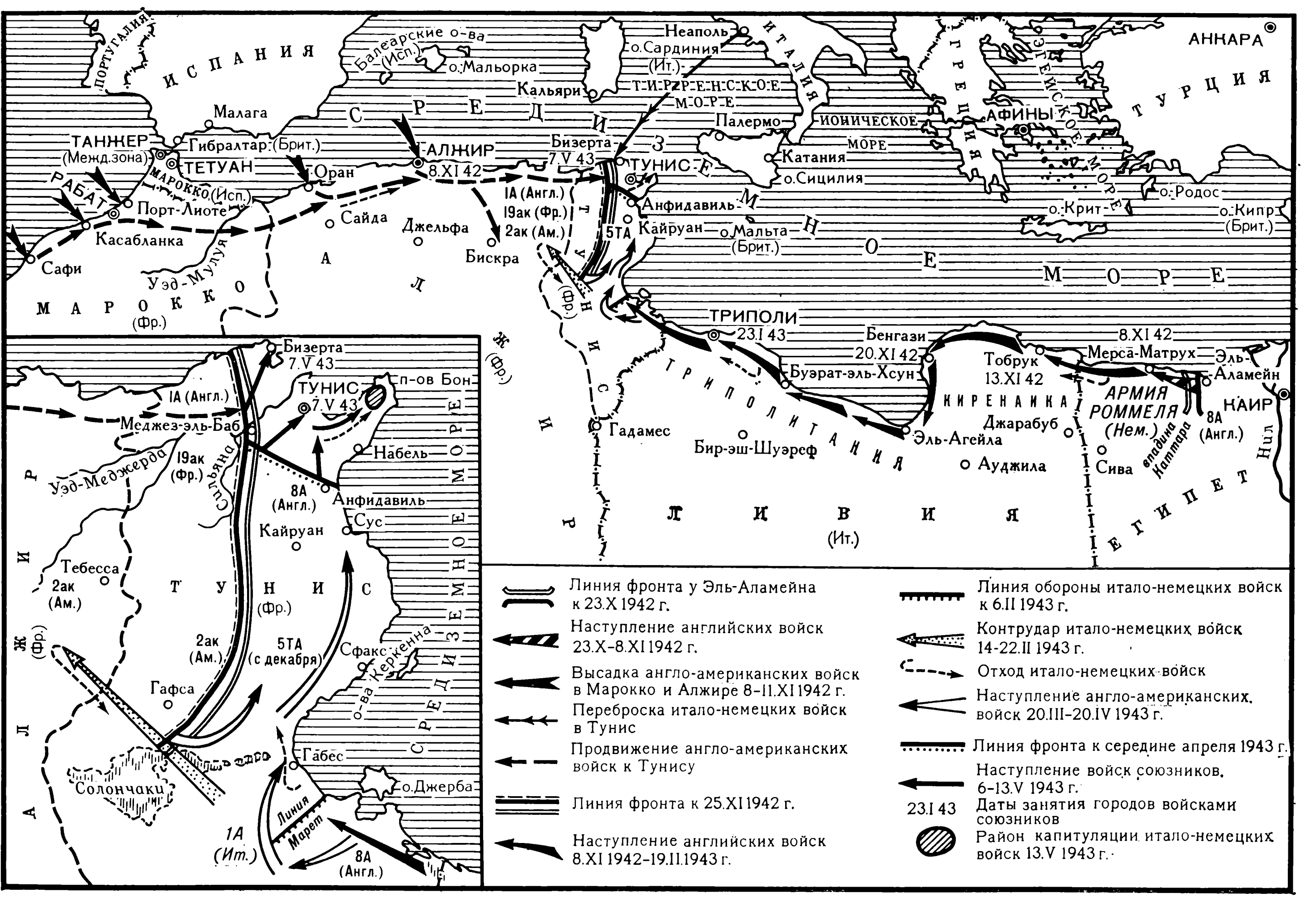
Гитлер, получив сообщение о высадке войск союзников в Северной Африке, отдал приказ о захвате Туниса и создании там плацдарма для итало-немецких войск. Из Франции и Италии по воздуху и морю началась срочная переброска танковой и пехотной дивизий в Тунис. Одновременно гитлеровские войска пересекли демаркационную линию и оккупировали юг Франции, планируя захватить ее флот, но не успели. Французские моряки совершили мужественный акт: потопили и вывели из Тулона 60 кораблей флота, дабы те не попали в руки оккупантов. Это резко изменило положение в соотношении сил в Средиземном море в пользу союзников.

17 ноября западнее Бизерты американо-английские войска встретились и вступили в бой с итало-немецкими частями. Армия Роммеля, совершив марш в 2 тыс. км, добралась до Туниса и предприняла ряд удачных контратак. Союзники не сумели сходу овладеть восточной частью Туниса. Они решили приостановить наступление и перейти к наращиванию сил. В январе 1943 г. армия союзников составила уже более 400 тыс. человек. Немецко-фашистскому командованию удалось перебросить 112 тыс. итальянских и немецких солдат и офицеров [117].

В Северной Африке наступило затишье. Воюющие стороны вели огра-

---

[114] *Де Голль Ш.* Военные мемуары: В 2-х т. М., 1960, т. 2, с. 60.
[115] *Churchill W.* The War Speeches. L., 1952, vol. 2, p. 344.
[116] *Playfair I.* a. o. The Mediterranean and Middle East: Vol. 1—4, L.,1954—1966. vol. 4, p. 155.
[117] История второй мировой войны, 1939—1945. т. 6. с. 222.

ВОЕННЫЕ ДЕЙСТВИЯ В СЕВЕРНОЙ АФРИКЕ
(осень 1942 — весна 1943 г.)

ниченные действия. Активность проявляла только авиация союзников, обладавшая превосходством. Ее бомбардировки препятствовали итало-германскому командованию организовать поставки воинских частей, вооружения, боевой техники и горючего в Тунис, где с обеих сторон шла подготовка к предстоящим военным действиям.

Одновременно развернулась напряженная борьба за Атлантику. Нацистские подводные лодки усилили атаки против американских и английских кораблей. Западные союзники несли серьезные потери. Затруднялась переброска за океан военной техники и живой силы. В январе 1942 г. немецкие подводные лодки потопили в Атлантическом океане 45 кораблей общим водоизмещением 297 тыс. т, в июне — 114 кораблей водоизмещением 627 тыс. т, а в ноябре эта цифра возросла до 800 тыс. т[118]. В целом за первые шесть месяцев 1942 г. немецко-фашистские подводные лодки в Атлантике потопили 506 кораблей западных союзников общим водоизмещением 2250 тыс. т[119]. 117 кораблей были потоплены подводными лодками, применявшими тактику так называемой «волчьей стаи», суть которой состояла в том, что несколько лодок одновременно окружали жертву торпедной атаки и топили ее.

Большие потери настоятельно требовали от союзников принятия неотложных мер, направленных на обеспечение бесперебойной и безопасной переправы через Атлантику войск и материалов. Это было одной из важных военных задач в 1943 г.

---

[118] *Churchill W.* The Second World War, vol. 3, p. 137; vol. 4, p. 112.
[119] *Макдональд Ч.* Тяжелое испытание. М., 1979, с. 53.

Глава четырнадцатая

ПОЛИТИКА И ДИПЛОМАТИЯ ВАШИНГТОНА

1. ПОЛОЖЕНИЕ В СТРАНЕ

Экономика США развивалась быстрыми темпами. В 1943 г. был достигнут максимальный уровень роста промышленности за годы войны. Все отрасли работали с полной нагрузкой. Было выработано 267,5 млрд. кВт·ч электроэнергии, добыто более 590 млн. т угля, 203 млн. т нефти, выплавлено 80,6 млн. т стали, 56,9 млн. т чугуна и ферросплавов, 1251,3 тыс. т меди, 834, 8 тыс. т алюминия. США добывали значительно больше нефти и каменного угля, чем любое воюющее государство. По производству электроэнергии они превосходили Германию более чем в 5 раз, Японию — почти в 8 раз [1].

Возросшие потребности государства в военной технике, судах и самолетах, оружии и боеприпасах, сырье и материалах, амуниции и топливе, людских ресурсах привели к коренным изменениям в структуре промышленности. Резко повысился удельный вес военной индустрии, сократилось производство предметов гражданского потребления. В широком масштабе продолжалось строительство новых заводов и расширение действующих предприятий. Наиболее интенсивно оно велось в 1941—1942 гг. и первой половине 1943 г. Были сооружены 524 завода для производства артиллерийских орудий, винтовок, боеприпасов, бомб, 521 авиационный и 227 судостроительных заводов, 331 предприятие машиностроительной и электротехнической промышленности, 217 — химической [2]. Развитие авиационной, алюминиевой, химической и других отраслей промышленности происходило в основном за счет государства, т. е. налогоплательщиков.

Около $^2/_3$ промышленности страны использовалось для производства вооружения. Если промышленность США в целом за первые два года войны выросла в 1,5 раза, то выпуск военной продукции — почти в 7 раз. В ноябре 1943 г. военное производство достигло высшей точки; в этом году было произведено военной продукции на сумму 80 млрд. долл.[3] За год было выпущено около 86,0 тыс. самолетов, 57,4 тыс. артиллерийских орудий и 38,5 тыс. танков, построено 262 боевых корабля основных классов. Значительно возрос торговый флот. Армия, флот и авиация получали необходимое вооружение и боевую технику в достаточном количестве.

Война принесла огромные прибыли монополиям. Государственные

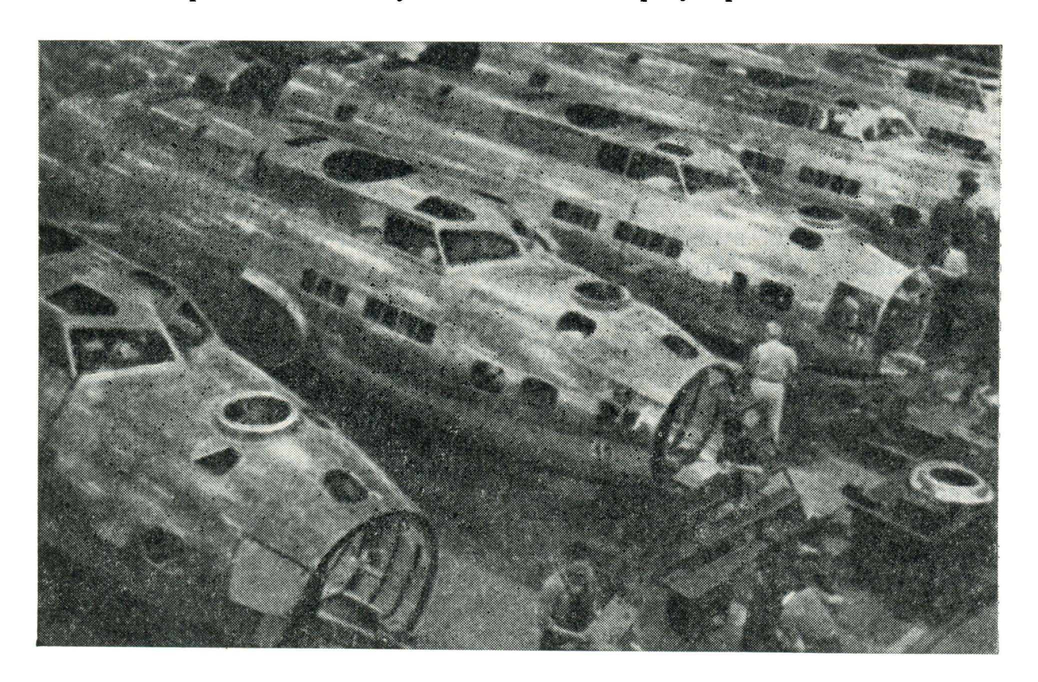
---

[1] История второй мировой войны. 1939—1945: В 12-ти т. М., 1973—1982, т. 7, с. 67, 68.

[2] *Розенфельд Я. С.* Промышленность Соединенных Штатов Америки и война. М., 1946, с. 65.

[3] Там же, с. 48—49.

военные заказы распределялись среди крупнейших корпораций. Усилилась концентрация производства и капитала. С 1940 по 1944 г. в стране закрылось около 500 тыс. мелких и средних фирм, не выдержавших конкуренции с крупными компаниями. Почти половина (44%) занятых в промышленности и торговле в 1943 г. сосредоточилась в фирмах с числом рабочих от 1 тыс. и более [4]. Крупный капитал диктовал правительственным органам политику экономического регулирования. Ключевыми

НА ОДНОМ ИЗ ЗАВОДОВ БОИНГА
(г. Сиэтл, штат Вашингтон, 1942 г.)

звеньями хозяйственного аппарата все более прочно овладевали представители «большого бизнеса».

На службу американским монополиям была поставлена и система поставок по ленд-лизу. В 1943 г. общая их сумма составила 11 733 млн. долл.; 61% приходился на боевую технику, вооружение и боеприпасы. Подавляющую часть (9031 млн. долл.) получили Великобритания и другие государства Британской империи. Поставки в СССР составили всего лишь 2436 млн. долл.[5]

Многие американские и английские историки преувеличивают значение поставок Советскому Союзу по ленд-лизу. Иногда можно встретить утверждения, что без этих поставок СССР не смог бы победить Герма-

---

[4] *Блэр Дж.* и др. Экономическая концентрация и вторая мировая война. М., 1948, с. 32.

[5] История второй мировой войны, 1939—1945, т. 7, с. 69.

нию [6]. Но это не соответствует действительности. Поставки союзников служили лишь дополнительным, притом несущественным, источником снабжения Советских Вооруженных Сил военными материалами. В 1942 г. США поставили СССР 2505 самолетов, 3023 танка, 78 964 единицы мототранспорта, в то время как советская промышленность произвела 25 436 самолетов, 24 446 танков [7].

Объем поставок Советскому Союзу из США и Англии не превышал по самолетам 12%, по танкам — 10, артиллерии — 2% производства советской промышленности. К тому же поставки не всегда осуществлялись в то время, когда наша страна испытывала в них острую потребность; танки и самолеты нередко были устаревших образцов. Общеизвестно высказывание Гопкинса в беседе со Сталиным: «...мы никогда не считали, что поставки по ленд-лизу являлись главным фактором в советской победе над Гитлером на Восточном фронте. Она была достигнута героизмом и кровью русской армии» [8].

В Соединенных Штатах главное бремя войны несли трудящиеся массы. Рабочие и фермеры составляли основную часть вооруженных сил, они же самоотверженно трудились на производстве. В 1943 г. занятость населения в экономике достигла наиболее высокого за период войны уровня — 54,5 млн. человек [9]. Безработица резко сократилась: с 2,5 млн. в июле 1942 г. до 1,2 млн. в июле 1943 г. В отдельных отраслях военного производства — судостроении, например,— даже стал ощущаться недостаток в рабочей силе. Миграция рабочих и переход их с одного на другое предприятие приобрели всеобщий характер. Весной в стране было объявлено 32 района с «критической нехваткой рабочей силы», а к ноябрю их насчитывалось уже 77. Встал вопрос о необходимости более жесткого регулирования рабочей силы.

В начале 1943 г. комиссия в составе Г. Гопкинса, Дж. Бирнса, адмирала У. Леги, Б. Баруха и С. Розенмана, созданная Рузвельтом для изучения проблемы нехватки рабочей силы, выработала ряд рекомендаций. 9 февраля 1943 г. Рузвельт издал приказ о введении 48-часовой рабочей недели на предприятиях военного производства. Вскоре после этого, 17 апреля, глава Комиссии по распределению людских ресурсов в военное время П. Макнатт издал директиву, запрещавшую рабочим покидать предприятия без согласия предпринимателей. Она распространилась на 35 отраслей промышленности и охватила 35 млн. рабочих [10]. Нарушение этой директивы грозило рабочему тюремным заключением на один год.

Одновременно был поставлен вопрос и о введении системы принудительного труда. 8 февраля сенатор У. Остин (штат Вермонт) и член палаты представителей Дж. Уодсворт (штат Нью-Йорк) внесли в конгресс билль о трудовой повинности под названием «закон о национальной

---

[6] *Schofield B. B.* The Russian Convoys. L., 1964, p. 208; *Baldwin H.* Battles Lost and Won. L., 1966, p. 235; *Jones R.* The Roads to Russia. Norman, 1969, p. 9; *Crocker G.* Roosevelt's Road to Russia. N. Y., 1975, p. 162—163.

[7] История второй мировой войны, 1939—1945, т. 5, с. 48, 57—58.

[8] *Шервуд Р.* Рузвельт и Гопкинс. Глазами очевидца: В 2-х т. М., 1958, т. 2, с. 626.

[9] Industrial Mobilization for War. History of the War Production Board and Predecessor Agencies, 1940—1945. Wash., 1947, vol. 1, p. 701.

[10] *Сивачев Н. В.* Рабочая политика правительства США в годы второй мировой войны. М., 1974, с. 188.

службе»[11]. Этот законопроект предусматривал направление мужчин и женщин на работу по усмотрению государственных органов. Его активно поддержали представители «большого бизнеса» и военных ведомств. Военный министр Стимсон обратился со специальным письмом к председателю сенатской комиссии по военным делам Р. Рейнольдсу, предлагая одобрить билль[12]. Профсоюзы выступили против законопроекта. Развернулись длительные дебаты.

Проявляя солидарность с народами других стран антигитлеровской коалиции и стремясь увеличить свой вклад в разгром общего врага, рабочие повышали производительность труда, соглашались на удлинение рабочего дня и сверхурочные работы. Компартия США поддерживала политику Рузвельта. Коммунисты вели работу среди профсоюзов, главным образом в КПП, имевшем значительное влияние в Нью-Йорке, в штатах Огайо, Иллинойс, Пенсильвания, Калифорния. Призывая АФТ и КПП к сотрудничеству, Компартия участвовала в проведении митингов и собраний, на которых обсуждались вопросы быстрейшего открытия второго фронта в Европе, поддержки СССР и других воюющих против фашистских агрессоров государств.

Финансисты и промышленники использовали благоприятную военную конъюнктуру для увеличения своих прибылей. Возросли цены на товары первой необходимости. По сравнению с январем 1941 г. они повысились в 1943 г. на 43,5%, в то время как заработная плата выросла всего лишь на 15%. К весне 1943 г. стоимость жизни трудящихся на 27% превысила довоенный уровень. 8 апреля 1943 г. президент издал декрет с требованием «держать линию», по которому запрещалось изменять цены на товары и повышать заработную плату. На отдельные виды товаров частично вводилась карточная система. Это вызвало недовольство среди рабочих. Исполнительный совет АФТ получил большое число телеграмм и писем с выражением протеста.

1 июля 1943 г. вступил в силу закон о федеральном подоходном налоге; сумма его не должна была превышать 20% заработка.

На съездах АФТ и КПП в ноябре 1943 г. члены профсоюзов выступили за отмену формулы «малой стали» — за отмену замораживания заработной платы. Они указывали на ее несправедливость: поскольку уровень заработной платы отставал от стоимости жизни, это вело к ухудшению экономического положения рабочих. Съезд КПП отмечал, что политика «стабилизации» заработной платы «создала серьезную опасность раскола нации и существенного ослабления внутреннего фронта»[13].

В промышленности резко усилилась интенсификация труда, что среди прочих последствий привело и к росту несчастных случаев. За 1943 г. погибло 18 400 рабочих, 109 700 человек получили увечья с постоянной потерей трудоспособности. Характерно, что за два года войны — со дня Пёрл-Харбора до конца 1943 г.— на производстве погибли 37 600 человек, т. е. на 7500 больше, чем на полях сражений[14].

В ответ на усилившееся наступление предпринимателей трудящиеся стали прибегать к забастовкам. В 1943 г. были проведены 3752 стачки;

[11] Congressional Record, vol. 89, p. 666—667, 730.
[12] Ibid., p. 1375.
[13] CIO News, 1943, Nov. 8.
[14] *Сивачев Н. В.* Рабочая политика правительства США..., с. 191.

в них участвовали около 2 млн. человек [15]. Наиболее активную роль в рабочем движении играли шахтеры. В 1943 г. в угольной промышленности произошло 430 стачек с участием 605 тыс. человек. На эту отрасль приходится 70% всех рабочих дней, потерянных в забастовках 1943 г. Забастовки происходили под руководством председателя профсоюза шахтеров Джона Льюиса. В конце апреля 1943 г. создалась угроза всеобщей забастовки углекопов. Рабочие потребовали повысить заработную плату в связи с ростом цен и ввести 6-дневную рабочую неделю. Стремясь избежать забастовки, Управление по вопросам труда предложило посредничество, но оно было отклонено. 25 апреля 70 тыс. рабочих прекратили работу. На следующий день забастовали уже 515 тыс. горняков. Забастовка охватила почти все шахты.

Правительство потребовало прекратить стачку. Президент предупредил Льюиса: если шахтеры не возобновят работу утром 1 мая, правительство установит контроль над всей угольной промышленностью. Горняки упорно продолжали бастовать. 2 мая многие из них не вышли на работу, настаивая на удовлетворении своих требований. Рузвельт приказал министру внутренних дел Г. Икесу начать переговоры с Льюисом и шахтовладельцами. 2 мая президент выступил по радио и призвал горняков вернуться на работу.

4 мая Объединенный союз горняков заключил с правительством соглашение о возобновлении с этого дня работы сроком на две недели. Затем оно было продлено еще на такое же время. Но так как договор между профсоюзом и предпринимателями все же не был заключен, 1 июня забастовка в угольной промышленности возобновилась. Председатель профсоюза горняков Льюис настаивал на удовлетворении требований бастующих. Министр внутренних дел установил над шахтами правительственный контроль. Создалась критическая ситуация. Президент еще раз потребовал прекратить стачку. Углекопы согласились с 7 июня приступить к работе, но только до 20 июня. Конфликт принял затяжной характер.

Одновременно вспыхнули стачки на автомобильных заводах компании «Крайслер». В Детройте и Акроне 79 тыс. рабочих не вышли на работу. Пресса обвинила их в подрыве «национального единства». Компания, не желая обострения конфликта, решила удовлетворить их требования. Много мелких конфликтов возникло в текстильной промышленности, но предпринимателям удавалось устранять их в самом начале.

Боролись за свои права и рабочие-железнодорожники. 20 профсоюзов заявили о намерении провести 30 декабря 1943 г. всеобщую забастовку. «Великое терпение,— отмечала профсоюзная печать,— в конце концов исчерпалось» [16]. Владельцы попытались предотвратить забастовку, но безрезультатно. Тогда в конфликт вмешался президент США. Используя свои чрезвычайные полномочия, он приказал передать контроль над железными дорогами государству. Кроме того, настоял на частичном удовлетворении требований профсоюзов. Когда это было осуществлено, железные дороги вновь перешли к их владельцам.

С 1943 г. многие местные профсоюзы стали выступать за аннулиро-

---

[15] История рабочего движения в США в новейшее время: В 2-х т. М., 1970—1971, т. 2, с. 100; Historical Statistics of the United States. Colonial Times to 1957. Wash., 1960, p. 99; Economic Almanac for 1960. Wash., 1960, p. 310.

[16] *Сивачев Н. В.* Рабочая политика правительства США..., с. 279.

вание декабрьского (1941) соглашения о неприменении стачек. В частности, Мичиганский совет профсоюзов КПП принял в июне 1943 г. решение считать недействительным соглашение об отказе от забастовок. По этому вопросу проводились референдумы.

В годы войны несколько улучшились отношения между неграми и белыми на производстве и в профсоюзах. Предприниматели вынуждены были привлечь негров для работы на предприятиях, которые ранее для них были закрыты. Усилилась миграция негров на Север, в промышленные штаты и города. Они поступали работать на заводы, становились членами профсоюзов. Однако расовые столкновения продолжались. В феврале 1942 г. в Детройте группа расистов напала на негров, когда те вселялись в построенный жилой квартал. 38 человек были ранены, 100 — арестованы. Летом 1943 г. последовала серия негритянских выступлений. В июне в Детройте начались крупные волнения негров. Вспыхнуло восстание в Гарлеме (штат Нью-Йорк), закончившееся вооруженным столкновением полиции с неграми, во время которого были убитые и раненые. Накалилась атмосфера в ряде городов Юга. В Мобиле (штат Алабама) между неграми и белыми произошло кровопролитное столкновение; в Бомонте (штат Техас) погромщики сожгли половину негритянского квартала [17].

Правительственные круги и особенно предприниматели выступили с нападками на забастовщиков, обвиняя их в нарушении «национального единства». Развернулась антирабочая кампания, которая преследовала цель подготовить общественное мнение страны к принятию рядом штатов США антипрофсоюзных законов. Сторонники антирабочего законодательства активизировались и в конгрессе. На первой сессии 1943 г. был внесен 61 антирабочий билль [18]. Общим пунктом всех этих законопроектов являлось запрещение или ограничение забастовок. Предлагалось рассматривать объявление забастовки как измену, а ее участников отправлять в армию.

В первые месяцы 1943 г. антирабочие законы были одобрены в шести штатах: Колорадо, Техасе, Айдахо, Канзасе, Южной Дакоте, Аризоне. Во второй половине года за ними последовали еще пять — Алабама, Флорида, Массачусетс, Мичиган и Миннесота. Эти законы ставили под контроль деятельность профсоюзов, вводили их ежегодную отчетность перед властями штатов. В решении съезда АФТ отмечалось, что принятые в штатах законы преследовали цель разрушить профсоюзы и превратить их в малоэффективные организации [19].

Наибольшее внимание привлек законопроект сенатора из Техаса Т. Коннэлли и члена палаты представителей Г. Смита. Билль предусматривал запрещение стачек в военной промышленности по всей стране и предоставлял президенту право брать под свое управление предприятия, охваченные забастовками. Сенатор Р. Лафоллетт оценил билль как «новую атаку на права рабочих», член палаты представителей В. Маркантонио — как стремление государства установить контроль над профсою-

---

[17] *Фостер У. З.* Негритянский народ в истории Америки. М., 1955, с. 678.
[18] Подробнее см.: *Сивачев Н. В.* Рабочая политика правительства США..., с. 273—277, 279.
[19] AFL, Report of the Proceedings of the 63rd Annual Convention, 1943. Wash., 1943, p. 93—94.

зами[20]. Опасаясь роста недовольства рабочих, Рузвельт наложил вето на билль, уверенный в том, что конгресс все же его примет. Так и случилось. Президент поставил под ним свою подпись 25 июня 1943 г. Закон Коннэлли — Смита, направленный против интересов пролетариата, явился, по словам У. Грина, «горькой наградой» за вклад, внесенный рабочими в развитие военного производства США. Несмотря на принятие этого закона, забастовки рабочих продолжались.

В целом, однако, рабочее движение в 1943 г. не приняло широкого размаха. Стачки носили локальный характер, возникали стихийно и обычно бывали кратковременными — 80% длились менее недели. Многие выступления приостанавливались в самом начале Управлением по вопросам труда. Инициаторами стачек были, как правило, руководители местных профсоюзных отделений. Большинство профсоюзов и рабочих воздерживались от забастовок.

Таковы общие тенденции социально-экономического развития США в 1943 г. Главная из них — завершение перевода экономики на военные рельсы и быстрый ее подъем, что не могло не повлиять и на военную стратегию США.

2. КОНФЕРЕНЦИЯ В КАСАБЛАНКЕ. ВОЕННЫЕ ОПЕРАЦИИ СОЮЗНИКОВ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ 1943 Г.

14 января 1943 г. в Касабланке открылась конференция глав правительств США и Англии, созванная для обсуждения и согласования военных планов западных союзников на 1943 г. Ко времени созыва конференции международная военная обстановка ознаменовалась крупными успехами Советской Армии: ее мужественные воины окружили армию Паулюса под Сталинградом. Эта битва длилась 200 дней и ночей — с 17 июля 1942 г. по 2 февраля 1943 г. Враг потерял четвертую часть сил, действовавших в то время на советско-германском фронте, 2 тыс. танков и штурмовых орудий, свыше 10 тыс. орудий и минометов, около 3 тыс. боевых и транспортных самолетов. В то же время надежды союзников, войска которых в ноябре высадились в Северной Африке, на быструю и легкую победу не оправдались. Бои в юго-западной части Тихого океана шли с переменным успехом. В Китае на фронтах было спокойно, ни одна из сторон не предпринимала активных действий.

Накануне конференции — 10 декабря 1942 г. — в Белом доме обсуждали планы дальнейших действий. Начальник штаба армии генерал Маршалл высказался за скорейшее освобождение Северной Африки, а в последующем — за развертывание военных действий в зоне Средиземного моря и повышение темпов накопления сил на Британских островах. Командующий ВВС генерал Арнольд призывал ограничиться ударами авиации по Германии, для чего надо было выделить минимум 2225 бомбардировщиков. Представители сухопутных сил США указывали на невозможность одержать победу одними только силами авиации. Они доказывали, что необходимо вторжение наземных войск на Европейский континент через Ла-Манш. Сам президент полагал, что преждевремен-

[20] Congressional Record, vol. 89, p. 2046—2047, 5730.

но — до окончательного исхода сражения под Сталинградом — принимать решение о стратегических планах союзников.

7 января 1943 г. состоялось еще одно совещание начальников штабов с участием президента [21]. Отвечая на вопрос Рузвельта, достигнута ли договоренность «в защиту операции вторжения на континент через Ла-Манш», Маршалл заявил о наличии разных точек зрения. Начальники штабов, сказал он, предпочитают начать операцию по вторжению на континент через Ла-Манш, возможно, в июле 1943 г., но предупредил, что это связано с риском, большими потерями в живой силе; кроме того, предвидятся большие трудности с транспортом. Сицилия как объект атаки была, по его мнению, предпочтительнее.

Президент и на этот раз не высказал окончательного мнения, предложив подождать еще один-два месяца. Пусть начальники штабов, заметил Рузвельт, продолжают изучать возможные варианты операций на Европейском континенте и в районе Средиземного моря. Неопределенность позиции президента вызвала недоумение у начальников штабов. Во всяком случае, было очевидно, что в планы Рузвельта еще не входило открытие второго фронта в Европе.

На конференции в Касабланке союзникам предстояло решить, что следует делать после окончания операции в Северной Африке, каким должно быть соотношение между Европейским и Средиземноморским театрами войны?

16 января на заседании Объединенного комитета начальников штабов США и Великобритании выступил начальник британского имперского штаба фельдмаршал Алан Брук. Он заявил, что Советский Союз является единственным из союзников, который обладает крупными сухопутными силами и ведет активные операции на Европейском континенте. До появления признаков ослабления Германии, утверждал он, наземные силы США и Англии не в состоянии повлиять на ход военных событий в Европе. Он предложил провести операцию по захвату Сицилии. Брук не преминул упомянуть и о желательности продолжать сосредоточение войск на Британских островах. Маршалл так резюмировал доклад Брука: англичане опасаются любых прямых действий в Западной Европе, пока не будут налицо признаки краха фашистской Германии [22].

Впрочем, сам Маршалл ограничился весьма неопределенным и не связанным с какими-либо сроками признанием необходимости нанесения главного удара по Германии через Ла-Манш. Представители военно-морских и военно-воздушных сил адмирал Кинг и генерал Арнольд не поддержали эту идею [23]. Таким образом, у американцев не было единого мнения, что сразу же отметили англичане. 18 января Черчилль телеграфировал военному кабинету: президент отдает приоритет Средиземноморскому театру военных действий, все больше склоняется к захвату Сицилии [24]. В тот же день Иден информировал советского посла И. М. Майского о ходе дискуссии в Касабланке, а также о том, что после завершения военных действий в Северной Африке союзники предпримут опе-

[21] *Мэтлофф М., Снелл Э.* Стратегическое планирование в коалиционной войне, 1941—1942. М., 1955, с. 420, 421, 439.
[22] Foreign Relations of the United States. The Conferences at Washington, 1941—1942, and Casablanca, 1943. Wash., 1968, p. 560. (Далее: FRUS).
[23] Ibid., p. 581—583.
[24] *Мэтлофф М., Снелл Э.* Указ. соч., с. 48.

РУЗВЕЛЬТ И ЧЕРЧИЛЛЬ НА КОНФЕРЕНЦИИ В КАСАБЛАНКЕ
(17 января 1943 г.)

рацию против Сицилии. На вопрос посла о втором фронте министр твердо и решительно ответил: все дело в американцах [25].

Следовательно, если в 1942 г. дипломатия США возлагала ответственность за отсутствие второго фронта в Европе на англичан, то теперь к подобной тактике стали все чаще прибегать официальные лица в Лондоне. Они обвиняли США, которые не выполнили своего обещания сосредоточить на Британских островах к весне 1943 г. миллионную армию.

В дальнейшем дебаты сконцентрировались на вопросе о главном направлении предстоящих операций. Генерал Маршалл продолжал высказываться за вторжение в Северную Францию, за предоставление приоритета этой операции и соответственно накопление американских сил на Британских островах. Он выступил против развертывания операций на Средиземноморье. США и Англия, подчеркнул Маршалл, не должны «втягиваться в бесконечные операции на Средиземноморском театре» и им не следует «отсиживаться в Англии в ожидании предполагаемого военного краха Германии» [26]. Генерал Арнольд по-прежнему настаивал на том, что сопротивление Германии можно подавить с помощью авиации. Адмирала Кинга больше интересовал вопрос о сосредоточении усилий на Тихом океане и активизации там военных операций.

Начальник британского имперского штаба выразил несогласие с предложением Маршалла, заявив, что в 1943 г. высадка союзников в Северной Франции невозможна, на это можно решиться только в 1944 г.

[25] *Земсков И. Н.* Дипломатическая история второго фронта в Европе. М., 1982, с. 157.
[26] *Мэтлофф М., Снелл Э.* Указ. соч., с. 52.

Черчилль горячо поддержал Брука, утверждая, что Средиземноморье — многообещающее направление. Рузвельта также привлекала мысль о быстрой и легкой победе над Италией.

23 января главы правительств США и Великобритании одобрили доклад Объединенного комитета начальников штабов о военной стратегии союзников на 1943 г. В нем предлагалось начать воздушное наступление на Германию. Целью бомбардировок являлось разрушение и дезорганизация военной промышленности, подрыв морального духа немецкого народа, ослабление способности нации к вооруженному сопротивлению. Выполнение операций возлагалось на английскую бомбардировочную авиацию и 8-ю американскую воздушную армию [27]. Планирующим органам было дано указание продолжать заниматься вопросами накопления сил на Британских островах для вторжения на Европейский континент в случае возникновения критической ситуации в Германии. В официальных кругах Вашингтона и Лондона некоторые не исключали такого хода событий.

Высадка десанта в Сицилии предусматривалась в июле. Впоследствии эта операция получила кодовое название «Хаски». Один из участников конференции, адмирал У. Леги, в связи с этим записал: план вторжения во Францию через Ла-Манш заменен операцией по захвату Сицилии [28]. Сын президента Рузвельта Эллиот, присутствовавший на конференции, также расценивал решение о проведении этой операции как признание того, что «вторжение через Ла-Манш придется отложить до весны 1944 г.» [29]. Такое решение означало, как писал американский историк Г. Фейс, что советские войска «должны будут по-прежнему нести основную тяжесть борьбы на суше в Европе в течение 1943 г.» [30].

На конференции обсуждался вопрос о соотношении Европейского и Тихоокеанского театров военных действий. Маршалл предложил направлять 70% вооруженных сил и военных материалов на Европейский и Атлантический театры войны, а 30% — на Тихоокеанский. Кинг поддержал его. Англичане выступили против, утверждая, что это приведет к распылению и истощению сил, к слишком большому размаху операций против Японии. Нужно, утверждали английские начальники штабов, ограничиться оборонительными мероприятиями на Тихом океане, а после разгрома Германии сконцентрировать усилия союзников против Японии. Черчилль выразил готовность направить флот и армию на борьбу против Японии после поражения германского рейха. Он предложил заключить соглашение по данному вопросу. Президент поспешно отклонил это, заметив, что и без того верит словам премьера. Американские начальники штабов заявили о твердом намерении США продолжать наступательные операции в южной и юго-западной частях Тихого океана (Соломоновы острова, Новая Гвинея и Рабаул).

Американцы поставили вопрос об оказании помощи Китаю, находившемуся в тяжелом положении, с целью удержать его в состоянии войны

---

[27] FRUS. The Conferences at Washington, 1941—1942, and Casablanca, 1943, p. 791—798; *Webster Ch., Frankland N.* The Strategic Air Offensive against Germany 1939—1945: Vol. 1—4. L., 1961, vol. 4, p. 273.

[28] *Leahy W.* I was There. N. Y., 1950, p. 174.

[29] *Рузвельт Э.* Его глазами. М., 1947, с. 104—105.

[30] *Feis H.* Churchill, Roosevelt, Stalin. The War They Waged and the Peace They Sought. Princeton, 1970, p. 107—108.

с Японией. Китайские войска, заявляли представители США, могут предпринять наступление из Юньнани в Северную Бирму, освободить эту территорию от японцев. В Чунцине готовы предпринять эту операцию при условии поддержки кораблей английского флота в Бенгальском заливе. Англичане не желали этого делать. Разногласия возникли и в отношении оценки возможностей Китая, его роли в борьбе против Японии. В пылу полемики адмирал Кинг сделал откровенное признание о стратегической линии США. Он сказал, что «Россия в Европе, а Китай в Азии занимают исключительно выгодные позиции, они богаты людскими ресурсами». Поэтому основная политика США и Англии «должна заключаться в том, чтобы обеспечить людские ресурсы России и Китая необходимым снаряжением, чтобы они могли драться» [31].

Вопрос об операциях в Азии остался открытым. Было лишь выражено общее пожелание о подготовке к освобождению Бирмы. В войне против Японии союзники намеревались пока ограничиваться блокадой, ударами по морским коммуникациям и подготовкой к наступательным военным действиям в будущем.

На конференции Рузвельт большое внимание уделил французским делам, будущему Франции и ее колоний, возможности использования французских сил для боевых действий против Германии и Италии. Руководители США и Англии придавали важное значение перевооружению французских войск. Рузвельт встретился с командующим французскими войсками в Северной Африке генералом А. Жиро, который заявил о готовности создать армию в 250 тыс. человек при условии передачи ей соответствующего количества вооружения, боевой техники и обмундирования. Начальники штабов активно поддержали предложение генерала Жиро и, игнорируя де Голля, приняли решение как можно скорее вооружить 11 французских дивизий: 8 пехотных и 3 танковые. Рузвельт охотно подписал соглашение о поставке Соединенными Штатами вооружения, боевой техники, военного снаряжения и боеприпасов французам [32].

Своего рода эпилогом встречи глав правительств явилась пресс-конференция, состоявшаяся 24 января в Касабланке. Рузвельт провозгласил на ней формулу безоговорочной капитуляции Германии, Италии и Японии [33]. Черчилль, преодолев некоторое замешательство, неохотно присоединился к предложению президента, хотя и заметил, что Италия не заслужила такого обращения.

Коммюнике конференции было нарочито туманным и расплывчатым, отличалось неопределенностью формулировок. Западная печать преувеличивала значение принятых конференцией решений. Однако конференция не определила главного — времени открытия второго фронта в Европе. Не был решен и вопрос об операциях в Азии. Информируя главу Советского правительства о переговорах, Рузвельт и Черчилль ничего не говорили о конкретных операциях и сроках. В их послании упоминалось только о намерении союзников очистить Северную Африку и начать бомбардировку военных объектов в южной Европе [34].

Переговоры в Касабланке подтвердили общую линию западных со-

---

[31] *Мэтлофф М., Снелл Э.* Указ. соч., с. 63—64.

[32] Там же, с. 89—91.

[33] Подробнее см.: *Лебедева Н. С.* Касабланкская конференция и принцип безоговорочной капитуляции.— В кн.: Американский ежегодник, 1978, М., 1978, с. 42—68.

[34] Переписка Председателя Совета Министров СССР с президентами США и премьер-

юзников: вести войну по принципу экономии сил и средств, перекладывая ее тяготы на СССР. Это показали и последующие военные операции.

В начале февраля командование США и Англии в Северной Африке предприняло наступление с целью отрезать пути отхода итало-немецким войскам от «линии Марет» на север и во взаимодействии с 8-й британской армией, находившейся в Тунисе, разгромить их. Но эта операция потерпела провал. Американские войска были контратакованы и понесли потери. Командование немецко-фашистских войск воспользовалось сложившейся обстановкой. Роммель намеревался нанести на Тунисском плацдарме удар в северо-западном направлении, выйти к морскому побережью у мыса Бон и тем самым устроить англо-американским войскам западню.

14 февраля войска Роммеля, стремясь выиграть время и сорвать готовившееся союзниками наступление, нанесли удар по 2-му американскому корпусу. Германские танки появились у каменистых высот позади прохода Фанд. Этого не ожидали западные союзники, они стали отступать. 2866 американцев попали в плен. Не встретив сильного сопротивления, немецкие части прорвали оборону союзников и продвинулись на 150 км в северо-западном направлении к Кассерину. Затем разгромили 1-ю американскую бронетанковую дивизию, прорвались через Кассеринский горный перевал и вышли во фланг 1-й английской армии. Создалась угрожающая ситуация.

Бои за Кассеринский перевал продолжались несколько дней, но были безуспешными для обеих сторон. Перевес сил был у союзников, численность которых достигла 260 тыс. человек. Роммель понимал, что удержать Тунис невозможно. Он вылетел в ставку и предложил эвакуировать войска. Гитлер неистовствовал. Тем временем американо-английское командование приняло срочные меры для ликвидации прорыва. К 3 марта немецко-фашистские войска были отброшены на исходные позиции. Положение сторон на фронте в Тунисе стабилизировалось. Военные действия приняли затяжной характер.

16 февраля И. В. Сталин обратил внимание президента Рузвельта на то, что сроки окончания военных операций в Тунисе отложены, перенесены с февраля на апрель. В середине марта Советское правительство вновь отметило медлительность в проведении союзниками операций в Северной Африке [35].

В первой половине марта американо-английское командование приступило к разработке наступательной операции в Тунисе. Замысел состоял в том, чтобы сначала ударить по южной группировке итало-немецких войск, расположенных на «линии Марет», а потом нанести поражение 5-й танковой армии, овладеть портами Бизерта и Тунис и полностью освободить Северную Африку. 17 марта 2-й американский корпус перешел в наступление в направлении на Макнасси, но развивалось оно медленно. Это позволило нацистскому командованию подтянуть танковые части и контратаковать американцев, приостановив их продвижение.

20 марта начала наступление 8-я британская армия. Главным ее ударом было приморское направление. Восемь дней шли напряженные бои.

министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941—1945 гг.: В 2-х т. М., 1976, т. 1, с. 104—106.

[35] Там же, т. 2, с. 54, 57.

Противник переходил в контратаки, упорно удерживал занимаемый им рубеж. Только 28 марта, когда английские бронетанковые части, совершив маневр, обошли с юго-запада «линию Марет» и создали угрозу правому флангу итало-германских войск, последние стали отходить с арьергардными боями на север. К середине апреля они отступили на оборонительный рубеж северо-западнее Тебесса, затем на рубеж Анфидавиль и Джебибина.

20 апреля американо-англо-французские войска возобновили наступление. У них было численное превосходство на суше и в воздухе: 11 тыс. танков, около 2 тыс. орудий, 3 тыс. самолетов; в армии Роммеля имелось всего 120 танков и 500 орудий [36]. 8-я британская армия преодолела рубеж Анфидавиль — Джебибина и стала продвигаться в северном направлении, а часть американо-английских и французских войск развернула наступление с запада на восток в направлении городов Бизерта и Тунис. 7 мая город Тунис был занят союзниками. 13 мая войска Роммеля капитулировали. Страны «оси» потеряли в Тунисе свыше 300 тыс. солдат и офицеров, из них пленными 240 тыс. [37] Союзники потеряли в Северной Африке 10 290 убитыми [38].

Полгода продолжались боевые действия союзников в Северной Африке. Характерной чертой были медлительность и нерешительность, что позволяло командованию итало-немецких войск маневрировать, перебрасывать подкрепления и средства из Италии в Тунис. Однако все эти мероприятия могли только отсрочить, но отнюдь не предотвратить их окончательный разгром.

Победу в Северной Африке США постарались использовать для приобретения стратегических преимуществ и экономических выгод. В Северной Африке США и Англия приобрели важные военные базы — Алжир, Тунис, Бизерту, Оран, Триполи, Касабланку, Дакар, Бенгази, Тобрук и др., установили контроль над всем южным побережьем Средиземного моря. Представители многих компаний и правительственных учреждений устремились в страны Африки. Их интересовали неисчерпаемые источники сырья и неограниченные сферы приложения капитала на этом континенте. Президент Рузвельт еще в январе 1943 г. говорил сыну Эллиоту о том, что в недрах Африки таятся несметные богатства и имеются огромные возможности их использовать. Из этого континента можно выкачать миллиарды [39]. Бельгийское Конго поставляло Соединенным Штатам вольфрам, олово, кобальт, каучук и другие остродефицитные материалы. По специальному соглашению США и Англия установили контроль над добычей урана и тория в Конго. Экспорт США в страны Африки возрос в 10 раз. В 1945 г. импорт США из Кении и Уганды увеличился по сравнению с 1937 г. более чем в 2 раза, а из Танганьики — в 6 раз [40].

На Тихоокеанском театре японское командование, силы которого были распылены, не предпринимало активных наступательных операций. Оно приступило к укреплению оборонительного рубежа Марианские остро-

---

[36] История Великой Отечественной войны Советского Союза, 1941—1945: В 6-ти т. М., 1960—1965, т. 3, с. 554.
[37] *Liddel Hart B.* History of the Second World War. L., 1970, p. 431; *Taylor A.* The Second World War. L., 1975, p. 172.
[38] История второй мировой войны, 1939—1945, т. 6, с. 225.
[39] *Рузвельт Э.* Указ. соч., с. 98.
[40] *Шпирт А. Ю.* Африка во второй мировой войне. М., 1959, с. 91.

ва — о-ва Трук — Соломоновы острова — Новая Гвинея — о-в Тимор и к организации обороны в Индийском океане по линии Западная Бирма — Андаманские острова — Никобарские острова — о-в Суматра. В Китае Япония также стремилась удержать завоеванные позиции.

Командование США предпринимало меры к тому, чтобы обеспечить безопасность главной морской коммуникации — Гавайи — Австралия. Было решено отправить дополнительные войска на Тихоокеанский театр военных действий. В конце 1942 г. в районе Тихого океана находились 9 дивизий и 19 боевых авиационных групп. Численность американских войск на этом театре войны составляла 346 тыс.[41] Основная часть этих сил действовала в юго-западных районах океана. В операциях начала 1943 г. участвовали многочисленные отряды сухопутных войск. Однако важную роль играла авиация. Обе воюющие стороны стремились установить оперативное господство в воздухе. Широко применялась при этом стратегическая авиация. Американцы старались помешать наращиванию сил и снабжению японских гарнизонов на островах.

В битве за Атлантику весной 1943 г. наметился перелом. Это произошло после марта, когда конвои союзников были усилены. Потери немецко-фашистских подводных лодок возросли. Только в мае были потоплены 40 лодок. Германия не в состоянии была восполнить такие потери. Гитлеровское командование вынуждено было убрать подводный флот с главной морской коммуникации, соединяющей Северную Америку с Великобританией. После этого потери союзников в Атлантике резко сократились. С мая 1943 г. германский флот заметно сократил масштабы подводной войны.

3. ВСТРЕЧА ГЛАВ ПРАВИТЕЛЬСТВ США И ВЕЛИКОБРИТАНИИ В ВАШИНГТОНЕ. ОПЕРАЦИЯ В СИЦИЛИИ

Весной 1943 г. в Вашингтоне была созвана очередная англо-американская конференция. Переговоры продолжались с 12 по 25 мая. После встречи в Касабланке прошло лишь три месяца, но в военно-политической обстановке многое изменилось. Прежде всего, разгромом фашистских войск завершилась гигантская битва под Сталинградом. Вермахт потерял в этой битве убитыми, ранеными, пленными и пропавшими без вести около 1,5 млн.— четвертую часть своих сил, действовавших на советско-германском фронте[42]. 1 февраля 1943 г. Черчилль писал Сталину: «Это, действительно, изумительная победа»[43], а четыре дня спустя Рузвельт, поздравляя главу Советского правительства, назвал победу под Сталинградом «эпической борьбой» и «одной из самых прекрасных глав в этой войне народов, объединившихся против нацизма и его подражателей»[44].

Однако у определенных кругов на Западе перспектива победы Совет-

---

[41] *Мэтлофф М., Снелл Э.* Указ. соч., с. 415.
[42] Военный энциклопедический словарь. М., 1983, с. 703.
[43] Переписка Председателя Совета Министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны, т. 1, с. 110.
[44] Там же, т. 2, с. 52.

ского Союза над Германией, роста его влияния в мире вызывала беспокойство[45]. Не скрывавший неприязни к СССР американский посол в СССР адмирал У. Стэндли писал 25 мая в Вашингтон: «Советский Союз пользуется сейчас небывалой популярностью в Англии и в Соединенных Штатах, а также, несомненно, в странах оккупированной Европы; восхищение вызвано героическим сопротивлением советского народа и Красной Армии. У многих это будет ассоциироваться с советской системой»[46]. Подобные настроения не могли не отразиться на стратегическом планировании западных союзников.

Комитет начальников штабов США в связи с подготовкой к конференции в Вашингтоне дал указание соответствующим органам представить планы возможных военных операций. На основе изучения развития событий отдел стратегического планирования операций пришел к выводу, что германское командование предпримет весенне-летнее наступление на Восточном фронте, которое явится определяющим в войне. Объединенная комиссия стратегических проблем также сделала заключение, что в 1943 г. решится вопрос, в каком направлении будут развиваться события на советско-германском фронте. Некоторые американские стратеги предсказывали успех германского вермахта в летней кампании[47].

Победа Советской Армии под Сталинградом и ее последствия вызывали у британского премьер-министра противоречивые чувства. Размышляя о планах кампании на 1943 г., он писал Гопкинсу 13 февраля: «Думаю, это ужасно, когда в апреле, мае и июне ни один американский и ни один английский солдат не убьет ни одного германского или итальянского солдата, в то время как русские преследуют перед собой 185 дивизий противника. Конечно, кто-то может сказать, что июль, возможно, более благоприятный месяц с чисто военной точки зрения, но время является решающим фактором ... Мне кажется, что мы, вне всякого сомнения, вызвали тяжелые упреки со стороны русских, если, имея в виду совершенно незначительные размеры театра боевых действий, на котором мы развиваем свою активность, мы допустили эти чудовищные затяжки...»[48].

В Соединенных Штатах развертывалось широкое движение общественности за быстрейшее открытие второго фронта в Европе. Весной 1943 г. в стране проходили многочисленные митинги. Их участники призывали к активной борьбе против фашизма. На митинге, состоявшемся 1 мая в Нью-Йорке, присутствовало более 50 тыс. человек. Они требовали вторжения войск союзников в Западную Европу.

---

[45] Советско-американские отношения во время Великой Отечественной войны, 1941—1945. Документы и материалы: В 2-х т. М., 1984, т. 1, с. 292—293, 488; *Борисов А. Ю.* СССР и США: союзники в годы войны, 1941—1945. М., 1983, с. 132—135.

[46] FRUS, Diplomatic Papers, 1943: Vol. 1—6. Wash., 1963—1965, vol. 3, p. 535.

[47] В то время главное командование вооруженных сил Германии разрабатывало и готовило крупную наступательную операцию (план «Цитадель»): нанести стремительный удар и уничтожить группировку советских войск в районе Курской дуги. 15 апреля Гитлер подписал директиву, которая гласила: «Этому наступлению придается решающее значение. Оно должно завершиться быстрым и решающим успехом...». Для операции было выделено около 70 отборных дивизий, 10 тыс. орудий и минометов, 2700 танков и самоходных установок и 1860 самолетов. Гитлеровская армия насчитывала 900 тыс. солдат и офицеров наземных войск. См.: История второй мировой войны, т. 7, с. 110—114, 123.

[48] Цит. по: *Мальков В. Л.* Миссия Дж. Дэвиса в Москву в мае 1943 г.— Новая и новейшая история, 1985, № 1, с. 94.

Большую роль в движении за открытие второго фронта в Европе играла Компартия США. Коммунисты проводили работу в профсоюзах, активно участвовали в организации собраний, митингов, требовавших объединить силы антигитлеровской коалиции на борьбу против общего врага. Ее поддерживали трудящиеся массы. 2 мая 1943 г. Компартия обратилась с призывом к правительству США и Великобритании немедленно форсировать войсками союзников Ла-Манш, с тем чтобы «повести войну на двух фронтах против гитлеровской Германии» [49].

В апреле 1943 г. в США был создан Национальный совет американо-советской дружбы. Основной целью его являлось всемерное содействие развитию дружественных отношений между двумя странами, распространение правдивой информации об СССР. 13 апреля 1943 г. в Чикаго на заседании комитета Американского славянского конгресса была одобрена резолюция с требованием нанести сокрушительный удар на Западе. Заметную работу проводил Комитет по оказанию помощи Советскому Союзу в войне. В первую половину 1943 г. им было собрано 5600 тыс. долл. В 1942 г. общество Красного Креста отправило в СССР медикаментов и продовольствия на сумму свыше 10 млн. долл.

2 и 8 мая Рузвельт встречался в Белом доме с начальниками штабов. Предстояло определить, какому театру военных действий — Европейскому или Средиземноморскому — следует отдать предпочтение, где и когда нанести главный удар по Германии. И на этот раз не было принято решение о немедленном открытии второго фронта.

Вашингтонская конференция сосредоточила внимание на вопросах ведения войны в Европе и на Дальнем Востоке. Черчилль предложил после захвата Сицилии высадить войска на территорию Апеннинского полуострова. Открытие второго фронта в Западной Европе, по его мнению, целесообразно перенести на 1944 г. [50] Рузвельт поставил вопрос: что делать англо-американским силам (около 25 дивизий) в Средиземноморье после операции «Хаски»? По его мнению, высадка союзников на территорию Италии может им дорого обойтись. Признав важность и эффективность форсирования Ла-Манша, президент предложил отложить эту операцию до весны 1944 г.

Обсуждение было продолжено на заседаниях начальников штабов. Англичане отстаивали предложения Черчилля о развертывании военных действий в Средиземноморье. Поражение Италии, утверждал Брук, позволит ускорить выступление Турции на стороне союзников и явится эффективной помощью русскому фронту. Начальник штаба американской армии генерал Маршалл отдавал предпочтение подготовке к вторжению войск союзников в Северную Францию, выразив сомнение и опасение в целесообразности продвижения в Италию. Он предупреждал о длительности будущей операции в Италии, что могло замедлить темп наращивания американских сил на Британских островах [51]. В конечном счете было решено отложить форсирование Ла-Манша до 1 мая 1944 г. Интересно, что 19 мая Гитлер заявил: «На Западе ничего не случится: в этом я полностью убежден» [52].

Значительное место на конференции заняли вопросы войны против

[49] Правда, 1943, 2—3 мая.
[50] FRUS. The Conferences at Washington and Quebec 1943. Wash., 1970, p. 25—28.
[51] Ibid., p. 42—45, 265—268.
[52] История второй мировой войны, 1939—1945, т. 7, с. 38.

Японии. Споры носили довольно острый характер. Американская делегация прибыла на конференцию с твердым намерением добиться активизации военных действий на Тихом океане и Юго-Восточной Азии. США стремились к установлению доминирующего положения в этом районе и вытеснению оттуда европейских метрополий, в том числе и Великобритании. Учитывая это, Черчилль уже на первом пленарном заседании предложил строго придерживаться прежней стратегической линии: сначала разгромить Германию, а потом общими усилиями — Японию.

Рузвельт говорил об операциях на Соломоновых островах, Новой Гвинее, о важности обеспечения безопасности морских коммуникаций. Но главное его внимание было привлечено к Китаю. Он высказал серьезные опасения по поводу возможности выхода Китая из войны и предложил усилить ему помощь путем военных поставок. Президент активно защищал концепцию нанесения удара по Японии с воздушных баз Китая. Но для этого необходимо увеличить поставки горючего. Как это сделать? Имеются две возможности: либо воздушным путем из Индии, либо освободив Бирму и восстановив железную дорогу, соединяющую Индию с Китаем [53].

Американцы предложили силами китайских и индийских войск провести операцию по освобождению Бирмы (кодовое название «Анаким»). Чан Кайши согласился принять в ней участие при условии взаимодействия с британским флотом. Но англичане решительно отвергли этот план. Премьер-министр утверждал, что операция по освобождению Бирмы невозможна до марта 1944 г. Спор зашел в тупик, и к согласию прийти так и не удалось. Тогда в Вашингтон из Чунцина поспешно вызвали генералов Стилуэлла и Ченнолта, а также английского командующего войсками в Юго-Восточной Азии фельдмаршала Уэйвелла. Их участие в дебатах не внесло ясности в обсуждаемый вопрос. Стилуэлл защищал план наступления на Бирму; генерал Ченнолт доказывал преимущество воздушных бомбардировок против Японии. Его мнение разделял Чан Кайши. Уэйвелл выступал против операции «Анаким». А. Брук его поддерживал, ссылаясь на необеспеченность южного фланга флотом. Участники конференции решили, что пока нецелесообразно проводить операцию в Бирме [54].

Таким образом, встреча глав правительств США и Великобритании завершилась решением о перенесении срока форсирования Ла-Манша на 1 мая 1944 г. Участники договорились об усилении воздушных бомбардировок Германии. Был утвержден план «Пойнтблэнк», который предусматривал налеты на верфи для строительства подводных лодок, предприятия авиационной промышленности, заводы синтетической резины и покрышек, средства военного транспорта.

4 июня правительства Англии и США информировали советское руководство о том, что форсирование войсками союзников пролива Ла-Манш в 1943 г. не состоится [55]. Между тем 2 июля 1943 г. председатель комиссии по иностранным делам Блум во время беседы со временным поверенным в делах СССР в США А. А. Громыко доверительно заметил,

[53] FRUS. The Conferences at Washington and Quebec 1943, p. 31.
[54] *Мэтлофф М., Снелл Э.* Указ. соч., с. 185—192.
[55] Переписка Председателя Совета Министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны, т. 2, с. 66—68.

что в конгрессе многие недоумевают, «почему обещанный второй фронт не открывается», хотя для этого, как он отметил, «уже существуют очень благоприятные условия» [56].

Решение союзников о перенесении срока открытия второго фронта в Западной Европе на 1944 г. вызвало справедливый протест со стороны Советского правительства, тем более что в феврале британский премьер-министр заверил И. В. Сталина в том, что в августе или сентябре будет проведена операция по вторжению в Северную Францию [57].

Вопрос об открытии второго фронта в Европе имел для СССР огромное значение в той конкретной ситуации, которая складывалась к лету 1943 г. В послании, направленном 26 мая 1943 г. И. В. Сталиным Ф. Рузвельту, сообщалось, что летом — возможно, в июне — гитлеровское командование начнет наступление на советско-германском фронте; для этого оно уже сосредоточило около 200 немецких дивизий и до 30 дивизий его союзников. Советская Армия готовится к отражению натиска гитлеровских дивизий. Развитие событий, подчеркивалось в послании, во многом будет зависеть от того, «насколько быстрыми и активными будут англо-американские военные действия в Европе» [58].

Отказываясь от форсирования Ла-Манша, западные союзники ссылались на недостаток сил для проведения такой операции. Подобные утверждения абсолютно несостоятельны.

К апрелю 1943 г. вооруженные силы США насчитывали 8540 тыс. человек. В армии было 6510 тыс., во флоте — 2030 тыс. Сухопутные войска были объединены в 78 дивизий, из них 61 дислоцировалась на территории США и 18 — на заокеанских театрах войны [59]. Американский военно-морской флот являлся самым мощным в мире; он располагал 464 боевыми кораблями основных классов [60]. В военно-воздушных силах насчитывалось 25 тыс. самолетов.

Великобритания к апрелю 1943 г. имела вооруженные силы численностью 4186 тыс. человек. Сухопутная армия насчитывала 2628 тыс. человек, военно-воздушные силы — 948 тыс. и военно-морской флот — 610 тыс.[61] Британская армия состояла из 36 дивизий и 27 отдельных бригад [62]. Основные силы английской армии находились на Британских островах, в частности 22 дивизии и 18 бригад. В Северной Африке действовали 9 дивизий и 4 бригады, на Ближнем Востоке и в Индии — 5 дивизий и 5 бригад [63]. Следовательно, высшее командование США и Англии содержало 83 дивизии на территории собственных стран; они были хорошо укомплектованы и оснащены вооружением, боевой техникой, находились в полной боевой готовности, выжидая наступления благоприятной стратегической ситуации.

---

[56] Советско-американские отношения..., т. 1, с. 339.
[57] Переписка Председателя Совета Министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны, т. 1, с. 69—70, 112—113.
[58] Там же, т. 2, с. 65.
[59] The Army Almanac. A Book of Facts Concerning the Army of the United States. Wash., 1950, p. 581—591, 625—627.
[60] История второй мировой войны, 1939—1945, т. 7, с. 28.
[61] Statistical Digest of the War. L., 1951, p. 9; История второй мировой войны, 1939—1945, т. 7, с. 28.
[62] *Richards D., Saunders H.* Royal Air Force 1939—1945: Vol. 1—3. L., 1974—1975, vol. 2, p. 372.
[63] История второй мировой войны, 1939—1945, т. 7, с. 29.

Позиция руководителей США и Англии по вопросу второго фронта определялась их общей военной стратегией и политическими целями. Когда посол И. М. Майский вручил 7 декабря 1942 г. послание Советского правительства о желательности открытия второго фронта в Западной Европе весной 1943 г., премьер-министр Черчилль, ознакомившись с его содержанием, заявил, что он был противником вторжения англо-американских войск на Европейский континент в 1942 г., но теперь обстановка существенно изменилась и он является сторонником осуществления этой идеи в 1943 г. Однако американцы, многозначительно добавил Черчилль, не смогут быть готовы к такой операции. К весне им трудно перебросить крупные силы на Британские острова. И затем спросил посла: «Как Вы думаете, сколько американских дивизий находится сейчас в Англии?» Майский ответил, что это ему неизвестно, возможно 4. Черчилль рассмеялся и воскликнул: «Нет, всего только одна. Остальные переброшены в Африку» [64]. К весне американцы обещают перебросить всего 6 дивизий на Британские острова.

Из этой беседы посол сделал обоснованное заключение: «...американцы и англичане перекидываются вторым фронтом в Западной Европе, как мячом: когда Рузвельт настаивал на втором фронте в 1942 г., возражал Черчилль, а теперь, когда Черчилль высказывается за второй фронт в 1943 г., возражает Рузвельт. По существу же у обоих доминирует одна и та же идея — идея „легкой победы" для себя» [65].

После Сталинградской битвы западные союзники стали уделять больше внимания проблемам послевоенного устройства мира. В марте президент Рузвельт подробно изложил британскому министру иностранных дел А. Идену взгляды американского правительства на послевоенный мир. Обширность экспансионистских планов Вашингтона удивила британского министра. Особое недовольство Лондона вызвало стремление США к расширению контроля над природными ресурсами, получению доступа к рынкам сырья и сбыта товаров, в том числе в сфере Британской империи.

Американо-английское командование с февраля 1943 г. занималось разработкой операции по захвату Сицилии. На острове находились 9 итальянских и 2 немецкие дивизии (255 тыс. человек). Итальянские дивизии были плохо вооружены. Невысок был их морально-боевой дух; солдаты не хотели воевать [66]. Союзники выделили для этой операции крупные силы. Была создана объединенная группировка войск под командованием генерала Д. Эйзенхауэра, состоявшая из 7-й американской (генерал Дж. Паттон) и 8-й английской армий (генерал Б. Монтгомери), объединявших 16 дивизий (478 тыс. человек) [67]. Военно-морские силы в Средиземном море возглавил английский адмирал Каннингхэм. В его распоряжении было 6 линейных кораблей, 2 авианосца, 6 крейсеров и 24 эсминца. В операции участвовали свыше 4 тыс. самолетов. Союзными военно-воздушными силами командовал английский генерал А. Теддер [68].

---

[64] Советско-английские отношения во время Великой Отечественной войны, 1941—1945. Документы и материалы: В 2-х т. М., 1983, т. 1, с. 320.
[65] Там же, с. 321.
[66] История второй мировой войны, 1939—1945, т. 7, с. 374.
[67] *Стрельников В., Черепанов Н.* Война без риска: Действия англо-американских войск в Италии в 1943—1945 гг. М., 1965, с. 42—43.
[68] История второй мировой войны, 1939—1945, т. 7, с. 371—372.

Предполагалось под прикрытием авиации и флота высадить английскую армию на юго-восточной, а американскую — на юго-западной частях острова.

В мае на конференции в Вашингтоне Объединенный комитет начальников штабов утвердил план операции, а в июне командование приступило к проведению боевых действий по захвату ряда небольших островов на подступах к Сицилии. В течение 10 дней авиация союзников бомбила о-в Пантеллерия. 11 июня гарнизон численностью в 12 тыс. сдался без сопротивления. Его примеру последовали гарнизоны о-вов Лампедуза, Линоса и Лампионе. Захват островов был осуществлен легко, практически без потерь. На о-ве Пантеллерии у англичан было всего два раненых солдата. Узнав о капитуляции гарнизона в Пантеллерии, Муссолини воскликнул: «Это сигнал тревоги, даже стук в дверь!» [69].

В ночь на 10 июля под мощным прикрытием авиации и корабельной артиллерии морские десанты союзников начали высадку на о-в Сицилия. Итальянские войска оказали лишь слабое сопротивление, находясь в смятении и растерянности. Командование не смогло организовать сильной обороны. Уже в первый день англичанам удалось завоевать плацдарм по фронту в 100 км, а в глубину — 10—15 км. Соединения 7-й американской армии также встретили незначительное сопротивление.

11 июля Эйзенхауэр доносил Объединенному комитету начальников штабов об успешном начале операции. Противодействие противника, писал он, слабое. Морские крепости Аугуста и Сиракузы были заняты без единого выстрела. Многие итальянские солдаты переходили на сторону союзников, сдаваясь в плен. К 14 июля две итальянские дивизии береговой обороны прекратили сопротивление. Муссолини был в отчаянии. Он поспешил на аудиенцию с Гитлером. Встреча состоялась 19 июля в итальянском городе Фельтре. Муссолини молил о помощи, но получил решительный отказ. Гитлер был крайне раздражен. Его армия терпела поражение под Курском. На предложение Гитлера перебросить из группы армий «Центр» несколько дивизий на итальянский фронт фельдмаршал Клюге заявил: «Это исключено» [70].

22 июля американцы вступили в Палермо. Несмотря на превосходство в силах западных союзников, безраздельное господство их авиации, организованная немецко-фашистским командованием оборона заставила союзников приостановить наступление. Тем временем военные события в Сицилии всколыхнули всю Италию. Крах итальянского фашизма был очевиден. Командование вооруженными силами перешло к королю. Муссолини был арестован. Главой правительства и вооруженных сил стал маршал П. Бадольо. Он поспешил заявить: «Война продолжается... Попытки нарушить общие порядки будут беспощадно пресекаться» [71]. 26 июля в стране было введено осадное положение. Правительства США и Великобритании решили вступить в переговоры с правительством Бадольо о выходе Италии из войны.

Однако командование западных союзников в эти переживаемые Италией бурные дни не проявляло активности в Сицилии. Оно направляло туда подкрепления и готовилось к наступлению.

4 августа англо-американские войска прорвали оборону в Сицилии и

[69] Цит. по: Там же, с. 373.
[70] Цит. по: Там же, с. 165.
[71] *Лонго Л.* Народ Италии в борьбе. М., 1976, с. 75.

через два дня заняли крупный город и порт Катания. Нацистские дивизии с боями отступали. В середине августа уже полным ходом шла эвакуация немецко-фашистских дивизий через Мессинский пролив в Калабрию. Командование западных союзников имело возможность блокировать Мессинский пролив и воспрепятствовать эвакуации немцев. Но это не было сделано из-за медлительности, нерешительности и несогласованности союзников. В результате гитлеровскому командованию удалось спасти основную часть войск.

8 августа фельдмаршал Кессельринг отдал приказ об эвакуации войск из Сицилии. Было эвакуировано с острова 70 тыс. человек [72]. Только 17 августа в Калабрию было переправлено более 50 тыс. германских солдат и офицеров. Основная масса итальянских войск попала в плен.

Операция западных союзников по захвату Сицилии, продолжавшаяся 39 дней, не потребовала большого напряжения. Победы они достигли легко. Их потери составили 5530 убитых и 14 400 раненых [73]. По образному выражению адмирала Ч. Нимица, «Сицилия оказалась пустым орехом» [74].

Поражение немецко-фашистской армии под Курском ускорило выход Италии из войны и поставило ряд неотложных проблем перед правительствами США и Англии. Для обсуждения их была созвана специальная конференция.

4. ПЕРВАЯ КВЕБЕКСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ. ВОЕННЫЕ ДЕЙСТВИЯ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 1943 Г.

В разгар летних операций 1943 г. Рузвельт и Черчилль встретились в Квебеке. Конференция продолжалась с 14 по 24 августа. В переговорах участвовали высшие военные и политические руководители США и Англии. Подготовка и работа конференции проходили в обстановке, когда нацистская армия терпела поражение под Курском. Курская битва, продолжавшаяся с 5 июля по 23 августа, явилась одним из крупнейших сражений второй мировой войны. С обеих сторон в нее было вовлечено свыше 4 млн. человек, более 60 тыс. орудий и минометов, свыше 13 тыс. танков и САУ, до 12 тыс. боевых самолетов. Советские войска разгромили 30 отборных дивизий, в том числе 7 танковых. Общие потери вражеских войск составили более 500 тыс. человек, около 1500 танков, 3 тыс. орудий, более 3700 самолетов [75]. Стратегическая инициатива окончательно перешла в руки советского командования.

Курская битва завершила коренной перелом в ходе второй мировой войны. В этом сражении, по признанию нацистского генерала Меллентина, «погибли лучшие части германской армии» [76].

По случаю освобождения Орла и Белгорода Рузвельт в послании И. В. Сталину отмечал, что советские войска своим мастерством, мужеством, самоотверженностью и своим упорством не только остановили дав-

---

[72] *Макдональд Ч.* Тяжелое испытание. М., 1979, с. 148.
[73] История второй мировой войны, 1939—1945, т. 7, с. 377.
[74] *Нимиц Ч., Поттер Э.* Война на море, 1939—1945. М., 1965, с. 183.
[75] История второй мировой войны, 1939—1945, т. 7, с. 178.
[76] *Меллентин Ф. В.* Танковые сражения, 1939—1945. М., 1957, с. 202.

но замышлявшееся германское наступление, но и начали успешное контрнаступление, имеющее далеко идущие последствия. «Советский Союз,— писал президент,— может справедливо гордиться своими героическими победами» [77]. Британский премьер-министр Черчилль также заявил: сражение под Курском, Орлом и Харьковом «ознаменовало крушение германской армии на Восточном фронте» [78]. Победа Советской Армии под Курском и возросшее могущество Советского Союза оказали большое влияние на подготовку, работу и решения конференции.

Накануне ее открытия, 10 августа, руководитель комитета по ленд-лизу генерал Барнс вручил меморандум специальному помощнику президента Гопкинсу, где признавалось, что СССР играет главную роль в войне против стран «оси» в Европе; на Восточном фронте находится около 200 немецко-фашистских дивизий; без Советского Союза страны «оси» не могут быть разгромлены в Европе. Когда бы союзники ни открыли второй фронт на Европейском континенте, он будет, отмечалось в этом документе, второстепенным в сравнении с советско-германским — основным фронтом. Автор меморандума настойчиво рекомендовал поддерживать дружественные отношения с Советским Союзом, особенно учитывая заинтересованность США во вступлении СССР в войну против Японии.

9 августа американские начальники штабов составили меморандум «Стратегическая концепция для поражения стран „оси“ в Европе», в котором говорилось о приоритете операции по вторжению в Северную Францию. Она намечалась на 1 мая 1944 г. В докладе отмечалось, что Балканы неудобны для боевых действий союзников в крупных масштабах. Рузвельт выразил свое согласие с меморандумом.

Военный министр Стимсон 10 августа информировал президента о намерении руководителей Великобритании вести военные действия в Италии, восточной части Средиземноморья и на Балканах — в Греции и Румынии. Он подчеркивал при этом, что ведение войны методом «булавочных уколов» не может ввести в заблуждение Советский Союз, и настаивал на открытии второго фронта в установленные сроки, предлагая назначить главнокомандующим экспедиционных войск в Европе генерала Маршалла. В тот же день на заседании, в котором участвовали Стимсон, Леги, Маршалл, Кинг, Арнольд и бригадный генерал Дин, президент высказался за вторжение союзников в Нормандию весной 1944 г. и против операции на Балканах [79].

Британский премьер-министр прибыл на конференцию с твердым намерением защитить свой план вторжения на Апеннинский полуостров — в Италию, развертывания военных действий на Юге Европы, включая Балканы. На первом же заседании начальников штабов — 14 августа — генерал А. Брук заявил, что операцию «Оверлорд» следует считать основной в 1944 г., однако проведение ее возможно лишь при условии, что будет обеспечено подавление германской истребительной авиации, со-

---

[77] Переписка Председателя Совета Министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны, т. 2, с. 77.

[78] История Великой Отечественной войны Советского Союза, 1941—1945, т. 3, с. 294; т. 2, с. 76.

[79] FRUS. The Conferences at Washington and Quebec 1943, p. 473—480, 497, 502, 625—627.

кращение численности войск оккупантов во Франции, Голландии, Бельгии и будет решена проблема снабжения союзных войск на плацдарме. Завязалась дискуссия.

Представители США выступили против. Дебаты продолжались три дня. Обеспокоенные американцы отправили начальника оперативного управления штаба армии генерала Хэнди в Вашингтон для информации президента о позиции англичан. Узнав об этом, британский премьер-министр, обсудив ряд вопросов мировой политики с президентом, поспешил в Квебек. Там он встретился с генералом Маршаллом, пытаясь убедить того в целесообразности сосредоточения основных сил в районе Средиземноморья для наступления в Италии. Но поколебать взгляды Маршалла не удалось. Тогда Черчиллю пришлось изменить тактику: он стал выступать за открытие второго фронта и согласился с назначением Маршалла на пост главнокомандующего армии вторжения. Вместе с тем он заметил, что осуществление операции вторжения на севере Франции возможно при условии, если будет не более 12 подвижных нацистских дивизий и будет обеспечено превосходство союзников в воздухе [80].

Во время конференции вопрос о втором фронте рассматривался в тесной связи с возможностью скорого поражения Германии и ролью СССР в быстро меняющихся событиях в Европе.

20 августа на заседании Объединенного комитета начальников штабов генерал Маршалл поставил вопрос о развертывании сил западных союзников в зависимости от развития событий на Восточном фронте. «В случае если русские добьются подавляющего успеха,— спрашивал Маршалл,— то не окажут ли немцы содействия нашему вступлению в Германию для того, чтобы дать отпор русским» [81]. Рузвельт опасался, что Германия потерпит поражение еще до вторжения армии союзников в Северную Францию, в связи с чем усилятся позиции Советского Союза. Он одобрил английское предложение составить план высадки союзного десанта в случае возникновения «чрезвычайной ситуации». Англичане даже привезли в Квебек подобный план, носивший кодовое название «Рэнкин» и предусматривавший сосредоточение на Британских островах крупных экспедиционных сил союзников, готовых к вторжению на Европейский континент в случае неожиданного поражения Германии. Объединенный комитет начальников штабов поручил английскому генералу Моргану, начальнику штаба экспедиционных сил по вторжению в Западную Европу, продолжать разрабатывать план операции «Рэнкин». По предложению президента союзные планы надо было разрабатывать с учетом одновременного вступления в Берлин англо-американских и советских войск.

24 августа конференция одобрила заключительный доклад Объединенного комитета начальников штабов, который предусматривал: проведение воздушных налетов на Германию; операцию «Оверлорд» — главное американо-английское наступление на суше и в воздухе против европейских держав «оси» (начало операции было назначено на 1 мая 1944 г.); военные действия в Италии; высадку на континент при чрезвычайных обстоятельствах (операция «Рэнкин»); действия на Балканах, ограниченные снабжением партизан с воздуха и по морю [82].

Серьезные разногласия возникли при обсуждении планов военных

---

[80] *Мэтлофф М., Снелл Э.* Указ. соч., с. 285.
[81] История второй мировой войны, 1939—1945, т. 7, с. 514.
[82] *Эрман Дж.* Большая стратегия. Август 1943 — сентябрь 1944. М., 1958, с. 43—45.

действий против Японии. Английское правительство выразило желание принять участие в военных действиях против Японии, в частности в десантных операциях в Голландской Индии, на о-ве Суматра и Малаккском полуострове. Представители США отклонили это предложение, надеясь на расширение американского контроля в этом регионе. По предложению американцев были утверждены планы операций по занятию Маршалловых, Каролинских и Марианских островов, а также в Бирме.

На конференции 19 августа было подписано секретное соглашение о сотрудничестве в создании атомной бомбы, причем США сохраняли за собой преобладающие позиции в области научных исследований и производства атомного оружия. Государственный секретарь Хэлл вел также переговоры с Иденом о будущем Германии. При разных подходах к этой проблеме была признана необходимость, чтобы «Германия перестала бы существовать как единое государство» [83]. 17 августа 1943 г. в меморандуме государственного департамента предлагалось расчленение Германии на три части [84]. Американская администрация стремилась не допустить объединения демократических сил Германии. Большое внимание участники конференции уделили выработке условий перемирия с Италией и ее капитуляции. Переговоры с итальянскими представителями велись сепаратно, без непосредственного участия СССР.

В Квебеке выявились разногласия по вопросу о дипломатическом признании Французского комитета национального освобождения (ФКНО). Стремясь ограничить авторитет и компетенцию этого комитета, Хэлл продолжал занимать враждебную позицию в отношении де Голля. Правительства США, а также Великобритании хотели сохранить свободу рук во Франции после высадки союзных войск и добивались передачи верховного командования французскими войсками генералу Жиро. Было решено, что каждое правительство само определит свое отношение к ФКНО. США опубликовали вскоре после конференции декларацию о признании его как органа, действующего во время войны и только на тех французских территориях, «которые признают его власть» [85].

Внимание конференции было привлечено к событиям в Италии, к вопросу о Франции. Ее руководители ограничились подтверждением ранее согласованных сроков открытия второго фронта. Оценивая решения Квебекской конференции, премьер-министр Южно-Африканского Союза генерал Смэтс 31 августа направил телеграмму Черчиллю. В ней выражалось разочарование принятыми решениями, ибо планы, как он отметил, задуманы «слишком в мелком масштабе», не соответствовали реальной силе позиции союзников и невыгодны, особенно если их сравнить с огромными успехами Советской России [86].

3 сентября союзники высадились в Южной Италии. 8 сентября 1943 г. римское радио объявило, что Италия приняла условия перемирия и выходит из войны. В ответ гитлеровские войска оккупировали значительную часть страны вплоть до Неаполя. На оккупированной территории был восстановлен фашистский режим. Итальянский народ развернул ши-

---

[83] The Memoirs of Cordell Hull: Vol. 1, 2. N. Y., 1948, vol. 2, p. 1233—1234.
[84] Postwar Foreign Policy Preparation, 1939—1945. Wash., 1949, p. 554—556.
[85] Советско-французские отношения во время Великой Отечественной войны 1941—1945 гг.: Документы и материалы. М., 1959, с. 190.
[86] Цит. по: *Churchill W. S.* The Second World War: Vol. 1—6. L., 1949—1954, vol. 5, p. 109—110.

рокую вооруженную освободительную борьбу против Муссолини и нацистского режима. Возглавил ее один из руководителей итальянской Компартии, Л. Лонго. В ходе Сопротивления складывался национальный антифашистский фронт.

Осенью 1943 г. английские войска овладели рядом островов в Эгейском море. Британское командование рассматривало это как прелюдию к наступлению на Балканы. В начале октября 1943 г. Черчилль писал: «Я считаю, что Италия и Балканский полуостров в военно-политическом отношении представляют единое целое и именно в этом районе мы должны предпринять активные действия» [87].

Военное министерство США еще раз дало указание изучить вопрос о вторжении на Балканы. Внимательное его рассмотрение показало, что эта операция связана с увеличением протяженности линии коммуникаций для союзников на 1500—2500 км. Характер местности, метеорологические условия, отсутствие внутренних коммуникаций могли создать крайне трудные условия для снабжения войск союзников. Эта операция может втянуть США «в дорогостоящую и затяжную войну на изнурение»; она не приблизит, а отсрочит победу над Германией. Американский генералитет пришел к выводу: «с военной точки зрения Балканы непригодны для проведения крупных операций против Германии» [88].

Операции западных союзников против гитлеровской Германии ограничивались пока бомбардировками. Во второй половине 1943 г. 8-я воздушная американская армия совершила 66 налетов, главным образом на Гамбург, который с 24 июля по 3 августа 1943 г. четырежды подвергался массированным бомбардировкам. Было сброшено около 9 тыс. бомб. С 9 ноября 1943 г. по 25 марта 1944 г. союзное командование провело операцию против Берлина. Всего было осуществлено 35 налетов и сброшено 25 тыс. бомб на столицу Германии [89]. Воздушные налеты не оправдали надежд и расчетов командования военно-воздушных сил США и Англии, стремившихся таким образом подорвать или ослабить военную экономику. В 1943 г. германская промышленность произвела самолетов в 2 раза больше, чем в предыдущем году.

На Тихоокеанском театре военных действий операции США в 1943 г. носили локальный характер. 4 и 12 июля шли бои в заливе Вула, 6 августа — в заливе Велья, 15 августа — в заливе Велья-Лавелья. 7 октября японцы вынуждены были оставить о-в Велья-Лавелья. 1 ноября части американской морской пехоты высадились на о-ве Бугенвиль. Спустя пять дней самолеты авианосного оперативного соединения под командованием вице-адмирала Ф. С. Шермана совершили дневной налет на г. Рабаул и его бухту, в которой стояли 7 тяжелых и 3 легких крейсера и 14 эскадренных миноносцев. 6 крейсеров и 2 миноносца получили повреждения. Через шесть дней такой налет повторился. В декабре были совершены рейды авианосцев на Кавиенг.

Американские авианосцы совершили также рейды в центральную часть Тихого океана. Воздушной атаке в августе-сентябре подверглись о-ва Тарава, Макин и Уэйк. 20 ноября десантные части США высадились на о-вах Тарава, Макин, Абемама. На Тараве было 4800 японцев,

---

[87] *Мэтлофф М., Снелл Э.* Указ. соч., с. 322.
[88] Там же, с. 328.
[89] *Webster Ch., Frankland N.* Op. cit., vol. 4, p. 197.

Макине — 800, а на Абемаме — всего 20. Затем были захвачены о-ва Гилберта. После этого американское командование приступило к подготовке наступления на Маршалловы острова. 16 августа американские и канадские части высадились на о-в Кыска, но там, к удивлению десантников, ни одного японца не оказалось: более чем за две недели до этого те эвакуировались [90].

5. США НА КОНФЕРЕНЦИЯХ В МОСКВЕ, КАИРЕ, ТЕГЕРАНЕ

Не предпринимая широких наступательных операций, западные союзники предпочитали заниматься обсуждением вопросов военной стратегии на 1944 г. и выявлением позиций членов антигитлеровской коалиции по проблемам послевоенного устройства мира. В последние месяцы 1943 г. было проведено несколько международных конференций, посвященных этим проблемам. США принимали в них активное участие.

В Москве 19—30 октября проходила конференция министров иностранных дел СССР, США и Англии, которая рассматривалась как подготовка к встрече в Тегеране глав правительств этих стран. Конференция обсудила большое количество вопросов. Прежде всего по инициативе советской делегации в повестку дня был включен вопрос о сокращении сроков войны. Американская делегация главные усилия направляла на выработку декларации четырех держав о создании международной организации для поддержания мира. Участники конференции обсудили германскую проблему, положение в Италии, судьбу Австрии, вопрос об учреждении Европейской консультативной комиссии и др.

Продолжая последовательную борьбу за быстрейшее окончание войны, советская делегация предложила точно определить и зафиксировать сроки открытия второго фронта в Европе. Американская и английская делегации избегали называть дату вторжения экспедиционных сил в Северную Францию. Представитель Великобритании генерал Исмей заявил, что форсирование Ла-Манша возможно в 1944 г. лишь при наличии ряда условий, а именно: благоприятных климатических условий; сокращения германской авиации в Северо-Западной Европе; если резервы у немцев во Франции не будут превышать 12 дивизий и если они не смогут перебросить на Западный фронт более 15 дивизий в первые два месяца англо-американских операций [91]. Делегат США генерал Дин также уклонялся от определения точной даты открытия второго фронта в Европе. Черчилль во время конференции направил телеграмму Идену и Исмею с уведомлением, что вторжение в Европу, возможно, будет отложено [92]. В итоге обсуждения была достигнута только самая общая формулировка о том, что три правительства признали «первейшей целью ускорение конца войны...» [93].

При обсуждении вопроса о будущем Германии Хэлл высказал мысль

[90] *Шерман Ф. С.* Американские авианосцы в войне на Тихом океане. М., 1956, с. 153, 161, 163, 164, 176; Кампании войны на Тихом океане. М., 1956, с. 235, 101.

[91] Московская конференция министров иностранных дел СССР, США и Великобритании, 19—30 октября 1943 г.: Сб. документов. М., 1978, с. 103.

[92] *Wilmot Ch.* The Struggle for Europe. L., 1953, p. 136.

[93] Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. Документы и материалы: Т. 1—3. М., 1946—1947, т. 1, с. 358.

о ее расчленении. Его поддержал Иден, предложив, в частности, отделить Пруссию от остальных частей Германии. Советское правительство заявило, что вопрос о послевоенном устройстве Германии «находится в процессе изучения» [94]. Участники конференции решили создать Европейскую консультативную комиссию для изучения европейских проблем, в том числе и проблемы о будущем Германии.

Участниками встреч был рассмотрен вопрос о послевоенных объединениях европейских государств. Правительство Великобритании планировало образование двух конфедераций: в Центральной части и в Юго-Восточной Европе. Советская делегация решительно отвергла эти идеи и проекты объединений и группировок мелких государств в Европе [95].

На конференции была принята «Декларация об Италии», предусматривавшая уничтожение фашизма и его пагубных последствий и влияний, установление правительственных учреждений на принципах демократии. По инициативе СССР конференция приняла «Декларацию об Австрии», о восстановлении ее как свободной и независимой страны. Делегации США и Англии представили на конференции документ «Основная схема управления освобожденной Франции» [96]. Как и в Италии, западные союзники хотели обеспечить возможность бесконтрольной деятельности своей военной администрации на освобожденной территории Франции. Советская делегация не согласилась с этим, и было решено передать «Основную схему» на рассмотрение Европейской консультативной комиссии.

Попытки американской и английской делегаций добиться от Советского правительства восстановления дипломатических отношений с польским эмигрантским правительством потерпели неудачу. Советский представитель заявил, что СССР стоит за независимую, демократическую Польшу и готов ей помочь при условии дружественной позиции польского правительства в отношении СССР.

Министры иностранных дел СССР, США и Великобритании и китайский посол в Москве Фу Бинчан подписали Декларацию четырех государств по вопросу о всеобщей безопасности, в которой были сформулированы некоторые основные принципы будущей ООН.

В канун Тегеранской конференции в ноябре 1943 г. в Каире состоялась встреча Рузвельта и Черчилля. Британский премьер-министр хотел бы скоординировать будущую стратегию и выработать единую линию до переговоров с главой Советского правительства. Рузвельт, однако, не желал «быть втянутым в формирование объединенного фронта против Сталина» [97].

На Каирской конференции обсуждались главным образом дальневосточные проблемы, в частности операция «Баканир» по изгнанию японцев из Бирмы. В этом приняла участие гоминьдановская делегация во главе с Чан Кайши, режим которого активно поддерживали США, предоставляя ему займы, вооружение. Из-за острых разногласий между участниками переговоров прийти к единому решению не удалось. Англичане настойчиво возражали против наступления в Бирме. Чан Кайши требовал

---

[94] История дипломатии: Т. 1—5. М., 1959—1979, т. 4, с. 410.

[95] Московская конференция министров иностранных дел СССР, США и Великобритании, с. 355, 356.

[96] Там же, с. 351—354.

[97] *Turner A.* The Unique Partnership: Britain and the United States. N. Y., 1971, p. 96.

возвращения Китаю Гонконга. Рузвельт его поддерживал, но Черчилль категорически отверг это предложение.

Единственным результатом конференции в Каире была декларация, в которой говорилось, что целью США, Англии и Китая является лишение Японии всех островов на Тихом океане, захваченных и оккупированных ею с начала первой мировой войны, и возвращение Китаю Маньчжурии, Тайваня и Пескадорских островов [98]. Декларация была опубликована 1 декабря 1943 г.

С 28 ноября по 1 декабря 1943 г. в Тегеране проходила конференция глав правительств трех держав — СССР, США и Великобритании. Главным на ней был вопрос о сокращении сроков войны и открытии второго фронта в Европе. Черчилль пытался уклониться от конкретного решения проблемы форсирования Ла-Манша. Он продолжал отстаивать «средиземноморскую стратегию», много говорил о необходимости сначала занять Рим, продвинуться по линии Пиза — Римини в Италии, а затем на Балканы. Целью британского премьера, как заметил Рузвельт в беседе с сыном Эллиотом, являлось врезаться клином в Центральную Европу, не допустить Советскую Армию в Австрию, Румынию и Венгрию [99].

И. В. Сталин настаивал на операции «Оверлорд» с одновременной высадкой союзников в Южной Франции. Предлагалось также указать точную дату начала форсирования Ла-Манша. Черчилль упорно отказывался взять конкретные обязательства; он предложил передать вопрос о втором фронте и сроках его открытия на рассмотрение и дополнительное изучение военным специалистам. Сталин, отклонив это предложение, заметил: «Мы можем решить этот вопрос сами, ибо мы больше имеем прав, чем военная комиссия» [100]. Кроме того, глава советской делегации обратил внимание на ненормальное положение — отсутствие главнокомандующего экспедиционными силами вторжения в Европу, а без него не могло быть и эффективной подготовки операции «Оверлорд». Дебаты приняли довольно напряженный характер. Твердая позиция советской делегации сорвала происки британской дипломатии.

Президент США не разделял точку зрения Черчилля о дальнейшем откладывании сроков вторжения в Северную Францию, полагая, что принятое союзниками в Квебеке решение о начале осуществления этой операции 1 мая 1944 г. должно быть выполнено. На Рузвельта большое впечатление произвели успехи Советской Армии летом и осенью 1943 г., быстрое ее продвижение на запад, освобождение 6 ноября г. Киева.

Незадолго до Тегерана Рузвельт говорил сыну Эллиоту, что, если у русских и далее пойдут так дела, тогда, возможно, будущей весной и не потребуется второй фронт [101]. 9 ноября 1943 г. глава американской военной миссии в Москве генерал Дин сообщал в Вашингтон, что интерес Советского правительства к операции форсирования Ла-Манша уменьшился; Советская Армия «поверила в свою способность продвинуться к Берлину без помощи союзных армий на Западе» [102]. Подобного рода

---

[98] FRUS, Diplomatic Papers. The Conferences at Cairo and Tehran, 1943. Wash., 1961, p. 448.
[99] *Рузвельт Э.* Указ. соч., с. 186—187.
[100] Тегеранская конференция руководителей трех союзных держав — СССР, США и Великобритании (28 ноября — 1 декабря 1943 г.). М., 1978, с. 133.
[101] *Рузвельт Э.* Указ. соч., с. 161.
[102] *Harrison G.* The Cross-Channel Attack. Wash., 1951, p. 121—122.

информация заставила серьезно задуматься военных и политических стратегов США.

Стремительное развитие военных событий в Европе, рост авторитета Советского Союза, влияние его успехов на борьбу народов европейских государств против фашизма усиливали в Вашингтоне опасение, как бы самим «не опоздать» с форсированием Ла-Манша. 19 ноября президент США, находясь на пути в Тегеран, изложил своим начальникам штабов основные соображения о военных действиях западных союзников в Европе. Он подчеркнул необходимость занять вместе с Англией бо́льшую часть Европы. Зоной действия англичан, по его мнению, должны быть Франция, Бельгия, Люксембург, а также юг Германии — Баден, Бавария и Вюртемберг. Войскам США надлежало овладеть северо-западной Германией. «Мы должны,— подчеркивал он,— доставить наши войска в такие порты, как Бремен и Гамбург, а также в Норвегию и Данию. Мы должны дойти до Берлина. Тогда пусть Советы берут территорию к востоку от него. Но Берлин должны взять Соединенные Штаты» [103].

Общественность США настоятельно требовала открытия второго фронта [104]. По случаю второй годовщины Великой Отечественной войны советского народа во многих городах США состоялись многолюдные митинги: в Чикаго в них участвовали 12 тыс. человек, в Голливуде — более 10 тыс. Губернаторы 16 штатов и мэры 16 городов провозгласили 22 июня Днем чествования Советского Союза. 12 июля 1943 г. происходивший в Нью-Йорке съезд профсоюзов, входивших в КПП, призвал к немедленному открытию второго фронта.

В связи с 10-летием установления дипломатических отношений между США и СССР и 26-й годовщиной Великой Октябрьской социалистической революции Национальным советом американо-советской дружбы в различных городах США было организовано 50 митингов. 7—8 ноября 1943 г. состоялся митинг в Нью-Йорке. На нем была принята резолюция об укреплении сотрудничества с СССР. Такой же митинг состоялся 20 ноября в Детройте. Многолюдные митинги были организованы в Бостоне, Чикаго, в других городах страны [105].

Все эти обстоятельства побудили президента Рузвельта занять более определенную позицию по вопросу форсирования Ла-Манша. 30 ноября генерал А. Брук заявил от имени США и Англии, что начало операции «Оверлорд» состоится в течение мая 1944 г.; она будет поддержана высадкой союзников на юге Франции. Численность войск союзников, обещали руководители американской и английской делегаций, составит 1 млн. человек. И. В. Сталин заверил, что советские войска одновременно предпримут крупное наступление на Восточном фронте, дабы «не дать возможность немцам создать какие-либо затруднения для „Оверлорда“» [106]. В своих военных решениях, подписанных 1 декабря 1943 г., главы правительств зафиксировали, что операция «Оверлорд» будет предпринята в течение мая 1944 г. вместе с операцией в южной Франции [107].

После внушительной победы Советской Армии под Сталинградом и на Курской дуге, а также высадки англо-американских войск на юге

[103] FRUS, Diplomatic Papers. The Conferences at Cairo and Tehran, 1943, p. 211.
[104] Правда, 1943, 26 июня, 5 июля.
[105] Там же, 13, 14, 21 нояб.
[106] Тегеранская конференция руководителей трех союзных держав, с. 150.
[107] Там же, с. 173.

Италии руководители антигитлеровской коалиции по настоянию И. В. Сталина и вопреки намерениям и маневрам Черчилля договорились об открытии второго фронта в Западной Европе. На конференции была достигнута договоренность об участии СССР в войне против милитаристской Японии. Союзные правительства неоднократно обращались с просьбой о вступлении Советского Союза в войну на Дальнем Востоке. Учитывая нарушения Японией советско-японского договора о нейтралитете, ее помощь нацистской Германии в войне и стремясь к скорейшей ликвидации очага войны на Дальнем Востоке, И. В. Сталин заявил, что после разгрома Германии СССР объявит войну Японии. Это заявление явилось важным шагом в укреплении антигитлеровской коалиции.

Инициативу в обсуждении послевоенного устройства Германии проявил Рузвельт, изложивший 1 декабря план расчленения Германии на пять государств: Пруссию, Ганновер и северо-западные районы Германии, Саксонию и область Лейпцига, Баварию, Баден и Вюртемберг, Гессен-Дармштадт, Кассель и районы, расположенные к югу от Рейна. Он предложил установить международный контроль над Кильским каналом, Гамбургом, Рурской и Саарской областями [108]. Черчилль поддержал идею расчленения Германии, заявив, что Пруссию следовало бы изолировать от остальной Германии, отделить от нее южные провинции — Баварию, Баден, Вюртемберг, Палатинат от Саара до Саксонии включительно. Южные провинции он предлагал включить в Дунайскую федерацию.

Советская делегация выступала за принятие решительных мер по предотвращению германского реваншизма и милитаризма и сурового наказания гитлеровских военных преступников. Была отклонена идея создания нежизнеспособного объединения дунайских государств. По предложению главы Советского правительства вопрос о будущем Германии был передан в Европейскую комиссию, находившуюся в Лондоне.

В Тегеране главы трех держав обменялись мнениями по вопросу о Польше. Правительства США и Великобритании опасались роста влияния национально-освободительных и демократических сил в Польше, создания правительства, которое выражало бы интересы народа. Они поддерживали польское эмигрантское правительство, продолжавшее плести антисоветские интриги и проводить клеветническую кампанию против СССР. Рузвельт и Черчилль предложили Советскому правительству восстановить дипломатические отношения с польским эмигрантским правительством. Это было отвергнуто главой советской делегации. Сталин заявил, что Советский Союз выступает за создание независимого, демократического и сильного польского государства, за обеспечение для него исторически справедливых границ, за установление и поддержание хороших, дружественных отношений с Польшей, которая должна стать важным фактором безопасности и устойчивого мира в Европе. Конференция приняла предложение Черчилля, гласившее, что польское государство будет расположено между «линией Керзона» и рекой Одер [109].

Тегеранская конференция и ее решения имели важное значение. Восторжествовали принципы сотрудничества великих союзных держав. Укрепилась антигитлеровская коалиция. Ее участники выражали решимость работать совместно как во время войны, так и в послевоенные годы.

---

[108] Там же, с. 165—166.
[109] Там же, с. 167.

Глава пятнадцатая

ВОЕННЫЕ ДЕЙСТВИЯ И ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ В 1944—НАЧАЛЕ 1945 Г.

1. НАСТУПЛЕНИЕ АНГЛО-АМЕРИКАНСКИХ ВОЙСК ВО ФРАНЦИИ. ВОЙНА НА ТИХОМ ОКЕАНЕ

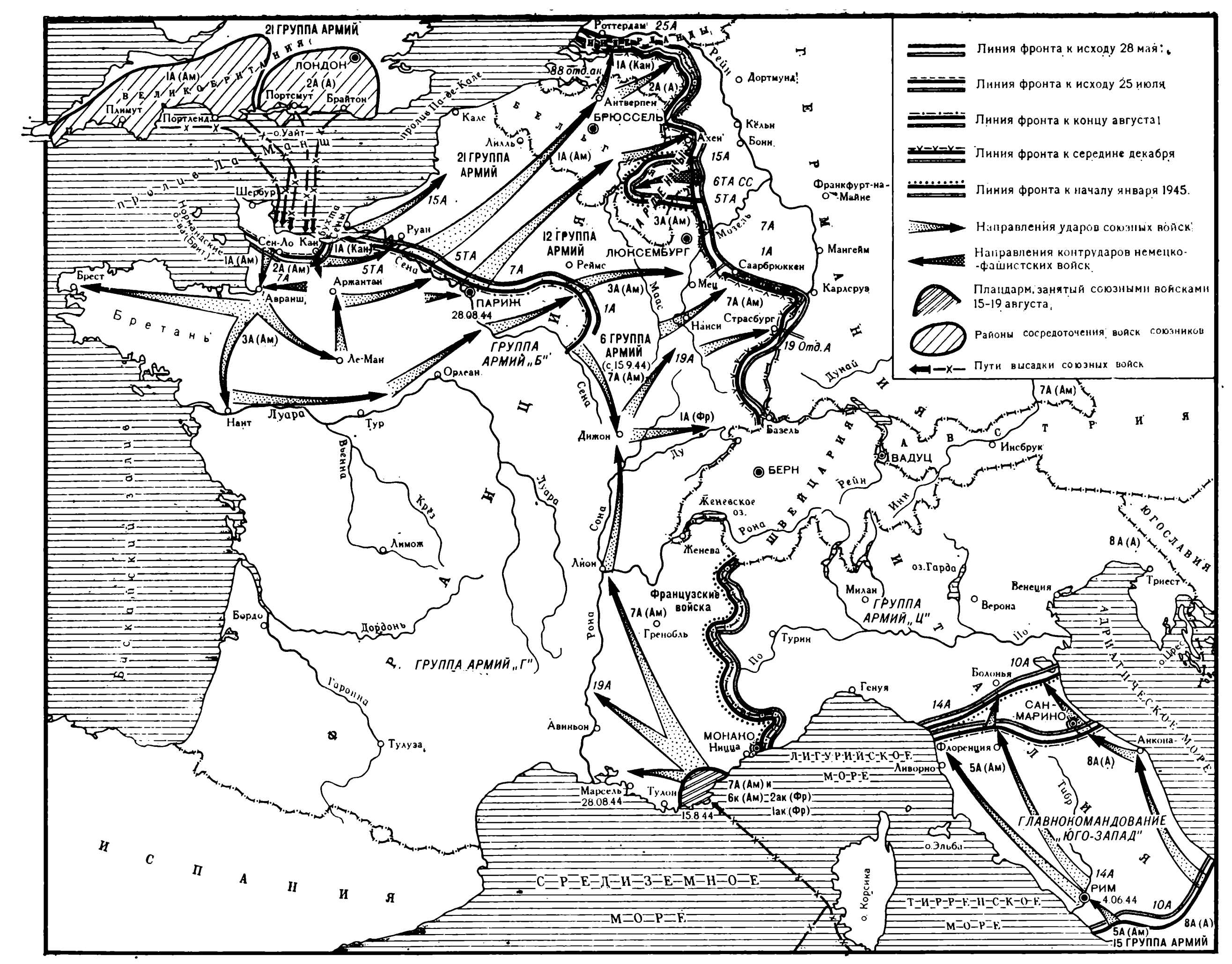
К началу 1944 г. международная военная и политическая обстановка кардинально изменилась в пользу антигитлеровской коалиции. Стратегическая инициатива окончательно и полностью перешла на сторону союзников. Решающее значение сыграли Сталинградское сражение и Курская битва, ознаменовавшие коренной перелом во второй мировой войне.

После Тегеранской конференции руководители США и Англии развернули широкую подготовку к форсированию Ла-Манша. В январе в Лондон приехал главнокомандующий экспедиционными войсками генерал Д. Эйзенхауэр. Его штаб приступил к активной разработке плана вторжения. На Британские острова во все возрастающем темпе прибывали американские дивизии.

Официальные круги уделяли внимание предстоящим событиям. 13 января 1944 г. в Форин оффис министр А. Иден устроил завтрак, на котором присутствовали советский посол Ф. Т. Гусев, Д. Ллойд Джордж, другие общественные деятели. Обсуждался вопрос о втором фронте. Ллойд Джордж не без основания сказал, что английские и американские войска могли бы вторгнуться на Европейский континент в 1942 г., но не сделали этого. «Русские одни боролись против немцев в 1942 г., они продолжали бороться в 1943 г. и сейчас бьют немцев без нашей помощи». Между тем во время первой мировой войны за короткий срок (6 недель) Англии и США удалось перебросить в Европу огромную американскую армию. Количество же судов тогда было не таким большим. В 1942 г. союзники, подчеркнул Ллойд Джордж, «не воспользовались благоприятной обстановкой для осуществления высадки войск на континенте» [1]. Это не было сделано и в 1943 г., хотя условия и возможности для открытия второго фронта в Западной Европе у союзников также были благоприятными. То же самое сказал Ллойд Джордж советскому послу и 8 февраля 1944 г.[2]

Западная пресса много писала о неприступности созданного нацистами «Атлантического вала». Но это был миф. Гитлеровский фельдмаршал Г. Рундштедт говорил: «Меня всегда злило, когда я читал легенды о непреодолимой обороне. Было нелепо называть это валом. Гитлер никогда

[1] Советско-английские отношения во время Великой Отечественной войны, 1941—1945. Документы и материалы: В 2-х т. М., 1983, т. 2, с. 12, 34.
[2] Там же, с. 34—35.

ВОЕННЫЕ ДЕЙСТВИЯ В ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЕ (июнь — декабрь 1944 г.)

не посещал его и не видел, что представлял он собой в действительности» [3]. По признанию фельдмаршала, стратегическая ценность крепостей Дюнкерка, Кале, Булони, Гавра, Шербура, Бреста, о которых также много говорили, была преувеличена [4].

К 6 июня 1944 г. во Франции, Бельгии и Нидерландах дислоцировались 58 немецких дивизий, в том числе 42 пехотные, 9 танковых и 4 авиаполевые. Боеспособность многих из них была невысокой. Союзники сосредоточили на Британских островах крупные экспедиционные силы: 39 дивизий, 12 отдельных бригад. Для операции было выделено 10 859 боевых самолетов, 2316 транспортных самолетов и 2591 планер, 1213 боевых кораблей, 4126 десантных судов и высадочных средств, 736 вспомогательных судов и 864 торговых судна [5]. Союзники имели перевес в численности личного состава и танках в 3 раза, в самолетах — более чем в 60 раз, полностью господствовали на море. При этом следует иметь в виду, что на советско-германском фронте в это время находились три четверти всех дивизий вермахта и стран фашистского блока. Это создавало благоприятные стратегические условия для западных союзников. К тому же успех высадки союзных войск в Нормандии был в значительной степени обеспечен наступательными действиями Советских Вооруженных Сил.

6 июня, на рассвете, огромнейшая морская армада в составе 5 тыс. судов приблизилась к берегам западного побережья северной Франции. Началась высадка экспедиционных сил. Одновременно более тысячи бомбардировщиков обрушили бомбы на объекты береговой обороны, авиация и артиллерия наносили удары по отдельным узлам сопротивления и штабам в районе Кале и Булонь. Свыше сотни самолетов выбрасывали в ночное время военно-воздушные десанты. После мощной артиллерийской подготовки и массированной воздушной бомбардировки в 6 час. 30 мин. первые морские десанты высадились на берег, не встретив серьезного сопротивления.

Союзному командованию удалось обеспечить скрытное сосредоточение своих сил в районе высадки и добиться ее внезапности. По признанию гитлеровского генерала В. Варлимонта, верховное командование вермахта не знало о продвижении многочисленных судов союзников через Ла-Манш [6], а затем не сразу определило и направление главного удара. В момент высадки союзников фельдмаршал Рундштедт получил из штаба верховного командования телеграмму: «Пока трудно сказать, где высадятся главные силы, и Гитлер еще не принял никакого решения» [7].

В первый день операции на побережье Нормандии вступили основные силы пяти пехотных и трех воздушно-десантных дивизий союзников. В последующие три дня американо-английское командование интенсивно перебрасывало на западное побережье свои экспедиционные войска. Всего высадились 16 дивизий, в которых насчитывалось 327 тыс. человек. 9 июня союзники перешли в наступление. В течение трех дней им уда-

---

[3] *Liddel Hart B.* The Other Side of the Hill. L., 1948, p. 393.
[4] *Shulman M.* Defeat in the West. N. Y., 1948, p. 91.
[5] История второй мировой войны, 1939—1945: В 12-ти т. М., 1973—1982, т. 9, с. 236, 238.
[6] *Warlimont W.* Im Hauptquartier der deutschen Wehrmacht. 1939—1945. Frankfurt am Main, 1962, S. 452.
[7] *Вестфаль З.* и др. Роковые решения. М., 1958, с. 231.

лось занять участок протяженностью 80 км по фронту и до 18 км в глубину [8].

Нацистское командование было уверено, что главный удар союзных войск последует через Па-де-Кале, и держало свои основные силы в этом районе. В результате время для организации обороны и сопротивления было упущено. Союзное командование воспользовалось этим.

К началу операций французские патриоты вывели из строя 26 железнодорожных линий, затруднив немецко-фашистскому командованию переброску резервов к созданным десантниками плацдармам. Неудачной оказалась и попытка гитлеровцев рассечь группировку англо-американских войск между реками Орн и Вир. Не оправдались надежды гитлеровского командования и на использование против Англии нового оружия — самолетов-снарядов Фау-1, которыми они начали обстрел Лондона с 13 июня.

К 1 июля экспедиционные войска овладели полуостровом Котантен, в их руках оказался важный порт Шербур. Плацдарм союзников в Нормандии значительно расширился. Существенно улучшились условия снабжения союзных войск во Франции, численность которых к этому времени превысила 875 тыс. человек. 1 июля гитлеровское командование констатировало: справиться с группировкой противника невозможно, проведение наступательной операции исключено.

На четвертый день после высадки войск союзников на французском побережье Ла-Манша развернулось наступление советских войск на Восточном фронте. 10 июня перешли в наступление войска Ленинградского и Карельского фронтов, а 23 июня началась операция «Багратион», в которой приняли участие с обеих сторон свыше 4 млн. человек, 60 тыс. орудий и минометов, 7,5 тыс. танков и САУ, 7 тыс. самолетов. В июне — августе Советские Вооруженные Силы разгромили немецко-фашистскую группу армий «Центр» и продвинулись к границам фашистского рейха на 500—600 км.

7 июля 1944 г. Эйзенхауэр писал послу США в СССР А. Гарриману: «Я отмечаю продвижение Красной Армии на своей карте. Естественно, я испытываю колоссальный трепет от той стремительности, с которой они уничтожают вооруженную мощь врага» [9]. 2 августа 1944 г. Черчилль, выступая в палате общин, заявил, что Советская Армия «сыграла главную роль и выпускает кишки из германской армии». В мире, добавил он, не было такой силы, «которая могла бы сломить и сокрушить германскую армию и нанести ей такие колоссальные потери, как это сделали русские армии» [10].

Нормандская операция была успешно завершена к 25 июля. На французском побережье находились три армии, объединявшие 32 дивизии. Военно-воздушные силы насчитывали 11 тыс. самолетов. Имея подавляющее превосходство сил, союзное командование в конце июля предприняло наступление в направлении р. Семнон. Через неделю они заняли г. Авранш. Немецкие части вынуждены были отступить, неся серьезные потери.

Одновременно у немецко-фашистских войск создалась критическая

---

[8] История второй мирвой войны, 1939—1945, т. 9, с. 247.
[9] *Feis H.* Churchill, Roosevelt, Stalin. The War They Waged and the Peace They Sought. Princeton, 1970, p. 311.
[10] Parliamentary Debates, House of Commons, vol. 402, col. 1474.

ситуация в Белоруссии. Советско-германский фронт продолжал оставаться главным и решающим и после открытия второго фронта. 31 июля 1944 г. Гитлер заявил, что его больше всего беспокоит «проблема стабилизации Восточного фронта»[11]. Он также признал, что трудно рассчитывать на удержание французской территории. К 25 августа союзные войска вышли к рекам Сена и Луара, овладев северо-западной Францией.

15 августа англо-американские войска высадились на юге Франции, где у гитлеровцев находились 11 дивизий, которые оказывали слабое сопротивление. В первый же день союзному командованию удалось высадить на берег 86 тыс. солдат и офицеров, 12 тыс. машин и 46 тыс. т грузов[12]. Значительную помощь войскам союзников оказали участники французского Сопротивления, освободившие 28 южных департаментов. Жители Марселя и Тулона подняли восстание. 28 августа союзники вступили в эти города. 2 сентября патриоты освободили Лион. Под ударами участников движения Сопротивления 19-я немецко-фашистская армия поспешно отступала на север.

Борьба французских патриотов приобрела большой размах. В центральной части страны были освобождены еще 30 департаментов. Народные массы горячо откликнулись на призыв Французской компартии объединяться, вооружаться и бороться. «Это было в подлинном смысле слова всенародное восстание»,— писал впоследствии М. Торез[13].

По призыву коммунистов на вооруженную борьбу поднялись жители Парижа. 19 августа прозвучал боевой клич Парижского комитета освобождения: «К оружию, граждане!». Париж восстал. На улицах и площадях выросли баррикады. Началась битва. Гарнизон, насчитывавший около 20 тыс. нацистских солдат и офицеров, получил приказ: любой ценой удерживать город. Восставшие героически сражались. Передовые части 3-й американской армии, подойдя 19 августа на расстояние 20 км от Парижа, не спешили на помощь патриотам. Генерал Брэдли заявил: «Я могу признаться, что мы отнюдь не рвемся освобождать Париж именно сейчас...»[14]. Генерал Д. Эйзенхауэр порекомендовал французам воздерживаться от восстаний, которые могут привести «к бесполезным жертвам»[15].

Представители буржуазных партий страны стали искать путь к заключению перемирия между восставшими парижанами и оккупационными войсками. Компартия решительно выступила против этого, настаивая на продолжении восстания и борьбы патриотов вплоть до полного освобождения Парижа. 23—24 августа вражеский гарнизон был разгромлен. Первые танки 2-й французской бронетанковой дивизии под командованием генерала Ф. Леклерка вступили в столицу. 25 августа Париж был освобожден. Глава Временного правительства Французской республики Ш. де Голль прибыл в столицу. Опасаясь дальнейшего роста общедемократического движения, он через три дня поспешил подписать декрет о роспуске Французских внутренних сил (ФФИ). Между тем именно ФФИ оказывали огромную помощь наступлению союзных войск; как признал

---

[11] История второй мировой войны, 1939—1945. т. 9, с. 253.
[12] *Макдональд Ч.* Тяжелое испытание. М., 1979, с. 284.
[13] *Торез М.* Сын народа. М., 1960, с. 175—176.
[14] *Брэдли О.* Записки солдата. М., 1957, с. 416.
[15] *Eisenhower D.* Crusade in Europe. N. Y.. 1977, p. 248.

генерал Эйзенхауэр, по эффективности своих действий они временами были эквивалентны 15 дивизиям [16].

Неудержимое и быстро нараставшее наступление советских войск в Белоруссии, а также потеря оккупантами значительной части французской территории вынудили в конце августа верховное командование вермахта отвести войска из Франции к границам Германии и занять оборону по «линии Зигфрида». 2 сентября экспедиционные силы союзников

АМЕРИКАНСКИЕ ВОЙСКА В ОСВОБОЖДЕННОМ ПАТРИОТАМИ ПАРИЖЕ
(август 1944 г.)

пересекли западную границу Бельгии и в последующие два дня заняли Брюссель и Антверпен. 7 сентября американские войска вышли на р. Маас, а через три дня вступили в г. Люксембург.

Гитлеровские войска отходили, не оказывая сильного сопротивления. Моральный дух их заметно падал. Они несли потери, сдавались в плен. У немецкого командования остались на этом направлении всего 100 танков и 570 самолетов. У союзников же было 2 тыс. танков и 14 тыс. самолетов. Они добились полного господства в воздухе и подавляющего превосходства в живой силе и боевой технике. Союзное командование намерено было преодолеть «линию Зигфрида», захватить переправы через Рейн, нанести удары по Руру и Саару, разгромить основные силы противника, вторгнуться на германскую территорию и овладеть как можно быстрее центральной частью Германии. 15 сентября Эйзенхауэр писал Монтгомери: главной целью является Берлин, необходимо сосредоточить все силы и ресурсы «на быстром осуществлении удара в направлении на Бер-

[16] История второй мировой войны, 1939—1945, т. 9, с. 265.

лин»[17]. Однако эти планы были нарушены. На бельгийско-голландской границе немецко-фашистские дивизии оказали организованное сопротивление. Наступление союзников замедлилось. Английская армия перешла к обороне в районе Арнема.

На центральном участке фронта 21 октября 1-я американская армия, вторгшись на территорию Германии, овладела Ахеном. В середине ноября на южном крыле фронта американским и французским дивизиям удалось освободить Эльзас и Лотарингию, овладеть г. Страсбургом и выйти к германской границе, где развернулись напряженные бои. В начале декабря союзное командование, встретив нараставшее противодействие со стороны соединений вермахта, прекратило наступление, чтобы основательнее подготовиться к прорыву «линии Зигфрида».

Осенью 1944 г. германское командование решило предпринять контрнаступление в районе Арденн в целях овладения Антверпеном. 16 сентября Гитлер сообщил об этом своим приближенным. Для этой операции нацистское командование выделило 21 дивизию, 800 самолетов, 900 танков и штурмовых орудий[18]. Руководство было возложено на фельдмаршала Рундштедта. Операция готовилась в большой секретности. Фактору внезапности придавалось особое значение.

16 декабря на американские позиции обрушились ураганный артиллерийский огонь и самолеты-снаряды Фау-1. Союзное командование оказалось в замешательстве. Паника охватила солдат. Дерзко и целеустремленно действовала 6-я ударная армия генерала Дитриха; ей велено было прорвать оборону американцев и быстро продвигаться к р. Маас. Прорвав линию обороны, немецкие танки устремились на запад. У г. Бастонь гитлеровцы встретили сопротивление со стороны американцев. Тем не менее командование союзников опасалось, что германские войска могут развернуть наступление в направлении Ла-Манша и разрезать фронт союзников.

19 декабря в Вердене Эйзенхауэр провел совещание с командующими армиями, на котором приняли решение о контрнаступлении. Для этого срочно были переброшены 1-я и 9-я американские армии. Развернулись упорные бои. 7 января Эйзенхауэр доносил в Вашингтон об упорном сопротивлении противника и просил прислать в Западную Европу дополнительные контингенты войск. Напряженность может быть снята, подчеркивал Эйзенхауэр, если советские войска предпримут крупное наступление[19].

Черчилль прибыл в Версаль 3 января 1945 г. для ознакомления с обстановкой. Состоялся обмен мнениями с Эйзенхауэром и де Голлем. 6 января британский премьер направил личное послание И. В. Сталину, в котором писал: на Западе идут тяжелые бои, положение тревожное; можно ли рассчитывать на крупное русское наступление на фронте Вислы. Ответ последовал незамедлительно: советское командование решило начать «широкие наступательные действия против немцев по всему центральному фронту не позже второй половины января»[20].

---

[17] *Hobbs J.* Dear General. Eisenhower's Wartime Letters to Marshall. Baltimore; London, 1971, p. 179.
[18] Подробнее см.: История второй мировой войны, 1939—1945, т. 9, с. 271—276.
[19] Там же, т. 10, с. 238.
[20] Переписка Председателя Совета Министров СССР с президентами США и

12 января Советская Армия перешла в наступление. Войска 3-го Белорусского фронта нанесли удар по восточно-прусской группировке. На следующий день воины 2-го Белорусского фронта также развернули мощное наступление с плацдармов на р. Нарев. А соединения 1-го Белорусского фронта, освободив Варшаву, устремились в направлении Познани. Командование группы армий «Центр» оказывало ожесточенное сопротивление, но оно было сломлено. Советские войска, прорвав оборону, приступили к разгрому немецко-фашистских войск.

Все возраставший натиск и стремительный прорыв советских войск юго-западнее Кенигсберга побудили гитлеровское командование начать срочно перебрасывать силы с Запада на Восток и пересмотреть планы операций на Западном фронте. В результате положение американо-английских войск облегчилось. 14 января Эйзенхауэр телеграфировал начальнику Генерального штаба Советских Вооруженных Сил: новость о наступлении Советской Армии воспринята союзными армиями на Западе с энтузиазмом. А два дня спустя Черчилль заявил членам британского правительства, что на Восточном фронте развернулось великолепное наступление русской армии по всему фронту — от Балтики до Будапешта.

Наступление Советской Армии приближало фашистскую Германию к катастрофе. 16 января Гитлер провел совещание, на котором обсуждалось положение страны. Генерал Гудериан заявил, что с военной точки зрения война проиграна, и высказался за немедленное прекращение боевых операций на Западе и концентрацию всех сил против наступающих советских соединений. Несколько дней спустя министр экономики Шпеер также предложил Гитлеру резко сократить численность войск на Западе и перебросить их на Восток [21]. 27 января Шпеер вручил ему меморандум за подписью 300 немецких промышленников и банкиров, где отмечалось, что «война в области экономики и вооружений кончена...» [22]. Министр финансов Шверин фон Крозиг также направил письмо Гитлеру, подчеркивая безнадежность ситуации; в качестве выхода предлагалось установить контакты с западными странами.

17 января Гитлер продиктовал Риббентропу основные положения «мирных предложений» Западу. Через день после некоторых уточнений они были представлены как «меморандум Риббентропа» и одобрены фюрером. Здесь повторялся миф «о советской угрозе» для европейской цивилизации.

«Меморандум Риббентропа» был отправлен в германские посольства в Берне, Стокгольме, Дублине, Лиссабоне и Мадриде для передачи британским дипломатам. Через неделю в столицы этих государств были направлены наиболее опытные дипломаты для установления контактов с официальными представителями Великобритании. Но «мирный» зондаж гитлеровской дипломатии провалился.

20 января главнокомандующий союзными армиями генерал Эйзенхауэр предложил план разгрома гитлеровской группировки и выхода в центральные районы Германии. Замысел операции состоял в уничтожении вражеских армий в междуречье Мааса и Рейна с выходом к послед-

премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941—1945 гг.: В 2-х т. М., 1976, т. 1, с. 348—349.

[21] См.: *Розанов Г.* Агония нацистской дипломатии.— Междунар. жизнь, 1981, № 3, с. 99.

[22] Там же.

нему широким фронтом; затем предполагалось создать плацдармы на правом берегу Рейна в целях дальнейшего продвижения в глубь Германии, окружения и уничтожения группировки в районе Рура и наступления в направлении Эльбы, имея в виду овладение Берлином.

Этот план был обсужден 30 января Объединенным комитетом начальников штабов. Он вызвал серьезные возражения со стороны англичан, которые предложили предпринять наступление на северном участке Западного фронта — прямо на Берлин. Три дня продолжались дебаты. И все же был одобрен американский план.

Таким образом, к 1945 г. вооруженные силы союзников изгнали немецко-фашистские войска с территории Франции, Бельгии, Люксембурга и части Нидерландов. Они вышли к границам Германии.

На Тихоокеанском театре флот США вел наступательные бои. В начале 1944 г. американское командование поставило задачу овладеть южной частью Марианских островов. С марта по июнь шла подготовка к этой операции. Производились налеты на о-ва Трук и Западные Каролинские острова. С 30 марта по 1 апреля авианосцы с успехом атаковали крупную японскую базу в Палау, нанеся ей серьезные повреждения. Там располагался штаб главнокомандующего объединенным флотом адмирала Кога, который заявил о решимости любой ценой удерживать линию Марианские острова — Палау. Адмирал приказал срочно перебросить большинство истребителей с Марианских островов для обороны базы. Сам же он вылетел в Давас для руководства операцией, но в пути погиб.

В конце апреля был утвержден оперативный план оккупации Марианских островов. Сосредоточив более трех дивизий, 15 июня американские экспедиционные части высадились на о-ве Сайпан. К 9 июля американцам удалось сломить организованное сопротивление японского гарнизона, состоявшего из 3 тыс. человек, поддержанных артиллерией и танками, и овладеть островом, потеряв при этом в боях 3500 человек [23].

Потеря о-ва Сайпан оказала влияние на военное положение Японии. Премьер-министр Тодзио объявил: «Япония очутилась перед лицом небывало большого национального кризиса» [24]. 18 июля кабинет Тодзио пал. Главной причиной его отставки было все же не падение Сайпана, хотя и оно имело определенное значение, а ухудшение общей военной и политической обстановки в Японии, кризис ее политики, рост недовольства народа в стране, бесперспективность ведения войны в Европе Германией.

19 июня эскадра японских авианосцев атаковала в районе Филиппин 58-е оперативное соединение США, следовавшее в направлении о-ва Гуам. В воздушном бою японцы потеряли 402 самолета. Два авианосца были потоплены подводными лодками. На следующий день японский флот подвергался беспрерывным атакам, во время которых были потоплены еще один авианосец, танкер и повреждены четыре легких авианосца, линейный корабль, тяжелый крейсер и танкер. Этот удар был для японского командования совершенно неожиданным. К середине 1944 г. соотношение морских сил на Тихом океане оценивалось как 3 : 1 в пользу США. В воздухе американцам принадлежало абсолютное господство.

---

[23] *Нимиц Ч., Поттер Э.* Война на море, 1939—1945. М., 1965, с. 392.
[24] Кампании войны на Тихом океане. М., 1956, с. 274.

Бои за о-в Гуам начались 21 июля. В операции участвовали 56 тыс. человек. Высадке десанта предшествовала мощная артиллерийская подготовка и воздушная бомбардировка. Японская артиллерия была уничтожена. К 10 августа противник прекратил организованное сопротивление, потеряв 11 тыс. убитыми, в то время как американцы — около 1400 убитыми и пропавшими без вести. Операция по захвату о-ва Тиниан продолжалась девять дней — с 24 июля по 1 августа. Сопротивление японцев было незначительным. Американцы потеряли 300 человек, а японцы — 5500 [25]. Одновременно американские авианосцы атаковали и к сентябрю захватили о-ва Палау, Улити, Сорол. В сентябре эти острова оказались в руках американцев. Оккупация Маршалловых и Марианских островов улучшила стратегические позиции США в центральной части Тихого океана.

Операции американских сил на Тихом океане в первой половине 1944 г. создали угрозу для Филиппинских островов. В Токио был разработан план их обороны. Однако события развивались неблагоприятно для Японии. Американские авианосные соединения начали наносить последовательные удары по ключевым позициям противника: о-вам Окинава, Лусон, а затем и по о-ву Тайвань. В воздушных боях японцы потеряли 650 самолетов. 20 октября американцы высадились на о-ве Лейте, куда спешно перебрасывались главные силы японского флота.

Район боевых операций простирался на 600 миль с севера на юг. В боях у Филиппин участвовали крупные морские силы с обеих сторон. Японский флот состоял из 4 авианосцев, 7 линейных кораблей, 19 крейсеров, 33 эскадренных миноносцев и 2 линейных кораблей-авианосцев. На авианосцах было 116 самолетов, а в районе Лусона находилось около 600 самолетов берегового базирования. Силы американцев включали 12 быстроходных и 18 эскортных авианосцев, 12 линейных кораблей, 20 крейсеров и 104 эскадренных и эскортных миноносца. Число самолетов авианосного базирования составляло 1280 [26].

Адмирал Нимиц приказал адмиралу Хэлси прикрывать и поддерживать американские силы в юго-западной части Тихого океана, готовящиеся к вторжению на Филиппинские острова, обеспечить воздушные и морские коммуникации в центральной части Тихого океана, а при возможности нанести решающий удар по главным силам японского флота в целях его уничтожения.

23 октября подводные лодки США обнаружили главные силы японского флота (5 линейных кораблей, 12 крейсеров и 15 эскадренных миноносцев), продвигавшегося из Сингапура. Командовал эскадрой вице-адмирал Курита. Второй отряд в составе 2 линкоров, тяжелого крейсера и 4 эсминцев под командованием вице-адмирала Нисимура продвигался через море и пролив Суригао. Семь кораблей под командованием вице-адмирала Симы держали курс на юго-восток через море Сулу.

Американская разведка и командование внимательно следили за продвижением японских соединений, замысел которых еще не был разгадан. Подводные лодки США сначала атаковали флот вице-адмирала Куриты, выведя из строя 2 тяжелых крейсера. Однако армада продолжала идти заданным курсом, ведя воздушные бои. В то же время силы вице-адмиралов Нисимуры и Симы без помех двигались в северном направлении

[25] Там же, с. 271.
[26] *Шерман Ф. С.* Американские авианосцы в войне на Тихом океане. М., 1956, с. 220.

по морю Сулу к проливу Суригао. Между ними не было ни связи, ни координации действий. Флот Нисимуры в 22 часа вошел в пролив и продолжил движение.

Американцы, приготовившись к атаке и заняв выгодные позиции, ожидали его. Под покровом темноты японское соединение спокойно продвигалось. И вдруг в 3 часа ночи американцы атаковали ничего не подозревавшую японскую армаду. Развернулся ожесточенный бой. Перевес был на стороне американцев. Несколько торпед попали во флагманский корабль Нисимуры. Раздался мощный взрыв, и линкор пошел ко дну. Японская эскадра продолжала продвигаться на север. Она подверглась новым атакам. Третья, самая мощная, превратилась, по словам американского вице-адмирала Ф. С. Шермана, «в избиение» [27]. Разгромленный флот Нисимуры стал поспешно отступать.

Еще горели некоторые японские корабли, когда в пролив вошел флот вице-адмирала Симы. Увидев клубы дыма и горящие корабли, он, не вступая в бой, отдал приказ: немедленно отходить обратно на юг, дабы не попасть в ловушку, как это случилось с эскадрой Нисимуры. Однако события продолжали развиваться быстро и неожиданно. Когда все находились под впечатлением только что закончившегося боя, американский контр-адмирал С. А. Ф. Спрэг получил донесение о приближении крупной японской армады. Откуда она появилась, никто не мог объяснить. Силы же Спрэга были малыми. Адмирал обратился за срочной помощью, но ее не было, а корабли подвергались решительной атаке. Развернулся неравный бой.

25 октября утром американская разведка обнаружила эскадру Одзавы, который имел приказ выманить 3-й флот американского адмирала Хэлси из залива Лейте и нанести ему удар. Однако американцы атаковали эскадру противника. Флот Куриты также был атакован. 3-й и 7-й флоты США активно действовали. Воздушные атаки, бомбы и торпеды обрушились на японские корабли. Последние оборонялись, неся потери, и тонули один за другим.

Сражение около Филиппин, продолжавшееся с 23 по 26 октября, завершилось поражением японцев, которые потеряли 3 линейных корабля, 4 авианосца, 10 крейсеров и 9 эсминцев. Потери американцев были незначительными [28]. В конце октября и в ноябре 1944 г. авиация 3-го американского флота уничтожила в районе о-вов Лусон и Лейте еще около 700 японских самолетов, потопила 3 крейсера, 10 эсминцев и большое количество транспортов [29].

Бои осенью 1944 г. между американскими и японскими военно-морскими силами в Филиппинском море привели к серьезному ослаблению и подрыву мощи флота Японии. Стратегическая инициатива окончательно перешла в руки американского командования.

2. ОБСТАНОВКА В СТРАНЕ

В 1944 г. общий объем промышленного производства США превысил довоенный более чем в 2 раза, выпуск важнейших видов промышленной продукции поддерживался на высоком уровне. Основные промышленные

[27] Там же, с. 231.
[28] Кампании войны на Тихом океане, с. 360—361.
[29] *Нимиц Ч., Поттер Э.* Указ. соч., с. 427.

мощности использовались для выпуска вооружения: за год было произведено 96,3 тыс. самолетов, 35,2 тыс. орудий всех видов, 20,5 тыс. танков и самоходно-артиллерийских установок, большое количество других видов боевой техники [30].

Со второй половины 1944 г. наметилось постепенное сокращение военного производства, что отразилось на ряде отраслей — алюминиевой, судостроительной и др. Упор переносился на увеличение выпуска лишь отдельных, наиболее важных видов боевой техники — сверхдальних бомбардировщиков, танков, реактивных снарядов для военно-морских сил и пр. К числу особо ответственных были отнесены работы по созданию ядерного оружия. Ими занимались главным образом финансовые группы Дюпона, Моргана и Меллона. С октября 1944 г. началось изготовление атомной бомбы.

Монополии продолжали наживаться на войне, их прибыли в 1944 г. составили 11,7 млрд. долл.[31]

Военно-государственное регулирование усилило позиции крупнейших корпораций, получавших самые выгодные заказы. На долю 100 корпораций пришлось около 67% общей стоимости контрактов. За годы войны только «Дженерал моторз» получила военных заказов на 12 млрд. долл. [32] «Армия и флот,— отмечал глава Управления военного производства Д. Нельсон,— предпочитали размещать заказы среди крупных промышленников» [33]. Росло недовольство мелких и средних предпринимателей; они подняли «бунт», протестуя против разорявшей их системы распределения заказов, сырья и материалов. Их тревога достигла, по словам Нельсона, «панических размеров» [34]. В этом управлении был даже организован специальный отдел мелких предприятий, занимавшийся распределением заказов между ними. Аналогичная комиссия была создана и в конгрессе.

Сельское хозяйство также переживало подъем. Его продукция увеличилась на 40% по сравнению с довоенным периодом. Расширились посевные площади. Урожайность, а также поголовье скота повысились на 20%, чему способствовали электрификация и механизация труда. Цены на сельскохозяйственные продукты возросли вдвое; благодаря этому умножились доходы крупных фермерских хозяйств. Усилился процесс концентрации производства. Зажиточные фермеры сосредоточили в своих руках 57% всей фермерской земли и 75% товарной продукции. Мелкие фермеры разорялись, многие из них превращались в арендаторов.

Общая занятость в стране достигла 54 млн.[35]. Более 17,5 млн. американцев работали непосредственно на войну. Только в авиапромышленности в конце 1944 г. было занято около 2 млн. человек. В отдельных отраслях промышленности — судостроении, литейном производстве, текстильной и швейной промышленности — ощущалась даже нехватка квалифицированных рабочих. Предприниматели усиливали интенсификацию

---

[30] История второй мировой войны, 1939—1945, т. 9, с. 435—437.
[31] Historical Statistics of the United States. Colonial Times to 1957. Wash., 1960, p. 580.
[32] *Adams W., Gray H.* Monopoly in America. The Government as Promoter. N. Y., 1955, p. 102.
[33] *Nelson D.* Arsenal of Democracy: The Story of American War Production. N. Y., 1946, p. 177.
[34] Ibid., p. 222—223.
[35] История второй мировой войны. 1939—1945, т. 9, с. 438.

труда, повышали нормы выработки, нарушали условия коллективных договоров, практиковали сверхурочные работы.

Правительство проводило политику замораживания заработной платы и роста налогов. В середине 1944 г. Национальный военный совет труда опубликовал данные о заработной плате. Они показывали, что $^2/_3$ промышленных рабочих получали к началу этого года заработную плату, которая не превышала 70% официального прожиточного минимума средней рабочей семьи[36]. Возросли налоги, выплачиваемые трудящимися. С 1941/42 по 1944/45 бюджетный год общая сумма налоговых поступлений увеличилась с 13 млрд. долл. до 43,8 млрд. Был повышен подоходный налог. Косвенные налоги выросли с 3,1 млрд. долл. в 1941 г. до 6 млрд. в 1944 г.[37]

Американские рабочие самоотверженно трудились во имя победы над гитлеризмом — нередко по 60—70 часов в неделю. Резко увеличился удельный вес женщин на производстве: их число в 1944 г. превысило 18 млн., составив более трети рабочей силы; только в авиационной промышленности работало около полумиллиона. В металлообрабатывающей, химической и резиновой промышленности число женщин увеличилось по сравнению с 1940 г. более чем в 4,5 раза. К концу 1944 г. почти 3 млн. женщин состояли в профсоюзах.

Увеличилось и число негров-рабочих. Только в обрабатывающей промышленности их насчитывалось до 1250 тыс. На автомобильных и авиационных заводах работали 120 тыс. негров, на судоверфях — 190 тыс., на заводах электроаппаратуры и электрооборудования — 100 тыс.[38]

В 1944 г. продолжало развиваться забастовочное движение: число стачек составило 5 тыс., а число их участников — 2120 тыс.[39] Конфликты возникали вследствие нарушения коллективных договоров предпринимателями, которые, как отмечает Ф. Фонер, «пытались извлечь выгоды из патриотизма рабочих»[40].

Однако в целом забастовки носили эпизодический характер. Рабочие, как правило, воздерживались от участия в них, проявляя солидарность с народами других стран антигитлеровской коалиции. Съезд КПП, в котором приняли участие 503 делегата от 38 национальных и межнациональных союзов и оргкомитетов, проходил с 20 по 24 ноября 1944 г. в Чикаго. Он подтвердил прежнюю договоренность об отказе рабочих от стачек при возникновении трудовых конфликтов. Съезд единодушно принял резолюцию в пользу полной ликвидации нацизма и японского милитаризма.

Партийно-политическая борьба в 1944 г. развивалась под знаком подготовки к президентским выборам[41]. В июне в Чикаго состоялся съезд республиканской партии. Губернаторы штатов Нью-Йорк и Огайо Т. Дьюи и Дж. Брикер были выдвинуты соответственно кандидатами на посты президента и вице-президента. Съезд выразил беспокойство по поводу

[36] Labor Fact Book. N. Y., 1945, vol. 7, p. 134.
[37] *Альтер А. Б.* Буржуазная политическая экономия США. М., 1961, с. 147.
[38] *Бойер Р. О., Морейс Г. М.* Нерассказанная история рабочего движения в США. М., 1957, с. 542—543.
[39] Historical Statistics of the United States. Colonial Times to 1957, p. 99.
[40] *Foner Ph. S.* The Fur and Leather Workers Union. Newark, 1950, p. 618.
[41] Подробнее см.: *Маныкин А. С.* Двухпартийная система в годы участия США во второй мировой войне.— В кн.: Политические партии США в новейшее время. М., 1982, с. 94—129.

усиления вмешательства государства в экономическую жизнь страны, возможного роста безработицы по мере приближения конца войны и свертывания военного производства. Его участники говорили о желательности установления благоприятной конъюнктуры для фермеров после войны. В предвыборной платформе содержались предложения против дискриминации негров, за расширение их гражданских прав. Критика демократов ограничивалась главным образом внутриполитическими вопросами, проблемы внешней политики намеренно не затрагивались.

Съезд демократической партии открылся в Чикаго 19 июля 1944 г. Кандидатура Рузвельта без дискуссий была одобрена для избрания его президентом на четвертый срок. Дебаты развернулись при выдвижении кандидатуры вице-президента. Претендентов было много [42]. Рузвельт высоко ценил Г. Уоллеса, его поддерживали профсоюзы КПП, но против были лидеры АФТ, влиятельная группировка в партийном аппарате демократической партии и мощная консервативная группа представителей крупного капитала. Претендовавший на пост кандидата в вице-президенты глава Управления военной мобилизации Дж. Бирнс был решительно отвергнут профсоюзами. В конечном счете съездом была одобрена кандидатура сенатора Г. Трумэна (штат Миссури). Самодовольный сенатор в специальном поезде отправился в лекционное турне по стране. Ознакомившись с его выступлениями, Рузвельт телеграфировал: «Остановите его от продолжения всех этих ужасно глупых выступлений» [43].

Предвыборная платформа демократической партии содержала призыв продолжить борьбу за победу в войне и обеспечение мира на основе сохранения союза между США, СССР, Великобританией, Францией и Китаем. В центр программы были поставлены внутренние проблемы, однако позиция партии, основные положения ее платформы были сформулированы в нарочито неопределенной форме [44].

Большое внимание было уделено предстоящей реконверсии — переводу экономики страны на мирные рельсы. Начавшееся сокращение военного производства грозило, как это сознавал правящий класс, социальными осложнениями. Руководители тред-юнионов не скрывали опасений того, что свертывание военных заказов вызовет рост безработицы. Учитывая политическую ситуацию, демократическая партия обещала обеспечение полной занятости рабочей силы и максимальное использование производственных мощностей в мирных условиях.

Профсоюзы настаивали на обсуждении конгрессом законопроекта сенатора Килгора, предлагавшего создать центральный правительственный орган для разрешения проблем, связанных с сокращением военных заказов, переходом на мирное производство, обеспечением пособий по безработице, организацией обучения и переквалификации рабочих. Президент АФТ Грин призвал конгресс принять быстрее законопроект Килгора; в противном случае США могут оказаться совершенно не подготовленными к миру. С прекращением военных заказов, закрытием многих фабрик и заводов, заявил он, могут возникнуть экономическая паника, массовая безработица, хаос. Вице-председатель союза рабочих автомобильной промышленности Франкенштейн опубликовал в «Нью-Йорк таймс»

[42] *Борисов А. Ю.* СССР и США: союзники в годы войны, 1941—1945. М., 1983, с. 230—231.
[43] *Allen R. S., Shannon W. V.* The Truman-Merry-Go-Round. N. Y., 1950, p. 14.
[44] *Маныкин А. С.* Указ. соч., с. 126—127.

письмо, где говорилось о глубоком беспокойстве рабочих в связи с отсутствием планов реконверсии.

Различные комитеты конгресса занялись обсуждением вопроса о распределении правительственного имущества, стоимость которого достигла огромной суммы — до 100 млрд. долл. Оно включало государственные заводы, излишки вооружения, пароходы, самолеты, металлы, минералы и другие товары, накопленные для военных нужд. Сенатский подкомитет по делам мелких предприятий выражал обоснованное беспокойство по поводу того, что распределение этой правительственной собственности заберут в свои руки крупные корпорации, а это еще более усилит их позиции в экономической жизни страны.

Еще в декабре 1942 г. в специальном приложении к журналу «Форчун» был опубликован доклад под названием «Соединенные Штаты в новом мире. Внутренняя экономика». В докладе провозглашалась программа развития «демократического капитализма», предусматривающая такие меры, как ликвидация безработицы, расширение прав профсоюзов и системы социального страхования. В послании конгрессу 7 января 1943 г. президент обещал обеспечить после войны полную занятость. В соответствии с этой программой Управление по планированию национальных ресурсов в 1943 г. опубликовало доклад «Новый билль о правах». В документе говорилось о мероприятиях по обеспечению свободы предпринимательства, регулированию экономики, улучшению организации промышленности, повышению потребительского спроса.

В предвыборной платформе демократов значительное место отводилось вопросам, связанным с так называемым «экономическим биллем о правах», о котором говорилось в послании Рузвельта конгрессу 11 января 1944 г. Билль обещал американскому народу различные социально-экономические блага, и прежде всего «полную занятость» [45]. Эта широковещательная программа, разумеется, не была реализована. В целях предотвращения недовольства со стороны демобилизованных конгресс в 1944 г. принял закон об обеспечении ветеранов войны — «Солдатский билль о правах». Закон предусматривал выдачу пособия в размере 20 долл. в неделю в случае безработицы, предоставление кредита до 4 тыс. долл. на приобретение дома, а также льготные условия для получения образования в высших учебных заведениях [46].

Профсоюзы и рабочие, понимая политическое значение президентских выборов в условиях войны, приняли в них активное участие. Еще 7 июля 1943 г. исполком КПП создал Комитет политических действий (КПД). Возглавил его С. Хиллмэн. Комитет ставил перед собой задачу объединить широкие слои населения в поддержку демократической партии в период президентской выборной кампании [47]. Комитет открыл 14 бюро в крупнейших промышленных центрах страны. Они проводили собрания избирателей, выносили резолюции с требованием успешного завершения войны, в пользу переизбрания Рузвельта. Хиллмэн заявил, что 14 млн. рабочих, организованных в профсоюзы КПП, АФТ и братства железнодорожников, будут голосовать за Рузвельта.

В июле 1944 г. 80 видных общественных деятелей создали Националь-

[45] Congressional Record, vol. 90, pt 1, p. 55—57; *Бойер Р. О., Морейс Г. М.* Указ. соч., с. 547.
[46] *Schlesinger A., Jr.* The Rise of Modern America, 1865—1951. N. Y., 1954, p. 434
[47] Labor Fact Book, vol. 7, p. 51, 59, 61.

ный гражданский комитет политических действий с целью способствовать переизбранию Рузвельта. Часть республиканцев на Дальнем Западе выступила в его поддержку. Учитывая настроения американской общественности, рост авторитета СССР среди населения страны, Рузвельт напоминал избирателям, что именно он установил дипломатические отношения с СССР и гордится этим, находясь в союзе с храбрым советским народом в борьбе против общего врага [48].

Энергичная кампания, предпринятая в штатах и городах, поддержка ее со стороны многих других организаций вызвали беспокойство в определенных консервативных кругах. 13 конгрессменов-республиканцев издали в разгар предвыборной кампании листовку тиражом в 3 млн. экземпляров. Пытаясь дискредитировать президента, ослабить его популярность и запугать избирателей, авторы этого «документа» писали, что «красный призрак коммунизма бродит по стране с востока на запад, с севера на юг» [49]. Комиссия Дайса квалифицировала действия КПД как «коммунистический заговор». Президент решительно отверг попытки запугать избирателей «красной опасностью». Он заявил, что подобные приемы не новы и не введут в заблуждение демократические силы.

Значительное внимание Рузвельт уделил критике прошлого изоляционистского курса республиканцев. Во время поездки по стране он говорил о том, что американские финансисты вложили 2,5 млрд. долл. в промышленность нацистской Германии, в чем немалую роль сыграли и лидеры республиканской партии.

4 ноября 1944 г. Рузвельт одержал победу. Он добился успеха в 36 штатах. За него проголосовали 26 млн. избирателей и 432 выборщика. Дьюи получил 22 млн. голосов и 99 выборщиков, собрав большинство голосов только в 12 штатах. Он потерпел поражение даже в штате Нью-Йорк, где был губернатором, а также в штате Иллинойс, в котором до войны преобладали изоляционистские настроения, и даже в штате Пенсильвания, считавшемся цитаделью республиканцев. Однако фермеры Среднего Запада голосовали за республиканцев.

Переизбрание Рузвельта на четвертый срок определялось в значительной степени активностью рабочих. Демократическая партия одержала серьезную победу и на выборах в конгресс, завоевав большинство в палате представителей и в сенате. Президентские выборы показали стремление американского народа к победе над общим врагом, к сотрудничеству с другими государствами в установлении послевоенного мира, к поддержанию дружественных отношений с СССР.

Под руководством Национального совета американо-советской дружбы 15 ноября 1944 г. в Нью-Йорке в Мэдисон-сквер гарден состоялся митинг, посвященный 11-й годовщине установления дипломатических отношений между США и СССР. Такой же митинг был организован в Чикаго. Всего 20 городов страны стали местом проведения митингов; на них давалась высокая оценка американо-советскому сотрудничеству и подчеркивалась важность его укрепления в интересах быстрой победы и установления длительного мира.

Деловые круги США выступали за экономическое сотрудничество с СССР. В апреле 1944 г. междепартаментский комитет по Советскому

[48] The Public Papers and Addresses of Franklin D. Roosevelt: 1933 vol.— 1945 vol. N. Y., 1938—1950, 1944—1945 vol., p. 324.
[49] *Бойер Р. О., Морейс Г. М.* Указ. соч., с. 547.

Союзу подготовил доклад о перспективах советско-американской торговли. Министерство финансов США разработало план закупок советского сырья при предоставлении кредита в 5 млрд. долл. на 30 лет. Летом 1944 г. председатель Торговой палаты США Э. Джонстон посетил Москву для обсуждения проблем послевоенной советско-американской торговли. Глава Советского правительства выразил готовность разместить в США «миллиардные заказы» [50].

В сентябре 1944 г. журнал «Лайф» опубликовал большую статью председателя Торговой палаты США Джонстона о поездке в Советский Союз, где он находился в течение шести недель. Встретившись со многими советскими руководителями и посетив Урал, Сибирь, союзные республики Средней Азии, многие предприятия, он пришел к заключению, что между США и СССР, несмотря на различие общественно-политических систем, вполне возможно сотрудничество и взаимопонимание. Этим странам, подчеркивал он, необходимо после войны всемерно расширять торговлю. «...Если через границы переправляются товары, то почти никогда,— отметил Джонстон,— не возникает необходимости переправлять через них солдат. Но для того чтобы торговать, мы должны доверять друг другу».

15 октября 1943 г. И. В. Сталин заявил председателю Управления военного производства США Д. Нельсону, что Советский Союз представляет собой большой рынок для США; после войны ему потребуются многие виды товаров и оборудования для восстановления народного хозяйства. СССР может гарантировать Соединенным Штатам заказы на 10 тыс. паровозов, 50 тыс. железнодорожных вагонов и платформ, 30 тыс. км рельсов, паровых и гидравлических турбин [51].

Успехи антифашистской коалиции на фронтах, решающие битвы на советско-германском фронте, наступательные операции американской армии в Европе и на Тихом океане свидетельствовали о приближении конца войны. Вопросы послевоенного устройства мира и занятие доминирующих в нем позиций приобретали все большее значение. Интерес к этим проблемам заметно возрос в Вашингтоне.

3. ЭКСПАНСИОНИСТСКИЕ УСТРЕМЛЕНИЯ США

В 1944 г. США усилили внешнеполитическую активность во всех регионах мира. В октябре 1944 г. крупный банкир Б. Барух заявил: «Благодаря могуществу своих вооруженных сил, своему превосходству в области экономики, своим ресурсам и моральной силе, вытекающей из американского образа жизни, Америка в состоянии утвердить свое руководство над миром» [52].

Известный публицист У. Липпман в книге «Военные цели США», изданной в 1944 г., касаясь экспансионистских планов американского империализма, писал, что после войны США явятся «единственным лидером» Атлантического содружества, «центром западного мира, главным

[50] Советско-американские отношения во время Великой Отечественной войны 1941—1945. Документы и материалы: В 2-х т. М., 1984, т. 2, с. 143; СССР — США: экономические отношения. Проблемы и возможности. М., 1976, с. 93.
[51] Советско-американские отношения..., т. 1, с. 383.
[52] New York Herald Tribune, 1944, Oct. 18; *Иноземцев Н.* Внешняя политика США в эпоху империализма. М., 1960, с. 69.

фактором международного порядка», под их эгидой объединится 41 государство [53].

Исключительное внимание уделялось Латинской Америке. В январе 1944 г. Рузвельт дал указание госдепартаменту и Комитету начальников штабов приступить к переговорам с этими странами о приобретении военных и военно-морских баз, о стандартизации вооружения всех армий континента, о подготовке для них американскими инструкторами офицеров [54]. Переговоры поручалось вести военным миссиям США с учетом, как говорилось в инструкции, политического положения в каждой стране, национальных ресурсов, численности и состояния вооруженных сил, отношения страны к США. Заместитель государственного секретаря Э. Стеттиниус в циркулярном письме предписал дипломатическим представителям США в латиноамериканских государствах договориться с ними о военном сотрудничестве на послевоенные годы, усилив вооруженные силы США в Западном полушарии. В сентябре руководитель отдела американских республик госдепартамента представил меморандум заместителю госсекретаря Б. Лонгу об усовершенствовании межамериканской системы в военном отношении [55].

Вскоре после этого начались двусторонние военно-штабные переговоры между США и латиноамериканскими странами. Первой была Бразилия. США предложили заключить соглашение о предоставлении Вашингтону военных баз в портах Белене, Сан-Луисе, Форталезе, Ресифи на 25 лет. Президент Бразилии Ж. Варгас назвал этот проект «практически военным союзом» и выразил готовность принять американские предложения. Однако руководство ВВС Бразилии, учитывая настроения общественности, выступило против этого соглашения. Оно настаивало на включении в договор пункта о том, что американские войска будут дислоцированы в стране временно [56].

На Кубе американцы предполагали сохранить и после войны свои базы в Сант-Анфино-де-лос-Баньос и Сан-Хулиане, но общественность страны выразила решительный протест. Переговоры с Эквадором завершились подписанием соглашения о предоставлении США после войны баз на Галапагосских островах и в Салинасе. Однако народ воспротивился этому, и правительство вынуждено было отказаться от своего решения. Когда к власти в Эквадоре пришло правительство Веласко Ибарры, оно дало согласие на сохранение военной базы на Галапагосских островах на любой срок после войны. Администрация Рузвельта предложила арендовать эти острова на 99 лет за 20 млн. долл., но Национальное собрание Эквадора в конце декабря 1944 г. отвергло это предложение [57].

Важное место в стратегии США занимал вопрос о включении Канады в «систему безопасности» Западного полушария. В августе 1940 г. в Огденсберге было заключено соглашение о создании Постоянного объединенного совета обороны двух стран, который внес рекомендации об использовании Соединенными Штатами Америки военно-экономиче-

---

[53] *Lippman W.* U. S. War Aims. Boston, 1944, p. 65, 71, 86, 141, 170.
[54] Foreign Relations of the United States, Diplomatic Papers, 1944: Vol. 1—7. Wash., 1956—1967, vol. 7, p. 109, 110, 546—547, 557 (Далее: FRUS).
[55] Ibid., p. 108—109, 118.
[56] Ibid., p. 124, 557—559.
[57] Подробнее см.: *Янчук И. И.* Политика США в Латинской Америке, 1939—1945. М., 1975, с. 215—216.

ского потенциала Канады. Вскоре Ньюфаундленд превратился в американскую базу. Были созданы военно-воздушные базы в Вест-Индии. «Будущее развитие Канады,— заявил премьер-министр М. Кинг,— скорее всего, пойдет по пути традиционных связей с Европой» [58].

Большой интерес проявляли США и в отношении Ближнего и Среднего Востока. Здесь американские компании, используя военную обстановку, пытались потеснить Англию и усилить свое влияние. Особенно напряженный характер приобрела борьба за нефть, в частности иранскую. В начале 1942 г. американский посланник сообщил из Тегерана в госдепартамент, что Великобритания не в состоянии поставлять Ирану промышленные и продовольственные товары и этим следует воспользоваться Соединенным Штатам. Вскоре в Иран были отправлены 17 тыс. т американской пшеницы. Затем в Тегеран прибыла весьма представительная финансовая миссия, возглавляемая Артуром Мильспо. Он занял должность генерального администратора финансов Ирана, вскоре установив полный контроль над финансами страны [59].

Затем прибыли еще две миссии: одна во главе с генералом Ридли — для обучения и реорганизации иранской армии, другая — для реорганизации жандармерии. Кроме того, правительство США направило в Иран экономических и политических советников. В общей сложности их насчитывалось около 4 тыс., помимо американских войск (30 тыс. солдат и офицеров). Представители нефтяных компаний вступили в переговоры с иранским правительством относительно разработки нефтяных месторождений. 15 ноября 1943 г. посланник США в Тегеране Дрейфус информировал госдепартамент: «Правительство Ирана намерено сдавать в концессию (американцам.— *Авт.*) нефтяные ресурсы на тех же условиях, что и англичанам» [60]. Летом 1944 г. «Стандард вакуум компани» заключила ряд соглашений о получении нефтяных концессий. В районе Абадана США построили аэродром.

На Иран была распространена система ленд-лиза, для чего в 1942 г. туда направили соответствующую миссию. Военно-морской министр США Ф. Нокс писал президенту, что «госдепартамент должен подумать об использовании нефтяных богатств в Иране, о защите же того, что мы завоюем, будет заботиться военно-морской флот США» [61]. Таким образом, американская дипломатия добилась согласия на нефтяные концессии и получение территорий для строительства военных баз в Иране. «Наша помощь Ирану,— говорилось в одном из документов госдепартамента,— должна сыграть важную роль в послевоенном устройстве мира» [62].

В январе 1943 г. США заключили с правительством Египта соглашение о пребывании американских войск на египетской территории и поставили вопрос о строительстве там военно-воздушных баз. В июне 1944 г. американский поверенный в делах в Египте Джекобс информировал госдепартамент, что египетское правительство согласно на строительство

---

[58] Цит. по: *Chamberlin W.* Canada Today and Tomorrow. Boston, 1943, p. 52—53.
[59] *Попов М. В.* Американский империализм в Иране в годы второй мировой войны. М., 1956.
[60] FRUS, Diplomatic Papers, 1944, vol. 3, p. 486—487; *Bryson Th.* American Diplomatic Relations with the Middle East, 1784—1795: A Survey. Metuchen (N. J.), 1977, p. 120.
[61] FRUS, Diplomatic Papers, 1942: Vol. 1—7. Wash., 1960—1963, vol. 4, p. 343, 756.
[62] FRUS, Diplomatic Papers, 1943: Vol. 1—6. Wash., 1963—1965, vol. 2, p. 643, 644, 646.

военных баз, но при условии, что США будут сотрудничать с Великобританией. Однако США стремились к единоличному контролю над базами. Дальнейшие переговоры столкнулись с серьезными трудностями. Лондон не желал уступать своих позиций. Тем временем США приступили к составлению проектов для строительства на территории Египта сети аэродромов и нефтепровода, имеющего, по мнению госдепартамента, стратегическое значение для снабжения топливом американских баз на Средиземном море.

26 ноября 1943 г. последовало заявление госдепартамента о том, что США обязаны позаботиться о безопасности Сирии и Ливана, для чего необходимо создать там свои опорные пункты [63]. Объектом экспансионистских устремлений США стала и Эфиопия. 18 июня 1943 г. Рузвельт направил императору Эфиопии письмо, предложив содействие в укреплении обороны. Вскоре начались переговоры о расширении экономических связей между двумя государствами. В декабре 1944 г. госдепартамент дал указание посланнику в Аддис-Абебе начать переговоры о строительстве базы США на территории Эфиопии [64].

В октябре 1941 г. в регионе были образованы две американские военные миссии: североафриканская — в Каире и иракская — в Багдаде. В их задачу входило не только инспектирование поставок по ленд-лизу, но и организация строительства промышленных объектов, портов, коммуникаций и т. д.

Особое значение придавали в Вашингтоне Саудовской Аравии. В марте 1942 г. туда прибыла специальная миссия, в состав которой были включены представители нефтяных компаний. Обеспокоенная британская дипломатия сопротивлялась проникновению американского капитала в эту страну [65]. 8 января 1943 г. государственный секретарь предложил Рузвельту распространить систему ленд-лиза на Саудовскую Аравию. При этом он писал: «Наша армия нуждается здесь в опорных пунктах. Если мы окажем помощь по ленд-лизу, то легко получим территорию для баз» [66]. Посланник США в Египте Кэрк отмечал в донесении в Вашингтон, что, по его мнению, американские поставки по ленд-лизу могут быстро оторвать арабов от Лондона [67].

В феврале 1944 г. нефтяные компании США предоставили Саудовской Аравии помощь на льготных условиях и начали переговоры о нефтяных концессиях. Летом 1944 г. США потребовали территорию для строительства военного аэродрома. В ответ на возражения английской стороны американский посол по указанию государственного секретаря заявил Черчиллю, что США заинтересованы в увеличении добычи нефти, строительстве аэродрома, развитии воздушных и морских коммуникаций и потому не могут согласиться с позицией англичан.

В декабре 1944 г. госдепартамент советовал президенту увеличить поставки товаров Саудовской Аравии, располагающей огромными нефтяными ресурсами. Американские компании должны закрепиться в этой

---

[63] Подробнее см.: *Солонцов З. М.* Политика военно-морской экспансии США в годы второй мировой войны. М., 1977, с. 81—82.
[64] FRUS, Diplomatic Papers, 1942, vol. 4, p. 678; 1943, vol. 4, p. 73—75, 91.
[65] Подробнее см.: *Туганова О. Э.* Политика США и Англии на Ближнем и Среднем Востоке. М., 1960; *Солонцов З. М.* Указ. соч., с. 64—125.
[66] Documents on American Foreign Relations: Vol. 1—29. Boston, 1939—1972, vol. 5, 1941—1942, p. 582—583.
[67] FRUS, Diplomatic Papers, 1943, vol. 4, p. 679, 683, 695.

стране. Военные ведомства, подчеркивалось в меморандуме госдепартамента, настоятельно требуют строительства в Саудовской Аравии опорных стратегических пунктов и получения для себя особых привилегий [68]. Адмирал Леги, начальник штаба при президенте США, отмечал, что США делают все возможное, чтобы получить доступ к нефти в Саудовской Аравии [69]. Со своей стороны и министр военно-морского флота Форрестол в письме в госдепартамент от 11 декабря 1944 г. подчеркивал исключительное значение нефтяных богатств Ближнего и Среднего Востока для американских компаний и предлагал действовать в этом районе более настойчиво и активно. «От того, сколько у нас нефти, какие у нас корабли и сколько их, какие базы и где они расположены, какие у нас соглашения и договоры с другими странами и народами, где и как расположены наши вооруженные силы, зависит степень влияния США на международной арене»,— заявил он [70].

Начиная с 1944 г. американская печать уделяет все большее внимание Саудовской Аравии и Кувейту. Была создана специальная комиссия в госдепартаменте для ведения с Англией переговоров по ближневосточным вопросам. 8 августа 1944 г. было подписано англо-американское нефтяное соглашение о равных концессионных возможностях [71]. Подписанию этого документа предшествовала напряженная дипломатическая борьба, которая продолжалась и в последующие годы. Лондон сумел сорвать планы США и не допустить вступления этого соглашения в силу.

США предпринимали активные экспансионистские акции и на Тихом океане. Изгнание японцев с островов сопровождалось созданием там американцами военных баз. Адмирал Нимиц, говоря о стратегической важности для США баз на Тихом океане, замечал, что морская мощь включает в себя не только ударные соединения кораблей и самолетов, различные виды оружия и военной техники, но и военно-морские базы, при этом, чем дальше они от США, «тем надежнее военно-морская мощь страны» [72]. Для изучения вопроса о строительстве военно-морских баз на Тихом океане и в Атлантике конгресс сформировал специальную комиссию, которая единодушно выступила за создание мощной и разветвленной системы базирования. Члены комиссии предложили построить 400 военно-морских и военно-воздушных баз, что должно было иметь для США «исключительно важное стратегическое значение» [73].

Американские военно-морские базы начали сооружаться в Австралии, Новой Зеландии, на многих тихоокеанских островах. Только вокруг Австралии было решено построить 10 военных баз [74]. Созданию системы базирования в Тихом океане в официальных кругах Вашингтона придавалось особое значение. Эти вопросы активно обсуждались в госдепартаменте и военных ведомствах. 15 марта 1943 г. Объединенным комитетом

---

[68] Ibid., p. 757—758, 760.
[69] *Leahy W.* I was There. N. Y., 1950, p. 184.
[70] FRUS, Diplomatic Papers, 1944, vol. 3, p. 756—757.
[71] *Stoff B.* The Anglo-American Oil Agreement and the Business.— History Review, 1981, vol. 55, N 1, p. 59—74.
[72] Congressional Record, vol. 92, p. A 1601—1602.
[73] Building the Navy's Bases in World War II: Vol. 1, 2. Wash., 1947, vol. 1, p. III, 28; vol. 2, p. 279.
[74] *Weller G.* Bases Overseas. An American Trusteeship in Power. N. Y., 1944, p. 262, 272, 274, 392.

начальников штабов были выработаны рекомендации о развертывании строительства военно-морских и военно-воздушных баз к западу от Гавайских островов. Неделю спустя этот комитет разработал широкую программу действий оккупационных властей на тихоокеанских островах, рассматривая их прежде всего с точки зрения образования на них системы военных баз. О-ва Мидуэй и Уэйк, подчеркивалось в меморандуме, должны стать мостом к Азиатскому материку, а Гуам — крепостью в океане.

Летом 1943 г. военно-морское министерство наметило широкую программу строительства военных баз на Тихом океане. Было предложено аннексировать все мандатные острова Японии [75]. Выступая в начале января 1944 г. в конгрессе, министр военно-морского флота У. Нокс заявил: «Вопрос о заморских базах и их укреплении входит в общую систему будущей стратегии. С созданием тихоокеанских военных баз США смогут проводить глобальную стратегию» [76]. 9 марта в сенатской комиссии по иностранным делам он же настойчиво доказывал необходимость сохранения Соединенными Штатами после войны Каролинских, Маршалловых и Марианских островов, которые, по его словам, должны быть переданы Соединенным Штатам как доминирующей морской державе на Тихом океане. Такого же мнения придерживался и адмирал Леги. 11 марта он писал государственному секретарю К. Хэллу: «Японские подмандатные острова следует поставить под полный контроль США. Будущее этих островов не должно быть предметом каких-либо дискуссий» [77].

Объединенный комитет начальников штабов обратил внимание американской делегации, отправлявшейся на конференцию в Думбартон-Окс, на особую заинтересованность США в Японских островах. Министр военно-морского флота Дж. Форрестол предупредил главу делегации Э. Стеттиниуса, чтобы вопрос о тихоокеанских островах с представителями других государств не обсуждался [78]. Мнение военных кругов разделялось и в конгрессе. Лидер республиканской партии К. Келлад заявил: «Тихий океан должен стать американским озером» [79]. В августе 1944 г. сенатор-демократ Маккелар внес проект резолюции, в которой предлагалось «приобрести все острова на Тихом океане, в том числе острова Тайвань и Рюкю» [80]. Адмирал Э. Кинг решительно настаивал на установлении контроля США над тихоокеанскими островами; они должны быть, подчеркивал он, превращены в американские военные базы [81].

Говоря об экспансионистских устремлениях США и создании системы базирования, американский военный специалист Дж. Веллер отмечал, что «каждая заморская база сама по себе включает элементы стратегии и политики, здесь трудно разграничить, где политика, а где стратегия» [82]. Сенатор А. Ванденберг также утверждал, что «в послевоенном мире

---

[75] *Louis W.* Imperialism at Bay. Oxford, 1977, p. 260—264.
[76] Building the Navy's Bases in World War II, vol. 2, p. 163.
[77] FRUS, Diplomatic Papers, 1944, vol. 1, p. 1204.
[78] Ibid., p. 699—700.
[79] *Kellad C.* The Zones of Safety Plan, American War and Peace Aims.— The Seventeeth Annual Debate Handbook 1943—1944, p. 201.
[80] New York Times, 1944, Aug. 15.
[81] *Pomeroy S.* Pacific Outpost. American Strategy in Guam and Micronesia. Stanford, 1951, p. 169.
[82] *Weller G.* Op. cit., p. 233.

Америка должна играть роль, полностью соответствующую ее весу»[83]. После смерти Нокса его преемник Форрестол в уже упоминавшемся письме, адресованном госдепартаменту, требовал, чтобы при заключении международных соглашений учитывались военно-стратегические планы США. «Военно-морской флот,— подчеркивал он,— будет всецело поддерживать эту политику госдепартамента всеми своими средствами, всей своей мощью»[84].

По мере приближения окончания войны в США усиливались призывы к миру на американских условиях. «Мы должны настаивать на американском мире. Мы не должны соглашаться на меньшее»,— заявил Макнейл, главный редактор газеты «Нью-Йорк таймс». Чаще стали появляться высказывания о наступлении «века Америки». В официальных кругах США вопросы послевоенного устройства мира довольно широко обсуждались. Разрабатывались экспансионистские планы. 13 октября 1944 г. Гопкинс заявил послу СССР А. А. Громыко: «Рузвельт считает, что Соединенные Штаты не должны оставаться в стороне от более или менее важных событий, в каком бы уголке земного шара эти события ни развивались»[85].

4. ПЛАНЫ ПОСЛЕВОЕННОГО УСТРОЙСТВА МИРА

21 августа 1944 г. в Думбартон-Оксе, пригороде Вашингтона, состоялось открытие конференции представителей США, СССР и Великобритании. Более месяца — до 28 сентября — на ней обсуждались вопросы создания Организации Объединенных Наций, будущей ее структуры, функций, целей, принципов деятельности, компетенции главных органов. Советскую делегацию возглавлял посол в США А. А. Громыко, американскую — заместитель государственного секретаря Э. Стеттиниус, английскую — заместитель министра иностранных дел А. Кадоган.

В официальных кругах США уже в течение ряда лет разрабатывались и обсуждались различные проекты структуры международной организации; главной их целью было обеспечение с ее помощью лидирующей роли Вашингтона в послевоенном мире. Беседуя в мае 1944 г. с группой сенаторов, государственный секретарь К. Хэлл откровенно признал, что, если США откажутся от участия в создании или работах будущей организации, они не смогут добиться руководящего положения[86].

Тогда же (в мае) США выразили готовность приступить совместно с СССР и Великобританией к переговорам в Вашингтоне по вопросам, связанным с созданием международной организации мира и безопасности.

В июле-августе правительства США, Великобритании и СССР выступили с предложениями о целях и задачах этой организации, ее составе и основных органах[87]. Эти документы обнаружили как совпадение точек зрения по ряду общих вопросов, так и наличие серьезных рас-

---

[83] The Private Papers of Senator A. Vandenberg / Ed. by A. H. Vandenberg. Boston, 1952, p. 92.
[84] FRUS, Diplomatic Papers, 1944, vol. 3, p. 755—756.
[85] Советско-американские отношения..., т. 2, с. 233.
[86] The Memoirs of Cordell Hull: Vol. 1, 2. N. Y., 1948, vol. 2, p. 1661.
[87] Конференция представителей СССР, США и Великобритании в Думбартон-Оксе, 21 августа — 28 сентября 1944 г.: Сб. документов. М., 1978, с. 51—68, 73—99, 102—106.

хождений. Главной целью международной организации безопасности, по общему признанию, должно было стать поддержание мира и безопасности, принятие коллективных мер для предотвращения и устранения угрозы миру, пресечение актов агрессии, урегулирование мирными средствами споров и конфликтов.

В решениях Думбартон-Окской конференции отмечалось, что создаваемая организация должна быть основана на принципе суверенного равенства всех государств. Были определены ее основные органы: Генеральная Ассамблея, Совет Безопасности, Международный Суд и Секретариат, очерчены сферы их компетенции. Значительное место занял вопрос о составе, процедуре и полномочиях Совета Безопасности, на который возлагалась главная ответственность за поддержание мира. Было решено создать Совет из представителей 11 государств, причем пяти из них — СССР, США, Великобритании, Китаю и Франции — предоставлялись постоянные места.

Острые споры развернулись вокруг вопроса о порядке голосования в Совете Безопасности. Хотя принцип единогласия постоянных членов Совета был подтвержден, английская делегация, поддержанная американскими представителями, выступила за такой порядок, чтобы в Совете в голосовании не участвовали страны, непосредственно затронутые в споре. Дискуссии по этому вопросу не привели к единому мнению, и вопрос остался открытым. Решение о процедуре голосования в Совете Безопасности было достигнуто позже — на Крымской конференции. В Думбартон-Оксе был согласован вопрос о составе и функциях Экономического и Социального Совета.

Конференция в Думбартон-Оксе и ее решения свидетельствовали о возможности сотрудничества и согласованности действий трех великих держав, об укреплении антигитлеровской коалиции. Переговоры явились важным этапом на пути создания ООН.

Американская дипломатия проявляла большую заинтересованность в проведении и других международных конференций. Еще в ноябре 1943 г. по инициативе США в Вашингтоне было подписано соглашение 14 государств об учреждении Администрации помощи и восстановления Объединенных Наций (ЮНРРА). США рассчитывали использовать это межгосударственное учреждение в интересах американского капитала, как дополнительный канал для экономической и политической экспансии. В том же году по инициативе министра финансов США Г. Моргентау был разработан проект создания специального фонда Объединенных Наций для обеспечения после войны (при самом активном участии США) стабилизации валют и предотвращения инфляции с ее социальными последствиями. Осуществление этого плана позволяло американским банкам, располагавшим в то время золотым запасом в 22,5 млрд. долл., добиться наиболее выгодного для себя курса доллара, упрочить свои позиции в финансовом мире.

В июне 1944 г. в г. Бреттон-Вудс (США) под председательством Г. Моргентау состоялась конференция с участием представителей 44 государств. Она приняла решение о создании Международного валютного фонда (МВФ). И здесь США стремились занять господствующие позиции, предложив свой проект устава этой организации. Пытаясь сохранить за Сити роль мирового финансового центра, Великобритания выступила против американского проекта. Однако после предоставления в 1944 г.

ей американским правительством займа в 3750 млн. долл. она вынуждена была уступить требованиям США и ратифицировала устав МВФ.

Создан был также Международный банк реконструкции и развития, в котором ведущее положение заняли США, стремившиеся использовать его для того, чтобы помочь американским компаниям увеличивать свои частные капиталовложения в другие страны. Эксперт госдепартамента Г. Фейс в этой связи писал: «Соединенные Штаты не могут позволить себе пассивно санкционировать применение американских капиталов для целей, противоречащих их коренным политическим интересам... Капитал есть форма власти» [88].

11—16 сентября 1944 г. в Квебеке проходили англо-американские переговоры на уровне глав правительств. Пристальное внимание союзников привлекло стремительное наступление Советской Армии и его влияние на внутреннюю обстановку в странах Восточной и Юго-Восточной Европы. Рузвельт и Черчилль обсуждали наступательные операции в Северо-Западной Европе, Италии, положение на Балканах. Было решено развивать наступление в целях нанесения удара по Руру и Саару и быстрейшего «проникновения в сердце Германии» [89]. Было высказано пожелание активизировать военные действия в Италии, имея в виду выход англо-американских войск на полуостров Истрия и последующее развертывание наступательных операций в направлении Балкан с тем, чтобы опередить советские войска. Участники конференции договорились высадить английские дивизии в Пирее и Афинах и предотвратить тем самым занятие их отрядами Народно-освободительной армии Греции (ЭЛАС).

На конференции были рассмотрены также проблемы ведения военных действий на Дальнем Востоке и Тихом океане. С захватом Маршалловых островов обстановка на Тихоокеанском театре военных действий серьезно изменилась. Оборонительная линия Японии была прорвана, притом в самом центре. США получили возможность обосновать аэродромы, якорные стоянки для флота на островах, расположенных в 2200 милях западнее Гавайев. Базы их подводных лодок продвинулись на 1300 миль ближе к японским торговым путям. Япония утратила стратегическую инициативу. Ее флот понес ощутимые потери. Японские войска оставляли оккупированные ими острова один за другим.

Для завершения войны против Японии, по мнению участников конференции, требовалось значительное время, решено было уделить больше внимания координации совместных военных операций на Тихом океане, предпринять наступление в Бирме, изгнать японцев с Филиппин и ряда тихоокеанских островов, в том числе Иводзимы и Окинавы. Обеспокоенный судьбой британских колониальных владений в Юго-Восточной Азии и стремясь к захвату новых территорий, Черчилль выразил готовность перебросить в этот район значительную часть английских военно-воздушных и военно-морских сил, однако американцы отнеслись к подобного рода планам с большой настороженностью.

Значительное внимание на конференции было уделено Германии и ее роли в будущей Европе. Выявились две тенденции: полное сокрушение

[88] *Feis H.* The Sinews of Power. N. Y., 1944, p. 137—138.

[89] Переписка Председателя Совета Министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны, т. 1, с. 304.

Германии и уничтожение ее промышленности; сохранение германского экономического потенциала как материальной силы для использования в антисоветских целях.

В военных, политических и деловых кругах США не было единства в вопросе о путях решения германской проблемы. Главнокомандующий экспедиционными силами союзников Эйзенхауэр и его штаб считали, что Германия должна быть оккупирована, видные нацисты вместе с военными промышленниками преданы суду и наказаны, генштаб распущен, его ответственные работники преданы суду. Военный потенциал Германии должен быть уничтожен. Германия обязана выплатить репарации [90].

Министр финансов Г. Моргентау со своими помощниками разработал план, предусматривавший прежде всего расчленение Германии. Рур и немецкую территорию на северо-западе намечалось превратить в «международную зону», Саар и территорию между Рейном и Мозелем передать Франции, а остальную территорию страны разделить на северогерманское и южногерманское государства. В плане Моргентау содержалась установка на деиндустриализацию Германии, на уничтожение важнейших отраслей промышленности: металлургической, химической, электроэнергетической и электромашиностроительной. «Путь Германии к будущему миру лежит через ферму, через обработку почвы»,— утверждал Моргентау [91].

Проект преследовал цель устранить Германию как опасного конкурента США на европейском и мировом рынках, поставить ее в экономическую и политическую зависимость от американского и частично английского капитала. Это привело бы к коренному изменению в расстановке и соотношении сил в Европе, уменьшению численности германского пролетариата. На заседании, состоявшемся 6 сентября 1944 г. в Белом доме, президент высказался «за превращение Германии в сельскохозяйственную страну» [92].

В Лондоне, напротив, ориентировались на сохранение экономического потенциала Германии. Черчилль, учитывая соотношение сил в послевоенной Европе, неоднократно спрашивал: «Разве мы не должны иметь какой-либо барьер между белыми снегами России и белыми скалами Дувра?» [93]. Такой барьер он видел в лице империалистической Германии. Тем не менее 15 сентября 1944 г. Черчилль совместно с Рузвельтом парафировал соглашение о будущем Германии, которое предусматривало отторжение от нее Рура и Саара, уничтожение ведущих отраслей индустрии и установление контроля над остальными отраслями. В документе говорилось, что англо-американская программа «преследует цель превратить Германию в страну прежде всего земледелия и скотоводства» [94]. Англии было обещано предоставить заем на сумму 6,5 млрд. долл. [95]

«План Моргентау» был одобрен без консультации с Советским Союзом. Государственный секретарь Хэлл заметил Моргентау 20 сентября, что

---

[90] *Эйзенхауэр Д.* Крестовый поход в Европу: Военные мемуары. М., 1980, с. 335—336.
[91] *Morgenthau H.* Germany is Our Problem. N. Y.; L., 1945, p. 48.
[92] *Яковлев Н. Н.* Франклин Рузвельт — человек и политик. М., 1969, с. 396.
[93] *Morgenthau H.* Our Policy towards Germany.— New York Post, 1947, Febr. 26.
[94] *Morgenthau H.* Postwar Treatment of Germany.— Annals of the American Academy of Political and Social Science, 1947, vol. 7, p. 126.
[95] Советско-американские отношения..., т. 2, с. 531; Советско-английские отношения..., т. 2, с. 451.

такие важные решения нельзя принимать за спиной СССР, ибо это «может привести к серьезным осложнениям» [96].

Вокруг «плана Моргентау» в Вашингтоне развернулась ожесточенная борьба. Против него решительно выступили государственный секретарь Хэлл и военный министр Стимсон, которые не были даже ознакомлены с проектом соглашения, подготовленным в министерстве финансов. Хэлла поддержали его заместитель Стеттиниус, помощник Н. Рокфеллер, ответственные сотрудники Данн, Пасвольский, Берл, а Стимсона — его заместитель Р. Ловетт и помощник военного министра банкир Макклой, тесно связанный с «Чейз нэшнл бэнк». Стимсон учитывал и мнение начальников штабов вооруженных сил США, изложенное в ряде документов. В марте 1944 г. Объединенный комитет начальников штабов США в меморандуме государственному секретарю отмечал, что феноменальное развитие «русской военной и экономической мощи» является исключительно важным фактором и оно будет «эпохальным в своем влиянии на будущее» [97]. Кроме того, 16 мая 1944 г. адмирал Леги от имени этого же комитета отправил письмо в госдепартамент, также обращая внимание на огромный и быстрый рост военной и экономической мощи Советского Союза [98].

Под впечатлением успешного наступления Советской Армии Объединенный комитет начальников штабов 3 августа 1944 г. направил еще один меморандум К. Хэллу. Последствием войны, говорилось в документе, явится устранение Германии и Японии как военных держав, изменение экономической мощи главных государств. Произойдет заметный сдвиг в соотношении сил на мировой арене: самыми крупными державами станут Соединенные Штаты и Советский Союз, громаден будет их военный потенциал. В случае столкновения с СССР США не смогут нанести ему поражения, даже если на их сторону встанет Британская империя [99].

Информируя Народный комиссариат иностранных дел СССР о «плане Моргентау», посол А. А. Громыко отмечал, что внутри правительства США выявились две точки зрения. Одни выступают за разоружение и лишение Германии военной промышленности, другие — за экономическое ослабление и ликвидацию важнейших отраслей промышленности, превращение ее в аграрную страну, расчленение крупных поместий на мелкие фермы, предоставление возможности 30—40 млн.[100] населения заняться сельским хозяйством. В беседе с послом Моргентау отметил, что многие крупные американские корпорации выступают против его плана, ибо это лишило бы их возможности вкладывать свои капиталы в германскую промышленность, «на что они возлагают большие надежды, так как это обещает им значительные прибыли в будущем» [101].

Учитывая все эти обстоятельства, госдепартамент и военное министерство США решительно выступили против уничтожения тяжелой ин-

---

[96] FRUS, Diplomatic Papers. The Conferences at Malta and Yalta, 1945. Wash., 1955, p. 137.

[97] FRUS, Diplomatic Papers. The Conference of Berlin (The Potsdam Conference). 1945: Vol. 1, 2. Wash., 1960, vol. 1, p. 464.

[98] FRUS, Diplomatic Papers. The Conferences at Malta and Yalta, 1945, p. 107—108.

[99] *Matloff M., Snell E.* Strategic Planning for Coalition Warfare: Vol. 1, 2. Wash., 1953, 1959, vol. 2, p. 523—524.

[100] Советско-американские отношения..., с. 2, с. 225—228.

[101] Там же, с. 260—261.

КРЫМСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ
(4—11 февраля 1945 г.)

дустрии Германии и за сохранение ее промышленного потенциала[102]. Получив меморандумы Хэлла и Стимсона, содержавшие требование отказаться от «плана Моргентау», президент Рузвельт счел их аргументы убедительными. Соглашение было дезавуировано.

Конференция показала разные позиции ее участников по послевоенному устройству Германии; выявила серьезные расхождения в подходе их к решению германской проблемы. В Вашингтоне и Лондоне и после Квебека продолжали интенсивно ее изучать. В октябре Черчилль посетил Москву, где у него состоялся обмен мнениями с советскими руководителями по многим вопросам мировой политики. Вскоре главы трех правительств — Сталин, Рузвельт и Черчилль — встретились в Ялте. Крымская конференция продолжалась с 4 по 11 февраля 1945 г.

К этому времени советские войска продвинулись на берлинском направлении до 500 км, вышли к р. Одер, заняли Силезию и готовились нанести сокрушительный удар — приступить к штурму Берлина. Англо-американское командование, оправившись от контрудара германских дивизий в Арденнах, готовилось к наступлению на Рур, а на итальянском участке фронта — на север — в направлении Рима.

На Тихоокеанском театре военных действий боевые операции пере-

[102] Подробнее см.: *Коновалов А. И.* Квебекская конференция.— США — экономика, политика, идеология, 1981, № 11; *Он же.* Позиция США по германскому вопросу на Квебекской конференции в сентябре 1944 г.— В кн.: Американский ежегодник, 1981. М., 1981, с. 187—208.

местились из центральной и юго-западной части Тихого океана в Южно-Китайское море, непосредственно к берегам Японии. Японские войска вынуждены были отступать и в Бирме. Необходимо, однако, заметить, что японское командование располагало более чем 5 млн. солдат и планировало оказывать упорное и длительное сопротивление союзникам как на территории собственно Японии, так и на Азиатском материке. Поэтому в «Памятке», составленной правительственными ведомствами США для Рузвельта накануне конференции в Ялте, говорилось: «Мы отчаянно нуждаемся в Советском Союзе для войны с Японией по завершении войны в Европе»[103]. И президент США имел твердое намерение добиться в Ялте письменного обязательства Советского Союза о вступлении его в войну на Дальнем Востоке[104].

По пути в Крым руководители США и Англии 2 февраля встретились на о-ве Мальта. Они обсудили план дальнейших операций англо-американских войск в Западной Европе. Черчилль настаивал на развертывании широкого наступления на северном участке Западного фронта и быстрейшем занятии Берлина. Он придавал исключительно большое значение тому, чтобы именно английские войска первыми захватили германскую столицу. Американские военные придерживались иной точки зрения. В результате был одобрен компромиссный план. Основной удар предусматривалось нанести на северном участке Западного фронта, а проведение остальных операций — по усмотрению Эйзенхауэра.

Крымская (Ялтинская) конференция началась с рассмотрения положения на фронтах. Накануне ее открытия Советская Армия находилась в 60 км от Берлина, захватила ряд плацдармов на р. Одер. Войска западных союзников были в 500 км от столицы рейха. Представители военных штабов СССР, США и Англии обсудили вопросы, касающиеся координации ударов по врагу с востока и запада. Были согласованы военные планы, достигнута договоренность о взаимодействии авиации. Все это способствовало быстрейшему окончанию войны. Затем главы трех правительств большое внимание уделили проблемам послевоенного устройства Германии, которые до этого являлись предметом длительного обсуждения в Европейской консультативной комиссии (ЕКК).

Еще 25 января 1944 г. представитель США Д. Вайнант предложил не ограничивать срок оккупации Германии. Английский представитель У. Стрэнг, поддержанный Вайнантом, предложил создать комиссию для изучения вопроса расчленении Германии. Представитель СССР в ЕКК Ф. Т. Гусев говорил о необходимости быстрее разгромить фашистскую Германию, освободить народы Европы от гитлеровской тирании и подготовить условия для превращения Германии в миролюбивое и демократическое государство и подчеркивал в связи с этим важность уничтожения фашистской армии, авиации, флота, соединений и частей СС, СА, гестапо. Задача состоит в том, подчеркивал советский представитель, чтобы «сломить и разбить всю военную машину германского государства»[105]. ЕКК разработала документы о безоговорочной капитуляции Германии, об управлении «Большим Берлином», положения о Контрольном Совете в Германии. Все они были представлены на рассмотрение глав трех правительств в Ялте.

---

[103] *Яковлев Н. Н.* Франклин Рузвельт..., с. 487.
[104] История дипломатии: Т. 1—5. М., 1959—1979, т. 4, с. 552.
[105] Там же, с. 557.

На конференции были согласованы и одобрены основные принципы политики в отношении Германии, предусматривалось «уничтожение германского милитаризма и нацизма и создание гарантии в том, что Германия никогда больше не будет в состоянии нарушать мир всего мира»[106]. Было решено разоружить и распустить все германские вооруженные силы, уничтожить генеральный штаб, ликвидировать военную промышленность, придерживаться принципов демилитаризации, денацификации и демократизации Германии.

Американская и английская делегации предложили включить в повестку дня конференции вопрос о будущем устройстве Германии. 5 февраля на заседании глав правительств И. В. Сталин поинтересовался, как обстоит дело с предложениями о расчленении Германии. Рузвельт и Черчилль высказались за раздробление Германии. При этом британский премьер внес существенные изменения в свои планы. Он предложил создать «большое германское государство на юге, столица которого могла бы находиться в Вене». Он много говорил о Руре и Сааре, об отделении Пруссии от Германии и ее раздроблении[107].

Президент США заметил, что намечаемые зоны оккупации, возможно, станут «первым шагом к расчленению Германии», и он предложил включить в условия капитуляции ее расчленение. Черчилль высказал пожелание попытаться внести слова «расчленение Германии» в статью 12 условий безоговорочной ее капитуляции. В результате дальнейшего обсуждения было принято решение сделать это и создать комиссию в составе представителей трех держав для продолжения изучения проблем Германии[108]. 26 марта советский представитель в этой комиссии Ф. Т. Гусев направил А. Идену письмо, в котором отмечалось, что Советское правительство понимает решение Крымской конференции о расчленении Германии не как обязательный план ее раздела, а как возможную перспективу для нажима на нее, если другие средства окажутся недостаточными[109].

На конференции был положительно решен вопрос о предоставлении Франции зоны оккупации в Германии, об участии ее представителя в Контрольном Совете. С ноября 1944 г. Франция принимала участие в работе ЕКК.

Была установлена общая сумма репараций с Германии — 20 млрд. долл., из них для Советского Союза — 10 млрд. Взимание репараций предлагалось преимущественно в натуре.

Участники конференции продолжили рассмотрение вопросов, связанных с созданием Организации Объединенных Наций. Была достигнута договоренность о месте и сроке созыва учредительной конференции ООН. Главы правительств согласовали также порядок голосования в Совете Безопасности — был утвержден принцип единогласия постоянных членов Совета при принятии важнейших решений.

Одобрена была «Декларация об освобожденной Европе», подтверждав-

---

[106] Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. Документы и материалы: Т. 1—3. М., 1946—1947, т. 3, с. 102—103.

[107] Крымская конференция руководителей трех союзных держав — СССР, США и Великобритании, 4—11 февраля 1945 г.: Сб. документов. М., 1979, с. 66.

[108] Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами: Вып. 1—37. М., 1922—1982, вып. 11, с. 76—77.

[109] История дипломатии, т. 4, с. 563.

шая необходимость сохранить единство трех великих держав в решении важнейших проблем, связанных с освобождением народов от гитлеровской оккупации и установлением в них демократических порядков по собственному выбору народов [110].

«Декларация об освобожденной Европе» явилась выдающимся документом конференции. Она отвечала антифашистским, освободительным целям войны. В ней получили подтверждение приверженность трех держав демократическим принципам, их намерение согласовывать политику в деле помощи народам, освобожденным от фашистской Германии. В декларации подчеркивалась необходимость предоставить народам право «создать демократические учреждения по их собственному выбору» в сотрудничестве с другими миролюбивыми нациями, избирать собственный путь экономического и социального развития, строить свои добрососедские отношения на основе взаимного уважения, невмешательства, взаимопонимания, т. е. принципов мирного сосуществования.

Рузвельт и Черчилль, как опытные государственные и политические деятели, вынуждены были поставить свои подписи под этим историческим документом, учитывая реальность международной обстановки и настроение народов Европы и мировой общественности. Не считая целесообразным до конца раскрывать свои карты, они не решились настаивать на создании некоего союзнического совета безопасности для Европы или верховной комиссии, которая, по их замыслу, должна была содействовать восстановлению в освобождаемых странах порядков, существовавших там до второй мировой войны. Советской дипломатии удалось отклонить эти планы союзников и оградить тем самым освобожденные страны от непосредственного вмешательства в их внутренние дела.

Как и на Тегеранской конференции, большое внимание было уделено польскому вопросу. Предметом острых дискуссий в Ялте явились границы польского государства и состав правительства возрожденной Польши. Черчилль высказался за то, чтобы польское государство было расположено на территории между «линией Керзона» и линией р. Одер [111]. Рузвельт не высказывал принципиальных возражений. Идея британского премьера активно обсуждалась. Было выдвинуто много вариантов. В частности, представлено и обсуждено 10 различных проектов по польскому вопросу.

Советский Союз неизменно выступал за воссоздание Польши как сильного, независимого, демократического государства, установление границы по «линии Керзона» и сформирование дружественного в отношении СССР правительства. Однако лондонское эмигрантское правительство, состоявшее из реакционных деятелей, настроенных крайне антисоветски, выступало против предложений СССР. Оно встало на путь предательства интересов польской нации, проведения политических диверсий, антисоветских интриг и провокаций против Союза ССР. В результате в 1943 г. между СССР и эмигрантским правительством были прерваны дипломатические отношения. С другой стороны, польский народ активно вел национально-освободительную борьбу за возрождение независимого госу-

---

[110] Крымская конференция..., с. 186—187.

[111] Тегеранская конференция руководителей трех союзных держав — СССР, США и Великобритании, 28 ноября — 1 декабря 1943 г. М., 1978, с. 167—168; *Бережков В. М.* Ялтинские решения и их противники.— США — экономика, политика, идеология. 1985, № 2, с. 54—60.

дарства. Польский комитет национального освобождения выступал за демократическое переустройство общества, призвал к ликвидации помещичьего землевладения, проведению аграрной реформы, провозгласил основой внешней политики союз и дружбу с Советским Союзом. Расчеты эмигрантского правительства в Лондоне на восстановление буржуазного строя в Польше терпели провал. Их народ отверг.

Но правительства США и Великобритании оказывали сильный нажим на Советский Союз, добиваясь согласия на возвращение эмигрантского правительства в Польшу, признания его власти в освобожденных Советской Армией районах Польши. Американская дипломатия, так же как и британская, проявляла в этом вопросе большую активность. Действуя по инструкциям Вашингтона, посол А. Гарриман при каждом визите в Кремль постоянно возвращался к польской проблеме. В беседе с корреспондентом газеты «Нью-Йорк таймс» У. Лоуренсом, касаясь восточных границ польского государства, он сказал, что «линия Керзона» больше всего соответствует этнографическому разделу. Затем заметил, что эмигрантские деятели в Лондоне возлагают большие надежды на американцев и англичан, от них польские аристократы ожидают восстановления прежних, довоенных порядков в Польше. «Они органически подозрительны к Советскому Союзу и ненавидят коммунизм... Они думают, что единственное будущее для Польши состоит в том, чтобы Великобритания и Соединенные Штаты вступили в войну против России, в защиту Польши» [112]. Когда на Крымской конференции стали обсуждать польскую проблему, Рузвельт высказался за «линию Керзона» и выразил надежду, что «Польша будет в самых дружественных отношениях с Советским Союзом» [113]. Его поддержал У. Черчилль [114].

Но это вовсе не означало отсутствия разногласий между участниками по вопросу о составе польского правительства. Главы американской и английской делегаций отрицательно относились к Временному польскому правительству, которое они отказывались признать, и пытались навязать полякам угодное западным державам правительство путем включения в него скомпрометировавших себя польских политических деятелей из-за границы.

В ходе дискуссии было достигнуто соглашение. В итоговом документе говорилось: восточная граница Польши будет проходить вдоль «линии Керзона», польское государство получит приращения территории на севере и на западе; временное правительство должно быть реорганизовано на более широкой демократической основе [115].

По предложению СССР участники конференции договорились об ускорении образования единого югославского правительства. Было рекомендовано маршалу Тито и доктору Шубашичу немедленно образовать Временное объединенное правительство.

Конференция приняла важные решения по дальневосточным вопросам. Было подписано соглашение о вступлении СССР в войну против Японии не позднее трех месяцев после поражения Германии; в нем предусматривались сохранение существующего статуса Монгольской Народ-

---

[112] *Harriman A., Abel E.* Special Envoy to Churchill and Stalin, 1941—1945. N. Y., 1975, p. 290—291.

[113] Крымская конференция..., с. 97—98.

[114] Там же, с. 98—99.

[115] Там же, с. 218, 220.

ной Республики, восстановление принадлежавших России прав, нарушенных вероломным нападением Японии в 1904 г., и передача Советскому Союзу Курильских островов. В объявлении СССР войны Японии были особенно заинтересованы США и Англия. По мнению ряда экспертов, планируемое вторжение американско-английских войск на территорию Японии могло потребовать около 1 млн. человеческих жизней [116]. Американские генералы опасались, что в критический момент основные силы Квантунской армии могли быть возвращены из Маньчжурии в Японию [117].

Подписание соглашения о вступлении СССР в войну на Дальнем Востоке после завершения разгрома Германии означало ускорение разгрома японского милитаризма, ликвидацию очага войны, помощь народам Азии в их освободительной борьбе против японских оккупантов, за национальную независимость и суверенитет.

Крымская конференция заняла важное место в истории международных отношений в годы второй мировой войны. В принятых ею решениях содержалась программа демократического послевоенного устройства мира. При обсуждении ряда вопросов между участниками выявлялись расхождения и вспыхивали острые споры. Тем не менее в целом конференции был присущ реальный и разумный подход к решению важнейших вопросов мировой политики. Работа конференции была проникнута духом сотрудничества, стремлением ее участников к принятию взаимоприемлемых решений.

Выступая 1 марта 1945 г., президент Рузвельт, оценивая ход переговоров и их результаты, заявил: «Никогда в истории не было еще случая, чтобы главные союзники проявили такое единство не только в целях войны, но и во взглядах на мир» [118]. В той же речи президент назвал принятое участниками конференции решение по польскому вопросу «выдающимся примером совместной акции трех главных союзных держав в освобожденных районах», а говоря о будущей международной организации, отметил, что ее создание «должно положить конец системе односторонних действий, замкнутых союзов, сфер влияния, политике равновесия сил, всем другим средствам, которые... всегда терпели неудачу» [119].

С большим вниманием в конгрессе было выслушано выступление президента о результатах работы и решениях Ялтинской конференции. Конгресс единодушно их одобрил. Пресса опубликовала восторженные отклики о конференции.

Государственный секретарь Э. Стеттиниус, говоря о работе конференции, констатировал, что в ходе переговоров «Советский Союз ... пошел на большее число уступок, нежели Соединенные Штаты и Великобритания». Главными результатами конференции в Ялте были соглашения, «ускорившие конец войны и в огромной степени уменьшившие американские потери», а также то, что эта конференция «сделала возможным создание Организации Объединенных Наций» [120]. Ближайший советник

---

[116] *Churchill W.* The Second World War: Vol. 1—6. L., 1949—1954, vol. 6, p. 552; United States Relations with China. Wash., 1949, p. VIII.
[117] United States Relations with China, p. 115.
[118] Foreign Affairs, 1955, July, p. 617.
[119] *Harriman V. A.* America and Russia in a Changing World. A Half Century of Personal Observation. Garden City (N. Y.), 1971, p. 35.
[120] *Stettinius E. R.* Roosevelt and Russia. The Yalta Conference. N. Y., 1949, p. 295, 306.

и личный друг президента США Гарри Гопкинс говорил: «Русские доказали, что могут быть мудрыми и дальновидными, и у президента, как и у всех нас, не было никакого сомнения, что мы можем жить с ними, сотрудничать...» [121].

Ялтинские соглашения не раз подвергались нападкам со стороны западной историографии. Некоторые пытаются утверждать, что на конференции Советскому Союзу удалось навязать Соединенным Штатам и Англии свои условия вследствие болезни Рузвельта и ослабления британских позиций. Другие распространяют версию, что ялтинские решения были приемлемы, но их в послевоенные годы нарушил Советский Союз. Подобные утверждения можно услышать и от официальных лиц — президента США Р. Рейгана, вице-президента Дж. Буша. В Бонне, Париже, других западноевропейских столицах делаются заявления, что ялтинские решения якобы означают «раскол» Европы и от них надо отказаться. За всеми этими рассуждениями скрываются намерения и замыслы западных политиков и идеологов ликвидировать социалистический строй в восточноевропейских государствах. В действительности никакой проблемы раскола Европы не существует, а речь идет о возможности или невозможности мирного сосуществования и взаимовыгодного сотрудничества государств двух различных социально-экономических систем.

Жизненность решений Ялтинской конференции подтверждена всем ходом событий в послевоенные годы. Они и ныне выполняют свое предназначение, служат источником современного международного права, надежной основой отношений между государствами не только в Европе, но и на Дальнем Востоке.

---

121 *Adams H.* Harry Hopkins. A Biography. N. Y., 1977, p. 380.

Глава шестнадцатая

ЗАВЕРШАЮЩИЙ ЭТАП ВОЙНЫ

1. ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ

В первом полугодии 1945 г. общий уровень американской экономики продолжал оставаться высоким. Было выработано электроэнергии 139,9 млрд. кВт·ч, добыто каменного угля 293,3 млн. т, нефти — 117,5 млн. т, железной руды — 44,9 млн. т, выплавлено стали — 39,1 млн. т, чугуна — 26,9 млн. т, алюминия — 270,8 тыс. т. Значителен был удельный вес производства вооружения и военной техники, хотя уже наметилась тенденция к сокращению его общего объема. В первой половине 1945 г. было произведено 30,2 тыс. орудий, 11,3 тыс. танков и САУ, 38,4 тыс. самолетов, 92 военных корабля [1]. 80 компаний были заняты строительством торгового флота. К концу 1944 г. американский торговый флот превысил британский в 2,5 раза [2].

Хотя в условиях военной конъюнктуры номинальные заработки рабочих повышались, реальная заработная плата существенно отставала от роста цен. Поэтому рабочие продолжали борьбу против наступления монополий. В первом полугодии 1945 г. произошло 2310 стачек с числом участников 1250 тыс. рабочих и служащих. Весной бастовали горняки на шахтах в Пенсильвании, Алабаме, Западной Виргинии, требуя повышения заработной платы [3]. Стачками был охвачен Детройт. В мае в борьбу включились более 200 тыс. моряков торгового флота, которые потребовали сохранения заработной платы военных лет, выплаты премиальных пособий при увольнении. Профсоюзы чаще стали выдвигать лозунг «Нет договора — нет работы».

Рабочее движение могло бы принять более широкий размах, если бы не кампания за «классовый мир» в промышленности. Были созданы так называемые советы рабочих и предпринимателей во главе с представителем монополий Т. Квином. К концу 1944 г. их число достигло 4881. Способствуя определенному росту военного производства и урегулированию трудовых конфликтов, эти советы усиливали реформистские иллюзии в рабочем классе. 28 марта 1945 г. представители АФТ и КПП подписали с представителями промышленников соглашение об отказе от забастовок и на послевоенное время.

Реформистские настроения, вообще сильные в американском рабочем движении, получили к концу войны еще большее распространение, что отразилось на деятельности Компартии США, которой пришлось выдер-

---

[1] История второй мировой войны, 1939—1945: В 12-ти т. М., 1973—1982, т. 10, с. 421, 424.

[2] *Розенфельд Я. С.* Промышленность Соединенных Штатов Америки и война. М., 1946, с. 223—226.

[3] История рабочего движения в США в новейшое время: В 2-х т. М., 1970—1971, т. 2, с. 106.

жать тяжелые испытания по вине правооппортунистической группы Э. Браудера. Кризис в партии не был случайным явлением. Он был связан с усилением влияния буржуазной идеологии в рабочем движении. Лозунг «национального единства», отказ профсоюзов от стачек создали благоприятные условия для пропаганды идеологами буржуазии «мира» и «сотрудничества».

Немалую роль сыграл и субъективный фактор. На протяжении многих лет коммунисты подвергались преследованиям и репрессиям. 27 марта 1941 г. Э. Браудер был арестован и приговорен к 4 годам тюремного заключения как руководитель Компартии. В мае 1942 г. по указанию Рузвельта он был освобожден. В сентябре 1942 г. Браудер опубликовал брошюру, в которой изложил свои оппортунистические взгляды, призвав к сотрудничеству классов не только в годы войны, но и после ее окончания. В октябре 1943 г. при активном участии Браудера и под его давлением Лига коммунистической молодежи приняла решение самораспуститься и создать новую организацию — «Американская молодежь за демократию».

12 декабря 1943 г. Браудер, выступая в г. Бриджпорт (штат Коннектикут) с речью о решениях Тегеранской конференции трех держав, призывал к проведению политики «классового сотрудничества», а в январе 1944 г. на пленуме Национального комитета Компартии отстаивал лозунг «национального единства», уверяя, будто классовые и партийно-политические различия не имеют значения[4]. В речи на митинге в Мэдисонсквер гарден 10 января Браудер высказался за реорганизацию Компартии. У. Фостер выступил 20 января в Национальном комитете партии и решительно осудил вредные, опасные действия Браудера. На пленуме Национального комитета 8 февраля Фостер вновь подверг резкой критике его взгляды, указав на неправильное понимание им лозунга «национальное единство». Фостер охарактеризовал линию Браудера как оппортунистическую и капитулянтскую. Однако многие члены Национального комитета не поддержали Фостера. Гэс Холл, Генри Уинстон и другие находились в армии. Создалось тяжелое положение. 20 мая 1944 г. на XII съезде Компартии, в котором приняли участие 400 делегатов, Браудер, поддержанный большинством, предложил распустить партию и создать вместо нее Коммунистическую политическую ассоциацию. В результате Компартия была ликвидирована. Созданная ассоциация приняла декларацию и устав в духе буржуазного демократизма.

Некоторые ветераны Компартии, осознав пагубность принятого на XII съезде решения, развернули борьбу против оппортунизма Браудера и его сторонников, за восстановление Компартии. Большую роль в этой связи сыграло письмо Жака Дюкло, одного из видных руководителей Французской компартии, опубликованное в апрельском номере теоретического органа ФКП журнала «Кайе де коммюнизм» за 1945 г. В письме были подвергнуты резкой критике взгляды и действия Браудера, показано неправильное понимание и толкование им лозунга «национальное единство», полное забвение теории классовой борьбы. Выступая за длительный «классовый мир» в США, за установление гармонии между тру-

[4] Communist, 1944, Jan., p. 8; Вехи боевой истории: 60 лет Коммунистической партии США. М., 1983, с. 164—169.

дом и капиталом, Браудер и его сторонники, отмечалось в письме, встали на путь ревизии основных положений марксизма [5].

20 мая 1945 г. статья Жака Дюкло обсуждалась на заседании политического комитета ассоциации. Ревизионистская линия Браудера и его сторонников получила осуждение, было принято решение о восстановлении Компартии. 24 мая 1945 г. «Дейли уоркер» перепечатала письмо Ж. Дюкло. 26 июля в Нью-Йорке состоялся XIII съезд Компартии. В докладе У. Фостер проанализировал создавшееся в партии положение, вскрыл причины, приведшие к роспуску партии, подверг критике антимарксистские взгляды Браудера. Его поддержали Ю. Деннис, Б. Дэвис, Э. Флинн, Дж. Форд, Дж. Грин, Р. Томсон, Дж. Вильямсон и др. Съезд осудил браудеризм как оппортунистическое и ревизионистское течение и единодушно принял решение о восстановлении Компартии США. Председателем был избран У. Фостер, Генеральным секретарем — Ю. Деннис. Политический кризис Компартии ослабил ее влияние в рабочем и профсоюзном движении, в частности в профсоюзах КПП, которые были идейно дезорганизованы.

Положение осложнялось и тем, что эти события происходили в период активизации консервативных сил, развернувших наступление против рабочего класса и его требований. В первые месяцы 1945 г. антипрофсоюзные билли обсуждались в 17 легислатурах штатов, затем еще в 21 [6]. 1 июля 1945 г. министерство труда возглавил бывший сенатор Л. Швеленбах, известный своими консервативными взглядами. Считая трудовые конфликты «отвратительным» явлением, он потребовал от профсоюзов и рабочих не бастовать и придерживаться в период реконверсии «национального единства» [7]. Сенатор А. Ванденберг в письме министру труда 30 июля 1945 г. предлагал провести конференции представителей профсоюзов и предпринимателей и договориться об установлении «классового мира» в промышленности и запрещении стачек. «Профсоюзное руководство знает,— писал Ванденберг,— что безответственные стачки и подрывные акции в важных отраслях производства представляют собой смертельную угрозу...» [8]

На завершающем этапе войны, в период подготовки реконверсии «мир» в промышленности, отказ рабочих от забастовок для правящего класса были особенно необходимы. Острую актуальность приобретала проблема обеспечения работой демобилизованных солдат, а также рабочих, занятых в военной промышленности. В памяти многих американцев еще были живы социальные волнения, вспыхнувшие после первой мировой войны.

Разработкой многочисленных программ послевоенного развития занимались государственные, общественные и частные организации, профсоюзы, предпринимательские ассоциации, комитеты обеих палат конгресса, различные управления и ведомства федеральной администрации. Кампания велась и в федеральном масштабе, и на уровне штатов, в ней активно использовались средства массовой информации, которые рисовали

---

[5] Вехи боевой истории, с. 164—173.
[6] *Сивачев Н. В.* Рабочая политика правительства США в годы второй мировой войны. М., 1974, с. 277.
[7] Там же, с. 329.
[8] Цит. по: История рабочего движения в США в новейшее время, т. 2, с. 172.

мрачные картины нового экономического кризиса и его непременного спутника — безработицы.

Журнал «Форчун» в октябре 1943 г. отмечал: «Период массовой демобилизации неизбежно совпадает с опасностью серьезнейшей массовой безработицы». У ветеранов развито чувство солидарности, готовность к решительным действиям, и если им не предоставить нормальные условия жизни, предостерегал конгрессмен Г. Фиш, США могут столкнуться с «хаосом и революционной ситуацией» [9]. На съезде Национальной ассоциации промышленников (НАП), происходившем в Нью-Йорке еще в декабре 1943 г., президент «Дженерал моторз» предупреждал, что после войны необходимо всех обеспечить работой, не допустить массовой безработицы, в противном случае «частнокапиталистическая система будет заменена той или иной формой социализма» [10].

Администрация демократов стала уделять внимание вопросу о реконверсии промышленности с момента коренного перелома в войне. Уже в апреле 1943 г. Управление военного производства начало изучать этот вопрос. В конце 1943 г. сенаторы Б. Барух и Дж. Хэнкок также занялись этим делом, и к середине февраля 1944 г. составление доклада было закончено. В нем отмечалось, что перевод военной промышленности на мирные рельсы связан с большими трудностями и к нему следует готовиться заранее [11]. 13 июня проблемы реконверсии обсуждались на заседании Управления военного производства.

7 сентября 1944 г. глава Управления военной мобилизации Дж. Бирнс представил президенту США доклад о переводе военной экономики на мирные рельсы. В докладе учитывались предложения и рекомендации ряда комиссий военного и морского министерств. В документе говорилось о необходимости перевести военные предприятия на гражданское производство, сократить продолжительность рабочей недели, ликвидировать налог на крупные доходы.

Готовясь к реконверсии, промышленники и члены конгресса постарались выяснить позицию и требования профсоюзов. Президент НАП Ф. Кроуфорд обратился 23 декабря 1943 г. к руководителям АФТ и КПП У. Грину и Ф. Мэррею с письмами, в которых рекомендовал созвать в феврале 1944 г. конференцию представителей организаций, заинтересованных в послевоенных проблемах. 13 октября 1943 г. сенатор-республиканец Х. Фергюсон (штат Мичиган) предложил Ф. Мэррею встретиться в Питтсбурге для обсуждения вопросов, связанных с сотрудничеством между предпринимателями и профсоюзами в послевоенное время.

Исполком КПП создал специальный комитет во главе с Р. Уолшем, которому было поручено разработать мероприятия по подготовке реконверсии. В январе 1944 г. Комитет политических действий провел двухнедельную конференцию по проблемам занятости. Была выдвинута широкая программа строительства жилищ, дорог, аэродромов и т. д. Комиссия АФТ по вопросам занятости и предотвращения безработицы предлагала после окончания войны сократить рабочую неделю до 30 часов; отдел

---

[9] Congressional Record, vol. 90, pt 3, p. 4327.
[10] Harper's Magazine, 1944, Febr., p. 200.
[11] *Nelson D.* Arsenal of Democracy. The Story of American War Production. N. Y., 1946, p. 393.

строительных рабочих федерации выступил с планом возведения новых жилых домов.

29 марта 1944 г. сенатор-демократ X. Килгор (штат Виргиния) внес в сенат билль об устройстве на работу демобилизованных солдат и обучении их новым профессиям. АФТ, КПП и железнодорожные братства поддержали Килгора. Однако представители крупных корпораций выступили против его предложений. В октябре 1944 г. законопроект Килгора был одобрен конгрессом, хотя и в сильно урезанном виде [12].

В декабре сенатор Мэррей совместно с Трумэном направили в сенатский комитет по военным делам доклад по вопросам реконверсии и обеспечению полной занятости. В нем предлагалось принять закон об обеспечении населения работой, причем эта обязанность возлагалась на государство. Рабочие поддержали законопроект, но НАП, Торговая палата и представители крупного капитала выступили против билля, настаивая на ограничении прав рабочих на забастовки, отказе от установления минимума заработной платы и принципа полной занятости, как подрывающих принципы свободного предпринимательства. Вокруг билля в конгрессе развернулись длительные дискуссии, продолжавшиеся, по существу, до принятия в 1946 г. акта о занятости.

Одновременно проблемы реконверсии изучали комитеты сената и палаты представителей, но их предложения не привлекли внимания членов конгресса. Поскольку еще шла война, представителей корпораций больше интересовали военные контракты и заказы, число которых на 31 марта 1944 г. достигло 21 тыс. для армии и 4 тыс. для флота [13]. Встал вопрос, как поступить с этими контрактами. Президент «Дженерал моторз» Ч. Вильсон, выступая в январе 1944 г. на заседании Ассоциации по связи между армией и промышленностью, призывал развивать военную экономику [14]. Представители военных ведомств также выступали против сокращения военной промышленности, добиваясь принятия закона о всеобщей трудовой повинности.

6 января 1945 г. в послании конгрессу Рузвельт просил одобрить законопроект о всеобщей трудовой повинности, предусматривавший закрепление рабочих на предприятиях военной промышленности. 1 февраля палата представителей приняла этот законопроект, но в сенате рассмотрение его несколько затянулось. Приближался конец войны, а билль так и не был принят.

Значительное место в дебатах о реконверсии занял вопрос, как поступить с предприятиями, построенными государством во время войны, на которые было затрачено более 17 млрд. долл. Сенаторы Барух и Хэнкок предложили продать их по дешевой цене корпорациям, что было одобрено конгрессом. Государство продало эти предприятия 250 крупным монополиям в среднем за 60% их номинальной стоимости.

Тем временем войска антигитлеровской коалиции вели наступательные бои в Германии, нанося последние удары ее вооруженным силам. С 8 февраля по 22 марта американо-английские армии очистили район между Рейном и Маасом и вышли на левый берег Рейна. К форсированию Рейна союзники готовились основательно. Их авиация бомбила вос-

[12] Подробнее см.: *Лихачева И. В.* У истоков послевоенной экономической политики США.— Новая и новейшая история, 1971, № 4, с. 110.
[13] *Young R.* Congressional Politics in the Second World War. N. Y., 1956, p. 200.
[14] New York Herald Tribune, 1944, Jan. 20.

точный берег. За неделю было совершено почти 15 тыс. самолето-вылетов тяжелых бомбардировщиков, более 7 тыс.— средних бомбардировщиков и свыше 30 тыс. боевых вылетов истребителей. В ночь на 23 марта началось форсирование этой водной преграды. В течение всей ночи артиллерия вела ураганный огонь. Но каково было удивление союзников, когда при форсировании Рейна американские дивизии не встретили сколько-нибудь серьезного сопротивления. Потери наступавших составили 31 человек [15]. Утром 24 марта воздушная армада, состоявшая из 889 истребителей, 1696 транспортных самолетов, 1348 транспортных планеров, появилась восточнее Рейна и сбросила 21 680 десантников. В это же время 3417 бомбардировщиков штурмовали аэродромы, мосты и железнодорожные станции Германии. Не оказывая серьезного сопротивления, гитлеровская армия поспешно отходила. Союзные войска продвигались по 40 км в день. За март они взяли в плен 350 тыс. человек. «За Рейном вплоть до Эльбы,— вспоминал генерал О. Бредли,— наши войска продвигались, встречая на своем пути лишь белые флаги капитуляции» [16].

Одновременно фашистское руководство искало возможности подписать сепаратный мир с США и Великобританией и сосредоточить все силы против наступавшей Советской Армии. В начале марта уполномоченный СС при группе армий «Ц» генерал К. Вольф встретился в Цюрихе с представителем американской разведывательной службы в Европе А. Даллесом и изъявил готовность Германии прекратить военные действия в Северной Италии. Союзники рассчитывали после этого выйти в Центральную Европу, овладеть значительной частью Германии и Австрии. Это привело бы, по замыслу западных союзников, к ослаблению международного авторитета СССР на завершающем этапе войны. Узнав об этих переговорах, 22 марта Советское правительство потребовало прекратить сепаратные переговоры, продолжавшиеся в течение двух недель. Союзники вынуждены были согласиться с этим требованием [17].

К 1 апреля соединения 1-й и 9-й американских армий завершили окружение рурской группировки противника (18 дивизий). Окруженные немецко-фашистские войска были полностью деморализованы. 17 апреля командующий, фельдмаршал В. Модель, отдал приказ прекратить сопротивление, капитулировать и покончил жизнь самоубийством. С 1 по 18 апреля союзники взяли в плен 317 тыс. солдат и офицеров, среди них были 24 генерала [18].

После разгрома этой крупной нацистской группировки оборона войск вермахта на центральном участке Западного фронта фактически распалась. Попытка гитлеровского командования спасти положение путем создания 12-й армии под командованием генерала В. Венка потерпела неудачу. Союзные войска продолжали быстро продвигаться в восточном направлении. 12 апреля они заняли Эрфурт, через неделю — Лейпциг, отдельные соединения вступили на территорию Чехословакии. 25 апреля советские и американские солдаты встретились на Эльбе.

---

[15] *Макдональд Ч.* Тяжелое испытание. М., 1979, с. 373—374.
[16] *Bradley O.* Soldier's Story. N. Y., 1951, p. 494; Правда, 1984, 4 июня.
[17] Переписка Председателя Совета Министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941—1945 гг.: В 2-х т. М., 1976, т. 2, с. 211—215, 218—224, 320, 321.
[18] История второй мировой войны, 1939—1945, т. 10. с. 256.

Президенту Рузвельту не суждено было дожить до этой знаменательной даты. 12 апреля он внезапно скончался. В его лице мир потерял крупного государственного деятеля и политика, одного из создателей антигитлеровской коалиции.

В эти дни развернулось крупнейшее сражение советских войск за Берлин. Задача сокрушения обороны и овладения Берлином была возложена на 1-й и 2-й Белорусские и 1-й Украинский фронты. В их составе были 21 общевойсковая, 4 танковые, 3 воздушные армии, 14 отдельных танковых, механизированных и кавалерийских корпусов. В Берлинской операции участвовали две полевые армии Войска Польского, польские танковый и авиационный корпуса, две артиллерийские и минометная бригады. В общей сложности группировка советских и польских войск на берлинском направлении насчитывала 2,5 млн. человек, свыше 41 600 орудий, 6250 танков, 7500 самолетов [19]. Советским войскам противостояла мощная группировка противника, насчитывавшая в общей сложности до 1 млн. солдат и офицеров, 10 400 орудий и минометов, до 1500 танков и 3300 боевых самолетов.

16 апреля советские войска перешли в наступление. Этот день открыл последнюю страницу летописи войны в Европе. Начался отсчет последних часов гитлеровского режима.

Преодолевая мощные оборонительные рубежи и ожесточенное сопротивление противника, советские воины продвигались на Берлин с юга, севера и востока. 17 апреля И. В. Сталин телеграфировал Военному совету 1-го Белорусского фронта: «Гитлер плетет паутину в районе Берлина, чтобы вызвать разногласия между русскими и союзниками. Эту паутину нужно разбить путем взятия Берлина советскими войсками. Мы это можем сделать, и мы это должны сделать» [20].

20 апреля дальнобойная артиллерия начала обстрел Берлина. Создалась угроза полного разгрома вражеской группировки. Два дня спустя германское верховное командование приняло решение снять с Западного фронта все войска и бросить на оборону Берлина. Советская Армия в это время наносила сокрушающие удары по окруженной берлинской группировке нацистских войск, которые оказывали ожесточенное сопротивление. 30 апреля доблестные советские воины водрузили Знамя Победы над рейхстагом. В Берлинской операции советские войска разгромили 70 пехотных, 12 танковых, 11 моторизованных дивизий, около 480 тыс. солдат и офицеров были взяты в плен [21]. Это сражение явилось победным венцом тяжелого и славного пути воинов Советской Армии.

Планы союзного командования первыми взять Берлин оказались нереальными. Тогда было решено развернуть наступление в Чехословакии. Ему придавалось большое политическое значение. 30 апреля британский премьер-министр писал президенту США, что это может существенно изменить послевоенную обстановку как в Чехословакии, так и в других странах. 4 мая Эйзенхауэр информировал Советское командование о намерении предпринять наступление в Чехословакии. На следующий день главнокомандующий союзными войсками получил ответ с предложением

---

[19] Там же, с. 315.

[20] *Штеменко С. М.* Генеральный штаб в годы войны: Кн. 1, 2. М., 1973—1975, кн. 2, с. 418.

[21] История второй мировой войны, 1939—1945, т. 10, с. 344.

придерживаться ранее достигнутой договоренности о встрече советских и союзных войск на первоначальной линии — Ческе-Будеёвице, Пльзень и Карлови-Вари — и не продвигать войска союзников восточнее этой линии. Генерал Эйзенхауэр согласился.

Советские вооруженные силы между тем развивали наступление в целях завершения освобождения Чехословакии. Особенность сложившейся ситуации состояла в том, что крупная группировка немецко-фашистских войск в составе 65 дивизий, 3 бригад и 15 отдельных полков продолжала действовать на территории Чехословакии и Австрии. 2 мая 1945 г. преемник Гитлера на посту рейхсканцлера адмирал Дениц велел «продолжать войну против большевиков» на востоке и сдаваться в плен англо-американцам на западе [22]. 5 мая германским войскам был отдан приказ сложить оружие на территории северо-западной Германии, Дании, в Нидерландах, а на востоке продолжать борьбу [23].

Учитывая сложившуюся обстановку, советские войска предприняли наступление на Прагу, где восставшее население просило о помощи. В ночь на 9 мая гвардейские танковые армии вступили в столицу Чехословакии. Их радостно приветствовало население столицы. В Пражской операции были взяты в плен 860 тыс. солдат и офицеров, захвачены 9,5 тыс. орудий и минометов, 1,8 тыс. танков и орудий, 1,1 тыс. самолетов [24].

7 мая в Реймсе был подписан предварительный протокол о капитуляции вооруженных сил Германии. Церемония же подписания акта о безоговорочной капитуляции фашистской Германии состоялась в Берлине, в полночь 8 мая. Его подписали представители союзных государств: СССР, США, Англии и Франции; с германской стороны — бывший начальник штаба верховного главнокомандования вермахта.

9 мая 1945 г. вошел в мировую историю как день великой Победы над гитлеровской Германией. Ее завоевали народы антигитлеровской коалиции. Исторически неоспоримо, что Советский Союз явился главной силой, преградившей гитлеровской Германии путь к мировому господству, что основная тяжесть войны легла на плечи советского народа и его Вооруженные Силы. В условиях победоносного окончания войны в Европе были проведены две важные международные конференции по проблемам послевоенного мира.

2. САН-ФРАНЦИСКО И ПОТСДАМ

Вскоре после прихода в Белый дом Г. Трумэна политический курс США в отношении СССР стал пересматриваться. Уже 23 апреля новый президент США на совещании министров и командования вооруженных сил заявил: «Я намереваюсь быть твердым в отношениях с Советским правительством». Эту линию активно поддерживали военно-морской министр Дж. Форрестол, заместитель государственного секретаря Дж. Грю, глава военной миссии США в СССР генерал Дж. Дин и др. Сенатор Ванденберг, например, писал в дневнике: «Америка должна вести себя как держава № 1... Мы должны осуществлять моральное руководство ми-

---

[22] New York Times, 1945, May 3.
[23] История второй мировой войны, 1939—1945, т. 10, с. 348.
[24] Там же, с. 275.

ром, или мир вообще останется без руководства» [25]. Однако разгром Германии еще не был завершен; к тому же помощь СССР была необходима и для сокрушения Японии, а самое главное — народы мира требовали сохранения союза с СССР.

25 апреля 1945 г., в день встречи советских и американских войск на Эльбе, состоялось торжественное открытие конференции в Сан-Франциско — одной из самых крупных в дипломатической истории, которая продолжалась два месяца. В ее работе приняли участие 282 представителя 42 государств всех пяти континентов, более 1,5 тыс. экспертов, советников и технических сотрудников делегаций. Переговоры освещали 3,5 тыс. корреспондентов.

На конференции обсуждались цели и задачи международной организации по обеспечению мира. Разработанный в Думбартон-Оксе проект Устава Организации Объединенных Наций был представлен на рассмотрение всемирного форума миролюбивых государств. После ознакомления с его содержанием поступило 1200 поправок и замечаний. Для их изучения были созданы четыре комиссии. В задачу первой входило рассмотрение общих вопросов, включая цели, принципы, членство, основные органы ООН: вторая занималась вопросами Генеральной Ассамблеи, Экономическим и Социальным Советом и Советом по опеке; третья — Советом Безопасности; четвертая — статутом Международного Суда.

Одним из самых острых стал вопрос о Совете Безопасности. Представители ряда делегаций, преимущественно латиноамериканских стран, выступили против принципа единогласия великих держав; они стремились ослабить значение Совета Безопасности, сузить пределы компетенции постоянных его членов. Советская делегация решительно отстаивала принцип единогласия постоянных членов Совета Безопасности, и конференция зафиксировала его.

Длительные дебаты развернулись по вопросу о международной опеке. Делегация СССР последовательно защищала принципы самоопределения наций, независимости и суверенитета народов, уважения прав человека. Английская делегация выступала, по существу, за сохранение с незначительными изменениями старой мандатной системы Лиги наций. Во французском проекте также не говорилось о предоставлении колониям независимости. Что же касается США, то они на более ранних этапах войны отстаивали систему опеки, рассчитывая использовать ее для экономического проникновения в колониальные страны и для ослабления западных метрополий.

Однако к 1945 г. позиция Вашингтона под влиянием, с одной стороны, страха перед ростом национально-освободительного движения, а с другой — все более четкого выявления стратегических интересов военных ведомств США, настойчиво добивавшихся создания военных баз на территориях колониальных и зависимых стран, изменилась, и по ряду вопросов наметилось ее сближение с позицией западноевропейских государств [26]. 2 июня 1945 г. глава советской делегации А. А. Громыко сообщал в Москву: «Американцы прямо заявили, что на ряде территорий,

[25] The Private Papers of Senator A. Vandenberg / Ed. by A. H. Vandenberg. Boston, 1952, p. 267.

[26] Американский исследователь Р. Рассел отмечал большую активность военного министра Стимсона и военно-морского министра Форрестола в выработке проекта Устава ООН, в силу чего многие предложения США формулировались под явным

которые должны быть поставлены под опеку, США построили большое количество аэродромов, линий коммуникаций и приобрели некоторые торговые интересы. Американское правительство хочет полностью сохранить свои права на эти приобретения и поэтому решительно будет настаивать на том, чтобы это было оговорено в главе по территориальной опеке». В этом вопросе правительство США, как заявил член американской делегации Г. Стассен, «не может пойти на уступки»[27].

Тем не менее в ходе обсуждения благодаря твердой позиции советской делегации была принята компромиссная формула. Участники переговоров достигли договоренности о включении в Устав ООН положения о том, что система международной опеки призвана способствовать развитию населения подопечных территорий в направлении к самоуправлению.

26 июня конференция приняла Устав Организации Объединенных Наций, призванной обеспечить поддержание международного мира и всеобщей безопасности. Образование ООН стало возможным лишь в результате великой освободительной борьбы и сотрудничества свободолюбивых народов, одержавших всемирно-историческую победу над фашизмом и его сообщниками.

Вскоре в Потсдаме открылась конференция глав правительств СССР, США и Великобритании по проблемам послевоенного урегулирования и мира в Европе. Берлинская (Потсдамская) конференция руководителей трех держав проходила с 17 июля по 2 августа 1945 г.

Фашистская Германия была повержена, многие города истерзанной и окровавленной Европы лежали в руинах. Перед участниками конференции стояла задача выработать программу мира и безопасности, а прежде всего обсудить вопросы послевоенного устройства Германии и других государств, воевавших на ее стороне,— Италии, Финляндии, Румынии, Венгрии, Болгарии.

За день до открытия конференции, 16 июля, в Аламогордо США произвели испытание атомной бомбы, о чем немедленно было доложено Трумэну в Потсдам. Придавая этому событию очень большое дипломатическое и политическое значение, президент подчеркнул, что оно «может изменить ход истории и цивилизации»[28]. Эта весть привела в восторг Черчилля, заявившего, что теперь у западных союзников «есть в руках средство, которое восстановит соотношение сил с Россией», и что в отношении ее теперь можно будет занять более жесткую позицию[29]. Однако общая военная и политическая обстановка, высокий авторитет Советского Союза, его военное могущество, наконец, предстоящие на Дальнем Востоке события побуждали Запад проявлять осторожность, считаться с реальными фактами при принятии решений по проблемам послевоенного устройства мира в Европе.

На конференции были согласованы политические и экономические принципы, которыми необходимо руководствоваться при обращении с

влиянием «стратегических решений» военного времени. См.: *Russell R.* A History of the United Nations Charter. The Role of the United States, 1940—1945. Wash., 1958. p. 2.

[27] Конференция Объединенных Наций в Сан-Франциско (25 апреля — 26 июня 1945 г.): Сб. документов. М., 1980, с. 511.

[28] The Memoirs of Harry S. Truman: Vol. 1, 2. N. Y., 1965, vol. 1, p. 87.

[29] *Bryant A.* Triumph in the West, 1943—1946. L., 1959, p. 477—478.

Германией. Они предусматривали проведение важных мероприятий по демилитаризации, демократизации Германии, полное ее разоружение, уничтожение германской промышленности, с тем чтобы она не могла быть использована для военного производства, уничтожение нацистской партии и всех ее учреждений. Германский милитаризм и нацизм будут искоренены, говорилось в решении конференции. Главы трех правительств договорились рассматривать Германию как единое экономическое целое с установлением союзного контроля над германской экономикой. Управление в каждой зоне должно было осуществляться главнокомандующими вооруженными силами СССР, США, Великобритании и Франции в соответствии с указаниями правительств.

Предложение советской делегации о создании центральной германской администрации под руководством Контрольного Совета в ходе дискуссии было отклонено. Такую же участь постигло советское предложение об установлении контроля четырех держав над Руром — главным арсеналом германского милитаризма. Этот вопрос был передан на рассмотрение Совета министров иностранных дел, созданного во время конференции.

Острую дискуссию между участниками конференции вызвал вопрос о репарациях. В Ялте, как уже отмечалось, была достигнута договоренность о возмещении Германией ущерба в натуре, нанесенного ею в ходе войны; определена и общая сумма репараций — 20 млрд. долл., причем 50% этой суммы надлежало передать Советскому Союзу. Между тем американская делегация в Потсдаме изменила свою позицию, выступив, во-первых, против определения конкретной суммы репараций для каждого государства и, во-вторых, за одобрение принципа взимания репараций по зонам. На деле это означало стремление США и Англии сохранить военно-промышленный потенциал Германии, сосредоточенный в ее западных районах.

Советская делегация внесла свои предложения о репарациях. И. В. Сталин сказал, что война нанесла огромный ущерб Советскому Союзу, велики его материальные потери. «Надо хоть одну двадцатую часть возместить»,— подчеркнул он. Было предложено часть поставок в счет репараций получить из Западной Германии. Союзникам трудно было возражать против такого разумного и справедливого требования. Участники конференции в итоге согласились, что репарации будут взиматься каждым правительством прежде всего в своей зоне оккупации. Кроме того, СССР должен получить 15% изымаемого из западных зон промышленного оборудования в обмен на продовольствие, уголь эквивалентной стоимости, а также 10% такого оборудования в счет репараций[30].

Советская делегация поставила также вопрос о равномерном разделе между СССР, США и Англией германского военно-морского и торгового флотов. Союзники не выдвинули принципиальных возражений, но Черчилль заметил, что это возможно только при достижении общего соглашения по всем другим вопросам, а Трумэн предложил пока отложить решение данного вопроса. В конце концов договорились создать две ко-

[30] Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941—1945 гг: Берлинская (Потсдамская) конференция руководителей трех союзных держав — СССР, США и Великобритании (17 июля — 2 августа 1945 г.) М., 1980, с. 431, 490.

миссии: военно-морскую и торговую — для разработки рекомендаций о распределении судов между тремя странами [31].

Главы правительств по инициативе СССР рассмотрели также вопрос о передаче Советскому Союзу г. Кёнигсберга и прилегающего к нему района, что имело большое значение для укрепления безопасности нашей страны [32]. Конференция приняла решение о предании суду главных военных преступников.

Значительное место в работе конференции занял вопрос о будущем Польши. Обсуждение его носило острый характер. Советская делегация выразила удовлетворение в связи с созданием по решению Крымской конференции польского Временного правительства национального единства. Правительство СССР предложило правительствам США и Великобритании порвать отношения с польским эмигрантским правительством, считать его несуществующим, а вооруженные силы и торговый флот эмигрантского правительства передать Временному правительству. Это не входило в планы США и Англии, они все еще надеялись на восстановление довоенных социально-политических порядков в Польше. Главы правительств западных держав добивались, чтобы Временное правительство Польши признало финансовые обязательства эмигрантского правительства перед Англией и США [33]. Вызванные в Потсдам представители польского Временного правительства национального единства решительно отвергли это требование.

После длительных дебатов главы правительств одобрили текст заявления по польскому вопросу, в котором выражалось удовлетворение по случаю образования в Польше Временного правительства национального единства, признания его тремя державами и прекращения существования эмигрантского правительства в Лондоне.

Не менее остро проходили дебаты между участниками конференции по вопросу о западных границах Польши. Советская делегация, исходя из решений Крымской конференции, внесла предложение установить западные границы Польши по линии рек Одера и Западной Нейсе. Американская и английская делегации пытались уйти от решения этого вопроса, перенести его на более поздний срок. Но твердая позиция советской делегации, поддержка ею справедливых требований Временного правительства национального единства, делегация которого по настоянию СССР была приглашена в Потсдам, побудили США и Англию принять советское предложение.

Серьезные разногласия выявились при обсуждении политики трех держав в отношении бывших европейских союзников Германии. Большую активность при этом проявляла американская дипломатия. Руководители США, выступая против народно-демократического строя, установленного в странах Центральной и Юго-Восточной Европы, представили на рассмотрение меморандум, в котором утверждалось, что в Болгарии, Венгрии, Румынии и Финляндии якобы не выполнялись решения Крымской конференции, и предлагалось реорганизовать правительства Румынии и Болгарии, а также других стран. США потребовали провести в них «свободные и беспристрастные выборы» как необходимое предвари-

---

[31] Там же, с. 441—444.
[32] Там же, с. 351, 452.
[33] Там же, с. 112.

тельное условие для установления с ними дипломатических отношений. Совершенно другой была линия у делегации США в отношении Италии. В представленном меморандуме США предложили незамедлительно заключить с этой страной мирный договор, признать ее вклад в дело поражения Германии и оказать ей поддержку при вступлении в ООН.

Советская делегация обратила внимание на предвзятый, необъективный подход США к бывшим союзникам Германии, на попытку искусственного их разделения. Представители СССР настаивали на одинаковом подходе к странам, воевавшим на стороне Германии.

Было решено поручить Совету министров иностранных дел разработать мирный договор для Италии, а после заключения с ней мирного договора поставить вопрос о поддержке просьбы Италии о приеме в члены ООН. Западные державы обязались изучить вопрос об установлении дипломатических отношений с Болгарией, Финляндией, Венгрией и Румынией после заключения с ними мирных договоров, которые было поручено подготовить Совету министров иностранных дел.

Советская делегация внесла на обсуждение конференции документы об Австрии, Сирии и Ливане, об опекаемых территориях. По Австрии было достигнуто соглашение об учреждении контрольного механизма над страной — установлении Союзнической комиссии. Предусматривался ввод войск четырех держав в Австрию, которые располагались по зонам. Власть Временного правительства распространялась на всю Австрию.

Советское правительство потребовало вывода иностранных войск, в частности английских и французских, из Сирии и Ливана. Черчилль пытался возражать, но затем вынужден был заверить, что Великобритания не оставит солдат в Сирии и Ливане «ни одного дня больше, чем это необходимо» [34]. Но, как показали последующие события, и англичане и французы всячески тормозили выполнение этого обязательства. СССР выразил желание принять участие в управлении бывшими колониальными территориями, в том числе итальянскими колониями. Представители западных государств не согласились с этим, и вопрос был передан на рассмотрение Совета министров иностранных дел.

Острая дискуссия развернулась на конференции по вопросу о Югославии. Английская делегация пыталась обвинить правительство Тито в нарушении решений Крымской конференции, в недемократическом управлении страной.

Советская делегация, показав несостоятельность этих утверждений, предъявила документ о восстановлении при содействии англичан и американцев на территории Триеста и Истрии итало-фашистских порядков. Было указано также на необходимость устранения сложившегося по вине англичан ненормального положения в Греции. После этого англичане поспешили снять с обсуждения вопросы о Югославии, Триесте, Истрии и Греции.

Трумэн предложил обсудить на конференции вопрос об установлении свободной и неограниченной навигации по всем международным внутренним водным путям и в первую очередь создать, причем «как можно скорее», временные навигационные органы управления для Дуная и Рейна [35]. В их состав предлагалось ввести представителей США, Анг-

[34] Там же, с. 164.
[35] Там же, с. 160—161.

лии, Франции, СССР и суверенных прибрежных государств. Кроме того, президент США внес предложение пересмотреть конвенцию, подписанную в Монтре, с тем чтобы Черноморские проливы стали свободным водным путем, открытым для всех государств. Английская делегация поддержала идеи президента США о пересмотре конвенции, заключенной в Монтре. Советская делегация заняла отрицательную позицию в отношении американского проекта о внутренних водных путях, в основе которого лежал принцип «равных возможностей» и «открытых дверей». Принятие этого проекта затрагивало суверенные права Болгарии, Румынии, Венгрии, Югославии. Американское предложение было передано для изучения Совету министров иностранных дел [36].

Что касается конвенции о режиме проливов, подписанной в свое время в Монтре, Советское правительство заявило, что эта международная конвенция действительно не соответствовала изменившимся условиям и подлежала пересмотру, подчеркнув при этом, что установление режима проливов должно находиться в компетенции Турции и Советского Союза [37].

В Потсдаме были обсуждены вопросы, касающиеся ведения войны с Японией. Американские военные руководители считали, что «ни блокада, ни бомбардировки сами по себе не смогут обеспечить безоговорочной капитуляции Японии» [38], что война с ней потребует больших жертв и может быть завершена только осенью 1946 г. Объединенный комитет начальников штабов представил Трумэну и Черчиллю меморандум, в котором говорилось о необходимости всемерно «поощрять вступление России в войну против Японии» [39]. Советская делегация заявила о готовности СССР выполнить свой союзнический долг, строго придерживаясь достигнутой в Ялте договоренности и руководствуясь необходимостью скорейшего разгрома японского агрессора и установления мира на Дальнем Востоке.

Таким образом, на Потсдамской конференции было рассмотрено много важных вопросов послевоенного устройства мира в Европе. Благодаря последовательной и целенаправленной политике Советского Союза, его гибкой дипломатии были зафиксированы демократические принципы утверждения мира и безопасности в Европе; недопущение возрождения германского милитаризма и нацизма; принцип суверенитета, равноправия в межгосударственных отношениях, невмешательства во внутренние дела государств. Конференция продемонстрировала торжество реализма в международной политике, свидетельствовала о признании нового соотношения сил в Европе, возросшей роли Советского Союза в решении международных проблем.

После поражения Германии и установления мира в Европе перед свободолюбивыми народами встала задача быстрейшего разгрома милитаристской Японии и ликвидации очага войны на Дальнем Востоке.

---

[36] Там же, с. 361, 372—372, 390—391, 477.
[37] Там же, с. 350, 477.
[38] *Morton L.* The Decision to Use the Atomic Bomb.— Political Affairs, 1957, Jan., p. 334—338.
[39] The Memoirs of Harry S. Truman, vol. 1, p. 382.

3. КАПИТУЛЯЦИЯ ЯПОНИИ

С поражением Германии и окончанием войны в Европе военно-политические позиции Японии резко ухудшились. Антифашистская коалиция получила возможность сосредоточить вооруженные силы на Дальнем Востоке. США усилили переброску своих сил на Тихоокеанский театр военных действий.

В начале 1945 г. соотношение флотов США и Японии решительно изменилось в пользу американцев. Флот США превосходил японский в области линейных кораблей в 6 раз, авианосцев — в 4, тяжелых крейсеров — в 7, эскадренных миноносцев — в 3, подводных лодок — в 3 раза и самолетов авианосного базирования — почти в 10 раз[40]. В конце 1944 г. в Тихий океан прибыла английская эскадра в составе 2 линкоров, 4 авианосцев, 5 крейсеров и 11 эсминцев. Вскоре они включились в операции против Японии. И на море, и в воздухе союзники имели значительное превосходство[41].

США активизировали военные действия, захватывая один за другим тихоокеанские острова и продвигаясь все ближе к самой Японии. С начала 1945 г. американский комитет начальников штабов приступил к подготовке захвата о-ва Иводзима. Командовал гарнизоном острова генерал Т. Курибаяси. Для обороны острова было выделено 130 орудий и такое же число минометов, 300 зенитных и 60 противотанковых пушек, 10 самолетов.

Американское командование сосредоточило для захвата этого острова крупные силы: 111,3 тыс. человек, 1522 самолета и более 680 кораблей[42]. Оно планировало за пять дней овладеть островом. Два с половиной месяца велась подготовка к высадке десанта. На остров было сброшено 6,8 тыс. т бомб. Утром 19 февраля после артиллерийской и авиационной подготовки началась высадка американских частей на юго-восточном побережье острова.

Японцы не оказывали сопротивления. Они выжидали, стремясь определить, не станут ли американцы высаживаться одновременно и на северо-западное побережье. Но этого не произошло. Только после того, как передовые отряды американцев заняли плацдармы на суше, японское командование отдало приказ обрушить всю огневую мощь на противника. Десантные части попали под сильный и точный прицельный огонь артиллерии с горы Сурибати. К исходу первого дня двум американским дивизиям удалось высадиться на берег и достигнуть западного побережья. На следующий день морские пехотинцы овладели аэродромом, а полк 5-й дивизии приступил к штурму Сурибати. Три дня спустя, 23 февраля, американцы достигли ее вершин. Через пять дней они захватили и второй аэродром, понеся в боях большие потери. Бои продолжались до 6 марта.

К этому времени у японских подразделений не было уже танков, они потеряли основную часть артиллерии и испытывали острый недостаток боеприпасов. Между тем к югу от мыса Китонахана узел обороны под командованием генерала Курибаяси продолжал оказывать упор-

---

40 Блокада и контрблокада: Борьба на океанско-морских сообщениях во второй мировой войне / Под ред. контр-адмирала В. П. Боголепова. М., 1967, с. 374.
41 История второй мировой войны, 1939—1945, т. 11, с. 22.
42 Там же, с. 60.

ное сопротивление. 26 марта осажденный гарнизон капитулировал. Тысяча солдат и офицеров сдалась в плен, 22 тыс. были уничтожены в боях. Операция на Иводзиме длилась 36 суток вместо пяти, намечавшихся по плану.

После о-ва Иводзима настала очередь Окинавы[43], расположенной в 350 милях от о-ва Кюсю. Этот остров имел важное стратегическое значение, обеспечивая господство в Восточно-Китайском море и выход на ближние подступы к самой Японии. Были выделены крупные вооруженные силы — 1317 кораблей, 564 авианосных самолета и 451 866 солдат и офицеров[44] против 100 тыс. японцев[45]. На острове, особенно в его южной части, были возведены мощные оборонительные укрепления. Генерал Усидзима отдал приказ обороняться как можно дольше, оказывать всеми средствами упорное сопротивление, изматывать силы противника на суше и на море.

1 апреля американские экспедиционные силы, достигшие огромного превосходства в людях и боевой технике, начали операцию по захвату о-ва Окинава. Рано утром американские морские десантные силы приблизились к северной части острова, а десантные части 10-й армии начали высаживаться на западном побережье. Не встретив сильного сопротивления, в первый же день 50 тыс. солдат и морских пехотинцев захватили два аэродрома, а на следующий день пересекли остров и вышли на восточное его побережье. Американские войска сумели рассечь оборону противника на две части — северную и южную.

К 12 апреля высадка всех эшелонов и десантов была завершена. Через неделю американцы заняли северную часть и начали наступление в южном направлении, но встретили упорное сопротивление. Развернулись ожесточенные бои. Неоднократные попытки американского командования прорвать главную полосу обороны японцев заканчивались безуспешно. Активно действовала японская авиация. Она наносила удары по американскому флоту, наиболее эффективными были атаки летчиков-самоубийц — «камикадзе». В них участвовали 2 тыс. летчиков. С 6 апреля по 22 июня было совершено 10 таких атак, в результате чего были потоплены 26 и повреждены 164 американских корабля[46].

Сопротивление японцев на о-ве Окинава продолжалось почти три месяца. 21 июня гарнизон капитулировал. Генерал Усидзима, начальник штаба генерал Тё и многие другие офицеры покончили жизнь самоубийством. В боях за Окинаву японцы понесли значительные потери. По мнению Макартура, это было наиболее тяжелое сражение.

Наряду с операциями по захвату о-вов Иводзима и Окинава проходили военные действия по овладению Филиппинами. После боя за залив Лейте (23—26 октября 1944 г.) американское командование приступило к подготовке захвата о-ва Лусон, на котором в январе 1945 г. были сосредоточены 6 пехотных и 1 танковая дивизия, около 400—500 самолетов, а всего около 250 тыс. человек. Генералу Ямасите было приказано вести упорные бои, удерживать оборонительные районы.

---

[43] Подробное описание операции по захвату американцами о-ва Окинава см.: История второй мировой войны, 1939—1945, т. 11, с. 64—73; *Нимиц Ч., Поттер Э.* Война на море, 1939—1945. М., 1965; *Николс Ч., Шоу Г.* Захват Окинавы. М., 1959.
[44] Кампании войны на Тихом океане. М., 1956, с. 425.
[45] *Нимиц Ч., Поттер Э.* Указ. соч., с. 444.
[46] Кампании войны на Тихом океане, с. 426.

Командование США решило высадить экспедиционные силы 6-й армии в заливе Линчаен — к северу от Манилы. Обеспечение высадки десантных сил поручалось 7-му флоту в составе 164 боевых кораблей, в том числе 12 эскортных авианосцев, 6 линкоров, 6 тяжелых крейсеров, 49 эсминцев. В операции участвовал и 3-й флот США, оперативно взаимодействовавший с 7-м, а также до 2200 самолетов и 275 тыс. человек[47]. Общее командование было возложено на генерала Д. Макартура. 7-м флотом командовал адмирал Т. Кинкейд.

9 января утром в четырех пунктах побережья залива Линчаен на фронте около 26 км началась высадка. В ней участвовали 4 дивизии. К исходу дня на побережье уже находилось 68 тыс. американских войск, которые, преодолевая сопротивление японцев, продвигались к Маниле. 29 января американцы высадились северо-западнее бухты Субик; на следующий день десант занял военно-морскую базу Олончапо, затем южнее входа в Манильскую бухту высадилась воздушно-десантная дивизия. Началось наступление на Манилу. 3 марта гарнизон прекратил сопротивление. 15 февраля американские войска высадились на полуострове Батаан и за два дня овладели им.

В конце февраля 1945 г. 8-я американская армия приступила к захвату центральных и южных островов Филиппин. Высадку десантов обеспечивали соединения 7-го флота. Оборону этих островов возглавлял генерал Судзуки. В его распоряжении были 3 дивизии и 2 бригады. Авиационного прикрытия у него фактически не было.

28 февраля американские войска высадились на о-ве Палаван и к концу марта овладели им. Одновременно десанты, а их было 28, высадились и на других островах. Самым крупным из них был десант на о-ве Минданао в составе 2 дивизий. Японцы оказывали упорное сопротивление. К началу марта пала крепость Коррехидор, ее гарнизон капитулировал. 1 апреля морской десант овладел портом Лечаспи; в северной части острова 26 апреля закончились бои за взятие г. Багио. Большую помощь американцам оказывали партизаны. Действуя совместно с регулярными войсками, они вели разведку, перерезали вражеские коммуникации; ими были захвачены перевал Бесанч и г. Сервантес, оказана помощь в захвате порта Апарри. К 30 июня 6-я американская армия контролировала фактически весь остров.

Одновременно 7-й флот США поддерживал наступательные операции в юго-западной части Тихого океана, которые вела 1-я австралийская армия. К началу июля северное побережье Новой Гвинеи, Калимантан, а затем о-ва Сулавеси и Ява находились под контролем австралийских вооруженных сил. Таким образом, к августу 1945 г. Япония лишилась источников нефти. Ее войска в странах южных морей были блокированы и разгромлены.

В 1945 г. американская авиация подвергала массированным бомбардировкам города и промышленные районы самой Японии. В феврале бомбовые удары были нанесены по району Токио. В одном из таких налетов участвовали 1130 самолетов[48]. Особенно интенсивными налеты были в марте, когда японские города подвергались бомбардировке 91 раз, в них участвовали до 3,5 тыс. самолетов. 9 марта 1945 г. 334 самолета

---

[47] История второй мировой войны, 1939—1945, т. 11, с. 48—50.
[48] Там же, с. 144.

В-29 совершили налет на Токио. Были убиты почти 84 тыс. человек, ранены свыше 40 тыс., разрушено около 270 тыс. зданий. Более 1 млн. жителей остались без крова. 10 марта в Токио погибли свыше 83 тыс. человек и 41 тыс. ранены[49]. В результате этих налетов, по американским данным, были убиты 330 тыс. человек гражданского населения и разрушено 8,5 млн. зданий.

Одновременно 3-й американский флот непрерывно бомбил и обстреливал промышленные объекты, расположенные вдоль японских берегов. Всего за годы войны на острова собственно Японии было сброшено 160,8 тыс. американских бомб, разрушено 2210 тыс. домов — четверть жилого фонда страны. Без крова остались 9,2 млн. человек. В стране насчитывалось свыше 98 разрушенных городов. Пожары уничтожили 56% зданий в районе Токио, Иокогамы, 57 — в Осаке, 52% — в Нагое. Город Фукуи был разрушен на 96%, а Кофу и Хамамацу — на 72%. От авиационных бомбардировок и артиллерийских обстрелов среди гражданского населения погибли 200 700, ранены — 273 114 человек[50].

В первой половине 1945 г. флот США развернул операции на линиях морских коммуникаций. Целью их являлось блокирование Японии, лишение ее подвоза нефти, угля, железной руды. Япония испытывала в это время большие трудности в связи с нехваткой транспортных средств. К 1 января они сократились до 2786 тыс. бр. т и составляли всего 47% довоенного уровня. Военно-морской флот Японии из-за колоссальных потерь был уже не в состоянии содействовать сухопутным войскам в обороне ключевых позиций на подступах к метрополии, защищать океанские и морские коммуникации.

Командование флота США считало в сложившейся обстановке наиболее целесообразным нанести поражение Японии посредством морской блокады, отрезав ее от источников сырья и нефти, которые она получала из стран южных морей. Сторонники военно-воздушных сил, в свою очередь, доказывали, что Японию можно заставить капитулировать посредством непрерывных воздушных бомбардировок городов и промышленных центров. Объединенный Комитет начальников штабов выступал за использование всех видов вооруженных сил армии, флота и авиации.

Тем временем в расчетах Вашингтона все большее место начинал занимать вопрос об атомной бомбе. 25 апреля военный министр Г. Стимсон проинформировал президента о завершении работ по производству ядерного оружия, которое можно будет испытать в июле, а через месяц — использовать против врага. Это сообщение вызвало большой интерес у Трумэна. Стремясь к усилению позиций США при выработке основ послевоенного мира, президент дал указание ускорить изготовление и испытание атомной бомбы.

1 июня в протоколе заседания Временного комитета, учрежденного в мае для выработки рекомендаций по вопросу использования ядерного оружий, было записано: «Бомбу следует использовать как можно скорее против Японии...»[51].

В тот же день Трумэн одобрил эту рекомендацию. Впоследствии в

[49] *Bateson Ch.* The War with Japan. Sydney; London, 1968, p. 375; США — экономика, политика, идеология, 1985, № 5, с. 39.
[50] *Хаттори Т.* Япония в войне, 1941—1945. М., 1973, с. 522; История второй мировой войны, 1939—1945, т. 11, с. 148.
[51] История второй мировой войны 1939—1945, т. 11, с. 151.

мемуарах он признал: «Пусть в этом отношении не будет никакой ошибки. Я рассматривал атомную бомбу как военное оружие и никогда не сомневался, что оно должно быть использовано»[52]. На совещании, которое Трумэн созвал сразу после испытания атомной бомбы, высшие военные руководители США единодушно высказались за применение ее против Японии. По их мнению, подобная военная акция должна была продемонстрировать миру мощь США и ускорить капитуляцию Японии.

26 июля 1945 г. правительства США, Великобритании и Китая опубликовали декларацию с требованием о безоговорочной капитуляции Японии. В ней говорилось об отторжении всех территориальных приобретений, сделанных Японией во время войны, а также старых владений, за исключением четырех островов собственно Японии. Вопрос о судьбе императора и монархической системе не затрагивался. Между тем этим очень интересовались в Токио. Там хотели знать, как союзники поступят с императором. Обсудив текст декларации, в Токио решили продолжать войну.

6 августа утром над г. Хиросима появился американский самолет. Через несколько минут разразился оглушительный взрыв, и к небу взвился смертоносный атомный гриб. Город был окутан дымом, объят пожарами. В Вашингтоне ожидали заявления японского правительства о прекращении военных действий, но оно не последовало. Тогда 9 августа американские ВВС сбросили вторую атомную бомбу на г. Нагасаки, который также был полностью разрушен. От взрывов двух бомб, сброшенных на Хиросиму и Нагасаки, погибли и искалечены свыше 280 тыс. мирных жителей[53]. Еще большее число подверглось радиоактивному облучению.

Обращение Соединенных Штатов к ядерному оружию преследовало не столько военные, сколько и главным образом политические цели — укрепить свое господство в послевоенном мире, продемонстрировать стратегическое превосходство над Советским Союзом, добиться расширения контроля и установления доминирующей роли США в мире, заставить все страны прислушиваться к голосу США.

Пытаясь преуменьшить роль Советского Союза и его вклад в разгром милитаристской Японии, американские историки обычно преувеличивают роль США в разгроме и капитуляции Японии, недооценивая при этом действия союзников. Военные операции на Тихом океане и в странах южных морей, морская блокада и массированные воздушные бомбардировки Японии имели большое значение, поскольку подорвали военно-экономические позиции, серьезно ослабили ее флот и авиацию. Однако эти факторы все же не заставили ее капитулировать. К августу 1945 г. Япония располагала еще 270 дивизиями и бригадами, свыше 10 тыс. самолетов. На Японских островах находилась 2-миллионная армия, в Маньчжурии, Корее, на Южном Сахалине и на Курильских островах — свыше 1,2 млн. человек, в Китае — 700—800 тыс., в Юго-Восточной Азии и Индонезии — около 1 млн.[54]

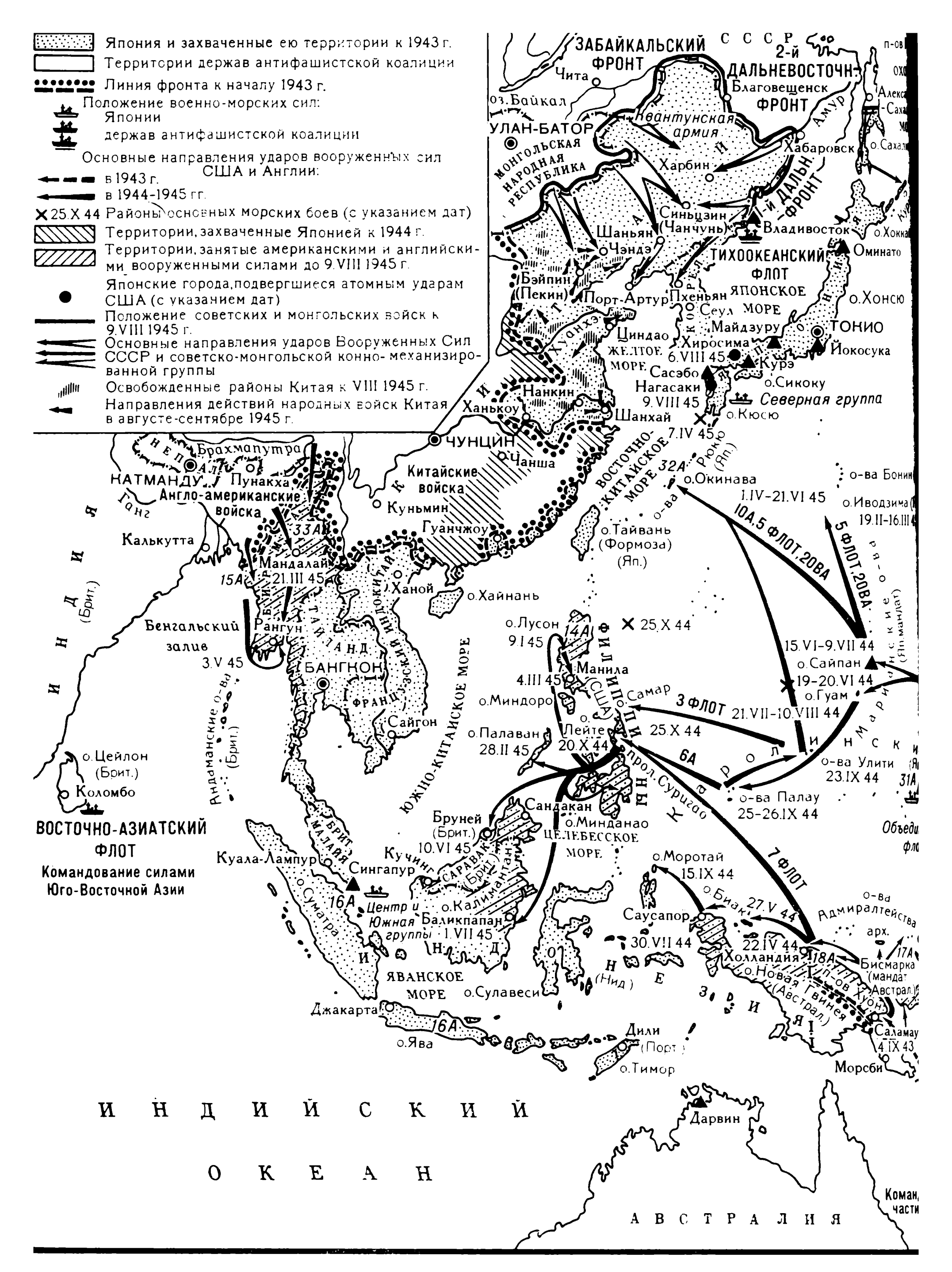
Союзное командование планировало осуществить десант на территорию собственно Японии, на о-в Кюсю, только в ноябре 1945 г., и лишь

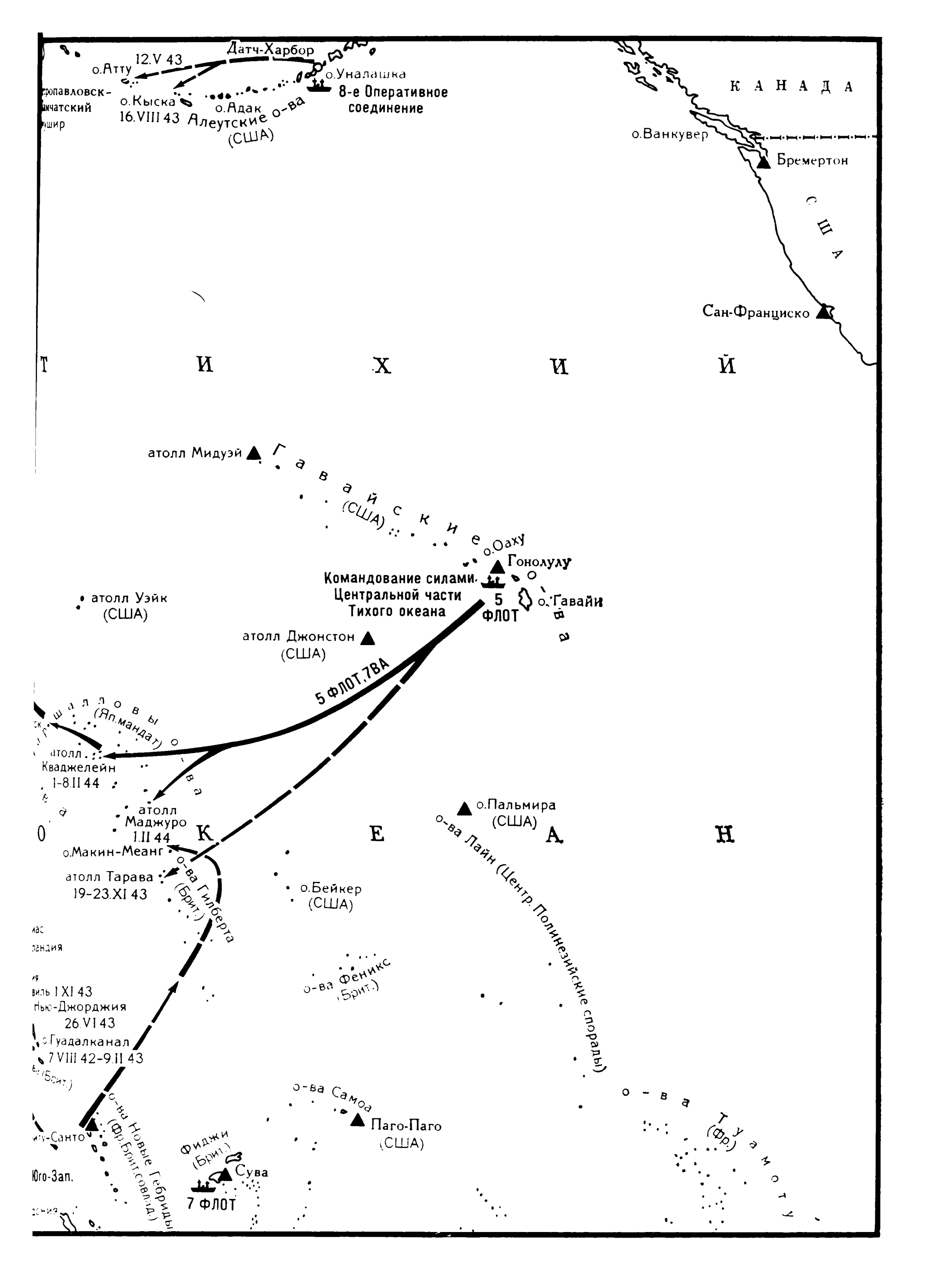
[52] The Memoirs of Harry S. Truman, vol. 1, p. 419.

[53] *Шерман Ф. С.* Американские авианосцы в войне на Тихом океане. М., 1956, с. 290—291.

[54] Вторая мировая война, 1939—1945: Военно-исторический очерк. М., 1958, с. 789.

ВОЕННЫЕ ДЕЙСТВИЯ НА ТИХОМ ОКЕАНЕ И В АЗИИ (1943—1945 гг.)

Датч-Харбор
12.V 43
о.Атту
о.Уналашка
8-е Оперативное соединение
о.Кыска
16.VIII 43
о.Адак
Алеутские о-ва (США)
КАНАДА
о.Ванкувер
Бремертон
США
Сан-Франциско
Т И Х И Й
атолл Мидуэй
Гавайские о-ва (США)
о.Оаху
Гонолулу
Командование силами Центральной части Тихого океана
5 ФЛОТ
о.Гавайи
атолл Уэйк (США)
атолл Джонстон (США)
5 ФЛОТ,7ВА
(Яп.мандат)
атолл Кваджелейн 1-8.II 44
атолл Маджуро 1.II 44
о.Макин-Меанг
атолл Тарава 19-23.XI 43
о-ва Гилберта (Брит.)
о.Пальмира (США)
О К Е А Н
о-ва Лайн (Центр.Полинезийские спорады)
о.Бейкер (США)
о-ва Феникс (Брит.)
Нью-Джорджия 26.VI 43
о.Гуадалканал 7.VIII 42-9.II 43
о-ва Самоа
Паго-Паго (США)
о-ва Туамоту (Фр.)
о-ва Новые Гебриды (Фр.Брит.совлад.)
Фиджи (Брит.)
Сува
7 ФЛОТ
Юго-Зап.

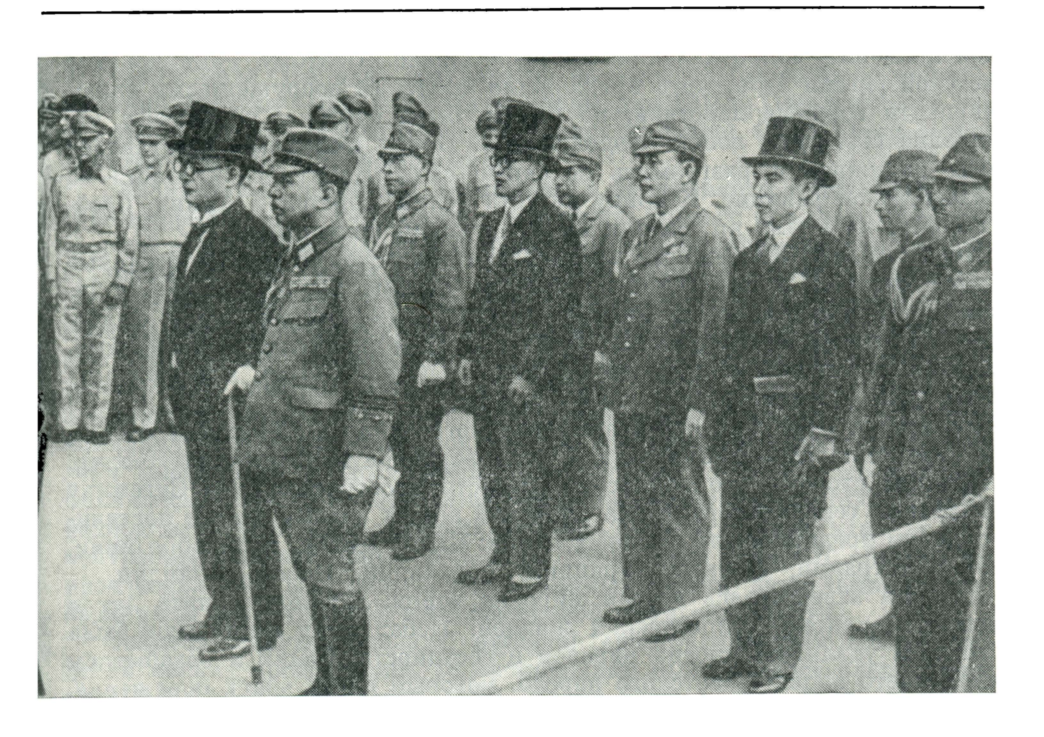

ПРИНЯТИЕ КАПИТУЛЯЦИИ ЯПОНИИ НА БОРТУ ЛИНКОРА «МИССУРИ».
ПРЕДСТАВИТЕЛЬ СССР ГЕНЕРАЛ-ЛЕЙТЕНАНТ К. Н. ДЕРЕВЯНКО
ПОДПИСЫВАЕТ АКТ О БЕЗОГОВОРОЧНОЙ КАПИТУЛЯЦИИ ЯПОНИИ
(2 сентября 1945 г.)

на март следующего года намечалось вторжение на Токийскую равнину. Союзники понимали, что армия императора будет отчаянно защищать японскую землю. Черчилль высказывал мнение, что завоевание Японских островов привело бы к огромным жертвам со стороны американцев и англичан. Начальники штабов США также считали, что японцы будут стоять насмерть.

Для разгрома имевшихся у Японии крупных сухопутных сил необходима была могучая армия, богатая боевым опытом, такая, как Советская Армия, которая нанесла поражение германскому вермахту. Поэтому правительства США и Великобритании придавали особое значение участию СССР в войне против Японии. Летом 1945 г. генерал Маршалл указывал на важность и необходимость вступления Советского Союза в войну на Дальнем Востоке и изгнания японских войск с Азиатского материка. Надо, чтобы этим «занялись русские», подчеркивал он[55]. Американское правительство, свидетельствует Д. Ачесон, стремилось добиться скорейшего вступления Советского Союза в войну с Японией, чтобы предотвратить возвращение Квантунской армии на родину в момент американо-английского вторжения[56].

[55] История второй мировой войны, 1939—1945, т. 11, с. 461—462.
[56] Там же, с. 174, 182.

Основные силы более 5-миллионной армии находились на территории собственно Японии и в Китае. Квантунская армия дислоцировалась в Маньчжурии, у советских границ. Войска были объединены в три фронта, численность их превышала 1 млн. человек; они имели 1215 танков, 6640 орудий и минометов, 1907 боевых самолетов. Вдоль государственной границы были воздвигнуты мощные оборонительные укрепления.

8 августа Советское правительство, верное союзническому долгу, объявило о вступлении в войну против Японии. Народы Азии и американская общественность приветствовали этот шаг Советского Союза. В ночь на 9 августа Советские Вооруженные Силы во взаимодействии с войсками Монгольской Народной Республики начали операции против противника. Прорвав приграничные укрепленные районы, соединения Забайкальского и 1-го Дальневосточного фронтов разгромили японские войска прикрытия и развернули наступление в глубь Маньчжурии. Японское командование не ожидало такого всесокрушающего удара.

9 августа на экстренном заседании Высшего совета по руководству войной премьер-министр Судзуки заявил, что вступление Советского Союза в войну поставило страну в безвыходное положение и дальнейшее сопротивление бесполезно [57]. Министр иностранных дел Того сказал: «Война становится все более безнадежной» [58]. На следующий день правительство приняло условия Потсдамской декларации. 14 августа кабинет министров документально оформил решение о капитуляции.

Однако Квантунская армия не прекратила боевых операций. Приказа

---

[57] Там же, с. 238.
[58] Цит. по: *Брукс Л.* За кулисами японской капитуляции. М., 1971 г., с. 67.

о прекращении сопротивления не последовало. Поэтому командование Советской Армии 14 августа предложило японским вооруженными силам прекратить военные действия, но это не было сделано, после чего наступление советских войск продолжалось. Перед ними была поставлена задача окружить и разгромить основные силы Квантунской армии на Маньчжурской равнине. К концу августа воины Советской Армии, пройдя с боями до 1 тыс. км, вышли на Ляодунский полуостров.

Перед лицом неизбежного краха милитаристской Японии некоторые высшие военные и политические деятели страны покончили самоубийством, в том числе военный министр Анами, вице-адмирал Ониси, фельдмаршал Сугияма, командующие 10, 11-м и 12-м фронтами, один из бывших командующих Квантунской армией — генерал Хондзё, а также другие генералы и министры кабинета Судзуки.

2 сентября 1945 г. на борту американского линкора «Миссури» состоялась церемония подписания акта о безоговорочной капитуляции Японии. С японской стороны его подписали министр иностранных дел Сигемицу и начальник генерального штаба японской армии Умэдзу. Затем поставили подписи представители союзных наций: США, Китая, Великобритании, СССР, Австралии, Канады, Франции, Голландии, Новой Зеландии.

На этом завершилась вторая мировая война, длившаяся пять лет и унесшая миллионы человеческих жизней. Победа над фашизмом была достигнута усилиями многих народов и государств. Велик и незабываем прежде всего подвиг советского народа, который нанес врагу поражение, разгромил главные силы вермахта, уничтожил три четверти его военной техники, освободив народы Европы от фашистского порабощения, спас мировую цивилизацию. СССР, верный союзническому долгу, сыграл огромную роль также в разгроме милитаризма Японии.

В достижение Победы во второй мировой войне большой вклад внесли народы и армии США, Великобритании, Франции, Китая и других стран антигитлеровской коалиции. Самоотверженно вели борьбу с фашистскими агрессорами воинские соединения и партизаны Югославии, мужественно сражались вместе с Советской Армией Войско Польское и Чехословацкая армия. В летопись антифашистской борьбы войдут действия патриотов Болгарии, Румынии, Албании, Венгрии, участников движения Сопротивления. Против японского империализма вели борьбу китайский народ, воины Монгольской Народной Республики, патриоты Вьетнама, Кореи, других стран Азии.

Война явилась одной из трагических и в то же время героических страниц в мировой истории. Последствия ее имели всемирно-историческое значение. Глубокие изменения произошли в экономической и политической жизни США, в их позиции на мировой арене.

4. ИТОГИ ВОЙНЫ

Главным результатом второй мировой войны явилось поражение блока агрессоров — Германии, Италии и Японии. Значительно подорванными и ослабленными оказались позиции Франции и Великобритании. В ряде стран Восточной Европы и Азии свершились социальные революции. В колониях развернулось широкое национально-освободительное движение, приведшее к краху всей системы колониализма.

Советский народ в борьбе с фашизмом и милитаризмом понес огром-

ные потери — 20 млн. человек; материальный ущерб страны составил 128 млрд. долл. Ни одно государство не вынесло бы столь тяжелых испытаний. Иными были результаты войны для США. Они потеряли около 400 тыс. убитыми. Монополии обогатились на войне, США стали ведущей капиталистической державой мира.

Значительные перемены произошли в экономике и социальной структуре американского государства. Ускорился процесс концентрации производства и капитала, захват крупнейшими монополиями ведущих позиций в экономике и политике США. Компания «Юнайтед Стейтс стил», контролируемая Морганом, владела 40% производственной мощности сталелитейных заводов страны, на ее долю приходилось больше 50% добываемой железной руды. Производство алюминия находилось в руках одного треста, 90% никеля производила также только одна компания. Пять компаний владели почти всей нефтяной промышленностью США; четыре компании контролировали производство электрической энергии, три обладали монополией в химической промышленности. Такое же положение сложилось в области производства самолетов, электрического оборудования, радиоаппаратуры, пассажирских вагонов. Одна компания владела 80% и контролировала остальные 20% всей телефонной сети США; один трест производил 50% всех сельскохозяйственных машин, двум компаниям принадлежала половина всей мясоконсервной промышленности.

Согласно данным доклада, представленного сенатским комитетом по делам мелких предприятий, 100 монополиям были предоставлены военные заказы на сумму 117 млрд. долл. Кроме того, 17,2 млрд. долл. государство израсходовало на строительство новых заводов [59]. Высокого уровня достигла концентрация банковского капитала: 1% всех банков контролировал 99% всех денежных ресурсов США.

Война явилась важным этапом в развитии государственно-монополистического капитализма в США. В гигантских масштабах происходило сращивание силы монополий и силы государства, которое во все большей степени подчинялось интересам «большого бизнеса». Крепли и развивались узы «личной унии», связывающие ведущие корпорации и государственный аппарат. Шла колоссальная концентрация военно-экономической мощи крупного капитала, агенты которого все шире участвовали в правительстве и государственном аппарате, усиливалось их влияние на внутреннюю и внешнюю политику США.

Изменились структура промышленности, размещение производительных сил. Бурными темпами развивалась промышленность в тихоокеанских штатах. Появилось большое число новых заводов в Калифорнии, богатой природными ресурсами — цветными металлами и нефтью и к тому же отличающейся благоприятными климатическими условиями.

Резко возрос удельный вес США в экономике капиталистического мира. К концу войны Соединенным Штатам принадлежало около 60% мирового промышленного производства, около 61% морского торгового флота и гражданской авиации. Они сосредоточили в своих руках примерно 80% золота и 60% серебра, принадлежащего капиталистическому миру [60]. Заграничные инвестиции США составили 16,8 млрд. долл.

Серьезные перемены произошли и в сельском хозяйстве. Фермерское

[59] *Бойер Р. О., Морейс Г. М.* Нерассказанная история рабочего движения в США. М., 1957, с. 535.

[60] *Decohurst J.* America's Needs and Resources. N. Y., 1955, p. 1081—1082.

население страны в 1940—1945 гг. сократилось с 30 547 тыс. до 22 295 тыс.[61], удельный вес в общем населении страны снизился с 23 до 18%. Посевная площадь увеличилась за годы войны на 10%. Повысилась оснащенность сельского хозяйства механизмами: число тракторов возросло более чем в 1,5 раза, зерновых комбайнов — почти в 2 раза. Расширилось потребление минеральных удобрений, в частности за 1940—1944 гг. производство синтетического азота выросло на 65%[62]. Доходы сельского хозяйства увеличились с 5,4 млрд. долл. в 1940 г. до 13,7 млрд. в 1945 г. Поднялись прибыли крупных фермеров. Одновременно ускорился процесс вытеснения и разорения мелких фермеров.

За годы войны США создали мощную военную промышленность, превратившись в крупную военную, военно-морскую и авиационную державу. Флот США занял первое место среди других морских держав. На его строительство было израсходовано 90 млрд. долл., что составило почти треть всех ассигнований на войну[63]. С июня 1940 по август 1945 г. США построили 34 эскадренных авианосца, 118 эскортных авианосцев, 47 крейсеров всех классов, 370 эскадренных миноносцев, 507 эскортных миноносцев, 1725 патрульных кораблей, 872 минных заградителя и тральщика, 190 патрульных судов, а всего 3863 корабля водоизмещением свыше 3 млн. т[64]. По боевой мощи флот США был равен флотам главных капиталистических стран, вместе взятых. Кроме того, США имели более 6 тыс. торговых судов морского транспорта, развитие которого увеличилось почти в 10 раз[65], в вооруженных силах состояло 89 армейских дивизий. США владели к тому же монополией в области производства атомного оружия.

Война принесла монополиям США огромные доходы. Их прибыли составили после вычета налогов 52 млрд. долл. На производстве вооружения обогатились прежде всего военно-промышленные корпорации. Вместе с тем борьба между монополистическими объединениями обострилась. Углубились противоречия между общественным характером производства и частным характером присвоения, между трудом и капиталом.

Центральной проблемой послевоенной экономики США явилось обеспечение полной занятости населения. Остро встал вопрос об использовании возможностей промышленности, особенно военной, обеспечении экономики сырьем.

За годы войны возросла численность рабочего класса, в нем произошли определенные структурные сдвиги, связанные с развитием новых отраслей производства. Число членов профсоюзов увеличилось почти в 2 раза, составив в 1945 г. 14 776 тыс., возросло влияние профсоюзов на жизнь страны.

Рабочий класс внес наибольший вклад в победу над фашизмом. Рабочие развернули «битву за производство» — увеличение производства вооружения и военного снаряжения, согласились на увеличение продолжительности рабочей недели, отказались от проведения стачек. Усилия трудящихся были направлены на повышение производительности труда.

[61] Current History, 1945, Jan, p. 91.
[62] *Decohurst J.* Op. cit., p. 702, 740, 802, 827, 1080.
[63] Блокада и контрблокада, с. 417.
[64] Военно-исторический журнал, 1963, № 10, с. 99.
[65] The World Almanac and Book of Facts, 1946. N. Y., 1946, p. 122; 1947. N. Y., 1947, p. 522.

Это определялось в значительной степени стремлением рабочих и профсоюзов быстрее разгромить общего врага, освободительным характером войны, которую вели государства антигитлеровской коалиции.

В ходе антифашистской борьбы определенное значение приобретал идеологический фактор. Борьба против фашизма подводила народные массы к осознанию и осуждению породившей его реакционной социальной системы. Все более действенной становилась притягательная сила идей социального прогресса. Воздерживаясь от забастовок, рабочие только в крайних случаях выступали против монополий. С 8 декабря 1941 г. по 14 августа 1945 г. состоялась 14 731 забастовка с участием 6,7 млн. человек. Главным требованием являлось повышение заработной платы и обеспечение охраны труда. Последнее обстоятельство имело особое значение. С 1941 по 1945 г. в большинстве отраслей обрабатывающей и добывающей промышленности погибли и получили увечья 11 200 рабочих[66].

Основная часть вооруженных сил состояла из рабочих. В армии насчитывалось 3250 тыс. членов профсоюзов. В составе вооруженных сил США было 920 тыс. негров (из них 8600 офицеров) и 284 тыс. женщин[67]. 15 тыс. американских коммунистов, находясь в составе вооруженных сил, мужественно с оружием в руках сражались против держав «оси». Более 1250 из них были удостоены наград[68].

Компартия активно выступала за повышение производительности труда, увеличение выпуска вооружений, за быстрейшее открытие второго фронта в Западной Европе, защищала жизненные интересы трудящихся.

Серьезные сдвиги в годы войны произошли в сознании американцев, оказавшихся на фронтах войны. Единство целей сближало американских солдат со всеми, кто сражался против общего врага. Ширились и крепли симпатии к Советскому Союзу. Когда умолкла канонада на равнинах Европы, генерал Стилуэлл, размышляя о сражениях на этом континенте, признал в июне 1945 г., что в течение всей войны американцы видели, что советский воин «вынес на себе всю тяжесть натиска немцев и разбил их. Он превзошел все достижения русских солдат в прошлых войнах, и все солдаты любой национальности горды тем, что они объединены с ним в этой войне. Весь цивилизованный мир должен особенно ценить заслуги центральной фигуры в этой борьбе — русского солдата»[69].

Движение солидарности с Советским Союзом в годы войны приобрело массовый характер, что нашло наиболее наглядное проявление в широкой кампании за открытие второго фронта в Западной Европе. Установились более тесные связи и контакты между американскими и советскими профсоюзами, между народами двух великих государств.

Вместе с тем нельзя не отметить, что в условиях войны заметно проявились и негативные тенденции в рабочем движении США. Усложнились условия классовой борьбы. Представители делового мира использовали добровольный отказ рабочих от забастовок в своих корыстных интересах. Они добились усиления контроля над профсоюзами. Средства массовой информации — печать, радио — широко распространяли идеи «националь-

---

[66] *Сивачев Н. В., Язьков Е. Ф.* Новейшая история США, 1917—1972. М., 1972, с. 158; *Бойер Р. О., Морейс Г. М.* Указ. соч., с. 543.
[67] The Negro Handbook / Ed. by F. Murray. N. Y., 1949, p. 242.
[68] *Foster W. Z.* History of the Communist Party of the United States. N. Y., 1952, p. 409.
[69] Цит. по: Известия, 1945, 3 июня.

ного единства» и «классового мира», что, несомненно, оказывало определенное воздействие на рабочий класс и профсоюзы. Влияние правооппортунистических взглядов на некоторых руководителей Компартии привело к тяжелым последствиям — политическому кризису в партии.

Усилились претензии правящих кругов США на мировое господство, их экспансионистские устремления. Американские монополии и правительство, полагая, что наступило благоприятное для них время, переходили к агрессивному курсу на международной арене. Составной частью этого курса являлись попытки создания широкой сети военных баз на всех континентах и морях.

На межамериканской конференции по проблемам войны и мира, состоявшейся в начале 1945 г. в Мексике с участием представителей всех латиноамериканских государств, дипломатии США удалось создать военный союз: было решено сформировать в Вашингтоне межамериканский штаб, в котором ведущее место принадлежало бы США. Вашингтон предложил принять «Экономическую хартию американских стран», содержавшую три положения: уничтожение всех тарифных барьеров; устранение «экономического национализма», создание гарантий для иностранных капиталовложений. Имелось в виду распространить принципы «равных возможностей» и «открытых дверей» на все Западное полушарие, поставив тем самым корпорации США в исключительно выгодные условия.

США настойчиво добивались удержания за собой построенных в годы войны стратегических баз. В частности 92 базы были созданы в 16 странах Латинской Америки. На Тихом океане они построили 256, на Атлантике — 228 баз. Всего США имели 484 базы для военно-морских сил и морской авиации и 1933 — для армии и стратегической авиации[70]. В послании конгрессу 1 июня 1945 г. Трумэн указывал, что Соединенным Штатам следует, не жалея на это средств, активно развивать систему военного базирования.

В августе 1945 г. подкомитет палаты представителей по военно-морским делам рекомендовал, опираясь на созданные на основных островах Тихого океана базы, превратить этот регион, в зону безраздельного американского господства[71]. Помощник министра военно-морских сил США С. Хенсел 5 сентября 1945 г. заявил, что США намерены «закрепить за собой гигантское послевоенное кольцо военно-морских баз, охватывающее Тихий океан, включая базы, ранее принадлежавшие Англии»[72]. К этому следует добавить, что американские войска к концу войны дислоцировались во многих странах Европы.

Американский экспансионизм приобретал все более отчетливую антисоветскую направленность. На пути глобальной экспансии американского империализма стояли Советский Союз и демократические силы всех стран. Выдвинутая СССР программа послевоенного устройства мира получила поддержку со стороны широких народных масс.

Рост международного влияния СССР, народно-демократические революции в странах Восточной Европы и Азии, подъем национально-освободительного движения в колониальных и зависимых странах вызывали ярость правящих кругов США и других капиталистических государств.

---

[70] *Марион Дж.* Базы и империя. М., 1948, с. 67.
[71] Study of Pacific Bases: Report by Subcommittee of Pacific Bases of the Committee of Naval Affairs, August 6, 1945. Wash., 1945, p. 1010.
[72] *Марион Дж.* Указ. соч., с. 27.

Реакционные силы империализма добивались ужесточения курса в отношении СССР. Администрация Трумэна внимательно прислушивалась к советам Черчилля, который в любом удобном случае призывал твердо противостоять Советской стране, ее растущему авторитету. «В борьбе против Гитлера,— писал он Трумэну,— народы России вызывали к себе огромное доброжелательство на Западе, и прежде всего в Соединенных Штатах» [73].

Консервативные круги Вашингтона стремились подорвать популярность Советского Союза в США, внушить американцам чувство страха перед СССР, создать антисоветский климат как внутри страны, так и за рубежом. 12 мая 1945 г. американское правительство прекратило поставки по ленд-лизу в Советский Союз. Более того, военные руководители США стали изучать возможности войны с СССР. Во время беседы, имевшей место в Берлине в том же месяце, командующие ВВС США и Великобритании генерал Г. Арнольд и главный маршал авиации Ч. Портал согласились, что «следующий враг — Россия... Для успешного использования стратегической бомбардировочной авиации нам нужны базы, расположенные по всему миру, так, чтобы с них мы могли достичь любой объект в России, который нам прикажут поразить» [74].

Таким образом, в те самые дни, когда народы праздновали победу над фашистской Германией, консервативные силы США обсуждали свои действия против Советского Союза. Либеральный журнал «Нейшн» опубликовал 12 мая статью под названием «Антирусское подводное течение», в которой правительство Трумэна обвинялось в «организации антисоветского блока». Два дня спустя в органе КПП была опубликована статья «Остановить третью мировую войну» [75]. В июле вице-президент КПП С. Хиллмэн обратил внимание демократической общественности США на то, что американские реакционеры усиливают кампанию против СССР, «злонамеренно сеют семена подозрения и недоверия к нашему великому союзнику. Они пытаются вычеркнуть из нашей памяти бесценный и героический вклад России в нашу общую победу» [76].

На съезде КП США, состоявшемся в июле 1945 г., подчеркивалось усиление экспансионистских устремлений американского империализма, говорилось об активизации консервативных сил. Партия призвала народ к борьбе против опасных планов Уолл-стрита, направленных на завоевание мирового господства.

В политических и деловых кругах США отчетливо выявились две тенденции по вопросу об отношении к СССР. Одна состояла в нагнетании напряженности в советско-американских отношениях, подрыве основ и принципов антигитлеровской коалиции, другая — в готовности поддерживать и развивать сотрудничество между США и СССР в различных областях, в том числе экономической и торговой. Касаясь перспектив развития экономических отношений между США и СССР, руководитель Управления военного производства Д. Нелсон писал: «В последующие два десятилетия Россия может стать нашим лучшим рынком, США —

[73] *Churchill W.* The Second World War and an Epilogue on the Years 1945 to 1957. L., 1964, p. 965.
[74] *Arnold G.* The Global Mission. N. Y., 1949, p. 586—587.
[75] CIO News, 1945, May 14.
[76] Ibid., July 2.

лучшим рынком для России... Хороший торговец не стреляет в своих покупателей и даже не заикается о таких приемах в делах» [77].

Как трезвый и реальный политик, президент Рузвельт придавал большое значение налаживанию американо-советских отношений. Он выступал за сотрудничество с СССР в годы войны и не раз высказывался за продолжение и поддержание нормальных отношений с Советским Союзом после ее окончания. Разрабатывая проблемы мира после войны, президент задумывался о позиции США в отношении СССР.

Видя рост активности консервативных элементов против сотрудничества с Советским Союзом и понимая трудности и сложности послевоенных проблем, Ф. Д. Рузвельт в январе 1945 г. в выступлении по радио говорил: «Мир может быть достигнут и сохранен только единой решимостью свободных и миролюбивых народов, которые хотят работать вместе, хотят уважать и терпимо относиться друг к другу и пытаются понимать мнение и настроения друг друга. В грядущем мире злоупотребление силой, таящееся в самом термине „политика силы“, не должно быть господствующим фактором международной жизни» [78].

Опасения Рузвельта вскоре подтвердились. Администрация Трумэна, как показали последующие события, встала на путь проведения внешней политики именно с «позиции силы».

[77] *Nelson D.* Op. cit., p. 425.

[78] The Public Papers and Addresses of Franklin D. Roosevelt: 1933 vol.— 1945 vol./ Ed. by S. I. Rosenman. N. Y., 1938—1950, 1944—1945 vol., p. 512—513.

IV

НАУКА И КУЛЬТУРА

Глава семнадцатая

ПРОСВЕЩЕНИЕ И НАУКА

1. СРЕДНЯЯ ШКОЛА

Послевоенное развитие американской экономики и особенно техники способствовало ускорению практической, утилитарной направленности системы образования, которая продолжала приспосабливаться к потребностям «американского образа жизни». Высокий уровень развития промышленности, техники и технологии производства, появление новых отраслей индустрии оказывали все возрастающее воздействие на систему образования. Изменения социально-экономической жизни общества также предъявляли новые требования к школе. Предприниматели и корпорации были заинтересованы в подготовке квалифицированных рабочих, которые могли бы пользоваться техникой и обеспечить крупному капиталу получение наивысших прибылей. Отсюда возросло внимание к школе; целенаправленный подход к обучению учащихся был проникнут практицизмом. Эта тенденция стала господствующей. На нужды школ затрачивалось значительно больше средств, чем в других капиталистических странах.

В 1925/26 учебном году при населении страны в 117 млн. человек в общественной начальной школе обучалось около 21 млн. школьников, а в общественной средней — около 4 млн. [1] К 1930 г. в 250 тыс. школ страны насчитывался уже 31 млн. учеников, или 88% детей в возрасте от 7 до 17 лет [2]. Эти показатели были высокими по сравнению с другими капиталистическими странами. Некоторые особенности системы народного образования США, в том числе децентрализованный характер управления школьным делом, положительно оценивала Н. К. Крупская, но вместе с тем особенно подчеркивала, что в этой ведущей капиталистической стране «вся школа пропитана архибуржуазным, шовинистическим духом» [3].

Единой системы образования в США не было, каждый штат имел свое школьное законодательство. Во многих штатах сохранилась старая

---

[1] The Journal of the National Education Association, 1927, vol. 17, N 7, p. 230.
[2] *Noble S. G.* A History of American Education. N. Y., 1954, p. 330; *Cremin L. A.* The Transformation of the School. N. Y., 1961.
[3] *Крупская Н. К.* Педагогические соч.: В 11-ти т. М., 1958—1963, т. 2, с. 142.

система образования 8+4 (8-летний срок обучения в начальной школе и 4-летний — в средней). Однако начавшееся в 1909 г. движение за реорганизацию системы образования ширилось. В некоторых штатах, особенно промышленных, появилась система 6+6. Все большее распространение получила система 6+3+3, которая предусматривала деление средней школы (highschool) на младшую (junior) и старшую (senior) ступени, каждая с 3-годичным сроком обучения. В младшем звене (12—15 лет) наблюдался самый большой отсев учащихся из школы. Многие американские семьи не располагали материальными возможностями для того, чтобы дети завершали полное среднее образование.

Если в предшествующий период средняя школа рассматривалась как ступень для подготовки к колледжу, то теперь ее основная задача состояла в том, чтобы вооружить школьников определенным минимумом профессиональных умений. «Ученики этого возраста,— говорилось в одной из педагогических работ,— должны выявлять свои профессиональные интересы и наклонности» [4]. Известный американский педагог Ч. Беннетт, проанализировав в 1921 г. работу младших средних школ в 38 городах страны, пришел к выводу, что трудовое обучение в них сводится к профессиональной ориентации и профессиональной подготовке [5]. Таким образом, широкое введение трудового обучения в младшую среднюю школу носило сугубо практический, утилитарный характер, не было связано с общим образованием и тем более всесторонним развитием личности.

Американские буржуазные педагоги упорно старались доказать, будто существовавшая в США система образования сыграла решающую роль в экономическом развитии страны. При этом особенно подчеркивалось, что школа должна способствовать укреплению системы частного предпринимательства, социальной и политической стабильности общества.

Сложности и противоречия экономического, социального и политического развития страны, подъемы и кризисы подвергали серьезным испытаниям всю систему школьного образования. Основной чертой ее был огромный отсев учащихся [6]. В 1925/26 — 1930/31 учебные годы из каждой тысячи человек, обучавшихся в 5-м классе, среднюю школу оканчивали от 51,5 до 37%. Главная причина отсева — ухудшавшееся материальное положение трудящихся США, вынуждавшее подростков покидать школу в поисках средств для существования. Характерны данные о социальном положении учащихся, покинувших школу. Так, отсев по различным социальным группам составлял 1 из 13 учеников, родители которых были инженерами; 1 из 9 среди государственных служащих; 1 из 7 среди торговцев; 1 из 3 среди высококвалифицированных рабочих; 1 из 2,5 среди фермеров; 2 из 3 среди неквалифицированных рабочих и 7 из 8 среди сельскохозяйственных рабочих [7].

Зажиточные слои населения предпочитали отдавать своих детей в частные учебные заведения. За право обучения в них взималась очень высокая плата, зато учащихся готовили к поступлению в наиболее престижные колледжи и университеты. Программа обучения в частных школах во многом отличалась от общественных: она носила строго акаде-

[4] Industrial Art Education in Grades 7—8—9. Harrisburg, 1927, p. 3.
[5] Bureau of Education. Development of the Plans for Preparation of Teachers. Wash., 1923, p. 10.
[6] *Good H. V.* A History of American Education. N. Y., 1956, p. 459.
[7] *Edwards N., Richey H.* The School in the American Social Order. N. Y., 1947, p. 700.

мический характер с применением современных форм и методов обучения; трудовому обучению уделялось незначительное внимание. Эти школы были лучше оборудованы, в них работали более квалифицированные педагоги. В частных учебных заведениях обучалось около 10% всех детей школьного возраста.

Неблагоприятно обстояло дело с образованием цветного населения. К концу первой мировой войны в южных штатах насчитывались всего 64 средние общественные школы и почти все они находились в городах. Уровень подготовки в элементарных школах был настолько низким, что в средних школах приходилось заново учить детей чтению, письму и счету. Такое состояние образования давало основание некоторым американским педагогам констатировать: имеющихся средних школ для негров совершенно недостаточно для того, чтобы подготовить необходимое число учителей для негритянских элементарных школ; школы плохо оборудованы; нет преемственности младшей и старшей ступеней [8]. Некоторые руководители американской системы образования утверждали, будто негры вообще не способны к умственному труду и потому в негритянских школах главное внимание надо уделять практическим знаниям. Негритянские школы располагались в полуразвалившихся домах, не хватало учебников, письменных принадлежностей. К тому же и учителя, которым приходилось нести очень большую нагрузку, получали заработную плату в несколько раз меньшую, чем их белые коллеги.

Данные о ежегодных затратах на обучение негров и белых в 1931/32 учебном году убедительно свидетельствуют о расистском подходе к делу народного образования, о дискриминационной политике по отношению к негритянскому населению страны [9]; в штате Алабама они составляли на белого учащегося 37,5 долл., на негра — 7,16 долл.; в штате Виргиния соответственно — 47,46 и 13,30. Подобные примеры можно привести и по другим штатам. Процент неграмотных достигал в 1920 г. среди негритянского населения 22,9, а в некоторых южных штатах — даже 30 (среди белых неграмотных было около 4%) [10].

В стране ощущалась острая нехватка общественных школ, отмечался невысокий уровень квалификации занятых в них учителей. Росла наполняемость классов. Так, с 1930 по 1934 г. число школьников страны увеличилось на 675 тыс., а учителей сократилось на 40 тыс. Тяжелый удар народному образованию нанес кризис 1929—1933 гг. В 1930 г. около 3,5 млн. детей школьного возраста не посещали школу. Резко упала продолжительность срока обучения. Даже в крупных промышленных городах он уменьшился на два месяца. Во многих школах отменили преподавание ряда предметов. С большей силой последствия кризиса сказались на аграрных штатах. Например, в штате Алабама в 1933 г. 85% общественных начальных и средних школ были закрыты [11]. Повсеместно сокращались расходы на просвещение. Снижалась или почти не выплачивалась заработная плата учителям, сокращались часы на гигиену, санитарию, домоводство, стоимость учебников возросла на 30%. Трудным стало по-

---

[8] Negro Education. A Study of Private and Higher Schools for Colored People in the Unites. Wash., 1917, vol. 1, p. 44.
[9] *David R.* School and Crisis. N. Y., 1934, p. 8.
[10] The American Labor Year Book, 1928. N. Y., 1928, p. 127.
[11] *David R.* Op. cit., p. 8.

ложение учительства; свыше 200 тыс. учителей остались без работы.

Теория и практика школьного обучения в США тесным образом были связаны с психологической концепцией о мнимой врожденности и неизменности умственных способностей детей. Именно в послевоенные годы в американской школьной практике широкое распространение получили интеллектуальные тесты, исходившие из этой антинаучной концепции. Внедрению тестов в школьную жизнь способствовал ряд факторов. Американская буржуазия подходила к народному образованию с классовых и чисто практических, утилитарных позиций, стремилась использовать его для извлечения наибольшей прибыли. Буржуазная педагогика и социология, дифференцированная психология ревностно выполняли социальный заказ господствующего класса. «Влияние бизнеса на социальные перспективы и политику педагогов бесспорно»,— отмечал американский автор [12].

Главным вдохновителем и пропагандистом тестовых измерений был известный психолог Э. Л. Торндайк (1874—1949), который считал, что задачи школы не могут быть для всех учащихся одинаковыми. Школа, в которой обучаются «энергичные и умные» ученики, должна иметь одни цели; обычная общественная школа — другие; начальная школа для детей иммигрантов — третьи и т. п. На основании теории умственной одаренности учащихся по данным тестирования уже в начальной школе стали делить на потоки A, B, C — «одаренные», «нормальные», «неспособные». В разряд «неспособных», как правило, попадали дети из малообеспеченных семей. В старших классах средней школы были введены несколько профилей обучения: академический (включал учащихся только потоков A и B и готовил к поступлению в высшую школу); коммерческий (готовил мелких служащих различных фирм, компаний, агентств) и общий. Общий профиль вообще не давал полноценного среднего образования, готовил школьников исключительно для практической деятельности.

Теория умственной одаренности и связанная с ней практика тестирования вызвали критику со стороны некоторых педагогов США. Так, У. Ч. Бэгли (1874—1946) обоснованно указывал, что фактически тесты интеллектуальной одаренности показывают не врожденные свойства личности, а лишь то, что учеником усвоено. Эта теория, по его мнению, сродни расизму.

В условиях обострения социальных противоречий в американском обществе усилились полицейский террор и разгул реакции, что сказывалось и на школьном деле. Учительство подвергалось гласному и негласному надзору и самой мелочной регламентации со стороны властей. В большинстве штатов от учителей при приеме на работу требовалась присяга в лояльности. В тексте присяги говорилось о поддержке и соблюдении конституции США, об отказе от какого бы то ни было сочувствия политическим, экономическим и социальным теориям, противоречащим идеалам американизма. Содержание присяги носило отчетливо выраженный антикоммунистический характер и открывало правящим кругам путь для самого широкого и произвольного ее толкования в собственных интересах. За нарушение предписаний виновные изгонялись из школ и подвергались преследованиям. Всячески преследовалось профсо-

---

[12] *Curti M.* The Social Ideas of American Education. Totowa, 1966, p. 230.

юзное движение среди учителей, подавлялись выступления за повышение заработной платы.

Репрессии против учительства усиливались с каждым годом. «За последние несколько лет академические свободы постоянно нарушаются,— говорилось в прогрессивном американском ежегоднике.— Учителей и профессоров заставляют молчать или увольняют с работы за то, что они выражают собственное мнение по поводу науки и религии или придерживаются радикальных взглядов» [13]. Позорным судилищем мракобесия над наукой явился «обезьяний» процесс в г. Дейтоне (штат Теннесси) в июле 1925 г. над учителем Дж. Скопсом, привлеченным к уголовной ответственности за то, что он излагал в школе теорию Ч. Дарвина о происхождении человека. Скопс был приговорен к штрафу. После этого процесса в ряде штатов были установлены «обезьяньи» законы, просуществовавшие в разных местах вплоть до 1975 г.

Содержание школьного обучения, и прежде всего преподавание предметов общественного и языковедческого циклов, было проникнуто духом великодержавного шовинизма, американского гегемонизма, теорией «американской исключительности». Искажался смысл и значение происходивших в мире революционных преобразований, принижался вклад народов других стран в сокровищницу мировой культуры, идеализировались «преимущества» буржуазного социального строя в США, американской демократии, проповедовались «социальное партнерство» и «классовый мир», идеи национализма и расизма.

В годы «просперити» резко возросло влияние «большого бизнеса» на все сферы народного образования. Интересам бизнеса были подчинены цели, содержание и методы обучения. Возобладал сугубо инструменталистский, утилитарный подход, процесс обучения сводился в значительной степени к приобретению узкого круга практических навыков и знаний. Даже в состав Бюро по народному образованию включались представители бизнеса, которые стремились приспособить школу к интересам и потребностям крупного капитала — промышленной индустрии [14]. Период между двумя мировыми войнами можно без всякого преувеличения назвать временем безраздельного господства в педагогике и школе США идей прагматизма, связанных с именем Дж. Дьюи. Философия прагматизма во многом способствовала «стандартизации мыслей», усиленно культивировавшейся после первой мировой войны.

Следует отметить, что прагматистская педагогика укрепляла свои позиции, распространяла влияние на школу в межвоенный период отнюдь не стихийно. В 1919 г. многочисленные сторонники прагматизма основали «Прогрессивную ассоциацию народного образования». Вот некоторые педагогические принципы, которые были положены в основу деятельности этой организации: свобода естественного развития ребенка; интерес — главный мотив всякой работы; учитель — помощник ученика, а не руководитель; «научный подход» к развитию детей; особое внимание ко всем факторам, влияющим на их физическое развитие; связь школы с семьей. «Прогрессивная ассоциация народного образования», объединив в своих рядах сторонников прагматистской педагогики, играла большую роль в определении педагогического климата школ.

---

[13] The American Labor Year Book, 1928, p. 192.

[14] *Каунтс Д.* Теория воспитания в Америке. М.; Л., 1931, с. 75.

Благодаря влиянию идей прагматизма в педагогической теории резко усилилась тенденция принижать общеобразовательные задачи школы, под видом приближения школы к жизни проповедовались практицизм и утилитаризм. В результате школа в значительной степени утрачивала общеобразовательный характер. Многие педагогические идеи Дьюи были доведены его многочисленными последователями до таких крайностей, о каких не думал и сам их основоположник. В их числе принижение роли учителя, превращение воспитания и образования в стихийный и фактически неуправляемый процесс. Дьюи переоценивал значение обучения посредством «делания», слишком большое место отводил трудовым процессам, защищал не только идею связи трудового обучения с науками, но и снижение общеобразовательного уровня школьного обучения, что нашло отражение в методике (Дальтон-план, метод проектов, комплексный метод, Виннетка-план и др.). Фактически педагогика Дьюи была направлена на то, чтобы приспособить молодое поколение к жизни в буржуазном обществе, вписать его в «американский образ жизни».

Подтверждением тому являлся Дальтон-план, разработанный и примененный Э. Паркхерст. Ссылаясь на то, что школа не дает своим воспитанникам никаких практических знаний, игнорирует личный опыт ребенка, а педагогика слишком часто оглядывается на классиков — Песталоцци, Фребеля, Гербарта,— Паркхерст настаивала на том, чтобы школьнику была предоставлена «полная свобода» без перерывов заниматься любым интересующим его предметом. «Долой классно-урочную систему, долой весь старый уклад школьной жизни! Пусть дети в школе занимаются чем хотят и сколько хотят»,— заявляла Паркхерст[15]. Такого крайнего педоцентризма не встречалось и у Дьюи.

Другое новшество — метод проектов, среди авторов которого был В. Х. Килпатрик, один из самых ревностных последователей идей Дьюи[16]. Основная идея этого метода заключалась в комплексном преподавании, которое должно было вытеснить преподавание предметное. На деле же эта разрекламированная комплексность свелась к механическому слиянию, к интеграции, объединению знаний вокруг определенного «целевого акта» — «проекта» (например, изготовление модели лодки или строительство домика). Предполагалось, что проекты, или жизненные задачи, будут возникать благодаря внутреннему интересу учащихся, которые сами оценят результат своей деятельности. Если в старой школе ученик только выполнял работу, то в современных условиях сам может выбрать вид проекта, наметить план и даже подвести итоги. Роль учителя, по методу проектов, сводилась лишь к организации условий для работы, в остальном детям предоставлялись самые широкие возможности для проявления собственной активности.

Однако подобная интеграция не позволяла выработать у школьников на начальной ступени хороших навыков чтения, письма, счета, т. е. той основы, без которой немыслимо дальнейшее обучение[17]. Критикуя догматическую словесность традиционной школы, Килпатрик проповедовал буржуазное делячество и практицизм под предлогом улучшения системы народного образования.

---

[15] *Паркхерст Е.* Воспитание и обучение по Дальтонскому плану. М., 1925, с. 20.
[16] *Килпатрик В.* Метод проектов. Л., 1925, с. 13.
[17] *Малькова З. А.* Современная школа США. М., 1971, с. 144—145.

Внимание к детской индивидуальности, ориентация на личность не случайно проявились в буржуазной педагогике. Это была своего рода педагогическая реакция на развитие государственно-монополистического капитализма и его проявления в социальной жизни США.

Сосредоточение политической и экономической власти в руках финансовой олигархии, разорение средних и мелких предпринимателей воспринимались мелкобуржуазными педагогами как следствие забвения личности человека, невнимания к индивидууму. По мнению этих педагогов, американцы стали стандартно мыслить и чувствовать, не проявляют самостоятельности. Отсюда делался вывод об усилении индивидуалистической ориентации в формировании человеческой личности. Однако педоцентристские теории представителей американской педагогики отнюдь не противоречили интересам крупной буржуазии. Воспитание индивидуалистов, забота прежде всего о личных интересах, о своем успехе и процветании — все это было нужно и выгодно сильным мира сего.

Необходимо отметить, что уже в 30-е годы появились первые критические высказывания по адресу педагогики прагматизма. Некоторые педагоги стали задумываться о том, насколько целесообразно применение этих идей в школьной практике. Так, Педро Ората в 1938 г. писал, что идеи Дж. Дьюи лишают школу системы и организации. Стали появляться работы, в которых все сильнее звучала неудовлетворенность состоянием американской школы. «В настоящее время,— говорилось в статье, опубликованной в журнале «Эдюкейшн»,— Америка нуждается в новом образовании, которое даст возможность подготовить юношей и девушек для жизни в новом мире» [18].

2. ВЫСШЕЕ ОБРАЗОВАНИЕ

Первая мировая война прервала затишье, установившееся в американской высшей школе в начале XX в., когда академический мир и страна в целом осмысливали и оценивали результаты реформ и нововведений предшествующих десятилетий. Вузы ощутили дыхание войны задолго до марта 1917 г. Не говоря уже об охвативших кампусы спорах между изоляционистами и интервенционистами, пацифистами, милитаристами и интернационалистами, перед вузами встал вопрос о включении в программу военной подготовки. Обсуждение его велось не только с политических, но и с сугубо корпоративных позиций, поскольку многих волновало отношение к войне не столько США, сколько самой высшей школы. В целом большинство преподавателей и студентов не смогли и не захотели остаться в стороне от политических событий. Когда же участие США в войне стало свершившимся фактом, вузы поспешили поставить свои ресурсы на службу государству. Со своей стороны федеральное правительство также старалось заручиться поддержкой вузов.

Стремясь «предотвратить ненужное и расточительное опустошение колледжей» и как следствие дефицит специалистов в стратегически важных областях знания, правительство предоставило студентам отсрочку от военной службы. Одновременно оно заключило контракты приблизительно с 500 вузами, в соответствии с которыми те должны были вести исследования для вооруженных сил и военной промышленности, а также

---

[18] Education, 1934, vol. 54, p. 124.

обеспечить офицерскую подготовку студентов. В результате основная масса студентов так и не попала на фронт [19].

В январе 1918 г. Американская ассоциация колледжей (ААК) призвала президента В. Вильсона «принять меры по необходимой мобилизации высших учебных заведений для нужд войны» и по координации их усилий в этом направлении. Федеральное правительство, в начале века всячески избегавшее какого-либо вмешательства в дела колледжей и университетов (даже принятия на себя аккредитационных функций), на этот раз проявило заинтересованность. Однако большинство вузовских ассоциаций, оберегая свою автономию, не поддержало инициативу ААК, и в итоге координационные полномочия были возложены на неправительственный Американский совет по образованию (АСО) [20], который содействовал правительству в использовании интеллектуального потенциала страны в военных, а позднее и в других целях, но решительно и успешно противился установлению какого-либо контроля Вашингтона, штатов или муниципалитетов над финансами или учебно-научными программами вузов [21].

Возникновение АСО явилось важной вехой в истории американской высшей школы. До начала XX в. вузы были связаны личными контактами президентов и преподавателей в рамках ученых обществ. Их объединяли стремление защитить академические свободы, добиваться признания американских дипломов за рубежом и некоторые другие факторы. Но центробежные силы вековых автономных традиций не позволили возникавшим время от времени межвузовским объединениям приобрести сколько-нибудь значительные полномочия. Только прямая угроза государственного вмешательства заставила вузы теснее сплотить ряды. Координация деятельности высших учебных заведений и их сотрудничество с государством уже давно стали настоятельной потребностью, хотя бы из финансовых соображений, однако вузы предпочли прямому контролю со стороны государства посредничество неправительственных, но признаваемых правительством организаций [22]. В этом смысле создание АСО было важным шагом в сторону государственно-монополистического регулирования деятельности высшей школы.

Конечно, речь шла пока только о наметившейся тенденции. На протяжении всего рассматриваемого периода высшая школа США представляла собой аморфную совокупность разноликих заведений. Это обстоятельство было обусловлено тем, что реформы, последовавшие за гражданской войной, нарушили прежнее единство высшей школы, касавшееся представлений о целях и задачах образования. Наряду с академическими колледжами (правда, уже немногочисленными, сохранявшими верность старому взгляду, хотя и в различной степени, согласно которому они призваны готовить джентльменов и не столько обучать, сколько воспитывать) существовали учебные заведения совершенно другой ориентации: исследовательские университеты, стремившиеся готовить ученых, колледжи, предлагавшие узкопрофессиональное образование или, напротив, нацеленные на то, чтобы несколько повысить общий культурный уровень

[19] *Rudolph F.* The American College and University. A History. N. Y., 1968, ch. 21.
[20] *Dobbins Ch.* The American Council of Education. Wash., 1968, p. 2—4.
[21] *Halstead D. K.* Statewide Planning in American Society: Higher Education. Wash., 1974, p. 6—9.
[22] *Perkins J.* Higher Education: From Autonomy to System. N. Y., p. 107—108.

своих подопечных. Многоликость американской высшей школы усиливалась вследствие неодинаковых возможностей: они отличались качеством обучения, религиозными доктринами, региональными традициями.

В рассматриваемый период высшая школа США по ряду показателей оказалась на первом месте в капиталистическом мире. Число вузов, составлявшее в 1920 г. немногим более тысячи, выросло к 1930 г. почти до 1,5 тыс., а в 1940 г. превысило 2 тыс.; число студентов увеличилось с 620 тыс. до 1,5 млн. Среди людей в возрастной группе от 18 до 21 года их доля возросла с 7,9 до 14,5%, и это несмотря на депрессию и наметившееся в начале 20-х годов снижение рождаемости. Расходы на высшее образование составили в 1920 г. 216 млн. долл., а 20 лет спустя — уже 758 млн., или соответственно 0,23 и 0,73 валового национального продукта[23]. Однако по выпуску специалистов, имевших за плечами минимум 4 года в колледже (около 690 тыс. в 1940 г.), США заметно отставали от Германии или Франции, по крайней мере в пересчете на душу населения[24]. Расходы американской высшей школы на науку до начала второй мировой войны ни разу не превысили 27 млн. долл.

Соответственно выпуск докторов наук (степень, приблизительно адекватная нашей кандидатской) составил 560 в 1920 г. и 3276 в 1940 г. Соединенные Штаты опережали Западную Европу по техническим изобретениям, но сильно отставали от нее в развитии фундаментальной науки. В стране было мало настоящих ученых, и, несмотря на участившиеся в последнее время попытки отрицать это, иммиграция более чем 23 тыс. европейских ученых, спасавшихся от фашизма, сыграла в становлении американской науки исключительно важную роль[25].

Нельзя не отметить сравнительно невысокий уровень образования, предлагаемого большинством американских вузов. Всего лишь три-четыре десятка университетов и колледжей (таких, как Гарвард, Йел, Принстон, Дьюк, Стэнфорд, Колумбийский, Чикагский, Калифорнийский университеты, Массачусетский технологический институт (МТИ), Нью-Йоркский городской колледж) и сотня-другая хороших вузов рангом ниже. Большинство же — притом подавляющее — высших учебных заведений США отличалось низким уровнем образования. По некоторым оценкам, до четверти существовавших тогда колледжей вообще не могут рассматриваться как высшие учебные заведения в европейском смысле слова. Среди них было несколько десятков предприятий, попросту фабриковавших дипломы за деньги, но основную массу составляли нормально функционировавшие колледжи, программы которых обеспечивали, однако, чуть больше, а иногда и чуть меньше среднего образования[26]. Подобные колледжи имелись по всей стране, но больше всего их было в гетто крупных городов и в пораженных депрессией сельских районах Юга и Среднего Запада.

Следует также иметь в виду, что подавляющее большинство американских студентов учились очень недолго. В 1920—1940 гг. от 46 до 57% вузов были двухгодичными, в остальных (даже в Гарварде!) также

---

[23] Подсчитано по: Digest of Educational Statistics. Wash., 1978, p. 85, 129.

[24] *Harris S. E.* A Statistical Portrait of Higher Education. N. Y., 1972, p. 318, 323, 349.

[25] *Rudy S. W., Brubacher J. S.* Higher Education in Transition. A History of American Colleges and Universities, 1636—1968. N. Y., 1968, p. 418—421.

[26] *Rudoplh F.* Curriculum. San Francisco, 1977, p. 96; Blacks in America: Bibliographical Essays. Garden City, 1971, p. 212.

считалось вполне естественным, чтобы значительная часть студентов покидала университет после двух лет обучения. Предполагалось, что на младших курсах студент получает общее представление о самых разных областях знания, имея возможность одновременно начать углубленно заниматься каким-то одним предметом или же, решив ограничиться двумя годами колледжа, сосредоточиться на дисциплинах прикладного характера. Однако в те годы лишь очень немногие «младшие колледжи» гарантировали то, что можно было бы назвать полноценным незаконченным высшим образованием.

Как правило, вузы предлагали студентам десятки и даже сотни предметов. Начавшееся в 60-е годы XIX в. внедрение в учебный процесс прикладных дисциплин и растущая профессионализация высшего образования [27] имели оборотной стороной включение в вузовские каталоги — особенно в период «просперити» — таких «бутербродных» курсов, как кройка и шитье, вождение автомобиля, история бейсбола и т. д. Как раз в эти годы элективный принцип обучения (т. е. предоставление студентам возможности формировать свою учебную программу), разработанный в свое время для высокоинтеллектуальной атмосферы Гарварда, распространился на большинство рядовых вузов страны и был доведен в них до абсурда.

Начались поиски выхода из создавшегося положения. В Свартморе было решено присуждать степень только тем, кто изучал определенные, действительно научные дисциплины [28]; в Стэнфорде и в МТИ было введено понятие «основного» и «вторых» обязательных предметов, которые надлежало выбирать из числа подлинно научных; в Гарварде и университете штата Индиана разработали шкалу, в соответствии с которой оценивалось знание курса — для получения степени стало необходимым набрать определенное количество баллов [29]. Лучшие вузы страны приняли одну из этих систем уже в 30-е годы, но для большинства такая реформа была тогда еще лишь делом будущего.

Сложными были финансовые проблемы высшей школы, что объяснялось прежде всего нерегулярностью доходов. Изменение экономической конъюнктуры автоматически влияло на налоговые поступления в казну штатов и муниципалитетов и немедленно сказывалось на их ассигнованиях государственным вузам. Нужно иметь в виду, что в то время государственные вузы (составлявшие около половины общего числа) почти не получали пожертвований от частных корпораций или фондов, исключение составляли в основном негритянские колледжи. Если к этому добавить, что штаты практически совсем не помогали муниципальным вузам, а муниципалитеты — вузам штатов, то нетрудно представить, к каким последствиям приводило сокращение субсидий даже на несколько процентов [30].

Частные колледжи и университеты в целом находились в лучшем положении, но и у них были свои проблемы. Они, по существу, всецело зависели от милости бизнесменов, положения дел на бирже, а кроме того, сплошь и рядом пожертвования обставлялись определенными усло-

---

[27] *Филиппова Л. Д.* Высшая школа США. М., 1981, с. 76—83.
[28] *Rudy S. W., Brubacher J. S.* Op. cit., p. 269.
[29] *Thayer V. T.* Formative Ideas in American Education. N. Y., 1970, p. 115.
[30] См., например: *Rudy S. W.* The College of the City of New York: A History, 1847—1947. N. Y., 1949, p. 376, 445.

виями, требуя, например, направить эти средства на строительство именно нового общежития и ничего другого, а то еще на исследования, призванные доказать несостоятельность эволюционной теории. Разумеется, благотворители обычно обговаривали с руководством вуза свои намерения, но далеко не всегда, и известно немало случаев, когда вузы были вынуждены отказаться от ценных пожертвований [31]. Еще на более жестких условиях предоставляли дотации вузам корпорации, почти всегда облекая их в форму контрактов. В отличие от них благотворительные фонды предпочитали позволить вузам самим решать, как поступить с ассигнуемыми им средствами, или же выражали самые общие пожелания: например, использовать эти средства на изыскания в области биологии, а не физики [32].

Впрочем, фонды, как и весь частный капитал, были весьма разборчивы в том, в какие вузы вкладывать деньги: в 30-е годы 20 университетов получили 75% всех их ассигнований, 25% пришлись еще на 300 вузов, остальные не получили от фондов ни единого доллара. Оставались ассоциации «алюмни», и они действительно не раз, особенно в годы кризиса, выручали вузы из беды: Йел, например, выкачивал из своих выпускников до 1 млн. долл. в год [33]. Однако бедные вузы имели обычно не слишком богатых студентов.

Возможности федерального правительства в отношении субсидирования высшей школы заметно расширились после принятия в 1913 г. XVI поправки к конституции. Однако республиканские администрации санкционировали сокращение государственной помощи высшей школе, которая в итоге уменьшилась с 37,5% в 1919/20 учебном году до 30,8% спустя 10 лет [34]. Колледжи и университеты, даже государственные, категорически отвергали в то время любые попытки государства контролировать использование выделяемых им средств. Это не могло не расхолаживать финансовые ведомства, которые разделяли широко распространенное мнение, что налогоплательщики не должны оплачивать забавы профессоров.

Антиинтеллектуальные настроения, странно уживающиеся в сознании рядового американца с верой в чудодейственную силу образования как панацеи от всех жизненных бед, особенно пышно расцвели в годы «просперити». Кумиром обывателя тех лет был бизнесмен вроде Г. Форда, дошедший до всего «своим умом» и доказавший превосходство над учеными мужами личным преуспеянием. Польза обучения в вузе не отрицалась, тем более что социологические обследования конца 20-х годов показали несомненную зависимость продвижения по службе от уровня образования [35], но только этим, по мнению большинства, и определялась его ценность. Преобладало убеждение, что деловые люди (а таковыми были склонны считать себя очень многие), которые, кстати, поддерживают колледжи налогами и платой за обучение своих детей, вполне могут решать, что и как там следует преподавать. К этому следует добавить

---

31 См., например: *Yeomans H. A.* Abbott Lawrence Lowell. Cambridge (Mass.), 1948, p. 405—409.
32 *Kevles D. J.* Physicists. The History of a Scientific Community in Modern America. N. Y., 1979, p. 248.
33 *Pierson G. W.* Yale: College and University. New Haven, 1955, vol. 2, p. 230—232
34 Digest of Educational Statistics, 1978, p. 129.
35 *Pierson F. C.* The Education of American Businessman. N. Y., 1959, p. 25.

традиционное недоверие простых американцев к «высоколобым», что в условиях фундаменталистской истории тех лет нередко оборачивалось обвинением ученых в аморальности и антиамериканизме или, как выразился однажды печально знаменитый герой «обезьяньего» процесса У. Брайан, в «научном советизме» [36].

Эти настроения в трансформированном виде проникли и в вузы, побуждая студентов пренебрегать теоретическими курсами и направляя их интересы к сугубо прагматическим дисциплинам и внеучебным кампусным мероприятиям. Руководство вузов, особенно небольших провинциальных колледжей, в известной мере также отдало дань прагматическим веяниям, безмерно гипертрофировав хозяйственную функцию высшего образования. Ориентация на обслуживание потребностей деловых кругов зачастую выливалась в потакание узким, упрощенным и сиюминутным интересам клиентов и приводила к катастрофическому снижению уровня образования. Проявлением антиинтеллектуальных настроений была также готовность вузов вкладывать непомерно большие суммы в неакадемическую сферу, например в строительство роскошных спортивных сооружений и организацию помпезно обставленных соревнований, так что одно время существовало полусерьезное опасение, что сокращение «В. А.» скоро станет обозначать не «бакалавр искусств», а «бакалавр атлетики».

Разразившийся в конце 1929 г. экономический кризис не обошел высшую школу стороной, однако ударил он по ней не так сильно, как по промышленности, сельскому хозяйству или средним школам. Это особое положение вузов объясняется многими причинами и, наверное, в первую очередь разнообразием источников их доходов, которое в определенной степени позволяло вузам маневрировать и компенсировать сокращение ассигнований со стороны фондов и частных фирм экстренными сборами ассоциаций «алюмни» и пуском в оборот части основного капитала, который они, практически не подлежа налоговому обложению, накапливали в более благоприятные годы [37]. Не менее существенно, что вплоть до 1932 г. бюджет большинства вузов продолжал расти, причем во многом за счет увеличения ассигнований со стороны государства и бизнеса, а когда в 1933—1934 гг. все же сократился, то не так сильно, как можно было бы ожидать [38]. Государство и частный капитал отводили вузам весьма серьезную роль в решении хозяйственных и особенно социальных проблем.

В соответствии с давней, восходящей еще к эпохе Просвещения традицией большинство американцев видели в образовании, тем более высшем, залог успеха и социального продвижения. Поэтому даже в худшие годы кризиса и депрессии огромная часть населения была готова нести расходы по обучению и содержанию детей в школе и колледже, тем более что (для психологии американца это немаловажный момент) значительную часть этих расходов брал на себя кто-то другой. Парадоксальным образом порожденная кризисом массовая безработица в известной мере даже способствовала сохранению, а затем и росту студенческого контингента: невозможность найти работу побудила многих «средних» амери-

---

[36] *Hofstadter R.* Anti-intellectualism in American Life. N. Y., 1963, p. 127.
[37] См., например: *French J. C.* A History of the University Founded by Johns Hopkins. Baltimore, 1946, p. 374—378.
[38] Historical Statistics of the United States. Colonial Times to 1970. Wash., 1975, p. 384.

канцев, сохранивших минимальный достаток и заботившихся о семейном престиже, пойти в колледж. Поэтому численность студенчества даже в самые тяжелые для высшей школы 1932—1934 гг. сократилась всего на 8,6%, а затем снова и быстро стала увеличиваться [39].

И все же удар кризиса был сильным. Впервые за всю историю США диплом колледжа не гарантировал от безработицы: к весне 1934 г. в таком положении оказались несколько сотен тысяч человек. Была даже создана ассоциация безработных выпускников высшей школы, причем среди ее основателей находилось немало питомцев лучших вузов страны: Колумбийского университета, Гарварда, Вассара, Свартмора [40]. Прогрессирующее обеднение налогоплательщиков катастрофически сказалось на бюджете штатов, в ведении которых находилось подавляющее большинство государственных вузов. В результат штаты были вынуждены урезать ассигнования высшей школе с 175 млн. долл. в 1932 г. до 118 млн. в 1934 г.[41]

В этой ситуации повышать (или вводить) плату за обучение, как это делалось на протяжении 20-х годов, было бессмысленно, ибо такая мера ударила бы бумерангом по самим вузам. Вместо этого большинство вузов пошло на то, чтобы принимать практически всех желающих, как бы слабо те ни были подготовлены, и свести на нет отсев среди студентов. Одновременно вводился режим жесткой экономии: были существенно сокращены средства на обслуживание, строительство, ремонт, даже на пополнение библиотек и научные исследования [42]. Но этого, как правило, оказывалось недостаточно, и тогда встал вопрос о сокращении штатов и уменьшении окладов преподавателей. Освободившиеся ставки ликвидировались, почти полностью прекратилось продвижение по службе, в 84% вузов пришлось пойти на уменьшение заработной платы, местами существенное. По сравнению с пиковым 1930/31 учебным годом в среднем по стране она снизилась за три следующих года на 14%, хотя затем опять стала расти, но очень медленно, так и не достигнув к началу войны преддепрессионного уровня [43].

Стремясь удержать студентов, вузы стали помогать им в поисках приработка, предоставлять всевозможные льготы, иногда даже приспосабливать учебные программы к новым интересам и образу жизни студентов [44]. Финансовые трудности заставили руководителей ряда колледжей и университетов искать выход в том, чего они раньше, оберегая свою автономию, всячески избегали, а именно в координации педагогической, научной и иной деятельности. Имели место даже случаи слияния двух-трех вузов в один (например, государственных колледжей Северной Каролины, негритянских колледжей Атланты и Нового Орлеана) [45]. Эти эксперименты дали определенные результаты, однако вряд ли высшая школа США сумела бы выйти из затяжного кризиса без больших потерь, если бы не чрезвычайные меры, предпринятые в рамках «нового курса».

[39] Digest of Educational Statistics, 1978, p. 34.
[40] *Shannon D. A.* The Great Depression. Englewood Cliffs, 1960, p. 91—92.
[41] *Harris S. E.* Op. cit., p. 585.
[42] *Wecter D.* The Age of Great Depression, 1929—1941. N. Y., 1948, p. 190; *French J. C.* Op. cit., p. 363—364.
[43] *Rudolph F.* The American College..., p. 465—466.
[44] *Rudy S. W., Brubacher J. S.* Op. cit., p. 379.
[45] *Holmes D.* The Evolution of the Negro College. N. Y., 1970, p. 194—196.

В первые месяцы администрации Ф. Д. Рузвельта высшей школе уделялось мало внимания. Собственно говоря, первая важная инициатива «нового курса», которая непосредственно касалась вузов, исходила не из Вашингтона, а из Миннесоты, где у власти стояло тогда возглавлявшееся Ф. Олсоном правительство реформистской Фермерско-рабочей партии. Когда в апреле 1933 г. федеральное правительство начало создавать в рамках Гражданского корпуса по охране лесов и мелиорации (СКК) трудовые лагеря для безработной молодежи, в Миннесоте решили использовать выделенные на это средства в первую очередь на помощь студентам и старшеклассникам[46].

Это начинание было поддержано в других штатах и в принципе одобрено федеральным правительством, которое дало санкцию на развертывание в лагерях СКК общего и профессионального обучения[47]. Однако в Белом доме считали, что обращение в СКК студентов является крайней мерой, и настаивали на максимальном использовании возможностей самих вузов. С этой целью Федеральная администрация по оказанию чрезвычайной помощи (ФЕРА) с февраля 1934 г. стала в индивидуальном порядке предоставлять вузам дотации, главным образом на организацию дешевого жилья и питания для студентов, что позволило уже в весеннем семестре 1934 г. удержать в вузах около 75 тыс. студентов[48].

Тем временем число безработной молодежи росло и к началу 1935 г. достигло почти 3 млн. человек (каждый седьмой молодой человек в возрасте от 16 до 25 лет был безработным)[49]. Правительство отозвалось на это учреждением в июне того же года Национальной администрации по делам молодежи (НИА), важнейшей задачей которой было «удержать молодежь в вузах и в школах, чтобы не допустить увеличения и без того огромной армии безработных». В отличие от более ранних программ чрезвычайной помощи программы НИА предусматривали предоставление студентам не пособия и не просто оплачиваемой общественнополезной работы, но работы по специальности, во всяком случае требующей определенной квалификации. Студентам поручались: консервация книг, составление каталогов, статистических справочников, систематизация архивов, профессиональный инструктаж, хозяйственная работа на кампусах (строительство, бухгалтерия и т. д.), наконец, научные исследования в том числе в областях, далеких от повседневности. В тесном контакте с НИА и нередко руководя ею как своим молодежным отделением, действовала Администрация проектных работ, обеспечившая занятость многих сотен тысяч дипломированных специалистов, включая преподавателей вузов[50].

За девять лет существования НИА в ее программах участвовали — в то или иное время — 98% вузов и 620 тыс. студентов[51]. Треть из них происходила из семей с годовым доходом меньше 1 тыс. долл., три четверти — из семей с годовым доходом меньше 2 тыс. долл. Заработная плата, получаемая от НИА (20—30 долл. в месяц), обычно покрывала учебные расходы студентов, живущих дома; остальным (их было боль

[46] *Henry D.* Challenges Past, Challenges Present. N. Y., 1978, p. 43.
[47] *Cremin L. A.* Transformation of the School. N. Y., 1961, p. 319—322.
[48] *Lindley B., Lindley E.* A New Deal for Youth. N. Y., 1938, p. 158.
[49] *Rauch B.* The History of the New Deal, 1933—1938. N. Y., 1944, p. 168.
[50] *Wecter D.* Op. cit., p. 187—189.
[51] Final Report of the National Youth Administration. Wash., 1944, p. 82.

шинство) она давала от 10 до 50% необходимых средств[52]. В 1938 г. субсидии НИА составили 19,1% всей помощи, получаемой студентами; 28,5% приходились на заработную плату, выплачиваемую вузами, 11,7 — на займы и 40,7% — на стипендии и другую безвозмездную помощь, в организации которой доля государства превышала (точных данных нет) 70%[53].

Для вузов программа НИА была, вероятно, самым важным мероприятием «нового курса». Однако следует упомянуть и о других мероприятиях федерального правительства, например, об организации общего и особенно профессионального образования для взрослых, охватившего около 2,6 млн. человек, и создании 83 «депрессионных колледжей», что позволило обеспечить работой несколько десятков тысяч дипломированных специалистов[54]. Однако, пожалуй, самым существенным, хотя и не произведшим особого впечатления на современников, было начавшееся с 1934 г. неуклонное увеличение регулярных расходов государства (в первую очередь федеральных) на высшую школу[55]. В полной мере эта тенденция получила развитие в годы второй мировой войны.

Одним из важнейших последствий кризиса и депрессии явилась политизация кампусов. В годы «просперити» подавляющее большинство американских студентов не интересовались политикой, ограничиваясь участием в многочисленных академических, художественных, религиозных, благотворительных, спортивных и иных клубах. Политическая активность наблюдалась лишь в некоторых вузах, например в Нью-Йоркском городском колледже, где в 1925—1926 гг. имели место выступления против обязательной военной подготовки и использования в процессе ее черносотенных пособий, поучавших, что демократия неизбежно влечет за собой власть толпы, вседозволенность и анархию[56].

С начала 30-х годов студенческое движение усиливается. Протесты против военной подготовки, подогреваемые пацифистскими, изоляционистскими, реже — революционными настроениями, становятся более массовыми и энергичными. Учащаются случаи конфликтов с вузовской администрацией по поводу учебных программ. В студенческой печати все большее внимание уделяется критике милитаризма. По мере нарастания реальной угрозы войны эти корпоративные, по сути дела, акции постепенно перерастают в антивоенные, а затем и в антифашистские выступления общегражданского звучания. Наиболее крупным из них стала «студенческая забастовка» 12 апреля 1935 г., охватившая около 180 тыс. человек. Частыми были демонстрации протеста против визитов студенческих делегаций из Италии и Германии, митинги солидарности с республиканской Испанией, выступления с требованием экономических санкций против нарушителей международных договоров и даже национализации военной промышленности. Как правило, администрация вузов встречала эти выступления в штыки, а иногда в нарушение академических традиций вызывала полицию[57].

---

[52] *Lindley B., Lindley E.* Op. cit., p. 162—163.

[53] *Kelly F. J., Ratcliffe E. B.* Financial Aids for College Students. Wash., 1941, p. 5, 34—35.

[54] *Wecter D.* Op. cit., p. 189.

[55] *Harris S. E.* Op. cit., p. 586.

[56] *Rudy S. W.* Op. cit., p. 398—401.

[57] *Lash J. P.* The Campus Strikes against War. N. Y., 1935; *Wechsler J.* Revolt on the Campus. N. Y., 1939.

В эти годы в США действовало до 40 политических студенческих организаций самого различного толка. Лишь немногие из них (в первую очередь Студенческая лига за индустриальную демократию, созданная в 1928 г. и в целом придерживавшаяся социалистической ориентации) могли похвастать общенациональным влиянием и членством, превышающим несколько тысяч. Подавляющее большинство студентов не входили ни в одну политическую организацию, однако в массе своей занимали левые или левоцентристские позиции. Согласно опросу общественного мнения, проведенному в 1938 г., 6% студентов считали себя коммунистами, 24 — социалистами, 45 — либералами, 15 — консерваторами и 2% — фашистами[58]. Смещение студенческих симпатий влево было очевидным и вызывало беспокойство попечителей, ассоциаций «алюмни», иногда и местных властей[59].

Большинство студентов, как и большинство американской молодежи в целом, были в числе наиболее активных сторонников «нового курса». В отличие от основной массы дипломированных специалистов старшего поколения, воспитанных и возмужавших в уверенности, что уж им-то работа гарантирована, и в общем сохранивших ее даже в годы кризиса[60] (вопиющее исключение составляли учителя), студенты 30-х годов столкнулись с совершенно другой ситуацией. В 1932 г. 85% выпускников престижного Корнеллского университета не могли найти работу[61], и положение стало меняться только по мере развертывания программ «нового курса». Помня об этом, студенты в большинстве своем ратовали за расширение государственного вмешательства в экономику и образование[62], активно работали в аппарате НИА, что всячески поощрял Ф. Д. Рузвельт[63], и в избирательных комитетах демократической партии[64].

Все это наложило глубокий отпечаток на социально-психологический облик американских студентов. На место обеспеченного, аполитичного, не слишком утруждающего себя учебой, прагматичного конформиста времен «просперити» пришел вынужденный подрабатывать, жадный до знания, живо интересующийся общественно-политическими проблемами и нередко критически мыслящий студент новой формации. Безусловно, эти сдвиги не следует преувеличивать: они коснулись далеко не всех студентов, а кроме того, оказались не очень прочными, и с угасанием «нового курса» многое вернулось на круги своя, но факт остается фактом: 30-е годы явились важным периодом в истории американского студенчества.

Общественно-политическая позиция вузовских преподавателей была в изучаемый период противоречивой. При всем том, что крайняя разнородность этой социальной группы затрудняет какие-либо обобщения, можно, пожалуй, сказать, что, несмотря на существование в ее среде влиятельного, а главное, активного леволиберального и даже радикального крыла, основная масса преподавателей была настроена консервативно. Эти настроения поддерживала убежденность в том, что в силу своего

---

[58] *Lipset S. M.* Rebellion in University. Boston, 1972, p. 184.
[59] *Lash J. P.* Op. cit., p. 38—39.
[60] *Кувалдин В. Б.* Американский капитализм и интеллигенция. М., 1983, с. 63.
[61] *Bishop M.* A History of Cornell. Ithaca, 1962, p. 492.
[62] *Wecter D.* Op. cit., p. 193.
[63] *Burns J.* Roosevelt: the Lion and the Fox. N. Y., 1956, p. 310.
[64] *Newcomer M. A.* A Century of Higher Education for American Women. N. Y., 1959, p. 188.

интеллектуального и морального превосходства именно они призваны быть хранителями культурных и гражданских достижений прошлого, на которые посягали — пусть даже из добрых побуждений — нетерпеливые и неразумные реформаторы. Однако приверженность старым, подернутым романтической дымкой традициям буржуазной демократии на деле слишком часто оборачивалась готовностью оберегать устои современного им общества, в котором очень многое, по мнению самих же преподавателей, находилось в вопиющем противоречии с этими традициями. Поэтому прав был Э. Синклер, считавший, что одна из важнейших функций колледжей — «сохранить Америку капиталистической» [65].

В годы «просперити» в колледжах немало возмущались падением нравов и бесцеремонным прагматизмом бизнесменов, но все же большинство преподавателей плыли по течению и вполне разделяли иллюзии своей эпохи. По воспоминаниям Н. Винера, в те времена и даже позднее, в годы кризиса, сотрудники Массачусетского технологического института, всегда склонные отгородиться от внешнего мира научными исследованиями, охотнее всего говорили о биржевых акциях [66]. Когда же «новый курс» поставил профессуру перед необходимостью более четко определить свою социально-политическую позицию, бóльшая ее часть — нередко с оговорками и после мучительных сомнений — выступила против Ф. Д. Рузвельта.

Примером могут служить взгляды и деятельность А. Л. Лоуэлла, видного политолога и президента Гарвардского университета (1909—1933). Не будучи ни ретроградом, ни догматиком, А. Л. Лоуэлл тем не менее резко возражал против основных программ «нового курса». Мало того, что эти программы были, на его взгляд, расточительны и излишне поспешны, они, считал он, притупляли в людях чувство индивидуальной ответственности за свою судьбу и подогревали классовый антагонизм. Опасался он и возросшего влияния на политику федерального правительства со стороны профсоюзов, полагая, что «кооперативный» эгоизм хуже эгоизма бизнесменов. В 1937 г., в разгар борьбы за реформу Верховного суда, А. Л. Лоуэлл выступил с инициативой объединения консервативных республиканцев и демократов в новую, «конституционную» партию, которая бы положила предел опасным экспериментам Ф. Д. Рузвельта [67].

Оценивая позицию А. Л. Лоуэлла, следует иметь в виду, что среди американской интеллигенции действительно были распространены опасения, что государственное вмешательство в экономику, а следовательно, и в частную жизнь наряду с усилением исполнительной власти за счет законодательной и судебной может повлечь за собой установление тоталитарного режима. Так, известный публицист У. Липпман (кстати, выпускник Гарварда), одобряя многие акции «нового курса» по существу, вместе с тем критиковал их в печати как неконституционные; лично симпатизируя Ф. Рузвельту, он тем не менее считал необходимым если не остановить, то предостеречь его и поэтому призывал своих читателей голосовать против него [68].

Однако существовала и материальная подоплека враждебного или настороженного отношения А. Л. Лоуэлла и его единомышленников к

---

[65] Цит. по: *Handlin O.* The American College and American Culture. N. Y., 1970, p. 68.
[66] *Винер Н.* Я — математик. М., 1967, с. 126—128.
[67] *Yeomans H. A.* Op. cit., p. 404—420.
[68] *Steel R.* Walter Lippmann and the American Century. Boston, 1980, ch. 25.

«новому курсу». К 1933 г. основной капитал Гарварда достиг — при минимальном участии государства в его создании — 128,5 млн. долл.; обильные пожертвования 20-х годов позволили старейшему американскому вузу сравнительно легко перенести кризис и депрессию и даже (в числе очень немногих) отказаться от участия в федеральных программах чрезвычайной помощи [69]. При таком положении вещей для попечителей, президента и профессуры Гарварда было логично связывать процветание своего университета с частным бизнесом и относиться к администрации Рузвельта с подозрением.

В государственных и менее благополучных частных вузах, сильнее пострадавших от экономического кризиса и оправившихся от него во многом благодаря федеральным субсидиям, преобладали другие настроения. Здесь значительное число преподавателей сочувствовали мероприятиям «нового курса» и даже склонялись к левым политическим течениям [70]. Часть сотрудников Нью-Йоркского городского колледжа поддержала антивоенную студенческую забастовку 1935 г. [71]

Однако значение подобных фактов не следует преувеличивать. Опросы общественного мнения неизменно показывали, что в отличие от творческой интеллигенции дипломированные специалисты в массе своей голосовали против Ф. Д. Рузвельта [72]. Показательно, что в 1938 г. декан педагогического колледжа Колумбийского университета, имевшего репутацию одного из наиболее либеральных вузов страны, оказался вынужденным разъяснять своим сотрудникам, какое различие существует между реформизмом «нового курса» и революцией [73]. Вряд ли можно считать случайностью, что в ходе президентских выборов 1940 г. около 90% преподавателей Корнеллского университета, расположенного в родном штате Ф. Д. Рузвельта, отдали предпочтение У. Уилки [74].

3. НАУКА И ТЕХНИКА

Ведущие экономические и социальные факторы, определившие развитие американского общества в 1918—1945 гг., в том числе и прежде всего развертывание первого этапа общего кризиса капитализма, неравномерность экономической динамики, обострение социально-экономических противоречий в специфических условиях «просперити», затем «великой депрессии» и «нового курса», отразились и на эволюции науки в США в этот период. Нестабильность капиталовложений в науку, преодоление этой нестабильности путем перевода науки на рельсы милитаризации, эксплуатация науки в интересах повышения прибыли, а также при попытках «излечить» недуги капитализма присущи американской науке, пожалуй, в наибольшей мере по сравнению с положением науки в других крупных капиталистических странах за тот же период.

Но развитие науки не могло не отразить и протекавших в этот период в глобальном масштабе процессов подготовки современной (развер-

---

[69] *Morison S. E.* Three Centuries of Harvard. Cambridge (Mass.), 1936, p. 318—324.
[70] *Jones E. J.* A History of the University of California. Los Angeles, 1974, p. 355.
[71] *Lash J. P.* Op. cit., p. 41.
[72] *Kocka J.* White Collar Workers in America, 1890—1940. L., 1980, p. 237—250.
[73] *Cremin L. A.* A History of Teachers College, Columbia University. N. Y., 1954, p. 172—173.
[74] *Bishop M.* Op. cit., p. 537.

нувшейся уже на следующем этапе, с конца 40-х годов) научно-технической революции, процессов превращения науки в непосредственную производительную силу общества. Будучи объективно необходимым, это превращение на данном этапе в отношении структуры науки характеризовалось преимущественно тенденциями к интеграции, а не дифференциации, как на предшествовавшем этапе. Интегративные процессы выступали и в сфере организации научной деятельности (укрупнение университетов, ученых обществ и т. п., появление комплексных проектов как формы организации науки), и в создании новых дисциплин (чаще всего на стыке старых, а не путем их дробления, как ранее) и междисциплинарных областей (теория систем, исследование операций). Постепенное сближение сферы фундаментальных исследований с прикладными исследованиями и разработками также было одной из форм научной интеграции, что свойственно самым разнообразным участкам фронта изысканий — от физики и электроники до биологических наук.

Однако процессы интеграции науки и попытки централизации исследований подвергались регламентации в рамках формировавшейся системы государственно-монополистической организации науки, в конечном счете в интересах монополистического капитала. Осознание правящими кругами США огромной роли науки в модернизации военного потенциала страны, возможности привлечения к работе в США иностранных ученых, особенно возросшие с 30-х годов, также наложили отпечаток на эволюцию научных дисциплин [75].

Превратившись в крупнейший центр капиталистического мира в отношении прикладных исследований и разработок, США продолжали отставать от ряда стран Европы по фундаментальным исследованиям. В европейских университетах стажировались и обучались больше американских студентов и аспирантов, чем в США европейских. В 20-е годы наибольшим авторитетом в США пользовались немецкие университеты и исследовательские центры, структура которых послужила затем образцом для ряда американских учреждений, например Института перспективных исследований (Принстон). В 30-е годы роль такого образца перешла к английским, французским и отчасти скандинавским научным и научно-исследовательским центрам.

Попытки правительственных органов координировать различные виды научных исследований и промышленных разработок предпринимались еще в период первой мировой войны. Был создан Национальный исследовательский совет. Затем президент США своей директивой (май 1918 г.) возложил на Национальную академию наук обязанность сотрудничать с Советом на долговременной основе и содействовать его координационной деятельности. Интенсифицировались и международные научные контакты США, поскольку Совет стал представлять страну в организованном в ноябре 1918 г. Международном исследовательском совете [76].

---

[75] Автором рассматриваются преимущественно естественнонаучные, технические дисциплины и медицина.

[76] Международный исследовательский совет (МИС) был создан по инициативе ученых ряда стран в целях упрочения международных научных связей на основе ранее (с 1899 г.) существовавшей Международной ассоциации академий. С 1919 г. местом пребывания МИС стал Брюссель (до этого Париж); первоначально членство в МИС было открыто лишь для государств, воевавших в первую мировую войну на стороне Антанты или остававшихся нейтральными. С 1931 г. МИС при-

Эффективному выполнению задач Национального исследовательского совета по координации и стимулированию фундаментальных и прикладных трудов (прежде всего военных, а с 1919 г. и мирных) мешали, во-первых, ограниченность правительственного финансирования, а во-вторых, возраставшая в течение 20-х годов ориентация на поддержку со стороны частного капитала. Любой реальный шаг по организации того или иного научного центра продолжал зависеть от умения привлечь меценатов.

Значительный объем исследований выполнялся учеными обществами, число которых продолжало расти. Новой тенденцией явилось объединение научных обществ в интегрированные группы. В 1921 г. 32 ранее разрозненных биологических общества объединились в Союз американских биологических обществ. Основанная в 1920 г. Американская ассоциация содействия прогрессу науки к 1939 г. объединяла в своих 15 секциях 119 организаций. В целом, и Национальная академия наук, как и академии, существовавшие в отдельных штатах (например, основанные еще в XVIII в. академии штатов Коннектикут и Мэриленд), не имевшие в своем составе ни научно-исследовательских институтов, ни лабораторий, по характеру деятельности (договорному и консультативному) приближалась к ученому обществу.

Важнейшая роль в постепенном преодолении крена американской науки в сторону практицизма выпала на долю университетов и примыкавших к ним колледжей, аспирантских и докторантских школ. При поддержке правительственных ведомств и «благотворительных» фондов в университетах и связанных с ними учреждениях в 30-х годах был открыт ряд новых вакансий, позволивших, в частности, использовать приток специалистов высшей квалификации из стран Западной Европы. Так, в 1932 г. число работавших в США крупных иностранных профессоров-физиков не превышало 20, а к 1941 г. их было уже более 100. Из их круга вышла большая часть атомников, составивших «мозговой центр» проекта по разработке ядерного оружия. После прихода к власти фашистов в Германии многие европейские ученые эмигрировали в США. Произошло определенное перераспределение научных сил в капиталистическом мире в пользу США. В 1944—1945 гг. американскими войсками с территорий нацистской Германии и ее союзников были вывезены тысячи специалистов, привлеченных затем различными способами к работе в США. Были расхищены и найденные на этих территориях патентные фонды (свыше миллиона единиц).

Использование «утечки умов» из Европы отнюдь не было стихийным процессом, оно тщательно планировалось государственно-монополистическими кругами США. Важную роль сыграл созданный в 1933 г. Экстренный комитет для помощи перемещенным иностранным ученым, в который вошли влиятельные представители ряда университетов и крупных фирм [77].

В конце 20-х годов, и особенно в годы депрессии, последовавшей за

нял новое, сохраняющееся до настоящего времени наименование Международного совета научных союзов (International Council of Scientific Unions). В него входят научно-исследовательские советы, академии наук и прочие научные организации (одна от каждой страны-участницы).

[77] *Duggan S., Drury B.* The Rescue of Science and Learning. The Story of the Emergency Committee on Aid of Displaced Foreign Scholars. N. Y., 1948.

кризисом 1929—1933 гг., в университетах и колледжах, остававшихся основными научными центрами страны, усиливались левые настроения. В 1931 г. конституировалось как самостоятельная организация левое крыло Студенческой лиги за индустриальную демократию, принявшее наименование Национальной студенческой лиги. Массовым стал Американский союз студентов, который уже в год своего возникновения (1935) провел первую общенациональную студенческую забастовку, охватившую 184 тыс. человек, выступивших против расовой дискриминации в науке и образовании, за демократизацию сферы научных исследований и университетских порядков. Под аналогичными лозунгами выступила и учрежденная в 1938 г. Американская ассоциация научных работников.

Многие ученые и деятели, участвовавшие в организации науки и образования, приходили к выводу, что в интересах более успешной подготовки научных кадров необходима «перемена философии»[78]. Американская ассоциация научных работников выдвинула требование организовать среди университетских преподавателей, других ученых движение за правительственные субсидии науке и образованию, бесплатную медицинскую помощь, свободу исследований. Однако подобные идеи не могли быть реализованы. Даже попытки централизации в системе организации науки наталкивались на ожесточенное сопротивление как со стороны Национальной академии наук, видевшей в этих попытках покушение на свой авторитет, так и со стороны частных фирм, стремившихся использовать лабораторные разработки в своих узких интересах.

Единственная в течение 20-х годов попытка создать на федеральном уровне фонд для поддержки проводящихся в университетах фундаментальных исследований за счет поступлений от промышленных фирм, предпринятая в 1925 г. министерством торговли, закончилась провалом вследствие того, что не была поддержана другими ведомствами, связанными с наукой. Из требуемых 20 млн. долл. к 1930 г. не было собрано и полумиллиона[79]. В 1925—1926 гг. Комитет по патентам и Горное бюро были переданы тому же министерству торговли, в ведении которого уже находилось Бюро стандартов, Геологическая служба, Бюро рыбного хозяйства и вообще основная часть более или менее налаженных правительственных служб, обладавших некоторыми исследовательскими функциями[80]. Такое положение отражало преимущественно коммерческий подход к науке.

Некоторый сдвиг в сторону понимания науки как «национального ресурса» произошел после экономических потрясений 1929—1933 гг., в ходе развития мероприятий, связанных с оформлением государственно-монополистического капитализма в рамках рузвельтовского «нового курса». При Ф. Рузвельте вновь, как и в годы первой мировой войны, правительство стало активно привлекать к управлению на-

[78] *Килпатрик В. Х.* Воспитание в условиях меняющейся цивилизации. М., 1930, с. 87.
[79] *Dupree A. H.* Science in the Federal Government. Cambridge (Mass.), 1957, p. 340—343; *Greenberg D. S.* The Politics of Pure Science. N. Y., 1969, p. 63. Тогда же были предприняты и потерпели неудачу подобные попытки на отраслевом уровне, например предложение крупнейшего математика О. Веблена создать независимый институт математических исследований, финансируемый Бюро по образованию. См.: Science in America: A Documentary History, 1900—1939 / Ed. by N. Reinhold, I. H. Reinhold. Chicago, 1981, p. 433.
[80] *Dupree A. H.* Op. cit., p. 338—339.

укой ученых. Новым моментом при этом было появление, а затем и проникновение в область частно финансируемых исследований научных «менеджеров», сосредоточившихся на научно-организационной деятельности. Выдвинувшиеся при Ф. Рузвельте в области организации науки деятели, в частности географ И. Боуман, крупный физик В. Буш, связанный в то же время с деловыми кругами и состоявший президентом Института Карнеги, или Г. Уоллес, ученый-генетик, бывший с 1933 по 1940 г. министром земледелия, стремились осуществить в рамках «нового курса» ряд мероприятий в поддержку науки. В июле 1933 г. был учрежден Консультативный комитет по науке под эгидой Национальной академии наук и Национального исследовательского совета, деятельность которого ограничивалась рекомендациями по вопросам выбора приоритетов в научной политике.

Реальные правительственные меры по стимулированию научных исследований состояли главным образом в налоговых льготах на частные затраты с научными целями. Принятый в 1935 г. закон о доходах разрешил изымать из облагаемого налогами дохода до 5% для пожертвований на науку, образование и другие социальные нужды. Особыми налоговыми льготами пользовались по этому закону «благотворительные» фонды, рост которых, замедлившийся было в течение 20-х годов в связи со снижением налоговых ставок, резко усилился в период последовавшего за 1929 г. укрепления партнерства фондов с государством. Это партнерство повышало роль фондов как рычагов формировавшейся системы государственно-монополистического регулирования науки.

Новым для сферы исследований и разработок явлением (в отличие от функционировавших также и ранее промышленных лабораторий, фондов и тем более ученых обществ и университетов) стали начиная с 20—30-х годов «бесприбыльные» («некоммерческие») институты, находившиеся в прочном контакте с фондами. Первыми типичными учреждениями такого рода стали Баттелевский мемориальный и Меллоновский институты, организованные в конце 20-х годов, а также созданный в 1936 г. Исследовательский институт при Иллинойском технологическом институте. Проводя по заказам монополий, военных ведомств и правительства изыскания в естественнонаучной или социальной области, эти институты, формально не извлекая прибыли (но косвенно участвуя в ее распределении посредством субсидий), проявляли немалую гибкость и послужили прообразом появившихся в большом числе во время второй мировой войны и особенно в послевоенные годы экспертно-консультативных «фабрик мысли». К организациям данного вида примыкал и основанный А. Флекснером в 1930 г. в Принстоне Институт перспективных исследований, тесно связанный после 1933 г. с Экстренным комитетом для помощи перемещенным иностранным ученым.

В 30-е годы по инициативе Ф. Рузвельта был разработан ряд комплексных проектов, включавших как научные, так и практические мероприятия, в целях повышения занятости и развития хозяйства в нескольких регионах США на базе освоения природных ресурсов, строительства удешевленных плотин и электростанций, проведения работ по борьбе с паводками и других научно обоснованных аграрно-промышленных мероприятий. Однако эти проекты подверглись резкой критике со стороны представителей монополий, особенно энергетических компаний, увидевших в них попытку «социализации» и добившихся отмены почти всех

этих проектов уже на начальной стадии. Реализован, в сущности, был лишь один из них, Администрация долины Теннесси, и то после нескольких повторных обсуждений и президентских вето (1933).

Первым действительно крупномасштабным, поглотившим все доступные научные ресурсы и воистину междисциплинарным научно-техническим проектом в США явилась разработка ядерного оружия. Открытия, которые сделали возможным этот проект («Манхэттен»), были совершены в основном вне США. Прямое изучение ядерных проблем в США началось после того, как переехавший туда крупнейший итальянский физик Э. Ферми в 1939 г. сформулировал идею цепной реакции. К началу 1945 г. на проект «Манхэттен» в лаборатории г. Лос-Аламос работало свыше 2 тыс. научных сотрудников, а всего по стране в нем было занято до 150 тыс. человек.

На заключительной стадии работы над этим проектом, особенно после капитуляции Германии, многие работавшие в США ученые, в том числе руководивший научной частью проекта Р. Оппенгеймер, Н. Бор, В. Буш, А. Комптон, пришли к выводу, что единственной приемлемой возможностью дальнейшей разработки ядерных проблем является международный контроль. Однако положение уже вышло из-под контроля ученых; некоторые из них (в том числе Оппенгеймер) начали подвергаться преследованиям за либерализм, а за многими была установлена слежка. Явная антигуманность и нецелесообразность применения нового вида оружия в военных целях не предотвратили использования его в качестве средства ядерной дипломатии и шантажа.

Благодаря растущему финансированию исследований, имевших военную ориентацию, стала увеличиваться доля правительственной поддержки в обеспечении всего фронта работ, которая на довоенном этапе не превышала 10—15% общей суммы расходов на исследования и разработки. К началу второй мировой войны федеральные ассигнования на исследования и разработки составляли 48 млн. долл. в год, т. е. 18% всех расходов на эти цели, к концу войны они достигли 500 млн. долл. в год (83%).

Распределением выделявшихся на оборонные исследования сумм до конца 30-х годов занимался ряд организаций, крупнейшими из которых являлись Национальный консультативный комитет по аэронавтике и Военно-морской консультативный комитет. В. Буш, вошедший в 1938 г. в состав первого из них и вскоре его возглавивший, вместе с рядом других ученых в 1940 г. направил в правительство меморандум, где подчеркивалась необходимость наладить связь между армией и Национальной академией наук. По согласованию с Комитетом национальной обороны Ф. Рузвельт 27 июня 1940 г. подписал приказ о создании в системе этого комитета нового правительственного органа — Национального комитета оборонных исследований[81]. Через год этот комитет на правах консультативного органа был передан в ведение созданного по этому поводу Управления научных исследований и разработок, облеченного более широкими административными полномочиями, чем какое-либо из прежних

[81] Несмотря на правительственный характер этого органа, в нем с самого начала были преобладающими позиции частного капитала. О функциях Национального комитета оборонных исследований в системе Комитета национальной обороны подробнее см.: Эволюция форм организации науки в развитых капиталистических странах. М., 1972, с. 62.

федеральных ведомств по науке. Атомные контракты управления в 1943 г. были переданы администрации проекта «Манхэттен». В системе Военно-морского консультативного комитета в 1942 г. была создана Группа по подводной войне, предшественница Центра военно-морского анализа.

Как ВМС, так и армия широко использовали для выполнения исследований университеты; при многих из них были образованы крупные «национальные», а фактически военные лаборатории, в частности Лос-Аламосская (атомная) лаборатория при Калифорнийском университете, Аргоннская лаборатория при Чикагском университете, а также управляемые ассоциациями университетов Окриджский институт ядерных исследований и Брукхейвенская национальная лаборатория.

Важным моментом, отличающим 20—40-е годы от предшествовавшего периода, было значительное сокращение временнóго интервала между исследованиями, разработками и доведением открытий и изобретений до производственной фазы. Если в конце XIX в.— первые два десятилетия XX в. путь от изобретения до серийного производства занимал в среднем 37 лет, причем последние 7 лет уходили на коммерческую разработку, т. е. на доведение до массовой стадии практически уже разработанного образца, то для 1920—1944 гг. этот срок сократился до 24 лет. В тех случаях, когда коммерческая разработка финансировалась государством, ее продолжительность сокращалась в среднем вдвое.

Принципиальное значение имела также автоматизация, развернувшаяся с 20-х годов на базе массово-поточного производства в машиностроении, металлургии, легкой промышленности. Особый размах приобрели меры по автоматизации в молодых отраслях промышленности, например в автомобилестроении. Раньше, чем в других странах, в США было налажено серийное производство токарных, металлорежущих и прочих станков-полуавтоматов и автоматов. В 30-е годы их выпускали уже 17 станкостроительных фирм.

В области электроэнергетики США опередили другие капиталистические страны по общей длине высоковольтных линий, достигшей к 1927 г. 80 тыс. км (однако по плотности электросети на 1 тыс. кв. км США в 2 и более раз отставали от Франции, Англии и других европейских стран), и по масштабам гидроэлектростанций, таких, как построенная в 1936 г. на р. Колорадо ГЭС Боулдер-Дам с плотиной высотой более 220 м.

Для становления электроники первостепенную роль сыграли исследования И. Ленгмюра по химическим и оптическим поверхностным явлениям; создание А. Геффом и Р. Компфнером ряда электровакуумных приборов; разработка в 1944 г. первой цифровой вычислительной машины с программным управлением на электромагнитных реле «Марк-1».

Прогресс радиотехники получил новый стимул, когда выяснилась способность коротких волн распространяться на сверхдальние расстояния при минимальной мощности передатчиков. Переход к разработкам преимущественно в области коротковолновой связи определил регулярный характер радиовещания. Для надежности радиосвязи огромное значение имели изобретения Э. Г. Армстронга: регенеративный прием, принцип обратной связи в усилителях и т. п.

Монополии, проникшие в сферу радиотехники в 20-е годы, тормозили развитие этой отрасли. Скупив патенты, относящиеся к радиолокации,

крупные промышленные объединения задержали развитие этого направления. В 1932 г. К. Янский, работавший в лаборатории «Америкен телефон энд телеграф корпорейшн», открыл явление космического радиоизлучения. Однако компания не смогла оценить потенциального прикладного значения этого теоретического открытия и отказала ученому в дальнейшей поддержке. Он умер в крайней нужде. Та же компания присвоила ряд изобретений Л. Фореста (в области радиотехники, а также разработанный им в 1923—1926 гг. «фонофильм» — первый практически пригодный вариант звукового кино, основанный на записи звука на одной пленке с изображением).

Для всех отраслей производства первостепенное значение имело развитие химико-технологических дисциплин, представлявших одну из передовых областей автоматизации производственных процессов. Получение высокооктанового горючего позволило резко увеличить дальность и скорость полета аэропланов. Незаменимым для производства авиационного бензина был метод каталитического крекинга, изобретенный в 1927 г. работавшим в США французским инженером Э. Гудри.

Большим разнообразием отличались вновь создававшиеся модели легковых автомобилей, годичное производство которых в 1929 г. возросло до 4600 тыс. против 900 тыс. в 1915 г. Еще в большей степени возросло за те же годы производство грузовиков (с 74 тыс. до 770 тыс.).

Ускоренный технологический прогресс переживал авиационный транспорт, как и другие области, находившиеся под покровительством государства в связи с военным значением. Эффективные модели вертолетов в 20—30-е годы были предложены И. И. Сикорским; в 1943 г. началось массовое производство этих машин в военных целях. Как в производство, так и в вождение гражданских и военных самолетов широко проникла автоматизация. Еще в 10—20-е годы Э. и Л. Сперри предложили ряд конструкций автопилота (с помощью одной из которых летчик В. Пост в 1933 г. совершил кругосветный облет). С 20-х годов было налажено строительство цельнометаллических самолетов. После относительного застоя в разработках и темпах роста выпуска новых моделей самолетов в течение 30-х годов продукция отрасли резко возросла за годы второй мировой войны.

В 1926 г. Р. Годдард осуществил первый запуск ракет с жидкостно-реактивным двигателем. Перед этим (1919 г.) Годдард впервые в мировой литературе дал расчет ступенчатой ракеты и поднял ряд вопросов, далеко опередивших время: о возможностях спасения ракеты при ее возвращении с помощью парашютов, о коэффициенте полезного действия ракет, об организации системы ракетной метеорологии. Широкий размах ракетные исследования в США получили значительно позже, после того как в 1945 г. В. фон Браун, бывший руководитель германских работ по созданию обстреливавшей Великобританию ракеты Фау-2, бежал навстречу американским частям. С его помощью американцы отобрали более 100 высококвалифицированных германских ученых и вывезли все найденные в собранном или полусобранном виде ракеты.

Если в 1924—1933 гг. расходы на военные исследования и разработки составляли около 4 млн. долл. в год, а в 1934 г. возросли до 9 млн. (в том числе 5 млн. долл. на развитие авиации), то затем в Объединенном комитете начальников штабов возобладала тенденция опираться главным образом на заимствуемую технологию. Однако к кон-

цу 30-х годов вполне выяснилась неадекватность этого подхода, и с 1939—1940 гг. армия и ВМС США вместе затрачивали на собственные исследования и разработки уже не менее 25 млн. долл. ежегодно. Сохранялся, однако, известный разрыв как между армейскими и флотскими исследованиями (в результате чего множество проектов дублировалось), так и между стадией исследований, выполнявшихся в военных (а также — по контрактам — университетских) лабораториях, и стадией разработок и серийного производства, на которой исполнителями были частные фирмы. В целом (не считая проекта «Манхэттен») к концу второй мировой войны вооруженные силы США закупили на 4 млрд. долл. военной техники, разработанной в системе Национального комитета оборонных исследований; всего же Управлению научных исследований и разработок в годы войны подчинялось до 35 тыс. ученых, работавших на военные нужды.

В 20-е годы будущий президент Г. Гувер заявил: «О какой бы то ни было поддержке теоретического научного исследования у нас можно говорить только в трех аспектах: она выражается, во-первых, в том, что остальной мир несет вместо нас бремя фундаментальных исследований; во-вторых, в том, что университеты должны проводить такие исследования в качестве побочной для своих образовательных целей нагрузки; в-третьих, в том, что время от времени наши филантропические учреждения выделяют пожертвования, например институту Карнеги, Рокфеллера или Смитсоновскому» [82]. Это суждение во многом отражало действительное положение вещей, и подобные упреки обычны в американской литературе 20-х годов. В то же время сам факт частого обсуждения судеб теоретической науки, равно как и рост, хотя пока еще медленный, ее масштабов, свидетельствовал о том, что естественнонаучные (включая математические) исследования в США в 20-е годы постепенно переставали быть «провинциальным ответвлением» европейской науки.

В области математики в этот период выделяются такие ученые, как Э. Мур (первый «чистый» математик, избранный членом Национальной академии наук), О. Веблен, Дж. Биркгоф, Э. В. Хантингтон, Г. Блисс. По тензорной дифференциальной геометрии с 1927 г. работал Д. Я. Стройк, посвятивший ряд исследований также истории математики и материалистической интерпретации оснований математики. Возникли американские школы математической физики (Д. Р. Хартри, Дж. Мичелл), теории групп и математической логики (Х. Б. Керри, С. Маклейн), дифференциальной геометрии и топологии (У. Ходж, Н. Стинрод, С. Эйленберг; работы С. Лефшеца и Дж. Александера в Принстонском университете по применению топологических методов в алгебре).

Резко возросла активность математиков к середине 30-х годов в связи с притоком исследователей из европейских стран. Многие из них продолжали разрабатывать наметившуюся ранее проблематику. Так, Р. Мизес, работая в Гарвардском университете, развивал созданную им еще в Германии частотную концепцию в теории вероятностей, а также применил в физике теорию цепей А. А. Маркова. Переехавший в США в 1939 г. польский логик А. Тарский опубликовал ряд работ по различным разделам математической логики, а также по основаниям математики, логической семантике и теории множеств. Бывший профессор Геттин-

[82] Science, 1927, vol. 65, p. 26.

генского университета Г. Вейль после 1933 г., работая в принстонском Институте перспективных исследований, дополнил рядом новых результатов и подходов свои более ранние исследования по алгебраической теории чисел, теории функций комплексного переменного (в соавторстве с сыном, И. Вейлем) и физическим применением принципов симметрии. К. Гёдель, австрийский логик и математик, за годы работы в том же институте написал здесь значительную часть работ, составивших его общепризнанный вклад в математическую логику и теорию множеств. Дж. фон Нейман, эмигрировавший из Венгрии и в 1930 г. попавший в США, продолжал там разрабатывать изучавшуюся им ранее проблематику (теоретические основания гидродинамики, конструирование вычислительных машин). Он пришел к весьма плодотворному варианту теории автоматов, который в последующие годы послужил одним из основных источников кибернетики — науки об управлении, связи и переработке информации в машинах. Форма особой научной дисциплины была придана кибернетике Н. Винером уже в 1948 г.

В области механики тематика исследований первоначально (конец 10-х — начало 20-х годов) была в основном узкопрактической, но затем возник интерес и к фундаментальным вопросам механики: ученые и инженеры США, убедившись в 20-е годы в важности теоретических разделов механики, «для решения задач, стоявших перед техникой, в первую очередь военной, вначале прибегали к зарубежной литературе, главным образом русской и немецкой. Но вскоре в США стали выходить и работы отечественных специалистов. Исследования велись преимущественно в области кинематической геометрии и кинематики механизмов» [83].

Из ученых-иммигрантов на этом втором этапе следует назвать Р. Мизеса, создавшего в США свою школу в области теоретической механики, а также Т. Кармана, эмигрировавшего в США в 1930 г. из Германии и работавшего до 1943 г. директором Гугенгеймовской аэролаборатории Калифорнийского технологического института. В этой лаборатории Т. Карман выполнил ряд важных исследований по аэродинамике, теории упругости, авиационной и строительной механике и самолетостроению. В этот же период в США благодаря исследованиям А. Эйнштейна и Н. Бора сильный толчок получило развитие релятивистской и квантовой механики.

А. Комптон, открывший в 1922 г. изменение длины волны рентгеновских лучей вследствие их рассеяния электронами, в 30-е годы переключился на исследование космических лучей. В этой же области работали Р. Э. Милликен и К. Андерсон, который в 1932—1936 гг. открыл в космических лучах мюоны (совместно с С. Неддермейером) и позитроны. Это привело к углублению представлений о природе симметрии в материальном мире. Большое теоретическое значение приобрела концепция спина элементарной частицы, предложенная Дж. Уленбеком и С. Гаудсмитом в 1925 г. во время их стажировки в лаборатории Н. Бора.

Э. О. Лоуренс в 1932 г. построил первый резонансный циклический ускоритель заряженных частиц — циклотрон, а в 1933 г. получил дейтроны (ядра тяжелого водорода, который годом ранее был открыл Г. Юри путем спектроскопии). После этого Р. Оппенгеймер и М. Филлипс дали объяснение реакций, происходящих при соударении дейтронов с атомным

[83] *Мандрыка А. П.* Взаимосвязь механики и техники (1770—1970). Л., 1975, с. 255.

ядром. В последующие годы совершенствование ускорителей продолжалось: в 1940 г. Д. Керст построил бетатрон, а Э. Макмиллан в 1945 г. (несколько позже, чем В. И. Векслер в СССР) разработал идею автофазировки, на основе которой затем были построены синхротроны и другие типы резонансных ускорителей.

А. Эйнштейн, поселившийся в Принстоне осенью 1933 г. и отказавшийся затем в знак протеста против фашизма от германского подданства, посвятил последние десятилетия своей жизни работе над вопросами космологии и над созданием единой теории поля. Он использовал свой авторитет для поддержки прогрессивных общественных, прежде всего антивоенных, движений. Из других переселившихся в 30-е годы в США физиков следует упомянуть Э. Дж. Сегре (из Италии), участвовавшего в открытии плутония (1940—1941) и ряда других элементов; голландца П. Дебая и швейцарца Ф. Блоха, крупнейших специалистов по теории твердого тела; венгра Л. Сциларда, сотрудничавшего с Э. Ферми в определении критической массы урана-235 и в создании первого ядерного реактора в Чикаго в 1942 г.; уроженцев Германии Х. Бете, Ю. Вигнера, Дж. Франка, Л. Нордхайма, О. Штерна. Все они в той или иной степени участвовали в проекте «Манхэттен».

Х. Бете использовал результаты своих исследований по теории атомного ядра и теории элементарных частиц для обоснования нового раздела астрофизики, учения о внутризвездных ядерных реакциях: в 1939 г. он выдвинул концепцию, согласно которой источником энергии Солнца и других звезд служит превращение водорода в гелий, катализируемое углеродом и азотом. Э. Хаббл в 1922—1924 гг. ввел классификацию туманностей на галактические и внегалактические и показал, что последние состоят из звезд. Из исследователей Солнца наиболее известен был Дж. Хейл, одним из первых применивший спектрогелиоскопы, а также наблюдавший магнитное поле солнечных пятен. К. Томбо в 1930 г. открыл девятую планету солнечной системы — Плутон.

В 20—40-е годы международное признание получил и ряд работ американских химиков, например выполненный И. Ленгмюром в лаборатории компании «Дженерал электрик» цикл исследований поверхностных явлений, за который автору (первому из ученых, работающих непосредственно в промышленности) была присуждена Нобелевская премия. В 1930 г. У. Карозерс получил первый сверхполимер, послуживший прототипом нейлона; затем в течение восьми лет на чисто эмпирический перебор перспективных вариантов этого важнейшего синтетического волокна было затрачено до 2 млн. долл. компанией «Дюпон», которая и присвоила все права на его производство.

Большой резонанс имели работы А. Демпстера и У. Джиока, двух уроженцев Канады, которые начали свою научную деятельность в США на рубеже 10—20-х годов. Первый из них в 1935 г. показал, что природный уран представляет смесь двух изотопов, урана-235 и урана-238. Джиок развил квантово-статистический подход к изучению свойств элементов при сверхнизких температурах. Л. Полинг (известен не только как химик и физик, но и как прогрессивный общественный деятель, один из организаторов Пагуошского движения)[84] изучал природу химической связи методами квантовой механики. Начиная с 1936 г. он за-

[84] См.: *Полинг Л.* Не бывать войне! М., 1960. См. также: *Фукс Г.* и др. Биографии великих химиков. М., 1981, с. 315—318.

нимался также проблемами структуры белков и молекулярных механизмов патологических процессов.

Благодаря исследованиям Дж. Самнера, Дж. Нортропа, У. Стэнли была установлена белковая природа ферментов. Из числа достижений химических наук за первую половину 40-х годов надо упомянуть разработку различных вариантов хроматографии — высокоточного физико-аналитического метода, интерес к которому возродился в 30-е годы в европейских странах, а затем перешел в США (сам метод был предложен в начале столетия русским биохимиком М. С. Цветом); синтез Г. Сиборгом и другими экспериментаторами трансурановых элементов: америция, кюрия, нептуния и плутония; создание теории абсолютных скоростей реакций С. Глесстоном, К. Лейдером и Г. Эйрингом.

Ведущую роль в развитии биологии в США в 20—40-е годы играла биологическая лаборатория Калифорнийского технологического института в Пасадене, которой в 1928—1945 гг. руководил Т. Х. Морган. Он придал завершенный вид хромосомной теории наследственности как фундаменту для селекции. Достигнутые в 20-е годы Морганом, а также К. Бриджесом, Г. Мёллером, А. Стёртевантом успехи в выведении гибридов сельскохозяйственных культур, особенно кукурузы, резко увеличили их урожайность. Произведенные в 1927 г. Мёллером опыты по индуцированию мутаций способствовали формированию радиационной генетики в качестве самостоятельной исследовательской области.

После кризиса 1929—1933 гг., когда продукция сельского хозяйства США сократилась почти вдвое, прикладные биологические исследования и разработки получили определенную правительственную поддержку в рамках мероприятий, проведенных в период действия закона о регулировании сельского хозяйства, т. е. в 1933—1935 гг. В течение 30—40-х годов министерством земледелия, а также частными фирмами был организован ряд опытных сельскохозяйственных станций по овощеводству, животноводству и другим отраслям.

Медицина испытывала на себе влияние особенностей американской системы здравоохранения. Больницы оставались по преимуществу частными. В 1940 г. коэффициент использования коек в частных клиниках составлял всего лишь 50,7% вследствие высокой платы, в то время как в государственных клиниках, сеть которых была гораздо менее развита, использовался 91,1% коек. В целом по стране в рассматриваемый период больные покрывали до 80% расходов по здравоохранению, правительство — 15%, остальное приходилось на «благотворительные фонды». В медицинских же исследованиях доля фондов была значительной. Сразу после вступления США во вторую мировую войну начали функционировать Медицинский отдел гражданской обороны, работавший в контакте с Красным Крестом и организовавший центры переливания крови, госпитали неотложной помощи и т. д. Но уже тогда военные ведомства начали развертывать подготовку к бактериологической войне, и одним из первых центров стала лаборатория, организованная летом 1942 г. в Кэмп-Детрике, близ г. Фредерик (штат Мэриленд) [85].

Определенная координация в области биологических и медицинских исследований наметилась с организацией в 1921 г. Национального совета

[85] Подробнее о ранних этапах подготовки США к ведению бактериологической войны см.: *Розбери Т.* Мир или чума: Биологическая война и как предотвратить ее. М., 1956.

по здравоохранению, а затем благодаря созданию в 1930 г. в Бетесде Национального института онкологии. Определенную роль сыграл правительственный акт 1944 г., расширивший полномочия Национального института здравоохранения в области проведения и субсидирования исследований, осуществляемых университетами, больницами и другими центрами по контрактам с этим институтом.

Пропагандировавшийся в 10-е и особенно 20-е годы в качестве специфически американского направления в физиологии высшей нервной деятельности, а отчасти антропологии и психологии бихейвиоризм с 30-х годов постепенно оттеснялся более прогрессивными концепциями, в частности обоснованным в 1929 г. У. Кенноном (и восходящим к концепции К. Бернара, Г. Боудича и И. П. Павлова) учением о гомеостазе как динамическом постоянстве внутренней среды организма. Аспект целостности в функционировании мозга как системы подчеркивался в монографии Дж. Э. Когхилла «Анатомия и проблема поведения» (1929). Для развития биохимии большое значение имели работы Э. Дойзи (раскрыл химическую природу витамина К), Дж. Самнера, Г. и К. Кори; предложенный Дж. Нортропом и У. Стэнли способ получения химически чистых ферментов и вирусных белков; труды Ф. Липмана (переехавшего в США из Дании в 1939 г.) по биосинтезу белков и механизмам действия кофермента А.

Продолжали развиваться и такие традиционные области биологии, как гидробиология (Э. Бердж); экология (школа Ф. Клементса; учение Ч. Хьюита о биоритмах и природных сообществах — «волнах жизни», 1921); систематика, морфология и биология отдельных групп. В эти исследования все в большей мере вторгался эволюционный подход, несмотря на продолжающуюся кампанию реакционных кругов против дарвинизма, достигшую своего апогея в 20-е годы.

В области антропологии выделяются работы учеников Г. Боудича, посвященные количественной зависимости роста от питания и другим антропометрическим проблемам. Ф. Боас получил известность как этнографическими исследованиями эскимосов и индейцев (главным образом северо-западного побережья Северной Америки), так и антропометрическими работами.

Не прекращались попытки «дарвинистически» обосновать «расовую гигиену» и дискриминацию. Демагогические ссылки на науку во имя оправдания антигуманных расистских целей были использованы впоследствии идеологами американского консерватизма и неофашизма.

Среди работ по геолого-географической отрасли знаний выделяются труды К. Феннера (петрология, вулканология), Г. Вашингтона (геохимия и петрография) и Р. Дейли, уроженца Канады, вычислившего средний состав главных типов магматических пород и разработавшего новую классификацию интрузивных тел. Попытка связать геофизику с космогонией была предпринята Т. К. Чемберленом, который одним из первых в современной планетологии высказал гипотезу о конденсации или росте планет на основе холодных «зародышей» — планетезималей. Велись исследования по географии почв (К. Ф. Марбут), климатологии (Г. Ландсберг), геоморфологии, ландшафтоведению и другим разделам географии.

Немало географических, а также этнографических открытий в Арктике совершил в 10—20-е годы В. Стефансон (по происхождению канадец). В теоретических науках о Земле первостепенную роль продолжал

играть исторический метод, получивший новый стимул благодаря выдвинутой в 1928 г. Н. Л. Боуэном (в книге «Эволюция вулканических пород») и поддержанной в начале 30-х годов Х. Йодером и С. Тилли гипотезе о базальтовом происхождении магмы. Л. Бауэр и его сотрудники в Институте Карнеги провели ряд морских экспедиций, в ходе которых картировали магнитное поле Земли; в 1934 г. У. Биби и О. Бартен в одной из первых батисфер, носившей название «Век прогресса», совершили погружение у Бермудских островов на рекордную тогда глубину — 923 м. В 1926 г. были проведены эксперименты по получению из морской воды брома. Соответствующая установка, построенная в Сан-Францисской бухте, приобрела коммерческое значение. В 1942 г. в связи с нуждами военной промышленности был освоен метод извлечения магния из морской воды.

В целом период 1918—1945 г. в развитии американской науки может во многих отношениях рассматриваться как переход к послевоенной «большой науке», ряд черт которой явственно прослеживается уже на материале организации и направленности научных исследований в США в течение 30-х годов. Так, появились первые случаи организации обширных комплексов исследований и разработок по типу многоотраслевых проектов и усилились попытки централизованной регуляции науки с помощью создания соответствующих федеральных органов. В то же время обе эти тенденции, стимул которым был дан кризисом 1929—1933 гг. и депрессией, приобрели устойчивый характер лишь на фоне перевода науки и сопутствующих ей опытно-конструкторских и технологических разработок на военные рельсы. Иммиграция ученых в США при всех специфических особенностях обстановки данного периода послужила предшественницей более широкой и разветвленной организации «утечки умов» в послевоенные годы.

Быстрыми темпами росла заинтересованность монополий в получении промышленного выхода от научных исследований, причем переход этой заинтересованности в практические мероприятия, осуществляемые уже не только отдельными монополиями, но и государственными органами как выразителями интересов государственно-монополистического капитализма, сопровождался переходом к более широкой поддержке также и фундаментальных исследований. Это повышало общественный престиж науки, в том числе и теоретической, и объективно способствовало крупному вкладу, внесенному за рассмотренный период рядом отраслей США в мировой естественнонаучный и технический прогресс.

Тем не менее отнюдь не была решена (и даже стала дальше от разрешения, чем в предшествовавший период) задача воспроизводства научного потенциала страны собственными силами, а реальные успехи многих отраслей знания оказывались все больше приуроченными к областям, ключевым для создания новых видов оружия, в частности ядерного и бактериологического. Как и прежде, наука страдала от конкуренции фирм и ведомств. Все более обострялось противоречие между объективно необходимым общественным ростом знания и использованием этого роста в интересах монополистических и милитаристских кругов. Попытки преодолеть это противоречие на путях государственно-монополистического регулирования должны были по замыслу их авторов способствовать сохранению системы капиталистического присвоения науки.

Глава восемнадцатая

ЛИТЕРАТУРА И ИСКУССТВО

1. ЛИТЕРАТУРА

Период между двумя мировыми войнами занимает совершенно особое, примечательное место в истории американской литературы. Это время отмечено значительными достижениями во всех художественных жанрах: в поэзии, драме, новеллистике, в области художественно-документальной литературы. Исключительным богатством форм отличается роман как в его психологической, так и в социальной жанровой разновидности. Никогда, ни до ни после, американская литература не была представлена столь счастливой россыпью талантов, находившихся именно в эти годы в поре высшего творческого расцвета [1].

Литературу 20-х годов характеризуют щедрое разнообразие художественно-эстетических школ, стремление писателей к поискам новых форм, к эксперименту, а лучшие произведения — сила критического пафоса, направленного на обнажение внутренней пустоты, духовного убожества буржуазно-собственнического существования, культа прагматической «выгоды» и бездушного техницизма. В 30-е годы, в «красное десятилетие», заметно было смещение акцентов в сторону политизации и социологизации литературы. Возрастает общественная активность писателей. Как определенный этап выделяется начало 40-х годов, период второй мировой войны, когда в литературе главенствуют военная и антифашистская темы.

Великая Октябрьская социалистическая революция, строительство социализма в СССР, подъем рабочего движения в первые годы после войны 1914—1918 гг. стали важными факторами, воздействовавшими на литературный процесс в США, особенно в начале 20-х годов. Теодор Драйзер говорил: «Вступление России на путь социализма озарило существующее в Америке социальное неравенство таким ослепительным светом, что наряду с книгами, имеющими единственной целью развлечь читателя и старательно обходящими социальные проблемы, неизбежно должны были появиться другие, показывающие необходимость изменения общественного строя» [2].

Замечательной страницей истории литературы США стала литературная и общественно-политическая деятельность Джона Рида, Альберта Риса Вильямса, близкой к ним группы литераторов, журналистов и публицистов, очевидцев победы социалистической революции в России, друзей молодой Советской республики [3].

Приезд в Россию летом 1917 г., в канун Октября, знаменовал начало

---

[1] Литература США XX века: Опыт типологического исследования. М., 1978.
[2] *Драйзер Т.* Собр. соч.: В 12-ти т. М., 1955, т. 12, с. 196.
[3] Глазами иностранцев, 1917—1932. М., 1932; *Гиленсон Б. А.* Октябрь в литературе США, 1917—1920 гг. М., 1968; Друзья Октября и мира. М., 1977; Мы видели Октябрь. М., 1977. Т. 1, 2; Глазами друзей. М., 1982.

нового, самого блистательного этапа в жизни Джона Рида [4], ставшего основоположником социалистического реализма в литературе США, художником нового типа, органически соединившим художественное творчество с революционной деятельностью. Рид был свидетелем победы социалистической революции в Петрограде, видел В. И. Ленина на трибуне II Всероссийского съезда Советов, работал в Бюро революционной пропаганды при Наркоминделе, приняв всем сердцем правду большевиков. Вернувшись в США в мае 1918 г., Рид совершает лекционное турне по стране, пишет серию статей в левой прессе, рассказывая правду о Ленине, большевиках и Советах, опровергая мифы антисоветизма. Его публицистика 1918—1919 гг.— своеобразный пролог к прославленной книге «Десять дней, которые потрясли мир», вышедшей в свет 19 марта 1919 г.

Она получила высокую оценку В. И. Ленина, увидевшего в ней «правдивое и необыкновенно живо написанное изложение событий, столь важных для понимания того, что такое пролетарская революция, что такое диктатура пролетариата» [5]. В этом произведении проявилось высокое искусство и новаторство Рида, его темперамент, страсть, ясная идейная позиция. Сама История с большой буквы, творимая революционными народными массами, руководимыми партией Ленина, стала героем его книги. Рид стремился, чтобы американский читатель не только увидел происходившее, но и поверил в него, опираясь на документы, наконец, понял его смысл. Это определило наличие в «Десяти днях» трех планов: изобразительного, публицистического и документального. Самый принцип «интеграции» документа в художественный текст, а также прямых публицистических отступлений, впервые широко использованный Дж. Ридом, получил широкое развитие в литературе США (у Дос Пассоса, Стейнбека, Льюиса).

В «Десяти днях», произведении, представляющем оригинальный художественный сплав, сказался талант Рида очеркиста, документалиста, драматурга и поэта, автора уитменовской по духу поэмы «Америка 1918». Художник-новатор, Рид сумел показать народную революцию во всей ее подлинности, запечатлеть картины массовых движений, нелегкий, порой мучительный процесс рождения нового сознания у вчера еще забитых, неграмотных людей.

Летом 1919 г. Рид принимает участие в создании Коммунистической рабочей партии США, осенью тайно приезжает в Москву, начинает работать в Коминтерне, неоднократно встречается с В. И. Лениным. Его жизнь и творчество стали действенным примером для революционных писателей США, особенно в пору «красных тридцатых», когда в США были созданы «Клубы Джона Рида».

В первые послевоенные годы тема Октябрьской революции заняла существенное место в американской литературе, прежде всего в художественно-документальной. В книге «Ленин. Человек и его дело» (1919) Альберт Рис Вильямс (1883—1962) [6], соратник Дж. Рида, нарисовал многогранный образ вождя Октября, «величайшего реалиста». Затем он

---

[4] О начале литературной деятельности Дж. Рида см.: История США: В 4-х т. М., 1983—, т. 2, с. 479—480.

[5] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 40, с. 48.

[6] *Киреева И. В.* Альберт Рис Вильямс: Очерк творчества. Горький, 1973; *Вильямс А. Р.* Жизнь доказала нашу правоту. Избранная публицистика. М., 1983; *Гиленсон Б. А.* Альберт Рис Вильямс.— Новая и новейшая история, 1984, № 1.

пишет книгу о народе, разбуженном к борьбе и новой жизни,— «Сквозь русскую революцию» (1921). Советская тема стала определяющей в творческих исканиях Вильямса, испытанного друга Страны Советов (книги «Русская земля», 1928; «Советы», 1937; «Русские. Страна, народ, за что они сражаются», 1943). В последние годы жизни он вновь вернулся к незабываемым для себя событиям 1917—1918 гг. (книга «Путешествие в революцию», 1969).

Симпатией к большевикам была проникнута и книга жены Джона Рида, прогрессивной журналистки Луизы Брайант (1890—1936) «Шесть красных месяцев в России» (1918). Итогом ее второй поездки в Россию (1920—1921) стала книга «Зеркала Москвы» (1923), серия портретов видных партийных и государственных деятелей (А. В. Луначарского, М. И. Калинина, Ф. Э. Дзержинского и др.); сюда же был включен основанный на личных впечатлениях очерк о В. И. Ленине. События в революционном Петрограде в 1917—1918 гг. нашли отражение и в книге Бесси Битти (1886—1947) «Красное сердце России» (1919).

Другом Страны Советов проявил себя прогрессивный публицист Пакстон Гиббен (1880—1927), автор книги «Реконструкция в России» (1925), которого в США даже привлекали к суду за «пробольшевистские симпатии». Октябрь, Ленин оказали решающее влияние на судьбы целой группы левых рабочих лидеров, оставивших интересные образцы мемуаристики («Книга Билла Хейвуда» У. Хейвуда (1927); «Страницы из жизни рабочего» У. З. Фостера (1939); «Нас много» Э. Р. Блур (1940) и др.).

Пролетарское течение в американской литературе этого десятилетия представлял Майкл Голд (1894—1967), один из ветеранов коммунистического движения в США, всю жизнь при самых нелегких обстоятельствах хранивший верность его идеалам. Метод Голда-художника отличался известной прямолинейностью, открытой тенденциозностью, его симпатии были отданы тем, кто не смирялся с униженной долей, не оставил борьбы (рассказы «Проклятый агитатор», «Свободны!»). Голд-поэт продолжал традиции Уитмена, использовал белый стих, широкую ораторскую интонацию (сборник «120 миллионов», 1927).

Голд явился одним из предшественников и глашатаев новой литературной эпохи «красных тридцатых». Его известный автобиографический роман «Еврейская беднота» (1930), в центре которого — изображение духовного роста юного героя, имел широкий резонанс и стал одним из первенцев пролетарской литературы послекризисного десятилетия. В 30-е годы Голд много сил отдавал партийной, организаторской работе в сфере культуры, вел колонку «Изменим мир» в газете «Дейли уоркер», активно поддерживал революционные тенденции в американской литературе.

Наиболее значительные и интересные явления в литературе 20-х годов связаны с творчеством мастеров критического реализма [7]. В это десятилетие характерно не только усиление обличительного пафоса, но и настойчивые поиски позитивных ценностей. Представители этого направления, будучи весьма различны по своим идейно-эстетическим убеждениям, испытывали настоятельную потребность в объединении, в совместных усилиях. Своеобразным центром радикально настроенных литераторов стал журнал «Севен артс» (1916—1917). Журнал стоял на антиимпериа-

[7] *Зверев А.* Американский роман 20—30-х годов. М., 1982.

листических позициях, в нем сотрудничали Т. Драйзер, У. Фрэнк, Ю. О'Нил, Ф. Делл, К. Сэндберг, критик Ван Вик Брукс и др. В 1922 г. увидел свет отмеченный социально-критическим пафосом коллективный сборник статей «Цивилизация в Соединенных Штатах» (под редакцией публициста либеральной ориентации Гарольда Стирнса). Его авторы рисовали удручающее положение дел в разных сферах духовной жизни США, будь то искусство, образование, наука, журналистика, философия и пр., пропитанных духом вульгарного бизнеса.

Неприятие «долларовой цивилизации», самой атмосферы, враждебной творческому труду, стимулировало «исход» значительной группы американских литераторов, покинувших родину и ставших «экспатриантами» в Париже (Э. Хемингуэй, Ф. С. Фицджеральд, Дж. Дос Пассос, Г. Миллер, М. Каули, Э. Э. Каммингс, У. Лоуенфелс и др.).

Важной особенностью литературного процесса в первые послевоенные годы стал своеобразный «документальный взрыв», предвестник бурного развития публицистики в 30-е годы. В жанре очерка, эссе, социологического исследования успешно работают Т. Драйзер, Э. Синклер, Г. Менкен, У. Фрэнк и др. Это позволяло им оперативно, непосредственно выступать с остро критическими оценками «долларовой цивилизации».

В 20-е годы рядом с писателями старшего поколения, заявившими о себе на заре столетия (Драйзер, Синклер, Сэндберг, Андерсон и др.), выступили и более молодые художники слова, расцвет творчества которых падает на послевоенное десятилетие (С. Льюис, Э. Хемингуэй, У. Фолкнер, Т. Уайлдер, Дж. Дос Пассос и др.). Социально-критический пафос в творчестве некоторых из них, например Сэндберга, Синклера, Льюиса, Андерсона, О'Нила, во многом определялся той «социалистической закалкой», которую они получили в молодые годы.

Наряду с представителями «социологической» разновидности реализма, такими, как Т. Драйзер, Э. Синклер, С. Льюис, стремившимися дать широкую, социально насыщенную панораму американской действительности, в это десятилетие выдающихся успехов достигли художники слова, которых можно отнести к психологической школе (Фолкнер, Фицджеральд, Андерсон, Фрэнк и др.). В их книгах открылись неведомые прежде глубины внутренней жизни человека.

Плодотворным тяготением к новаторству и эксперименту, богатством художественных форм отмечено творчество таких художников слова, как Андерсон, Хемингуэй, Фолкнер, Фицджеральд, Дос Пассос, которые дали образцы новой прозы, новой стилистики. Таковы тонкая передача психологической атмосферы у Андерсона, подтексты в диалогах Хемингуэя, использование приемов кинематографа у Дос Пассоса, внутренний монолог и особенно поток сознания у Фолкнера и Фрэнка, языкотворчество Каммингса и др.

Несомненным творческим ростом отмечен путь Эптона Синклера в первое послевоенное десятилетие[8]. Всегда живо откликавшийся на актуальные проблемы современности, он создает ряд публицистико-социологических памфлетов, составивших серию «Мертвая рука». В них он поистине ведет атаку против социальных зол на широком плацдарме: обличает зависимость церкви от финансовых интересов, превращение священнослужителей в платных агентов монополий («Выгоды религии»,

[8] О начале творческого пути Э. Синклера см.: История США, т. 2, с. 474—476.

1918), подкуп «свободной прессы» («Медная марка», 1920), деградацию писателей, поставивших свой талант на службу «денежному мешку» («Искусство Маммоны», 1922), опошление искусства, переродившегося в коммерческую псевдокультуру («Деньги пишут», 1927). От его внимания не укрывается и положение в школах и колледжах, где также осуществляет свой диктат крупный капитал («Гусята», 1922; «Гусиный шаг», 1923).

В романах 20-х годов Синклер продолжил свою главную тему, обнажая природу капиталистической эксплуатации. Каждое из этих произведений становится своего рода «путешествием» в какую-то сферу американской жизни, воспроизводимую с завидным богатством социально-экономических деталей. Здесь полиция и ее тайная агентура в рабочем движении («100%», 1921), индустрия «черного золота» («Нефть», 1923), механизм антидемократического классового судопроизводства, жертвами которого становятся Сакко и Ванцетти («Бостон», 1927).

Путь Эптона Синклера, однако, отличался неровностью. В начале 30-х годов он переживает очевидный творческий спад. Его романы «Маунтен-Сити» (1930) и «Римские каникулы» (1931) явно уступают прежним произведениям. Они бледны, маловыразительны. Обнаруживают иллюзорность и реформистские идеи Эптона Синклера, обнародовавшего свой известный план ЭПИК («Покончим с нищетой в Калифорнии», 1934) (см. гл. 10 в этом томе). Развернувшееся в середине 30-х годов антифашистское движение в США пробуждает писателя. Синклер откликается на гражданскую войну в Испании повестью «Они не пройдут» (1936), пронизанной призывом к единству всех сил, противостоящих «коричневой» угрозе.

Значительным явлением литературы военных лет стали первые тома обширного 10-томного цикла романов о Ланни Бэдде (1940—1953), над которыми Синклер начал работать как раз в канун второй мировой войны («Крушение мира», 1940; «Меж двух миров», 1941; «Зубы дракона», 1942; «Жатва дракона», «Широкие врата», 1943; и др.). Под пером романиста оживали важнейшие вехи политической, дипломатической истории после первой мировой войны; в серии наряду с вымышленными героями — и это придавало повествованию особый интерес — действовали живые герои современности. К сожалению, атмосфера и настроения «холодной войны» с ее антисоветизмом дали себя знать в заключительной части этой серии («Возвращение Ланни Бэдда», 1953).

Послевоенное десятилетие — важнейший этап творческого пути Теодора Драйзера [9]. В это время происходит постепенная, нелегкая перестройка его миросозерцания: он отходит от спенсерианских и фаталистических воззрений, растет его убеждение в антигуманной природе американского капитализма (сборник публицистики «Бей, барабан», 1919). Углубление социальных взглядов писателя сказалось в томе рассказов «Двенадцать» (1919), в автобиографической книге «Газетные дни» (1922) и очерковом цикле «Краски большого города» (1923). Художественным обобщением огромной силы явилась «Американская трагедия» (1925), одно из ключевых произведений не только 20-х годов, но и всей литературной истории США. Судьба Клайда Грифитса предстала под пером Драйзера исполненной огромной обобщающей силы, свидетельством

[9] О творчестве Драйзера до 1918 г. см.: Там же, с. 469—471.

краха «американской мечты». В этом произведении Драйзер-художник проявил себя в полной мере: были изжиты сугубо натуралистическая мотивировка характеров, равно как и ошибочные философские комментарии, отличавшие его ранние романы.

Логика развития писателя предопределила то, что Драйзер обратил свои взоры к иной общественной системе. Итогом его поездки в СССР стала книга «Драйзер смотрит на Россию» (1928), написанная с симпатией к Советской стране. В его творчество входит новый герой, коммунистка Эрнита из одноименной новеллы (1929).

Тридцатые годы стали значительной вехой в идейно-художественной эволюции Драйзера. В это десятилетие он много работал как публицист. От «Американской трагедии», романа о горестном уделе индивида, гибнущего в капиталистических джунглях, он пришел к «Трагической Америке» (1931), документальному свидетельству о трудовом народе в годы кризиса, оказавшемся под пятой монополий. И здесь Драйзер сыграл «пионерскую» роль, проложив путь серии документально-публицистических книг (Андерсона, Фрэнка, Колдуэлла и др.), появившихся на заре «красного десятилетия». Обличение международной реакции, призыв к поддержке СССР определили пафос его публицистической книги «Америку стоит спасать» (1941).

В годы второй мировой войны Драйзер активно выступает в пользу открытия второго фронта, выражает неизменные симпатии к героической борьбе Советского Союза. В последних, уже посмертно изданных романах — «Стоик» (1947, остался незавершенным) и «Оплот» (1946) — Драйзер подводит своеобразные итоги своим художественным и философским исканиям. В «Оплоте», давая своеобразную хронику трех поколений квакерской семьи Барнсов, деградацию ее морально-нравственных устоев, писатель показывает, как всепоглощающая жажда денег, господствующая философия частнособственнического стяжательства становятся источником зла. В «Стоике», заключительном томе «Трилогии желания», выносится окончательный приговор Каупервуду и каупервудовской философии. Развитие Драйзера, особенно исторический опыт, обретенный писателем в послеоктябрьский период, привели его в конце жизни к решению вступить в Коммунистическую партию, о чем свидетельствует его знаменитое письмо У. З. Фостеру (июль 1945 г.), названное им «Логика моей жизни».

Своеобразным учителем для мастеров психологического реализма, например для Фолкнера, был наряду с Генри Джеймсом также Шервуд Андерсон (1876—1941). Он дебютировал романом «Сын Уинди Макферсона» (1916), рисовавшим историю возвышения героя, его обогащения, а также разочарования в бизнесе. В другом романе — «Марширующие люди» (1917) — Андерсон обратился к теме рабочего движения, поставив в центр несколько романтизированную, не лишенную схематизма и плакатности фигуру Мак Грегора, вожака пролетариев.

В полной мере Андерсон-художник нашел себя как мастер малой формы, новеллы, построенной на тонких психологических нюансах. Славу Андерсону принес его новеллистический сборник «Уайнсбург, Огайо» (1919), который знаменовал его становление как оригинального художника слова. Этот сборник и последовавшие за ним два других — «Торжество яйца» (1921) и «Кони и люди» (1923) — очертили, в сущности, главенствующую андерсоновскую тему: человеческое одиночество,

неприкаянность, ущербность в мире бездушного делячества и бизнеса. Его новеллы, а также романы 20-х годов — «Бедный белый» (1920), «Темный смех» (1924) — с их новеллистической структурой отразили увлечение Андерсона психоанализом, вообще весьма популярным в США в 20-е годы.

В начале 30-х годов Андерсон заметно левеет, выступает в защиту бастующих горняков (знаменитая статья «Побольше бы нам „преступного синдикализма“», 1932). Растущий интерес писателя к жизни трудящихся, к «другой Америке» нашел отражение в романе «По ту сторону желания» (1932), исторической основой которого стала знаменитая забастовка в Гастонии в 1929 г. Не был глух Андерсон и к социальным процессам, происходящим в стране в пору депрессии: это сказалось в очерково-публицистической книге «Озадаченная Америка» (1935).

Одним из значительных явлений американской реалистической литературы 20-х годов стало творчество Синклера Льюиса (1885—1951). Именно на это десятилетие падает наиболее плодотворная полоса в его творчестве [10]. Роман «Главная улица» (1920), один из провозвестников новой литературной эпохи, сделавший его автора знаменитостью, не только запечатлел духовное убожество провинциального захолустья, но и показал провинциализм всей американской жизни. За ним последовали знаменитые романы Льюиса, образующие широкую и емкую панораму Америки «среднего класса», воссоздающие целый мир узколобого, консервативного мещанства. В центре романа «Бэббит» (1922) герой, имя которого сделалось нарицательным, инфантильный, стандартизированный бизнесмен. Фигура эта явилась выдающимся художественным открытием Льюиса. В «Эрроусмите» (1925) главным героем был уже «антибэббитовский» характер — медик, ученый, человек творческий и честный, задыхающийся в среде карьеристов и дельцов от науки. В романе «Элмер Гентри» (1927) представлен во весь рост «торговец словом божьим», бесстыдный лицемер в рясе священнослужителя.

«Анатом американской культуры», как назвал его известный литературный критик Г. Менкен, Льюис в своих лучших сатирических и социально-критических романах 20-х годов выставлял на всеобщее обозрение пороки и язвы «долларовой цивилизации». Он одним из первых художественно запечатлел то, что позднее философы определили понятиями «массовая культура», «массовое общество», «отчуждение личности».

Путь Льюиса был сложным, противоречивым. Уже в конце 20-х годов в его творчестве обозначился известный спад, о чем свидетельствовал роман «Додсворт» (1929). В 30—40-е годы подъемы и спады обозначились с еще большей резкостью. В известном смысле Льюис пошел вперед, его сатира приобрела политическую направленность. В центре романа «Энн Виккерс» (1933) — женщина, сильная, волевая, вдохновленная идеалами гуманности и справедливости. Однако уже в романе «Произведение искусства» (1934), явно неудачном, Льюис выступил с апологией честного, добропорядочного бизнесмена, противопоставляемого «богеме». Затем писатель вновь переживает творческий взлет. Необычайно чуткий к пульсу общественной жизни, Льюис в антифашистском сатирико-утопическом романе-предупреждении «У нас это невозможно» (1935), появившемся в преддверии президентских выборов 1936 г. и ставшем

[10] Начало творческого пути С. Льюиса см.: Там же, с. 479.

подлинной общественной сенсацией, выступил как пионер антифашистской темы, привлек внимание к опасности «коричневой» угрозы в ее американской разновидности. В романе «Гидеон Плениш» (1943) с присущим ему сатирическим блеском и остроумием он высмеял буржуазного карьериста, паразитирующего на ниве педагогики и «филантропии». Большой резонанс имел и его широко известный антирасистский роман «Кингсблад — потомок королей» (1947).

СИНКЛЕР ЛЬЮИС

Романы С. Льюиса рассматривают иногда как своего рода беллетристическую параллель к книгам Генри Менкена (1880—1956), критика и публициста, одного из кумиров либеральной интеллигенции 20-х годов. В сборниках статей «Книга предисловий» (1917), «Предрассудки» (6 серий, 1919—1927) Менкен издевался над ограниченностью американского мещанина, «буба» (от boob — глупец), «каталогизировал» в виде документальных пассажей образчики невежества и пошлости провинциальной журналистики («Американа», 1926). В середине 20-х годов приходит известность и к Ринголду Уилмеру Ларднеру (1885—1933), талантливому новеллисту, сатирику, умевшему показать «столпов» и «кумиров» «американского образа жизни» с их воинствующей пошлостью, грубостью, мещанским эгоизмом (рассказы «Чемпион», «Гнездышко любви» и др.).

В 20-е годы выдвинулась группа писателей, которых называют художниками «потерянного поколения»: Э. Хемингуэй, Дж. Дос Пассос, Ф. С. Фицджеральд, У. Фолкнер. В раннем творчестве этих очень разных мастеров слова, пути которых в дальнейшем разошлись, имелись существенные общие точки соприкосновения. Пройдя сквозь горький опыт первой мировой войны, осудив ее как бессмысленную бойню, они выразили чувство глубочайшего разочарования в буржуазном обществе и его идеалах.

Участник первой мировой войны Эрнест Миллер Хемингуэй (1899—1961), подобно многим его собратьям по перу, начал как репортер, журналист в Канаде (1920—1921), затем в Европе (1922—1923). Очерки, публицистика составляют вообще важный пласт его творчества. Обосновавшись в Париже, в художественной среде «экспатриантов» (эта пора его жизни была позднее воссоздана в книге воспоминаний «Праздник, который всегда с тобой», 1964), Хемингуэй полностью отдается литературному творчеству, дебютировав книгой рассказов «В наше время» (1925). В 20-е годы формируется неповторимый хемингуэевский стиль,

лаконичный, простой и прозрачный, отличающийся двуплановостью, когда объективное, наглядное изображение событий слито с подтекстом, образующим весьма емкую подводную часть его знаменитого «айсберга». Этими особенностями уже отмечены сборник рассказов «Мужчины без женщин» (1927) и первый роман «И восходит солнце» («Фиеста», 1926). Подлинным триумфом Хемингуэя-художника стал антивоенный роман «Прощай, оружие» (1929), произведение редкой гармоничности и цельности, вызвавшее всемирный резонанс.

Место рядом с Хемингуэем в 20-е годы по праву занимает Фрэнсис Скотт Фицджеральд (1896—1940), художник, продолживший традиции романтизма, создавший своеобразную повествовательную манеру, соединившую в себе лиризм, поэтичность, пластичность и тонкий психологизм. В ранних произведениях он не только запечатлел безумную жажду наслаждений, овладевшую «золотой молодежью» в пору послевоенного бума, «века джаза», но и силой своего острокритического, «второго зрения» увидел пустоту, ущербность «сладкой жизни». Эти мотивы присутствуют в ранней повести «Первое мая» (1920), в романах «По ту сторону рая» (1920) и «Прекрасные и проклятые» (1922). Одним из самых впечатляющих художественных свидетельств эпохи явился знаменитый и лучший роман Фицджеральда «Великий Гэтсби» (1925), классический образец американской прозы, своеобразный вариант «американской трагедии». Его главный герой — Джей Гэтсби — не только делец, нувориш, но и романтик, охваченный сильным чувством к холодной красавице Дейзи Бьюкенен, олицетворяющей бездушие мира богачей.

Кризисное десятилетие было нелегким для Фицджеральда, продуктивность которого снизилась, однако писатель не остался глух к пульсу общественной жизни[11]. К началу 30-х годов относится его интерес к марксизму. Роман «Ночь нежна» (1934), отмеченный поэтичностью и психологизмом, говорит о возросшем критицизме Фицджеральда к «очень богатым людям». Во второй половине 30-х годов Фицджеральд, переживающий творческий кризис, был занят поденной работой в Голливуде, что отразилось в оставшемся незавершенным романе «Последний магнат» (посмертно издан в 1945 г.).

Расцвет поэзии США, начавшийся как раз в канун первой мировой войны и обычно называемый «поэтическим Ренессансом» (1912—1925), продолжался и в начале первого послевоенного десятилетия. К. Сэндберг[12] выпускает ряд новых поэтических сборников: «Дым и сталь» (1920), «Доброе утро, Америка» (1928), «Народ, да» (1936); последний одушевлен верой поэта в светлое будущее страны, в неодолимую мощь народа. Много сил отдает он созданию шеститомной биографии Линкольна (1926—1939), который предстает как государственный деятель ярко выраженного демократического склада, приверженный прогрессивным идеалам. Демократизм, органически присущий и самому Сэндбергу, сказывается в его активной работе по собиранию американского фольклора, в особенности народных песен. В годы второй мировой войны он занимал четкую антифашистскую позицию.

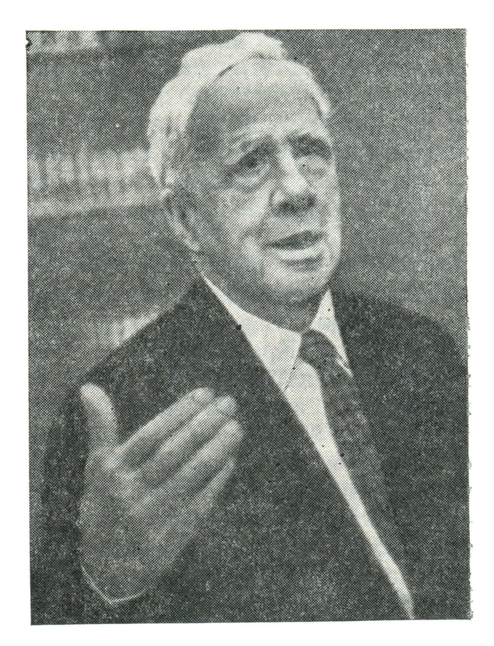
Как и Сэндберг, традицию реализма в поэзии развивал в послевоен-

---

[11] *Фицджеральд Ф. С.* Портрет в документах. Письма. Из записных книжек. Воспоминания. М., 1984.

[12] О начале творческого пути Сэндберга см.: История США. т 2. с. 485—486

ные годы Роберт Фрост[13], художник-гуманист. Его поэтические сборники «Нью-Гэмпшир» (1923), «Ручей, текущий к западу» (1928), «Дальний хребет» (1936), «Дерево-свидетель» (1942) и др.— подтверждение широкого светлого взгляда на мир, любви к природе, вере в человека. Мастер пейзажной лирики и философской медитации, Фрост в отличие от Сэндберга, мастера свободного стиха, более традиционен, использует белый, реже рифмованный стих. В 1962 г. 88-летний поэт посетил СССР, где был тепло принят советскими писателями[14].

РОБЕРТ ФРОСТ

20—30-е годы — время активной работы Уильяма Карлоса Уильямса (1883—1963), который стремился передать самый ритм, дух, глубинный смысл своего времени, воспроизводя его в образах, осязаемых и пластичных (сборники «Кора в аду», 1920, «Кислый виноград», 1921, и др.). Поэма «Патерсон» (1946—1958) была задумана им как современные «Листья травы».

«Поэтический Ренессанс» дал импульс развитию (не без влияния европейских, особенно французских, образцов) различных авангардистских, модернистских течений и школ. Среди авангардистов в 20-е годы выделялся Эдуард Эстлин Каммингс (1894—1962), автор антивоенного романа «Громадная комната» (1922), ряда поэтических сборников («Тюльпаны и труба», 1926; «Будет пять», 1927; и др.), в которых он увлекался экспериментальным языкотворчеством. Одним из влиятельных теоретиков авангардистских новаций в области стилистики была Гертруда Стайн (1874—1946), культивировавшая самодовлеющее слово и фразу, нередко оторванные от реальной жизни. Некоторые ее приемы использовал молодой Хемингуэй.

Признанным лидером американского модернизма был поэт Эзра Лумис Паунд (1885—1972), у которого ироническое отношение к мещанским ценностям соединялось с аристократическим снобизмом и презрением к народу, толпе. Паунд стремился «реанимировать», оживить омертвелые, как он считал, стиховые формы, создать «новую поэзию», элитарную, рассчитанную на «посвященных», но при этом многие его поиски обретали формалистический характер. Антигуманизм и антидемократизм привели Паунда на реакционные позиции: в 30-е годы он уезжал в Италию, увлеченный социальной демагогией Муссолини, в годы второй мировой войны обращался к войскам союзников по радио с профашистскими воззваниями.

---

[13] О начале творческого пути Фроста см.: Там же, с. 485.
[14] *Фрост Р.* Из девяти книг. М., 1962.

Видную роль играл в эти годы влиятельный англо-американский критик, «мэтр» поэтического модернизма XX столетия Томас Стернз Элиот (1888—1965), лауреат Нобелевской премии (1948). Художник большого таланта, Элиот оказал сильнейшее воздействие на развитие англо-американской поэзии. Оригинально передал он трагический удел индивида, затерянного в хаосе жестокого, безжалостного мира, но при этом пессимистически оценивал будущее, осуждал революционные перемены. Широкую известность приобрела его символико-аллегорическая поэма «Бесплодная земля» (1922): уловив кризисные явления буржуазного мира, Элиот распространил свою пессимистическую концепцию на всю современную цивилизацию. В русле модернизма развивалось и творчество талантливого поэта Харта Крейна (1899—1932), автора поэмы «Мост» (1930), исполненной смутных видений и аллегорий, посвященной Бруклинскому мосту как символу американской цивилизации.

Кризис 1929—1933 гг., потрясший до основания здание капитализма, оставил неизгладимый след во всех сферах американской жизни, в том числе и в сфере культуры, искусства, литературы. 30-е годы называют «голодными», «злыми», «грозовыми», но выразительнее всего — «красные тридцатые». В это время впервые в национальной истории миллионы американцев, в том числе и мастера культуры, обратились к научному социализму: так, 20-е годы прошли под знаком увлечения фрейдистским психоанализмом, а 30-е отмечены решительным поворотом в сторону марксистской философии.

Само отношение к наследию «красных тридцатых» стало своеобразным барометром, указывающим на общественно-политический климат в стране в разные исторические периоды. После многих лет откровенного поношения и тенденциозного подхода в 60—70-е годы проявилось новое отношение к литературе «грозового десятилетия», в частности более объективная ее оценка. В последние годы заметен интерес к выявлению художественного вклада, сделанного в это десятилетие.

Кризис и последовавшая за ним депрессия обострили, сделали рельефным процесс поляризации сил в литературе. В то самое время, когда многие писатели повернули влево, происходило оживление различных буржуазно-охранительных течений. Своеобразным противовесом марксистской и социологической критике стало выдвижение группы литературоведов и философов эстетско-формалистического толка во главе с И. Бэббитом, Н. Форстером и П. Э. Мором, которые обнародовали свой манифест «Новый гуманизм» (1930). В нем под флагом защиты «эстетических ценностей» от «натуралистической грубости» велась откровенная атака на литературу критико-реалистической направленности и жизненной правды [15].

Еще в 20-е годы консервативно настроенные писатели-южане создали группу «Фьюджитивс» («Беглецы»); в нее входили Аллен Тейт, Джон Кроу Рэнсом, Клинт Брукс и другие, которые в программном манифесте «Моя позиция» (1930) резко осуждали «северный индустриализм» как источник всех социальных зол. Многие из них образовали формалистическую критико-эстетическую школу, так называемую «Новую критику», задававшую тон в университетах в 40—50-е годы.

В произведениях писателей-модернистов порой содержалась критика

[15] *Гиленсон Б. А.* Американская литература 30-х годов XX в. М., 1974, с. 31—39.

буржуазно-мещанского мира, но в то же время фетишизировалось темное, биологическое начало в человеке. Примером этого было творчество Генри Миллера (1891—1980), выразившего анархо-индивидуалистический протест против бездуховности, прагматизма и серости американской действительности. Однако его бунт вылился лишь в осмеяние морально-нравственных норм мещанской среды, проповедь эгоцентрической свободы от общественного долга (романы «Тропик Рака» (1934) и «Тропик Козерога» (1939)). Критик-коммунист Сидней Финкельстайн, характеризуя творчество Генри Миллера, писал: «Мрак заслоняет от Миллера горящие в мире путеводные огни прогресса, и писатель видит лишь пороки, которые осыпает бранью. Это губит в нем поэта» [16].

Однако определяющим в «красное десятилетие» стало развитие литературы радикальной, а то и революционной ориентации. Социальный опыт, накопленный писателями в 30-е годы, знаменовал, по словам М. Голда, «становление новой философии, нового взгляда на материал и саму страну» [17]. Это сказалось в новой концепции человека. В литературе 30-х годов акцент делался на социально-классовой характеристике героев, ее привлекал человек в сфере трудовой деятельности, общественной активности, находящийся в процессе духовного, нравственного роста. Для литературы этого десятилетия характерно также обращение к международной проблематике, интерес к социалистическому строительству в СССР (Т. Драйзер, А. Р. Вильямс, Э. Уилсон, Л. Хьюз, У. Фрэнк и др.), к антифашистской борьбе в Германии (Л. Хелман, Э. Райс), к войне и революции в Китае (П. Бак, А. Смедли, Э. Сноу).

Меняется сама позиция писателей, все острее ощущающих прямую, личную причастность к судьбам миллионов соотечественников. Пафос коллективизма, утверждение героя, ищущего единения с другими людьми (у Стейнбека в «Гроздьях гнева», Фрэнка в «Смерти и рождении Дэвида Маркенда», Трамбо в «Джонни получил винтовку», во многих образцах пролетарского романа),— замечательная и совершенно новая черта этой литературной эпохи. Она весьма удачно выражена в словах Гарри Моргана — героя романа Хемингуэя, ставших крылатыми: «Человек один не может ни черта» [18]. Известный критик М. Каули, участник литературного движения 30-х годов, так характеризовал новый психологический климат десятилетия: «В это время говорили не „я“, а „мы“, не „мое“, а „наше“» [19].

Критики-коммунисты возглавили движение «Клубов Джона Рида», первый из которых был создан в Нью-Йорке осенью 1929 г. К 1934 г. их число достигло 35, они объединяли литераторов-рабочих, рабкоров, художников, графиков, стихийно возникавшие на предприятиях художественные и театральные коллективы. После роспуска «Клубов Джона Рида» в 1934 г. в апреле следующего года состоялся первый учредительный конгресс Лиги американских писателей, представивший фактически весь цвет прогрессивной американской литературы. Центральное место заняла на конгрессе дискуссия о путях развития пролетарского романа. Второй съезд лиги (июнь 1937 г.) прошел под знаком испанских событий; на нем с большой силой прозвучали призывы к защите культуры

[16] *Финкельстайн С.* Экзистенциализм в литературе США. М., 1967, с. 224.
[17] Писатели США о литературе: В 2-х т. М., 1982, т. 2, с. 165.
[18] *Хемингуэй Э.* Собр. соч.: В 4-х т. М., 1968, т. 2, с. 632.
[19] New York Times Book Review, 1964, Dec. 13, p. 4.

от «коричневой» угрозы, осуждение позиции «нейтрализма» и ухода от борьбы.

Гражданская активность писателей, особенно в начале 30-х годов, стала важным фактором общественной жизни в стране. В 1932 г. была издана брошюра «Культура и кризис», под которой стояли подписи более 50 деятелей американской литературы, в том числе Андерсона, Дос Пассоса, Стеффенса, Колдуэлла, Фрэнка и др. Тогда же группа писателей выступила с поддержкой кандидатов Компартии на президентских выборах — У. З. Фостера и Дж. Форда.

Писатели не ограничивались печатными заявлениями и декларациями. В 1931 г. группа литераторов (Дос Пассос, Каули и др.) во главе с Драйзером расследовали условия жизни бастующих шахтеров в Харлане (штат Кентукки). Итогом стал коллективный сборник «Говорят горняки Харлана» (1932). Гражданственная позиция писателей США нашла свое наиболее яркое выражение в прямом участии многих из них в защите республиканской Испании в качестве корреспондентов и солдат-интербригадовцев.

Вместе с тем ряд сложных политических событий конца 30-х годов, наступление реакции, известное ослабление классовой борьбы вызвали замешательство у некоторых литераторов; иные из них оказались попутчиками прогрессивного движения (Г. Хикс, Дж. Фримен, Дж. Фаррел, Дж. Дос Пассос и др.). В то же время конец 30-х годов отмечен и иной позитивной тенденцией — взлетом литературы, имеющей критико-реалистическую направленность: появляются «Гроздья гнева» Стейнбека, «По ком звонит колокол» Хемингуэя, «Деревушка», первый том трилогии о Сноупсах Фолкнера, «Сын Америки» Райта и др.

Существенную роль в литературном движении 30-х годов сыграла левая, марксистская критика. Ее становление было нелегким процессом, связанным с преодолением детской болезни «левизны», разного рода вульгарно-социологических, сектантских наслоений (особенно на раннем этапе), борьбой с вульгаризаторами марксизма, с троцкистами типа Макса Истмена, с консервативными эстетическими течениями («новым гуманизмом», «новой критикой»). Ощутимый вклад внесли такие критики, как М. Каули, Г. Хикс, Э. Уилсон, Дж. Фримен, бывшие в 30-е годы в рядах прогрессивного движения.

Важным итогом деятельности левой критики стал выход антологии «Пролетарская литература в Соединенных Штатах» (1935). В это время началось целеустремленное изучение демократической, революционной традиции прошлого, писателей — предшественников современной пролетарской литературы — Джо Хилла, поэтов ИРМ, Дж. Лондона. Пример Дж. Рида, художника нового типа, революционера (о нем также писал М. Голд), был в эти годы исключительно актуальным. Выдающуюся роль сыграл в эти годы руководимый коммунистами журнал «Нью мэссиз» — наследник журналов «Мэссиз» (1911—1917) и «Либерейтор» (1918—1924),— ставший с января 1934 г. еженедельником. Он сумел привлечь на свои страницы широкий круг писателей левой, демократической ориентации. В нем печатались Э. Хемингуэй, Т. Вулф, Р. Райт, Д. Паркер и др.

Тридцатые годы отмечены также бурным развитием документальной литературы, трудно найти такого писателя, который не пробовал свои силы в жанре репортажа, очерка, публицистического эссе. В этом сказа-

лось стремление писателей живо, отчетливо отзываться на происходившие в стране сложные, интенсивно развивающиеся социально-политические процессы. Появляются документально-публицистические книги, тяготеющие к общеамериканской масштабности: «Трагическая Америка» Драйзера, открывшая серию произведений 30-х годов, запечатлевших разные лики огромной страны, таких, как «Американские перекрестки» Уилсона (1932), «Озадаченная Америка» Андерсона (1935), «Некоторые американцы» Колдуэлла (1934), «В американских джунглях» Фрэнка (1937) и др. В это время происходят разнообразные процессы «диффузии» жанров, обновление традиционных форм повествования в результате «сплава» беллетристики и публицистико-документальных элементов (например, в трилогии Дос Пассоса «США», в «Гроздьях гнева», в романах Э. Синклера, С. Льюиса и др.).

Большим мастером «литературы факта» был Джордж Линкольн Стеффенс (1866—1936), автор знаменитой «Автобиографии» (1931), написанной, по его словам, «в свете русского опыта». Духовная «одиссея» Стеффенса предстает в мемуарах как процесс постепенного разочарования в буржуазном реформизме, освобождения от либеральных иллюзий, признания необходимости революционных преобразований. В «русских» главах «Автобиографии» впервые появляется тема народа; обретает законченность искусство политического портрета (фигуры Каррансы, Керенского, Вильсона). Этим буржуазным деятелям противопоставляет Стеффенс вождя нового типа — В. И. Ленина.

«Автобиография» Стеффенса, вызвавшая широкий общественный резонанс, занимает выдающееся место в ряду мемуаров, в которых повествуется о судьбах разных людей, пришедших к коммунизму,— рабочих лидеров, ученых, журналистов (У. Хейвуда, У. З. Фостера, Э. Р. Блур, Э. Г. Флинн, Дж. Норта, У. Э. Б. Дюбуа, А. Дэвис и др.). В 30-е годы произошло, по выражению М. Голда, «второе открытие Америки»: жизнь рабочих, их труд, классовые устремления впервые сделались полноправным объектом художественного исследования. При этом приходилось преодолевать схематизм, прямолинейную тенденциозность. Так, в литературе начала века трудящиеся представали как «люди бездны», как жертвы, вызывающие сострадание, а в 30-е годы (у Конроя, Стейнбека, Мальца и др.) появляется фигура пролетария — человека, исполненного чувства собственного достоинства, готового к борьбе с миром эксплуатации.

Вторгаясь в сферу производства, классового конфликта, будучи разведчиками новых тем, пролетарские писатели зачастую добивались ощутимых художественных результатов. «Земля изобилия» (1934) Р. Кентуэлла стала удачным опытом так называемого «коллективного романа», герой которого — рабочая масса на заводе. А. Халпер в романе «Слоболитня» (1934) не только увлекательно и живо запечатлел работу типографии, саму технологию производства, но и нарисовал колоритные образы хозяев и рабочих. Исторический угол зрения на современность отчетливо обнаруживается в трилогии Джозефины Хербст (1897—1969) «Жалости недостаточно» (1933), «Расплата близка» (1934) и «Золотая цепь» (1939). В центре трилогии — хроника состоятельного буржуазного семейства Трекслеров, трех его поколений. Процесс распада этой семьи символизирует, по мысли писательницы, кризис капиталистического мира, сужение исторических перспектив буржуазии.

Особую разновидность пролетарского романа 30-х годов составили

произведения, посвященные «людям дна», беднякам, изгоям, тому социальному слою, который был характерен для периода кризиса и депрессии (Э. Дальберг «Люди дна», 1930; Г. Рот «Зовите это сном», 1935; Н. Олгрен «Некто в сапогах», 1935; и др.). Среди этих книг выделяется трилогия Джеймса Томаса Фаррела (1904—1979) о Стадсе Лонигэне (1932—1935). В этих романах, рисовавших грязь трущоб (действие в некоторых из них происходило в Чикаго) и процессы деградации личности, нередко проявлялись натуралистические черты.

Развитие пролетарского романа в пору «красных тридцатых» было связано с обретением им все большей художественной убедительности, тематическим и стилевым разнообразием. Альберт Мальц (р. 1908), дебютировавший как драматург, приобрел известность сборником новелл «Такова жизнь» (1938), за который ему была присуждена премия О. Генри. В центре его известного романа «Глубинный источник» (1940) стойкий коммунист Принси, павший от рук американских фашистов, один из наиболее интересных образов революционеров в литературе 30-х годов.

Наряду с лучшими антивоенными произведениями Барбюса, Ремарка, Хемингуэя следует отметить и роман Дальтона Трамбо (1905—1976), прогрессивного сценариста, впоследствии одной из жертв маккартистского судилища в Голливуде, «Джонни получил винтовку» (1939). Он имел огромный успех, был удостоен премии Ассоциацией книгопродавцов как «самый оригинальный роман года» [20]. В центре произведения не батальные сцены, а изображения трагической, страшной жертвы войны, калеки, превратившегося в «думающую вещь», внутренний монолог которого — страстное обличение империалистической бойни и тех, кто в ней повинен. Роман публиковался на страницах коммунистической газеты «Дейли уоркер»; в кратком вступлении к публикации, в частности, говорилось: «С каждой страницы книги Трамбо звучит гневное проклятие империалистической войне. Это роман, подобного которому не создавала еще литература» [21].

В русле пролетарской литературы развивается в 30-е годы творчество Ричарда Райта (1908—1960), ставшего классиком американской прозы XX. в Выходец из бедной негритянской семьи, Райт дебютировал как публицист и поэт, печатавшийся в левых периодических изданиях, вступил в Компартию. Тепло был принят его сборник рассказов «Дети дяди Тома» (1938), где героями были негры, живущие в условиях «южного образа жизни», которые не смиряются со своей участью и дают отпор расистам. Выход «Сына Америки» (1940) Райта, этого «романа-бомбы», имевшего общеамериканский резонанс, стал событием не только литературного, но и общественного значения. В нем Райт проявил немалую писательскую смелость, поставив в центр произведения образ обитателя черного гетто Биггера Томаса, который предстает одновременно и как жертва, и как порождение расистского общества, которое морально ка-

---

[20] Цит. по: Сибирские огни, 1983, № 9.

[21] Цит. по: Интернациональная литература, 1940, № 10, с. 261. К. Симонов подчеркивал, что написанный в преддверии второй мировой войны роман «не потерял ни своего значения, ни своей художественной силы», что он «был и остается книгой сильной, чистой и, что очень любопытно, начисто лишенной физиологизма». Он характеризовал Трамбо как «одного из последовательных антифашистов и одного из самых злейших врагов Маккарти и маккартизма» (Из письма К. Симонова переводчику романа И. М. Шрайберу).

лечит людей, убивает в них чувство собственного достоинства, прививает комплекс неполноценности, психологию загнанного зверя.

В 1941 г. Райт выпускает документально-публицистическую книгу «12 миллионов черных голосов», очерк истории негритянского народа, его борьбы за лучшую долю. Большой успех выпадает на долю автобиографической повести «Черный» (1945), в центре которой мужание и духовный рост юного Ричарда, живущего в тяжких условиях южного расизма.

В начале 40-х годов в значительной мере под влиянием браудеризма Райт порывает с Компартией. В то же время он сохраняет резко критическое отношение к буржуазной Америке. Не в силах «сосуществовать» с расистским обществом, он в 1947 г. покидает США и переселяется во Францию.

В 30-е годы выступает плеяда поэтов, связанных с рабочим движением (Женевив Тэггард, Эдвин Ролф, Сол Фунарофф и др.). В целом для поэзии этого периода характерен отход от узкокамерной тематики, переход к общественно значимой, гражданской проблематике. Арчибальд Мак-Лиш (1892—1982), начинавший в 20-е годы в рядах парижских «экспатриантов», в сборнике «Публичное выступление» (1936) осваивает социальную тему, выступает с утверждением высокой общественной миссии поэта. Его знаменитое стихотворение «Слово к тем, кто говорит „товарищ“» — взволнованное утверждение коллективизма, характерный художественный документ эпохи. Один из основателей радиотеатра — Мак-Лиш привлек внимание соотечественников к фашистской опасности в радиопьесе «Падение города» (1937).

В период «красных тридцатых» социалистический реализм, у истоков которого стоял Джон Рид, становится направлением в литературе США. Он представлен в творчестве писателей, находившихся на последовательных марксистских позициях, таких, как М. Голд, Дж. Норт, У. Лоуенфелс, Дж. Г. Лоусон и др.[22] При этом следует учитывать и художественные явления переходного порядка, тяготение к новому методу ряда крупных художников-реалистов в отдельных произведениях, таких, как «Гроздья гнева» Стейнбека. В 30-е годы проходил очень важный процесс развития, обогащения критического реализма под воздействием рабочего движения и социалистических идей.

И действительно, высшие литературные достижения десятилетия связаны с творчеством крупных художников-реалистов, которые по-разному, но отозвались на общественно-политические проблемы, волновавшие миллионы американцев. Джон Говард Лоусон, драматург и критик, ставший в 30-е годы коммунистом, писал: «Идеи Ленина оказывают воздействие на искусство и жизнь 30-х годов сложным, еще не до конца изученным образом. Наверно, главная заслуга Ленина состояла в том, что он вернул нам чувство истории»[23]. Этим чувством, по словам Лоусона, обладали Стейнбек, Дос Пассос, Фицджеральд, Вулф, Фолкнер. В их творчестве социальный роман обрел новые идейно-художественные черты,

[22] В 20—30-е годы, до того как термин «социалистический реализм» получил распространение на Западе, левые критики пользовались такими понятиями, как «пролетарская литература», «пролетарский роман». В 1930 г. М. Голд в одной из статей писал о «пролетарском реализме», имея в виду искусство, одушевленное революционными идеями.

[23] New World Review, 1970, Winter, p. 216.

бóльшую широту и масштабность. Это было связано с углубившимся историзмом, концепцией человека — носителя нравственного примера, с возросшим сознанием слитности «судьбы человеческой и судьбы народной» (Том Джоуд и Ма у Стейнбека, Дэвид Маркенд у Фрэнка, Дормэс Джессэп у Льюиса, Роберт Джордан и Филип Ролингс у Хемингуэя и др.).

В начале 30-х годов в литературу вошла группа талантливых, интересных художников слова, которые в той или иной мере были связаны с рабочим, радикальным движением. «Красные тридцатые» — это лучшая творческая пора Эрскина Колдуэлла (р. 1903). В новеллистических сборниках («Американская земля», 1931; «На коленях перед встающим солнцем», 1935; и др.), в первых романах, имевших сенсационный успех («Табачная дорога», 1932; «Акр господа бога», 1933), а также в публицистико-очерковых книгах («Некоторые американцы», 1935; «Вы видели их лица», 1936) Колдуэлл заявил о себе как художник, сочетающий гротеск, юмор с натурализмом. Америка Колдуэлла, как правило, глухой американский Юг, край табачных и хлопковых плантаций, истощенной земли, ветхих хижин, край, в котором процветают насилие, жестокость, расизм, где линчуют негров, а бедняки низведены до полуживотного существования.

Лирико-эмоциональной тональностью и одновременно ярко выраженным автобиографизмом характеризуется творчество Томаса Клейтона Вулфа (1900—1938), художника «одержимого», страстного, лиричного, путь которого оборвался рано, на подъеме, в момент четко обозначившегося поворота влево, перехода на антифашистские позиции. Мировая известность пришла к нему с выходом романа «Оглянись на дом свой, ангел» (1929), произведения, выросшего из воспоминаний о детстве и юности писателя, прошедших в маленьком южном городке. Последовавшие за ним романы «О Времени и Реке» (1935), «Паутина и скала» (1939) и «Домой возврата нет» (1940) (два последних вышли посмертно) образуют автобиографический цикл, тетралогию. Это эпически объемное, вдохновенное полотно свидетельствовало о постепенном расширении социальных горизонтов романиста. Роман «Домой возврата нет» явился своеобразным художественным завещанием Вулфа, утверждающего в патетическом финале произведения веру героя в возможность победить и уничтожить социальное зло, «совершенно перестроить современное общество» [24].

Тридцатые годы — время становления и одновременно высших достижений одного из самых ярких художников этого десятилетия, Джона Эрнеста Стейнбека (1902—1968), классика американской литературы XX в. Дебютировав серией романов, не имевших особого успеха, Стейнбек к середине 30-х годов обретает свою тему, свой характерный стиль, в котором сочетались юмор с натуралистической броскостью деталей, романтическим порывом и эмоциональностью. Таковы роман «Квартал Тортилья-Флэт» (1935), повесть «О людях и мышах» (1937).

Знаменитый роман «Гроздья гнева» (1939) стал «главной книгой» Стейнбека и выдающимся художественным памятником «красного десятилетия». В центре романа, остро драматичного, новаторского по форме,— судьба трех поколений фермерской семьи Джоудов, согнанных тре-

[24] *Вулф Т.* Домой возврата нет. М., 1982, с. 679.

стами с земли. Посреди колоритных стейнбековских характеров выделяются две фигуры — матери и Тома Джоуда. С образом Ма Джоуд связана горьковская тема материнства, громко прозвучавшая в прогрессивной литературе Запада XX в. Том Джоуд также по-своему выражает это присущее героям «красного десятилетия» тяготение, употребляя известное выражение П. Элюара, к «горизонту всех людей».

Пафос коллективизма в романе выражен самой логикой взаимоотношений героев произведения, бедняков, сплачивающихся перед лицом обрушившейся на них беды. Типичность, «всеобщность» судьбы Джоудов подчеркнута с помощью введения в роман второго, «внесюжетного» плана, серии публицистических глав, вобравших в себя прямые авторские оценки и комментарии. В них звучит осуждение Банков и Трестов, которые «дышат прибылью», «едят проценты с капитала», высказано глубокое сочувствие к людям, измученным голодом и холодом и которые «берут силой то, что им нужно» [25]. Само стремление к эпическому размаху, к полноте жизненной картины, отличающее роман Стейнбека,— замечательная особенность прогрессивной литературы 30-х годов. Роман имел сильнейшее общественное звучание, был экранизирован, вызвал международный резонанс.

Глубокие сдвиги происходят в это десятилетие и в творчестве писателей старшего поколения, той плеяды реалистов, «людей 20-х годов» (Фрэнк, Дос Пассос, Хемингуэй, Паркер), которые выступили в послевоенное десятилетие. Уолдо Фрэнк (1889—1967), художник широкого жанрового диапазона, романист, публицист, философ, культуролог, играл заметную роль в литературном процессе между двумя мировыми войнами.

В годы войны Фрэнк стоял на антимилитаристских позициях; одной из первых ласточек, возвестивших наступление новой литературной эпохи, стала его книга «Наша Америка» (1919), публицистико-социологическое исследование, которое сам Фрэнк охарактеризовал как «атаку против нашей капиталистической системы, рассматриваемой в аспекте культуры». В серии «лирических романов» («Рахаб», 1922; «Праздник», 1923; «Бледное лицо», 1924), написанных в экспериментальной манере, внимание концентрировалось на изображении в духе фрейдистских концепций внутренней жизни героев — людей одиноких и мятущихся. Возвратившись к публицистике в книге «Новое открытие Америки» (1929), У. Фрэнк с еще большей резкостью выразил свои критические воззрения на американскую культуру. Фрэнк был одним из первых, кто уже в 20-е годы наряду с С. Льюисом уловил в облике Америки черты «массового общества», дух стандарта, обезлички, шаблона.

В начале 30-х годов Фрэнк заметно левеет. Это сказалось в его очерковой книге «Заря над Россией» (1932), написанной в результате поездки в СССР, и особенно в романе «Смерть и рождение Дэвида Маркенда» (1934). Философская направленность этого произведения определила наличие в нем двух планов: реально-событийного и символико-аллегорического. Герой романа Дэвид Маркенд, поначалу процветающий делец, осознает пустоту своего существования, «автомата, делающего деньги», проходит мучительную «одиссею» духовно-нравственных поисков. Глубинная тема романа — смерть буржуазного сознания и рождение нового

---

[25] *Стейнбек Дж.* Квартал Тортилья-Флэт. Гроздья гнева. Жемчужина. М., 1977, с. 398.

человека через приобщение его к животворным силам пролетариата. Свидетельством высокого общественного авторитета Фрэнка явилось его избрание первым президентом Лиги американских писателей в 1935 г.

В период депрессии в прогрессивном лагере литераторов заметную роль играл Джон Дос Пассос (1896—1970), один из тех, кто в послевоенное десятилетие выражал настроения «потерянного поколения». Опыт войны, антимилитаристские настроения отразились в его раннем творчестве, в частности в романе «Три солдата» (1921). Среди наиболее примечательных явлений литературы 20-х годов стал известный экспериментальный роман Дос Пассоса «Манхэттен» (1926), в котором изображалась многообразная жизнь огромного современного города Нью-Йорка и его сердца — Манхэттена.

Рубеж 20—30-х годов был временем значительной радикализации взглядов Дос Пассоса. Важную роль в его судьбе, как и ряда других литераторов (К. Э. Портер, Д. Паркер, К. Сэндберга, Э. Синклера и др.), сыграло участие в движении за спасение Сакко и Ванцетти. Казнь двух рабочих лидеров не только обнажила бесчеловечие буржуазного лжеправосудия, но и дала Дос Пассосу ощущение «двух Америк», расколотых классовым антагонизмом. Общественно-политический опыт, накопленный Дос Пассосом, отразился в одном из наиболее значительных и интересных произведений «красного десятилетия» — трилогии «США» (в нее вошли романы «42-я параллель», 1930; «1919», 1932; «Большие деньги», 1936).

Этот значительный образец экспериментальной прозы был построен как своеобразная художественная хроника американской истории от испано-американской войны 1898 г. до кризиса 1929 г. Опираясь на опыт документальной литературы (в частности Дж. Рида), достижения кинематографического монтажа (у С. М. Эйзенштейна, Дзиги Вертова), искания в поэзии (у французского поэта Блэза Сандрара), живописи (П. Пикассо, французских кубистов), музыки (у И. Ф. Стравинского), Дос Пассос создает смелый, оригинальный художественный сплав. В трилогии прочерчиваются два главных стилистико-изобразительных плана: беллетристический (содержащий рассказ о развертывающихся одновременно судьбах 12 главных действующих лиц трилогии) и документально-публицистический, дающий исторический фон (он состоит из трех элементов: «киноглаза», «экрана новостей» и «портретов»).

Однако и в этом лучшем произведении писателя, исполненном социально-критического пафоса, рисующем противостояние «двух Америк», сказались некоторые органичные недостатки творчества Дос Пассоса: фатализм, увлечение фактографией, прямолинейный детерминизм. Идейная неустойчивость и индивидуализм привели Дос Пассоса в конце 30-х годов на реакционные позиции, обусловили его полную художественную деградацию в книгах 40—60-х годов.

В рядах прогрессивного движения 30-х годов находилась Дороти Паркер (1893—1967), «самая остроумная женщина Америки», как ее иногда называли, поэтесса, критик, драматург, внесшая особо значительный вклад в литературу как оригинальный мастер сатирико-психологической новеллы. Находясь в русле той сатирической традиции, которая представлена в творчестве С. Льюиса, Р. Ларднера, Г. Менкена, Паркер сделала объектом своей злой иронии и язвительной насмешки мещанство с его духовной скудостью, алчностью, двуличием, бездушием, скрываемыми за

видимой благопристойностью (сборники «Оплакивая живых», 1930; «После таких удовольствий», 1933 и др.). Паркер участвовала в кампании за спасение Сакко и Ванцетти[26], поддерживала «новый курс» Рузвельта, высказывала свои симпатии к коммунистам как защитникам всех обездоленных (за что ее позднее преследовали маккартисты), была корреспондентом в Мадриде в 1937 г. (очерк «Солдаты республики»).

Мастером сатиры выступил в эти годы Натанаэл Уэст (1903—1940), широко использовавший гротеск, карикатуру, резкое сгущение красок. Среди лучших произведений Уэста повесть «Подруга скорбящих» (1933) — сатира на буржуазную журналистику. В романе «День саранчи» (1939) дана гротескно-ироническая картина жизни Голливуда, этой «фабрики грез».

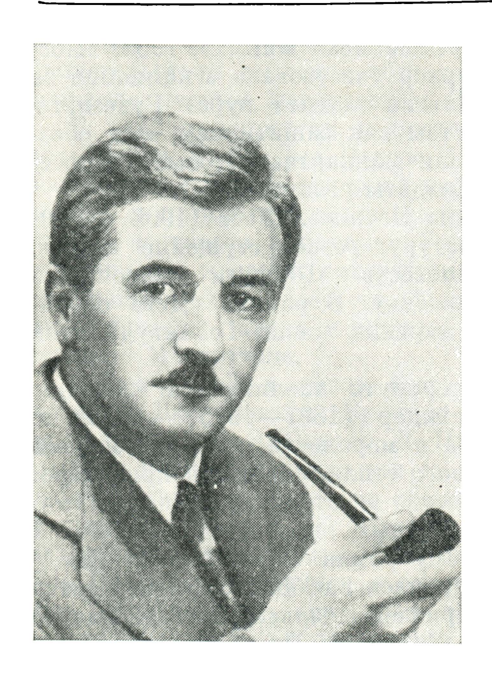
Несколько обособленную, даже подчеркнуто аполитичную позицию занимал в эти годы Торнтон Нивен Уайлдер (1897—1975) — довольно редкий для США тип писателя-философа и моралиста, эрудита. Тонкий интеллектуал, мастер отточенного, изящного стиля, обретший при жизни статус классика, Уайлдер в своем творчестве тяготел к постановке универсальных, общечеловеческих, вневременных нравственно-этических проблем. Широкую известность принес ему роман «Мост короля Людовика Святого» (1927), сюжет которого строился как философская притча об изменчивости человеческой судьбы. Притчевое, аллегорическое начало определяло структуру и других романов Уайлдера. При этом аристократизм и эстетизм, отличавшие раннего Уайлдера, были своеобразной формой неприятия вульгарности и торгашеского духа мещанско-собственнического общества. И хотя в 30-е годы Уайлдер прямо не отозвался на политическую злободневность, атмосфера эпохи, безусловно, на него влияла. Создав роман «Женщина с Андроса» (1930), действие в котором происходило в античной Греции, Уайлдер от исторической архаики переходит на американскую почву в романе «К небу наш путь» (1934).

Тридцатые годы характеризуются расцветом так называемой «южной школы», представленной плеядой художников слова (У. Фолкнер, Э. Глазгоу, К. Мак-Каллерс, Р. П. Уоррен, Ш. Э. Грау, Ф. О'Коннор и др.), общим для которых были и некоторые особенности поэтики: склонность к гротеску, романтическая приподнятость стиля, ораторская риторика, резкое сгущение красок, изображение сцен жестокости, насилия, драматического накала страстей, а также погружение в психологические глубины, порой патологические. Писатели-«южане» не так прямо, как многие их коллеги, «выходили» в мир текущей социально-политической борьбы.

Наиболее выдающейся фигурой среди них был Уильям Фолкнер (1897—1962), один из классиков мировой литературы XX в., ярчайший представитель субъективно-психологического течения в американской

---

[26] Как свидетельствуют историки Л. Джугин и Э. Морган в монографии «Наследие Сакко и Ванцетти» (The Legacy of Sacco and Vanzetti / Ed. by L. Joughin, E. Morgan. N. Y., 1948), трагическая судьба двух невинно казненных вызвала сильнейший резонанс в литературе США. К концу 40-х годов насчитывалось около полутораста стихотворений, восемь романов, три пьесы, сотни статей и очерков, представлявших в той или иной степени отклик на это событие. В их числе роман Синклера «Бостон», заключительная часть трилогии Дос Пассоса «США» — «Большие деньги», драматургическая дилогия М. Андерсона «Громовержцы» и «Воцарение зимы», стихи М. Голда, Л. Ридж, Э. С.-В. Миллей, мемуары К. Э. Портер «Нескончаемое зло» и другие произведения.

УИЛЬЯМ ФОЛКНЕР

прозе. Ведущее реалистическое начало осложнялось у него порой модернистскими тенденциями, а глубокое проникновение во внутренний мир героев и гуманизм «сосуществовали» с картинами хаотического мира. В начале своего пути Фолкнер был близок к мироощущению писателей «потерянного поколения». Его первым крупным произведением стал роман «Солдатская награда» (1926), герой которого — вернувшийся домой солдат, страшно искалеченный на фронте. В романе «Сарторис» (1929) Фолкнер нащупывает «магистральную» тему своего творчества. В нем — исток серии романов, образующих своеобразную сагу об Йокнепатофе, месте действия большинства фолкнеровских книг. Они населены целыми династиями героев, жизненные истории которых, нередко насыщенные мрачными тайнами, жестокостями, преступлениями, уходящими в эпоху плантаторского Юга, прослеживает писатель. Йокнепатофа сделалась своеобразным фолкнеровским микрокосмом, моделью «большого мира».

Его романы 30-х годов («Шум и ярость», 1929; «На смертном одре», 1930; «Святилище», 1931; «Свет в августе», 1932; «Авессалом, Авессалом!», 1936) — произведения сложные, причудливые, многоплановые, написанные в необычной манере, в них действуют белые бедняки, фермеры, негры, плантаторы, происходят события неожиданные, драматические, кипят бурные страсти, а порой обнаруживаются и психические аномалии. На исходе десятилетия Фолкнер приступает к работе над трилогией о Сноупсах («Деревушка», 1940; «Город», 1957; «Особняк», 1959), которая свидетельствовала об укреплении реалистических тенденций в творчестве писателя, углублении его обличения мира бесчеловечного собственничества.

В иной, традиционной, реалистической манере, избегая нарочитого сгущения красок, «брутальности», свойственной «южной» стилистике, развивалось творчество Элен Глазгоу (1873—1945), плодовитой романистки, начавшей путь еще в 1890-е годы[27]. Тонкий психолог, близкий к манере Генри Джеймса, Глазгоу живописала Юг безо всякой романтизации и идилличности, видя всю порочность старого плантаторского уклада. Такова серия романов «Романтические комедианты» (1926), «Они подчинились безумию» (1929), «Тепличная жизнь» (1932).

В глухих южных городках развертывается действие в произведениях Карсон Мак-Каллерс (1917—1967), дебютировавшей романом «Сердце — одинокий охотник» (1940), в котором проникновенно раскрыта столь

[27] О начале пути Э. Глазгоу см.: История США, т. 2, с. 477—478.

важная для всей литературы США тема неизбывного человеческого одиночества. Роберт Пенн Уоррен (р. 1905), поначалу близкий к группе так называемых «беглецов», приобрел известность как поэт и критик. Его прозаический дебют, одно из его наиболее удачных произведений, роман «Ночной всадник» (1939) — повествование о войне между фермерами-табаководами и предпринимателями в штате Кентукки в начале 1900-х годов. Тема следующего романа — «У райских врат» (1943) — обличение политической коррупции и стяжательства дельцов, процветающих на Юге.

Близка к традициям «южной школы» и Маргарет Митчелл (1900—1949), автор единственного и знаменитого романа «Унесенные ветром» (1936), который был издан в 40 странах более чем в 8 млн. экземпляров. Митчелл создала увлекательное полотно, воссоздающее жизнь южной аристократии в штате Джорджия в период войны Севера и Юга и Реконструкции, она захватывала читателя драматичным, интригующим, не лишенным, однако, мелодраматизма сюжетом, а также галереей интересных характеров. Среди них выделялась главная героиня, незабываемая Скарлетт О'Хара. Талантливый, броский роман Митчелл был, однако, пронизан консервативной тенденцией, идеализацией «южного уклада». Правда, при этом писательница стремилась оттенить то низкопробное делячество, вульгарность, дух спекуляций, которые принесли с собой победители-северяне.

Заметную роль играла в 30-е годы Перл Бак (1892—1973), удостоенная в 1938 г. Нобелевской аремии по литературе. Дочь миссионера, долгое время прожившая в Китае, она в своих лучших произведениях, используя «местный колорит», раскрыла американскому читателю своеобразие этой огромной страны в пору глубоких социальных потрясений, показала нелегкую долю ее трудового народа. Широкая известность пришла к Перл Бак с выходом романа «Земля» (1931), переведенного почти на 30 языков и ставшего первой частью трилогии «Дом земли», в которую вошли также романы «Сыновья» (1932) и «Разделенный дом» (1935). Образ женщины-труженицы, исполненный символического значения, был создан Бак в романе «Мать» (1934). В годы второй мировой войны Бак выступала как последовательный антифашист (роман «Посев дракона», 1944), поборник сотрудничества между народами СССР и США (книга «Разговор о России», 1945). В середине 30-х годов Бак была за пределами США наиболее широко читаемым американским писателем. Ее многочисленные романы, написанные после войны и основанные уже на американском материале (в эти годы П. Бак выступала под псевдонимом Джон Седжес), особого успеха не имели.

Высоким финалом литературы «красного десятилетия» стало единодушное выступление передовых писателей США в защиту Испанской республики в 1936—1939 гг. Ни одно событие за пределами США не вызывало в литературе более горячего, искреннего отзвука. Испанская тематика не только властно вошла в литературу. Среди добровольцев, отправившихся в Испанию, были писатели, журналисты; война стала для них реальным, трагически пережитым опытом. Антифашистские настроения своих коллег выразил Хемингуэй в июне 1937 г. в знаменитой речи «Писатель и война», произнесенной на Втором конгрессе Лиги американских писателей. Многие писатели побывали в Испании: участниками антифашистского конгресса в Барселоне в 1937 г. были Драйзер и

известный литературовед М. Каули. В осажденный Мадрид приезжали поэт Ленгстон Хьюз, новеллистка Дороти Паркер, драматург Лиллиан Хелман.

Значительную роль в распространении правды об Испании, мобилизации общественного мнения в пользу республики сыграли писатели и публицисты, сотрудники левой прессы Джозеф Норт, Роберт Майнор, Арт Шилдс и др. Естественно, что прежде всего события на далеком Пиренейском полуострове получали отражение в репортажах и очерках, присланных из самых горячих точек.

Джозеф Норт (1904—1976), бывший в 30-е годы одним из редакторов «Нью мэссиз», в качестве корреспондента коммунистической прессы освещал заключительный период войны, боевые действия в Каталонии в 1938—1939 гг. Позднее он рассказал о своем пребывании в Испании в книге мемуаров «Нет чужих среди людей» (1957). О последних трагических днях Мадрида, контрреволюционном мятеже в испанской столице в марте 1939 г. писал в репортажах Арт Шилдс (р. 1888). Летом 1937 г. в Нью-Йорке увидела свет маленькая книжка «Из окопов Испании», сборник писем добровольцев, отправившихся в Испанию, чтобы фашизм «не прошел».

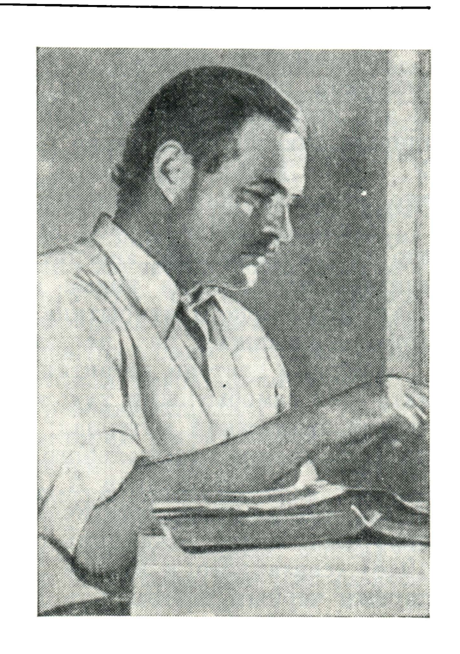
В числе наиболее впечатляющих книг, рисующих войну «изнутри», стали «Люди в бою» (1939) Алвы Бесси (р. 1904), прогрессивного писателя и публициста, солдата-интербригадовца. Близкой по духу к книге «Люди в бою» была также книга «Батальон Линкольна» (1939), написанная Эдвином Ролфом (1909—1954), поэтом, коммунистом, интербригадовцем. Позднее к судьбам линкольновцев вернулся в книге «Добровольцы» (1953) Стив Нельсон, также участник гражданской войны, политкомиссар, активист рабочих-сталелитейщиков в 30-е годы.

Знаменательно, что большинство писателей, принявших «испанский закал» (если не считать немногих «разочаровавшихся», отступников вроде Дос Пассоса, оклеветавшего коммунистов в романе «История одного молодого человека», 1939), не изменили антифашистскому братству. Активно развивает испанскую тему Алва Бесси в таких произведениях, как роман «Антиамериканцы» (1957), мемуарах «Инквизиция в раю» (1964), путевом дневнике «И снова Испания» (1975).

Однако, безусловно, наиболее полное идейно-философское и художественное воплощение испанские события получили в творчестве Хемингуэя. В первой половине 30-х годов он пребывал в состоянии нелегкого творческого поиска: стремясь писать «простую, честную прозу о человеке», свободную от идеологического комментария, он оставался в кругу своих опробованных тем: бой быков, охота, спорт, жизнь матадоров (книги «Смерть после полудня», 1932; «Зеленые холмы Африки», 1935). Его волновали проблемы литературы, художественного творчества, позиции писателя в мире, что нашло, в частности, отражение в знаменитой новелле «Снега Килиманджаро». В середине 30-х годов у Хемингуэя начал пробуждаться интерес к социальной, антифашистской теме (очерки «Кто убил ветеранов во Флориде?», 1935; «Крылья всегда над Африкой», 1936). Получив известие о фашистском мятеже, он вскоре отправился в Испанию; всего он приезжал туда четыре раза.

В Испании Хемингуэй участвовал в киносъемках и писал сценарий фильма «Испанская земля». В это же время он завершил роман «Иметь и не иметь» (1937) — свидетельство углубления социального кругозора

писателя. Книга эта замечательна не только художественно прочерченным контрастом двух социально враждебных миров «иметь» и «не иметь», но и фигурой главного героя, Гарри Моргана, бедняка, жертвы социального неравенства.

ЭРНЕСТ ХЕМИНГУЭЙ

Для Хемингуэя с его живым интересом к поведению человека в решающей жизненной ситуации, в «момент истины», перед лицом смерти Испания открыла высокие примеры мужества, самопожертвования, героики, о чем взволнованно сказано в лирическом реквиеме «Американцам, павшим за Испанию» (1939). В это время расширились идейные горизонты писателя: страстно осуждавший империалистическую войну, он признает справедливость антифашистской борьбы. Обогатилась, стала свободней, раскованней его художественная манера. В Испании Хемингуэй увидел героизм целого народа, отстаивающего свободу. Его Ипполито из рассказа «Испанские шоферы» сделался для него олицетворением лучших черт национального, народного характера. Традиционный хемингуэевский герой, прежде нарочито скованный, как-то внутренне раскрепощается, душевно обогащается: это антифашист Филип Роллингс, герой пьесы «Пятая колонна» (1937), Рэвен из новеллы «Американский боец», Эл Вагнер из рассказа «Ночь перед боем» и др.

Стремление запечатлеть события в Испании во всей их сложности и противоречивости определяет пафос его прославленного романа «По ком звонит колокол» (1940), произведения, созданного уже после поражения Испанской республики. Роман с его «спрессованностью» во времени и локализацией действия построен как бы в духе трех единств античной трагедии. В то же время экскурсы в прошлое героев, их «образы памяти», выходы за пределы Сьерры придают этому произведению необходимую масштабность и глубину. Сама гражданская война предстает у Хемингуэя во всем ее трагизме.

Рисуя широкую жизненную картину, Хемингуэй остается в романе «По ком звонит колокол» художником лирического склада. Он умеет в частном, индивидуальном видеть общее: для него партизанский отряд Эль Сордо — это микромир всей Испании. Роберт Джордан — очередное звено в типологии хемингуэевских героев; но он уже существенно отличен от своих предшественников. Джордан — человек несравненно более духовно богатый, интеллектуальный, постоянно размышляющий над происходящим. В романе художественно осознается связь судьбы героя с великими событиями века. Найдя эстетическое выражение своей философии стоицизма, Хемингуэй создал неповторимый стиль, который можно было бы определить: мужественная простота.

Межвоенное двадцатилетие характеризуется также успехами в литературной сфере различных этнических групп, прежде всего негров. В это время литература «черной» Америки впервые вышла на общенациональную сцену, а такие писатели, как Ленгстон Хьюз, Ричард Райт, У. Э. Б. Дюбуа, выросли в художников общенационального масштаба, что отразило рост этнического самосознания негритянского населения.

Наиболее значительное явление в литературе черных 20-х годов — это так называемый «негритянский» или «гарлемский Ренессанс». Он означал качественно новые явления в художественной жизни негров, этап «этнического открытия», разрыв с некоторыми шаблонами прошлого, довлевшими над негритянской литературой XIX — начала XX в.

Впервые деятели негритянской культуры и литературы стали осознавать себя самобытными художниками, разрабатывающими свой специфический этнический материал; началось освоение негритянского фольклора, в частности музыкального, таких его форм, как спиричуэлс и блюзы. В 1925 г. под редакцией А. Локка вышла известная антология «Новый негр», содержащая эстетическую программу «гарлемцев». Настроения «протеста, бунта, отчаяния» отозвались в поэзии Клода Маккея (1890—1948), связанного в начале 20-х годов с рабочим движением. Он был первым черным поэтом, который горячо и страстно выразил негодование против расовой дискриминации («Изгой», «Ваши двери», «Америка» и др.). Джин Тумер (1894—1967) удачно дебютировал сборником поэтической прозы «Тростник» (1923), предисловие к которому написал У. Фрэнк. Каунти Каллен (1903—1946), поэт лирического склада, писавший в традиционной манере, близкий к английским романтикам, выпустил в 1925 г. сборник стихов «Цвет».

Наиболее значительным писателем «негритянского Ренессанса», представлявшим в нем демократическое крыло, был Ленгстон Хьюз (1902—1967), заявивший о себе первыми сборниками стихов «Усталый блюз» (1926) и «Хорошие вещи в закладе» (1927). В поэзии Хьюз, воспевший простых людей Гарлема, органически соединил уитменовскую традицию свободного стиха с элементами и формами негритянского фольклора, в частности с блюзом. Резко повернувший влево в 30-е годы, Хьюз наиболее отчетливо представлял те новые черты, которые обрела прогрессивная негритянская литература в пору «красного десятилетия». На смену «новому негру», выдвинутому «гарлемским Ренессансом», во многом еще условной фигуре, пришел «новый новый негр» (если употребить выражение критика Дж. Янга). Им стал пролетарий, испольщик, бедняк и труженик, взятый из самой «глубинки», не «ниггер», добивающийся благосклонности белого человека, а личность, способная постоять за себя.

Хьюз, сблизившийся в это десятилетие с рабочим движением, переживает большой творческий подъем: его автобиографический роман «Смех сквозь слезы» (1930) рисует картины детства писателя, автобиографическая книга «Открытое море» (1940) содержит интересные зарисовки художественной жизни 20-х годов, в частности «гарлемского Ренессанса». Горячим протестом против дискриминации был пронизан известный сборник новелл «Нравы белых» (1934). Много сил отдал Хьюз организации негритянского театра, писал пьесы прямой агитационной направленности (среди них наиболее известная «Скотсборо», 1932). В 1932—1933 гг. Хьюз совершил поездку в Советский Союз, итогом которой стала брошюра «Негр смотрит на Советскую Среднюю Азию»

(1934). В его стихах звучат призывы к солидарности со всеми борющимися народами мира, славится героика классовой и стачечной борьбы, осуждается эксплуататорская сущность капитала. Поэт-интернационалист, Хьюз первым в негритянской литературе воспел единение черных и белых рабочих. Героическая, социальная тема с наибольшей силой выражена в его известном сборнике «Новая песня» (1938).

В 30-е годы писатели-негры впервые обратились к героическим страницам истории освободительной борьбы своего народа: поэт и критик Стерлинг Браун (р. 1901), отдавший много сил изучению фольклора, воспел Ната Тернера; Роберт Хейден (1913—1970) — Туссена Лувертюра (вождя восставших негров на Гаити) и Фредерика Дугласа; Арна Бонтам (1902—1973), поэт, критик, прозаик, посвятил роман «Черный гром» (1936) Габриэлю, стоявшему во главе восстания невольников в 1800 г. и мужественно встретившему смерть от рук рабовладельцев.

Но, безусловно, «ключевой» фигурой в истории негритянской литературы 30—40-х годов был уже упоминавшийся Ричард Райт: осваивая «этнический», негритянский материал, используя элементы негритянского фольклора, он придал ему универсальное, общеамериканское звучание, явился «духовным отцом» для писателей «новой волны», выдвинувшихся в условиях «негритянской» революции 60-х годов, для Дж. А. Болдуина, Лоррейн Хенсберри, Дж. Килленса и др.

Годы второй мировой войны очерчиваются как определенный этап в истории американской литературы. В это время большинство прогрессивных писателей занимают последовательно антифашистские позиции, выражают симпатии Советскому Союзу, присоединяют свой голос к требованиям открытия второго фронта. Одни писатели работают военными корреспондентами (Э. Хемингуэй, Э. Колдуэлл, Дж. Херси), другие трудятся в Голливуде, содействуя выпуску военных фильмов патриотического, антифашистского содержания (Л. Хелман, А. Бесси, Д. Трамбо и др.). Даже У. Фолкнер, работавший в кино, пишет сценарий, посвященный французскому Сопротивлению, который, однако, не был принят. Некоторые писатели (Стейнбек, Сароян) по заданию военных ведомств публикуют пропагандистские материалы, содействуя мобилизации усилий на борьбу с нацизмом.

Среди первых произведений, непосредственно отразивших героику антифашистской борьбы, стала повесть Стейнбека «Луна зашла» (1942), действие в которой развертывается в одной европейской стране (очевидно, Норвегии), подвергшейся нацистской оккупации. Свою повесть Стейнбек переработал в одноименную пьесу. Процесс нравственного прозрения человека, героический поступок рядового немца Вилли Веглера, освобождающегося от нацистского дурмана, бросающего ценой жизни вызов фашизму,— в центре романа А. Мальца «Крест и стрела» (1944), действие в котором происходит в Германии в 1942 г.

Антирасистскую тему продолжает Э. Колдуэлл (повесть «Случай в июле», 1940). Наиболее значительной книгой, созданной им в это время, стала повесть «Мальчик из Джорджии» (1943), носящая автобиографический характер: сквозь призму восприятия 12-летнего подростка он рисует драму семьи тружеников. Элементы натурализма отличают роман «Трагическая земля» (1944), рисующий быт поселка, выросшего рядом с пороховым заводом. Среди немногих художественных произведений о войне выделяется роман Джона Ричарда Херси (р. 1914) «Колокол для Ада-

но» (1944), действие которого происходит на итальянском фронте, где автор был военным корреспондентом.

В период войны Фолкнер, оставаясь верным главным идейно-художественным мотивам своего творчества, намеченным в 30-е годы, выпускает сборник новелл «Сойди, Моисей» (1942), куда вошла знаменитая повесть «Медведь», философская притча о столкновении девственной природы с жестокой всесокрушающей цивилизацией.

Масштабность жизненных картин, ясность социального анализа и смелость обобщений, касающихся американской действительности, стремление показать человека в его многообразных общественных связях, богатство художественных форм и плодотворные эстетические поиски, наконец, критический пафос — таковы наиболее привлекательные особенности реалистической литературы США рассматриваемой эпохи. Творчество таких писателей, как Хемингуэй и Фолкнер, Льюис и Стейнбек, Вулф и О'Нил, Колдуэлл и Райт, получило международное признание. Идейно-художественные достижения особенно значительны в области «высокой прозы», социального романа США, который стал фактором мирового художественного процесса.

«Красные тридцатые» остались как уникальная эпоха в истории национальной литературы, вдохновленной широким общественным движением и борьбой масс. Для Драйзера, Хемингуэя, Фолкнера, Льюиса, Стейнбека, Колдуэлла, Райта эти годы были временем их высших творческих успехов. После 1945 г. литературе США не удалось подняться до тех социальных обобщений, которые отличали ее в межвоенный период. Однако в лучших произведениях Уоррена, Стайрона, Воннегута, Чивера, Гарднера, Джонса, Мейлера и других в новых исторических условиях были продолжены традиции реализма и социальной критики. Не иссякла и социалистическая традиция, пережившая взлет в пору «красного десятилетия».

2. ДРАМАТУРГИЯ И ТЕАТР

Межвоенные годы оказались плодотворными для всех видов американского искусства, в том числе и для театра. Именно тогда произошло подлинное становление национально самобытного театрального искусства в США. Этому способствовало появление большой группы драматургов во главе с Юджином О'Нилом, вставших вровень с такими мастерами прозы и поэзии, как Хемингуэй, Фолкнер, Стейнбек, Льюис, Фрост и другие, а также выдвижение талантливых режиссеров, художников сцены, актеров, формирование ряда театральных коллективов и объединений, приверженных принципам реализма в сценическом искусстве.

В начале века в США задавали тон драматурги явно среднего уровня (Огастес Томас, 1857—1934; Клайд Фитч, 1865—1909; Уильям Воэн Муди, 1869—1910; и др.), представлявшие американскую действительность в радужно-оптимистическом духе [28]. На заре столетия в театре, носящем коммерческий характер, прежде всего на Бродвее, доминировала «хорошо сделанная пьеса», развлекательная мелодрама, базирующаяся на внешних сценических эффектах в ущерб серьезному жизненному содержанию. Вмес-

[28] Один из редких образцов социальной драмы — «Кража» (1910) Дж. Лондона была отвергнута театрами и увидела свет рампы уже после смерти ее автора.

те с тем общий рост демократических и реалистических тенденций в американском искусстве стимулировал и плодотворные веяния в театре, проявившиеся уже в начале столетия. Важную роль сыграл созданный при Гарвардском университете в 1912 г. профессором Джорджем Пирсом Бейкером (1866—1935) семинар по драматургическому искусству (с 1925 г. он вел его в Йелском университете).

Преобразованию театрального искусства содействовало начавшееся в 1910-е годы движение так называемых «малых театров». Они возникли в Нью-Йорке, Бостоне, Филадельфии, носили поначалу любительский характер, затем выросли в профессиональные коллективы. Ориентируясь на широкого демократического зрителя, они ставили лучшие образцы мировой драматургии (Ибсен, Шоу, Чехов и др.), а также молодых американских авторов (Ю. О'Нил, Дж. Рид и др.), утверждали в целом реалистические сценические принципы, подрывали монополию буржуазно-развлекательного коммерческого бродвейского театра. Среди них выделялась экспериментальная группа актеров и драматургов «Актеры Провинстауна», созданная в 1915 г. В нее, в частности, входили молодой Юджин О'Нил, критик Флойд Делл, Джон Рид (перу которого принадлежит несколько пьес: «Заход луны», 1913; «Свобода», 1916; «Мир, который выходит за пределы достижимого», 1919, сатира на версальских «миротворцев»). «Актерами Провинстауна» (позднее они обосновались в Нью-Йорке, в Гринвич Вилледже) были осуществлены первые постановки одноактных «морских пьес» О'Нила с их суровым, грубоватым реализмом, что явилось своеобразным вызовом закрепившимся театральным канонам.

В 1915 г. был создан интересный коллектив «Вашингтон-сквер плейерс», осуществивший за четыре года работы более 60 постановок, в том числе пьес М. Метерлинка, Дж. Рида, Т. Драйзера, Б. Шоу, А. П. Чехова, Л. Н. Андреева. На его базе в 1919 г. возникла крупнейшая театральная группа, пережившая свой расцвет в 20-е годы,— «Тиэтр гилд». Коллективом, просуществовавшим до 1948 г., руководили Филип Меллер, Ли Симонсон, Лоуренс Ленджер и др. В нем осваивались выдающиеся образцы мировой драматургии, в частности пьесы Ибсена, Стриндберга, Шоу, Чехова, Толстого, Гауптмана и др. Они давали режиссерам и актерам благодарный материал для творческого совершенствования и роста. В 1926 г. режиссер и актриса Елена Ле Гальен организовала Гражданский репертуарный театр (1926—1933), ставивший пьесы западноевропейских и русских авторов. В 20—30-е годы наряду с опытными мастерами старшего поколения (М. Адамс, семья Барримор-Диана, Этель, Джек, Джон, Кетрин, Лайонел) в театр пришли талантливые молодые актеры (А. Лант, Л. Фонтейн, К. Хепберн, Э. Хейс, Г. Фонда, А. Байрон и др.) [29].

Поездка МХАТ в США в 1922—1924 гг. дала сильнейший стимул к развитию реализма в американском театре. В условиях американской «системы звезд» он продемонстрировал силу театрального коллектива как единого творческого ансамбля, руководимого принципом максимальной верности правде жизни. К. С. Станиславский имел основание констатировать: «Наши гастроли в Америке не прошли бесследно. Вся история

---

[29] *Bloom D.* A Pictorial History of the American Theatre, 1900—1956. N. Y., 1956.

американского театра сейчас делится на два периода: „до“ и „после“ приезда Художественного театра»[30]. В США начинается серьезное изучение системы Станиславского, специально для этой цели создается Американский лабораторный театр. Несколько американских режиссеров (Х. Фленеген, Г. Клермен и др.) приезжают в Москву для того, чтобы изучать опыт Станиславского, Мейерхольда, Таирова. Наиболее успешно принципы Станиславского реализуются в деятельности «Груп тиэтр» в 30-е годы.

Однако на Бродвее (где имелось до 80 театральных зданий, а число постановок достигало 280 в год) задавали тон драматурги (С. Н. Берман, Дж. Кауфман, Ф. Барри и др.), создающие не лишенные блеска и остроумия комедии, тем не менее ориентированные на вкусы буржуазного зрителя.

Период с 1915 по 1925 г., отмеченный интенсивными процессами обновления драмы и сцены, некоторые критики называют «театральным Возрождением». Именно тогда выдвигается группа «новых драматургов», признанным лидером которых стал О'Нил (1888—1953). Созданная им «новая драма», исполненная социально-критического пафоса, с сатирическим и трагедийным уклоном, философской углубленностью запечатлевала американскую жизнь и национальные характеры в их подлинном выражении. О'Нилу суждено было сделаться основоположником национальной драматургии, ее классиком и вырасти в фигуру общемирового значения. Он дебютировал сборником «„Жажда“ и другие одноактные пьесы» (1914). В 1920 г. О'Нил получил известность на Бродвее после премьеры драмы «За горизонтом». Как в свое время «Сестре Керри» Драйзера, и ей выпала «пионерская» роль в судьбе американского театра.

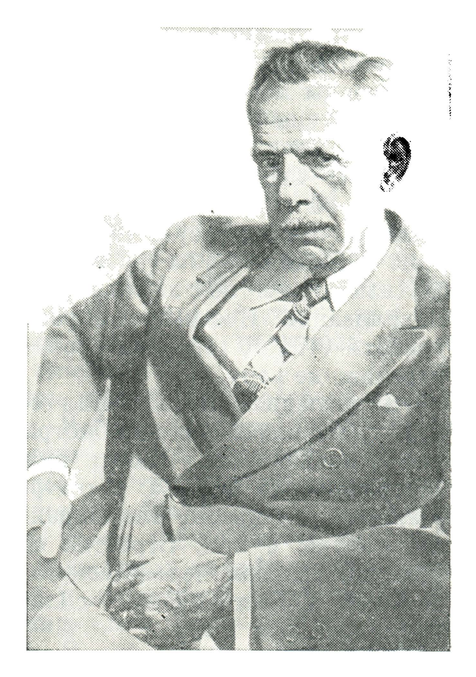
Коллизии личной жизни драматурга, острейшие социальные конфликты, которые он отражал, в частности первая мировая война,— все это определило сумрачную, трагедийную окраску его произведений. Экспериментатор и новатор, стремившийся к созданию «современной трагедии», О'Нил был крепко связан с классической драматургической традицией: с античной трагедией Эсхила и Софокла, с Шекспиром, с театром рубежа XIX—XX вв.— Ибсеном, Шоу, Гауптманом, Горьким, Чеховым, «новой драмой», одной из форм которой сделалось его собственное творчество. При этом он исходил из концепции двухмерности, двуплановости драматургического произведения: стремился просто запечатлеть конкретных людей, их конфликты и устремления, но переносил нравственно-этические проблемы в некий вневременной, метафизический план. Проникая в тайники человеческой души, О'Нил опирался и на теории психоаналитиков Фрейда и Юнга.

Художественный метод О'Нила, оригинальный продукт художественных и философских исканий XX в., был в основе реалистическим. Вместе с тем он отличался богатством стилистических приемов, аккумулировал элементы символической, натуралистической, экспрессионистической поэтики. Сам драматург уподоблял себя «плавильному котлу», в котором из многих современных стилей выплавлялась его собственная самобытная техника. Свой метод О'Нил именовал «супернатурализмом», видя цель в создании «сгущенной правды», некоей квинтэссенции жизни,

[30] Новая рампа, 1924, 26—31 авг., с. 5.

в «обнажении души», освобождении ее от «тяжеловесной, обездуховленной плоти... от жирных фактов»[31].

Двадцатые годы оказались наиболее плодотворной порой для О'Нила: в ряде пьес, нередко экспериментируя в области формы, он отзывался на общественные и социальные проблемы, осуждая подавление личности бездумной техникой (в пьесе «Динамо»), собственническую алчность, расовые предрассудки. В критицизме О'Нила сказалась «социалистическая закалка», полученная им в ранние годы, в пору близости к левым, радикальным кругам, к журналу «Мэссиз». Так, в драме «За горизонтом» раскрывается «сквозной» для О'Нила мотив разлада между мечтой и унылой буржуазно-мещанской действительностью; в «Косматой обезьяне» (1922), написанной в экспрессионистской манере, показано обесчеловечивающее воздействие капитала на людей труда; психологическая драма «У всех детей Господа бога есть крылья» (1924), воссоздавая нелегкие взаимоотношения черного Джима и белой Элли, обнажает глубинную природу расовых предрассудков; в пьесе «Любовь под вязами» (1924), названной некоторыми критиками «первой американской трагедией», на примере суровой пуританской семьи Кэботов раскрывалась роковая сила собственнических инстинктов; в «Марко-миллионщике» (1925) сатирически высмеивалась одержимость накопительством. В СССР первым интерпретатором О'Нила становится А. Я. Таиров, режиссер Камерного театра.

ЮДЖИН О'НИЛ

В пору «красных тридцатых» О'Нил идет своей дорогой, несколько в стороне от главного потока американской драматургии. Тяготея к универсальности, философской масштабности, он создает «современную трагедию», монументальную и мрачную трилогию «Траур — участь Электры» (1931), представляющую модернизацию на американском материале древнегреческого мифа, увековеченного в эсхиловской «Орестее».

Выпустив еще две пьесы («О, пустыня», 1933; «Дни без конца», 1934), О'Нил оставляет деятельную работу в театре, замолкает на целых 12 лет. В эти годы, отмеченные тяжелым душевным кризисом, а затем болезнью, он углубляется в создание беспрецедентного по размаху эпического цикла «Сказание о собственниках, обокравших самих себя», состоящего из 11 пьес. В нем автор стремился объять полуторавековую историю одной буржуазной семьи, ее возвышение, духовное оскудение и распад. Этот дерзкий замысел — свидетельство принадлежности О'Нила

---

[31] Цит. по: *Ромм А. С.* Американская драматургия первой половины XX века. Л., 1978, с. 93.

к критико-реалистической школе — был осуществлен лишь частично: сохранились две посмертно опубликованные пьесы — «Душа поэта» (1957) и «Дворцы побогаче» (1964). Первая из них имеет щедрую сценическую историю, она с успехом шла в Москве на сцене театра им. Маяковского, причем центральную роль майора Корнелиуса Мелоди блестяще исполнил Л. Н. Свердлин.

В 1936 г. О'Нилу, второму американскому писателю после Синклера Льюиса, была присуждена Нобелевская премия по литературе. Трагические события конца 30-х годов, рост фашистской угрозы стали для О'Нила новым подтверждением его уверенности в неотвратимом закате цивилизации. Пессимизм окрашивает знаменитую драму «Продавец льда грядет» (1946), герои которой — завсегдатаи салуна, люди опустившиеся, утратившие веру.

В последние годы О'Нил создает монументальную психологическую драму, пронизанную автобиографическими мотивами, «Долгое путешествие в ночь». После смерти драматурга, с конца 50-х годов, начинается «возрождение» О'Нила: в театре, в частности «внебродвейском», активно ставятся его пьесы, они экранизируются, нарастает поток критической литературы о нем. Страстно одержимый творчеством, мучительно ощущавший трагизм человеческого удела в Соединенных Штатах и в мире вообще, О'Нил оказал сильнейшее воздействие на американскую драматургию и театр.

В двадцатые годы драматургия и театр характеризуются богатством идейно-стилевых течений, плодотворными поисками. С О'Нилом соперничал в популярности значительно более традиционный, казавшийся даже несколько старомодным Максуэлл Андерсон (1888—1959), работавший в жанре поэтической стихотворной драмы. В его пьесах присутствовало ярко выраженное романтическое начало, столь органичное для американской литературы; в широком плане он творил в русле героической драматургии Шекспира, Шиллера, Гюго. Главенствующим в его творчестве был демократический пафос, утверждение прав свободной личности, осуждение всех форм регламентации и насилия. Вера в идеальную демократию соединялась у Андерсона с обличением тоталитаризма, что в условиях 30-х — начала 40-х годов приобретало антифашистскую направленность.

В воплощении его замыслов на сцене принимали участие такие ведущие режиссеры и актеры, как Кэтрин Корнелл, Рут Гордон, Берджес Мередит, Гатри Мак-Клинтик. Известность пришла к нему с постановкой драмы «Цена славы» (1924) (написана совместно с Лоренсом Столлингсом), произведения антимилитаристской направленности в духе настроений «потерянного поколения».

Художник-гуманист, он тяготел к постановке коренных нравственно-этических проблем, что придавало его драматургии универсальное звучание. Эти проблемы он решал, в частности, драматизируя страницы далекого прошлого, воскрешая исторические фигуры (в пьесах «Королева Елизавета», 1930; «Мария Шотландская», 1933; «Валли-Фордж», 1934; «Маска королей», 1936; и др.). В этих драмах, написанных белым стихом, отмеченных высокой патетикой и романтической приподнятостью, передающих колорит далекой эпохи, Андерсон по-своему возрождает дух и форму елизаветинской трагедии. Особым успехом пользовалась драма «Мария Шотландская», поставленная «Тиэтр гилд», причем роль Марии

Стюарт блестяще сыграла талантливая актриса Э. Хейс. Выступавшая прежде в легких комедиях, она с той поры стала осваивать сложные, трагедийные характеры.

В пору «красных тридцатых» Андерсон, как и многие его коллеги, не остался глух к драматическим событиям, волновавшим его современников. Пьеса «Два наших дома» (1933) содержала сатиру на политическую коррупцию в конгрессе. Героем драмы «Ки Ларго» (1939) стал американец, сражавшийся в рядах республиканской армии в Испании. В годы второй мировой войны Андерсон пишет пьесы, одушевленные антифашистским пафосом («Свеча на ветру», 1941; «Канун святого Марка», 1942; «Штурмовая операция», 1943; и др.), герои которых, как правило, простые люди, рядовые труженики, защищают коренные основы жизни на земле от стихии разрушения и смерти.

Близок к М. Андерсону как в идейном плане, так и в своей приверженности к романтической стилистике Роберт Шервуд (1896—1955), известный также и как историк. Участник первой мировой войны, он начал свою деятельность как театральный критик, затем дебютировал комедией «Дорога на Рим» (1927), в которой, обратившись к античному сюжету, высмеивал милитаризм. В основе пьесы «Мост Ватерлоо» (1930) (впоследствии послужила основой для известного кинофильма) — мелодраматическая любовная история солдата и лондонской девушки. За ней последовала романтическая комедия «Свидание в Вене» (1931), с успехом шедшая по обе стороны Атлантики. В ней главные роли блестяще исполняли талантливые супруги Ланты — Альфред Лант и Линн Фонтейн.

С наступлением «красного десятилетия» в творчестве Шервуда все решительнее звучат социальные мотивы, кристаллизуется главная внутренняя тема его творчества — изображение острого кризиса современной буржуазной цивилизации. Ей посвящена, в частности, драма-дискуссия «Окаменевший лес» (1935); предупреждением об опасности нарождающегося фашизма, призывом к активному с ним противоборству пронизана драма «Развлечение идиота». Достижением Р. Шервуда стала его историческая хроника «Эйб Линкольн в Иллинойсе», основанная на строгом следовании документальным источникам. Пьеса, состоявшая из 12 актов, воссоздавала главные этапы жизни Линкольна, человека и политического деятеля за те 30 лет, которые предшествовали его избранию президентом. Как и многие произведения на исторические темы в те годы, пьеса Р. Шервуда была созвучна живым проблемам современности, утверждала непреходящую ценность демократического наследия в условиях нарастающей «коричневой» угрозы. С конца 30-х годов он — в ближайшем окружении президента Рузвельта, затем специальный помощник военного министра, работает в Бюро военной информации. Эта пора освещена в известном историко-мемуарном труде «Рузвельт и Гопкинс». О нелегкой судьбе ветеранов, возвратившихся с войны, рассказывал его сценарий «Лучшие годы нашей жизни» (1946).

Вообще 20-е годы характеризуются выходом на арену большой группы интересных, оригинальных драматургов (Э. Райс, Дж. Г. Лоусон, С. Берман, М. Конелли, С. Хоуард, М. Голд и др.), представлявших различные идейно-стилевые течения. В начале первого послевоенного десятилетия в США во многом под воздействием немецкого театра, пьес Э. Толлера, Г. Кайзера, а также А. Стриндберга становится популярным

экспрессионизм. Своеобразие его стилистики, элементы условности, гротеска, фантастики, нарочитая контрастность черно-белых тонов и изломанность линий, смещение реальных жизненных пропорций и очертаний — все это было направлено на то, чтобы рельефно выразить резкое обнажение социальных коллизий, прежде всего нерадостную участь индивида, обезличенного, «дегуманизированного», столкнувшегося с механической, «машинной» цивилизацией и голым техницизмом.

Щедрую дань экспрессионистским приемам отдали наряду с О'Нилом также Элмер Райс (1892—1967) и Джон Говард Лоусон (1895—1977). Яркий пример тому — знаменитая пьеса Э. Райса «Счетная машина» (1923), в которой также использованы элементы конструктивистского театра. Ее центральный гротексный персонаж — мистер Зеро (т. е. Никто), мелкий чиновник, «невольник в белом воротничке», который предстает как человек внутренне пустой, превратившийся в придаток машины, способный лишь на импульсивный анархический бунт. В другой ранней пьесе, «Уличная сцена» (1929), Райс уже отходит от экспрессионистской техники. В дальнейшем, в 30-е годы, в творчестве Райса углубляются социально-критические мотивы.

Если для некоторых драматургов экспрессионистская техника служила способом раскрытия абсурдности, бесперспективности существования, что сближало их с модернизмом (например, Э. Э. Каммингса в пьесе «Он», 1928), то в рамках этого художественного течения утверждалась и иная, прогрессивная тенденция, связанная с характеристикой подлинных классовых противоречий и утверждением оптимистической исторической перспективы. Эту тенденцию решительно представляло творчество Джона Говарда Лоусона, принадлежавшего к поколению тех, кто прошел через испытания первой мировой войны. Выступив в 20-е годы как драматург, Лоусон стремился сочетать, не всегда, впрочем, органично, модные эстетико-философские теории, фрейдизм и экспрессионизм с антикапиталистической критикой. Дебютировав пьесой «Роджер Блумер» (1923), изображавшей искания неопытного юноши, провинциала, заброшенного в огромном, бездушном городе, Лоусон в «Гимне процессии» (1925), пьесе, оригинально насыщенной музыкально-джазовыми элементами, уже подходит к проблеме классового антагонизма в американском обществе. В пьесе-фарсе «Громкоговоритель» (1927) объект сатирического осмеяния — буржуазные политиканы, демагоги, дамы-«общественницы», журналисты. В пьесе «Интернационал» (1927), используя символику и условность, свойственные экспрессионизму, Лоусон утверждает идею революционного преобразования мира.

В 1926 г. Лоусон принял вместе с М. Голдом участие в организации Лиги рабочей драмы, а год спустя в создании группы «Театр новых драматургов» (в нее входили также М. Голд, Дж. Дос Пассос), где ставились его пьесы. Эти объединения левой ориентации явились предшественниками революционного театра 30-х годов, в частности «Тиэтр юниэн».

В целом в русле реализма развивалось творчество драматурга Пола Грина (р. 1894), интересно воплотившего на сцене негритянскую тему в своей широко известной пьесе «В лоне Авраамовом». В центре ее — трагическая фигура Абрахама Мак Крейни, негра, просветителя, отдающего все силы духовному возрождению народа. При этом герой сталкивается как со злобой белых расистов, так и с невежеством и инертностью черных, деморализованных веками унижения. В дальнейшем Пол

Грин продолжал успешно осваивать негритянский материал в серии одноактных пьес, среди которых одна из лучших — «Гимн восходящему солнцу» (1936), о горьком уделе узников кандальных бригад на Юге. Он же сделал в 1941 г. совместно с Ричардом Райтом сценическую версию его знаменитого романа «Сын Америки».

Новым словом на Бродвее стала пьеса Марка Конелли «Зеленые пастбища», оригинально «интегрирующая» негритянский фольклор. В центре пьесы — колоритная фигура черного старика-проповедника в Луизиане: эту роль исполнял 66-летний Ричард Гаррисон, сын беглых рабов, сам проживший нелегкую трудовую жизнь, непрофессиональный актер. Пьеса, шедшая с огромным успехом до самой смерти Гаррисона в 1935 г., выдержала за пять лет более 1600 представлений.

В пору «красных тридцатых» обозначился отчетливый поворот драматургов влево, движение от самодовлеющей узкопсихологической к социальной проблематике, а нередко и к политической злободневности. Театр демократизируется, обращается к массовому зрителю, складывается ряд рабочих, пролетарских театральных коллективов и объединений. Атмосфера грозового десятилетия в той или иной степени отразилась в творчестве группы ведущих драматургов, среди которых художники разных стилевых и идейных течений: Альберт Мальц и Майкл Голд, Джон Говард Лоусон и Джон Уэксли, Клиффорд Одетс и Элмер Райс, Пол Грин и Торнтон Уайлдер, уже упоминавшиеся Максуэлл Андерсон и Роберт Шервуд. В это время плодотворно работают режиссеры и постановщики радикальной ориентации — Х. Фленеген, Л. Страсберг, Г. Клермен и др. [32]

В своем творчестве они противостояли как требованиям коммерческого театра на Бродвее, так и шаблонам Голливуда. Например, как подсчитали исследователи, с 1929 по 1941 г. на Бродвее в коммерческих театрах было осуществлено около 1500 постановок новых пьес. Из них лишь немногим более 70 затрагивали темы политической, социальной, общественной значимости. Остальные выполняли «эскейпистскую» функцию, имея целью лишь развлечь зрителя. Это были музыкальные комедии и ревю, фарсы с альковными сюжетами, комедии, мелодрамы, пьесы с узкопсихологическим содержанием. И тем не менее зритель тянулся к искусству свежему, серьезному. Свидетельством обнадеживающих веяний в театре, например, явился беспрецедентный успех, выпавший на долю инсценировки Джеком Кирклендом романа Э. Колдуэлла «Табачная дорога». Пьеса шла на Бродвее восемь лет (1933—1940) и выдержала около 3200 представлений — рекорд, позднее не превзойденный.

Уже в начале 30-х годов, в разгар кризиса, как своеобразный пролог к зрелому театральному движению десятилетия, во многом под влиянием опыта советского театра, стали появляться рабочие коллективы (Лига рабочих театров, «Рабочий экспериментальный театр» и др.), в которых ставились пьесы в духе «агитпропа», носившие прямолинейно агитационный характер (среди них «Скотсборо» Ленгстона Хьюза, «Америка, Америка» Альфреда Креймборга и др.), а также одноактные драмы (в том числе А. Мальца, П. Грина, Ф. Стивенсона и др.).

Значительным и весьма характерным художественным явлением в

---

[32] *Brüning E.* Das amerikanische Drama der dreißiger Jahre. Rutten und Loening. B., 1966.

это время стал «Тиэтр юниэн» (1933—1937) — этот, по словам историка драмы Дж. Рабкина, «единственный профессиональный театр с марксистской ориентацией» [33]. «Тиэтр юниэн», провозгласивший лозунг «Театр — это оружие», ставил своей задачей постановку пьес о рабочем классе, выражающих точку зрения рабочего класса. В нем было сильно влияние коммунистов.

Пьесы Мальца, Скляра, Питерса, Уэксли, написанные для «Тиэтр юниэн», отличались, как правило, открытой, а порой и прямолинейной тенденциозностью. В них, однако, раскрывалась характерная для литературы «красных тридцатых» тема идейного и духовного роста человека. В числе первых увидела свет рампы пьеса А. Мальца и Дж. Скляра «Мир на земле» (1933), герой которой — «чистый» ученый, профессор Оуэн, делал выбор, включался в антивоенное движение. Темой драмы А. Мальца «Темная шахта» (1934) стал процесс прозрения Джо Коварского, рабочего, вынужденного пойти в услужение к хозяевам. «Выпрямление» простого человека, солдата, отказавшегося стрелять в забастовщиков,— тема пьесы А. Мальца «Рядовой Хикс» (1935). С успехом шла в «Тиэтр юниэн» драма Дж. Скляра и П. Питерса «Грузчик» (1934), с художественной точки зрения значительно более зрелая, чем предыдущие. Ее герой — негр Лонни, не убоявшись провокаций полиции, с мужеством борется за создание профсоюза. На конгрессе Лиги американских писателей в 1935 г. подчеркивалось, что эта пьеса «явила собой пример для негритянских масс, которые приняли ее близко к сердцу, как никакое другое произведение» [34].

Острым драматизмом отличалась пьеса Джона Уэксли «Последняя миля» (1934), сюжетом которой стал бунт в тюрьме заключенных, приговоренных к электрическому стулу. В основу другой пьесы Уэксли — «Они не умрут» (1934) было положено взволновавшее всю страну дело в Скотсборо. Героем исторической драмы Майкла Голда и Майкла Блэнкфорта «Боевой гимн» (1936) стал мужественный аболиционист Джон Браун.

Активным участником «Тиэтр юниэн» был Дж. Г. Лоусон: в начале 30-х годов он переходит на революционные позиции, в 1934 г. вступает в Компартию. Правда, его первые опыты освоения новой темы драматургическими средствами (в пьесах «История успеха», 1932; «Чистое сердце», 1932; «Благородная женщина», 1934) не были до конца удачными. Более плодотворной оказалась его попытка сделать героем драмы рабочий коллектив, участников забастовки на автомобильном заводе («Маршевая песня», 1937). Занявшись историко-теоретическими изысканиями, Лоусон выпускает свой фундаментальный труд «Теория и техника драматурга» (1936).

Другая радикальная организация 30-х годов — «Груп тиэтр» — просуществовала более 10 лет (1931—1941): она базировалась на широкой общедемократической платформе и ориентировалась в отличие от «Тиэтр юниэн» не только на рабочую аудиторию. Лозунгом коллектива был «Театр — это искусство, отражающее жизнь». Основатели и руководители «Груп тиэтр», известные режиссеры и продюсеры Ли Страсберг (р. 1901), Черил Кроуфорд (р. 1902), Гарольд Клермен (р. 1901),

[33] *Rabkin G.* Drama and Commitment: Indiana Univ. Press, 1964, p. 45.
[34] American Writers' Congress. N. Y., 1935, p. 133.

создали интересный творческий коллектив актеров, в котором наряду с опытными мастерами, такими, как Стелла Адлер и Морис Чарновски, тон задавала талантливая молодежь (Джон Гарфилд, Лютер Адлер, Эдвард Бромберг). В «Груп тиэтр» ставились пьесы таких ведущих драматургов, как Андерсон, Шоу, Сароян, Грин, Кингсли, Лоусон. «Груп тиэтр» во многом опирался на передовые реалистические принципы современного театра, в частности МХАТа. В нем творчески использовалась система Станиславского.

Именно в «Груп тиэтр» сложился талант одного из наиболее интересных драматургов «красного десятилетия» — Клиффорда Одетса (1906—1963), близкого в ту пору к левым кругам. Имея за плечами опыт работы актера и режиссера, Одетс дебютировал знаменитой одноактной пьесой «В ожидании Лефти» (1935), ставшей вехой в истории американского театра. Документальной основой пьесы, написанной в манере «агитпропа», послужила забастовка водителей нью-йоркских такси. Одетс предложил зрителям ряд новых приемов: вывел всех участников на сцену, ставшую как бы трибуной профсоюзного митинга, и включал их в действие с помощью побочных, но связанных с центральным конфликтом эпизодов. При этом зрители становились словно бы участниками собрания. Пьеса, одушевленная революционным пафосом, вызвала живейший общественный резонанс: повсеместно создавались театральные коллективы для ее постановки. К. Клермен так вспоминал о премьере пьесы: «Актеры и зрители стали единым целым... Это был крик младенца, возвестившего о рождении 30-х годов. Наша юность обрела голос» [35].

В последующих пьесах 30-х — начала 40-х годов Одетс отходит от прямолинейно агитационной манеры своего первенца: он тяготеет к изображению хорошо знакомых ему представителей «среднего класса», обитателей Бруклина, в поле его зрения внутрисемейные коллизии, имеющие, однако, социальную значимость. Одетс лиричен, музыкален, поэтичность сочетается у него с юмором и меткостью бытовых деталей. В драме «Пока я жив» (1935) он в числе первых обращается к антифашистской теме. Столкновение двух начал — мещанской прозы и поэзии, мертвящей буржуазности и порыва к свободе, к достойной светлой жизни — определяет пафос одной из его лучших пьес — «Проснись и пой» (1935). В «Золотом мальчике» (1937), другом его талантливом произведении, Джо Бонапарте, скрипач, ставший боксером, попавший в руки дельцов от спорта, иллюстрирует столь важную для литературы США тему той морально-нравственной цены, которой приходится оплачивать пресловутый успех. Кризисные явления в буржуазной семье — тема пьес «Потерянный рай» (1935) и «Полет на луну» (1938).

В «Груп тиэтр» был поставлен и ряд других пьес, отличающихся актуальным общественным звучанием. Горячим антивоенным протестом была пронизана драма Ирвина Шоу (1913—1984) «Похороните мертвых» (1936). Общественный резонанс вызвали пьесы Сиднея Кингсли (р. 1906) «Люди в белом» (1933), посвященная труду врачей, и «Тупик» (1935) о жизни обитателей нью-йоркских трущоб. «Груп тиэтр» поставил и первую пьесу Уильяма Сарояна (1908—1981) «В горах мое сердце»

---

[35] *Clurman H.* Fervent Years. N. Y., 1957, p. 138—139.

(1939), имевшую шумный успех. Такой же сенсацией стала и вторая его драма — «Путь вашей жизни» (1940).

Глубоко значительным явлением театральной жизни 30-х годов стала деятельность художественных коллективов нового типа в рамках Федерального театрального проекта (ФТП) (1935—1939), созданного и субсидировавшегося правительством Рузвельта (большую роль в этом начинании сыграл Гарри Гопкинс) в целях занять работой людей художественных профессий, режиссеров, продюсеров, художников, актеров. Во главе ФТП стала Хелли Фленеген (1890—1969), режиссер, театральный деятель, критик, человек неукротимой энергии и организаторского таланта, использовавшая в своей деятельности и опыт нового советского театра.

Стремление найти дорогу к массовой зрительской аудитории сказалось на ее работе в ФТП, в рамках которого было создано около 160 театров. В них было занято до 12 тыс. человек, поставлено до 1 тыс. пьес разных жанров. Для многих десятков тысяч американцев посещение федеральных театров с относительно дешевыми билетами оказалось первым приобщением к миру сценического искусства. В ФТП осваивался самый разнообразный репертуар, в том числе классический. Ставились произведения европейских драматургов (Б. Шоу, Т. С. Элиота, Э. Толлера, Ф. Вольфа), но основное ядро репертуара составляли современные пьесы драматургов разных стилей и идейной направленности («Боевой гимн» М. Голда и М. Блэнкфорта, «Гаити» У. Э. Б. Дюбуа, «Эйб Линкольн в Иллинойсе» Р. Шервуда и др.).

Театры, входившие в систему ФТП, обратились к новой драматургической форме, так называемой «живой газете» — этому оперативному отклику на текущие политические события, сочетающему репортаж с художественным изображением. В «живой газете» «Энергия», поставленной нью-йоркской труппой ФТП, содержанием явилась своеобразная «стенограмма» заседания Верховного суда, посвященного развитию штата Теннесси. Членов суда изображали девять немых масок, к которым обращались с речами живые персонажи, но, естественно, не получали никакого ответа.

Некоторые спектакли ФТП превратились в события общенационального общественного звучания. Так, страстный антифашистский роман С. Льюиса «У нас это невозможно» был инсценирован автором и Джоном Моффитом. Премьера состоялась в октябре 1936 г. одновременно в 21 театре в 10 крупнейших городах страны (в Нью-Йорке, Чикаго, Детройте, Бостоне и др.), где имелись федеральные театры. Кроме того, труппы показывали этот спектакль в ряде других городов, и там его встретили с живым вниманием. Всего спектакль в разных театрах шел общей продолжительностью 260 недель; его просмотрело более четверти миллиона человек. По мнению театроведа К. Уиттлера, ФТП был «массовым театром, обращавшимся к народу Соединенных Штатов», в котором проявлялась «антифашистская и коммунистическая тенденция», «линия в поддержку рабочих и в пользу искоренения расовой дискриминации»[36]. Все это вызвало ярость реакционных кругов: руководители ФТП были затребованы на заседание сенатской комиссии, которая усмотрела «ком-

---

[36] Цит. по: *Wittler C. J.* Some Social Trends in W.P.A. Drama: The Catholic Univ. of America Press, 1939, p. 118.

мунистическое проникновение» в федеральные театры. Последние, лишенные государственной дотации, прекратили существование.

В 20—30-е годы сделаны начальные шаги по созданию негритянского театра. В частности, поэт Ленгстон Хьюз, проявлявший неизменный интерес к драматургии, участвовал в создании негритянских трупп: «Сьюткейс тиэтр» в Гарлеме и «Нигро арт тиэтр» в Лос-Анджелесе. Герои пьес Хьюза — «маленькие люди», черные обитатели городских гетто, со своей характерной речью, специфическим кругом понятий и устремлений. В написанной для «Сьюткейс тиэтр» одноактной пьесе «Хотите ли вы быть свободными?» Хьюз удачно использует фольклорные элементы, блюзы и спиричуэлс. Другая его пьеса, «Мулат» (1935), написанная на основе его новеллы «Отец и сын» из сборника «Нравы белых»,— трагическая история сына белого плантатора и негритянки, восставшего против жестокости отца,— была поставлена на Бродвее, где шла в течение года, а позднее ставилась в провинции. Негритянская труппа действовала и в рамках ФТП. В 1940 г. был создан Американский негритянский театр, ставивший пьесы из жизни черных. Выдвигается ряд ярких драматических актеров негров, среди которых выделяются Этель Уотерс и Кенеди Ли, исполнивший роль Биггера Томаса в инсценировке «Сына Америки» Р. Райта.

Вторжение политической злободневности в сферу драматургии и театра, поворот влево затронули в эти годы, как уже подчеркивалось, многих мастеров культуры, в частности и уже упоминавшегося Элмера Райса. В 30-е годы он сближается с левыми кругами, выступает против цензуры, в защиту гражданских прав, пробует создать Театр народного искусства, обращенный к демократическим массам, но ему не удается осуществить свой замысел. Новые веяния в его творчестве сказываются в драме «Мы, народ» (1933), попытке сценическими средствами дать панораму послекризисной Америки, предложить «срез» социальной структуры общества.

В пьесе «День суда» (1934) отразились некоторые обстоятельства процесса над Димитровым, осуждалась фашистская террористическая тирания. Тема эта была продолжена в пьесе «Американский ландшафт» (1938), призывающей к защите демократических традиций и предупреждающей о фашистской угрозе в ее «отечественном» варианте, что приобрело особую актуальность во второй половине 30-х годов. Антифашистским пафосом одушевлена и его пьеса «Полет на Запад» (1940).

Испанские события также находят отражение в драматургии, в частности в единственной написанной Хемингуэем пьесе «Пятая колонна» (1937), в центре которой — деятельность испанской контрразведки в Мадриде, сражающейся против фашистского подполья.

В годы второй мировой войны на Бродвее продолжали ставиться легковесные, развлекательные произведения. Однако серьезный театр активно осваивал драматургию антифашистской направленности. Об этом свидетельствовали уже упоминавшиеся пьесы М. Андерсона, Э. Райса, а также драмы Л. Хелман, Т. Уайлдера, Дж. Стейнбека, который сделал сценическую версию своей повести «Луна зашла». Ее тема — сопротивление норвежцев нацистской оккупации. В 1939—1945 гг. в целом ощущалась нехватка оригинальных пьес и театры нередко обращались к инсценировкам популярных прозаических произведений.

Тридцатые годы — лучшая пора в творчестве Лиллиан Хелман (1905—1984), мастера «хорошо сделанной пьесы», тонкого психолога, умеющего передать движения души своих персонажей и их социальную характеристику. Хелман заявила о себе пьесой «Час детей» (1934), долго не сходившей со сцены: в ней речь шла о горькой судьбе двух школьных учительниц, ставших жертвой злобной обывательской травли. В следующей пьесе — «Настанет день» (1936) она обратилась к забастовке на фабрике в маленьком городке. В числе других деятелей американской культуры Хелман побывала в республиканской Испании, заняла твердую антифашистскую позицию.

В драматургическом шедевре — пьесе «Лисички» (1939) Хелман на примере буржуазно-аристократической семьи южан Хаббардов предложила убедительную и впечатляющую трактовку классической темы: власти денег над людьми и их разрушительной силы. После блестящего исполнения в Нью-Йорке (где в роли Реджины выступила Талула Бэнкхед) пьеса начала триумфальное шествие по театрам мира.

В центре пьесы «Стража на Рейне» (1941), также удостоенной ряда высших наград,— Курт Мюллер, антифашист и революционер. В произведении прозвучала тема подлинного гуманизма, несовместимого с примирением по отношению к носителям зла. В ней показывалось пробуждение аполитичных людей (на примере семьи Ферелли), начинающих осознавать всю опасность нависшей над человечеством «коричневой» угрозы. В годы войны Хелман трудится в Голливуде, создает киносценарий «Северная звезда» о борьбе советских людей с фашизмом. В пьесе «Порыв ветра» (1944), используя историческую ретроспекцию, Хелман на примере судьбы американского дипломата Алекса Хейзена показывала, сколь пагубна политика попустительства нацистской агрессии.

Несколько особняком среди драматургов 30-х годов стоял Торнтон Уайлдер. Мысль о том, что театр передает «общее», ярко реализуется в его знаменитой, исполненной гуманистического пафоса пьесе «Наш городок». Тяготея к философской масштабности, Уайлдер в то же время не остался глух к конкретным социальным проблемам, затронувшим его соотечественников. В пьесе «Зеница ока» (1942), воссоздающей в символико-аллегорической форме историю человеческой цивилизации начиная с ранней, «пещерной» эпохи, угадывались намеки на вторую мировую войну, звучали антифашистские мотивы. Пьеса с успехом шла в Европе, освобожденной от нацистского господства.

Двадцатые-тридцатые годы были подлинно классической эпохой для американского театра и драматургии, которые стали явлениями мирового масштаба. Их развитие было отмечено как значительными достижениями в идейно-тематическом плане, так и плодотворными исканиями в художественной области. Вслед за Ю. О'Нилом с его психологической и философской углубленностью выступает плеяда талантливых, оригинальных драматургов, в творчестве которых, особенно в 30-е годы, с большой силой звучали идеи защиты подлинной демократии, осуждения фашизма, проявился интерес к судьбам простых людей. Новое поколение драматургов, пришедшее после второй мировой войны (Т. Уильямс, А. Миллер, Э. Олби, Л. Хенсберри и др.), во многом опирается и на то лучшее, что было создано социальной драмой и театром в США в 20—30-е годы.

3. ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОЕ ИСКУССТВО

История американского искусства данного периода отмечена появлением ряда новых течений, обострением борьбы между модернизмом и реализмом.

Распространение модернизма усилилось в американском искусстве в 20-е годы. Тесно связанный с иррационализмом, субъективизмом, пессимизмом, модернизм по сути своей реакционен и с самого начала выступает в США в качестве апологета капиталистического общества, неизменно опираясь на его поддержку. В целом американский модернизм представлял собой линию художественного регресса. Во многом расцвету формализма в американском искусстве способствовали европейские художники, приехавшие в Нью-Йорк в годы первой мировой войны. Не было такого течения, по стопам которого не пошли бы американские художники-модернисты. Фовизм, кубизм, абстракционизм, футуризм, уже во многом достигшие предела своего развития в Европе, на американской земле нашли благодатную почву.

Среди многочисленных американских модернистов, выступивших впервые с конца 10-х годов XX столетия, были люди разной степени одаренности и искренности. Их творчество было связано не только с достижениями европейских художников, но и с явным отрицанием американского академизма. Поиски новых форм, пространственных и цветовых решений были действительно важной проблемой для американской живописи. Художники-экспериментаторы придавали форме главенствующее значение. Однако в силу вторичности своего возникновения американский модернизм 10—20-х годов XX в. в отличие от европейского был лишен бунтарского неприятия действительности, трагического умонастроения.

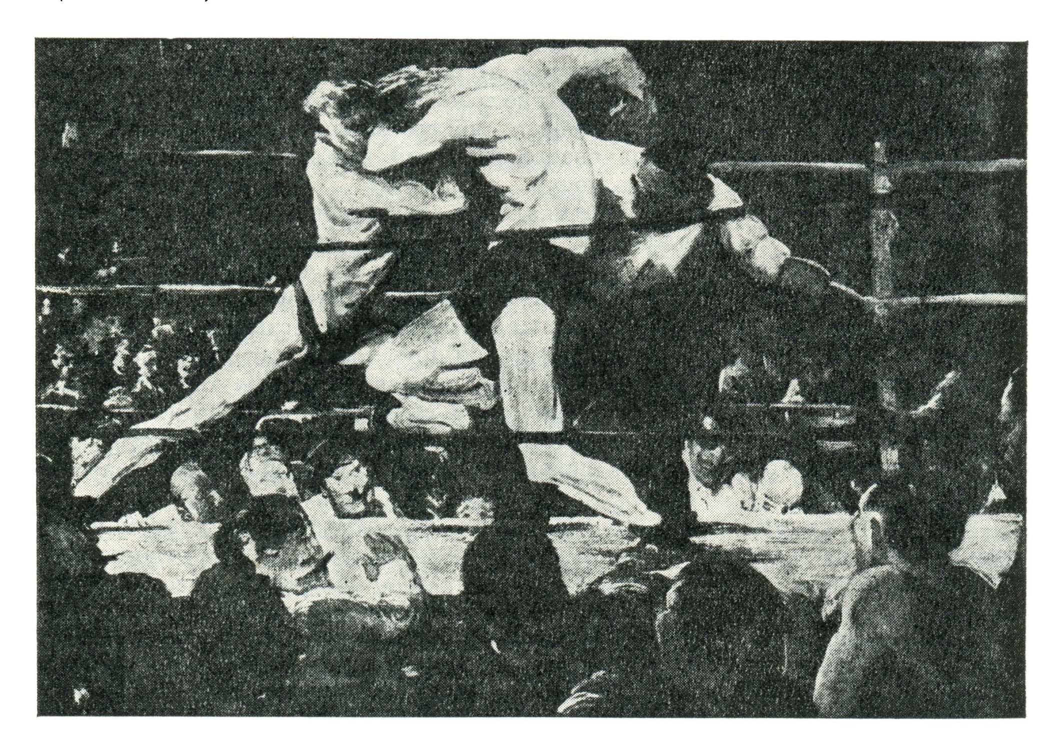
Вместе с тем американский модернизм был отмечен внутренней противоречивостью и эклектизмом. Характерным примером в этом отношении является творчество Макса Вебера (1881—1974), учившегося в Париже вместе с Матиссом. В его произведениях совмещались принципы кубизма и фовизма («Интерьер с натюрмортом», 1918). Артур Доув (1880—1946) в начале творческого пути был близок к реалистическому изображению природы, но с середины 20-х годов стал одним из первых известных американских абстракционистов. Художники, известные в США как абстракционисты, М. Хартли (1887—1943), Д. Мерин (1870—1953), Ч. Демут (1883—1935) создали наряду с формалистическими произведениями немало тонких, поэтичных, реалистических акварельных пейзажей.

В творчестве основателей «прецизионного» направления Ч. Шиллера (1883—1965), Д. Стеллы (1879—1946) своеобразно сочеталось влияние кубизма с явным стремлением запечатлеть динамизм американской жизни, воспеть инженерные и технические достижения (Ч. Шиллер «Верхняя палуба», 1929; Д. Стелла «Американский ландшафт», 1929).

Эволюция формалистических направлений сопровождалась заметной утратой национальных особенностей в изобразительном искусстве.

В те же годы происходит дальнейшее развитие американской реалистической живописи, органически связанное с утверждением прогрессивного мировоззрения. Реалистическое искусство обретает ряд притягатель-

ных свойств, утверждая высокие гражданственные и нравственные идеалы, отстаивая национальную самобытность, продолжая традиции американских реалистических художников XVIII—XIX вв. Творчество художников-реалистов в XX в. пронизано еще большей остротой социального содержания, усилением социально-критического отношения к действительности и соответствующими ему новыми аспектами видения, напряженными поисками композиционных и цветовых решений. В творчестве ведущих художников акценты были перенесены на критику существующего строя. Характерным примером в этом отношении стало творчество Джорджа Весли Беллоуза (1882—1925) и Эдварда Хоппера (1882—1967).

ДЖОРДЖ В. БЕЛЛОУЗ. СТАВЬТЕ У ШАРКИ. 1907

Беллоузу не было и 30 лет, когда его безоговорочно признали крупнейшим художником США. Он был самым молодым академиком в Национальной академии рисунка. Но жизнь его оборвалась очень рано. Он умер в 43 года, полный сил, в зените славы. Оставленное им наследие — прекрасные портреты, картины на спортивные темы, пейзажи, литографии, наконец, высказывания характеризуют не только его творческие, но и гражданственные позиции.

Свои темы и образы Беллоуз черпал в американской действительности, был связан с традициями мастеров XIX столетия. О последнем свидетельствует, например, первое же его известное произведение — картина «Ставьте у Шарки», выделявшееся драматизмом, впечатляемостью,

ДЖОРДЖ В. БЕЛЛОУЗ. АННА В БЕЛОМ. 1920

зрелищностью. Поиски колористических решений особенно воплотились в пейзажах художника («Белая лошадь», 1922).

В годы первой мировой войны Беллоуз вместе с Джоном Ридом едет на Балканский фронт. В июле 1917 г. художник писал в журнале «Мэссиз»: «Я патриот красоты. Я готов записаться в любую армию, чтобы сделать мир более прекрасным. Я ненавижу мысль о войне, я — за демократию, я мог бы называться революционером... Прежде всего я художник. Меня глубоко интересует жизнь. Я хочу видеть ее и писать ее...» [37]. К 1916 г. относится известная литография Беллоуза «Благословение в Джорджии». Внешне нарочито спокойная композиция картины

---

[37] *Morgan Ch.* G. Bellows — Painter of America. N. Y., 1965, p. 83.

как бы взрывается изнутри страшной несправедливостью изображенного (закованным в кандалы неграм читает молитву белый священник).

Глубокая цельность натуры художника проявилась в портретах, на которых изображены спокойные, мудрые в своем отношении к жизни, добрые, гармоничные и великие духом люди. В портрете «Анна в белом» (1920) — дочери художника — впечатляет гармоничность и музыкальность общего эмоционального строя, созвучные Уистлеру. «Портрет тетушки Анны» — одно из самых замечательных произведений художника. Его можно поставить в один ряд с «Портретом Уитмена» Т. Эйкинса, с «Портретом матери» Дж. Уистлера. Из шедевров Беллоуза можно назвать одно из последних его произведений — портрет, созданный в 1920 г.,— «Элионор, Джин и Анна». Это один из лучших групповых портретов в американском искусстве XX столетия.

Современником Беллоуза был Эдвард Хоппер. Он основательно изучил европейское искусство. Главной в его творчестве стала тема жизни большого современного города. В 1919—1923 гг. он создал 52 литографии, посвященные американским городам. Его достижения в графике получили дальнейшее развитие в живописи. Проникновенное чувство современности позволило художнику создавать новые композиционные решения в пейзаже. На его полотнах — линии железной дороги, автомобильные дороги, мосты, телефонные будки, станции для заправки машин, одиноко стоящие маяки и т. п. Хоппер развивает тему города в акварелях (особенно этому способствовало лето 1923 г., проведенное в Глочестере). «Раннее воскресное утро» — одна из первых известных картин Хоппера (1930). Живописец изображает тихую небольшую улицу с двухэтажным домом. Картина написана в теплой гамме, тонкой и разнообразной в оттенках. Композиция построена так, что улица кажется беспредельной. Основу композиции составляет почти чертежный рисунок, взаимодействие вертикальных и горизонтальных линий.

В полотне «Мост Манхэттена» (1928) тема города приобретает новое звучание. В большом каменном городе одиноко «маленькому человеку». Колорит картины выдержан в мрачных тонах, только резко освещенная часть дороги контрастирует с общим фоном, усиливая общее тревожное настроение. В конце 30-х — начале 40-х годов Хоппер создает вариации на тему «Жизнь города». Здания или интерьер как бы «сливаются» в них с состоянием человека («В нью-йоркском кинотеатре», 1939). Жизни ночного города посвящена картина «Ночные ястребы» (1942). Одна из излюбленных тем Хоппера — одиночество современного человека. Уже в первых полотнах появляются образы бродяг, скромных тружеников, окруженных равнодушным городом.

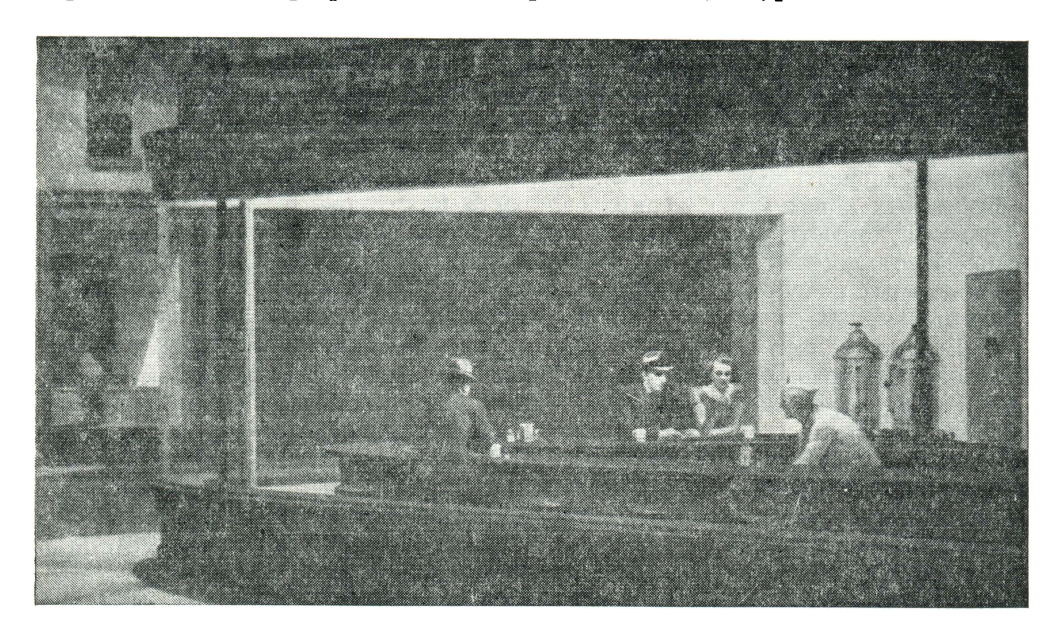
Хоппер решительно отмежевывается от формализма. «Искусство,— говорил он,— создается для будущего. Разговоры о том, что только внутренний голос способен понять современную живопись, способствовали образованию в мире искусства атмосферы безответственности, снобизма и невежества. Надо возвратить искусству свободу и достоинство, живой язык» [38].

Особое значение в 20-е годы приобретает развитие американского реалистического искусства, на которое несомненное влияние оказали идеи Великой Октябрьской социалистической революции. Многие прогрес-

---

[38] *Goodrich L.* Edward Hopper. N. Y., 1960, p. 134.

сивные художники стали преданными друзьями революции. Среди них — крупнейший политический график Роберт Майнор (1884—1952). В 1918—1919 гг. он находился в Москве, более 10 раз встречался с В. И. Лениным, и это оказалось решающим в формировании его мировоззрения. В 1920 г. Майнор вступает в ряды Коммунистической партии Америки и становится ближайшим соратником У. З. Фостера. Приход в партию представителей прогрессивной американской культуры способствовал

ЭДВАРД ХОППЕР. НОЧНЫЕ ЯСТРЕБЫ. 1942

сближению передовой интеллигенции с пролетариатом. Роберт Майнор становится не только известным в стране политическим графиком, но и видным общественным деятелем, оратором, публицистом.

Характер и дальнейшие пути развития американской прогрессивной графики во многом были заложены в творчестве Р. Майнора. Его сатирические, обличительные листы, найденная им художественная форма, воплощавшая гневное и открытое осуждение правящего класса США, явились своеобразным камертоном, который начиная с 20-х годов определил звучание прогрессивной графики Соединенных Штатов. В художественном языке Майнора подчеркнуто общее, главное, основное. Отсюда монументальность и сила его почерка. Лучшие произведения Майнора — «Совершенный солдат» (1919), «Одна шестая часть земного шара» (1924), «Два года „Дейли уоркер“» (1925) — неоднократно перепечатывались прессой всего мира.

Большую роль в развитии американской прогрессивной политической графики сыграли журнал «Либерейтор» (1919—1929) и газета «Дейли уоркер», созданная в 1924 г. На ее страницах печатались такие крупнейшие американские графики-сатирики, как Фред Эллис (1886—1965), Уильям Гроппер (1897—1977), Хьюго Геллерт (1892—1980), Фил Бард

(1912—1967). В их творчестве был создан образ пролетария, призывающего к борьбе. Влияние Великой Октябрьской социалистической революции испытали на себе и деятели изобразительного искусства — живописцы Р. Кент и А. Рефрежье, скульптор М. Гаркави и многие другие. Их объединяла ненависть к социальной несправедливости и вера в лучшее будущее. В 1929 г. была создана литературно-художественная организация «Клуб Джона Рида», которая с момента возникновения стала центром прогрессивного искусства США. С 1930 г. «Клуб Джона Рида» активно участвовал в самых разнообразных выставках в Москве, посвященных показу передового искусства в странах капитала. Деятельность клуба переросла американские рамки. Эта организация активно участвовала в работе Международного бюро революционных художников.

Экономический кризис 1929—1933 гг. и «красные тридцатые» отразились в творчестве художников: усиливается обостренность восприятия социальных конфликтов, несправедливости капитализма. В эти годы возникают художественные течения с четко выраженной политической платформой, такие, как прогрессивное направление, связанное с искусством «социальных реалистов», и реакционное, объединившееся вокруг программы «риджионалистов» (*англ.* region — район, местность).

«Выходите на улицу, предоставьте главную роль народу. Войдите в метро, дайте слово народу» [39]. Эти слова художника Реджинальда Марша (1898—1954) отражают настроения передовых художников тех лет. Образ простого американца — рабочего или служащего — стал определяющим в живописи и графике братьев Рафаэля (р. 1899) и Мозеса Сойеров (1899—1974), Антона Рефрежье (1905—1979). Гневное звучание обрела американская сатира в произведениях Бена Шана (1898—1969), Филиппа Эвергуда (1901—1973), Джека Левина (р. 1915), Уильяма Гроппера (1897—1977). Рефрежье и Гроппер были связаны с революционным искусством. Объединяющим началом столь разных в своем творчестве художников являлось новое понимание ими роли искусства как орудия в борьбе против социальной несправедливости.

Необычайно возрос интерес к американской живописи XIX в. В Нью-Йорке устраиваются многочисленные выставки американского реалистического искусства. С другой стороны, «социальный реализм» 30-х годов во многом обязан великим мексиканским художникам, в том числе ведущим монументалистам Диего Ривере, Хосе Клименте Ороско, Давиду Альфаро Сикейросу, которые в ряде городов США создали замечательные фрески и росписи. Б. Шан, Ф. Эвергуд, А. Рефрежье именно в эти годы обращаются к искусству монументальной живописи, в ряде случаев сотрудничая с мексиканцами.

Заметной вехой стала стенная роспись «История Ричмонд-Хилла», выполненная Ф. Эвергудом для публичной библиотеки. Одним из самых крупных художников-монументалистов США был А. Рефрежье. Первым и наиболее значительным его произведением явилась роспись для Ринкон-Хиллского почтамта в Сан-Франциско. За девять лет Рефрежье создал 29 огромных панно, каждое из которых представляет собой какую-нибудь страницу истории штата Калифорния, в том числе испанское завоевание, суд Линча, сцены из трагической жизни знаменитого революционера Тома Муни, эпизоды войны с фашизмом.

[39] Цит. по: *Larkin O.* Art and Life in America. N. Y., 1960, p. 430.

Характерным для 30-х годов явилось развитие сатирического начала и в живописи, и в графике. В этом плане можно выделить картину Дж. Левина «Празднество чистого разума» (1937), на которой иронично и смело изображены правители г. Дублин.

Лучшие произведения Р. Марша посвящены теме американского города и жизни простых горожан в период депрессии («Скамейка в парке», 1935). Эвергуд в «Американской трагедии» (1937) создал страстный

ДЖЕК ЛЕВИН. ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ. 1935

живописный комментарий к событиям, разыгравшимся в Чикаго в 1937 г., когда во время демонстрации сталелитейщиков полицейские забросали рабочих газовыми бомбами. Изображая столкновение рабочих с полицейскими, он использует нарочитое огрубление и экспрессионистичность формы, добиваясь сильного социального звучания своего полотна.

На почве «социального реализма» вырастает искусство одного из крупнейших реалистических художников США — Рафаэля Сойера. Его полотна повествуют о горожанах Нью-Йорка («Зал ожидания», 1937; «Пассажиры автобуса», 1939; и др.). Картины Сойера имеют четко социальную направленность. На них мы видим рабочих — «забытых людей». Р. Сойер, проживший долгую и плодотворную жизнь, уже в наши дни так сказал о своей позиции: «Я предпочел быть реалистом и гуманистом в искусстве» [40]. Портреты, созданные его братом Мозесом Сойером,— достойное продолжение традиций Роберта Генри.

[40] American Painting, 1900—1970. N. Y., 1970, p. 101.

РАФАЭЛЬ СОЙЕР. ТРОЕ. 1935

Близок к «социальному реализму» негритянский художник Джекоб Лоуренс (р. 1917). Это художник-рассказчик, проявляющий большой интерес к социальным проблемам. Развернутое сюжетное повествование ведется Лоуренсом остро, темпераментно («Миграция», «Джон Браун» и др.).

Центральной фигурой «искусства черных» является Чарлз Уайт (р. 1918). Он воплощал в своих произведениях жизнь, труд и борьбу негритянского народа. Его творчество высоко оценили такие прогрессивные деятели американской культуры, как Поль Робсон, Гарри Белафонте, Рокуэлл Кент, Уильям Дюбуа. В 30-е годы Уайт начинает работать в графике, участвует в выставках, устраиваемых в галерее американских современных художников, вместе с Дж. Левиным, У. Гроппером, М. и

ЧАРЛЗ УАЙТ. СЫН ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ. 1942

Р. Сойерами, А. Рефрежье. В 1942—1943 гг. он служит в армии. В 1943 г. в Бостоне, в Институте современного искусства, была устроена его первая персональная выставка. Негритянский народ стал главным героем его графических листов и живописных полотен. Образы, созданные им, отмечены особой силой эмоционального напряжения, они величавы, в них чувствуешь мощь натуры и волю характеров. Сохранив свою идиоматичность, искусство негров оплодотворило культуру США, превратив ее в неповторимое в своем своеобразии явление.

Творчество Ч. Уайта удивительным образом сочетало в себе общечеловеческие проблемы с жизнью негритянского народа. Его произведения выделялись не только на фоне «искусства черных», но и в прогрессив-

ном искусстве США. Среди негритянских живописцев многие пошли по стопам американских художников-модернистов, и таким образом были утрачены национальные черты их творчества.

В плеяде «социальных реалистов» весьма характерной фигурой был Бен Шан. Его активная жизненная и эстетическая позиция отчетливо проявилась в первой же серии гуашей на социальную тему, посвященной Сакко и Ванцетти (1931—1932). Завершалась эта серия большой картиной, выполненной темперой,— «Страсти Сакко и Ванцетти». Многофигурная композиция построена по принципу монументальной росписи. В ней соединены разновременные действия. Логическим и композиционным центром являются фигуры Сакко и Ванцетти, как бы возвышающиеся на фоне свободно и широко написанного голубого неба. Слева от них, на фоне ярко-красной кирпичной стены, олицетворяющей кровь погибших, изображена группа людей, требующих свободу заключенным. И, наконец, справа, на фоне здания суда с портретом судьи Тэйера — два гроба с телами Сакко и Ванцетти, у которых стоят священник и судьи со скорбными выражениями лиц и нарциссами в руках. Правая часть композиции потрясает силой обличения. Внешняя благопристойность хранителей закона передана с нескрываемой иронией. Картина зовет на борьбу за права рабочего класса.

В 1938 г. на суд зрителей была представлена следующая серия из 15 гуашей и одной большой картины в темпере, посвященная памяти Тома Муни. Здесь продолжается обличение американского правосудия. После совместной работы с Д. Риверой в Рокфеллер-центр Шан создает ряд стенных росписей. Наиболее известной стала роспись темперой в Обществе охраны фермеров (1935—1938). «Демократия держится на нас» — эти слова Уитмена, написанные на стене, раскрывают идейное содержание композиции.

В своих лучших живописных и графических произведениях Шан уделял большое внимание психологической характеристике образа. Так были созданы реалистические полотна «Безработные» (1938), «Сварщики» (1940), рисунок для плаката «Мы требуем мира» (1946). Тема людей, физически и нравственно искалеченных войной, находит точное и эмоциональное решение в картине «Красная лестница» (1944), глубоко трагичной по своему звучанию.

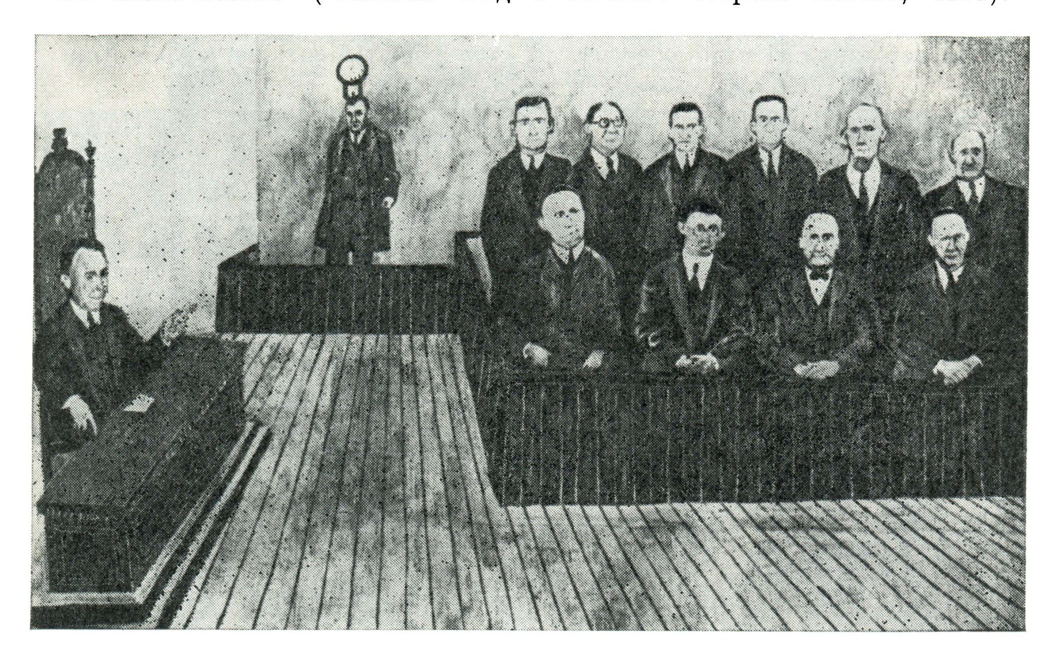
Шан не принадлежал к художникам-модернистам, и прежде всего потому, что для него социальный критерий являлся определяющим. Об этом он неоднократно говорил в лекциях для студентов, писал в статьях: «Все колеса бизнеса и рекламы крутятся день и ночь, чтобы доказать ложь, будто Америка улыбается. И они хотят, чтобы я добавил свои два процента. Ну нет!». Бен Шан, как и многие «социальные реалисты», стал впоследствии антифашистом.

Для истории реалистического искусства США особое значение имеет жизненный и творческий путь Рокуэлла Кента (1882—1971). Лауреат Международной Ленинской премии мира, председатель Общества американо-советской дружбы, Кент — гражданин и художник — крупнейшая фигура не только в искусстве США XX в., но и всей мировой культуры современности.

Кент закончил архитектурный факультет в Колумбийском университете, а затем учился у Роберта Генри, которым неизменно восхищался. По совету последнего Кент отправляется на о-в Монхеган (у берегов

штата Мэн), где впервые всерьез начинает заниматься живописью. В результате появились многие картины, среди которых выделяются «Труженики моря» (1907). Кент прекрасно чувствует глубину пространства. Его ви́дение обладает широтой, панорамностью, композиции тщательно продуманы и стремятся к беспредельности.

В 1918 г. Кент вместе с 9-летним сыном отправился на Аляску, где провел около года. Пейзажи, созданные им в то время, отличаются особой поэтичностью («Аляска. Вид с Лисьего острова зимой», 1919).

БЕН ШАН. СУД НАД Т. МУНИ. 1932—1933

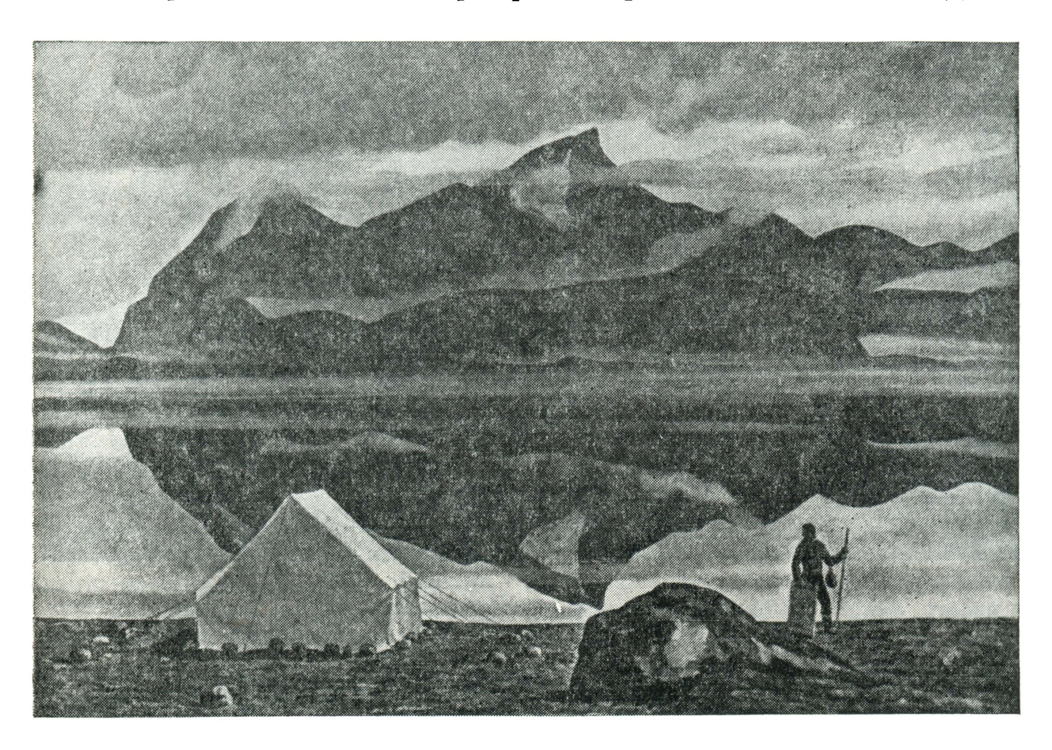
В живописи Кента начинает все больше звучать лирическое начало. Эта же черта отличает и рисунки к первой его книге «В диком краю» (1920). Человек и пространство, человек и мир, природная стихия — вот лейтмотив творчества Кента. «Я люблю точность мысли, силу и ясность выражения» — эти слова Кента могут быть поставлены эпиграфом почти ко всем произведениям художника.

Расцвет таланта художника приходится на 1929—1934 гг. В это время Кент создает знаменитый гренландский цикл («Художник в Гренландии», 1929; «Каяки», 1933; «Собаки в фиорде Кангендлуарссук», 1932—1933; «Возвращение охотника», 1933). В этих произведениях определилось своеобразие живописи Кента, острота видения натуры, ясная логика пространства, принципиальная контрастность колористических решений.

В графике излюбленной техникой Кента стала гравюра на дереве. Он был превосходным иллюстратором классиков европейской и американской литературы. Список книг, иллюстрированных Кентом, включает около 100 названий. Среди них Шекспир, Пушкин, Уитмен, Боккаччо, Гёте, Мелвилл, Чосер. Его иллюстрации отличают ясность, лаконич-

ность и выразительность. Пластика тела, твердая линия, точно передающая границы и контур форм,— неотъемлемые качества его работ. Их стиль складывается более всего из присущего Кенту чувства конкретности, ясности вúдения реального мира и его закономерностей. В 1929 г. в Нью-Йорке издается пушкинская «Гавриилиада» с иллюстрациями Кента, в мягком, певучем ритме рисунка которых ощущается прелесть пушкинского стиха. Затем выходит «Кандид» Вольтера, где в легких перовых рисунках передан иронический философский стиль писателя.

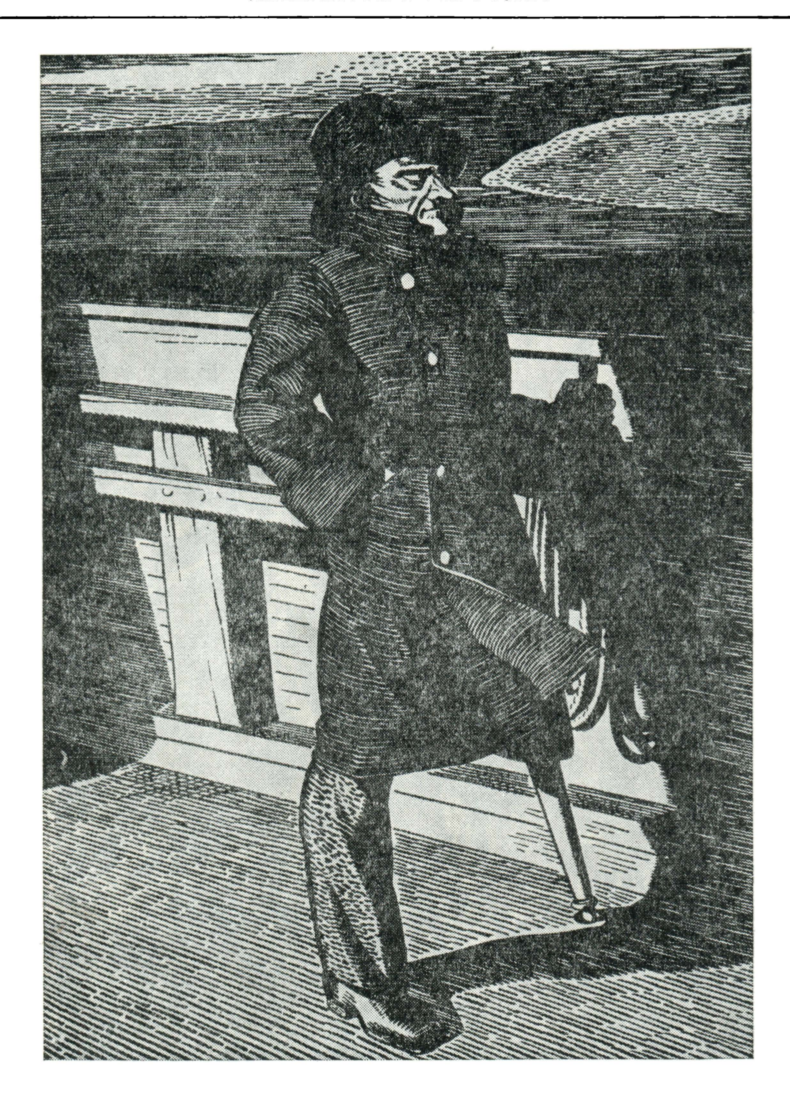
Но вершиной Кента-иллюстратора стал роман Мелвилла «Моби Дик»

РОКУЭЛЛ КЕНТ. ХУДОЖНИК В ГРЕНЛАНДИИ. 1929

(1930). Кенту свойственно свое, активное отношение к писательскому повествованию (это не исключает проникновения в идейный и образный мир писателя). Произошло столкновение мыслей, чувств писателя-романтика XIX в. и художника XX в. Графика Кента обрела патетическое звучание, ее стиль определился напряженным ритмом, конкретностью изображений, внутренней динамикой, осязаемой четкостью линий, сочетанием реального и фантастического. Кент создал свой «графический» роман. Кент иллюстрировал также «Листья травы» Уолта Уитмена.

В станковой графике во много определилась высокая мера гражданственного звучания его искусства. Кентовская концентрация чувств и идей нашла в ней высокохудожественное воплощение. Художником сильных страстей, большого темперамента предстает Кент и в многочислен-

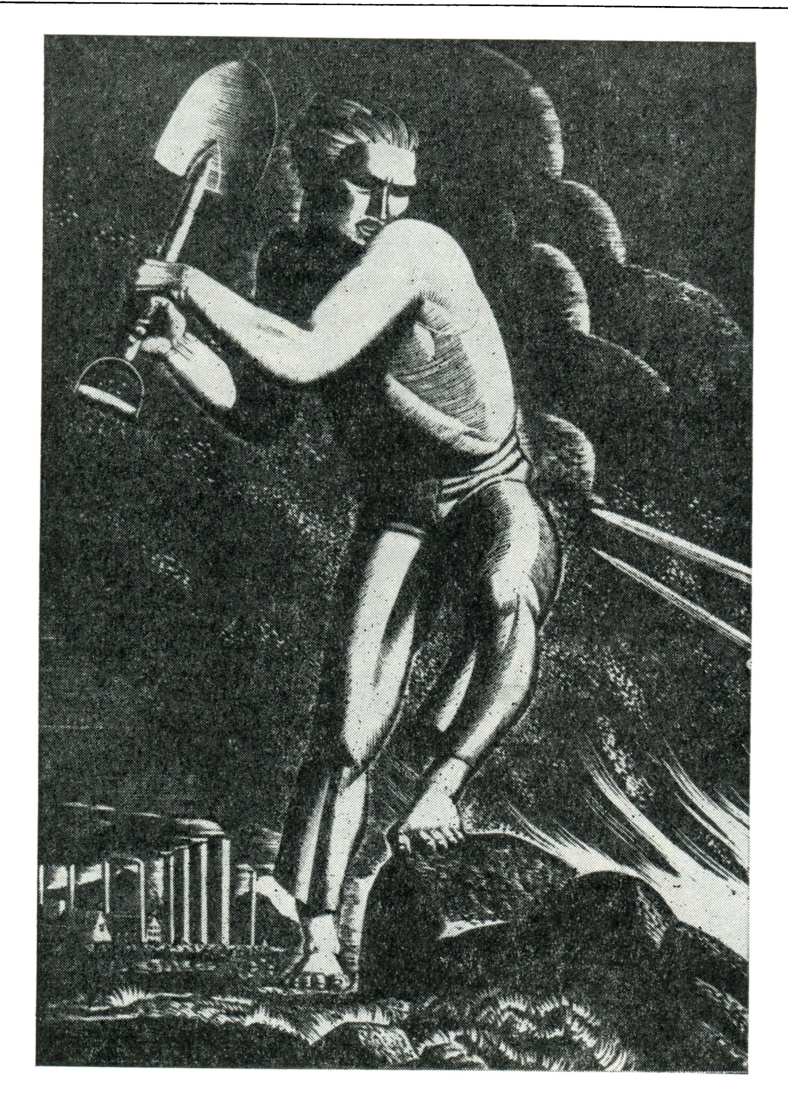

РОКУЭЛЛ КЕНТ. ИЛЛЮСТРАЦИЯ К «МОБИ ДИК» МЕЛВИЛЛА. 1930

ных литографиях («Вечная бдительность — залог свободы», «Закон Смита», «Пожар», «Прометей»). В этих работах проникновенно прозвучал призыв к свободе.

В годы второй мировой войны Кент создает призывные, динамичные листы. Символика, заложенная в них, наполнена огромным общественным звучанием (гравюра на дереве «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!», 1940). Монументальность кентовского стиля отчетливо проявляется в литографии «Европа» (1946). На останках каменных строений возвышается грузная и тяжелая фигура, как будто высеченная тоже из камня. Ее думы мрачны, она вся согнулась от прошедших лет войны.

Кент так определил свое творческое кредо: «...искусство — самое главное для нас, и поэтому мы должны любить и познавать жизнь. Это тре-

РОКУЭЛЛ КЕНТ. ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!
Гравюра на дереве, 1940

бование к каждому из нас. Это требование — преданно и с громадным уважением относиться к человеку и сделать все от нас зависящее, чтобы нас понимали» [41]. Самобытное творчество Рокуэлла Кента, пронизанное силой убеждений, четкостью гражданственных позиций, всегда было опорой для прогрессивного реалистического искусства в борьбе с модернизмом, представлявшим собой, по словам Р. Кента, «бесплодную и пустынную землю одиночества» [42].

---

[41] Цит. по: Памяти Рокуэлла Кента.— Искусство, 1972, № 7, с. 52.
[42] *Preiss D.* Rockwell Kent.— American Artist, 1972, Nov., p. 69.

Прогрессивному направлению — «социальному реализму» — противостоял «риджионализм», программа которого носила демагогический характер и была нарочито расплывчатой и неопределенной. Идеологами и ведущими художниками этого направления были Томас Харт Бентон (1889—1975), Грант Вуд (1892—1942), Джон Стюарт Кэрри (1897—1946), все — уроженцы Среднего Запада. Поддерживая лозунги «правых радикалов»: «Америка прежде всего», «Назад к земле», Бентон, Вуд, Кэрри занялись прославлением и идеализацией американского фермерского быта, а фактически пропагандой «американской исключительности». Их идеология была консервативной и реакционной.

Программа риджионалистов получила свое оформление в памфлете Вуда «Бунт против города» (1935) и в книге Бентона «Художник в Америке». Эти работы направлены против индустриальной цивилизации и европейского влияния во всех областях деятельности. Так, Бентон писал в своей книге: «...интеллигенция воспитана на странном смешении политических и эстетических доктрин, извлеченных из посредственного европейского философствования, более или менее обоснованного посредством различных вариантов мировоззрения Карла Маркса и его русских последователей» [43]. Труды Бентона и Вуда пронизаны воинствующим шовинизмом.

Вопреки их декларациям сами они в своем творчестве, особенно в ранний период, широко использовали принципы европейского модернизма, сочетающие элементы экспрессионизма, кубизма с натуралистичностью изображения.

Наиболее талантливым и интересным художником являлся Грант Вуд («Американская готика», 1930; «Дочери американской революции», 1932). В этих картинах с достаточной убедительностью проявилось мастерство Вуда и умение создать сильную сатиру. Вуд был и хорошим пейзажистом, действительно влюбленным в прерии Среднего Запада и американский ландшафт. Однако в большинстве работ Вуд предстает циничным, холодным художником. Все, что пишет Вуд, не может затронуть зрителя, ибо он сам как бы отстранен от изображаемого. Характерный пример — «Басня Пастора Вимса» (1939).

Бентон в основном работал в монументальной живописи и прославился фресками для публичных зданий. В его произведениях, гиперболических по стилю, крайне запутанных по форме, нашла ясное выражение программа риджионализма. Фрески проникнуты духом жестокости.

Художники Среднего Запада стали выразителями агрессивно националистических настроений. По их стопам пошли многие американские художники формалистической направленности.

В 30—40-е годы в американском искусстве сильное развитие получил абстракционизм. Во многом его распространению способствовали Ханс Хофманн (1870—1966) и Джозеф Олберс (1888—1972), приехавшие в США из Германии в начале 30-х годов. Олберс был связан со школой «Баухауз» [44] и увлекался чисто колористическими экспериментами.

---

[43] Модернизм: Сб. статей. М., 1980, с. 240.

[44] «Баухауз» — высшая школа строительства и художественного конструирования, основана в Веймаре в 1919 г. В 1933 г. упразднена фашистами. В разные годы руководителями были В. Гропиус, Х. Мейер, Л. Мис ван дер Роэ. «Баухауз» стал своеобразным идеологическим, производственным и учебным центром художественной жизни Западной Европы. Здесь были осуществлены идеи европейского

В творчестве Хофмана явно совместились принципы кубизма и фовизма. Американские искусствоведы называют его «ведущим теоретиком абстрактной живописи»[45]. В 1936 г. в Нью-Йорке возникло общество абстракционистов (ААА), а затем на средства Гугенгейма и Рокфеллера были созданы музеи беспредметной живописи (1937) и современного искусства (1939). Таким образом, процветанию абстрактного искусства в Соединенных Штатах содействовало покровительство монополий. С самого

ГРАНТ ВУД. ДОЧЕРИ АМЕРИКАНСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ. 1932

начала абстракционизм ведет острую идеологическую борьбу против социалистического реализма, которая особенно усилилась в годы «холодной войны».

Во второй половине 30-х годов в живопись США проник сюрреализм, его приверженцами и выразителями стали Джордия О'Кифф (1887—1973) и Питер Блюм (р. 1906). В 1936 г. в Нью-Йорке была организована международная выставка сюрреализма. С 1941 г. в Нью-Йорке жил и работал Андре Бретон и его европейские приверженцы. С 1942 г. ими издается журнал с бравурным названием «VVV» — «Тройное В», т. е. тройная победа. Затем на почве сюрреализма в США возник «абстрактный экспрессионизм». Его крупнейший представитель — Аршил Горки (1904—1947).

Американские прогрессивные художники приняли самое активное участие в борьбе представителей мировой культуры против фашизма. Так, 14 февраля 1936 г. в Нью-Йорке открылся съезд американских художников. На съезде присутствовало около 400 живописцев, скульпторов, графиков, среди которых были и мексиканские художники. Секретарь конгресса известный живописец Стюарт Дэвис сказал: «Американ-

функционализма 20-х годов. В области изобразительного искусства деятельность «Баухауз» была весьма противоречивой.

[45] American Painting, 1900—1970, p. 119.

ские художники пробудились от модернистского искусства, от сна, в котором находились с 1913 г., после выставки Армори Шоу, они обратились к социальной действительности. Наш конгресс является самым представительным за последние годы. Сегодня мы должны бороться за мир и безопасность, которые так необходимы и художникам» [46].

На съезде собрались люди близких политических взглядов и разных художественных принципов — Питер Блюм и Мозес Сойер, Стюарт Дэвис, Рокуэлл Кент, Антон Рефрежье, Джордж Бидл, Хьюго Геллерт, Уильям Гроппер и др. Все они были едины в стремлении встать в ряды антифашистского фронта. В резолюции конгресса 1936 г. говорилось: «Настало время для людей, которые любят жизнь и культуру, поднять свой голос и быть готовыми защитить человеческое общество» [47].

В дни войны в Испании американские графики и живописцы были в числе тех, кто сражался за свободу. У. Гроппер, Р. Майнор, Ф. Бард в 1936—1937 гг. были в составе американской бригады имени Авраама Линкольна. Слова «Фашизм не пройдет» стали девизом их творчества. Вместе с деятелями Компартии США художники-антифашисты Р. Кент, А. Рефрежье, Р. Сойер и многие другие вели большую общественную работу. В 1939—1945 гг. в «Нью мэссиз», «Уоркер» публикуются гневные антифашистские рисунки и карикатуры Ф. Эллиса, У. Гроппера, Х. Геллерта. В Нью-Йорке была открыта «Народная галерея», где экспонировались произведения прогрессивных мастеров. Одна из выставок американских революционных графиков так и называлась: «Америка сегодня. Против войны и фашизма».

Американская скульптура не получила в первой половине XX столетия большого развития. Тем не менее реалистические традиции выдающегося американского скульптора XIX в. Сент-Годенса продолжали в этот период скульпторы младшего поколения — Джордж Грей Барнард (1863—1938), создатель мраморной головы президента Линкольна, Джо Дэвидсон (1883—1952), исполнивший бюсты многих выдающихся деятелей искусства, литературы, науки («д-р Альберт Эйнштейн», 1934, портреты Г. Стайн, А. Франса и др.). В Филадельфии работали Гарри Розин и Александр Кодлер-старший (1870—1945).

В различных стилях и материалах выступали скульпторы Джекоб Эпстайн (1880—1959), Эли Надельман (1882—1946), Гастон Лашез (1882—1935). Реалистические принципы разрабатывались в творчестве Митчелла Филдса, Минны Гаркави. В их произведениях зачастую звучат общественно-социальные мотивы. Филдсу принадлежит «Портрет негра», Гаркави — правдивый, сдержанный по характеру «Портрет Холла Джексона», экспрессивная «Голова рабочего». Среди скульпторов-реалистов середины века выделяется Уильям Зорах (1887—1966), работавший в дереве и камне, автор статуи «Победа» (1945).

Взлет теоретической и художественной мысли испытывает в 1918—1945 гг. американская архитектура. В 20-е годы застройка американских городов носила стихийный характер. В Нью-Йорке, Чикаго интенсивно возводились небоскребы. Архитекторам пришлось столкнуться с трудностями капиталистического города. И тем не менее это время отмечено рядом значительных достижений в американской архитектуре.

---

[46] Цит. по: *Larkin O.* Op. cit., p. 431.
[47] The Artist's Congress.— New Masses, 1936, Febr., p. 17.

В США из нацистской Германии в 1937—1938 гг. прибывают крупные архитекторы Вальтер Гропиус (1883—1969) и Людвиг Мис ван дер Роэ (1886—1969). Продолжает работать и Ф. Л. Райт. В. Гропиус, известный тогда как автор и теоретик «Баухауз», был приглашен на должность профессора архитектуры в Гарвардский университет. Пропагандист «тотальной архитектуры», Гропиус большое внимание уделял разработке теоретических вопросов, связанных с возможностями и задачами искусства в индустриальном обществе. Он пользовался огромным авторитетом среди американских архитекторов, являясь с 1938 по 1952 г. президентом Американского института архитекторов.

Гропиусу принадлежит осуществление ряда проектов, часть из которых создавалась в соавторстве с М. Брейером (1939 г.— павильон штата Пенсильвания на Всемирной выставке в Нью-Йорке). В 1942 г. Гропиус в соавторстве с Ваксманом проектирует ряд зданий для г. Линкольн (штат Массачусетс), затем создает экспериментальные жилые дома Лонг-Айленда (штат Нью-Йорк).

Людвиг Мис ван дер Роэ — один из основоположников рационалистической архитектуры — был приглашен возглавить архитектурное отделение технологического института в Чикаго. В последующие десятилетия в Иллинойском технологическом институте был создан один из влиятельных центров подготовки американских архитекторов. Строительство зданий комплекса данного института (1939—1957) стало первой крупной практической работой Мис ван дер Роэ в США. Именно здесь определилась главная архитектурная тема его построек американского периода. В основу положен принцип универсальности пространства его знаменитого барселонского павильона (павильон Германии на Международной выставке в Барселоне, 1929). При проектировании комплекса вводится единый вертикальный модуль, а также в качестве основы здания применяется металлический каркас, при котором членение пространства перегородками не является незыблемым. Этот каркас использован и в качестве единого стилеобразующего приема. В дальнейшем архитектор предложил использовать универсальный металлический каркас со стеклянным заполнением для строительства высотных зданий разнообразных функций. «Мы не позволим функциям диктовать нам план,— писал архитектор.— Вместо этого запроектируем пространство, приемлемое для различных функций» [48]. Влияние мисовской концепции было чрезвычайно сильным в США.

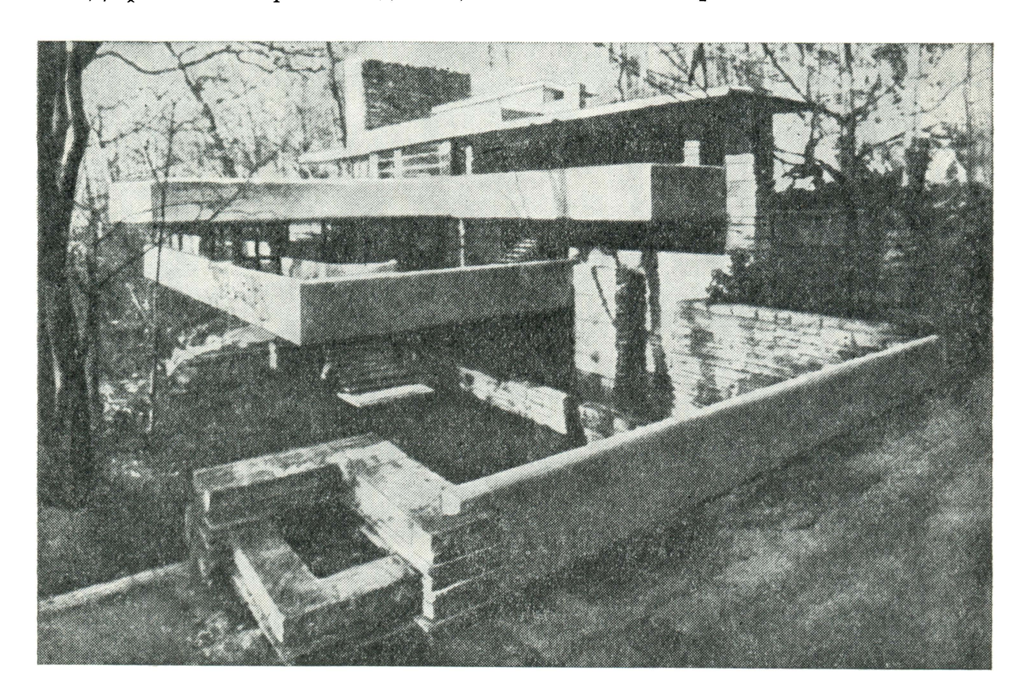
Особого внимания заслуживает в эти годы деятельность Ф. Л. Райта, остававшегося на родине непризнанным одиночкой. Райт продолжал разрабатывать идею «органичной архитектуры». «В органичной архитектуре совершенно невозможно рассматривать дом как одно, его меблировку — как другое, а окружение — как третье... Все это должно стать деталями целого...» [49] Архитектура, по мнению Райта, должна быть органичной, естественной. В отличие от европейских архитекторов Райт полагал, что «форма и функция едины». Он выступал против «международного стиля», за национальное своеобразие архитектуры. Яркой творческой индивидуальностью мастера отличается, например, Тейлизин-Норз (штат Висконсин, 1925) — дом Райта с мастерской и помещениями

---

[48] *Мачульский Г. К.* Мис ван дер Роэ. М., 1969, с. 75.
[49] *Гольдштейн А. Ф.* Франк Ллойд Райт. М., 1973, с. 60.

для сотрудников, где была воплощена его идея слияния архитектуры с природой. В 30-е годы среди осуществленных проектов Райта выделяются «Дом над водопадом» (особняк Кауфмана, Пенсильвания-Вудс, 1936), Тейлизин-Вест (штат Аризона, 1938—1959), административное здание фирмы Джонсона (г. Расин, штат Висконсин, 1936—1939).

Заслуживает внимания также деятельность Э. Сааринена (1873—1950), финна по происхождению, занимавшегося проблемой облика небо-

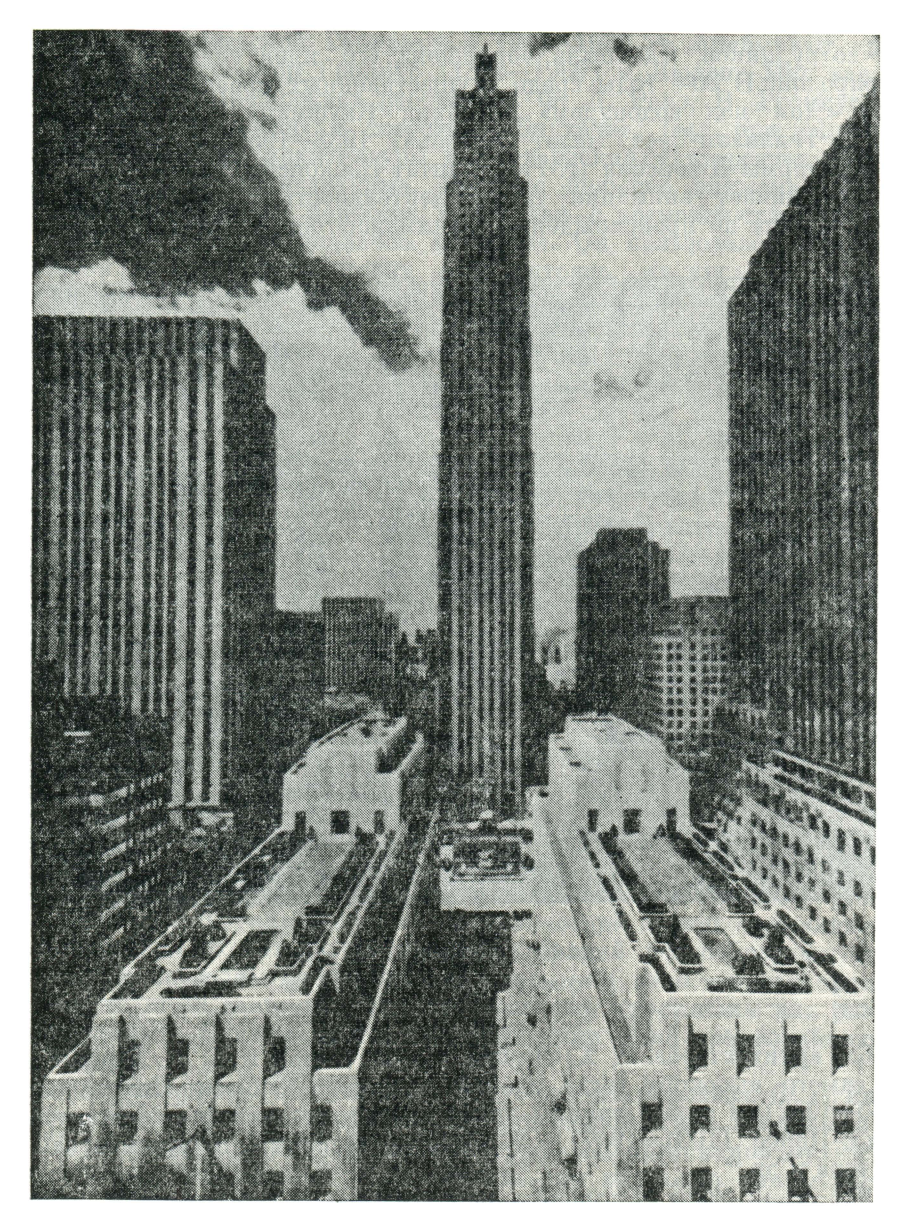

ДОМ НАД ВОДОПАДОМ. 1936
(архитектор Ф. Л. Райт)

скреба, архитекторов Р. Х. Шрива, У. Ф. Лэмба и А. Л. Хэрмона, авторов самого высокого тогда здания в мире — «Эмпайр Стейт билдинг» (1930—1932), а также группы архитекторов, создавших Рокфеллер-центр в Нью-Йорке (1931—1947),— Э. Рейнгардта, У. К. Гаррисона, Г. Гофмейстера и др.[50]

1918—1945 годы насыщены значительными событиями в искусстве США. Полностью преодолевается изоляция американской культуры от европейской. Создание на американской земле выставок международного искусства, приезд в США европейских художников, активизация действий коллекционеров, открытие музеев современного искусства — все это приводит к оживлению художественной жизни в стране. Особое распространение получает модернизм в различных проявлениях — от повторения пройденного европейскими художниками до создания собственных формалистических течений. В американском официальном искусстве нара-

[50] *Иконников А. В.* Архитектура США. М., 1979.

РОКФЕЛЛЕР-ЦЕНТР В НЬЮ-ЙОРКЕ. 1931—1947
(архитекторы Э. Рейнгардт, У. К. Гаррисон, Г. Гофмейстер и др.)

стают тенденции, враждебные гуманизму и ведущие к девальвации истинных духовных ценностей.

Особого внимания заслуживает развитие реалистического искусства данного периода. В это время рождается революционное искусство, поддерживаемое Коммунистической партией США. В эти же годы появ-

ляются такие имена, как Дж. В. Беллоуз, Р. Кент, Э. Хоппер, Б. Шан, Р. Сойер — художники разных творческих индивидуальностей, дающие полное представление о своеобразии, многогранности и жизнестойкости реализма. В историю мировой архитектуры вошли лучшие достижения градостроительства в США первой половины XX столетия.

В истории искусства США первой половины XX в. выявились противоречия, свойственные буржуазному обществу в целом. Острая борьба прогрессивного и реакционного искусства отразила идеологические и эстетические процессы своего времени.

4. МУЗЫКА

В сложной и противоречивой обстановке 20-х годов формировалось мировоззрение и начиналась деятельность нового поколения американских композиторов. По традиции американцы совершенствовали музыкальное образование в Европе. Если в XIX в. музыканты из США учились преимущественно в консерваториях Германии, то в 10—20-е годы XX в. их более привлекал Париж, на интернациональной почве которого утверждались новейшие направления искусства. Этой переориентации интересов музыкантов способствовало также открытие в 1921 г. Американской консерватории в пригороде Парижа Фонтенбло.

Занятиями студентов по гармонии со дня основания учебного заведения руководила Надя Буланже (1887—1979) — замечательный музыкант, дирижер, органистка. С именем этого талантливого педагога связана судьба целой группы американских композиторов, именовавших себя «буланжистами». Среди них Аарон Копленд, Рой Харрис, Уолтер Пистон, Дуглас Мур, Вирджил Томсон, Джордж Антейл, Коул Портер, Эллиот Картер, Марк Блицстайн, Эли Сигмейстер. Многие из них в воспоминаниях о Наде Буланже выражают уважение и восхищение ее энциклопедическими знаниями, редким педагогическим мастерством. Надя Буланже, увлеченная, как и многие музыканты Парижа, музыкой Стравинского и Прокофьева, передала это увлечение молодым американцам. Она познакомила их с новейшими сочинениями молодых французских композиторов группы «Шести», лучшими сочинениями композиторов нововенской школы.

Естественно, в этот период появляются сочинения, созданные под влиянием музыкальных новаций европейских авторов. Примерами являются Первая симфония, балет «Грог», «Музыка для театра» и фортепьянный концерт А. Копленда, концерт для фортепьяно, кларнета и струнного квартета, «Триптих» для меццо-сопрано с фортепьяно на стихи У. Уитмена Р. Харриса, сюрреалистическая опера «Четверо святых в трех действиях» В. Томсона, музыка Р. Сешнса к символической драме Л. Андреева «Черные маски», «Механический балет» Дж. Антейла, Первая симфония, фортепьянная соната Э. Картера.

Роль Нади Буланже, воспитавшей плеяду французских музыкантов, особенно значительна в становлении молодой композиторской школы США. Она постоянно развивала и укрепляла в учениках веру в творческие силы и возможности, утверждала их тяготение в творчестве к национальной самобытности. Американцы с любовью называли ее «крестной матерью новой американской музыки».

Вернувшись в США, многие «парижские» американцы посвятили

себя делу развития национальной музыки. С. С. Прокофьев писал: «В настоящее время в США чувствуется огромная жажда создать свою американскую музыку, я бы сказал — тоска по композитору. И если это еще не нашло себе полного воплощения, то частичный подъем американского творчества вполне осязаем» [51].

Развитию музыки в США способствовал возникший в 20—30-е годы ряд музыкальных организаций. Многие композиторы стали активными деятелями в сфере защиты профессиональных прав своих коллег.

В 1922 г. создана «Международная гильдия композиторов» (International Composers Guild), объединившая передовых музыкантов во главе с Эдгаром Варезом. В 1923 г. образовалась Лига композиторов, в состав которой входили Уоллингфорд Риггер, Чарлз Сигер, Лан Адомян, Лоуренс Геллерт, Генри Кауэлл, Эли Сигмейстер, Марк Блицстайн и др.[52] Эти объединения были поддержаны музыкальными критиками и редакцией журнала «Модерн мьюзик» (Modern music, 1924—1946). Главной задачей этих организаций являлась пропаганда национальной музыки. В 1928—1931 гг. Р. Сешнс совместно с А. Коплендом организовал и руководил «Копленд-Сешнс» концертами для исполнения преимущественно современной американской музыки. Некоторые крупнейшие радиостанции стали включать в программы не только классическую музыку, но и сочинения современных американских композиторов. Радио сделало американскую музыку более доступной широким массам. Члены Лиги композиторов принимали также активное участие в рабочем музыкальном движении.

История рабочего движения в США тесно связана с развитием политической песни протеста, в которой особенно ярко проявились прогрессивные традиции музыкального искусства США. Именно рабочее движение выдвинуло политическую песню на передний край борьбы за свободу и демократию. Песни, постоянно сопутствующие забастовкам, стачкам, митингам американских рабочих, часто создавались не профессиональными поэтами и музыкантами, а самими пролетариями. Новые тексты приспосабливали к мелодиям известных народных песен. В политических песнях протеста запечатлены наиболее яркие страницы истории рабочего движения. В 20-е годы в США получили распространение революционные песни рабочих России: «Варшавянка», «Смело, товарищи, в ногу», «Интернационал», «Вы жертвою пали», «Рабочая Марсельеза» и др. Политическая массовая песня 30-х годов вступает в новую фазу развития. Она становится активным средством идеологического воздействия и воспитания широких народных масс. Характерным для США стал жанр песни протеста, в котором общедоступность сочетается с идейной наполненностью.

Песни протеста были основным жанром пролетарской музыки в США. В 1934—1935 гг. Рабочая музыкальная лига выпустила две «Книги рабочих песен» (№ 1, 2). Тогда же появились сборники массовых песен для демонстраций, в которые вошли песни А. Копленда, Э. Сигмейстера, Г. Эйслера, Л. Адомяна, Э. Робинсона. Профсоюзные песни протеста неизменно сопутствовали крупным забастовкам и демонстрациям.

---

[51] *Прокофьев С.* Музыкальная Америка.— Интернациональная литература, 1939, № 7/8, с. 289.

[52] В 1929 г. начинает функционировать кооперативное издательство «Кос Коб пресс», издававшее музыку только американских композиторов.

охватившим страну в 1934 г., таким, как всеобщая забастовка в Сан-Франциско, стачка текстильщиков и др. В «Книги рабочих песен» были включены и произведения, связанные с борьбой Единого фронта против войны и фашизма, посвященные памяти героев американской классовой борьбы (Джон Рид, Харри Симс, Элмер Сперри и Ник Коундеракис), высмеивающие бонз американского капитализма. Опубликованы были также популярные песни рабочих Германии, Монголии, Красного Китая, песни советских композиторов.

В 30-е годы значительное место в концертных программах рабочих организаций заняла советская песня. В США были исполнены песни «Конная Буденного» А. А. Давиденко, «Песня о Родине» И. О. Дунаевского, «От края и до края» И. И. Дзержинского, «Песня о встречном» Д. Д. Шостаковича, песни и хоры М. В. Коваля, Д. Я. Покрасса, Н. К. Чемберджи, других советских композиторов. В СССР в 1933 г. в издательстве «Музгиз» вышел «Международный сборник революционных песен», содержащий песни международного пролетариата в обработке советских композиторов. Американская песня была представлена сочинениями Я. Шейфера «Красноармеец-большевик» и Л. Адомяна «Голодный поход», а также 16 негритянскими песнями протеста, собранными и записанными Л. Геллертом. В дальнейшем американские песни публиковались на страницах журнала «Советская музыка».

При поддержке профсоюзных организаций в 30-е годы в США развивается рабочее хоровое движение. Если раньше профсоюзы считали своей главной задачей защищать экономические требования рабочих, то в 30-е годы более дальновидные и прогрессивные руководители профсоюзов предусматривают различные мероприятия в области музыкального образования и воспитания рабочих. Примером этого явилась деятельность Объединенного союза меховщиков в Нью-Йорке, организовавшего оркестр и хор профсоюза. Известность получил и хор Манхэттена — одна из первых рабочих певческих групп Нью-Йорка. Эти коллективы посвятили себя преимущественно исполнению американской музыки, рабочих и антивоенных песен. Руководители хора проводили занятия по обучению нотной грамоте, используя свободное от работы время.

Видным деятелем рабочего хорового движения США был Якоб Шейфер (1888—1936). Хоровой дирижер и композитор из рабочей среды, он был инициатором создания любительских хоров в Чикаго, активным пропагандистом советской песни. Таким образом, в 30-е годы образуется сеть рабочих хоров и самодеятельных коллективов, объединивших людей разных национальностей и профессий, которые имели в своем репертуаре политические песни протеста, массовые пролетарские песни.

Прогрессивные музыканты США приняли участие в работе созданного в 1932 г. Международного музыкального бюро, ставившего перед собой задачи сплочения в единый фронт всех пролетарских и революционных музыкантов и привлечения широких кругов трудовой музыкальной интеллигенции в рабочие организации, создания музыки, с особой остротой разоблачающей классовые противоречия капитализма, и обмена опытом музыкальной работы. Международное музыкальное бюро разработало серию музыкальных программ по революционной тематике для радио. В 1934 г. радиостанция имени Коминтерна неоднократно транслировала концерты, в которых исполнялись произведения Г. Эйслера, Ф. Сабо, Л. Адомяна, Я. Шейфера и др.

В 30-е годы многие композиторы и певцы приняли участие в музыкально-общественных организациях и прогрессивных периодических изданиях Компартии США. В 1931 г. были созданы «Клуб имени Пьера Дегейтера» и Рабочая музыкальная лига, которые провели большую организационную работу по объединению рабочих музыкальных союзов под лозунгом «Музыка — орудие классовой борьбы». В 1933 г. в Нью-Йорке состоялась первая рабочая музыкальная олимпиада, где выступили хоры, оркестры, пианисты и скрипачи из разных стран. Олимпиада закончилась выступлением гигантского хора в 1 тыс. голосов, исполнившего массовые песни.

Инициаторами создания и участниками этих организаций были композиторы и музыканты Аарон Копленд, Рой Харрис, Марк Блицстайн, Эли Сигмейстер, Генри Кауэлл, Якоб Шейфер, Чарлз Сигер, Джон и Алан Ломаксы, Лан Адомян, Эрл Робинсон, Уоллингфорд Риггер, которые считали своей главной задачей создание новой, пролетарской музыки. Они писали массовые песни, хоровые и вокально-инструментальные сочинения для рабочей аудитории, такие, как кантата Я. Шейфера «Песнь о буревестнике» на слова М. Горького, песня А. Копленда «Первое Мая».

Один из учеников Копленда — Сигмейстер в начале 30-х годов побывал в Советском Союзе, где познакомился с музыкальной жизнью страны, творчеством советских композиторов и подружился с музыкантами молодого социалистического государства. В статье «Мой творческий путь», написанной по просьбе редакции журнала «Советская музыка», он отмечал: «В моем творческом методе и идеологии произошли коренные перемены. Я пришел к полному осознанию необходимости создания музыки, базирующейся на социальном, революционном, пролетарском содержании...» [53]. Интерес к широким демократическим жанрам был созвучен веяниям времени. В эти годы появились песни Сигмейстера на злободневные политические и социальные темы: «Узники Скотсборо не умрут» о расовой дискриминации негров, «Странные похороны в Браддоке» на стихи М. Голда — песня, выражающая протест американских рабочих против жестоких условий труда, «Песня демократии».

В 1936 г. «Клуб имени Пьера Дегейтера», его отделения в других городах и Рабочая музыкальная лига были реорганизованы и на их основе возникла Американская музыкальная лига. Она продолжила работу предшествующих музыкальных рабочих организаций по привлечению профессиональных композиторов и музыкантов для работы с самодеятельными кружками.

Американская музыкальная лига имела свой печатный орган — бюллетень «Унисон», первый номер которого вышел в мае 1936 г. В передовой статье, озаглавленной «Лига смотрит в будущее», были сформулированы основные цели лиги. Все пункты программы отражали прогрессивный характер этой организации. Ее члены показали, что только тесное сотрудничество выдающихся профессиональных музыкантов с массовыми организациями, особенно профсоюзными, будет способствовать плодотворному развитию музыкальной жизни страны.

Тенденции демократического движения нашли отражение и в музыкально-сценических произведениях. Огромное воздействие на музыкаль-

---

[53] Советская музыка, 1934, № 11, с. 41.

ный театр США оказала американская литература протеста (Дж. Стейнбек, Э. Хемингуэй, Л. Хелман, М. Голд). Поиски американских композиторов в области музыкального театра опираются на достижения драматургии Б. Брехта, системы К. С. Станиславского. В эпоху «красных тридцатых» появилось много музыкально-сценических произведений социально-обличительного характера (ревю, оперетт, мюзиклов, пьес с музыкой и др.), пользующихся огромным успехом у публики.

Признание этих многочисленных жанров массовым зрителем в период поиска художниками более тесных контактов с аудиторией подсказало некоторым композиторам левой ориентации идею создания «красной оперетты», политического, или «красного», ревю, мюзикла остро сатирического содержания, стимулом для которых были общественно-политические события 30-х годов. В сфере этих жанров наиболее отчетливо проявилась прогрессивная тенденция американского музыкального театра. Одним из ранних образцов «красной оперетты» явилась «Последняя революция», созданная композитором Р. Либихом [54] и писателем-коммунистом М. Голдом. В жанре «красного ревю» огромную популярность завоевала сатирическая пьеса «Булавки и иголки» Г. Рома, созданная по заказу профсоюза швейников и отмечаемая критиками как «уникальное явление в истории американского театра» [55]. По просьбе Ф. Рузвельта пьеса с успехом была исполнена в Белом доме (1938).

Широкую известность получили пьесы с музыкой М. Блицстайна «Приговоренные» (1930) — о казни Сакко и Ванцетти, «Колыбель будет качаться» (1936) — о борьбе рабочих за создание профсоюзов, «Нет вместо ответа» (1941) — о борьбе рабочих против жестокой эксплуатации и др. Эти пьесы с музыкой, синтезирующие черты оперы и мюзикла, менестрельной комедии и политического ревю и т. п., были поставлены любительскими коллективами в рабочих клубах и театрах. Остросоциальные сюжеты и общественная значимость музыкально-сценических произведений М. Блицстайна дают возможность поставить их в один ряд с прогрессивными образцами американской литературы, такими, как «Гроздья гнева» Дж. Стейнбека, «По ком звонит колокол» Э. Хемингуэя, пьес «Проснись и пой», «В ожидании Лефти» К. Одетса, «Порги» Д. Хейварда, «Лисички» Л. Хелман и др. Пьесы с музыкой Блицстайна по праву называют «значительной вехой в истории американского театра» [56].

Общественная активность американских композиторов в рабочем музыкальном движении благотворно повлияла на их творчество. Но не все из них открыто примкнули и последовательно были верны духовным идеалам рабочего движения. Некоторые, обращаясь к социальным темам, сохраняли политический нейтралитет, и не случайно, что позднее они отошли от рабочего музыкального движения, повернув резко вправо. Самыми верными и последовательными участниками оставались Сигмейстер, Блицстайн, Харрис.

В 30-е годы в США эмигрировали многие европейские музыканты и композиторы, покинувшие свои страны в период разгула реакции и ста-

[54] Рудольф Либих — американский композитор, входивший в «Клуб имени Пьера Дегейтера», принимал участие в обработке революционных песен, преподавал в рабочей школе, член Лиги молодых рабочих Америки.

[55] *Jablonski E.* The Encyclopedia of American Music. N. Y., 1981, p. 429.

[56] *Engel A. L.* The American Musical Theater. N. Y., 1975, p. 154.

новления фашистской диктатуры в Германии. Среди них автор революционных песен, имевший большой опыт работы в хоровых коллективах Берлина, Ганс Эйслер. Он совершил концертную поездку по США, исполняя и пропагандируя хоровую музыку немецких, американских и советских композиторов. Сбор за концерты Эйслер отдал в фонд защиты детей, пострадавших от нацистов. Он знакомит американских композиторов с традициями пролетарских музыкальных организаций Германии, жанром боевых революционных песен, активно включается в работу Рабочей музыкальной лиги, помогая ей в создании репертуара.

В 30-е годы развивается американское музыкознание, которое как самостоятельный вид искусствознания не существовало до первой мировой войны. Становлению и подъему музыкальной науки способствовало созданное в 1934 г. Американское музыковедческое общество. Среди музыковедов первой половины XX в.— Поль Хенри Ланг, Оскар Соннек, Густав Риз, Дональд Гроут, Оливер Странк и другие, создавшие работы по истории музыки. После 1933 г. в США эмигрировали Курт Закс, Эдвард Ловински, Манфред Букофцер, Вилли Апель, Альфред Эйнштейн, Нино Пиротта, Феликс Зальцер, Пауль Беккер и другие, успешно работающие в различных областях музыкознания. Проблемы американской музыки XX в. разработаны в трудах У. Остина, У. Хичкока, П. Г. Ланга, Г. Чейса, У. Меллерса, Д. Юэна и др. Интерес представляет деятельность Оскара Томпсона, Николаса Слонимского и Дэвида Юэна в области лексикографии и справочных изданий.

Из специальных музыкальных периодических изданий США ведущее место принадлежит журналу «Мюзикл куортерли», который возглавляет издательская фирма Г. Ширмера. Под многолетним руководством выдающихся музыковедов О. Соннека (1915—1928), К. Энгела (1928—1944), Г. Риза (1944—1945), П. Г. Ланга (1945—1974) журнал приобрел всеобщее признание. Специальными музыковедческими изданиями являются журналы «Ноутс», «Перспектив оф нью мьюзик», «Каррент мьюзиколоджи», издаваемый колумбийским университетом Нью-Йорка, «Джорнал оф мьюзик теори» и «Колледж мьюзик симпозиум».

Большая работа ведется в области подготовки изданий исторических антологий с иллюстрирующими пластинками. Американское музыковедение поддерживается также университетскими издательствами, которые публикуют многие книги и исследования, отклоненные коммерческими издателями. Из частных издателей, специализирующихся на музыке, можно назвать Нортон, Кнопф, Прентис-Холл, Мак-Гроу-Хилл, Симон энд Шустер, перепечатки и факсимиле выпускают Доувер и Да Капо пресс.

В 20—30-е годы повысился интерес к традиционному национальному песенному искусству. Среди различных жанров американского фольклора в 20-е годы широкое распространение получила кантри-мьюзик. Ранний стиль кантри-мьюзик, известный под названием хилбилли (hillbilly), сформировался в среде белых сельских жителей изолированных горных районов Аппалачских гор (штаты Виргиния, Теннесси, Северная Каролина). Кантри-мьюзик, как и некоторые другие, возникла на основе традиций англокельтских песен и баллад. Содержание песен часто связано с лирическим повествованием, иногда это жанровые юмористические сценки или колыбельные песни. Традиционными инструментами кантри-мьюзик являются банджо, фидль, гитара, мандолина.

С 1925 г. регулярно проводятся фестивали-концерты кантри-мьюзик в Нашвилле (штат Теннесси). Одним из первых исполнителей кантри был Джимми Роджерс, вошедший в историю США как «отец кантри-мьюзик». Певец оставил много обработок песен-кантри. В дальнейшем кантри испытывает различные влияния, особенно городских жанров американской музыки. В связи с развитием демократического движения в песнях-кантри усиливается социальная тематика. «Кантри-мьюзик» в 30—40-е годы дала жизнь новым жанрам: блюграсс (bluegrass) — песенный и инструментальный стиль горных жителей Аппалачей, honky-tonky (песни Западного Техаса), ковбойские песни, кантри-блюз, ритм-энд-блюз и др.

Позднее возникает коммерческий вид кантри-мьюзик, который, как и многие другие виды коммерческой музыки США, тесно связан с развлекательно-промышленным комплексом Тин-Пэн-Элли, организованным в 20-е годы в Нью-Йорке, объединяющим издательские фирмы, нотные магазины, фирмы грампластинок легкой музыки. Коммерческий вид любого песенного жанра США подвергается аранжировке, приводится в соответствие со стандартами развлекательной музыки (гармонизация, оркестровка), часто дополняется элементами других жанров популярной музыки. Тем самым традиционные песни США теряют своеобразие и оригинальность, поэтому коммерческие виды представляют наименьший интерес в изучении песенного и танцевального искусства США.

Известные американские фольклористы Ч. Сигер, Л. Геллерт, Дж. и А. Ломаксы записали огромное количество трудовых, тюремных, матросских песен, повествующих об изнурительных условиях труда, бесправном положении черных рабов, выражающих свое негодование против угнетателей. Появляются сборники негритянских песен протеста. В 1927 г. К. Сэндберг опубликовал «Мешок американских песен». Затем появились сборники музыкального фольклора США «Американские баллады и народные песни», записанные, собранные и изданные Ломаксами в 1934 г. В 1940 г. Э. Сигмейстер совместно с О. Даунсом выпустил сборник песен и баллад «Сокровищница американских песен». В 1939 г. вышел сборник негритянских песен протеста, озаглавленный «Me and My Captain», в котором содержится 24 песни из коллекции фольклориста и композитора Геллерта в обработке для голоса и фортепьяно Адомяна. Во вступлении к сборнику Геллерт пишет, что в этих песнях отражена жизнь несчастных негров, зажатая в кулаках южного «правосудия».

На основе различных жанров американского фольклора в США в конце 30-х — в 40-е годы развивается сольная политическая эстрадная песня. Это направление получило название движение «фолкников». «Фолкники» создают песни, близкие фольклору и социальные по содержанию. Чаще всего они обращаются к стилю кантри-мьюзик. Являясь одновременно поэтами, композиторами и исполнителями, «фолкники», развивая традиции ирмовцев, выступают, аккомпанируя себе на гитаре и банджо. Это движение выдвинуло таких выдающихся исполнителей, как Вуди Гатри, Пит Сигер, Джимми Гарланд, Хэдди Ледбеттер и др. Многие из них включали в свой репертуар песни других народов, в том числе и песни советских композиторов — Д. Д. Шостаковича, А. А. Давиденко, И. О. Дунаевского, В. Г. Захарова и др.

Развитие американской музыки после первой мировой войны тесно

связано с историей джаза (профессионального музыкального искусства), который получил широкое распространение не только в США, но и в Западной Европе. В джазе особенно остро воплотился бурный и болезненный переворот в оценке идейных ценностей, типичный для 20-х годов. Он явился выразителем эстетики «послевоенного поколения» США. Джаз наиболее ярко и полно отражал все аспекты американской жизни. Из предвестников джаза нужно особенно выделить негритянских музыкантов Гарлема и Нового Орлеана. Само же утверждение джаза тесно переплетено с музыкальной эстетикой легкожанровой эстрады Бродвея. Джаз синтезировал черты нескольких различных музыкальных жанров. Одним из них был «регтайм», ритмические особенности которого подготовили сложную полиритмию джаза. Ритм явился важнейшим и определяющим элементом джаза. На интонационный строй джаза оказали влияние негритянские блюзы[57]. Использование «скользящих» глиссандирующих звуков и вибрато придавало своеобразный колористический эффект. Духовые ансамбли под названием джаз-бэнд явились третьим элементом джаза. Благодаря главенствующей роли ритма в джазе возрастает роль ударной группы. Своеобразие исполнительского джазового стиля связано с регулярной метрической пульсацией, повторностью кратких мотивов и импровизационностью. Выдающиеся представители искусства джаза — Дюк Эллингтон, Луи Армстронг, Флетчер Гендерсон, Диззи Гиллеспи, Телониус Манк, Джон Колтрейн, Пол Уайтман, Дэйв Брубек.

В джазе, сформировавшемся к 20-м годам нашего века, можно выделить два течения. Наиболее ярким в художественном отношении является «Hot Jazz» — «горячий» импровизационный джаз, корни которого уходят в негритянские блюзы и новоорлеанские и чикагские джаз-бэнды, тесно связанные с афро-американским фольклором. Другая разновидность — «Sweet Jazz» — «приятный» джаз; связан с коммерческим легкожанровым искусством бродвейской эстрады, которая превращает негритянский импровизационный джаз в шаблоны и стандарты эстрадной музыки, лишенные оригинальных черт негритянского искусства, представляя менее творческий вид джазового искусства в противовес «горячему» негритянскому джазу. В силу отсутствия единой эстетики и единой школы негритянский джаз и его коммерческая разновидность составляют два полюса джазовой музыки, между которыми можно отметить множество градаций. Взаимодействие разновидностей джаза постоянно порождает огромное количество новых направлений. В период мирового экономического кризиса 1929—1933 гг. негритянский джаз не смог выдержать условий конкуренции с коммерческим джазом.

С середины 30-х годов до начала второй мировой войны отмечают новый этап в развитии джаза, вошедший в историю под названием суинга. В целом суинг синтезировал типичные черты негритянского джаза 20-х годов. В отличие от него состав ансамбля суинга возрастает иногда до 20 и более музыкантов, в связи с чем достигается массивность и полнота звучания. Королем суинга был кларнетист Бенни Гудмен. Тогда же прославились Дюк Эллингтон, Флетчер Гендерсон, Каунт Бэйзи, Гленн Миллер и др. Увеличение инструментального состава либо ограничивает, либо приводит к отказу от использования характернейшего для джаза

---

[57] Подробнее см.: *Конен В.* Пути американской музыки. М., 1977.

приема импровизации. Создаются всевозможные аранжировки джазовых пьес. В создании суинга принимают участие белые музыканты, воспитанные на европейских музыкальных традициях. Американская коммерческая эстрада превращает эту разновидность джаза в стандартный шумный суинг. К концу 30-х годов суинг исчерпал свои возможности.

В начале 40-х годов происходит перелом в искусстве джаза, обусловленный его разрывом с развлекательной музыкой. Это направление получило название би-боп, или боп. Отрицая песенную мелодику и танцевальность, боп утверждает диссонантные темы, сложные аккордовые комплексы. Боп символизировал протест негритянских музыкантов против эстетических ограничений, сковывающих их творческую инициативу. Яркими представителями бопа были негритянские музыканты — пианист Т. Манк, гитарист У. Крисчен, трубач Д. Гиллеспи, ударник К. Кларк и др.

Джаз — это первое явление в американской музыке, оказавшее, бесспорно, огромное влияние на искусство Европы. Джаз нашел отражение в сочинениях композиторской молодежи стран Западной Европы — «Негритянской рапсодии» Ф. Пуленка, «Регтайме для фортепиано» и «Истории солдата» И. Стравинского, «Блюзовой сонате» М. Равеля, балете «Бык на крыше» и «Фуге на джазовую тему» Д. Мийо, «Опере нищих» К. Вайля, опере Э. Кшенека «Джонни наигрывает» и т. д.

Американские композиторы в поисках национальной самобытности нередко обращались к характерным элементам джаза и негритянского фольклора. Дж. Гершвин, например, говорил: «Джаз я рассматриваю как американскую народную музыку, не единственную, но очень сильную, очевидно, проникшую в кровь и чувства американского народа глубже, чем какой-либо стиль народной музыки» [58]. Творчество Дж. Гершвина [59] как раз и представляет собой исключительно яркий пример оригинального синтеза традиций джаза, элементов негритянского фольклора с формами европейской музыкальной классики.

Дж. Гершвин, являясь талантливым представителем симфонического джаза, уже в раннем произведении «Рапсодия в блюзовых тонах» значительно возвышается над всеми произведениями других композиторов симфонического джаза. Через традиции раннего джаза и легкожанровой эстрады Дж. Гершвин пришел к глубокому проникновению в духовный мир негритянского народа и постижению его фольклора. «Порги и Бесс» — первая американская опера, получившая широкое признание в США и за рубежом, занявшая прочное место в репертуаре ведущих оперных театров мира. Музыкальный язык оперы насыщен ярким национальным колоритом, обусловленным использованием широкого диапазона жанров негритянского фольклора.

Драматургия оперы тесно связана с реалистическими традициями драматического театра США 20—30-х годов: динамикой и целеустремленностью в развитии сюжета, ролью диалогов в раскрытии образов. Использование омузыкаленной разговорной речи указывает на связь с традициями национальной «балладной» оперы. В традициях менестрель-

---

58 Цит. по: *Шнеерсон Г.* Портреты американских композиторов. М., 1977, с. 169.

59 Подробнее о творчестве Дж. Гершвина см. статьи: Джордж Гершвин и его опера; «Порги и Бесс» и традиции менестрелей.— В кн.: *Конен В.* Этюды о зарубежной музыке. М., 1977. Опера «Порги и Бесс» впервые была поставлена в «Метрополитен опера» только в феврале 1985 г.

ного театра трактуются комедийные эпизоды оперы. Реалистическая народная драма «Порги и Бесс» проникнута гуманистическими идеалами.

К воплощению в музыке национальных черт каждый композитор шел своим путем. Большая часть из них — А. Копленд, Р. Гаррис, Э. Сигмейстер, У. Шумен, В. Томсон, В. Грант Стилл обращаются к различным пластам американского фольклора, особенно джазу, сюжетам из американской жизни, американской литературе. В 20—40-е годы композиторы США проявляют интерес к музыкальному наследию прошлого страны — пуританскому гимну и менестрельной эстраде, ковбойской песне и спиричуэлс. В. Томсон (р. 1896) в раннем периоде творчества выступил как яркий представитель новой американской музыки. Работая хормейстером и органистом, он обращается в «Сонате da chiesa» и симфонии на тему гимна к традициям пуританского хорала, танцевальным ритмам менестрельной эстрады, которые органически сочетает с чертами старинных жанров европейского искусства.

Один из крупнейших деятелей музыкальной культуры США XX в.— А. Копленд (р. 1900) в поисках национальных черт в музыке написал в 30-е годы ряд сочинений: «Аппалачская весна», «Билли-парень», связанных с пуританским хоралом и мелодиями сельских скрипачей — кантри-мьюзик. Негритянский фольклор, в частности спиричуэлс, нашел отражение в «Афро-американской симфонии» У. Грант Стилла (р. 1895). Это произведение является первым образцом симфонизации негритянской музыки, созданной композитором-негром.

В 30-е годы в США проведена большая работа по пропаганде советской музыки. Крупнейшие американские театры, оркестры и дирижеры включают в свои программы произведения советских композиторов. В 1934 г. в Кливленде, Нью-Йорке и Филадельфии была поставлена опера Д. Д. Шостаковича «Леди Макбет Мценского уезда». На открытии сезона 1935/36 г. Нью-Йоркской филармонии была исполнена Первая симфония Шостаковича под управлением Отто Клемперера. Леопольд Стоковский исполнил Седьмую и Тринадцатую симфонии Н. Я. Мясковского, отрывки из балета «Красный мак» Р. М. Глиэра.

Под лозунгом создания прочных позиций национального американского балетного искусства развертывается деятельность хореографов и композиторов США. В 30-е годы возникли первые национальные балетные труппы и школы. Большая роль в становлении и развитии балетного искусства США принадлежит русским хореографам и танцовщикам — Дж. Баланчину, Л. Мясину, М. Мордкину, А. Больму и др. Воспитанники первой балетной школы США, организованной в 1933 г. Л. Кирстейном при участии Дж. Баланчина, составили труппу «Американский балет», позднее переименованную в «Нью-Йорк-сити балет». Затем возникают балетные труппы в Чикаго, Филадельфии и других городах. В конце 30-х годов появляются национальные хореографы — Агнесс де Милль, Рут Пейдж, Юджин Лоринг, Кристиан Литлфилд, Лью Кристенсен, Джером Роббинс, Роберт Джоффри и др.

В эти годы создаются и осуществляются постановки балетов на американские темы. Среди балетов на сюжеты из американской жизни можно назвать «Свободные от мечтаний» Л. Бернстайна (хореография Дж. Роббинса), «Подводное течение» У. Шумена, «Игры» М. Гулда, «Случайная история» У. Риггера. Американский балетный театр осуществляет ряд постановок на основе американской инструментальной му-

зыки, например «Век тревог» Бернстайна, «Салун в Мехико» Копленда и др.

Одним из ведущих «балетных» композиторов американские музыковеды по праву считают Копленда. В стремлении этого композитора связать музыку со смежными искусствами проступает характерное для прогрессивного американского искусства 30—40-х годов обращение к широкой аудитории. Три балета Копленда — «Родео», «Билли-парень» и «Аппалачская весна», созданные в эти годы в тесном сотрудничестве с американскими хореографами (А. де Милль, Ю. Лорингом, М. Грэхэм), составляют вершину творчества композитора. В балетах отразились типичные черты и сюжеты из жизни страны: в «Родео» — состязание и игры ковбоев, в «Билли-парень» — легенды американских прерий Дальнего Запада, в «Аппалачской весне» — народно-бытовые сцены из жизни первых американских поселенцев в Новой Англии. Музыка балетов тесно связана с ковбойскими песнями, пуританскими хоралами и мелодиями в стиле кантри-мьюзик. Интерес к ковбойской тематике способствовал рождению так называемого жанра вестерн, занявшего прочное место в американской литературе, кинематографе, театре и музыке.

Обращаясь к широкой массовой аудитории, композиторы принимают участие в музыкальном оформлении кинофильмов. В противовес коммерческой продукции Голливуда в 30-е годы в США выходят реалистические фильмы на сюжеты прогрессивных представителей американской литературы — Дж. Стейнбека, Ю. О'Нила, затрагивающие острые социальные вопросы эпохи. Над созданием музыки к документальным и художественным фильмам работают Копленд «О мышах и людях» (1939) по Стейнбеку, «Наш городок» по Уайлдеру и «Красный пони» по Стейнбеку (1948), Томсон «Испанская земля» (1937) по Хемингуэю совместно с Блицстайном, «Плуг, который разрушает прерии» по О'Кейси (1936), «Луизианская история» (1948) Блицстайна. Копленд же написал музыку к антифашистскому фильму «Северная звезда» (1943).

В годы Великой Отечественной войны героическая борьба советского народа способствовала утверждению гражданско-патриотической и антифашистской темы в творчестве американских композиторов. Передовая музыкальная общественность США, отмечая победу советского народа в Сталинградской битве и 25-летие Советской Армии, организовала в феврале 1943 г. в Бостоне концерт, программу которого составили «Песнь свободы» У. Шумена для хора и оркестра, «Портрет Линкольна» А. Копленда для чтеца и оркестра и Пятая симфония Р. Харриса, посвященная «героическому и свободолюбивому советскому народу — нашему великому союзнику, Союзу Советских Социалистических Республик — в честь его мощи в войне, его непоколебимой веры в торжество мира во всем мире, его способности решать трудные материальные проблемы общечеловеческого порядка, не теряя при этом горячей веры в великое значение искусства»[60].

Большой интерес в 30-е годы представляет «экспериментальная музыка» США. Представители этого направления, испытав воздействие европейского буржуазного модернизма, обратились к поискам новых музыкально-выразительных средств. Пионером этого направления был Эдгар Варез (1885—1965), который занимался проблемами ритмическо-

---

[60] *Harris R.* 5 Symphony. N. Y., 1943, p. 3.

го и тембрового обновления музыки. Экспериментируя в области электронной музыки и акустики, он стремился расширить акустические возможности традиционных инструментов. Среди путей обновления музыкального языка Э. Варез усматривал связь музыки с новейшей техникой и индустриальными шумами. Эту связь с техникой отражают и названия его произведений: «Октандр», «Интегралы», «Ионизация», «Плотность 21,5», «Металл», «Пространство» и др. Поиски и эксперименты Вареза оказали большое влияние на творчество авангардистов США.

Одним из первых представителей американского авангарда является Генри Кауэлл (1897—1965). Он также экспериментировал в области гармонии и инструментовки, применял необычные технические приемы в фортепьянных сочинениях: удары по клавишам кулаком или предплечьем (прием, получивший название тон-кластер), использование скрипичной техники на струнах фортепьяно (пиццикато, сурдина, глиссандо), прием игры на приготовленном фортепьяно (когда струны засурдинены бамбуковой палкой, болтами, тканью, фетром, монетами и др.). В 1932 г. Г. Кауэлл в сотрудничестве с Л. С. Терменом принял участие в изобретении нового инструмента — «ритмикон», воспроизводящего одновременно различные ритмы.

Г. Кауэлл сыграл значительную роль в пропаганде современной музыки в США. В этих целях он основал в 1927 г. и являлся редактором ряда изданий, в которых опубликованы произведения американских и европейских композиторов. Г. Кауэлл был первым американским композитором, посетившим в 1928 г. Советский Союз. Познакомившись с советской музыкой, он становится ее активным пропагандистом в США. Произведения В. И. Ребикова, А. А. Половинкина, А. А. Давиденко, А. В. Мосолова, А. М. Веприка, Н. Я. Мясковского, А. И. Хачатуряна, Д. Д. Шостаковича печатались в 30-е годы на страницах изданий, основанных Кауэллом.

В конце 30-х годов и позднее некоторые американские композиторы под воздействием творческих принципов А. Шенберга, вынужденного эмигрировать в США из Австрии, увлекаются додекафонной системой письма. Одним из первых и наиболее последовательных приверженцев идей А. Шенберга был Р. Сешнс. В его сочинениях проявляется обезличивающий «универсализм», оторванность от жизненных проблем. Дальнейшее развитие подобных экспериментов, ориентированных преимущественно на «избранную публику», приводит к полному разрыву между творческими принципами ряда американских композиторов (М. Бэббит, Э. Картер, Л. Керчнер, Э. Коун, Дж. Кейдж, Л. Харрисон и др.) и интересами слушателей. Поиски новых выразительных средств превращаются в самоцель.

При всем многообразии, сложности и противоречивости эстетики стилевых направлений и тенденций в музыке США в период между первой и второй мировыми войнами наибольший интерес представляет музыка композиторов «красных тридцатых», связавших свою судьбу с рабочим движением. В их творчестве проявляется сознательная политизация искусства, усиление национальных черт, успешное претворение новых средств музыкальной выразительности. Лучшие образцы музыки США «красных тридцатых» — пример синтеза национальных американских традиций и некоторых достижений мировой музыкальной культуры, в которых утверждаются идеалы прогрессивного искусства США.

5. КИНО

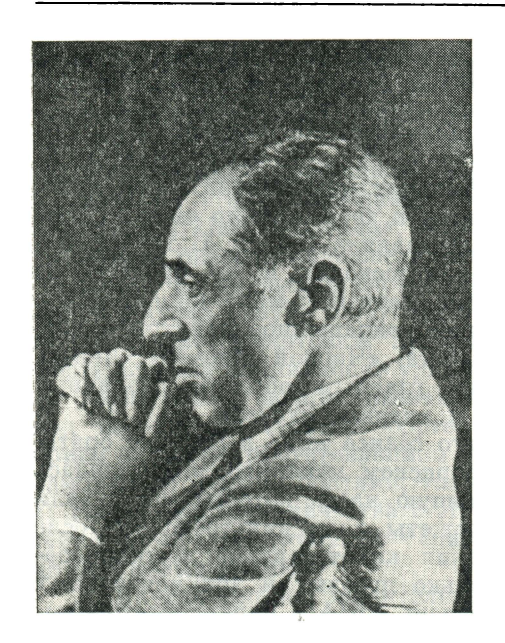
США оказались первой страной, где появился аппарат для просмотра фильмов — кинетоскоп, созданный в лабораториях Эдисона (патент на него был зарегистрирован в 1893 г.). Аппарат представлял собой ящик с окуляром: зритель опускал в щель монету и через окуляр смотрел крохотные фильмы, общая длина которых составляла 174 см. С 1894 г. начинается коммерческая эксплуатация кинетоскопов и их продажа за границу. В Вест-Орендже была построена первая в мире киностудия — небольшое строение с раздвижной крышей, окрашенное изнутри в черный цвет, прозванное, как тюремная карета, «Черной Марией». Ленты, которые здесь снимались, представляли главным образом различные номера мюзик-холла, жанровые сценки и видовые сюжеты.

Через четыре месяца после публичного сеанса кино в Париже братьев Люмьер, 23 апреля 1896 г., в нью-йоркском мюзик-холле состоялась первая демонстрация кинофильмов, большую часть которых составляли американские картины, повторявшие сюжеты лент кинетоскопа. После 1900 г. появляется все больше маленьких кинотеатриков и кинопередвижек. В сеанс входило обычно несколько игровых и документальных короткометражек, которые показывали жизнь США с парадной стороны: небоскребы, курорты, парки, выступления высоких должностных лиц. Сюжеты, посвященные международным событиям, чаще всего являлись поделками, снятыми на студиях и отражавшими точку зрения американских правящих кругов.

Первым игровым сюжетным фильмом принято считать «Сорвем испанский флаг» (1898), защищавший американский империализм в войне с Испанией. На 1903—1909 гг. приходится становление американского игрового кино. Формируются принципы репертуара, которые сохраняются и впоследствии: это уголовные картины, мелодрамы, фарсы, вестерны, исторические и приключенческие фильмы, которые и по содержанию и по форме находились в большой зависимости от эстрадных представлений, уголовной газетной хроники и развлекательной беллетристики. В 1903 г. Э. Портер создает игровую картину, получившую широкий зрительский успех, «Большое ограбление поезда». Он же в 1905 г. ставит фильм «Клептоманка», обличавший неправедность американской юстиции.

В 1909 г. создается первый кинотрест, получивший название «Компания кинопатентов». Основные производственные фирмы объединяются в одну корпорацию с крупной конторой оптового проката и сетями кинотеатров. Они объявляют себя единственными владельцами существующих кинопатентов и начинают ожесточенную войну с мелкими «независимыми» фирмами. К 1914 г. эта война заканчивается поражением треста, хотя формально он просуществовал до 1917 г. Уже в 1909 г. некоторые «независимые» начали снимать свои фильмы в Голливуде. Благодаря превосходным климатическим условиям и разнообразной природе Голливуд вскоре заинтересовал и кинотрест. К 1913 г. здесь вырос киногород.

До первой мировой войны, несмотря на расширяющуюся техническую базу и появление отдельных крупных мастеров, американская кинематография в целом по своему художественному уровню уступала европейской — французской, итальянской и датской.

ДЕЙВИД У. ГРИФФИТ

В 1908 г. в кино пришел Д. У. Гриффит[61], вскоре ставший виднейшим кинорежиссером страны. Он не только использовал опыт европейского кино, но и внес значительный вклад в развитие кинематографического языка, особенно основ монтажа. Гриффит выдвинул реалистический принцип актерской игры в фильме. Большую роль в его картинах играла высокого качества драматургия. Он умело создавал атмосферу действия, разрабатывал законы композиции кадра и освещения. Принципиальное значение для развития киноискусства имели его картины «Рождение нации» (1915) и «Нетерпимость» (1916). Следует отметить, что в «Рождении нации» наряду с гуманистическими мотивами были и расистские тенденции. В «Нетерпимости», следуя правде жизненного факта, Гриффит показал расстрел рабочих полицией, однако в плане философском нетерпимость трактована им как извечное иррациональное зло.

В 1914 г. в Голливуде начал работать Ч. С. Чаплин[62]. В течение года он снимался в «комических лентах» у Мак Сеннетта, а с 1915 г., когда ему удалось приобрести известную творческую и экономическую самостоятельность, Чаплин приступил к созданию образа «маленького человека» и комические номера стали наполняться социальным содержанием. Так, в «Собачьей жизни» (1918) Чаплин отобразил тяжкую участь безработного. Самой популярной киноактрисой того времени была снимавшаяся с 1909 г. Мэри Пикфорд[63]. Она создала экранный образ очаровательной, бедной и добродетельной американской Золушки.

В годы первой мировой войны киноиндустрия США выросла и начала захватывать европейские кинорынки. Строились новые, хорошо оборудованные киностудии и комфортабельные, вместительные кинотеатры. Росла стоимость постановок. В то же время усиливался процесс стандартизации кинопродукции. Каждая крупная фирма выпускала фильмы только определенных жанров с повторявшимися сюжетными ходами, с героями-близнецами.

Примером стандартизации кинопроизводства является студия Томаса Инса, который к 1916 г. становится владельцем одной из лучших голливудских кинофирм. Инс выступает не только в роли режиссера, но и продюсера, руководившего одновременно несколькими постановками. Режис-

---

[61] Д. У. Гриффит. М., 1944; *Гиш Л.* Кино, Гриффит и я. М., 1974; *Трауберг Л.* Дэвид Уорк Гриффит. М., 1981.

[62] *Авенариус Г. А.* Чарльз Спенсер Чаплин. М., 1959; *Кукаркин А.* Чарли Чаплин. М., 1960.

[63] *Колодяжная В.* Мэри Пикфорд.— В кн.: Звезды немого кино. М., 1968.

сер получал у продюсера технически выверенный съемочный сценарий с грифом «Снимать точно так, как написано». Впоследствии подобный метод стал законом стандартно-поточного кинопроизводства в Голливуде. Студия Инса выпускала в основном вестерны и «деловые повести». Именно Инс поставил первый получивший известность откровенно пропагандистский фильм «Цивилизация» (1916), широко использовавшийся политическими кругами во время вторичной избирательной кампании Вильсона на пост президента.

Большой популярностью пользовалась разработанная М. Сеннеттом эстетика «комической» ленты. В ее основе было заложено несоответствие поведения киногероев обычному поведению человека в быту: эти развлекательные, наполненные внешним динамизмом фильмы создавали мир веселого абсурда. В моду вошли многосерийные приключенческие картины с драками, погонями, убийствами. Появился образ героини-«вамп», бессердечной, разбивающей семьи, стремящейся к роскоши и чувственным наслаждениям. Наиболее популярной на американском киноэкране в этом жанре была Теда Бара.

Когда началась первая мировая война, в Голливуде сразу же появились картины пацифистского плана, однако после вступления США в войну (апрель 1917 г.) такие фильмы подверглись запрету. Экраны кинотеатров заполнили ленты, которые носили милитаристский характер и восхваляли наживавшихся на войне промышленников. Пародией на такую шовинистическо-милитаристскую кинопродукцию явился фильм Чаплина «На плечо!» (1918).

В 20-е годы в Голливуде произошли крупные перемены. Хотя фильмы, критикующие буржуазное общество, по-прежнему выходили в крайне небольшом числе, среди них были произведения глубокие и значительные по своей идейно-художественной сути. Появились новые типы киногероев. К работе в Голливуде широко привлекались зарубежные киномастера. Рост кинематографа сопровождался активным расширением зрительской аудитории не только в США, но и в других странах. Благодаря экспансии Голливуда американские картины уже в 1919 г. занимали на экранах Европы 90%, а в Южной Америке — почти 100% экранного времени. С каждым годом возникали новые кинорынки в Азии и Африке.

Уолл-стрит стал контролировать кинопромышленность, вкладывая в нее миллионы долларов и обеспечивая себе контроль над кинопроизводством. Директорами крупнейших кинофирм становились опытные и влиятельные бизнесмены, главы монополий и банков[64]. Развернулась жестокая конкурентная борьба, в ходе которой мощные кинофирмы поглощали средние и мелкие и фактически становились трестами, владеющими одновременно кинопроизводством, оптовым прокатом и сетью кинотеатров. Затраты на производство фильмов сильно возросли.

Для воплощения в фильмах основных идеологических задач, выдвигаемых американскими правящими кругами перед Голливудом, для установления цензуры и решения споров между фирмами эта огромная киноимперия нуждалась в едином руководстве. В 1922 г. была учреждена Ассоциация кинопродюсеров и оптовых прокатчиков (творческие работники в ассоциацию не входили). Президент ассоциации обладал в Голливуде неограниченной экономической и организационной властью. Этот

[64] The Rise of the American Film. A Critical History / Ed. by L. Jacobs. N. Y., 1941, p. 288.

ЧАРЛИ ЧАПЛИН, МЭРИ ПИКФОРД И ДУГЛАС ФЭРБЕНКС

пост занял Уилл Хейс, политический деятель, ранее не имевший никакого отношения к кинематографу, но пользовавшийся доверием банков и монополий[65]. Ни одно литературное произведение, ни один готовый сценарий не могли попасть на экраны без разрешения ассоциации, вскоре получившей название «конторы Хейса». Она препятствовала отображению на экране острых социальных проблем и требовала приукрашивания действительности. Делалось все, чтобы Голливуд превратился в «фабрику грез».

---

[65] В 20-м году Уилл Хейс руководил кампанией по выборам президента от республиканской партии У. Гардинга и получил в качестве награды должность министра почты.

К середине 20-х годов режиссеры оказались в полной зависимости от воли продюсеров. Последние выбирали сценарии, определяли стоимость постановки, нанимали съемочные группы, в том числе режиссеров и актеров, контролировали процесс съемок и принимали готовые фильмы. Некоторые режиссеры были также и продюсерами, но это происходило только в тех случаях, когда они обладали не только организаторскими способностями, но и беспрекословно выполняли установки владельца кинофирмы.

В 20-е годы Голливуд превратился в мощное орудие пропаганды. По словам американского историка кино Льюиса Джекобса, «кино не только представляло взгляды большого бизнеса, оно само стало большим бизнесом» [66]. Рассматривая проблему кинозрителя, Джекобс указывал, что Голливуд ориентировался не на трудящихся, а на так называемый «средний класс» [67]. Характерно, что фильмы прогрессивного направления, за исключением, пожалуй, комедий Чаплина, почти не имели успеха у зрителя, приученного к киносказкам, идеологическое содержание которых состояло в воспевании американского «просперити» и культа приобретательства. Подлинные духовные ценности, такие, как элементарная порядочность, извращались и преподносились как нечто пресное, скучное и изжившее себя. Даже фильмы Д. У. Гриффита теперь считались старомодными и потеряли успех у зрителя [68]. Мэри Пикфорд, еще недавно самая популярная киноактриса страны, прозванная «возлюбленной Америки», вынуждена была отказаться от творческого «я» и перейти на другое амплуа. Появляются фильмы о «красной угрозе», наполненные клеветой на Советскую страну.

Основной поток кинопродукции составляли либо развлекательные фильмы из жизни преуспевающих американцев, либо всевозможные экзотические зрелища. И те и другие ленты были проникнуты откровенно «эскейпистскими» тенденциями, уводящими зрителя от действительности, от острых социальных и политических проблем американской жизни. Зрелища эти были наполнены невероятными приключениями, в них действовали романтические герои и героини, к тому же в очень эффектной обстановке. Примером таких лент были картины с участием красивого, но посредственного актера — «любовника южного типа» Рудольфо Валентино или Дугласа Фэрбенкса («Знак Зорро», 1920; «Багдадский вор», 1924) [69].

Современная тема раскрывалась теперь таким образом, чтобы как можно подробнее показать роскошную жизнь американских богачей. Действие развертывалось, как правило, в дорогих отелях, ночных клубах. Персонажи совершали прогулки на яхтах, мчались на дорогих автомобилях, дамы завораживали зрителя вечерними туалетами, мехами. Героем экрана был человек достатка. Бедняка показывали лишь в случае, если по ходу сюжета ему предстояло обрести богатство. Агрессивность, жажда развлечений, подрыв моральных принципов пропагандировались как норма жизни. Безнравственность, осужденная Т. Драйзером в романе «Американская трагедия» (1925), преподносилась во многих фильмах как идеал американца. Соответственно меняется и идеал героини: роль

[66] The Rise of the American Film, p. 293.
[67] Ibid., p. 168.
[68] *Трауберг Л.* Указ. соч.
[69] Звезды немого кино.

скромной, добродетельной девушки уже не приносит актрисе славы. Знаменитыми становятся исполнительницы ролей независимых, соблазнительных женщин, свободных от нравственных норм,— Луиза Брукс, Клара Боу, Джоан Кроуфорд.

Ведущее положение в Голливуде первой половины 20-х годов занимает умелый ремесленник и ловкий делец-организатор Сесиль де Милль, который прежде других уловил перемены и представил в своих картинах новые взгляды и вкусы. Он ставил практически по одной и той же схеме комедии с элементами мелодрамы, снабжая свою продукцию крикливыми названиями: «Зачем менять жену?» (1920), «Запретный плод» (1921) и т. п. В подобных картинах он игнорировал нравственные устои и основополагающие духовные ценности.

Фильмы на современную тему были проникнуты вульгарным прагматизмом[70]. В них демонстрировалась погоня персонажей за последними моделями автомобилей, одежды, мебели, за драгоценностями. Они прививали зрителю пренебрежение к социальным проблемам, прославляли приобретательство, игнорировали нормы гуманизма, человечности. Близкими по духу продукции де Милля были фильмы приглашенного из Германии Эрнста Любича, который так определял свои «творческие» задачи: «...американская публика с ее умом двенадцатилетнего ребенка должна видеть на экране такую жизнь, которой на самом деле нет»[71].

В 20-е годы развивался и специфический американский жанр — вестерн, нередко представлявший в приукрашенном виде завоевание в XIX в. «Дикого Запада» и оправдывавший истребление индейцев.

Важное место в кинорепертуаре занимала комедия. Большей частью это были «слэпстики» (комедии пощечин и палки), наполненные абсурдными происшествиями. Комедии, касавшиеся серьезных общественных вопросов, были крайне редкими. Наиболее популярные актеры выступали в них как персонажи-маски. У их героев в разных фильмах была одна и та же внешность, тот же нелепый костюм, несколько условная манера поведения, идущая от клоунады. Одним из самых популярных комических актеров был Гарольд Ллойд, создавший маску обыкновенного, ничем не примечательного молодого человека; благодаря его активности и наглости, а также «благам американского образа жизни» его всегда ждала удача. Фильмы Ллойда называли «просперити-комедиями»[72].

Принципиально отличались от этих картин новаторские, высокохудожественные кинокомедии Чаплина, создавшего образ маленького человека, инфантильного, доброго, беззащитного, своего рода жертву американского образа жизни. В некоторых картинах Чаплин поднимал важные социальные проблемы («Пилигрим», 1923). В «Золотой лихорадке» (1925) он правдиво рассказал о тяжелом, опасном пути золотоискателей, разрушив тем самым розовые сказки на эту тему. Чаплинский бродяга, мечтатель и неудачник, заявил о себе как об антиподе модного, циничного, стандартного американского киногероя. К чаплинскому герою примыкает и кинообраз-маска Бестера Китона, слабого, хрупкого человека, затерянного в жестоком мире, но сохраняющего мужество, стойкость и внешнюю невозмутимость.

Основной голливудской продукции противостояли некоторые киноре-

---

[70] *Комаров С.* История зарубежного кино. М., 1965, т. 1, с. 179—183.
[71] Photoplay, 1922, Dec.
[72] Комики мирового экрана. М. 1966.

жиссеры реалистического направления, не желавшие заниматься идеализацией американского общества, искавшие новых героев, разрабатывавшие новые выразительные средства. Их объединяло неприятие голливудских стандартов, откровенного прагматизма и прославления буржуазности. В своем творчестве эти киномастера не были последовательны и нередко подстраивались под голливудские образцы. Это характерно, например, для творчества Джеймса Крюзе, который наряду с картинами, содержавшими элементы социальной сатиры («Голливуд», 1923), ставил и чисто коммерческие фильмы [73]. «Дно» больших городов отобразил Джозеф Штернберг. В фильме «Доки Нью-Йорка» (1928) он рассказал о благородстве тех, кого было принято считать отщепенцами [74].

Наиболее прогрессивными в 20-е годы были режиссеры Эрих Штрогейм и Кинг Видор. Фильмы Штрогейма оказали сильное влияние на развитие американского киноискусства. Некоторые историки кино вообще считают его первым большим реалистом в кино США. Штрогейм разоблачал то глубокое моральное разложение общества, которое Любич и де Милль старательно ретушировали в своих фильмах. Содержавшаяся у Штрогейма критика буржуазных нравов была весьма острой и точной. Лучшая его картина «Алчность» (1924) — экранизация книги американского писателя Ф. Норриса — реалистически точно рассказывала о том, как ненасытная жажда денег, столь характерная для США, разъедает человеческую душу. Фильм Штрогейма снимался, что тогда было ново, на натуре, на настоящей шахте, в реальных домах, в пустыне. «Алчность» была изуродована цензурой, сильно сокращена.

Серьезное влияние на развитие реалистического направления кино США оказали новаторские по своим идейно-художественным установкам советские фильмы, такие, как «Броненосец „Потемкин"» С. М. Эйзенштейна, «Мать» В. И. Пудовкина, которые в середине 20-х годов появились на экранах США. Историк кино Л. Джекобс писал, что «советские фильмы были поставлены не для развлечения» и что с их появлением «началась новая эра в эстетике кино» [75].

Многие исследователи отмечают прямое воздействие практики советского кино на одну из самых значительных картин США того времени — «Толпа» (1928) Кинга Видора, рассказавшую о судьбе типичного американского мелкого служащего и его жены. Л. Джекобс дает этому фильму следующую характеристику: «Его тема противоречила всем голливудским условностям; описание унылой реальности, безработицы, бытовых мелочей, бесплодных мечтаний, подавления индивидуума, который пытается выделиться из толпы, рассказ о бесконечном крушении надежд, заставляющем героев глубже погружаться в трясину системы, которая их калечит,— все это было резким контрастом широко распространенным мифам о «просперити Кулиджа» [76]. Примечательно, что «Толпа», как и «Алчность», не имела успеха у широкого зрителя, дезориентированного «ценностями» голливудской продукции. Кино 20-х годов редко обращалось к теме войны. Исключением явилась картина Кинга Видора «Большой парад» (1927), где наряду с прославлением мощи американской армии были показаны и гибельные последствия войны.

[73] The Rise of the American Film, p. 374—379.
[74] *Комаров С.* Указ. соч., т. 1, с. 207—208.
[75] The Rise of the American Film, p. 312.
[76] Ibid., p. 456.

Вызовом обычному голливудскому стандарту документального фильма было творчество Роберта Флаэрти. Разочарованный в буржуазной цивилизации, он в поисках непреходящих ценностей человеческого бытия обращается к жизни племен, которые сохранили примитивный уклад жизни. Таким был рассказ режиссера о самых северных обитателях Аляски («Нанук с севера», 1922), о жителях тропиков («Моана», 1926). Голливуд пытался сломать Флаэрти и приспособить его талант для решения своих задач, заставить кинодокументалиста торговать экзотикой. В 1931 г. он был вынужден покинуть США [77].

В конце 20-х годов завершается немая эра американского кино. В Голливуд приходит звук. Первый звуковой фильм вышел в 1926 г.— это была киноопера «Дон Жуан», которой предшествовало вступительное слово Уилла Хейса, приветствовавшего новый вид кинозрелища. В следующем году появился «Певец джаза», где наряду с пением были уже небольшие диалоги действующих лиц, которые приводили зрителей в особенный восторг. Огромные затраты на переоборудование студий и кинотеатров оказались выгодными. В 1928 г. во многие немые фильмы включались звуковые куски, а в следующем году уже не было произведено ни одного немого фильма. Разумеется, первые звуковые фильмы были несовершенны, но имели огромный зрительский успех. Голливуд оказался практически единственной отраслью американской промышленности, не пострадавшей от начавшегося осенью 1929 г. экономического кризиса.

Гуверовскую демагогию о «продолжающемся процветании» высмеял Ч. Чаплин в фильме «Огни большого города» (1931), который начинается эпизодом открытия помпезного памятника процветанию. Произносятся пышные речи, а когда с памятника сдергивают покрывало, собравшиеся видят приютившегося под ним жалкого бездомного бродягу.

Обострение социальных противоречий и рост демократического движения повлияли на развитие реалистического направления в американском кинематографе 30-х годов. Возникает даже термин «социальный реализм» [78]. Не столь многочисленные картины, реалистически отражавшие социальные проблемы США, имели огромное значение.

Коммерческая продукция в борьбе против реалистических и демократических тенденций в кино претерпела определенные изменения, обрела новые формы, ее апологетическая направленность стала еще более изощренной. Довольно откровенно говорил об этом Уилл Хейс: «...в период, который отличался революциями, восстаниями и политическими беспорядками в других странах, ни одно средство не содействовало поддержанию национальной морали так, как кино. Миссия нашего экрана заключалась в том, чтобы, упоминая о сложных современных проблемах, показать в развлекательной форме наши достижения, оптимизм и добрый юмор. Историки будущего не смогут игнорировать тот... факт, что фильмы буквально развеяли шутками депрессию публики» [79].

«Конторе Хейса» удалось добиться, чтобы Голливуд выполнял эти «идеологические задачи». В 30-е годы была завершена унификация и стандартизация основной кинопродукции. Сценарий строился по стан-

[77] Роберт Флаэрти: Статьи. Свидетельства. Сценарии / Сост. Т. И. Беляева. М., 1980.
[78] Этот термин употребляется, например, в кн.: The Movies. Richard Griffith and Arthur Mayer. N. Y., 1957, p. 343.
[79] Цит. по: The Rise of the American Film, p. 517.

дартным схемам, как правило, в его создании участвовали одновременно несколько сценаристов[80], «звезды» обычно переносили из фильма в фильм почти один и тот же образ; режиссер получал готовый сценарий и должен был лишь буквально переносить на пленку зафиксированный сюжет и диалоги. В процесс постановки фильма теперь вовлекается огромное число людей узкой кинематографической профессионализации. К середине 30-х годов в создании одного фильма участвовали киноработники 276 специальностей. Это конвейерное производство позволяло выпускать ежегодно более 500 фильмов, стоявших на хорошем профессиональном уровне, но, естественно, далеких от подлинного искусства.

Голливуд отныне исповедовал «производственный кодекс», неофициально названный «кодексом Хейса». Этот кодекс рекомендовал или запрещал темы, предлагал регламентировать формы и методы развития сюжетов и т. п. Основное внимание в нем уделялось достаточно определенно сформулированным правилам, мешавшим создавать реалистические фильмы. Продукция Голливуда еще в большей степени, чем раньше, уводила зрителя от серьезных размышлений о происходящем в стране. Фильмы Хейса помогали подавлять «нежелательные» для господствующего класса умонастроения.

Ведущими стали эскейпистские фильмы, уводившие от действительности: гангстерские фильмы или детективы, вестерны, экзотические приключенческие картины, мюзиклы, легкие комедии, особым образом состряпанные историко-биографические фильмы, деформированная экранизация классики, спекулятивные проблемно-развлекательные картины[81]. Особенно возросло число гангстерских фильмов. В 30-е годы появились и так называемые фильмы ужасов, где разного рода чудовища и монстры совершали невероятные преступления (1931 г.— «Франкенштейн» о похождениях могучего робота с мозгом убийцы-маньяка и «Дракула» о вампире). Из экзотических приключенческих картин большой успех благодаря только что появившимся комбинированным съемкам имел «Кинг-Конг» (1933), где гигантская обезьяна дралась с птеродактилем и крушила американские небоскребы, а также серия, посвященная похождениям Тарзана, воспитанного в лесу обезьянами (звуковой фильм «Тарзан — человек-обезьяна» вышел в 1932 г.).

Самыми оптимистическими эскейпистскими фильмами этого периода были мюзиклы. Их выпуск начался с воспроизведения на экране ревю и оперетт. Такие фильмы часто выходили сериями, например «Золотоискательницы», «Бродвейская мелодия». Обычно это была история восхождения к славе хорошенькой и непременно доброй героини — добродетель снова входила в моду. В незамысловатых ролях милых поющих золушек снималась Дина Дурбин. Но самой «кассовой» звездой в 1935 г. стала 6-летняя Ширли Темпл. Она пела, танцевала, мирила неразумных взрослых, «улаживала» социальные проблемы и одновременно отвлекала от них.

Звуковая кинокомедия 30-х годов, за исключением фильмов Чаплина, была слабее немой. Теперь в кинокомедии стал превалировать не пластический комический номер (гэг), а словесный. Между тем крупные театральные комики не могли развернуться в кино; так случилось с У. Род-

---

[80] Л. Джекобс утверждает, что над одним сценарием работали до 50 сценаристов.
[81] *Колодяжная В., Трутко И.* История зарубежного кино. М., 1970. Т. 2.

жером, У. Филдсом и др. Процветали лишь те комические актеры, которых удовлетворяла бездумная развлекательность, как, например, популярная пара О. Харди (толстый нахал) и С. Лаурел (тощий трус).

В эти годы в Голливуде появилась особая формула переработки для экрана классических произведений: из них брали только имена героев и поверхностную сюжетную схему. Суть образов, мотивировки поступков, социальная среда заменялись голливудскими штампами («Анна Каренина», 1935). Даже талант Греты Гарбо, игравшей Анну, не мог спасти фильма. В 1932 г. вышла картина «Американская трагедия», совершенно исказившая смысл одноименного романа Т. Драйзера. Если, по словам писателя, роман «был обвинением социальной системе Америки», которая привела Клайда к преступлению, то в фильме социальная система была беспорочной, а герой — преступником от рождения.

С трудом пробивали себе дорогу экранизации, построенные на реалистических традициях. В 1930 г. был выпущен фильм «На западном фронте без перемен» (режиссер Л. Майлстоун) по одноименному роману Э. М. Ремарка. Картина не воссоздавала психологическую сложность романа, но в ней были убедительно показаны жестокие будни войны, нравственные и физические страдания людей, начинавших осознавать ее несправедливость. Значительным фильмом был «Я — беглый каторжник» (1932, режиссер М. Ле Рой), поставленный по материалам документального повествования о честном человеке, которого преследовали как преступника. На экране были показаны несправедливые законы и жестокая тюремная обстановка в штате Джорджия.

Эксплуатируя интерес зрителя к выдающимся личностям, Голливуд выпустил в 30-е годы множество так называемых историко-биографических фильмов. В подавляющем большинстве эти фильмы делались по одному и тому же сюжетному рецепту: историческая правда подменялась вымышленными приключениями и любовными похождениями. Как исключение следует назвать картины выходца из Германии У. Дитерле («История Луи Пастера», 1935; «Жизнь Эмиля Золя», 1937; «Хуарес», 1938). В них были отражены реальные события и, несмотря на некоторые художественные слабости, на общем голливудском фоне эти фильмы были значительным явлением.

Искажавшими историю и откровенно развлекательными были в большинстве случаев и картины, посвященные истории США. Самой известной стала выпущенная в конце 30-х годов картина «Унесенные ветром» (экранизация одноименного романа Маргарет Митчелл), по праву считающаяся одной из вершин голливудского коммерческого кино. В фильме были эффективно изображены война северных и южных штатов и те изменения, которые произошли на американском Юге после поражения. Картину отличал большой постановочный размах. Яркие образы создали в нем такие крупные английские и американские актеры, как Вивьен Ли, Кларк Гейбл, Лесли Хоуард и др.

Основная кинопродукция 30-х годов лишь косвенно затрагивала социально-политические проблемы времени. В то же время в 20—30 фильмах ежегодно, специально, намеренно изображались в фальсифицированном виде злободневные проблемы американского общества. Безработица, социальное и расовое неравенство представали в приукрашенном виде. Если же и говорилось в этих фильмах о каких-либо пороках или недостатках американского общества, то причины, их породившие, изобража-

лись как роковая случайность, дурные наклонности отдельных личностей, их эмоциональные вспышки и т. п. Так, герой фильма «Черная ярость» (1935) организует на шахте забастовку лишь потому, что любимая девушка предпочла ему полисмена, а в картине «Битва на Бродвее» (1938) профашистский «Американский легион» представлен как союз милых забияк, которые помогают семье миллионера уладить свои любовные дела.

Главной коммерческой приманкой Голливуда в 30-е годы были «звезды»: уже одно их участие обеспечивало успех фильму. Среди «звезд» было немало хороших актеров, которые, как правило, не были удовлетворены навязанным им сценарным стандартом. Они стремились к значительным ролям, но почти никогда их не получали. В Голливуде в то время работали такие талантливые актеры, как Грета Гарбо, Марлен Дитрих, Бэтт Дэвис[82], Пол Муни, Генри Фонда[83] и другие, но большинство фильмов, в которых они снимались, были ниже уровня их дарования.

Особое место в голливудском кино 30-х годов занимает творчество Уолта Диснея[84], во многом определившего перспективы развития американской мультипликации, ее содержание и форму. Дисней — не только большой художник, ему был присущ деловой размах, умение находить и объединять талантливых людей и широко использовать в своем творчестве достижения смежных видов искусства. На его студии вырабатывается «диснеевский» стиль, для которого характерны подвижность камеры, метафоричность образов, сохранявших реальные приметы. Наиболее удавшиеся персонажи переходили из фильма в фильм. Самый популярный из них — мышонок Микки Маус, ставший любимцем всей Америки. В одном фильме он был спортсменом, в другом — фермером, в третьем — музыкантом и т. д. В короткометражках чаще всего изображалась (без какого-либо осуждения) жестокая борьба между героями. В этой борьбе были дозволены все приемы. По этому поводу Л. Джекобс замечает, что в короткометражных мультфильмах нашли непосредственное отражение жестокость и насилие, присущие реальной американской современности[85]. Полнометражные же мультипликационные картины — «Белоснежка и семь гномов» (1938) или «Бэмби» (1942) — строились иначе. В них почти не было изображения агрессии, присутствовало много лирических и комедийных эпизодов.

В 30-е годы борьба двух культур в Голливуде, как уже отмечалось, обострилась. Появились картины, в которых нашли реальное отражение многие важные социальные и политические проблемы, обличавшие антигуманизм буржуазного общества. Этот контраст получил выражение в решении Голливудом антифашистской темы. Голливуд выпустил около 50 картин на антифашистскую тему. Однако они только по внешнему рисунку были актуальны, а по существу обходили острые вопросы антифашистской борьбы.

Фашистскую идеологию разоблачали лишь единичные фильмы, такие, как «Великий диктатор» (1940) Ч. Чаплина или «Признания нацистского шпиона» (1939) А. Литвака, в котором воссоздавались документальные

[82] *Карцева Е.* Бэтт Дэвис. М., 1967.
[83] Актеры зарубежного кино. М.; Л., 1965. Вып. 2.
[84] *Арнольди Э.* Жизнь и сказки Уолта Диснея. Л., 1968.
[85] The Rise of the American Film, p. 499.

свидетельства о деятельности «Американо-германского братства», пытавшегося путем пропаганды, шантажа и убийств поставить на службу гитлеровской Германии 8 млн. проживавших в США немцев.

В сатирических гэгах «Великого диктатора» была показана античеловеческая сущность фашистского режима. В финале маленький герой Чаплина, сбросив «маску», взволнованно обращался по радио к миру с призывом бороться с фашизмом и объединиться во имя демократии.

В критические 30-е годы наступил расцвет творчества Чаплина[86]. Помимо «Великого диктатора» и «Огней большого города», он поставил свой самый острый фильм — «Новые времена» (1935). В фильме изображена изматывающая человека работа на конвейере, его жизнь в лачуге, воздвигнутой из утиля, бесперспективность и безработица, безжалостность полиции и т. п.

Картины реалистического направления не составляли единого целого, но их объединяло стремление к правдивому отражению действительности, к показу подлинных чувств и мыслей простых американцев, попытки дать героя в связи с окружающей его жизнью. На многие из этих фильмов оказала влияние прогрессивная американская литература. В 30-е годы расцветает творчество режиссеров, которым ранее не удавалось затронуть социальные проблемы и раскрыть свой талант: это в первую очередь Ф. Капра, У. Уайлер, Дж. Форд.

В комедиях Ф. Капры, близкого к рузвельтовским кругам, нашли определенное отражение злободневные проблемы американского уклада жизни. Так, герой фильма «Мистер Дидс выходит в люди» (1936) пытается добиться справедливости, но становится жертвой коррумпированной прессы и грязных дельцов. Герой же фильма «Мистер Смит едет в Вашингтон» (1939) подвергается преследованию со стороны бесчестных сенаторов. Правда, картинам Капры постоянно сопутствует «хеппи энд», доказывавший, что активный и благородный человек всегда может добиться справедливости.

Критический реализм нашел отражение в некоторых картинах У. Уайлера[87]. Для них характерно реалистическое изображение пороков буржуазного общества («Тупик», 1937; «Лисички», 1941. Оба сценария были написаны драматургом Л. Хелман).

Героями фильмов Капры и Уайлера были, как правило, так называемые «средние люди». Единственным мастером, который «открыл народную Америку» (слова М. Голда), был Джон Форд, создавший в 30-е годы цикл картин о простых людях и их обыденной тяжкой жизни. Некоторые из этих картин причислялись к произведениям «социального реализма». Разорившиеся фермеры, шахтеры, матросы были показаны с уважением, сочувствием и достоверностью. Для того чтобы правдиво отобразить жизнь этих людей, Форд искал и находил свежие выразительные средства. Большей частью фильмы Форда опирались на крупные произведения реалистической литературы: «Гроздья гнева» (1940) по одноименному роману Дж. Стейнбека, «Долгий путь домой» (1940) по пьесам Ю. О'Нила, «Табачная дорога» (1941) по роману Э. Колдуэлла.

Критика справедливо указывала на прямое и косвенное влияние советского искусства на американское кино прогрессивного направления.

---

[86] *Кукаркин А.* Указ. соч.
[87] *Колодяжная В.* Уильям Уайлер. М., 1975.

Примером являются «Лисички», созданные под воздействием драматургии Горького, в частности его пьесы «Васса Железнова». В фильме «Хлеб наш насущный» (1934), в котором Кинг Видор рассказывает историю группы американских безработных, объединившихся для того, чтобы заняться на пустующих землях сельским хозяйством, были использованы приемы ритмического монтажа, созданные в советском кино (фильм «Турксиб»)[88]. Фильм Видора сочли слишком «смелым», и ему был фактически закрыт доступ в кинотеатры.

В самом конце обозреваемого периода произошло примечательное событие: накапливавшиеся реалистические поиски американского кино привели к созданию фильма сложной драматургической конструкции с оригинальными многозначными характерами и глубокой характеристикой больших пластов американской действительности — «Гражданин Кейн» (1941). В основу истории заглавного героя режиссер Орсон Уэллс положил факты из биографии «короля желтой прессы» У. Р. Херста. «Гражданин Кейн» вызвал раздражение влиятельных кругов, и дальнейшая режиссерская судьба Уэллса сложилась в основном неблагополучно.

В документальном кино в 30-е годы также произошли большие перемены. Значение для его судеб имело создание группы документалистов «Франтиер филмс». В нее входили Пол Стренд, Лео Гурвиц, Джей Лейда, Пэр Лоренц и другие, поставившие своей задачей показать бедствия простых американцев. Одной из наиболее известных картин стал «Плуг, который разрушил землю» (1936) Пэра Лоренца, где были зафиксированы нужда и вырождение фермеров Среднего Запада. Был выпущен и ряд прогрессивных документальных политических фильмов, таких, как «Испанская земля» (1937), созданный при участии Э. Хемингуэя.

Картины реалистического направления обеспечивали поступательное развитие киноискусства. Основная кинопродукция Голливуда служила делу апологетической пропаганды и была рассчитана на коммерческий успех.

Вскоре после вступления США во вторую мировую войну на экранах страны начался сравнительно широкий показ советских фильмов, которые прежде доходили до американского зрителя очень редко. Если в мае 1941 г. они демонстрировались в небольших кинотеатрах 23 городов, то в июле 1942 г. шли уже в крупных кинотеатрах 288 городов, а в 1943 г. только один советский документальный фильм «День войны» обошел 1718 городов за полтора месяца. Президент Рузвельт лучшим фильмом о второй мировой войне назвал «Радугу» Марка Донского. Американцы хотели знать как можно больше о героической борьбе советского народа с фашизмом.

Уже через несколько дней после вступления США в войну Рузвельт объявил, что Голливуд тоже находится на военном положении. Однако многие голливудские кинодельцы постарались использовать военную тематику как новый источник прибыли.

Перестройка голливудской кинопродукции свелась в основном к «военизации» главных жанров коммерческой кинопродукции: детективов, уголовной драмы, «фильмов ужасов» и даже мюзиклов и бытовых комедий. Теперь красавицы-золушки выходили замуж за военных, в мюзиклах пели песни для солдат, детективы разыскивали не грабителей,

[88] The Rise of the American Film, p. 459.

а фашистских шпионов, монстры из «фильмов ужасов» были связаны с фашистами. Популярные комики Эббот и Костелло разыгрывали свои комические номера в солдатской казарме, на военном аэродроме или на палубе эсминца. «Военизация» придавала прежним кинолентам известную «актуальность» и рождала иллюзию, что Голливуд приобщился к отражению проблем военного времени.

Определенное место в кинопродукции военного времени заняли поставленные в художественно-документальном стиле картины о боевых действиях американской армии. Как правило, сюжет подобных фильмов отражал реальные события, а снимались такие картины на подлинных военных базах, статистами выступали солдаты и офицеры действующей армии. Одним из заметных фильмов такого рода был «Остров Уэйк» (1942). Выбор этой темы был продиктован тем, что на острове произошел первый бой, которым американцы наконец-то могли гордиться. Известностью пользовался также фильм «Дневник Гвадалканала» (1943), поставленный по материалам военного корреспондента Р. Трегаскиса.

Особо следует отметить военные документальные фильмы, которые, однако, далеко не всегда попадали на широкий экран. В них раскрывалась античеловеческая сущность фашизма и рассказывалось о героизме Советской Армии. К работе в документальном кино были привлечены такие видные мастера игрового и мультипликационного кино, как У. Дисней, Ф. Капра, Дж. Форд, У. Уайлер. Наиболее интересным документалистом того времени оказался Капра, назначенный в декабре 1941 г. руководителем кинослужбы военного департамента. Под его руководством была создана серия фильмов «Почему мы воюем?», где были использованы хроника, игровые материалы, диаграммы, рисунки. В эту серию входила «Битва за Россию» (1943), построенная на фрагментах советских игровых картин «Александр Невский», «Петр I», «Кутузов», а также документальных — «Разгром немецко-фашистских войск под Москвой», «Ленинград в борьбе» и др.

Новым и важным явлением была постановка игровых фильмов, в которых с симпатией говорилось о Советском Союзе: «Северная звезда» (1943), «Миссия в Москву» (1943) и «Песнь о России» (1944). Наиболее значительным среди них был фильм «Миссия в Москву» (режиссер М. Кертиц) — экранизация одноименной книги Джозефа Дэвиса, посла США в СССР в 1936—1938 гг. Фильм вызвал неудовольствие американской реакции, которая объявила его «советской пропагандой».

В годы войны в Голливуде стали работать немало крупных европейских деятелей кино, бежавших от гитлеровской оккупации, таких, как Рене Клер, Жан Ренуар, Жюльен Дювивье, Жан Габен. Однако им редко удавалось создать что-либо значительное: мешали голливудские стандарты и военная цензура. Единственным европейцем, который чувствовал себя здесь, как дома, был известный английский мастер уголовных драм и детективов Альфред Хичкок, прибывший в США еще в 1940 г. В его американских фильмах атмосфера ужаса сгустилась, а герои стали более циничными. По мере активизации реакции в Голливуде Хичкок выходит на одно из первых мест в американском кино.

В истории кинематографа США наступал новый период.

Глава девятнадцатая

СССР И США: НАУЧНЫЕ И КУЛЬТУРНЫЕ СВЯЗИ

1. НАУЧНЫЕ СВЯЗИ

С первых дней существования Советской республики В. И. Ленин поддерживал обращения ученых, и прежде всего Академии наук, о необходимости установления и развития международных научных и культурных связей. Особое место среди них занимали советско-американские контакты.

Прогрессивные люди США приветствовали Октябрьскую революцию. В 1917 г., в сентябре, группа американских граждан, в их числе Джон Рид, Альберт Рис Вильямс, Джером Дэвис и другие, прибыли в Россию. Их целью было информировать общественность США о происходящем в России. Они стали не только свидетелями, но и активными участниками событий: штурма Зимнего дворца, заседаний Второго Всероссийского съезда Советов. Период с сентября 1917 г. по февраль 1918 г.— этот сгусток истории — нашел освещение в книге Дж. Рида «10 дней, которые потрясли мир». А. Р. Вильямс находился среди солдат, штурмовавших Зимний, был организатором интернационального военного отряда, влившегося в состав Красной Армии, участвовал в боях за власть Советов. По возвращении в США ему удалось в 1919 г. издать книгу «Ленин — человек и его дело», затем брошюру «Советская Россия и Сибирь» и новые книги «Сквозь русскую революцию» и «76 вопросов и ответов о Советах». За три года А. Р. Вильямс прочитал в различных районах США около 300 лекций и докладов о Ленине, Октябрьской революции, Стране Советов. Впоследствии он много раз приезжал в нашу страну в качестве гостя различных советских общественных организаций.

Социолог и педагог Джером Дэвис несколько раз встречался с Лениным, который подарил ему фотографию с подписью «Лучшие приветы американским интернационалистам, Ленин. 2 августа 1918 года». Вернувшись в конце 1918 г. в США, Дэвис много ездил по стране, выступал с лекциями, осуждал американскую военную интервенцию в Советскую Россию, призывал к установлению дипломатических отношений между США и молодым Советским государством.

В 1918—1920 гг. в крупных промышленных центрах США стали возникать движения за оказание научной и технической помощи Советской России. Так, уже в 1918 г. большая группа инженеров выразила желание поехать для работы в Россию, а в мае 1919 г. в Нью-Йорке было создано общество технической помощи. Когда в декабре 1920 г. министерство труда США заявило о необходимости выслать официального представителя Советского правительства в США Л. К. Мартенса, американский ученый и писатель Л. Мамфорд обратился к нему с письмом, предлагая организовать комитет американских ученых для посылки в Советскую Россию книг, периодических изданий и брошюр. Л. К. Мартенс одобрил

это предложение, которое поддержали также редактор «Ботаникал абстракт» Д. Шрамм, а также руководитель отдела биометрии и жизненных статистик университета Джонса Гопкинса Р. Перл и другие ученые. В подготовительный комитет, созданный Национальной академией наук, вошли постоянный секретарь национального совета по научным исследованиям В. Келлог, А. Хитчкок из Смитсоновского института и Р. Зон из министерства земледелия.

Известный американский журнал «Сайенс» в 1920—1921 гг. помещал на своих страницах ряд статей о положении ученых в России. В одном из номеров была опубликована статья члена американской миссии Красного Креста проф. Бикслоу об организации здравоохранения в России. Автор отмечал, что страна с населением 180 млн. человек, 85% которого проживает в деревне, организовала такую систему медицинского обслуживания, о которой США могут только мечтать [1]. В «Нью-Йорк таймс» был помещен отчет писателя Герберта Уэллса о поездке в Советскую Россию, о встрече с учеными. Его книга «Россия во мгле» была издана в Нью-Йорке [2]. Ее автор был принят президентом Академии наук А. П. Карпинским, известным ученым И. П. Павловым, С. Ф. Ольденбургом.

23 июня 1922 г. журнал «Сайенс» обратился к научным организациям, ученым издательствам с просьбой присылать ему книги, журналы, рукописи для отправки русским ученым и университетам. На призыв откликнулось 40 университетов и колледжей, 23 национальных общества и более 120 ученых [3]. Комитет технической помощи ученым Советской России в ноябре 1921 г. имел 40 отделов в крупнейших городах США, а к октябрю 1922 г. их число возросло до 75.

В истории научных связей между СССР и США большое значение имела переписка В. И. Ленина с ученым и инженером Ч. П. Штейнмецом, одним из ведущих специалистов крупнейшего электротехнического концерна США [4]. Штейнмец помещал в американской технической прессе статьи о мероприятиях, намеченных Советской Россией по электрификации страны. Одна из них — «Советский план электрификации России» — была напечатана в весьма распространенном журнале «Электрикал уорлд» [5].

В 1922 г. были установлены непосредственные контакты между Академией наук СССР и Национальной академией наук США. Налаживались связи по линии книгообмена. Так, в июне 1921 г. в Совнарком пришло письмо из библиотеки Иллинойского университета с предложением обмениваться официальными изданиями. В. И. Ленин дал указание управляющему делами Совнаркома Н. П. Горбунову немедленно ответить утвердительно. Советское правительство предлагало наладить книгообмен не только с Иллинойским университетом, но и другими научными учреждениями США. Среди первых советских организаций, которые стали практиковать международный книгообмен, была Академия наук. В начале 1922 г. в Академии было создано Бюро по международному книгообмену, которое с каждым годом расширяло круг своей деятельности.

---

[1] Science, 1920, vol. 47, p. 163.
[2] *Wells H. G.* Russia in the Shadows. N. Y., 1921.
[3] Science, 1922, vol. 56, p. 389.
[4] См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 45, с. 147—148, 532—534.
[5] Electrical World, 1922, vol. 80, p. 715—719.

Первые визиты советских ученых в США вызывали у американских ученых большой интерес. В рассматриваемый период Соединенные Штаты посетила большая по тому времени группа видных советских ученых, среди них академики Н. И. Вавилов, И. П. Павлов, В. Н. Любименко, Н. А. Максимов, Б. Л. Исаченко, К. Д. Глинка, К. К. Гедройц, Л. И. Прасолов, П. П. Лазарев, В. А. Стеклов, А. Ф. Иоффе, П. С. Александров, А. Н. Фрумкин, И. М. Губкин и др. Их визиты содействовали установлению непосредственных научных контактов с американскими учеными, способствовали прорыву не только научной, но и политической блокады.

Одним из первых совершивших поездку в США был академик Н. И. Вавилов. Он был командирован в 1921 г. для участия в Международном сельскохозяйственном конгрессе по борьбе с болезнями хлебных злаков. Имя Вавилова было хорошо известно в США. Н. И. Вавилов выступил на конгрессе с докладом об открытом им законе гомологических рядов наследственной изменчивости, позволившем по-новому решать важные проблемы эволюции растений, предсказывать и находить у различных сортов и видов ранее неизвестные наследственные признаки. Доклад Н. И. Вавилова привлек внимание. Отчеты о нем печатались в газетах, на видном месте публиковались портреты докладчика.

В 1930 г. Н. И. Вавилов вторично посетил США для участия в работе Международного конгресса по сельскохозяйственной экономике. Здесь он выступил с докладом «Наука и социалистическая реконструкция сельского хозяйства в СССР». По просьбе участников этого и проходившего одновременно Панамериканского научного конгресса в Вашингтоне Н. И. Вавилов прочел доклады о пятилетнем плане. В 1932 г. Н. И. Вавилов совершил третью поездку в США — на VI Международный генетический конгресс. Работа советских генетиков и селекционеров была высоко оценена научной общественностью зарубежных стран. Академик Н. И. Вавилов был избран вице-президентом конгресса. Он сделал доклад о планировании науки в Советском Союзе, который произвел большое впечатление на ученых США и других западных стран.

В 1926 г. в США состоялся Международный ботанический конгресс, на который были командированы 11 советских ученых, среди них С. Г. Навашин, Б. Л. Исаченко, В. Н. Любименко, Н. А. Максимов. Ученые США проявили большой интерес к достижениям советских ученых по вопросам ботаники, почвоведения, агрономии и проч. Оргкомитет конгресса обратился к советским ученым с просьбой сделать несколько докладов, и этой цели были посвящены два дня работы конгресса.

Привлекали внимание американских ученых и работы советских ученых в области почвоведения. В июне 1927 г. в США состоялся первый Международный конгресс почвоведов. Академия наук СССР командировала на этот конгресс делегацию из 12 человек, в состав которой входили академики К. Д. Глинка, К. К. Гедройц, Б. Б. Полынов, Л. И. Прасолов и др. Советские ученые пробыли в США два месяца. Члены советской делегации, возглавлявшейся академиком К. Д. Глинкой, активно участвовали в работе этого первого международного форума почвоведов, выступили с многочисленными докладами, познакомили делегатов с привезенными ими картами, диаграммами, учебниками и научными трудами по вопросам почвоведения. Американские почвоведы признали, что до знакомства с трудами советских ученых шли по ложному пути и лишь те-

перь получили возможность выйти на правильную дорогу [6]. Второй международный конгресс почвоведов состоялся в Ленинграде и Москве в 1930 г. Среди 130 зарубежных ученых 43 были из США.

В июне 1923 г. в США был командирован академик И. П. Павлов, приезду которого американские ученые придавали большое значение. Еще весной 1921 г. в Советскую Россию прибыл руководитель медицинского бюро Американской администрации помощи (АРА) профессор У. Х. Гент, который познакомился с академиком Павловым, и с осени 1922 г. он в течение семи лет работал у него в Институте экспериментальной медицины. Летом 1933 г. Гент вновь посетил СССР и длительное время жил в Колтушах. Гент руководил созданным в Америке Павловским обществом, с 1967 г. он издает журнал «Павловская психология».

Американская научная периодика посвятила специальные статьи академику И. П. Павлову. Журнал «Сайентифик мансли» опубликовал подробный реферат лекций Павлова, прочитанный им в Чикагском университете 5 июля 1923 г. После визита академика Павлова в США связи советских и американских физиологов значительно расширились и укрепились. Продолжалась переписка Павлова с ними, увеличились визиты в его лабораторию американских ученых, стали возможны выезды советских физиологов в США для научной работы. Визит в США академика Павлова оставил глубокий след у всех, кто с ним встречался или слушал его лекции.

В 1929 г. И. П. Павлов совершил вторичную поездку в США для участия в XIII Международном физиологическом конгрессе, где сделал доклад на тему «О роли торможения и нормальной деятельности больших полушарий». Пребывание Павлова в Соединенных Штатах совпало с его восьмидесятилетием, которое было торжественно отмечено. Американский ученый Дж. Келлог писал, что «визит профессора Павлова был триумфальным шествием. Он был принят всюду с таким уважением и с такими овациями, какие редко выпадали на долю ученых всех времен» [7].

Важное значение для укрепления советско-американских научных связей имели поездки в США академика А. Ф. Иоффе. Первая состоялась в 1926 г., когда он участвовал в съезде Американского физического общества. В 1927 г. Иоффе посетил США по приглашению заведующего кафедрой Массачусетского технологического института профессора Нортона. В ряде университетов и институтов промышленных компаний он выступал с лекциями о достижениях советской науки, которые вызывали большой интерес американских ученых.

В 1927—1928 гг. были установлены контакты советских и американских математиков. Начало этим контактам было положено поездкой в США П. С. Александрова. В соответствии с существовавшим тогда соглашением ему была предоставлена Рокфеллеровская стипендия для молодых ученых, и он провел год в Принстонском университете. Тогда в Принстоне Александров написал выдающуюся работу по форме и расположению замкнутых множеств. В 1930/31 г. П. С. Александров вторично посетил США по приглашению профессора математического факультета Принстонского университета, где он в течение года читал курс лекций о своих работах по топологии. С ответным визитом в СССР в 1931—

[6] Фронт науки и техники, 1931, № 6, с. 56.
[7] И. П. Павлов в воспоминаниях современников. Л., 1967, с. 280.

1934 гг. прибыл американский математик С. Лефшец, который выступал с лекциями.

Академия наук СССР всемерно способствовала научным контактам с американскими учеными и создавала возможности для их исследований в нашей стране. Об этом свидетельствуют визиты в 1923 и в 1927 гг. профессора Колорадского университета Теодора Кокерилла.

Важным этапом в развитии международных связей советских ученых явилась состоявшаяся в 1925 г. Юбилейная сессия Академии наук СССР, посвященная ее 200-летию. Однако принять личное участие в юбилейных торжествах Академии наук СССР смогли лишь немногие американские ученые. В 1927 г. СССР посетила группа американских профессоров, входившая в состав делегации Американского союза железнодорожников и некоторых отделений Американской федерации труда. Американские ученые пробыли в СССР два месяца и, кроме Москвы, посетили Ленинград, Харьков, Тбилиси, Баку и ряд рабочих районов для ознакомления с состоянием промышленности, сельского хозяйства, ролью профсоюзов и жизнью советских людей. По возвращении в США делегация опубликовала отчет о поездке, в котором высказалась за немедленное признание СССР.

Находившийся в Ленинграде профессор Колумбийского университета физик Зиф посетил Академию наук СССР и ознакомился с ее научными учреждениями и музеями. В беседе с вице-президентом Академии академиком А. Е. Ферсманом профессор Зиф отметил, что никогда ранее не ощущалась такая острая потребность в сотрудничестве американских и русских ученых.

В январе 1930 г. профессор Морден и доктор Грэвс обратились в Академию наук СССР с просьбой разрешить им приехать на Алтай для сбора фауны, и она была удовлетворена.

Установление дипломатических отношений между СССР и США открыло новую полосу в советско-американских научных связях. Президент АН СССР академик А. П. Карпинский отметил, что установление нормальных дипломатических отношений между СССР и США принесет пользу прежде всего делу всеобщего мира, о котором неустанно заботится наша дипломатия. Оно открывает широкие возможности для торговли и технического сотрудничества между СССР и Америкой в самых различных областях хозяйства. Вместе с тем перед научными учреждениями Союза открываются большие возможности сотрудничества и обмена опытом с научными учреждениями Америки [8].

Одним из показателей стремления к укреплению научных связей с СССР было создание курсов ускоренного изучения русского языка. Летом 1934 г. такие курсы функционировали в Гарвардском университете, в 1935 г.— в Колумбийском, в 1936—1937 гг.— в Калифорнийском, а затем стали регулярно проводиться в нескольких других университетах США.

Представители американской науки приглашались на многие мероприятия, проводимые советскими учеными. Так, в 1934 г. в работе съезда Менделеевского химического общества, посвященного 100-летию со дня рождения Д. И. Менделеева, принимал участие профессор Калифорний-

---

[8] Moscow Daily News, 1933, 25 Nov.

ского университета Мак-Бейн. С. Лефшец выступил с докладом на Втором съезде советских математиков в Ленинграде.

В сентябре 1936 г. ряд видных американских математиков участвовали в симпозиуме, посвященном одному из важнейших разделов математической науки — топологии. Х. Уитней выступил на нем с двумя докладами: «Дифференциальные многообразия в евклидовом пространстве» и «Пространства сфер».

В августе 1935 г. в Ленинграде и Москве состоялся международный конгресс физиологов, в работе которого приняли участие 1500 ученых из 37 стран. Собравшиеся в огромном зале Таврического дворца делегаты с напряженным вниманием слушали призыв Павлова к международному научному сотрудничеству и его горячее осуждение войны. Крупный ученый США профессор У. Кеннон выступил с большим докладом «Некоторые выводы из факторов химической передачи нервных импульсов».

В 1937 г. наша страна отмечала 20-летие образования Советского государства. Поэтому решение в 1933 г. мирового сообщества геологов о созыве очередной, XVII сессии Международного геологического конгресса в Москве имело особо важное значение.

В работе XVII сессии Международного геологического конгресса приняли участие 250 иностранных ученых (записалось более 500) из 47 стран. Было заявлено 400 докладов. В 10 секциях, где шла основная работа, главной темой была «Проблема нефти», причем доклады советских и американских ученых привлекли заметное внимание. Наибольший интерес участников конгресса вызвали доклады академика И. М. Губкина «Мировые запасы нефти» и «Генезис нефтяных месторождений Северного Кавказа». С интересом были приняты доклады академика В. И. Вернадского «Радиология и ее значение для современной геологии» и академика В. А. Обручева «О докембрии Сибири».

Большой интерес к проведению в СССР XVII сессии Международного геологического конгресса проявили американские ученые. 65 человек представляли все ведущие геологические как правительственные, так и университетские научные центры Соединенных Штатов.

В этот же период стали налаживаться научный обмен и сотрудничество советских ученых с прогрессивными учеными США в области общественных наук. Так, в 1935—1937 гг. в Институте философии Академии наук СССР занимался научной работой Дж. Сомервилл из Колумбийского университета.

В годы второй мировой войны научные связи продолжали развиваться. Профессор Гарвардского университета У. Кеннон возглавлял советско-американскую медицинскую ассоциацию, редактировал журнал «Американское обозрение медицины», популяризировавший достижения советской медицинской науки, горячо отстаивал необходимость дружбы между советским и американским народами.

Ассоциация, которую он возглавлял, в 1943 г. в честь 26-й годовщины Октябрьской революции и побед Советской Армии устроила в отеле «Командор» торжественный обед, на котором присутствовали 350 человек. В своей речи профессор Кеннон отметил решающую роль СССР в борьбе против фашизма: «Если американский и русский народы будут сотрудничать в условиях взаимной симпатии и понимания, обе стороны могут стать очень влиятельными. Нет лучшего пути к взаимопониманию, чем близкое знакомство. Именно благодаря моей вере в это я глубоко

удовлетворен возможностью развивать дружественные отношения между нашими двумя странами через Американскую медицинскую ассоциацию»[9].

В 1942 г. в связи с 25-летием Советской власти общее собрание Академии наук СССР избрало почетными членами Академии ряд выдающихся ученых зарубежных стран, в том числе и американских ученых Эрнеста Лауренса, Уолтера Кеннона, Гелберта Льюиса.

Ученые США в связи с этим обратились в Академию наук со специальными письмами, в которых выражалось глубокое восхищение русскими учеными. В частности, Г. Льюис писал: «Я весьма польщен этим включением меня в знаменитую группу русских ученых. Особенно горжусь в настоящее время быть в нации героев»[10].

Сотрудничество и взаимная помощь во время войны, вытекавшие из общности национальных интересов обеих стран, значительно упрочили советско-американские отношения. Тесные дружеские связи продолжали складываться и укрепляться в области науки. Библиотека конгресса США в знак признания героических усилий советского народа организовала выставку «Последние 25 лет — ренессанс русской культуры». Фредерик Бреш в журнале «Сайенс» представил подробную историю Академии наук СССР[11].

В целях укрепления сотрудничества ученых в области медицины Советское правительство предложило администрации США организовать обмен информацией по отдельным аспектам исследований в этой области, представляющий интерес для обеих стран. Было заключено соответствующее соглашение. 14 января 1944 г. американские ученые прибыли в Москву и находились здесь до 11 февраля. Они посетили научные учреждения и участвовали в ряде конференций.

Передовые ученые США выступали за расширение научных контактов и связей между США и СССР. Эта идея была выражена профессором Стюартом Мэддом (Пенсильванский университет) в речи на обеде, организованном Американо-русским институтом в Нью-Йорке в 1944 г. Отметив большой вклад русской науки в мировую культуру и упомянув о значении трудов Менделеева, Мечникова, Павлова, он указал, что в Советском Союзе просвещение и наука стали всеобщим достоянием и пользуются поддержкой государства. Достижения советской науки обеспечили блестящий успех русского оружия. Необходимо стремиться к тесному сотрудничеству между советскими и американскими учеными и взаимному ознакомлению с научными достижениями. Профессор Мэдд предложил наладить после войны обмен учащимися, профессорами и исследователями, учредить в американских университетах стипендии имени великих русских ученых для советских студентов, знающих английский язык[12].

В 1944 г. в США был создан Комитет по связи с СССР в области науки. В журнале «Сайенс»[13] президент комитета профессор Л. С. Данн опубликовал статью, в которой подчеркивалось, что успехи советской

---

[9] An American Phisiologist about in the Red Army.— Daily Worker, 1944, Febr.
[10] Вестник АН СССР, 1942, № 5/6, с. 21.
[11] Science, 1944, vol. 99, p. 437—441.
[12] Science, 1944, vol. 100, p. 486—487.
[13] Ibid., 1945, vol. 101, p. 200.

науки в годы войны стимулировали интерес к жизни Советского государства, к изучению русского языка в американских университетах.

Некоторые научные организации США избрали видных советских ученых своими почетными иностранными членами. Так, академик И. М. Виноградов был в 1942 г. избран членом Американского философского общества в Филадельфии. Академик А. Н. Бах в том же году избран почетным членом химического общества. Академик П. Л. Капица в 1944 г. был избран почетным членом Института Франклина и награжден медалью имени Франклина.

Советско-американские связи в области науки и в мирные годы, и в условиях военного времени могли бы быть более активными. Однако Национальная академия наук США, Американская академия искусств и наук в Бостоне, ряд других научных организаций США проявляли определенную сдержанность в развитии научных контактов с советскими научными организациями и учеными. Это относилось также и к предвоенным годам, что определялось общим развитием советско-американских отношений и международной обстановкой. Само же развитие научных контактов между учеными было плодотворным, способствовало решению задач в области науки. Научные связи носили в то время сравнительно автономный характер. Органы государственной власти не считали возможным вмешиваться в них.

2. КУЛЬТУРНЫЕ КОНТАКТЫ

Советское правительство предпринимало настойчивые усилия, направленные к установлению связей между двумя странами в области культуры. Несмотря на политические трудности, отсутствие дипломатических отношений между СССР и США, взаимные контакты в различных сферах художественной деятельности носили многообразный характер: здесь были и обоюдные визиты деятелей культуры, перевод и изучение литературных произведений, взаимное творческое освоение художественного опыта и художественных традиций.

У истоков литературных контактов между двумя странами стоят с советской стороны Горький и Маяковский, с американской — Джон Рид, Альберт Рис Вильямс, те прогрессивные журналисты и публицисты (Л. Брайант, Б. Битти, Л. Стеффенс, Р. Майнор и др.), которые запечатлели первые шаги молодого Советского государства. Джон Рид, сыгравший в этом плане «пионерскую» роль, встречался в начале 1918 г. в Петрограде с М. Горьким, а позднее с В. Маяковским, Д. Бедным, посещал мастерские Окон РОСТА, в 1919 г. он написал предисловие к американскому изданию романа И. С. Тургенева «Дым». Вопросы культурного строительства и литературы привлекали внимание А. Р. Вильямса во время его пребывания в СССР в 20—30-е годы. Он особенно интересовался фольклором, народными песнями, которые записывал. В очерке «В глухих деревнях Севера» из книги «Русская земля» (1928) он рассказывает о встрече со знаменитой народной сказительницей Марией Кривополеновой.

В первое послеоктябрьское десятилетие, когда в США появлялось немало клеветнических книг о Советской России, ее «отсталости», неспособности построить новое общество, «терроризме» диктатуры пролетариата и т. п., честные писатели и журналисты приезжали в Советскую

страну, стараясь непредвзято разобраться в увиденном, понять «коммунистический эксперимент» в действии, в динамике. При этом они сталкивались с новой реальностью, художественно еще не освоенной, их впечатления отливались в различные формы художественной документалистики.

Среди этих писателей были Т. Драйзер[14], издавший в 1928 г. книгу «Драйзер смотрит на Россию», А. Р. Вильямс. Журналистка Дороти Томпсон, автор написанной в форме путевого дневника книги «Новая Россия» (1928), не закрывая глаза на сложность стоящих перед Советской страной задач и многие трудности роста, приходила к решающему выводу, что русский опыт имеет огромное значение для всего мира. Среди гостей из-за океана в 20-е годы мы встречаем имена негритянского поэта Клода Маккея, У. Э. Б. Дюбуа, Майкла Голда, Джона Дос Пассоса.

Особое внимание прибывающих в СССР американцев привлекают те глубочайшие и стремительные социалистические преобразования, которые происходят в некогда отсталых окраинах царской России, прежде всего в Средней Азии[15]. Большое значение имела деятельность Анны Луизы Стронг (1885—1970), впервые приехавшей в Советскую Россию еще в 1921 г., участвовавшей в организации детских домов в Поволжье, что освещается в ее книге «Дети революции» (1925). В 1928—1931 гг. она совершила длительные поездки в Среднюю Азию, Узбекистан и Таджикистан. Ее впечатления нашли воплощение в двух документально-очерковых книгах — «Красная звезда над Самаркандом» (1929) и «Дорога к седому Памиру» (1931).

В отличие от некоторых журналистов, завороженных восточной экзотикой, А. Л. Стронг стремилась познать социально-историческую суть происходящих процессов. Новые современные здания, гидростанции, фабрики, выраставшие на глазах рядом со старинными мечетями, сделались для нее символическим выражением революционного процесса, равно как и свидетельством братской помощи, оказываемой русским народом среднеазиатской окраине. Традиция, заложенная А. Л. Стронг, была развита другими прогрессивными писателями США, которые приезжали в Среднюю Азию (Л. Хьюз, Дж. Кьюнитц, У. Э. Б. Дюбуа, У. Паттерсон, У. Помрой, М. Давидов и др.)[16].

Первым советским писателем, отправившимся за океан, был Сергей Есенин. Вместе с Айседорой Дункан он находился там с октября 1922 г. по февраль 1923 г., посетил Нью-Йорк, Чикаго, Бостон, Филадельфию и

---

[14] О новых материалах, связанных с поездкой Т. Драйзера, см.: *Засурский Я. Н.* Теодор Драйзер. М., 1977; *Гиленсон Б. А.* Социальная сила, преобразующая мир.— Иностр. лит., 1971, № 8.

[15] Подробнее см.: Звезда Востока, 1977, № 11.

[16] Знаменательно, что советско-американские контакты сами сделались объектом художественного изображения. В центре новеллы Т. Драйзера «Эрнита» судьба американки, члена ИРМ, приехавшей в СССР вместе с группой специалистов работать в Кузбасс. В ранней пьесе Н. Ф. Погодина «Темп» (1929), запечатлевшей некоторые обстоятельства строительства Сталинградского тракторного завода, среди действующих лиц — американский инженер Картер. В романе Э. Синклера «Джимми Хиггинс» главный герой испытывает воздействие революционной пропаганды русского большевика Калинкина. Известно, что Синклер долгое время трудился над романом об американских друзьях Октябрьской революции: Джоне Риде, А. В. Вильямсе, Х. Вэре и других, но не сумел завершить своего замысла. Поистине хрестоматийным стал яркий «американский» эпизод в пьесе Вс. Иванова «Бронепоезд 14-69».

другие города. Американские впечатления поэта нашли отражение в очерке «Железный Миргород», содержавшем весьма резкую, хотя и несколько одностороннюю, оценку культуры и духовной жизни США — страны, в которой господствует «засилье доллара».

Немалый общественный резонанс имел и визит в США Маяковского в 1925 г. Поэт питал стойкий интерес к Америке, ее людям, ее культуре: об этом свидетельствует американская тема в поэме «150 000 000» (1917), увлечение советского поэта Уитменом, а также Джеком Лондоном, его дебют в кино (1918) в роли Ивана Нова в фильме, снятом по мотивам «Мартина Идена». Американские впечатления отразились в таких его стихах, как «Бродвей», «Небоскреб в разрезе» и др., в блестящем очерке «Мое открытие Америки». Прогрессивная пресса в США тепло встретила поэта [17].

Важную роль в деле установления взаимопонимания между общественностью двух стран сыграл в послеоктябрьские годы Горький, авторитет которого за океаном был исключительно высок [18]. В рамках созданного им после революции издательства «Всемирная литература» был организован англо-американский отдел, во главе которого стал К. И. Чуковский, много сделавший, в частности, как исследователь, пропагандист и переводчик Уолта Уитмена. Автор «Листьев травы» с его космизмом, интернационализмом, пафосом всечеловеческого братства оказался весьма созвучным настроениям первых послеоктябрьских лет. Его влияние можно проследить в творчестве пролетарских поэтов из группы «Кузница» (А. К. Гастев, С. А. Обрадович и др.).

В первое послеоктябрьское десятилетие интерес к литературе США был велик, издавалось много книг американских авторов, публиковались собрания сочинений Купера, Лондона, Твена, Драйзера. Всего в 20-е годы на русский язык перевели произведения 91 американского автора, из них 80 — впервые [19]. Наиболее популярной фигурой в эти годы был Эптон Синклер: антикапиталистический пафос его романов, интерес к теме труда, рабочего класса — все это отвечало настроениям новой читательской аудитории. Э. Синклер был многими нитями связан с русской литературой XIX в., неизменно восхищаясь Толстым как обличителем, социальным реформатором и проповедником. С 1912 г. он состоял в переписке с М. Горьким, который заинтересованно содействовал публикациям Э. Синклера в России. А. В. Луначарский считал автора «Джимми Хиггинса» одним из наиболее любимых авторов публики, чьи произведения расходятся в несметном количестве экземпляров [20]. В письме В. И. Ленину Луначарский выразил убеждение, что Ильич прочтет роман «Джимми Хиггинс» с большим удовольствием [21].

[17] Пребывание Маяковского в США обстоятельно освещено в советской критике, в работах В. А. Катаняна, В. О. Перцова, А. И. Метченко и др. См. также: *Кэмрад С.* Маяковский в Америке. М., 1970.

[18] *Гиленсон Б.* Горький и прогрессивная американская общественность, 1917—1924 гг.— Вопр. лит., 1968, № 6.

[19] *Либман В. А.* Американская литература в русских переводах и критике: Библиография, 1776—1975. М., 1977.

[20] Осенью 1920 г. в интервью, данном Л. Брайант, вдове Джона Рида, Н. К. Крупская высоко отозвалась о романе Синклера «Джимми Хиггинс». Видимо, этот разговор стал известен Синклеру, который вскоре выслал ей ряд своих произведений. В личной библиотеке В. И. Ленина в Кремле хранятся экземпляры шести романов Синклера с дарственными надписями автора.

[21] См.: Ленин и Луначарский.— В кн.: Литературное наследство. М., 1971, т. 80,

Выдвижение в первое послевоенное десятилетие группы писателей критико-реалистической направленности, известных под именем «людей 20-х годов» (С. Льюис, Ш. Андерсон, Ю. О'Нил, Дж. Дос Пассос и др.), привлекло внимание советской критики. Их произведения, вызвавшие одобрение и горячий интерес М. Горького, начали переводиться и рецензироваться.

У истоков изучения литературы США в СССР стоят молодые критики (С. С. Динамов, А. И. Старцев, А. А. Елистратова и др.): в конце 20-х — начале 30-х годов появляются их первые работы. Особенно следует отметить роль С. С. Динамова, первого исследователя Драйзера, автора работ о Дж. Риде, Ш. Андерсоне, Джо Хилле и др. В это время происходит решительное улучшение качества переводов англо-американской прозы благодаря деятельности переводческого семинара, руководимого И. А. Кашкиным (М. Ф. Лорие, Н. А. Волжина, Е. Д. Калашникова и др.).

Начинается и освоение советской литературы в США, появляются переводы советских авторов («Неделя» Ю. Н. Либединского, «Цемент» Ф. В. Гладкова, «Конармия» И. Э. Бабеля, «Дневник Кости Рябцева» Н. Огнева, произведения Л. Н. Сейфуллиной, В. П. Катаева, А. М. Коллонтай и др.), которые систематически рецензируются. Растущий интерес к искусству первого социалистического государства непосредственно связывался марксистской критикой в США с задачами борьбы за новую революционную литературу. Заметную роль в ознакомлении прогрессивной американской общественности с достижениями культуры в СССР сыграла книга «Голоса Октября» (1930) трех авторов — Дж. Фримена, Дж. Кьюнитца, Л. Лозовика, в которой содержалась панорама развития литературы, театра, кино, музыки, архитектуры в СССР. Устанавливаются и первые непосредственные контакты между писателями СССР и теми американскими литераторами левой ориентации (М. Голд, Дж. Фримен), которые были связаны с Компартией и рабочим движением. Созданные в 1929 г. в США «Клубы Джона Рида» направили делегацию на Международную конференцию революционных писателей в Харьков в 1930 г.

В «красные тридцатые» интерес к советской литературе и искусству приобрел принципиальную значимость. В условиях непрекращавшейся полемики вокруг «коммунистического эксперимента» большую роль сыграли те честные свидетельства американских писателей, журналистов, публицистов, которые приезжали в Советский Союз в годы первых пятилеток.

Среди них были прогрессивные журналисты Корлисс и Маргарет Ламонты, авторы написанной в форме путевого дневника книги «Россия день за днем» (1932). Рассказав о путешествии от Москвы до Сталинграда и по Украине, они давали в целом глубоко положительную оценку увиденному, особенно отметив такие достижения социализма, как ликвидация безработицы, равноправие женщин, успехи науки и образования. В книге «Заря над Россией» (1932) У. Фрэнк, известный американский

с. 293. Известно, что В. И. Ленин и Н. К. Крупская познакомились с «Джимми Хиггинсом» в оригинале, а перевод был сделан по инициативе Луначарского. Роман этот был чрезвычайно популярен: сценарий, написанный по нему И. Э. Бабелем, был экранизирован на Одесской киностудии в 1929 г. См. также: Иностр. лит., 1978, № 10.

романист, публицист и культуролог, констатировал происходящие в СССР перемены огромной исторической значимости, что делает Россию «самой мощной твердыней в сфере человеческого духа» [22].

Вехой в идейно-художественной эволюции молодого прогрессивного негритянского поэта Л. Хьюза стало его пребывание в Советском Союзе в 1932—1933 гг. В брошюре «Негр смотрит на Советскую Среднюю Азию» (1934), соединяющей путевые зарисовки с социальным комментарием и обобщениями, Хьюз пишет о коренных революционных переменах в экономике, бытовом укладе, духовной жизни этой некогда отсталой окраины царской России. Глубокие социалистические преобразования в Средней Азии — тема книги Дж. Кьюнитца «Заря над Самаркандом» (1936). Писательница Майра Пейдж, прожившая около двух лет в СССР, в очерковой книге «Советская главная улица» (1933) на примере Подольска показала глубинные процессы социалистических преобразований во всех сферах материальной и духовной жизни. Пейдж написала и единственное художественное произведение, посвященное Советской России в годы пятилеток,— роман «Янки в Москве» (1935), герои которого — американские специалисты, работающие на советском заводе.

Журналистка Элла Уинтер, жена Линкольна Стеффенса, в книге «Красный добродетель. Человеческие отношения в новой России» (1933), опираясь на богатые личные наблюдения, дала высокую оценку прогрессу, достигнутому в сфере семейно-нравственной, а также в области литературы и искусства. Альберт Рис Вильямс выпускает построенный на многолетних разысканиях фундаментальный труд «Советы» (1937), своеобразную энциклопедию «советского образа жизни». Вообще «советский фактор» играл весомую роль в литературном процессе. Такой далекий от политики художник, как Т. Вулф, по его свидетельству, в середине 30-х годов «вынашивал план монументальной работы в трех томах „Успех русского коммунизма“».

В 30-е годы в США возрастает интерес к советской литературе, что, в частности, проявилось в отношении к I Всесоюзному съезду писателей [23]. В 1937 г. на Втором конгрессе Лиги американских писателей А. Р. Вильямс прочел доклад «Миллиарды книг», в котором охарактеризовал размах культурной революции в Советском Союзе, связанный с приобщением широчайших масс к сокровищам литературы.

Событием в литературной жизни США стало издание летом 1934 г. первых двух частей «Тихого Дона» Шолохова. Даже критики консервативного толка вынуждены были признать впечатляющую силу этого произведения. Высокую оценку получила и вышедшая в 1935 г. «Поднятая целина», поставившая, по мнению Г. Хикса, ее автора в число великих русских писателей. В это десятилетие появляются переводы книг А. Н. Толстого, И. Г. Эренбурга (его статьи часто печатались в «Нью мэссиз»), В. П. Катаева, Н. А. Островского, Л. М. Леонова и др. Произведения советских писателей, их опыт нередко подсказывали американ-

---

[22] *Frank W.* Dawn in Russia. N. Y., 1932, p. 272.

[23] Идея сплочения писателей, осуществленная в СССР, по-своему стимулировала передовых литераторов США в их столь явно проявившемся в 30-е годы стремлении к объединению, к выработке общей платформы. Это нашло выражение в создании Лиги американских писателей; ее первый конгресс состоялся в апреле 1935 г. в Нью-Йорке. В почетный президиум от СССР были избраны А. М. Горький, М. А. Шолохов, Ф. В. Гладков, С. М. Третьяков, С. С. Динамов.

ским левым критикам решение важных теоретических вопросов развития передового искусства. В результате расширения советско-американских культурных связей назрела потребность в специальном журнале, посвященном СССР. Им стал начиная с 1932 г. ежемесячник «Совьет Раша тудей» во главе с Джессикой Смит.

Антивоенные, антифашистские статьи и очерки Горького систематически печатались на страницах американской прессы радикальной ориентации. В ноябре 1932 г. литературная общественность США отметила 40-летие творческой деятельности основоположника социалистического реализма. Орган Компартии США — газета «Дейли уоркер» писала: «Американские трудящиеся должны знать и ценить Горького, поскольку он их писатель, так же как и писатель России» [24].

Кончина Горького болью отозвалась в сердцах передовых писателей США. Свое слово памяти Горького Драйзер озаглавил «Горький будил мысль». Проникновенными словами отозвались на его кончину К. Сэндберг, А. Мак-Лиш. Опыт Горького активно усваивался левыми писателями в пору «красного десятилетия» [25].

В 30-е годы появляются переводы стихов Маяковского; в числе переводчиков был поэт Л. Хьюз. Прогрессивная Америка отметила десятую годовщину со дня смерти поэта, когда был выпущен сборник стихов Маяковского в переводах И. Шнайдера, А. Кауна и Д. Д. Бурлюка; сюда вошло также несколько критических статей о творчестве поэта.

Свидетельством упрочения писательских связей стало посещение зимой 1935/36 г. Соединенных Штатов И. Ильфом и Е. Петровым, итогом чего стала их известная книга «Одноэтажная Америка» (1936).

Впечатляющие успехи американской прогрессивной литературы 30-х годов стали объектом пристального, заинтересованного внимания советской критики; переводчики знакомили читателей со всем новым и интересным, что появлялось в это время за океаном. Именно в эти годы было «открыто» творчество Дж. Стейнбека, Э. Колдуэлла, Р. Райта, К. Одетса; активно переводились также Хемингуэй, Андерсон, Дос Пассос [26], Драйзер, в публицистике которого советская тема играла в 30-е годы важную роль. Увидели свет на русском языке лучшие образцы пролетарского романа, книги М. Голда, Дж. Конроя, Дж. Хербст и др.

Художественная жизнь в США стала систематически освещаться на страницах советской литературной периодики, прежде всего в журнале «Интернациональная литература», в котором работала группа высококвалифицированных критиков-американистов: И. И. Анисимов, И. А. Кашкин, А. И. Старцев, П. С. Балашов, Н. М. Эйшискина и др.

Годы войны, когда СССР и США сражались против общего врага, отмечены особенно интенсивными контактами в культурной, художественной сферах. Многие авторитетные деятели американской культуры (Драйзер, Синклер, Хемингуэй, Колдуэлл, Сэндберг, Райт, Чаплин, Кент, Вильямс, де Крюи и др.) решительно выразили свою солидарность с советским народом, подвергшимся вероломной фашистской агрессии.

Группа американских корреспондентов и журналистов находилась в

[24] Daily Worker, 1932, Nov. 18.

[25] Горьковские чтения, 1978. Горький, 1978.

[26] На страницах журнала «Знамя» (1933, № 5) была проведена дискуссия «Советская литература и Дос Пассос», в которой приняли участие А. А. Фадеев, В. В. Вишневский, И. Л. Сельвинский, В. Я. Кирпотин, В. О. Перцов и др.

Советском Союзе, освещая ход событий на советско-германском фронте. Их в целом объективные, проникнутые симпатией к советским людям репортажи и книги помогали читателям за океаном понять и представить себе, что происходит на Востоке [27]. Э. Колдуэлл, который пробыл в Москве до сентября 1941 г., видел первые налеты немецкой авиации на столицу, выезжал на Западный фронт под Ельню, выступал по московскому радио для Америки. В книге «Дорога на Смоленск» (1942) он писал: «Героизм народа, его стремление победить, наверно, не имеют себе равных в истории» [28].

В книге журналиста Генри Кессиди «Московский дневник» (1943), посвященной обороне столицы, воздано должное героизму народного ополчения, мужеству Советской Армии, искусству ее командования, скрытно подготовившего мощное контрнаступление. «Генерал Зима,— писал Кессиди,— отнюдь не воевал на стороне Красной Армии... Битва под Москвой была выиграна благодаря умному и дальновидному маневру, явившемуся полной неожиданностью для неприятеля. Самым важным фактором была тактика Красной Армии» [29]. О мужестве советских людей в первый, самый трудный период войны свидетельствовал журналист Ларри Лесур в книге «12 месяцев, которые изменили мир» (1943) — дневнике с октября 1941 г. по октябрь 1942 г. Журналист Джеймс Браун в книге «Россия борется» (1943) свидетельствовал о том, что одним из источников героического сопротивления советского народа был его высокий патриотизм [30].

Но, конечно, войну выигрывала не техника, а прежде всего люди, те, кто выносил на своих плечах наибольшие тяготы войны. А. Р. Вильямс в книге «Русские. Страна, народ, за что они сражаются» (1943) писал, что «секретным оружием русских» был новый советский человек, воспитанный в условиях социалистического строя, преданный его идеалам.

Мысль о том, что единство народа, достигнутое в условиях социализма, сплавленное с боевым духом и силой Советского Союза, создало непобедимое единство моральных и боевых качеств Советской Армии, лежит в основе книги прогрессивной журналистки Эллы Уинтер «Я видела русский народ» (1944). Об этом же пишет и Джером Дэвис в книге «Истоки советской мощи» (1946). Испытанный друг Советского Союза, неоднократно приезжавший в нашу страну, стремившийся в своих работах помочь соотечественникам избавиться от «антибольшевистского комплекса», Дэвис анализировал разные аспекты экономической, социальной, духовной, культурной жизни в СССР. Он приходил к выводу, что решающим фактором победы был социализм. В предисловии к этой книге он писал: «Когда Германия предательски напала на нее 22 июня 1941 года, я публично заявил, что Россия никогда не будет побеждена... Позднее я предсказал, что Красная Армия первой войдет в Берлин» [31].

Молодой прогрессивный американский журналист Ричард Лаутербах, автор книги «Таковы эти русские» (1945), подчеркивал историческую

---

[27] Дорога на Смоленск: Американские писатели и журналисты о Великой Отечественной войне советского народа 1941—1945. М., 1985 / Вступ. ст. С. А. Дангулова; Сост., предисл. и коммент. Б. А. Гиленсона.

[28] *Caldwell E.* All-Out on the Road to Smolensk. N. Y., 1942, p. 78.

[29] *Cassidy H.* Moscow Dateline. N. Y., 1943, p. 161.

[30] *Brown J.* Russia Fights. N. Y., 1943, p. 160—161.

[31] *Davis J.* Behind the Soviet Power. N. Y., 1946, p. 6.

роль партии коммунистов: «Партия была повсеместно: в глухих белорусских лесах, организовывая партизанские отряды, на сибирских заводах, помогая поднимать продукцию, в колхозах, в органах печати и радио, в армии... Коммунисты осуществляли руководство, в их руках была программа борьбы и средства ее осуществления... Партия рекрутировала, закаляла, убеждала. Каждый день она обращалась к миллионам через газету „Правда", она разговаривала посредством политических работников в армии и флоте; ее голос был слышен в подполье, в немецком тылу, куда направлялись самые испытанные ее члены. Она цементировала крепость» [32].

В годы войны возрос интерес в США к советской и русской культуре. Событием художественной жизни стал выход летом 1941 г. американского издания 3-го и 4-го томов «Тихого Дона» Шолохова. Популярностью пользовались также произведения, запечатлевшие подвиг советского народа в борьбе с фашизмом, статьи и очерки К. М. Симонова, И. Г. Эренбурга, пьесы А. Е. Корнейчука, Л. М. Леонова. Американцы нередко воспринимали и русскую классику в свете современности и антифашистской борьбы. Нью-йоркское издание «Войны и мира» Толстого в 1942 г. было, например, дополнено картой похода Наполеона на Россию в 1812 г. и советско-германского фронта в 1941 г. В предисловии критика К. Федимена высказывалось убеждение, что Гитлера постигнет участь Наполеона.

Действенную роль в распространении правды о СССР продолжал играть в это время журнал «Совьет Раша тудей». Среди его авторов был фактически весь цвет прогрессивной американской литературы: поэты Л. Хьюз, Ж. Тэггард, С. Бенэ, драматурги К. Одетс и Э. Райс, а также немецкие писатели-антифашисты А. Зегерс, Э. Э. Киш. В публицистических статьях горячо приветствовал успехи советского оружия Драйзер; Л. Хьюз написал стихотворение «Сталинград»; твердыне на Волге посвятил стихи и У. Р. Бене. Роман Э. Колдуэлла «Всю ночь напролет» был посвящен советским партизанам.

Несмотря на трудности военного времени, в СССР продолжалась работа по изданию американских авторов, как классиков, так и современных. Отдельными книгами и в журналах печатались произведения У. Уитмена, Марка Твена, О. Генри, Дж. Лондона, а также Э. Колдуэлла, Э. Синклера и др.

Важной вехой в развитии связей в области театрального искусства явились гастроли МХАТа в США в 1922—1924 гг. К этому времени американцы были уже подготовлены, как назвал один из критиков, к «русскому вторжению на американскую сцену»: с начала 1900-х годов в театрах США шли пьесы Гоголя, Горького, Чехова, Толстого, Андреева. Интерес к русскому театру в США был велик: в 1917—1918 гг. в Советской России находился американский писатель Оливер Сейлор, собиравший материал для монографии «Русский театр в период революции» (1920).

Гастроли МХАТа начались в январе 1923 г. в Нью-Йорке, затем были продолжены в других городах с огромным успехом. Спектакли, продолжавшиеся до мая 1924 г., стали подлинным событием в культурной жизни США. Подводя итоги гастролям, Станиславский писал: «Мы —

[32] *Lauterbach R.* These are the Russians. N. Y., 1945, p. 269.

первые и наиболее убедительные послы из России, которые принесли Америке не сухие пункты торгового договора, а живую русскую душу, к которой Америка почувствовала тяготение» [33]. Через год, в 1925 г., в США приехала на гастроли Музыкальная студия МХАТа, руководимая В. И. Немировичем-Данченко [34]. С середины 20-х годов видные американские театральные деятели становятся частыми гостями нашей страны, в их числе Ли Симонсон, Хелли Фланеген, Джордж Вуд Кратч и др. Критик Кратч обращает внимание на «органическую связь с жизнью окружающих его людей, которая составляет главную особенность русского театра» [35].

Деятелей американской сцены, а также теоретиков театра особенно привлекает режиссерская практика Станиславского, Вахтангова, Мейерхольда, Таирова. «Ни в одной стране не появлялось театра, столь оригинального, сильного, целеустремленного, столь богатого человеческим содержанием, как в Советской России»,— констатировал критик Хантли Картер в книге «Новый театр и кино в Советской России» [36]. Продолжая работать в этой области, Картер выпускает серьезный и объективный труд «Новый дух русского театра, 1917—1928», вышедший в 1929 г. в Нью-Йорке, Лондоне и Париже. В 1920—1945 гг. в американских театрах шло около 50 русских пьес, классических и современных, в том числе Чехова, Толстого, Гоголя, Горького, Катаева, Третьякова, Киршона, Погодина, Симонова и др.

В свою очередь, в 20-е годы советские театры впервые начали освоение американской драматургии, в частности пьес Синклера «Моб», «Хобо». Примечательным явлением стали и постановки пьес Юджина О'Нила А. Таировым в Московском камерном театре. О'Нил воплощал для Таирова то трагическое мироощущение, тот «насыщенный реализм», к которому шли выдающийся советский режиссер и руководимый им театр.

В 30-е годы театральные связи продолжали углубляться. Один из руководителей прогрессивного театрального объединения «Груп тиэтр», Гарольд Клермен, дважды (1933, 1935) посещал Москву, где встречался со Станиславским, Мейерхольдом, Эйзенштейном и драматургом Афиногеновым. Познакомившись с театральной жизнью советской столицы, Клермен был приятно обрадован богатством репертуара, разнообразием, многоплановостью художественных стилей и форм, взволнованной реакцией зрителей. В 1934 г. Москву посетили еще два ведущих режиссера «Груп тиэтр» — Стелла Адлер и Ли Страсберг; последний преподавал в Американском театре-лаборатории, где отрабатывал со слушателями некоторые художественные приемы, практиковавшиеся во МХАТе.

Один из руководителей Федерального театрального проекта (ФТП) — режиссер Хелли Фленеген совершила несколько поездок в СССР (в 1926, 1932 и 1936 гг.). По словам театроведа Джейн де Харт Метьюз, «в студиях бывшего ученика Станиславского Всеволода Мейерхольда, а также Александра Таирова Фленеген обнаружила те новые художест-

[33] *Станиславский К. С.* Собр. соч.: В 8-ми т. М., 1954—1961, т. 8, с. 46.

[34] Интересные детали, касающиеся этих гастролей, см. в кн.: *Образцов С. В.* По ступенькам памяти.— Новый мир, 1984, № 10, с. 48—56.

[35] Цит. по: *Brewster D.* East-West Passage. L., 1956, p. 247.

[36] *Carter H.* The New Theatre and Cinema of Soviet Russia. N. Y., 1925, p. V. О Станиславском как режиссере-новаторе, научившем актера «жить в роли, которую он исполняет», писал и видный американский театровед Джон Гасснер в книге «Форма и идея в современном театре» (М., 1959).

венные формы, которые сделали русскую сцену Меккой для режиссеров, актеров и театральных художников Запада» [37].

Плодотворную работу по изучению советского театра уже вел в это время прогрессивный искусствовед Г. У. Л. Дана [38]. С интересом была принята американцами книга «Московские репетиции» (1936) Норриса Хоутона, работавшего в объединении «Тиэтр гилд». В предисловии известный театральный деятель Ли Симонсон писал: «Для художника в прошлом все дороги вели в Рим; вчера еще — в Париж. Сегодня для театрального работника, будь то актер, режиссер или оформитель, все дороги ведут в Москву, в театры Советского Союза» [39].

«Русское влияние», в частности Горького и Чехова, ощутимо в творчестве Лиллиан Хелман. Критики усматривают определенную перекличку между горьковскими «Врагами» и пьесой «Настанет день», между «Егором Булычевым», «Вассой Железновой» и пьесой «Лисички» [40]. Пьесы Горького шли в США в 30-е годы, а знаменитая постановка «На дне», этой, по словам Ю. О'Нила, великой революционной пьесы, на Бродвее в 1929—1930 гг. имела большой успех.

Военные годы были временем расцвета американского радиотеатра, в котором весомое место заняла советская тема. Например, в декабре 1942 г. американцы услышали радиопьесу Нормана Ростена и Милларда «Рассказ о Николае Гастелло», несколько позднее две публицистико-документальные драмы: «Москва» и «Сталинград». 22 февраля 1944 г., к 26-й годовщине Советской Армии, прозвучала радиопьеса, посвященная Вооруженным Силам СССР [41].

В свою очередь, в 30—40-е годы продолжалось освоение советскими театрами американской драматургии. Осенью 1944 г. Хелман приехала в Москву, где готовились постановки двух ее пьес. В начале 1945 г. Московский драматический театр с успехом поставил ее драму «Лисички»; в роли Берди блестяще выступила Ф. Г. Раневская. Антифашистская драма Хелман «Стража на Рейне» была поставлена Московским театром им. Ленинского комсомола под названием «Семья Ферелли теряет покой». Пафос произведения, зовущего к борьбе с нацизмом, находил живой отклик в зрительном зале: была весна 1945 г.

В середине 20-х годов завязываются первые контакты между советскими и американскими кинематографистами. Летом 1926 г. Мэри Пикфорд и Дуглас Фэрбенкс приезжают в Москву, где им оказывают теплый прием. По возвращении на родину они заявили о больших достижениях молодого советского киноискусства. Осенью 1926 г. «Броненосец „Потемкин"» Эйзенштейна с триумфом идет на экранах США. Позднее Чарли Чаплин и 117 других кинодеятелей назовут этот фильм самой лучшей картиной в мире. В 20-е годы американцы просмотрели около 40 советских фильмов. Стали говорить даже о «культе русского кино». Видный

---

[37] *De Hart Mathews Jane.* The Federal Theatre, 1935—1939. Plays, Relief and Politics: Princeton Univ. Press, 1967, p. 19.

[38] Его деятельность высоко оценил А. В. Луначарский, написавший предисловие к одной из книг; она, по-видимому, не вышла в свет. См.: *Луначарский А. В.* Неизданные материалы.— В кн.: Литературное наследство. М., 1970, т. 82, с. 443—446.

[39] *Houghton N.* Moscow Rehearsals. N. Y., 1936, p. 11.

[40] *Смирнов Б.* Театр США XX века. Л., 1976.

[41] О советской теме в американском радиотеатре см.: *Попов И. А.* Почему город пал? М., 1984.

американский режиссер Дэвид Гриффит заявил: «С возникновением советской кинематографии начинается новая эра киноэстетики»[42]. Наряду с «Броненосцем „Потемкин“» большой популярностью за океаном пользовались также «Мать» В. И. Пудовкина и «Земля» А. П. Довженко. Их новизна и притягательная сила для американцев состояли прежде всего в том, что героем был народ, а главной темой — революция[43].

Уже как всемирно признанный режиссер С. М. Эйзенштейн вместе с Г. В. Александровым и Э. К. Тиссэ отправился в 1929 г. на Запад. В 1930 г. он прибыл в Голливуд, где оказался в центре внимания. Здесь Эйзенштейн завязал контакты с кинематографистами и сдружился с Чаплином. Сценарии, которые он предложил («Золото Зуттера», «Американская трагедия»), не устроили, однако, руководителей американской кинопромышленности. Не найдя общего языка с руководителями Голливуда, Эйзенштейн решил сделать фильм на мексиканском материале[44]. Отснятая Эйзенштейном пленка осталась в США. На основе этих материалов режиссер Сол Лессер сделал фильм «Буря над Мексикой», оказавшийся весьма далеким от замысла Эйзенштейна. Позднее американский киновед Джей Лейда, ученик Эйзенштейна по ВГИК, разобрал материал фильма о Мексике, хранящийся в одном из американских архивов, и сделал по нему учебный фильм. Говоря о влиянии советского киноискусства, Джей Лейда свидетельствует: «Каждый труд, каждое слово Эйзенштейна и Довженко подвергаются исследованию молодыми кинематографистами всех стран как учебное пособие, стимул и помощь с еще большей тщательностью, чем при жизни этих мастеров»[45].

Тридцатые годы характеризуются в США интересом к документальному экрану, что явилось своеобразной параллелью бурного развития очерково-публицистической литературы. И здесь американцам был полезен опыт Дзиги Вертова и Эсфири Шуб. В США внимательно изучали теорию «киноправды» (или «синема-верите»), которую еще в 20-е годы разрабатывал Д. Вертов. Фильм Э. Шуб «Сегодня» (1930), представляющий панорамное изображение жизни советских людей, демонстрировался в США под названием «Пушки или тракторы». Знакомство с ним, видимо, натолкнуло Гилберта Селдеса на создание новаторского документального фильма «Это — Америка» (1933).

В 20-е годы сенсацией в США стала демонстрация «Броненосца „Потемкин“», а в 30-е — столь же громкий успех выпал на долю «Чапаева». В 30-е годы американцы просмотрели многие фильмы, составившие славу советского кинематографа, среди которых «Щорс» А. П. Довженко, «Александр Невский» С. М. Эйзенштейна, трилогия о Максиме Г. М. Козинцева и Л. З. Трауберга, кинокомедии Г. В. Александрова

---

[42] Цит. по: Октябрь и мировое кино. М., 1969, с. 171.

[43] Все это было непохоже на «массовую» продукцию Голливуда с уклоном в развлекательность, с намеренной эстетизацией «сладкой жизни» власть имущих. В конце 20-х — начале 30-х годов в американских газетах и журналах было опубликовано около 30 статей и теоретических работ Эйзенштейна, а также ряд работ Пудовкина и Довженко.

[44] В финансировании киноэкспедиции в Мексику принял участие Э. Синклер. Его взаимоотношения с Эйзенштейном освещены в кн.: Sergei Eisenstein and Upton Sinclair. The Making and Unmaking Que viva Mexico / Ed. by H. Geduld, R. Gottesman. Bloomington, 1971.

[45] Цит. по: *Теплиц Е.* История киноискусства. М., 1971, т. 3, с. 213.

и др. Оценивая фильм «Ленин в Октябре», рецензент журнала «Совьет Раша тудей» назвал его выдающимся историческим документом [46].

Историк американского кино Льюис Джекобс не мог не признать: «С приходом советских фильмов выкристаллизовалось искусство кинематографа...» [47]. О роли кинематографа Страны Советов хорошо писал Джей Лейда: «Октябрьская революция, выраженная советским кино, прочно вплетена в американскую кинокультуру» [48].

Советские зрители в 30-е годы продолжали знакомство с лучшими образцами американской кинематографии, прежде всего с фильмами Чаплина «Огни большого города», «Новые времена»; увидели свет и первые серьезные труды о его творчестве, принадлежащие перу советского киноведа Г. А. Авенариуса. Еще в 20-е годы появилось три выпуска сборника «Американские киноактеры», а также американские фильмы «Вива, Вилья» и «Хлеб наш насущный», удостоенные премий на советском кинофестивале.

В годы второй мировой войны фильмы Страны Советов стали частыми гостями на экранах США. Успехом пользовались такие ленты, как «Кутузов», «Депутат Балтики», «Учитель», «Радуга»; в 1942 г. в нью-йоркском зале «Ивнинг палас» демонстрировалась специальная кинопрограмма, посвященная Ленину и Линкольну. Новая атмосфера сотрудничества между двумя странами оказала свое воздействие и на продукцию Голливуда. Одной из «первых ласточек» стал фильм режиссера Грегори Ратова «Песнь о России» — не лишенная мелодраматизма история любви американца и русской девушки. Более удачным был фильм «Северная звезда», снятый по сценарию Хелман известным режиссером Льюисом Майлстоуном; в нем показывалось сопротивление советских людей фашизму.

Развитие музыкальных контактов между двумя странами еще в первые годы Советской власти связано прежде всего с именем С. С. Прокофьева, который впервые приехал в США в 1918 г. в качестве пианиста-виртуоза, композитора, исполнителя собственных сочинений. В 20-е годы Прокофьев был еще несколько раз гостем американской общественности, причем всякий раз его выступления удостаивались самых лестных отзывов прессы. Характеризуя состояние музыкальной жизни в США, Прокофьев особенно выделял оригинальное творчество Джорджа Гершвина. В 20-е годы американцы открыли и других выдающихся композиторов Советской России — Д. Д. Шостаковича, Ю. А. Шапорина, Н. Я. Мясковского, Р. М. Глиэра, в Нью-Йорке, например, была поставлена опера Шостаковича «Нос».

В 30-е годы контакты эти расширялись. В 1938 г. во время очередного визита в США Прокофьев в Бостоне дирижировал своей оперой-сказкой «Петя и волк»; филадельфийский оркестр под руководством знаменитого Юджина Орманди исполнил его кантату «Александр Нев-

---

[46] Прогрессивный критик Гарри Потемкин, много писавший о советском искусстве, опубликовал в журнале «Хаунд энд хорн» две серьезные работы: «Пудовкин и революционная кинематография» и «Эйзенштейн и теория кино». Советский фильм привлекал американских кинематографистов не только с идейно-тематической стороны. В знаменитом фильме «Гражданин Кейн», снятом оператором Толандом, был использован прием так называемой «глубинной съемки», первооткрывателями которого считаются Эйзенштейн и Тиссэ.

[47] Цит. по: *Лоусон Д. Г.* Фильм — творческий процесс. М., 1965, с. 141.

[48] Цит. по: Октябрь и мировое кино, с. 170.

ский» из одноименного фильма, тепло принятую. Советская тема входит в это время в творчество прогрессивных американских музыкантов: Я. Шейфер, руководитель певческих рабочих кружков, сочиняет хоровые произведения на революционные сюжеты: «Ленин — наш вождь», «Голодный поход» и др. Норман Касден пишет хоровую симфонию «СССР».

Не только художественное, но и огромное общественное значение приобрела за океаном в годы войны Седьмая симфония Шостаковича. 19 июля 1942 г. симфония транслировалась через коротковолновые радиостанции США по всему миру. Успех произведения был беспрецедентным. Поэт К. Сэндберг отозвался на это событие стихотворением «Дмитрию Шостаковичу — творцу Седьмой симфонии».

Пользовались известностью и другие советские композиторы: С. С. Прокофьев, Н. Я. Мясковский, А. И. Хачатурян, Р. М. Глиэр, Т. Н. Хренников; одним из лучших исполнителей советских песен зарекомендовал себя Поль Робсон. Данью уважения героизму советского народа стала Пятая, «Военная» симфония Роя Гарриса, посвященная Советскому Союзу. В годы войны Сергей Рахманинов, живший в США, не раз выступал с концертами в пользу Советской Армии; осенью 1941 г. он отправил в СССР личный подарок — большой груз медикаментов.

Уже в 20-е годы сложились связи между художниками двух стран. По инициативе американо-русского института в США был организован ряд советских художественных выставок; на одной из них в марте 1924 г. были представлены работы 74 мастеров живописи. Советские художники П. П. Кончаловский, Ф. А. Малявин участвовали в международных выставках в Питтсбурге. С 1922 по 1945 г. в Нью-Йорке жил и работал С. Т. Коненков — выдающийся русский скульптор. За это время им было выполнено около 150 портретов в бронзе, мраморе, дереве. Н. П. Кончаловская вспоминает, что скульптора осыпали предложениями, «он работал над официальными заказами, как он сам говорил, „трезвых и рассудительных людей"... И все же иногда прорывалось в его творчестве коненковское любовное и вдохновенное ви́дение натуры...» [49]. Это сказалось в создании портретов японского бактериолога Ногучи, а также С. В. Рахманинова и И. П. Павлова, позировавших в его нью-йоркской мастерской. Интересно был решен портрет А. Эйнштейна, с которым скульптор не раз встречался. В 1924 г. Коненков сделал в дереве скульптурный портрет «Ленин—трибун». В декабре 1945 г. Коненков вернулся в СССР и привез свои скульптуры.

Русская тема присутствует в творчестве ряда американских мастеров, в частности Р. Кента. Уильям Зорах, выходец из России, работал в 30-е годы над проектом памятника Ленину для Дворца Советов.

В 1924 г. в Москве была устроена выставка негритянской скульптуры; четыре года спустя там экспонировались картины прогрессивного американского художника Луи Лозовика. В ноябре 1931 г. в Москве были выставлены графические работы художников, входивших в революционные «Клубы Джона Рида». Прогрессивный американский график Фред Эллис, живший в 30-е годы в СССР, сотрудничал в ряде московских центральных газет. В годы войны с лекциями и докладами об СССР активно выступает Р. Кент. Весной 1942 г. 50 выдающихся художников и скульп-

[49] С. Т. Коненков. Встречи. Воспоминания современников о скульпторе. М., 1980, с. 46.

торов направили письмо президенту Рузвельту, требуя увеличить поставки Советскому Союзу. В одной из картинных галерей Нью-Йорка открылась выставка художников Луи Лозовика и Фрэнка Горовица под названием «Жизнь СССР».

В целом рассматриваемый период характеризуется разнообразием и расширением культурных контактов между двумя странами. Они еще более укрепились в годы войны, когда два народа вели совместную борьбу против общего врага, а героизм советских людей вызывал горячие симпатии американской общественности и мастеров культуры. Интерес в США к советской литературе, театру, кинематографу, широкое признание, которое получили Горький, Маяковский, Шолохов, Станиславский, Мейерхольд, Эйзенштейн, Шостакович и другие,— все это стало свидетельством высокого авторитета социалистического искусства за океаном. В свою очередь, в СССР в этот период шло освоение всего того ценного, что было создано в культурной сфере американским народом. Прежде всего это относится к кинематографу и особенно к литературе. Фильмы Чаплина, лучшие произведения Драйзера, Хемингуэя, Синклера, Стейнбека, Льюиса пользовались широкой популярностью, стали духовными спутниками советских людей.

ИСТОРИОГРАФИЯ

1. ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА В США ОТ ПЕРВОЙ ДО ОКОНЧАНИЯ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

В рассматриваемый период американская историческая наука развивалась в весьма сложных условиях и под воздействием многих факторов. Большое значение имели социально-политические последствия первой мировой войны, общий кризис капитализма, строительство социализма в СССР, углубление межимпериалистических противоречий. Необходимо также учитывать процессы, происходившие в самих США,— неустойчивость экономики, обострение классовой борьбы, рост социальных движений. Все это оказало влияние на мировоззрение буржуазных ученых, их подходы к трактовке и оценке общественных явлений, на методологию буржуазной исторической науки вообще и исторического познания в частности.

Релятивизм и прагматизм, идея невозможности познания прошлого стали занимать все более заметное место в качестве исходных теоретических посылок в работах буржуазных историков США. Отрицание объективной истины и закономерности в развитии исторического процесса прозвучало в выступлении К. Беккера, ученика и последователя Ф. Тернера, на съезде Американской исторической ассоциации (АИА) в 1926 г. Беккер ставил под сомнение значение исторического факта. Сама история, говорил он,— плод воображения историка. Ценность истории, по мнению Беккера, состоит в полезности прошлого для настоящего, и задача историка извлечь пользу из минувшего [1]. В 1931 г. на съезде АИА Беккер вновь подчеркнул, что история — «акт мысли» и творить ее следует сообразно практической полезности и выгодности, с учетом интересов современности. Два года спустя, в 1933 г., известный и влиятельный ученый Ч. Бирд, будучи президентом АИА, назвал эту отрасль знаний «актом веры историка», от личности и взглядов которого и зависит отбор фактов и материала, равно как и истолкование их [2].

Говоря об основных тенденциях развития исторической науки в США, следует отметить, что в этот период усилилась тяга к ее специализации и дифференциации. Создавались исторические общества и ассоциации, в частности по аграрной истории, интеллектуальной истории. Значительно возросло число исторических журналов по отдельным направлениям исследований. В 1945 г. к АИА примыкали 833 местных исторических общества.

В 1934 г. был открыт Национальный архив — крупнейшее хранилище документальных источников всех периодов истории США. Множество документов хранится в Библиотеке конгресса, в библиотеках президентов США Гувера, Рузвельта, Трумэна, в университетских библиотеках. В межвоенные годы была предпринята обработка документов, осуществ-

---

[1] *Becker C.* Everyman His Own Historians. Chicago, 1966.

[2] *Beard Ch. A.* Written History as an Act of Faith.— In: The Philosophy of History in Our Time / Ed. by H. Meyerhoff. N. Y., 1959.

лена публикация многих из них. Усовершенствовалась методика исследований, расширялась тематика.

Основные усилия американских буржуазных историков были направлены на разработку проблем внутри- и внешнеполитической истории США. Значительно меньше внимания обращалось на изучение истории других стран и народов. Выступая в 1945 г. с президентским адресом в АИА, К. Хейс призвал ученых отказаться от «интеллектуального изоляционизма», предложил уделять больше внимания изучению истории стран Латинской Америки, Европы и Азии [3]. Но в целом американские историки были заняты историей собственной страны [4].

Консервативная «имперская школа», возникшая еще в начале 1900-х годов, продолжала изучение истории колоний [5]. Ее представитель Осгуд опубликовал в 20-е годы исследование по истории американских колоний в XVIII в. (продолжение ранее опубликованной работы, посвященной колониям в XVII в.) [6]. В новом труде автор подробно описал систему управления колониями, связи между ними, развитие торговых отношений, характер имперской политики Великобритании, развитие противоречий между метрополией и ее владениями. Один из основателей «имперской школы», Ч. Эндрюс, издал фундаментальное исследование [7], содержащее огромный фактический материал. Американские колонии рассматривались им как часть Британской империи. Противоречия между колониями и метрополией Эндрюс сводил к вопросам управления заморскими территориями. Предоставление колониям статуса доминиона, по его мнению, могло бы предотвратить восстание в Америке.

Историки А. М. Шлезингер-старший и Дж. Джеймсон изучали Американскую революцию XVIII в. [8] Первый исследовал роль крупных торговцев в период войны за независимость [9]. Второй подошел к войне за независимость как к социальному движению [10]. Он подчеркнул, что в

---

[3] *Heyes C. H.* The American Frontier — Frontier of What? — American Historical Review, 1946, vol. 50, p. 199—216.

[4] Некоторые вопросы развития исторической науки в США в межвоенные годы рассмотрены в историографии 2-го тома данного издания. См. также: *Дементьев И. П., Мальков В. Л., Наджафов Д. Г.* Историография США (1918—1945).— В кн.: Историография новой и новейшей истории стран Европы и Америки. М., 1968; *Дементьев И. П.* Историография США.— В кн.: Историография новой и новейшей истории стран Европы и Америки. М.: МГУ, 1977.

[5] Подробнее см.: *Уткин А. И.* Американская историография колониального периода.— В кн.: Основные проблемы истории США в американской историографии: От колониального периода до гражданской войны 1861—1865 гг. / Отв. ред. Г. Н. Севостьянов. М., 1971.

[6] *Osgood H.* The American Colonies in Eighteenth Century. N. Y., 1924—1925. Vol. 1—4; см. также: *Смолова Т. А.* «Имперская школа» в буржуазной историографии США в конце XIX — начале XX в.: (Концепция Г. Л. Осгуда).— В кн.: Вопросы отечественной, зарубежной истории, литературоведения, языкознания. Казань, 1981; *Она же.* Эдвард Чаннинг и «имперская школа» в американской буржуазной историографии.— Там же.

[7] *Andrews Ch.* The Colonial Period of American History: Vol. 1—4. New Haven, 1934—1938.

[8] Подробнее см.: *Уманский П. Б.* Проблемы американской революции.— В кн.: Основные проблемы истории США в американской историографии: От колониального периода до гражданской войны 1861—1865 гг.

[9] *Schlesinger A. M.* Colonial Merchants and American Revolution, 1763—1776. N. Y., 1918.

[10] *Jameson J.* The American Revolution Considered as a Social Movement. Princeton, 1926.

результате революции было произведено перераспределение земли, началось быстрое развитие промышленности и торговли. Автор проанализировал социальную природу тори и вигов.

Большим событием стал выход в свет труда супругов Чарлза и Мэри Бирдов «Происхождение американской цивилизации»[11]. В то время главой «прогрессистов» по праву считался Ч. Бирд, оказавший значительное влияние на развитие основных направлений исторической науки в США.

В упомянутом труде Бирды рассмотрели кардинальные проблемы истории США: войну за независимость, основные тенденции развития страны в первой половине XIX в., истоки гражданской войны 1861—1865 гг. Авторы представили историю страны как борьбу «аграрных и промышленных интересов»[12]. На первый план были выдвинуты соперничество индустрии с сельским хозяйством, противоречия между отдельными группами буржуазии, различными слоями фермерства, а не классов. В другой работе исследовалась история конституции 1787 г., которая, как показал Бирд, была результатом усилий главным образом денежного и торгового капитала и отвечала интересам делового мира[13].

Анализируя экономическое развитие США в первой половине XIX в., предпосылки и последствия гражданской войны, Бирд первым из буржуазных историков определил ее как социальную революцию. Он отверг утверждения, будто революция возникла в результате неправильного толкования конституции, подверг критике «теорию секций» Тернера. Однако проблема рабства выпала из поля его зрения. Причиной войны он считал главным образом столкновение интересов фермеров и плантаторов из-за западных земель. Бирд недооценивал роль народных масс, в частности участие рабочих и негров в гражданской войне, приуменьшал ее значение и последствия[14].

Взгляды Бирда получили развитие в работах С. Формана, Г. Дж. Кармена, Э. Богарта, Г. Фолькнера, Л. М. Хэкера и др.[15] Между тем сам Бирд вскоре отказался от принципов «экономического детерминизма» и стал придерживаться релятивистских взглядов. Эволюция воззрений Бирда свидетельствовала о кризисе методологии буржуазной исторической науки, об упадке «экономического» направления. Возникали и развивались другие историографические течения. Так, в области изучения гражданской войны появилось направление, известное как консервативный ревизионизм. Его представители (Дж. Рэнделл, Э. Крэвен, Ч. Рамсделл и др.[16]) отрицали неизбежность гражданской войны в США, под-

---

[11] *Beard Ch., Beard M.* The Rise of American Civilization: Vol. 1, 2. N. Y., 1927; см. также: *Дементьев И. П.* Об исторических взглядах Чарлза Бирда.— Вопр. истории, 1957, № 6.

[12] Подробнее см.: *Дементьев И. П.* Американская историография гражданской войны в США (1861—1865). М., 1963.

[13] *Beard Ch.* An Economic Interpretation of the Constituation of the United States of America. N. Y., 1935.

[14] *Beard Ch.* The American Party Battle. N. Y., 1928.

[15] *Forman S.* The Rise of American Commerce and Industry / N. Y., 1927; *Carman H.* Social and Economic History of the United States. N. Y., 1930; *Bogart E.* Economic History of the American People. N. Y., 1930; *Faulkner H. V.* American Economic History. N. Y., 1933; *Hacker L. M.* The Triumph of American Capitalism. N. Y., 1935.

[16] *Randall J.* The Civil War and Reconstruction. N. Y., 1937; *Craven A.* The Repressible Conflict, 1830—1861: Lousiana State University, 1939; *Idem.* The Coming of the Civil War. N. Y., 1942; *Potter D.* Lincoln and his Party in Secession Crisis. N. Y., 1942;

вергали критике либеральные концепции возникновения этой войны, считая ее «бесполезной» и даже случайной, происшедшей по вине «заблуждающегося поколения». Авторы этого направления отрицали революционные традиции американского народа, тенденциозно и предвзято показали политику президента Линкольна [17]. В формировании подобных взглядов большую роль сыграла Южная историческая ассоциация [18]. Ульрих Б. Филлипс опубликовал две работы, посвященные рабству на Юге США [19], в которых «обосновывал» экономическую и социальную необходимость этого института для данного региона страны. Это была откровенная апологетика рабства.

Значительный вклад в разработку истории негров внесла негритянская историография. Ее видным представителем был К. Вудсон, организовавший в 1915 г. в Чикаго Ассоциацию по изучению истории негритянского народа. В том же году под его руководством вышел в свет первый номер «Джорнел оф нигроу хистори», сыгравший большую роль в становлении и развитии негритянской историографии. В работах Вудсона содержится большой материал о борьбе негритянского народа за свободу, об участии негров в гражданской войне. Последователями Вудсона явились Б. Броули, Ч. Уэстли. В середине 30-х годов Уильям Дюбуа опубликовал известный труд под названием «Черная Реконструкция», в котором показана роль негритянских масс в осуществлении демократических преобразований на Юге, вскрыта предательская политика буржуазии Севера, вступившей в сговор с плантаторами Юга [20].

Завершение длительного периода иммиграции в США и обострение национального вопроса привлекли внимание ряда исследователей. К их числу относились Дж. Стивенсон, М. Хансен, О. Хэндлин, К. Виттке, Р. А. Биллингтон, Г. Майерс, К. Куэйли, Т. Блеген, Ф. Дженсон, Р. Ферстер и др.[21]. Историки исследовали в первую очередь причины иммиграции, политическую и социальную роль иммигрантов, отношения между ними и остальным населением, антииммигрантские настроения.

Malin J. John Brown and the Legend of Fifty-Six. Philadelphia, 1942; *Ramsdell Ch.* Lincoln, the President: Vol. 1—3. N. Y., 1945—1952.

[17] *Charwood L.* Abraham Lincoln. N. Y., 1917; *Beveridge A.* Abraham Lincoln, 1809—1858: Vol. 1, 2. Boston, 1928.

[18] Подробнее см.: *Дементьев И. П.* Американская историография гражданской войны в США.

[19] *Phillips U. B.* American Negro Slavery. N. Y., 1918; *Idem.* Life and Labor in the Old South. Boston, 1929.

[20] *Woodson C.* The History of Negro Church. Wash., 1921; *Idem.* The Negro in Our History. Wash., 1922; *Idem.* A Century of Negro Migration. Wash., 1925; *DuBois W.* Black Reconstruction. N. Y., 1935.

[21] *Stephenson G. M.* A History of American Immigration, 1820—1924. Boston; New York, 1926; *Hansen M. L.* The Atlantic Migration, 1607—1860. The History of the Continuing Settlement of the United States. Cambridge (Mass.), 1941; *Handlin O.* Boston's Immigrants, 1790—1865: A Study in Acculturation. Cambridge (Mass.), 1941; The Immigrant and American Politics.— In: Foreign Influences in American Life/Ed. by D. Bowers. Princeton, 1944; *Wittke C.* We Who Built America. The Saga of the Immigrant. N. Y., 1945; *Billington R. A.* The Protestant Crusade, 1800—1860. A Study of the Origins of American Nativism. Chicago, 1938; *Myers G.* History of Bigorty in the United States. N. Y., 1943; *Qualey C. C.* Norwegian Settlement in the United States. Northfield (Minn.), 1938; *Blegen Th. C.* Norwegian Migration to America. The American Transition. Northfield (Minn), 1940; *Janson F. E.* The Background of Swedish Immigration, 1840—1930. Philadelphia, 1931; *Foerster R. F.* The Italian Emigration of Our Times. Cambridge (Mass.), 1919, 1924.

Как правило, иммигранты рассматривались в качестве единой консервативной массы, расчлененной по религиозному и национально-этническому признаку. Тем самым авторы уходили от анализа проблемы классового расслоения в этой среде.

Определенный интерес в 20—30-е годы «экономисты» проявляли и к популистскому движению. Однако разработка этой темы ограничивалась главным образом изучением истории выступлений фермеров в отдельных штатах. В 1931 г. Дж. Хикс описал тяжелое экономическое положение фермеров, поднявшихся на борьбу против злоупотреблений железнодорожных и ростовщических компаний, трестов и банков, правительственного аппарата и плутократии. Будучи под влиянием взглядов Тернера, он рассматривал движение фермеров в плане «борьбы секций» — аграрного Запада и Юга против индустриального Востока[22]. Его взгляды нашли отражение в учебниках по истории США, в частности С. Морисона и Г. Коммаджера, а также Г. Фолькнера[23]. С интересным исследованием выступил К. Ванн Вудворд, впоследствии крупнейший специалист по истории негритянского народа. Он осветил борьбу популистов на Юге США против расизма и расовых предрассудков, стремление к единству между эксплуатируемыми массами белых и негритянских трудящихся[24].

В 30-е годы появилась «школа бизнеса». Ее основателями явились Н. Грас, Г. Ларсон, издававшие «Бюллетень общества истории бизнеса» и «Журнал экономической истории и истории бизнеса». Активную роль в создании и развитии этого течения сыграл А. Невинс. Оно ставило целью изучение истории монополистических объединений, крупных корпораций, прославление «капитанов индустрии», организаторов «большого бизнеса», представителей финансового капитала[25].

По вопросам истории внешней политики и дипломатии США господствующее место занимало официальное направление американской историографии. Большое внимание уделялось латиноамериканскому региону, истории доктрины Монро и ее интерпретации в угодном для США духе, причем отрицалась экспансионистская направленность этой доктрины[26]. Оправданию политики США в Латинской Америке посвящена и работа С. Бимиса[27], который утверждал, что политика Вашингтона в отношении латиноамериканских стран была в большинстве случаев обусловлена стремлением добиться политической и экономической стабильности в этих государствах и устранить предлог для европейской интервенции.

Ряд историков изучали внешнюю политику США конца XIX — начала XX в., в частности испано-американскую войну 1898 г., доктрину

---

[22] *Hicks J. D.* The Populist Revolt: A History of the Farmer's Alliance and the People's Party. Minneapolis, 1931.

[23] *Morison S. E., Commager H. S.* The Growth of the American Republic. N. Y., 1942; *Faulkner H. V.* American Economic History. N. Y., 1933.

[24] *Woodward C. V.* Tom Watson — Agrarian Redel. N. Y., 1938.

[25] *Nevins A.* History of the Bank of New York and Trust Company, 1784 to 1934. N. Y., 1934; *Idem.* John Rockfeller, the Heroic Age of American Enterprise: Vol. 1, 2. N. Y., 1940; *Gras N., Larson H.* Casebook in American Business History. N. Y., 1939; *Gras N.* Business and Capitalism: An Introduction to Business History. N. Y., 1939.

[26] *Perkins D.* The Monroe Doctrine, 1823—1826. Cambridge, 1927; *Idem.* The Monroe Doctrine, 1826—1867. Baltimore, 1937; *Idem.* Hands off: A History of the Monroe Doctrine. Boston, 1943.

[27] *Bemis S. F.* The Latin-American Policy of the United States. A Historical Interpretation. N. Y., 1943.

«открытых дверей» [28]. Особое место занимала проблема формирования идеологии американского экспансионизма на рубеже XIX—XX вв.[29] В условиях широкой экспансии американского капитала в страны Латинской Америки появились издания, открыто оправдывавшие экспансионистскую политику правительства США в этом регионе. В них признавались факты непосредственного участия монополий в установлении контроля над странами Центральной Америки, иногда вооруженного вмешательства Вашингтона. В то же время иногда выражалось несогласие со слишком грубыми формами и методами проникновения доллара в латиноамериканские страны [30].

Большое внимание уделялось политике США на Тихом океане и в Азии в конце XIX в. Превозносилась доктрина «открытых дверей», но умалчивались экспансионистские цели и корыстолюбивые замыслы американских монополий [31]. В годы второй мировой войны была издана серия книг, в которых проводилась идея американской мессианской «исключительности» внешней политики и дипломатии США [32].

Под влиянием обострения классовых противоречий в стране в американской историографии продолжало развиваться течение, получившее название «социальной критики». Главой его был В. Л. Паррингтон. В конце 20-х годов он издал многоплановое исследование, посвященное развитию американской общественной мысли,— литературе, философии, истории, экономике, юриспруденции, идейной борьбе общественных и социальных сил [33]. На его концепцию определенное влияние оказали

[28] *Gibbons H. A.* America's Place in the World. N. Y.; L., 1924; *Dennis A. L. P.* Adventures in American Diplomacy, 1896—1906. N. Y., 1928; *Sears L.* A History of American Foreign Policy. N. Y., 1927.

[29] *Pratt J. W.* The Origin of Manifest Destiny.— American Historical Review, 1927, July; *Idem.* The Ideology of American Expansion.— In: Essays in Honor of W. E. Dodd/Ed. by A. Craven. Chicago, 1935; *Idem.* Expansionists of 1898. N. Y., 1936: *Weinberg A.* Manifest Destiny. Gloucester (Mass.), 1935. Историография идейной борьбы в США по вопросам экспансии подробно изложена в кн.: *Дементьев И. П.* Идейная борьба в США по вопросам экспансии (на рубеже XIX—XX вв.). М., 1973.

[30] *Kepner Ch., Soothhill J.* Banana Empire. A Case Study of Economic Imperialism. N. Y., 1925; *Hill H.* Roosevelt and the Caribbean. Chicago, 1927; *Latane J.* A History of American Foreign Policy. N. Y., 1927; *Chapman Ch.* A History of the Cuban Republic. N. Y., 1927; *Knight M.* The Americans in Santo Domingo. N. Y., 1928; *Jenks L.* Our Cuban Colony. N. Y., 1928; *Rippy J. F.* Latin America in World Politics. N. Y., 1928; *Idem.* The Caribbean Danger Zone. N. Y., 1940; *Hughes Ch.* Our Relations to the Nations of the Western Hemisphere. Princeton, 1928; *Marsh M.* The Bankers in Bolivia. N. Y., 1928; *Winkler M.* Investments of the United States Capital in Latin America. Boston, 1929; *Jones Ch.* The Caribbean Interests of the United States. N. Y.; L., 1929; *Jones Ch., Norton H., Monn P.-T.* The United States and the Caribbean. Chicago, 1929; Elements of an American Foreign Policy / Ed. by E. Patterson. Philadelphia, 1931.

[31] *Dennet T.* Americans in Eastern Asia: A Critical Study of the Policy of the United States with Reference to China, Japan and Korea in the 19th Century. N. Y., 1922; *Dulles F. R.* America in the Pacific. Boston, 1932; *Griswold A. W.* The Far Eastern Policy of the United States. New Haven, 1938.

[32] *Latane J. H., Wainhouse D. W.* History of American Foreign Policy, 1776—1940. N. Y., 1941; *Inman S. G.* Latin America. Its Place in World Life. N. Y., 1942; *Bemis S. F.* A Diplomatic History of the United States. N. Y., 1942; *Nevins A.* America in World Affairs. N. Y., 1942; *Bailey Th.* America's Foreign Policies: Past and Present. N. Y., 1943.

[33] *Parrington V. L.* Main Currents in American Tought: Vol. 1—3. N. Y., 1927—1930 (рус. пер.: *Паррингтон В. Л.* Основные течения американской мысли: В 3-х т. М., 1962—1963).

взгляды Ч. Бирда (тезис о борьбе аграрных и индустриальных интересов), а также антимонополистическая традиция популистов и «разгребателей грязи». В 30-е годы работа Паррингтона пользовалась широкой популярностью среди радикальной интеллигенции, способствовала усилению социально-критических тенденций.

В рассматриваемый период формируется марксистское направление в американской историографии. Делавшая свои первые шаги марксистская историография с позиций исторического материализма переосмысливала этапы американской истории. Главное внимание уделялось классовой сущности основных событий и процессов, роли в них народных масс, выступлениям против господства капитала. Марксистская историография вела активную борьбу против лженаучных концепций, получавших распространение в буржуазной исторической литературе.

В монографических исследованиях и статьях американских историков-марксистов дано научное освещение истории классовой борьбы в США в 20—30-е годы. Прогрессивные историки повествуют о боевых традициях американского пролетариата, его самоотверженной борьбе за улучшение экономических условий и социальные права. Среди книг по истории рабочего движения известны труды Ч. Рутенберга, А. Бимбы, Р. Майнора, Э. Блур, Э. Флинн и др.[34] В конце 20-х годов прогрессивная Ассоциация по исследованию проблем труда приступила к публикации работ по истории рабочего класса в отдельных отраслях производства США. В свет вышли работы Дж. Хатчинса, Р. Данна, А. Рочестер и др.[35] К числу значительных изданий прогрессивных авторов, вышедших в 30-е годы, следует отнести и книгу С. Йелна о крупных выступлениях американского пролетариата [36].

Историк и экономист Д. Аллен опубликовал серьезное исследование о Реконструкции Юга, в котором показал накал классовой борьбы в южных штатах, раскрыл содержание аграрного вопроса на Юге, выдвинул идею о двух этапах буржуазно-демократической революции в США [37]. В опубликованной годом раньше книге Аллен проследил исторический путь рабства негров, основные этапы их борьбы за освобождение [38].

Важным вкладом в исследование негритянского вопроса явилось опубликование в годы войны серии статей Г. Аптекера [39]. В них представлена широкая картина борьбы негров за свободу, участие в войне

---

[34] *Ruthenberg Ch. E.* Speeches and Writings. N. Y., 1928; *Bimba A.* The History of the American Working Class. N. Y., 1927 (рус. пер.: *Бимба А.* История американского рабочего класса. М., 1930); *Minor R.* The Struggle Against War and the Peace Policy of the Soviet Union. N. Y., 1936; *Flynn E. G.* Debs, Haywood and Ruthenberg. N. Y., 1939; *Bloor E. R.* We Are Many: An Autobiography. N. Y., 1940.

[35] *Hutchins G.* Labor and Silk. N. Y., 1929; *Dunn R. W.* Labor and Automobiles. N. Y., 1929; *Rochester A.* Labor and Coal. N. Y., 1931 (рус. пер.: *Рочестер А.* Труд и уголь в Америке. М.; Л., 1932); *Hardy J.* Labor and Textile. N. Y., 1931; *Idem.* The Clothing Workers. N. Y., 1935.

[36] *Yellen S.* American Labor Struggles. Harcourt, 1936 (рус. пер.: *Йелн С.* Из истории рабочего движения в США. М., 1950).

[37] *Allen D.* The Battle for Democracy, 1865—1876. N. Y., 1937.

[38] *Allen D.* The Negro, Question in the United States. N. Y., 1936.

[39] *Aptheker H.* The Negro in the Civil War. N. Y., 1938; *Idem.* Negro Slave Revolts in the United States, 1526—1860. N. Y., 1939; *Idem.* The Negro in the Abolitionist Movement. N. Y., 1941; *Idem.* American Negro Slave Revolts. N. Y., 1943; *Idem.* Essays in the History of the American Negro. N. Y., 1945.

за независимость и гражданской войне, рассказано о восстаниях рабов, подвергнуты критике консервативные взгляды ряда исследователей. Ф. Фонер изучал политику некоторых групп северной буржуазии в вопросе рабства накануне гражданской войны. Он, в частности, показал, как экономические связи нью-йоркской буржуазии с плантаторами предопределили в значительной мере ее компромиссную позицию в отношении Юга [40].

Историки-марксисты уделяли большое внимание революционным традициям американского народа. Дж. Харди и Г. Морейс издали труды о первой Американской революции, борьбе колонистов за независимость, выступлении демократических элементов против тори [41]. Исследование А. Рочестер посвящено популистскому движению в США в конце XIX в. и его связи с выступлениями рабочих [42].

Важное значение имеют труды Уильяма З. Фостера — видного деятеля международного рабочего и коммунистического движения — по истории американского рабочего, профсоюзного, а также негритянского движения. В них дан глубокий анализ развития американского империализма, экономического положения пролетариата и его стачечной борьбы в США на первом этапе общего кризиса капитализма. Автор последовательно разоблачает буржуазные теории «исключительности» истории США, миф о «процветании» американского капитализма, вскрывает социальные корни гомперсизма, прослеживает борьбу двух тенденций в американском рабочем движении — революционно-демократическую и правооппортунистическую [43].

2. ИСТОРИОГРАФИЯ ОСНОВНЫХ ПРОБЛЕМ ИСТОРИИ США

В послевоенные годы историческая наука США складывалась в условиях, когда в мире происходили важные перемены: становление и упрочение мировой системы социализма, подъем рабочего и национально-освободительного движения, распад колониальной системы, дальнейшее углубление общего кризиса капитализма. Позиции мирового капитализма серьезно ослабли, сфера его господства сузилась. США выступили в роли лидера западных буржуазных государств, они встали на путь гонки вооружений, политики с «позиции силы», создания военных блоков, нагнетания международной напряженности. В международных отношениях наступил мрачный период «холодной войны», отмеченный разгулом антисоветизма и антикоммунизма.

Большое распространение и влияние в эти годы получила консенсусная историография. Характерной чертой американской буржуазной

---

[40] *Foner Ph.* Business and Slavery. The New York Merchants and the Irrepressible Conflict. N. Y., 1941.

[41] *Hardy J.* The First American Revolution. N. Y., 1937; *Morais H.* The Struggle for American Freedom. The First Two Hundred Years. N. Y., 1944; *Idem.* Artisan Democracy and American Revolution.— Science and Society, 1942.

[42] *Rochester A.* The Populist Movement in the United States. N. Y., 1943.

[43] *Foster W. Z.* The Great Steel Strike and Its Lessons. N. Y., 1920; *Idem.* Misleaders of Labor. Chicago, 1927 (рус. пер.: *Фостер У. З.* Профжулики в С.А.С.Ш. (Американская профбюрократия за работой). М., 1928); *Idem.* From Bryan To Stalin. N. Y., 1937; *Idem.* Pages From Worker's Life. N. Y., 1939 (рус. пер.: *Фостер У. З.* Страницы из жизни рабочего. М., 1983).

исторической мысли было усиление консервативных тенденций. Историческая наука активно привлекалась правящими кругами к выполнению социальных задач государственно-монополистического капитализма, оправданию проводимой господствующим классом внутренней и внешней политики. В определенной степени это нашло отражение в интерпретации научных проблем развития страны в межвоенный период.

Осветим наиболее важные направления исследований ученых США.

В изучении истории рабочего движения США в межвоенный период особую активность проявила «висконсинская школа» во главе с проф. Дж. Коммонсом[44]. Ее представители исходили из концепции американской «исключительности», проповедовали, будто в США отсутствует почва для классовой борьбы. Эта школа отрицала непримиримость противоречий между трудом и капиталом, пролетарское классовое сознание, игнорировала социалистическое движение. В центре ее внимания была верхушка обуржуазившегося руководства профсоюзов, основная же масса рядовых членов профсоюзов оставалась вне поля зрения.

Деятельность Коммонса и его учеников отмечена выходом в свет четырехтомного коллективного труда по истории рабочего движения в США, написанного на основе широкого круга источников. Изложение событий доведено до 1932 г. Авторами этого труда наряду с Дж. Р. Коммонсом были З. Перельман, Дж. Эндрюс, Д. Лескойер, Э. Самнер, Ф. Тафт и др.[45] В работе нашли отражение основные положения и взгляды Коммонса и его последователей на американское рабочее движение. Работы З. Перельмана также развивают концепцию «чистого», «делового юнионизма»[46]. Краеугольным камнем теории Коммонса являлся институционализм, когда история общества рассматривается как развитие социальных и юридических институтов (правительств, политических партий, профсоюзов, ассоциаций бизнеса и т. п.). Институционалистский подход противопоставлялся марксистскому учению о классах и классовой борьбе и вел к подмене анализа объективных законов развития общества описанием взаимоотношений между некоторыми общественными организациями и институтами.

Борьба между трудом и капиталом изображалась как естественная для американской экономической жизни конкуренция. Коммонс уверял, что интересы этих противостоящих друг другу сил можно сделать гармоничными с помощью гибкой системы трудовых законов, которые наделили бы монополии, профсоюзы и правительство одинаковыми правами и признали «общественную значимость» каждого из этих институтов. Благодаря этому было бы установлено «институциональное равновесие», которое Коммонс пропагандировал как основное средство спасения эконо-

---

[44] Подробнее о висконсинской исторической школе см.: *Аскольдова С. М.* Основное направление американской буржуазной историографии рабочего движения.— Вопр. истории, 1966, № 5; *Мальков В. Л.* Джон Коммонс и висконсинская школа.— В кн.: История и историки: Историография всеобщей истории. М., 1966; История рабочего движения в США в новейшее время: В 2-х т. М., 1970—1971, т. 1, гл. XIII; *Савельева И. М.* Американское профсоюзное движение в отражении буржуазно-реформистских концепций XIX — начала XX в. (1890—1920-е годы).— В кн.: Формирование пролетариата: Проблемы историографии и источниковедения. М., 1980.

[45] *Commons J. R.* et al. History of Labor in the United States: Vol. 1, 2. N. Y., 1918; Vol. 3, 4. N. Y., 1935.

[46] *Perlman S.* A Theory of Labor Movement. N. Y., 1928.

мической системы капитализма. Он предлагал и конкретный метод разрешения противоречий между трудом и капиталом: коллективные договоры — этот якобы наиболее действенный способ урегулирования отношений между профсоюзами и предпринимателями.

Коммонсовская концепция рабочего движения имела очевидную антимарксистскую направленность, что нашло отражение, в частности, в отрицании классового характера профессиональных союзов, апологии американского капитализма, проповеди отказа от политической борьбы.

Концепции висконсинцев, представлявшие, по существу, идеи «делового», «чистого тред-юнионизма» С. Гомперса, изложены патриархом висконсинской школы Ф. Тафтом в труде, посвященном истории АФТ[47], а также в обобщающей работе, претендующей на освещение всего исторического пути, пройденного рабочим движением США[48]. Тафт персонифицировал американское рабочее движение в личности Гомперса. Он решительно восставал против любого посягательства на пересмотр основного вывода висконсинцев о непреходящем значении идеологии «делового юнионизма» для рабочего движения США.

Далеко не все американские историки безоговорочно принимали точку зрения висконсинцев, которой никак не соответствовали накал классовой борьбы и развитие рабочего движения в США в 30-е годы, отмеченные ростом классового самосознания и политической радикализацией американского пролетариата. Однако в большинстве случаев критика концепции висконсинцев не коснулась ее сердцевины, а именно постулата об особом, «исключительном» характере американских социально-классовых отношений. Либеральные критики сделали своими героями профлидеров Дж. Льюиса, С. Хиллмэна, У. Рейтера. Они симпатизируют социально активному тред-юнионизму, участвующему в «реконструкции общества», разумеется, без изменения его основ.

Представители «новой рабочей истории» И. Бернстейн, С. Файн, Дж. Брук, Р. Моррис, Д. Броуди выступили против институционализма висконсинцев, объявили себя сторонниками исторического подхода и сосредоточили внимание на проблемах движения «рядовых», прогрессивных течений в профдвижении, личности рабочего, его духовных устремлениях, политических симпатиях[49]. Однако их интересы ограничиваются группами, отдельными слоями рабочих, но не класса в целом. Они так и не отказались ни от методологических принципов висконсинского институционализма, ни от базирующейся на этих принципах трактовки ключевых проблем в истории рабочего движения США межвоенного периода[50].

---

[47] *Taft Ph.* The American Federation of Labor in the Time of Gompers. N. Y., 1957; *Idem.* The American Federation of Labor From the Death of Gompers to the Merger. N. Y., 1959.

[48] *Taft Ph.* Organized Labor in the American History. N. Y., 1964.

[49] Подробнее см.: *Савельева И. М., Сивачев Н. В.* «Новая рабочая история» в США.— Рабочий класс и соврем. мир, 1978, № 4; *Согрин В. В.* Американская радикальная историография рабочего и социалистического движения США.— В кн.: Американский ежегодник, 1982. М., 1982; *Он же.* Буржуазный реформизм в США в XX в.: критика буржуазных концепций.— Новая и новейшая история, 1984, № 6.

[50] *Galenson W.* The CIO Challenge to the AFL: A History of the American Labor Movement, 1935—1941. Cambridge (Mass.), 1960; *Bernstein I.* The Lean Years: A History of the American Worker, 1920—1933. Boston, 1960; *Idem.* Turbulent Years:

Определенный вклад в изучение данной проблемы внесли труды радикальных историков. Среди них выделяется работа Дж. Брешера «Стачка!» [51], в которой автор исследует значение и место массовых выступлений в подъеме рабочего движения США начала 20-х и в 30-е годы XX в. Брешер, резко критикуя взгляды висконсинцев, отвергает одновременно и доводы «новых левых» об «интеграции» пролетариата в капиталистическую систему. Следует заметить, что в позиции Брешера имеются серьезные изъяны: преклонение перед стихийностью рабочего движения, непонимание организующей роли массовой политической партии рабочего класса.

Для некоторых историков-радикалов характерен негативный подход к трактовке ряда проблем рабочего движения. Им не удалось дать объективную оценку борьбе трудящихся в этот период, а также факту создания КПП [52]. Работам этих авторов свойственно преклонение перед стихийностью, преувеличение элемента спонтанности в выступлениях трудящихся. Вместе с тем нельзя не отметить тот вклад, который радикальные историки внесли в изучение субъективных факторов рабочего движения: активность рядовых рабочих [53].

В 70—80-е годы среди радикальных историков развернулась дискуссия о позиции профсоюзов в годы второй мировой войны. Абстрагируясь от внутри- и внешнеполитического положения страны, обусловленного характером второй мировой войны, Э. Дженнингс, Н. Лихтенштейн, М. Глейберман [54] абсолютизируют значение стачечных выступлений, игнорируют позиции огромного большинства американских рабочих — членов профсоюзов, которые воздерживались от крупных массовых выступлений в силу осознания ими необходимости поддержки военных усилий страны. Дж. Фримэн показал, что так называемое «равенство жертв рабочих и предпринимателей в войне», усиленно пропагандировавшееся

A History of the American Worker, 1933—1941. Boston, 1970; *Fine S.* Sit-Down: The General Motors Strike of 1936—1937. Ann Arbor, 1969; *Brooks T. R.* Toil and Trouble: A History of American Labor. N. Y., 1971; *Kocka J.* White Collar Workers in America, 1890—1940: A Social Political History in International Perspective. L., 1980; *Brody D.* Workers In Industrial America: Essays on the Twentieth Century Struggle. N. Y., 1980; *Edwards P.* Strikes in the United States, 1881—1974. Oxford, 1981; *Milton D.* The Politics of U. S. Labor: From the Great Depression to the New Deal. N. Y., 1982.

[51] *Brecher J.* Strike! Greenwich (Conn.), 1974.

[52] *Rabosh R.* American Labor and United States Foreign Policy. N. Y., 1969; *Lynd S.* The Possibility of Radicalism in the Early 1930s: The Case of Steel.— Radical America, 1972, Nov.-Dec.

[53] *Lead D. J.* United We Eat: The Creation and Organization of the Unemployes Councils in 1930.— Labor History, 1967, vol. 8, N 3; *Green G.* Working Class Militancy in the Depression.— Radical America, 1972, vol. 6, N 6; *Larrowe Ch. P.* Harry Bridges, The Rise and Fall of Radical Labor in the United States. N. Y., 1972; *Baskin A.* The Ford Hunger March — 1932.— Labor History, 1972, vol. 13, N 3; *Rozenzweig R.* Organizing the Inemployed: The Early Years of the Great Depression, 1929—1933.— Radical America, 1976, vol. 10, N 4; *Keeran R.* The Communist Party and the Auto Workers Unions. Bloomington, 1980; *Nelson D.* Origins of the Sit-Down Era: Worker Militancy and Innovation in the Rubber Industry, 1934—1938.— Labor History, 1982, vol. 23, N 2.

[54] *Jennings E.* Wildcat! Wartime Strike Wave in Auto.— Radical America, 1975, vol. 9, N 5; *Lichtenstein N.* Ambiguous Legacy: The Union Security Problem During World War II.— Labour History, 1975, vol. 18, N 2; *Idem.* Labor's War at Home: The CIO in World War II. Cambridge, 1982; *Glaberman M.* Wartime Strikes: The Struggle Against the No-Strike Pledge in the UAM During World War II. Detroit, 1980.

профлидерами, носило односторонний характер, ибо капиталисты, получая высокие прибыли, стремились возложить все трудности войны на рабочих, которые должны были повышать производительность труда и осуществлять отношения профсоюзов с администрацией компаний в духе «классового сотрудничества» [55].

В послевоенные годы историки-марксисты расширили свои исследования по проблемам межвоенного периода. Прежде всего необходимо назвать крупные работы У. З. Фостера о стратегии и тактике американского рабочего, профсоюзного и коммунистического движения, обобщающие труды по истории американского капитализма и рабочего класса [56].

Глубокий анализ событий классовой борьбы в США рассматриваемого периода содержат книги и статьи руководителей Компартии США Ю. Денниса, Э. Г. Флинн, Г. Холла [57]. Важным событием в развитии прогрессивной историографии явилась недавняя публикация документальной истории Компартии США, в которой руководящие деятели партии дают изложение и анализ основных периодов ее деятельности [58]. В исследованиях Г. Грина, Р. Бойера, Г. Морейса, Дж. Морриса, М. Квина, Дж. Мэтлза, Дж. Хиггинса, У. Мортимера, А. Шилдса, Ф. Фонера и других авторов [59] содержится богатый документальный и фактический материал о положении рабочего класса и его борьбе за улучшение своего экономического положения и за политические права.

Группа американских буржуазных историков занималась изучением положения фермеров и их выступлений. Аграрная история США в целом мало исследована. Такие важные проблемы, как история фермерских организаций, участие фермеров в политической борьбе и в особенности

---

[55] *Freeman J.* Delivering the Goods: Industrial Unionism During World War II.— Labor History, 1978, vol. 19, N 4.

[56] *Foster W. Z.* American Trade Unionism. Principles and Organization, Strategy and Tactics. N. Y., 1978; *Idem.* History of the Communist Party of the United States. N. Y., 1952; *Фостер У. З.* Очерк политической истории Америки. М., 1955; *Он же.* Негритянский народ в истории Америки. М., 1955; *Он же.* Закат мирового профсоюзного движения. М., 1956; *Он же.* Закат мирового капитализма. М., 1959; *Он же.* История трех интернационалов. М., 1959.

[57] *Dennis E.* In Defence of Your Freedom. N. Y., 1949; *Idem.* Ideas They Cannot Jail. N. Y., 1950; *Flynn E. G.* I Speak My Own Piece: Autobiography of «the Rebel Girl». N. Y., 1955 (рус. пер.: *Флинн Э. Г.* Своими словами: Жизнь бунтарки. М., 1962); *Idem.* The Alderson Story. My Life As a Political Prisoner. N. Y., 1963 (рус. пер.: *Флинн Э. Г.* В Олдерсонской тюрьме: Записки политзаключенной. М., 1964); *Hull G.* Thirty Years of Struggle for a Steelworkers' Union and Working Class Ideology.— Political Affairs, 1974, Sept.

[58] Highlights of a Fighting History: Sixty Years of the Communist Party, USA / Ed. by Ph. Bart a. o. N. Y., 1979 (рус. пер.: Вехи боевой истории: 60 лет Коммунистической партии США. М., 1983).

[59] *Quin M.* The Big Strike. Olema, 1949 (рус. пер.: Всеобщая стачка в г. Сан-Франциско. М., 1951); *Boyer R., Morais H.* Labor's Untold Story. N. Y., 1955 (рус. пер.: *Бойер Р. О., Морейс Г. М.* Нерассказанная история рабочего движения в США. М., 1957); *Green G.* The Enemy Forgotten. N. Y., 1956 (рус. пер.: *Грин Г.* Забытый враг. М., 1958); *Idem.* What's Happening to Labor? N. Y., 1976 (рус. пер.: *Грин Г.* Что происходит в американских профсоюзах? М., 1978); *Morris G.* American Labor, Which Way? N. Y., 1961 (рус. пер.: *Моррис Дж.* Основные проблемы рабочего движения в США. М., 1961); *De Caux L.* Labor Radical. Boston, 1970; *Mortimer W.* Organize! My Life As a Union Man. Boston, 1971; *Matles J. J., Higgins J.* Them and Us: Struggles of a Rank-and-File Union. Englewood Cliffs, 1974; *Shields A.* The Class Struggle in Steel.— Political Affairs, 1976; Jan.; *West J.* The Communist Party and the Organization of the Unorganized.— Ibid., 1977, Sept.; *Foner Ph. S.* Organized Labor and Black Workers, 1619—1973. N. Y., 1978.

история массовых антимонополистических выступлений фермеров в XX в., слабо освещены американскими историками.

Первые шаги в изучении новейшей истории фермерского движения в США были сделаны в середине 30-х годов. В частности, историк Дж. Шэфер опубликовал в 1936 г. работу, в которой фермерское движение рассматривалось как своеобразный подготовительный этап к началу активного регулирования сельского хозяйства в годы «нового курса» Ф. Д. Рузвельта [60]. После второй мировой войны Т. Салутос и Дж. Хикс подробно осветили фермерское движение на Среднем Западе от начала XX в. до второй мировой войны [61]. Они показали, что сельское хозяйство США в 20-е годы вступило в полосу длительного кризиса. Меры, предпринимаемые правительством, большей частью имели отрицательные результаты для широких слоев мелкого фермерства. В другой книге Т. Салутоса проанализирована история фермерского движения на Юге от окончания гражданской войны до 1933 г. В специальной работе он рассмотрел положение фермеров в годы «нового курса» [62]. Г. Файт детально проследил формирование фермерской программы «аграрного равноправия» и ход борьбы за ее осуществление во второй половине 20-х годов. Картина фермерского движения в 1919—1923 гг. воссоздана в монографии Дж. Шайдлера [63].

До середины 60-х годов вышло несколько работ, в которых освещались деятельность фермерских организаций, отдельные периоды формирования и проведения сельскохозяйственной политики, некоторые важные эпизоды из истории движения фермеров [64] и др. Авторы использовали и вовлекли в научный оборот огромный документальный материал, помогающий уяснить экономические основы фермерских движений XX в., эволюцию аграрной политики правительства, этапы развития фермерского движения.

В этом отношении особенно важны работы, опубликованные в 60-е годы, когда в условиях бурных социальных потрясений под влиянием радикальных историков произошли известные сдвиги и в изучении проблем новейшей истории фермерства. Так, в монографии Дж. Шоувера впервые подробно и в целом объективно дано освещение массовых фермерских забастовок 1932—1933 гг. Автор показал связь рабочего и фермерского движений, влияние последнего на аграрную политику «нового курса» [65].

Вместе с тем большинству работ по новейшей истории фермерского

---

[60] *Schafer J.* The Social History of American Agriculture. N. Y., 1936.

[61] *Saloutos Th., Hicks J. D.* Agricultural Discontent in the Middle West, 1900—1939. Madison (Wis.), 1951.

[62] *Saloutos Th.* The Farmer Movement in the South, 1865—1933. Berkeley; Los Angeles, 1960; *Idem.* The American Farmer and the New Deal. Ames, 1982.

[63] *Fite G. C.* George N. Peek and the Fight for Farm Party. Norman, 1954; *Idem.* American Farmers: The New Minority. Bloomington, 1981; *Shideler J. H.* Farm Crisis, 1919—1923. Berkeley; Los Angeles, 1957.

[64] *Block W. J.* The Separation of the Farm Bureau and the Extention Service. Urbana (Ill.), 1960; *Campbell Ch. M.* The Farm Bureau and the New Deal: A Study of the Making of the National Farm Policy, 1933—1940. Urbana (Ill.), 1962; *Crampton J. A.* The National Farmers. Union Ideology of a Pressure Group. Lincoln (Neb.), 1965; *Christenson R. M.* The Brannan Plan. Farm Politics and Policy. Ann Arbor (Mich), 1959; *Hubbard P. J.* Origins of the TVA: The Muscle Shoals Controversy, 1920—1932. Nashville (Tenn), 1961; *Swain D. C.* Federal Conservation Policy, 1921—1933. Berkeley; Los Angeles, 1963; *Kramer D.* The Wild Jackasses. The American Farmer in Revolt. N. Y., 1956.

[65] *Shover J.* Cornbelt Rebellion. The Farmer's Holiday Association. Urbana (Ill.), 1965.

движения в США присущ ряд недостатков: некритическое использование официальной сельскохозяйственной статистики, отсутствие анализа классовой дифференциации фермерства, недооценка проблемы эксплуатации фермеров монополиями. Рассматривая вопросы сельскохозяйственной политики, американские буржуазные историки не видят ее классового содержания, а политическая борьба вокруг аграрного законодательства нередко преподносится как столкновение интересов аграрного Запада и промышленного Востока. Из поля их зрения исчезает борьба классов. Выводы авторов не идут дальше либеральных суждений о большем или меньшем вмешательстве государства в развитие американского сельского хозяйства.

Экономический кризис 1929—1933 гг. оставил глубокий след в национальной истории США [66]. Между тем в 30—40-е годы исследований на эту тему было мало, и носили они в основном характер публицистической полемики [67]. И в 50-е — начале 60-х годов историки не проявляли большого интереса к периоду правления Гувера; они предпочитали говорить о консенсусе, отсутствии классовых конфликтов, о якобы постоянном прогрессе американского общества. Положение изменилось во второй половине 60-х годов. Ряд исследователей обратились к изучению экономического кризиса, его последствий. Менялась оценка личности Гувера и его политики: он представлялся чуть ли не сторонником доктрины государственного вмешательства. Некоторые авторы говорили даже о преемственности в политике двух президентов — Гувера и Рузвельта [68].

В 70-е годы апология Гувера достигла апогея [69]. Позже были опубликованы специальные исследования с подробным изложением его политической и общественной деятельности, личной жизни после президентства [70]. В ответ на эту консервативную тенденцию появились работы, в которых развенчивались попытки реабилитации и возвеличивания Гувера. Его внутренняя политика была подвергнута критике [71]. Э. Розен показал Гувера как политика ограниченного, неспособного, да и не стремившегося, решить проблемы, порожденные экономическим кризисом, а тем более облегчить бедственное положение трудящихся, особенно многомиллионной армии безработных. Рузвельт же, утверждал Розен, был реаль-

---

[66] Подробнее см.: *Кредер А. А.* Экономический кризис 1929—1933 гг. и внутренняя политика правительства Г. Гувера в американской буржуазной историографии.— В кн.: Американский ежегодник, 1982. М., 1982.

[67] *Myers W. S. Newton W. H.* The Hoover Administration. N. Y.. 1936; *Wilbur R. L., Hyde A. M.* The Hoover Politics. N. Y., 1937; *Wecter D.* The Age of the Great Depression. N. Y., 1948; *Mitchell B.* Depression Decade. From New Era Through New Deal. N. Y., 1961.

[68] *Nevins A., Commager H. S.* America: The Story of a Free People. Boston, 1943; *Hofstadter R.* The American Political Tradition and the Men Who Made It. N. Y., 1948; *Wolfe H.* Herbert Hoover. Public Servant and Leader of the Loyal Opposition. N. Y., 1956; *Romasco A.* The Poverty of Abundance. N. Y., 1965; *Wilson J. H.* Herbert Hoover. Forgotten Progressive. Boston, 1975; *Sobel R.* Herbert Hoover and the Onset of the Great Depression, 1929—1933. Philadelphia, 1975.

[69] Herbert Hoover and the Crisis of American Capitalism / Ed. by J. J. Hutchmacker, W. J. Susman. Cambridge, 1973; *Hawley E. W.* Herbert Hoover and American Corporativism, 1929—1933.— In: The Hoover Presidency: A Reappraisal/Ed. by M. J. Fausold, G. T. Mazuzan. Albany, 1974.

[70] *Berner D.* Herbert Hoover: A Public Life. N. Y., 1979; *Best G.* Herbert Hoover, the Postpresidential Years, 1933—1964. Stanford, 1983. Vol. 1, 2; *Nash G.* The Life of Herbert Hoover. Norton, 1983.

[71] *Daniels R.* The Bonus March: An Episode of the Great Depression. Westport, 1971.

ным политиком, решительно вставшим на путь решения сложных социальных и экономических проблем, вызванных кризисом [72].

В работах других авторов показано, как в годы администрации Гувера многие американцы оказались в состоянии глубокой нищеты и безысходности [73].

Таким образом, изучение исторической литературы о деятельности администрации Гувера в годы кризиса позволяет отметить две тенденции: историки консервативных взглядов занимаются апологетикой Гувера, либералы же подвергают его критике. Характер полемики в основном определяется политической обстановкой в стране, подчас межпартийной борьбой демократов и республиканцев.

Обширная литература имеется о президенте Ф. Рузвельте, «новом курсе», внешней политике США в 30-е годы. Совсем недавно опубликованы работы о жизни и деятельности Ф. Рузвельта [74]. Вокруг его политики продолжаются дискуссии, особенно по вопросу «нового курса». На оценки многих авторов оказывали влияние как экономические, так и политические факторы, в том числе борьба двух ведущих буржуазных партий.

Значительное внимание уделялось проблеме происхождения «нового курса» [75]. Среди других работ заметное место занимает трехтомный труд А. М. Шлезингера-младшего [76], который подверг критике политику администраций Кулиджа и Гувера. В результате их ограниченности и близорукости, отмечал автор, наступил кризис «старого порядка». Шлезингер, прославляя реформаторскую деятельность Рузвельта и его администрации, подчеркивал, что политика «нового курса» означала разрыв с историей США 20-х годов.

Насколько Рузвельт как человек и политик был подготовлен к программе «нового курса», попытался дать ответ Ф. Фрейдель, опубликовавший в первой половине 50-х годов в трех томах биографию президента. Автор преклонялся перед Рузвельтом, идеализировал его действия, мышление и мировоззрение, пытаясь представить их как якобы надклассовые [77]. Те же идеи нашли отражение в 4-м томе (1973 г.).

Исследования Б. Баллаша и Д. Фусфелда посвящены деятельности Рузвельта накануне «нового курса». Лейхтенберг посвятил свой труд непосредственно истории реформ президента [78].

---

[72] *Rosen E. A.* Hoover, Roosevelt, and the Brain Trust. N. Y., 1977.

[73] *Patterson J.* America's Struggle Against Povetry, 1900—1980. Cambridge (Mass.), 1981; *Coode T., Bauman J.* People, Povetry and Politics: Pennsylvanians during the Great Depression. Lewisburg, 1981; *Weaver C. L.* The Crisis in Social Security. Durham (N. C.), 1982; *Appel B.* The People Talk: American Voices from the Great Depression. N. Y., 1982.

[74] *Alsop J.* FDR, 1882—1945: The Life and Times of Franklin D. Roosevelt. L., 1982; *Hacker J.* Franklin D. Roosevelt. N. Y., 1983; *Romasko A.* The Politics of Recovery: Roosevelt's New Deal. N. Y., 1983.

[75] Подробнее см.: *Мальков В. Л.* «Новый курс» в США: Социальные явления и социальная политика. М., 1973; *Сивачев Н. В.* «Новый курс» Ф. Рузвельта.— Вопр. истории, 1981, № 9.

[76] *Schlesinger A. M., Jr.* The Age of Roosevelt: Vol. 1—3. Boston, 1957—1960.

[77] *Freidel F.* Franklin D. Roosevelt. The Apprenticeship. Boston, 1952; *Idem.* Franklin D. Roosevelt: The Ordeal. Boston, 1954; *Idem.* Franklin Roosevelt: The Triumph. Boston, 1955.

[78] *Bullush B.* Franklin D. Roosevelt as the Governor of New York. N. Y., 1955; *Fusfeld D. R.* The Economic Thought of Franklin D. Roosevelt and the Origins of the

Но были историки, которые негативно относились к Рузвельту. По их мнению, подъем общедемократического движения в 30-е годы явился следствием социальных реформ администрации Рузвельта. Такую позицию занял, например, Э. Робинсон, рассматривавший реформы «нового курса» как попытку «стравить один класс с другим», а рузвельтовскую коалицию — как проявление «неамериканских взглядов» [79]. Политические цели Рузвельта он называл «социалистическими», что противоречит нормам и традициям американского образа жизни и демократии. Близок к Робинсону Дж. Бёрнс [80].

В связи с приходом в 60-е годы к власти демократов возрос интерес и к «новому курсу». За короткий срок было опубликовано свыше 100 книг и статей. Большинство ученых восторженно писали о реформах Рузвельта. Некоторые авторы стали подчеркивать связь мероприятий «нового курса» с социально-экономическим развитием страны в 20—30-е годы [81], другие доказывали, что 1933 год явился вехой в истории США. В ходе полемики высказывалась мысль о том, что реформы Теодора Рузвельта, Вудро Вильсона и Франклина Рузвельта представляют собой преемственную линию в развитии «прогрессизма».

Историки неоконсервативного направления (Д. Бёрнер, Р. Мэррей и др.) также выдвинули тезис о преемственности партийно-политической жизни США в 20-е и 30-е годы [82]. Предметом специального исследования явились борьба в конгрессе вокруг реформ президента Рузвельта и сопротивление консервативной части крупного капитала «новому курсу» [83]. В ряде монографий показаны социальные аспекты «нового курса», его влияние на положение различных слоев американского общества, расово-этнических групп, в частности черных и индейцев [84].

При неодинаковом подходе к объяснению причин «нового курса» и его социальной сущности для большинства буржуазных историков характерна общая черта: все в той или иной мере уходят от анализа социально-экономических факторов рузвельтовских реформ, стараются представить «новый курс» как некую надклассовую политику, предпочитают меньше говорить о глубоком экономическом кризисе, настроениях народных масс, выдвигая на первый план межпартийные разногласия и пространно рассуждая о перегруппировке сил в двухпартийной системе,

New Deal. N. Y., 1956; *Leuchtenburg W.* Franklin D. Roosevelt and the New Deal, 1932—1940. N. Y., 1963.

79 *Robinson E. E.* Roosevelt Leadership, 1933—1945. N. Y., 1955.

80 *Burns J. M.* Roosevelt: The Lion and the Fox. N. Y., 1956.

81 *Romasco A.* Hoover — Roosevelt and the Great Depression: A Historiographic Inquiry into a Pevennial Comparison.— In: The New Deal. Columbus, 1975. Vol. 1; *Hawley E.* The Great War and the Search for a Modern Order: A History of the American People and Their Institutions, 1917—1977. N. Y., 1979.

82 *Burner D.* The Politics of Provincialism: The Democratic Party in Transitions, 1918—1932. N. Y., 1968; *Murray R. K.* The Politics of Normalcy. N. Y., 1973; *Idem.* The 103rd Ballot. Democrats and the Disaster in Madison Square Garden. N. Y., 1976.

83 *Feinman R.* Twilight of Progressivism: The Western Republican Senators and the New Deal. Baltimore, 1981; *McPaid K.* Big Business and Presidential Power: From FDR to Reagon. N. Y., 1982.

84 *Fujity K.* Black Worker's Struggles in Detroit's Auto Industry, 1935—1974. Saratoga, 1980; *Collins K.* Black Los Angelos: the Maturing of the Ghetto, 1940—1950. Saratoga, 1980; *Hauptman L.* The Iroquois and the New Deal. Syracuse, 1981; Black Leaders of the Twentieth Century / Ed. by J. Franklin, A. Meier. Urbana, 1982; *McAdam D.* Political Process and the Development of Black Insurgency, 1930—1970. Chicago, 1982.

изменении состава избирателей и т. п. При оценке же «нового курса» необходимо учитывать, что Рузвельт был представителем либеральных кругов буржуазии и его политика была направлена на сохранение и укрепление в целом капиталистической системы в США путем проведения реформ в экономической и социальной жизни страны. Этой цели и служил «новый курс», мероприятия которого предусматривали усиление роли государства, использование его рычагов для преодоления кризисных явлений и их последствий.

Американские историки уделяют большое внимание освещению роли США в возникновении и в ходе второй мировой войны. Создана большая литература, посвященная вопросам внешней политики, дипломатии, военной истории. Несмотря на различие взглядов, течений, направлений и школ, эти работы объединяет общая идеология.

В литературе по внешнеполитической проблематике можно выделить три направления: официальное, ревизионистское и радикальное.

Большая группа историков (некоторые из них находились в свое время на государственной службе) после войны приступили к написанию трудов, в которых стремились обосновать и оправдать внешнюю политику администрации Рузвельта. Получив исключительное право доступа к секретным правительственным документам, а также к многочисленным частным архивам, эти авторы опубликовали немало исследований [85], оказавших серьезное влияние на формирование официальной концепции внешней политики США. Они намеревались доказать миролюбие американской дипломатии в предвоенные годы, стремившейся будто бы сдержать японскую экспансию на Дальнем Востоке и агрессию фашистских государств в Европе. В качестве аргументов эти историки ссылаются на слабую готовность вооруженных сил страны, изоляционистские и пацифистские настроения американцев, однако, как правило, замалчивают проводившуюся Соединенными Штатами совместно с Англией и Францией политику поощрения фашистской агрессии, направленную против СССР. Тем самым они пытаются снять с правящих кругов США ответственность за политику «нейтралитета», которая объективно способствовала развязыванию войны и в Европе и на Дальнем Востоке.

Многие авторы сводят историю международных отношений и внешней политики США к дипломатическим комбинациям, обходя вопрос о роли экономических факторов, влиянии монополий на внешнюю политику Вашингтона. Мысль о том, что главной целью внешней политики США якобы было постоянное стремление к поискам мира, подробно развитая У. Лангером и С. Глисоном, стала затем доминирующей в учебниках и многих научных публикациях. Особо следует отметить, что, оправдывая внешнеполитический курс администрации Рузвельта, авторы, принадлежащие к данному направлению, искажают политику Советского Союза.

Ревизионистское течение, возникшее в конце 40-х — начале 50-х годов, выступило с критикой взглядов историков официального направле-

---

[85] *Langer W., Gleason S.* The Challenge to Isolation, 1937—1940. N. Y., 1952; *Idem.* The Undeclared War, 1940—1941. N. Y., 1953; *Feis H.* Churchill, Roosevelt, Stalin. The War They Waged and the Peace They Thought. Princeton, 1957; *Шервуд Р.* Рузвельт и Гопкинс: Глазами очевидца. М., 1958. Т. 1, 2; *Rauch B.* Roosevelt. From Munich te Pearl Harbor. N. Y., 1967; *Jones R.* The Roads to Russia. United States. Lend-Lease to the Soviet Union. Norman, 1969; *Burns J.* Roosevelt: the Soldier of Freedom. N. Y., 1970.

ния [86]. В этих работах излагается антирузвельтовская концепция истории внешней политики США. Авторы «доказывают», что Рузвельт-де сам спровоцировал нападение Японии на США. Подобные взгляды наиболее четко отражены в сборнике статей «Вечная война за вечный мир» [87]. Недовольные итогами и социально-политическими последствиями второй мировой войны, ростом сил социализма и демократии, возросшим влиянием Советского Союза в мире, представители этого направления обвиняют Рузвельта в том, что он вовлек США в войну на стороне Советского Союза против Германии, Италии и Японии, поражение которых привело к ослаблению позиций мирового капитализма, к успехам национально-освободительного движения в странах Азии, Африки и Латинской Америки.

Радикальное направление представлено работами В. Вильямса, Д. Флеминга, Г. Алпровица, Г. Колко и др.[88] Они подвергли критике концепции и официального, и ревизионистского течений. Их оценка политики и стратегии США дается с позиций леволиберальной буржуазии и во многом непоследовательна. Тем не менее они справедливо отмечали, что вступление США в войну было обусловлено такими причинами, как стремление к расширению рынков сбыта, приобретению источников сырья, сфер приложения капитала, к усилению влияния США в мировой политике, завоеванию новых позиций на международной арене, а не альтруистическими мотивами. Эти авторы указывали на опасность экспансии фашистской Германии и милитаристской Японии для США, признавали, что «холодная война» возникла по вине США.

В обширной литературе по отдельным проблемам предвоенной внешней политики значительное место занимают работы, посвященные американскому изоляционизму 30-х годов. У. Лангер и С. Глисон в уже упоминавшихся работах выдвинули концепцию, согласно которой политика администрации Рузвельта была якобы обусловлена в определенной мере изоляционистскими настроениями народных масс, что-де помешало участию Америки в коллективных действиях государств, которым угрожало вторжение держав «оси». Таким образом, ответственность за срыв коллективного противодействия агрессорам возлагалась, по существу, на антивоенные настроения масс. Подобные взгляды получили распространение и в работах других историков [89].

В 60-е годы в связи с острым кризисом внешней политики США и небывалым подъемом антивоенного движения в политических и научных кругах развернулась дискуссия о перспективах американского глобализма. Естественно, был затронут вопрос о характере изоляционизма в предвоенные годы. Так, У. Коул указал, что в изоляционизме 30-х годов при-

---

[86] *Beard Ch.* American Foreign Policy in the Making. 1932—1940. New Haven (Conn.), 1946; *Idem.* President Roosevelt and the Coming of the War, 1941. N. Y., 1948; *Morgenstern G.* Pearl Harbor: The Story of Secret War. N. Y., 1947; *Tansill Ch.* Back Door to War. The Roosevelt Foreign Policy, 1933—1941. Chicago, 1952.

[87] Perpetual War for Perpetual Peace/Ed. by H. Barnes. N. Y., 1953.

[88] *Вильямс В.* Трагедия американской дипломатии. М., 1960; *Fleming D.* The Cold War and its Origins. N. Y., 1961. Vol. 1, 2; *Alperovitz G.* Atomic Diplomacy: Hiroshima and Potsdam, the Use of the Atomic Bomb and the American Confrontation with Soviet Power. N. Y., 1965; *Kolko G.* The Politics of War: The World and the United States Foreign Policy, 1943—1945. N. Y., 1968.

[89] *Drummond D.* The Passing of American Neutrality, 1937—1941. Ann Arbor, 1955; *Cole W.* America First: The Battle Against Intervention, 1940—1941. N. Y., 1971.

сутствовало сильное мелкобуржуазное течение, выступавшее против экспансионистских и милитаристских устремлений конкретных представителей правящих кругов. В начале 80-х годов он опубликовал большую монографию, посвященную анализу борьбы между Рузвельтом и изоляционистами [90]. По мнению М. Джонаса, изоляционизм большинства американцев был временным явлением и связан в значительной степени с экономическими трудностями США 30-х годов. По мере обострения ситуации в Европе его влияние падало [91]. Другие авторы считают, что США могли бы предпринять более решительные действия в отношении международных провокаций гитлеровской Германии [92].

С точки зрения радикальных историков, дебаты между изоляционистами и сторонниками Рузвельта носили по сути характер тактических разногласий по поводу достижения Соединенными Штатами доминирующего положения в мире, более благоприятных условий для экономической и идеологической экспансии США [93]. Г. Колко, например, подчеркивал, что общественность США, не связанная с деловыми кругами, как правило, осуждала нацизм и фашизм, а также политику империалистического сотрудничества с Германией. Р. Смит рассматривал антивоенное движение в США, в том числе его изоляционистское крыло, как явление положительное, как фактор, сдерживавший, по его мнению, милитаристские устремления некоторых представителей администрации [94].

Несмотря на присущую радикальным историкам ограниченность в трактовке европейской политики США в 30-е годы, уход от анализа сущности империализма, породившего войну, их критика экспансионизма США нанесла ощутимый удар официальным концепциям.

Следует выделить в отдельную группу работы, посвященные внешнеполитической деятельности самого президента Рузвельта. Для этих исследований характерна негативная оценка законодательства о нейтралитете и оправдание политики администрации Рузвельта в Европе. В ряде случаев авторы, касаясь действия механизма принятия политических решений, показали, что те шли вразрез как с настроениями широких народных масс, так и с интересами мира и безопасности в Европе. В частности, Р. Дивайн признал, правда не в полной мере, ответственность администрации Рузвельта за сговор в Мюнхене. Т. Ференбэк считал, что президент мог организовать более активную поддержку политики США в Европе, но предпочел идти на компромисс с конгрессменами-изоляционистами [95].

Во многих работах политика США в Латинской Америке в межвоенные годы оправдывается. Можно лишь встретить критику тех или иных

---

[90] *Cole W.* Roosevelt and the Isolationists, 1932—45. Linkoln, 1983.

[91] *Jonas M.* Isolationism in America, 1935—1941. Ithaca (N. J.), 1969.

[92] *Compton J.* The Swastica and the Eagle: Hitler, the United States and the Origins of the World War II. Boston, 1967; *Offner A.* American Appeasement: United States Foreign Policy and Germany, 1933—1939. Cambridge (Mass.), 1969.

[93] *Williams W.* The Tragedy of American Diplomacy. N. Y., 1959; *Gardner L.* Economic Aspects of New Deal Diplomacy. Madison, 1964.

[94] *Kolko G.* American Business and Germany, 1930—1941.— Western Political Quarterly, 1962, Dec.; *Smith R.* American Foreign Relations, 1920—1942.— In: Towards a New Past/Ed. by B. Bernstein. N. Y., 1968.

[95] *Devine R.*, Roosevelt and World War II. Baltimore, 1969; *Fehrenback Th.* F. D. Roosevelt's Undeclared War 1939 to 1941. N. Y., 1967; *Kinsella W., Jr.* Leadership in Isolation. FDR and the Origins of the Second Worlds War. Cambridge, 1978; *Dallek R.* Franklin D. Roosevelt and American Foreign Policy, 1932—1945. N. Y., 1979.

ее форм и методов. Историки иногда высказывают замечания в адрес отдельных дипломатов, осуждение некоторых акций госдепартамента, «недальновидности» официальных кругов Вашингтона [96].

В книгах, посвященных межамериканским отношениям, широко рекламируется идея панамериканизма, общности экономических интересов стран Западного полушария, их географическая близость, необходимость объединения американских государств под эгидой США [97].

Рузвельтовской политике «доброго соседа» в отношении латиноамериканских государств посвящена значительная литература [98]. В ней проводится мысль о том, якобы в 1933—1945 гг. отношения между США и странами Латинской Америки развивались на основе взаимности и добрососедства. Однако большинство авторов умалчивают об экспансионистской политике американского империализма в этом районе. Проникновение капитала и укрепление политических и военных позиций США продолжались под лозунгом «обороны Западного полушария» и под прикрытием «добрососедства». Между тем Дж. Чайлд назвал отношения между США и странами Латинской Америки как неравный союз. Он показал принципы и систему внутриамериканских взаимоотношений. Отдельно рассмотрен вопрос об американо-аргентинских отношениях в годы второй мировой войны.

Многочисленные исследования касаются дальневосточной политики США в предвоенные годы [99]. С одной стороны, авторы показали, что США уступали Японии свои позиции в Китае, шли на компромиссы, преследуя при этом одну цель — направить японскую агрессию против СССР. США сознательно сделали ставку на вооруженное столкновение Японии с Советским Союзом. С другой — в ряде книг утверждается, будто США в соответствии с заключенными соглашениями в отношениях с Китаем руководствовались чувствами глубокой привязанности, заботились о его территориальной целостности, защите от японской агрессии, стремились поддержать экономику. США якобы придерживались принципа строжайшей беспристрастности, всячески избегая какого бы то ни было обострения отношений с Японией. В упомянутых трудах В. Вильямса и его по-

---

96 *Guerrant E. O.* Roosevelt's Good Neighbour Policy. The University of New Mexico Press, 1950; *Mosher A.* Technical Cooperation in Latin American Agriculture. Chicago, 1957.

97 *Whitaker A. P.* The United States and South America. The Nothern Republics. Cambridge (Mass.), 1948; Inter-American Affairs 1941—1945. An Annual Survey, N 1—5/ Ed. by A. P. Whitaker. N. Y., 1942—1946; U. S. Policy and Inter-american Peace System, 1889—1952. P., 1952; *Williams M. W., Bartlett R. J., Miller R. E.* The People and Politics of Latin America. N. Y., 1955.

98 *Bemis S.* The Latin American Policy of the United States. N. Y., 1967; *Tomlinson E.* Battle for the Hemisphere. N. Y., 1947; *Duggan L.* The Americas. N. Y., 1949; *Stuart G.* Latin America and the United States. N. Y., 1955; *Woods R. B.* The Roosevelt Foreign Policy Establishment and the «Good Neighbour»: The United States and Argentina, 1941—1945. Lawrence, 1979; *Child J.* Unequal Alliance: the Inter-American Military System, 1938—1978. Boulder, 1980.

99 *Taylor G. E.* America in the New Pacific. N. Y., 1943; *Bisson T. A.* America's Far Eastern Policy. N. Y., 1945; *Borg D.* The United States and the Far Eastern Crisis of 1933—1938: From the Manchurian Incident Through the Initial Stage of the Undeclared Sino-Japanese War. Cambridge (Mass.), 1964; *Borg D., Okamoto S.* Pearl Harbor as History: Japanese-American Relations, 1931—1941. Columbia, 1973; *Baker L.* Roosevelt and Pearl Harbor. N. Y., 1970; *Herzog J.* Closing the Open Door: American-Japanese Diplomatic Negotiations, 1936—1941. Annapolis, 1973; *Morley S.* Japan's Foreign Policy, 1869—1941. Columbia Univ. Press, 1974.

следователей (Л. Гарднера, Г. Колко) внимание сосредоточено на роли экономического фактора в обострении японо-американских отношений.

Большое число книг и статей посвящено вопросу о том, кто виноват в катастрофе, происшедшей в Пёрл-Харборе. В научный оборот введен огромный документальный материал, однако он не проанализирован объективно. Сказывается сильное влияние различных группировок и политических сил в стране, равно как и развитие международных отношений и внешнеполитический курс США на том или ином этапе истории. По мнению некоторых историков, государственный секретарь США К. Хэлл придерживался осторожной политики в отношении Японии, не разделяя мнения Г. Стимсона, Ф. Нокса и Г. Моргентау о необходимости принятия решительных действий против японских агрессоров. Рузвельт же предпочитал не спешить, стремясь избегать обострения американо-японских отношений. Ряд ученых возлагали ответственность за Пёрл-Харбор на командование вооруженными силами на Тихом океане, а также на Маршалла, Старка, Стимсона и Нокса, не принявших своевременных мер против готовящегося нападения на Пёрл-Харбор. Эта точка зрения наиболее полно выражена в названных работах Ч. Бирда и Ч. Тэнзилла.

В мемуарах командующего Тихоокеанским флотом адмирала Х. Киммела и командующего первой флотилией эскадренных миноносцев Тихоокеанского флота США Р. Теаболда заметно стремление их авторов снять с себя ответственность за поражение в Пёрл-Харборе и возложить ее на президента Рузвельта [100].

Недавно в США издано крупное исследование Г. Прэнга (посмертно) об истории нападения японского флота на Пёрл-Харбор. Несколько десятилетий он посвятил работе над этим изданием.

С 1946 по 1951 г. автор служил в Токио в штабе генерала Макартура, был руководителем исторической секции. Он взял интервью у всех японских офицеров, принимавших участие в нападении на Пёрл-Харбор. Прослеживая шаг за шагом подготовку к войне на Тихом океане, автор сделал вывод, что Япония будто бы вынуждена была начать войну вследствие примененных к ней экономических санкций со стороны админист рации Рузвельта. Президент, по мнению Пренга, занял слишком жесткую позицию в отношении Японии. Виновниками за поражение американского флота в Пёрл-Харборе, как утверждает автор, являлись в первую очередь адмирал Х. Киммел и генерал У. Шорт [101]. В действительности вся история экономических, политических и дипломатических отношений между США и Японией в межвоенные годы свидетельствует о виновности обоих государств в возникновении войны на Тихом океане. Подтверждение тому — многочисленные документы и факты. Политический кризис, вооруженный конфликт между США и Японией назревали долгие годы. Вашингтон длительное время проводил политику «умиротворения» японской агрессии, надеясь направить ее против СССР. Но расчеты не оправдались. Японский флот первым нанес удар по американской военно-морской базе Пёрл-Харбор. И дело не в просчетах и ошибках отдельных государственных и военных деятелей, хотя это, безусловно, имело место, а в социальной системе — империализме, в стремлении капиталистических стран в силу действия закона неравномерности экономического

---

[100] *Theobold R.* The Final Secret of Pearl Harbor. The Washington Contribution to the Japanese Attack. N. Y., 1954; Admiral Kimmel's Story. Chicago, 1955.

[101] *Prange G.* The Untold Story of Pearl Harbor. N. Y., 1983.

и политического развития к переделу мира, к захвату и приобретению новых территорий. Японский империализм был более агрессивен, и он встал первым на путь завоевания и порабощения вооруженным путем государств и народов в Восточной и Юго-Восточной Азии и Тихом океане.

Публикации, посвященные участию США во второй мировой войне, носят в основном оперативно-стратегический характер и написаны военными историками [102]. Под руководством военного министерства был подготовлен фундаментальный труд «Армия США во второй мировой войне» (около 80 томов), где рассмотрены вопросы военной стратегии, деятельность высшего командования США, операции на Тихом океане, в Северной Африке и Западной Европе. Военно-исторические службы военно-морского флота опубликовали 15 томов «Истории военно-морских операций Соединенных Штатов во второй мировой войне» [103]. Кроме того, вышли специальные работы о действиях подводных лодок, авианосцев, эсминцев и морской авиации [104]. Военно-исторический отдел корпуса морской пехоты выпустил пятитомное исследование «История операций корпуса морской пехоты США во второй мировой войне» [105] об операциях на Тихом океане. Действия ВВС США проанализированы в семитомном труде «Военно-воздушные силы армии во второй мировой войне», подготовленном военно-историческим управлением ВВС США [106].

Во всех этих официальных изданиях изложена военная концепция и стратегия США во второй мировой войне. По замыслу командования США эти публикации должны служить популяризации американских вооруженных сил, их прославлению, всемерному подчеркиванию мысли, что США внесли решающий вклад в победу над врагом на важнейших театрах военных действий — на Тихом океане, в Северной Африке и Европе. Этот тезис особенно отчетливо прослеживается в книгах, освещающих участие в войне СССР, подготовленных военно-историческими службами. В них преднамеренно принижается роль Советского Союза в разгроме гитлеровской Германии, тенденциозно освещается вооруженная

---

[102] *Harrison G.* Cross-Channel Attack. Wash., 1951; *Morison S.* The Invasion of France and Germany, 1944—1945. Boston, 1951; *Morton L.* The Fall of the Philippines. Wash., 1953; *Matloff M., Snell E.* Strategic Planning for Coalition Warfare, 1941—1942. Wash., 1953 (рус. пер.: *Мэтлофф М., Снелл Э.* Стратегическое планирование в коалиционной войне 1941—1942 гг. М., 1955); *Pogue F.* The Supreme Command. Wash., 1954; *Greenfield K.* American Strategy in World War II: A Reconsideration. Baltimore, 1963; *Cole H.* The Ardennes. Battle of the Bulge. Wash., 1965; *Coakley R., Leighton R.* Global Logistics and Strategy, 1943—1945. Wash., 1968; *MacDonald C.* The Mighty Endeavor. N. Y., 1969. Подробнее см.: Уроки истории неопровержимы / Под ред. А. А. Строкова. М., 1964; *Ржешевский О. А.* Война и история. М., 1976 (2-е изд. М., 1984); *Жилин П. А., Якушевский А. С., Кульков Е. Н.* Критика основных концепций буржуазной историографии второй мировой войны. М., 1983; *Кульков Е. Н., Ржешевский О. А., Челышев И. А.* Правда и ложь о второй мировой войне. М., 1983.

[103] *Morison S.* History of the United States Naval Operations in World War II. Boston, 1947—1962. Vol. 1—15.

[104] The Navy's Air War: A Mission Completed. N. Y., 1946; United States Naval Aviation in the Pacific. Wash., 1946; United States Submarine Losses in World War II. Wash., 1963; *Шерман Ф.* Американские авианосцы в войне на Тихом океане. М., 1956; *Роско Т.* Боевые действия подводных лодок США во второй мировой войне. М., 1957; *Холмс У.* Победа под водой. М., 1968; *Blair C., Jr.* Silent Victory. The U. S. Submarine War Against Japan. Philadelphia, 1975.

[105] History of the U. S. Marine Corps Operations in World War II. Wash., 1958—1972. Vol. 1—5.

[106] The Army Air Forces in World War II. Chicago, 1948—1958. Vol. 1—7.

борьба на советско-германском фронте, в первую очередь великие битвы под Москвой, Сталинградом, Курском, Ленинградом и Берлинское сражение [107]. Военные историки стремятся скрыть политические цели своей страны или же представить их в облагороженном виде. Вину за ухудшение советско-американских отношений они стараются возложить на СССР.

Особо следует остановиться на историографии открытия второго фронта в Западной Европе. Этому событию уделяется много внимания и в мемуарах видных политических и военных деятелей. При всем различии взглядов авторов этой литературе присущи некоторые общие черты. Так, утверждается, будто США настаивали на быстрейшем вторжении американо-английских войск в Западную Европу, но Англия постоянно выступала против.

Мысль о разногласиях между союзниками была высказана в 1946 г. в книге Р. Ингерсолла [108], а затем получила широкое распространение в официальных изданиях, посвященных второй мировой войне. Откладывание открытия второго фронта объясняется также нехваткой сил и средств. Этот тезис настойчиво подчеркивался в мемуарах военного министра Стимсона, главнокомандующего союзными войсками генерала Д. Эйзенхауэра, командующего военно-воздушными силами США генерала Г. Арнольда, адмирала У. Леги, генерала М. Кларка [109].

В условиях начавшейся «холодной войны» некоторые мемуаристы пытались создать у читателя впечатление, будто в скорейшем открытии второго фронта был заинтересован только Советский Союз. Боевое содружество США, Англии и СССР в годы войны эти авторы называют «странным» союзом [110].

Достаточно полно эта мысль развита в книге военного обозревателя Х. Болдуина «Крупные ошибки войны», в которой утверждалось, что руководители США были-де недостаточно зрелыми и опытными, мало проявляли заботы о послевоенном устройстве мира. По его словам, не стоило открывать второго фронта в Западной Европе, а следовало направить англо-американские войска, как это советовал Черчилль, на Балканы, в долину Дуная, в страны Южной и Юго-Восточной Европы. Он упрекал американских стратегов в медлительности военных действий, в том, что они не сумели овладеть ключевыми центрами Европы — Берлином, Прагой и Веной [111].

Многие военные историки, в частности М. Мэтлофф, Э. Снелл,

---

[107] *Ziemke E.* The German Northern Theater of Operations, 1940—1945. Wash., 1959; *Idem.* Stalingrad to Berlin. The German Defeat in the East. Wash., 1968; *Idem.* The Battle for Berlin, End of the Third Reich. N. Y., 1972.

[108] *Ингерсолл Р.* Совершенно секретно. М., 1947.

[109] *Stimson H., Bundy M.* On Active Service in Peace and War. N. Y., 1948; *Eisenhower D. D.* Crusade in Europe. N. Y., 1948 (рус. пер.: *Эйзенхауэр Д.* Крестовый поход в Европу: Военные мемуары. М., 1980); *Arnold G.* The Global Mission. N. Y., 1949; *Leahy W.* I Was There. N. Y., 1950; *Clark M.* Calculated Risk. N. Y., 1950. Подробнее см.: *Марушкин Б. И., Яковлев Н. Н.* Вопрос о взаимоотношениях СССР и США в период второй мировой войны в американской историографии.— Новая и новейшая история, 1957, № 3; *Майский И. М.* Проблема второго фронта в англо-американской историографии.— Вопр. истории, 1958, № 1; *Кунина А. Е., Марушкин Б. И.* Миф о миролюбии США. М., 1960; *Кулиш В. М.* История открытия второго фронта. М., 1971.

[110] *Deane J. R.* The Strange Alliance. N. Y., 1947.

[111] *Baldwin H. W.* Great Mistakes of the War. N. Y., 1950.

С. Морисон, выразили свое несогласие со взглядами Болдуина. Они подчеркивали, например, что важнейшие стратегические решения принимались по настоянию американской стороны. По мнению начальника военно-исторического отдела армии США генерала Кента Р. Гринфилда, стратегия западных союзников была компромиссом, в котором в конечном счете восторжествовал американский способ ведения войны. Эта концепция наиболее полно представлена в сборнике статей «Важнейшие решения» [112]. Затем она была изложена и в докладе историка Ричарда М. Лейтона на объединенной ассоциации историков США и военного института в Вашингтоне в конце 1961 г.[113]

В 70—80-е годы в США опубликовано несколько работ, в которых авторы по-иному подходят к трактовке истории открытия второго фронта [114]. Они рассматривали ее с точки зрения приоритета собственных, «национальных интересов» США [115]. Так, М. Столер подчеркивал, что в Вашингтоне вопрос о втором фронте воспринимался как важная политическая проблема. В основе затягивания срока вторжения американо-английских войск в Западную Европу лежали политические мотивы; выбор руководителями США благоприятного стратегического момента для открытия второго фронта определялся стремлением добиться максимального расширения американского влияния в Европе. Р. Даллек считал, что постановка вопроса о более раннем открытии второго фронта вообще неправомерна, ибо это стоило бы американцам многих жизней, а президент Рузвельт стремился одержать победу над Германией и Японией «быстро и недорого», используя при этом вооруженные силы Советского Союза.

Решение проблемы второго фронта, таким образом, тесно связано с главной политической и стратегической целью: выиграть войну «на американских условиях». Сторонники такого подхода к этой проблеме стремятся задним числом освободить США от ответственности за невыполнение союзнических обязательств, за их антисоюзнические действия.

Конечно, серьезные расхождения между США и Англией по стратегическим вопросам, в том числе и о причинах перенесения даты открытия второго фронта, имели место. Но американские историки умалчивают, что США руководствовались стремлением сохранить, укрепить и расширить свое влияние в мире в интересах монополистического капитала, что такая позиция в отношении второго фронта определялась стратегическими целями Вашингтона и Лондона; она объективно способствовала затягиванию окончания войны и была направлена против Советского

---

[112] Command Decisions. N. Y., 1959. См. сокращенный пер.: Важнейшие решения. М., 1964.

[113] *Leighton R. M.* Overlord Revisited: An Interpretation of American Strategy in European War, 1942—1944.— American Historical Review, 1963, N 4.

[114] Подробнее см.: *Новоселов Б. Н.* США, Великобритания и второй фронт: Критика новых тенденций в буржуазной историографии.— Новая и новейшая история, 1983, № 4.

[115] *Stoler M.* The Politics of the Second Front: American Military Planning and Diplomacy in Coalition Warfare, 1941—1943. Westport (Conn.), 1977; *Idem.* World War II Diplomacy in Historical Writing Prelude to Cold War.— In: American Foreign Relations. A Historiographical Review / Ed. by G. Haines, J. Walker. Westport (Conn.), 1981; *Gaddis J.* Russia, the Soviet Union, and the United States. An Interpretive History. New York; Toronto, 1978; *Dallek R.* Franklin D. Roosevelt and American Foreign Policy, 1932—1945. N. Y., 1979; *Hobbs R.* The Myth of Victory: What is Victory in the War. Boulder (Colo), 1979; *Ambrose S.* Rise to Globalism. Harrisonburg, 1979.

Союза и народов оккупированных фашистскими захватчиками стран Европы.

Вопросы американо-английских отношений накануне и в годы второй мировой войны также привлекли внимание исследователей. Их интересы сосредоточились на оправдании политики «умиротворения», освещении истории складывания союза между США и Великобританией, характера военного и экономического сотрудничества [116].

На формирование внешней политики США оказывали воздействие многие силы, и прежде всего интересы монополистического капитала. Однако об этом предпочитают умалчивать американские историки. Дж. Кестер, проанализировав внутренние пружины принятия внешнеполитических решений в Вашингтоне на протяжении многих десятилетий, все же мало говорит об этом. Р. Даллек ограничился выяснением в широком плане влияния политических, социальных и культурных факторов на американскую внешнюю политику. Л. Гарднер показал эволюцию внешнеполитических концепций по мере роста экономического и военного могущества США с точки зрения их «национальных интересов» [117].

В этой связи следует заметить, что в США опубликовано большое количество книг, в которых оправдывается так называемая «базовая стратегия», проводимая в годы второй мировой войны. Уже в то время американская система базирования охватила громадные пространства земного шара. Геополитическая аргументация преследовала цель оправдать экспансионизм США. Проблема колоний занимала при этом важное место, особенно в истории американо-английских отношений периода войны. И это нашло отражение в историографии США [118], а также и в английской литературе [119].

Итак, американская историография, касающаяся истории США в межвоенные и военные годы, представлена течениями и направлениями, которые по-разному подходят к рассмотрению одних и тех же проблем истории США. Интерпретации и оценки многих событий часто подвергаются пересмотру. Это обусловлено как социально-политическими факторами, так и развитием самой исторической мысли. Вместе с тем буржуазной историографии США присущи определенные общие черты в области методологии: субъективизм в анализе отдельных общественных явлений и исторического процесса в целом, презентизм.

---

[116] *MacDonald C. A.* The United States, Britain and Appeasement, 1936—1939. N. Y., 1981; *Reynolds D.* The Creation of the Anglo-American Alliance, 1937—1941: A Study in Competitive Cooperation. Chapel Hill, 1982; *Clarke R.* Anglo-American Economic colaboration in War and Peace, 1942—1949. Oxford, 1982.

[117] *Quester G.* American Foreign Policy: The Lost Consensus. N. Y., 1982; *Dallek R.* The American Style of Foreign Policy. Cultural Politics and Foreign Affairs. N. Y., 1983; *Gardner L. C.* A Convenant with Power: America and World Order from Wilson to Reagon. L., 1984.

[118] *Weller G.* Bases Overseas. Wash., 1944; *Kohn H.* The Idea of Nationalism. N. Y., 1945; *Whittlesey Ch.* National Interest and International Cartels. N. Y., 1946; *Burnham O. C.* Struggle for the World. N. Y., 1947; *Hash V.* The World Must be Governed. N. Y., 1949; *Richard D.* US Naval Administration of the Trust Territory of the Pacific Islands. Wash., 1957; *Howe J. T.* Multicrises Sea Power and Global Politics in the Missile Age. Cambridge, 1971.

[119] *Louis W.* Imperialism at Bay. Oxford, 1977; *Thorne Ch.* Allies of A Kind. N. Y., 1978.

3. СОВЕТСКАЯ АМЕРИКАНИСТИКА

Советские исследователи внесли большой вклад в разработку проблем истории США изучаемого периода. Опубликованные монографии и научные статьи содержат обширный документальный и фактический материал, сделаны важные обобщения и выводы. Перечислить всех авторов этих публикаций не представляется возможным, поэтому назовем только некоторых из них. Много лет посвятили изучению истории США рассматриваемого периода А. В. Березкин, Р. Ш. Ганелин, Л. А. Гвишиани, В. П. Золотухин, Л. И. Зубок, Н. Н. Иноземцев, В. С. Коваль, И. М. Краснов, Ю. Л. Кузнец, А. Е. Кунина, В. М. Кулиш, В. И. Лан, В. Л. Мальков, Б. И. Марушкин, Ю. М. Мельников, Б. Я. Михайлов, Д. Г. Наджафов, Э. Л. Нитобург, Л. В. Поздеева, Е. И. Попова, Ю. А. Ржешевский, Г. Н. Севостьянов, Н. В. Сивачев, Л. Ю. Слезкин, В. К. Фураев, Г. Н. Цветков, А. Н. Шлепаков, В. А. Шишкин, Е. Ф. Язьков, Н. Н. Яковлев и многие другие.

Значительное число работ посвящено изучению социально-экономического и социально-политического развития страны, классовой борьбе, истории рабочего и фермерского движения, а также внешней политике, дипломатии, военной истории [120].

В центре внимания исследователей находились события, последовавшие непосредственно за окончанием первой мировой войны. Авторы проанализировали подъем рабочего движения, внутриполитическую борьбу в США и влияние на нее Октябрьской революции, движение прогрессивных сил против антисоветской вооруженной интервенции (1919—1920), возникновение и становление Компартии США, ее деятельность, направленную на защиту интересов рабочего класса, против преследований партии [121]. На основе обширного статистического и документального материала исследованы условия жизни рабочих в годы экономического кризиса (1929—1933), характер их выступлений, движение безработных [122].

Советские ученые-американисты многопланово изучали историю «нового курса». Авторы не только стремились показать цели и задачи, но и вскрыть социальные предпосылки, осветить его историю, определить основные этапы, рассмотреть борьбу классовых и политических сил вокруг рузвельтовских реформ, влияние их на общедемократическое движение. Было доказано, что «новый курс», продиктованный сложившейся в результате кризиса крайне напряженной обстановкой, представлял собой разновидность буржуазного реформизма в условиях развития госу-

---

[120] Подробнее см.: *Севостьянов Г. Н.* О состоянии и задачах изучения истории США.— Новая и новейшая история, 1972, № 4; *Он же.* Об изучении истории США.— В кн.: Советская историческая наука в 1975—1979 гг. М., 1980; *Он же.* Некоторые итоги исследовательской работы советских историков-американистов (1976—1980).— Новая и новейшая история, 1981, № 1.

[121] *Зубок Л. И.* Подъем массового рабочего движения в США в 1919—1920 гг.— Новая и новейшая история, 1957, № 4; *Золотухин В. П., Мальков В. Л.* Октябрьская революция и внутриполитическая борьба в США (1917—1920).— Вопр. истории, 1957, № 10; *Ованесьян С. А.* Подъем рабочего движения в США в 1919—1921 гг. М., 1961; *Краснов И. М.* Классовая борьба в США и движение против антисоветской интервенции (1919—1920). М., 1961; *Петров П. С.* Возникновение Коммунистической партии США и ее борьба за легализацию. М., 1971.

[122] *Мальков В. Л.* Рабочее движение в США в период мирового экономического кризиса 1929—1933. М., 1961.

дарственно-монополистического капитализма в США. Эти годы были ознаменованы подъемом рабочего и общедемократического движения. Поэтому важно было рассмотреть основные формы и своеобразие движений социального протеста, их генезис, осветить проблемы рабочего движения [123]. В этой связи необходимо упомянуть работы, посвященные кризису АФТ, образованию Конгресса производственных профсоюзов [124].

Рабочая политика администрации Рузвельта в годы второй мировой войны, борьба рабочих за социальное законодательство, вопросы правового регулирования трудовых отношений подробно освещены в книгах, написанных на основе обширного круга источников, в том числе архивных материалов США. В них содержатся интересные выводы и наблюдения [125]. Исследовалась и история фермерства. В опубликованных работах дано комплексное рассмотрение аграрных проблем, показаны основные тенденции развития сельского хозяйства, причины кризисных явлений, сущность аграрного законодательства, положение фермерства, его расслоение, формы и методы борьбы против господства крупного капитала. В ряде работ прослеживается эволюция аграрной политики официального Вашингтона [126].

Обширная литература создана о советско-американских отношениях. Эта тема вызывает постоянный интерес у советских исследователей. В их работах показана борьба двух тенденций в отношениях между СССР и США. С одной стороны, Советский Союз последовательно выступал за нормальные взаимоотношения двух государств, стремился к развитию экономических, культурных и научных связей, с другой — определенные круги Вашингтона препятствовали этому. В ряде книг рассмотрены политика США в отношении молодой Советской республики, участие США в вооруженной интервенции, дела и планы правительства Вильсона [127].

---

[123] *Яковлев Н. Н.* Новейшая история США, 1917—1960. М., 1961; *Сивачев Н. В.* Борьба рабочего класса США за социальное законодательство (1933—1935).— Новая и новейшая история, 1962, № 2; *Он же.* Политическая борьба в США в середине 30-х годов. М., 1966; *Сивачев Н. В., Язьков Е. Ф.* Новейшая история США. М., 1980; *Зубок Л. И., Яковлев Н. Н.* Новейшая история США. М., 1972; *Мальков В. Л., Наджафов Д. Г.* Америка на перепутье, 1929—1938. М., 1967; *Мальков В. Л.* «Новый курс» в США: Социальные движения и социальная политика. М., 1973; *Курков Н. В.* Борьба американских шахтеров, 1929—1939. М., 1971; *Кредер А. А.* Американская монополистическая буржуазия и «новый курс» Ф. Д. Рузвельта (1932—1940).— В кн.: Американский ежегодник, 1979. М., 1979; *Шкундин М. З.* К истории государственно-монополистической социальной политики США. М., 1980.

[124] *Михайлов Б. Я.* Конгресс производственных профсоюзов, 1935—1955 гг.: (Из истории американского рабочего движения). М., 1959.

[125] *Сивачев Н. В.* Правовое регулирование трудовых отношений в США. М., 1972; *Он же.* Рабочая политика правительства США в годы второй мировой войны. М., 1974; *Он же.* Государство и рабочий класс. М., 1982.

[126] *Язьков Е. Ф.* Движение фермерского бойкота в США...— В кн.: Американский ежегодник, 1972. М., 1972; *Он же.* Стачечное движение сельскохозяйственного пролетариата США в 1929—1935 гг. М., 1962; *Он же.* Фермерское движение в США (1918—1929). М., 1974; *Золотухин В. П.* Фермеры и Вашингтон. М., 1968; *Колодий А. Ф.* «Новый курс» и мелкие фермеры.— В кн.: Американский ежегодник, 1971. М., 1971; *Она же.* Политическая борьба в США по вопросам аграрной политики (вторая половина 30-х годов).— Там же, 1974. М., 1974.

[127] *Березкин А.* США — активный организатор и участник военной интервенции против Советской России (1918—1920 гг.). М., 1949; *Он же.* Октябрьская революция и США, 1917—1922. М., 1967; *Кунина А. Е.* Провал американских планов завоевания мирового господства в 1917—1920 гг. М., 1952; *Гулыга А., Геронимус А.* Крах

Шестнадцать лет США проводили политику непризнания Советской страны, отказывались установить с ней дипломатические отношения. Советские ученые исследовали, кто был виновен в этом [128]. Администрация Рузвельта, придя к власти, встала на путь переговоров, что было обусловлено многими экономическими и политическими факторами. В ноябре 1933 г. была достигнута договоренность о нормализации отношений между двумя государствами. Это обстоятельство имело большое международное значение. За признание Соединенными Штатами Советского Союза активно выступали демократические силы США [129].

Развитие советско-американских отношений в 30-е годы происходило в сложной и напряженной обстановке, в условиях расширения вооруженной агрессии в Европе, Африке и на Дальнем Востоке, обострения борьбы между капиталистическими государствами за передел мира и нарастания политического кризиса [130]. О характере советско-американских отношений между двумя мировыми войнами дают представление многочисленные документы, содержащиеся в осуществленной МИД СССР публикации «Документы внешней политики СССР», охватывающей период с 1917 по 1938 г.

Существенно разработана история внешней политики и дипломатии США в межвоенный период. По вопросам американской внешней политики после первой мировой войны опубликованы работы о роли США в создании Версальско-Вашингтонской системы, о внешнеполитическом курсе президента Вильсона, отношении к Лиге наций [131].

Раскрывая гегемонистские устремления США, советские ученые стремились одновременно выявить социальные и идейные истоки изоляционизма, охарактеризовать его антиимпериалистическое и антимилитаристское крыло, а также влияние изоляционистских доктрин на формирование внешнеполитического курса США [132]. Рассмотрена политика

антисоветской интервенции США. М., 1952; *Селезнев Г. К.* Тень доллара над Россией. М., 1957; *Он же.* Крах заговора. М., 1963; *Боярский В. А.* Вторжение империалистов США в Советскую Россию и его провал. М., 1961; *Гвишиани Л. А.* Советская Россия и США (1917—1920). М., 1970; *Ганелин Р. Ш.* Советско-американские отношения в конце 1917 — начале 1918 г. Л., 1975; *Светочев М. И.* Империалистическая причина интервенции в Сибири и на Дальнем Востоке (1918—1922). Новосибирск, 1983.

[128] *Фураев В. К.* Советско-американские отношения, 1917—1939. М., 1964; *Цветков Г. Н.* Шестнадцать лет непризнания: Политика США в отношении Советского государства в 1917—1933 гг. Киев, 1971.

[129] *Иванов В., Леонян В.* В интересах народов: (К вопросу об установлении дипломатических отношений между СССР и США в 1933 г.). М., 1957; *Сташевский Д. Н.* Прогрессивные силы США в борьбе за признание Советского государства, 1917—1933. Киев, 1969.

[130] *Вальков В. Л.* СССР и США: (Их политические и экономические отношения). М., 1965; *Цветков Г. Н.* Политика США в отношении СССР в 1934—1939 гг. Киев, 1972; *Он же.* Политика США в отношении СССР накануне второй мировой войны. Киев, 1973; СССР и США: экономические отношения. Проблемы и возможности / Отв. ред. Е. С. Шершнев. М., 1976.

[131] *Штейн Б. Е.* «Русский вопрос» на Парижской мирной конференции (1919—1920). М., 1949; *Он же.* «Русский вопрос» в 1920—1921 гг. М., 1958; *Рубинштейн Н. Л.* Внешняя политика Советского государства в 1921—1925 гг. М., 1953; *Попова Е. И.* Политика США на Дальнем Востоке (1918—1922). М., 1967; *Гершов З. М.* Вудро Вильсон. М., 1983.

[132] *Попова Е. И.* США: борьба по вопросам внешней политики, 1919—1922. М., 1966; *Маныкин А. С.* Изоляционизм и формирование внешнеполитического курса США, 1923—1929. М., 1980.

США в германском вопросе в 1918—1921 гг. Не осталась без внимания деятельность американской дипломатии в отношении Гаагской и Генуэзской конференций [133]. Большой интерес представляет сборник документов советско-американских отношений во время Великой Отечественной войны 1941—1945 гг.[134]

Обстоятельно изучена политика «нейтралитета» США, которая способствовала расширению Германией, Италией и Японией вооруженной агрессии. Конкретно показана позиция официального Вашингтона в связи с аннексией фашистской Германией Австрии, оккупацией Чехословакии и Польши, захватом Италией Эфиопии; отражено отношение администрации Рузвельта к борьбе испанского народа против фашизма, к японской агрессии в Китае [135]. Авторы подробно осветили выступления народа против войны и фашизма [136].

Немало сделано советскими историками в области изучения политики США в странах Латинской Америки: проанализированы разнообразные формы и методы экспансии США в этом регионе на различных этапах истории. Широкое недовольство народных масс Латинской Америки явилось одной из причин провозглашения администрацией Рузвельта политики «доброго соседа». Мотивы и цели этого внешнеполитического курса, равно как и сущность панамериканизма, обстоятельно рассмотрены в советской литературе [137].

Предметом самостоятельного изучения являются отношения между США и Европой. Дан анализ политики США в отношении Германии, целей «плана Дауэса», связей между американскими и германскими монополиями, отношения США к конференции в Мюнхене, которая ускорила наступление второй мировой войны [138].

Авторы работ по дальневосточной политике США раскрывают сущность курса США в отношении Китая, стремление американских монополий расширить свое экономическое и политическое влияние в этой стране. Исследованы политика «умиротворения», которую США длительное время проводили в отношении японского агрессора [139].

---

[133] *Индукаева Н. С.* От войны к миру: Политика США в германском вопросе в 1918—1921 гг. Томск, 1977; *Лопатин В. Ф.* Провал антисоветских планов США: Генуя — Гаага, 1922. М., 1963.

[134] Советско-американские отношения во время Великой Отечественной войны 1941—1945: В 2-х т. М., 1984.

[135] *Овинников Р. С.* За кулисами политики «невмешательства»: Испанский вопрос в политике империалистов Англии, Франции и США накануне второй мировой войны. М., 1959; *Пожарская С. П.* Тайная дипломатия Мадрида. М., 1971.

[136] *Наджафов Д. Г.* Народ США — против войны и фашизма (1933—1939). М., 1969.

[137] *Зубок Л. И.* Империалистическая политика США в странах Карибского бассейна, 1900—1939. М., 1948; *Слёзкин Л. Ю.* Политика США в Южной Америке (1928—1933). М., 1956; *Альперович М., Руденко Б.* Мексиканская революция 1910—1917 гг. и политика США. М., 1958; *Антясов М. В.* Современный панамериканизм. М., 1960; *Нитобург Э. Л.* Политика американского империализма на Кубе, 1918—1939. М., 1965; *Шустов К. С.* Жемчужина Антилл и янки. Алма-Ата, 1967; *Янчук И. И.* Политика США в Латинской Америке (1939—1945). М., 1975; *Он же.* Политика США в Латинской Америке (1918—1928). М., 1982; *Луцков Н. Д.* Оккупация Гаити Соединенными Штатами, 1915—1934. М., 1981.

[138] *Постников В. В.* США и дауэсизация Германии, 1924—1929 гг. М., 1957; *Мельников Ю. М.* США и гитлеровская Германия, 1933—1939. М., 1959; *Батурин М.* США и Мюнхен: (Из истории американской внешней политики 1937—1938 гг.). М., 1961.

[139] *Канторович А. Я.* Америка в борьбе за Китай. М., 1935; *Севостьянов Г. Н.* Активная роль США в образовании очага войны на Дальнем Востоке (1931—1933). М.,

Советские ученые постарались восстановить историческую ткань развития событий, приведших США к вступлению в войну[140]. Участие США в войне отражено в фундаментальной «Истории второй мировой войны» в 12-ти томах. В ней содержится огромный документальный и фактический материал, касающийся военной стратегии США, освещено участие их армии и флота на различных театрах военных действий, уделено значительное внимание истории антигитлеровской коалиции и месту и роли в ней Соединенных Штатов, их позиции на международных конференциях[141]. Ряд монографических исследований посвящен дипломатической и военной истории второго фронта в Западной Европе. В них раскрываются подлинные политические цели Вашингтона и Лондона, неоднократно откладывавших форсирование Ла-Манша[142]. Специальные работы раскрывают отношения между США, Англией и Францией в военные годы[143], американскую дипломатию в Иране[144], тихоокеанскую политику США в годы войны[145], их участие на конференциях в Тегеране, Ялте и Потсдаме[146]. Здесь отмечены лишь основные направления исследований советских историков-американистов, занимающихся периодом, которому посвящен данный том. Следует оговорить, что в историографическом обзоре, по существу, не учтены представляющие большую научную ценность многочисленные статьи.

Историки-марксисты США и советская американистика постоянно и последовательно выступают против антинаучных концепций буржуазных авторов, вскрывая их теоретическую несостоятельность.

1953; *Он же.* Политика великих держав на Дальнем Востоке накануне второй мировой войны. М., 1961; *Березный Л. А.* Политика США в Китае в период революции 1924—1927 гг. Л., 1956; *Бедняк И. Я.* Японская агрессия в Китае и позиция США (1937—1939). М., 1957; *Марушкин Б. И.* Американская политика «невмешательства» и японская агрессия в Китае (1937—1939). М., 1957.

140 *Родов Б.* Роль США и Японии в подготовке и развязывании войны на Тихом океане, 1938—1941. М., 1951; *Кузнец Ю. Л.* Вступление США во вторую мировую войну. М., 1962; *Севостьянов Г. Н.* Подготовка войны на Тихом океане (сентябрь 1939 г.— декабрь 1941 г.). М., 1962; *Яковлев Н. Н.* Загадка Пёрл-Харбора. М., 1963; *Поздеева Л. В.* Англо-американские отношения в годы второй мировой войны, 1939—1941. М., 1964; *Коваль В. С.* США во второй мировой войне: некоторые проблемы внешней политики (1939—1941). Киев, 1976.

141 История второй мировой войны, 1939—1945: В 12-ти т. М., 1973—1982.

142 *Исраэлян В. Л.* Антигитлеровская коалиция. М., 1964; *Ундасынов Н. И.* Рузвельт, Черчилль и второй фронт. М., 1965; *Кузнец Ю. Л.* От Пёрл-Харбора до Потсдама. М., 1970; *Яковлев Н.* 3 сентября 1945. М., 1971; *Он же.* Франклин Рузвельт: человек и политик. Новое прочтение. М., 1981; *Кулиш В. М.* История открытия второго фронта. М., 1971; *Бережков В. М.* Рождение коалиции. М., 1975; *Он же.* Путь к Потсдаму. М., 1979; *Он же.* Страницы дипломатической истории. М., 1984; *Земсков И. Н.* Дипломатическая история второго фронта в Европе. М., 1982; *Борисов А. Ю.* СССР и США: Союзники в годы войны, 1941—1945. М., 1983.

143 *Яковлев Н. Н.* США и Англия во второй мировой войне, 1941—1945. М., 1961; *Поздеева Л. В.* Англо-американские отношения в годы второй мировой войны, 1941—1945. М., 1969; *Севостьянов Г. Н., Уткин А. Н.* США и Франция в годы войны 1939—1941 гг.: Из истории взаимоотношений. М., 1974.

144 *Башкиров А. В.* Экспансия английских и американских империалистов в Иране, 1941—1945. М., 1954; *Попов М. В.* Американский империализм в Иране в годы второй мировой войны. М., 1956.

145 *Воронцов В. Б.* Корея в планах США в годы второй мировой войны. М., 1962; *Он же.* Макартур и дальневосточная политика США. М., 1968; *Севостьянов Г. Н.* Дипломатическая история войны на Тихом океане: От Пёрл-Харбора до Каира. М., 1969.

146 *Высоцкий В. Н.* Мероприятие «Терминал». Потсдам 1945. М., 1975; *Белецкий В. Н.* Встреча в Потсдаме. М., 1980.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

События, освещаемые в томе, оставили глубокий след в национальной истории США. Сложные, разнообразные и противоречивые по своему содержанию, они происходили в условиях общего кризиса капитализма, который повлиял на все основные тенденции, закономерности и стороны жизни американского общества.

В структуре экономики США в этот период произошли большие изменения. Наряду с металлургической, станкостроительной, автомобильной промышленностью получили развитие новые отрасли: электротехническая, авиационная, химическая, резиновая и др. В широких масштабах стали применяться поточные методы производства, конвейерная система, стандартизация, весьма интенсивно шел процесс капиталистической рационализации. Все это было направлено прежде всего на усиление интенсификации труда.

Характерной особенностью экономики явилось замедление темпов ее роста в результате несоответствия между производственной мощностью промышленности и емкостью внутреннего рынка. Следствием этого было учащение кризисов перепроизводства. Экономика США развивалась крайне неустойчиво и неравномерно; она испытала не только подъемы, но и немало спадов. Сразу же после окончания первой мировой войны в стране начался экономический кризис, углубивший и обостривший присущие капитализму противоречия. После него наступил период частичной, временной стабилизации капиталистической системы, который американская печать стремилась изобразить как «экономическое чудо». Утверждалось, будто капитализм открыл секрет бескризисного роста. Давались широковещательные обещания о том, что отныне наступает полоса стабильного роста жизненного уровня и «всеобщего благосостояния». Однако жизнь в самом недалеком будущем развеяла этот вымысел и связанные с ним иллюзии.

Разразившийся в 1929 г. кризис был невиданно глубоким и разрушительным; он принес трудящимся невероятные бедствия и лишения. Большая часть населения страны потеряла веру в возможность сохранить прежний уровень жизни, завоеванный в тяжелой и долгой борьбе, спастись от безработицы и других бедствий, порождаемых социальным строем. Трагедия миллионов мужчин и женщин, обреченных на безработицу, явилась суровым обвинительным приговором капитализму. Потребовались чрезвычайные государственные меры, направленные на преодоление кризиса и его последствий, однако уже в начальной фазе подъема американскую экономику поразил новый кризис. Только с началом второй мировой войны и особенно после вступления в нее США произошел резкий подъем всех отраслей производства, и в первую очередь военной промышленности.

В сельском хозяйстве под влиянием технического прогресса расширилось применение машин, искусственных удобрений и новых агротехнических приемов. Интенсивное техническое переоборудование этой отрасли

имело своим следствием ускоренное развитие капитализма вглубь, проникновение в более широких масштабах крупного капитала в сельскохозяйственное производство, подчинение его интересам монополий, что привело к ухудшению положения мелких и средних фермеров, к их массовому разорению, сокращению их общей численности. Сельское хозяйство США переживало тяжелое время, отмеченное хроническим аграрным кризисом. Переплетение аграрного кризиса с промышленным затрудняло решение важнейших экономических проблем, встававших перед страной. Подобные кризисы свидетельствовали о нестабильности капитализма как системы.

Характерной тенденцией в развитии экономики явилась дальнейшая концентрация производства и капитала, формирование могущественных промышленно-финансовых групп. Отдельные отрасли промышленности оказались в руках нескольких крупных корпораций, что вело к резкому возрастанию роли монополий в экономической и политической жизни страны. В процессе развития монополистического капитализма шло его перерастание в государственно-монополистический, объединявший мощь корпораций с силами государства в целях укрепления социального строя. Все это способствовало подчинению государственного аппарата интересам «большого бизнеса», крупнейшим корпорациям, возрастанию их влияния на все сферы материальной и духовной жизни общества. С особой силой это проявилось в годы войны, когда значительно расширились связи монополий с государственным аппаратом. Этот процесс принял широкие масштабы и носил различные формы. Следует отметить, что государственно-монополистическое регулирование, применявшееся в 30-е годы, и особенно во время второй мировой войны, не избавило американскую экономику от органических пороков. Накопление богатств на одном полюсе американского общества сопровождалось разорением и ростом нищеты на другом. Нарастали и обострялись противоречия между трудом и капиталом, углублялся антагонизм между большинством нации и финансовой олигархией.

В истории США новейшего времени особая роль и место принадлежат «новому курсу», когда были проведены широкие реформы в экономической и социальной жизни общества, в известной мере содействовавшие стабилизации экономического положения в стране. С помощью реформ, как показали события, демократическая партия, расширив опору среди рядовых избирателей, стала более способной к социальному маневрированию и развитию механизма государственного регулирования. Социально-экономической основой «нового курса», направленного на предотвращение углубления социальных потрясений «великой депрессии» 1929—1933 гг., стала кейнсианская политика экономической стабилизации путем стимулирования совокупного спроса и достаточно высокого уровня потребления, а также политика частичного перераспределения доходов. Президент Рузвельт осознал необходимость расширения деятельности государства в социальной и экономической сферах, проведения реформ и усиления регулирующей роли государства.

«Новый курс» представлял разновидность буржуазного реформизма, рассчитанного на то, чтобы ослабить остроту социальных противоречий в американском обществе, укрепить социальные основы буржуазного государства. Эти реформы осуществлялись главным образом в интересах монополий.

Пытаясь приспособиться к изменившейся обстановке, монополистический капитализм расширял арсенал методов и приемов классового господства, используя при этом и насилие, и гибкое социальное маневрирование, метод частичных уступок трудящимся. Это и нашло отражение как в годы «нового курса», так и в период военного времени в настойчивом проведении политики «классового сотрудничества». Важную роль сыграли стоявшие на службе американской буржуазии средства массовой информации, активно способствовавшие формированию и навязыванию трудящимся идеологии, угодной господствующему классу.

Социально-классовая структура США претерпела серьезные изменения. Усилилась и стала более отчетливой поляризация американского общества. Крупная буржуазия еще более упрочила позиции, усилила свое влияние и в экономике, и в политике, и в духовной жизни страны. Возросла численность рабочего класса, изменилась его структура. Отчетливее и решительнее обозначилась тяга пролетариев к организованности и защите своих прав. Среди фермеров углублялась дифференциация, немногие становились крупными и средними хозяевами, а значительная часть, не выдержав конкуренции, гнета монополий и банков, пополняла ряды арендаторов. В американском обществе обострилось противоборство классовых сил, углубились противоречия, разделяющие государственно-монополистическую элиту и огромное большинство трудящихся.

Недовольство и протест все глубже охватывали самые различные слои общества. В условиях роста активности трудящихся масс, их тяги к переменам монополистическая буржуазия направила свои усилия на сохранение и упрочение контроля над важнейшими рычагами политического управления. Используя социальную и национально-расовую неоднородность рабочего класса, она противопоставляла одни группы другим, стремясь расколоть рабочее движение и усилить свое влияние на пролетариат. В этом им помогали правые лидеры профдвижения, стоявшие на позициях соглашательства и «классового сотрудничества».

В рабочем движении США были свои подъемы и спады. Основной формой пролетарской борьбы были забастовки. Стачки являлись сильным средством борьбы американского пролетариата за свои интересы. В то же время забастовочное движение развивалось неравномерно, что объяснялось колебаниями экономической конъюнктуры и изменениями, происходившими в этой связи в положении рабочего класса. Так, после крупных стачечных выступлений 1918—1919 гг., сопутствующих промышленному подъему, наступил спад рабочего движения. В годы «просперити» усилилось влияние буржуазной идеологии на рабочих, расширилась пропаганда гомперсизма. Годы экономического кризиса и депрессии 30-х годов были отмечены подъемом борьбы рабочих, что нашло выражение в широком движении безработных, росте стачечной борьбы, активных выступлениях пролетариата за создание производственных союзов. Политика консервативных лидеров Американской федерации труда теряла доверие масс. Возникло новое мощное и влиятельное профобъединение — Конгресс производственных профсоюзов. Новые тенденции характеризовали экономическую борьбу и социально-политическую деятельность профсоюзов, противоборство консервативных и прогрессивных сил. Государство вынуждено было прибегнуть к социальному маневрированию и изменению так называемой «рабочей политики» правительства. Эта поли-

тика сочетала социальные маневры с различными средствами идеологической обработки рабочего класса, распространением в его рядах буржуазной идеологии и психологии. Выступления рядовых членов профсоюзов против политики «классового сотрудничества», за независимые действия стали постоянно действующим фактором, влияющим на позиции правых лидеров профсоюзов.

В 30-е годы наряду с ростом профсоюзного и забастовочного движения широкий размах приняли и другие формы выступлений, в частности борьба за создание третьей массовой партии и ослабление влияния двухпартийной системы, а также организация производственных профсоюзов и освобождение их от влияния реформистского руководства АФТ. Одновременно ширился фронт антивоенного, антифашистского движения.

Коммунистическая партия США добивалась объединения всех социальных и демократических сил на борьбу против господства монополий. Большую роль она играла в организации движения безработных, в создании Конгресса производственных профсоюзов. Коммунисты призывали различные слои населения к созданию антимонополистической коалиции. Они были в первых рядах в борьбе против фашизма, развязывания империализмом второй мировой войны, отстаивали принципы коллективной безопасности.

Внешняя политика США была обусловлена социально-экономическими и классово-политическими чертами капитализма. Борьба двух социально-экономических систем, изменение соотношения сил на международной арене, расширение вооруженной агрессии со стороны наиболее воинственной группировки империалистических государств оказывали воздействие на конкретные формы проявления классовой сущности внешней политики США.

Американский империализм проводил свой внешнеполитический курс различными методами в зависимости от обстановки и особенностей того или иного региона. Экспорт капитала превратился в наиболее значимый элемент политики государственно-монополистического капитализма в сфере международных экономических отношений. Росли прямые заграничные инвестиции США.

Монополии и финансовая олигархия США стремились к утверждению и расширению господства на международной арене. Корпорации, сосредоточившие в своих руках огромные финансовые, производственные и научно-технические ресурсы, усиливали борьбу за рынки сбыта товаров, за источники сырья и сферы приложения капиталов. Это создавало почву для трений, конфликтов и острой конкуренции между монополистическими группировками. Борьба между ними часто достигала высокого накала. Экспансия американского капитала нередко камуфлировалась широковещательными заявлениями об изоляционизме, об отказе Вашингтона от участия в международных союзах и принятия на себя каких-либо внешнеполитических обязательств.

В отношении Советского Союза Соединенные Штаты в течение 16 лет проводили политику непризнания. Вначале они совместно с другими государствами пытались вооруженным путем подавить молодую Советскую республику, а затем стали на путь экономической, политической и дипломатической изоляции СССР, дабы помешать становлению и развитию Советского государства. В обстановке подготовки и развязыва-

ния второй мировой войны агрессивным империалистическим блоком Советский Союз активно и последовательно выступал против войны, за объединение усилий всех государств против агрессоров в целях сохранения мира. Иную позицию занял Вашингтон. Американский конгресс принял закон о нейтралитете, который объективно означал пособничество агрессорам, вступившим на путь территориального передела мира силой оружия. Политика невмешательства, проводимая США совместно с Англией и Францией, ускорила наступление второй мировой войны.

Участие США в антигитлеровской коалиции, продиктованное развитием событий в мире, имело важное значение и оказало существенное влияние на расстановку и соотношение сил в мире, на ход и исход войны. Могучие материальные и людские ресурсы СССР, США, Англии и других государств были объединены для одержания победы над фашистской Германией, милитаристской Японией и их союзниками. Вклад Советского Союза в разгром общего врага был решающим. Это официально признали сами руководители США. Американский народ также внес свой вклад в победу над силами тирании и реакции. Боевое сотрудничество свободолюбивых народов антифашистской коалиции имело непреходящее историческое значение: оно доказало и показало возможность и плодотворность сотрудничества стран с различным социальным строем в интересах мира и прогресса человечества.

В отношениях между государствами антигитлеровской коалиции возникали трудности, разногласия по проблемам мировой политики, но они успешно преодолевались во время встреч в Тегеране, Ялте, Потсдаме и на других международных конференциях представителей союзных государств. При этом обсуждались вопросы военного, политического и экономического характера; значительное место занимали проблемы послевоенного устройства мира.

Руководители США в годы войны преследовали цель усилить свое влияние в мире, использовать сложившуюся ситуацию в интересах создания благоприятных условий для экономической экспансии, расширения доступа американских монополий к природным богатствам других государств, обеспечения рынков сбыта товаров и установления контроля над источниками сырья. Речь шла, таким образом, о распространении доктрины «открытых дверей» на весь мир. Военные, политические и финансово-промышленные круги США считали, что наступила благоприятная международная обстановка для осуществления этих широких экспансионистских планов. В то время как многие страны были либо разгромлены, либо серьезно ослаблены, США превратились в могущественное государство, притом не только в экономическом, но, главное, и в военном отношении. Налицо были многомиллионная армия, мощный военно-морской флот и сильная авиация. США приобрели на суше и на море военные базы далеко за пределами страны — почти на всех континентах. Кроме того, они овладели атомным оружием и продемонстрировали миру его страшную силу, сбросив атомные бомбы над Хиросимой и Нагасаки.

Как только на полях сражений умолкли пушки, США стали настойчиво декларировать свои претензии на мировое господство и выражать готовность принять на себя «моральное руководство миром». Они открыто начали проводить политику, направленную на завоевание доминирующих позиций во всех частях земного шара. Из Вашингтона вскоре подули вет-

ры «холодной войны», которая продолжалась около четверти века. В истории США начиналась новая глава, полная тревог и беспокойства.

Картина духовной жизни американского общества необычайно пестра и сложна. Развитие общественной мысли и культуры в США происходило под воздействием факторов как внутреннего, так и международного плана. Важнейшие из них — Великая Октябрьская социалистическая революция, строительство социализма в СССР, «великая депрессия» в США, вторая мировая война, борьба против фашизма. Все это, разумеется, в той или иной степени стимулировало обращение многих деятелей культуры к новым для них темам и проблемам, в том числе к изображению жизни трудящихся, противоборства труда и капитала, рабочего и общедемократического движения, антимонополистических выступлений масс. Пролетарская революция в России оказала могучее воздействие на формирование взглядов ряда писателей и публицистов. Социалистические идеи стали все больше привлекать их внимание. Наиболее полное отражение они получили в произведениях Джона Рида, Альберта Риса Вильямса, Майкла Голда.

Широкое распространение получил в литературе критический реализм. Представителями его являлись такие крупные писатели, как Теодор Драйзер, Эптон Синклер, Синклер Льюис, Шервуд Андерсон, Фрэнсис Скотт Фицджеральд, Джон Дос Пассос, Уильям Фолкнер, Эрнест Хемингуэй, Джон Стейнбек, Томас Вулф, Эрскин Колдуэлл и др. Каждый из них оригинален, с особо выраженной индивидуальностью. Различны они по своему дарованию. Неодинаковы также их мировоззренческие позиции. Многообразны их творения по содержанию и форме, широте и глубине отражения действительности. Но в целом в их произведениях воссоздана многоликая Америка на богатом социальном фоне. Перед читателями предстают роскошная жизнь миллионеров и одновременно повседневные заботы и нужды рядовых американцев — рабочих, фермеров, служащих, тяжелая участь негров, положение расово-этнических групп. В них много сказано о сильных мира сего, убедительно вскрыта несбыточность «американской мечты» для простого труженика, переданы чаяния, думы, мысли и настроения представителей различных слоев населения страны.

Лучшие произведения мастеров культуры, определившие во многом и национальную специфику литературы США, отличались идейно-художественным богатством, отражали важные общественные и нравственные проблемы, были наполнены социально-критическим пафосом. Прогрессивные писатели создали яркие образы, проникнутые неувядаемой и суровой правдой, развили и обогатили опыт искусства критического реализма.

В 30-е годы произошел поворот многих представителей культуры — писателей и художников — влево, рост их гражданской активности. Они принимают участие в демократическом и антифашистском движениях. Американская художественная литература приобрела международное признание, внесла свой вклад в сокровищницу мировой культуры. Об этом свидетельствуют многочисленные переводы произведений американских писателей на десятки языков мира.

Одновременно эти годы обозначены становлением национальной драматургии и театра, который поднялся на качественно новую ступень в своем идейном и художественном развитии, особенно в утверждении принципов реализма. Большая роль в этом принадлежит группе драматургов

во главе с Юджином О'Нилом. К их числу прежде всего относятся К. Одетс, Л. Хелман, Э. Райс, М. Андерсон, У. Сароян, Т. Уайлдер.

В области кино, музыки, изобразительного искусства заметно усилились тенденции в направлении развития критического реализма. В то же время нарастали тенденции модернизма, наблюдалась девальвация духовных ценностей. Борьба между прогрессивными и консервативными течениями происходила во всех сферах искусства и проявлялась в различных формах.

Таковы общие соображения, наблюдения и выводы об основных тенденциях социально-экономического и политического развития США и духовной жизни американского общества.

В послевоенные годы многое изменилось в стране — ее экономике, политике и идеологии. И об этом будет подробно рассказано в следующем томе «Истории США».

БИБЛИОГРАФИЯ

ПРОИЗВЕДЕНИЯ ОСНОВОПОЛОЖНИКОВ МАРКСИЗМА-ЛЕНИНИЗМА

Маркс К. Капитал, т. 1.— Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 23.
Энгельс Ф. Рабочее движение в Америке.— Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 21.
Ленин В. И. О задачах социал-демократического движения.— Полн. собр. соч., т. 7.
Ленин В. И. Марксизм и ревизионизм.— Полн. собр. соч., т. 17.
Ленин В. И. Успехи американских рабочих.— Полн. собр. соч., т. 22.
Ленин В. И. Итоги и значение президентских выборов в Америке.— Полн. собр. соч., т. 22.
Ленин В. И. После выборов в Америке.— Полн. собр. соч., т. 22.
Ленин В. И. В Америке.— Полн. собр. соч., т. 22.
Ленин В. И. Марксизм и реформизм.— Полн. собр. соч., т. 24.
Ленин В. И. О рабочем единстве.— Полн. собр. соч., т. 24.
Ленин В. И. Империализм, как высшая стадия капитализма.— Полн. собр. соч., т. 27.
Ленин В. И. Социалистическая революция и право наций на самоопределение.— Полн. собр. соч., т. 27.
Ленин В. И. Тетради по империализму.— Полн. собр. соч., т. 28.
Ленин В. И. Письмо к американским рабочим.— Полн. собр. соч., т. 37.
Ленин В. И. Письмо к рабочим Европы и Америки.— Полн. собр. соч., т. 37.
Ленин В. И. О государстве.— Полн. собр. соч., т. 39.
Ленин В. И. Ответ на вопросы корреспондента американской газеты «The Chicago Daily News».— Полн. собр. соч., т. 39.
Ленин В. И. Беседа с корреспондентом американской газеты «The World» Линкольном Эйром.— Полн. собр. соч., т. 40.
Ленин В. И. Детская болезнь «левизны» в коммунизме.— Полн. собр. соч., т. 41.
Ленин В. И. II конгресс Коммунистического Интернационала, 19 июля — 7 августа 1920 г.— Полн. собр. соч., т. 41.
Ленин В. И. III конгресс Коммунистического Интернационала, 22 июня — 12 июля 1921 г.— Полн. собр. соч., т. 44.
Ленин В. И. Обществу друзей Советской России (в Америке).— Полн. собр. соч., т. 45.
Ленин В. И. IV конгресс Коммунистического Интернационала, 5 ноября — 5 декабря 1922 г.— Полн. собр. соч., т. 45.

АРХИВНЫЕ МАТЕРИАЛЫ

Franklin D. Roosevelt Library.
Records of the Democratic Committee, 1928—1948;
Official File 2730. Labor Standards Board;
Official File 3295. Wage and Hour Division. An Explanation of the Fair Labor Standards Act of 1938.
Georgetown University Library, Special Collection Division.
Robert Wagner Papers.
Library of Congress. Division of Manuscripts.
George W. Norris Papers.
John Ph. Frey Papers.
Robert M. La Follette Papers.
Nation Archives. Washington (D. C.) Records of the Office of the Secretary of Agriculture.
North Carolina University Library, Manuscript Department.
Frank P. Graham Papers.
Wisconsin State Historical Society, Manuscript Library.
AFL Papers. Strike and Agreement File;
Philip F. La Follette Papers;
William Green Papers.

ОПУБЛИКОВАННЫЕ ИСТОЧНИКИ

ОФИЦИАЛЬНЫЕ ДОКУМЕНТЫ, СБОРНИКИ, ДИПЛОМАТИЧЕСКАЯ ПЕРЕПИСКА

Документы внешней политики СССР. М., 1957—. Т. 1—.
Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. М., 1978—1980. Т. 1— 6.
Тегеран, Ялта, Потсдам: Сб. документов / Сост. Ш. П. Санакоев, Б. П. Цыбулевский. М., 1971.
Советско-американские отношения во время Великой Отечественной войны, 1941—1945. Документы и материалы: В 2-х т. М., 1984.
Советско-английские отношения во время Великой Отечественной войны, 1941—1945. Документы и материалы: В 2-х т. М., 1983.
Советско-французские отношения во время Великой Отечественной войны, 1941—1945. Документы и материалы: В 2-х т. М., 1983.
Переписка Председателя Совета Министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941—1945 гг.: В 2-х т. М., 1976.
«Совершенно секретно! Только для командования!» Стратегия фашистской Германии в войне против СССР: Документы и материалы. М., 1967.
Великий Октябрь и прогрессивная Америка: Сб. документов и материалов / Отв. ред., сост. И. М. Краснов. М., 1967.
Вашингтонская конференция по ограничению вооружений и тихоокеанским и дальневосточным вопросам 1921—1922 гг. / Полн. пер. актов и документов А. В. Сабанина. М., 1924.
Локарнская конференция, 1925 г.: Документы. М., 1959.
План Юнга и Гаагская конференция, 1929—1930: Документы и материалы. М.; Л., 1931.
Документы по истории Мюнхенского сговора, 1937—1939 / Ред. кол. В. Ф. Мальцев и др. М., 1979.
Международная пролетарская солидарность в борьбе с наступлением фашизма (1928—1932): Документы и материалы. М., 1960.
Международная солидарность трудящихся в борьбе за мир и национальное освобождение, против фашистской агрессии, за полное уничтожение фашизма в Европе и Азии (1938—1945): Документы и материалы. М., 1962.
Прогрессивная Америка в борьбе, 1917—1973: Документы и материалы / Отв. ред., сост. И. М. Краснов. М., 1974.
Советский Союз глазами американцев, 1917—1977: Документы и материалы / Отв. ред., сост. И. М. Краснов. М., 1979.
Communist Party of the United States. New Program of the Communist Party USA. N. Y., 1982.
Conference on the Limitation of Armament, Washington, 1921—1922. Wash., 1923.
Daily Proceedings of the Constitutional Convention of the CIO, 1939—1944.
A Documentary History of the Negro People in the United States: Vol. 1—3 / Ed. by H. Aptheker. N. Y., 1951—1974.
Documents of American History: Vol. 1, 2 / Ed. by H. Commager. Engleewood Cliffs (N. J.), 1973.
Documents on American Foreign Relations: Vol. 1—28. N. Y., 1939—1967.
Foreign Relations of the United States, Diplomatic Papers, 1918—1945. Wash., 1930—1969.
Foreign Relations of the United States...
1918. Russia: Vol. 1—3. Wash., 1931—1932;
1919. Russia. Wash., 1937;
The Soviet Union, 1933—1939. Wash., 1952;
The Conferences at Washington, 1941—1942 and Casablanca, 1943. Wash., 1968;
The Conference at Cairo and Tehran, 1943. Wash., 1961;
The Conferences at Washington and Quebec, 1943. Wash., 1970;
The Conference at Quebec, 1944. Wash., 1972;
The Conferences at Malta and Yalta. 1945. Wash., 1955;
The Conference of Berlin (The Potsdam Conference), 1945: Vol. 1, 2. Wash., 1960.
History of American Presidential Elections, 1789—1968: Vol. 1—4 / Ed. by A. Schlesinger, Jr. N. Y., 1971. Vol. 3.

A History of the United States from 1865 to the Present. Meridian Documents of American History / Ed. by F. Clingberg. Cleveland etc., 1962.
Hoover Herbert Clark. The State Papers and Other Public Writings of Herbert Hoover: Vol. 1, 2 / Collect. and ed. by W. S. Myers. N. Y., 1970.
National Party Platforms 1840—1972 / Compl. by D. Johnson, K. Porter. Urbana (Ill.), 1973.
Neutrality Laws / Compl. by E. A. Lewis. Wash., 1951.
Neutrality. Peace Legislation and Our Foreign Policy. Hearings before the Committee on Foreign Relations, United States Senate, 76th Congress, 1st Session, April 5 — May 8, 1939. Wash., 1939.
The New Deal: A Documentary History / Ed. by W. E. Leuchtenburg. Columbia, 1968.
New Deal Mosaic: Roosevelt Confers with His National Emergency Council, 1933—1936 / Ed. by L. G. Seligman, E. E. Cornwell, Jr. Eugene (Oreg.), 1965.
Postwar Foreign Policy Preparation, 1939—1945. Wash., 1949.
Proceeding of the First Constitutional Convention of the Congress of Industrial Organizations. Pittsburgh, 1938.
Public Opinion, 1935—1946. Under the Editorial Direction of Hadley Cantril / Prep. by M. Strunk. Princeton, 1951.
Report of the Proceedings of the Annual Convention of the American Federation of Labor, 1918—1944.
Report by the Supreme Commander to the Combined Chiefs of Staff on the Operations in Europe of the Allied Expeditionary Force 6 June 1944 to 8 May 1945. Wash., 1946.
Report on the Operation of the National Industrial Recovery Act. Wash., 1935.
Roosevelt F. D. The Public Papers and Addresses of Franklin D. Roosevelt: 1933 vol.— 1945 vol. / Ed. by S. I. Rosenman. N. Y., 1938—1950.
Roosevelt F. D. Franklin D. Roosevelt and Foreign Affairs: Vol. 1—3 / Ed. by E. Nixon. Cambridge (Mass.), 1969.
Science in America: A Documentary History, 1900—1939 / Ed. by N. Reinhold, I. H. Reinhold. Chicago, 1981.
Smith H. D. Atomic Energy for Military Purposes. The Official Report on the Development of the Atomic Bomb under the Auspices of the United States Government, 1940—1945. Princeton, 1945.
United States Congress, Congressional Record. Proceedings and Debates, 1918—1945. Wash. (D. C.), 1918—1945.
U. S. Congress, Senate. Committee on the Judiciary. Investigation of the National Labor Relations Board. Wash., 1938.
U. S. President. The State of the Union Messages of the Presidents, 1790—1966: Vol. 1—3 / Ed. by F. Israel. N. Y., 1966—1967.
U. S. Department of Labor. Growth of Labor Law in the United States. Wash., 1967.
U. S. Department of State. Peace and War: United States Foreign Policy, 1931—1941. Wash., 1943;
The Official American Document. Wash., 1943;
Papers Relating to the Foreign Relations of the United States. Japan: 1931—1941: Vol. 1, 2. Wash., 1943;
United States Relations with China. Wash., 1949.
Wilson W. The Public Papers of Woodrow Wilson. War and Peace. Presidential Messages, Addresses and Public Papers (1917—1924): Vol. 1, 2 / Ed. by R. Baker, W. Dodd. N. Y., 1927.

БУМАГИ ГОСУДАРСТВЕННЫХ И ОБЩЕСТВЕННЫХ ДЕЯТЕЛЕЙ, ПЕРЕПИСКА, МЕМУАРЫ, ДНЕВНИКИ, ТРУДЫ СОВРЕМЕННИКОВ СОБЫТИЙ

Архив полковника Хауза. М., 1937—1944. Т. 1—4.
Додд У. Э. Дневник посла Додда, 1933—1938. М., 1961.
Ллойд Джордж Д. Правда о мирных договорах. М., 1957. Т. 1, 2.
Рузвельт Э. Его глазами. М., 1947.
Эйзенхауэр Д. Крестовый поход в Европу: Военные мемуары. М., 1980.
Arnold G. The Global Mission. N. Y., 1949.
Blum J. M. From «The Morgenthau Diaries»: Vol. 1—3. Boston, 1959, 1965, 1967.
Bowers C. G. My Mission to Spain: Watching the Rehearsal for World War II. N. Y., 1954.

Brooks V. W. Days of the Phoenix. The Nineteen-twenties I Remember. N. Y., 1957.
Butcher H. C. My Three Years with Eisenhower. The Personal Diary of Captain Harry C. Butcher. N. Y., 1946.
Cassidy H. C. Moscow Dateline, 1941—1943. Boston, 1943.
Caux L. de. Labor Radical: From the Wobblies to CIO. A Personal History. Boston, 1970.
Confidential Dispatches. Analyses of America by the British Ambassador, 1939—1945 / Ed. by Th. E. Hachey. Evanston, 1974.
Eisenhower D. Crusade in Europe. N. Y., 1977.
Montgomery Field-Marshal. Normandy to the Baltic. L., 1947.
Hobbs J. Dear General. Eisenhower's Wartime Letters to Marshall. Baltimore. L., 1971.
Hoover H. The Memoirs of Herbert Hoover: Vol. 1—3. N. Y., 1952, vol. 2. The Cabinet and the Presidency, 1920—1933; vol. 3. The Great Depression, 1929—1941.
Ickes H. L. The Secret Diary of Harold L. Ickes: Vol. 1—3. N. Y., 1953—1955.
Leahy W. I was There. N. Y., 1950.
MacArthur D. Reminiscences. N. Y., 1964.
Mortimer W. Organize! My Life as a Union Man / Ed. by L. Fenster. Boston, 1971.
Nelson D. Arsenal of Democracy. The Story of American War Production. N. Y., 1946.
Perkins F. The Roosevelt I Knew. N. Y., 1946.
Quin M. The Big Strike. N. Y., 1979.
Roosevelt E. This I Remember. N. Y., 1949.
Roosevelt F. D. FDR. His Personal Letters, 1928—1945: Vol. 1—2 / Ed. by E. Roosevelt, J. P. Lash. N. Y., 1950.
Roosevelt F. D. The War Messages of Franklin D. Roosevelt. Wash., 1943.
Roosevelt and Churchill: Their Secret Wartime Correspondence / Ed. by F. L. Loewenheim, H. D. Langley, M. Jonas. N. Y., 1975.
Sherwood R. Roosevelt and Hopkins. An Intimate History. N. Y., 1950.
Stimson H., Bundy M. On Active Service in Peace and War. N. Y., 1948.
Third Party Footprints. An Anthology from Writings and Speeches of Midwest Radicals/Ed. by J. Youngdale. Minneapolis, 1966.
Truman H. S. The Memoirs of Harry S. Truman: Vol. 1, 2. N. Y., 1965, vol. 1. 1945 Year of Decisions United Nations. Potsdam. Hirosima. End of World War II.
Vandenberg A. The Private Papers of Senator A. Vandenberg / Ed. by A. H. Vandenberg. Boston, 1952.
Wells H. G. Russia in the Shadows. N. Y., 1921.
White W. A. Selected Letters of William Allen White / Ed. by W. Johnson. N. Y., 1947.
Williamson J. Dangerous Scot: The Life and Work of an American «Undesirable». N. Y., 1969.
Wilson H. Diplomat Between Wars. N. Y., 1941.

СТАТИСТИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ, СПРАВОЧНИКИ, УКАЗАТЕЛИ

American Labor Year Book, 1917—1932. N. Y., 1918—1932.
American Political Parties. A Selective Guide to Parties and Movements of the 20th Century / Compl. by L. R. Wynar. Littleton (Colo), 1969.
The Army Almanac. A Book of Facts Concerning the Army of the United States. Wash., 1950.
Building the Navy's Bases in World War II. History of the Bureau of Yards and Docks and the Civil Engineer Corps, 1940—1946: Vol. 1, 2. Wash., 1947.
Dictionary of American Biography: Vol. 1—23 / Ed. by A. Johnson, D. Malone, H. E. Starr. N. Y., 1928—1973.
Economic Almanac for 1940—1945. A Handbook of Useful Facts about Business, Labor and Government in the United States and other Areas, by National Industrial Conference Board. N. Y., 1940—1945.
Encyclopedia of American History / Ed. by R. B. Morris, J. Morris. N. Y., 1982.
Farm Relief and Agricultural Adjustment Acts / Compl. by E. A. Lewis. Wash., 1950.
Statistical Digest of the War / Prep. in the Central Statistical Office. L., 1951.
United States. Bureau of Census.
Abstract of the 14th Census of the United States. Wash., 1923;
Abstract of the 15th Census of the United States. Wash., 1933.
United States. Department of Agriculture.
The Farm Real Estate Situation... Wash., 1930—1936.

United States. Department of Commerce. Historical Statistics of the United States. Colonial Times to 1970. Wash., 1975.
United States. Department of Labour. Strikes in the United States, 1880—1936/Compl. by F. Peterson. Wash., 1938.
Wartime Production Achievements and the Reconversion Outlook. Wash., 1945.
War Production in 1944. Wash., 1945.
The World Almanac and Book of Facts. N. Y., 1946, 1947.

ПРЕССА И ПЕРИОДИЧЕСКИЕ ИЗДАНИЯ

Американский ежегодник, 1971—1985. М., 1971—1985.
Вопросы истории *.
Новая и новейшая история *.
США — экономика, политика, идеология *.
American Federationist, 1918—1945.
American Historical Review *.
American Political Science Review *.
CIO News, 1937—1945.
Communist, 1920—1921, 1927—1945.
Daily Worker, 1924—1945.
Fortune, 1941, 1943.
Mississippi Valley Historical Review, 1960, 1962.
Nation, 1918—1945.
New Republic, 1935—1941.
New York Herald Tribune, 1930, 1938, 1939, 1941, 1944.
New York Post, 1947.
New York Times, 1921—1945.
New York Times Magazine, 1965.
Nonpartisan Leader, 1920—1922.
Labor, 1922—1924, 1932.
Labor Fact Book. N. Y., 1931—1949. Vol. 1—9.
Labor Herald, 1921—1924.
Labor History, 1975—1978.
Peoples Press, 1937.
Political Affairs, 1945, 1960, 1962.
Worker Alliance, 1935, 1936.
Workers' Monthly, 1924—1927.

ЛИТЕРАТУРА

Антясов М. В. Панамериканизм: идеология и политика. М., 1981.
Афанасьев Вл. Буржуазная экономическая мысль 30—70-х годов XX века: (Очерк истории). М., 1976.
Батлер Дж., Гуайер Дж. Большая стратегия, июнь 1941 — август 1942. М., 1967.
Блэр Дж., Хаугтон Х., Роуз М. Экономическая концентрация и вторая мировая война. М., 1948.
Бобраков Ю. И. США: Федеральная резервная система и экономическое регулирование. М., 1971.
Боратынский С. Дипломатия в период второй мировой войны: Международные конференции 1941—1945 гг. М., 1959.
Борисов А. Ю. СССР и США: союзники в годы войны, 1941—1945. М., 1983.
Борисюк В. И. США у истоков современной антирабочей политики. М., 1982.
Бойер Р. О., Морейс Г. М. Нерассказанная история рабочего движения в США. М., 1957.
Вальков В. А. СССР и США: (Их политические и экономические отношения). М., 1965.
Вестфаль З. и др. Роковые решения. М., 1958.
Вехи боевой истории: 60 лет Коммунистической партии США. М., 1983.
Вильямс В. Э. Трагедия американской дипломатии. М., 1960.
Воронцов В. Б. Тихоокеанская политика США, 1941—1950. М., 1967.
Гаджиев К. С. США: эволюция буржуазного сознания. М., 1981.

---

* За отдельные годы.

Ганелин Р. Ш. Советско-американские отношения в конце 1917 — начале 1918. Л., 1975.
Гвишиани Л. А. Советская Россия и США (1917—1920). М., 1970.
Государственно-монополистический капитализм: Общие черты и особенности. М., 1975.
Гречухин А. А. Борьба Коммунистической партии США за единство своих рядов (1927—1972 гг.). М., 1975.
Грин Г. Забытый враг. М., 1958.
Грин Г. Что происходит в американских профсоюзах. М., 1978.
Далин В. Военно-государственный монополистический капитализм в США. М., 1961.
Джаугин Г., Морган Э. Наследие Сакко и Ванцетти. М., 1959.
Ефимов Г. В., Дубинин А. М. Международные отношения на Дальнем Востоке. М., 1973.
Жидков О. А. США: антитрестовское законодательство на службе монополий. М., 1976.
Земсков И. Н. Проблема открытия второго фронта. М., 1980.
Земсков И. Н. Дипломатическая история второго фронта в Европе. М., 1982.
Золотухин В. П. Фермеры и Вашингтон. М., 1968.
Зубок Л. И. Империалистическая политика США в странах Караибского бассейна, 1900—1939. М.; Л., 1948.
Иванов Р. Ф., Лисневский Э. В. Ку-клукс-клан. М., 1981.
Иванян Э. А. Белый дом: президенты и политика. М., 1979.
Из истории внутриполитической борьбы и общественной жизни США. Куйбышев, 1981.
Иконников А. В. Архитектура США. М., 1979.
Индукаева Н. С. От войны к миру: Политика США в германском вопросе в 1918—1921 гг. Томск, 1977.
Иноземцев Н. Американский империализм и германский вопрос (1945—1954). М., 1954.
Иноземцев Н. Внешняя политика США в эпоху империализма. М., 1960.
История внешней политики СССР, 1917—1970 гг. М., 1966—1971. Ч. 1, 2.
История внешней политики СССР, 1917—1980: В 2-х т./Под ред. А. А. Громыко, Б. Н. Пономарева. М., 1980, 1981. Т. 1. 1917—1945 гг.
История второй мировой войны, 1939—1945: В 12-ти т. М., 1973—1982.
История дипломатии. 2-е изд. М., 1959—1979. Т. 1—5.
История зарубежного кино. М., 1965, 1970. Т. 1, 2.
История рабочего движения в США в новейшее время: В 2-х т. М., 1970—1971; Т. 3. М., 1983.
Карцева Е. Вестерн. Эволюция жанра. М., 1976.
Кац А. И. Положение пролетариата США при империализме. М., 1962.
Квин М. Всеобщая стачка 1934 г. в Сан-Франциско. М., 1957.
Кейнс Дж. М. Общая теория занятости, процента и денег. М., 1978.
Кислова А. А. Социальное христианство в США: Из истории общественной мысли, 90-е годы XIX в.— 30-е годы XX в. М., 1974.
Клод А. Куда идет американский империализм. М., 1951.
Коваль В. С. США во второй мировой войне: некоторые проблемы внешней политики, 1939—1941. Киев, 1976.
Колодяжная В. Кино США (1929—1941). М., 1967.
Конен В. Пути американской музыки. М., 1977.
Костин П. В. Тайная полиция США. М., 1981.
Краснов И. М. Классовая борьба в США и движение против антисоветской интервенции (1919—1920 гг.). М., 1961.
Кузнец Ю. Вступление США во вторую мировую войну. М., 1962.
Кузнец Ю. Л. От Пёрл-Харбора до Потсдама: Очерк внешней политики США. М., 1970.
Кукаркин А. Чарли Чаплин. М., 1960.
Кулиш В. История открытия второго фронта. М., 1971.
Кунина А. Е. Провал американских планов завоевания мирового господства в 1917—1920 гг. 2-е изд. М., 1954.
Курков Н. В. Борьба американских шахтеров, 1929—1939 гг. М., 1971.
Кэмрад С. Маяковский в Америке. М., 1970.
Лан В. И. США: от первой до второй мировой войны. М., 1976.
Лан В. И. США в военные и послевоенные годы. М., 1978.
Ландберг Ф. 60 семейств Америки. М., 1948.

Лейбзон Б., Ширипя К. Поворот в политике Коминтерна. М., 1975.
Либман В. А. Американская литература в русских переводах и критике: Библиография, 1776—1975. М., 1977.
Линч Д. Концентрация экономической мощи в США. М., 1948.
Лури И. Мировой финансовый кризис: Стат. материалы, 1929—1932. М., 1934.
Луцков Н. Д. Оккупация Гаити Соединенными Штатами, 1915—1934. М., 1981.
Майский И. М. Воспоминания советского посла: Война 1939—1943. М., 1965.
Макдональд Ч. Тяжелое испытание. М., 1979.
Мальков В. Л. Рабочее движение в США в период мирового экономического кризиса 1929—1933 гг. М., 1961.
Мальков В. Л., Наджафов Д. Г. Америка на перепутье, 1929—1938: Очерк социально-политической истории «нового курса» в США. М., 1967.
Мальков В. Л. «Новый курс» в США: Социальные движения и социальная политика. М., 1973.
Мандрыка А. П. Взаимосвязь механики и техники (1770—1970). Л., 1975.
Маныкин А. С. Изоляционизм и формирование внешнеполитического курса США, 1923—1929. М., 1980.
Маныкин А. С. История двухпартийной системы США. М., 1981.
Международные отношения на Дальнем Востоке, 1840—1949. М., 1956.
Меллетин Ф. В. Танковые сражения, 1939—1945. М., 1957.
Мельников Ю. М. США и гитлеровская Германия, 1933—1939 гг. М., 1959.
Мировая война, 1939—1945 годы. Сб. статей. М., 1957.
Мировые экономические кризисы, 1848—1935: Т. 1—3. М., 1937—1939. Т. 3.
Михайлов Б. Я. Конгресс производственных профсоюзов США, 1935—1955: Из истории американского рабочего движения. М., 1959.
Михайлов Б. Я. Проблемы рабочего движения в США в американской буржуазной литературе, 1945—1975. М., 1977.
Морисон Э. Битва за Атлантику (сентябрь 1939 г.— май 1943 г.). М., 1956.
Мэтлофф М., Снелл Э. Стратегическое планирование в коалиционной войне, 1941—1942 гг. М., 1955.
Наджафов Д. Г. Народ США — против войны и фашизма, 1933—1939. М., 1969.
Никеров Г. И. Административное право США. М., 1977.
Николс Ч., Шоу Г. Захват Окинавы. М., 1959.
Нимиц Ч., Поттер Э. Война на море, 1939—1945. М., 1965.
Нитобург Э. Л. Политика американского империализма на Кубе, 1918—1939. М., 1965.
Ованесьян С. А. Подъем рабочего движения в США в 1919—1921 гг. М., 1961.
Очерки новой и новейшей истории США: В 2-х т. М., 1960.
Перельман З. История тред-юнионистского движения в Соединенных Штатах. М.; Л., 1927.
Перло В. Американский империализм. М., 1948.
Перло В. Империя финансовых магнатов. М., 1958.
Петров П. С. Возникновение Коммунистической партии США и ее борьба за легализацию. М., 1971.
Петровский В. Э. Суд Линча: Очерк истории терроризма и нетерпимости в США. М., 1967.
Поздеева Л. В. Англо-американские отношения в годы второй мировой войны, 1939—1941. М., 1964.
Поздеева Л. В. Англо-американские отношения в годы второй мировой войны, 1941—1945. М., 1969.
Полинг Л. Не бывать войне. М., 1960.
Политика США в области науки. М., 1971.
Политические партии США в новейшее время. М., 1982.
Попова Е. И. США: борьба по вопросам внешней политики, 1919—1922. М., 1966.
Попова Е. И. Политика США на Дальнем Востоке (1918—1922). М., 1967.
Постников В. В. США и дауэсизация Германии, 1924—1929. М., 1957.
Ржешевский О. А. Война и история: (Буржуазная историография США о второй мировой войне). М., 1976.
Розенфельд Я. Промышленность Соединенных Штатов Америки и война. М., 1946.
Ромм А. Американская драматургия первой половины XX в. Л., 1978.
Садуль Ж. История киноискусства. М., 1957.
Садуль Ж. Всеобщая история кино. М., 1963. Т. 6.
Севостьянов Г. Н. Активная роль США в образовании очага войны на Дальнем Востоке (1931—1933). М., 1953.

Севостьянов Г. Н. Политика великих держав на Дальнем Востоке накануне второй мировой войны. М., 1961.
Севостьянов Г. Н. Подготовка войны на Тихом океане (сентябрь 1939 г.— декабрь 1941 г.). М., 1962.
Севостьянов Г., Уткин А. США и Франция в годы войны, 1939—1945: Из истории взаимоотношений. М., 1974.
Селигмен Б. Сильные мира сего: бизнес и бизнесмены в американской истории. М., 1976.
Сивачев Н. В. Политическая борьба в США в середине 30-х годов XX в. М., 1966.
Сивачев Н. В. Правовое регулирование трудовых отношений в США. М., 1972.
Сивачев Н. В. Рабочая политика правительства США в годы второй мировой войны. М., 1974.
Сивачев Н. В. США: государство и рабочий класс (от образования Соединенных Штатов Америки до окончания второй мировой войны). М., 1982.
Сивачев Н. В., Язьков Е. А. Новейшая история США. М., 1980.
Сиполс В. Я. Внешняя политика Советского Союза, 1933—1935. М., 1980.
Слёзкин Л. Ю. Политика США в Южной Америке (1929—1933). М., 1956.
Согрин В. В. Истоки современной буржуазной идеологии в США. М., 1975.
Солонцов З. М. Дипломатическая борьба США за господство на море и противоречия империалистических держав (1918—1945 гг.). М., 1962.
Солонцов З. М. Политика военно-морской экспансии США в годы второй мировой войны. М., 1977.
Сташевский Д. Н. Прогрессивные силы США в борьбе за признание Советского государства, 1917—1933. Киев, 1969.
Стрельников В., Черепанов Н. Война без риска: Действия англо-американских войск в Италии в 1943—1945 гг. М., 1965.
США: Политическая мысль и история. М., 1976.
Тимофеев Т. Т. Пролетариат против монополий: Очерки по проблемам классовой борьбы и общедемократических движений США. М., 1967.
Туганова О. Э. Политика США и Англии на Ближнем и Среднем Востоке. М., 1960.
Фиск Г. Финансовое положение Европы и Америки после войны. М., 1926.
Фостер У. З. Очерк политической истории Америки. 2-е изд. М., 1955.
Фостер У. З. Негритянский народ в истории Америки. М., 1955.
Фуллер Дж. Вторая мировая война 1939—1945. М., 1956.
Фураев В. К. Советско-американские отношения, 1917—1939. М., 1964.
Футида М., Окумина М. Сражение у атолла Мидуэй. М., 1958.
Хаттори Т. Япония в войне, 1941—1945. М., 1973.
Хаф Ф. Война на островах. М., 1960.
Цветков Г. Н. Шестнадцать лет непризнания: Политика США в отношении Советского государства в 1917—1933 гг. Киев, 1971.
Цветков Г. Н. Политика США в отношении СССР накануне второй мировой войны. Киев. 1973.
Шервуд Р. Рузвельт и Гопкинс: Глазами очевидца. М., 1958. Т. 1, 2.
Шерман Ф. С. Американские авианосцы в войне на Тихом океане. М., 1956.
Ширина К. К. Стратегия и тактика Коминтерна в борьбе против фашизма и войны (1934—1939 гг.). М., 1979.
Шкундин М. З. К истории государственно-монополистической социальной политики США, 1929—1939. М., 1980.
Шлепаков А. Н. Иммиграция и американский рабочий класс в эпоху империализма. М., 1966.
Шнеерсон Г. Портреты американских композиторов. М., 1977.
Эрман Дж. Большая стратегия, август 1943 — сентябрь 1944. М., 1958.
Язьков Е. Ф. Фермерское движение в США (1918—1929 гг.). М., 1974.
Язькова А. А. Малая Антанта в европейской политике. М., 1974.
Яковлев Н. Н. Новейшая история США, 1917—1960. М., 1961.
Яковлев Н. Н. Франклин Рузвельт — человек и политик. М., 1969.
Яковлев Н. Н. Преступившие грань. М., 1970.
Янчук И. И. Политика США в Латинской Америке (1939—1945). М., 1975.
Янчук И. И. Политика США в Латинской Америке, 1918—1928. М., 1982.
Adams H. H. Harry Hopkins. A Biography. N. Y., 1977.
Adler S. The Isolationist Impulse. Its Twentieth Century Reaction. N. Y., 1957.
Alinsky S. John L. Lewis. An Unauthorized Biography. N. Y., 1949.
Allen F. Only Yesterday: An Informal History of the Nineteen-Twenties. N. Y., 1959.
Allen R. S., Shannon W. V. The Truman Merry-go-Round. N. Y., 1950.

Alsop J., Kintner R. American White Paper. The Story of American Diplomacy and the Second World War... N. Y., 1940.
Alsop J. FDR, 1882—1945: The Life and Times of Franklin D. Roosevelt. L., 1982.
American Civil-Military Decisions. A Book of Case Studies / Ed. by H. Stein. Birmingham (Ala), 1963.
American Foreign Relations. A Historiographical Review / Ed. by G. Haines, J. Walker. Westport (Conn.), 1981.
American Painting, 1900—1970. N. Y., 1970.
Andersen K. The Creation of a Democratic Majority, 1928—1936. Chicago, 1979.
Antidemocratic Trends in Twentieth Century America / Ed. by R. L. Delorme, R. G. McInnis. Reding (Mass.), 1969.
Ash R. Social Movement in America. Chicago, 1972.
Atwater E. American Regulation of Arms Exports. Wash., 1941.
Baker L. Back to Back. The Duel between FDR and the Supreme Court. N. Y., 1967.
Baker R. The American Legion and American Foreign Policy. N. Y., 1954.
Bartlett R. J. The League to Enforce Peace. Chapel Hill, 1944.
Bates J. L. The United States, 1898—1928. Progressivism and a Society in Transition. N. Y., 1976.
Bateson Ch. The War with Japan. A Concise History. Sydney; London, 1968.
Beard Ch. A. The Idea of National Interest: Analythical Study in American Foreign Policy. N. Y., 1934.
Beard Ch. A. A Foreign Policy for America. N. Y., 1940.
Beard Ch. A. American Foreign Policy in the Making, 1932—1940: A Study in Responsibilities. New Haven, 1946.
Beard Ch. A., Beard M. R. America in Midpassage: Vol. 1—3. N. Y., 1939.
Beard Ch. A., Smith G. H. E. The Open Door at Home. A Trial Philosophy of National Interest. N. Y., 1935.
Behereendt R. F. Inter-American Relations. Problems and Prospects. N. Y., 1948.
Bemis S. F. The Latin American Policy of the United States: A Historical Interpretation. N. Y., 1967.
Bennett D. H. Demagogues in the Depression. New Brunswick, 1969.
Berle A. A., Means G. C. The Modern Corporation and Private Property... N. Y., 1934.
Bernstein I. The New Deal Collective Bargaining Policy. Berkeley, 1950.
Bernstein I. The Lean Years: A History of the American Worker, 1920—1933. Boston, 1960.
Bernstein I. Turbulent Years: A History of the American Worker, 1933—1941. Boston, 1970.
Betten N. Catholic Activism and the Industrial Worker. Gainesville, 1976.
Black Leaders of the Twentieth Century / Ed. by J. Franklin, A. Meier. Urbana, 1982.
Blake F. M. The Strike in the American Novel. Metuchen (N. J.), 1972.
Borg D. The United States and the Far Eastern Crisis of 1933—1938: From the Manchurian Incident Through the Initial Stage of the Undeclared Sino-Japanese War. Cambridge (Mass.), 1964.
Bradley O. A Soldier's Story. N. Y., 1951.
Blegen T. Minnesota. A History of the State. Minneapolis, 1963.
Brecher J. Strike! Greenwich (Conn.), 1974.
Brody D. Steelworkers in America. The Nonunion Era. N. Y., 1960.
Brody D. Workers in Industrial America: Essays on the Twentieth Century Struggle. N. Y., 1980.
Brooks R. R. R. When Labor Organizes... New Haven, 1937.
Brooks Th. R. Toil and Trouble! A History of American Labor. N. Y., 1971.
Brown J. E. Russia Fights. N. Y., 1943.
Bruce A. Non-Partisan League. N. Y., 1921.
Bruner J. S. Mandate from the People. N. Y., 1944.
Bryson Th. A. American Diplomatic Relations with the Middle East, 1784—1975: A Survey. Metuchen (N. J.), 1977.
Burner D. The Politics of Provincialism: The Democratic Party in Transition, 1918—1932. N. Y., 1968.
Burns J. M. Roosevelt: The Soldier of Freedom. N. Y., 1970.
Burton R. E. Democrats of Oregon. The Pattern of Minority Politics, 1900—1956. Eugene, 1970.
Camp L. S. de. The Great Monkey Trial. Garden City (N. Y.), 1968.
Carr A. America's Last Chance. N. Y., 1940.
Carter H. The New Theatre and Cinema of Soviet Russia... N. Y., 1925.

Carver T. The Present Economic Revolution in the United States. Boston, 1926.
Chadwin M. L. The Hawks of World War II. Chappel Hill (N. C.), 1968.
Chambers C. A. California Farm Organizations: A Historical Study of the Grande, the Farm Bureaus and the Associated Farmers 1929—1941. Berkeley; Los Angeles, 1952.
Chandler L. America's Greatest Depression, 1929—1941. N. Y., 1970.
Change and Continuity in Twentieth-Century America: The 1920's / Ed. by J. Braeman, R. Bremner, D. Brody. N. Y., 1969.
Chase St. A. New Deal. N. Y., 1932.
Chatfield Ch. For Peace and Justice. Pacifism in America, 1914—1941. Knoxville, 1971.
Christie R. A. Empire in Wood: A History of the Carpenters' Union. Ithaca, 1956.
Clarke R. Anglo-American Economic Colaboration in War and Peace, 1942—1949. Oxford, 1982.
Cole W. America First: The Battle Against Intervention, 1940—1941. N. Y., 1971.
Cole W. Roosevelt and the Isolationists, 1932—45. Linkoln, 1983.
Cole W. S. Senator Gerald P. Nye and American Foreign Relations. Minneapolis, 1962.
Common Sense Neutrality. Mobilizing for Peace / Ed. by P. C. French. N. Y., 1939.
Conrad D. F. The Forgotten Farmers: The Story of Sharecroppers in the New Deal. Urbana, 1965.
Cremin L. A. The Transformation of the School. Progressivism in American Education, 1876—1957. N. Y., 1961.
Crocker G. N. Roosevelt's Road to Russia. N. Y., 1975.
Cronon E. D. Black Moses. The Story of Marcus Garvey and the Universal Negro Improvement Association. Madison (Wis.), 1969.
Curti M. Peace or War. The American Struggle, 1636—1936. N. Y., 1936.
Curti M. The Social Ideas of American Educators. Totowa, 1966.
Dallek R. Franklin D. Roosevelt and American Foreign Policy, 1932—1945. N. Y., 1979.
David R. Schools and the Crisis. N. Y., 1934.
Dawson R. The Decision to Aid Russia, 1941: Foreign Policy and Domestic Politics. Chapell Hill, 1959.
Decohurst J. America's Neads and Resources. N. Y., 1955.
Derber M. The American Idea of Industrial Democracy, 1865—1965. Urbana (Ill.), 1970.
Divine R. A. The Illusion of Neutrality. Chicago, 1962.
Divine R. A. The Reluctant Belligerent: American Entry into World War II. N. Y., 1965.
Dorman M. Witch Hunt. The Underside of American Democracy. N. Y., 1976.
Drummond D. F. The Passing of American Neutrality, 1937—1941. Ann Arbor, 1955.
Dupree A. H. Science in the Federal Government. A History of Policies and Activities to 1940. N. Y., 1964.
Eby F. The Development of Modern Education in Theory, Organization and Practice. 2nd ed. Englewood Cliffs (N. J.), 1959.
Edwards N., Richey H. G. The School in the American Social Order: The Dynamics of American Education. N. Y., 1947.
Eliot O. Three Hundred Years of American Painting. N. Y., 1957.
Ellis L. E., Frank B. Kellogg and American Foreign Relations, 1925—1929. New Brunswick (N. J.), 1961.
Ellis L. E. Republican Foreign Policy, 1921—1933. New Brunswick (N. J.), 1968.
Engelbrecht H. C., Hainigen F. C. Merchants of Death: A Study of the International Armament Industry. N. Y., 1934.
Eudin X., Fisher H. H. Soviet Russia and the West, 1920—1927: A Documentary Survey. Stanford, 1957.
Eudin X., North R. C. Soviet Russia and the East, 1920—1927: A Documentary Survey. Stanford, 1957.
Farley J. A. Behind the Ballots. The Personal History of a Politican... N. Y., 1938.
Farnsworth B. William C. Bullitt and the Soviet Union. Bloomington, 1967.
Fass P. S. The Damned and the Beautiful: American Youth in the 1920's. Oxford, 1979.
Faulkner H. American Political and Social History. N. Y., 1938.
Faulkner H. American Economic History. 5th ed. N. Y.; L., 1943.
Feinman R. Twilight of Progressivism: The Western Republican Senators and the New Deal. Baltimore, 1981.
Feis H. The Sinews of Peace. N. Y., 1944.
Feis H. The Road to Pearl Harbor. The Coming of the War Between the United States and Japan. Princeton, 1950.
Feis H. Churchill, Roosevelt, Stalin: The War they Waged and the Peace they Sought. Princeton, 1970.

Fenwick Ch. G. American Neutrality. Trial and Failure. N. Y., 1940.
Ferrell R. H. American Diplomacy in the Great Depression. Hoover — Stimson Foreign Policy, 1929—1933. New Haven, 1957.
Field H. American Public Opinion and Foreign Policy. N. Y., 1945.
Fine N. Labor and Farmer Parties in the United States, 1828—1928. N. Y., 1961.
Fine S. Sit-Down: The General Motors Strike of 1936—1937. Ann Arbor, 1969.
Fite G. Peter Norbeck: Prairie Statesman. Columbia (Mo), 1948.
Fite G. American Farmers: The New Minority. Bloomington, 1981.
Foner Ph. S. The Fur and Leather Workers Union: A Story of Dramatic Struggles and Achievements. Newark, 1950.
Foner Ph. S. Organized Labor and the Black Worker, 1619—1973. 2nd ed. N. Y., 1978.
Foster W. The Great Steel Strike and Its Lessons. N. Y., 1920.
Foster W. Z. Pages of Worker's Life... N. Y., 1939.
Foster W. Z. American Trade Unionism: Principles and Organization, Strategy and Tactics. N. Y., 1947.
Foster W. Z. History of the Communist Party of the United States. N. Y., 1952.
Frank G. America's Hour of Decision. Crisis Points in National Policy. N. Y., 1934.
Franklin J. From Slavery to Freedom: A History of American Negroes. 2nd ed. N. Y., 1956.
Friedheim R. L. The Seattle General Strike. Seattle, 1964.
Freidel F. Franklin D. Roosevelt. Launching the New Deal. Boston, 1973.
Frye A. Nazi Germany and the American Hemisphere, 1933—1941. New Haven; London, 1967.
Furnas J. Ch. Great Times. A Informal Social History of the United States, 1914—1929. N. Y., 1974.
Galenson W. The CIO Challenge to the AFL: A History of the American Labor Movement, 1935—1941. Cambridge (Mass.), 1960.
Galenson W. Rival Unionism in the United States. N. Y., 1966.
Garraty J. A. Henry Cabot Lodge: A Biography. N. Y., 1953.
Garson R. A. The Democratic Party and the Politics of Sectionalism, 1941—1948. Baton Rouge, 1974.
George A., George J. Woodrow Wilson and Colonel House. A Personality Study. N. Y., 1956.
Gold M. Mike Gold: A Literary Anthology / Ed. by M. Forsom. N. Y., 1972.
Goodman W. The Committee. The Extraordinary Career of the House Committee on Un-American Activities. N. Y., 1968.
Green G. The Enemy Forgotten. N. Y., 1956.
Green J. R. Grass-Roots Socialism: Radical Movement in the South-west, 1895—1943. Baton Rouge (La), 1980.
Greenberg D. S. The Politics of Pure Science. N. Y., 1969.
Greenway J. American Folksongs of Protest. N. Y., 1953.
Greer Th. What Roosevelt Thought. The Social and Political Ideas of Franklin D. Roosevelt. East Lansing (Mich), 1958.
Gross J. The Making of the National Labor Relations Board (1933—1937). Albany, 1974.
Grossman J. The Department of Labor. N. Y., 1973.
Hacker J. Franklin D. Roosevelt. N. Y., 1983.
Harris B. The United States and the Italo-Ephiopian Crisis. Stanford (Cal.), 1964.
Harris H. Labor's Civil War. N. Y., 1940.
Harris H. American Labor. New Haven, 1941.
Harris W. H. Keeping the Faith. A. Philip Randolph, Milton P. Webster and the Brotherhood of Sleeping Car Porters, 1925—1937. Urbana, 1977.
Harrison G. A. Cross-Channel Attack. Wash., 1951.
Hartley L. Is America Afraid? A Foreign Policy for America. N. Y., 1937.
Haskell E. Stabilization Operations of the Federal Farm Board. N. Y., 1933.
Hatch A. Franklin D. Roosevelt: An Informal Biography. N. Y., 1947.
Hauptman L. The Iroquois and the New Deal. Syracuse, 1981.
Hawley E. W. The New Deal and the Problem of Monopoly. A Study in Economic Ambivalence. Prineeton, 1966.
Hevener J. W. Which Side are You on?: The Harlan Country Coal Miners, 1931—1939. Urbana, 1978.
Hicks J. D. The American Nation. A History of the United States from 1865 to the Present. Cambridge (Mass.), 1955.
Hicks J. D. Republican Ascendancy, 1921—1933. N. Y., 1963.
Higgins T. Winston Churchill and the Second Front, 1940—1943. N. Y., 1957.

Hillquit M. Loose Leaves from a Busy Life... N. Y., 1934.
Hofstadter R. The American Political Tradition and the Men Who Made It. N. Y., 1948.
Hofstadter R. The Age of Reform. From Bryan to FDR. N. Y., 1956.
Holley I. B. Buying Aircraft: Material Procurement for the Army Air Forces. Wash., 1964.
Honde A. de. Herbert's Latin American Policy. Stanford, 1951.
Hoover H. The Challenge to Liberty. N. Y., 1934.
Horowitz R. L. Political Ideologies of Organized Labor. The New Deal Era. New Brunswick (N. J.), 1978.
Howard D. S. The WPA and Federal Relief Policy. N. Y., 1943.
Howe G. North-west Africa: Seizing the Initiative in the West. Wash., 1957.
Huckshorn R. J. Political Parties in America. North Scituate (Mass.), 1980.
Industrial Arts: Its Interpretation in American Schools. Wash., 1938.
Jamieson S. Labor Unionism in American Agriculture. Wash., 1945.
Jensen V. H. Heritage of Conflict. Labor Relations in the Nonferrous Metals Industry up to 1930. N. Y., 1968.
Johnson W. The Battle Against Isolation. Chicago, 1944.
Johnson W. William Allen White's America. N. Y., 1947.
Johnston E. America Unlimited. Garden City (N. Y.), 1944.
Jones R. The Roads to Russia. United States Lend-Lease to the Soviet Union. Norman, 1969.
Joyner C. The Republican Dilemma: Conservatism or Progressivism. Tuscon (Arizona), 1963.
Kampelman M. The Communist Party Vs the CIO. A Study in Power Politics. N. Y., 1957.
Kane H. T. Louisiana Hayride. The American Rehearsal for Dictatorship, 1928—1940. N. Y., 1941.
Keeran R. The Communist Party and the Auto Workers Unions. Bloomington, 1980.
Kennan G. F. Russia Leaves the War. Princeton, 1956.
Kevles D. J. The Physicists: The History of a Scientific Community in Modern America. N. Y., 1978.
Kimball W. The Most Unsordid Act. Lend-Lease, 1939—1941. Baltimore, 1969.
Kirby S. W. a. o. The War Against Japan: Vol. 1—5. L., 1957—1969, vol. 5. The Surrender of Japan.
Kirkpatrick E. L. The Farmer's Standard of Living. Wash., 1926.
Kocka J. White Collar Workers in America, 1890—1940: A Socialpolitical History in International Perspective. L., 1980.
Kramer D. The Wild Jackasses. The American Farmer in Revolt. N. Y., 1956.
Krug E. A. Salient Dates in American Education. N. Y., 1966.
Kruzman P. Harry Hopkins and the New Deal. Fairlawn, 1974.
Kuznets S. National Product since 1869. N. Y., 1946.
Ladd E., Hadley C. Transformations of the American Party System. Political Coalitions from the New Deal to the 1970's. N. Y., 1978.
Langer W. L., Gleason S. E. The Challenge to Isolation, 1937—1940. N. Y., 1952.
Langer W. L., Gleason S. E. The Undeclared War, 1940—1941. N. Y., 1953.
Larkin O. Art and Life in America. N. Y., 1960.
Lash J. Roosevelt and Churchill, 1939—1941. The Partnership that Saved the West. L., 1977.
Lauterbach R. These are the Russians. N. Y., 1945.
Leuchtenburg W. The Perils of Prosperity, 1914—1932. Chicago, 1958.
Leven M., Moulton H., Warburton C. America's Capacity to Consume. Wash., 1934.
Levinson E. Labor on the March. N. Y., 1956.
Link A. American Epoch. A History of the United States since 1890's: Vol. 1—4. N. Y., 1967, vol. 3. 1938—1966.
Lippman W. U. S. War Aims. Boston, 1944.
Lorwin L. L. The American Federation of Labor. History, Policies and Prospects. N. Y., 1970.
Lorwin L. L. Postwar Plans of the United Nations. N. Y., 1943.
MacKay K. The Progressive Movement of 1924. N. Y., 1966.
McAdam D. Political Process and the Development of Black Insurgency, 1930—1970. Chicago, 1982.
Matles J. J., Higgins J. Them and Us: Struggles of a Rank-and-File Union. Englewood Cliffs, 1974.

Matloff M., Snell E. Strategic Planning for Coalition Warfare: Vol. 1, 2. Wash., 1953, 1959.
McCoy D. Angry Voices. Left-of-Center Politics in the New Deal Era. Lawrence (Kan), 1958.
McCoy D. Coming of Age. The United States during the 1920's and 1930's. Harmondsworth, 1973.
Mecham L. A Survey of the United States Latin-American Relations. Boston, 1965.
Mikesell R. United States Economic Policy and International Relations. N. Y., 1952.
Miller D. You can't Do Business with Hitler. Boston, 1941.
Miller G. American Labor and the Government. N. Y., 1948.
Miller W. A New History of the United States. N. Y., 1975.
Millis H. A., Brown E. C. From the Wagner Act to Taft — Hartley. A Study of National Labor Policy and Labor Relations. Chicago, 1950.
Milton D. The Politics of U. S. Labor: From the Great Depression to the New Deal. N. Y., 1982.
Mitchell B. Depression Decade: From New Era Through New Deal. 1929—1941. N. Y., 1961.
Moley R. After Seven Years. A Political Analysis of the New Deal. Lincoln, 1971.
Morris G. The Red Baiting Racket and How it Works. N. Y., 1947.
Morse A. While Six Million Died. A Chronicle of American Apathy. N. Y., 1968.
Morison S. History of the United States Naval Operations in World War II. Boston, 1947—1962. Vol. 1—15.
Murray R. Harding Era. Warren G. Harding and His Administration. Minneapolis, 1969.
Murray R. The Politics of Normalcy: Governmental Theory and Practice in the Harding — Coolidge Era. N. Y., 1973.
Murray R. The 103rd Ballot. Democrats and the Disaster in Madison Square Garden. N. Y., 1976.
Myers W. S. The Foreign Policies of Herbert Hoover (1929—1933). N. Y., 1979.
Nash G. The Life of Herbert Hoover. Norton, 1983.
The Negro and the American Labor Movement / Ed. by J. Jacobson. Garden City (N. Y.), 1968.
Negro Education: A Study of the Private and Higher Schools for Colored People in the Unites States / Ed. by Th. J. Jones. N. Y., 1969.
The Negro in Depression and War Prelude to Revolution, 1930—1945 / Ed. by B. Sternsher. Chicago, 1969.
The New Deal. The National Level: Vol. 1, 2 / Ed. by J. Braeman, R. Bremner, D. Brody. Columbus, 1975.
Noble S. G. A History of American Education. N. Y., 1954.
Nourse E. America's Capacity to Produce. Wash., 1934.
O'Connor R. The German-Americans: An Informal History. Boston; Toronto, 1968.
Offner A. A. American Appeasement: United States Foreign Policy and Germany, 1933—1938. Cambridge (Mass.), 1969.
Ogden A. R. The Dies Committee: a Study of the Special House Committee for the Investigation of Un-American Activities, 1938—1944. Wash., 1945.
Olson R., Hickman C. Pan-American Economics. N. Y., 1943.
Osgood R. Ideas and Self-Interest in America's Foreign Relations. The Great Transformation of the 20th Century. Chicago, 1953.
Ostrander G. M. American Civilization in the First Machine Age: 1890—1940. N. Y., 1970.
Parmet H., Hecht M. Never Again. A President Runs for a Third Term. N. Y., 1968.
Patterson J. Congressional Conservatism and the New Deal. The Growth of the Conservative Coalition in Congress, 1933—1939. Lexington, 1967.
Pells R. Radical Visions and American Dreams. Culture and Social Thought in the Depression Years. N. Y., 1973.
Perrett G. American in the Twenties: A History. N. Y., 1982.
Piven F. F., Cloward R. A. Poor People's Movement: Why They Succeed, How They Fail. N. Y., 1977.
Polenberg R. Reorganizing Roosevelt's Government. The Controversy Over Executive Reorganization, 1936—1939. Cambridge, 1966.
Polenberg R. War and Society: The United States, 1941—1945. Westport (Conn.), 1980.
Poter E. The United States as World Sea Power. N. Y., 1956.
Prange G. The Untold Story of Pearl Harbor. N. Y., 1983.
Pratt J. W. Cordell Hull, 1933—1944: Vol. 1, 2. N. Y., 1964.
Rauch B. The History of the New Deal, 1933—1938. N. Y., 1963.

Rauch B. Roosevelt: From Munich to Pearl Harbor. A Study in the Creation of a Foreign Policy. N. Y., 1967.
Rayback J. A History of American Labor. N. Y., 1966.
Regulatory Change in an Atmosphere of Crisis: Current Implications of the Roosevelt Years / Ed. by G. M. Walton. N. Y., 1979.
Remer Ch. F. Foreign Investments in China. N. Y., 1968.
Rieselbach L. N. The Roots of Isolationism. Congressional Voting and Presidential Leadership in Foreign Policy. Indianapolis etc., 1966.
Rippy J. F. Globe and Hemisphere. Latinamerica's Place in the Postwar Foreign Relations of the United States. Chicago, 1958.
Roc W. Juggernaut. American Labor in Action. N. Y., 1948.
Rochester A. Profits and Wages. N. Y., 1932.
Romasco A. The Poverty of Abundance. Hoover, the Nation, the Depression. N. Y., 1965.
Romasco A. The Politics of Recovery: Roosevelt's New Deal. N. Y., 1983.
Roscoe T. United States Submarine Operations in World War II. Annapolia, 1950.
Rosenberg E. S. Spreading American Dream: American Economic and Cultural Expansion, 1890—1945. N. Y., 1982.
Roskill S. The War at Sea, 1939—1945: Vol. 1—3. L., 1954—1960.
Saloutos T., Hicks J. D. Agricultural Discontent in the Middle West, 1900—1939. Madison (Wis.), 1951.
Saloutos T. The Farmer Movements in the South, 1865—1933. Berkeley; Los Angeles, 1960.
Saloutos T. The American Farmer and the New Deal. Ames, 1982.
Schlesinger A. M. The Rise of Modern America, 1865—1951. N. Y., 1954.
Schlesinger A., Jr. The Age of Roosevelt: Vol. 1—3. Boston, 1957, 1958, 1960, vol. 1. The Crisis of the old Order, 1919—1933; vol. 2. The Coming of the New Deal; vol. 3. The Politics of Upheaval.
Schofield B. B. The Russian Convoys. L., 1964.
Schwartz A. America and the Russia-Finnish War. N. Y., 1975.
Schwarz J. A. The Interregnum of Despair. Hoover, Congress and the Depression. Urbana, 1970.
Seldes G. Facts and Fascism. N. Y., 1943.
Selected Reading's in American History: Vol. 1, 2 / Ed. by J. DeNovo. N. Y., 1969, vol. 2. Main Themes 1865 to the Present.
Shannon D. A. Between the Wars: America, 1919—1941. Boston, 1965.
Shannon D. A. Twentieth Century America: Vol. 1—3. N. Y., 1974.
Sherry M. Preparing for the Next War: American Plans for Postwar Defense, 1941—1945. New Haven, 1977.
Shover J. Cornbelt Rebellion. The Farmers' Holiday Association. Urbana (Ill.), 1965.
Shulman M. Defeat in the West. N. Y., 1948.
Silvestone P. United States Warships of World War II. L., 1965.
Smith A. J. The Case Against the «Christian Front». N. Y., 1939.
Smith R. Triumph in the Philippines. Wash., 1963.
Sobel R. The Origins of Intervention: The United States and the Russia-Finnish War. N. Y., 1960.
Soule G. Prosperity Decade. From War to Depression: 1917—1929. N. Y., 1947.
Stott W. Documentary Expression and Thirties America. N. Y., 1973.
Sullivan M. Our Times. The United States, 1900—1925: Vol. 1—6. N. Y., 1926—1935, vol. 6. The Twenties.
Sundquist J. Dynamics of the Party System. Alignment and Realignment of Political Parties in the United States. Wash., 1973.
Tansill Ch. C. Back Door to War. The Roosevelt Foreign Policy, 1933—1941. Chicago, 1952.
Taylor F. J. United States and the Spanish Civil War, 1936—1939. N. Y., 1956.
Thomas N. After the New Deal, What? N. Y., 1936.
Thompson G. M. Russia, Bolshevism and the Versaille Peace. Princeton, 1966.
Towards a New Past. Dissenting Essays in American History / Ed. by B. Bernstein. N. Y., 1968.
Trani E., Wilson D. The Presidency of Warren G. Harding. Lawrence (Kan.), 1977.
Tugwell R. The Industrial Discipline and the Governmental Arts. N. Y., 1933.
Tugwell R. Roosevelt's Revolution. The First Year: A Personal Perspective. N. Y., 1977.
Turner A. The Unique Partnership: Britain and the United States. N. Y., 1971.
Vinson J. Ch. The Parchment Peace. The United States Senate and the Washington Conference, 1921—1922. Athens, 1955.

Walsh J. R. CIO: Industrial Unionism in Action. N. Y., 1937.
Ware S. Beyond Suffrage: Women in the New Deal. Cambridge (Mass.), 1981.
Warren H. Herbert Hoover and the Great Depression. N. Y., 1967.
Weinstein J. The Decline of Socialism in America, 1912—1925. N. Y., 1967.
Weller G. Bases Overseas. An American Trusteeship in Power. N. Y., 1944.
Welles S. The Time for Decision. N. Y., 1944.
Whitaker A. P. The Western Hemisphere Idea: Its Rise and Decline. Ithaca (N. J.), 1954.
Williams W. A. American-Russian Relations, 1781—1947. N. Y., 1952.
Williams W. A. The Roots of the Modern American Empire: A Study of the Growth and Shaping of Social Consciousness in a Marketplace Society. N. Y., 1969.
Williams W. A. America Confronts a Revolutionary World: 1776—1976. N. Y., 1976.
Wilson J. H. American Business and Foreign Policy, 1920—1933. Lexington, (Ky), 1971.
Wiltz J. E. In Search of Peace: The Senate Munitions Inquiry, 1934—1936. Baton Rouge, 1963.
Wolfskill G. The Revolt of the Conservatives: A History of the American Liberty League, 1934—1940. Boston, 1962.
Yonas M. Isolationism in America, 1935—1941. Ithaca (N. J.), 1966.
Young E. Powerful America. Our Placc in Rearming World. N. Y., 1936.
Young R. Congressional Politics in the Second World War. N. Y., 1956.
Zieger R. H. Republicans and Labor, 1919—1929. Lexington, 1969.
Zinn H. A People's History of the United States. N. Y., 1980.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

ОГЛАВЛЕНИЕ

ИСТОРИЯ США

ТОМ ТРЕТИЙ

1918—1945

Утверждено к печати
Институтом всеобщей истории
Академии наук СССР

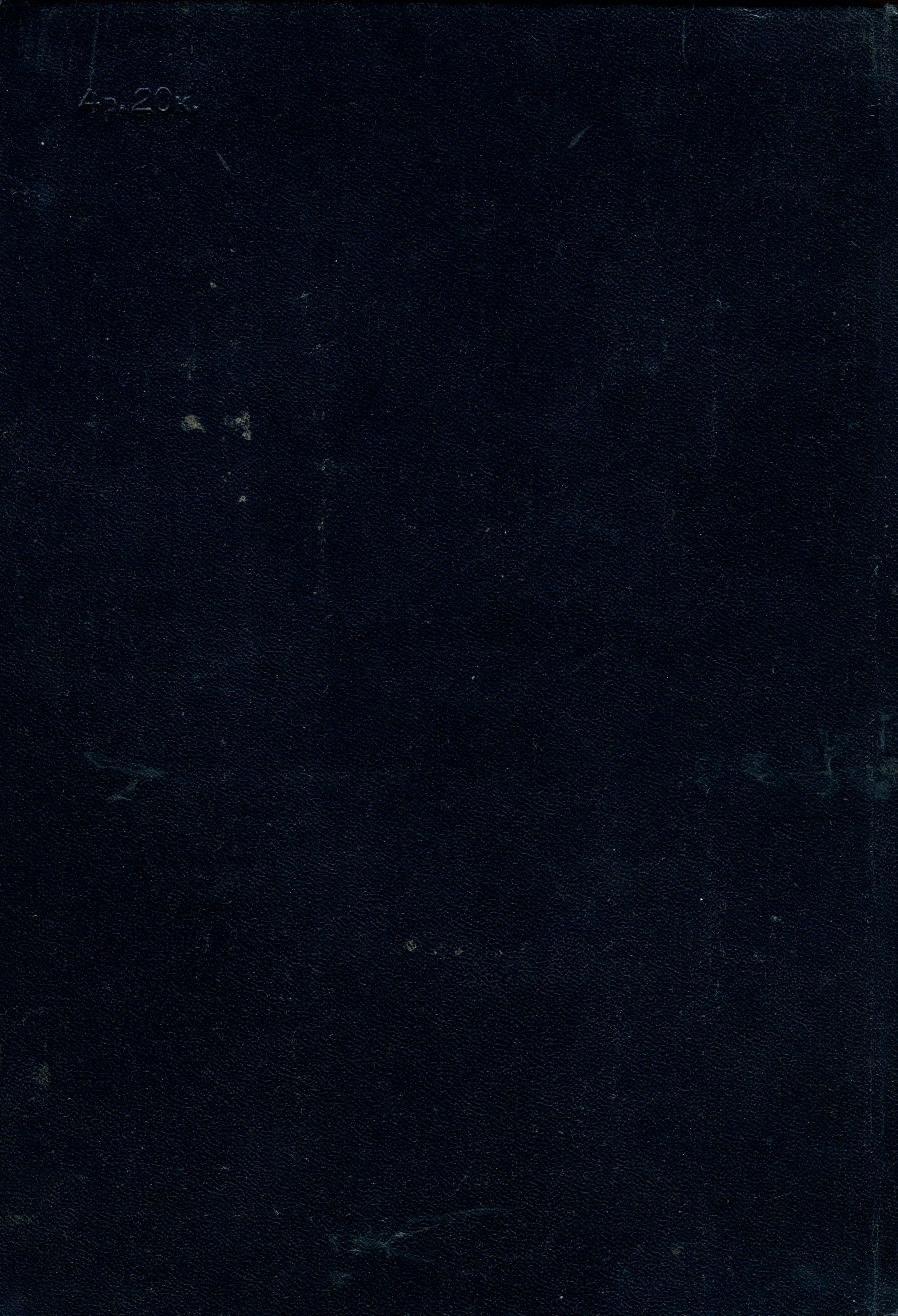
Редактор Р. Е. КАНТОР
Редактор издательства Л. И. БЕЛЕНЬКАЯ
Художник Е. А. МИХЕЛЬСОН
Художественный редактор Н. Н. ВЛАСИК
Технический редактор О. М. ГУСЬКОВА
Корректоры Е. Н. БЕЛОУСОВА, Л. Д. СОБКО

ИБ № 29551

Сдано в набор 19.06.85
Подписано к печати 25.09.85
Т-16750. Формат 70×100 1/16
Бумага типографская № 1
Гарнитура обыкновенная новая
Печать высокая
Усл. печ. л. 54,18. Усл. кр. отт. 55,9 Уч.-изд. л. 59,1
Тираж 30 000 экз. Тип. зак. 1572
Цена 4 р. 20 к.

Ордена Трудового Красного Знамени
издательство «Наука»
117864 ГСП-7, Москва В-485
Профсоюзная ул., 90

2-я типография издательства «Наука».
121099, Москва, Г-99, Шубинский пер., 6

4 р. 20 к.